

HISTORIA ROSSICA

Михаил Кром

“Вдовствующее
царство”:

Политический
кризис в России
30-40-х годов
XVI века

HISTORIA
ROSSICA

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Михаил Кром

“Вдовствующее царство”:

Политический кризис
в России 30–40-х годов XVI века

Новое
Литературное
Обозрение

2010

УДК 94(47)"153/154"

ББК 63.3(2)43

К83

Редакционная коллегия серии

HISTORIA ROSSICA

*Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слѣзкин, Р. Уортман*

*Утверждено к печати Ученым советом Европейского университета
в Санкт-Петербурге*

Рецензенты:

*д-р ист. наук О. Е. Кошелева,
канд. ист. наук В. Г. Вовина-Лебедева*

Кром М.М.

К 83 «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 888 с.

Что происходит со страной, когда во главе государства оказывается трехлетний ребенок? Таков исходный вопрос, с которого начинается данное исследование. Книга задумана как своего рода эксперимент: изучая перипетии политического кризиса, который пережила Россия в годы малолетства Ивана Грозного, автор стремился понять, как была устроена русская монархия XVI в., какая роль была отведена в ней самому государю, а какая — его советникам: боярам, дворецким, казначеям, дьякам. На переднем плане повествования — вспышки придворной борьбы, столкновения честолюбивых аристократов, дворцовые перевороты, опалы, казни и мятежи; но за этим событийным рядом проступают контуры долговременных структур, вырисовывается архаичная природа российской верховной власти (особенно в сравнении с европейскими королевствами начала Нового времени) и вместе с тем — растущая роль нарождающейся бюрократии в делах повседневного управления.

УДК 94(47)"153/154"

ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-86793-782-9

© М.М. Кром, 2010

© «Новое литературное обозрение», 2010

ОТ АВТОРА

Работа над этим исследованием велась более 15 лет, и все эти годы я получал советы и помощь от многих коллег. Поэтому я считаю своим приятным долгом начать книгу со слов признательности. Прежде всего хочется поблагодарить сотрудников библиотек и архивов, оказавших мне неоценимую помощь в сборе материала для исследования, и особенно Ю. М. Эскина (РГАДА), Ю. Д. Рыкова (Отдел рукописей РГБ), д-ра Штефана Хартмана (Тайный государственный архив Прусского культурного наследия, Берлин-Далем). Сведениями о ряде ценных рукописей, хранящихся в Государственном архиве Вологодской области, я обязан Ю. С. Васильеву, М. С. Черкасовой, Н. В. Башнину.

Я благодарен д-ру Ульриху Веберу (Семинар по германистике, Университет г. Киля) и К. А. Левинсону за помощь в переводе немецких текстов XVI в., а В. И. Мажуге — за консультации по поводу латинских цитат.

Важными вехами на пути от первоначального замысла исследования к итоговой монографии стали доклады на Чтениях памяти академика Л. В. Черепнина (1994 г.) и летней школе по истории Древней Руси в Париже (2003 г.). Одним из организаторов этих памятных для меня конференций был В. Д. Назаров. Я благодарю Владислава Дмитриевича за внимание к моей работе и ценные советы (даже если не всеми из них я сумел воспользоваться).

Рукопись книги обсуждалась на заседании Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН в июле 2009 г. (заведующая отделом — З. В. Дмитриева). Выражаю искреннюю признательность всем участникам обсуждения за высказанные замечания и пожелания.

В работе над текстом мне немало помогли также отзывы рецензентов книги — Варвары Гелиевны Вовиной-Лебедевой и Ольги Евгеньевны Кошелевой. Ольга Евгеньевна сделала намного больше, чем обычно делает рецензент: она не только внимательно про-

читала весь текст книги и высказала критические замечания по каждой главе, но и прислала копии нескольких интересовавших меня документов из фондов РГАДА.

Значительная часть книги была написана в 2007—2008 гг. в Кильском университете (Германия), где благодаря поддержке Фонда имени Александра фон Гумбольдта (проект по сравнительно-историческому изучению патроната и клиентелы в допетровской Руси) и гостеприимству профессора Людвиг Штайндорфа мне были предоставлены идеальные условия для научных занятий. Завершающий этап работы над монографией в 2009 г. был также поддержан стипендией Фонда имени Александра фон Гумбольдта (Rückkehrstipendium).

Выражаю искреннюю признательность всем перечисленным выше лицам и организациям. Отдельная благодарность — моим близким за терпение и поддержку.

Санкт-Петербург, сентябрь 2009 г.

ВВЕДЕНИЕ

Горе тебе, земля, когда царь твой отрок...
(Еккл. 10: 16)

1. «БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ» ПЕРЕД СУДОМ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

Слова о «вдовствующем царстве», вынесенные в заголовок данной книги, заимствованы из послания Ивана IV Стоглавому собору: «...мне сиротствующу, а царству вдовствующу», — так вспоминал царь о времени своего малолетства¹.

Уподобление царства, оставшегося без государя, безутешной вдове — нередкий прием в русской публицистике XVI — начала XVII в. Развернутая аллегория на эту тему содержится в принадлежащем перу Максима Грека «Слове, пространнее излагающем, с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последнего жития»². Хотя датировка этого сочинения варьируется в научной литературе от 30-х до первой половины 50-х гг. XVI в., исследователи единодушны в том, что оно отражает события эпохи малолетства Грозного³. Ученый монах изобразил здесь «жену» в черном вдовьем одеянии, именуемую «Василия» (т.е. «царство») и страстно обличающую своих мучителей — «славолюбцев и властолюбцев», «сущих во властях»⁴.

Дальнейшее развитие образ «вдовствующего царства» получил в эпоху Смуты начала XVII в. Так, анонимный автор «Новой повес-

¹ *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 246.

² Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Казань, 1860. Ч. 2. С. 319—337.

³ *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 218; *Буланин Д. М.* Максим Грек // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 92 (здесь же библиография).

⁴ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. 2. С. 319, 322 и сл.

ти о преславном Российском царстве» (агитационного сочинения, появившегося в конце 1610 или начале 1611 г.) писал о современной ему ситуации, что «Божиим изволением царский корень у нас изведется [...] и земли нашей без них, государей, овдовевши и за великия грехи наша в великия скорби достигши...»⁵ (выделено мной. — М. К.). Наконец, во «Временнике» Ивана Тимофеева есть характерное рассуждение о том, что царь и «царствие» неотделимы друг от друга, как душа неотделима от тела, а в конце своего сочинения автор поместил две притчи «О вдовстве Московского государства»⁶.

Как видим, и отсутствие царя на престоле, и малолетство государя, его физическая неспособность управлять страной — в равной мере представлялись современникам настоящим бедствием, «вдовством» государства. Примечательно, что до эпохи Ивана Грозного образ «вдовствующего царства» в русской письменности не встречается, хотя в истории дома Калиты и раньше не раз возникала ситуация, когда великокняжеский престол переходил к юному княжичу (достаточно вспомнить о том, что великому князю Ивану Ивановичу Красному в 1359 г. наследовал девятилетний сын Дмитрий — будущий победитель на Куликовом поле, а Василию Дмитриевичу в 1425 г. — сын Василий (II), которому не исполнилось еще 10 лет от роду⁷). По-видимому, формирование образа «вдовствующего царства» произошло уже в едином государстве, а непосредственным толчком послужили потрясения эпохи «боярского правления» 30—40-х гг. XVI в.⁸

⁵ Дробленкова Н. Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 194.

⁶ Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 106, 155 и сл. Об образе «земли-матери», «земли-вдовы» в этом произведении И. Тимофеева см.: Ingerflom C., Kondratieva T. «Bez carja zemlja vdova». Syncrétisme dans le *Vremennik* d'Ivan Timofeev // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 34. № 1/2 (janvier—juin 1993). P. 257—266.

⁷ Об обстоятельствах вступления на московский престол соответственно Дмитрия Ивановича (Донского) и Василия II см.: Кучкин В. А. Дмитрий Донской // ВИ. 1995. № 5/6. С. 63—64; Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 7, 30, 31 и сл.

⁸ «Боярское правление» — принятое в научной литературе обозначение эпохи 1530—1540-х гг., периода малолетства Ивана IV. Этот термин весьма условный, так как, с одной стороны, сохранялся монархический строй, и все решения выносились от имени юного великого князя, а с другой — в управлении, наряду с боярами, принимали активное участие и другие должностные лица: дворецкие, казначеи, дьяки. Чтобы подчеркнуть условность закрепившегося за этой эпохой названия, термин «боярское правление» употребляет-ся в данной книге в кавычках.

* * *

За редкими исключениями, мы не располагаем непосредственными откликами очевидцев на события интересующего нас времени. Чуть ли не единственное свидетельство такого рода — показание бежавшего осенью 1538 г. из Московского государства в Ливонию итальянского архитектора Петра Фрязина. На допросе в Юрьеве (Дерпте), объясняя причины своего побега, он заявил: «...нынеча, как великого князя Василья не стало и великой княги[ни], а государь нынешней мал остался, а бояре живут по своей воле, а от них великое насилие, а управы в земле никому нет, а промеж бояр великая рознь; того дея есми мыслил отъехати прочь, что в земле в Руской великая мятеж и безгосударство...»⁹

Справедливость приведенной характеристики нам предстоит проверить в ходе данного исследования, но пока следует отметить, что слова беглеца-архитектора не могли повлиять на формирование негативного образа эпохи, поскольку процитированный документ, происходящий из архива Посольского приказа, был опубликован только в 1841 г. К тому времени дурная слава уже давно прочно закрепилась за периодом малолетства Грозного, и виной тому были как писания самого царя, так и летописные памятники второй половины его правления.

Примечательно, что летописи, составленные в годы «боярского правления», не содержат каких-либо оценок или суждений обобщающего плана, по которым можно было бы судить об отношении современников к тогдашним носителям власти. Это характерно не только для летописей, доводящих изложение лишь до конца 1530-х гг. (Вологодско-Пермской третьей редакции, Новгородской IV по списку Дубровского), но и для крупнейшего летописного памятника, созданного в первой половине 1540-х гг., — Воскресенской летописи. Ее политическая тенденция не поддается однозначному определению: о симпатиях и антипатиях составителя летописи исследователи высказывают различные мнения. С. А. Левина полагает, что автор Воскресенской летописи был сторонником князей Шуйских; А. Н. Казакевич и Б. М. Клосс отмечают особые симпатии летописца к митрополиту Иоасафу¹⁰.

⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1539 г. Д. 1. Л. 4. Цитирую по рукописи, так как в публикации 1841 г. текст передан неточно: АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 140. С. 203. Подробный комментарий к этому документу дается ниже, в основном тексте книги (см. гл. 5).

¹⁰ См.: Левина С. А. Летопись Воскресенская // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 39—42 (здесь же библиография); Казакевич А. Н. Идеино-художествен-

Еще труднее обнаружить какую-либо направленность в Постниковском летописце, в котором изложение событий обрывается на 1547 г.: недаром первый публикатор этого памятника М. Н. Тихомиров заметил, что автор этих «своеобразных мемуаров середины XVI в.» «не выражает своих симпатий открыто», а «как бы регистрирует события...»¹¹.

Но по мере того как эпоха «боярского правления» уходила в прошлое, все чаще — уже постфактум — звучали оценки событий того времени. В сочинениях конца 40-х — начала 50-х гг. XVI в. давалась краткая, но подчеркнуто негативная характеристика периода государева малолетства. Боярам инкриминировались злодеяния, властолюбие, насилие, междоусобные распри и т.п. Так, в кратком Новгородском летописце по списку Н. К. Никольского страшный московский пожар в июне 1547 г. объяснялся Божьим гневом, ибо «в царствующем граде Москве умножившись неправде, и по всей Росии, от велмож, насилствующих к всему миру и неправо судящих, но по мзде, и дани тяжкие [...] понеже в то время царю великому князю Ивану Васильевичу уну сушу, князем же и бояром и всем властелем в бесстрашии живущим...»¹².

Сходные обвинения в адрес бояр звучали на соборах 1549—1551 гг. В феврале 1549 г. Иван IV, если верить продолжателю Хронографа редакции 1512 г., говорил своим приближенным, что «до его царского возраста от них и от их людей детям боярским и христианом чинилися силы и продажи и обиды великия в землях и в холопах и в ыных во многих делех»¹³. Два года спустя, в речи, обращенной к иерархам Стоглавого собора, царь еще суровее обличал «самовластие» бояр, которые, воспользовавшись малолетством государя, развязали междоусобную борьбу, унесшую множество жертв: «И тако боляре наши уллучиша себе время — сами владеша всем царством самовластно, никому же възбраняюще им от всякого неудобнаго начинания, и моим грехом и сиротством, и юностию мнози межуусобною бедоу потреблени быша злей»¹⁴.

ная концепция защиты Отечества в статье 1541 г. Воскресенской летописи // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. С. 119—149; *Клосс Б. М.* Воскресенская летопись // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. М., 1994. Т. 1. С. 462.

¹¹ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 172.

¹² ПСРЛ. Л., 1929. Т. IV, ч. 1. Вып. 3. С. 620.

¹³ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // ИА. М., 1951. Т. VII. С. 295.

¹⁴ Емченко Е. Б. Стоглав. С. 246.

Та же тенденция была последовательно проведена в созданном между 1553 и 1555 гг. Летописце начала царства — по существу первому подробному изложению (с официальных позиций) истории 1533—1552 гг.: составитель при каждом удобном случае подчеркивал «самовольство» бояр, действовавших «без великого князя ведома»¹⁵. В новой редакции Летописца, созданной во второй половине 1550-х гг. и отразившейся в Патриаршем списке и (начиная с 1542 г.) в списке Оболенского Никоновской летописи¹⁶, в текст были внесены комментарии риторического характера, призванные еще сильнее обличить произвол бояр-правителей, раскрыть низменные мотивы их поведения. Так, в рассказ о конфликте князей Шуйских с кн. И. Ф. Бельским по поводу раздачи думских чинов осенью 1538 г. была вставлена фраза: «И многие промеж их [бояр. — М. К.] быше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим печется, а не государьским, ни земьским»¹⁷.

Определенная тенденция содержалась не только в комментариях, подобных вышеприведенному, но и в самом отборе фактов, достойных упоминания: характерно, что в официальном московском летописании не упомянуты такие важные мероприятия, как губная реформа¹⁸ или поместное верстание рубежа 30—40-х гг. XVI в. По существу, вся внутриполитическая жизнь страны от смерти Елены Глинской до царского венчания сведена там к придворным интригам, боярским распрям и бессудным расправам. В таком контексте вполне оправданным выглядел обобщающий вывод редактора-составителя летописи второй половины 1550-х гг.: «...всяк своим печется, а не государьским, ни земьским».

Еще более резкая оценка деятельности боярских правителей была дана Иваном Грозным в послании Курбскому: излагая длинный перечень «бед и скорбей», которые ему и его подданным пришлось претерпеть от «воцарившихся» бояр, царь так подвел итоги их правления: «...правити же мнящиеся и строити, и, вместо сего,

¹⁵ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 32, 34, 42; и др. О Летописце начала царства и его редакциях см.: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 29—41; *Клосс Б. М.* Летописец начала царства // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 20—21 (здесь же библиография).

¹⁶ См.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 195—196.

¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, ч. 1. С. 126.

¹⁸ На проведение губной реформы откликнулись лишь псковские летописи. См.: ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 110; М., 1955. Вып. 2. С. 229—230.

неправды и нестроения многая устроиша, мзду же безмерну ото всех збирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще»¹⁹.

Та же характеристика интересующей нас эпохи и почти в тех же выражениях, что и в царском послании, содержалась в другом памятнике первой половины 1560-х гг. — Степенной книге. Здесь в особой главе, названной «О преставлении великия княгини Елены и о крамолах боярских и о митрополитех», обличались «междоусобные крамолы» и «несытное мздоимство» бояр, «улучивших время себе» при «младом» государе²⁰.

Подробный разбор летописных текстов 1560—1570-х гг., освещавших события эпохи «боярского правления», не входит в мою задачу. Важно только подчеркнуть, что, как установлено исследователями, основным источником повествования о первой половине царствования Грозного во всех памятниках предопричного, опричного и послеопричного времени — Львовской летописи, Степенной книге, Лицевом своде (Синодальной летописи и Царственной книге) — послужил Летописец начала царства поздней редакции, отразившейся в списках, продолжающих Никоновскую летопись²¹. При этом фактический материал мог подвергаться сокращению (как в Степенной книге), дополняться известиями других летописей или даже (как в знаменитых приписках к Лицевому своду) ранее не известными подробностями, но концептуальная основа оставалась прежней: это была все та же, созданная во второй половине 1550-х гг., трактовка событий малолетства Ивана IV, подчеркивавшая при каждом удобном случае эгоизм и своеволие бояр-правителей.

¹⁹ ПГК. С. 28 (Первое послание Грозного, 1-я пространная редакция).

²⁰ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21. 2-я половина. С. 634.

²¹ См.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод. С. 201, 225, 228; *Морозов В. В.* Об источниках Царственной книги (Летописец начала царства) // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 75—87; *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984. С. 224—232; *Лурье Я. С.* Летопись Львовская // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 44—45; *Клосс Б. М.* Царственная книга // Там же. С. 506—508; *Покровский Н. Н.* Афанасий, митрополит // Там же. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 73—79. В недавно изданной монографии В. В. Морозов называет в качестве непосредственного источника Лицевого свода реконструируемый им Свод 1560 г., который, однако, с 1541 г. обнаруживает сходство с Летописцем начала царства, см.: *Морозов В. В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. С. 93. О Степенной книге см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга: история текста. М., 2007; *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

К концу царствования Ивана Грозного угодная ему версия истории «боярского правления» была «растиражирована» во множестве текстов. Обвинения, брошенные Иваном IV и его помощниками по летописному делу деятелям 1530—1540-х гг., положили начало историографической традиции, влияние которой не преодолено до сих пор.

* * *

Когда началась научная разработка истории России XVI в., в ее основе оказались официальные летописные памятники грозненского времени: Никоновская и Львовская летописи, Царственная и Степенная книги, опубликованные впервые в эпоху Екатерины II. К тому же «семейству» принадлежал и Архивский летописец (свод 1560 г.), использованный Н. М. Карамзиным в его «Истории»²². Если учесть, что шахматовская «революция» в летописеведении произошла лишь на рубеже XIX—XX вв., а систематическое освоение актового материала эпохи Ивана Грозного началось только в середине XX столетия, то становится понятно, что историкам XVIII—XIX вв. трудно было освободиться от влияния схемы, навязываемой официальным летописанием 50—70-х гг. XVI в.

Неудивительно, что оценки, данные «боярскому правлению» историографами конца XVIII — начала XIX в., по существу, мало чем отличались от приведенных выше летописных характеристик: бедствия, будто бы пережитые страной в 30—40-х гг. XVI в., объяснялись моральными качествами тогдашних правителей. Общим оставался и монархический взгляд на историю, вера в спасительность единовластия. «Тогда как внутри России, пользуясь младенчеством великого князя, мирские и духовные российские сановники старались каждый честолюбие свое удовлетворить, — сообщал М. М. Щербатов, — разливающаяся повсюду слабость такового правления и происходящее от того неустройство ободряло врагов российских...»²³ Описав дворцовые перевороты конца 1530-х гг., Н. М. Карамзин задавал риторический вопрос: «Среди таких волнений и беспокойств, производимых личным властолюбием бояр, правительство могло ли иметь надлежащую твердость, единство,

²² См. список летописей, использованных Карамзиным: *Карамзин Н. М. История государства Российского*: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 25—26. Ср.: *Клосс Б. М. Никоновский свод*. С. 200.

²³ *Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен*. СПб., 1786. Т. V, ч. 1. С. 169.

неусыпность для внутреннего благоустройства и внешней безопасности?» Повторяя вслед за Грозным инвективы против Шуйских, историк противопоставлял их владычеству «благословенное господствование князя Бельского»²⁴.

Там, где предшествующие историки видели лишь борьбу честолюбий, С. М. Соловьев, в русле своей общей концепции, усмотрел столкновение двух противоположных начал — родового и государственного. После смерти Елены Глинской, писал он, «в челе управления становятся люди, не сочувствовавшие стремлениям государей московских», люди, совершенно преданные удельной старине. «В стремлении к личным целям они разрознили свои интересы с интересом государственным, не сумели даже возвыситься до сознания сословного интереса». Своекорыстным поведением Шуйские, Бельские, Глинские лишили себя поддержки «земли» и в итоге «окончательно упрочили силу того начала, которому думали противодействовать во имя старых прав своих»²⁵.

В своем лекционном курсе В. О. Ключевский повторил многие из этих выводов С. М. Соловьева, но по-другому расставил акценты: боярские усобицы в годы малолетства Ивана IV велись «из личных или фамильных счетов, а не за какой-либо государственный порядок». В результате авторитет бояр в глазах общества упал: «Все увидели, какая анархическая сила это боярство, если оно не сдерживается сильной рукой...» Однако каких-либо принципиальных перемен в тот период, по Ключевскому, не произошло: основное противоречие московской политической системы — между самодержавным государем и его аристократическим окружением — не получило тогда разрешения²⁶.

Еще решительнее отсутствие каких-либо «принципиальных оснований боярской взаимной вражды» подчеркнул С. Ф. Платонов. «Все столкновения бояр, — писал историк, — представляются результатом личной или семейной вражды, а не борьбы партий или политических организованных кружков». В подтверждение своих слов он привел мнение «современника» (а на самом деле — летописца второй половины 50-х гг.) — уже знакомую нам фразу о «многих враждах» из-за корысти и о том, что «всяк своим печется, а не государьским, ни земьским»²⁷.

²⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 5-е. Кн. II. СПб., 1842. Т. VIII. Стб. 33 и след.

²⁵ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1989. Кн. III. С. 425—426.

²⁶ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 164.

²⁷ Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пб., 1923. С. 38.

Так в историографии возникли два различных подхода к оценке «боярского правления»: большинство историков рассматривали его как период господства временщиков, боровшихся друг с другом за власть и беззастенчиво грабивших население; иной взгляд на эпоху был предложен С. М. Соловьевым, увидевшим за событиями 30—40-х гг. XVI в. глубинные исторические процессы.

Продолжателем «линии Соловьева» в трактовке эпохи малолетства Грозного выступил И. И. Смирнов. В статье 1935 г., а затем в книге 1958 г. историк, возражая против приведенной выше точки зрения Платонова, подчеркивал принципиальное политическое значение борьбы, разгоревшейся в 30—40-х гг. XVI в. при московском дворе. Смысл «боярского правления», по его мнению, заключался в «попытке феодальной реакции — княжат и бояр — задержать процесс строительства Русского централизованного государства путем разрушения аппарата власти и управления... и возрождения нравов и обычаев времен феодальной раздробленности»²⁸.

Последний тезис вызвал возражения В. И. Буганова и В. Б. Кобрин, опубликовавших рецензии на книгу И. И. Смирнова, и А. А. Зимина — в его монографии о реформах середины XVI в. По мнению этих исследователей, в годы «боярского правления» речь уже не могла идти о возвращении ко времени феодальной раздробленности; соперничавшие между собой группировки стремились не к разрушению центрального аппарата государства, а к овладению им в своекорыстных интересах. Кроме того, если Смирнов считал реакционными все боярские группировки 1530—1540-х гг., то его оппоненты безоговорочно зачисляли в лагерь реакции только князей Шуйских, находя в политике их соперников Бельских некоторые, хотя и непоследовательные, централизаторские тенденции²⁹.

Впрочем, степень этих разногласий не следует преувеличивать. Все участники дискуссии разделяли тезис о прогрессивности самодержавной централизации, которой противостояла феодальная аристократия. Как и Смирнов, Зимин писал о «временном торже-

²⁸ Смирнов И. И. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9/10. С. 87—89, 98; *Его же*. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 3, 27.

²⁹ Кобрин В. Б. [Рец.] // ВИ. 1960. № 1. С. 151—158; Буганов В. И. [Рец.] // История СССР. 1960. № 4. С. 170—176; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 224, 258, 262—263.

стве княжеско-боярской реакции в малолетство Ивана Грозного»: именно такая оценка «боярского правления» содержалась в абсолютном большинстве работ по истории России XVI в., вышедших в 1940—1960-х гг.³⁰

Сила историографической традиции оказалась столь велика, что оригинальные исследования, выполненные на основе нелетописных источников — губных и иммунитетных грамот, писцовых книг, дворянских челобитных — и высветившие новые стороны внутривластной истории 1530—1540-х гг. — губную реформу (Н. Е. Носов), иммунитетную политику (С. М. Каштанов), поместное верстание (Г. В. Абрамович)³¹, внесли лишь некоторые коррективы в сложившуюся схему, но не привели к пересмотру ставшей уже привычной концепции «боярской реакции» в годы малолетства Грозного.

Пересмотр этой концепции стал возможен после того, как в работах А. А. Зимина, Н. Е. Носова, В. Б. Кобрин, вышедших в 1960—1980-х гг., был подвергнут ревизии тезис о борьбе прогрессивного дворянства против реакционного боярства, якобы противившегося централизации³². И вот в книге «Власть и собственность в средневековой России» В. Б. Кобрин констатировал бесплодность всех попыток найти различия в политических программах соперничавших друг с другом боярских группировок, как и попыток определить, какая из них «прогрессивнее», а какая — «реакционнее». По его мнению, в годы «боярского правления» шла просто «беспринципная борьба за власть»³³. Но такой вывод означает, по сути,

³⁰ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 21; *Его же*. Реформы Ивана Грозного. С. 223. См. также: *Шатагин Н. И.* Русское государство в первой половине XVI века. Свердловск, 1940. С. 74—80; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 112—116, 280—283; История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1966. Т. 2. С. 151—160; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 328, 375—376.

³¹ *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 289—327; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история. С. 275—376; *Абрамович Г. В.* Поместная политика в период боярского правления в России (1538—1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. С. 192—199; *Его же*. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 81—102.

³² Зимин А. А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 20—27; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 10—11, 419—420, 526; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 199—218.

возвращение к точке зрения С. Ф. Платонова: историографический круг замкнулся!

С тех же позиций, что и Кобрин, подошел к оценке политической борьбы в 30-х гг. XVI в. А. Л. Юрганов: по его мнению, эта борьба носила характер личного и кланового противоборства³⁴.

Подобные взгляды на природу придворных конфликтов изучаемой эпохи ранее уже высказывали зарубежные исследователи. В начале 1970-х гг. западногерманские историки Х. Рюс и П. Ниче подвергли серьезной критике господствовавший тогда в советской историографии тезис о «феодальной реакции», наступившей после смерти Василия III, и о борьбе сторонников и противников централизации как основном конфликте того времени. Взамен было предложено традиционное объяснение, четко сформулированное еще Платоновым: главными мотивами междоусобной борьбы 30—40-х гг. XVI в. объявлялись стремление к власти, алчность и честолюбие³⁵.

Оригинальную трактовку событий «боярского правления» предложила американская исследовательница Н. Ш. Коллманн — автор монографии о формировании московской политической системы в XIV — первой половине XVI в. Вслед за Э. Кинаном она подчеркивает определяющую роль родства и брака в московской политике: конфликты внутри элиты возникали не из-за идеологических, религиозных и т.п. разногласий, а вследствие соперничества за первенство при дворе; политические группировки формировались на основе брачно-семейных связей, отношений зависимости и покровительства. Близость ко двору, а следовательно и роль в принятии политических решений, зависела от степени родства с великим князем: отсюда значение государевых свадеб, которые на поколения вперед закрепляли сложившуюся расстановку сил, определяя придворную иерархию. Во время малолетства Грозного бояре в течение 15 лет не могли прийти к согласию, пока Иван IV не достиг брачного возраста и женитьбой на Анастасии Захарьиной не восстановил утраченное было равновесие³⁶.

³³ Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 214—215.

³⁴ Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 18—19.

³⁵ Rüß H. Machtkampf oder «feudale Reaktion»? // JGO. 1970. Bd. 18. Hf. 4. S. 496—502; *Idem*. Elena Vasil'evna Glinskaja // Ibid. 1971. Bd. 19. Hf. 4. S. 495; Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. Köln; Wien, 1972. S. 228—229, 256.

³⁶ Kollmann N. S. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345—1547. Stanford, 1987. P. 4—8, 161—181.

В другой работе Коллманн отмечает, что летописи, повествующие о времени малолетства Ивана IV и приписывающие ему, ребенку, принятие всех решений, изображают не реальную, а идеальную картину политической жизни — какой ей следовало быть согласно идеологии. На самом деле, «за фасадом самодержавия» бояре играли важную политическую роль. Причем эпоха несовершеннолетия государя, подчеркивает американский историк, не являлась каким-то исключением, отклонением от политической системы: великий князь не был «самодержцем» в буквальном смысле слова, но разделял принятие решений с боярскими группировками, действовал в согласии с элитой³⁷.

Предпринятая Коллманн попытка заглянуть за идеологический «фасад», отличить ритуал от действительности в жизни Московии XVI в., несомненно, заслуживает поддержки. Предложенная ею модель динамического равновесия, «баланса интересов» для объяснения механизма придворной борьбы эпохи «боярского правления» — шаг вперед в изучении темы по сравнению с традиционным обсуждением невысоких моральных качеств соперничавших между собой бояр. Вместе с тем ряд положений концепции, выдвинутой американской исследовательницей, вызывает принципиальные возражения. Главное из них состоит в том, что московское самодержавие проявлялось не только в идеологии, и государю в этой политической системе принадлежала куда более значительная роль, чем ритуально-представительские функции. Тезис о том, что бояре будто бы на равных с великим князем участвовали в процессе принятия решений, представляется совершенно необоснованным. В годы малолетства Ивана IV бояре действительно сосредоточили в своих руках высшую власть (хотя неправомерно, как это делает Коллманн³⁸, исключать из сферы реальной политики влиятельных дьяков, дворецких, казначеев, а также митрополитов), но значит ли это, что политические отношения того времени являлись «нормальными», обычными и могут быть экстраполированы на весь период XV—XVI вв.? Скорее наоборот: обстановка 30—40-х гг. XVI в. может быть охарактеризована как экстремальная, кризисная. Обоснованию этого тезиса и посвящена данная книга.

³⁷ *Kollmann N. S. The Grand Prince in Muscovite Politics: The Problem of Genre in Sources on Ivan's Minority // Russian History. 1987. Vol. 14. Fasc. 1—4. P. 293—313.*

³⁸ *Kollmann N. S. Kinship and Politics. P. 46—54.*

В недавно опубликованной статье о малолетстве Ивана IV другой американский историк, Чарльз Гальперин, избрал в качестве отправной точки своего исследования парадокс, который ранее привлек внимание Коллманн: и летописи, и документы той эпохи изображают юного государя принимающим все важнейшие решения, несмотря на тот очевидный факт, что Иван был тогда ребенком. Ч. Гальперин, однако, привел многочисленные свидетельства того, что современники несколько не заблуждались относительно истинного возраста великого князя³⁹. По его мнению, их слова, приписывающие все решения государю, имели не буквальное, а символическое значение: в этом проявился «центральный элемент московской идеологии» — культ правителя, монополизация всей легитимной власти в лице монарха⁴⁰.

Думается, однако, что затронутая здесь проблема не может быть сведена к идеологии, символике и монархическому культу. Разумеется, малолетство Ивана IV не было тайной ни для его подданных, ни для правителей соседних государств (собственно, никто из историков никогда не утверждал обратного!). Но важно понять, какие *практические* последствия имел этот очевидный факт: почему со смертью Василия III сразу возникла внутренняя нестабильность, а удельные братья покойного вдруг оказались в центре всеобщего внимания? Каковы были полномочия тех лиц, кто правил от имени юного Ивана IV, и было ли возможно регентство в стране, где, как полагает Гальперин, вся легитимная власть была сосредоточена в особе монарха? Иными словами, очень важен институциональный аспект проблемы, вопрос о делегировании власти и функциях государя в тогдашней политической системе — вопрос, который Гальперин в своем исследовании совершенно обходит стороной⁴¹.

³⁹ Halperin C. The Minority of Ivan IV // Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crumme / Ed. by Chester S. L. Dunning, Russell E. Martin, and Daniel Rowland. Bloomington (Indiana), 2008. P. 41—52. Благодарю Ч. Гальперина за присылку мне копии этой статьи.

⁴⁰ Halperin C. The Minority of Ivan IV. P. 51.

⁴¹ Напрасно Ч. Гальперин, полемизируя с автором этих строк, ссылается на «институциональную память» о малолетстве Дмитрия Донского и Василия II, которая-де должна была помочь «москвитам» в ситуации 1533 г. (Halperin C. The Minority of Ivan IV. P. 50). К сожалению, американский историк не уточняет, как применялись эти давние «уроки» в 30—40-е гг. XVI в.: в источниках на сей счет нет никаких указаний. К тому же первый приведенный им пример явно неудачен: детство великого князя Дмитрия Ивановича прошло сравнительно спокойно — в отличие от периодов малолетства Василия II и Ивана IV.

В новейшей отечественной историографии заметна тенденция к некоторой «реабилитации» «боярского правления». Так, Р. Г. Скрынников отмечает, что, хотя борьба придворных группировок за власть носила ожесточенный характер, она «не сопровождалась ни феодальной анархией, ни массовыми репрессиями. Жертвами их стали немногие лица»⁴². Однако взамен отвергнутой концепции Соловьева—Смирнова в современной науке не предложено какого-либо нового комплексного объяснения событий 30—40-х гг. XVI в. В суждениях, высказываемых по данному поводу в новейшей литературе, эклектично соединяются старые и новые историографические представления: с одной стороны, как положительные явления оцениваются ликвидация уделов в 1530-е гг., проведение денежной и губной реформ, поместное верстание; с другой — в вину боярским правителям ставятся расхищение земель и государственных доходов и иные злоупотребления властью (В. Д. Назаров), безудержный произвол временщиков, расшатывание «элементарного порядка в стране» (В. М. Панеях). Само «боярское правление», как и прежде, представляется в виде череды сменявших друг друга у власти «с калейдоскопической быстротой» группировок⁴³.

Итак, социологическая схема, противопоставлявшая «прогрессивные» силы централизации в лице великого князя и дворянства «реакционному» боярству, якобы мечтавшему о реставрации порядков удельной раздробленности, уже несколько десятилетий назад была отвергнута исторической наукой. Но и морализаторские оценки событий 1530—1540-х гг., преобладающие в современной литературе, также не приближают нас к пониманию изучаемой эпохи.

На мой взгляд, концептуальной основой для нового «прочтения» истории 30—40-х гг. XVI в. может служить понятие «политический кризис». В политологии это понятие используется для обозначения особого состояния политической системы, характеризующегося нестабильностью, разбалансированностью деятельности политических институтов, снижением уровня управляемости во всех сферах жизни общества и т.п.⁴⁴ Применительно к рассматри-

⁴² Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 89.

⁴³ Назаров В. Д. Боярское правление // Отечественная история: энциклопедия. Т. 1. С. 282—283; Панеях В. М. Русь в XV—XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 55—57.

⁴⁴ См.: Политическая энциклопедия / Рук. проекта Г. Ю. Семигин. В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 590.

ваемой исторической эпохе данный термин уже не раз употреблялся исследователями⁴⁵, но задача состоит в том, чтобы попытаться систематически описать проявления кризиса в сфере внутренней и внешней политики страны, определить его хронологические рамки и последствия.

2. ЗАМЫСЕЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исходная гипотеза данного исследования состоит в том, что первопричиной возникшего в декабре 1533 г. кризиса власти явилась не пресловутая «злокозненность» бояр, как это изображалось в официальном летописании времен Ивана Грозного и в последующей историографии, а сам факт малолетства великого князя, наследовавшего умершему Василию III. Понятно, что ни в какую эпоху трехлетний ребенок не может лично управлять страной. Поэтому на первый план выдвигается вопрос: как могла функционировать монархия при недееспособном государе?

Здесь уместно напомнить, что с подобными проблемами сталкивалась не только Московия. Малолетний король на троне — явление, хорошо знакомое Европе эпохи Средневековья и начала Нового времени. По подсчетам французского историка Андре Корвизье, в XIII—XV вв. известен 31 случай вступления на престол несовершеннолетних монархов, что составляет 29,5% всех коронаций того времени; в XVI—XVIII вв. таких случаев было 25 (из них 5 относятся к России), или 15% всех коронаций⁴⁶.

Регентство по причине малолетства короля — не только сравнительно частое, но и весьма продолжительное явление в истории некоторых европейских стран. Так, согласно данным, приведенным немецким историком права Армином Вольфом, в Кастилии конца XIII — начала XV в. из 124 лет (1295—1419) 55 пришлось на периоды регентства, а во Франции второй половины XIV — конца XV в.

⁴⁵ О «политическом и социальном кризисе» применительно к 30—40-м гг. XVI в. писал еще в 1985 г. Н. Е. Носов, см.: *Носов Н. Е.* Социальная борьба и «земское устройство» в России в 30—40-х годах XVI в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 132, 139. О том, что Московия «приближалась» тогда «к политическому кризису», говорит и Н. Ш. Коллманн: *Kollmann N. S.* Kinship and Politics. P. 162. Тот же термин использует В. М. Панеях, см. его очерк в кн.: Власть и реформы. С. 55.

⁴⁶ *Corvisier A.* Les régences en Europe: Essai sur les délégations de pouvoirs souverains. Paris, 2002. Annexe 10. P. 282.

из 134 лет (1356—1490) регенты в общей сложности находились у власти в течение 51 года. Ну, а своего рода европейский рекорд здесь принадлежит Шотландии: в этой стране с 1406 по 1587 г. на протяжении шести поколений (из семи) на престол вступали малолетние короли⁴⁷.

Таким образом, ситуацию, сложившуюся в Русском государстве с восшествием в декабре 1533 г. на великокняжеский престол трехлетнего Ивана IV, никак нельзя считать уникальной. Вместе с тем можно предположить, что в различных странах осуществление власти от имени малолетнего государя имело свою специфику. К сожалению, в России не сложилось ни исторической, ни историко-правовой традиции изучения института регентства. Европейский опыт, где такая традиция есть⁴⁸, способен «подсказать» нам некоторые важные вопросы, которые заслуживают изучения: регулировались ли полномочия регента какими-либо правовыми нормами, как это было в Священной Римской империи (применительно к курфюрстам) со времен Золотой буллы (1356) или во Франции со времен ордонансов 1374—1393 гг.⁴⁹ И в частности, мог ли регент издавать какие-либо официальные акты от своего имени, а не от имени малолетнего монарха?

Однако вопрос о полномочиях регента — это лишь часть более общей проблемы делегирования власти в российской монархии эпохи позднего Средневековья. Из-за скудости источников до сих пор остается неясным, как распределялись функции между государем и его советниками в Московии XVI в. Характерны признания современных исследователей о том, что личная роль царя в проведении преобразований 1550-х гг. не поддается определению⁵⁰. Но применительно к 30—40-м подобной загадки не возникает: юный

⁴⁷ Wolf A. *Königtum Minderjähriger und das Institut der Regentschaft* // *Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions*. T. XXXVI. L'Enfant. 2ème partie: Europe médiévale et moderne. Bruxelles, 1976. S. 97, 98.

⁴⁸ Помимо книги А. Корвизье и статьи А. Вольфа, указанных в предыдущих сносках, о проблеме регентства в связи с малолетством монарха см.: *Carpenter D. A. The Minority of Henry III*. London, 1990; *Offergeld Th. Reges pueri: Das Königtum Minderjähriger im frühen Mittelalter*. Hannover, 2001; *Puppel P. Die Regentin. Vormundschaftliche Herrschaft in Hessen 1500—1700*. Frankfurt am Main; New York, 2004; и др.

⁴⁹ Wolf A. *Königtum Minderjähriger*. S. 100.

⁵⁰ *Crummey R. O. The Formation of Muscovy 1304—1613*. London & New York, 1987. P. 148; *Флоря Б. Н. Иван Грозный*. М., 1999. С. 59; *Pavlov A., Perrie M. Ivan the Terrible*. Pearson Education Ltd. London, etc. 2003. P. 64—65.

государь, будучи ребенком, а затем подростком, не мог играть какой-либо самостоятельной роли в управлении страной, за исключением осуществления представительских функций (в частности, приема послов). Следовательно, реальные рычаги власти находились в руках других лиц, стоявших у трона. Изучение механизма принятия решений в годы малолетства Ивана IV, с одной стороны, и управленческой рутины, с другой стороны, — одна из задач настоящего исследования.

Таким образом, предлагаемая работа задумана в русле институциональной, или «конституционной», истории (constitutional history, *Verfassungsgeschichte*). Ограничивая хронологические рамки исследования сравнительно коротким периодом (примерно 15 лет — с декабря 1533 до конца 1548 г.), я стремился через детальный анализ придворной борьбы и практики управления понять некоторые важнейшие особенности устройства и функционирования русской позднесредневековой монархии.

В отличие от привычного институционального подхода, ассоциируемого с наследием знаменитой юридической школы и изучением государственных учреждений, в данном исследовании большое внимание уделено политической культуре описываемой эпохи, т.е. представлениям людей того времени о власти и неписаным правилам поведения, существовавшим в придворном обществе⁵¹. Поэтому можно, скорее, говорить о неинституциональном подходе⁵², который позволяет поместить изучаемые по-

⁵¹ Термин «политическая культура» был введен в социальные науки еще в 50—60-х гг. XX столетия политологами Г. Алмондом и С. Верба (*Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. 2nd ed. Newbury Park; L.; New Delhi, 1989*), а начиная с 1980-х гг. это понятие было активно «освоено» историками. Трактовка политической культуры как совокупности «ценностей, ожиданий и неписаных правил поведения» была предложена американской исследовательницей Великой французской революции Линн Хант, см.: *Hunt L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. Berkeley & Los Angeles, 1984. P. 10*. О «правилах игры» в политической жизни Средневековья см. интересную работу немецкого медиевиста Г. Альтхоффа: *Althoff G. Spielregeln der Politik im Mittelalter. Darmstadt, 1997*.

⁵² Для неинституционального подхода, получившего большое распространение в социальных науках в последние десятилетия, характерно понимание институтов как сложившихся правил и организованных практик. Так, экономист Дуглас Норт, классик этого направления, называет институты «правилами игры» в обществе, или «ограничительными рамками, которые организуют взаимоотношения между людьми» (*Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17*).

литические структуры в определенный социокультурный контекст и тем самым избежать ненужной модернизации реалий XVI в. и неоправданных параллелей с институтами власти Нового и Новейшего времени.

В соответствии с изложенным выше замыслом исследования, предлагаемая книга состоит из двух частей. В первой части анализируются перипетии борьбы за власть при московском дворе в 30—40-х гг. XVI в., которая рассматривается как одно из проявлений острого политического кризиса, вызванного фактической недееспособностью государя. Выделяются отдельные фазы кризиса, уточняются его хронологические рамки. Во второй части работы изучается механизм центрального управления «при боярах»: ставится вопрос о разграничении функций между государем и его советниками-боярами, анализируется персональный состав и компетенция дворцовых учреждений, Казны и дьяческого аппарата. Заключительные главы книги посвящены изучению направлений внутренней политики 30—40-х гг. XVI в. и ее связи с предшествующей и последующей эпохами.

3. Источники

В ходе исследования была предпринята попытка учесть все известные в настоящее время материалы, относящиеся к истории 30—40-х гг. XVI в., как опубликованные, так и архивные. С этой целью были проведены разыскания в архивохранилищах Москвы, Петербурга и Вологды; изучены также отдельные коллекции документов в Главном архиве древних актов в Варшаве, Ягеллонской библиотеке (Краков) и Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия (Берлин).

Что касается видов использованных источников, то каждая часть книги имеет свою специфику. Первая — событийная — часть исследования построена главным образом на нарративных источниках; вторая часть, которая посвящена структурам центрального управления, основана на актовом материале.

Подробнее о неонинституционализме см.: *March J.G., Olsen J.P. Elaborating the «New Institutionalism» // The Oxford Handbook of Political Institutions / Ed. by R. A. W. Rhodes, S. A. Binder and B. A. Rockman. Oxford University Press, 2006. P. 3—20 (здесь же библиография).*

Незаменимым источником информации о перипетиях борьбы за власть при московском дворе в изучаемую эпоху остаются летописи. Выше уже были упомянуты два крупнейших официальных памятника, в которых отразились события «боярского правления»: Воскресенская летопись (повествование в ней обрывается на 1541 г.) и Летописец начала царства. Оба произведения очень тенденциозны, что порой ставит историка в сложное положение, особенно в тех случаях, когда указанные летописи прямо противостоят друг другу (как, например, в рассказе об аресте удельного князя Юрия Дмитровского), а иных источников информации нет. К счастью, подобные ситуации возникают нечасто, поскольку ключевые эпизоды 30—40-х гг. XVI в. отразились не в одном-двух, а в трех-четырех различных летописных текстах, что дает возможность для сопоставлений и необходимых корректировок. Особо нужно подчеркнуть значение сравнительно раннего (конец 1540-х гг.) и хорошо осведомленного о придворной жизни Постниковского летописца. Ценны и свидетельства новгородских и псковских летописей, которые представляют ряд эпизодов совершенно в ином свете, чем официальное московское летописание.

От царского архива XVI в. до нашего времени дошли только отдельные фрагменты, но среди сохранившихся дел есть настоящие жемчужины, как, например, челобитная Ивана Яганова, тайного осведомителя великого князя при удельном Дмитровском дворе, написанная на имя юного Ивана IV в первой половине 1534 г.⁵³ В том же ряду нужно упомянуть комплекс документов, относящихся к переговорам великой княгини Елены Глинской и митрополита Даниила с удельным князем Андреем Ивановичем весной 1537 г., накануне Старицкого «мятежа»; часть этих грамот остается неопубликованной⁵⁴.

Тайны московского двора живо интересовали соседей Русского государства, поэтому немало сведений о политической жизни России 30—40-х гг. сохранилось в источниках иностранного происхождения. Они, в частности, проливают новый свет на персональный состав опекунского совета при юном Иване IV в первые месяцы после смерти его отца, Василия III, и прямо говорят об особой близости правительницы Елены Глинской с боярином

⁵³ См.: Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 17—24.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 375 (Исторические сочинения). 1537 г. Д. 1.

кн. И. Ф. Овчиной Оболенским, о чем русские источники предпочитают деликатно умалчивать⁵⁵. Весьма информативны также показания перебежчиков о расстановке сил при московском дворе летом 1534 г., отложившиеся в архиве тогдашнего литовского гетмана Юрия Радзивилла⁵⁶.

Разумеется, многие слухи о событиях в Московии, которые пересказывали друг другу польские и литовские сановники и которые узнавал от своих виленских корреспондентов прусский герцог Альбрехт⁵⁷, на проверку оказываются недостоверными. Но и они представляют несомненный интерес для исследователя как источник для изучения настроений и ожиданий, существовавших в русском обществе в тот или иной момент на протяжении 1530—1540-х гг.

Ключевое значение для исследования центрального государственного аппарата и его функций имеют официальные акты. Их систематическое изучение применительно к описываемой эпохе было начато С. М. Каштановым; им же в 1958 г. впервые опубликован хронологический перечень иммунитетных грамот 1506—1548 гг.⁵⁸ В результате усилий нескольких поколений ученых за полвека, прошедшие со времени публикации этого перечня, были выявлены, каталогизированы и частично изданы многие десятки грамот периода «боярского правления»⁵⁹. Эта работа была про-

⁵⁵ См.: *Кром М. М.* «Записки» С. Герберштейна и польские известия о регентстве Елены Глинской // ВИД. СПб., 1994. [Т.] XXV. С. 77—86.

⁵⁶ Упомянутые документы опубликованы автором этих строк вместе с другими материалами Радзивилловского архива первой половины XVI в., см.: *РА. М.; Варшава*, 2002. № 31, 32, 38, 39, 45, 46. С. 85—87, 96—100, 113—117.

⁵⁷ Переписка польских и литовских сановников за интересующие нас годы опубликована в следующих изданиях: *АТ. Т. XVI—XVIII. Poznasc*, 1960—1999; *Elementa ad Fontium Editiones. Romae*, 1979. Vol. XLVII. Там же опубликованы письма, которые получал герцог Альбрехт Прусский от своих корреспондентов из литовской столицы. Информация о московских делах, приходившая в Кенигсберг из Ливонии, остается пока не изданной; соответствующие письма хранятся в герцогском архиве (GStAPK. Herzogliches Briefarchiv, D). Хорошим подспорьем в архивных поисках могут служить опубликованные недавно краткие регесты: *Herzog Albrecht von Preussen und Livland (1534—1540): Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreussischen Folianten / Bearbeitet von St. Hartmann. Köln u.a.*, 1999.

⁵⁸ ХП. Ч. I; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история. Гл. IV—VI; *Его же.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 53—149.

⁵⁹ Значительный вклад в актовое источниковедение XVI в. внесли В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря, Л. И. Ивина, С. Н. Кистерев, А. В. Антонов, К. В. Бара-

должна в ходе настоящего исследования; в итоге на сегодняшний день удалось учесть более 500 жалованных и указных грамот, выданных от имени Ивана IV в 1534—1548 гг. (каталог этих документов помещен в Приложении I к данной книге).

Хотя все официальные акты издавались от государева имени, исследователь может по упоминаниям в тексте, особенностям формуляра и пометам на обороте грамоты установить, какое должностное лицо на самом деле распорядилось выдать данный документ. Это дает возможность судить о роли того или иного сановника в повседневном управлении, а также о распределении функций между ведомствами (например, между Казной и дворцами)⁶⁰.

Особенно велики информативные возможности так называемых несудимых грамот, которые предоставляли землевладельцам иммунитет от суда местных властей (наместников и волостелей) и подчиняли их суду только высшей инстанции. Наблюдения над формуляром грамот этого типа позволяют уточнить юрисдикцию разных должностных лиц (бояр, казначеев, дворецких), а также внести ряд коррективов в привычные представления о губной реформе конца 30—40-х гг. XVI в.

Для просопографических штудий, т.е. изучения карьер бояр, дворецких, казначеев и дьяков исследуемого периода, важнейшим источником наряду с актовым материалом служат разрядные книги⁶¹, в которых отмечались воеводские назначения и довольно точно (по сравнению с другими источниками) указывались придворные чины. Ценную информацию о положении того или иного сановника при дворе можно почерпнуть в посольских книгах, в которых помещались списки лиц, присутствовавших на дипломатических приемах⁶². Для уточнения даты смерти интересующих нас лиц первостепенное значение имеют записи в монастырских вкладных книгах, особенно в Троицкой книге, в

нов, А. В. Маштафаров и другие исследователи; их работы цитируются далее на страницах данной книги.

⁶⁰ Подробнее методика анализа актового материала, применяемая в данной работе, охарактеризована в седьмой главе книги.

⁶¹ РК 1598. М., 1966; РК 1605. Т. I. Ч. 2. М., 1977.

⁶² Наибольшее значение имеют книги сношений с Литвой и Польшей (за интересующий нас период они сохранились от 1533—1537 и 1542—1544 гг.: Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 1—263) и с Крымом (сохранились за 1533—1539 и 1545—1548 гг., не опубликованы: РГАДА. Ф. 123. Кн. 8, 9).

которой фиксировались точные даты вкладов, в том числе — поминальных⁶³.

В своей совокупности охарактеризованные выше источники составляют надежную основу для изучения поставленных в данном исследовании проблем⁶⁴.

⁶³ ВКТСМ.

⁶⁴ Приведенная здесь краткая характеристика призвана лишь дать общее представление о специфике и эвристических возможностях разных видов источников, использованных в работе. Подробные источниковедческие наблюдения вплетены в ткань повествования и содержатся в каждой главе книги.

Часть I

КРИЗИС ВЛАСТИ
И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ
В 1530—1540-Х ГГ.

Глава 1

ЗАВЕЩАНИЕ ВАСИЛИЯ III И УЧРЕЖДЕНИЕ ОПЕКИ НАД МАЛОЛЕТНИМ ИВАНОМ IV

Великий князь всея Руси Василий Иванович умер в ночь с 3-го на 4-е декабря 1533 г. Его старшему сыну и наследнику Ивану (будущему Ивану Грозному) было в ту пору три года от роду; второй сын Юрий едва достиг годовалого возраста. Кому же государь вручил перед смертью бразды правления и доверил опеку над своей семьей?

Завещание Василия III не сохранилось. Исследователи приложили немало усилий, пытаясь выяснить его последнюю волю. Имеющиеся летописные свидетельства оставляют простор для различных интерпретаций событий поздней осени 1533 г.

Воскресенская летопись, памятник официального московского летописания 40-х гг. XVI в., кратко излагая предсмертные распоряжения Василия III, основную роль в них отводит митрополиту Даниилу и великой княгине Елене: благословив крестом сначала старшего сына, а затем младшего, государь «приказывает великую княгиню и дети своя отцу своему Данилу митрополиту; а великой княгине Елене приказывает под сыном своим государство дръжати до возмужения сына своего»¹.

В памятнике середины 1550-х гг., Летописце начала царства (долгое время его текст был известен исследователям в более поздней редакции в составе Никоновской летописи), высоким слогом описывается передача Василием III опеки над детьми и всей полноты власти великой княгине Елене, которая сравнивается с киевской княгиней Ольгой (в крещении — Еленой): «А приказывает великой княгине Елене свои дети и престол области державствовать скипетр великия Руси до возмужения сына своего, ведаше бо ея великий государь боголюбиву и милостиву, тиху и праведливу, мудру и мужествену, и всякого царьского разума исполнено сердце ея... яко во всем уподобися великой и благочестивой царице Елене —

¹ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 285.

изспародительницы русской великой княгине Ольге, нареченной во святом крещение Елене. И князь великий полагает на ней все правление великого государства многого ради разума по подобию и по достоинству и богом избранну царьского правления»².

В 1560-х гг. панегирик Елене, которой якобы великий князь завещал «державствовать и по Бозе устроить и разсужати» до возмужания сына «вся же правления Росийского царствия», был включен в Степенную книгу³, а позднее (в еще более пышной и пространной форме) — в Царственную книгу⁴.

Эта возникшая под пером московских книжников середины XVI в. версия событий создавала иллюзию естественного и непосредственного перехода от великого княжения Василия III к правлению его жены; при этом драматический период конца 1533 — первой половины 1534 г., когда Елена должна была делить власть с назначенными мужем опекунами, как бы вычеркивался из истории.

Однако в распоряжении исследователей есть и другие свидетельства о событиях декабря 1533 г. Так, по сообщению сравнительно ранней Псковской I летописи (составлена в конце 1540-х гг.), Василий III «приказа великое княжение сыну своему большому князю Ивану, и нарече его сам при своем животе великим князем; и приказа его беречи до 15 лет своим бояром немногим»⁵.

Кроме того, еще В. Н. Татищеву⁶ был известен другой, гораздо более подробный рассказ о последних распоряжениях великого князя: вошедшая в состав ряда летописей Повесть о болезни и смерти Василия III содержала обстоятельное, день за днем, описание совещаний, происходивших у постели умирающего государя, с перечислением всех присутствовавших там лиц. При этом положение великой княгини, каким оно показано в Повести, разительно отличается от характерной для официального летописания 1540—1550-х гг. трогательной картины передачи власти умирающим государем своей мудрой супруге.

Однако источниковедческое изучение Повести началось только в XX в. Историки конца XVIII — XIX в. подробно цитировали

² ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 9—10.

³ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XXI. 2-я пол. С. 613.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. XIII. 2-я пол. С. 416.

⁵ ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 106.

⁶ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1966. Т. VI. С. 137—139 (левый столбец; в правом столбце — сочиненная, видимо, самим Татищевым вымышленная речь Василия III к своей супруге).

этот памятник при описании последних дней жизни Василия III, но при этом не сомневались в том, что сразу после смерти Василия III опека над его сыновьями и бразды правления перешли в руки вдовы великого князя, Елены Васильевны Глинской⁷. Эта уверенность основывалась не столько на анализе конкретных летописных свидетельств о предсмертных распоряжениях государя, сколько на общих соображениях о традиции передачи власти в Древней Руси.

От внимания С. М. Соловьева не укрылось то обстоятельство, что в цитируемой им летописной Повести нет прямых указаний на передачу власти умирающим своей супруге. Но ученый нашел этому объяснение, ссылаясь на Русскую Правду и «важное значение матери» в княжеских семьях в последующий период: «...следовательно, — писал Соловьев, — по смерти Василия опека над малолетним Иоанном и управление великим княжеством естественно принадлежали великой княгине — вдове Елене. Это делалось по обычаю, всеми признанному, подразумеваемому, и потому в подробном описании кончины Василия среди подробных известий о последних словах его и распоряжениях не говорится прямо о том, чтоб великий князь назначил жену свою правительницею...»⁸ Тем не менее косвенное подтверждение своей точки зрения историк нашел в словах летописца о наказе, данном Василием III незадолго до смерти ближайшим советникам (кн. М. Л. Глинскому, М. Ю. Захарьину и И. Ю. Шигоне), — о великой княгине Елене, как ей без него быть и как к ней боярам ходить. По мнению С. М. Соловьева, «последние слова о боярском хождении мы должны принимать, как прямо относящиеся к правительственному значению Елены, должны видеть здесь хождение с докладами»⁹.

Лишь на рубеже XIX—XX вв. исследователи уделили более пристальное внимание Повести о смерти Василия III как источнику сведений о не дошедшем до нас завещании великого князя. Основываясь на тексте этого памятника, В. И. Сергеевич высказал предположение, что государь назначил правителями «десять советников, приглашенных к составлению духовной и к выслушиванию после-

⁷ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1786. Т. V, ч. 1. С. 6; Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. 5-е. Кн. II. СПб., 1842. Т. VIII. Стб. 5—6; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 383.

⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 6. С. 383.

⁹ Там же.

дних приказаний великого князя»¹⁰. Так возникла версия о существовании особого регентского совета при малолетнем Иване IV.

Эту версию подробно развил А. Е. Пресняков в статье о судьбе не дошедшего до нас завешания Василия III. В основе этой работы, не утратившей до сих пор своего научного значения, лежит тщательный источниковедческий анализ летописных текстов о кончине великого князя. Вопреки утверждениям Никоновской летописи, считает исследователь, Василий III не возложил на жену «все правление великого государства»; в своих предсмертных распоряжениях он указал «подробную программу ведения дел» и определил состав лиц, которым завещал наблюдение над выполнением своих предназначений¹¹.

В послевоенные десятилетия изучение летописной Повести и содержащейся в ней информации о последних распоряжениях Василия III было продолжено. Свое мнение по этому вопросу высказали А. А. Зимин, И. И. Смирнов, Х. Рюс, П. Ниче, Р. Г. Скрынников, С. А. Морозов, А. Л. Юрганов и другие историки. За исключением Рюса, вернувшегося к высказанной в свое время С. М. Соловьевым точке зрения о передаче Василием III власти непосредственно великой княгине Елене¹², остальные исследователи полагают, что сразу после смерти государя власть перешла к созданному им опекунскому (регентскому) совету. Однако до сих пор ученые не могут прийти к единому мнению ни о численности этого совета (по разным оценкам, в него входило от двух до десяти человек!), ни о его персональном составе. Разбор высказанных точек зрения и приведенных исследователями аргументов будет приведен ниже. Но для того, чтобы понять, как текст одного источника мог послужить основой для столь различных мнений ученых, необходимо подробнее изучить сам памятник — Повесть о смерти Василия III.

1. ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ ВАСИЛИЯ III: ВОПРОС О ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ

Детальный анализ летописной Повести о смерти Василия III, ее литературной композиции и основных редакций проведен

¹⁰ *Сергеевич В. И.* Древности русского права. СПб., 1908. Т. 2. С. 401, прим.

¹¹ *Пресняков А. Е.* Завешание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 71—80, особенно с. 79.

¹² *Rüß H.* Elena Vasil'evna Glinskaja // JGO. N. F. 1971. Bd. 19. Hf. 4. S. 481—498, особенно с. 490.

С. А. Морозовым¹³. Повесть представляет собой выдающийся памятник русской литературы XVI в., а вместе с тем — ценнейший источник для изучения обстановки при московском дворе в момент перехода престола от Василия III к его малолетнему сыну Ивану.

Великий князь заболел внезапно в конце сентября 1533 г. во время поездки на охоту на Волок Ламский. Автор повести подробно описывает физическое и душевное состояние государя с момента появления первых признаков болезни до последних минут жизни великого князя. Действие Повести разворачивается как бы в двух планах: с одной стороны, для летописца очень важен религиозный аспект происходящего; он подчеркивает благочестие умирающего государя. Забота о спасении души, приготовлении к монашескому постригу, различная реакция приближенных Василия III на это намерение государя (часть присутствующих его одобряет, другая часть пытается этому воспрепятствовать) — одна из важнейших сюжетных линий рассказа. С другой стороны, неизвестный нам по имени автор Повести (ни одну из предпринятых до сих пор попыток установить авторство этого произведения нельзя признать убедительной)¹⁴ обнаруживает прекрасное знание придворной среды, для которой так много значила близость к особе государя. Поэтому летописец так скрупулезно отмечает, кто сопровождал великого князя во время его последней поездки, с кем советовался государь, кому какие распоряжения отдавал. Это внимание к персоналиям

¹³ Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI века. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1978. (РГБ. Отдел дисс., Дк 80—7/108. Машинопись). С. 8—74; *Его же*. Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. Сб. статей. М., 1978. С. 61—77; *Его же*. Опыт литературоведческого анализа «Повести о болезни и смерти Василия III» // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. Сб. статей. М., 1979. С. 88—98.

¹⁴ По мнению С. А. Морозова, автором был старец Мисаил Сукин (*Морозов С. А. Летописные повести*. С. 44—45). Р. Г. Скрынников склонен считать таковым дьяка Постника Моклокова (*Скрынников Р. Г. Царство террора*. СПб., 1992. С. 82). Х. Рюс предположил, что Повесть была написана по инициативе М. Ю. Захарьина, если не им лично (*Ruß H. Der Bojar M. Ju. Zachar'in im Chronikbericht über die letzten Tage Vasilij's III* // FOG. 1980. Bd. 27. S. 172 f.). Старец Мисаил Сукин и боярин М. Ю. Захарьин действительно принадлежат к числу главных персонажей Повести, но методика определения авторства по частоте упоминания того или иного лица в изучаемом памятнике не может на сегодняшний день считаться надежной. Что же касается дьяка Постника Губина Моклокова, то, как будет показано ниже, нет никаких оснований связывать с его именем составление Повести о смерти Василия III.

было продиктовано, вероятно, столкновением местнических интересов придворной верхушки в критический момент передачи верховной власти. И именно местнический интерес, стремление подчеркнуть близость тех или иных лиц к умирающему государю скрываются, на мой взгляд, за редакторской правкой в дошедших до нас текстах Повести.

По данным Морозова, всего на сегодняшний день известно 15 списков Повести. Однако только три из них — в составе Новгородской летописи по списку Дубровского, Софийской II летописи и Постниковского летописца — отражают раннюю редакцию этого памятника. Несколько летописей содержат сокращенный текст Повести (Воскресенская, Никоновская, Летописец начала царства, Степенная книга). Остальные сохранившиеся тексты воспроизводят (с той или иной степенью переработки) пространную редакцию памятника по списку Дубровского¹⁵.

Оставляя в стороне позднейшие переделки и сокращения памятника, сосредоточим наше внимание на ранней редакции Повести. Она известна в двух версиях: одна из них отразилась в Новгородской летописи по списку Дубровского (далее — *Дубр.*), другая — в Софийской II летописи (далее — *Соф.*) и Постниковском летописце (далее — *Пост.*). По мнению Морозова, тексты Повести в *Соф.* и *Пост.* восходят к общему протографу, который более полно отразился в *Пост.*¹⁶

Какая же из двух указанных версий ближе к первоначальной редакции и точнее передает суть событий, происходивших осенью 1533 г.?

А. А. Шахматов считал более ранней и первичной по отношению к *Соф.* версию Повести в составе Новгородского свода (списка Дубровского)¹⁷. По осторожному предположению А. Е. Преснякова, ни один из сохранившихся списков точно и полностью не передает первоначального текста памятника¹⁸. А. А. Зимин принял точку зрения А. А. Шахматова о том, что текст «сказания» о смер-

¹⁵ Морозов С. А. Летописные повести. С. 8, 21—41; *Его же*. Повесть о смерти Василия III и русские летописи. С. 61, 70—74; *Лурье Я. С.* Повесть о смерти Василия III // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. Л—Я. С. 277—279. См. также комментарий Н. С. Демковой к тексту Повести в изд.: БЛДР. СПб., 2000. Т. 10: XVI век. С. 564.

¹⁶ Морозов С. А. Летописные повести. С. 22.

¹⁷ Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи // ЧОИДР. 1904 г. М., 1904. Кн. I. С. 58—59.

¹⁸ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 74.

ти Василия III, написанный современником, сохранился в Новгородском своде, а позднее в *Соф.* подвергся редактированию; однако при этом ученый сделал оговорку, отметив, что и этот отредактированный вариант (т.е. *Соф.*) «сохранил черты первоначального текста», утраченные в *Дубр.*¹⁹

Морозов полностью поддержал мнение Шахматова о первичности текста Повести в *Дубр.*, по сравнению с *Соф.* и *Пост.*, и привел новые доводы в пользу этой точки зрения²⁰. Я. С. Лурье с некоторой осторожностью («возможно») также согласился с таким взглядом на соотношение основных списков интересующего нас памятника²¹.

В опубликованной более десяти лет назад статье автор этих строк, не проводя самостоятельного исследования текста Повести, присоединился к указанному мнению Шахматова и Морозова²², однако в ходе дальнейшей работы над темой у меня появились серьезные сомнения в обоснованности этой точки зрения.

Между тем в литературе существуют и иные представления о соотношении двух основных версий ранней редакции Повести. В частности, Х. Рюс и Р. Г. Скрынников независимо друг от друга пришли к выводу о том, что обращение великого князя Василия к князю Д. Ф. Бельскому с «братией», которое читается только в *Дубр.*, является более поздней тенденциозной вставкой²³. По мнению Скрынникова, текст Повести наиболее точно воспроизведен в Постниковском летописце, составленном очевидцем — дьяком Постником Губиным Моклоковым²⁴.

Как уже говорилось выше, имеющиеся в нашем распоряжении тексты не позволяют с уверенностью судить об авторстве Повести. Едва ли дьяк Федор Постник Никитич Губин Моклоков мог быть «очевидцем» последних дней жизни Василия III, так как в ис-

¹⁹ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 390.

²⁰ Морозов С. А. Летописные повести. С. 24—30, 41. См. также автореферат его диссертации под тем же названием (М., 1979). С. 10.

²¹ Лурье Я. С. Летопись Новгородская Дубровского // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 53—54.

²² Кром М. М. Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV. Новые данные о внутриполитической борьбе конца 1533—1534 года // Отечественная история. 1996. № 5. С. 39.

²³ Rijß H. Dmitrij F. Belskij // FOG. 1986. Bd. 38. S. 173—177; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 83.

²⁴ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 82; Его же. История Российская. IX—XVII вв. М., 1997. С. 480. Прим. 1.

точниках он упоминается только с 1542 г.²⁵; вероятно, в 1533 г. Постник был еще слишком молод, чтобы входить в ближайшее окружение великого князя. К тому же, как показал Морозов, так называемый Постниковский летописец представляет собой выписку из летописи, а не законченное целостное произведение²⁶.

Вместе с тем указанный Рюсом и Скрынниковым пример тенденциозной вставки в тексте Повести по списку Дубровского, несомненно, заслуживает внимания. Важно также учесть наблюдения Н. С. Демковой, отметившей «литературность» текста Повести в *Дубр.*, стремление его составителя «сгладить элементы непосредственной фиксации речей и действий исторических лиц, присущие начальному авторскому тексту», лучше сохранившемуся в ряде фрагментов *Соф.* и *Пост.*²⁷

Для проверки высказанных учеными предположений относительно первоначальной редакции памятника обратимся к текстам Повести в составе трех указанных выше летописей. При этом основное внимание будет сосредоточено на тех эпизодах, которые относятся к составлению завещания Василия III и к установлению опеки над его малолетним наследником.

Существенные различия между текстами Повести обнаруживаются уже при изложении первых важных распоряжений государя, осознавшего опасный характер своей болезни: Василий III, находившийся в селе Колпь, тайно послал стряпчего Якова Мансурова и дьяка Меньшого Путятину в Москву за духовными грамотами, по одной версии (*Соф./Пост.*) — своего отца (Ивана III) и своей; выслушав грамоты, свою духовную великий князь велел сжечь; по другой версии (*Дубр.*), государь посылал «по духовные грамоты» деда (т.е. Василия II) и отца, каковые и были тайно к нему привезены. Ср.:

<i>Пост. / Соф.</i>	<i>Дубр.</i>
И тогда посла стряпчего своего Якова Иванова сына Мансурова и дьяка своего Меньшого Путятину к Москве тай-	Тогда посла стряпчего своего Якова Мансурова и дьяка своего введенного Меньшого Путятину к Москве тайно

²⁵ См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 346.

²⁶ Морозов С. А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 59.

²⁷ Демкова Н. С. Комментарии [к «Повести о болезни и смерти Василия III»] // БЛДР. Т. 10. С. 564.

но по духовные грамоты отца своего и по свою, которую писал, едучи в Новгород и во Псков. А на Москве не повеле того сказывати митрополиту, ни бояром. Яков же Мансуров и Меньшой Путятин приехаша с Москвы вскоре и привезоша духовные отца его и ево, от всех людей и от великие княгини утаив... И, слушав духовных, свою духовную велел зжечи²⁸.

по духовные грамоты деда своего и отца своего, а на Москве не повеле того сказати ни митрополиту, ни бояром. Яков же Мансуров и Меньшой Путятин приехаша с Москвы вскоре и привезоша духовные деда его и отца его, великого князя Иоанна, тайно, от всех людей и от великие княгини крыющесе...²⁹

Эти разночтения стали предметом продолжительной научной дискуссии. А. А. Шахматов обратил внимание на то, что в *Соф. (Пост.* тогда еще не был введен в научный оборот) сначала сообщается о сожжении в пятницу Василием III своей духовной, а затем говорится о том, что в субботу великий князь велел Меньшому Путятину тайно принести духовные грамоты «и пусти в думу к себе к духовным грамотам дворецкого своего тферскаго Ивана Юрьевича Шигону и дьяка своего Меншого Путятина, и нача мыслити князь велики, кого пустити в ту думу и приказати свой государев приказ»³⁰. Но если работа над составлением завещания началась только в субботу, то, по мнению Шахматова, предшествующее сообщение *Соф.* о сожжении великим князем своей первой духовной грамоты является позднейшей вставкой, а первоначальную редакцию Повести точнее передает текст *Дубр.*³¹

А. Е. Пресняков попытался примирить обе версии рассказа: он предположил, что по приказу Василия III на Волок были доставлены духовные грамоты его деда (Василия II), отца (Ивана III) и его собственная, а затем все три были уничтожены. «Такое деяние, смутившее позднейших летописателей, — считает ученый, — побудило их сперва ограничить известие [имеется в виду версия *Соф. - Пост.*, где упоминается только о сожжении одной грамоты — самого Василия III. — М. К.], а затем и вовсе его выкинуть из текста»³².

²⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 18; Т. 6. С. 268.

²⁹ Цитирую по новейшему изданию: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского (ПСРЛ. Т. 43) / Подгот. текста О. Л. Новиковой. М., 2004. С. 226.

³⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 268. Тот же текст читается и в *Пост.*: Т. 34. С. 18.

³¹ Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 58—59.

³² Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 75—76.

Однако эту попытку объединить противоречащие друг другу известия нельзя признать удачной.

Как показал А. А. Зимин, нет никаких оснований считать, что завешания Василия II и Ивана III были уничтожены³³. Эти духовные грамоты до нас дошли (первая — в подлиннике, вторая — в списке начала XVI в.)³⁴. Зимин считал, что первоначален именно текст *Соф.* и что уничтожена была первая духовная грамота Василия III, составленная в конце 1509 г.³⁵ Что же касается аргументов Шахматова, то Зимин отводил их на том основании, что духовная Василия III вполне могла быть уничтожена еще в пятницу на тайном совещании великого князя с М. Путятиным и И. Ю. Шигоной, до начала субботнего обсуждения вопроса о завешании с боярами³⁶.

Морозов, комментируя данный эпизод, поддержал точку зрения Шахматова и привел еще один довод в пользу первичности версии *Дубр.*: по его наблюдениям, в текстах *Соф.* и *Пост.* духовные грамоты, которые великий князь распорядился привезти, упоминаются неизменно только во множественном числе, даже *после* сообщения о сожжении прежней грамоты Василия Ивановича. На этом основании исследователь пришел к выводу, что данный текст в протографе *Соф.* и *Пост.* восходил к редакции Повести, отразившейся в *Дубр.*³⁷ Считая упоминание о духовной Василия III и об ее уничтожении редакторской вставкой, Морозов, однако, посчитал необходимым сделать оговорку о том, что он не оспаривает ни факт существования первой духовной Василия III, ни возможность ее уничтожения в 1533 г.; просто, по его мнению, эта информация осталась неизвестной составителю текста Повести в Новгородском своде (*Дубр.*), но могла быть доступна редактору протографа *Соф.* и *Пост.*³⁸

Получается, если принять точку зрения Морозова, что составитель первоначальной редакции Повести, отразившейся, по мнению ученого, в *Дубр.*, не знал точно, за какими именно грамотами посылал в Москву Василий III; позднее редактор-составитель протографа Повести в *Соф.* и *Пост.* каким-то образом проник в тайну, известную только самому узкому кругу приближенных великого

³³ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 393 и прим. 95.

³⁴ ДДГ. № 61, 89. С. 193—199, 353—364.

³⁵ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 393.

³⁶ Там же. С. 392. Прим. 94.

³⁷ Морозов С. А. Летописные повести. С. 24—26.

³⁸ Там же. С. 27. Прим. 66.

князя, и внес соответствующую правку в текст. С такой интерпретацией невозможно согласиться.

Во-первых, соотношение двух летописных версий упомянутого эпизода могло быть обратным тому, которое предположили Шахматов и Морозов. Дело в том, что в *Соф.* и *Пост.* слово «грамоты» во множественном числе употреблено применительно к духовным Ивана III: великий князь послал стряпчего Якова Мансурова и дьяка Меньшого Путятина «*по духовные грамоты отца своего и по свою*»; и ниже: Мансуров и Путятин «*привезоша духовные отца его и ево*»³⁹ (выделено мной. — М. К.). Можно предположить, что речь шла не только об известной нам в списке начала XVI в. духовной Ивана III 1504 г.⁴⁰, но и о каком-то другом документе, например — духовной записи, составленной в дополнение к завещанию. Практика подобных записей-дополнений к духовной грамоте существовала в XV — начале XVI в.⁴¹ Можно предложить и другой вариант объяснения. Дело в том, что наряду с завещанием Ивана III до нас дошел целый ряд грамот (данная, отводная, разъезжие), которыми оформлялись сделанные великим князем в конце жизни пожалования своим младшим сыновьям Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею на дворы в Москве, а также Юрию — на города Кашин, Дмитров, Рузу и Звенигород⁴². Естественно предположить, что весь этот комплекс грамот, касавшихся разграничения великокняжеского «домена» с владениями удельных князей, был затребован Василием III в 1533 г. вместе с завещанием его отца. Возможно, летописец обобщенно назвал все грамоты 1504 г., составлявшие вместе с собственно завещанием Ивана III его наследие, «духовными» отца великого князя Василия. Если это предположение верно, то отпадает основной аргумент Морозова, на котором строится тезис о вторичности версии *Пост./Соф.* по отношению к *Дубр.*

Во-вторых, умолчание составителя *Дубр.* о судьбе первого завещания Василия III едва ли можно объяснить неосведомленностью летописца, как это представляется Морозову. Скорее мы имеем

³⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 18; Т. 6. С. 268.

⁴⁰ ДДГ. № 89. С. 353—364.

⁴¹ Сохранились приписная грамота Василия II к его духовной 1461/62 г. (ДДГ. № 61 (б). С. 198—199), приписной список («память») к духовной князя Верейского и Белозерского Михаила Андреевича, ок. 1486 г. (Там же. № 80 (г). С. 311—312), а также духовная запись Василия III от июня 1523 г. к его, по-видимому, уничтоженной в 1533 г. духовной грамоте 1509 г. (Там же. № 100. С. 415).

⁴² ДДГ. № 91—97. С. 370—406.

здесь дело с целенаправленной и тенденциозной редакторской правкой: желая скрыть факт сожжения великим князем своей первой духовной, составитель *Дубр.* предпочел вообще не упоминать о ее существовании, а чтобы слово «грамоты» по-прежнему можно было употреблять в тексте во множественном числе, добавил ссылку на духовную деда великого князя (хотя осенью 1533 г. обращение к завещанию Василия II выглядело бы странным анахронизмом: этот документ к тому времени давно уже утратил актуальность).

О возможных мотивах подобного умолчания вполне убедительно писал еще А. Е. Пресняков: «деяние, смутившее позднейших летописателей» — так, по его мнению, уже приведенному мною выше, должен был восприниматься факт уничтожения великим князем своей духовной. В этой связи заслуживает внимания предположение Н. С. Демковой о том, что хроника болезни и смерти Василия III создавалась как подготовительный материал для будущего жития; причем соответствующая литературная стилизация особенно характерна для текста Повести в составе *Дубр.* Именно этот текст, как отмечает исследовательница, был включен в Великие Минеи-Четии митрополита Макария⁴³.

Таким образом, есть основания полагать, что редакция интересующего нас эпизода в *Дубр.* — это пример подобной правки, имевшей целью устранение из текста чересчур реалистичных деталей, не соответствовавших канону житийной литературы. Другие подобные примеры будут приведены ниже.

* * *

Как только духовные грамоты были доставлены на Волок к великому князю, состоялось первое отмеченное летописцем совещание («дума») государя с наиболее доверенными лицами: в ночь с субботы на воскресенье 25—26 октября («против Дмитриева дня») Василий III советовался с дьяком Г. Н. Меньшим Путятиным и дворецким И. Ю. Шигоной о том, кого еще пригласить к составлению духовной. Летописец перечисляет бояр, бывших в то время с великим князем на Волоке: князя Дмитрий Федорович Бельский, Иван Васильевич Шуйский, Михаил Львович Глинский, дворецкие кн. Иван Иванович Кубенский и Иван Юрьевич Шигона⁴⁴.

⁴³ Демкова Н. С. Комментарии [к «Повести о болезни и смерти Василия III»]. С. 563, 564.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 19; Т. 6. С. 268. Так же в *Дубр.* (единственное отличие — И. Ю. Шигона ошибочно назван «князем»): Т. 43. С. 226.

Приведенный эпизод одинаково изложен во всех трех летописях, далее, однако, начинаются разночтения. В *Пост.* и *Соф.* затем рассказывается о посылке по приказу великого князя в Москву за боярином Михаилом Юрьевичем Захарьиным, который вскоре приехал на Волок. В *Дубр.* же говорится о посылке за старцем Мисаилом Сукиным и боярином М. Ю. Захарьиным; ср.:

<i>Соф. / Пост.</i>	<i>Дубр.</i>
Тогда же князь велики посла к Москве по боярина своего по Михаила по Юрьевича Захарыина, и боярин его Михаило Юрьевич вскоре к нему приеха (в <i>Пост.</i> : приехашя) ⁴⁵ .	Тогда же князь велики посла к Москве по старца своего по Мисаила по Сукина; болезнь же его тяшка бысть; и посла по боярина своего по Михаила по Юрьевича. Старец же его Мисаило и боярин его Михаило Юрьевич вскоре к нему приехаша... ⁴⁶

Обращает на себя внимание тот факт, что в *Пост.* в известии о приезде на Волок боярина М. Ю. Захарыина глагол стоит во множественном числе прошедшего времени («приехашя»), как будто речь шла о прибытии нескольких лиц. Подобная непоследовательность в употреблении глагольных форм, по наблюдению С. А. Морозова, характерна для текста Повести по списку *Пост.* и встречается как раз в тех местах, где текст первоисточника подвергся редакторской правке; в *Соф.* эти глагольные формы приведены в соответствие с существительными, т.е. следы правки устранены⁴⁷. Действительно, в данном случае мы, по-видимому, имеем дело с редакторской правкой в *Пост./Соф.*, в результате которой известие о приезде на Волок к великому князю старца Мисаила Сукина было устранено из первоначального текста Повести. Что старец Мисаил действительно был на Волоке с великим князем, явствует из последующего упоминания, которое читается не только в *Дубр.*, но и в *Пост./Соф.*: «Еще же бе князь велики на Волоци, приказал отцу своему духовному протопопу Алексию да старцу Мисаилу Сукину, чтобы есте того не учинили, что вам мене положить в белом платье...»⁴⁸ (выделено мной. — М. К.).

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 268; Т. 34. С. 19.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 43. С. 226.

⁴⁷ Морозов С. А. Летописные повести. С. 22—23.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 270. Ср. в *Дубр.*: Т. 43. С. 227 (подробнее о роли М. Сукина).

В следующем совещании — о том, как великому князю ехать к Москве, — участвовали все бояре и дьяки, сопровождавшие государя. Поскольку бояре, находившиеся с Василием III на Волоке, были уже перечислены выше, летописец в *Соф.* и *Пост.* говорит о них обобщенно: «И нача мыслити князь велики с бояры своими, которые с ним», зато дьяков называет поименно: Елизар Цыплятев, Афанасий Курицын, Меньшой Путятин, Третьяк Раков⁴⁹.

А. Е. Пресняков, а вслед за ним С. А. Морозов усмотрели здесь редакторскую правку составителя версии *Пост./Соф.*: по мнению названных ученых, в первоначальном тексте Повести список бояр, сопровождавших великого князя, был приведен полностью дважды (до и после приезда М. Ю. Захарьина) — так, как читается в *Дубр.* и других списках, — а редактор *Пост./Соф.* сократил этот перечень, впрочем, без какого-либо политического умысла⁵⁰. Однако с неменьшей вероятностью можно предположить обратное соотношение этих редакций, а именно что к первоначальному тексту ближе вариант *Пост./Соф.*, в то время как в *Дубр.* сделана позднейшая вставка.

Присмотримся внимательнее к изложению данного эпизода в списке *Дубр.* Помещенный там текст гласит: «...и нача мыслити князь велики з бояры, а тогда бысть у него бояр: князь Дмитрей Федорович Белской, и князь Васильевич [так! — М. К.] Шуйской, и Михаил Юрьевич, да князь Михайло Львович Глинской, и дворецкие его князь Иван Иванович Кубенской, Иван Юрьевич Шигона, и дьяки его Григорей Меншой Путятин и Елизар Цыплятев, Афонасей Курицын, Третьяк Раков»⁵¹. Летописец продублировал содержащийся выше список бояр, сопровождавших Василия III на Волоке, и добавил к этому перечню приехавшего из Москвы М. Ю. Захарьина, но при этом почему-то пропустил имя князя Ивана Васильевича Шуйского, указав только отчество и родовое прозвание. Этот пропуск трудно объяснить, если считать, что составитель *Дубр.* просто копировал имевшийся у него оригинальный текст Повести. Едва ли в данном случае имела место механическая описка, поскольку, как мы увидим в дальнейшем, составитель *Дубр.* путал между собой двух братьев Шуйских — Ивана и Василия. Поэтому наиболее вероятным представляется следующее объяснение

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 268; Т. 34. С. 19.

⁵⁰ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 76—77; Морозов С. А. Летописные повести. С. 27.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 43. С. 226.

приведенного пассажа. Вполне возможно, что в первоначальном тексте действительно стояла фраза: «И нача мыслити князь велики с бояры своими, которые с ним». Но составитель или редактор *Дубр.*, проявлявший, как явствует из его текста, особое внимание к придворной иерархии, посчитал такое общее упоминание бояр недостаточным: действительно, при такой редакции текста не совсем ясно, принял ли участие в совещании срочно приехавший из Москвы боярин М. Ю. Захарьин. Составитель *Дубр.* постарался устранить всякую неясность в этом важном (по местническим соображениям) вопросе и повторил уже известный список бояр, добавив к нему М. Ю. Захарьина; но не зная точно, какой из братьев Шуйских участвовал в той «думе» на Волоке, он написал его просто без имени.

Результатом упомянутого совещания стал «приговор» великого князя с боярами о поездке на богомолье в Иосифо-Волоколамский монастырь. Помолившись в этой обители, государь направился к столице, делая частые остановки из-за мучившей его болезни. В селе Воробьево великого князя посетили церковные иерархи во главе с митрополитом Даниилом, а также бояре, остававшиеся осенью в Москве (кн. Василий Васильевич Шуйский, Михаил Семенович Воронцов и казначей Петр Иванович Головин), и многие дети боярские⁵².

При описании этого эпизода составитель *Дубр.* вновь не избежал ошибки: в числе бояр, приехавших к великому князю из Москвы в Воробьево, он назвал вместо князя Василия Васильевича Шуйского его брата Ивана, который на самом деле сопровождал государя в течение всей долгой поездки⁵³.

Далее в Повести подробно описывается въезд тяжело больного государя в Москву, в Кремль. Там в «постельных хоробах» Василий III отдал последние распоряжения о судьбе престола и управлении страной своим ближайшим советникам.

Летописец поименно перечисляет бояр и дьяков, которых призвал к себе великий князь по приезду в Москву 23 ноября: кн. В. В. Шуйский, М. Ю. Захарьин, М. С. Воронцов, казначей П. И. Головин, тверской дворецкий И. Ю. Шигона, дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин. Им государь стал говорить «о своем сыну о князе Иване, и о своем великом княжении, и о своей

⁵² Так в *Пост.* и *Соф.*: ПСРЛ. Т. 34. С. 19; Т. 6. С. 269.

⁵³ ПСРЛ. Т. 43. С. 227.

духовной грамоте, понеже бо сын его млад, токмо трех лет на четвертой, и как строитися царству после его»⁵⁴. Дьякам Меньшому Путятину и Ф. Мишурину было приказано писать великокняжескую духовную.

В этом месте составитель *Дубр.* вновь прибегнул к редакторской правке. Ему, очевидно, было важно показать, что Федор Мишурин занимал значительно более низкое место в дьяческой иерархии, чем Меньшой Путятин, и поэтому сообщение о писании духовной приобрело в *Дубр.* следующий вид: «И тогда князь велики приказа писати духовную свою грамоту дьяку своему Григорию Никитину и [так! — М. К.] Меньшому Путятину, и у него велел быти в товарищех дьяку же своему Федору Мишурину»⁵⁵ (выделено мной. — М. К.). Этот местнический подтекст совершенно отсутствует в соответствующем известии *Пост./Соф.*: «И тогда князь великий приказа писати духовную грамоту диаком своим Меньшому Путятину да Федору Мишурину»⁵⁶. В этом сообщении обоим дьякам отведена одинаково почетная роль, они изображены занимающими равное положение при дворе.

Во время многомесячного отсутствия государя в столице оставалось несколько бояр — «ведать Москву», как говорили в более поздние времена. Из текста Повести можно понять, что эту функцию исполняли тогда кн. В. В. Шуйский, М. С. Воронцов, казначей П. И. Головин и, вероятно, М. Ю. Захарьин, но последний, как уже говорилось, был срочно вызван к государю на Волок, когда болезнь Василия III приобрела опасный для жизни характер и встал вопрос о составлении нового великокняжеского завешания.

С возвращением Василия III в Москву единство государевой думы было восстановлено, но при этом не обошлось без драматических коллизий. В приведенном выше списке из семи доверенных лиц, приглашенных к составлению великокняжеской духовной, не нашлось места для князей Д. Ф. Бельского, И. В. Шуйского, М. Л. Глинского, И. И. Кубенского и нескольких дьяков, сопровождавших Василия III в поездке и участвовавших в совещании на Волоке. Отголоски придворной борьбы (местнической по своей природе) за право быть рядом с умирающим государем и присутствовать при составлении его завешания слышны в словах летописца: «Тогда же князь велики прибави к собе в думу к духовной гра-

⁵⁴ Так во всех трех летописях: ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 270; Т. 43. С. 227.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 43. С. 227.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 270.

моте бояр своих князя Ивана Васильевича Шуйского, да Михаила Васильевича Тучкова, да князя Михаила Львовича Глинского. Князя же Михаила Львовича Глинского прибавил потому, поговоря з бояры, что он в родстве жене его, великой княгине Елене»⁵⁷.

Примечательно, что включение в «думу к духовной грамоте» кн. И. В. Шуйского и М. В. Тучкова не потребовало каких-либо объяснений, зато в отношении кн. М. Л. Глинского понадобилась особая мотивировка (родство с великой княгиней). Очевидно, приближение ко двору литовских княжат вызывало раздражение в среде старинной московской знати, которое великому князю приходилось преодолевать⁵⁸. Чуть ниже мы разберем еще один упоминаемый в Повести эпизод, который проливает свет на свойственную придворной среде неприязнь к «чужакам».

Итак, круг ближайших советников, допущенных к составлению великокняжеского завещания, был окончательно определен: в него вошло десять человек. Им Василий III стал «приказывати о своем сыну великом князе Иване, и о великой княгине Елене, и о своем сыну князи Юрьи Васильевиче, и о своей духовной грамоте»⁵⁹.

Далее в Повести рассказывается о приготовлениях великого князя к принятию монашеского сана; причем в списке *Дубр.* настойчиво подчеркивается роль старца Мисаила Сукина в этих приготовлениях⁶⁰.

В воскресенье, 30 ноября, великий князь, причастившись, призвал к себе митрополита Даниила, братьев своих — князей Юрия и Андрея и всех бояр. Он обратился к ним с речью: «Приказываю своего сына великого князя Ивана Богу и Пречистой Богородици, и святым чудотворцем, и тебе, отцу своему Данилу, митрополиту всеа Руси. И даю ему свое государство, которым меня благословил отец мой государь князь великий Иван Васильевич всеа

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 270. Так же в *Дубр.*, за исключением ошибочного титулования М. В. Тучкова «князем» (ПСРЛ. Т. 43. С. 227).

⁵⁸ С. А. Морозов предположил, что на кандидатуре кн. М. Л. Глинского настояли кн. В. В. Шуйский, П. И. Головин и другие участники совещания — вопреки мнению Василия III (*Морозов С. А. Летописные повести.* С. 70, 72—73). Этому необоснованному предположению противоречат как многочисленные свидетельства Повести о доверии и расположении государя к князю Михаилу Львовичу в последние дни жизни Василия III, так и последующая судьба Глинского, ставшего жертвой местнической борьбы вскоре после смерти его покровителя — великого князя.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 270. Так же в *Дубр.*: ПСРЛ. Т. 43. С. 227.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 43. С. 227. Ср.: Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 270.

Руси»⁶¹. Своим братьям государь дал такой наказ: «А вы бы, моя братия князь Юрьи и князь Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем есмя крест целовали, и крепости промежь нами, и о земском бы есте строении, и о ратных делах противу недругов моего сына и своих стояли общо, была бы православных хрестыян рука высока над бесерменством»⁶². Наконец, от бояр, детей боярских и княжат великий князь потребовал верной службы своему наследнику: «...как есте служили нам, так бы есте ныне и впредь служили сыну моему Ивану и на недругов все были заодин, и хрестыянства от недругов берегли, а служили бы есте сыну моему прямо и неподвижно»⁶³.

Затем, отпустив митрополита и своих братьев — удельных князей, государь обратился с новой речью к находившимся у него «всем боярам» (летописец называет кн. Дмитрия Федоровича Бельского «з братьею», князей Шуйских и Горбатов, Поплевиных и кн. Михаила Львовича Глинского): «Ведаете сами, кое от великого князя Володимера киевского ведетца наше государство Владимирское и Ноугородцкое и Московское. Мы вам государи прирожденные, а вы наша извечная бояре. И вы, брате, постоит крепко, чтобы мой сын учинився на государстве государем...»⁶⁴ До этого места речь государя одинаково передается в сохранившихся списках Повести, но далее начинаются существенные различия между версией *Пост./Соф.*, с одной стороны, и *Дубр.* — с другой:

<i>Пост. / Соф.</i>	<i>Дубр.</i>
И вы, брате (<i>Соф.</i> : братие), постоит крепко, чтобы мой сын учинився (<i>Соф.</i> : учинился) на государстве государем, была бы в земле правда и в вас бы розни никоторые не было. Да при-	И вы, брате, постоит крепко, чтобы мой сын учинился на государстве государь и чтобы была в земле правда; да приказываю вам своих сестричичев, князя Дмитрия Феодоровича Белского

⁶¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 20. Так же в *Соф.* и *Дубр.*: Т. 6. С. 270; Т. 43. С. 228.

⁶² ПСРЛ. Т. 34. С. 20. В *Пост.* здесь пропущено несколько слов, которые восстанавливаются по *Соф.*: Т. 6. С. 270—271. В *Дубр.* окончание речи к братьям Юрию и Андрею звучит так: «...чтобы была православных хрестыян рука высока над бесерменскими и латынскими» (ПСРЛ. Т. 43. С. 228).

⁶³ ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 271. В *Дубр.* эта речь изложена в иной, более краткой редакции: «...а вы бы, бояре и боярские дети и княжата, стояли вопче с моим сыном и с моею братиею против недругов, а служили бы есте моему сыну, как есте мне служили, прямо» (ПСРЛ. Т. 43. С. 228).

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 21. Так же в *Соф.* и *Дубр.*: ПСРЛ. Т. 6. С. 271; Т. 43. С. 228.

казываю вам: Михайло Лвович Глинской (Сф.: Михайла Лвовича Глинского), человек к нам приезжей, и вы б того не молвили, что он приезжей, держите его за здешнего уроженца, занеже мне он прямой слуга. И были бы есте все вопче и дела земского и сына моего дела берегли и делали заодин. А ты б, князь Михайло Глинской, за моего сына великого князя Ивана и за мою великую княгиню Елену, и за моего сына князя Юрья кровь свою пролиал и тело свое на раздробление дал⁶⁵.	з братиею и князя Михаила Лвовича Глинского, занеже князь Михайло по жене моей мне племя, чтобы есте были вопче, дела бы есте делали за один; а вы бы, мои сестричичи князь Дмитрий з братею, о ратных делех и о земском строение стояли за один, а сыну бы есте моему служили прямо; а ты б, князь Михайло Глинской, за моего сына князя Ивана, и за мою великую княгиню Елену, и за моего сына князя Юрья кровь свою пролиал и тело свое на раздробление дал⁶⁶.

Как видим, по одной версии, великий князь «приказал» боярам, т.е. поручил, рекомендовал им как своего верного слугу кн. М. Л. Глинского. По другой версии, той же чести удостоились еще и кн. Д. Ф. Бельский с братьями. Различна и аргументация: в одном случае аргументом служит «прямая» служба Глинского; во втором — родство с государем всех упомянутых лиц: Глинский — дядя жены, Бельские — «сестричичи» великого князя (они были сыновьями двоюродной сестры Василия III, княгини Анны Васильевны Рязанской⁶⁷).

Понятно, что в летописном рассказе не следует видеть протокольной записи речи Василия III к боярам: несомненно, она подверглась литературной обработке. Однако вопрос заключается в том, какая из двух приведенных версий отражает первоначальную редакцию Повести?

А. Е. Пресняков с доверием отнесся к версии *Дубр.* и других списков той же группы⁶⁸. А. А. Зимин полагал, что содержавшееся в Новгородском своде 1539 г. (т.е. в списке *Дубр.*) упоминание об особой роли, которую отводил Василий III князю Д. Ф. Бельскому, было позднее изъято из летописей, составленных в годы правления Шуйских⁶⁹. Того же взгляда на соотношение версий *Сф./Пост.* и

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 21; Т. 6. С. 271.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 43. С. 228.

⁶⁷ Rüß H. Dmitrij F. Belskij. S. 171.

⁶⁸ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 79—80.

⁶⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 227, прим. 2; *Его же*. Россия на пороге нового времени. С. 390, прим. 87, и с. 395.

Дубр., в том числе и применительно к данному эпизоду, придерживался С. А. Морозов⁷⁰.

С критикой подобных представлений, утвердившихся в научной литературе, выступили Х. Рюс и Р. Г. Скрынников. Немецкий ученый справедливо обратил внимание на то обстоятельство, что кн. Д. Ф. Бельский, судя по тексту Повести, не участвовал в совещаниях у постели умирающего государя; он не вошел в состав бояр, приглашенных к составлению духовной Василия III. На этом основании Рюс заключил, что пассаж о братьях Бельских является позднейшей вставкой в летописный рассказ⁷¹.

К тому же выводу, но по другим причинам пришел Скрынников. По его мнению, текст Повести в списке *Дубр.* в результате редакторской правки частично утратил смысл: группе бояр, список которых в летописи начинается с кн. Д. Ф. Бельского «с братиею», великий князь «приказал» самого же кн. Д. Ф. Бельского «с братиею»!⁷²

К этим аргументам можно добавить еще некоторые наблюдения, свидетельствующие, на мой взгляд, о вторичном и тенденциозном характере версии *Дубр.* Наказ великого князя боярам в изложении *Пост./Соф.* пронизан единой логикой: основная мысль — стремление государя избежать розни среди бояр, поэтому он призывает всех — и «здешних уроженцев», и «приезжих» князей — сплотиться вокруг наследника престола и верно служить ему; Глинского Василий III «приказывает» боярам именно потому, что тот — «прямой» слуга.

Логика речи государя в рассказе *Дубр.*, напротив, не ясна: призыва к преодолению розни там нет, а наказ боярам, «чтобы были вопче» и дела делали «заодин», странно диссонирует с настойчивым подчеркиванием родства и Бельских, и Глинского с великим князем: такой «аргумент» в тревожной обстановке ноября—декабря 1533 г. способен был только еще больше настроить представителей старинной знати Северо-Восточной Руси (Шуйских, Горбатовых и др.) против «чужаков», занявших по милости государя первые места у трона.

Удивляет также то обстоятельство, что Василий III, по версии *Дубр.*, представил боярам весь клан князей Бельских, в то время как

⁷⁰ Морозов С. А. Летописные повести. С. 24, 27—28.

⁷¹ Rüst H. Dmitrij F. Belskij. S. 173, 176—177.

⁷² Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 83; *Его же*. История Российская. С. 256.

из Глинских (а о них обо всех можно было сказать, что они великому князю по жене «племя») упомянул только князя Михаила Львовича. Но все эти странности и несообразности получают объяснение, если предположить, что этот пассаж в *Дубр.* является редакторской вставкой в текст Повести, появившейся в начале 1540-х годов, когда братья Дмитрий и Иван Бельские пользовались большим влиянием при московском дворе⁷³. Местнические интересы этого клана, возможно, и побудили составителя *Дубр.* вставить в летописную Повесть пассаж, свидетельствующий об особом будто бы благоволении умирающего Василия III к кн. Д. Ф. Бельскому «с братией».

Что же касается «материала», использованного для этой вставки, то он мог быть заимствован из других эпизодов той же Повести: так, слова Василия III о родстве с Глинским («по жене моей мне племя») напоминают мотивировку, использованную великим князем для введения Глинского в «думу», созданную для составления духовной грамоты⁷⁴, а наказ князьям Бельским («о ратных делах и о земском строении» стоять «заодин») очень близок, по сути, к наставлению, данному государем своим братьям Юрию и Андрею⁷⁵.

В среду, 3 декабря, в последний день жизни великого князя, он призвал к себе бояр — тех же, что присутствовали при составлении его духовной: князей Ивана и Василия Шуйских, М. С. Воронцова, М. Ю. Захарьина, М. В. Тучкова, кн. М. Л. Глинского, И. Ю. Шигону, П. И. Головина и дьяков М. Путятину и Ф. Мишурина. «И быша у него тогда бояре, — говорит летописец, — от третьяго часа до седмаго, и приказав им о своем сыну великом князе Иване Васильевиче и о устроении земском, и како быти и правити после его государьства»⁷⁶.

Текст *Дубр.* в этом месте явно вторичен по отношению к *Соф.* и *Пост.*: переписчик допустил механическую ошибку, пропустив в

⁷³ Наибольшим влиянием братья Д. Ф. и И. Ф. Бельские пользовались в 1541 г.: князю Дмитрию Федоровичу как старшему боярину в Думе адресовались дипломатические послания соседних стран; о кн. Иване Федоровиче летописец говорит, что государь его «у себя в приближение держал и в первосветниках» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 39, 42). Подробнее см. ниже, гл. 5.

⁷⁴ Ср.: «...что ему в родстве по жене его по великой княгине Елене» (ПСРЛ. Т. 43. С. 227).

⁷⁵ Ср.: «...и вы бы, братия моя, о земском строении, о ратных делах против недругов сына моего и своих стояли вопче» (ПСРЛ. Т. 43. С. 228).

⁷⁶ Лучшее чтение — в *Соф.*: ПСРЛ. Т. 6. С. 272. В *Пост.* в окончании последней фразы — неверная разбивка текста на слова: «...како бы тии правити после его государьства» (Т. 34. С. 21).

списке бояр М. Ю. Захарьина, а в заключительной фразе, видимо не разобрав одного слова, написал: «...како бы правити после его государьства»⁷⁷.

То, что указанный пропуск имени одного из бояр носил механический характер, а не выражал какой-то политической тенденции, явствует из последующего текста, который читается одинаково и в *Дубр.*, и в *Пост./Соф.*: «И поидоша от него [Василия III. — М. К.] бояре. А у него остана Михайло Юрьев [Захарьин. — М. К.] да князь Михайло Глинской, да Шигона и быша у него до самые ноши. И приказав о своей великой княгине Елене и како ей без него быти, и как к ней бояром ходити. И о всем им приказа, как без него царству строитись»⁷⁸.

В заключительных эпизодах летописной Повести мы вновь находим следы редакторской правки. Так, при описании прощания Василия Ивановича с женой — великой княгиней Еленой в тексте *Соф.* и *Пост.* приведены некоторые реалистические подробности: «*И хоте [великий князь. — М. К.] ей наказывати о житье ея, но в кричанье не успе ю ни единого слова наказати.* Она же не хотяше итти от него, *а от вопля не преста*, но отосла ея князь велики *сильно*, и простися с нею, и отдаст ей последнее целование свое...»⁷⁹ Все выделенные мною экспрессивные детали были исключены при изложении этого эпизода в *Дубр.* Взамен там появилась более короткая и сдержанная фраза: «Тогда же великая княгини не хотяше ийти от него, но отсла ея князь велики, и простися с нею князь велики, и отдасть ей последнее свое целованье...»⁸⁰

Приведенный пример еще раз демонстрирует уже отмеченную нами выше редакторскую манеру составителя *Дубр.*, стремившегося приблизить текст «Сказания» о смерти Василия III к образцам житийного жанра⁸¹.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 43. С. 229.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 21; Т. 6. С. 272. Так же в *Дубр.*, за исключением написания отдельных слов («а у него оста Михайло Юрьев» и т.д.): Т. 43. С. 229.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 22. Тот же текст в *Соф.* с несущественными разночтениями: Т. 6. С. 273.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 43. С. 230.

⁸¹ Наряду с приведенным здесь эпизодом, Н. С. Демкова указывает еще на передачу в той же летописи диалога Василия III с лекарем Н. Булевым как на пример характерных для составителя *Дубр.* приемов редактирования текста, направленных на устранение не «этикетных» деталей (*Демкова Н. С.* Комментарии [к «Повести о болезни и смерти Василия III»]. С. 567).

Некоторые подробности описания похорон великого князя, скончавшегося в ночь на 4 декабря 1533 г., различаются в *Пост./Соф.* и *Дубр.* Так, по одной версии, распоряжение об устройстве гробницы в Архангельском соборе было отдано М. Ю. Захарьиным, по другой — боярами:

<i>Пост./Соф.</i>	<i>Дубр.</i>
Бояре же его [Василия III. — М.К.], поговоря с митрополитом и з братьею великого князя, повеле (<i>Соф.</i> : повелеша) в Архангеле ископати гроб ему подле отца его великого князя Ивана Васильевича... И, поговоря с митрополитом, послаша шатирничего Русина Иванова сына Семенова, снем с него меру, и повеле (<i>Соф.</i> : повелеша) ему гроб привести камен ⁸² .	Боярин жо его [Василия III. — М.К.] Михайло Юрьевичь, поговоря с митрополитом и з братьею великого князя и з бояры, и повеле во Архангиле ископати гроб, подле отца его великого князя Ивана Васильевича... и, поговоря с митрополитом, Михайло Юрьевич послаша по постел[ни]чиво Русина Иванова сына Семенова, снем с него меру, и повеле ему гроб привести камен ⁸³ .

В обеих версиях (и в *Пост.*, и в *Дубр.*) можно заметить несогласованность глаголов с существительными: в первом случае с существительным множественного числа («бояре») дважды употреблен глагол («повеле») в единственном числе, во втором случае — наоборот: рядом с подлежащим в единственном числе («Михайло Юрьевич») стоит сказуемое во множественном числе («послаша»). Таким образом, обе версии сохранили следы редакционной правки. Если учесть, что согласованность глагольных форм с существительными наблюдается только в *Соф.*, а там все распоряжения исходят от «бояр», то можно предположить, что именно этот список сохранил первоначальный текст данного фрагмента Повести. Выше уже было отмечено особое внимание составителя *Дубр.* к фигуре боярина М. Ю. Захарьина, и подчеркивание его роли на похоронах великого князя является, по-видимому, еще одной вставкой, характерной для этой версии памятника.

Различается в двух версиях и список бояр и боярынь, сопровождавших великую княгиню Елену на похоронах мужа:

⁸² ПСРЛ. Т. 21. С. 24; Т. 6. С. 275.

⁸³ ПСРЛ. Т. 43. С. 231.

<i>Пост./Соф.</i>	<i>Дубр.</i>
А с нею [Еленой. — М. К.] шли бояре князь Василей да князь Иван Васильевич Шуйские, Михайло Семенович Воронцов, князь Михайло Лвович Глинской, боярыня же бысть тогда с великою княгинею князь Федорова Мстисловского княгини Настасья ⁸⁴ .	А с нею [Еленой. — М. К.] шли бояре князь Василей Васильевич Шуйской, Михайло Семенович Воронцов, князь Михайло Лвович Глинской, князь Иван Федорович Овчина, боярыня же тогда бысть с великою княгинею князя Федора Мстиславского княгиня Анастасия, племянница великого князя, да князь Иванова Даниловича Пенково княгини Марья, да боярыня Ивана Ондреевича жена Челядина Олена, да Василия Ондреевича жена Огрофена, да Михаила Юрьевича жена Феодосия, да Василья Ивановича жена Огрофена, да князь Васильева жена Лвовича Глинского княгини Анна ⁸⁵ .

Трудно сказать, как выглядел этот список в первоначальной редакции Повести о смерти Василия III. Ясно, что на похороны государя пришли все бояре, князья и дети боярские, находившиеся в начале декабря 1533 г. в Москве. Поэтому оба варианта перечня, дошедшие до нас в сохранившихся списках Повести, заведомо не полны, и эта избирательность отражает чьи-то местнические интересы. Текст *Пост./Соф.* не упоминает в свите великой княгини князя И. Ф. Овчину Оболенского, в то время как в *Дубр.* пропущено имя боярина кн. И. В. Шуйского. Можно предположить, что первоначальный текст заканчивался имеющимся в обоих вариантах упоминанием боярыни Анастасии, жены кн. Ф. Мстиславского («боярыня же тогда бысть с великою княгинею»); следующий затем в *Дубр.* список боярынь, вероятно, является более поздней припиской, сделанной на основе местнических памятей времени правления Елены Глинской.

Суммируя сделанные выше наблюдения, можно сказать, что ни один из сохранившихся списков Повести о смерти Василия III не

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 24; Т. 6. С. 276.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 43. С. 232. Тот же перечень содержится в Синодальном списке Повести (ОР ГИМ. Синод. собр. № 963), см.: Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. № 121. С. 121.

отражает целиком первоначальной редакции этого памятника. И версия *Пост./Соф.*, и *Дубр.* несут на себе следы редакционной правки. Особой тенденциозностью отличается правка текста в *Дубр.* Во-первых, составитель устранял чересчур, по его мнению, реалистические подробности и даже факты (например, упоминание о сожжении предыдущей духовной Василия III), если они не соответствовали канонам житийной литературы. Во-вторых, руководствуясь местническими интересами, редактор стремился принизить роль одних лиц (например, дьяка Ф. Мишурина) и, наоборот, подчеркнуть доверие великого князя к другим лицам (старцу М. Сукину, братьям Бельским и др.).

О том, что редактор *Дубр.* не был очевидцем описываемых в Повести событий и плохо знал придворную среду начала 1530-х годов, свидетельствуют многочисленные ошибки в именах и титулах упоминаемых лиц. Так, как уже отмечалось выше, составитель *Дубр.* постоянно путает братьев-князей Ивана и Василия Шуйских; кроме того, дворецкий И. Ю. Шигона и боярин М. В. Тучков иногда ошибочно именуются в этом списке «князьями»⁸⁶. Поэтому *Дубр.* не может служить основным и уж тем более единственным источником для изучения событий поздней осени 1533 г.

Правка встречается и в списках *Пост.* и *Соф.*, но ее направленность не вполне ясна. Возможно, в отдельных эпизодах редактор стремился затушевать важную роль в событиях или близость к государю некоторых лиц (например, М. Сукина и М. Ю. Захарьина). В других случаях можно предполагать сокращение текста без какой-либо политической тенденции.

То, как распределены «свет и тени» в Повести по списку *Дубр.* (подчеркивание старшинства дьяка Меньшого Путятина перед Ф. Мишуриным, особое внимание к боярину М. Ю. Захарьину и кн. Д. Ф. Бельскому с «братией»), указывает на начало 1540-х гг. как на вероятное время появления этой версии. Списки *Пост.* и *Соф.* сохранили, по-видимому, более ранний текст, возникший, возможно, в начале правления Елены Глинской.

Вместе с тем поскольку многие ключевые эпизоды Повести одинаково изложены и в *Пост./Соф.*, и в *Дубр.*, то обе версии можно считать вариантами, или видами, одной (ранней) редакции памятника, представленной тремя списками. Любые наблюдения над текстом Повести должны обязательно основываться на сопоставлении всех трех списков.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 43. С. 226, 227.

2. СОСТАВ ОПЕКУНСКОГО СОВЕТА: ЛЕТОПИСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И ГИПОТЕЗЫ ИСТОРИКОВ

Охарактеризовав интересующий нас памятник в целом, остановимся подробнее на тех эпизодах летописной Повести, которые послужили исследователям источником для предположений о составе опекунского (или регентского) совета, созданного Василием III при своем малолетнем наследнике.

Чаше всего историки обращались к описанному в Повести совещанию о составлении великокняжеской духовной, начавшемуся сразу по возвращении Василия III в Москву 23 ноября 1533 г. Напомню, что в том совещании («думе») приняли участие 10 человек: князья Василий и Иван Васильевичи Шуйские, М. Ю. Захарьин, М. С. Воронцов, казначей П. И. Головин, тверской дворецкий И. Ю. Шигона, кн. М. Л. Глинский, М. В. Тучков и дьяки М. Путьин и Ф. Мишурин.

В. И. Сергеевич, как уже говорилось, первым из исследователей увидел в перечисленных 10 советниках правителей, назначенных Василием III на период малолетства его сына. Ученый предположил, что в духовную грамоту «было внесено и постановление о правительстве», причем участники совещания подписались на документе в качестве свидетелей. Но грамота эта не сохранилась: «Очень можно думать, — писал Сергеевич, — что действительное правительство, захватившее власть по смерти царя [так автор называет Василия III. — *М. К.*], не соответствовало предположенному, а потому и был повод захватившим власть скрыть и уничтожить ее»⁸⁷. Вопросы, поставленные Сергеевичем: о составе правительственного совета при юном наследнике и о содержании не дошедшего до нас завещания Василия III, — оставались предметом дискуссии историков в течение всего недавно закончившегося XX столетия.

А. Е. Пресняков поддержал процитированное выше мнение Сергеевича об уничтожении завещания Василия III в ходе борьбы за власть, вспыхнувшей после смерти великого князя⁸⁸. Что же касается последних распоряжений великого князя, то для их выяснения исследователь привлек не один фрагмент летописной Повести (как Сергеевич), а два: помимо известия о «думе» государя с

⁸⁷ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 399.

⁸⁸ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 80.

боярами по поводу составления духовной, внимание историка привлекло упоминание о «приказании», данном Василием III незадолго до смерти трем лицам: Захарьину, Глинскому и Шигоне. Им государь приказал «о своей великой княгине Елене, и како ей без него быти, и как к ней бояром ходити, и о всем им приказа, как без него царству строитися»⁸⁹.

В результате изучения текста Повести Пресняков пришел к выводу о двойственном характере распоряжений Василия III. Одной группе бояр во главе с князьями Шуйскими (тем самым десятой советникам, которых имел в виду Сергеевич) великий князь «приказал» о своем сыне Иване и «о устроенъе земском»; по определению Преснякова, эта группа — «душеприказчики, которым надлежит блюсти выполнение всех заветов умирающего великого князя». «Нет основания, по-видимому, первую группу назвать в точном смысле слова советом регентства, но роль, ей предназначенная, близка к такому значению», — считал историк⁹⁰. Второй группе из трех доверенных лиц государь поручил особую опеку над положением великой княгини. Тем самым ее статус также оказывался двойственным: с одной стороны, Василий III, по мнению Преснякова, отвел известную роль Елене в опеке над сыном и в управлении страной (ср. слова летописца о хождении к ней бояр); с другой стороны, он отнюдь не передал великой княгине всей полноты власти, поручив особым лицам контроль над ней и над исполнением его распоряжений⁹¹.

О двойной опеке писал и С. Ф. Платонов, выделив «коллегию душеприказчиков», к которой он отнес князей Бельских, Шуйских, Б. И. Горбатого, М. С. Воронцова и др. (т.е. по существу всех бояр) и особую тройку опекунов, призванных охранять великую княгиню⁹².

И. И. Смирнов по вопросу о персональном составе регентского совета пришел к тем же выводам, что и Пресняков⁹³.

А. А. Зимин на разных этапах своего творчества неоднократно обращался к проблеме регентства и реконструкции пропавшего завещания Василия III. Так, в статье 1948 г. историк привел нео-

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 272. Тот же текст читается в *Пост. и Дубр.*: Т. 34. С. 21; Т. 43. С. 229.

⁹⁰ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 79.

⁹¹ Там же.

⁹² Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пб., 1923. С. 35.

⁹³ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 33.

проверяемые данные, свидетельствующие о том, что (вопреки предположению Сергеевича и Преснякова) духовная великого князя не была уничтожена сразу после его смерти, а существовала по крайней мере еще в 70-х годах XVI в.: прямые ссылки на нее имеются в завещании Ивана Грозного. Основываясь на этих упоминаниях и некоторых монастырских актах 1530-х годов, Зимин попытался реконструировать те пункты не дошедшей до нас духовной грамоты Василия III, которые касались имущественных распоряжений великого князя. В частности, ученый предположил, что своему брату князю Андрею Ивановичу Старицкому государь завещал Волоцкий удел, однако правительство Елены Глинской не собиралось выполнять этот пункт духовной Василия III и потому «скрыло» его завещание⁹⁴.

Что же касается вопроса о регентстве, то Зимин считал (опять-таки вопреки мнению Сергеевича и Преснякова), что «в своем завещании Василий III не упоминал ни о каком регентском совете, это было предметом его последующих устных распоряжений». В доказательство этого тезиса историк ссылался на Повесть о смерти Василия III, а также на завещания его деда и отца, которые послужили прообразом духовной 1533 г. и в которых нет ни слова ни о каких опекунских советах: «Такие распоряжения в подобного рода документы не вносились», — подчеркнул исследователь⁹⁵.

В работах последующих лет Зимин пришел к выводу о том, что Василий III поручил ведение государственных дел всей Боярской думе, а при малолетнем наследнике назначил двух опекунов — князей М. Л. Глинского и Д. Ф. Бельского⁹⁶.

Указанные выше предположения и выводы Зимина обладают неодинаковой доказательной силой. Первый тезис — о том, что духовная Василия III не была уничтожена в годы боярского правления, — совершенно бесспорен. Иван IV ссылался на этот документ в своем завещании: «А что отец наш, князь великий Василей Иванович всея России, написал в своей душевной грамоте брату моему, князь Юрью, город Угличь и все поле, с волостми, и с путми, и с селы...»⁹⁷ Кроме того, духовная грамота великого князя Ва-

⁹⁴ Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI века // ИЗ. М., 1948. Т. 27. С. 282—286.

⁹⁵ Там же. С. 282.

⁹⁶ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 226—227; *Его же*. Россия на пороге нового времени. С. 395.

⁹⁷ ДДГ. № 104. С. 440.

сиялия упоминается в целом ряде актов 30-х и начала 40-х гг. XVI в. Например, в жалованной грамоте Ивана IV Иосифо-Волоколамскому монастырю на село Турово (май 1534 г.) передача села этой обители мотивировалась волей покойного государя: «...что написал отец наш князь великий Василей Иванович вс[е]я Руси... в духовной грамоте»⁹⁸. Аналогичная ссылка имеется в «памяти» Ивана IV подьячему Давыду Зазиркину от 24 мая 1535 г., которому было велено ехать для отвода земель в село Тураково Радонежского уезда, «что написал то село отец наш князь великий Василей Иванович всеа Руси в своей духовной грамоте к Троице в Сергиев монастырь»; тот же подьячий должен был передать, также по завещанию Василия III, село Романчуково Суздальского уезда Покровскому девичьему монастырю⁹⁹. Наконец, опубликованная недавно А. В. Маштафаровым духовная грамота Ивана Юрьевича Поджогины 1541 г. содержит упоминание о пожаловании ему Иваном IV «по приказу» отца, великого князя Василия Ивановича, более 20 деревень в Тверском уезде¹⁰⁰.

Однако эти свидетельства, подтверждая первый из вышеприведенных тезисов Зимина, не позволяют согласиться со вторым его утверждением — о том, что правительство Елены Глинской якобы «скрыло» завещание ее покойного мужа. Процитированные мною документы 30-х и начала 40-х гг. XVI в. показывают, что содержание духовной Василия Ивановича не держалось в тайне, что многие его распоряжения имущественного характера были выполнены. Да и трудно себе представить, как можно было «скрыть» грамоту, составленную и утвержденную в присутствии десяти влиятельных бояр, дворецких и дьяков и, вероятно, подписанную митрополитом Даниилом.

Еще одно суждение Зимина — о том, что распоряжения о регентстве не вносились в духовные грамоты, а излагались устно, — заслуживает, на мой взгляд, серьезного внимания, но нуждается в более тщательном обосновании. В частности, ссылка исследователя в подтверждение своей гипотезы на духовные Василия II и Ивана III, как справедливо заметил И. И. Смирнов, не может быть при-

⁹⁸ АФЗХ. М., 1956. Ч. 2. № 137 С. 134.

⁹⁹ ОАСУ. Отд. I. № 23. С. 29, 30. На упоминание духовной Василия III в этом документе первым обратил внимание И. И. Смирнов (*Смирнов И. И.* Очерки политической истории. С. 25, прим. 18).

¹⁰⁰ *Маштафаров А. В.* Духовная Ивана Юрьевича Поджогины 1541 года // РД. М., 1997. Вып. 1. С. 35.

нята, поскольку в обоих названных случаях завещатели, имея взрослого сына-наследника, не нуждались в создании регентства. В свою очередь, Смирнов, настаивая на противоположном тезисе (о включении пункта о регентском совете в духовную грамоту Василия III), ссылаясь на грамоту Василия I, «приказавшего» своего малолетнего сына определенной группе лиц, и на слова С. Герберштейна, сообщившего в своих «Записках» о том, что опекуны малолетнего Ивана IV были упомянуты в завещании Василия III¹⁰¹.

Наконец, предположение Зимина, согласно которому опекунами сына-наследника Василий III назначил князей Глинского и Бельского, на поверку оказывается слабо обоснованным и не имеет серьезной опоры в источниках. Прежде всего эта гипотеза опирается на проанализированный нами выше фрагмент летописной Повести о смерти Василия III, который читается только в *Дубр.* и зависимых от него более поздних вариантах этого памятника. Как уже говорилось, есть серьезные основания считать помещенное там «приказание» кн. Д. Ф. Бельского «с братией» остальным боярам поздней тенденциозной вставкой в текст Повести.

Но даже если допустить, что в этом источниковедческом споре прав Зимин и упомянутые слова Василия III действительно читались в первоначальной редакции Повести, то и в этом случае с предложенной ученым интерпретацией невозможно согласиться. Как справедливо отметил С. А. Морозов, «приказание» Бельского «с братией» боярам в данном контексте означало лишь поручение названных лиц «заботам» думцев¹⁰². О предоставлении кому-либо опекунских полномочий в том эпизоде речи не было. Непонятно, кроме того, почему Зимин, основываясь на упомянутом отрывке, причислил к опекунам, помимо Глинского, только Д. Ф. Бельского: ведь кн. Дмитрий в тексте Повести всюду фигурирует вместе со своей «братией», — получается, что тогда всех троих братьев Бельских следовало бы считать опекунами!

¹⁰¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 26 (продолжение сноски 18).

¹⁰² Морозов С. А. Летописные повести. С. 71. По мнению самого С. А. Морозова, смысл этого «приказания» боярам кн. М. Л. Глинского и Бельских состоял в том, что Василий III добился тем самым коллективного поручительства членов Думы за казавшихся ему недостаточно надежными князей (Там же. С. 72). На мой взгляд, летописный текст, на который ссылается исследователь, не дает оснований для столь смелого вывода. Текст Повести не оставляет сомнений в том, что по крайней мере кн. М. Л. Глинский пользовался доверием великого князя в тяжелые дни неизлечимой болезни.

Исследователь летописной Повести о смерти Василия III С. А. Морозов пришел к выводу о том, что регентами-опекунками малолетнего Ивана IV были назначены кн. М. Л. Глинский, М. Ю. Захарьин и И. Ю. Шигона. Из текста диссертации Морозова можно понять, что ученый основывался на летописном рассказе о последних совещаниях Василия III с боярами 3 декабря 1533 г. К сожалению, автор не раскрыл логику своих рассуждений и не привел аргументов, которые позволили бы предпочесть его точку зрения ранее высказанным взглядам других исследователей на эту дискуссионную проблему¹⁰³.

Оригинальную трактовку интересующего нас вопроса предложил Р. Г. Скрынников. В 1973 г. он выдвинул гипотезу о существовании уже в XVI в. «семибоярщины», которая впервые возникла в 1533 г. как регентский совет при малолетнем наследнике престола; в состав этого совета, по мнению историка, вошли князь Андрей Старицкий и шестеро бояр (князья Василий и Иван Шуйские, М. Ю. Захарьин, М. С. Воронцов, кн. М. Л. Глинский, М. В. Тучков)¹⁰⁴.

На слабую обоснованность этой гипотезы уже обращалось внимание в литературе¹⁰⁵. Действительно, по ссылкам на Повесть о смерти Василия III можно понять, что Скрынников строит свои выводы на основе эпизода составления великокняжеской духовной в присутствии ряда доверенных лиц. Этот пассаж анализировался многими исследователями, начиная с Сергеевича; дело, однако, заключается в том, что, как уже говорилось, там перечислено *десять* участников совещания: цифра «7» получается у Скрынникова путем произвольного исключения из числа опекунов лиц, не имевших боярского чина (казначая П. И. Головина, дворецкого И. Ю. Шигоны, дьяков Меньшого Путятина и Ф. Мишурина), и необоснованного расширения состава комиссии за счет старичьего князя, которого на самом деле на это совещание не пригласили.

Предположение об участии кн. Андрея Старицкого в «думе» о духовной Василия III основано, видимо, на неверном прочтении

¹⁰³ Морозов С. А. Летописные повести. С. 73; *Его же*. Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI века. Автореферат дис. ...канд. ист. наук. М., 1979. С. 14.

¹⁰⁴ Скрынников Р. Г. Московская семибоярщина // ВИ. 1973. № 2. С. 209—213 (о составе опекунского совета — с. 210).

¹⁰⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 294; Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. С. 11—12.

следующего места летописной Повести¹⁰⁶: «И того же дни [как больной государь был доставлен в Москву, т.е. 23 ноября. — М. К.] приезде к великому князю брат его князь Андрей Иванович. И нача князь великий думати з бояры. А бояр у него тогда бысть... [*перечисление*]. И призвал их к собе. И начат князь велики говорити о своем сыну о князе Иване...»¹⁰⁷

Как видим, между первой фразой (о приезде князя Андрея к брату в столицу) и последующим текстом нет прямой связи. Вполне возможно, что Андрей Иванович находился где-то рядом с происходящим, в соседних палатах. Но о его приглашении в государеву «думу» о наследнике и о духовной грамоте в тексте не сказано ни слова. Участники этого совещания указаны совершенно определенно: «нача князь великий думати з бояры», «а бояр у него [Василия III. — М. К.] тогда бысть», «и призва их к собе» и т.д. Подобным же образом рассказ о заседании, состав которого расширился до 10 человек, перебивается ниже сообщением о приезде другого брата государя, Юрия: «И тогда же приезде к великому князю брат его князь Юрьи Иванович вскоре на Москву». После чего рассказ о «думе» продолжается: «И нача же князь велики думати с теми же бояры и приказывати о своем сыну великом князе Иване...»¹⁰⁸ (выделено мной. — М. К.).

Чтобы развеять все сомнения, связанные с возможным участием удельных князей в решении вопроса об устройстве правления при малолетнем наследнике престола, обратимся к другому эпизоду Повести, где описываются последние совещания у постели умирающего государя, происходившие 3 декабря. Здесь говорится о том, что после причащения великий князь «призва к себе бояр своих», и перечисляются те же 10 человек, которые участвовали в «думе» о духовной. «И быша у него тогда бояре от третьяго часа до седмаго». Выслушав наказ государя о его сыне Иване, устройении земском и управлении государством, бояре ушли («И поидоша от него бояре»). Остались, как мы уже знаем, трое (Захарьин, Глинский и Шигона), которые просидели у великого князя «до самыя нощи». И только

¹⁰⁶ Цитируемый отрывок ввел в заблуждение и А. А. Зимина, который полагал, что упомянутое заседание происходило «в присутствии князя Андрея Ивановича» (*Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 394*). Р. Г. Скрынников пошел еще дальше и назвал старицкого князя не только участником совещания, но и старшим опекуном, главой пресловутой «семибоярщины» (*Скрынников Р. Г. Московская семибоярщина. С. 210, 212*).

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 20. Тот же текст в *Соф. и Дубр.*: Т. 6. С. 270; Т. 43. С. 227.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 20.

после того, как они выслушали «приказ» Василия III, «как без него царству строиться», явились братья государя Юрий и Андрей и стали «притужати» умирающего, «чтоб нечто мало вкусил»¹⁰⁹. Больше к обсуждению государственных вопросов Василий III, судя по тексту Повести, не возвращался. Таким образом, предположение о том, что великий князь обсуждал с братьями судьбу престола и, тем более, назначил одного из них опекуном своего сына, противоречит свидетельствам нашего основного источника.

Несмотря на прозвучавшую в литературе критику тезиса о существовании «семибоярщины» уже в XVI в., Скрынников в работах 1990-х гг. продолжал настаивать на своей версии, по-прежнему называя опекунский совет, созданный Василием III при своем малолетнем сыне, «съемочисленной комиссией». А поскольку это определение не соответствовало, как мы уже знаем, реальному количеству лиц, упомянутых в цитируемой Скрынниковым летописной Повести, то историк нашел остроумный выход, объявив старицкого князя и шестерых бояр «старшими членами» опекунского совета, а казначея Головина, дворецкого Шигону и дьяков Путятина и Мишурина — «младшими»¹¹⁰. Искусственность данного построения очевидна.

А. Л. Юрганов предпринял попытку разрешить загадку регентства не на основе источниковедческого анализа сохранившихся известий о событиях конца 1533 г., а исходя из реконструируемой им традиции оформления великокняжеских завещаний. По его наблюдениям, бояре подобного рода документы только подписывали в качестве свидетелей, но опекунами они быть не могли: опекунские функции являлись прерогативой лиц более высокого ранга — членов великокняжеской семьи, удельных и служебных князей, а также митрополитов. На этом основании Юрганов пришел к заключению, что опекунами малолетнего Ивана IV были назначены Елена Глинская, митрополит Даниил, кн. Глинский и кн. Андрей Старицкий¹¹¹.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 21. О том же в других списках: Т. 6. С. 272; Т. 43. С. 229.

¹¹⁰ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 83. См. также: *Его же*. История Российская. С. 254, 258.

¹¹¹ Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. С. 12; *Его же*. Духовная Василия III и завещательная традиция XIV—XVI вв. // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. Ч. II. С. 310—313.

Обращение к завещательной традиции вполне оправдано при изучении интересующей нас проблемы и, как я постараюсь показать ниже, может дать «ключ» к пониманию некоторых мест летописной Повести, о которых продолжают спорить историки. Однако информацию о конкретных лицах, назначенных в конце 1533 г. опекунами наследника престола, невозможно вывести «аналитическим путем» из завещаний предков Василия III; здесь ничто не может заменить прямых показаний источников.

Версия Юрганова очень уязвима во многих отношениях. Лежащий в ее основе тезис о том, что Василий III во всем покорно следовал традиции, труднодоказуем и едва ли верен. Да и сама трактовка этой традиции вызывает определенные сомнения: из чего, например, следует, что служилый князь мог быть опекуном? Ведь прецеденты такого рода неизвестны. А главное — гипотеза Юрганова противоречит показаниям источников: ни Елена Глинская, ни митрополит, ни удельные князья не были приглашены к составлению духовной; не им, а ближайшим советникам, согласно летописной Повести, великий князь дал последний наказ о сыне, жене и о том, «како без него царству строитися». Наконец, имеется свидетельство псковского летописца о том, что Василий III еще при жизни нарек старшего сына Ивана великим князем и «приказа его беречи до 15 лет своим бояром немногим»¹¹². Одно это свидетельство разом подрывает (тут я согласен со Скрынниковым¹¹³) всю концепцию Юрганова.

Трудно признать удачной и недавнюю попытку А. Л. Корзинина при помощи нескольких цитат из Повести о смерти Василия III решить давнюю научную проблему — определить состав регентского совета при Иване IV. Исследователь не стал разбирать аргументы своих предшественников, ограничившись кратким перечислением высказанных ранее точек зрения (при этом работы С. А. Морозова, Х. Рюса, П. Ниче вообще оказались неупомянутыми). Источниковедческий анализ летописной Повести и сравнение разных списков и редакций данного памятника он подменил беглым пересказом этого произведения и привел несколько цитат из текста по Постниковскому летописцу. Искомый перечень членов регентского совета историк усмотрел в перечисленных летописцем десяти советниках, которым Василий III в последний день жизни,

¹¹² ПЛ. Вып. 1. С. 106.

¹¹³ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 82.

3 декабря, «приказал» о своем сыне Иване и об устройении земском. Сам этот вывод далеко не нов: многие исследователи со времен В. И. Сергеевича видели в этом «приказании» намек на учреждение «правительства», или регентского совета. Новым можно признать лишь следующий аргумент А. Л. Корзинина: особое значение ученый придавал словам летописца о том, что великий князь, в частности, приказал боярам, «како бы тии правити после его государства»¹¹⁴. В слове «тии» исследователь увидел указательное местоимение и понял всю фразу как поручение боярам правления после смерти Василия III¹¹⁵. На самом деле словечко «тии», которое читается только в издании *Пост.*, появилось в результате ошибки публикаторов летописи, неправильно разбивших текст на слова¹¹⁶. Правильное чтение содержится в опубликованном списке *Соф.*, относящемся к той же редакции памятника: здесь говорится, что великий князь приказал боярам «о своем сыну великом князе Иване Васильевиче, и о устройении земском, и како быти и правити после его государства»¹¹⁷ (выделено мной. — М. К.). Как видим, «наблюдение» Корзинина основывается на ошибке (или опечатке) в издании Повести по одному из списков. Пренебрежение приемами текстологического анализа приводит к подобным курьезам.

Итоги многолетних попыток исследователей проникнуть в тайну пропавшего завещания Василия III убеждают в том, что при нынешнем состоянии источниковой базы ясный и убедительный ответ на вопрос, кому великий князь доверил власть и опеку над сыном, вряд ли может быть получен¹¹⁸. Дальнейшая дискуссия по

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 21.

¹¹⁵ Корзинин А. Л. Регентский совет при малолетнем Иване Грозном // Клио. Журнал для ученых. 1999. № 3 (9). С. 106.

¹¹⁶ Как показало обращение к соответствующему месту рукописи, в единственном сохранившемся списке *Пост.* нет никаких оснований для такого прочтения этой фразы, см.: РГАДА. Ф. 201 (Собр. М. А. Оболенского). Д. 42. Л. 40 (выражаю искреннюю признательность О. Е. Кошелевой, предоставившей мне фотокопию данной страницы Постниковского летописца).

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 6. С. 272.

¹¹⁸ Работа над книгой была уже завершена, когда в печати появилась статья В. В. Шапошника о завещании Василия III, в которой исследователь высказывает ряд соображений о предсмертных распоряжениях великого князя, о полномочиях, данных им группе бояр, и т. п. (*Шапошник В. В.* К вопросу о завещании Василия III // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 2. С. 21—28). Но ни подробного анализа источников, ни полемики со своими предшественниками автор в этой статье не предлагает,

данной проблеме будет плодотворна лишь при условии введения в научный оборот новых материалов. Ниже я приведу информацию о московских событиях конца 1533 г., которая сохранилась в источниках польско-литовского происхождения. Но и возможности нового прочтения летописной Повести о смерти Василия III нельзя считать исчерпанными. Этот замечательный памятник остается главным источником наших сведений о ситуации при московском дворе в момент перехода престола к юному Ивану IV. Но для правильной интерпретации содержащейся там информации исследователям необходим контекст. Поскольку одной из основных сюжетных линий Повести является составление великокняжеской духовной грамоты, таким контекстом может стать завещательная традиция в Московской Руси XV — первой трети XVI в.

3. Духовная грамота Василия III и завещательная традиция XV — первой трети XVI в.

Сравнение последних распоряжений Василия III, как они изложены в летописной Повести, с завещаниями его предков показывает, что этот великий князь (вопреки мнениям некоторых исследователей) вовсе не хранил верность древним традициям. В обычае московских великих князей было поручать опеку над детьми своим женам — великим княгиням и братьям. Так, Василий I, который тоже оставил престол малолетнему сыну, «приказал» его великой княгине. В свою очередь, опеку над женой и сыном он поручил тестю — великому князю литовскому Витовту и «своей братье молодшей», — князьям Андрею и Петру Дмитриевичам, Семену и Ярославу Владимировичам¹¹⁹. Аналогичный пункт имелся и в духовной Василия II: «А приказываю свои дети своей княгине. А вы, мои дети, живите заодин, а матери свое слушайте во всем, в мое место, своего отца». И далее: «А приказываю свою

отсылая читателя к другим своим работам, остававшимся, однако, на тот момент неопубликованными. Между тем в отрыве от конкретных источниковедческих наблюдений и вне историографического контекста невозможно оценить ни новизну, ни убедительность высказанных ученым предположений. Поэтому критический разбор взглядов В. В. Шапошника по обсуждаемому здесь вопросу придется отложить до полной публикации его исследования.

¹¹⁹ ДДГ. № 22. С. 60, 62. Третья духовная грамота Василия Дмитриевича, март 1423 г.

княгиню, и своего сына Ивана, и Юрья, и свои меньшие дети брату своему, королю польскому и великому князю литовскому Казимиру, по dokonчальной нашей грамоте...»¹²⁰

Изменение традиции можно заметить в духовной Ивана III: своих младших детей он «приказал» старшему сыну и наследнику Василию; его же он назначил своим душеприказчиком¹²¹. К тому времени (1504 г.) ни братьев, ни супруги великого князя, Софьи Палеолог, уже не было в живых, а о том, чтобы поручать опеку над детьми зятю — великому князю литовскому Александру, с которым лишь за год до того закончилась очередная война, не могло быть и речи.

Василий III не «приказал» детей ни жене, ни родным братьям: как было показано выше, составление великокняжеской духовной велось в тайне от них. Между тем в летописной Повести есть эпизод, который позволяет высказать предположение о том, кому по завещанию государь поручил опеку над сыном-наследником.

В речи Василия III, с которой он обратился к митрополиту, своим братьям и всем боярам 30 ноября (выше я уже цитировал этот отрывок в связи с вопросом о первоначальной редакции памятника), говорилось: «...приказываю своего сына великого князя Ивана Богу и Пречистой Богородице, и святым чудотворцем, и тебе, отцу своему Данилу, митрополиту всеа Руси»¹²² (выделено мной. — М. К.).

Возможно, эта официальная формулировка была внесена и в духовную Василия III. Великий князь с доверием относился к митрополиту Даниилу. Примечательно, что в сохранившейся духовной записи Василия Ивановича (июнь 1523 г.) государь назначал его своим душеприказчиком и оставлял жену на его попечение¹²³.

Однако, поручая сына покровительству небесных сил и опеке митрополита, великий князь не посвятил Даниила в дела светского управления; как мы уже знаем, митрополит не был приглашен ни на одно из заседаний, на которых Василий III давал своим боярам наказ, как после него «царству строитися». В отличие от Западной Европы, где регентство при малолетнем короле нередко поручалось духовным особам (кардиналы Ришелье и Мазарини — лишь самые известные примеры), в Московской Руси такого обычая не сложилось.

¹²⁰ ДДГ. № 61. С. 194, 197. Духовная Василия II, май 1461 — март 1462 г.

¹²¹ Там же. № 89. С. 354, 363. Духовная Ивана III, ранее 16 июня 1504 г.

¹²² ПСРЛ. Т. 34. С. 20. Так же в *Соф.* и *Дубр.*: Т. 6. С. 270; Т. 43. С. 228.

¹²³ «... и яз ныне свою душу и свою княгиню... приказываю отцу своему Данилу, митрополиту всеа Руси» (ДДГ. № 100. С. 415).

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению по вопросу о том, какие именно функции предназначались Василием III десяти советникам, которые были приглашены к составлению духовной, и тем трем доверенным лицам, которые выслушали его последний наказ поздним вечером 3 декабря. Содержание этих речей, вероятно, навсегда останется для нас тайной, скрытой за краткими и чересчур общими словами летописца («и о всем им приказа, как без него царству строиться»). Но мы можем попытаться представить себе, в каком качестве участники тех совещаний у постели умирающего государя могли быть упомянуты в его духовной грамоте. Некоторые указания на сей счет можно найти в формуляре великокняжеских завещаний XV—XVI вв.

Еще В. И. Сергеевич и А. Е. Пресняков предполагали, что 10 советников, приглашенных великим князем в «думу» о духовной грамоте, были поименованы в ней в качестве свидетелей¹²⁴. Это предположение представляется весьма правдоподобным. Действительно, вполне вероятно, что в конце духовной Василия III говорилось: «А туто были бояре мои...» (как в завещании его отца, Ивана III¹²⁵) или: «А у духовные сидели...» (как в грамоте деда, Василия II¹²⁶) — и далее перечислялись присутствовавшие при составлении документа бояре: князя Василий и Иван Шуйские, М. С. Воронцов, М. В. Тучков, казначей П. И. Головин. Дьяки Меньшой Путьтин и Федор Мишурин, очевидно, упоминались в качестве лиц, писавших грамоту. Что же касается еще троих участников той «думы» о духовной грамоте — кн. М. Л. Глинского, М. Ю. Захарьина и И. Ю. Шигоны Поджогина, то им, как можно предположить, отводилась в завещании иная роль.

Пресняков, согласившись с предположением Сергеевича о том, что перечисленные летописцем князя Шуйские и иные бояре, присутствовавшие при составлении духовной Василия III, были упомянуты в его завещании в качестве свидетелей, называет их далее «душеприказчиками» великого князя¹²⁷. Дело, однако, в том, что в духовных грамотах первой трети XVI в. свидетели и душеприказчики — это, как правило, *разные* лица. Так, в духовной Ивана III (1504 г.) душеприказчиком назван старший сын Василий, а свидетелями значатся бояре: кн. Василий Данилович (Холмский),

¹²⁴ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 399; Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 78.

¹²⁵ ДДГ. № 89. С. 364.

¹²⁶ Там же. № 61. С. 198.

¹²⁷ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 79.

кн. Данило Васильевич (Щеня), Яков Захарыч и казначей Дмитрий Владимирович (Ховрин)¹²⁸. Указанное различие характерно и для завещаний частных лиц изучаемой эпохи¹²⁹.

Наблюдения показывают, что количество душеприказчиков в завещаниях первой трети XVI в. составляло обычно от двух до четырех человек¹³⁰. Уже по этой причине предположение о том, что Василий III назначил всех десятиерых советников, приглашенных к составлению духовной, своими душеприказчиками, кажется маловероятным.

Мне известна пока только одна духовная грамота изучаемого периода, где количество душеприказчиков превышает четырех человек, но зато этот документ представляет исключительный интерес для изучения нашей темы. Речь идет о завещании благовещенского протопопа Василия Кузьмича — духовного отца Василия III, — написанном в 1531/32 г. На эту грамоту в свое время обратил внимание В. Б. Кобрин¹³¹, но она до сих пор остается неопубликованной, и никто из исследователей, пытавшихся разгадать тайну завещания Василия III, к этому документу не обращался.

Своими душеприказчиками и опекунами жены и сына протопоп Василий Кузьмич назначил пятерых лиц, своих «великих господ», как он их называет: кн. Михаила Львовича Глинского, Михаила Юрьевича Захарьина, Ивана Юрьевича Шигону (Поджоги́на), дьяка Григория Никитича Меньшого Путятина и Русина Ивановича¹³² (Семенова¹³³). По справедливому замечанию В. Б. Кобрин, «такой подбор душеприказчиков демонстрирует

¹²⁸ ДДГ. № 89. С. 363, 364.

¹²⁹ См. следующую сноску. Во всех указанных ниже случаях душеприказчики упомянуты отдельно от послухов.

¹³⁰ Из 18 просмотренных мною опубликованных духовных грамот 1500—1530-х гг. в восьми завещаниях упомянуто двое душеприказчиков (АФЗХ. Ч. 2. № 40. С. 41; АРГ. № 2, 65, 196, 256. С. 9, 71, 200, 262; АСЗ. М., 1997 Т. I. № 161. С. 135; АСЕМ. № 21, 34. С. 50, 89), в семи — трое (АРГ. № 108, 179, 222. С. 110—111, 176, 224; АФЗХ/АМСМ. № 37. С. 41; АСЗ. Т. I. № 158. С. 132; *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. I. № I, II. С. 9, 11), в трех — четверо (АРГ. № 59, 251. С. 64, 255; АСЕМ. № 35. С. 93).

¹³¹ *Кобрин В. Б.* Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы — Мезецкие — Пронские) // ВИД. [Т.] XIV. Л., 1983. С. 50—55.

¹³² ОР РГБ. Ф. 303/1 (Грамоты). № 281. Л. 3. Список XVI в.

¹³³ Родовое прозвание Русина Ивановича, не указанное в духовной, установлено В. Б. Кобриным на основании другого документа (*Кобрин В. Б.* Опыт изучения. С. 51 и прим. 7).

удивительную близость окружения духовных отца и сына — протопопа и великого князя всея Руси»¹³⁴.

Действительно, из пяти названных лиц четверо — кн. Глинский, Захарьин, Шигона и дьяк Меньшой Путятин — принимали участие в составлении завещания Василия III, а первые трое, как мы уже знаем, выслушали последний наказ великого князя — «о своей великой княгине Елене, и како ей без него быти, и како к ней бояром ходити, и... како без него царству строитися». Но, оказывается, и пятый душеприказчик протопопа — Р. И. Семенов — также входил в ближайшее окружение великого князя: согласно летописной Повести о смерти Василия III по списку Дубровского, боярин Захарьин сразу после кончины государя послал за постельничим Русином Ивановым сыном Семенова, которому велел, сняв мерку с покойного, привезти каменный гроб¹³⁵. Будучи постельничим, Семенов имел постоянный доступ к особе государя.

Таким образом, в свете процитированного завещания благовещенского протопопа далеко не случайным представляется особое доверие, оказанное Василием III трем своим советникам: Глинскому, Захарьину и Шигоне. Именно в них есть серьезные основания видеть душеприказчиков великого князя, которые должны были обеспечить исполнение его последней воли. Косвенно это предположение подтверждается тем обстоятельством (известным нам из летописной Повести), что именно их Василий III оставил у себя — отпустив остальных бояр, — чтобы дать последние указания о положении великой княгини и об «устроении» государства. Весьма вероятно, что к тем же трем лицам относились уже приводившиеся мною выше слова псковского летописца, отметившего, что великий князь «приказал» сына Ивана «беречи до 15 лет своим бояром немногим»¹³⁶ (выделено мной. — М. К.). Гораздо меньше такое определение — «бояре немногие» — подходит к той группе из десяти человек, с которыми Василий Иванович совещался о своей духовной грамоте и в которых многие исследователи видят опекунский, или регентский, совет при малолетнем Иване IV.

¹³⁴ Кобрин В. Б. Опыт изучения. С. 50.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 43. С. 231. Выше (см. с. 53) мною уже были отмечены существенные различия между основными списками Повести в трактовке этого эпизода. В *Пост.* и *Соф.* Р. И. Семенов назван «шатерничим», а имя М. Ю. Захарьина заменено безличным словом «бояре» (Т. 34. С. 24; Т. 6. С. 276).

¹³⁶ Пл. Вып. 1. С. 106.

Выше я упомянул о длительной дискуссии историков по вопросу о том, были ли распоряжения Василия III о создании регентства при его сыне внесены в духовную грамоту великого князя. Часть исследователей, начиная с В. И. Сергеевича и А. Е. Преснякова, отвечали на этот вопрос утвердительно¹³⁷; противоположной точки зрения придерживался А. А. Зимин, а в недавнее время — Х. Рюс¹³⁸. Изучение традиции великокняжеских завещаний показывает, что в этом споре прав, скорее, Зимин: никакие указания о будущем порядке управления в подобные документы не вносились. Более того, русское средневековое право не знало понятия «регентства»: как мы увидим в дальнейшем, это обстоятельство порождало сложные коллизии в реальной политической жизни, когда фактические правители пытались легитимизировать свое положение.

Вполне возможно, как уже говорилось, что официально в своем завещании Василий III «приказал» наследника только митрополиту Даниилу. Но функции душеприказчиков, доверенные великим князем, как я предполагаю, «триумвирату» в составе Глинского, Захарьина и Шигоны Поджогина, *фактически* подразумевали немалый объем властных полномочий. Вот почему современники воспринимали этих душеприказчиков как опекунов малолетнего Ивана IV и реальных правителей страны. Свидетельством тому можно считать приведенные выше слова псковского летописца. Аналогичной информацией о том, в чьих руках на самом деле находилась власть в первые недели и месяцы после смерти Василия III, располагали иностранные наблюдатели. К изучению этих сведений мы теперь и переходим.

4. ИНОСТРАННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ ОПЕКУНСКОМ СОВЕТЕ ПРИ МАЛОЛЕТНЕМ ИВАНЕ IV

Иностранные свидетельства о событиях 1530-х гг. при московском дворе до сих пор остаются, по существу, не востребованными. До недавнего времени исследователям было известно лишь одно сочинение такого рода — «Записки о московитских делах» (в не-

¹³⁷ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 399; Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 77, 80; Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 26 (продолжение сноски 18); Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. S. 216.

¹³⁸ Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты. С. 282; Rüb H. Elena Vasil'evna Glinskaja. S. 488—490; Idem. Der Bojar M. Ju. Zachar'in. S. 174.

мецком издании — «Московия») Сигизмунда Герберштейна, где рассказ доведен до смерти Елены Глинской (1538 г.). Однако, как показал источниковедческий анализ «Записок», ценность сообщаемых австрийским дипломатом сведений о событиях в Москве после смерти Василия III весьма невелика: рассказ Герберштейна грешит излишней морализацией, не свободен от анахронизмов, а главное — содержащаяся в нем информация вторична, будучи полностью заимствованной из польских источников¹³⁹.

Целесообразно поэтому начать с рассмотрения самых ранних известий о положении при московском дворе, которые были получены в литовской столице уже в конце декабря 1533 — начале января 1534 г. Эти сведения содержатся в письмах, которые прусский герцог Альбрехт получал от своих корреспондентов при дворе польского короля и великого князя литовского Сигизмунда I. Переписка герцога составила обширный фонд бывшего Кенигсбергского архива, который ныне находится в Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия (Берлин-Далем)¹⁴⁰. Интересующие нас письма опубликованы польскими учеными в составе коллекции дипломатических документов «Акта Томициана».

Как явствует из послания Петра Опалинского, каштеляна лендзского, герцогу Альбрехту от 27 декабря 1533 г., первые известия о смерти великого князя московского пришли в Вильну из Полоцка и других пограничных мест 24 декабря. Здесь же сообщалось, что государь оставил маленького сына («может быть, четырех или пяти лет от роду»), которого дядья, т.е. братья его покойного отца, хотят лишить княжеской власти (*de Ducatu et imperio insidias struunt*)¹⁴¹.

6 января 1534 г. Николай Нипшиц, секретарь Сигизмунда I и постоянный корреспондент прусского герцога при королевском дворе, сообщал Альбрехту из Вильны: «...из Москвы пришло достоверное известие, что великий князь умер и что его сын, трех лет от роду, избран великим князем, а князь Юрий (*herczog Yorg*), его двоюродный брат (? — *feter*), — опекуном (*formund*), и это правление установлено на 10 лет (*das regement X jor befohlen*)»¹⁴². В тот день, однако, Нипшиц это письмо адресату не отправил и 14 января сделал к нему приписку: «Говорят, что князь Юрий (*herczog Yurg*),

¹³⁹ См. подробнее: *Кром М. М.* «Записки» С. Герберштейна и польские известия. С. 77—86.

¹⁴⁰ GStAPK, Herzogliches Briefarchiv, B (Polen).

¹⁴¹ AT. T. XV. Posnaniae, etc. 1957. № 601. P. 864.

¹⁴² AT. T. XVI. Pars I. Posnaniae, etc. 1960. № 11. P. 21.

который должен быть опекуном, хочет сам быть великим князем (*vyl selbst grosfurscht seyn*), из-за чего можно ожидать в Москве внутреннюю войну»¹⁴³.

Другой виленский корреспондент Альбрехта, Марцин Зборовский, староста одолановский и шидловский, писал ему 10 января о том, что «Его королевскому величеству [Сигизмунду I. — *М. К.*] стало доподлинно известно, что его враг Московит недавно расстался с жизнью и перед смертью избрал своего еще не достигшего совершеннолетия сына своим преемником на великокняжеском престоле, вверив его опеке двух своих первосоветников; тот же Московит оставил двух своих законных родных братьев (бывших уже в зрелом возрасте), которые, возможно, имели больше прав на такое избрание и опеку (*maius interesse ad talem electionem et tutelam... habuissent*); каковые братья не возражали и не противились этому провозглашенному тогда избранию»¹⁴⁴.

Для правильной оценки приведенных выше свидетельств важно учесть, что их источником послужили слухи, циркулировавшие в то время в Русском государстве и проникавшие за его границы. Разумеется, подобного рода информация нуждается в тщательной проверке: ни одно из этих известий, взятое в отдельности, не может считаться достоверным. Если анонимный автор летописной Повести о смерти Василия III, по единодушному мнению ученых, описал все происходящее как очевидец, то слухи о переменах в Москве, записанные в Литве, доносят до нас лишь отголоски декабрьских событий 1533 г.

И тем не менее эта запись людской молвы может стать для историка источником ценной информации. Во-первых, в нашем распоряжении имеется не одно, а целый комплекс подобных известий, которые непрерывным потоком поступали в литовскую столицу на протяжении 1534 г. Соответственно появляется возможность их сопоставления между собой и с другими источниками. Во-вторых, важным достоинством этой информации является ее современность описываемым событиям: если летописные рассказы о смерти Василия III, как мы уже знаем, дошли до нас в списках не ранее 1550-х гг. и не раз подвергались тенденциозной правке, то упомянутые выше слухи записаны, что называется, «по горячим следам».

¹⁴³ АТ. Т. XVI. Pars I. № 11. Р. 22.

¹⁴⁴ Ibid. № 18. Р. 32.

Наконец, в-третьих, эти политические толки ценны сами по себе как отражение существовавших тогда настроений и ожиданий.

Рассматривая приведенные выше известия в динамике, можно заметить, как постепенно уточнялась первоначальная версия событий. Самые ранние сообщения отразили, надо полагать, *ожидания* информаторов и, следовательно, определенных кругов в Москве — ожидания, что опекуном будет брат покойного государя, князь Юрий. Это было бы вполне в духе традиции: вспомним, что Василий I во всех трех вариантах своего завещания среди опекунов жены и детей непременно называет свою «братью молодшую»¹⁴⁵. Однако Василий III распорядился иначе: к середине января в Вильно уже знали, что опекунами являются другие лица.

В процитированном выше послании Зборовского герцогу Альбрехту от 10 января обращает на себя внимание ссылка на надежные сведения, полученные тогда при дворе Сигизмунда I («Его королевскому величеству стало доподлинно известно»). Не означает ли это, что, помимо слухов, виленские наблюдатели располагали к тому времени и каким-то другим источником информации о московских делах?

Этот источник прямо называет в своем письме герцогу Альбрехту от 15 января 1534 г. Николай Нипшиц. По его словам, виленский епископ Ян и канцлер Великого княжества Литовского Ольбрахт Гаштольд посылали тайных гонцов «к своим приятелям, знатнейшим советникам в Москве (bey uren freynden bey den fornemsten reten yn der Moska)»¹⁴⁶. Обращение к материалам русской посольской книги 1530-х гг. позволяет уточнить, о каких гонцах идет речь и к кому они были посланы.

1 декабря 1533 г. в Москве стало известно о прибытии на границу литовского посланника Юшки Клинского, но в связи с тяжелой болезнью великого князя он был задержан в Вязьме. Как выяснилось, посланник вез грамоту от литовских панов-рады, виленского епископа князя Яна и канцлера О. М. Гаштольда, адресованную «братьи и приятелем нашим» — боярам кн. Д. Ф. Бельскому и М. Ю. Захарьину. 18 декабря, уже после смерти Василия III, Клинский был принят кн. Д. Ф. Бельским на своем дворе; на приеме присутствовали также М. Ю. Захарьин, дворецкий И. Ю. Ши-

¹⁴⁵ ДДГ. № 20—22. С. 57, 59, 62.

¹⁴⁶ АТ. Т. XVI. Pars. I. № 38. Р. 68.

гона, дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин. 21 декабря посланник был отпущен обратно в Литву¹⁴⁷.

Следовательно, под «приятелями» литовских панов в письме Нипшица имелись в виду бояре кн. Д. Ф. Бельский и М. Ю. Захарьин. Учитывая, что дорога от Москвы до Вильны занимала тогда в среднем несколько недель¹⁴⁸, Клинский мог вернуться в литовскую столицу в первой декаде января, и, возможно, именно полученная от него информация была использована Нипшицем в упомянутом выше послании Альбрехту от 15 января.

Сообщая далее герцогу в том же письме о возвращении литовских гонцов из Москвы, Нипшиц написал (по-видимому, с их слов): «Тот, который был назначен опекуном (*Der, so formud gesezt*), уже схвачен: он вел интриги, чтобы самому стать великим князем. Опекунами являются трое других господ (*Synt andre drey hern formunden*)...»¹⁴⁹

Ту же версию Нипшиц повторил в послании Альбрехту, написанном в конце января 1534 г. По его словам, ожидается прибытие московского посольства¹⁵⁰ с известием о том, что «старый [великий князь. — М. К.] умер, и его сын в трехлетнем возрасте избран великим князем, а три господина, которые стали опекунами (*dy III hern, so formunden vorden*), будут править от его имени; каковые опека и управление должны продлиться 15 лет (*welcher formutschaft und regement 15 yor lank tauren solt*)...»¹⁵¹.

То, что именно такая трактовка последних распоряжений Василия III была в итоге признана литовскими и польскими наблюдателями заслуживающей доверия, явствует не только из приведенных выше писем Нипшица, но прежде всего из того факта, что как

¹⁴⁷ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 1—2, 4.

¹⁴⁸ Так, грамота панов-рады, посланная с Ю. Клинским, датирована в Вильне 8 ноября 1533 г., а 1 декабря Василий III получил донесение от смоленского наместника кн. А. А. Ростовского о прибытии посланника на русскую границу (Сб. РИО. Т. 59. С. 1, 3). Посланные в Литву с ответной миссией 27 декабря 1533 г. Т. В. Бражников и Ю. Звягин вернулись в Москву 24 февраля и привезли грамоту от литовских панов, датированную в Вильне 8 февраля 1534 г. (Там же. С. 10, 13).

¹⁴⁹ АТ. Т. XVI. Pars I. № 38. Р. 68.

¹⁵⁰ Речь идет, очевидно, о Т. В. Бражникове и Ю. Звягине, которые уже в середине января 1534 г. прибыли в Литву, но должны были дожидаться окончания сейма, созванного в Вильне, прежде чем их допустили в столицу Великого княжества (см.: АТ. Т. XVI. Pars I. № 11. Р. 22).

¹⁵¹ АТ. Т. XVI. Pars I. № 73. Р. 156.

раз эту версию излагает (с ценным дополнением!) придворный историограф Сигизмунда I Бернард Ваповский в своей Хронике, над которой он работал в те годы. «Василий, князь московитов, — сообщает хронист под 1533 г., — скончался, оставив по завещанию своим наследником четырехлетнего сына и при нем — трех правителей (*gubernators*), которым больше всего доверял; среди них был Михаил Глинский, литовец...»¹⁵²

Со слов своих польских информаторов эту версию повторил и С. Герберштейн. В «Записках о московитских делах» (1549 г.) он дважды упоминает о назначении Глинского опекуном малолетних сыновей Василия III: сначала под рубрикой «Обряды, установленные после венчания великого князя», в рассказе о втором браке Василия III, а затем в разделе «Хорография» — в связи с биографией князя Глинского. По содержанию оба сообщения полностью совпадают. Так, в «Хорографии» говорится: «Государь возлагал на него [Глинского. — М. К.] большие надежды, так как верил, что благодаря его доблести сыновья будут на царстве (*in regno*) в безопасности со стороны братьев [Василия III. — М. К.], и в конце концов назначил его в завещании опекуном над своими сыновьями»¹⁵³. В немецком издании 1557 г. Герберштейн внес сюда добавление: «...назначил... опекуном *наряду с некоторыми другими*»¹⁵⁴ (выделено мной. — М. К.). Итак, с учетом поправки 1557 г. описанная Герберштейном ситуация выглядит следующим образом: Василий III, опасаясь притязаний своих братьев на престол, поручил сыновей опеке Михаила Глинского и еще нескольких лиц.

Нетрудно заметить, что сообщение Герберштейна об опекунах сыновей Василия III очень близко к информации по этому вопросу, которой располагали придворные Сигизмунда I (ср. особенно с Хроникой Б. Ваповского). Это не удивительно: в 1530-е гг. между австрийским и польским дворами велась оживленная переписка, в 1535 г. Герберштейн принимал в Вене польское посольство, а в 1539 г. сам посетил Польшу¹⁵⁵. Но хотя сведения автора «Записок»

¹⁵² Kroniki Bernarda Wapowskiego... część ostatnia. Kraków, 1874. S. 249.

¹⁵³ Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Viennae, 1549, f. XXV 3-й пагин. Перевод уточнен мною по сравнению с имеющимся (см.: Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 191).

¹⁵⁴ Герберштейн С. Записки. С. 191, и подстрочный аппарат с. 192 (вар. «3—3»).

¹⁵⁵ См. подробнее: Кром М. М. «Записки» С. Герберштейна и польские известия. С. 78.

в данном случае, несомненно, вторичны по отношению к приведенным выше источникам польско-литовского происхождения, рассказ Герберштейна может служить косвенным подтверждением того факта, что именно эту версию московских событий конца 1533 г. считали достоверной его польские информаторы.

Итак, ранние литовские и польские известия, близкие по времени к событиям конца 1533 г., определенно говорят о числе опекунов и называют по имени одного из них — князя Глинского. (Повышенное внимание Ваповского и Герберштейна именно к его особе объясняется той памятью, которую оставил по себе этот авантюрист в Великом княжестве Литовском и других странах Европы.) Но, как мы помним, Глинский входил вместе с Захарьиным и Шигоней Поджогиным в группу из трех наиболее доверенных лиц, которым, согласно летописной Повести, Василий III дал последние наставления о своей жене и о том, как после него «царству строиться». Совпадение числа опекунов (душеприказчиков) и имени одного из них между летописным рассказом о смерти Василия III и независимым от него ранним источником — польской хроникой Ваповского, написанной не позднее 1535 г. (года смерти хрониста)¹⁵⁶, — заставляет предполагать, что речь идет об одних и тех же лицах. Упомянутые в польских источниках «трое господ»-опекунов, «первосоветников», «правителей» — это, очевидно, те самые «бояре немногие», которым, согласно псковскому летописцу, государь приказал «беречи» своего сына до совершеннолетия¹⁵⁷.

Итак, если наше предположение верно, то двое коллег Глинского по опекунскому совету, не названных Ваповским по имени, это — Захарьин и Шигона Поджогин. Но прежде чем окончательно остановиться на этой версии, рассмотрим еще одно польское известие, относящее к числу опекунов другое лицо — кн. Д. Ф. Бельского.

7 сентября 1534 г. перемышльский епископ Ян Хоенский общал из Вильны одному из своих корреспондентов о приезде к

¹⁵⁶ Сводку биографических данных о Бернарде Ваповском — секретаре и историографе короля Сигизмунда I в 1516—1535 гг. см.: *Wyczański A. Między kulturą i polityką: Sekretarze królewscy Zygmunta Starego (1506—1548)*. Warszawa, 1990. S. 269—270. Подробнее о хронике Б. Ваповского см.: *Lukas S. Rozbiór podługoszowej części Kroniki Wapowskiego*. Kraków, 1880; *Крам М. М.* Сведения по истории России конца XV — первой трети XVI в. в Хронике Бернарда Ваповского // Россия в IX—XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. Сб. статей и тезисов докладов вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва, 26—28 января 1995 г. М., 1999. С. 229—232.

¹⁵⁷ ПЛ. Вып. 1. С. 106.

королю двух знатных московитов. Одним из этих беглецов был «Семен, князь Бельский, который оставил в Москве двух братьев, старших по рождению, из коих [самый] старший был опекуном князя Московского, [а] средний является начальником войска...»¹⁵⁸. Старшим братом Семена был князь Дмитрий Федорович Бельский. Но можно ли считать данное свидетельство весомым аргументом в пользу упомянутой выше гипотезы А. А. Зимина, полагавшего, что Василий III назначил опекунами именно князей Бельского и Глинского? Думаю, что нет.

Прежде всего в приведенном сообщении вовсе не сказано, что опекуном кн. Д. Ф. Бельского назначил покойный государь: выражение «был опекуном» (или «играл роль опекуна»: *tutorem egit*) оставляет открытым вопрос, когда и при каких обстоятельствах князь Дмитрий приступил к опекунским обязанностям. Кроме того, нужно учесть, что процитированное нами сообщение Хоенского стоит особняком: оно никак не связано с рассмотренной выше серией известий, явившихся откликом на смерть Василия III и последовавшие за нею московские события; да и вообще ни в одном другом польском источнике не содержится упоминания об опекунстве Бельского. Но главным препятствием, не позволяющим принять эту версию всерьез, является отсутствие у нее какой-либо опоры в русских источниках: как было показано выше, текст летописной Повести о смерти Василия III (по списку Дубровского), на который ссылается Зимин в обоснование своей гипотезы, является, по-видимому, позднейшей вставкой и уж во всяком случае не содержит никаких намеков на предоставление кому-либо опекунских полномочий.

Кн. Д. Ф. Бельский действительно занимал одно из первых мест в придворной иерархии в последние годы правления Василия III, а в первые недели великого княжения нового государя, юного Ивана IV, он выполнял, как мы уже знаем, важные представительские функции (в частности, принимал на своем дворе литовского посланника). Но о его опеке над Иваном IV никаких данных нет. Поэтому не следует, на мой взгляд, понимать буквально вышеприведенное свидетельство Яна Хоенского. Нужно учесть, что в польских известиях о событиях 30-х гг. XVI в. в Москве термины «правитель» и «опекун» часто употреблялись как синонимы. Показательно, например, что в переписке польских сановников 1535—

¹⁵⁸ AT. T. XVI. Pars 2. Wratislaviae, etc. 1961. № 455. P. 140.

1536 гг. «опекуном» именуется фаворит Елены Глинской князь И. Ф. Овчина Телепнев Оболенский¹⁵⁹, а Марцин Бельский в своей «Хронике всего света» величает Ивана Овчину «справцей» и опекуном молодого князя Московского¹⁶⁰. В этой связи представляется, что и слова Яна Хоеньского об «опекунстве» старшего из братьев Бельских являются лишь отражением того несомненного факта, что в первое время после смерти Василия III князю Д. Ф. Бельскому принадлежало одно из первых мест на московском политическом олимпе.

* * *

Итак, анализ всех сохранившихся свидетельств об опекунах, оставленных Василием III при своем наследнике, приводит нас к выводу, что наиболее вероятной версией, имеющей серьезную опору в русских и зарубежных источниках, является версия о своего рода «триумвирате» в составе кн. М. Л. Глинского, М. Ю. Захарьина и И. Ю. Шигоны Поджоги́на, которым как душеприказчикам великого князя была поручена опека над его семьей.

Вопреки мнению Р. Г. Скрынникова, опекунский совет не был «правительственной комиссией» или «одной из комиссий» Боярской думы¹⁶¹. Выбирая душеприказчиков, Василий III не руководствовался местническими или бюрократическими принципами, а основывался только на личном доверии к тому или иному человеку. Кн. Д. Ф. Бельский, номинально первый боярин в государевой «думе», даже не был приглашен к составлению великокняжеского завещания. Зато незнатный Иван Шигона и чужак в придворной среде кн. Михаил Глинский (не имевший думного чина) были вместе с боярином Захарьиным назначены душеприказчиками и фактически — опекунами великокняжеской семьи. Несомненно, трое перечисленных лиц входили в узкий круг самых близких к великому князю людей, как это явствует из анализа летописной Повести и из процитированного выше завещания духовного отца Василия III — благовещенского протопопа Василия Кузьмича.

Вообще, как справедливо отметил в свое время В. И. Сергеевич, в летописном рассказе о последних днях жизни Василия III не вид-

¹⁵⁹ AT. T. XVII. Wratislaviae, etc. 1966. № 139. P. 198; Elementa ad Fontium Editiones. Vol. XLVII. Romae, 1979. № 207. P. 54.

¹⁶⁰ Bielski M. Kronika wssytkyego świata. Kraków, 1554. K. 302 v.

¹⁶¹ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 84; *Его же*. История Российская. С. 254, 255.

но «думы» как учреждения: там упоминаются только думцы, которых государь считал нужным призвать к себе в тот или иной момент¹⁶². По мнению Сергеевича, первое же описанное в Повести совещание — о том, кого пригласить в «думу» о духовной грамоте, — точно соответствовало известной характеристике, данной несчастным Иваном Берсеном Беклемишевым тому способу правления, который применял Василий III («... ныне деи государь наш, запершыся сам-третей у постели, всякие дела делает») ¹⁶³. Действительно, великий князь начал обсуждать вопрос о своей духовной сам-третей (с Шигоной и дяком Меньшим Путятиным), а в самом последнем обсуждении государственных дел, как мы знаем, участвовали только три его советника: тот же Шигона да кн. Глинский с Захарьиным.

О функциях душеприказчиков-опекунов мы можем судить только по Повести о смерти Василия III и косвенно по их роли в последовавших за кончиной великого князя событиях. Согласно неоднократно уже цитированной выше летописной фразе, Василий III отдал распоряжения названным трем лицам «о своей великой княгине Елене, и како ей без него быти, и как к ней бояром ходити...»¹⁶⁴. Учитывая, что это говорилось в отсутствие самой великой княгини, приведенные слова трудно понять иначе, как учреждение опеки над Еленой, а «хождение» к ней бояр в данном контексте выглядит скорее как соблюдение придворного этикета, чем как передача вдове Василия III каких-то реальных правительственных функций. Примечательно, что в проанализированных выше известиях о декабрьских событиях в Москве, приходивших в литовскую столицу, ни словом не упоминается великая княгиня. На мой взгляд, это косвенно свидетельствует о той скромной роли, которую в первое время после смерти Василия III играла в московской политической жизни его вдова.

Помимо указаний относительно положения великой княгини, государь дал трем душеприказчикам и другие инструкции, скрытые за общей летописной фразой «и о всем им приказа, како без него царству строитися»¹⁶⁵. Поскольку эта беседа «сам-четверт» была

¹⁶² Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 397—400.

¹⁶³ ААЭ. Т. I. № 172. С. 142; Сергеевич В. И. Древности. С. 398.

¹⁶⁴ Эти слова одинаково читаются во всех списках ранней редакции Повести: ПСРЛ. Т. 34. С. 21; Т. 6. С. 272; Т. 43. С. 229.

¹⁶⁵ Цитирую по Соф.: ПСРЛ. Т. 6. С. 272. Тот же текст в Пост. и Дубр., различается только написание отдельных слов: Т. 34. С. 21; Т. 43. С. 229.

последней в ряду подобных совещаний Василия III со своими приближенными, приведенную летописную фразу можно истолковать как передачу Глинскому «с товарищи» неких контрольных функций. Очевидно, они становились главными гарантами выполнения политической воли умирающего великого князя.

Но как в таком случае понимать инструкции, которые, согласно той же Повести, Василий III ранее дал десяти советникам во главе с князьями Шуйскими? Им, по словам летописца, государь «приказал» «о своем сыну великом князе Иване Васильевиче, и о устроении земском, и како быти и правити после его государьства»¹⁶⁶.

Выше я высказал предположение о том, что все эти лица, принимавшие участие в составлении духовной великого князя, были в ней упомянуты: князья В. В. и И. В. Шуйские, М. С. Воронцов, М. В. Тучков и казначей П. И. Головин — в качестве свидетелей, кн. М. Л. Глинский, М. Ю. Захарьин и И. Ю. Шигона — в качестве душеприказчиков, дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин — в качестве писцов грамоты. Очевидно, что свидетели великокняжеского завещания также выступали гарантами его выполнения. Все участники «думы» о духовной несли ответственность за осуществление последних распоряжений государя, и смысл приведенного выше наказа, на мой взгляд, состоял в том, чтобы напомнить им об этих возложенных на них обязанностях. Однако видеть в процитированных словах летописца указание на создание особого органа — регентского совета, как полагают некоторые исследователи¹⁶⁷, с моей точки зрения, нет оснований.

Среди десяти доверенных лиц, выслушавших последние наставления великого князя о его наследнике, об «устроении земском» и о том, как в дальнейшем «быти и правити после его государьства», были влиятельные бояре, дворецкий, казначей и два дьяка, в чьих руках находились реальные рычаги управления страной. Очевидно, предполагалось, что и при новом великом князе, малолетнем Иване IV, ведение государственных дел будут осуществлять те же лица, которые занимались этим при его отце. Никаких новых должностей или органов власти, насколько можно судить по имеющимся в

¹⁶⁶ Цитирую по *Соф.*: ПСРЛ. Т. 6. С. 272. Как было показано выше, в издании *Пост.* это место испорчено, в *Дубр.* — сокращено (Т. 34. С. 21; Т. 43. С. 229).

¹⁶⁷ *Корзинин А. Л.* Регентский совет. С. 106.

нашем распоряжении источникам, последние распоряжения Василия III не предусматривали.

Вообще, за исключением «приказаний» великим князем своего «государства» сыну Ивану и поручения его, в свою очередь, заступничеству небесных сил и опеке митрополита Даниила, никаких других прямых «назначений» в тексте Повести о смерти Василия III обнаружить не удастся. Лишь по косвенным признакам и привлекая другие источники, как было показано выше, можно обосновать гипотезу об особых полномочиях, данных трем душеприказчикам — Глинскому, Захарьину и Шигоне Поджогину. Что же касается остальных многочисленных «приказаний», т.е. наказов, с которыми государь в последние дни своей жизни обращался к митрополиту, братьям Юрию и Андрею, всем боярам и группам советников разного состава, то смысл их сводился к одному — призыву защитить права малолетнего наследника на престол, избежать междоусобной розни и обеспечить безопасность великокняжеской семьи.

Особые властные полномочия душеприказчиков, судя по всему, не были внесены в духовную грамоту Василия III, а, как предполагал еще А. А. Зимин, составили предмет устных распоряжений великого князя. Но как раз это обстоятельство делало положение «триумвирата» в придворной среде очень непрочным. Летописные свидетельства о последних днях жизни Василия III наглядно показывают, как тонко заметил А. Е. Пресняков, неразрешимые трудности, с которыми столкнулся великий князь, «пытаясь предупредить неизбежную борьбу за власть по его смерти». Многочисленные «приказания», которые он, судя по тексту Повести, дал своим приближенным, представляли собой, по удачному определению историка, «безнадежную попытку уладить на ряде компромиссов назревшие в правящей среде антагонизмы»¹⁶⁸.

¹⁶⁸ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 80.

Глава 2

ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ ПРИ МОСКОВСКОМ ДВОРЕ В КОНЦЕ 1533 И В 1534 Г.

1. АРЕСТ КНЯЗЯ ЮРИЯ ДМИТРОВСКОГО

Первым делом новой власти, как только Василий III скончался, стало приведение к присяге на верность юному государю и его матери братьев покойного, бояр и детей боярских. Подробный рассказ об этой акции содержится в летописной Повести о смерти великого князя Василия Ивановича, краткое сообщение о том же помещено в Воскресенской летописи. При этом главным действующим лицом этого эпизода в изображении Повести оказывается митрополит Даниил, в то время как Воскресенская летопись отводит эту роль боярам:

Повесть о смерти Василия III (списки <i>Пост.</i> и <i>Соф.</i>)	Воскресенская летопись
Тогда же Данил митрополит взем братию великого князя, князя Юрья и князя Андрея Ивановичев, в переднюю избу и приведе их к крестному целованью на том, что им служити великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси и его матери великой княгине Елене, а жити им на своих уделех, а стояти им в правде, на чем целовали крест великому князю Василью Ивановичю всеа Руси и крепости промежу ими с великим князем Васильем. А государства им под великим князем Иваном не хотети, ни людей им от великого князя Ивана к собе не отзывать, а противу недругов великого князя	...да часа того меж себе бояре крест целовали все на том, что им великой княгине и сыну ее великому князю Ивану прямо служити, и великого княжения под ним беречи в правду без хитрости заодно; да и братью его [Василия III. — М. К], князя Юриа и князя Андреа, часа того привели к целованию пред отцем их Данилом митрополитом на том, что им братаничю своему великому князю Ивану добра хотети, и великого княжения под ним блюсти и стеречи и самим не хотети. И повелеша князей и детей боярских к целованию приводити, да и по всем градом послати всех людей приводити

и своих, латынства и безсерменства, стояти им прямо вопче заодин. А бояр и боярьских детей и княжат на том приведе к крестному целованию, что им великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси и его матери великой княгини Елене и всей земли хотети им добра вправду и от недругов великого князя и всеа земли, от безсерменства и от латынства, стояти вопчи заодин, а иного им государя мимо великого князя Ивана не искати ¹ .	к целованию на том, что им служити великому князю и добра хотети и земле без хитрости ² .

Лишь после того, как процедура крестного целования была завершена, митрополит, а также братья покойного государя Юрий и Андрей вместе с боярами пошли утешать («тешити») вдову великого князя. Елена при виде приближающейся процессии потеряла сознание: «...бысть яко мертва и лежа часа з два, и едва очутися»³.

Поскольку первоначальная редакция Повести о смерти Василия III была составлена, вероятно, в то время, когда на митрополитском престоле был Даниил (т.е. до 1539 г.), то неудивительно, что именно он оказывается в центре описываемых событий: митрополит, «взем» братьев великого князя в переднюю избу, «приведе» их к крестному целованию на верность Ивану IV и его матери; и он же «приведе» к крестному целованию бояр, детей боярских и княжат. Совершенно иная тенденция характерна для Воскресенской летописи, составленной в 40-е годы, в разгар «боярского правления». Здесь роль Даниила сведена к минимуму: оказывается, бояре сами «меж себе» крест целовали, что будут верно служить великой княгине и ее сыну великому князю (именно в таком порядке!); они же «братию» покойного государя, Юрия и Андрея, «привели к целованию пред отцем их Данилом митрополитом» и «повелеша князей и детей боярских к целованию приводити».

Вопреки крайне тенденциозной версии Воскресенской летописи, можно предположить, что роль митрополита в первые часы и

¹ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 24; Т. 6. СПб., 1853. С. 275. Тот же текст с незначительными разночтениями в *Дубр.*: ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 231.

² ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 285—286.

³ ПСРЛ. Т. 34. С. 24; Т. 6. С. 275; Т. 43. С. 231.

дни после смерти Василия III была действительно значительной, тем более, что все ритуалы и церемонии, связанные с концом прежнего царствования и началом нового (присяга на верность юному великому князю и его матери, похороны умершего государя, поставление на великое княжение его малолетнего сына), требовали его непосредственного участия.

На третий день после смерти Василия III в Успенском соборе в присутствии высшего духовенства и бояр состоялось торжественное поставление его сына Ивана на великое княжение⁴. Вслед за тем «по всем градом вотчины его», по словам летописи Дубровского, прошло целование креста новому государю⁵. Другая новгородская летопись, Большаковская, сообщает в декабрьской статье 7042 (1533) г. о том, как наместники и дьяки «по государеву велению приведоша весь Великий Новъгород к целованию великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси самодержцу»⁶.

В той же летописи есть уникальное известие о присылке в Новгород в первые дни нового царствования И. И. Беззубцева с повелением архиепископу Макарию и всему новгородскому и псковскому духовенству и православным христианам молиться «о устроении земском и о тишине, и о многолетнем здравии и спасении великого князя Ивана Васильевича и его христороубивом князи Георгии Васильевичи...». Архиепископ 11 декабря совершил молебен «и прославление сотвори, и многолетство великому князю Ивану Васильевичу, самодръжцу Руския земли, и литургию свершив со игумены и со всем собором о государеве здравии»⁷.

Между тем в столице в этот день произошло событие, имевшее широкий резонанс как в самой стране, так и за ее пределами: 11 декабря 1533 г. был арестован дядя юного Ивана IV, князь Юрий Иванович Дмитровский.

⁴ Описание этой церемонии сохранилось в Псковской I летописи: ПЛ. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 106. Дату сообщает Новгородская II (Архивская) летопись: после известия о смерти Василия III 4 декабря 7042 (1533) г. здесь говорится: «...да поставили сына его на великое княжение Ивана Васильевича в 6 день на праздник святого Николы чудотворца» (ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 147). Стало быть, Иван IV был официально возведен («поставлен») на великокняжеский престол 6 декабря 1533 г.

⁵ ПСРЛ. Т. 43. С. 233.

⁶ *Конявская Е. Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 377—378.

⁷ Там же.

Два основных источника, повествующих об этом событии, прямо противоречат друг другу. Воскресенская летопись всю вину за случившееся возлагает на самого князя Юрия: он-де присылал своего дьяка Третьяка Тишкова к князю Андрею Шуйскому с предложением перейти к нему на службу, но тот отказался, обвинив старицкого князя в нарушении недавнего крестоцелования юному великому князю. В ответ дьяк объявил то крестоцелование «невольным», а значит, не имеющим силы: «...князя Юрия бояре приводили заперши к целованию, а сами князю Юрию за великого князя правды не дали, ино то какое целование, то невольное целование». Тогда кн. А. Шуйский рассказал обо всем князю Борису Ивановичу Горбатову, а тот передал боярам, которые доложили о случившемся великой княгине. И Елена, по словам летописца, «берегучи сына и земли», приказала боярам «поимати» князя Юрия; в окопах он был посажен «за сторожи» в палату, где ранее сидел князь Дмитрий-внук⁸.

Совершенно иная трактовка тех же событий содержится в Летописце начала царства. Здесь главным «злодеем» изображается кн. Андрей Шуйский, задумавший «отъехать» к Юрию Дмитровскому. Часть вины возлагается также на бояр, омраченных «дьяволим действием»: оказывается, дьявол, всегда радующийся человеческой гибели, кровопролитию и междоусобной брани, вложил боярам «мысль неблагоу»: «...только не поимати князя Юрия Ивановича, ино великого князя государству крепку быти нельзя, потому что государь еще млад, трех лет, а князь Юрьи совершенный человек, люди приучити умеет; и как люди к нему пойдут, и он станет под великим князем государства его подискивати»⁹.

Таким образом, арест дмитровского князя изображается в этой летописи как задуманная боярами превентивная мера, направленная на защиту интересов малолетнего государя и его матери. От самого же Юрия летописец старается отвести даже тень подозрения: «А у князя некоторого же помышления лихово не было». Несмотря на предупреждения своих бояр и детей боярских о нависшей над ним угрозе «поимания», Юрий отказывался уехать в Дмитров, подчеркивая верность крестному целованию, данному им

⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 286. Имеется в виду внук Ивана III, князь Дмитрий Иванович, некоторое время считавшийся наследником престола, а после победы придворной «партии» Софьи Палеолог и ее сына Василия (будущего великого князя) — заточенный до конца жизни в темницу.

⁹ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 10.

покойному брату Василию и его сыну — юному великому князю Ивану. «Готов есми по своей правде и умерети», — якобы говорил дмитровский князь своим боярам¹⁰.

Но главным орудием дьявола в этом рассказе изображен князь Андрей Шуйский. Летописец напоминает о том, что прежде, еще при Василии III, он вместе с братом Иваном уже «отъезжал» к князю Юрию. Тогда дмитровский князь выдал их посланцам великого князя, который разослал их в заточение по городам. После смерти Василия Ивановича его вдова пожаловала братьев Шуйских, выпустила из заточения; «а большее митрополит и бояре печаловались, — поясняет летописец, — понеже бо великая княгини тогда в велицей печали по великом князе Василие Ивановиче»¹¹. Оказавшись на свободе, кн. Андрей, «мало побыв тако, паки мыслил ко князю Юрию отъехать, и не токмо отъехать, но и на великое княжение его поднять, а у князя [Юрия. — М. К.] сего на мысли не было, понеже бо крест целовал великому князю, како было ему изменити?»¹²

По версии Летописца начала царства, князь Андрей Шуйский попытался подговорить своего родственника князя Бориса Ивановича Горбатого «отъехать» с ним вместе к Юрию Дмитровскому. Однако кн. Горбатый не только отказался, «но и ему [Андрею. — М. К.] возбраняше». Тогда князь Андрей, «видя, яко неугоден явися совет его князю Борису», донес на него великой княгине и великому князю, сказав, будто князь Борис подговаривал его «отъехать» к князю Юрию. Оклеветанный Б. Горбатый бил челом на обидчика, и великая княгиня, «того сыскав, что князь Ондрей лгал, а князь Борис сказал правду», велела посадить Андрея Шуйского в башню «за сторожи»¹³.

Казалось бы, «злодей» наказан, и инцидент можно было считать исчерпанным. Но бояре заявили великой княгине: «Толко, государыни, хочешь государство под собою и под сыном под своим, а под нашим государем крепко держати, и тебе пригоже велети поимати князя Юрья». Великая же княгиня, продолжает летописец, «тогда быше в велицей кручине по великом князе Василье и рече бояром: «Как будет пригоже, и вы так делайте. Бояре же оттоле почали думать». Приняв решение о «поимании» князя Юрия, бояре сказали

¹⁰ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 11.

¹¹ Там же. С. 10.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 11.

свою «думу» великой княгине. Елена им ответила: «То ведаете вы». И бояре князя Юрия «изымали месяца декабря в 11 день...»¹⁴.

Как уже отмечалось в литературе, обе летописные версии событий 11 декабря 1533 г. тенденциозны, причем тенденции эти прямо противоположны¹⁵. Если Воскресенская летопись однозначно говорит о попытке дмитровского князя переманить к себе на службу Андрея Шуйского (а самого князя Андрея изображает верноподданным Ивана IV) и возлагает на Елену Глинскую всю ответственность за арест Юрия, то Летописец начала царства, напротив, подчеркивает невиновность последнего, изобличает козни кн. А. Шуйского, а решение об аресте брата покойного государя всецело приписывает боярам.

Эволюция образа Юрия Дмитровского в официальном летописании 1540—1550-х гг. (из главы опасного заговора, каким он предстает в Воскресенской летописи, князь превращается под пером составителя Летописца начала царства в невинную жертву) отражает произошедшее за время, разделяющее эти два памятника, изменение позиции великокняжеской власти по отношению к государеву дяде.

О том, каково было отношение опекунов юного Ивана IV к князю Юрию сразу после ареста последнего, недвусмысленно свидетельствует наказ посланнику Т. В. Бражникову, отправленному 25 декабря 1533 г. в Литву с объявлением о том, что «князь великий Иван на отца своего государстве государем ся учинил»¹⁶. На возможный вопрос о дмитровском князе посланник должен был ответить: «...князь Юрий Иванович после государя нашего великого князя Василья сыну его, государю нашему великому князю Ивану, через крестное целованье вборзе учал великие неправды делати, и государь наш на князя на Юрья опалу свою положил. И възмолвят: “что опалу положил?” — и Тимофею молвити: изымал его»¹⁷. Точно такую же инструкцию по поводу ареста Юрия Дмитровского получил Иван Челишев, отправленный с аналогичной миссией в Крым 8 января 1534 г.¹⁸

¹⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 11.

¹⁵ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 30; Rüß H. *Machtkampf oder «feudale Reaktion»? Zu den innenpolitischen Auseinandersetzungen in Moskau nach dem Tode Vasilij III // JGO. N. F. 1970. Bd. 18. S. 494—495.*

¹⁶ Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 21.

По-видимому, отношение великокняжеского окружения к государеву дяде, погибшему в тюрьме в 1536 г., не изменилось и в начале 1540-х гг., когда была завершена работа над Воскресенской летописью. Но спустя десять лет из уст повзрослевшего Ивана Васильевича прозвучали уже совершенно иные оценки произошедшего: в послании Стоглавому собору царь с горечью и раскаянием вспоминал о гибели своих дядей по вине «бояр и вельмож», которые, «яко помрачени умом, дрзнули поимати и скончати братию» его отца, Василия III. «И егда хошу възпоманути нужную их смерть и немилостивное мучение, — восклицал Иван, — весь слезами разливаюся и в покаание прихожу, и прощения у них прошу за юность и неведение»¹⁹. Как следствие, в уже известной нам статье Летописца начала царства «О князе Юрье» отразилась эта новая, санкционированная молодым государем трактовка событий, приведших к аресту дмитровского князя.

Тенденциозность и противоречивость двух основных источников информации о том, что собственно произошло в декабре 1533 г., ставят перед исследователями трудную проблему выбора: какую из приведенных летописных версий следует предпочесть? Н. М. Карамзин считал более вероятным известие Летописца начала царства — на том основании, что кн. А. Шуйский действительно был арестован и все годы правления Елены провел в темнице²⁰.

С. М. Соловьев, возражая знаменитому историографу (которого он, однако, прямо не называет по имени), привел аргументы в пользу версии Воскресенской летописи, известной ему в изложении Никоновской летописи по списку Оболенского и Царственной книги. По его мнению, то, что летописец не упоминает об аресте Шуйского, еще не свидетельствует о невинности последнего; просто основное внимание в этом рассказе сосредоточено на причинах заключения под стражу дмитровского князя, а подробности, относящиеся к другому лицу, опущены. Зато данная версия, как считает Соловьев, обстоятельнее: автор знает, кого именно присылал Юрий к Андрею Шуйскому (дьяка Третьяка Тишкова) и как тот оправдывал действия своего князя. Что же касается сообщения Летописца начала царства, то историк признал его сомнительным по причине краткости времени, прошедшего от смерти Василия III до ареста князя Юрия; в столь короткий срок не могли уложиться

¹⁹ *Емченко Е. Б.* Стоглав. С. 246.

²⁰ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Изд. 5-е (И. Эйнерлинга). В 3-х кн. Кн. II (Т. V—VIII). СПб., 1842. Т. VIII. Стб. 8.

описываемые этим летописцем события: освобождение Еленой кн. Шуйских из заточения в городах, куда они были отправлены великим князем Василием, их возвращение в Москву и последующая интрига, затеянная кн. Андреем Шуйским²¹.

Не все аргументы С. М. Соловьева представляются убедительными, но высказанные им сомнения относительно известия Летописца начала царства об освобождении князей Шуйских из заточения по приказу Елены Глинской имеют под собой, как я постараюсь показать ниже, серьезные основания.

И. И. Смирнов, подчеркивая тенденциозность обеих версий, предпочел, однако, не делать выбора между ними, а использовать фактические данные, содержащиеся и в том и в другом летописном рассказе, отбросив только недостоверную, по его мнению, информацию (соответственно, утверждение Летописца начала царства о невинности Юрия и попытку Воскресенской летописи скрыть активную роль Андрея Шуйского в заговоре). В итоге под пером историка возникла концепция о готовившемся удельным князем выступлении или даже «мятеже» с целью захвата великокняжеского престола; опорой Юрия послужили дмитровские бояре и дети боярские, а также князья Шуйские; но правительство своевременно предотвратило попытку этого мятежа²². Остаются, однако, неясными критерии, по которым исследователь отделил достоверную информацию от недостоверной в тенденциозных, по его мнению, источниках.

А. А. Зимин, не останавливаясь подробно на анализе данного эпизода, отдал предпочтение версии Летописца начала царства. По его мнению, тенденциозность Воскресенской летописи объясняется временем ее составления, которое пришлось на годы правления Шуйских. Рассказ же Летописца начала царства был написан позднее, уже после гибели Андрея Шуйского, «когда можно было осветить в ином свете поведение этого князя в первые дни после смерти Василия III»²³.

Х. Рюс также высказался в пользу версии Летописца начала царства как «существенно более подробной». Он отметил «психо-

²¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 385—386.

²² Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 28—31. Гипотезу И. И. Смирнова признал вполне приемлемой Петер Ниче, так как она, по мнению немецкого историка, удовлетворительно объясняет одновременный арест Юрия и Андрея Шуйского: *Nitsche P. Großfürst und Thronfolger*. S. 227—228.

²³ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 228, прим. 3.

логическую мотивированность» поведения Елены в изображении этого летописца (она была «в кручине великой» по покойному мужу). Арест Юрия, по мнению немецкого историка, носил предупредительный характер²⁴.

Р. Г. Скрынников, напротив, подчеркнул «пристрастность» Летописца начала царства и высказал мнение о том, что «ближе к истине» версия Воскресенской летописи²⁵.

Характеру имеющихся в нашем распоряжении источников наиболее точно соответствует, на мой взгляд, вывод, к которому пришел в своей диссертации А. Л. Юрганов: «...однозначно судить о намерениях Юрия после смерти Василия III нельзя»²⁶. Действительно, поскольку никаких источников, происходящих из «лагеря» дмитровского князя, до нас не дошло, а официальные московские летописи прямо противоречат друг другу, говоря о замыслах князя Юрия, то этот вопрос по-прежнему остается загадкой для историков.

Однако другие спорные моменты событий 11 декабря 1533 г., по-разному освещаемые Воскресенской летописью и Летописцем начала царства, вполне могут быть прояснены с помощью иных источников. Это относится, в частности, к вопросу о роли князя Андрея Шуйского в указанных событиях.

Начать нужно с того, что братья Андрей и Иван Михайловичи Шуйские действительно, как и рассказывает Летописец начала царства, пытались еще в годы правления Василия III «отъехать» к Юрию Дмитровскому. Произошло это, по-видимому, в 1527-м или начале 1528 г.: сохранилась датированная июнем 1528 г. поручная запись по князьям Ивану и Андрею Михайловым детям Шуйского. Их «выручили» у пристава Якова Краснодубского «в вине... за отъезд и за побег» бояре кн. Б. И. Горбатый и П. Я. Захарьин, перед которыми, в свою очередь, ручались за Шуйских многие князья и дети боярские (всего 30 человек). Сумма поруки составила 2 тыс. рублей²⁷. Надо полагать, братья в самом деле провели какое-

²⁴ Rüß H. Machtkampf. S. 496.

²⁵ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 85.

²⁶ Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. С. 13.

²⁷ Новейшее издание поручной записи см.: Антонов А. В. Поручные записи 1527—1571 годов // РД. Вып. 10. М., 2004. С. 11—13. Док. № 2. В феврале 1527 г. Андрей Шуйский сам выступил «подручником» в коллективной поруке по кн. М. Л. Глинском (Там же. С. 9, 10. Док. № 1). Таким образом, попытка «отъезда» братьев Шуйских к Юрию Дмитровскому могла иметь место между февралем 1527 и июнем 1528 г.

то время в заточении, но в 1531 г. оба были уже на свободе: в июле—августе указанного года в полках, стоявших на берегу Оки, упоминается князь Иван, а в октябре в Нижнем Новгороде — Андрей²⁸.

Таким образом, получают подтверждение высказанные еще С. М. Соловьевым сомнения по поводу версии Летописца начала царства, согласно которой братья Шуйские были освобождены якобы Еленой Глинской по «печалованию» митрополита и бояр, после чего князь Андрей тут же задумал новый «отъезд» к Юрию Дмитровскому. На самом деле, как явствует из приведенных выше данных, Шуйские получили свободу еще при великом князе Василии (рождение в великокняжеской семье долгожданного наследника 25 августа 1530 г. могло быть подходящим поводом для амнистии). Предполагать же, что в последний год жизни государя они еще раз попытались «отъехать» к Юрию, у нас нет никаких оснований.

Итак, в начале декабря 1533 г. Андрей Шуйский находился на свободе, и ничто не мешало его контактам с двором дмитровского удельного князя. А в том, что такие контакты действительно имели место, убеждает следующий отрывок из описи царского архива XVI в.: в ящике 26-м среди других разнообразных документов хранилась «выпись Третьяка Тишкова на князя Ондreja Шуйского»²⁹. Очевидно, эта «выпись» была затребована властями во время следствия, начатого опекунами Ивана IV при первых известиях о переговорах кн. А.М. Шуйского с приближенными Юрия Дмитровского. Сам факт наличия показаний дьяка Тишкова о князе Андрее свидетельствует о том, что между ними имели место какие-то контакты, хотя мы и не знаем, по чьей инициативе они начались.

Наконец, в нашем распоряжении имеется документ, который косвенно свидетельствует о том, что сам Андрей Шуйский признавал свою вину в содеянном. Текст этот давно опубликован, но до сих пор не привлекал к себе пристального внимания исследователей. Речь идет о послании, которое находившийся в заточении Шуйский написал новгородскому архиепископу Макарию с просьбой о «печаловании» перед великим князем и его матерью. Послание представляет собой образец высокого риторического стиля, и поэтому, наверно, его список дошел до нас в одном из сборников XVI в.³⁰

²⁸ РК 1598. М., 1966. С. 76—77, 79. Кн. И. М. Шуйский упомянут на службе и в июле следующего 1532 г. (Там же. С. 81).

²⁹ ОЦАПП. С. 20.

³⁰ ОР РНБ. Собр. СПб. ДА. № 430. Л. 35—35об. Опул.: ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 27. С. 27.

Величая Макария «святейшим пастырем», «православным светильником», «церковным солнцем» и другими лестными эпитетами, Андрей Шуйский, плача, по его словам, «сердечными слезами», молил архиепископа о милости: «...простри ми, владыко, руку твою, погружаемому в опале сей гор[ь]кой, и не остави мя, владыко; аще ты не подшися, кто прочее поможет ми?»³¹ Особого внимания заслуживает следующий пассаж этого послания: «Сам, государь, божественаго писания разум язык имаш[ь]: аще достойного спасти, аще праведнаго помиловати, ничтож[е] чюдно; грешнаго спасти — то ест[ь] чюдно. Ибо врач тогда чюдим ест[ь], еда неврачюемый недуг исцелит, но и царь тогда чюдим и хвален ест[ь], еда недостойным дарует что»³².

То, что князь Андрей молил о милости к «грешному и недостойному», свидетельствует, видимо, о том, что он (искренно или притворно — мы не знаем) признавал свою вину. Заканчивается послание просьбой к архиепископу: «...православному государю великому князю Ивану Васильевич[ю] и его матере государыне великой княине Елене печалуйся, чтобы государи милость показали, велели на поруки дати»³³.

Документ не имеет даты, но ее можно приблизительно установить, обратившись к новгородскому летописанию. В отрывке Новгородской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку рассказывается о том, как в декабре 1534 г. Макарий получил повеление от великого князя и его матери, а также от митрополита Даниила «быти на Москве о соборном богомолии и о духовных и земских делах»³⁴. 10 января 1535 г. архиепископ прибыл в столицу и провел там 18 дней, совершая молебны в церквах, а также «и ко государю великому князю велми честне ездя чрез день и много печалования творя из своей архиепископии о церквах Божиих и о *победных людех, еже во опале у государя великого князя множество много*. И государь князь великий, архиепископова ради печалования, многим милость показа...»³⁵ (выделено мной. — М. К.).

Вполне возможно, что накануне отъезда в Москву или уже во время пребывания в столице Макарию была передана процити-

³¹ В издании ДАИ текст передан не вполне точно; цитирую по рукописи: ОР РНБ. Собр. СПб. ДА. № 430. Л. 35.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 35об.

³⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 294.

³⁵ Там же. С. 295.

рованная выше челобитная Андрея Шуйского. Но князь не попал в число тех, кому тогда юный государь (а точнее, его мать-правительница) «милость показа»: мы знаем, что он был освобожден из тюрьмы только после смерти Елены Глинской, в апреле 1538 г.³⁶

Суммируя сделанные выше наблюдения, можно прийти к выводу о том, что Шуйский действительно вел переговоры о переходе на службу к дмитровскому удельному князю. Возможно, его собеседником был дьяк Третьяк Тишков, которого называет Воскресенская летопись. Но в таком случае логика дальнейших действий центральной власти ясна: независимо от того, какие замыслы на самом деле вынашивал Юрий Дмитровский и кто был инициатором упомянутых переговоров (Андрей Шуйский или дьяк Тишков, действовавший по приказу своего князя), опекуны юного Ивана IV усмотрели в них серьезную угрозу для малолетнего великого князя. Они не стали медлить: Юрий был арестован.

Об обстановке, в которой было принято это решение, можно составить достаточно ясное представление и по рассказу Летописца начала царства, и по приведенным в первой главе этой книги известиям о декабрьских событиях 1533 г. в Москве, записанным в литовской столице. Как мы помним, уже самые первые сообщения о смерти Василия III, пришедшие в Вильну 24 декабря, передавали слухи о том, что братья покойного хотят лишить власти его малолетнего наследника. Очень характерна фраза из письма М. Зборовского герцогу Альбрехту от 10 января 1534 г. о том, что московский государь оставил двух взрослых родных братьев, которые, «возможно, имели больше прав» на престол (чем малолетний Иван IV) и на опеку над мальчиком — великим князем, чем назначенные Василием III советники³⁷. Эти слова, вероятно, отражали настроения, существовавшие тогда в московских придворных кругах.

Даже помимо своей воли братья Василия III оказались после его смерти в центре всеобщего внимания; с ними, и особенно со старшим — князем Юрием Ивановичем, связывались определенные ожидания и опасения. О том, что фигура удельного князя Дмитровского действительно рассматривалась как реальная альтернатива малолетнему Ивану IV, свидетельствует и рассказ Летописца начала царства. Как уже говорилось, сообщение это очень тенденциозно

³⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 32.

³⁷ АТ. Т. XVI. Pars 1. Posnaniae, etc. 1960. № 18. Р. 32.

в том, что касается роли князя Юрия, Андрея Шуйского, Елены Глинской в описываемых событиях, но сама тревожная атмосфера Москвы начала декабря 1533 г. изображена там вполне достоверно, что подтверждается и другими источниками, имеющимися в нашем распоряжении.

Устами князя Андрея Шуйского летописец дает весьма реалистичную оценку сложившейся ситуации: «...здесь нам служить и нам не выслужити, — будто бы говорил он князю Борису Горбатову, — князь велики еще молод, а се слова носятся про князя Юрья. И только будет князь Юрьи на государьстве, а мы к нему ранее отведем, и мы у него тем выслужим»³⁸. Говорил ли в действительности кн. А. М. Шуйский эти слова, подговаривая своего родственника «отъехать» к дмитровскому князю, или сам Юрий присылал к Шуйскому с подобным предложением (как изображает дело Воскресенская летопись), — в любом случае мысль о таком «отъезде», так сказать, носилась в воздухе.

Даже Иван Яганов, служивший Василию III в качестве осведомителя при дворе дмитровского князя, в челобитной на имя юного Ивана IV, подчеркивая свои заслуги, писал: «А не хотел бы яз тебе, государю, служить, и яз бы, государь, и у князя у Юрья выслужил»³⁹. Атмосфера накалялась, росло взаимное недоверие между удельным и великокняжеским дворами: ходили упорные слухи о намерениях Юрия занять престол (как мы уже знаем, к ним внимательно прислушивались в Литве); с другой стороны, дмитровские бояре говорили своему князю (если верить Летописцу начала царства): «...нас слухи доходят, кое, государь, тебе одноконечно быти поиману»⁴⁰. В такой напряженной обстановке опекуны малолетнего Ивана IV нанесли упреждающий удар.

Попытаемся выяснить, кому именно принадлежала инициатива «поимания» князя Юрия. А. М. Курбский написал в «Истории о великом князе Московском», что Василий III «имел брата Юрья... и повелел, заповедающе жене своей и окояным советником своим, скоро по смерти своей убити его, яко убиен есть»⁴¹. Однако информативная ценность и достоверность этого позднего и тенденциоз-

³⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 11.

³⁹ АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 136. С. 198. Новейшую публикацию см.: Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова. С. 17—24, цитата — с. 23.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 11.

⁴¹ Курбский Андрей. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 340.

ного известия весьма невелики: приведенный пассаж очень похож на объяснение событий постфактум, он подчинен общей задаче автора — заклеить извечно «кровопийственный» род московских князей. Вполне возможно, впрочем, что опекуны малолетнего Ивана IV действовали по приказу покойного государя, но этот наказ, судя по их действиям, предусматривал арест (а не убийство) Юрия при первой опасности престолу. И уж совсем маловероятно, чтобы такое поручение было дано умирающим своей жене Елене: этому противоречит все, что мы знаем о положении великой княгини из Повести о смерти Василия III, а также из источников, говорящих об обстоятельствах ареста Юрия Дмитровского.

Из летописей только Воскресенская, как уже говорилось, полностью возлагает ответственность за это суровое решение на великую княгиню⁴². Некоторые летописи вообще не сообщают, по чьему приказу был арестован удельный князь, ограничиваясь краткой констатацией самого факта. Так, в Продолжении Хронографа редакции 1512 г. говорится: «И после великого князя смерти в десятый день поиман князь Юрьи Иванович и посажен в полате на дворце, где сидел князь Василей Шемячичь»⁴³. Сходное сообщение читается и в Новгородской II летописи: «А опосли великого князя смерти поимали брата князя Юрья Ивановича в 9 день и посадиша его в Набережную полату, да положили на него тягость велику»⁴⁴. В одном из списков Вологодско-Пермской летописи сказано, что Юрия «велел поимати» великий князь⁴⁵ — которому, напомним, в тот момент было три года от роду! Наконец, в дополнительных статьях к летописному своду 1518 г. этот арест приписывается великой княгине Елене и ее сыну великому князю Ивану Васильевичу всея Руси⁴⁶.

Можно предположить, что авторы процитированных выше кратких летописных известий не располагали информацией о том, кем в действительности было принято решение о «поимании»

⁴² ПСРЛ. Т. 8. С. 286.

⁴³ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 285.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 30. С. 203. Такое же «безличное» сообщение об аресте Юрия содержится и в дополнительных статьях к летописному своду 1497 г. (ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 161).

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 325 (Академический список). Согласно другому списку той же летописи (Кирилло-Белозерскому), «князь великий Иван Васильевич всеа Руси поимал дядю своего князя Юрья Ивановича...» (Там же. С. 315).

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 28. С. 356 (Синодальный список).

дмитровского князя, или не считали возможным об этом говорить. Однако в нашем распоряжении имеется еще ряд летописных текстов, в которых инициатива ареста Юрия прямо приписывается боярам. Как мы уже знаем, именно такую позицию занял составитель Летописца начала царства, постаравшийся переложить всю ответственность за этот шаг с великой княгини Елены на бояр⁴⁷. Но подобные оценки можно найти и в более ранних летописях. Так, в Постниковском летописце говорится: «Месяца декабря в 11 день, в четверг, после великого князя Васильевы смерти в осмы день, поимали бояре великого князя Васильева брата князя Юрья Ивановича Дмитровского на Москве и бояр его и диаков»⁴⁸. Марк Левкеинский, сообщая в своем кратком летописце об аресте князя Юрия, особо подчеркивает: «поимали его бояре»⁴⁹.

Еще определеннее высказывается псковский летописец: «...приняша князь великий и его прикашики дядю своего князя Юрья Ивановича после смерти отца своего вборзе»⁵⁰. «Прикашики» Ивана IV — это, конечно, опекуны, те самые «бояре немногие», о которых в той же летописи сказано выше, что Василий III приказал им «беречи» своего сына до совершеннолетия.

А вот что рассказывает о «деле» Юрия Бернард Ваповский: «Георгий и Андрей, дядья юного великого князя Московского, — пишет хронист, — явно готовили государственный переворот и помышляли о княжеском престоле; Георгий, приведенный правителями к покорности, был взят под стражу, Андрей [же] спасся бегством...»⁵¹. Оставляя пока в стороне вопрос о роли кн. Андрея Старицкого в этих событиях, обратим внимание на то, что арест Юрия приписывается здесь «правителям», а ими, как мы помним, Ваповский ранее назвал трех советников Василия III, которым последний доверил своего сына, т.е. речь идет все о тех же опекунах.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 11.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 24.

⁴⁹ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // ИА. Т. V. М.; Л., 1950. № 1. С. 12. Обвинение бояр в расправе с удельным князем сохранилось и в более поздней летописной традиции. Так, в родословном летописце из Шуйского собрания ГИМ (список второй половины XVII в.) под 7042 г. сообщается о том, что 11 декабря «бояре поимали великого князя Ивана Васильевича дядю родного князя Юрья Ивановича и посадили его в полату и положили на него тягости железа 25 пуд. И в той тягости преставился» (Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. № 111. С. 112).

⁵⁰ ПЛ. Вып. 1. С. 106.

⁵¹ Kroniki Bernarda Wapowskiego... część ostatnia. Kraków, 1874. S. 249.

Наконец, в нашем распоряжении есть документ, который недвусмысленно показывает, в чьих руках находились нити следствия по «делу» дмитровского князя. Речь идет об уже упоминавшейся челобитной Ивана Яганова: говоря о своих прежних заслугах (при Василии III), этот сыщик прибавляет: «...а ведома, государь, моа служба князю Михаилу Лвовичу [Глинскому. — М. К.] да Ивану Юрьевичу Поджогину»⁵². И вот, оказывается, что и при новом великом князе, Иване IV, дмитровские дела контролируют те же самые лица: с санкции Шигоны Поджогина Яганов ездил в деревню к дмитровскому сыну боярскому Якову Мещеринову — «некоторого для... государева дела», а об услышанном там он тотчас сообщил в особой грамоте, посланной «ко князю к Михаилу [Глинскому. — М. К.] и к Шигоне»⁵³.

Челобитная Яганова не имеет даты, но еще С. М. Соловьев предполагал, что она написана уже *после* ареста князя Юрия и что этот сыщик доносил о настроениях дмитровских детей боярских, жалевших, видимо, о своем князе и порицавших московских правителей⁵⁴. Находка еще одного документа, связанного с Иваном Ягановым, полностью подтверждает это предположение.

При публикации в 1841 г. в «Актах исторических» челобитной Яганова издатели не обратили внимания на отрывок еще одной грамоты, сохранившейся в том же архивном деле⁵⁵. Между тем и челобитная, и этот документ написаны одним почерком и связаны как по происхождению, так и по содержанию⁵⁶. Вторая грамота, от которой до нас дошел только отрывок, представляет собой сделанную Ягановым запись речей некоего Ивашки Черного, который, подобно самому автору челобитной, служил тайным осведомителем московского государя при дворе Юрия Дмитровского. Яганов дает ему такую характеристику-рекомендацию: «А наперед того тот Ивашко Черной великому князю сказан, какой он человек у князя был, еще при князе хотел великому князю служить и сказывал на князя»⁵⁷. Выражение «еще при князе» ясно показывает, что этот текст написан уже после ареста князя Юрия.

⁵² Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова. С. 22.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Соловьев С. М. История. Кн. III. С. 386—387.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). 1505 г. Ед. хр. 1. Л. 3.

⁵⁶ Подробнее см.: Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова. С. 17—18.

⁵⁷ Там же. С. 24.

Таким образом, 11 декабря 1533 г., дата «поимания» дмитровского князя, может служить нижней хронологической гранью, ранее которой челобитная и «запись» Ивана Яганова не могли появиться. Что касается верхней границы, то на нее указывают слова Яганова о кн. М. Л. Глинском как о человеке, ведавшем вместе с И. Ю. Шигоной самыми секретными делами политического сыска. Между тем, как будет показано ниже, не позднее июня 1534 г. князь Михаил Львович уже утратил реальное влияние при дворе. Поэтому вышедшие из-под пера Яганова документы можно датировать концом 1533 г. или первыми месяцами 1534 г.

2. От «ТРИУМВИРАТА» — К ЕДИНОЛИЧНОМУ ПРАВЛЕНИЮ ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ (ДЕКАБРЬ 1533 — АВГУСТ 1534 г.)

Еще М. Н. Тихомиров в своей ранней работе, сопоставив известие Псковской летописи об аресте Юрия Дмитровского «прикащиками» великого князя с челобитной Ивана Яганова, пришел к обоснованному выводу, что под «прикащиками» нужно понимать названных челобитчиком его высоких покровителей — Шигону и Глинского⁵⁸. К этому можно добавить, что данный документ подтверждает факт получения опекунами особых полномочий, которые они сохраняли некоторое время после смерти Василия III, обладая реальным контролем над внутривластной ситуацией. Кроме того, сообщенные Ягановым сведения о руководящих лицах вполне согласуются с предложенной выше реконструкцией предсмертных распоряжений великого князя Василия: из трех предполагаемых опекунов-правителей он называет по имени двоих; упомянутым оказался только М. Ю. Захарьин, который, вероятно, не принял активного участия в «деле» князя Юрия. Зато он подвизался на дипломатическом поприще: как уже говорилось, Захарьин вместе с кн. Д. Ф. Бельским принимал 18 декабря литовского посланника; в адресованной им грамоте литовских панов Михаил Юрьевич назван «боярином уведеным» (т.е. «введенным») и вместе с тем же Бельским причислен к «раде высокой»⁵⁹.

В этом «триумvirате» самой влиятельной фигурой был, бесспорно, в декабре 1533 г. Иван Юрьевич Шигона Поджогин — че-

⁵⁸ Тихомиров М. Н. Князь Юрий Иванович Дмитровский // Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 166—167.

⁵⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 2.

ловец, посвященный во все тайны предшествовавшего царствования⁶⁰. О его исключительном влиянии при дворе вскоре после смерти Василия III свидетельствует, помимо челобитной Яганова, адресованная государеву дворецкому «господину Ивану Юрьевичу» грамота хутынского игумена Феодосия, в которой последний почтительно просит Шигону об аудиенции у нового великого князя⁶¹. Наряду с внутривластными делами могущественный дворецкий не обходил своим вниманием и сферу внешней политики: в числе других высокопоставленных лиц Шигона присутствовал на приеме литовского посланника 18 декабря 1533 г.⁶²

Позиция при дворе другого опекуна, кн. Глинского, была, напротив, весьма непрочной. Судя по летописной Повести о смерти Василия III, государь чувствовал враждебность придворной среды к этому чужаку и пытался ее преодолеть: «...да приказываю вам Михайла Лвовича Глинского, — обращался он к боярам, — человек к нам приезжей, и вы б того не молвили, что он приезжей, держите его за здешняго уроженца, занеже мне он прямой слуга»⁶³. Поначалу, видимо, бояре подчинились воле великого князя, да и «дело» князя Юрия Дмитровского заставило их отложить на время счеты друг с другом, но вскоре борьба за власть в окружении юного Ивана IV вспыхнула с новой силой.

Помимо политического сыска, Глинский занимался, по-видимому, и дипломатией. Правда, на приеме литовского посланника Ю. Клинского 18 декабря 1533 г. он не присутствовал, так как, очевидно, для литовской стороны был персоной нон грата. Однако сохранились следы его контактов с Ливонией в 1533—1534 гг. Эстонский исследователь Юрий Кивимяэ обнаружил в Шведском государственном архиве в Стокгольме черновую копию письма дерптского епископа Иоганна V Бея (Johannes V. Bey), адресованного князю Михаилу Глинскому и датированного 10 марта 1534 г.⁶⁴

⁶⁰ О карьере И. Ю. Шигоны см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 221—223.

⁶¹ АИ. Т. 1. № 294. С. 537—538.

⁶² Сб. РИО. Т. 59. С. 2.

⁶³ Цитирую по Софийской II летописи (ПСРЛ. Т. 6. С. 271). Тот же текст в Постниковском летописце (ПСРЛ. Т. 34. С. 21). Как было показано выше (см. гл. 1 книги), в Новгородской летописи Дубровского и других списках той же группы этот пассаж заменен другим в результате редакторской правки (ПСРЛ. Т. 43. С. 228).

⁶⁴ *Kivimäe J.* Ein Kamel für Dorpat und ein Truthahn für Moskau. Geschenksendungen zwischen Livland und Russland im Jahr 1534 // *Zwischen Lübeck und*

Письмо явилось ответом на послание Глинского от 24 августа 1533 г.⁶⁵, вместе с которым епископ получил (3 марта 1534 г.) удивительный подарок: слуга Глинского Степан доставил в Дерпт дикий «татарского зверя» — верблюда. Епископ не остался в долгу и послал князю Михаилу щедрые дары, в том числе индюка. В связи с нашей темой особый интерес представляют начальные и заключительные строки письма Иоганна V, из которых явствует, что дерптский епископ был неплохо осведомлен о положении в Москве и о той роли, которую при малолетнем великом князе играл Глинский. Юному князю Московскому епископ пожелал «долгого и счастливого здоровья и правления», а своего адресата он назвал в последних строках так: «Михаилу — высокородного князя, императора и государя всея Руси соправителю (Mythregentenn)»⁶⁶. Таким образом, информация о «регентстве» Глинского дошла и до Дерпта.

Летописи не упоминают о ходе внутрисполитической борьбы в период между декабрем 1533 и августом 1534 г. Между тем такая борьба велась, и ее отголоски отразились в источниках польско-литовского происхождения. Здесь с начала 1534 г. все большее внимание уделялось младшему брату покойного государя, князю Андрею Ивановичу, и его отношениям с великокняжеским окружением. Так, уже упоминавшийся выше Марцин Зборовский писал 10 января 1534 г. герцогу Альбрехту Прусскому, что после смерти «Московита» (т.е. Василия III) лишь старший его брат не противится распоряжениям покойного; «младший же ведет себя так, словно он ничего не знает об этом избрании [Ивана IV. — *М.К.*] и об опеке, им [советникам Василия III. — *М.К.*] порученной, и не считается с нею; если дело обстоит так, как доподлинно сообщено его королевскому величеству [Сигизмунду I. — *М.К.*], [то] всякий может догадаться, что из-за такового избрания [Ивана IV. — *М.К.*] начнется величайший раздор, особенно когда цвет знати (*nobilitatis proceres*) во множестве примкнет в этом деле к вышеупомянутому младшему брату»⁶⁷. Возможно, впрочем, что в это «доподлинное» известие все же вкралась ошибка, и младшему брату приписаны здесь замыслы или поступки, за которые на самом деле был «по-

Novgorod — Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert: Norbert Angermann zum 60. Geburtstag / Hrsg. von Ortwin Pelz, Gertrud Pickhan. Lüneburg, 1996. S. 233—248.

⁶⁵ В оригинале указан 1532 г., но Ю. Кивимяэ справедливо видит здесь опisku и предлагает читать «1533» (*Ibid.* S. 241).

⁶⁶ *Ibid.* S. 248.

⁶⁷ АТ. Т. XVI. Pars I. № 18. P. 32—33.

иман» старший брат, князь Юрий. Но в следующем сообщении из Вильно речь, несомненно, идет об Андрее Старицком: 2 марта Н. Нипшиц писал Альбрехту, что «герцог Андрей, другой брат, привлек к себе много людей и крепостей (? — *vesten*) с намерением свергнуть мальчика и самому стать великим князем»⁶⁸.

Русские источники ничего не сообщают о намерениях князя Андрея захватить престол. К процитированным известиям нужно отнестись критически, учитывая явную заинтересованность Сигизмунда I и его приближенных в дестабилизации обстановки в России. Поэтому охотно подхваченные в Литве и Польше слухи о московских раздорах⁶⁹, вероятно, преувеличивали масштаб происходящего; ясной же картины событий при дворе юного Ивана IV весной 1534 г. литовские наблюдатели, похоже, не имели. На сомнительность и противоречивость приходивших из Москвы слухов прямо указывал в письме от 1 июня находившийся тогда в Вильне епископ перемышльский Ян Хоеньский⁷⁰. И все же слухи о раздорах в Москве были не совсем беспочвенны: о конфликте Андрея Старицкого с опекунами Ивана IV упоминается в статье 1537 г. Воскресенской летописи (повторенной в списке Оболенского Никоновской летописи и в Царственной книге): в январе 1534 г. он-де у великого князя «припрашивал к своей отчине городов» и, не добившись желаемого, «поехал к собе в Старицу, а учал на великого князя и на его мать на великую княгиню гнев дръжати о том, что ему вотчины не придали»⁷¹.

Вопрос о том, каких именно городов и на каком основании требовал князь Андрей, остается дискуссионным⁷² и за недостатком данных едва ли может быть однозначно решен. Во всяком случае, этот конфликт оказался непродолжительным. В Постниковском летописце под 7042 (1533/34) г. читается лаконичное сообщение:

⁶⁸ Ibid. № 145. Р. 281.

⁶⁹ Ibid. № 158, 159, 197. Р. 310, 312, 370.

⁷⁰ Ibid. № 314. Р. 584.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 292; Т. 13. 1-я пол. СПб., 1904. С. 91; Т. 13. 2-я пол. СПб., 1906. С. 428.

⁷² А. А. Зимин на основании косвенных данных пришел к выводу, что Андрей Старицкий «припрашивал» земель Волоцкого удела, который, по мнению ученого, был завещан ему Василием III (*Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI века. С. 284—286*). Однако прямых свидетельств источников, подтверждающих эту версию, нет. Критический разбор существующих точек зрения см.: *Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. S. 231—233*. См. также: *Юрганов А. Л. Старицкий мятеж // ВИ. 1985. № 2. С. 102.*

«Того же лета стоял князь Андрей Иванович в Боровску против короля. Пришел в Боровеск на Троицын день»⁷³. (В 1534 г. этот праздник пришелся на 25 мая.) Приход старицкого князя на государеву службу, несомненно, свидетельствует о том, что к маю 1534 г. он уже примирился с великокняжеским двором. В этой связи получает рациональное объяснение загадочное известие Б. Ваповского о том, что после ареста князя Юрия «Андрей спасся бегством и, собрав войско, стал страшен правителям...»⁷⁴. Отъезд Андрея в Старицу (его пребывание там 9 января 1534 г. подтверждается документально⁷⁵) действительно мог быть связан (как предполагал еще И. И. Смирнов⁷⁶) с «поиманием» Юрия. Что же касается «сбора войска», то, очевидно, Ваповский сам факт появления князя Андрея во главе полков истолковал в духе своих общих представлений о конфликте старицкого князя с опекунами Ивана IV.

Из событий весны 1534 г. заслуживает также внимания эпизод, упомянутый только в кратком летописце Марка Левкеинского: «...месяца апреля Шемяичеву княгиню з двеима дщерми постригли в черницы в Каргополе неволею»⁷⁷. В свете последующих событий эта акция выглядит как первый удар в той серии опал, которая вскоре обрушится на семьи «чужаков» — литовских выходцев в Москве.

Состояние наших источников таково, что лишь применительно к июню 1534 г. мы можем наконец составить представление о расстановке сил при московском дворе. В петербургской части бывшего Радзивилловского архива хранится запись показаний польского жолнера Войтеха, бежавшего 2 июля из Москвы, где он сидел в плену, в Литву. Войтех поведал полоцкому воеводе, что «на Москве старшими воеводами, которые з Москвы не мают николи зъехати: старшим князь Василей Шуйский, Михайло Тучков, Михайло Юрьев сын Захарыина, Иван Шигана а князь Михайло Глинский, — тыи всею землею справуют и мают справовати до лет князя великого; нижи Глинский ни в чом ся тым воеводам не противит, але што они нарадят, то он к тому приступает. А все з волею княгини великое справуют»⁷⁸.

⁷³ ПСРЛ. Т. 34. С. 24.

⁷⁴ Kroniki Bernarda Wapowskiego... część ostatnia. P. 249.

⁷⁵ АФЗХ. Ч. II. М., 1956. № 129. С. 122.

⁷⁶ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 31—32.

⁷⁷ Зимин А. А. Краткие летописцы. № 1. С. 12.

⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 54. Л. 1об.—2. Новая публ.: РА. М.; Варшава, 2002. № 39. С. 99 (прежнее издание очень неточно передает текст: АЗР. Т. 2. СПб., 1848. № 179/II. С. 331).

Этот документ свидетельствует о том, что к лету 1534 г. внутри-политическая борьба в России вступила в новую фазу: конфронтация с удельными князьями сменилась ожесточенным соперничеством внутри самой придворной верхушки за право управлять страной от имени юного Ивана IV. Напрасно некоторые исследователи (И. И. Смирнов, Р. Г. Скрынников, А. Л. Корзинин) отождествляют перечисленных Войтехом «старших воевод» с опекунским советом, назначенным Василием III⁷⁹. Сравнение процитированного документа с Повестью о смерти Василия III и другими материалами конца 1533 г. показывает, что в действительности за полгода, миновавшие после кончины государя, при дворе произошли большие перемены. Так, Глинский к июню 1534 г. потерял реальное влияние на государственные дела, и это никак не соответствовало той роли, которую отвел ему в своих предсмертных распоряжениях Василий III. Глинский, Шигона и Захарьин явно утратили, судя по сообщению Войтеха, особый статус и полномочия, данные им покойным государем: очевидно, после ареста князя Юрия Дмитровского и примирения с князем Андреем полученные опекунами инструкции потеряли свою актуальность. Место «триумвирата» заняла к июню правящая группа из пяти человек, причем главная роль в ней досталась кн. В. В. Шуйскому.

Падение влияния Глинского можно связать с общей тенденцией к оттеснению литовских княжат от кормила власти, возобладавшей летом 1534 г. Кн. Д. Ф. Бельский, принадлежавший в ноябре—декабре 1533 г. к «раде высокой» и курировавший внешнеполитические вопросы, теперь назван Войтехом в числе лиц, которые «ничего не справуют, только мают их з людми посылати, где будет потреба»⁸⁰. С другой стороны, заметно возросло влияние великой княгини Елены («все з волею княгини великое справуют»). Но борьба была еще не закончена: по словам Войтеха, «тии бояре великии у великой незгоде з собою мешкают и мало ся вжо колкокрот ножи не порезали»⁸¹, т.е. раздоры между боярами доходят чуть ли не до поножовщины.

Другой документ из бывшего Радзивилловского архива (лишь недавно опубликованный) дает нам редкую возможность узнать,

⁷⁹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 34; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 84; Корзинин А. Л. Регентский совет. С. 106. На некорректность такого подхода в свое время справедливо указал Зимин (Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 226—227, прим. 5).

⁸⁰ РА. С. 99.

⁸¹ Там же.

что говорили о столичных делах жители провинции, какие представления о власти существовали у местных помещиков (в данном случае — смоленских). 4 июля 1534 г. мстиславский державца Ю. Ю. Зеновьевич отправил Сигизмунду I донесение, в котором сообщал о приезде к нему накануне дня святого Петра (т.е. перед 29 июня) помещиков из Смоленска «з жонами и з детьми, на имя Иван Семенович Коверзиных а Василей Иванович». Прибывшие поведали, «иж запевно [точно, несомненно. — М. К.] молодой князь великий вмер по Святой Троицы перед Петровыми запусты, и брат его менший князь Василей [!] также вмер после его, нижили их... ещо таят». А 30 июня, писал Зеновьевич господарю, «шпекги [разведчики. — М. К.] мои пришли из заграничья, и они мне тыи ж речи поведали, иж запевне его и з братом не стало, а князь Юрьи пред ся у поиманьи седит...»⁸².

Разумеется, слух о смерти Ивана IV оказался ложным, но приведенный документ интересен тем, что он выразительно рисует обстановку, в которой подобные слухи рождались. Смерть двух маленьких детей, очевидно, представлялась современникам вполне вероятным событием, а то, что мальчиков, надо полагать, тщательно берегли от посторонних глаз, вызывало подозрения, что опекуны скрывают случившееся несчастье («их ещо таят»). Весьма показательно и то, что смоленские помещики не знали, как зовут брата их государя («Василий» вместо правильного «Юрий»).

Развязка долго назревавшего придворного конфликта произошла в августе 1534 г. Сначала со службы из Серпухова бежали в Литву кн. Семен Федорович Бельский и Иван Васильевич Ляцкий, после чего были произведены аресты. Среди арестованных оказался и один из опекунов Ивана IV — кн. Михаил Львович Глинский. И. И. Смирнов выдвинул гипотезу о том, что последний организовал грандиозный заговор с целью захвата власти, а все арестованные являлись его сообщниками⁸³. По существу единственным основанием для столь ответственного вывода историку послужило сообщение Царственной книги о том, что Глинский «захотел держати великое государство Российского царствия» вместе с М. С. Воронцовым⁸⁴. На позднее происхождение и крайнюю тенденциозность этого источника справедливо указал А. А. Зимин, опровергнувший выводы Смирнова. По мнению самого Зимина, суть

⁸² РА. № 31. С. 86.

⁸³ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 33, 40—44.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 13. 2-я пол. С. 420.

августовских событий заключалась в столкновении двух группировок знати: сторонников укрепления государственного аппарата и мирных отношений с Литвой (Глинский, Бельские, Захарьин и др.), с одной стороны, и защитников боярских привилегий, стоявших во внешней политике за войну с Литвой (партия Шуйских), — с другой⁸⁵.

Внешнеполитический аспект проблемы отмечен Зиминым, на мой взгляд, правильно, но свойственное советской историографии 50—60-х гг. прямолинейное отождествление придворной борьбы за власть с борьбой сторонников и противников централизации не встречает уже поддержки в современной литературе⁸⁶. Нуждается в пересмотре и оценка августовских событий 1534 г. Справедливо отказывая в доверии концепции Смирнова о «заговоре Глинского», нынешние исследователи, однако, не предлагают убедительной альтернативной версии событий, или вообще воздерживаясь от собственных оценок, или, подобно Х. Рюсу и А. Л. Юрганову, сводя все дело (вслед за Герберштейном) к конфликту Глинского с его властолюбивой племянницей — великой княгиней Еленой⁸⁷. Попытаемся взглянуть на августовский инцидент под иным углом зрения.

Обратимся прежде всего к наиболее ранним свидетельствам. 12 сентября 1534 г. в Полоцк прибыли беглецы из Пскова: «Радивон, дьяк больший наместника псковского Дмитрея Воронцова, а Гриша, а Тонкий»; запись их показаний о положении в Пскове и Москве полоцкий воевода в тот же день отправил королю Сигизмунду⁸⁸. Среди прочего беглецы «повелили, иж на Москве поиманы князь Иван Бельский, князь Михайло Глинский, князь Иван Воротынский, а сына его, князя Владимира, по торгу водячи, пугами [плетьми. — М. К.] били; а к тому князя Богдана Трубецкого поимали. А имали их для того, иж их обмовено, жебы были мели до Литвы ехати⁸⁹; и для того теж на парыки подавано князя Дмит-

⁸⁵ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 231—232.

⁸⁶ Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 214; Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 110; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 86; Rüß H. Machtkampf oder «feudale Reaktion»? S. 496—497, 500—502; Kollmann N. S. Kinship and Politics. P. 162.

⁸⁷ Rüß H. Machtkampf. S. 490—493; Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. S. 234—235; Юрганов А. Л. Политическая борьба в 30-е годы XVI века // История СССР. 1988. № 2. С. 107—109. См. также: Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 86—87.

⁸⁸ РА. № 45. С. 114.

⁸⁹ Этот пассаж можно перевести так: «А схватили их потому, что их оговорили, будто они собирались ехать в Литву...»

рея Бельского, и кони ему отняты, и статок переписан, а Михайла Юрьева, а дьяка великого князя Меньшого Путятина»⁹⁰.

Итак, по словам осведомленных современников, все арестованные (в том числе и Глинский) были обвинены в намерении бежать в Литву. В отношении князей И. Ф. Бельского и Воротынских для подобного обвинения, вероятно, имелись основания: в Воскресенской летописи они прямо названы «советниками» беглецов — С. Ф. Бельского и И. В. Ляцкого⁹¹. Кроме того, позднее, в 1567 г., король Сигизмунд-Август, со слов Ивашки Козлова, слуги кн. М. И. Воротынского, писал последнему, что его отец, князь Иван Михайлович, к королю «з уделом своим отчизным... податись хотел, для чего немало лет в заточеньи был на Белеозере и смерть принял»⁹².

Зато обвинение в адрес кн. М. Л. Глинского было, видимо, ложным: в летописях известие об аресте князя Михаила Львовича выделено в особую статью, никак не связанную с делом о побеге воевод в Литву; причем в Вологодско-Пермской летописи эта статья даже предшествует сообщению о бегстве С. Ф. Бельского и И. В. Ляцкого⁹³. Большинство летописей ограничиваются констатацией самого факта ареста Глинского, но Летописец начала царства в связи со смертью князя «в нужи» в сентябре 1536 г. сочувственно замечает: «...пойман бысть по слову наносному от лихих людей»⁹⁴. Можно установить и имена этих «лихих людей» — доносчиков: в Царском архиве, согласно сохранившейся описи, в 134-м ящике находились «речи на князь Михаила Глинского и князя Володимера Воротынскова княже Михайлова человека Некрасовы, да Ивашка Домнина, да Ивашка Рязанцова»⁹⁵. Наконец, об аресте Глинского по ложному обвинению пишет и С. Герберштейн,

⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 293. Д. 55. Л. 2. Опубл.: РА. № 46. С. 116 (в прежней публикации текст передан неточно: АЗР. Т. 2. № 179/III. С. 333).

⁹¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 287.

⁹² Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 258. Этот пассаж приведен в послании Сигизмунду-Августу, написанном по приказу Ивана IV от имени князя Михаила Воротынского. Далее в том же послании князь Михаил (или тот, кто писал от его имени) гневно отвергает свидетельство И. П. Козлова о намерении его отца, кн. И. М. Воротынского, бежать в Литву как ядовитую клевету, но смиренно признает, что наложенная на князя опала была заслуженной: «...то по его проступкам было, а смерть ему учинилась по Божьему велению...» (Там же. С. 262).

⁹³ ПСРЛ. Т. 8. С. 287; Т. 34. С. 24—25; Т. 26. С. 315.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 28.

⁹⁵ ОЦААП. С. 30.

пользовавшийся польскими источниками: по его словам, великая княгиня Елена, разгневавшись на своего дядю (якобы за моральные наставления, которые он ей давал), задумала погубить его. «Предлог был найден: как говорят, Михаил через некоторое время был обвинен в измене, снова ввергнут в темницу и погиб жалкой смертью»⁹⁶.

Таким образом, вырисовывается следующая картина. Побег в Литву кн. С. Ф. Бельского и окольного И. В. Ляцкого (сам явившийся проявлением подспудно шедшей придворной борьбы) стал поводом для окончательного устранения соперников с политической арены. Основной удар был нанесен по фамилиям литовских княжат; опала постигла как отдельных лиц (кн. Б. А. Трубецкой), так и целые кланы — Бельских, Воротынских, Глинских. Есть сведения о том, что кн. Михаил Львович был арестован вместе с женой и маленькими детьми: они были посажены отдельно от него, «в тыне»⁹⁷. Картину дополняет краткий летописец Марка Левкеинского: «Ополелася великая княгиня Елена на мать свою, на княгиню Анну. Таго же лета братью свою поимала, да не крепко»⁹⁸. Значит, ради власти Елена Глинская пожертвовала своей родней: такой ценой она приобрела поддержку могущественных сил при дворе, стремившихся свести счеты с «чужаками». Кто же были эти союзники Елены? Одного из них угадать нетрудно: выразительная деталь, сообщаемая летописями, делает весьма вероятным участие князя Ивана Федоровича Овчины Оболенского в «поимании» Глинского. Последний был посажен на заднем дворе «у конюшни»

⁹⁶ *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 88.

⁹⁷ Сохранился недатированный отрывок следственного дела о посещении жены кн. М. Л. Глинского, сидевшей «в тыне» вместе с сыном Василием, слугами ее матери (опубл.: АИ. Т. 1. № 120. С. 174). Глинский дважды сидел в заточении, в 1514 — начале 1527 г. и в 1534—1536 гг. Издатели «Актów исторических» отнесли опубликованный ими отрывок к первому из двух названных периодов. Но поскольку известно, что Михаил Глинский женился по воле Василия III в феврале 1527 г., сразу после своего освобождения, на дочери кн. И. В. Немого Оболенского (*Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 283) и от этого брака родился сын Василий, то упомянутый документ следует датировать временем после августа 1534 г. Имя жены Глинского остается неизвестным, а ее мать, вдову кн. И. В. Немого Оболенского, звали Марьей (см.: *Кобрин В. Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995. С. 100—101. № 54). Согласно сохранившемуся отрывку следственного дела, княгиня Марья присылала сидевшей «в тыне» под охраной детей боярских дочери хлеб, сыр и сметану, а заболевшему внуку княжичу Василию — крест с мощами (АИ. Т. 1. С. 174).

⁹⁸ *Зимин А. А.* Краткие летописцы. № 1. С. 13.

в палату, «где была казна великого князя конюшенная, седельная»⁹⁹; между тем чин конюшего принадлежал тогда (не позднее чем с июля 1534 г.) именно кн. Ивану Овчине Оболенскому, фавориту великой княгини¹⁰⁰. Других вдохновителей и организаторов августовских расправ следует, видимо, искать среди тех, кто, по сообщению упомянутых выше псковских перебежчиков, «на Москве... всякий дела справуютъ»: этот список самых влиятельных лиц в конце августа — начале сентября 1534 г. открывает кн. Иван (вероятно, Васильевич) Шуйский, далее следуют Михаил Васильевич Тучков, Иван Юрьевич Шигона Поджогин, кн. Иван Иванович Кубенский, дьяки Елизар Цыплятев, Афанасий Курицын, Третьяк Раков, Федор Мишурин, Григорий Загряжский¹⁰¹. Перед нами не «партия Шуйских», как полагал А. А. Зимин, а временный союз старинной знати Северо-Восточной Руси и верхушки дворцового и дьяческого аппарата — вот на кого сумела опереться Елена Глинская в своей борьбе против навязанных ей мужем опекунов.

Она добилась своего: августовские события окончательно перечеркнули распоряжения Василия III: один опекун был арестован, другой — М. Ю. Захарьин — также попал под подозрение (бежавший в Литву И. В. Ляцкий приходился ему двоюродным братом), и хотя к началу сентября (по словам псковских перебежчиков) он еще участвовал в государственных делах, вскоре его оттеснили от кормила власти¹⁰². Лишь И. Ю. Шигона Поджогин сумел и в новой ситуации сохранить влияние при дворе. Зато Елена Глинская, как показал А. Л. Юрганов, смогла к осени 1534 г., после описанных событий, закрепить за собой статус единственной соправительницы Ивана IV¹⁰³.

Какую-то роль во всех этих переменах при московском дворе сыграл князь Андрей Старицкий. Основания для подобного предположения дает документ, недавно обнаруженный И. Гралеи и Ю. М. Эскиным в фонде Радзивиллов Главного архива древних актов в Варшаве: в декабре 1534 г. попавший в литовский плен опоц-

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 13; Т. 26. С. 315.

¹⁰⁰ Кн. И. Ф. Овчина Оболенский назван конюшим в разрядной росписи июля 1534 г.: РК 1598. М., 1966. С. 84.

¹⁰¹ РА. № 46. С. 116—117; прежнее изд.: АЗР. Т. 2. № 179/III. С. 333.

¹⁰² О падении влияния М. Ю. Захарьина после августовских событий 1534 г. см.: *Rüß H. Der Bojar M. JU. Zachar'in im Chronikbericht über die letzten Tage Vasilij's III* // FOG. 1980. Bd. 27. S. 174—176.

¹⁰³ Юрганов А. Л. Политическая борьба в 30-е годы XVI века. С. 105—106, 109—112.

кий слободчик Сидор Кузмин сообщил на допросе в Полоцке, что «князь Андрей, дядко теперешнего великого князя московского, поеднался [помирился. — *М. К.*] з невесткою своею, великою княгиною, и бывает на Москве безпечне [без опаски. — *М. К.*] з малыми людьми...»¹⁰⁴.

В свете этого известия уже не кажется совершенно фантастической трактовка интересующих нас событий в Хронике Б. Ваповского: Андрей, пишет хронист, «собрав войско, стал страшен правителям, в течение некоторого времени нес опеку над мальчиком [Иваном IV. — *М. К.*] и, освободив брата Георгия из тюрьмы... схватил Михаила Глинского, одного из опекунов маленького князя... и, заковав в железные цепи, бросил в тюрьму»¹⁰⁵. За исключением явно ошибочного известия об освобождении кн. Юрия Дмитровского, остальная сообщаемая хронистом информация, возможно, имела под собой реальное основание. Возвращение старицкого князя ко двору, установление приятных отношений с матерью государя могло восприниматься современниками как участие его в опеке над мальчиком, на что по традиции удельный князь имел полное право. А Елене Глинской некое подобие союза с Андреем Старицким было важно для упрочения ее нового статуса правительницы и преодоления отчуждения придворной среды.

Итак, оставленные Василием III при своем наследнике опекуны-душеприказчики лишь несколько месяцев обладали реальной властью. Почему же возведенная покойным государем политическая конструкция оказалась столь непрочной?

Во-первых, состав «триумvirата» не обладал достаточной легитимностью в глазах московской знати. Само по себе назначение опеки над женой и детьми было вполне в духе ранее сложившейся традиции, но отстранение от опекунских обязанностей родных братьев государя явилось разрывом с этой традицией. Назначенные Василием III душеприказчики не обладали столь высоким статусом при дворе, чтобы оказаться вне досягаемости для местнических притязаний соперников. Поэтому когда опасность со стороны удельных князей миновала (после ареста Юрия и примирения с Андреем), «триумвиры» сразу начали терять свое исключительное

¹⁰⁴ Литва и Русь в 1534—1536 гг. / Вступ. статья, публ. и коммент. И. Грали и Ю. М. Эскина // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. № 4. С. 72.

¹⁰⁵ Kroniki Bernarda Wapowskiego... część ostatnia P. 249.

положение и вынуждены были поделиться властью с наиболее влиятельными и амбициозными придворными деятелями.

Во-вторых, после смерти Василия III резко обострилась рознь между «приезжими» князьями и «здешними уроженцами», которой всячески хотел избежать покойный государь. В этой связи назначение одним из опекунов «чужака» Михаила Глинского служило дополнительным раздражителем, делая его удобной мишенью для нападок соперников.

Наконец, в-третьих, неожиданно обнаружились притязания на власть самой Елены Глинской, не желавшей мириться с установленной над ней мужем опекой. Ее интересы совпали в данном случае с настроениями влиятельной группы столичной знати и приказной бюрократии. Елена заставила «забыть» о своем происхождении, выдав на расправу свою родню и других литовских княжат. С другой стороны, придворная среда остро нуждалась в правителе-арбитре, каковым не мог быть малолетний государь, и Елена заняла это вакантное место, на которое она как великая княгиня имела, бесспорно, больше прав, чем назначенные Василием III опекуны-душеприказчики. К осени 1534 г. сложилась новая расстановка сил при дворе, и в течение последующих нескольких лет сохранялась относительная внутривластная стабильность.

3. Симптомы политического кризиса

Описанные выше события 1534 г. обнаруживают явные симптомы острого политического кризиса. Прежде всего бросается в глаза непрочность положения опекунов юного Ивана IV в первые месяцы после смерти его отца, Василия III. Судьба Елены Глинской и ее приближенных зависела от здоровья маленького мальчика, занимавшего тогда русский престол. Неудивительно, что время от времени возникали слухи о смерти юного государя: выше я привел один из таких слухов, записанных в начале июля 1534 г. в Литве со слов бежавших из Московского государства смоленских помещиков. Впоследствии молва о кончине венценосного отрока появлялась еще неоднократно.

Сегодня мы приписываем болезни естественным причинам, но люди XVI в. придерживались на этот счет иного мнения. Более того, кое-кто был готов ускорить ход событий, прибегнув к ворожбе и «порче». Сохранившийся в упомянутом выше «деле» Ивана Яганова

отрывок «речей» некоего Ивашки Черного знакомит нас с ярким образцом политического колдовства той эпохи. По словам Яганова, этот Ивашко обещал раскрыть страшную тайну: «Только даст мне правду Шигона [дворецкий И. Ю. Шигона Поджегин. — М. К.], что меня государыни великаа княгини пожалует, — якобы говорил он, — и яз государыни скажу великое дело, да и тех мужиков, которые над великим князем на Волоце кудесы били: Грызла а Пронка Курица, мошинец в руки дал, а похвалялися те мужики на государя пакость наводити, а ныне те мужики на Москве; да и тех всех выскажу, хто тех мужиков у себя держит лиха для»¹⁰⁶.

Таким образом, Ивашко Черный утверждал, что знает неких волхвов, которые, в бытность больного Василия III на Волоке (осенью 1533 г.), насылали на государя порчу («кудесы били»). Более того, опасность еще не миновала, и в тот момент, когда Ивашко передавал свое сообщение, адресованное властям, те «мужики» находились в Москве, их держали «лиха для» некие люди на своих подворьях. Понятно, что и в новое царствование кудесники могли пригодиться — как орудие козней против юного государя и его матери.

Помимо болезней и черной магии, ребенку на троне могли угрожать и иные опасности: одну из них постарались отвести его опекуны сразу после смерти Василия III, арестовав удельного князя Юрия Дмитровского. Это означает, что кризис с самых первых дней нового царствования приобрел *династический* характер: очевидно, наследование великокняжеского престола по прямой линии, от отца к сыну, еще не стало в династии потомков Калиты неизблемой традицией. Как и во время междоусобной войны второй четверти XV в., претензии братьев покойного государя на трон рассматривались как реальная угроза для их малолетнего племянника — независимо даже от действительных намерений князей Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого в обстановке 1530-х гг. Первый акт придворной драмы наступил с арестом князя Юрия 11 декабря 1533 г. Вторым актом стал так называемый мятеж Андрея Старицкого в 1537 г., о котором будет рассказано в четвертой главе этой книги.

Династический кризис и острая местническая борьба, вспыхнувшая после смерти Василия III, привели к множеству жертв среди московской знати: за девять месяцев с декабря 1533 по август 1534 г.

¹⁰⁶ Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова. С. 24.

в темницу были брошены дяди Ивана IV по отцу (кн. Юрий Дмитровский) и по матери (кн. М. Л. Глинский), а также принадлежавшие к высшей аристократии князя А. М. Шуйский, И. Ф. Бельский, И. М. Воротынский и др. То, что опекуны Ивана IV прибегли к репрессиям, бессудным расправам в борьбе со своими соперниками, свидетельствует об отсутствии у формирующегося регентства твердой легитимной почвы и подчеркивает кризисный характер обстановки 1534 г.

Однако кризис затронул не только верхушку знати, но и более широкие слои служилого люда: есть основания говорить о начавшемся после смерти Василия III *кризисе служебных отношений*.

В первой половине XVI в. служба сохраняла еще присущий Средневековой личный характер: служили не государству, а государю. Между тем на Руси в то время, помимо великого князя, были и другие «государи», имевшие собственные отряды вооруженных слуг. В первую очередь нужно назвать дворы удельных князей Московского дома: в 1533 г. их было два — дмитровский и старицкий¹⁰⁷. Немало детей боярских состояло на службе у митрополита и епископов¹⁰⁸. Наконец, имеются отрывочные данные о вольных слугах ряда знатных лиц. Так, в середине XVI столетия князьям Микулинским, согласно Дозорной книге Тверского уезда 1551—1554 гг., служили со своих вотчин более 50 детей боярских¹⁰⁹. У кн. Ф. М. Мстиславского были свои помещики, которым он выдавал жалованные грамоты¹¹⁰.

¹⁰⁷ См.: *Зимин А. А.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. // ВИД. Вып. V. Л., 1973. С. 182—195; *Его же*. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 179—184.

¹⁰⁸ О митрополичьих дворянах см.: *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.; Л., 1947. С. 413—438. О помещиках, состоявших на службе у новгородского архиепископа, см.: *Греков Б. Д.* Новгородский Дом святой Софии // Избранные труды. Т. IV. М., 1960. С. 276—331. Несколько десятков детей боярских, согласно Дозорной книге 1551—1554 гг., служили тверскому владыке, см.: Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005. С. 149—151, 156, 158, 159, 177, 179, 197, 199, 201, 212—217, 219—223, 226, 227, 259, 263, 267, 270, 288—290, 305.

¹⁰⁹ Там же. С. 151, 174, 176, 179, 190—195, 198—200, 205, 218, 254, 285, 289.

¹¹⁰ Жалованная грамота кн. Ф. М. Мстиславского, выданная 31 мая 1538 г. его сыну боярскому И. Г. Толочанову, сохранилась в составе правой грамоты Спасскому Ярославскому монастырю от 18 января 1543 г., см.: *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. II. № X. С. 206.

В нормальной обстановке, т.е. при совершеннолетнем и полновластном государе, служба великому князю Московскому, надо полагать, сулила больше выгод, чем служба удельным князьям или крупным вотчинникам. По наблюдениям А. А. Зимина, «служилая мелкота тянулась к великокняжеской власти в расчете на получение новых земель и чинов»¹¹¹. Но в ситуации, когда на троне оказывался ребенок, государева служба уже не открывала таких заманчивых перспектив. Припомним слова, которые летописец вложил в уста князя Андрея Шуйского, якобы подговаривавшего своего родственника кн. Б. И. Горбатого «отъехать» к дмитровскому князю: «...здесе нам служити и нам не выслужити, князь велики еще молод, а се слова носятся про князя Юрья. И только будет князь Юрьи на государстве, а мы к нему ранее отъедем, и мы у него тем выслужим»¹¹². То же соображение — о преимуществе в глазах служилых людей взрослого удельного князя перед малолетним племянником, занимавшим великокняжеский трон, — привело, согласно летописному рассказу, бояр к выводу о необходимости арестовать Юрия Дмитровского: «...государь еще млад, трех лет, а князь Юрьи совершенный человек, люди приучити умеет; и как люди к нему пойдут, и он станет под великим князем государьства его подпискивати»¹¹³.

Арест Юрия Дмитровского устранил с политической сцены опасного соперника малолетнего государя, но не решил в принципе обозначенную выше проблему. Одним из проявлений «шатости», обнаружившейся среди служилого люда в первый же год «правления» юного Ивана IV, стало массовое бегство детей боярских в Литву.

Хотя никаких статистических данных в нашем распоряжении нет, но сплошной просмотр книг Литовской метрики за первую половину XVI в. позволяет высказать предположение о том, что поток беглецов из Московского государства усилился с весны 1534 г. В мае Сигизмунд I раздавал пустующие земли в различных поветах Великого княжества Литовского «на хлебокормление» детям боярским, которые «тых часов [только что. — М. К.] на нашу имя господарское з Москвы приехали». Так, 18 мая 1534 г. земли в Василишском повете были пожалованы Ивану Степановичу Пороухову и Федору Селеву, а братья Протас и Наум Константинови-

¹¹¹ Зимин А. А. Удельные князья и их дворы. С. 188.

¹¹² ПСРЛ. Т. 29. С. 11.

¹¹³ Там же. С. 10.

чи Ярцовы получили, соответственно, селище Холм и село Полоницу в Кричевской волости¹¹⁴. 20 мая раздачи земель беглецам были продолжены: на этот раз пожалования в Василишском повете получили дети боярские Иван Козинович и Артем Васильевич (фамильные их прозвища в королевских «листах» не указаны)¹¹⁵.

В конце июня того же года, как уже говорилось, в Литву прибыли смоленские помещики Иван Семенович и Василий Иванович Коверзины «з жонами и з детьми»¹¹⁶. Вероятно, неслучайно их приезд совпал с распространением слуха о смерти юного московского государя (о чем и сами беглецы говорили как о достоверном факте)¹¹⁷. Коверзины принадлежали к роду смоленских бояр, служивших до присоединения их города к Московскому государству (1514 г.) великим князьям литовским¹¹⁸. И вот теперь, летом 1534 г., они, похоже, разочаровались в своих перспективах на московской службе и решили вернуться в литовское подданство.

В августе 1534 г. со службы из Серпухова бежали в Литву воеводы кн. С. Ф. Бельский и окольничий И. В. Ляцкий. Как мы знаем, их побег повлек за собой многочисленные аресты среди московской знати. Но сейчас нас интересует свита беглых воевод: по словам Вологодско-Пермской летописи, вместе с ними бежали в Литву «многие дети боярские великого князя дворяне»¹¹⁹. Из источников литовского происхождения выясняется, что это был большой отряд численностью в 400, а по некоторым оценкам — даже 500—600 конных¹²⁰. Годом позже, правда, часть сопровождавших Бель-

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 227. Л. 217об., 218—218 об., 219, 219об.

¹¹⁵ Там же. Л. 217об.—218, 218об.—219.

¹¹⁶ РА. № 31. С. 85—86.

¹¹⁷ Там же. С. 86.

¹¹⁸ См. подробнее: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995. С. 210, 212, 241.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 26. С. 315.

¹²⁰ «Приблизительно в 400 человек» оценил прибывший отряд королевский секретарь Н. Нипшиц в письме герцогу Альбрехту Прусскому от 15 августа 1534 г. (АТ. Т. XVI. Pars 2. Wratislaviae, etc. 1961. № 409. Р. 67). О 400 конных, сопровождавших «князя Бельского» и «сеньора Ляцкого», написал и придворный врач польской королевы Боны, Джованни Валентино, в послании герцогу Мантуанскому от 12 октября того же года (Ibid. № 532. Р. 280). Та же цифра содержится и в Евреиновской летописи (ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 236). Другая оценка, возможно завышенная, фигурирует в письме Н. Нипшица Альбрехту от 28 августа 1534 г.: там говорится уже о 500 или 600 конных и выража-

ского и Ляцкого служилых людей вернулась на родину, «пограбив казны» воевод-изменников и сообщив в Москве о военных планах литовского командования¹²¹.

Добровольное возвращение некоторых беглецов, однако, не означало, будто колебания московского служилого люда прекратились и все дети боярские отныне демонстрировали полную лояльность юному Ивану IV и его матери. Как явствует из переписки короля Сигизмунда I с панями-радой, в ходе начавшейся осенью 1534 г. русско-литовской войны служилые люди перебежали, прямо из полков, на сторону противника — и, видимо, в немалом количестве, если уже летом 1535 г. перед литовским правительством встал вопрос об их размещении и пропитании. Информировав короля о «москвичих», которые «з войска неприятельского до панства нашего [т.е. Литвы. — М. К.] втекають», паны-рады просили господаря дать указания о том, где их размещать. В ответ Сигизмунд распорядился временно поселить «оних москвич, котори з войска неприятельского приехали, або приездчати будуть», на господарских дворах и снабдить их продовольствием («велел им жита по колку бочок и сена на кони их подавати»), а также деньгами («по две або по тры копы грошей»)¹²². Впрочем, как будет показано ниже, до конца 30-х гг. XVI в. литовские власти так и не смогли решить проблему обустройства многочисленных беглецов из России.

Но кризис 1534 г. затронул не только придворную элиту и сложившуюся систему служебных связей, он сказался также на внешнеполитическом положении страны. По понятиям той эпохи субъектами международно-правовых отношений являлись не государства, а государи: они воевали и мирились друг с другом, заключали договоры, действовавшие только при жизни соответствующих царственных особ, и т.д.¹²³ Малолетство Ивана IV умаляло престиж Русского государства в контактах с правителем соседней Литовской

ется удивление по поводу того, как такой большой отряд мог беспрепятственно преодолеть более 100 миль пути до границы, — не иначе как их послала к королю одна из борющихся друг с другом в Москве придворных «партий», предположил Нипшиц (АТ. Т. XVI. Pars 2. № 435. P. 112—113).

¹²¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 17; Т. 8. С. 289—290.

¹²² Недатированное послание Сигизмунда I панам-раде, написанное, судя по контексту, в конце июля или начале августа 1535 г., см.: *Малиновский И.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. № LVI. С. 222, 223.

¹²³ См.: *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. С. 28.

державы — великим князем (и польским королем) Сигизмундом Старым. В феврале 1534 г. литовские паны в послании московским боярам язвительно советовали последним «стеречь» своего государя, «абы он в молодости лет своих к великому впаду сам и з господарством своим не пришел»¹²⁴. И в последующем литовская дипломатия пыталась извлечь выгоду из разницы в возрасте между королем Сигизмундом и московским великим князем Иваном, настаивая на том, что последний, будучи «в молодых летех», должен первым послать своих послов к королю, «яко к отцу своему»¹²⁵. Московская сторона отвергала подобные притязания¹²⁶, и в конце концов литовское посольство прибыло — таки в январе 1537 г. в Москву¹²⁷. Этому событию, однако, предшествовало несколько лет войны.

Хотя с точки зрения статуса и престижа малолетство московского государя и давало некоторые преимущества литовской стороне, но решающим обстоятельством, подтолкнувшим виленских политиков к началу военных действий с восточным соседом, стали слухи о раздорах при московском дворе, которые стали приходить в литовскую столицу сразу после смерти Василия III. Другими словами, внешнеполитические осложнения явились прямым следствием внутренней нестабильности Русского государства в течение многих месяцев с конца 1533 по осень 1534 г.

Достоинна удивления резкая перемена в русско-литовских отношениях, произошедшая в начале 1534 г. В последние годы правления Василия III литовская дипломатия предпринимала энергичные усилия к сохранению хрупкого перемирия между двумя соседними державами, а московский государь явно демонстрировал свою незаинтересованность в его продлении¹²⁸. Однако сразу после смерти великого князя стороны как бы поменялись ролями: теперь уже московская сторона искала мира, а король Сигизмунд на предложения посла Т. В. Бражникова, сделанные от имени юного Ивана IV, по словам летописца, «ответ учинил гордостен»¹²⁹ и повел дело к полному разрыву отношений. Единственным объяснением

¹²⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 13.

¹²⁵ Там же. С. 33—34.

¹²⁶ Характерную отповедь правительства Ивана IV на требование прислать послов к королю см.: Сб. РИО. Т. 59. С. 37 (июнь 1536 г.).

¹²⁷ Там же. С. 64 и сл.

¹²⁸ См. подробнее: *Кром М. М.* Стародубская война (1534—1537). Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 20—23.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 12.

этой метаморфозы могут служить приходившие в литовскую столицу многочисленные слухи о притязаниях братьев покойного московского государя на престол и их раздорах с опекунами его сына.

Сами эти известия уже анализировались в начале данной главы, а здесь уместно привести комментарии, которые давали по поводу подобной информации литовские сановники. Так, 13 января 1534 г. канцлер Великого княжества Литовского Ольбрахт Гаштольд, сообщая в письме прусскому герцогу Альбрехту о смерти Василия III, напоминал, что покойный князь Московский «обманом захватил многие крепости господя нашего» (Сигизмунда I), теперь же следует позаботиться о возвращении захваченных неприятелем владений, «для чего сейчас самое подходящее время»¹³⁰. Другой виленский корреспондент Альбрехта, Николай Нипшиц, сообщал ему 14 января, что в Москве можно ожидать вспышки междоусобной борьбы и что, если это случится, литовцы попытаются отвоевать Смоленск¹³¹. Созванный в середине февраля в Вильне литовский сейм постановил начать подготовку к войне с Москвой. Комментируя упомянутое решение, Н. Нипшиц писал герцогу Альбрехту 2 марта, что «к этому литовские сословия подтолкнуло не что иное, как великий разлад и раздор, возникшие в Москве между братьями старого [государя. — М. К.] и юным великим князем...»¹³².

Военные приготовления литовцев растянулись на полгода, и все это время реваншистские планы виленских сановников подогревались новыми слухами о распрях при московском дворе. Наконец, появление знатных перебежчиков, князя С. Ф. Бельского и окольничего И. В. Ляцкого с большой свитой, побудило литовского гетмана Юрия Радзивилла отбросить последние сомнения и начать военные действия¹³³. По словам осведомленного современника, Н. Нипшица, беглецы сулили королю Сигизмунду отвоевание не только Смоленска, но и всех других крепостей и земель, утраченных Литвой за минувшие 50 лет¹³⁴.

¹³⁰ АТ. Т. XVI. Pars 1. № 36. Р. 64.

¹³¹ Ibid. № 11. Р. 22.

¹³² Ibid. № 145. Р. 281. О том же со слов своих литовских корреспондентов писал 8 марта 1534 г. Петр Томицкий, краковский епископ и вице-канцлер Польского королевства, сандомирскому старосте Яну Тарновскому (Ibid. № 158. Р. 310).

¹³³ См.: Кром М. М. Стародубская война. С. 35—36.

¹³⁴ АТ. Т. XVI. Pars 2. № 435. Р. 114.

* * *

В такой кризисной обстановке началось осенью 1534 г. самостоятельное правление Елены Глинской. Придворная элита была ослаблена междоусобной борьбой и многочисленными арестами. Продолжались побегі за рубеж знатных лиц, детей боярских, а в приграничной Псковской земле в бега пустились даже некоторые чины местной администрации¹³⁵. На этом фоне в сентябре 1534 г. началась большая война с Великим княжеством Литовским¹³⁶. Но сегодня мы можем сказать, что надежды литовских панов на затяжную смуту в Москве не оправдались: к моменту начала русско-литовской войны там уже наметились признаки внутривнутриполитической стабилизации. Кто составлял опору Елены Глинской в годы ее правления? Какое идеологическое обоснование получила ее власть и какими реальными полномочиями обладала правительница? К рассмотрению этого круга вопросов мы теперь и переходим.

¹³⁵ Напомню об эпизоде, о котором уже шла речь выше: 12 сентября 1534 г. в Полоцк приехал большой дьяк псковского наместника Д. С. Воронцова Радивон со своими спутниками — Гришей и Тонким (РА. № 45. С. 114; № 46. С. 115).

¹³⁶ О начале войны см. подробнее: *Кром М. М.* Стародубская война. С. 37—48.

Глава 3

ПРАВЛЕНИЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ

1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ И ЕЕ ТИТУЛ

Итак, к осени 1534 г. великая княгиня Елена сосредоточила в своих руках верховную власть. Отразилось ли как-то изменение ее статуса в источниках? Впервые в историографии этот вопрос поставил А. Л. Юрганов. Ученый обратил внимание на форму упоминания малолетнего государя и его матери в летописях, повествующих о событиях 1530-х гг. По мнению исследователя, между весной и осенью 1534 г. обозначение политического статуса Елены изменилось коренным образом: она стала упоминаться наравне с сыном-государем, и повеления (как их излагает летописец) исходили теперь совместно от великого князя и его матери¹.

Этот вывод основан на сопоставлении двух отрывков из Новгородской летописи по списку Дубровского. В первом из них, относящемся к маю 1534 г. и повествующем о строительстве укреплений (земляного города) на московском посаде, сказано, что великий князь Иван Васильевич всея Руси «*помысли* [с] своею материю великою княгинею Еленою и с митрополитом Даниилом, и своими доброхоты князи и бояры, *повеле* у себе на Москве поставити град древян на посаде»². Второй отрывок, цитируемый Юргановым, относится к осени 1534 г.; в нем сообщается о присылке великокняжеских грамот к новгородскому архиепископу Макарию: «...государь князь великий Иван Васильевич всея Руси и мати его благочестивая Елена *прислали* к своему богомолцу архиепископу Великово Новагорода и Пскова владыке Макарию в Великий Новгород своего сына боярского с Москвы з грамоты...»³ (выделено мной. — М. К.). Действительно, в первом случае повеление исходит

¹ Юрганов А. Л. Политическая борьба в 30-е годы XVI века. С. 102—105.

² ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 233.

³ Там же. С. 234.

от одного великого князя, посоветовавшегося с матерью, митрополитом и боярами; во втором — политическая воля выражена двумя лицами совместно, государем и его матерью.

Подобные упоминания Елены как равной по статусу своему сыну-государю Юрганов назвал «формулой регентства»⁴. По мнению ученого, эта формула возникла в августе 1534 г. после ареста дяди великой княгини — Михаила Глинского⁵. В этой связи историк цитирует сообщение Летописца начала царства о приезде к Ивану IV 27 августа ногайских послов: «И князь великий и его матери нагайских послов *пожаловали*, гостем их велел торговати»⁶ (выделено мной. — М. К.).

Гипотеза Юрганова о возникновении «формулы регентства» (точнее, на мой взгляд, назвать ее формулой соправительства) в результате событий августа 1534 г., устранивших последние препятствия на пути Елены к власти, заслуживает серьезного внимания и выглядит вполне правдоподобной. Но процитированные выше летописные памятники 40—50-х гг. XVI в. сами по себе не могут служить надежной основой для датировки изменений в статусе великой княгини. В особенности это относится к Летописцу начала царства. Уместно напомнить, что составитель этого памятника интерпретировал властные полномочия Елены Глинской как выполнение последней воли Василия III: умирающий государь якобы приказал своей супруге «престол области державствовать скипетр великия Руси до возмужения сына своего» и возложил на нее «все правление великого государства»⁷. Поэтому у летописца не было никаких причин проследивать какую-то динамику в политическом статусе великой княгини. Характерно, что уже в статье «О чудесах святой великомученицы Варвары», датированной февралем 1534 г., летописец, по существу, употребляет формулу соправительства применительно к Ивану IV и его матери: «Тоя же зимы февраля, в первое лето государства благочестиваго и христоробиваго великого князя Ивана Васильевича всеа Руси самодержца и его матери благоверной и христоробивой великой княгини Елены...»⁸

⁴ Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. С. 102 и сл.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 13.

⁷ Там же. С. 9, 10.

⁸ Там же. С. 12.

Другие летописи также не дают надежных хронологических ориентиров: так, в Воскресенской летописи формула соправительства встречается с января 1535 г., а в Постниковском летописце и Вологодско-Пермской летописи — только в 1537 г.⁹ Поэтому нужно обратиться к документальным источникам, современным событиям 1530-х гг.

В документах, относящихся к концу 1533 — началу 1534 г., формулы соправительства еще нет. В грамоте хутынского игумена Феодосия дворецкому Ивану Юрьевичу Шигоне Поджогину, написанной, очевидно, вскоре после смерти Василия III, содержится просьба об аудиенции у нового государя. Имя великой княгини при этом даже не упоминается¹⁰. Челобитная Ивана Яганова, о которой шла речь в предыдущей главе, написана, видимо, в первые месяцы 1534 г. Прекрасно зная придворный этикет, автор адресует свое прошение об освобождении из тюрьмы (куда он попал за ложный донос на дмитровских детей боярских) «государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси». Эмоциональное воздействие челобитной усиливается за счет неоднократных прямых обращений к государю: «Государь князь великий! Умилился, обыщи, о чем есмя, государь, загибли, служащи тебе, государю. Мы ж, государь, тебе служили, мы ж ныне живот свой кончаем нужною смертию. Вели, государь, дати на поруку, чтоб есми в твоём государеве деле не загиб...»¹¹

Но, конечно, вся эта искусная риторика была предназначена не для трехлетнего мальчика, волею судьбы оказавшегося тогда на престоле. Заключительная фраза челобитной ясно показывает, чье внимание надеялся привлечь к себе Иван Яганов: «Яз же, государь, тобя, государя, и твою мат(ь), благоверную великую княгиню Елену, от некол(ь)ких смертоносных пакостей избавлял; яз же нынеча в тебе кончаю нужною мукою живот свой»¹².

Действительно, на обороте грамоты имеется помета: «Ивана Яганова запись да жалобница и великой кнагине чтена»¹³. Неизвестно, впрочем, какое решение приняла Елена, выслушав челобит-

⁹ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 289, 292; Т. 34. М., 1978. С. 25, 26; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 317, 323.

¹⁰ АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 294. С. 537—538.

¹¹ Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова. С. 23.

¹² Там же.

¹³ Там же.

ную: никаких свидетельств о дальнейшей судьбе Яганова в источниках не сохранилось¹⁴.

Как можно понять из процитированной челобитной, в начале 1534 г. великая княгиня находилась еще как бы на втором плане: к ней не принято было обращаться с официальными просьбами, но от нее уже ждали каких-то милостей. Еще заметнее эти ожидания, связанные с матерью государя, выступают в другом документе, также сохранившемся (в виде отрывка) в «деле» Яганова. Речь идет об уже упоминавшейся в предыдущей главе «записи» об Ивашке Черном, предлагавшем свои услуги осведомителя новым властям: «...только даст мне правду Шигона, что меня государыни великаа княгини пожалует, и яз государыни скажу великое дело...» — буд-то бы говорил он Яганову¹⁵.

Первый датированный документ, содержащий формулу соправительства, относится к сентябрю 1534 г. Это — выпись из книг дьяка Тимофея Казакова о праве Троице-Сергиева монастыря на взимание пошлин с торговли лошадьми. В выписи говорится, что в сентябре 7043 (1534) г., после прибытия в Москву ногайских купцов, «*князь великий Иван Васильевич всяя Руси и мати его государыня великая княгини Елена* ногайским гостем велели торговати, а велели троицким старцом пошлину имати по шти денег с лошади, а по две денги велела отставити»¹⁶ (выделено мной. — М. К.). Примечательно, что в этом тексте Елена не только фигурирует как соправительница своего сына, но она даже (в отличие от него!) именуется государыней, а употребленная в конце фразы форма глагола («велела») ясно показывает, от кого на самом деле исходило решение о снижении пошлины, причитавшейся троицким старцам.

Цитируемый документ представляет также интерес в том отношении, что он дает ясное представление о механизме принятия решений в годы правления Елены Глинской. 10 сентября 1534 г. троицкий игумен Иоасаф с братией «великому князю и великой княгине били челом, чтоб государь и государыни пожаловала [опять глагол в женском роде единственного числа! — М. К.], велели пошлину имати по старине, по осми денег с лошади. И князь велики и великая княгини обыскали о том бояр, и боярин Михайло Ва-

¹⁴ Там же. С. 19. См. также: *Кром М. М.* Защита Яганова, или «Тот ли добр, который что слышав, да не скажет?» // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2003. М., 2003. Вып. 5. С. 92—110.

¹⁵ *Кром М. М.* Челобитная и «запись» Ивана Яганова. С. 24.

¹⁶ *Кашианов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 437.

ильевич Тучков сказал, что отец его был в конюшых, а имали при нем Сергеева монастыря пошлины с лошади по осми денег с лошади. И князь великий и великая княгини игумена Иасафа з братьею пожаловала [так! — *М. К.*], велела ныне и вперед пошлину имати по старине, по осми денег с лошади»¹⁷.

У великой княгини не было никакого опыта государственного управления, и поэтому при принятии решений, надо полагать, ей часто приходилось прибегать к советам и помощи бояр, служивших ранее ее покойному мужу.

Не позднее осени 1534 г. подданные усвоили новую формулу обращения к верховной власти — с непременно упоминанием юного государя и его матери-государыни. Именно такая формула употреблена в грамоте кн. Андрея Шуйского новгородскому архиепископу Макарию, написанной, видимо, в декабре 1534-го или начале января 1535 г. (подробный разбор и датировка этого документа даны выше, во второй главе книги). Находившийся в заточении опальный князь просил владыку «печаловаться» о нем в Москве: «...православному государю великому князю Ивану Васильевич(ю) и его матери государыне великой княгине Елене печалуйся, чтобы государи милость показали, велели на поруки дати»¹⁸.

Как мы уже знаем, эта мольба опального не была услышана: А. М. Шуйский оставался в заточении до смерти Елены Глинской. А вот у воеводы кн. Федора Васильевича Овчины Оболенского, попавшего в плен при взятии литовскими войсками Стародуба 29 августа 1535 г., было больше оснований надеяться на милость «государей». Князь Федор беспокоился о своей семье, оставшейся в Москве, и об имуществе. За помощью он обратился к своему могущественному двоюродному брату — князю Ивану Федоровичу Овчине Оболенскому, фавориту великой княгини. В ответном письме И. Ф. Оболенского, написанном в ноябре 1535 г., просьба пленного воеводы изложена следующим образом: «Да писал еси, господине, к нам, чтоб нам бити челом государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и матери его государыне великой княгине Елене, чтоб государь князь великий и государыня великая княгиня Елена пожаловали, семью твою и сына твоего велели поберечи, и в подворье и в селех велели устроить учинити и беречи»¹⁹.

¹⁷ Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 437.

¹⁸ ОР РНБ. Собр. СПб. ДА. № 430. Л. 35 об. Опул. (не вполне исправно): ДАИ. СПб., 1846. Т. I. № 27. С. 27.

¹⁹ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 15.

Просьба была выполнена: «И мы, господине, — сообщал Иван Овчина своему двоюродному брату, — от тебя государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и государыне великой княгине Елене били челом; и государь князь великий и государыня великая княгини Елена пожаловали, семью твою и сына твоего устроили и беречи приказали, и подворие и села приказали беречи, как им Бог положит на сердце»²⁰.

Поскольку текст процитированной грамоты был внесен в официальную посольскую книгу, можно не сомневаться в том, что титулы упомянутых в ней высоких лиц были приведены в полном соответствии с тогдашним придворным этикетом.

Находившийся в литовском плену кн. Ф. В. Овчина Оболенский вновь напомнил о себе в 1536 г.: его слуга Андрей Горбатый написал по приказу своего господина письмо кн. Дмитрию Федоровичу Оболенскому, сыну пленного воеводы. Автор послания понимал, что на пути к адресату оно пройдет через многие руки (собственно, и само письмо сохранилось в виде копии, снятой в канцелярии литовского гетмана Ю. М. Радзивилла²¹), и поэтому очень тщательно выбирал выражения. В частности, полностью написаны все титулы: и гетмана Ю. Радзивилла, и боярина И. Ф. Овчины Оболенского, и, разумеется, юного московского государя и его матери.

Князь Федор просил сына похлопотать перед московскими властями о своем освобождении из литовского плена. Вот как эту просьбу излагает его слуга Андрей Горбатый: «И отец твой государь мой князь Федор Васильевич мне приказуwał, штобы яз к тебе писал, штобы ты государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси бояром и дьяком бил чолом, штобы государя великого князя бояре и дьяки сами отца твоего жаловали, а *государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси* и матери его *государыни великой княгини* Олене печаловалися, штобы государь князь великий Иван Васильевич всеа Руси и мать его государыня великая княгиня Олена отца твоего у короля польского и у великого князя литовского у полону не уморили, из вязеней [пленных. — М. К.] бы государь князь великий у короля отца твоего выделал»²² (выделено мной. — М. К.).

²⁰ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 15.

²¹ РА. № 90. С. 196—198. См. также вступительную статью к этому изданию и хронологический комментарий к документу: Там же. С. 19, 221.

²² Там же. С. 197.

Обращает на себя внимание различие в написании титула Ивана IV и его матери: юный монарх именуется «государем великим князем всея Руси», а Елена — «государыней великой княгиней»; объектная часть титула («всея Руси») во втором случае опускается. Это различие в титулах подчеркивало тот важный факт, что носителем суверенитета — государем всея Руси — на международной арене мог выступать только один человек, Иван IV. Его мать-соправительница не могла претендовать на эту роль. Поэтому о полном равенстве титулов (а следовательно, и статуса) двух «государей» говорить не приходится. Лишь во внутриаполитической сфере «двумвират» был признан официально.

Указанная формула соправительства, встречающаяся, как мы видели, и в летописях, и в документальных источниках рассматриваемой эпохи, содержала, по существу, самое краткое обоснование права Елены на высшую власть — указание на ее кровное родство с царствующим государем: «князь великий Иван Васильевич всея Руси и *мати* его государыня великая княгини Елена». Есть, однако, основания полагать, что сама правительница использовала другой способ легитимизации своей власти. На такое предположение наводят некоторые документы, относящиеся к периоду резкого обострения отношений между нею и удельным князем Андреем Старицким. Подробный анализ этого конфликта, приведшего к так называемому Старицкому мятежу 1537 г., будет дан в следующей главе; здесь же я остановлюсь только на статусе великой княгини Елены, каким он предстает в документах.

В обстановке взаимного недоверия между великокняжеским и старицким дворами князь Андрей Иванович прислал в Москву своего боярина кн. Федора Дмитриевича Пронского с «речами», которые должны были развеять возникшие против него подозрения. По существу один и тот же текст «речей» посланец князя Андрея должен был произнести сначала перед великим князем, а затем перед великой княгиней Еленой. Но при полной идентичности содержания эти тексты заметно отличаются деталями статусного характера. В «речах», адресованных Ивану IV, обострение отношений между московским и старицким дворами связывается только с решениями и действиями юного государя, а его мать даже не упоминается²³. Можно было бы ожидать, что в словах, которые посланец Андрея должен был сказать «государыне великой княгини Елене»,

²³ См.: СГД. М., 1819. Ч. 2. № 30. С. 37—38.

именно она окажется в центре внимания, но этого не произошло: в «речах», адресованных Елене, вновь перечисляются распоряжения великого князя, а его мать если и упоминается в контексте описываемых событий, то только вместе с сыном; в этом случае в тексте употребляется множественное число — «государи»: «...и нам ся, государыня, видит, — заверял князь Андрей правительницу, — что вам, нашим государем, неверно мнитца на нас...»; «...и вы б, государи, — просил он, — пожаловали, показали милость, огрели сердце и живот холопу своему своим жалованьем...»²⁴

Из «речей» князя Андрея складывается впечатление, что, несмотря на внешнюю почтительность, несмотря на признание ее «государыней своей»²⁵, он рассматривал Елену только как соправительницу сына-государя. Какой-то самостоятельной роли, судя по тексту процитированного документа, старицкий князь за великой княгиней не признавал. Хотя государю в ту пору еще не было и семи лет, но в глазах Андрея Старицкого именно он был источником всех легитимных решений.

Не менее любопытен ответ Елены посланцам князя Андрея. Обращает на себя внимание уже заголовок этого документа: «Ответ великого князя Василья Ивановича всеа Руси [велики]е княгини Олены княж Ондрееву Ивановича боарину князю Федору Дмитреевичу Пронскому да диаку Варгану Григорьеву»²⁶. Как видим, Елена представляет себя вдовой великого князя Василия III. В обоснование своих действий она многократно ссылается на «приказ государя своего, великого князя Василья Ивановича всеа Руси»²⁷, и становится ясно, что именно воля покойного мужа служила Елене источником легитимности ее решений. Интересно, что в тексте «ответа» великая княгиня полностью заслонила собой своего сына — юного Ивана IV: это она принимает посланцев старицкого князя и его грамоты, посылает к нему своего боярина и дьяка, заверяет в отсутствии у нее какого-либо «мнения» против Андрея Старицкого и т.п. Лишь один-единственный раз правительница упомянула своего сына, причем в совершенно несамостоятельной роли: «...а мы по государя своего приказу, и с своим сыном с Иваном, к нему [князю Андрею. — М. К.] любовь свою держим»²⁸.

²⁴ См.: СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 30. С. 38.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. № 31. С. 38.

²⁷ Там же. С. 38, 39.

²⁸ Там же. С. 39.

Таким образом, можно предположить, что в 30-е гг. XVI в. существовали различные способы легитимации власти правительницы. В глазах многих подданных Елена была прежде всего матерью законного государя и *поэтому* имела право называться государыней и править от имени малолетнего сына. Такое понимание источника ее власти отразилось в проанализированной выше формуле соправительства. Однако сама Елена Васильевна, по-видимому, источником своих полномочий считала последнюю волю («приказ») покойного мужа. Именно эта версия, как мы уже знаем, стала основной в официальном летописании 40—50-х (Воскресенская летопись, Летописец начала царства) и последующих лет. В угоду этой версии была подвергнута тенденциозной правке Повесть о смерти Василия III.

2. ПРЕДЕЛЫ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

Если внутри страны Елена Глинская добилась полного признания своей власти, то на внешнеполитической арене ее роль отнюдь не афишировалась. На этот факт обратил внимание еще Н. М. Карамзин: «...во всех бумагах дел внутренних писали, — отмечал он, цитируя летопись, — “повелением благоверного и христолюбивого Великого Князя Государя Ивана Васильевича всея Руси и его матери, благочестивой царицы, Великой Государыни Елены”... в делах же иностранных совсем не упоминается о Елене»²⁹. Не прошел мимо данного обстоятельства и С. М. Соловьев, прокомментировавший его следующим образом: «Грамоты давались от имени великого князя Иоанна; при описании посольских сношений говорится, что великий князь рассуждал с боярами и решал дела; но это все выражения форменные; после этих выражений встречаем известия, что все правление было положено на великой княгине Елене»³⁰.

В дальнейшем исследователей, как и С. М. Соловьева, интересовали главным образом политические реалии (в данном случае, правление Елены Глинской), а не формальности («выражения форменные», как назвал их знаменитый историк), которые этим реалиям сопутствовали. Даже А. Л. Юрганов, впервые в историогра-

²⁹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. 5-е. В 3 кн. Кн. II (Т. V—VIII). СПб., 1842. Прим. 5 к т. VIII.

³⁰ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. III: История России с древнейших времен. Т. 5/6. М., 1989. С. 408.

фии поставивший вопрос об идеологическом оформлении власти Елены и проанализировавший обстоятельства появления «формулы регентства», не придавал серьезного значения тому факту, что эта формула встречается только в летописях и очень немногих документах (все они практически были приведены выше): челобитных, письмах, «речах». Ни в жалованных и указных грамотах, ни в судебных делах, ни в официальных документах внешнеполитического характера имя правительницы не упоминается.

В отличие от своих российских коллег, немецкие русисты уделили пристальное внимание образу великокняжеской власти на страницах посольских книг в годы малолетства Ивана IV. Так, Гедвига Фляйшхакер отметила, что с самых первых дней, когда трехлетний Иван занял отцовский престол, он неизменно изображается лично принимающим все внешнеполитические решения. Например, 18 декабря 1533 г., как гласит запись в посольской книге, «велел князь великий литовскому посланнику [Ю. Клинскому. — М. К.] быти на дворе у князя Дмитрея у Белского, а Михаилу Юрьевичу [Захарьину. — М. К.] велел князь великий ко князю же Дмитрею ехати на двор, да посылал к ним князь велики дворецкого тверского Ивана Юрьевича Поджегина, да диака Меншого Путьятина, да Федора Мишурина...»³¹. А 21 декабря, согласно следующей записи в той же книге, «князь великий приговорил с бояры, что ему пригоже велети бояром литовского посланника Юшка отпустить, а от бояр, от князя Дмитрея Феодоровича Бельского и от Михайла Юрьевича, к раде к литовской послати своего человека»³². И в дальнейшем, как подчеркивает Г. Фляйшхакер, юный государь сам отдает приказы, принимает и отпускает послов, выносит решения. «Внешне все идет по-старому, — пишет немецкий историк. — Посольские документы ничем не выдают того факта, что место государя занял беспомощный ребенок, не способный ни к какому политическому мышлению»³³.

При этом в цитируемых источниках нет и намека на регентство. Мать юного государя упоминается в данной посольской книге лишь один раз, в начале июня 1536 г., и не в качестве соправительницы, а как участница совещания («думы») великого князя с боярами: тогда обсуждалось предложение литовской стороны об от-

³¹ Сб. РИО. Т. 59. С. 2.

³² Там же. С. 4.

³³ *Fleischhacker H.* Die staats- und völkerrechtlichen Grundlagen der moskauischen Außenpolitik (14. — 17. Jahrhundert). Würzburg, 1959 (перепечатка изд.: Breslau, 1938). S. 50.

правке русских послов к королю Сигизмунду или съезде послов на границе: «И князь великий говорил с матерью своею великою кнегиней Еленою и з бояры, что ему к королю своих послов слати непригоже: наперед того отец его не посылавал; а на съезд ему послов своих послати непригоже...»³⁴ и т.д.

По мнению Г. Фляйшхакер, документы посольских книг ярко характеризуют «символическое значение государя» и «потребность в великом князе как незаменимом суверенном главе правительства»³⁵. Сходную точку зрения высказал и другой немецкий исследователь, Петер Ниче: «При всей политической активности Елены, — отметил он, ссылаясь на те же внешнеполитические документы, — “государем” в государственно-правовом смысле был и оставался маленький Иван»³⁶.

Приведенная трактовка кажется мне более убедительной, чем попытка Х. Рюса объяснить отсутствие упоминаний о «регентше» в посольских документах нежеланием московских властей давать соседним странам повод думать, что Россия управляется «слабой женщиной»³⁷. Разумеется, роль, которую при московском дворе играла мать великого князя, невозможно было утаить, если б даже и существовало такое намерение. Как будет показано ниже, о Елене и ее фаворите Иване Овчине Оболенском злословили при дворе польского короля Сигизмунда I и даже в Вене. Но главное заключается в другом: сама идея регентства подразумевала признание недееспособности юного монарха, что не соответствовало представлениям о государственном суверенитете, как его понимали в Москве того времени.

Мысль о том, что статус государя не зависит от его возраста, была ясно сформулирована московскими дипломатами в середине 1530-х гг. Стоило литовскому гетману Юрию Радзивиллу в письме боярину кн. И. Ф. Овчине Оболенскому намекнуть на то, что король Сигизмунд, «будучи у старых летех», имеет преимущество перед московским государем, который еще «у молодых летех»³⁸, как последовал решительный ответ: «Ино, пане Юрьи, — писал гетману князь Иван Оболенский 6 июня 1536 г., — ведомо вам гораздо: с Божиею волею от прародителей своих великие государи наши великие свои

³⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 34.

³⁵ *Fleischhacker H.* Die staats- und völkerrechtlichen Grundlagen. S. 49.

³⁶ *Nitsche P.* Großfürst und Thronfolger. S. 235. Ниже он подчеркивает полное отсутствие упоминаний о Елене в сфере внешней политики (*Ibid.* S. 237).

³⁷ *Riib H.* Elena Vasil'evna Glinskaja // JGO. N.F. 1971. Bd. 19. S. 492.

³⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 33.

государства дръжат; отец великого государя нашего Ивана, великий государь блаженные памяти Василей был на отца своего государствех и на своих; и ныне с Божиею волею сын его, государь наш, великий государь Иван на тех же государствех деда и отца своего; и *государь наш ныне во младых летех, а милостью Божиею государствы своими в совершенных летех*»³⁹ (выделено мной. — М. К.).

Приведенная аргументация, конечно, не являлась плодом собственного творчества князя И. Ф. Оболенского, а вышла из недр дипломатического ведомства. Идея о том, что государь имеет два возраста: как человек он еще «во младых летех», но саном своим совершеннолетен, — очень напоминает знаменитую сентенцию византийского писателя VI в. Агапита, чье «Поучение благого царства» было хорошо известно русским книжникам XVI в.⁴⁰ В древнерусском переводе этот афоризм звучит следующим образом: «Естеством убо телесным точен всякому человеку царь, властью же сана подобен есть надо всеми Богу; не имать бо на земли вышша себе»⁴¹. Исследователи обнаружили заимствования из «Поучения» Агапита в сочинениях Иосифа Волоцкого, а также Федора Карпова — известного писателя и дипломата первой трети XVI в.⁴² Нельзя, конечно, с уверенностью утверждать, что Ф. И. Карпов был причастен к составлению процитированного выше ответа кн. И. Ф. Оболенского гетману Ю. Радзивиллу, но такая вероятность существует. В годы правления Елены Глинской карьера Карпова успешно развивалась: он получил чин оружничего⁴³; Федор Иванович был близок ко двору и пользовался доверием правительницы⁴⁴.

³⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 37.

⁴⁰ Ševčenko I. A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // Harvard Slavic Studies. 1954. Vol. 2. P. 141—179. Переизд.: Ševčenko I. Byzantium and the Slavs in Letters and Culture. Cambridge (Mass.); Napoli, 1991. P. 49—87; Буланин Д. М. «Поучение» Агапита // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Л., 1989. Ч. 2: Л—Я. С. 300—303.

⁴¹ Текст «Поучения» см.: Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. Приложения. С. 288 (левый столбец).

⁴² «Поучение» Агапита послужило одним из источников «Похвального слова Василию III», автором которого, как убедительно показал Д. М. Буланин, был Ф. И. Карпов. См.: Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 201—202.

⁴³ Впервые с чином оружничего упоминается в январе 1537 г. (Сб. РИО. Т. 59. С. 65). Подробнее о карьере Ф. И. Карпова см.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 264—265.

⁴⁴ В 1537 г. Ф. Карпов получил весьма деликатное поручение: после ареста князя Андрея Старицкого ему на некоторое время дали «блюсти» его двухлетнего сына Владимира (ПСРЛ. Т. 34. С. 25).

Поскольку государь считался дееспособным независимо от возраста, то функция представления своей страны в отношениях с соседними державами должна была осуществляться им лично, без возможности передачи ее кому-либо, даже родной матери.

Маленькому Ивану не исполнилось еще и четырех лет, когда он впервые должен был принимать иностранное посольство. 2 июля 1534 г. он принял гонца крымского царевича Ислам-Гирея — Будалыя-мурзу, прибывшего поздравить государя со вступлением на престол: мурза «здоровал великому князю на государ(ь)стве и подавал великому князю грамоту, и князь великий его звал карашеватис(я)⁴⁵, а ести его не звал: сказали ему еству и мед на подворье, а подавал ему мед и пожаловал — дал ему платно, того деля, что здоровал от Ислама великому князю на государ(ь)стве»⁴⁶.

Единственное отступление от посольского ритуала, которое допускалось на этих приемах ввиду малолетства государя, заключалось в том, что посол или гонец не приглашался к великокняжескому столу. Ссылка на возраст монарха служила в подобных случаях оправданием. Так, 24 января 1535 г. состоялась аудиенция крымского посла Темеша «с товарищи», «и князь великий Темеша-князя звал к руце крашеватис(я) и подавал князь велики Темешу-князю с товарищи мед, да пожаловал Темеша — дал ему платно..., да после меду князь великий жаловал их [послов. — М. К.] платьем, а ести их князь велики не звал того деля, что еще ел у матери, а себе столом не ел; а велел ему молвити: ества да мед ему на подворье...»⁴⁷.

Самые подробные объяснения и извинения по поводу неспособности юного государя лично присутствовать на посольской трапезе были даны литовскому посланнику Никодиму Техоновскому во время великокняжеского приема 13 августа 1536 г.: «...говорил речь от великого князя боярин князь Василей Васильевич Шуйской: Никодим! Великий государь Иван, Божиею милостию государь всеа Руси и великий князь, велел тебе говорити: пригоже нам было тебя жаловати, ести к себе звати; да еще есмя леты несовершенно, и быти нам за столом, и нам будет стол в истому; и ты на нас не помолви, а мы тебе еству пошлем на подворье»⁴⁸.

⁴⁵ «Карашевание» — обряд приветствия, практиковавшийся в русско-крымских отношениях; «карашевание» государя с послом было большой честью для последнего, см.: Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. С. 117.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 33 об.

⁴⁷ Там же. Л. 160—160 об.

⁴⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 44.

Роль великого князя во время этих приемов сводилась к исполнению полагавшихся по обычаю ритуалов: он звал послов «к руке», как в приведенных выше случаях; спрашивал о здоровье короля, как было принято в отношениях с Литвой и Польшей; отпускал послов на подворье или (в случае завершения переговоров) в обратный путь. 18 февраля 1537 г. юный государь сыграл главную роль в церемонии утверждения перемирия между Россией и Великим княжеством Литовским, поцеловав крест на договорных грамотах⁴⁹. Что же касается собственно содержания переговоров, то оно излагалось в «речах» бояр и дьяков⁵⁰.

Сохранившиеся посольские книги 1530-х гг. ни разу не упоминают о присутствии великой княгини Елены на посольских приемах. По всей видимости, ее там не было. Между тем обладание властью было неполным без подобных церемоний, подчеркивавших статус правителя. Впрочем, как явствует из приводимого ниже летописного текста, правительница находила возможности, не слишком нарушая традиции, проводить пышные приемы при своем дворе, приличествующие «великой государыне».

В Летописце начала царства помещен подробный рассказ об аудиенции, данной Иваном IV и его матерью бывшему казанскому хану Шигалею в январе 1536 г. Шигалей, попавший в опалу при Василии III, был освобожден из заточения на Белоозере в декабре 1535 г. и доставлен в Москву. Там он «бил челом великому государю Ивану за свою проступку». Получив прощение, хан снова бил челом, «чтобы ему великий государь велел быти у матери своей, у великие княгини Елены, и бити челом великой государыни». «И благочестивая царицы великая княгини Елена, — продолжает летописец, — о том посоветовала з боляры, что пригоже и у нее быти царю [Шигалею. — М. К.], занеже еще великий государь млад, а положение царского скипетра державы великия Русиия все есть Богом положено на ней и врученное от Бога на сохранение и на соблюдение всего благочестия православия, на милост благим и на отмщение злым»⁵¹.

⁴⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 106—107.

⁵⁰ Характерный эпизод переговоров с крымскими послами весной 1536 г. запечатлен в посольской книге: 4 мая указанного года послы были вызваны во дворец, «и как пришли к великому князю, и князь велики им говорил боаринном своим князем Васильем Васильевичем Шуйским — того дея, что еще леты несовершен» (РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 248).

⁵¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 22.

Прием состоялся 9 января 1536 г. Шигалея встретили у саней бояре кн. В. В. Шуйский и кн. И. Ф. Телепнев Оболенский, дьяки Федор Мишури и Меньшой Путятин. Они проводили его до дверей Лазаревской палаты, где сидели Иван IV с матерью. Государь с остальными боярами встретил хана в сенях и вошел с ним «к матери своей к великой княгине государыне в полату». Отвесив земной поклон «великой государыне», Шигалей произнес верноподданническую речь, помянув и бывшее жалование Василия III, и свою «измену», и нынешнее прощение и жалование «государей», за которое он, их «холоп» (!), готов голову свою сложить на государевой службе⁵². Ответную речь с обещанием милости и жалования говорил по приказу Елены Федор Карпов. Затем хана одарили и отпустили на его подворье.

Однако описанный прием стал лишь первым актом придворного действия, в котором главная роль по «сценарию» была отведена Елене Глинской. Вслед за мужем и жена Шигалея, Фатьма-салтан, пожелала видеть «очи» государыни. «И великая государыни Елена, — говорит летописец, — пожаловала ей очи свои видети и велела ей у себя быти»⁵³. Встреча ханши была точным повторением той, что была оказана Шигалею, с тем отличием, что вместо бояря роль провожатых исполняли боярыни. В сенях у дверей Лазаревской палаты Фатьму-салтан встретила сама великая княгиня и вошла с нею в палату. Сюда же пришел и великий князь: поздоровавшись с гостьей, он «сел на месте своем... у матери, а у царицы [ханши. — М. К.] с правой руки, а бояре с ним по обе стороны». Летописец подробно перечисляет боярынь, присутствовавших на приеме, что делает этот рассказ ценным источником для изучения двора Елены Глинской. С той же тщательностью, выдающей местнический интерес, указывается, кто где сидел во время застолья, ставшего кульминацией великокняжеского приема. «А после стола, — завершает свой рассказ летописец, — великая государыни подавала чашу царицы да туто ее и дарила, да и отпустила ее на подворье...»⁵⁴

Можно согласиться с П. Ниче в том, что приведенный отрывок, представляющий собой настоящий апофеоз «великой государыни», полностью соответствует тенденции Летописца начала царства,

⁵² ПСРЛ. Т. 29. С. 22.

⁵³ Там же. С. 23.

⁵⁴ Там же.

прославляющего мать великого князя⁵⁵. Но, несмотря на тенденциозность этого источника, нет оснований ставить под сомнение фактическую основу описанных в нем событий конца 1535 — начала 1536 г., которая подтверждается кратким известием Воскресенской летописи о «пожаловании» Шигалея и данной ему великим князем аудиенции⁵⁶. А подробная роспись бояр и боярынь, участвовавших в приемах бывшего казанского хана и его жены, вероятно, основана на документальных записях 1530-х гг.

Прием Шигалея великой княгиней Еленой, безусловно, был делом необычным и выходил за рамки политической традиции (недаром аудиенции предшествовало совещание правительницы с боярами, на котором был пущен в ход решающий аргумент: «занеже еще великий государь млад» и т.д.). Возможно, в 1536 г. великая княгиня попыталась расширить сферу своего влияния, включив в него и внешнеполитические дела. Как уже отмечено выше, к концу мая — началу июня того же года относится единственная в своем роде запись в посольской книге, которая, наряду с великим князем и боярами, называет Елену в числе участников совещания о целесообразности отправки послов к королю Сигизмунду⁵⁷.

Однако каковы бы ни были внешнеполитические амбиции правительницы, на официальный уровень межгосударственных отношений они не вышли. Что касается приема Шигалея, то бывший казанский хан был вассалом («холопом», по его собственным словам) московского государя, а сама Казань еще после первого взятия ее войском Ивана III в 1487 г. считалась «вотчиной» великого князя⁵⁸. Поэтому, как справедливо считает П. Ниче, аудиенция, данная Шигалею, не нарушила принцип официального неучастия Елены во внешнеполитических делах⁵⁹.

Суммируя сделанные выше наблюдения, можно прийти к выводу, что, несмотря на действительно большую власть и признанный титул «государыни», полномочия Елены как правительницы были существенно ограничены. Прежде всего она не имела права

⁵⁵ Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. S. 238.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 291.

⁵⁷ Сб. РИО. Т. 59. С. 34.

⁵⁸ Как показал Зимин, составитель Летописца начала царства — в полном соответствии с позицией русской дипломатии середины XVI в. — считал Казанское ханство вассалом Москвы (Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 36—37).

⁵⁹ Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. S. 239.

принимать и отправлять посольства, заключать мирные договоры и вообще представлять Русское государство во внешнеполитических делах. Эта функция полностью оставалась прерогативой ее сына-государя, несмотря на его юный возраст.

Но и во внутренних делах сохранялась четкая грань между правительницей и государем как единственным источником легитимной власти. Все официальные акты (жалованные, указные, правовые и т.д.) выдавались только от имени Ивана IV.

Однако существовала еще одна важная сфера, в которой власть великой княгини была полной и ничем даже формально не ограниченной, а именно — контроль над придворной элитой. Думается, именно эта функция была основной в деятельности Елены в 1534—1538 гг. Как уже говорилось выше, придворная среда, расколотая местническими противоречиями, нуждалась в верховном арбитре. Эту роль и взяла на себя великая княгиня.

3. Великокняжеский двор в годы правления Елены

Один из выводов предыдущей главы заключался в том, что Елена Глинская пришла к власти в обстановке ожесточенной местнической борьбы и во многом — благодаря этой борьбе, которая позволила ей освободиться от опеки, навязанной ей покойным мужем, и, получив поддержку влиятельных сил при дворе, стать единоличной правительницей. Изменения в составе придворной иерархии, произошедшие к осени 1534 г., отразили итоги соперничества могущественных боярских кланов, с одной стороны, и родственные связи и симпатии великой княгини — с другой.

Как мы уже знаем, первыми жертвами местнической борьбы стали «чужаки» — князя литовского происхождения, в том числе дядя правительницы, князь Михаил Львович Глинский: он был арестован в августе 1534 г. и умер в заточении (15 сентября 1536 г.).⁶⁰

В какой-то форме опала коснулась и других ближайших родственников правительницы — ее матери и братьев. Об этом сообщает краткий летописец Марка Левкеинского: «Ополелася великая княгини Елена на мать свою, на княгиню Анну. Таго же лета братью свою поимала, да не крепко»⁶¹. Оговорка летописца о том, что «поимание» братьев великой княгини было «некрепким», по-

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 28.

⁶¹ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // ИА. М.; Л., 1950. Т. V. № 1. С. 13.

звояет предполагать, что опала в отношении их носила кратковременный и сравнительно мягкий характер (вроде домашнего ареста). Сохранились сведения о покупке кн. Михаилом Васильевичем Глинским земель в Ростовском уезде в годы правления Елены⁶². Но что характерно: пока она была у власти, никто из ее братьев ни разу не появился на государственной службе⁶³. Не упоминаются Юрий и Михаил Глинские и на официальных приемах, включая описанную выше аудиенцию, данную бывшему казанскому хану Шигалею в 1536 г. А боярский чин братья получили только в начале 1547 г.⁶⁴

Таким образом, родные братья Елены Васильевны были отстранены от какого-либо участия в государственных делах и занимали весьма скромное место при ее дворе, хотя их материальное положение, судя по упомянутым выше куплям, было весьма неплохим. Ограничение властных амбиций ближайших родственников великой княгини трудно расценить иначе, как уступку правительницы противникам Глинских в придворной среде⁶⁵, один из тех компромиссов, на которых держалось правление Елены.

Гораздо более суровая опала, по сравнению с Ю. В. и М. В. Глинскими, постигла князей Бельских и Воротынских, а также кн. Б. А. Трубецкого.

Побег в Литву младшего из братьев Бельских, князя Семена, вызванный, возможно, разочарованием в возможности успешной карьеры в Москве или опасениями гонений на литовских княжат⁶⁶,

⁶² В 1536/37 г. в Ростовском уезде кн. М. В. Глинский купил у Марьи, вдовы Тимофея Головина, и ее сына Богдана сельцо Ильинское с деревнями за 600 руб., а у братьев Федора, Данила, Владимира и Григория Федоровых, детей Головина — сельцо Оленино с деревнями за 460 руб. (ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 533. Л. 681—682, 697—697 об.). Таким образом, только эти две известные нам купли М. В. Глинского, относящиеся к одному году, превысили в сумме 1000 рублей!

⁶³ Кн. Ю. В. Глинский впервые упоминается в разрядах на службе в августе 1538 г. (РК 1598. С. 94), его брат Михаил — в июне 1542 г. (Там же. С. 103).

⁶⁴ *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках // *АЕ* за 1957 год. М., 1958. С. 59.

⁶⁵ Враждебность боярской среды по отношению к Глинским ярко проявилась в составленной в 30-х годах XVI в. родословной памяти, в которой подчеркивается незнатное происхождение кн. М. Л. Глинского и невысокое положение княгини Анны Глинской (матери великой княгини Елены) при дворе Василия III. См.: *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // *Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. С. 104—125, особенно с. 115—116, текст «памяти» — с. 119, 121.*

⁶⁶ См. подробнее: *Кром М. М.* Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // *Очерки феодальной России. Сб. статей. М., 2000. Вып. 4. С. 98—115, о возможных мотивах его побега: с. 102—103.*

поставил под удар всю семью. Иван Федорович, средний брат, был арестован как сообщник Семена и три с половиной года провел в тюрьме. Лишь после смерти Елены Глинской в апреле 1538 г. он был выпущен на свободу в числе других опальных⁶⁷. Старший брат, боярин Дмитрий Федорович Бельский, провел некоторое время под домашним арестом, был выдан на поруки⁶⁸, но уже летом следующего, 1535 г. появился на государственной службе в Коломне⁶⁹. От внешнеполитических дел (переговоры с Литвой), которыми кн. Д. Ф. Бельский ведал в конце правления Василия III и в первое время после его смерти, он был отстранен и при Елене подвизался только на ратной службе⁷⁰. Если князь Дмитрий пострадал меньше брата Ивана, хотя тоже находился под подозрением, то отчасти это можно объяснить его родственными связями с кланом Челядних, занимавшим, как будет показано ниже, центральные позиции при дворе великой княгини.

По тому же «делу» об измене С. Ф. Бельского был арестован кн. И. М. Воротынский с сыновьями. Князь Иван Михайлович умер в тюрьме (21 июля 1535 г.)⁷¹, а его сыновья Александр, Владимир и Михаил появились на службе (причем одновременно!) только в 1543 г.⁷² Показательно, что кн. Б. А. Трубецкой, арестованный в августе 1534 г. в Серпухове при попытке бегства в Литву, появился на службе после долгого перерыва в том же 1543 г., что и братья Воротынские⁷³: не значит ли это, что только к этому времени «изменное дело» 1534 г. было полностью предано забвению?

Но преследование недавних литовских выходцев — это лишь одно из проявлений местнической борьбы в первый год после смерти Василия III, хотя и самое заметное. В эту борьбу оказались вовлечены все группы придворной знати, включая и старомосковское боярство, и потомков суздальских князей. Последние пострадали

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 32.

⁶⁸ РА. № 46. С. 116.

⁶⁹ РК 1598. М., 1966. С. 87.

⁷⁰ Там же. С. 88, 89, 91—93.

⁷¹ Эта дата утвердилась в исследовательской литературе: *Назаров В. Д.* Тайна челобитной Ивана Воротынского // ВИ. 1969. № 1. С. 212; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 133. Но в надписи на надгробной плите — 21 июня, см.: *Гуриберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Ч. I: Надписи XIV—XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Вып. I. С. 22—23. № 31.

⁷² РК 1598. С. 105.

⁷³ Там же.

из-за опасных (с точки зрения опекунов юного Ивана IV) симпатий к князю Юрию Дмитровскому. В декабре 1533 г. по обвинению в попытке «отъезда» к дмитровскому князю был арестован кн. А. М. Шуйский. Это событие было подробно рассмотрено в предыдущей главе, здесь же нас будут интересовать последствия, которые имел арест князя Андрея для его родственников.

В первую очередь неосторожный поступок А. М. Шуйского, вероятно, навлек подозрения на его брата Ивана, с которым ранее (в 1527 или 1528 г.) они уже пытались «отъехать» к Юрию Дмитровскому. В 1534 г. кн. И. М. Шуйский был отправлен наместником на далекую Двину⁷⁴. На мой взгляд, Х. Рюс справедливо видит связь между арестом кн. А. М. Шуйского и назначением его брата Ивана двинским наместником⁷⁵.

Есть основания полагать, что история с неудавшимся «отъездом» кн. А. М. Шуйского испортила карьеру еще одному его родственнику — боярину кн. Борису Ивановичу Горбатову. Правда, составитель Летописца начала царства, рассказывая о событиях декабря 1533 г., всячески подчеркивает лояльность князя Бориса: он не только ответил отказом на предложение кн. А. М. Шуйского «отъехать» к дмитровскому князю, но и Андрею «возбраниаша».

⁷⁴ В 1534 г. наместником там назван Иван Шуйский (без отчества!): запись под 7042 годом в Двинском летописце (краткой редакции) гласит: «Погорел посад на Колмогорах от Перелоя вниз до Захаровского при наместнике князь Иване Шуйском» (ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 149; то же — в пространной редакции памятника: Там же. С. 167). А в декабре 1535 г. на Двине упоминается именно кн. И. М. Шуйский (наместник вместе с И. Д. Шейным: Сб. ГКЭ. Пб., 1922. Т. I. № 76. Стб. 69). Зимин предполагал, что в первом случае имелся в виду кн. И. В. Шуйский (Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1974. Т. 94. С. 274; *Его же*. Формирование боярской аристократии. С. 72), однако это маловероятно: в записанных 12 сентября 1534 г. в Полоцке показаниях псковских перебежчиков кн. Иван Шуйский назван в числе лиц, которые «на Москве деи всякии дела справують» (РА. № 46. С. 116). Последняя характеристика может относиться только к князю Ивану Васильевичу Шуйскому, который, как будет показано ниже, действительно играл заметную роль в годы правления Елены Глинской. Поэтому логично предположить, что его троюродный брат кн. Иван Михайлович Шуйский был послан на Двину в 1534 г., где оставался наместником по меньшей мере до конца 1535 г. Т. И. Пашкова также относит упоминание 1534 г. о двинском наместничестве к кн. И. М. Шуйскому (Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. (наместники и волостели). М., 2000. Прил. 1. С. 137).

⁷⁵ Riß H. Einige Bemerkungen zum Namestničestvo-Problem in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts // JGO. N.F. 1972. Bd. 20. Hf. 3. S. 409.

Тогда кн. А. М. Шуйский якобы оклеветал родственника перед великой княгиней, заявив, что инициатива «отъезда» исходила от Б. И. Горбатого, и тому пришлось опровергать эти несправедливые обвинения⁷⁶. Другой основной наш источник об обстоятельствах «дела» Юрия Дмитровского, Воскресенская летопись, иначе описывает этот эпизод, но также не оставляет сомнений в лояльности Б. И. Горбатого: узнав от А. М. Шуйского о предложениях удельного князя, Борис Иванович донес обо всем боярам⁷⁷.

По-видимому, властям действительно нечего было инкриминировать кн. Б. И. Горбатову в этой истории, однако в 1534 г. старый боярин был удален из столицы под благовидным предлогом, будучи назначен наместником Великого Новгорода⁷⁸. Для понимания реакции властей следует учесть еще одно многозначительное обстоятельство: в 1528 г. именно кн. Б. И. Горбатый вместе с П. Я. Захарыным выступил главным поручителем за князей Андрея и Ивана Шуйских, когда те предприняли первую неудачную попытку «отъезда» к Юрию Дмитровскому⁷⁹. Словом, хотя Б. И. Горбатый не был соучастником акции А. М. Шуйского в декабре 1533 г., но поступок его дальнего родственника повредил репутации боярина.

Бесспорно, новгородское наместничество было почетным и ответственным назначением, но удаленность от столицы фактически выключала получившего его боярина из процесса принятия важнейших политических решений.

Товарищем кн. Б. И. Горбатого по новгородскому наместничеству стал боярин Михаил Семенович Воронцов, еще недавно входивший в ближайшее окружение Василия III и присутствовавший при составлении его завещания. Наместником Великого Новгорода он стал летом 1534 г.⁸⁰, возможно, одновременно с князем Борисом Ивановичем.

Все три указанных выше случая назначения наместниками: кн. И. М. Шуйского — на Двину, кн. Б. И. Горбатого и М. С. Ворон-

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 11.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 286.

⁷⁸ Впервые упоминается в качестве новгородского наместника вместе с М. С. Воронцовым в августе 1534 г. (РА. № 46. С. 116), оставался там еще в январе 1537 г.; вскоре после этого умер (*Зимин А. А.* Наместническое управление. С. 281; *Его же.* Формирование боярской аристократии. С. 74).

⁷⁹ СГГД. М., 1811. Ч. I. № 156. С. 431.

⁸⁰ Упоминается в этом качестве с августа 1534 г. (РА. № 38, 46. С. 97, 116). Последний раз назван новгородским наместником в апреле 1536 г. (РК 1598. С. 90) и вскоре, вероятно, умер. Подробнее о карьере М. С. Воронцова см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 158—160, 289.

цова — в Великий Новгород — могут рассматриваться как примеры тактики властей, впервые описанной применительно к данному периоду Х. Рюсом: таким путем опекуны Ивана IV, не прибегая к прямой опале, отстраняли от участия во власти неугодных им лиц⁸¹.

Наблюдения, сделанные немецким исследователем, заслуживают, на мой взгляд, серьезного внимания. Действительно, как справедливо отметил Рюс, никто из особо приближенных к правителям лиц (таких, как М. Ю. Захарьин при Василии III или кн. И. Ф. Овчина Оболенский при Елене Глинской) не назначался наместником. Источники свидетельствуют о том, что обладание реальной властью предполагало в качестве необходимого условия постоянное пребывание в столице. Одно из наиболее красноречивых свидетельств такого рода — уже известные нам показания польского жолнера Войтеха, бежавшего из русского плена в начале июля 1534 г. Характеризуя расстановку сил в столице, Войтех противопоставил «старших воевод», «*которые з Москвы не мають николи збехати*» и «всею землею справують», другим воеводам, которые «ничого не справують, только мають их з людьми посылати, где будет потреба»⁸² (выделено мной. — М. К.). В летописях и посланиях Ивана Грозного можно найти немало подтверждений тому факту, что служба за пределами столицы рассматривалась боярами чуть ли не как опала⁸³.

Из одиннадцати бояр, получивших этот чин при Василии III, лишь четверо постоянно находились в Москве в годы правления его вдовы: князья Иван и Василий Васильевичи Шуйские⁸⁴, Михаил Васильевич Тучков и Михаил Юрьевич Захарьин⁸⁵. Именно эти лица сохраняли (в той или иной степени) политическое влияние при Елене Глинской.

Боярин кн. Василий Васильевич Шуйский — единственный из думцев Василия III, кому удалось не только упрочить свое положение в годы правления Елены, но и занять одно из первых мест при дворе юного Ивана IV. К нему, «великого князя Иванову карачю

⁸¹ Rüß H. Einige Bemerkungen zum Namestničestvo-Problem. S. 408—410.

⁸² РА. № 39. С. 99.

⁸³ Подборку таких свидетельств приводит Х. Рюс: Rüß H. Einige Bemerkungen zum Namestničestvo-Problem. S. 408 und Anm. 30.

⁸⁴ Кн. В. В. Шуйский лишь один раз покинул столицу, когда в июне 1535 г. возглавил поход московской рати в Литву (РК 1598. С. 87).

⁸⁵ В разрядах 30-х гг. М. Ю. Захарьин упоминается лишь один раз: в росписи несостоявшегося похода на Казань в сентябре 1537 г. (Там же. С. 93).

[первосоветнику. — М. К.] князю Василью Шуйскому», прислал в конце июня 1534 г. особую грамоту крымский царевич Ислам-Гирей⁸⁶. В дальнейшем неоднократно на приемах крымских и литовских посланников в Кремле речь от имени юного государя произносил боярин кн. В. В. Шуйский⁸⁷. Князь Василий первенствовал и на ратном поприще: летом 1535 г., в разгар так называемой Стародубской войны, он возглавил поход русской рати в Литву⁸⁸.

Брат кн. В. В. Шуйского Иван в сентябре 1534 г. упомянут в показаниях псковских перебежчиков — наряду с боярами М. В. Тучковым, М. Ю. Захарьиным и другими влиятельными лицами — среди тех, кто «на Москве... всякии дела справують»⁸⁹. Очевидно, кн. И. В. Шуйский пользовался полным доверием Елены Глинской, раз его (вместе с дьяком Меньшим Путятиным) правительница посылала с ответственной миссией к князю Андрею Старицкому — убеждать последнего в том, что у великого князя и его матери великой княгини «лиха в мысле нет никоторого»⁹⁰.

Боярин Михаил Васильевич Тучков также постоянно находился в столице: как и кн. И. В. Шуйский, он ни разу за годы правления Елены не упомянут в разрядах, т.е. не получал воеводских назначений. Есть основания полагать, что правительница прислушивалась к мнению опытного боярина: в начале этой главы уже приводилась выпись из книг дьяка Т. Казакова, из которой явствует, что размер причитавшейся Троице-Сергиеву монастырю торговой пошлины с ногайских лошадей в сентябре 1534 г. был установлен великой княгиней в соответствии с традицией, которую напомнил (по просьбе правительницы) М. В. Тучков⁹¹. К сожалению, в последующие четыре года, с осени 1534 до осени 1538 г., в источниках нет упоминаний о боярине Михаиле Васильевиче, и поэтому трудно судить

⁸⁶ РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 45. Аналогичная грамота была адресована тогда Ислам-Гиреем другому «карачу» — кн. Д. Ф. Бельскому (Там же. Л. 44 об.). Вскоре, однако, место кн. Д. Ф. Бельского на дипломатическом поприще и, соответственно, на страницах посольских документов занял кн. И. Ф. Овчина Оболенский.

⁸⁷ Так, 4 мая 1536 г. кн. В. В. Шуйский говорил речь от имени государя на приеме послов Ислам-Гирея (РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 248), а 13 августа того же года — на приеме литовского посланника Никодима Техоновского (Сб. РИО. Т. 59. С. 44).

⁸⁸ РК 1598. С. 87; ПСРЛ. Т. 8. С. 290; Т. 29. С. 17

⁸⁹ РА. № 46. С. 116.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 292.

⁹¹ *Каишанов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 437.

о том, оказывал ли он какое-либо влияние на решение иных, более важных вопросов.

С осени 1534 г. на несколько лет (до начала 1537 г.) прерываются сведения и о боярине Михаиле Юрьевиче Захарьине. В данном случае молчание источников представляется неслучайным и поддается объяснению: прежде всего побег в августе 1534 г. в Литву его двоюродного брата И. В. Ляцкого бросил тень и на самого Захарьина (за него даже была взята порука⁹²). Кроме того, за боярином Михаилом Юрьевичем, по-видимому, закрепилась репутация сторонника дружественных отношений с Литвой: недаром литовские паны в начале 1534 г., как мы помним, называли М. Ю. Захарьина и кн. Д. Ф. Бельского своими «приятелями». Между тем в обстановке начавшейся осенью 1534 г. русско-литовской войны (так называемой Стародубской)⁹³ подобная позиция не могла пользоваться поддержкой при московском дворе. Неудивительно поэтому, что Захарьин временно, по-видимому, отошел (или был отстранен) от государственных дел. Но как только военные действия сменились мирными переговорами, дипломатический опыт старого боярина снова оказался востребован: в январе—феврале 1537 г. Захарьин активно участвовал в переговорах с литовским посольством, увенчавшихся заключением пятилетнего перемирия⁹⁴.

Остальные бояре, получившие этот чин до декабря 1533 г., имели еще меньше возможностей влиять на принятие важных внутри- и внешнеполитических решений, находясь в годы правления Елены Глинской на дальних наместничествах или регулярно неся полковую службу.

Как уже говорилось, с лета 1534 г. наместниками Великого Новгорода являлись бояре кн. Б. И. Горбатый и М. С. Воронцов (первый упоминается в этой должности вплоть до января 1537 г., второй — до апреля 1536 г.)⁹⁵. За пределами столицы проходила и служба боярина кн. А. А. Хохолкова-Ростовского: в декабре 1533 г. он был смоленским наместником⁹⁶; затем летом 1534 г. стоял вме-

⁹² РА. № 46. С. 116.

⁹³ Подробнее об этой войне см.: *Кром М. М.* Стародубская война (1534—1537). Из истории русско-литовских отношений. М., 2008.

⁹⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 70—106.

⁹⁵ См.: *Зимин А. А.* Наместническое управление. С. 281; *Пашкова Т. И.* Местное управление. Прил. 1. С. 150.

⁹⁶ Сб. РИО. Т. 59. С. 1.

сте с другими воеводами в Боровске и, наконец, весной 1536 г. упоминается (в последний раз) в качестве псковского наместника⁹⁷.

Боярин Иван Григорьевич Морозов в 1534 и 1537 гг. упоминается на службе (летом 1534 г. стоял с другими воеводами в Боровске, а затем — в Вязьме; в 1537 г. — во Владимире и Костроме)⁹⁸. Брат И. Г. Морозова, боярин Василий Григорьевич, в сентябре 1535 г. нес полковую службу на Коломне; причем и «после роспуску з берегу болших воевод» он оставался на том же месте⁹⁹, из чего можно заключить, что В. Г. Морозов тогда «большим воеводой» не считался. Имевшийся у него дипломатический опыт (с конца ноября 1522 г. по начало мая 1523 г. он возглавлял посольство в Литву¹⁰⁰) был востребован через несколько лет, когда в апреле 1537 г. боярин Василий Григорьевич был отправлен во главе посольства к Сигизмунду I для утверждения заключенного в Москве перемирия¹⁰¹.

Боярин кн. Дмитрий Федорович Бельский, начиная с лета 1534 г., регулярно нес сторожевую службу. Командование на театре военных действий с Литвой ему по понятным причинам не доверяли, и в разрядах он постоянно упоминается в полках, стоявших на рубежах обороны от крымцев (на берегу Оки) и казанцев (в Муроме и Владимире). В июле 1534-го, июле и сентябре 1535 г. князь Дмитрий возглавлял рать, стоявшую «на Коломне»; в феврале 1536 г. он упоминается в Муроме, а в июле того же года — снова в Коломне¹⁰². В июле 1537 г. кн. Д. Ф. Бельский находился во Владимире, причем в должности наместника этого города¹⁰³. В сентябре того же года он был назначен главой судовой рати намеченного похода на Казань, но этот поход не состоялся¹⁰⁴. Череда воеводских назначений Бельского в 1535—1536 гг., а также обязанности владимирского наместника, которые он исполнял в 1537 г., часто вынуждали его покидать столицу и ясно свидетельствовали о том, что этот боярин, занимавший первое место в придворной иерархии при Василии III, не входил в круг ближайших советников Елены Глинской.

⁹⁷ РК 1598. С. 84, 90.

⁹⁸ Там же. С. 84, 85, 92, 93.

⁹⁹ РК 1598. С. 88.

¹⁰⁰ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. № 94. С. 643—672.

¹⁰¹ Сб. РИО. Т. 59. С. 109.

¹⁰² РК 1598. С. 83, 87, 88, 89.

¹⁰³ Там же. С. 91—92.

¹⁰⁴ Там же. С. 93.

Наконец, еще один боярин Василия III, кн. Михаил Васильевич Горбатый, в новое царствование успел проявить себя только на ратном поприще: в июле 1534 г. он упомянут в коломенском разряде в качестве первого воеводы передового полка¹⁰⁵; а с ноября 1534 по март 1535 г. возглавлял большой поход русских войск в Литву¹⁰⁶ и вскоре по возвращении из похода в том же году умер¹⁰⁷.

Для полноты картины следует отметить, что двое окольных, получивших этот чин при Василии III, — Иван Васильевич Ляцкий и Яков Григорьевич Морозов — сошли со сцены уже во второй половине 1534 г. Первый, как уже говорилось, бежал в Литву в августе 1534 г. Что касается второго, окольного Я. Г. Морозова (младшего брата бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых), то последнее упоминание о нем в разрядах относится к июлю 1534 г.: он стоял с другими воеводами в Вязьме, а затем был переведен в Смоленск¹⁰⁸. Затем Я. Г. Морозов исчезает из источников: по-видимому, он вскоре умер или отошел от дел¹⁰⁹.

Итак, придворный «ландшафт», как мы могли убедиться, сильно изменился всего за несколько лет, прошедших со дня смерти Василия III. Эти изменения стали результатом действия многих факторов, среди которых — и местническая борьба (от которой в

¹⁰⁵ РК 1598. С. 84.

¹⁰⁶ Там же. С. 85—86; ПСРЛ. Т. 29. С. 15. Подробнее об этом походе, в котором кн. М. В. Горбатый возглавлял большую русскую рать, действовавшую на центральном направлении, см.: Кром М. М. Стародубская война. С. 50—57.

¹⁰⁷ Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря есть запись: «7043-го году июня в 25 день по князе Михайле, во иноцех Захее, Кислом дал вкладу человек его князь Михайлов Бакшей денег 20 рублей» (ВКТСМ. С. 74). Следовательно, кн. М. В. Горбатый постригся перед смертью в монахи и умер не позднее июня 1535 г. Сохранилось завещание М. В. Горбатого, датированное 7043 (1534/35) г., см.: АСЕМ. № 35. С. 90—93.

¹⁰⁸ РК 1598. С. 84—85.

¹⁰⁹ А. А. Зимин привел противоречивые данные о конце карьеры Я. Г. Морозова: в опубликованной в 1958 г. статье ученый писал о смерти окольного в 1534 г., но при этом указал (со ссылкой на Разрядную книгу редакции 1565 г.), что последнее упоминание Я. Г. Морозова в разрядах относится к 1537 г. (Зимин А. А. Состав Боярской думы. С. 53 и прим. 150). В изданной посмертно монографии А. А. Зимина говорится (со ссылкой на упомянутую статью 1958 г.), что Я. Г. Морозов умер между 1537 и 1541 гг. (Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 238). Однако утверждение о том, что последнее упоминание о Я. Г. Морозове в источниках относится к 1537 г., неверно: после 1534 г. он ни в разрядах, ни в других источниках не упоминается. Вклад в Троице-Сергиев монастырь на помин его души был сделан в феврале 1541 г. (ВКТСМ. С. 53).

первую очередь пострадали литовские княжата, но наряду с ними и некоторые представители суздальской и старомосковской знати), и внешнеполитическая конъюнктура — война с Литвой, наложившая свой отпечаток на противоборство придворных кланов, и естественная смена поколений (в 30-е гг. завершился жизненный путь многих деятелей, чья карьера началась в самом конце XV в. или первые годы XVI в.: бояр кн. М. В. Горбатого, кн. Б.И. Горбатого, кн. А. А. Хохолкова-Ростовского, М. С. Воронцова, окольного Я. Г. Морозова и др.). Однако в охарактеризованных выше изменениях пока не просматривается прямое влияние новой правительницы — Елены Глинской; между тем трудно сомневаться в том, что, придя к власти, великая княгиня постаралась окружить себя наиболее доверенными людьми. Поэтому перенесем внимание с тех, кто проиграл в ходе придворной борьбы, на тех, кто оказался в выигрыше при новом режиме власти, установившемся к осени 1534 г. Присмотримся теперь к тем, на кого пал выбор Елены Глинской, кто получил из ее рук думные чины и занял первые места в новой дворцовой иерархии.

* * *

По традиции великие княгини имели свой двор: во время торжественных выходов, свадеб, праздничных трапез их сопровождали боярыни, принадлежавшие к верхушке московской знати. Так, за столом на свадьбе Василия III с Еленой Глинской 21 января 1526 г. сидели боярыни: княгиня Анна, двоюродная сестра Василия III, вдова кн. Ф. И. Бельского; княгиня Марья, вдова кн. С. Д. Холмского; Орина, вдова боярина Юрия Захарьича; Анна, жена боярина Петра Яковлевича Захарьина; Федосья, жена боярина М. Ю. Захарьина¹¹⁰. Впрочем, приведенный список из пяти боярынь не отражает состав двора новой великой княгини, который еще не успел сформироваться; скорее он указывает на иерархию, существовавшую к тому моменту при государевом дворе.

С гораздо большим основанием собственный двор великой княгини можно усмотреть в списке боярынь, содержащемся в разряде свадьбы князя Андрея Ивановича Старицкого (январь 1533 г.): «А сидели в столе от великие княини боярони княж Дмитреева Федоровича Бельского княини Марфа, Юрьева жена Захарьина

¹¹⁰ РК 1598. С. 9. Сведения о лицах, чьи жены или вдовы перечислены в этой записи, уточнены по: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 113, 124, 184—187.

Орина, Иванова жена Ондреевича Олена, Васильевская жена Андреевича Огрофена, князь Ивана Палетцкого княгини»¹¹¹. Первое место в этом перечне отведено жене кн. Д. Ф. Бельского Марфе, мужу которой принадлежало на тот момент первенство в придворной иерархии при Василии III. К этому следует добавить, что Марфа была дочерью конюшего Ивана Андреевича Челяднина, умершего в литовском плену¹¹². Следующей в свадебном разряде названа вдова боярина Юрия Захарьича Орина (она упоминалась и в приведенном выше свадебном разряде 1526 г.). Далее в списке идет вдова И. А. Челяднина Елена (очевидно, мать Марфы — княгини Бельской), а затем — вдова его брата, дворецкого Василия Андреевича Челяднина, Аграфена. Завершает список не названная по имени жена князя Ивана Палецкого¹¹³.

Об Аграфене Челядниной нужно сказать особо: она была мамкой наследника престола, маленького Ивана. Это ей Василий III, согласно летописной Повести, приказал перед смертью, «шток еси Огрофена от сына моего Ивана не отступала ни пяди»¹¹⁴. Кроме того, Аграфена приходилась родной сестрой могущественному временщику 1530-х гг. — кн. Ивану Федоровичу Телепневу Оболенскому. Их судьбы в дальнейшем тесно переплелись между собой.

Безусловно, процитированный свадебный разряд 1533 г. не дает представления о полном составе двора великой княгини: в нем перечислены лишь «старшие боярыни». В этом можно убедиться, обратившись к такому интересному источнику, как родословная «память», составленная кем-то из недоброжелателей Глинских в 40-х гг. XVI в. Цель автора этого сочинения состояла в том, чтобы показать невысокое местническое положение представительниц этого рода в конце правления Василия III. Для историка «память» интересна тем, что она детально описывает иерархию двора великой княгини Елены накануне вступления на престол ее сына Ивана:

А у великие книини в столе сидели боярони Марья Григорьева жена Федоровича. А коли Марьи нет, ино сидела Орина Юрьева жена Захарьича. А от них сидела Олена да Огрофена Челяднины.

¹¹¹ РК 1598. С. 13.

¹¹² Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 173.

¹¹³ Возможно, имеется в виду окольничий кн. Иван Федорович Палецкий (умер до 3 августа 1533 г.), см. о нем: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 43.

¹¹⁴ Цитирую Повесть о смерти Василия III по Постниковскому летописцу: ПСРЛ. Т. 34. С. 22.

А Глинсково книины Анна сидела в кривом столе, да книины Настасья Мамаева сидела в кривом же столе. А не сиживала у них Огрофена Волинсково. А сидела у них в заседках в кривом же столе любо Иванова жена Третьякова Овдотья, а либо Нехожево книины Огрофена.

А коли Марья нет тут и Орины Юрьевы, ино сидела книины Анна да книины Настасья от Олены да от Огрофены Челяднинных в кривом же столе¹¹⁵.

Итак, если верить составителю «памяти», первые места при дворе великой княгини Елены занимали вдова боярина Г. Ф. Давыдова¹¹⁶ Марья и вдова боярина Юрия Захарыча Орина. Далее следовали Елена и Аграфена Челяднины и только после них — мать великой княгини Анна (вдова кн. Василия Львовича Глинского) и Анастасия, вдова кн. Ивана Мамаево Львовича Глинского (отсюда — «Настасья Мамаева»). Автор напоминает о том, что в обычные дни («коли за обычай сидят»), если великий князь Василий приходил в палаты своей супруги, то Глинские «сидели ниже всех боярынь». Когда же по случаю рождения у великокняжеской четы сына Юрия (в октябре 1532 г.) «большой наряд был, а бояронь много было», тогда «была верхняя лавка, а в верхней лавке сидели в большом месте Челяднины Олена да Огрофена. А Глинские книины Анна да книины Настасья сидели конец стола»¹¹⁷.

При жизни Василия III двор его супруги находился как бы в тени «большого» Государева двора, и описанная выше иерархия имела значение только для обитательниц женской половины дворца. Каким-либо политическим влиянием боярыни великой княгини в ту пору не обладали. Все изменилось после того, как старший сын Елены Глинской Иван занял престол в декабре 1533 г., а она сама спустя полгода стала при нем правительницей. Теперь ее ближние боярыни приобрели реальный вес в придворной среде. Показательно, что уже в летописном рассказе о похоронах великого князя Василия особое внимание уделено лицам, сопровождавшим его вдову Елену во время траурной церемонии. Как было показано в первой главе книги, этот рассказ сохранился в нескольких

¹¹⁵ Бычкова М. Е. Родословие Глинских. С. 121.

¹¹⁶ Согласно собранным А. А. Зиминим данным, Г. Ф. Давыдов упоминается в источниках с 1495 по 1521 г. (Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 168—169).

¹¹⁷ Бычкова М. Е. Родословие Глинских. С. 121.

редакциях: наиболее подробной (хотя и едва ли первоначальной) является та, которая отразилась в Новгородской летописи по списку Дубровского. Здесь после перечисления бояр, сопровождавших великую княгиню (кн. В. В. Шуйского, М. С. Воронцова, кн. М. Л. Глинского, кн. И. Ф. Овчины Оболенского), названы боярыни, также входившие в ее свиту: княгиня Анастасия — племянница Василия III (дочь его сестры от брака с царевичем Петром¹¹⁸), жена кн. Федора Михайловича Мстиславского; княгиня Марья — сестра Елены Глинской, жена кн. Ивана Даниловича Пенкова¹¹⁹; Елена — вдова И. А. Челяднина; Аграфена — вдова В. А. Челяднина; Феодосия — жена боярина М. Ю. Захарьина; Аграфена — жена некоего Василия Ивановича; и, наконец, княгиня Анна — мать великой княгини, вдова кн. В. Л. Глинского¹²⁰.

Помещенный в летописи Дубровского список боярынь великой княгини Елены подтверждает слова анонимного автора родословной «памяти» Глинских о невысоком статусе этого рода в Москве и свидетельствует о том, что бабка Ивана IV, княгиня Анна, по-прежнему занимала одно из последних мест в придворной иерархии, даже после того, как ее внук занял великокняжеский престол. Примечательно, что дочь Анны Глинской, княгиня Марья Пенкова, упомянута раньше матери: очевидно, местнический статус боярынь определялся статусом их мужей при московском дворе. Разумеется, вне конкуренции были те из них, кто, подобно племяннице Василия III, княгине Анастасии Мстиславской, находился в прямом родстве с великокняжеским домом. В летописном тексте, как и в приведенных выше других списках боярынь Елены Глинской, мы снова видим имена Елены и Аграфены Челяднинных — явный признак их прочного положения при дворе великой княгини.

В нашем распоряжении есть еще один источник по истории двора Елены Глинской: речь идет об уже известном нам описании

¹¹⁸ См.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 128.

¹¹⁹ Княжна Мария Васильевна Глинская была выдана по воле Василия III замуж за кн. И. Д. Пенкова осенью 1527 г. В Воскресенской летописи под 7036 годом читаем: «Тое же осени пожаловал князь велики князя Ивана Пенкова — дал за него своякинью свою, княжну Марью» (ПСРЛ. Т. 8. С. 272). О карьере кн. И. Д. Пенкова см.: *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления. С. 292—298; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 93.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 43. С. 232. В другой редакции летописной повести, отразившейся в Софийской II летописи и Пустыниковском летописце, названа только одна боярыня, сопровождавшая Елену Глинскую на похоронах мужа: княгиня Анастасия, жена кн. Ф. М. Мстиславского (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 276; Т. 34. С. 24).

приема великой княгиней бывшего казанского хана Ших-Али (Шигалея) и его жены Фатьмы-салтан в январе 1536 г., помещенном в Летописце начала царства. На аудиенции Шигалея 9 января, наряду с боярами кн. В. В. Шуйским и И. Ф. Телепневым Оболенским и дьяками Ф. Мишуриным и Меньшим Путятиным, присутствовали боярыни великой княгини. Летописец называет их в следующем порядке: княгиня Анастасия, жена кн. Ф. М. Мстиславского; Елена, вдова И. А. Челяднина; Аграфена, вдова В. А. Челяднина, «и иные многие боярыни»¹²¹. Через несколько дней в церемонии встречи царицы Фатьмы-салтан, приехавшей во дворец, участвовали Аграфена «Ивановская жена Волинского»¹²², Аграфена Челяднина и «молодые боярыни», не названные по имени. На пиру в честь царицы самое почетное место, выше остальных боярынь, занимала княгиня Анастасия — жена кн. Ф. М. Мстиславского (летописец напоминает, что она была дочерью царевича Петра, и называет ее «сестрой» великого князя Ивана), а «под нею» сидели Елена и Аграфена Челяднины, а также жена кн. Д. Ф. Бельского княгиня Марфа. Ниже Марфы в местническом отношении («под нею») сидела жена Ивана Волинского Аграфена; «а иные боярыни в скамье сидели», добавляет летописец, заканчивая перечисление¹²³. Можно предположить, что на этой скамье нашлось место и для матери правительницы, княгини Анны Глинской, но летописец не удостоил упоминания сидевших столь «низко» боярынь.

Обращает на себя внимание большое «представительство» клана Челядниных в ближайшем окружении великой княгини: на приеме царицы Фатьмы-салтан, помимо Елены и Аграфены — вдов соответственно Ивана и Василия Андреевичей Челядниных, присутствовала княгиня Марфа Бельская — дочь Елены и И. А. Челяднина. Кроме того, летописец упоминает, что кравчим у великой княгини на том пиру был Иван Иванович Челяднин¹²⁴ — сын того же боярина и родной брат Марфы.

Изучение родственных связей между придворными кланами дает ключ к пониманию пожалований в годы правления великой княгини Елены. Приведенные выше факты свидетельствуют о том,

¹²¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 22.

¹²² М. Е. Быčkova полагает, что мужем Аграфены был Иван Михайлович Волинский (*Быčkova М. Е. Родословие Глинских*. С. 115).

¹²³ ПСРЛ. Т. 29. С. 23.

¹²⁴ Там же.

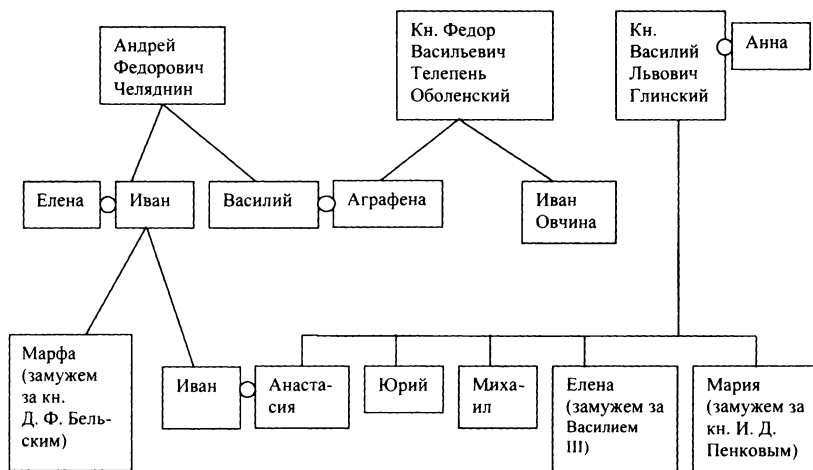

Схема 1. Родственные связи кланов Глинских и Челядниных¹²⁵

что по неписаному соглашению с верхушкой московской знати государыня не могла возвысить своих ближайших родственников — мать и братьев. Но это не означает, что она не стремилась облагодетельствовать близких ей людей: выход был найден в том, что высокие думные и дворцовые чины получили мужья сестер Елены Глинской, а также родственники Елены и Аграфены Челядниных — ближних боярьин великой княгини.

Первые достоверные сведения о пожаловании боярских чинов при юном Иване IV относятся к июлю 1534 г.: в разрядной росписи полков на Коломне боярами впервые названы кн. Иван Федорович Бельский и кн. Иван Данилович Пенков, а кн. Иван Федорович Овчина Оболенский именуется боярином и конюшим¹²⁶. В литературе, однако, утвердилось мнение, впервые высказанное А. А. Зиминим, о том, что фаворит Елены Глинской кн. И. Ф. Овчина Оболенский получил боярство еще к январю 1534 г.¹²⁷, однако эта версия не имеет надежной опоры в источниках.

¹²⁵ При составлении схемы использована таблица в кн.: Kollmann N. S. Kinship and Politics. P. 164. Fig. 9. Расположение детей от одного брака на схеме не всегда соответствует порядку их старшинства. Часть генеалогической информации на схеме ради экономии места опущена.

¹²⁶ РК 1598. С. 83, 84.

¹²⁷ Зимин А. А. Состав Боярской думы. С. 54; Его же. Формирование боярской аристократии. С. 52, 289.

В обоснование своей точки зрения о столь раннем пожаловании Ивана Овчины в бояре А. А. Зимин ссылался на письмо литовского гетмана Ю. М. Радзивилла, адресованное кн. И. Ф. Оболенскому («боярину и конюшему и воеводе великого князя Ивана Васильевича Московского») и датированное 16 января (без указания года)¹²⁸. Однако дипломатические контакты между Ю. М. Радзивиллом и кн. И. Ф. Овчиной Оболенским, продолжением которых стало упомянутое письмо от 16 января, завязались только в сентябре 1535 г., после того как в литовский плен попал двоюродный брат Овчины, кн. Ф. В. Телепнев Оболенский¹²⁹. Поэтому, исходя из контекста русско-литовских отношений той поры, письмо гетмана Ивану Овчине следует датировать 16 января 1536 г. Отнесение его к январю 1534 г. явно ошибочно.

Недавно А. Л. Юрганов попытался датировать получение кн. И. Ф. Овчиной Оболенским боярского чина еще более ранним временем — началом декабря 1533 г.¹³⁰ Основанием для подобного предположения ученому послужило окончание летописной Повести о смерти Василия III по списку Дубровского: при описании похорон великого князя в этой редакции Повести среди «бояр», сопровождавших Елену Глинскую, назван и «князь Иван Федорович Овчина»¹³¹. В другой редакции Повести (отразившейся в Софийской II летописи и Постниковском летописце) князь Иван Овчина в данном пассаже не упомянут, но главное заключается не в этом: летописи вообще не могут считаться надежным источником при выяснении времени пожалования того или иного придворного думными чинами. Показательно, что во всех списках летописной Повести среди «бояр» в данном контексте упомянут и кн. М. Л. Глинский, хотя он, как справедливо полагают А. А. Зимин и А. Л. Юрганов, боярского чина так и не получил¹³².

¹²⁸ А. А. Зимин почему-то ссылается на издание этого документа в «Актах Западной России» (АЗР. СПб., 1848. Т. 2. № 175. С. 234), между тем посольская книга сношений с Польшей и Литвой за декабрь 1533 — 1538 г., в составе которой до нас дошел текст этого письма, была опубликована позднее еще раз в специальном издании, см.: Сб. РИО. Т. 59. С. 1—143 (текст письма Ю. Радзивилла кн. И. Ф. Овчине Оболенскому — на с. 19—20).

¹²⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 14 и сл.

¹³⁰ Юрганов А. Л. Политическая борьба в 30-е годы XVI века. С. 108.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 43. С. 232.

¹³² Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 143; Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. С. 74—75.

Помимо источниковедческих наблюдений, можно привести также некоторые общеисторические соображения, которые не позволяют согласиться с Зиминим и Юргановым в данном вопросе. Большинство исследователей вполне резонно видят в пожаловании Ивану Овчине боярства свидетельство расположения правительницы к своему фавориту. Между тем до лета 1534 г., как было показано в предыдущей главе, не заметно каких-либо проявлений самостоятельности Елены Глинской. Совершенно невероятно, чтобы в день похорон великого князя Василия убитая горем вдова (она даже не могла идти сама: «несоша ея из ее хором в санях на собе дети боярские на лествицу»¹³³) раздавала кому бы то ни было думные чины. Скорее всего, подобные пожалования вообще были невозможны до окончания траура по покойному государю (40-й день после смерти Василия III миновал 13 января 1534 г.). Но еще несколько месяцев великая княгиня не спешила с пожалованиями, пока не почувствовала прочную опору в боярской среде. Еще в начале июля 1534 г. осведомленный наблюдатель, польский жолнер Войтех, бежавший из русского плена, причислил князя Ивана Овчину к тем воеводам, которые «ничого не справуют, только мают их з людьми посылати, где будет потреба»¹³⁴. Таким образом, возвышение кн. И. Ф. Оболенского началось никак не раньше лета 1534 г.

Суммируя сделанные выше наблюдения, можно высказать предположение, что первая раздача думных чинов при новом государе, Иване IV, произошла в июле 1534 г., т.е. именно тогда, когда появился упоминавшийся уже коломенский разряд. Эта разрядная роспись начинается словами: «Лета 7042-го июля при великом князе Иване Васильевиче всеа Руси и при матери его великой кнеине Елене, в первое лето государьства его, на Коломне велено быть воеводам...»¹³⁵ (выделено мной. — М. К.). Следовательно, июльский разряд 1534 г. был первым разрядом нового царствования. Приведенную разрядную запись уместно сопоставить со свидетельством краткого летописца Марка Левкеинского: «Таго же лета [7042-го. — М. К.] великая княгиня Елена з бояры думала да велела князей и бояр жаловати да на службу посылати»¹³⁶ (выделено мной. — М. К.).

Из этого летописного известия следует, что решение о пожаловании князей и бояр и об их посылке на службу было принято на

¹³³ ПСРЛ. Т. 43. С. 232.

¹³⁴ РА. № 39. С. 99.

¹³⁵ РК 1598. С. 83.

¹³⁶ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. № 1. С. 12.

совещании великой княгини с думцами. Летописец не называет дату принятия данного решения, но ее можно примерно определить на основе выше- и нижеследующих сообщений. Выше Марк Левкеинский сообщал о «поимании» в апреле 1534 г. вдовы князя Василия Шемячиича с двумя дочерьми, а ниже — о «стоянии» в Боровске князя Андрея Старицкого и «многих воевод»¹³⁷. Иные источники зафиксировали пребывание князя Андрея Ивановича в Боровске с 25 мая (Троицына дня) по июль 1534 г.¹³⁸ Таким образом, по расположению среди других летописных статей сообщение о пожаловании князей и бояр и посылке их на службу попадает в интервал: май—июль 1534 г.

Итак, краткий летописец и разрядная запись корректируют и дополняют друг друга: согласно Марку Левкеинскому, решение о пожаловании князей и бояр было принято одновременно с их отправкой на службу; а дата первой официальной полковой росписи (коломенской) известна нам из разрядов: июль 1534 г.

Думными чинами в первую очередь были пожалованы лица, входившие в ближний круг великой княгини. К июлю 1534 г. боярами стали: кн. И. Ф. Овчина Оболенский — брат Аграфены Челядниной, мамки юного государя; кн. И. Д. Пенков — муж Марии Глинской, сестры правительницы; а также кн. И. Ф. Бельский — брат Д. Ф. Бельского, женатого на Марфе Челядниной. Дальнейшая судьба пожалованных в бояре лиц сложилась по-разному. Князь Иван Бельский в августе того же года, как мы уже знаем, попал в опалу в связи с побегом в Литву его брата Семена и вместе со свободой утратил и боярский чин. Кн. Иван Данилович Пенков в годы правления Елены Глинской подвизался главным образом на ратной службе: в июне 1535 г. он возглавлял сторожевой полк в походе кн. В. В. Шуйского в Литву; в июле следующего года был вторым воеводой при кн. Д. Ф. Бельском в большом полку, стоявшем на Коломне; в июле 1537 г. там же возглавлял полк правой руки; наконец, в сентябре того же года он должен был возглавить конную рать в походе на Казань, но этот поход не состоялся¹³⁹. Источники не сохранили каких-либо свидетельств об участии кн. И. Д. Пенкова в дипломатической или административной деятельности (до 1539 г.); нет данных и о каком-то его влиянии на принятие важных внутрисполитических решений. Зато получивший одновременно с

¹³⁷ *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. № 1. С. 12.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 24; РК 1598. С. 84; РА. № 39. С. 99.

¹³⁹ РК 1598. С. 87, 89, 91, 94.

ним боярский чин кн. И. Ф. Овчина Телепнев Оболенский вскоре достиг вершины могущества: в июле 1534 г. начался стремительный взлет его карьеры.

Как было показано в предыдущей главе, князь Иван Овчина имел отношение к аресту кн. М. Л. Глинского в августе 1534 г. В начавшемся в ноябре 1534 г. большом походе в Литву кн. И. Ф. Оболенский занимал вторую по значимости командную должность — первого воеводы передового полка; первым воеводой большого полка (фактически главнокомандующим) в этой кампании был назначен старший по возрасту и более опытный полководец — боярин кн. М. В. Горбатый¹⁴⁰. Примечательно, что, хотя князь Иван Федорович имел самый высокий чин в придворной иерархии — конюшего боярина, в армии он неизменно довольствовался вторыми и даже третьими ролями, уступая первые места более знатным или более заслуженным лицам. Так, в июньском походе 1535 г. в Литву, во главе которого находился боярин кн. В. В. Шуйский, кн. И. Ф. Овчина Телепнев снова был первым воеводой передового полка¹⁴¹, а в коломенской разрядной росписи июля 1537 г. он значится первым воеводой полка левой руки: более высокие в местническом отношении назначения в большом и передовом полках, полку правой руки достались тогда татарскому князю Федору Даировичу, кн. Н. В. Оболенскому, кн. В. А. Микулинскому, кн. И. Д. Пенкову¹⁴². И это — всего месяц спустя после подавления «мятежа» князя Андрея Старицкого — события, в котором, как будет показано в следующей главе, кн. И. Ф. Овчина Оболенский сыграл ключевую роль. Правда, в росписи несостоявшегося похода на Казань, датированной сентябрем 1537 г. (последней разрядной росписи времени правления Елены Глинской), князь Иван Федорович числится уже вторым воеводой большого полка конной рати, но и в этом случае первенство отдано другому воеводе — боярину кн. И. Д. Пенкову¹⁴³.

Таким образом, воеводские назначения кн. И. Ф. Овчины Оболенского не отражают того реального влияния, которым пользовался могущественный временщик при московском дворе. Скорее они свидетельствуют о том, что правительница и ее фаворит считались с местническими притязаниями знатнейших родов: традиции следовало соблюдать, и воеводские должности в армии распределялись

¹⁴⁰ РК 1598. С. 85, 86.

¹⁴¹ Там же. С. 87.

¹⁴² Там же. С. 91.

¹⁴³ Там же. С. 94.

в соответствии со знатностью, личными и родовыми заслугами. В этом заключался еще один компромисс периода правления Елены, благодаря которому удавалось поддерживать шаткое равновесие в придворной среде.

Между тем особая близость конюшего боярина к вдовствующей великой княгине недолго оставалась тайной для современников: уже зимой 1535 г. отношения князя Ивана Овчины Телепнева и Елены Глинской стали темой пересудов среди детей боярских, участвовавших в литовском походе; от пленных об этом стало известно придворным Сигизмунда I, великого князя Литовского и польского короля, а уж они не преминули поделиться подобными слухами со своими корреспондентами в разных странах Европы. Так, секретарь Сигизмунда Николай Нипшиц сообщал из Вильны 3 марта 1535 г. епископу г. Кульма (Хельмно) Иоанну Дантышку об услышанном от пленных «москвитов» занятном анекдоте (eun guten schwank), который он, однако, не решается доверить бумаге. Речь в «анекдоте» идет о великой княгине и об опекуне «по имени Овчина» (Offczyna genannt) — «верховном командующем» (ober-schter habtman) над войском, вторгшимся в Литву¹⁴⁴. По словам Нипшица, «этот Овчина является опекуном днем и ночью» (der selbig Offczyna yst der formund bey tag und nacht)¹⁴⁵.

Новая волна слухов о фаворите великой княгини появилась в Литве после того, как 29 августа 1535 г. при взятии польско-литовской армией Стародуба в плен попал наместник этой крепости кн. Федор Васильевич Овчина Оболенский¹⁴⁶ — двоюродный брат князя Ивана Федоровича Овчины. 23 декабря того же года уже упоминавшийся выше кульмский епископ Иоанн писал советнику императора Карла V Корнелию Дуплицию Шепперу о том, что у одного из захваченных в Стародубе знатных пленников «по имени Овчина» (Officziny) есть брат, который находится «при вдове-княгине Московской» (apud viduam ducem Moscoviae) и «выполняет вместо мужа супружеские обязанности» (more mariti vicarius officium prae-stat coniugale)¹⁴⁷.

¹⁴⁴ На самом деле, как уже говорилось выше, официальным главой московской рати был кн. М. В. Горбатый, но весьма показательно, что в Литве считали верховным начальником князя Ивана Федоровича Овчину Оболенского, командовавшего передовым полком.

¹⁴⁵ АТ. 1966. Т. XVII. № 139. Р. 198.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 19. Подробнее о взятии Стародуба и пленении кн. Ф. В. Оболенского см.: Кром М. М. Стародубская война. С. 77—81.

¹⁴⁷ АТ. Т. XVII. № 593. Р. 740.

Иоанну Дантышку вторит другой наблюдатель, Николай Нипшиц: в письме Альбрехту Прусскому от 28 августа 1536 г. он сообщал, что взятый в плен наместник Стародуба, «герцог Овчина» (der hauptman von Starodub... hertzog Owffitzyna) — «превосходный, видный человек в Москве» (ein trefflich, ansichtigk man in der Muska): «его родной [!] брат держит великую княгиню вместе с ребенком [имеется в виду Иван IV. — М. К.] и всей Москвой под своей опекой, защитой и управлением» (sein leiblicher bruder hat die grosfurstin zusampt dem kindt und die gantze Muska in seinem schirm, schutz und regiment)¹⁴⁸.

Вероятно, аналогичным путем эти пикантные подробности дошли и до известного австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, который в своих «Записках о Московии», опубликованных впервые в 1549 г., поместил назидательный рассказ о том, как князь Михаил Львович Глинский пытался прервать позорную связь своей племянницы с «неким боярином по прозвищу Овчина» и «наставлял ее жить честно и целомудренно», но разгневанная великая княгиня заточила дядю в темницу¹⁴⁹.

Изображенная Герберштейном нравоучительная сцена больше говорит о литературных вкусах автора, чем о реальных событиях в Москве середины 1530-х гг.¹⁵⁰ Однако теперь в нашем распоряжении есть гораздо более ранние свидетельства, современные той эпохе, причем, как показывает процитированное выше письмо Н. Нипшица от 3 марта 1535 г., слухи о великой княгине и ее фаворите были только записаны в Литве, но возникли они в самой России и распространялись, в частности, среди служилого люда. Стремительный взлет карьеры князя Ивана Овчины Оболенского, начавшийся летом 1534 г., косвенно свидетельствует о том, что подобные слухи имели под собой какие-то основания.

Хотя кн. И. Ф. Овчина Телепнев Оболенский впервые упомянут на службе еще в 1510/11 г., при жизни Василия III он не пользовался особым расположением государя: 20 лет ратной службы не принесли ему думного чина, а в 1531 г. князь Иван даже попал в опалу, правда, кратковременную¹⁵¹. Все сразу переменялось летом

¹⁴⁸ Elementa ad Fontium Editiones. Romae, 1979. Vol. XLVII. № 207. P. 54.

¹⁴⁹ Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 88.

¹⁵⁰ О малой достоверности и вторичности информации, сообщаемой Герберштейном о России 30-х гг. XVI в., см.: Кром М. М. «Записки» С. Герберштейна и польские известия. С. 77—86, особенно с. 81—83, 86.

¹⁵¹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 51—52.

1534 г. Своим возвышением кн. И. Ф. Овчина Оболенский был во многом обязан своей сестре — Аграфене Челядниной, мамке маленького Ивана IV, входившей в ближний круг великой княгини Елены. Это она, надо полагать, открыла брату доступ в дворцовые покои. И чин конюшего, вероятно, достался ему по свойству с Челяднимины. В 1508—1514 гг. этот чин принадлежал Ивану Андреевичу Челяднину¹⁵²; в дальнейшем, с конца 1530-х по 1560-е гг., конюшими, как правило, также становились представители клана Челядних¹⁵³; по-видимому, этот чин считался тогда их родовым достоянием.

Недрузи временщика не без оснований считали Аграфену Челяднину верной союзницей ее брата и, как только умерла великая княгиня Елена (3 апреля 1538 г.), свели счеты не только с князем Иваном Овчиной, но и с его сестрой: ее сослали в Каргополь и насильно постригли в черницы¹⁵⁴.

Но вернемся к тому недолгому периоду, когда кн. И. Ф. Овчина Телепнев находился в зените своего могущества. Как было показано выше, с начала 1535 г. ходили упорные слухи об особой близости конюшего боярина к великой княгине. К осени того же года относится еще одно важное указание на возросшее влияние кн. И. Ф. Овчины Оболенского при московском дворе: именно к нему (при посредничестве попавшего в литовский плен его двоюродного брата — кн. Ф. В. Оболенского) обратился гетман Юрий Радзивилл с целью возобновления прерванных войной дипломатических отношений¹⁵⁵. С ноября 1535 по август 1536 г. — до того момента, когда был восстановлен обмен послами между государями России и Литвы, — конюший боярин с ведома великокняжеского правительства вел переписку с гетманом Ю. Н. Радзивиллом и несколько раз (в феврале и мае—июне 1536 г.) принимал его посланцев на своем подворье, причем на таких «малых аудиенциях» присутствовали дворецкий И. Ю. Шигона Поджогин, дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурун и несколько детей боярских¹⁵⁶. Сохранился

¹⁵² Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. М., 1958. Т. 63. С. 188.

¹⁵³ И. И. Челяднин (1539—1541), И. П. Федоров-Челяднин (1546, 1550—1568). См.: Там же. С. 191, 196.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 32.

¹⁵⁵ Сб. РИО. Т. 59. С. 14.

¹⁵⁶ Переписка кн. И. Ф. Оболенского с гетманом Ю. Радзивиллом скопирована в посольской книге: Сб. РИО. Т. 59. С. 19—20, 23—25, 32—34, 35—39, 57—60. Описание приемов литовских посланников на подворье кн. И. Ф. Оболенского в 1536 г. см.: Там же. С. 17—18, 22, 31—32.

подлинник одного из писем кн. И. Ф. Овчины Оболенского гетману Юрию Радзивиллу (от августа 1536 г.): грамота была запечатана княжеской перстневой печатью с изображением руки, держащей поднятый вверх меч¹⁵⁷.

По традиции правом самостоятельных сношений с иностранными державами (разумеется, в русле общего внешнеполитического курса правительства) обладали виднейшие бояре, занимавшие первые места при дворе: так, в 1520 г., при Василии III, такое право было дано Григорию Федоровичу Давыдову¹⁵⁸; в декабре 1533 г. литовского посланника принимал у себя кн. Дмитрий Федорович Бельский¹⁵⁹; в 1589—1591 гг., в царствование Федора Ивановича, переговоры с австрийским двором вел фактический правитель государства — Борис Федорович Годунов¹⁶⁰. В годы правления Елены Глинской подобную почетную функцию выполнял конюший боярин кн. И. Ф. Овчина Телепнев Оболенский. Однако его первенство на поприще дипломатического представительства не было абсолютным: на великокняжеских приемах ему приходилось делить почетное место у трона с боярином кн. В. В. Шуйским.

Посольский церемониал чутко реагировал на изменения в придворной иерархии: до 1536 г. князь Иван Овчина Оболенский вообще не упоминается на официальных дипломатических приемах; но уже 9 января 1536 г. ему вместе с кн. В. В. Шуйским и дьяками Ф. Мишуриным и Меньшим Путятиным было поручено встречать приехавшего на аудиенцию к великому князю бывшего казанского хана Ших-Али (Шигалея)¹⁶¹. На приеме литовского посланника Никодима Техоновского 13 августа того же года, когда великий князь звал того «к руце», «берегли у великого князя, стоячи у его места, боярин князь Василей Васильевич Шуйской да князь Иван Федорович Оболенской Овчина. Как князь великий подал ему [посланнику. — М. К.] руку, и Никодима принял за руку князь Иван и подръжал его за руку...»¹⁶².

¹⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 115. Перстневая красновосковская печать диаметром около 2 см неплохо сохранилась. Публикацию грамоты и описание печати см.: РА. № 85. С. 185—188.

¹⁵⁸ См.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 202.

¹⁵⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 2.

¹⁶⁰ См.: Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1980. С. 109—110.

¹⁶¹ ПСРД. Т. 29. С. 22. Примечательно, что при описании церемонии встречи казанского «царя» кн. И. Ф. Овчина Оболенский, в соответствии с местным старшинством, назван *после* кн. В. В. Шуйского, но *перед* дьяками.

¹⁶² Сб. РИО. Т. 59. С. 43—44.

Та же церемония повторилась 14 января 1537 г. во время приема «больших» литовских послов Яна Юрьевича Глебовича «с товарищи»: «И звал князь великий послов к руце, а стояли у великого князя, для бережения, на правой стороне боярин князь Василей Васильевич Шуйской, а на левой боярин и конюшей князь Иван Федорович Оболенской Овчина, да у князя у Василья стоял Иван Иванович Андреевича Челяднин, ходил у великого князя в дяди место»¹⁶³.

Посольство хана Сахиб-Гирея, принятое в Кремле 9 февраля 1538 г., отразило представления крымских властей о сложившейся на тот момент расстановке сил при великокняжеском дворе. Ханский гонец Баим передал слова своего повелителя: поскольку Сахиб-Гирей послал к Ивану IV «болшого посла, доброго своего человека», он просил, чтобы великий князь «также к нам послал своего болшого посла, доброго своего человека: князя Василия Шуйского или Овчину»¹⁶⁴. Не менее примечателен ответ московской стороны. Находившемуся в Крыму «ближнему человеку» Григорию Иванову сыну Совина был послан наказ, что передать хану: «И ты б царю говорил царь, господине, князь(ь) Василей Васильевич Шуйской и князь(ь) Иван Федорович у государя нашего люди великие и ближние: государю их пригоже пъри себя держати, зан(е)же государь великой, а леты еще млад...»¹⁶⁵

Итак, на дипломатической арене в конце правления Елены Глинской ее фаворит был, так сказать, «уравновешен» князем В. В. Шуйским: в этой сфере, не менее значимой с точки зрения местнических интересов, чем воеводские назначения, представители знатнейших московских родов также не собирались уступать первенства любимцу великой княгини.

Портрет одного из самых известных государственных деятелей России «эпохи регентства» будет неполным, если наряду с военными походами и дипломатическими переговорами, в которых он участвовал, не упомянуть о его судебно-административной деятельности. В архиве Кирилло-Белозерского монастыря сохранилась правая грамота, выданная 30 января 1537 г. судьями Н. Я. Борисовым и Ф. З. Федоровым по приговору боярина и конюшего кн. И. Ф. Оболенского старосте и крестьянам села Куликова Дмитровского уезда в тяжбе из-за спорных сенных покосов со старостой и

¹⁶³ Сб. РИО. Т. 59. С. 66.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 474 об. — 475.

¹⁶⁵ Там же. Л. 485.

крестьянами Голедецкого села¹⁶⁶. 25 января указанного года князю Ивану Федоровичу был доложен судный список расследования дела в суде первой инстанции. Выслушав материалы дела, боярин не только вынес вердикт в пользу истцов, но и принял решение освободить от ответственности и от уплаты судебных пошлин приказчика Голедецкого села Матфея Шекина — на том основании, что «ему то село приказано вновь»¹⁶⁷. Подобная формулировка (нечасто встречающаяся в судебных документах) свидетельствует о том, что князь И. Ф. Оболенский не ограничился формальным слушанием тяжбы, а вник в существо дела и принял взвешенное решение.

* * *

Осталось рассмотреть думские пожалования последних лет правления Елены Глинской. В июле 1536 г. впервые с боярским титулом упоминается князь Андрей Дмитриевич Ростовский¹⁶⁸. По-видимому, он был призван заменить в Думе своего троюродного брата кн. Александра Андреевича Хохолкова-Ростовского, который как раз весной того же 1536 г. последний раз фигурирует в источниках¹⁶⁹: как отмечено исследователями, представительство в Думе было не столько личной заслугой, сколько семейным, клановым достоянием¹⁷⁰. Но, с другой стороны, выдающийся успех одного представителя рода усиливал позиции всего клана. Так, можно предположить, что взлет карьеры кн. И. Ф. Овчины Оболенского облегчил получение думного чина троюродному брату последнего — князю Никите Васильевичу Хрому Оболенскому.

¹⁶⁶ Документ сохранился в копийной книге Кирилло-Белозерского монастыря XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. Санкт-Петербургской духовной академии). А 1/17. Л. 806—812 об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 811 об.

¹⁶⁸ РК 1598. С. 89. В разрядной книге редакции 1605 г. кн. А. Д. Ростовский именуется боярином уже с 1534 г. (РК 1605. М., 1977. Т. 1, ч. 2. С. 248, 252). Но более надежным представляется упоминание думских чинов в разрядной книге 1598 г., восходящей к официальному «Государеву разряду», а в этой книге кн. А. Д. Ростовский в 1534—1535 гг. упоминается еще без боярского звания (РК 1598. С. 85, 87).

¹⁶⁹ Там же. С. 90.

¹⁷⁰ Тезис о том, что получение боярского чина являлось наследственным правом нескольких знатных семейств на протяжении XIV — первой половины XVI в., подробно обоснован Н. Ш. Коллманн. С течением времени круг таких родов, особо приближенных к престолу, менялся, но неизменным оставался сам принцип передачи думного чина от одного представителя рода — к другому (чаще всего — по боковой линии), см.: *Kollmann N. S. Kinship and Politics*. Chap. 2, 3. P. 19, 59, 84, 119.

Согласно утвердившемуся в научной литературе ошибочному мнению, князь Никита Хромой якобы был пожалован в бояре в первый же год правления Елены Глинской. Так, А. А. Зимин утверждал, ссылаясь на данные Никоновской летописи, что кн. Н. В. Оболенский стал боярином уже к ноябрю 1534 г.¹⁷¹ Однако это — явное недоразумение: все летописи, повествуя о начале большого похода русских войск в Литву 28 ноября 1534 г., в котором участвовал и князь Никита Васильевич, упоминают его без боярского звания¹⁷². Но главное — в разряде этого похода кн. Н. В. Оболенский, 2-й воевода большого полка, назван также без думного чина¹⁷³. Время получения князем Никитой боярского титула можно установить довольно точно на основании записей в посольской книге: в феврале 1536 г. кн. Н. В. Оболенский, занимавший тогда должность смоленского наместника, упоминается там еще без думного чина, но уже 8 мая того же года он назван боярином¹⁷⁴.

Князь Никита Хромой явно пользовался доверием правительницы и ее фаворита: весной 1537 г., еще до выступления удельного князя Андрея из Старицы, кн. Н. В. Оболенский вместе со своим троюродным братом кн. И. Ф. Овчиной Оболенским был послан «на бережение» на Волок. Затем, когда старицкий князь двинулся в сторону Великого Новгорода, кн. Н. В. Оболенский прибыл в город с государевым наказом, адресованным местным светским и духовным властям: «людей укрепити» и не дать мятежному князю «Новгород засести»¹⁷⁵.

Оценивая пожалования в Думу в годы правления Елены Глинской в целом, следует признать, что боярские чины раздавались весьма скупой: очевидно, компенсировалась лишь естественная убыль членов государева совета, и при этом сохранялся почти неизменным расклад сил при дворе. Фавор, которым пользовался князь Иван Овчина, позволил двум представителям рода Оболенских войти в Думу, и, таким образом, этот клан восстановил свое представительство в придворном синклите, характерное для по-

¹⁷¹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 48. Вслед за Зиминим это утверждение повторил В. Б. Кобрин (*Кобрин В. Б. Материалы генеалогии*. С. 99. № 42).

¹⁷² ПСРЛ. Т. 8. С. 288; Т. 13, ч. 1. С. 87—88; Т. 29. С. 15.

¹⁷³ РК 1598. С. 85.

¹⁷⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 16, 30. В разрядах первое упоминание кн. Н. В. Оболенского с боярским чином относится к июлю 1537 г. (РК 1598. С. 91).

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

следних лет правления Василия III (до 1532 г.). Кн. А. Д. Ростовский занял место своего родственника кн. А. А. Ростовского. По-прежнему прочные позиции при дворе сохраняли представители клана Морозовых (бояре Иван и Василий Григорьевичи Морозовы и Михаил Васильевич Тучков). После того как в 1534 г. сошел со сцены окольничий Яков Григорьевич Морозов, окольничество — вполне предсказуемо — было пожаловано в следующем году другому представителю того же клана — Ивану Семеновичу Брюхову-Морозову¹⁷⁶ (он приходился двоюродным братом М. В. Тучкову и троюродным — И. Г. и В. Г. Морозовым¹⁷⁷). Труднее понять, по чьей протекции стал окольничим Дмитрий Данилов сын Иванова (впервые упомянут в этом чине на церемонии приема литовского посланника в августе 1536 г.¹⁷⁸). Возможно, он занял в Думе место окольничего И. В. Ляцкого, бежавшего в Литву в августе 1534 г. Впрочем, и И. С. Морозов, и Д. Д. Иванов получили окольничество на излете своей карьеры, будучи уже немолодыми людьми¹⁷⁹. В 1536—1537 гг. они один за другим исчезают из источников¹⁸⁰.

За годы правления Елены Глинской численный состав Боярской думы практически не изменился: к весне 1538 г. боярами было 11 человек, т.е. столько же, сколько в момент вступления Ивана IV на престол в декабре 1533 г. Из этого числа семеро сановников были пожалованы в бояре еще Василием III (князья Д. Ф. Бельский, В. В. и И. В. Шуйские, а также И. Г. и В. Г. Морозовы, М. В. Тучков и М. Ю. Захарьин), а остальные четверо¹⁸¹ получили боярство уже из рук великой княгини Елены (князья И. Ф. Овчина Оболенский, И. Д. Пенков, Н. В. Хромой Оболенский и А. Д. Ростовский),

¹⁷⁶ Впервые с чином окольничего упомянут в сентябре 1535 г., см.: РК 1598. С. 88.

¹⁷⁷ См. родословную схему в кн.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 236—237.

¹⁷⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 43.

¹⁷⁹ И. С. Морозов упоминается на службе с 1500 г., а Д. Д. Иванов — с 1495 г. Сводку данных об их карьере см.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 241, 257.

¹⁸⁰ Последнее упоминание об И. С. Морозове относится к марту 1536 г. (РК 1598. С. 89), а о Д. Д. Иванове — к февралю 1537 г. (Сб. РИО. Т. 59. С. 102).

¹⁸¹ Мои подсчеты отличаются от приведенных А. А. Зиминим, который в число бояр, носивших этот чин в начале 1538 г., включил кн. И. Ф. Бельского, потерявшего боярство в момент заточения в тюрьму в августе 1534 г., и кн. М. И. Кубенского, достоверные сведения о боярстве которого появляются только с августа 1538 г. (РК 1598. С. 94). Ср.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 289, 291, 292.

заменив умерших в 30-е гг. членов Думы (князей М. В. и Б. И. Горбатов, А. А. Ростовского и М. С. Воронцова). Сохранившиеся источники не позволяют определенно судить о том, остался ли к апрелю 1538 г. в Думе кто-либо из окольничих.

Таким образом, «кадровая политика» Елены Глинской была весьма консервативной и направленной на сохранение статус-кво в среде придворной элиты.

4. ПРОБЛЕМА РЕГЕНТСТВА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Приведенные в этой главе наблюдения позволяют сделать вывод о том, что широко распространенные в литературе представления о Елене Глинской как о «регентше» и полновластной правительнице страны нуждаются, как минимум, в существенных коррективах. Хотя она добилась признания за собой титула «государыни», т.е. фактически соправительницы сына, всей полнотой суверенной великокняжеской власти Елена не обладала. Ни выдача официальных грамот, ни представительство во внешнеполитической сфере не перешли к матери государя, несмотря на малолетство последнего. Более того, даже в пожаловании думных чинов и назначении на воеводские должности в армии Елена Васильевна не могла поступать по своей воле: ей приходилось считаться с местническими амбициями знатнейших родов Северо-Восточной Руси и с их нелюбовью к «чужакам» — выходцам из Великого княжества Литовского. В результате ближайшие родственники великой княгини, ее мать и братья, занимали более чем скромное место при ее дворе; князя Михаил и Юрий Васильевичи Глинские не получали никаких назначений в армии, на дипломатической или административной службе. Даже фаворит правительницы, кн. И. Ф. Овчина Оболенский, должен был довольствоваться формально вторыми ролями в военных походах и придворных церемониях.

Упомянутые реальные ограничения власти великой княгини, по-видимому, явились следствием того важнейшего факта, что институт регентства как таковой не был выработан московской политической традицией; не существовало, как было показано в первой главе, и самих понятий «регент» и «регентство».

Эта институциональная слабость русской монархии второй четверти XVI в. становится особенно наглядной при сравнении со

странами Западной и Центральной Европы, в которых уже в XIV в. были выработаны установления, регулировавшие порядок управления в период несовершеннолетия государя. Так, в «Золотой булле» императора Карла IV 1356 г. (гл. VII, ст. 1) предусматривалось, в случае перехода престола к несовершеннолетнему сыну курфюрста, назначение старшего брата покойного «опекуном и правителем»¹⁸². Во Французском королевстве соответствующие нормы были установлены ордонансами, изданными Карлом V в Венсенне и Мелене в 1374 г., а затем Карлом VI в Париже в 1393 г. Примечательно, что меленский ордонанс (октябрь 1374 г.) предусматривал различие между «управлением нашим королевством» и «опекой, охраной и воспитанием наших детей»: первая функция поручалась Карлом V в случае своей смерти герцогу Людовику Анжуйскому, вторая — королеве-матери (Жанне Бурбон) вместе с герцогами Филиппом Бургундским и Людовиком Бурбоном¹⁸³.

Во Франции начала XIV в. понятие регентства не только уже существовало, но регент имел право выдавать от своего имени официальные акты, обладавшие той же юридической силой, что и королевские грамоты. Так, после смерти в 1316 г. короля Людовика X Сварливого его брат Филипп (будущий король Филипп V) правил несколько месяцев в качестве регента и подтвердил ряд пожалований покойного монарха. Например, в регесте подтверждения дворянину Колару де Блему (июль 1316 г.) отмечено, что акт выдан «господином регентом» (*per Dominum Regentem*) в присутствии коннетабля и маршала Франции¹⁸⁴. В августе того же года вдова Людовика X Клеменция Венгерская также получила две подтвержденные грамоты на имущество, подаренное ей покойным супругом; согласно сохранившимся регестам, эти документы были выданы «монсеньером регентом» («*Par Mons. le Regent*»)¹⁸⁵. Напомню, что в России 30-х гг. XVI в. все официальные грамоты выдавались только от имени великого князя, хотя ему и было тогда четыре или пять лет от роду, а его мать, фактическая правительница страны, в этих документах даже не упоминалась.

¹⁸² Цит. по: *Wolf A. Königtum Minderjähriger*. S. 100, Anm. 6.

¹⁸³ См.: *Ibid.* S. 100—101, Anm. 7.

¹⁸⁴ *Registres du Trésor des Chartes. Tome II. Règnes de fils de Philippe le Bel. Première partie: règnes de Louis X le Hutin et de Philippe V le Long. Inventaire analytique établi par M. Jean Guerout, sous la direction de M. Rober Fawtier*. Paris, 1966. P. 245. № 1367.

¹⁸⁵ *Ibid.* P. 247. № 1375.

Конечно, описанная ситуация в Московии периода малолетства Ивана IV выглядит весьма архаично на фоне западноевропейской практики того же времени, однако нужно учесть, что даже во Франции правовое оформление института регентства было не столь уж давним изобретением. Не только в эпоху раннего Средневековья¹⁸⁶, но и много позднее регентство повсюду в Европе не имело прочных правовых оснований, и его конкретные формы в тот или иной момент определялись соотношением политических сил в данной стране. Еще в XIII в. во Французском королевстве, как отмечает Жак Ле Гофф, не существовало понятия регентства, и если кто-то брал на себя полноту власти в период несовершеннолетия короля, все равно речь шла только о «заботе и опеке»¹⁸⁷.

Именно «заботе и опеке» королевы-матери вверил своих детей Людовик VIII, находясь на смертном одре. Обстоятельства, при которых Бланка Кастильская, мать Людовика IX, стала регентшей, весьма напоминают ситуацию, в которой оказалась Елена Глинская после смерти мужа, великого князя Василия III. Обе женщины воспринимались как иностранки в государствах, где им пришлось жить и править; происхождение и той и другой вызывало недовольство у части придворной элиты. Как предполагают некоторые французские историки, Бланка Кастильская стала регентшей в результате сговора нескольких советников покойного Людовика VIII, стремившихся отеснить от власти дядю юного наследника — графа Филиппа Булонского¹⁸⁸. Как мы помним, Елена Глинская пришла к власти при аналогичных обстоятельствах, после того как опекуны юного Ивана IV арестовали его дядю Юрия Дмитровского, который, с одной стороны, имел бесспорные права на опеку над малолетним племянником-государем, а с другой — внушал серьезные опасения как реальный претендент на престол. Наконец, репутация обеих женщин пострадала от порочащих их слухов. Оставляя сейчас в стороне вопрос о том, какая из этих дам дала больше поводов для обвинений¹⁸⁹, замечу, что общей почвой, на которой вырастали подобные подозрения, была средневековая мисогиния.

Разумеется, православная Русь XVI в. во многом отличалась от католической Франции XIII в., и тем не менее отмеченные выше

¹⁸⁶ См.: *Offergeld Th. Reges pueri: Das Königtum Minderjähriger im frühen Mittelalter*. Hannover, 2001, особенно s. 286, 383, 781 ff.

¹⁸⁷ *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001. С. 68.

¹⁸⁸ Там же. С. 70—71.

¹⁸⁹ Ж. Ле Гофф, например, считает слухи о распутном поведении Бланки Кастильской клеветой (Там же. С. 84—85).

черты сходства между политическими ситуациями, разделенными во времени тремя столетиями, на мой взгляд, выходят за рамки простого подобия. Скорее здесь уместно говорить о стадийном, типологическом сходстве. И Французское королевство при Людовике IX, и Русское государство при Иване IV представляли собой средневековые династические монархии. В таких монархиях переход престола к малолетнему наследнику, при отсутствии прочной правовой основы для регентства и при наличии взрослых «принцев крови» — братьев покойного государя, был чреват серьезными политическими потрясениями. По сути, и у вдовствующей королевы Бланки Кастильской, и у вдовствующей великой княгини Елены были сходные причины для беспокойства. Конфликты последней с удельными князьями Юрием и Андреем, равно как и баронские заговоры первых лет царствования Людовика IX¹⁹⁰, служат наглядным подтверждением внутреннего родства политических кризисов в обеих странах.

¹⁹⁰ Об интригах баронов во главе с графом Булонским Филиппом Строптивым в 1226—1228 гг. см.: *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. С. 80—85; о последующих военных действиях против мятежного графа Бретонского и преодолении кризиса в 1230—1231 гг. см.: Там же. С. 86, 89.

Глава 4

ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА В 1537 Г.: МЯТЕЖ АНДРЕЯ СТАРИЦКОГО

В начале 1537 г. могло показаться, что для правительницы и ее окружения все тревоги остались позади. 3 августа 1536 г. в заточении умер самый опасный соперник — князь Юрий Дмитровский: как сочувственно замечает Летописец начала царства, «преставися князь Юрьи Иванович страдальческою смертью, гладною нужею»¹. В том же году завершились и военные действия с Литвой. 12 января 1537 г. в Москву прибыли «великие послы» Сигизмунда I для переговоров о мире². Можно сказать, что война закончилась «ничейным» исходом: по условиям заключенного 18 февраля перемирия, Гомель отходил Литве, а построенные на приграничной литовской территории русские крепости Себеж и Заволочье остались за Россией³.

Впрочем, едва на западной границе установилось затишье, как обострилась обстановка на восточных рубежах Русского государства: с воцарением в Казани враждебного Москве хана Сафа-Гирея (осень 1535 г.) нападения казанцев на нижегородские и костромские земли стали постоянным явлением, а в середине января 1537 г. Сафа-Гирей неожиданно подошел с войском к Мурому, сжег городской посад и пытался штурмовать крепость, и лишь приближение русских воевод, шедших из Владимира и Мещеры на выручку муромскому гарнизону, вынудило хана отступить⁴.

Правительство Елены Глинской использовало начало войны с Казанью как предлог для того, чтобы в ультимативной форме по-

¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 27. Это событие не прошло мимо внимания современников: все летописцы упомянули о смерти князя Юрия и, как правило, указали ее точную дату, см.: ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 292; Т. 30. М., 1965. С. 204; *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. // ИА. М.; Л., 1950. Т. V. С. 14, 31; *Шmidt С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 287.

² Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 65.

³ Подробнее о ходе войны и ее итогах см.: *Кром М. М.* Стародубская война (1534—1537). Из истории русско-литовских отношений. М., 2008.

⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 28.

требовать приезда в Москву князя Андрея Старицкого, спровоцировав тем самым открытый конфликт с удельным князем, который летописцы XVI в. называли «великой замятней»⁵, а последующие истории — старицким мятежом.

Исследователи не раз обращались к изучению драматических событий 1537 г. К настоящему времени выявлен основной комплекс источников, сделано немало ценных наблюдений. Самый подробный рассказ о конфликте старицкого князя с великокняжеским правительством содержится в официальной Воскресенской летописи, но рассказ этот крайне тенденциозен: его составитель стремится отвести от юного Ивана IV и правившей за него матери подозрения в намерении «поимать» князя Андрея Ивановича, а всю вину за случившееся возложить на неких «лихих людей», сеявших недоеврие между обими сторонами⁶. Однако еще Н. М. Карамзину и С. М. Соловьеву был известен неофициальный рассказ о событиях 1537 г., написанный кем-то из сторонников старицкого князя; он дошел до нас в составе рукописного сборника ГИМ (Синодальное собрание, № 645) и был в 1941 г. опубликован М. Н. Тихомировым под заголовком «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого»⁷. Первый публикатор Повести предположил, что она была написана неким лицом, близким к князьям Оболенским⁸. Выдвинутая М. Н. Тихомировым гипотеза была развита К. Н. Сербиной, по мнению которой этот памятник был создан в 40-е гг. XVI в. в Троице-Сергиевом монастыре, и, возможно, его автором был инок Авраамий Оболенский, сын князя Юрия Оболенского, служившего ранее старицкому князю⁹. Исследовательница переиздала повесть в виде приложения к тексту летописного свода 1518 г.¹⁰

⁵ «Великой замятней» именуются события 1537 г. в Воскресенской летописи и Летописце начала царства: ПСРЛ. Т. 8. С. 292; Т. 29. С. 29.

⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 292—295. Сокращенная официальная версия той же направленности содержится в Летописце начала царства (ПСРЛ. Т. 29. С. 29—30) и его последующих переработках.

⁷ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // ИЗ. М., 1941. Т. 10. С. 84—87; переизд. в кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 220—224.

⁸ Там же. С. 221.

⁹ Сербина К. Н. О происхождении сборника № 645 Синодального собрания Государственного исторического музея // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 237—241, особенно с. 239—241.

¹⁰ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. Прил. С. 356—357. Далее «Повесть о поимании князя Андрея Старицкого» цитируется по этому изданию. О литератур-

В отличие от летописных рассказов, сохранившиеся документальные материалы, относящиеся к противостоянию московского и старицкого дворов, до сих пор не подвергались специальному источниковедческому анализу; некоторые из них остаются неопубликованными. Не привлекли пока внимания исследователей и зарубежные отклики на выступление старицкого князя, отложившиеся в иностранных архивах, в частности немецких.

Нуждаются в пересмотре и общие оценки событий 1537 г. Н. М. Карамзин свел дело к личному противостоянию правительницы и удельного князя, назвав Андрея Старицкого мятежником, заслуживавшим наказания, а великую княгиню Елену упрекнув в жестокости и вероломстве¹¹. С. М. Соловьев ограничился изложением событий в соответствии с официальной летописной версией, известной ему по Царственной книге, с добавлением отдельных подробностей по другим источникам; от каких-либо собственных комментариев знаменитый историк воздержался¹². В советской историографии 50-х гг. XX в. изображение личного конфликта Андрея Старицкого с опекунами юного Ивана IV уступило место концепции противоборства общественных сил — сторонников централизации во главе с правительством регентства, с одной стороны, и удельно-княжеской оппозиции — с другой. Так, по словам И. И. Смирнова, «мятеж, поднятый Андреем Старицким, представлял собой попытку мобилизации всех реакционных сил для борьбы против централизованного государства в лице Ивана IV и московского правительства»¹³. «Последним крупным оплотом удельно-княжеской реакции» назвал Старицкое княжество А. А. Зимин и с одобрением писал об «энергичных мерах» правительства Елены Глинской, предотвративших «серьезную угрозу, нависшую над страной»¹⁴.

Подобная трактовка событий 1537 г. вызвала обоснованные возражения некоторых зарубежных русистов. Так, Хартмут Рюс указал на то, что утверждение И. И. Смирнова, будто Андрей

ных особенностях памятника см.: *Белоброва О. А.* Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Л., 1989. Ч. 2. С. 261—263.

¹¹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Изд. 5-е (И. Эйнерлинг): В 3 кн. Кн. II (Т. V—VIII). СПб., 1842. Т. VIII. Стб. 12.

¹² *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. III: История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 5/6. С. 388—392.

¹³ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. С. 73.

¹⁴ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 243, 246.

Старицкий с самого начала готовился к вооруженной борьбе с правительством, не находит опоры в источниках. По мнению немецкого историка, удельный князь замыслил побег, а не мятеж, и лишь увидев, что путь в Литву перекрыт, решился на открытое выступление¹⁵. Заслуживает также внимания замечание Рюса о том, что события 1537 г. не имели ничего общего с борьбой «старого» и «нового», сил «реакции» и «прогресса». Подобно тому как в действиях Андрея невозможно усмотреть намерений восстановить удельную старину, так и в поведении московского правительства нет оснований видеть сознательную политику, направленную на ликвидацию удельных княжеств¹⁶.

Другой немецкий историк, Петер Ниче, также подчеркивал неподготовленность выступления Андрея Старицкого, который, по мнению ученого, действовал спонтанно, по ситуации¹⁷. Как и Х. Рюс, Ниче считал необоснованной концепцию И. И. Смирнова, в которой Андрей предстает убежденным поборником удельно-княжеской реакции: по словам Ниче, князь не столько стремился к реставрации удельных порядков в государстве, сколько пытался избежать судьбы своего брата Юрия¹⁸.

В последние десятилетия XX в. изменились оценки старицкого мятежа и в отечественной историографии. Если под пером И. И. Смирнова и А. А. Зимина князь Андрей предстал активной, наступательной силой, то в работах современных исследователей он выглядит скорее пассивной жертвой правительницы и ее фаворита Ивана Овчины Оболенского¹⁹. В настоящее время никто из исследователей не интерпретирует события 1537 г. в терминах борьбы сторонников и противников централизации. По словам А. Л. Юрганова, мятеж князя Старицкого «явился борьбой претендентов за власть в уже едином государстве. В этой схватке за престол решал-

¹⁵ Rüß H. Machtkampf oder «feudale Reaktion»? Zu den innenpolitischen Auseinandersetzungen in Moskau nach dem Tode Vasiljls III // JGO. N.F. 1970. Bd. 18. Hf. 4. S. 501.

¹⁶ Ibid. S. 502.

¹⁷ Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. S. 250, 251.

¹⁸ Ibid. S. 251.

¹⁹ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 100—110, особенно с. 104—107, 109—110; Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1983. С. 13; Его же. Царство террора. СПб., 1992. С. 87; Панеев В. М. Русь в XV—XVII вв. С. 55; Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. (Очерки истории). СПб., 2006. С. 187 (автор раздела — Л. И. Ивина); Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. 2-е изд. СПб., 2006. С. 32, 36.

ся вопрос о личности государя, а не о судьбе России»²⁰. По мнению ученого, успех централизации был уже предопределен при любом исходе борьбы князя Андрея с московскими правителями: и при его (гипотетической!) победе, и при (реально имевшем место) поражении Старицкий удел входил в состав Русского государства²¹.

С последним утверждением можно и поспорить: отождествление централизации с ликвидацией уделов кажется данью уже уходящей в прошлое историографической традиции. Более того, как будет показано ниже, в 1540-х гг. Старицкий удел был восстановлен и передан сыну князя Андрея — Владимиру. Более убедительными представляются те трактовки интересующих нас событий, которые связывают конфронтацию московского и старицкого дворов с династическим кризисом²². Но прежде чем делать какие-либо выводы, нужно восстановить фактическую канву событий, а в ней по-прежнему, несмотря на все усилия исследователей, имеются серьезные лакуны.

1. ХРОНОЛОГИЯ КОНФЛИКТА

К сожалению, ни одна летопись, за исключением Воскресенской, не касается взаимоотношений Андрея Старицкого с правительством Елены Глинской до роковой развязки, наступившей весной 1537 г. Рассказ же Воскресенской летописи крайне тенденциозен, полон умолчаний и к тому же содержит очень мало хронологических ориентиров, которые могут помочь в датировке упоминаемых летописцем событий. Тем не менее, корректируя, насколько это возможно, известия Воскресенской летописи показаниями других источников, удастся выделить несколько поворотных моментов в развитии изучаемого нами конфликта.

Официальная летопись относит начало противостояния к январю 1534 г., когда, по словам летописца, «не съезжая с Москвы в свою отчину, после сорочин [т.е. спустя сорок дней после кончины Василия III. — М. К.], бил челом князь Андрей великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгине

²⁰ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 110. Ранее к тому же выводу пришел Х. Рюс, ср.: *Ruß H. Machtkampf*. S. 502.

²¹ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 110.

²² Панеях В. М. Русь в XV—XVII вв. С. 55; Pavlov A., Perrie M. Ivan the Terrible. Harlow, 2003. P. 28; Правящая элита. С. 187 (текст Л. И. Ивиной).

Елене, а приписывал к своей отчине городов...». Однако вместо «городов» удельному князю были даны щедрые подарки: государь и его мать великая княгиня «почтили его [Андрея. — М. К.], как прежде того по преставлении великих князей братьё давали, а ему дали и свыше, давали ему шубы, и купки, и кони-иноходцы в седлах». Но князя эти дары не удовлетворили, и он в гневе уехал к себе в Старицу — так освещает этот эпизод официальный летописец²³.

Если верить Воскресенской летописи, то получается, будто конфронтация между Андреем Ивановичем и опекунами юного Ивана IV, начавшись в январе 1534 г. с обиды удельного князя на то, «что ему вотчины не придали», не прекращалась до самого его бегства из Старицы 2 мая 1537 г. Но на самом деле в истории взаимоотношений старицкого и московского дворов был весьма продолжительный период примирения. Как было показано во второй главе этой книги, в конце мая 1534 г. Андрей Старицкий появился в Боровске на великокняжеской службе и оставался там в течение нескольких месяцев²⁴. Кроме того, в нашем распоряжении есть относящееся к началу декабря 1534 г. свидетельство слободчика Сидора Кузмина с Опочки о том, что «князь Андрей, дядко теперешнего великого князя московского, поеднался с невесткою своею, великою княгинею, а бывает на Москве безпечне з малыми людьми...»²⁵. Тот же Кузмин сообщал далее об ожидавшемся прибытии князя Старицкого в Смоленск для участия в военных действиях против Литвы: князь Андрей «мает быти конечно к Смоленску на сих часах, к Рожеству Хрыстову, и сам мает он стати на Смоленску, а люди с Смоленска мает послати просто [прямо. — М. К.] под Полотеск»²⁶.

Пребывание Андрея Старицкого в Смоленске во время похода русских войск в Литву зимой 1534/35 г. в источниках не зафиксировано, но в Постниковском летописце под 7043 г., после датированного 18 августа известия о нападении крымских татар на Рязань, сказано: «Воеводы были тогда великого князя в Литовской земли

²³ ПСРЛ. Т. 8. С. 292.

²⁴ Постниковский летописец отметил приход Андрея Старицкого в Боровск «на Троицын день», т.е. 25 мая 1534 г. (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 24). В разрядной книге зафиксировано его пребывание там же в июле указанного года (РК 1598. М., 1966. С. 84).

²⁵ Литва и Русь в 1534—1536 гг. / Вступ. статья, публ. и коммент. И. Грали и Ю. М. Эскина // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. № 4. С. 72.

²⁶ Там же.

со всеми людьми, а князь Андрей Иванович стоял в Боровску же»²⁷. Под находившимися в Литве воеводами, очевидно, имеются в виду кн. В. В. Шуйский «с товарищи», упоминаемые выше в той же летописи²⁸; этот поход продолжался два месяца, с 20 июня до конца августа 1535 г.²⁹ Следовательно, сообщение Постниковского летописца о пребывании Андрея Старицкого в Боровске относится к лету 1535 г. Получается, таким образом, что по крайней мере с мая 1534 до августа 1535 г. удельный князь регулярно появлялся на великокняжеской службе, и его отношения с московским двором внешне ничто не омрачало. Поэтому утверждение И. И. Смирнова о том, что «Андрей Старицкий демонстративно отказывался от участия в осуществлении тех задач в области внешней политики, которые выдвигались правительством Елены Глинской»³⁰, на поверку оказывается не соответствующим действительности.

Можно предположить, что состоявшееся не позднее мая 1534 г. примирение удельного князя с опекунами Ивана IV было как-то документально оформлено. На такое предположение наводит недатированная крестоцеловальная запись Андрея Старицкого на имя великого князя Ивана Васильевича «всеа Руси», текст которой дошел до нашего времени. В начале этого документа упоминается ранее заключенный договор: «...что есми тебе [Ивану IV. — М. К.] наперед сего крест целовал на докончальной грамоте...»³¹ И. И. Смирнов полагал, что речь здесь идет о докончальной грамоте, утвержденной в декабре 1533 г., т.е. в момент вступления Ивана IV на престол. Та же грамота, по мнению ученого, упоминается и в описи архива Посольского приказа 1614 г.³² Однако в цитируемом Смирновым источнике речь определенно идет о крестоцеловальной записи, а не о договоре («докончании»); вот как описывается там этот документ: «Список з *записи целовальные* князя Ондрея Ивановича Старицкого уделного, что дал на собя великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и матери его великой княгине Елене, писана лета 7042-го году, по чему крест целовал»³³ (выделено мной. — М. К.).

²⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 25.

²⁸ Там же.

²⁹ См. подробнее: Кром М. М. Стародубская война. С. 62—65.

³⁰ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 53.

³¹ СГГД. М., 1813. Ч. I. № 163. С. 451.

³² Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 54.

³³ ОЦААПП. С. 61.

Составитель архивной описи начала XVII в., судя по тексту памятника, четко различал разные виды упоминаемых им документов³⁴, и поэтому крайне маловероятно, что он мог спутать «докончальную грамоту», т.е. договор между двумя сторонами, каждая из которых принимала на себя ряд обязательств, с крестоцеловальной записью, содержащей односторонние обязательства верности государю. И то, что нам известно из летописей об обстоятельствах восшествия на престол Ивана IV, позволяет сделать вывод о том, что в декабре 1533 г. братья покойного Василия III были спешно приведены к крестоцелованию на имя наследника и его матери³⁵ (о чем, надо полагать, были составлены соответствующие записи), а договоры с ними тогда не заключались.

В описи архива Посольского приказа 1614 г. упомянута еще одна крестоцеловальная запись князя Андрея: «Запись князя Ондreja Ивановича Старитцкого, на чом целовал крест великому князю Ивану Васильевичю, а в котором году, тово не написано»³⁶. Приведенное описание довольно точно соответствует тексту дошедшего до нас документа: сохранившаяся грамота действительно не имеет даты и начинается словами: «Се яз, князь Андрей Ивановичь, дал есми на собя сию запись и крест есми на ней целовал тебе, господину своему старейшему великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси...»³⁷

Всего, таким образом, нам известно о существовании трех документов, призванных урегулировать непростые отношения старицкого князя с великокняжеским правительством в период между декабрем 1533 г. и весной 1537 г.: это, во-первых, крестоцеловальная запись князя Андрея, относящаяся, по-видимому, к моменту восшествия Ивана IV на престол (ее с датой 7042 г. упоми-

³⁴ Номенклатура упоминаемых в описи 1614 г. документов включает в себя «докончальные» и «утвержденные» грамоты (т.е. междукняжеские и международные договоры), «целовальные» грамоты и записи на верность тому или иному государю, духовные грамоты (завешания), судные и сыскные списки, наказные памяти (инструкции) и т.д. (Там же. С. 47—137).

³⁵ См., например, в Пестниковском летописце: «Тогда же Данил митрополит взял братию великого князя, князя Юрья и князя Андрея Ивановичев, в переднюю избу и приведе их к крестному целованью на том, что им служити великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси и его матери великой княгине Елене, а жити им на своих уделех, а стояти им в правде, на чем целовали крест великому князю Василью Ивановичю всеа Руси...» (ПСРЛ. Т. 34. С. 24).

³⁶ ОЦААПП. С. 49.

³⁷ СГГД. Ч. I. № 163. С. 451.

нает опись Посольского архива); во-вторых, некая докончальная грамота, известная нам только по названию; и, наконец, в-третьих, еще одна недатированная крестоцеловальная запись, дошедшая до нашего времени. Попытаемся определить, хотя бы приблизительно, когда могли появиться последние два из перечисленных документов.

Как мы уже знаем, начальная стадия конфликта, вспыхнувшего в январе 1534 г., оказалась короткой: уже к маю того же года отношения удельного князя с центральным правительством были урегулированы. Андрей Старицкий чувствовал себя настолько уверенно, что, по приведенным выше словам современника, «безпечне», т.е. без опаски, и с «малыми людьми», почти без охраны, бывал в Москве. Это спокойствие и уверенность можно понять, если предположить, что в 1534 г. между великокняжеским правительством и старицким князем был заключен договор («докончание»), носивший двухсторонний характер и скрепленный крестоцелованием. Что же касается дошедшей до нас «записи» князя Андрея, то она явно была составлена позднее и уже в другой обстановке.

Начнем с того, что в сохранившемся документе прямо сказано, что докончальная грамота была утверждена ранее («наперед сего»). Об обстоятельствах появления крестоцеловальной записи можно судить по ее содержанию. Запись состоит из длинного перечня односторонних обязательств, принимаемых на себя князем Андреем: он обещал «добра хотеть» великому князю, его матери и их детям (!), а также сообщать им все, что услышит от кого-либо (в том числе «от брата ли своего») об их «добре или о лихе»; в случае, если бы кто стал «сорити» удельного князя с государем и его матерью, об этом следовало сказать великому князю и великой княгине «в правду, безо всякие хитрости»³⁸. Особые пункты «записи» предусматривали выдачу тех, кто захочет от великого князя к Андрею «отъехать», будь то боярин, дьяк или сын боярский, а также обязательство: «Государств мне ваших под тобою, великим князем, и под вашими детми (!) никак не подыскивати»³⁹.

Всем этим обязательствам, принятым на себя старицким князем, соответствовало одно-единственное обещание великокняжеского правительства, сделанное к тому же в самой общей форме: «А мне, великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, и моей мате-

³⁸ СГГД. Ч. I. С. 451.

³⁹ Там же. С. 452.

ри великой княгине Елене жаловати тебя и беречи по государя своего наказу великого князя Василья Ивановича всеа Руси»⁴⁰. Вероятно, этот пункт был заимствован из текста докончальной грамоты.

К крестоцеловальной записи Андрей Иванович сделал собственноручную приписку: «А не учну яз, князь Андрей, тебе, своему господину великому князю Ивану, и твоей матери и вашим детям правити по сей записи, и збудеться надо мною по тому, как отец наш князь велики Иван писал в своей духовной грамоте. А подписал яз сам своею рукою»⁴¹. Это своего рода «заклятье», добавленное удельным князем, надо полагать, по требованию великой княгини, содержало ссылку на строки из завешания отца Андрея, Ивана III, где государь грозил лишить своего благословения того из сыновей, кто не станет слушать Василия, их старшего брата, или «учнет» под ним великих княжеств «подыскивати»⁴².

Крестоцеловальная запись дошла до нас не в подлиннике, а в списке, и из этого обстоятельства И. И. Смирнов сделал весьма ответственный вывод. Поскольку дошедший до нас текст, по словам ученого, «не имеет ни рукоприкладств, ни печатей, ни даты», то «Андрей Старицкий, очевидно, отказался взять на себя дополнительные обязательства, сформулированные в записи»⁴³. Однако приводимые Смирновым аргументы трудно признать убедительными.

Прежде всего, что касается «рукоприкладств», то приписка к документу, если верить его заключительной фразе, сделана самим князем Андреем собственноручно. Вполне вероятно, что основные пункты крестоцеловальной записи были составлены московскими дьяками по образцу прежних договоров великих князей с удельными братьями, но приписка — серьезный аргумент в пользу вывода о том, что Андрей Старицкий принял предъявленные ему требования и скрепил принятые на себя обязательства крестоцелованием. Другим аргументом можно считать упоминание, по-видимому, именно этой «записи» в описи архива Посольского приказа 1614 г.,

⁴⁰ СГГД. Ч. I. С. 452.

⁴¹ Там же.

⁴² ДДГ. № 89. С. 363.

⁴³ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 55. Версию Смирнова о том, что сохранившийся текст крестоцеловальной записи Андрея Старицкого представляет собой неутвержденный проект, принял без критической проверки П. Ниче (*Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. S. 242*).

о чем уже шла речь выше. Что же касается указания Смирнова на отсутствие в изучаемом тексте даты и печатей, то это наблюдение характеризует лишь дошедший до нас список и не позволяет делать каких-либо выводов об исчезнувшем оригинале, с которого он был скопирован. Сохранившийся список духовной грамоты Ивана III — документа, который, как мы видели, обладал столь большим авторитетом в глазах князя Андрея Ивановича, — также не имеет даты (не говоря уже, естественно, о печатях!)⁴⁴, но это не дает оснований ставить под сомнение реальность последних распоряжений великого князя.

Возвращаясь к вопросу о возможном времени составления сохранившейся крестоцеловальной записи Андрея Старицкого, можно отметить, что верхняя хронологическая грань, т.е. дата, позже которой данный документ не мог появиться, определяется сравнительно легко. Еще И. И. Смирнов справедливо обратил внимание на то, что в тексте «записи» о брате Андрея, князе Юрии Дмитровском, говорится как о живом; Юрий умер 3 августа 1536 г., следовательно, запись составлена ранее этого времени⁴⁵. Труднее определить нижнюю хронологическую грань интересующего нас документа. Здесь нужно учесть односторонний характер обязательств, принятых на себя князем Андреем. Весной 1534 г. обстановка, как было показано выше, была иной: правительство после недавнего ареста Юрия Дмитровского, всколыхнувшего придворные круги, искало соглашения со старицким князем, задабривало его подарками, а тот выдвигал свои требования. В таких условиях наиболее вероятно появление именно договора, «докончания», упоминаемого как раз в крестоцеловальной записи. Сама же запись, очевидно, стала результатом нового обострения вражды и недоверия между удельным и великокняжеским дворами. Когда это могло произойти?

Как мы помним, начиная с мая 1534 по лето 1535 г. включительно старицкий князь регулярно появлялся на великокняжеской службе и, видимо, пользовался доверием московских властей. Новое обострение отношений между ними произошло, вероятно, в период между осенью 1535 г. и августом 1536 г.: именно к этому отрезку времени, на мой взгляд, и следует отнести составление дошедшей до нас крестоцеловальной записи Андрея Старицкого.

⁴⁴ ДДГ. № 89. С. 353—364.

⁴⁵ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 54, прим. 8.

Об обстановке, в которой произошло это обострение отношений между старицким князем и правительством Елены Глинской, мы можем судить только по рассказу Воскресенской летописи — источника, как уже говорилось, весьма ненадежного. По словам летописи, после того как князь Андрей уехал в Старицу, разгневавшись на великого князя и великую княгиню за то, «что ему вотчины не придали», некие «лихие люди» стали наговаривать на него государю, а самому удельному князю сказали, в свою очередь, «что хочет его князь великий поимати». «И князь великий и его мати великаа княгини Елена, — продолжает летописец, — послали к князю Андрею боарина своего князя Ивана Васильевича Шуйского да диака своего Меншего Путятина в то его увещати, что то слова не правые, а у великого князя Ивана и у его матери у великие княгини Елены лиха в мысле нет никоторого»⁴⁶. Вслед за тем «по приказу» государя и его матери удельный князь прибыл в Москву и там, при посредничестве митрополита Даниила, «бил челом» великому князю и великой княгине о том, что до него дошел слух, будто государь и его мать «хотели на него опалу свою положить». В ответ Андрей получил уверения, что у великого князя и его матери против него «на сердце лиха нет никоторого»; его убеждали «в своей правде» (т.е. на своем крестном целовании) стоять крепко и «ликих людей» не слушать.

Тема «ликих людей», ссорящих между собой старицкого князя и опекунов Ивана IV, заняла, судя по летописному рассказу, особое место на переговорах в Москве. От князя Андрея потребовали: «объави нам тех людей, которые межь нами сорят, чтобы вперед межь нами лиха никоторого не было»⁴⁷. Но князь никого не назвал («имянно не сказал ни на кого»), «а сказал, что на него пришло мнение». В конце встречи «князь великий Иван и его мати великаа княгини Елена князю Андрею крепкое свое слово дали, что у великого князя и у великие княгини, у матери его, на князя на Ондрея лиха на сердце нет никоторого, и отпустили его в его отчину с великим потешением»⁴⁸.

Процитированный рассказ Воскресенской летописи не содержит никаких датирующих признаков, позволяющих определить, когда приезжали в Старицу боярин кн. И. В. Шуйский с дьяком Меньшим Путятиным и когда состоялся визит в Москву князя

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 292.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 292.

Андрея. Может сложиться впечатление, что эти события произошли в 1534 г., сразу после того, как старицкий князь «припрашивал к своей отчине городов» и получил отказ. Но с равным основанием их можно отнести и к более позднему времени. В летописи эпизоды, разделенные несколькими месяцами и даже годами, «спрессованы» в одно непрерывное действие.

Обращает на себя внимание совпадение основной темы московских переговоров (в летописном изложении) с центральными пунктами крестоцеловальной записи князя Андрея, проанализированной нами выше. В Москве, по словам летописи, от него потребовали «объявить» тех людей, которые «ссорят» его с великокняжеским правительством, а в крестоцеловальную запись было внесено обязательство князя Старицкого «сказати... великому князю Ивану» и его матери без утайки, «в правду, безо всякие хитрости» о тех, кто станет их ссорить. Подобное же разбирательство предусматривалось и в случае, если кто «что скажет» на удельного князя великому князю Ивану и его матери⁴⁹.

Напрашивается предположение о том, что упомянутая крестоцеловальная запись была взята с удельного князя во время его пребывания в Москве, о котором рассказывает Воскресенская летопись. Выше были приведены аргументы в пользу датировки «записи» концом 1535 — первой половиной 1536 г., и если эти соображения верны, то приезд в Москву Андрея Ивановича и предшествовавший ему визит в Старицу боярина И. В. Шуйского и дьяка Меньшого Путятина следует отнести к тому же периоду времени.

Есть еще одно упоминание об этой миссии, направленной правительницей к удельному князю. В сохранившемся наброске ответных «речей» великой княгини Елены посланцу Андрея Старицкого кн. Ф. Д. Пронскому, в частности, говорится: «А наперед того князь Андрей писал к нам в своей грамоте, что про него слух и молва в людех велика, а не по его делом; и мы к нему часа того послали боарина своего князя Ивана Васильевича Шуйского да диака своего Меньшого Путятина, а приказали есмя к нему, чтоб безлепичных речей не слушал и нас бы и себя тем не кручинил, а памятовал бы к собе государя нашего великого князя Василья Ивановича всеа Русии жалованье и приказ, как ему о нас приказывал, да и наше слово, как мы ему говорили, и как он государю нашему

⁴⁹ СГГД. Ч. I. № 163. С. 451.

и нам обещал, и он бы по тому к нам любовь свою держал; а мы по государя своего приказу и с своим сыном с Ываном к нему любовь свою держим»⁵⁰. Если верить великой княгине, миссия боярина И. В. Шуйского и дьяка Меньшого Путятина увенчалась успехом: отпустив великокняжеских посланцев, князь Андрей передал с ними правительнице, что после их приезда «с него тот страх сшел, а о всем полагаетца на нас [великую княгиню и ее сына. — М. К.] и любовь свою хочет к нам держати...»⁵¹.

Прочитированный документ может служить косвенным подтверждением гипотезы о ранее заключенном «докончании» между удельным князем и правительницей: с одной стороны, в тексте упоминается «наше», т.е. великой княгини, «слово», а с другой — «обещание», данное князем Андреем. К сожалению, хронологию интересующих нас событий приведенный отрывок никак не проясняет, поскольку «ответ» великой княгини Елены не имеет даты и, как будет показано ниже, с равным основанием может быть отнесен как к 1536 г., так и к весне 1537 г.

Как бы то ни было, миссия кн. И. В. Шуйского и дьяка Путятина имела только кратковременный эффект; недоверие между московским и старицким дворами продолжало расти, и к началу 1537 г. конфликт вступил в решающую фазу.

Последний акт старицкой драмы начался с отказа князя Андрея под предлогом болезни приехать по великокняжескому приказу в Москву. События, о которых далее пойдет речь, могут быть датированы довольно точно благодаря информации, содержащейся в сохранившемся списке «речей» удельного князя, присланных с кн. Ф. Д. Пронским в апреле 1537 г. в Москву, и в «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого», написанной кем-то из его сторонников.

Князь Андрей заболел осенью 1536 г.: в речи, которую весной следующего года должен был от его имени произнести перед великим князем кн. Ф. Д. Пронский, говорилось: «...нас, государь, по грехом *от осени* постигла немочь великая...»⁵² (выделено мной. — М. К.). Между тем в связи с войной против Казани старицкого князя вызвали в Москву.

Вот как рассказывает об этом Воскресенская летопись: «...великому князю в то время Казань не мирна. И князь великий и его

⁵⁰ СГГД. М., 1819. Ч. II. № 31. С. 39.

⁵¹ Там же.

⁵² СГГД. Ч. II. № 30. С. 37.

мати великаа княгини послаша по князя Андреа казанского для дела, и князь Андрей к великому князю не поехал, а сказался болен, а велел к себе и мастера [врача. — М. К.] прислати. И князь великий послал к нему мастера Феофила, и Феофил, приехав, сказал великому князю, что болезнь его лехка: сказывает, на стегне болячка, а лежит на постеле»⁵³.

Комментируя это известие, И. И. Смирнов пишет о «дипломатическом характере болезни Андрея Старицкого»⁵⁴, однако некоторые детали летописного рассказа позволяют предположить, что по крайней мере поначалу князь всерьез был обеспокоен состоянием своего здоровья. Характерно, что он сам попросил прислать к нему доктора из Москвы, а описание недуга отчасти объясняет причину первоначальной тревоги князя Андрея: его беспокоила болячка на «стегне», т.е. бедре, а ведь он наверняка помнил о том, что с подобной «болячки» началась болезнь, унесшая в могилу его старшего брата — великого князя Василия Ивановича. Но после того как врач развеял эти опасения, мнительный князь оставался в постели уже по другой причине: он боялся ехать в Москву, не желая повторить судьбу брата Юрия, который совсем недавно, 3 августа 1536 г., умер в заточении в одной из кремлевских палат.

Между тем отказ князя Старицкого явиться в Москву показался правительнице подозрительным: по словам Воскресенской летописи, «князь же великий и его мати великаа княгини о том в великом сумнении, что к ним князь Андрей великого для дела Казанского не приехал», отправили к нему своих посланников «о здоровье спрашивать и о иных делех, а про князя Андреа тайно отведывать: есть ли про него какой слух, и зачем к Москве не поехал?». Вернувшись в Москву, посланцы доложили государю (а на самом деле, как мы понимаем, его матери), что у старицкого князя «люди... прибылые есть, которые не всегда у него живут, а говорити не смеют; а которые им приатны, и те им сказывают тайно, что князь лежит за тем, что к Москве ехати не смеет»⁵⁵.

Имена великокняжеских посланцев выясняются из наказных «речей», которые от имени своего господина повез в апреле 1537 г. в Москву старицкий боярин кн. Ф. Д. Пронский. Первым князь Андрей называет кн. Василия Федоровича Оболенского, который привез ему государев приказ — ехать в Москву. Следом явился кн.

⁵³ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁵⁴ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 56.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

Василий Семенович Серебряный с тем же повелением; он повез назад грамоту удельного князя, в которой тот объяснял болезнью невозможность своей поездки в столицу. В свою очередь, Андрей Иванович также отправил в Москву своего посланца, кн. Юрия Андреевича Оболенского, с «челобитьем», в котором просил государя не гневаться на него, ссылаясь на все ту же болезнь. Но, видимо, терпение правительницы подошло к концу: следующий голец, кн. Борис Дмитриевич Щепин-Оболенский, привез приказ, выраженный в самой категоричной форме: «...велел еси, государь, — вспоминал потом князь Андрей, — нам к себе ехати с великим запрещеньем, однолично, как ни иметца»⁵⁶.

Как выясняется из «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого», кн. Борис Щепин имел еще одно поручение: он передал удельному князю распоряжение великокняжеского правительства — «от себя послать на Коломну воеводу своего князя Юрья Ондреевичь Оболенского Большого, а с ним детей боярских многих. А князю Борису повеле [великий князь. — М. К.] то видети, чтобы пред ним князь Ондрей Ивановичь посла на Коломну воеводу своего и колко с ним пошлет детей боярских»⁵⁷. Смысл этого повеления был совершенно ясен автору Повести, явно сочувствовавшему удельному князю: великий князь со своей матерью «нача помышляти, как бы им князя Ондрея Ивановичя зымать», как ранее его брата Юрия, «и как бы от князя Ондрея люди его от нево отвести»⁵⁸. Тем не менее старицкий князь выполнил этот приказ: «Князь Ондрей Ивановичь по веленью великого князя послаша на Коломну воеводу своего князя Юрья Оболенского Болшого, а с ним дворян своих многих и детей боярских городовых старичен, и олексинцов, и верейч, и вышегородцов»⁵⁹.

Следом в Повести помещены два датированных известия: «того же месяца 12» — о посылке в Москву старицким князем своего боярина кн. Ф. Д. Пронского с челобитьем о причиненных ему «великих обидах»; и 2 мая — об уходе князя Андрея из Старицы⁶⁰. Сопоставляя между собой эти известия, И. И. Смирнов пришел к

⁵⁶ СГГД. Ч. II. № 30. С. 37.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 356. В разбивке текста на фразы я следую здесь публикации М. Н. Тихомирова: *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 222.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 356.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

обоснованному выводу о том, что 12-е число в сообщении о миссии Ф. Д. Пронского в Москву может означать только 12 апреля, а состоявшаяся ранее отправка старицких войск в Коломну имела место «того же месяца», т.е. в начале апреля⁶¹.

Отталкиваясь от этих датированных известий «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого», можно попытаться восстановить хронологию обмена «посольствами» между великокняжеским и удельным дворами в начале 1537 г. Всего, как мы помним, старицкий князь в своих «речах», адресованных правительнице, назвал трех великокняжеских посланцев, посетивших удельную столицу: князей В. Ф. Оболенского, В. С. Серебряного и Б. Д. Щепина-Оболенского. Из рассказа Воскресенской летописи мы знаем, что гонцы выполняли в Старице еще и разведывательные функции, собирая информацию о персональном составе удельного двора и намерениях князя Андрея. Следовательно, их пребывание там не ограничивалось одним днем. Обдумывание ответов удельного князя и составление инструкций очередному «посольству» в Старицу также требовало какого-то времени. Можно предположить поэтому, что интервал между миссиями, посылавшимися великокняжеским правительством к князю Андрею, составлял не менее двух недель.

Кн. Б. Д. Щепин-Оболенский прибыл в Старицу, вероятно, в конце марта или в самом начале апреля 1537 г. По нашему (весьма приблизительному, разумеется) расчету, кн. В. С. Серебряный мог появиться в столице удельного княжества в середине марта, а кн. В. Ф. Оболенский — в конце февраля.

Здесь уместно напомнить, что 18 февраля в Кремле было заключено перемирие с Великим княжеством Литовским, а 20 числа того же месяца литовские послы покинули русскую столицу⁶². Не в обычаях московской дипломатии было «выносить сор из избы»: пока посольство находилось в Москве, правительство едва ли могло пойти на открытый конфликт со старицким князем, ведь в этом случае слухи о внутренних раздорах в России могли бы негативно повлиять на ход переговоров. Поэтому, хотя мнимая болезнь князя Андрея началась еще осенью, но на решительные шаги по отношению к нему московские власти решились только после завершения переговоров с Литвой. Таким образом, сам выбор момента для

⁶¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 57, прим. 19.

⁶² Сб. РИО. Т. 59. С. 106—108.

предъявления ультимативных требований старицкому князю ясно показывает, кому принадлежала инициатива дальнейшего обострения конфликта.

Агрессивные намерения правительницы не укрылись от внимания современников: составитель Вологодско-Пермской летописи, близкий по времени написания к событиям 1537 г., отметил под 7045 г.: «Того же лета здумав великая княгини Елена з бояры имати князя Ондreja Ивановича, брата великого князя Василья Ивановича, и посла по него в Старицу»⁶³.

Но князь Андрей тем не менее еще надеялся уладить дело миром: 12 апреля, как уже говорилось, он послал своего боярина кн. Федора Дмитриевича Пронского к великому князю и великой княгине «бити челом о своих великих обидах». Но в Москве посланца удельного князя ждал суровый прием. Согласно «Повести о поимании князя Андрея Старицкого», когда кн. Ф. Д. Пронский находился в селе Павловском на р. Истре в 30 верстах от столицы⁶⁴, «встретиша его нехто от великого князя дворян Иван Меншой Федоров сын Карпова, а с ним дети боярские и яша князя Федора и ведоша его к Москве и возвестиша о нем великому князю. И князь же великий повеле князя Федора посадити внутри городе на княжо на Одрееве же дворе на Ивановичь»⁶⁵.

Об аресте кн. Ф. Д. Пронского в окрестностях столицы сообщает и Воскресенская летопись, но относит этот эпизод к более позднему времени: якобы после того, как в Москве было получено тайное известие от старицкого сына боярского кн. Василия Федорова сына Голубого-Ростовского о намерении удельного князя вскоре бежать, правительством были приняты ответные меры: к самому князю Андрею отправлены крутицкий владыка Досифей, симоновский архимандрит Филофей и спасский протопоп Семион (духовный отец старицкого князя) с увещательными речами; следом двинулись полки во главе с князьями Никитой Васильевичем и Иваном Федоровичем Оболенскими, «а по боярина по князь Одреева по князя Феодора Пронского послали вьстречу, а велели его поимати да и в Москву привести»⁶⁶.

⁶³ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 317.

⁶⁴ «И бысть же князю Федору в селе Павловском в Яковлеве Поплевина на реки на Истре за 30 поприщ от Москвы...» Упомянутый в тексте Повести владеец села — окольничий Я. Г. Морозов-Поплевин, см. о нем: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 238.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 356.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

И. И. Смирнов отдал предпочтение версии Воскресенской летописи⁶⁷, но, как убедительно показано А. Л. Юргановым, последовательность событий в этой версии нарушена, и поэтому она не заслуживает доверия⁶⁸. В самом деле, как мы знаем, кн. Ф. Д. Пронский выехал из Старицы 12 апреля, но если принять версию Воскресенской летописи, то получается, что в конце апреля, т.е. через две с половиной недели, он все еще не добрался до Москвы, ведь по свидетельству той же летописи, сообщение о готовящемся бегстве старицкого князя из его удела было получено правительством накануне того дня, когда князь Андрей покинул Старицу, а дата последнего события хорошо известна: 2 мая⁶⁹. Пытаясь объяснить странную «медлительность» князя Федора Пронского, Смирнов выдвигает гипотезу о том, что старицкий боярин остановился в селе Павловском и там-де ожидал новых инструкций от своего князя или добывал сведения об обстановке в Москве⁷⁰.

Эта гипотеза представляется мне искусственной и произвольной: ни один источник не сообщает о том, что кн. Пронский будто бы *жил* в селе Павловском; в «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого» сказано лишь, что там его *встретили* великокняжеские дворяне во главе с И. Ф. Карповым (сыном известного дипломата и писателя Федора Карпова) и препроводили в Москву⁷¹. О «встрече» говорится и в Воскресенской летописи — основном источнике, на который опирается Смирнов⁷². К тому же сложно себе представить, чтобы посланец удельного князя в трудный для его господина момент медлил с исполнением порученной ему миссии.

Но надобность в подобных искусственных построениях отпадает, если принять во внимание уже не раз отмеченную выше тенденциозность Воскресенской летописи: не в первый раз, как мы могли заметить, Летописец, так сказать, «играет со временем», то ускоряя, то замедляя ход событий, дабы достичь желаемого эффекта. В данном случае эффект состоял в том, чтобы превентивный, по сути, арест старицкого боярина представить в качестве ответной меры, вызванной действиями самого удельного князя.

Зато вполне можно согласиться с другим замечанием

⁶⁷ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 60, прим. 32.

⁶⁸ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 105—107.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁷⁰ Смирнов И. И. Очерки политической истории. Прим. 36 на с. 61—62.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 356.

⁷² «...по князя Феодора Пронского послали вѣстречю» (ПСРЛ. Т. 8. С. 293).

И. И. Смирнова — о том, что, «по-видимому, первоначально правительство Елены Глинской предполагало все же использовать миссию Пронского для дипломатической игры»⁷³. Действительно, хотя кн. Пронского и доставили в Москву под конвоем, но не заключили сразу в темницу, а поместили на дворе его господина — князя Старицкого, как об этом сообщает Повесть⁷⁴. Впоследствии, после подавления выступления удельного князя, Федор Пронский вместе с другими старицкими боярами был заточен в кремлевскую Свиблову башню, где и умер⁷⁵. Следовательно, прежнее его пребывание на московском подворье старицкого князя не рассматривалось как тюремное заключение: с ним еще считались как с посланцем князя Андрея, хотя и держали под охраной. Кроме того, сохранился ответ великой княгини Елены «князь Андрееву Ивановича боарину, князю Федору Дмитриевичу Пронскому, да диаку Варгану Григорьеву»⁷⁶. На этом основании историки обычно делают вывод о том, что великая княгиня вела переговоры со старицким боярином; А. Л. Юрганов заключил даже, что они велись в «обстановке миролюбия»⁷⁷. Однако при более внимательном изучении ответных «речей» Елены Глинской возникает немало вопросов.

Текст «речей» правительницы дошел до нас в составе комплекса документов, отразивших кульминационный момент противостояния великокняжеского правительства с удельным князем накануне его бегства из Старицы. Хотя ссылки на архивное дело, о котором идет речь⁷⁸, неоднократно встречаются в работах историков⁷⁹, оно ни разу не становилось предметом серьезного анализа. Исследователи вполне доверяли публикациям этих документов в изданиях первой половины XIX в. (в «Собрании государственных грамот и договоров» и «Актах исторических»), но, как выясняется, напрасно! Издатели XIX в. при передаче текста документов не отразили имеющиеся в них многочисленные исправления, что создает ложное впечатление о характере опубликованных ими источников. Кроме того, один из документов остается до сих пор не изданным.

⁷³ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 62, прим. 36.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 356.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

⁷⁶ СГГД. Ч. II. № 31. С. 38.

⁷⁷ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 107.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 375 (Исторические сочинения). 1537 г. Д. 1.

⁷⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 244, прим. 5; Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 106, сноска 36.

«Ответ» великой княгини Елены старицкому боярину кн. Ф. Д. Пронскому и дьяку В. Григорьеву занимает первые пять листов архивного дела⁸⁰. При знакомстве с рукописью выясняется, что перед нами — черновой набросок «речей» правительницы посланцу удельного князя: над строкой сделано несколько вставок, которые при публикации документа почти 200 лет назад были внесены издателями в текст без каких-либо оговорок⁸¹. Поэтому мы не можем быть уверены, что эти слова действительно были произнесены, а не остались в виде чернового наброска после того, как переговоры были прерваны, а кн. Пронский из посланника окончательно превратился в узника.

Следом за «ответом» правительницы помещены «речи» князя Андрея Старицкого, которые Федор Пронский должен был передать великому князю и его матери — великой княгине (л. 6 — 9)⁸². В отличие от первого документа, список «речей» удельного князя представляет собой беловую рукопись, без каких-либо исправлений или помет. Это и понятно: текст наказа, по которому посланник должен был говорить, был доставлен им в Москву и, вероятно, конфискован — сразу или позднее, перед заточением Пронского в Свиблову башню, — а впоследствии приобщен к «делу» старицкого князя.

Помимо наказных «речей» Елены Глинской и Андрея Старицкого, в нынешнем архивном деле хранятся еще три документа: 1) черновой набросок слов митрополита Даниила, которые должен был передать князю Андрею Ивановичу архимандрит симоновский Филофей (л. 10), — этот текст остается неопубликованным; 2) черновой список «речей», адресованных тому же удельному князю, которые от имени великого князя должен был произнести Досифей, владыка сарский и подонский (л. 11), — текст издан⁸³, но без учета содержащихся в нем многочисленных исправлений; 3) беловой список обращения митрополита Даниила к Андрею Старицкому, которое поручено было произнести архимандриту Филофею (л. 12—15), — текст опубликован⁸⁴.

О роли митрополита Даниила в «деле» Андрея Старицкого, с особой наглядностью проявившейся в только что упомянутых до-

⁸⁰ РГАДА. Ф. 375. 1537 г. Д. 1. Л. 1—5. Далее ссылки на листы архивного дела даются в тексте в скобках.

⁸¹ СГГД. Ч. II. № 31. С. 38—39.

⁸² Оpubл.: Там же. № 30. С. 37—38.

⁸³ АИ. СПб., 1841. Т. I. № 139. С. 201.

⁸⁴ СГГД. Ч. II. № 32. С. 40—41.

кументах (составленных, по всей видимости, в митрополичьей канцелярии), мы поговорим чуть ниже, а сейчас сравним между собой два текста: «речи» удельного князя, переданные с кн. Ф. Д. Пронским, и «ответ» ему великой княгини. Информация, содержащаяся в обоих документах, уже использовалась нами в предшествующем изложении, но здесь мы сосредоточим внимание на основных идеях этих посланий и дадим им общую характеристику.

В «речах» князя Старицкого, адресованных великому князю и великой княгине (совпадающих почти дословно), поражает эмоциональный тон говорящего: напоминая о настойчивых требованиях явиться в Москву, которые Андрей Иванович не мог исполнить из-за постигшей его болезни, он восклицает: «...и в том, государь, нынеча нам скорбь и кручина великая о том, что тебе, государю, наша немочь неверна, и по нас посылаешь неотложно». Далее следует словесный выпад: «...а прежде сего, государь, того не бывало, что нас к вам, государем, на носилах волочили». И вновь подчеркнуто скорбный тон в расчете на сострадание: «И яз, государь, грехом своим, своею болезнью и бедою, с кручины отбыл ума и мысли»⁸⁵. Свою речь князь заключал «челобитьем», прибегая к сознательному самоуничижению: «...и ты бы, государь, пожаловал, показал милость, огрел сердце и живот холопу своему своим жалованьем, как бы, государь, мочно и надежно холопу твоему, твоим жалованьем, вперед быти безскорбно и без кручины, как тебе, государю, Бог положит на сердце»⁸⁶.

В отличие от эмоционального послания Андрея Старицкого, ответная речь великой княгини выдержана в сухом деловом тоне. Но более всего поражают содержательные различия двух цитируемых документов. Вот как в ответе правительницы переданы слова кн. Ф. Д. Пронского, сказанные им от имени его господина: «...говорил еси нам от князя Андрея Ивановича, что мы к нему писали в своей грамоте, чтоб к нам поехал, и ныне на него пришел великий страх, потому что слышит от многих людей, что мы на него хотим опалу свою положить, не по его делом, и нам бы с него тот страх сняти, чтобы ему приехати к нам безстрашно и надежно, да и вперед бы ему на нас надежа была»⁸⁷. Великая княгиня напоминала, что ранее, стремясь успокоить мнительного князя Андрея, она посылала к нему боярина кн. И. В. Шуйского и дьяка Меньшого

⁸⁵ СГГД. Ч. II. № 30. С. 37.

⁸⁶ Там же. С. 37—38.

⁸⁷ Там же. № 31. С. 38—39.

Путятину⁸⁸, и вроде бы «с него тот страх сшел», и вот опять «ты [кн. Ф. Д. Пронский. — *М. К.*] ныне нам говорил, что мы на него [князя Андрея. — *М. К.*] хотим опалу свою положить». Елена категорически отвергала подобное предположение («у нас того и в мысли никак не бывало») и заверяла в своей «любви» к удельному князю⁸⁹.

Заметим, что в дошедшем до нас списке «речей» Андрея Старицкого говорится нечто иное: там сказано не о «великом страхе», а о болезни и «кручине», постигших удельного князя. Нет в сохранившейся наказной памяти кн. Ф. Д. Пронскому и упоминания об опале, которую, по слухам, собиралась положить на Андрея Ивановича правительница. И уж совсем обескураживает заключительный пассаж «речи» великой княгини посланцу старицкого князя: «...а говорил еси нам, чтоб нам ему велети утверждение учинити; и князю Андрею было, по государя нашего приказу [Василия III. — *М. К.*] и по нашему слову, и по своему обещанию, как он государю нашему и нам обещал, пригоже к нам без страху ехати»⁹⁰. (Интересно, что в рукописи первоначально было написано: «...к нам и без утверженья ехати», но затем слово «утверженье» было зачеркнуто и заменено (над строкой) более дипломатичным выражением «без страху»⁹¹.)

Парадокс в том, что просьбы об «утверждении», т.е. о каких-то гарантиях (крестоцеловании и т.п.), в дошедшем до нас тексте «речей» Андрея Старицкого опять-таки нет. Между тем великая княгиня, по ее словам, идя навстречу пожеланию князя, велела целовать крест своим доверенным лицам: «А ныне, коли к нам приказал о утверженье, и мы, жалуючи его [князя Андрея. — *М. К.*] и любовь свою к нему держачи, велели крест целовати боарину своему князю Ивану Васильевичу Шуйскому, да дворецкому своему тферскому Ивану Юрьевичу Поджегину, да дияку своему Меншему Путятину на том, что у нас на него мнения никоторого нет, и на сердце собе на него не держим ничего, и вперед жалованье свое и любовь свою хотим к нему держати»⁹².

⁸⁸ В рукописи первоначально шла речь только о посылке к удельному князю боярина И. В. Шуйского, но затем над строкой было приписано: «и дьяка своего Меншего Путятину». Эта приписка в тексте встречается трижды — при каждом упоминании миссии кн. И. В. Шуйского в Старицу (РГАДА. Ф. 375. 1537 г. Д. 1. Л. 2).

⁸⁹ СГГД. Ч. II. С. 39.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ РГАДА. Ф. 375. 1537 г. Д. 1. Л. 4.

⁹² СГГД. Ч. II. С. 39.

Напрашивается вывод о том, что эти слова были написаны не в апреле 1537 г., а раньше — например, в 1536 г., вскоре после упоминаемой правительницей в своем ответе миссии боярина И. В. Шуйского и дьяка Меньшого Путятина, которые, по высказанному нами выше предположению, побывали в Старице в конце 1535-го или первой половине 1536 г. Проблема в том, что текст ответа великой княгини, в отличие от наказа старицкого князя своему посланнику⁹³, не содержит точных датирующих признаков. Поэтому нельзя полностью исключить гипотезы о том, что до нас дошел ответ правительницы на какое-то предыдущее «посольство» старицкого князя, порученное также кн. Ф. Д. Пронскому⁹⁴.

Однако можно привести аргументы и в пользу более традиционной версии, согласно которой переговоры в Кремле с посланцем удельного князя все-таки состоялись, и их ход отразился в сохранившемся списке «ответа» великой княгини. Прежде всего следует заметить, что источникам известна только одна миссия старицкого боярина кн. Ф. Д. Пронского в Москву, и она надежно датируется апрелем 1537 г. Кроме того, тот факт, что текст «ответа» Елены Глинской дошел до нас вместе с четырьмя документами, бесспорно относящимися к указанному времени, наводит на мысль о том, что он связан с ними не только одной архивной судьбой, но и общностью происхождения. Что же касается бросающихся в глаза различий между текстами наказа кн. Ф. Д. Пронскому и ответной «речи» Елены Глинской, то их можно объяснить тем, что великая княгиня, вероятно, отвечала не на письменный документ (инструкцию, данную старицкому боярину его князем), а на реально произнесенные посланником слова, прояснявшие некоторые весьма туманные выражения, содержащиеся в данном ему князем наказе. Что, например, имел в виду Андрей Старицкий, когда просил великого князя его «пожаловать», «как бы... мочно и надежно холопу твоему, твоим жалованьем, вперед быти безкорбно и без кручины, как тебе, государю, Бог положит на сердце»? По всей види-

⁹³ В сохранившихся наказных «речах» удельного князя, переданных с кн. Ф. Д. Пронским, упоминается недавний приезд в Старицу кн. Б. Д. Щепина Оболенского (Там же. № 30. С. 37); этот эпизод есть и в «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого», по которой он надежно датируется началом апреля 1537 г. (см. выше).

⁹⁴ Именно к такому выводу ранее пришел П. Ниче, обративший внимание на несоответствие «ответа» Елены Глинской содержанию дошедших до нас «речей» князя Андрея Старицкого (*Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. S. 245—246. Anm. 103*).

мости, речь шла о предоставлении каких-то гарантий безопасности удельному князю. Именно так и поняла дело Елена Глинская, которая в подтверждение своих слов об отсутствии злого умысла в отношении старицкого князя велела целовать крест своим ближним людям.

Как видим, перед нами — одна из загадок «старицкой истории», которая при нынешнем состоянии источниковой базы едва ли может быть однозначно решена. Но вернемся к реконструкции событий апреля 1537 г., когда рушились последние надежды удельного князя на мирный исход его противостояния с великокняжеским двором.

Если верить Воскресенской летописи, то правительство якобы не предпринимало никаких мер в отношении непокорного старицкого князя до самого конца апреля — начала мая, когда было получено известие о намерении Андрея Ивановича бежать из своего удела. Как сообщает официальный летописец, сын боярский князя Андрея кн. Василий Федоров сын Голубого (из рода князей Ростовских) из Старицы «прислал тайно ночью к великого князя боярину, ко князю Ивану Феодоровичу Овчине, человека своего Еремку с тем, что князю Андрею одноконечно наутро бежати»⁹⁵. После этого, по словам той же летописи, великий князь и великая княгиня послали к старицкому князю церковных иерархов во главе с крутицким епископом Досифеем — убеждать его, что у государя и его матери «лиха в мысли нет никоторого». Но на случай, если князь Андрей духовным лицам не поверит, «а побежит», вслед были отправлены бояре кн. Никита Васильевич и кн. Иван Федорович Овчина Оболенские «со многими людьми»; и тогда же якобы был арестован и доставлен в Москву посланец удельного князя Ф. Д. Пронский. Об этом вскоре стало известно Андрею Старицкому: «И как князя Феодора [Пронского. — М. К.] имали, и в те поры ушел князь Андреев сын боярской Судок Дмитриев сын Сатин»; прибежав к своему князю, он сообщил ему об аресте кн. Пронского и передал услышанный им слух о том, что великий князь послал своих бояр, князей Оболенских, «со многими людьми» его, князя Андрея, «имати». Следом, продолжает летописец, «пригонил с Волока в Старицу княже Андреев же сын боярской Яков Веригин», который сказал князю, что на Волок прибыли кн. Никита да кн. Иван Овчина Оболенские, «а едут тебя имати». Получив это известие,

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

Андрей Иванович не стал медлить и сразу («часа того») покинул Старицу вместе с женой и сыном. Произошло это 2 мая⁹⁶.

В приведенном летописном отрывке последовательность событий нарушена до такой степени, что теряется смысл происходившего. Толчком к решительным действиям правительства якобы послужила полученная от кн. В. Ф. Голубого-Ростовского информация о намерении старицкого князя утром следующего дня бежать. Но, с другой стороны, из того же рассказа явствует, что решение покинуть Старицу удельный князь принял сразу же по получении известий от своих детей боярских, Сатина и Веригина, об аресте его боярина Пронского и о посылке против него рати во главе с князьями Оболенскими. Получается замкнутый круг!

Едва ли, однако, сами события, о которых идет речь в этом рассказе, вымышлены летописцем; некоторые из них, как будет сейчас показано, подтверждаются другими источниками. Так, о посылке кн. Голубым-Ростовским своего слуги с сообщением о выходе удельного князя из Старицы говорит и неофициальная «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого». Здесь рассказывается об «измене» дворянина кн. Василия Федорова сына Голубого, который «еще из города из Старицы послал к Москве слугу своего Ерему к великого князя дьяку к Федору к Мишуруну с тою вестию, что князь Ондрей Иванович пошел из Старицы». Дата выхода удельного князя из своей столицы совпадает в этом источнике с той, которую называет официальный летописец: 2 мая⁹⁷.

Таким образом, тенденциозность Воскресенской летописи выразилась не в измышлении тех или иных эпизодов, а именно в последовательности их изложения. Если отрешиться от схемы, навязываемой официальным летописцем, можно попытаться восстановить действительную хронологию событий. Следует считать твердо установленным фактом, что отправка старицким дворянином кн. В. Ф. Голубым-Ростовским своего слуги к боярину И. Ф. Овчине-Оболенскому (или, по версии Повести, к дьяку Федору Мишуруну) произошла накануне выхода князя Андрея из Старицы, т.е. в самом конце апреля или 1 мая. К тому времени посланец старицкого князя, Федор Пронский, уже давно был задержан и находился под стражей на подворье своего господина в Кремле. В соответствии с высказанным выше предположением, он был арестован в окрестностях столицы примерно в середине апреля.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁹⁷ Там же. Т. 28. Прил. С. 356.

В таком случае иное значение получает информация Воскресенской летописи о том, что старицкий сын боярский Судок Дмитриев сын Сатин, сумевший уйти во время ареста кн. Пронского и его свиты, сообщил своему князю не только то, что сам видел, — об аресте его посланца, но и то, что слышал («слух его дошел») о князьях Оболенских «с многими людьми», посланных великим князем «имати» князя Андрея⁹⁸. В этой связи возникает предположение о том, что названные события действительно произошли одновременно, но, конечно, не в конце апреля — начале мая, как нас пытается уверить Воскресенская летопись, а недели на две раньше. В самом деле, представляется вполне вероятным, что правительство, пойдя на немотивированный арест старицкого посланника, кн. Пронского, предприняло тогда же еще одну превентивную акцию, отправив «на всякий случай» на Волок рать во главе с князьями Никитой и Иваном Оболенскими.

Если высказанное предположение верно, то реконструкция дальнейшего хода событий трудности уже не представляет. Судок Сатин предупредил своего князя о грозящей ему опасности: с учетом расстояния между Старицей и Москвой (160—180 км, в зависимости от дороги⁹⁹), он мог прибыть к князю Андрею еще до 20 апреля. Под влиянием этого известия, надо полагать, у старицкого князя зародилась (или укрепилась) мысль об уходе из своего удела. А когда прискакавший с Волока Яков Веригин¹⁰⁰ сообщил о появлении там отряда князей Оболенских, Андрей Иванович принял окончательное решение и 2 мая двинулся в путь.

Если решения об аресте посланца удельного князя и о посылке войска на Волок, вероятно, были приняты правительством еще в середине апреля, то церковная делегация до 4 мая определенно из Москвы не выезжала. Об этом свидетельствуют упомянутые выше документы митрополичьей канцелярии, сохранившиеся в «деле» Андрея Старицкого.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁹⁹ Оценку расстояния между Старицей и Москвой приводит в своей статье А. Л. Юрганов (*Юрганов А. Л.* Старицкий мятеж. С. 105).

¹⁰⁰ Яков Веригин сын принадлежал к роду Толбузиных, владения которых находились в Волоцком уезде, см.: *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 151—160, 319; *Михайлова И. Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., 2003. С. 301—302.

Первый из них, до сих пор не опубликованный, представляет собой черновой набросок речи митрополита Даниила, которую должен был произнести перед старицким князем посылаемый к нему симоновский архимандрит Филофей. На обороте листа сделана помета: «Лет[а] 7045 апрел[я] 29 д[ень] ко князю Андрею к Ивановичю от митрополита Данила всеа Руси». Месяц и число зачеркнуты, и над строкой вписана новая дата: «маяя 4 д[ень]»¹⁰¹. Следовательно, архимандрит должен был отправиться в Старицу с поручением митрополита 29 апреля, но затем его отъезд был перенесен на 4 мая. Указанный факт лишний раз подтверждает ненадежность хронологии Воскресенской летописи, согласно которой церковные иерархи были посланы в Старицу якобы одновременно с арестом кн. Федора Пронского и отправкой отряда князей Оболенских на Волок¹⁰².

Набросок речи митрополита Даниила¹⁰³ интересен не только тем, что содержит важные хронологические ориентиры для понимания событий весны 1537 г. Этот текст, вместе с двумя другими сохранившимися списками, позволяет проследить, как в митрополичьей канцелярии составлялся текст послания строптивому удельному князю, как подбирались слова и аргументы.

Первые строки не потребовали от составителя особых раздумий: «Говорити от Данила, митрополита всеа Руси, князю Андрею Ивановичу Филофею, архимандриту симановскому. Данил митрополит всеа Руси велел тебе говорити...» Но последующий текст несколько раз подвергался правке. Сначала было написано: «Слухи нас дошли, что ты хочеш[ь], оставя Бога и забыв свою правду, хочеш[ь] оставити образ Пречистые и чудотворцов гробы, и святых чудотворцов, и гробы своих прародител[ей]...» Но, очевидно, этот вариант не устроил составителя: прежний текст был зачеркнут, и над строкой появились новые наброски продолжения фразы: «что деи хочеш[ь] оставити отца своего гроб и отеческие гробы» (зачеркнуто); «что деи хочеш[ь] оставити благословение отца своего и отеческие гро[бы]» (зачеркнуто); «хочеш[ь] оставити жалованье и любов[ь] государя своего великого князя Ивана Васильевича всеа

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 375. 1537 г. Д. 1. Л. 10 об. А. А. Зимин, а вслед за ним А. Л. Юрганов читают исправленную дату как 5 мая (Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 244, прим. 5; Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 106); между тем в тексте над строкой четко читается «д» под титлом, т.е. цифра 4.

¹⁰² Ср.: ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 375. 1537 г. Д. 1. Л. 10.

Русии. И ты б, господине княз[ь] Андрей, помятовал наказ» (зачеркнуто).

Испробовав несколько вариантов, с середины листа писец начал фразу заново: «Слухи нас доходят, что деи хочеш[ь] оставити благословение отца своего и прародителей своих гробы, и святое свое от[е]чество, и жалованье и любовь отца¹⁰⁴, великого князя Ивана Васильевича¹⁰⁵ всеа Рус[и], и его наказу, как тебе наказывал и свое к нему обещание, как еси ему обещал; и жалование и любовь[ь] к собе государыни великие княгини Елены и государя великого князя Ивана, и свое к ним обещание, как ся еси им обещал¹⁰⁶; и спротивен хочеш[ь] явитися на ничто же прогневавшего тя государя. И ты, сыну положи на своем разуме, можеш[ь] ли стол[ь]ко найти, скол[ь]ко хочеш[ь] потерять. Хочеш[ь] стати противу государя и всего закону христианского. И ты бы те лихие мысли оставил, а божественных¹⁰⁷ христианских законов не рушил¹⁰⁸. А поехал бы еси ко государю¹⁰⁹ без всякого сумнения. А мы тебя емлем¹¹⁰ на свои руки. А князь велики послал к тебе¹¹¹ Дософея, владыку¹¹² сарского и поддонского».

В приведенном небольшом тексте обращает на себя внимание изобретательность, с которой митрополит Даниил, искусный церковный писатель, подбирает аргументы, призванные удержать князя от задуманного им шага: тут и напоминание о наказе отца, великого князя Ивана III, и о крестоцеловальной записи самого Андрея, и призыв к трезвому расчету («положи на своем разуме, можешь ли столько найти, сколько хочешь потерять»), и грозное предостережение о том, что, противясь государю, князь нарушает божественные заповеди. Показательно также, что уже в самом первом наброске послания, появившемся, очевидно, не позднее 29 апреля (даты, первоначально поставленной на обороте документа), речь идет о слухах, будто князь Андрей собирается оставить свой удел. Эти слухи, надо полагать, и побудили правительство выслать

¹⁰⁴ Слово зачеркнуто, а над строкой вписано: «государя».

¹⁰⁵ Слова «Ивана Васильевича» исправлены на «Василья Ивановича».

¹⁰⁶ Здесь над строкой вписано: «и крест к ним целовал и руку свою приложил».

¹⁰⁷ Над строкой вписано: «честнаго креста и».

¹⁰⁸ Далее зачеркнуто: «чтобы еси не отступал никуда»

¹⁰⁹ Над строкой вписано: «и ко государыне».

¹¹⁰ Слово зачеркнуто, а над строкой вписано: «благословляем и емлем тебя»

¹¹¹ Здесь над строкой вписано: «о том деле».

¹¹² Далее зачеркнуто: «крутитского»

отряд во главе с князьями Оболенскими на Волок, а митрополит стал готовить духовную миссию к старицкому князю. Но определенности в отношении планов Андрея Ивановича еще не было. И лишь в начале мая в Москве узнали от слуги старицкого дворянина кн. В. Ф. Голубого-Ростовского, «что князь Ондрей Иванович пошел из Старицы»¹¹³. Но к этому моменту долго готовившаяся миссия церковных иерархов к удельному князю уже потеряла смысл и если и была отправлена, то, очевидно, вернулась, не достигнув своей цели.

Сохранившиеся подготовительные материалы этого церковного посольства представляют собой ценный источник для изучения драматических событий весны 1537 г. Они показывают, в частности, что митрополит Даниил играл важную роль в усилиях великокняжеского правительства по приведению к покорности старицкого князя. Именно он разрабатывал, как явствует из анализируемых документов, нравственно-религиозное обоснование всего мероприятия.

Интересно, что во втором сохранившемся черновом наброске «речи», которые по более раннему, рассмотренному нами выше варианту должен был от имени митрополита произносить перед старицким князем архимандрит Филофей, были поручены крутицкому епископу Досифею, и их полагалось говорить уже от имени великого князя. Примечательно, что в случае неудачи переговоров владыка должен был по повелению митрополита объявить князю, не желавшему «от злаго своего помысла отстати», о лишении его церковного благословения¹¹⁴.

Наконец, в третьем, переписанном набело варианте «речи», наполненном церковной риторикой, основным «оратором» снова должен был выступить (от имени митрополита) симоновский архимандрит Филофей; в случае же «жестокого» ответа старицкого князя владыке Досифею поручалось предать его церковному проклятию¹¹⁵. Но все эти заготовленные речи так и не достигли адресата: еще до того, как выбранные для данной ответственной миссии иерархи выехали из Москвы, князь Андрей покинул Старицу.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 356.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 375. 1537 г. Д. 1. Л. 11. Текст опубл. (без указания имеющейся правки): АИ. Т. 1. № 139. С. 201.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 375. 1537 г. Д. 1. Л. 12—15. Изд.: СГГД. Ч. II. № 32. С. 40—41.

2. От Старицы до Новгорода

«Того же лета мая в 2, на принесение мощей святых праведных мучеников страстотърпцев боголюбивых князей русских Бориса и Глеба, князь Ондрей Иванович пошел из своей отчины из Старицы, истерпевшись от своих великих обид»¹¹⁶, — писал автор «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого», явно уподобляя своего героя древнерусским князьям-мученикам. Комментируя этот пассаж, А. Л. Юрганов предположил, что старицкий князь, возможно, не случайно бежал из своего города на праздник святых Бориса и Глеба: по мнению ученого, отъездом из Старицы в этот день «Андрей мог намекать, что он не хочет повторить злополучную судьбу князей-мучеников»¹¹⁷. В изданной позднее книге исследователь еще увереннее и подробнее расшифровал символический смысл произошедшего 2 мая события: «Поднимая мятеж в этот день, — пишет Юрганов, — князь как бы обращался ко всем православным христианам со своеобразным манифестом о своей невинности и объявлением, что противоположная сторона *подобна* Святополку Окаянному»¹¹⁸. Однако, на мой взгляд, здесь смешиваются явления разного порядка: с одной стороны, реальные намерения удельного князя в конкретной обстановке весны 1537 г., а с другой — последующее осмысление произошедшего современниками и потомками Андрея Старицкого.

Очевидно, мы уже никогда не узнаем, что на самом деле думал старицкий князь, покидая 2 мая 1537 г. свой удел. Можно предположить, что в момент, когда князю Андрею донесли о приближении московских воевод, посланных для его задержания, ему было не до выбора дня, наиболее «подходящего» с точки зрения религиозной символики для побега. Зато впоследствии некоторые летописцы, рассказывая об этом событии, усмотрели в совпадении дня выезда князя из Старицы с церковным праздником некое предзнаменование. Помимо автора «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого», об этом счел нужным упомянуть Постниковский летописец: «Того же лета майа 2 отступил с вотчины из Старицы князь Ондрей Иванович, великого князя Васильев брат, на память святых мученик Бориса»¹¹⁹. Между тем Воскресенская и

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 356.

¹¹⁷ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 105.

¹¹⁸ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 10.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 25.

другие официальные летописи, называя точную дату выхода князя Андрея из Старицы (2 мая), не напоминают о церковном празднике, приходившемся на этот день¹²⁰. Память о князе Андрее продолжали хранить близкие к нему люди, о чем свидетельствует и часто цитируемая на этих страницах Повесть, и построенный в 1561 г. в Старице его сыном князем Владимиром Борисоглебский собор¹²¹.

По сообщению Воскресенской летописи, которое в данном случае согласуется с Повестью, из Старицы удельный князь двинулся в сторону Торжка. Пройдя за первый день пути около 60 верст, он остановился на ночлег в селе Василия Бернова в Новоторжском уезде¹²². С этого стана бежал в Москву возглавлявший ночную стражу старицкий дворянин кн. Василий Федоров сын Голубого-Ростовского — тот самый, который ранее через слугу Еремку тайно предупредил великокняжеское правительство о предстоящем уходе удельного князя из своей вотчины. По словам Воскресенской летописи, в Москве перебежчик сообщил, что «князь Андрей еще того не приговорил, на которое ему место бежати»¹²³.

Это свидетельство подтверждает, что никакого предварительного плана действий у старицкого князя не было. Его шаги, по крайней мере в первые дни, были продиктованы отчаянием и страхом. Это было, как выразился немецкий историк Х. Рюс, «своего рода бегство вперед»¹²⁴. Вынужденность выступления князя Андрея подметил один из летописцев, составитель Продолжения Хронографа редакции 1512 г., записав под 7045 г.: «Того ж лета, мая князь

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 293; Т. 29. С. 29; Т. 13, ч. 1. СПб., 1904. С. 118; Там же. Ч. 2. СПб., 1906. С. 430.

¹²¹ См. подробнее: *Юрганов А. Л.* Отражение политической борьбы в памятнике архитектуры (Борисоглебский собор в Старице) // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Межвузовский сборник под ред. проф. И. Я. Фроянова. Л., 1987. С. 176—185. Можно согласиться с гипотезой исследователя о том, что выбор святых покровителей храма указывает на мученическую кончину князя Андрея, память о котором почтил его сын, повелевший построить собор. Сомнение, однако, вызывает утверждение Юрганова о том, что храм в Старице был освящен именно 2 мая 1561 г. (Там же. С. 181). В приводимой ученым храмовзательной надписи (ее текст дошел до нас с пропусками) точная дата освящения Борисоглебской церкви не указана; зато там говорится о том, что заложен храм был в июле 1558 г. (цит. по: Там же. С. 177). Поэтому можно предположить, что и освящен он был 24 июля (1561 г.): в этот день также праздновалась память святых Бориса и Глеба.

¹²² ПСРЛ. Т. 8. С. 293; Т. 28. Прил. С. 356.

¹²³ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹²⁴ *Rüß H.* Machtkampf. S. 501.

Андрей Иванович Старицкой поехал к Новгороду Великому *не своею волею...*¹²⁵ (выделено мной. — М. К.).

Решение идти к Новгороду было принято Андреем Старицким уже во время похода, когда он находился около Торжка. Лишь с этого момента его действия становятся похожи на осмысленную и целенаправленную акцию. Вот как в Воскресенской летописи говорится об этих шагах мятежного князя: «Князь Андрей ис Торжку за рубеж не поехал, а пошел к Новгороду к Великому, захотел Новгород засести, да и грамоты писал к великого князя к детям боярским помещиком, да и по погостом посылал, а писал в грамотах: “Князь велики мал, а держат государство боаре, и вам у кого служити? И вы едте ко мне служити, а яз вас рад жаловати”; и иные дети боярские к нему и приехали служити»¹²⁶.

Рассказ официального летописца хорошо передает тревоги правительств в мае 1537 г. Поначалу, видимо, существовало опасение, что старицкий князь направится за рубеж, в Литву¹²⁷. Когда же выяснилось, что он зовет новгородских помещиков к себе на службу (несколько подобных грамот «с княжими печатми» были доставлены в Москву¹²⁸) и собирается «Новгород засести», власти отнеслись к возникшей угрозе со всей серьезностью. На Волонк находившимся там боярам кн. Никите Васильевичу и кн. Ивану Федоровичу Овчине Оболенским были посланы срочные распоряжения. Князю Никите от имени государя велели «спешити к Новгороду наперед князя Андрея, да велели город крепити и намест-

¹²⁵ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 288.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹²⁷ В литературе нередко встречается утверждение, будто Андрей Старицкий делал выбор между бегством за рубеж и походом на Новгород (Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 63, 70; Riß H. Machtkampf. S. 501; Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 107). Однако это предположение не имеет серьезной опоры в источниках. Характерно, что Повесть, вышедшая из кругов, близких к старицкому князю, ничего не говорит о его намерении «отъехать» в Литву. Приведенное же выше свидетельство Воскресенской летописи отражает лишь ожидания московских властей, к тому же не оправдавшиеся.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 294. В наказе Савину Михайлову сыну Емельянову, отправленному 23 декабря 1537 г. с посольством к Сигизмунду I, так говорилось о подавленном за полгода до этого выступлении удельного князя: князь Андрей, «изменив крестное целование государю нашему, из своей отчины пошел и со княгиней и со всеми людьми к вотчине государя нашего к Великому Новгороду, да в Новгород и во всю Новгородскую землю от себя посылал с грамотами, чтоб новгородцы ему служили и взяли его к себе в Новгород; и дети боярские те его грамоты привезли ко государю нашему, а в Новгород его не похотели...» (Сб. РИО. Т. 59. С. 137).

ником всех людей к целованию привести». Судя по летописи, данная воеводе инструкция предусматривала возможность серьезных боевых действий: «...и приедет князь Андрей к Новгороду, и князю Никите [Оболенскому. — *М. К.*], укрепяся с людьми да с наместники, да против князя Ондreja стояти, сколько Бог поможет, и посаду ему не дати жечь; а нечто будет князь Андрей людьми силен добре, и князю Никите быти в городе и дела великого князя беречь с владыкою и с наместники задин»¹²⁹.

В Летописце начала царства наказ кн. Н. В. Оболенскому изложен несколько иначе: здесь основной упор сделан на обеспечении лояльности новгородских властей. Великий князь, по словам летописца, послал князя Никиту Васильевича «в Новгород в Великий ко владыце и к наместником, а велел людей укрепити и дела своего беречи: будет князь [Андрей Старицкий. — *М. К.*] похочет Новгород засести, и владыка бы и наместники Новгородские они бы того не учинили, что князю Новгород здати»¹³⁰. В последних словах сквозит некоторое недоверие великокняжеского правительства по отношению к местной новгородской администрации.

Другому воеводе, стоявшему на Волоке, кн. И. Ф. Овчине Оболенскому, был послан письменный приказ: «з людьми збиратися» и идти вдогонку за старицким князем. Рать князя Ивана Овчины была усилена за счет новгородских помещиков, которые незадолго до описываемых событий были вызваны на службу в Москву, а теперь их вернули с дороги и велели присоединиться к войску кн. И. Ф. Оболенского¹³¹.

Теперь посмотрим, как восприняли весть о приближении мятежного старицкого князя в самом Великом Новгороде. В Новгородской II летописи (представляющей собой ряд выписок из более ранних местных летописей) под 1537 г. говорится: «Того же лета мая в 6 день бысть сметение в Великом Новгороде от князя Ондreja Ивановичя, брата великого князя. Бегали новгородци в осаду, да город обложили того же дни Торговую сторону, а срубили город в три дни»¹³².

В словах новгородского летописца нет и тени симпатии к мятежному удельному князю: здесь он изображен как враг, приближение которого вызвало смуту в городе, оказавшемся вдруг —

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹³² ПСРЛ. Т. 30. С. 204.

в мирное время! — на осадном положении. Другая Новгородская летопись, по списку П. П. Дубровского, так передает настроение жителей: «А в Великом Новгороде тогда бысть печаль велика»; архиепископ Макарий с игуменами, священниками и дьяконами ежедневно совершал молебны «о устроении земском, и о тишине, и о государеве здравии великого князя Ивана Васильевича всеа Руси», и об избавлении «от межусобных брани»¹³³.

События 1537 г. породили у современников и потомков целый ряд исторических ассоциаций. Но если сторонники старицкого князя впоследствии пытались представить его мучеником, подобным святым князьям-страстотерпцам Борису и Глебу, то у новгородцев поход князя Андрея на их город воскресил в памяти призрак Шемякиной смуты: вскоре после подавления старицкого мятежа В. М. Тучков составил по заданию архиепископа Макария новую редакцию жития Михаила Клопского, лейтмотивом которой стала тема осуждения «междоусобной брани», а в образе князя-бегуна Дмитрия Шемяки, пытавшегося найти убежище в Новгороде, прослеживается некоторая аналогия с князем Андреем Старицким¹³⁴.

Итак, новгородцы — вопреки опасениям, о которых говорит официальная московская летопись, — вовсе не собирались сдавать свой город мятежному удельному князю. Характерно, что новгородские летописцы вообще не упоминают о присылке в их город кн. Никиты Оболенского и о данных ему в Москве инструкциях: в местном летописании подготовка к отражению ожидавшегося нападения Андрея Старицкого представлена в виде череды энергичных мер, предпринятых в первую очередь самими городскими властями, светскими и духовными. Так, уже упоминавшееся срочное строительство стены вокруг Торговой стороны, необходимость которого летописец объясняет тем, что «опосле великого пожара поставлен город толко на Софейской стороне»¹³⁵, а на Торговой не поставлен», велось по распоряжению наместников и дьяков, «по великого князя слову Ивана Васильевича всеа Руси и по благословению архиепископью»¹³⁶. В этом упоминании великокняжеско-

¹³³ ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 240.

¹³⁴ См. подробнее: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. Прил. I. С. 477—482.

¹³⁵ «Великим» новгородские летописцы называют пожар августа 1508 г., когда сгорела вся Торговая сторона. Строительство деревянной стены на Софийской стороне относится к 1534 г., см.: ПСРЛ. Т. 43. С. 213, 234.

¹³⁶ Там же. С. 240.

го «слова» можно усмотреть косвенное подтверждение факта присылки из Москвы в Новгород неких инструкций на случай осады города Андреем Старицким. Но приезд великокняжеского посланца (кн. Н. В. Оболенского?) не показался новгородским летописцам событием, достойным специального упоминания.

В строительстве укреплений на Торговой стороне участвовало все население города, и работы были проведены в кратчайший срок: по словам летописца, «поставиша город всем градом, опрично волостей, в пять дней, во человек стоящ в высоту, около всей стороны»¹³⁷. Кроме того, на подступах к городу был поставлен заслон: к Бронницам (в 30 верстах от Новгорода) выдвинулся отряд во главе с дворецким Иваном Никитичем Бутурлиным — «со многими людми и с пушками», по словам Новгородской II летописи¹³⁸.

Теперь, когда нам известна реакция московских и новгородских властей на выступление Андрея Старицкого, посмотрим, что происходило в лагере самого удельного князя.

Последняя часть «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого» выразительно озаглавлена «О изменниках княжо Ондреевых Ивановичь». Действительно, побег из его лагеря начался сразу же, как только князь покинул Старицу. С первого стана в Бернове селе, как мы уже знаем, бежал в Москву дворянин кн. Василий Федоров сын Голубого-Ростовского. Во время третьей остановки — «проехав Волочок Вышней на реке на Цне» — в бега пустились четверо детей боярских: двое братьев Валуевых, Василий и Андрей, а также Проня Бекетов сын Дедевшина и Вешняк Дурной Ефимов сын Харламова. Андрея Валуева страже старицкого князя удалось схватить. «Ближний дворянин» князя Андрея Каша Васильев сын Агарков, «заботам» которого поручили неудачливо беглеца, подверг того пытке (погрузив со связанными руками и ногами в озеро), требуя назвать имена тех, кто еще с ними «в думе был изменити князю». Валуев «сказаша на многих». Каша Агарков доложил об услышанном старицкому дворецкому кн. Юрию Андреевичу Оболенскому, а тот, в свою очередь, самому князю Андрею Ивановичу. Узнав от дворецкого про «своих детей боярских измену», продолжает автор Повести, князь «повеле то закрыти, понеже не всех тех переветати, бе бо их умножишась изменников тех грех

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 43. С. 240.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 30 С. 182. О расстоянии от Бронниц до Новгорода см.: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. С. 65, прим. 47.

ради государевых, которых князь Ондрей Иванович чаял себе искренними слугами...»¹³⁹.

Вероятно, решение князя Андрея прекратить следствие по делу об «измене» было продиктовано опасением, что суровые меры могут оттолкнуть от него тех, кто еще сохранял ему верность и чьи колебания выражались пока лишь в словах, а не в поступках¹⁴⁰.

Побеги продолжались и в дальнейшем: уже накануне заключения соглашения Андрея Ивановича с московскими воеводами, как рассказывает Повесть, «ото князя от Ондрея побежали князь Константин княж Федоров сын Проньского [сын старицкого боярина кн. Ф.Д. Пронского, о «посольстве» которого в Москву в апреле 1537 г. шла речь выше. — *М.К.*], да шут его Гаврила Воеводиць, да ключник погребной Волк Ушаков»¹⁴¹. Комментируя подобные эпизоды, упомянутые в Повести, историки пишут о «быстром распаде» лагеря князя Андрея¹⁴², о массовой «измене» старицких детей боярских, заставившей в конечном счете удельного князя сложить оружие¹⁴³, и даже об «обреченности удельного двора» и «всей удельной системы»¹⁴⁴. Однако такая интерпретация кажется мне односторонним преувеличением.

Повесть действительно свидетельствует о серьезных колебаниях в старицком лагере в момент открытого противостояния с великокняжеским правительством, и это не удивительно: сопровождавшие мятежного князя люди понимали, что многим рискуют, а шансы на успех затеянного похода на Новгород были по существу призрачные: силы сторон были заведомо не равны. Показательно, однако, что никто из бояр и воевод Андрея Ивановича не поддался искушению с выгодой для себя перейти на сторону сильнейшего; все они до конца оставались со своим князем и разделили его участь. Вероятно, поэтому вплоть до момента решающей встречи с

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357. В тексте Повести ошибочно написано «искринными» вместо «искренними».

¹⁴⁰ Сходное объяснение этого эпизода предлагает и А. Л. Юрганов: «...Андрей не хотел в такой момент начинать расследование из-за боязни внести разброд в ряды старицких людей» (*Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 108*).

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357.

¹⁴² *Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 246.*

¹⁴³ *Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 67—71.*

¹⁴⁴ *Полосин И. И. «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого» — источник для истории опричнины Грозного // Его же. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. Сборник статей. М., 1963. С. 62.*

московским войском старицкие полки, как мы увидим, сохранили управляемость и дисциплину: ни о каком «развале» лагеря князя Андрея не может быть и речи.

Осуждая княжеских «изменников», автор Повести воздаст хвалу верным слугам Андрея Ивановича, и в первую очередь — его воеводе кн. Юрию Оболенскому Большому. Как мы помним, в апреле 1537 г. по требованию великокняжеского правительства кн. Ю. А. Оболенский со старицким войском был послан на Коломну. В Повести рассказывается, как он, услышав, «что князь его пошел из свое отчины», молился о том, чтобы Спас и Богородица «сподобили его доехати своего государя князя Ондreja Ивановичь». Затем, «утоясь у воевод великого князя и детей у боярских», воевода «поехаша с Коломны своего князя доежжати». Ю. А. Оболенский нагнал князя Андрея на новгородской дороге, на речке Березае, «мало не доехав Едрого яму». Обрадованный приездом воеводы старицкий князь «обещась его жаловати, и одариша его дарми многими, и учинишь ему честь велию пред всеми»¹⁴⁵.

И. И. Смирнов интерпретирует этот эпизод Повести таким образом, будто воевода бежал из Коломны к своему князю один, без спутников¹⁴⁶. Однако более внимательное прочтение текста источника приводит к другому выводу. Автор Повести упоминает о том, что по дороге кн. Ю. А. Оболенскому пришлось переправляться через Волгу; описание переправы содержит весьма характерные детали, которые заслуживают того, чтобы их здесь привести: оказывается, воевода «Волгу лез под Дегуниным и, перевезшись, *повелеша суды перевозные просечь*»¹⁴⁷ (выделено мной. — М. К.). Кому же кн. Ю. А. Оболенский мог приказать «просечь» суда после переправы? Вероятно, своим спутникам. Еще показательнее то обстоятельство, что судов понадобилось несколько: очевидно, таким образом, что старицкого воеводу сопровождал маленький отряд.

Но не только воеводы демонстрировали верность своему князю: достаточно вспомнить о старицких детях боярских Судке Сатине и Якове Веригине, предупредивших в свое время князя Андрея об аресте его боярина кн. Ф. Д. Пронского и о посылке на Волос великокняжеской рати¹⁴⁸. Словом, картина вырисовывается не столь однозначная, как это представлялось ряду историков. Побе-

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357.

¹⁴⁶ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 67.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

ги из лагеря старицкого князя, безусловно, имели место, но восьми имен «изменников», которых упоминает автор Повести (включая одного дворянина — кн. В. Ф. Голубого-Ростовского, четырех детей боярских, сына кн. Ф. Д. Пронского, шута и погребного ключника), явно недостаточно для вывода о «массовой измене» старицких детей боярских.

Более того, описанные выше случаи побегов старицких детей боярских в Москву «уравновешиваются» сведениями о переходе на сторону князя Андрея Ивановича во время его новгородского похода ряда местных помещиков. После подавления старицкого мятежа, как сообщает Воскресенская летопись, было казнено 30 человек — детей боярских великого князя, новгородских помещиков, которые «приехали в ту пору к князю Андрею да и к Новгороду были пошли с князем»¹⁴⁹. Из них по имени летописец называет двоих: Андрея Иванова сына Пупкова и Гаврилу Владимирову сына Колычевых¹⁵⁰, однако, как установил еще С. Б. Веселовский, имена Колычевых в этом сообщении перепутаны. По родословной книге выясняется, что имелись в виду Гаврила Иванов сын Пупков-Колычев и Андрей Владимиров сын Колычев¹⁵¹. Из того же источника явствует, что вместе с Гаврилой Пупковым был казнен его брат Василий — «во князь Андрееве Ивановиче вине, по отъезде, как князь Андрей Иванович пошел было к великому Новгороду»¹⁵². По весьма вероятному предположению С. Б. Веселовского, жертв среди Колычевых, возможно, было еще больше, так как в этом поколении родословные книги называют среди них слишком много бездетных (23 — на 41 человека)¹⁵³.

На сторону старицкого князя перешел также кн. Иван Семенович Троекуров (из рода Ярославских князей), имевший поместье в Новгородской земле¹⁵⁴. О нем в родословной книге сказано:

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 295.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 144—145; *Зимин А. А.* Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 60.

¹⁵² Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. II. С. 112.

¹⁵³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 145.

¹⁵⁴ В Новгороде был испомещен отец И. С. Троекурова, князь Семен Петрович, см.: *Зимин А. А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 182.

«...князь Иван... казнен в князь Андрееве Ивановича отъезде, как князь Андрей Иванович отступил было от великаго князя, а пошел к великому Новгороду»¹⁵⁵. Много лет спустя об «измене» кн. И. С. Троекурова напоминал в послании его дальнему родственнику, кн. А. М. Курбскому, Иван Грозный: «Тако же потом дядю нашего, князя Андрея Ивановича, изменники на нас подъяша, и с теми изменники пошел был к Новгороду... и в те поры от нас отступили и приложилися к дяде нашему ко князю Андрею, а в головах твой [Андрея Курбского. — М. К.] брат, князь Иван князь Семенов сын князь Петрова Головы Романовича и иные многие»¹⁵⁶.

Переход в мае 1537 г. нескольких десятков детей боярских на сторону старицкого князя стал одним из проявлений описанной в предыдущих главах «шатости» служилого люда, непрочности служебных отношений в условиях, когда великокняжеский престол занимал ребенок. Когда князь Андрей, оказавшись в безвыходном положении, решился бросить открытый вызов правительнице и ее советникам, он без труда нашел уязвимое место в позиции правительства, и именно этот пункт стал центральным аргументом в грамотах, которые удельный князь рассылал по новгородским погостам: «князь велики мал, а держат государство боаре, и вам у кого служить? и вы едете ко мне служить, а яз вас рад жаловати»¹⁵⁷. Как нам уже известно, этот призыв старицкого князя был услышан.

Зная последующий ход событий, историки охотно рассуждают об «обреченности» старицкого князя и даже всей «удельной системы» и тем самым невольно преуменьшают остроту политического кризиса, в котором оказалось Русское государство в мае 1537 г. Между тем современники оценивали шансы Андрея Старицкого по-другому: как было показано выше, московским и новгородским властям он внушал серьезные опасения, а какая-то часть служилого люда связывала с ним определенные надежды.

¹⁵⁵ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. I. С. 116.

¹⁵⁶ ПГК. Л., 1979. С. 27 (1-я пространная редакция Первого послания Ивана Грозного Андрею Курбскому). Во второй редакции того же послания «изменником» назван уже сам князь Андрей Старицкий, зато точно указаны имена и отчества отца и деда И. С. Троекурова: «Иван княж Семенов сын княж Петрова Лвова Романовича» (Там же. С. 76). О предках кн. Ивана Семеновича см. в составленной В. Б. Кобриным поколенной росписи князей Ярославских: Кобрин В. Б. Материалы генеалогии. С. 23. № 75; С. 27. № 143; С. 38. № 270.

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

Ожидания, вызванные новгородским походом князя Андрея, отразились в слухах, за которыми внимательно следили западные соседи России. В этой связи интересна корреспонденция, которую в конце мая 1537 г. получил из Ливонии прусский герцог Альбрехт. В настоящее время письма, о которых идет речь, хранятся в Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия (Берлин — Далем); до сих пор они не попадали в поле зрения историков, исследовавших интересующие нас события.

28 мая 1537 г. Вильгельм, маркграф Бранденбургский и коадьютор рижского архиепископа, писал в Кенигсберг своему брату герцогу Альбрехту о том, что ливонский магистр настаивает на срочном созыве ландтага; основанием для этого послужила весть о «московите, князе Андрее, который восстал против своего правящего великого князя, собрал около 60 тысяч человек, взял Новгород и собирается двинуться на Псков» («*Muschkawitter, knize Andrea, so sich gegenn seinen herrenndennn Grosfürste umpöpöret, bei LI^m mann ann sich gezogen, Nowgart eingenohmenn unnd...¹⁵⁸ uff Plezschkaw zu zihenn fürhabenns*»)¹⁵⁹.

Некоторые подробности к приведенному выше сообщению добавляет в письме Альбрехту, датированном тем же числом, гофмейстер маркграфа Вильгельма — Майнеке фон Ширштедт. Известия из Московии (*aus der Muschke*) он начинает рассказом о нападении татар, причинивших «московитам» большой ущерб и разбивших будто бы к востоку от Москвы 32-тысячное войско. Следующая новость относится к Андрею Старицкому: «...брат покойного Московита, князь Андрей, восстал (*ist der altgestorbenen Muschwiters bruder einer knizi Andres auf*) и дает понять, что он имеет такое же право на страну, как и молодой [государь], который сейчас правит (*und last sich dünkken er habe wol so gud recht zumb land als der jung der iyz regird*)». Собрав «до 60 тысяч» [человек], продолжает Ширштедт, князь стоит под Новгородом; «как говорят, он уже взял Новгород и находится под Псковом (*wie man sagt sol er schon Nowgard in habe und seid vor Pleschkaw*)»¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Одно слово написано неразборчиво.

¹⁵⁹ GStAPK. Herzogliches Briefarchiv. D. № 930. Листы дела не нумерованы.

¹⁶⁰ GStAPK. Herzogliches Briefarchiv. D. № 932. Листы дела не нумерованы. Краткие регесты обоих процитированных документов приведены в кн.: Herzog Albrecht von Preussen und Livland (1534—1540): Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreussischen Folianten / Bearbeitet von St. Hartmann. Köln u.a., 1999. № 930. S. 366; № 932. S. 371.

Разумеется, известие о будто бы 60-тысячном войске, собранном мятежным князем, было сильно преувеличено. Впрочем, новгородский летописец также отмечал внушительные размеры старицкого войска: по его словам, князь Андрей «поиде к Великому Новгороду со многою силою»¹⁶¹. Зато другая часть сообщения Шишtedта — о претензиях старицкого князя на престол — полностью соответствовала действительности. Летописи не выдвигают прямо такого обвинения против дяди Ивана IV, но в наказе посланнику Савину Михайлову сыну Емельянову, отправленному 23 декабря 1537 г. в Литву, говорилось без обиняков, что князь Андрей «умышляти учял на самого государя и под ним государств достати». А по поводу новгородского похода старицкого князя там же был дан такой комментарий: «А умышлял и не к Новгороду, и о болших государствах в мысли было»¹⁶².

Но главная ценность информации, записанной ливонскими властями, не в фактических подробностях; да и трудно было бы ожидать от подобных слухов особой точности. Приведенные известия интересны прежде всего тем, что они хорошо передают напряженную обстановку мая 1537 г., когда ожидалось, по-видимому, что дядя юного государя вот-вот возьмет Новгород, а затем двинется на Псков. Однако, вопреки надеждам одних и опасениям других, Андрей Старицкий не стал осаждать город на Волхове.

Воскресенская летопись и Новгородская летопись по списку Дубровского, дополняя друг друга, дают довольно ясное представление о маршруте мятежного князя. Андрей Старицкий шел по «великой дороге», соединявшей Москву и Новгород, до Яжелбицкой волости; затем от Заецкого яма он повернул налево к Старой Русе и, пройдя верст пять, остановился в селе Тюхоли, находившемся всего в 50 верстах от Новгорода¹⁶³. Здесь его «наехали» московские воеводы во главе с кн. И. Ф. Овчиной Оболенским.

Можно выдвигать различные гипотезы относительно того, почему князь Андрей в последний момент отказался от идеи взятия Новгорода. Была ли тому причиной свойственная старицкому князю нерешительность, неуверенность в своих силах, или существовали еще какие-то мотивы, за неимением данных, сказать сложно. Но обращают на себя внимание некоторые особенности поведения Андрея Старицкого в Новгородской земле, которые отметил мест-

¹⁶¹ ПСРЛ. Т. 43. С. 240.

¹⁶² Сб. РИО. Т. 59. С. 137.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 8. С. 294; Т. 43. С. 241.

ный летописец: князь «не воева волостей, ни плени, но корм емя собе со многими людьми собе и конской, и тем много шкоты и убытка сотвори»¹⁶⁴. Показательно, что мятежный князь ограничивался сбором провианта и фуража, но собственно военных действий не вел, опасаясь, видимо, перейти последнюю черту, за которой началась уже «междоусобная брань».

Разряд похода московского войска против старицкого князя не сохранился, но участвовавших в нем воевод довольно подробно перечисляет автор «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого»: помимо главного воеводы — кн. Ивана Федоровича Овчины Оболенского, он называет князей Романа Ивановича Одоевского, Дмитрия Ивановича Курлятева-Оболенского, Василия Федоровича Лопатина-Оболенского, а также окольничего Дмитрия Даниловича Слепого¹⁶⁵. Обращает на себя внимание большое «представительство» клана Оболенских в войске, посланном на подавление старицкого мятежа: из пяти воевод, названных в Повести, трое принадлежали к упомянутому княжескому роду. К этому перечню нужно добавить еще кн. Никиту Васильевича Хромого Оболенского, который, как мы помним, при первых известиях о движении старицкого князя к Новгороду был послан из Москвы укреплять этот город¹⁶⁶.

Что касается кн. В. Ф. Лопатина-Оболенского, то его имя уже встречалось на этих страницах: в начале 1537 г. правительница посылала его с мирной миссией к старицкому князю, пытаясь уговорить Андрея Ивановича приехать в Москву. Но и другие «эmissары» правительства, побывавшие тогда в Старице, — князья Василий Семенович Серебряный и Борис Дмитриевич Щепин¹⁶⁷, — также относились к роду Оболенских. Как видим, правительница и ее фаворит и в мирной, и в военной фазе противостояния с удельным князем предпочитали опираться на избранный круг людей, которым могли полностью доверять, и в первую очередь — на родственников князя Ивана Овчины.

Но представители этого разветвленного клана служили и при дворе старицкого князя¹⁶⁸; в частности упомянутый выше кн. Юрий Большой Пенинский-Оболенский был воеводой, а его брат кн.

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. 43. С. 240.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹⁶⁷ СГГД. Ч. II. № 30. С. 37.

¹⁶⁸ См. подробнее: *Зимин А. А.* Удельные князья и их дворы. С. 181—182.

Юрий Меньшой — дворецким князя Андрея Ивановича. Таким образом, в мае 1537 г. дело в буквальном смысле чуть не дошло до братоубийственной войны.

Встреча московского и старицкого войска, согласно Вологодско-Пермской летописи, произошла в трех верстах от Заецкого яма и в 60 верстах от Новгорода, «под Лютовою горою»¹⁶⁹. Поначалу, судя по рассказам летописцев, обе стороны демонстрировали решимость сражаться: «...князь Ондрей с князем Иваном [Овчиной Оболенским. — М. К.] на бой стал, — говорит Воскресенская летопись, — люди свои въоружил и полки пошел на князя Ивана. А князь Иван против князя Андреа великого князя людем въеводы устроил и полки уставил и, учреди полки и взял Бога по помощь, пошел против князя Ондрея»¹⁷⁰. Произошло даже небольшое боевое столкновение: по словам одного из новгородских летописцев, «тут была ссравка людем с обе половины, а падения людем смертного не было, Божию милостью»¹⁷¹. Так же оценивает этот эпизод другой летописец: «протержка меж людей была не велика»¹⁷².

Некоторые подробности добавляет «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого»: оказывается, шедший в авангарде московской рати Василий Прокофьев сын Розладына Квашнин «начаша наступати на княжо Ондреевых на Ивановичь сторожов на задних, а в сторожах был от князя от Ондрея назаде Иван Борисович Колычов. Князь же Ондрей Ивановичь сташа и ополчишась и восхотеша с воеводами с великого князя битись»¹⁷³. Как видим, перед лицом превосходящих сил противника старицкое войско сохраняло боевой дух и порядок; приведенные выше утверждения некоторых историков о «распаде» лагеря князя Андрея не имеют под собой серьезных оснований.

Но до настоящего сражения дело так и не дошло: стороны начали переговоры. Инициативу начала переговоров официальные летописи приписывают князю Андрею, а сочувствовавший ему автор Повести — московским воеводам. Согласно Воскресенской

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. 26. С. 318. Согласно краткому Новгородскому летописцу по списку Н. К. Никольского, две рати сошлись в двух верстах от Заецкого яма (ПСРЛ. ТЛ., 1929. Т. 4, ч. 1. Вып. 3. С. 616). Все источники согласны в том, что лагерь старицкого князя располагался в Тюхоях, а место для боя, очевидно, было выбрано в нескольких верстах от этого села.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Вып. 3. С. 616.

¹⁷² ПСРЛ. Т. 43. С. 241.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357.

летописи, увидев великокняжеские полки, князь Андрей «не захотел с великим князем бою поставити, и нача с князем Иваном [Овчиной Оболенским. — М. К.] ссылатися, а у князя Ивана учал правды просити, что его великому князю не поимати и опалы на него великие не положить»¹⁷⁴. Здесь в летописном рассказе можно заметить определенное противоречие: несколькими строчками выше говорилось о том, что старицкий князь «на бой стал» против московских воевод, «люди свои вооружил» и двинул полки на князя Ивана Овчину¹⁷⁵; а затем вдруг оказывается, что при виде великокняжеских полков вся решительность князя Андрея куда-то пропала, и он начал с князем И. Ф. Оболенским «ссылатися» и «правды» у него просить.

Официальная версия событий не внушает доверия еще и потому, что в ней ни слова не говорится о стычке между старицкими и московскими полками, о которой рассказывают новгородские летописи. Значит, вид московской рати вовсе не устрасил князя Андрея, как пытается представить дело Воскресенская летопись¹⁷⁶.

Совершенно иначе описано начало переговоров в «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого». Сообщив о намерении своего героя «с воеводами с великого князя битись», автор Повести далее пишет: «И великого князя воеводы князь Иван Федорович Овчина и прочии воеводы начаша посылати ко князю Ондрею, чтобы против великого князя не стоял и крови христианские не пролил...»¹⁷⁷

Большинство исследователей отдают предпочтение версии, изложенной в Повести¹⁷⁸, но А. А. Зимин, указывая на тенденциозность этого памятника, составленного сторонником Андрея Старицкого, и на то обстоятельство, что сильнейшей стороной в этом противостоянии были московские воеводы, высказался в пользу версии Воскресенской летописи¹⁷⁹. Однако упомянутая летопись

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Та же официальная версия, но только в сокращенном и еще менее правдоподобном виде изложена в Летописце начала царства: здесь эпизод встречи двух ратей на поле боя вообще опущен и все дело сведено к тому, что, как только князь Иван Овчина настиг («дошел») старицкого князя в Тюхале, тот «нача ссылатися со князем Иваном, у князя Ивана учал правды просити» и т.д. (ПСРЛ. Т. 29. С. 29).

¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357.

¹⁷⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 71; Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 109.

¹⁷⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 247, прим. 1.

никак не менее тенденциозна, чем Повесть. К тому же, как было показано выше, официальный летописец умалчивает часть важной информации, которая, очевидно, не соответствовала его трактовке событий. Что же касается аргумента А. А. Зимина о том, что в переговорах была больше заинтересована слабейшая сторона, чем сильнейшая, то он носит чисто логический характер. В реальной обстановке мая 1537 г. обе стороны, по-видимому, стремились избежать кровопролития.

Решающим доводом в пользу большей достоверности версии Повести служит не только и не столько обстоятельство, с которой описан в ней ход переговоров, сколько прежде всего совпадение части сообщаемой автором информации с рассказом Новгородской летописи, которая в данном случае занимает, так сказать, «нейтральную» позицию, не симпатизируя явно ни московским властям, ни тем более старицкому князю. Вот как описывает начало переговоров Новгородская летопись по списку Дубровского: после небольшой стычки («протержки») стороны «начаша о миру обсылатися и говорити, и помянуша, яко единым крещением вси просветишася, дажь бы не была межусобная брань и кровопролитие христианом»¹⁸⁰. Но тот же мотив предотвращения кровопролития между христианами звучит и в «Повести о поимании князя Андрея Старицкого»: здесь этот аргумент вложен в уста князя Ивана Овчины и других московских воевод, которые «начаша посылати ко князю Ондрею, чтобы против великого князя не стоял и *крови христианские не пролил*»¹⁸¹ (выделено мной. — М. К.).

Дальнейший ход переговоров подробнее всего описан опять-таки в тексте Повести: призывая старицкого князя не проливать «кровь христианскую», воеводы в то же время обещали от имени государя и его матери великой княгини, что Андрея Ивановича отпустят «невредимо» в его вотчину вместе со своими боярами и детьми боярскими. Ввиду приближения темноты переговоры пришлось прервать («И того дни не успеха дела в слове положить, понеже бо приспе вечер...»). На следующий же день «воеводы великого князя даша правду князю Ондрею Ивановичь и крест целовали на том, что великому князю Иоану Васильевичь и матери его великой княине Елене князя Ондрея Ивановичь отпустить на его вотчину и сь его бояры и з детми з боярскими совсем невредимо»¹⁸².

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 43. С. 241.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357.

¹⁸² Там же.

Почти в тех же словах суть достигнутых под Новгородом договоренностей передана в Постниковском летописце: «...воеводы великого князя, князь Иван Овчина и иные, взяли его [князя Андрея. — М. К.] на душу, что было его пустить на отчину на его, на Старицу»¹⁸³. О том же, но более пышным слогом поведал и новгородский летописец: «И положиша межъ себя князь Андрей Иванович и государя великого князя воеводы, князь Иван Федорович и князь Василий Федорович [Оболенские. — М. К.], обеты великия и всякия правды, и крест честный межъ себя целоваху: поехати князю Андрею на свой удел и служить ему государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси верою и правдою, и государь князь велики жалует его, как ему Бог положит по сердцу»¹⁸⁴.

Таким образом, независимые друг от друга источники сходно передают содержание соглашения, на котором целовали крест удельный князь и московские воеводы, и это обстоятельство повышает доверие к информации, изложенной в «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого»¹⁸⁵.

Официальные летописи (Воскресенская и Летописец начала царства) пытаются представить дело так, будто князь Иван Овчина Оболенский самовольно, без ведома правительницы, предоставил гарантии неприкосновенности («правду дал») старицкому князю, а факт целования креста вообще ими замалчивается: «...а князю Ивану, — говорится в Воскресенской летописи, — то от великого князя не наказано, что ему правда дати князю Андрею, и князь

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 34. С. 25.

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. 43. С. 241.

¹⁸⁵ В изложении Вологодско-Пермской летописи соглашение выглядит еще более выгодным для князя Андрея Ивановича: по словам летописца, «крест князю Ондрею князь Никита и князь Иван Оболенские целовали на том, что его государю великому князю Ивану Васильевичу и его матери великой княгине Елене пожаловати и вотчины ему придати, и не двинути его ничем» (ПСРЛ. Т. 26. С. 318). Однако обязательство «вотчины придати» старицкому князю ни одним другим источником не подтверждается и, возможно, является плодом вольной интерпретации летописцем «докончания», известно-го ему понаслышке. Сомнение по поводу приведенного известия усиливается и в связи с упоминанием среди московских воевод в новгородском походе князя Никиты Оболенского: в самом подробном списке воевод, помещенном в «Повести о поимании князя Андрея Старицкого», этого имени нет. Не исключено, что под пером составителя Вологодско-Пермской летописи совместились два разных события: отправка князей Никиты и Ивана Овчины Оболенских на Волок в апреле 1537 г. (еще до ухода князя Андрея из Старицы) и посылка московской рати во главе с кн. И. Ф. Овчиной Оболенским против мятежного князя к Новгороду.

Иван, не обославшись с великим князем, да князю Андрею правду дал да с князем Андреем вместе и на Москву поехал». За такое самовольство конюший боярин даже якобы получил выговор («словесную опалу») от правительницы: «И князь великий и его мати великая княгини на князя на Ивана на Овчину о том словесную опалу великую положили, что без их веления князю Андрею правду дал...»¹⁸⁶ Летописец начала царства кратко отмечает, что решение кн. Ивана Овчины Оболенского не было согласовано с верховной властью («...князь Иван Овчина, с великим князем не обослався, да князю Ондрею правду дал...»), но об «опале», будто бы наложенной за это на боярина, не говорит ни слова¹⁸⁷.

Версия о том, что, предоставляя гарантии безопасности старицкому князю, кн. И. Ф. Овчина Оболенский превысил данные ему полномочия, понадобилась официальному летописцу для того, чтобы хоть как-то завуалировать факт явного вероломства Елены Глинской и ее советников. За исключением двух указанных выше летописей, ни один другой источник не противопоставляет действия московских воевод намерениям великокняжеского правительства, а Вологодско-Пермская летопись прямо говорит о том, что бояре выполняли полученные из Москвы указания: «И князь великий и великая княгини послали за ним [Андреем Старицким. — М. К.] боярина своего князя Микиту Васильевича Оболенского Хромого да боярина же своего и конюшего князя Ивана Федоровича Оболенского Телепнева Овчину, а велели его к себе звать, чтоб он шол на Москву, а князь великий его пожалует и вотчины ему придаст»¹⁸⁸. Заключение под Новгородом соглашение с удельным князем, как его излагает эта летопись, полностью соответствовало упомянутому наказу.

Уместно также напомнить, что правительница и раньше не раз давала подтверждения и гарантии своих добрых намерений в отношении Андрея Старицкого. В 1536-м или начале 1537 г., чтобы развеять подозрения князя, Елена велела целовать крест боярину кн. И. В. Шуйскому, дворецкому И. Ю. Поджегину и дьяку Меньшому Путятину в том, что у нее «на него мнения никоторого нет»¹⁸⁹; а когда в конце апреля 1537 г. стало известно о планах Андрея Ивановича покинуть свой удел, отправляемой к нему духовной миссии

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 26. С. 317—318.

¹⁸⁹ СГГД. Ч. II. № 31. С. 39.

во главе с крутицким епископом Досифеем было велено «ся... имати по великом князе и по его матери великой княгине [т.е. дать от их имени гарантии. — М. К.], что у них лиха в мысли нет никоторого»¹⁹⁰. Таким образом, на переговорах с удельным князем под Новгородом московские воеводы лишь прибегли к тактике, которую ранее уже использовали другие эмиссары правительства.

Наконец, если принять во внимание роль, которую боярин и конюший кн. И. Ф. Оболенский играл при дворе правительницы, то просто невозможно поверить в наличие каких-то разногласий по «старицкому вопросу» между великой княгиней и ее фаворитом.

3. От Новгорода до Москвы. Эпилог старицкой драмы

Соглашение, заключенное под Лютовой горой и скрепленное крестоцелованием сторон, положило конец старицкому мятежу, который само правительство и спровоцировало. Последующие события — прибытие удельного князя в Москву в сопровождении (а точнее, под конвоем) великокняжеских воевод и суровые репрессии, которым подвергся Андрей Иванович, его семья, советники и сторонники, — можно назвать уже эпилогом старицкой драмы.

Мы не знаем, о чем думал старицкий князь по пути из Новгородской земли в Москву. Вероятно, он и его спутники догадывались о том, что их ждет. Об этом свидетельствует, в частности, заключительный эпизод «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого»: уже при подъезде к столице, «у Николы святого на Хынске», один из стольников, князь Иван Шах Чернятинский¹⁹¹, «видев государя своего князя Ондreja Ивановичь незгоду, нача советовати з столники¹⁹² с княж с Ондреевыми, дабы ему сложить с собя князю Ондрею Ивановичь крестное целованье, убоявсь поиманья от великого князя, и не добыша себе поборника никого же»¹⁹³. Около московского посада Иван Шах вторично попытался покинуть княжескую службу и «нача складывати с собя крестное

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

¹⁹¹ Иван Шах был сыном кн. Василия Андреевича Чернятинского, служившего воеводой в уделе Андрея Старицкого, см.: *Зимин А. А.* Удельные князья и их дворы. С. 182.

¹⁹² В тексте Повести ошибочно: «столпники».

¹⁹³ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357.

целованье Ивану Ивановичу Колычову Умному, чтобы князю сказал». Но тот ответил отказом: «Иван же Умной в том ему слове от- рече...»¹⁹⁴ (на этом текст Повести обрывается).

Удивительно в приведенном эпизоде не то, что молодой старицкий дворянин, «убоявшись поимания от великого князя», проявил малодушие, а то, что он не нашел себе «поборников»: даже перед угрозой весьма вероятных репрессий приближенные князя Андрея сохранили ему верность.

День прибытия старицкого князя в Москву отмечен только в Вологодско-Пермской летописи; следом идет сообщение о его аресте: «И приехал князь Ондрей Иванович на Москву июня... [здесь в рукописи оставлено место для числа. — *М. К.*], в четверг, а в субботу князь великий Иван велел князя Ондрея поимати, и на очех у великого князя не был...»¹⁹⁵ Дату ареста мятежного князя называет Постниковский летописец: «И посадили его [князя Андрея. — *М. К.*] в полату в набережную з дворца июня 1 день, в субботу, на канун заговейна Петрова»¹⁹⁶. Однако, как отметил А. А. Зимин, летописец в данном случае допустил неточность: суббота в 1537 г. пришлось на 2 июня¹⁹⁷. Поскольку два независимых друг от друга источника называют один и тот же день недели (субботу), то, вероятно, как это нередко бывает в летописании, ошибка была допущена в Постниковском летописце при определении календарного числа. С учетом этой поправки можно считать установленным, что князь Андрей прибыл в Москву 31 мая, в четверг, а через день, 2 июня, в субботу, был взят под стражу. Местом заточения старицкого князя стала та же палата, где ранее сидел его брат — князь Юрий Дмитровский¹⁹⁸.

Опала постигла и семью удельного князя: его жену Евфросинию (из рода князей Хованских) посадили на Берсеневском дворе в Кремле. Двор этот после казни его владельца, И. Н. Берсенья Беклемишева (1525 г.), использовался как тюрьма для знатных арестантов. Как сообщает хорошо осведомленный Постниковский летописец, на этом дворе в свое время содержалась вдова князя Василия Шемячича с дочерьми¹⁹⁹. По словам того же источника, старицкую княгиню поначалу разлучили с сыном, маленьким князем Влади-

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357.

¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. 26. С. 318.

¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 25.

¹⁹⁷ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 247, прим. 3.

¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. 26. С. 318.

миром, которому не исполнилось еще и трех лет: его «дали Федору Карпову блюсти». «И у Федора у Карпова княж Ондреев сын побыл немного, — продолжает летописец, — и у Федора его взяли да к матери же его посадили в тын. А был с матери в тыну и до выпуска»²⁰⁰.

Жестокая расправа ждала советников старицкого князя — тех, которые, по словам Воскресенской летописи, «у него [князя Андрея. — М. К.] в избе были и его думу ведали»: их пытали, затем подвергли торговой казни (т.е. битью кнутом на площади) и, сковав, посадили в угловую башню Кремля. Эта участь постигла старицкого боярина кн. Федора Дмитриевича Пронского, троих братьев князей Пенинских-Оболенских: Ивана Андреевича (боярина), Юрия Андреевича Меньшого (дворецкого) и Юрия Андреевича Большого (воеводы), а также конюшего кн. Бориса Ивановича Палецкого, Ивана Ивановича Умного Колычева и княжеского шурина — кн. Ивана Андреевича Хованского²⁰¹.

Те же имена старицких бояр, после торговой казни посаженных «в стрельню наугольную Свиблову», перечисляет и Постниковский летописец, добавляя: «И сидели и до великие княгини смерти. А князя Федора Пронского тут в тюрьме не стало»²⁰².

Несколько иной список арестованных приводит Вологодско-Пермская летопись: помимо кн. Ф. Д. Пронского и И. И. Умного Колычева, здесь названы кн. Иван Федорович Хованский (возможно, ошибочно вместо «Ивана Андреевича»), а также двое князей Чернятинских. Но пострадавших было гораздо больше: «...и иных многих детей боярских княж Ондреевых переимаша и по городом розослаша», — заключает рассказ летописец²⁰³.

Если думцы князя Андрея были подвергнуты позорящему наказанию (торговой казни), но им по «печалованию» митрополита была сохранена жизнь²⁰⁴, то великокняжеские дети боярские, перешедшие было на сторону мятежного князя, не могли рассчитывать

¹⁹⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 25.

²⁰⁰ Там же. С. 26.

²⁰¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 294—295.

²⁰² ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

²⁰³ ПСРЛ. Т. 26. С. 318.

²⁰⁴ В посольском наказе Савину Емельянову (декабрь 1537 г.) говорилось: «Господь Бог против того ему [Андрею Старицкому. — М. К.] возмездие воздал: велел государь его посадити на крепость, а изменников — его думец, которые ему на то думали, велел казнити торговою казнью, а смертную казнь митрополит отпросил...» (Сб. РИО. Т. 59. С. 137).

на снисхождение. Как сообщает Воскресенская летопись, тридцать человек новгородских помещиков, присоединившихся к князю Андрею, «велел князь великий бити кнутьем на Москве да казнити смертною казнию, вешати по Наугородцкой дорозе не вместе и до Новгорода»²⁰⁵.

Известие официальной Московской летописи подтверждается рассказом краткого Новгородского летописца по списку Никольского, причем с ценным дополнением: по словам этого Летописца, «в осень» 7046 (т.е. 1537) г. «князь великий Иван Васильевич всея Руси ополелся на детей боярских, которые отъехали к князю Андрею Ивановичу, к его дяде, как он шол к Великому Новгороду, и велел их государь казнити, везучи от Москвы по великой дорозе и до Великого Новгорода, а в Новгороде казнили пятерых, октября 7 день»²⁰⁶.

Таким образом, следствие по старицкому «делу» тянулось до самой осени. Казни новгородских помещиков, изменивших великому князю, начались, вероятно, в сентябре и закончились в начале октября 1537 г.

Два месяца спустя, 10 декабря, умер в заточении князь Андрей Иванович Старицкий: «преставися... в нуже страдальческою смертью», по словам Летописца начала царства²⁰⁷.

Насильственная смерть князя вызвала сочувствие даже у новгородского летописца, ранее отметившего «смятение» жителей его родного города при приближении старицкого войска. Характерно, что летописец в данном случае отказался от этикетных формул, приписывавших все решения юному великому князю, и прямо назвал тех, кто обрек младшего брата Василия III на мучительную смерть: «Того же лета поимали князя Ондreja Ивановича, великого князя брата, великая княгиня Олена да митрополит Данил и посадили его в Набережную полату, да положили его [так в тексте. — М. К.] великую тягость и умориша его смертию»²⁰⁸.

²⁰⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 295.

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Вып. 3. С. 616.

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 31.

²⁰⁸ ПСРЛ. Т. 30. С. 204. В приведенном М. Н. Тихомировым отрывке из неопубликованного Новгородского Хронографа так говорится о кончине князя Андрея: «...и посадиша его в заточение на смерть и умориша его под шляпою железною...» (цит. по: *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 221).

* * *

События весны 1537 г. стали уже вторым с момента смерти Василия III проявлением острого политического кризиса. Однако, в отличие от 1534 г., новое обострение ситуации было в значительной мере спровоцировано самим правительством.

Пока был жив сидевший в темнице князь Юрий Дмитровский, его младший брат Андрей не был в глазах московских властей претендентом на престол и, следовательно, мог чувствовать себя в относительной безопасности. Сохранение такого статус-кво, по-видимому, устраивало и правительницу: показательно, во всяком случае, что Юрий Иванович прожил в тюрьме более двух с половиной лет (с 9 декабря 1533 до 3 августа 1536 г.), в то время как его брат Андрей, оказавшись в той же каменной палате 2 июня 1537 г., угод под тяжестью наложенных на него оков всего за полгода.

Смерть Юрия 3 августа 1536 г. лишила покоя и старицкого князя, и великокняжеское правительство. Вновь возникла ситуация династического кризиса. Вероятно, советники говорили Елене о князе Андрее, как в декабре 1533 г. о дмитровском князе, что если не «поймать» князя Андрея Ивановича, то «великого князя государству крепку быти нельзя, потому что государь еще млад», а князь Андрей взрослый («совершенный») человек, людей «приучить» умеет; и как люди к нему пойдут, он станет под великим князем «государства его подискивати». Вот тогда-то, дождавшись отъезда из Москвы литовского посольства, правительница стала с удвоенной энергией зазывать старицкого князя в столицу. Дальнейшее нам уже известно: не желая повторить участь брата Юрия, Андрей Иванович стал мятежником поневоле. В течение месяца страна находилась на грани братоубийственной войны.

Противоборствующим сторонам хватило мудрости или осторожности не перейти эту грань. Мятеж был подавлен бескровно. Но последовавшие затем репрессии против его участников, как представляется, имели в дальнейшем негативные последствия для правительницы и ее окружения. За недолгий период пребывания Елены Глинской у власти очень многие знатные семьи были в той или иной степени затронуты опалами и казнями: князья Шуйские, Бельские, Воротынские, Трубецкие, Глинские, а если спуститься на ступень ниже, то и князья Ярославские, Пронские, Пенинские—Оболенские, Хованские, Чернятинские, из старинных нетитулованных родов — Колычевы... У пострадавших были родственники,

чье отношение к правительнице и ее фавориту нетрудно себе представить. И, разумеется, расправа с обоими удельными князьями, братьями покойного Василия III, не добавила популярности его вдове.

Елена Глинская пережила князя Андрея Старицкого на неполных четыре месяца, а с ее смертью рухнул и созданный при ее активном участии политический режим.

Глава 5

ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ 1538—1543 гг.

1. СМЕРТЬ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ

Со смертью князя Андрея Старицкого династическая проблема перестала тревожить опекунов юного Ивана IV: реальные претенденты на великокняжеский престол в лице братьев покойного Василия III были физически устранены. Но «лечение» оказалось ничуть не лучше самой «болезни». Как было показано в предыдущей главе, репрессивные меры, к которым неоднократно прибегала великая княгиня за несколько лет своего правления, серьезно сузили базу ее поддержки в придворной среде. Многочисленные родственники опальных и казненных не могли питать добрых чувств к правительнице и ее фавориту. Вероломная расправа со старицким князем — в нарушение крестоцелования — вызвала, по видимому, осуждение в обществе.

Настроения подобного рода отразились в известиях из России, которые осенью 1537 г. были записаны в Ливонии. Уже упоминавшийся выше маркграф Бранденбургский Вильгельм, сообщив в письме от 6 ноября указанного года своему брату, герцогу Пруссии Альбрехту, о заточении князя Андрея в тюрьму после скрепленного крестоцелованием соглашения с регентом юного великого князя, поведал далее, что «за эту измену (untrew) отплатили москвитам татары — разграблением и опустошением многих земель, замков (Schlosser) и городов, а также... уводом людей и имущества (volk und guttern)», «отплатили в таком масштабе (der masenn vorgül-denn), о котором уже много лет никто не слыхивал»¹.

В приведенном сообщении нашествие татар выглядит как Божья кара, как ниспосланное свыше наказание стране за вероломство ее правителей. Вполне возможно, впрочем, что такая интерпретация событий принадлежит самому коадьютору рижского

¹ GStAPK. Herzogliches Briefarchiv. D. Nr. 958.

архиепископа. Но «верные известия» (*gewisse zeitungenn*) из Московии, которые он пересказывает в своем письме, конечно, содержали не только факты, но и их оценку. Если уж некоторые летописцы, как мы помним, с укоризной писали о явном вероломстве правительницы, то в разговорах, надо полагать, звучали гораздо более резкие суждения о действиях великой княгини и князя Ивана Овчины Оболенского, в том числе, возможно, и опасения Божьего гнева.

Еще рельефнее отношение к правительнице проявилось в реакции на ее смерть, наступившую 3 апреля 1538 г.

Последнее событие в жизни великой княгини, о котором упоминает официальная летопись, — поездка с детьми на богомолье в Можайский Никольский собор, который, по-видимому, пользовался особым вниманием правительницы: сохранилась (в списке XVII в.) жалованная грамота, выданная 16 декабря 1536 г. от имени великого князя протопопу Никольского собора в Можайске Афанасию². Елена Васильевна с сыновьями Иваном и Юрием выехала из Москвы 24 января 1538 г.; «слушав молебна и божественныя литургии и знаменався у святого образа» в Никольском соборе, 31 января она вернулась в столицу³.

Далее в летописи говорится о возвращении великокняжеских посланников из Крыма и Литвы, а также о прибытии турецкого посольства. На этом будничном фоне совершенно неожиданной выглядит следующая летописная статья, озаглавленная «О преставлении великие княгини»⁴.

Обращает на себя внимание лаконичность ранних летописных известий о смерти Елены Глинской. Так, Воскресенская летопись сообщает: «В лето 7046, апреля 3, в среду пятые недели святого поста, в 2 часа дни, преставися благовернаго великого князя Василиа Ивановича благоверная велика княгини Елена, княже Васильева дщи Лвовича Глинского; а положена бысть в церкви Възнесения Господа нашего Исуса Христа, възле великую княгиню Софию великого князя Ивана Васильевича»⁵.

² Молчанова Н. К. Жалованная грамота Никольскому Можайскому собору 1536 г. // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 127—128.

³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 31.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 295. Тот же текст читается в списке Оболенского Никоновской летописи, в Царственной книге и Пискаревском летописце: ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, ч. 1. С. 98 (правый столбец); СПб., 1906. Т. 13, ч. 2. С. 431; М., 1978. Т. 34. С. 173.

Еще короче сообщение Постниковского летописца, который называет другую дату кончины правительницы: «В лета 7046 априля в 2 день преставися великая княгини Елена на память преподобнаго отца нашего исповедника Никиты, игумена никомидейскаго, со вторника на среду в 7 час наши. И положена бысть в Вознесения»⁶.

Лишь в 50-е гг. XVI в. появляется что-то вроде некролога великой княгине. Взяв за основу известие Воскресенской летописи о преставлении 3 апреля (именно эта дата утвердилась в летописании) «благочестивой великой княгини Елены», составитель Летописца начала царства дополнил это краткое сообщение своего рода подведением итога четырехлетнему правлению вдовы Василия III: «А была после мужа своего великого князя Василия Ивановича всея Руси с сыном своим с великим князем Иваном Васильевичем всея Руси и властѣрѣствовала государством великия Россия четыре лета и четыре месяца того ради, младу бо сущу великому князю Ивану Васильевичу сыну ея, наставшему осмому лету от рожения его». Летописец заканчивает свой рассказ упоминанием о погребении Елены Васильевны в Вознесенском монастыре, в усыпальнице великих княгинь, рядом с гробницей Софьи, жены Ивана III⁷.

Создается впечатление, что смерть правительницы была внезапной: во всяком случае, летописцы ни словом не упоминают о какой-либо болезни, предшествовавшей кончине великой княгини. Правда, Р. Г. Скрынников видит косвенное свидетельство ее недуга в частых поездках Елены на богомолье: «С 1537 г., — пишет ученый, — великая княгиня стала усердно посещать монастыри ради богомолья, что указывало на ухудшение ее здоровья»⁸. Действительно, в указанном году она дважды (в июне и в конце сентября) ездила вместе с сыновьями в Троице-Сергиев монастырь⁹. Но этим поездкам можно дать совершенно другое объяснение, не прибегая к сомнительной версии (не подкрепленной никакими источниками) о продолжительной болезни, от которой якобы страдала великая княгиня.

⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 32. Тот же текст — в Патриаршем списке Никоновской летописи: ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 123.

⁸ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 87. Дословно повторено также в кн.: Скрынников Р. Г. История Российская. IX—XVII вв. М., 1997. С. 258.

⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 30.

То, что в первые годы своего правления молодая вдова не покидала столицу, объясняется, вероятно, заботой о сыновьях, самому младшему из которых, Юрию, к моменту смерти отца, Василия III, едва исполнился год. Оставить княжичей на попечение мамок великая княгиня, очевидно, не решалась (вспомним описанную во второй главе этой книги тревожную атмосферу лета 1534 г., слухи о смерти обоих мальчиков и т.п.), а путешествовать с маленькими детьми на руках было делом рискованным. Лишь когда сыновья немного подросли, начались поездки на богомолье: летопись специально отмечает первую такую поездку, в Троице-Сергиев монастырь, 20 июня 1536 г. Она была короткой: уже через два дня великокняжеская семья в сопровождении бояр вернулась в Москву¹⁰.

Неслучайно объектом паломничества стала именно обитель Святого Сергия: здесь 4 сентября 1530 г. Василий III крестил своего первенца¹¹. Начиная с 1537 г. юный Иван IV с братом неизменно каждый год в сентябре ездил в Троицкий монастырь — «чюдотворцевой памяти помолитися»¹². Нередко он бывал у Троицы дважды в году (в этом случае обычно, помимо сентября, еще и в мае—июне)¹³.

Таким образом, в посещении Еленой Глинской с детьми Троицкого монастыря в июне и сентябре 1537 г. не было ничего необычного: такие поездки уже становились традицией в великокняжеской семье. Зато, возможно, беспокойством о здоровье была продиктована «неурочная» поездка в конце января 1538 г. в Можайск — «помолитися образу святого великого чюдотворца Николы»¹⁴. Но даже если связывать это богомолье с ухудшением здоровья государыни (а прямыми свидетельствами на этот счет, как уже говорилось, мы не располагаем), то нужно признать, что болезнь великой княгини была скоротечной: спустя два месяца Елена Васильевна умерла.

Смерть правительницы, которой не было еще и тридцати лет, породила слухи об ее отравлении. Эта версия событий хорошо известна историкам в изложении Сигизмунда Герберштейна. В своих знаменитых «Записках о Московии» австрийский дипломат, сообщив о гибели князя Михаила Глинского в темнице, добавляет:

¹⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 27.

¹¹ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 48, 50.

¹² ПСРЛ. Т. 29. С. 30, 33, 35, 38, 41, 44, 45, 47, 49, и др.

¹³ Там же. С. 35, 43, 47, и др.

¹⁴ Там же. С. 31.

«...по слухам, и вдова [Елена. — М. К.] немного спустя была умершвлена ядом, а оболыститель ее Овчина был рассечен на куски»¹⁵. В латинском издании «Записок» (1549 г.) об отравлении великой княгини говорится дважды: сначала в главе о московских придворных церемониях, а затем почти в тех же словах — в разделе «Хорография»¹⁶.

Р. Г. Скрынников обратил внимание на изменения, внесенные Герберштейном в немецкое издание его книги (1557 г.): в частности, там было снято известие об отравлении Елены Глинской, что объясняется, по мнению историка, тем, что автор «Записок» к тому времени «удостоверился... в неосновательности молвы»¹⁷. Сомнительно, однако, чтобы спустя восемнадцать лет после смерти правительницы Герберштейн мог получить какие-то новые сведения, опровергавшие прежние слухи об отравлении великой княгини. Кроме того, в издании 1557 г. не полностью снято интересующее нас известие: в главе о церемониях упоминание о смерти Елены от яда действительно отсутствует, но в «Хорографии» оно оставлено без изменений¹⁸.

Герберштейн побывал в Польше в сентябре 1539 г. и неоднократно приезжал в эту страну в последующие годы¹⁹. Естественно предположить, что об апрельских событиях 1538 г. в Москве он узнал от польских сановников. О том, какой информацией на этот счет располагали при дворе Сигизмунда I, мы можем судить по письму Станислава Гурского, секретаря королевы Боны, адресованного студенту Падуанского университета Клементу Яницкому. Это письмо, датированное 10 июня 1538 г., дошло до нас в одном из рукописных томов коллекции дипломатических документов, составленной Гурским и получившей впоследствии название «*Acta Tomisiana*». В числе прочих новостей Гурский сообщил падуанскому школяру следующее известие: «Великий князь Московский ослеплен (*Dux Moschorum magnus caecus factus est*), а его мать, великая княгиня, умерла (*mater vero sua dux etiam magna mortua est*). Бог

¹⁵ Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 88.

¹⁶ [*Sigismund von Herberstein*]. *Rerum moscoviticarum commentarii*. Viennae, 1549, f. XIII v. 2-й пагинации; f. XXV—XXV v. 3-й пагинации.

¹⁷ Скрынников Р. Г. Московская семибоярщина // ВИ. 1973. № 2. С. 213.

¹⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 88, 192.

¹⁹ См. подробнее: Кром М. М. «Записки» С. Герберштейна и польские известия. С. 78, 85.

покарал за коварство тех, кто своих дядей и родственников-князей (*patruos et consanguineos suos Duces*), чтобы легче захватить власть, злодейски умертвил (*per scelus ingularunt*)»²⁰.

Приведенное сообщение интересно не содержащимися в нем фактами (слух об ослеплении Ивана IV оказался, разумеется, ложным), а их интерпретацией: смерть великой княгини и несчастье, постигшее ее сына, рассматриваются как Божья кара за совершенные ими преступления. «Дяди и родственники-князья» — это, конечно, Андрей Старицкий, Юрий Дмитровский, а также Михаил Глинский (дядя великой княгини).

Идея возмездия присутствует и в рассказе Герберштейна, который возлагает вину за гибель трех упомянутых князей именно на Елену Глинскую; особенно заметен этот мотив воздаяния в разделе «Хорография»: «Немного спустя, — пишет австрийский дипломат, — и сама жестокая погибла от яда»²¹.

Тема неминуемой расплаты за жестокость и вероломство московских правителей красной нитью проходит через рассмотренные выше сообщения современников-иностранцев о событиях в России конца 1530-х гг. Эта тема звучит и в послании маркграфа Вильгельма герцогу Альбрехту Прусскому от 6 ноября 1537 г., и в сочинении Герберштейна, и в письме Гурского К. Яницкому от 10 июня 1538 г. При этом ключевой вопрос состоит, конечно, в том, отражают ли упомянутые комментарии хоть в какой-то мере настроения, существовавшие тогда в самой России, или перед нами лишь примеры морализаторства, свойственного образованным европейцам XVI в.

В нашем распоряжении есть несколько прямых и косвенных свидетельств отечественного происхождения, недвусмысленно говорящих об отношении придворной верхушки к покойной правительнице. В первую очередь стоит процитировать слова Ивана Грозного из послания Андрею Курбскому, в котором царь, обличая злокозненность предков своего оппонента, в частности боярина М. В. Тучкова, писал: «...также и дед твой [Курбского. — М. К.], Михайло Тучков, на преставление матери нашей, великие царицы

²⁰ Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. Rkps 218, k. 90 (микрофильм Национальной библиотеки в Варшаве). Выдержки из процитированного документа опубликованы в издании: *Corfus I. Documente privitoare la istoria României culese din arhivele polone. Secolul al XVI-lea*. Bucureşti, 1979. № 4. P. 4—6 (приведенный фрагмент — p. 5).

²¹ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 192.

Елены, про нее дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече»²².

Но есть и косвенные признаки нелюбви подданных к великой княгине. Показательно, например, что вклад по душе Елены в Троицкий монастырь, сделанный от имени ее сына — великого князя Ивана в 1538/39 г., составил всего 30 рублей²³. Разумеется, соответствующее распоряжение от имени восьмилетнего мальчика сделал кто-то из его тогдашних опекунов. В том же ряду находится и отмеченный выше факт удивительной лаконичности летописцев, лишь несколькими строчками почтивших память умершей правительницы (между тем кончине Василия III, как мы помним, была посвящена пространная и искусно написанная Повесть).

Таким образом, враждебность к Елене, по крайней мере части придворной верхушки, сомнений не вызывает. Если задать знаменитый вопрос римских юристов «*qui prodest?*» — кому выгодна была смерть великой княгини весной 1538 г., то в ответ можно составить длинный список родственников опальных, а также тех, чьи местные интересы были задеты возвышением кн. Ивана Овчины Оболенского. О том же говорит и выбор момента для предполагаемого преступления: после смерти в тюрьме обоих удельных князей династическая проблема была снята с повестки дня, и с исчезновением претендентов на московский престол великокняжеское боярство уже могло не опасаться, что их места при дворе будут заняты слугами одного из «принцев крови». С другой стороны, в начале 1538 г. Ивану IV было только семь с половиной лет, а это означало, что недовольным предстояло еще долго терпеть правительницу и ее фаворита, уже успевших проявить свою решительность и не-

²² ПГК. Л., 1979. С. 25 (Первое послание Грозного Курбскому, 1-я редакция).

²³ ВКТСМ. С. 26. Справедливо обращая внимание на этот факт, В. В. Шапошник почему-то видит в нем подтверждение своего предположения о том, что «Глинская казалась не совсем законной правительницей» (*Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. 2-е изд. СПб., 2006. С. 30*). С такой интерпретацией трудно согласиться: законность статуса Елены сомнению не подвергалась; при жизни, как мы знаем, она носила титул государыни, а после смерти была погребена в усыпальнице великих княгинь. Другое дело, что власть ее, как было показано в третьей главе, отнюдь не была самодержавной. А скромный размер вклада по душе покойной правительницы (в сравнении, например, с 500-рублевым вкладом, который сама Елена дала по душе покойного мужа в тот же монастырь, см.: ВКТСМ. С. 26) свидетельствует, на мой взгляд, об отношении к правительнице новых опекунов Ивана IV, занявших ее место у трона юного великого князя.

разборчивость в средствах. Налицо, как видим, все условия для возникновения заговора...

Но, разумеется, все эти косвенные соображения не позволяют однозначно утверждать, что великая княгиня была отравлена. Историки по-разному относятся к процитированному выше сообщению Герберштейна. Одни предпочитают приводить его без комментариев,²⁴ другие считают это известие вполне заслуживающим доверия²⁵, третьи, напротив, решительно его отвергают, настаивая на естественных причинах смерти правительницы²⁶.

В последнее время в ряде научно-популярных изданий появились сведения, которые вроде бы подтверждают слухи почти 500-летней давности. Речь идет о результатах патолого-анатомической экспертизы останков великих княгинь из некрополя кремлевского Воскресенского монастыря. По утверждению Т.Д. Пановой и ее соавторов, высокое содержание мышьяка и ртути, обнаруженное в костях Елены Глинской, свидетельствует о том, что правительница действительно была отравлена²⁷. Скептики, однако, не спешат соглашаться с этим заключением. Так, С. Н. Богатырев подчеркивает недостаточность наших знаний о применении химии в медицинских и косметических целях в Московии XVI в. Поэтому, по мнению ученого, относительные показатели выглядят убедительнее, чем абсолютные цифры. Между тем содержание мышьяка в останках Елены Глинской существенно ниже, чем в костях ребенка из семьи старицкого князя Владимира Андреевича, о котором точно известно, что он был отравлен по приказу царя в 1569 г. При

²⁴ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 75; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 248, прим. 4.

²⁵ Alef G. Bel'skies and Shiuskies in the XVI century // FOG. 1986. Bd. 38. P. 233; Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991. С. 81. Авторы подчеркивают недовольство бояр политикой Елены Глинской и выгоды, которые те извлекли из ее смерти.

²⁶ Р. Г. Скрынников особо отмечает, что Иван Грозный, негодовавший на бояр за nepочетение к матери, «даже не догадывался о возможном ее отравлении» (Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 15). А. П. Павлов и М. Перри отвергают слух об отравлении Елены на том основании, что подобные обвинения были расхожим явлением в придворной политике XVI в. (Pavlov A., Perrie M. Ivan the Terrible. Harlow, 2003. P. 29).

²⁷ Макаренко Т. Ф., Панова Т. Д. «Вернее яда средства нет...» // Наука в России. 2000. № 2. С. 85—90; Панова Т., Пежемский Д. Отравили! Жизнь и смерть Елены Глинской: историко-антропологическое расследование // Родина. 2004. № 12. С. 26—31.

этом отравление не повлияло на уровень содержания ртути в теле несчастной жертвы²⁸.

Очевидно, до публикации полного научного отчета о результатах обследования останков великой княгини Елены делать какие-либо окончательные выводы было бы преждевременным. Но независимо от того, была ли великая княгиня отравлена или стала жертвой какой-то скоротечной болезни, ее смерть резко изменила обстановку при московском дворе. Лишившись своей покровительницы, недавний фаворит потерял все: власть, свободу и саму жизнь. Для тех же, кто годы правления Елены Глинской провел в опале, появился шанс вновь заявить о себе.

2. АПРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1538 г. и недолгое «РЕГЕНТСТВО» князя В. В. Шуйского

9 апреля 1538 г., на шестой день после смерти правительницы, кн. И. Ф. Овчина Оболенский был схвачен: по словам Летописца начала царства, он был «пойман» «боярским советом князя Василия Шуйского и брата его князя Ивана и иных единомысленных им без великого князя веления, своим самовольством за то, что его государь князь великий в приближение держал»²⁹. Постниковский летописец добавляет важную деталь: бывший фаворит был посажен в ту же палату³⁰, где ранее сидел в заточении кн. М. Л. Глинский. «И тягость на него, железа, ту же положили, что и на Глинском была. Там и преставися»³¹. Таким образом, расправа с любимцем великой княгини Елены носила характер мести, а среди единомышленников Василия и Ивана Шуйских можно, не рискуя ошибиться, назвать родню юного Ивана IV по матери — князей Глинских.

Вместе с князем Иваном Овчиной была арестована его сестра, мамка юного Ивана IV Аграфена Челяднина: ее сослали в Каргополь и там постригли в монахини³². В описи царского архива XVI в.

²⁸ Bogatyrev S. Ivan IV (1533—1584) // The Cambridge History of Russia Vol. I. From Early Rus' to 1689 / Ed. by Maureen Perrie. Cambridge, 2006. P. 242.

²⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 32.

³⁰ Эта палата, как сообщает Летописец начала царства, находилась «за дворцом у конюшни» (ПСРЛ. Т. 29. С. 32).

³¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 26. По словам Летописца начала царства, Ивана Овчину уморили «голодом и тягостию железною» (ПСРЛ. Т. 29. С. 32).

³² ПСРЛ. Т. 29. С. 32.

упоминается «указ о князьях Ивановых людех Овчининых и Ографениных»³³: речь, по-видимому, шла о роспуске дворов опальных брата и сестры и об освобождении их холопов.

Устранение ключевых фигур из окружения покойной правительницы сопровождалось также амнистией заключенных. Постниковский летописец сообщает об освобождении бояр Юрия Дмитровского, а также бояр, дворян и детей боярских Андрея Старицкого³⁴. Кроме того, тогда же, в апреле, на свободу вышли князья Иван Федорович Бельский и Андрей Михайлович Шуйский; они были возвращены ко двору (великий князь, по словам Летописца начала царства, «очи свои им дал видети») и пожалованы боярством³⁵.

Некоторые знатные узники, не дожившие до весны 1538 г., удостоились посмертной реабилитации: новые власти позаботились об их душах. Так, князь Михаил Львович Глинский в июне 1534 г., незадолго до ареста, передал Троице-Сергиеву монастырю на помин своей души сельцо Звягино; когда князя постигла опала, оно было отписано на государя. И вот 6 мая 1538 г. Некрасу Офонасьеву, который ведал этим сельцом, была послана указная грамота от имени Ивана IV с предписанием — отдать Звягино троицкому игумену с братией³⁶. Таким образом, воля покойного была выполнена.

Апрельские события 1538 г. уже давно в историографии именуется «переворотом»³⁷. Использование этого термина имплицитно подразумевает сравнение придворной борьбы конца 30-х гг. XVI в. с «классической» эпохой дворцовых переворотов в России второй четверти XVIII в. И хотя между этими эпохами, разделенными двумя столетиями, различия очень велики, нельзя не заметить и некоторые черты сходства, делающие уместным, на мой взгляд, использование термина «дворцовые перевороты» применительно к рассматриваемому нами здесь периоду. Неслучайно новейший исследователь эпохи «дворских бурь» 1725—1762 гг., И. В. Курукин, относит появление самого феномена дворцовых переворотов ко времени образования единого государства на рубеже XV—XVI вв.,

³³ ОЦААПП. С. 29 (ящик 121).

³⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 26. Если верить Постниковскому летописцу, бояре князя Юрия Дмитровского были освобождены уже в день смерти Елены Глинской (см.: Там же).

³⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 32.

³⁶ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. Л. 230.

³⁷ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 80 (в другом месте своей книги Смирнов называет события 1538 и 1540 гг. «боярскими переворотами»: Там же. С. 93); Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 249.

а в качестве характерного примера приводит переворот 1542 г.³⁸, о котором пойдет речь ниже.

Централизация страны, сосредоточение всей полноты власти в руках государя «всея Руси», начало формирования придворного общества, появление фаворитизма — все эти черты, присущие уже изучаемой эпохе, в более развитых формах были свойственны и Российской империи XVIII в. Речь, таким образом, идет не об отдельных сходных явлениях, а о единстве внутренней природы самодержавной монархии на разных этапах ее эволюции.

И. В. Курукин видит важную особенность переворотов XVI в., отличающую их от подобных потрясений последующих столетий, в том, что они не были направлены против особы царя, воспринимавшейся как сакральная фигура³⁹. Однако это утверждение можно принять только с существенной оговоркой: «природный» государь мог не опасаться за свою жизнь и власть лишь в том случае, если не было других легитимных претендентов на престол. Как мы помним, в декабре 1533-го и в апреле—мае 1537 г. опекуны юного Ивана IV всерьез считали, что, пока хоть один из удельных князей остается на свободе, «государству» под юным великим князем «крепким» быть нельзя. Та же ситуация повторилась позднее, в 1553 г., во время болезни царя Ивана, когда часть придворных решила предпочесть ему князя Владимира Старицкого⁴⁰.

Поскольку к началу 1538 г. династической проблемы («стараниями» Елены Глинской и ее фаворита) уже не существовало, описанный выше апрельский переворот (как и последующие придворные потрясения) лично Ивану IV ничем не угрожал. Но многие другие признаки «классических» дворцовых переворотов были налицо: насильственный захват власти, физическая расправа с противниками, раскол придворной элиты на враждующие группировки и длительная политическая нестабильность.

* * *

И. И. Смирнов полагал, что апрельский переворот 1538 г. «был произведен блоком основных княжеско-боярских группировок:

³⁸ Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725—1762 гг. Рязань, 2003. С. 52.

³⁹ Там же. С. 52—53.

⁴⁰ О событиях марта 1553 г. см.: Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 264—286; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 407—417; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 109—115.

Бельских и Шуйских»⁴¹. Однако применительно к весне указанного года говорить об этих группировках еще преждевременно: летописи впервые упоминают о «вражде» бояр кн. Василия и Ивана Васильевичей Шуйских с князем Иваном Федоровичем Бельским и его сторонниками лишь в связи с событиями октября 1538 г.⁴² Пресловутые боярские группировки не были некоей постоянной и неизменной величиной: они то возникали, то распадались, а состав их менялся в ходе придворной борьбы. В момент смерти правительницы и расправы с ее фаворитом боярская среда еще сохраняла некое подобие единства, и поэтому можно согласиться с А. А. Зиминим, отметившим — в полном соответствии с летописными свидетельствами, — что «переворот 1538 г. был совершен “боярским советом”, т.е. основной массой боярства»⁴³.

Действительно, освобождение опальных и расправа с ненавистным временщиком отвечали интересам многих придворных кланов: не только Бельских и Шуйских, но и Глинских (отомстивших за гибель своего главы — князя Михаила Львовича), и ряда других. Если верить Ивану Грозному, вспоминавшему в послании Андрею Курбскому о «нестроениях» времени его сиротского детства, заметную роль в событиях весны 1538 г. играл боярин М. В. Тучков. Ему царь приписывает не только «надменные словеса» по адресу только что скончавшейся великой княгини Елены, но и соучастие в расхищении ее казны: «И казну матери нашей перенесли в Большую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще, а иное же разъяша. А дед твой [Курбского. — М. К.] Михайло Тучков то и творил»⁴⁴. Поскольку казначеем в 1538 г. был Иван Иванович Третьяков⁴⁵, то описанный царем перенос казны покойной великой княгини в Большую казну не мог происходить без его участия.

Однако ревизия итогов правления Елены Глинской была далеко не полной. Показательно, в частности, что, освободив бояр и дворян Андрея Старицкого, новые правители не выпустили из заточения вдову и сына покойного удельного князя: они оставались под арестом до декабря 1540 г.⁴⁶ Этот факт косвенно указывает на

⁴¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 80.

⁴² ПСРЛ. Т. 29. С. 34.

⁴³ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 249.

⁴⁴ ПГК. С. 27 (Первое послание Грозного Курбскому, 1-я редакция).

⁴⁵ Упомянут в качестве казначея в грамоте Симонову монастырю от 6 июля 1538 г.: АФХ/АМСМ. № 57. С. 62—63.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 39; Т. 34. С. 26.

то, что устранение возможного претендента на престол вполне отвечало интересам великокняжеского боярства, хотя последнее было, конечно, не прочь переложить всю ответственность за гибель братьев Василия III на покойную правительницу и ее фаворита. Более того, по позднейшему утверждению Ивана Грозного, бояре «дворы, и села, и имение дядь наших себе восхитиша и водворишася в них»⁴⁷. В частности, на дворе Андрея Старицкого поселился кн. В. В. Шуйский⁴⁸. Так что, вероятно, амнистия князя Владимира Андреевича и его матери Евфросинии откладывалась еще и потому, что новые владельцы не хотели расставаться с имуществом, конфискованным у старицкого князя.

Между тем юный государь, которому к описываемому времени не исполнилось еще и восьми лет, по-прежнему нуждался в опеке. «Вакантное» место опекуна поспешил занять князь Василий Васильевич Шуйский. 6 июня 1538 г. он женился на двоюродной сестре Ивана IV Анастасии Петровне⁴⁹. Этот неравный брак (жених был намного старше невесты) призван был легитимизировать притязания новоиспеченного родственника великокняжеской семьи на роль опекуна при малолетнем государе.

Позднее Грозный жаловался в письме Курбскому на то, что «князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в бережении учинилися, и тако воцаришася»⁵⁰. Под «бережением» в данном случае исследователи справедливо понимают опеку над юным великим князем⁵¹.

Но если даже «государыня великая княгиня Елена», как мы уже знаем, не обладала всей полнотой верховной власти, то мог ли на это рассчитывать боярин кн. В. В. Шуйский? Как показали дальнейшие события, ряд влиятельных лиц при дворе не желали считаться с присвоенным себе новоявленным «правителем» правом

⁴⁷ ПГК. С. 27 (Первое послание Грозного Курбскому, 1-я редакция).

⁴⁸ «А князь Василей Шуйской на дяди нашего княж Андрееве дворе учал жити...» (Там же. С. 28).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 32. Анастасия была дочерью крещеного татарского царевича Петра (Кудайкула) от брака с сестрой Василия III — великой княжной Евдокией (о свадьбе Кудайкула-Петра с Евдокией в 1506 г. см.: ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 2).

⁵⁰ ПГК. С. 27 (Первое послание Грозного Курбскому, 1-я редакция).

⁵¹ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. С. 81, прим. 13. В переводе Я. С. Лурье и О. В. Творогова данная фраза звучит так: «...князья Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и таким образом воцарились» (ПГК. С. 137).

выносить решения от имени великого князя. Для установления своего господства Шуйским пришлось прибегнуть к силе.

За полгода, прошедшие со времени апрельского переворота, государева Дума пополнилась четырьмя боярами и двумя окольными. Весной, как уже говорилось, высшим думным чином были пожалованы только что освобожденные из заточения князья И. Ф. Бельский и А. М. Шуйский. В июне 1538 г. окольным назван Степан Иванович Злобин⁵². В августе того же года впервые упоминается с боярским званием кн. Михаил Иванович Кубенский⁵³. Этим пожалованием он, очевидно, был обязан своему младшему брату — дворецкому кн. Ивану Ивановичу Кубенскому, который входил в описываемое время в число самых влиятельных лиц при дворе и, видимо, сумел поладить с новыми временщиками Шуйскими. Об этом можно судить по следующему эпизоду.

22 сентября великий князь отправился в традиционную поездку на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Из сопровождавших его лиц летописец называет только четверых: брата — князя Юрия Васильевича, бояр кн. Василия и Ивана Васильевичей Шуйских, а также дворецкого кн. Ивана Кубенского⁵⁴.

Августовский разряд 1538 г., в котором кн. М. И. Кубенский впервые назван боярином, интересен также тем, что в нем в качестве воеводы большого полка упомянут кн. Юрий Васильевич Глинский⁵⁵. Это означает, что негласный запрет на занятие воеводских и придворных должностей, действовавший в отношении братьев великой княгини Елены в годы ее правления, теперь был снят и перед дядьями Ивана IV открылась перспектива ратной службы, а в дальнейшем они, будучи ближайшими родственниками государя, могли надеяться и на вхождение в Думу.

В том же августовском разряде впервые с чином окольного упоминается Иван Семенович Воронцов, а его брат Федор именуется углицким дворецким⁵⁶.

⁵² Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 57 (со ссылкой на посольскую книгу сношений с Крымом: РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 494 об.). С. И. Злобин ошибочно назван у Зимина «Семеном».

⁵³ РК 1598. М., 1966. С. 94.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 33—34.

⁵⁵ РК 1598. С. 94. Необычность этого назначения состояла еще и в том, что кн. Ю. В. Глинский оказался как бы «дополнительным», четвертым воеводой в большом полку. Как можно понять, он нес службу при первом воеводе (т.е. главнокомандующем) — князе И. Ф. Бельском (см.: Там же).

⁵⁶ РК 1598. С. 95.

В октябре 1538 г. впервые упоминается с боярским чином двоюродный брат князей Василия и Ивана Васильевичей — кн. Иван Михайлович Шуйский⁵⁷: легко догадаться, кому он был обязан этим пожатием.

Но честолюбивые планы вынашивали и другие знатные лица. Боярин кн. И. Ф. Бельский, вернувшись в сентябре с ратной службой из Коломны, где он возглавлял большой полк⁵⁸, стал добиваться думных чинов для своих протеже — князя Юрия Михайловича Голицына и Ивана Ивановича Хабарова. Эта попытка встретила решительное противодействие со стороны Шуйских, и в результате разгорелась описываемая многими летописями «вражда», или «нелюбие», между боярами⁵⁹.

Об обстановке, сложившейся при московском дворе к осени 1538 г., накануне решающего столкновения между боярскими группировками, красноречиво свидетельствуют слова архитектора Петра Фрязина, бежавшего в это время в Ливонию и давшего там подробные показания.

Сохранился отрывок следственного дела о побеге Фрязина: он дошел до нас в составе документов Посольского приказа⁶⁰. Кроме того, сравнительно недавно в Шведском государственном архиве в Стокгольме эстонским исследователем Юрием Кивимяэ были обнаружены новые материалы о пребывании беглеца в Ливонии⁶¹. В совокупности эти источники проливают новый свет на биографию известного зодчего и военного инженера, с творчеством которого истории архитектуры связывают строительство церкви Вознесения в Коломенском (1532 г.), Китай-города в Москве (1535 г.) и Себежской крепости (1535 г.)⁶². В Ливонии мастер назвался «Пет-

⁵⁷ Чуников А. Акты Ревельского городского архива // ЧОИДР. 1898. Кн. IV: Смесь. С. 4. В августе 1538 г. кн. И. М. Шуйский еще не был боярином (РК 1598. С. 95).

⁵⁸ Разряды датируют «ропуск з берегу больших воевод» сентябрем 1538 г.: РК 1598. С. 95.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 295; Т. 29. С. 34; Т. 34. С. 26; и др.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. 1539 г. Д. 1. Документ опубликован (с отступлениями от текста оригинала и ошибочной датой «1539 г.»): АИ. СПб., 1841 Т. I. № 140. С. 202—204.

⁶¹ Kivimäe J. Petr Frjazin or Peter Hannibal? An Italian Architect in Late Medieval Russia and Livonia // FOG. 1996. Bd. 52. P. 21—28. См. также: Кивимяэ Ю. Петр Фрязин или Петр Ганнибал? Итальянский архитектор в позднесредневековой Руси и Ливонии // Крепость Ивангород: Новые открытия. СПб., 1997. С. 236—245.

⁶² Сводку данных о деятельности Петра Фрязина в Московском государстве см.: Подъяпольский С. С. Итальянские строительные мастера в России в

ром, сыном Ганнибала» (Peter Hannibal) и сообщил, что родом он из Флоренции⁶³.

Пьетро Аннибале (так, вероятно, на самом деле звали итальянского архитектора) был прислан в Россию римским папой и провёл, по его словам, на великокняжеской службе 11 лет. Последней работой, которую он выполнил, стало строительство (или ремонт) стен Себежской крепости. Оттуда он с толмачом и проводниками отправился в Псково-Печерский монастырь; выехав из монастыря, Петр со спутниками — то ли намеренно, то ли сбившись с дороги, — пересек ливонскую границу и оказался в крепости Вастселийна (нем. Нойшлосс, в розыском деле: «Новой городок»). Было это, по-видимому, в первых числах октября 1538 г.⁶⁴

Из Вастселийны беглеца перевезли в резиденцию епископа — г. Дерпт (Юрьев). Здесь Петр дал подробные показания, а на вопрос о том, почему он покинул великокняжескую службу и приехал в Ливонию, ответил так: великий князь, к которому он прибыл от римского папы «послужити годы три или четыре», удержал его у себя силой; «и нынеча, как великого князя Василья не стало и великой княги[ни], а государь нынешней мал остался, а бояре живут по своей воле, а от них великое насилие, а управы в земле никому нет, а промеж бояр великая рознь, того деля есми мыслил отъехати проч(ь), что в земле в Руской великая мятеж и безгосударство...»⁶⁵.

Приведенная характеристика положения дел в Москве после смерти великой княгини Елены заслуживает подробного комментария. Несомненно, перед нами одна из самых выразительных оценок политического кризиса в России конца 30-х гг. XVI в., причем принадлежащая современнику. В чем же конкретно проявлялись великие «мятеж и безгосударство» в Русской земле, отмечаемые

конце XV — начале XVI века по данным письменных источников (опыт составления словаря) // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 226, 228.

⁶³ Kivimäe J. Petr Frjazin or Peter Hannibal. P. 23.

⁶⁴ Как отметил И. И. Смирнов, в розыском деле сказано, что в Изборск Петр Фрязин прибыл в субботу «перед Покровом Святой Богородицы», что соответствует 30 сентября 1538 г. (Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 80, прим. 9). На следующий день, т.е. 1 октября, он посетил Печерский монастырь и, выехав оттуда, вскоре оказался в ливонском «Новом городке» (АИ. Т. I. № 140. С. 202).

⁶⁵ Цитирую по рукописи: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1539 г. Д. 1. Л. 4. В публикации 1841 г. текст передан неточно: АИ. Т. I. С. 203.

Петром Фрязиным? Прежде всего — в своеволии бояр при малолетнем государе, следствием чего стало «великое насилье» и отсутствие «управы», т.е. защиты и правосудия для кого бы то ни было. Кроме того, в придворной среде царит раскол: «промеж бояр великая рознь». Таким образом, показания бежавшего в Ливонию итальянского архитектора свидетельствуют о том, что со смертью правительницы придворная иерархия лишилась верховного арбитра, способного поддерживать хотя бы относительную политическую стабильность. Претендовавший на лидерство князь Василий Васильевич Шуйский даже после того, как породнился с великокняжеской семьей, не мог добиться подчинения от своей «братии» — бояр. Новые конфликты и, в отсутствие других аргументов, рост насилия были неизбежны.

Особого внимания заслуживает употребленное Петром Фрязиным слово «безгосударство»: было бы ошибочным, на мой взгляд, понимать его в расширительном смысле, как синоним полной анархии и паралича государственного управления. Подобному предположению противоречат и некоторые детали, содержащиеся в самом «деле» о побеге итальянского мастера: он был послан «на государеву службу на Себеж» казначеем И. И. Третьяковым и дьяком Одинцом Никифоровым; ему были даны «списки городовые» и проезжие грамоты, его сопровождал толмач, по пути следования предоставлялись провожатые и подводы⁶⁶. Налицо, таким образом, нормальное функционирование государственных служб. Можно предположить, следовательно, что политический кризис охватил далеко не все сферы жизни в великом княжестве Московском; вероятно, ряд структур управления не был им затронут. Эту важную проблему мы подробно рассмотрим во второй части данной книги.

С гораздо большим основанием употребленное в розыском «деле» слово «безгосударство» стоит понимать буквально — как отсутствие государя, его недееспособность. Нужно отметить, что в текстах конца XV — XVI в. «государство» нередко означает личность государя, его власть и достоинство. Так, в известном эпизоде осени 1477 г., когда Иван III стоял с войском под Новгородом, а горожане пытались выторговать у него хоть какие-нибудь уступки, великий князь, по словам летописца, ответил им: «...вы ныне-

⁶⁶ АИ. Т. I. С. 202.

ча сами указываете мне, а чините урок *нашему государству* быти, ино то которое *государство мое?*»⁶⁷ (выделено мной. — М. К.).

Еще выразительнее пассаж из первого послания Грозного Андрею Курбскому: вспоминая, как однажды князь Андрей Шуйский со своими сторонниками, явившись в столовую избу, прямо на глазах великого князя схватили Ф. С. Воронцова и пытались его убить (речь идет о событиях 1543 г.), царь с негодованием восклицает: «И тако ли годно за нас, государей своих, души полагати, еже к *нашему государству* ратию приходити и перед нами сонмищем иудейским имати...»⁶⁸ (выделено мной. — М. К.). Очевидно, что под «нашим государством» Иван Васильевич в данном случае имел в виду себя.

Таким образом, «безгосударство», на которое сетовал итальянский зодчий, означало неспособность малолетнего государя взять под контроль придворную элиту, положить предел боярской розни и насилию. В этом заключалась первопричина «мятежного» состояния страны: современный исследователь вполне может согласиться с такой оценкой, данной очевидцем событий.

Как сложилась дальнейшая судьба Петра Фрязина (Пьетро Аннибале), остается неясным. Он безуспешно просил дерптского епископа пропустить его через Ливонию. Русская сторона настойчиво требовала выдачи «изменника», но было ли это требование выполнено, по недостатку данных сказать невозможно⁶⁹.

Однако вернемся к ситуации осени 1538 г. Развязка назревавшего придворного конфликта произошла в октябре. Ранние летописи очень лаконично сообщают о происходивших тогда событиях. Так, в Воскресенской летописи под 7047 г., без указания месяца и числа, говорится только о «вражде» князей Василия и Ивана Шуйских с кн. Иваном Бельским и об убийстве по повелению Шуйских дьяка Федора Мишурина⁷⁰. Причину вражды разъясняет

⁶⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 317. Подробнее см.: Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI—XX века: Сборник научных работ. СПб., 2006. С. 54—69.

⁶⁸ ПГК. С. 29 (текст 1-й редакции).

⁶⁹ См.: Kivimäe J. Petr Fjazin or Peter Hannibal. P. 28. Судя по письму марк-графа Вильгельма герцогу Альбрехту Прусскому от 26 ноября 1538 г., на момент отправки этого послания адресату беглец находился еще в Дерпте (GStAPK. Herzogliches Briefarchiv, D, № 993). Более поздних известий о нем пока не обнаружено.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 295.

Летописец начала царства: оказывается, гнев князей Шуйских был вызван тем, что «князь Иван Бельский советовал великому князю, чтобы князь великий пожаловал боярством князя Юрья Голицына, а Ивана Хабарова околничим. А князя Василия да князя Ивана Шуйских не бяше их в совете том, и они начаша о том вражду велику держати и гнев на Данила на митрополита и на князя Ивана на Бельского и на Федора на Мишурина»⁷¹.

Выясняется, таким образом, что, хотя кн. И. Ф. Бельский и был, видимо, главным ходатаем за кн. Ю. М. Голицына (Булгакова) и И. И. Хабарова, активную роль в этом деле играли также митрополит Даниил и дьяк Федор Мишурин. Поскольку пожалование упомянутых лиц готовилось без ведома и согласия братьев Шуйских, последние усмотрели в этом угрозу своему влиянию при дворе и ответили репрессивными мерами: «И за ту вражду, — продолжает свой рассказ Летописец начала царства, — поимаша князя Ивана Бельского и посадиша его на княж Федоровском дворе Мъстиславского за сторожи, а советников его розослаша по селом, а дьяка Федора Мишурина казниша смертною казнью, отсекоша главу ему у тюрем октемвриа 21 дня в понедельник»⁷².

Из этого сообщения выясняется, что одним из союзников Шуйских был кн. Федор Михайлович Мстиславский (на дворе которого первоначально содержался под арестом кн. И. Ф. Бельский), что неудивительно: он приходился свояком князю Василию Васильевичу Шуйскому, они были женаты на сестрах — дочерях царевича Петра⁷³.

Кто же были разосланные по селам «советники» кн. И. Ф. Бельского, которых Летописец начала царства не называет по имени? Некоторые подробности содержит приписка в Синодальном томе Лицевого свода: здесь сказано, что «князя Ивана Федоровича Белскаго поимаша и посадиша его за сторожи *на его дворе*, а боярина Михаила Васильевича Тучкова сослаша с Москвы в его село»⁷⁴ (выделено мной. — М. К.).

⁷¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 34.

⁷² Там же.

⁷³ О браке кн. Ф. М. Мстиславского с Анастасией Петровной, племянницей Василия III, см.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 128. Вероятно, княгиня Мстиславская была старшей из дочерей царевича Петра. Ее младшая сестра, тоже Анастасия, как уже говорилось, была выдана в июне 1538 г. замуж за кн. В. В. Шуйского.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 98, правый столбец, прим. 3.

Видимое противоречие между летописными сообщениями о месте заточения кн. И. Ф. Бельского можно попытаться примирить, если предположить, что первоначально боярин был заключен под стражу на дворе кн. Ф. М. Мстиславского, а затем переведен на его собственный двор: едва ли «гостеприимство» союзника Шуйских простиралось столь далеко, чтобы содержать узника в своем доме в течение многих месяцев (кн. И. Ф. Бельский был освобожден в июле 1540 г.⁷⁵).

В позднем летописании можно заметить особое внимание к роли боярина М. В. Тучкова в событиях 1538 г. Так, составитель Царственной книги делает его, наряду с кн. И. Ф. Бельским, одним из главных действующих лиц в конфликте с Шуйскими из-за раздачи думных чинов: согласно этой версии, «князь Иван Бельский да Михайло Тучков советовали великому князю, чтобы князь великий пожаловал боярьством князя Юриа Михайловича Голицына, а Ивана Ивановича Хабарова околничим». Соответственно и гнев Шуйских, которые «того не восхотеша», обратился на митрополита Даниила, кн. И. Ф. Бельского, Михаила Тучкова и дьяка Федора Мишурина⁷⁶.

Ссылка в деревню положила конец долгой карьере боярина М. В. Тучкова: возможно, он прожил еще несколько лет, но к активной деятельности уже больше не вернулся. Точная дата смерти Михаила Васильевича неизвестна, а данные источников о его судьбе после 1538 г. противоречивы. В Троицкой вкладной книге 1673 г. есть странная запись под 7048 (1540) г.: «48-го году июня в 19 день дали вкладу Василей да Михайло Васильевы дети Тучкова по отце своем Василье денег 50 рублей»⁷⁷. Между тем, как отметил С. О. Шмидт, М. В. Тучков, по имеющимся данным, был единственным сыном В. Б. Тучка и не имел брата Василия. По весьма вероятному предположению исследователя, переписчик вкладной книги, возможно, ошибся, и следует читать «Василий и Михайло Михайловы дети Тучковы», так как М. В. Тучков действительно имел сыновей Василия и Михаила⁷⁸. Добавлю, что в таком случае

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 37.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 432.

⁷⁷ ВКТСМ. С. 60.

⁷⁸ Шмидт С. О. Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский) // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С. 132, прим. 26.

и окончание фразы нужно исправить: «...по отце своем *Михаиле* денег 50 рублей».

Если это предположение верно, то получается, что М. В. Тучков умер не позднее июня 1540 г., когда сыновья дали по его душе вклад в Троице-Сергиев монастырь⁷⁹. Во всяком случае, к февралю 1547 г. старого боярина уже определенно не было в живых, поскольку на свадьбе Ивана IV важная роль дружки царской невесты была поручена (вместе с кн. И. И. Пронским) сыну Михаила Васильевича — Василию Тучкову⁸⁰.

Возможно, опала постигла также кн. Ю. М. Булгакова-Голицына и И. И. Хабарова. Во всяком случае, оба «виновника» октябрьского инцидента исчезают из разрядов после августа 1538 г. (когда они служили воеводами в Серпухове): первый — до апреля 1540 г., а второй — до июня 1543 г.⁸¹

Но самым жестоким образом из всех противников Шуйских был наказан дьяк Федор Мишурин. По сообщению Постниковского летописца, «лета 7047-го октября 21 день бояре поимали диака Федора Мишурина на княж Андреевском дворе. Платье с него ободрали донага, а его вели до тюрьмы нага, а у тюрем ему того же часу головы ссекли»⁸². Из послания Грозного Андрею Курбскому мы знаем, что на дворе Андрея Старицкого жил кн. Василий Шуйский, считавший себя главным опекуном юного государя, и это

⁷⁹ Путаница в научной литературе по вопросу о дате смерти М. В. Тучкова усугублялась тем, что приведенная выше запись в Троицкой вкладной книге долгое время была известна исследователям по копии, имевшейся в архиве С. Б. Веселовского. В этой копии запись, возможно вследствие описки, была датирована 19 июня 7058 (1550) г.; на этом основании А. А. Зимин полагал, что М. В. Тучков умер «вскоре после 19 июня 1550 г.» (см.: *Зимин А. А. Состав Боярской думы. С. 51, прим. 116; Его же. Формирование боярской аристократии. С. 240*). Публикация текста Троицкой вкладной книги в 1987 г. рассеяла это недоразумение.

⁸⁰ ДРВ. Изд. 2-е. Ч. XIII. М., 1790. С. 30. На этот факт впервые обратил внимание Н. Е. Носов, полагавший, что М. В. Тучков умер вскоре после 1538 г., см.: *Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений. С. 221, прим. 285*.

⁸¹ РК 1598. С. 95, 99, 106. В других источниках имя И. И. Хабарова встречается раньше: 5 июня 1541 г. он в качестве тверского дворецкого выдал (вместе с рязанским дворецким В. М. Тучковым) меновную грамоту старцам Троицкого Павлова Обнорского монастыря, см.: *Каштанов С. М. ИРСИ. Прил. III. Док. № 10. С. 152. О дате грамоты см.: Стрельников С. В. Земле-владение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. С. 83 и прим. 353*.

⁸² ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

обстоятельство объясняет место действия произошедшей кровавой драмы. Можно предположить, что дьяк явился к могущественному боярину с каким-то докладом и был здесь схвачен по приказу Шуйских дворянами и детьми боярскими великого князя⁸³: «...и на том дворе, — с возмущением писал позднее царь, — сонмищем иудейским отца нашего и нашего дьяка ближнего Федора Мишурина, изымав и позоровавши, убили»⁸⁴.

В чем причина столь жестокой расправы с ближним дьяком, пользовавшимся доверием Василия III, а затем Елены Глинской? Согласно продолжению Хронографа редакции 1512 г., «бояре казнили дьяка Федора Мишурина, без великого князя ведома, не любя того, что он стоял за великого князя дела»⁸⁵. Это, однако, мало что объясняет в конкретной обстановке осени 1538 г. В частности, хотелось бы понять, почему казнь дьяка носила подчеркнуто позорящий, бесчестящий характер.

Возможно, дело заключалось в том, что, по представлениям придворных аристократов во главе с князьями Шуйскими, худородный дьяк слишком много о себе возомнил, вмешавшись в процедуру раздачи думных чинов, что являлось прерогативой государя и его знатных советников. Подвергнув Федора Мишурина публичному унижению, бояре как бы восстанавливали привычную для себя иерархию. Вместе с тем казнь влиятельного дьяка сняла еще один барьер на пути дальнейшей эскалации насилия при московском дворе.

Расправа с князем И. Ф. Бельским и его сторонниками стала последним значимым событием в жизни князя В. В. Шуйского: в конце октября 1538 г. он скончался, приняв перед смертью монашеский постриг⁸⁶. Бразды правления перешли в руки его брата Ивана.

⁸³ В Синодальном томе Лицевого свода говорится, что «повелеша Шуйские и иные бояре великого князя дьяка Федора Мишурина ободрати на своем дворе великого князя княжатом и боярским детем и дворяном и нага положили на плаху и повелеша его убить» (ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 98, правый столбец, прим. 3).

⁸⁴ ПГК. С. 28 (Первое послание Грозного Курбскому, 1-я редакция).

⁸⁵ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 288.

⁸⁶ Во вкладной книге Троицкого монастыря записан 1 ноября 1538 г. вклад князя Ивана Васильевича Шуйского (100 рублей) «по брате своем князе иноке Варламе», см.: ВКТСМ. С. 75. В Воскресенской летописи известие о смерти кн. В. В. Шуйского помещено сразу после сообщения об убийстве дьяка Ф. Мишурина с датировкой: «того же месяца» (ПСРЛ. Т. 8. С. 295), — следовательно, относится к концу октября. В Постниковском летописце кончина князя Василия Васильевича датирована ноябрем (ПСРЛ. Т. 34. С. 26).

3. Князь И. В. Шуйский, «наместник московский»

Из всех лиц, причастных к несостоявшемуся пожалованию в Думу кн. Ю. М. Булгакова и И. И. Хабарова и навлекших на себя «вражду» братьев Шуйских, лишь митрополиту Даниилу удалось осенью 1538 г. избежать мести со стороны могущественных временщиков. Его черед пришел спустя три месяца после расправы с кн. И. Ф. Бельским и его сторонниками. Вероятно, Шуйские не могли нанести удар всем своим противникам одновременно; к тому же митрополит, казалось бы, был защищен от посягательств своим высоким духовным саном⁸⁷. Но, казнив ближнего дьяка, сослав и заточив нескольких бояр, Шуйские, по-видимому, сумели запугать придворное общество. И уже зимой 1539 г. митрополит, не чувствуя никакой поддержки при великокняжеском дворе, вынужден был оставить престол.

Февралем 7047 (1539) г. помечена лаконичная запись в Воскресенской летописи: «Тоя же зимы, февраля, сведен с митрополии Данил митрополит боярином князем Иваном Васильевичем Шуйским и его съветники»⁸⁸. Сообщение Летописца начала царства чуть подробнее и имеет точную дату: «Тое же зимы февраля 2, в неделю о блуднем, сведен с митрополии Данил митрополит великого князя бояр нелюбием, князя Ивана Шуйского и иных, за то, что он был в едином совете со князем Иваном Бельским, и сослаша митрополита с Москвы в его пострижение, во Осифов монастырь»⁸⁹. В Царственной книге, памятнике 70-х гг. XVI в., причина низложения Даниила указана предельно четко: «И того ради князь Иван Шуйской митрополита свел, что без его веления давали боярство...»⁹⁰

На фоне этих сообщений, констатирующих события, но не дающих собственной оценки происходящему, выделяется известие Постниковского летописца, который прямо осуждает низложеного архипастыря: «Того же лета февраля в 2 день Данил митрополит

⁸⁷ По вполне вероятному предположению В. В. Шапошника, задержка санкций в отношении митрополита со стороны Шуйских, помимо других причин, объяснялась и необходимостью дожидаться приезда в Москву архиереев из провинции для проведения легитимных выборов нового главы церкви; кроме того, нужно было подготовить общественное мнение к предстоящей смене первосвященителя (*Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения. С. 39).

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 295.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 34. Тот же текст — в более поздней редакции Летописца в составе Никоновской летописи: ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 127.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 432.

оставил митрополичество неволею, что учал ко всем людям быти немилосерд и жесток, уморял у себя в тюрьмах и окованных своих людей до смерти, да и сребролюбие было великое. А сослан в Осифов монастырь на Волок»⁹¹. Конечно, эта оценка не объясняет причин вражды Шуйских к митрополиту (приводимых другими летописями), и можно вполне согласиться с мнением В. В. Шапошника о том, что Даниил, как и впоследствии его преемник Иоасаф, был свергнут за то, что пытался реально участвовать в управлении страной, поддерживая одну из борющихся за власть группировок⁹². Однако характеристика, данная низложенному митрополиту Постниковским летописцем, помогает понять, почему за Даниила никто не вступился, — ни бояре, ни архиереи: тому виной была невысокая репутация митрополита, отсутствие у него признанного духовного и морального авторитета в обществе⁹³.

Преемником Даниила стал троицкий игумен Иоасаф. С его поставлением на митрополию очень спешили: уже на третий день после низложения Даниила, 5 февраля 1539 г., он был избран (жребием, из трех кандидатур) архиерейским собором; на следующий день состоялась церемония наречения, после которой избранник переехал на митрополичий двор, а 9 февраля Иоасаф был посвящен в митрополиты⁹⁴. Характерно, что у прежнего митрополита отреченную грамоту затребовали задним числом: Даниил подписал ее 26 марта, спустя полтора месяца после избрания Иоасафа⁹⁵.

После устранения своих политических соперников князь Иван Васильевич Шуйский находился на вершине могущества. По-видимому, именно к 1539 — началу 1540 г. относится выразительная сценка, описанная Грозным в первом послании Курбскому: «Едино воспомянути: нам бо в юности детская играюще, а князь Иван Васильевич Шуйской сидит на лавке, локтем опершись о отца нашего постелю, ногу положа на стул, к нам же не прикланяся не

⁹¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

⁹² Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения. С. 38.

⁹³ Показательно, что известный историк церкви Е. Е. Голубинский дал Даниилу характеристику, вполне созвучную словам Постниковского летописца, хотя исследователь не был знаком с этим источником, опубликованным только в 1954 г. (см.: Голубинский Е. История Русской церкви. Т. II. 1-я половина. М., 1900. С. 736—737).

⁹⁴ ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 184. С. 158—161; ПСРЛ. Т. 29. С. 34; ср.: Голубинский Е. История Русской церкви. Т. II. 1-я половина. С. 739.

⁹⁵ ААЭ. Т. I. № 185. С. 163.

токмо яко родительски, но ниже властельски, рабское ничто же обретется. И такова гордения кто может понести?»⁹⁶

Исследователи по-разному относятся к приведенным словам Грозного. В частности, Г. В. Абрамович считает изображенную царем сценку «весьма сомнительной», да и все описание деятельности Шуйских в его послании Курбскому — не заслуживающим доверия⁹⁷. Но даже если Грозный несколько сгустил краски, рисуя портрет надменного временщика, остается несомненным главное: князь И. В. Шуйский действительно в описываемые годы играл роль опекуна юного государя, а его властность и честолюбие засвидетельствованы, помимо царского послания Курбскому, и другими источниками.

Составленный в первой половине XVII в. Пискаревский летописец сохранил своего рода предание о могуществе Шуйского: «Да того же году, — записал он под 7047 (1538/39) г., — был на Москве наместник князь Василей Шуйской. А князь велики тогда был мал»⁹⁸. Поскольку кн. В. В. Шуйский умер в самом начале указанного сентябрьского года, то, по вероятному предположению А. А. Зимина, имеется в виду князь Иван Шуйский, которого поздний летописец спутал со старшим братом Василием⁹⁹. О том, что кн. И. В. Шуйский действительно носил пышный титул «наместника московского», свидетельствует губная грамота в Верхний Слободской городок на Вятке, выданная 8 февраля 1540 г. Помета на обороте грамоты гласила: «А приказал боярин и наместник московской князь Иван Васильевич Шуйской»¹⁰⁰. Вряд ли подобная должность реально существовала: как подчеркнул А. А. Зимин, «нам не известно ни одного имени наместника московского ни до И. В. Шуйского, ни после него»¹⁰¹. Очевидно, присвоенный себе опекуном юного государя титул должен был возвысить его носителя над прочей боярской «братией».

Высокий статус кн. И. В. Шуйского подтверждается и тем фактом, что он в мае и сентябре 1539 г. во время аудиенции крымских

⁹⁶ ПГК. С. 28 (1-я ред.), тот же текст с небольшими разночтениями — во 2-й редакции (Там же. С. 76).

⁹⁷ Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. С. 96, 98.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 178.

⁹⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 255, прим. 3.

¹⁰⁰ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909. № 3. С. 58.

¹⁰¹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 255.

послов у государя говорил им «от великого князя речь», а в октябре того же года принимал ханского посла на своем дворе и вел с ним переговоры¹⁰². В годы правления Елены Глинской, как мы помним, подобной привилегией обладал фаворит великой княгини князь Иван Овчина Оболенский.

В отличие от старшего брата Василия, не оставившего письменных следов своей административной деятельности, князь Иван Васильевич Шуйский, похоже, не чурался бюрократической рутины: его имя часто встречается на страницах разнообразных документов. В январе 1535-го и августе 1538 г. он выдал несколько жалованных грамот¹⁰³. Обладал князь Иван и судебным опытом: до нас дошла правая грамота, выданная им 4 мая 1534 г. игумену Троицкого Махришского монастыря Ионе по земельной тяжбе с помещиком Шарапом Баскаковым и его сыновьями¹⁰⁴. Но в 1539 — начале 1540 г. размах деятельности «московского наместника» просто поражает: создается впечатление, что кн. И. В. Шуйский пытался держать под личным контролем все нити внутреннего управления, а также дипломатию.

Весной 1539 г. князь Иван Васильевич заменил дворецкого И. Ю. Шигону Поджогина (видимо, заболевшего и отошедшего от дел) в качестве судьи по земельным тяжбам¹⁰⁵. В том же году он неоднократно, как уже говорилось, вел переговоры с крымскими послами, а в феврале 1540 г. приказал выдать упомянутую выше губную грамоту в Слободской городок на Вятке.

Но хотя доминирующее положение при дворе сначала кн. Василия Васильевича Шуйского, а затем его брата Ивана во второй

¹⁰² РГАДА. Ф. 123 (Крымские дела). Кн. 8. Л. 591, 647, 664 об. — 665.

¹⁰³ В том числе: в январе 1535 г. Троицкому Махришскому монастырю (ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. № 113), в августе 1538 г. — введенному дьяку Ивану Шамскому (ОАСУ. Отд. I. № 25. С. 32) и Успенскому Стромынскому монастырю (ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 536. Л. 432—432 об.).

¹⁰⁴ АЮБ. СПб., 1857. Т. I. № 52/IV. Стб. 172—192.

¹⁰⁵ Великокняжеской указной грамотой от 31 марта 1539 г. тверским писцом Ф. Ф. Заболоцкому и Р. В. Унковскому, действовавшим в качестве судей первой инстанции, предписывалось в соответствии с приговором, вынесенным дворецким И. Ю. Поджогиним, отдать Успенской Изосиминой пустыни починки, бывшие предметом спора с вдовой и сыном сытника Курбата (Третьякова), и выдать монастырским старцам правую грамоту. А судные списки по новым земельным тяжбам того же монастыря с соседними помещиками впредь надлежало присылать в Москву и класть перед боярином кн. Иваном Васильевичем Шуйским (*Антонов А.В.* Клинические акты XV—XVI вв. // РД. М., 1998. Вып. 4. № 5. С. 64—65).

половине 1538 — начале 1540 г. сомнений не вызывает, утвердившаяся в историографии оценка этого периода как времени «правления Шуйских»¹⁰⁶ (некоторые авторы говорят даже о «правительстве Шуйских»¹⁰⁷) представляется мне не вполне корректной¹⁰⁸.

Прежде всего нужно учесть, что могущество братьев Василия и Ивана Васильевичей не было никак институционализировано; их власть держалась на большом личном влиянии при дворе и наличии множества сторонников. Они не были членами великокняжеской семьи (с которой князь Василий поспешил породниться в июне 1538 г.) и по статусу не могли сравниться с великой княгиней Еленой, за которой бояре признали титул «государыни». Господство Шуйских не было легитимным: не случайно Иван Грозный впоследствии, возможно несколько сгущая краски, писал, что они «самовольством» у него «в бережении учинилися, и тако воцаришася»¹⁰⁹. Как показали события октября 1538 г., далеко не все при дворе были готовы смириться с диктатом Шуйских, и им, чтобы настоять на своем, пришлось прибегнуть к насилию. Уже по этой причине нельзя говорить о «правлении» Шуйских в том же смысле, в каком выше шла речь о правлении великой княгини Елены.

Выражение «правление Шуйских» неудачно еще и потому, что оно создает иллюзию, будто у власти в 1538—1540 гг. находился клан Шуйских. Однако это далеко не так. Ни двоюродные братья кн. И. В. Шуйского Андрей и Иван Михайловичи, ни его племянник Федор Иванович Скопин-Шуйский не были допущены к кормилу власти; как справедливо отметил Г. В. Абрамович, князь Иван Васильевич держал своих родственников «на периферии — на постах наместников и воевод»¹¹⁰. Действительно, кн. И. М. Шуйский

¹⁰⁶ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 256; История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1966. Т. II. С. 154 (автор текста — А. А. Зимин); Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 343.

¹⁰⁷ О «правительстве Шуйских 1538—1539 гг.» писал Н. Е. Носов (Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления. С. 297, прим. 19). Г. В. Абрамович отмечал, что после смерти Елены Глинской «во главе образовавшегося боярского правительства встал старейший представитель рода Шуйских — князь Василий Васильевич Немой» (Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. С. 82).

¹⁰⁸ На неудачность выражения «правление», или «правительство», Шуйских справедливо обратили внимание Ф. Кэмпфер и Г. Штекль: Kämpfer F., Stökl G. Russland an der Schwelle zur Neuzeit. Das Moskauer Zartum unter Ivan IV. Groznyj // Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 1. II. Halbband / Hg. von M. Hellmann. Stuttgart, 1989. S. 873.

¹⁰⁹ ПГК. С. 27.

¹¹⁰ Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. С. 83.

с октября 1538 г. в течение нескольких лет оставался наместником в Великом Новгороде, а его брат Андрей в 1539—1540 гг. был на псковском наместничестве¹¹¹. Что же касается кн. Ф. И. Шуйского, то он продолжал нести ратную службу и в июле 1540 г., — т.е., как принято считать, в конце «первого периода правления Шуйских», — занимал такую же довольно скромную должность — первого воеводы сторожевого полка, как и в июле 1537 г., при Елене Глинской¹¹².

Среди лиц, деливших с кн. И. В. Шуйским бремя государственных забот и являвшихся его союзниками, в первую очередь нужно назвать князя Ивана Даниловича Пенкова, возглавлявшего осенью 1539 г. боярскую комиссию, ведавшую сыском разбойников. С его именем связана выдача самых ранних из дошедших до нас губных грамот — Белозерской и Каргопольской¹¹³. Боярин кн. И. Д. Пенков не был новым человеком в придворных кругах: как мы помним, он был женат на родной сестре Елены Глинской, Марии, и входил в ближайшее окружение правительницы. Княгиня Мария Васильевна Пенкова (урожд. Глинская) скончалась в первой половине 1539 г. (не позднее начала июля)¹¹⁴. После смерти супруги кн. И. Д. Пенков женился второй раз: избранницей старого боярина стала дочь кн. Андрея Михайловича Шуйского — княжна Евдокия¹¹⁵. Скрепленный этим браком альянс с могущественным кланом Шуйских¹¹⁶, надо полагать, помог князю Ивану Даниловичу сохранить влияние при дворе и после драматических событий 1538 г.

¹¹¹ Зимин А. А. Наместническое управление. С. 282, 285.

¹¹² РК 1598. С. 91, 97.

¹¹³ Обе грамоты датированы 23 октября 1539 г., см.: ААЭ. Т. I. № 187. С. 163—165; ДАИ. СПб., 1846. Т. I. № 31. С. 32—33. Подробный анализ документов, связанных с ранней историей так называемой губной реформы, будет дан в заключительной главе этой книги.

¹¹⁴ Вклад по княгине Марии ее матери, Анны Глинской, в Троицкий монастырь датирован 5 июля 1539 г.: ВКТСМ. С. 76.

¹¹⁵ Упоминание о том, что княжна Евдокия Шуйская была замужем за кн. И. Д. Пенковым, имеется во вкладной книге Иосифо-Волоколамского монастыря: «Поминати во вседневном списке князю Иванову княгиню Даниловича Пенкову, княгиню Евдокию, князю Андрееву дочь Михайловича Шуйского» (Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. Вып. 5: Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906. С. 30. № 109).

¹¹⁶ Показательно, что и заупокойный вклад по кн. И. Д. Пенкову в Троице-Сергиев монастырь был сделан 14 октября 1540 г. не кем иным, как кн. Иваном Михайловичем Шуйским: ВКТСМ. С. 76.

К сторонникам И. В. Шуйского в описываемое время принадлежали и братья Михаил и Иван Ивановичи Кубенские. На посольских приемах в 1539 г. они занимали места рядом с могущественным временщиком¹¹⁷. Кн. М. И. Кубенский, как и в прежние годы, подвизался главным образом на ратной службе¹¹⁸, зато его младший брат Иван, занимавший со времени правления Василия III ключевой пост дворецкого Большого дворца, сосредоточил в своих руках важнейшие рычаги административного управления¹¹⁹.

Следует подчеркнуть, что ни кн. И. Д. Пенков, ни кн. И. И. Кубенский не были обязаны своим возвышением князьям Шуйским, но, как опытные царедворцы, они ориентировались на того, кто в тот момент, на рубеже 1530—1540-х гг., казался сильнее из лидеров соперничавших боярских группировок.

Сказанное относится и к Ивану Ивановичу Третьякову, который к июлю 1538 г. занял должность великокняжеского казначея¹²⁰. Едва ли это назначение следует прямо приписывать влиянию Шуйских (они до октября 1538 г. не обладали, как было показано выше, полным контролем над Думой и двором). Скорее имело значение то обстоятельство, что И. И. Третьяков имел к тому времени немалый опыт административной работы, исполняя, по крайней мере с 1523 г., обязанности печатника, и к тому же приходился родственником прежнему казначею, П. И. Головину¹²¹. Во время январского переворота 1542 г., о котором речь пойдет ниже, И. И. Третьяков, как и братья Кубенские, выступил на стороне кн. И. В. Шуйского.

Если учесть также, что должность тверского дворецкого по крайней мере до марта 1539 г. продолжал исполнять один из душеприказчиков великого князя Василия III, Иван Юрьевич Шигона Поджогин¹²², то становится ясно, что дворцовые перевороты апре-

¹¹⁷ Так, 4 мая 1539 г. был дан обед в честь крымского посла Сулеша-мурзы, «а бояр у великого князя были, — говорится в посольской книге, — князь Иван Васильевич Шуйской и князь Михайло да князь Иван Кубенские» (РГАДА. Ф. 123 (Крымские дела). Кн. 8. Л. 589 об.).

¹¹⁸ РК 1598. С. 94, 96. О карьере кн. М. И. Кубенского см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 95.

¹¹⁹ В качестве великокняжеского дворецкого кн. И. И. Кубенский впервые упоминается в 1524 г., а затем непрерывно с 1532 по 1543 г., см.: *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // *ИЗ. М.*, 1958. Т. 63. С. 187, прим. 43.

¹²⁰ См. выше прим. 43.

¹²¹ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 187, 191.

¹²² Там же. С. 192.

ля и октября 1538 г. не оказали заметного влияния на распределение ключевых административных постов. Более того, нет никаких признаков того, что братья Василий и Иван Шуйские раздачей думских чинов или иными пожалованиями как-то отблагодарили тех своих союзников, кто помог им расправиться с кн. И. Ф. Бельским и его сторонниками. Стоит напомнить, в частности, о важной услуге, оказанной в октябре 1538 г. кн. В. В. Шуйскому его свояком, князем Федором Михайловичем Мстиславским: арестованный кн. И. Ф. Бельский был посажен «за сторожи» (по крайней мере, первоначально) именно на его дворе¹²³. Однако до своей смерти (30 июня 1540 г.¹²⁴) кн. Ф. М. Мстиславский так и не был пожалован боярством. Его место в придворной иерархии, похоже, никак не изменилось со времени правления Елены Глинской: в разряде несостоявшегося Казанского похода в сентябре 1537 г. князь Федор Михайлович был помечен в качестве первого воеводы полка правой руки, и точно в такой же воеводской должности он упомянут в июньском коломенском разряде 1539 г.¹²⁵

Как видно на этом примере, имплицитно присутствующая в работах исследователей аналогия с дворцовыми переворотами XVIII столетия в данном случае «не работает»: придворные «бури» 30—40-х гг. XVI в. приводили только к устранению противников той или иной боярской группировки, но они не сопровождались массовой раздачей чинов или перераспределением административных постов. Поэтому даты дворцовых переворотов эпохи «боярского правления» обозначают только время взлетов и падений очередных временщиков, но они никак не могут служить надежной хронологической основой для периодизации того, что историки (не вполне корректно, на мой взгляд) называют сменой боярских «правительств». В дальнейшем нам еще не раз предстоит в этом убедиться при изучении событий начала 1540-х гг.

* * *

К началу 1539 г. кн. И. В. Шуйский и его сторонники, как могло показаться, взяли государеву Думу под свой полный контроль. Из 13 бояр, известных нам к тому времени, двое находились в опале (кн. И. Ф. Бельский под арестом, М. В. Тучков — в деревенской ссылке). Три места в великокняжеском совете принадлежали пред-

¹²³ ПСРЛ. Т. 29. С. 34.

¹²⁴ Там же. С. 37.

¹²⁵ РК 1598. С. 93, 96.

ставителям клана Шуйских: князю Ивану Васильевичу и его двоюродным братьям Андрею и Ивану Михайловичам, еще два — их явным союзникам: князьям И. Д. Пенкову и М. И. Кубенскому. Неясна позиция боярина кн. Андрея Дмитриевича Ростовского: похоже, он предпочитал не вмешиваться в придворную борьбу. Кн. Дмитрий Федорович Бельский, старший брат арестованного Шуйскими князя Ивана, по логике вещей должен был бы держать его сторону, однако и в октябре 1538 г., и во время последующих дворцовых переворотов соблюдал «нейтралитет»: благодаря своему неучастию в борьбе за власть он смог спокойно дожить до января 1551 г.¹²⁶

Безусловно, не принадлежали к лагерю Шуйских бояре кн. Никита Васильевич Хромой Оболенский, Михаил Юрьевич Захарьин, а также Иван и Василий Григорьевичи Морозовы. Князь Никита Хромой, как мы помним, был обязан своим возвышением троюродному брату, кн. Ивану Овчине Телепневу-Оболенскому, с которым в апреле 1538 г. расправились Шуйские. М. Ю. Захарьин и братья Морозовы находились в свойстве с князем Д. Ф. Бельским¹²⁷. Но, не поддерживая Шуйских, они не пытались и бросить им вызов. Впрочем, в случае Захарьина дело объяснялось, видимо, не только складом характера, но и состоянием здоровья: не позднее октября 1539 г. старый боярин умер¹²⁸.

Едва ли, однако, в описываемое время Дума собиралась в полном составе, так как несколько упомянутых выше бояр к началу 1539 г. находились на наместничествах в различных городах: кн. И. М. Шуйский и И. Г. Морозов — в Новгороде, кн. А. М. Шуйский — в Пскове¹²⁹. Возможно, к этому списку следует добавить еще кн. Н. В. Оболенского, который в период с 1534 по 1543 г. неодно-

¹²⁶ Сводку биографических данных о кн. Д. Ф. Бельском см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 125—126; *Rüß H.* Dmitrij F. Belskij // FOG. Berlin, 1986. Bd. 38. S. 168—184.

¹²⁷ Одна дочь Д. Ф. Бельского, Евдокия, была замужем за племянником Ивана и Василия Григорьевичей, Михаилом Яковлевичем Морозовым, а вторая, Анастасия, — за сыном М. Ю. Захарьина Василием Михайловичем Юрьевым (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 129).

¹²⁸ 16 октября 1539 г. сыновья М. Ю. Захарьина Иван и Василий Михайловичи дали вклад в Троицкий монастырь «по отце своему иноке Мисаиле» (ВКТСМ. С. 98).

¹²⁹ *Зимин А. А.* Наместническое управление. С. 282, 285; *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000. Прил. 1. С. 150.

кратно упоминается в качестве смоленского наместника¹³⁰. А поскольку кн. Иван Васильевич Шуйский и его союзники в лице кн. И. Д. Пенкова, братьев Кубенских, казначея Третьякова и других влиятельных сановников постоянно находились в столице, то их лидерству, казалось бы, ничто не угрожало.

Если, однако, присмотреться к новым пожалованиям в Думу в 1539 — первой половине 1540 г., то можно усомниться в пресловутом всеилии «московского наместника» И. В. Шуйского.

В чине поставления на митрополию Иоасафа в феврале 1539 г. обращает на себя внимание следующая деталь: когда после церемонии посвящения в Успенском соборе новый митрополит по обычаю верхом на «осляти» отправился благословлять государя, то «осля» под ним вел «великого князя конюшей Иван Иванович Челяднин да боярин его»¹³¹. Таким образом, высокий придворный чин конюшего, который в годы правления Василия III носили представители рода Челядниных, а при Елене Глинской, как мы помним, — ее фаворит и свойственник Челядниных кн. Иван Овчина Оболенский, вновь достался отпрыску старой боярской фамилии. Хотя определенные сведения о боярстве И. И. Челяднина относятся только к лету 1541 г.¹³², есть основания полагать, что думское звание он получил (как ранее кн. И. Ф. Овчина Оболенский) одновременно с чином конюшего, т.е. к февралю 1539 г.

Пожалование представителя клана, который в недавние годы правления Елены Глинской составлял опору ее режима, никак нельзя приписать инициативе кн. И. В. Шуйского. Скорее в этом можно было бы усмотреть влияние кн. Д. Ф. Бельского, которому И. И. Челяднин приходился шурином¹³³, если бы не известная осто-

¹³⁰ Зимин А. А. Наместническое управление. С. 288; Пашкова Т. И. Местное управление. Прил. 1. С. 154. Следует упомянуть еще кн. Д. Ф. Бельского, который с декабря 1533 по начало 1541 г. не раз называется в источниках владимирским наместником (Там же. С. 273). Возможно, впрочем, что речь идет о почетном титуле (вроде «наместника московского» — кн. И. В. Шуйского). Во всяком случае, упомянутая должность не требовала постоянного присутствия кн. Д. Ф. Бельского во Владимире: в разрядах отмечено его, «боярина и наместника», присутствие в этом городе в июле 1537-го и декабре 1540 г., но после смены «больших воевод» там числятся уже другие лица, а князь Дмитрий Федорович, как можно понять, возвращался со службы из Владимира в Москву (РК 1598. С. 91—92, 100—101).

¹³¹ ААЭ. Т. I. № 184 / I. С. 160.

¹³² ПСРЛ. Т. 29. С. 41.

¹³³ Жена кн. Д. Ф. Бельского Марфа была дочерью конюшего И. А. Челяднина и родной сестрой И. И. Челяднина (см. выше гл. 3).

рожность Дмитрия Федоровича, на которую давно обратили внимание исследователи: за все время «боярского правления» он ни разу не принял видимого участия в придворных интригах¹³⁴.

Следующее пожалование в Думу, о котором нам известно, также вряд ли можно объяснить протекцией И. В. Шуйского и его сторонников: в июне 1539 г. впервые с боярским чином упомянут кн. Петр Иванович Репнин-Оболенский¹³⁵. Таким образом, в Думе снова стало двое Оболенских (вторым был кн. Никита Васильевич Хромой), и этот клан в значительной мере восстановил свои позиции при дворе, пошатнувшиеся было после расправы с кн. И. Ф. Овчиной Оболенским в апреле 1538 г.

В апреле 1540 г. в разрядах впервые назван боярином кн. Юрий Михайлович Булгаков (Голицын)¹³⁶. Напомню, что именно о нем хлопотали осенью 1538 г. кн. И. Ф. Бельский, митрополит Даниил и дьяк Федор Мишурин, но тогда, как мы знаем, главный ходатай был посажен под арест, а дьяк за участие в этой интриге поплатился головой. И вот спустя полтора года кн. Ю. М. Булгаков получил-таки желанный боярский чин. А. А. Зимин видит в этой метаморфозе «свидетельство усиления Бельских»¹³⁷, однако кн. И. Ф. Бельский до конца июля 1540 г. по-прежнему находился в заточении, а что касается его старшего брата Дмитрия, то, как уже говорилось, нет никаких свидетельств о его хлопотах за кого бы то ни было. Можно заметить также, что в дальнейшем кн. Ю. М. Булгаков больше не упоминается (в отличие, например, от И. И. Хабарова) среди сторонников кн. И. Ф. Бельского: не исключено, что он уже к началу 1540 г. сумел поладить с И. В. Шуйским и его союзниками, следствием чего и явилось его пожалование в Думу.

Как бы то ни было, никто из упомянутых выше лиц — ни И. И. Челяднин, ни кн. П. И. Репнин, ни кн. Ю. М. Булгаков — не был креатурой Шуйских. При назначениях в Думу в те годы, по-видимому, учитывались интересы нескольких придворных кланов, что говорит о поиске консенсуса в боярской среде.

¹³⁴ Об этом писал еще С. М. Соловьев: «Старший сын князя Федора [Бельского. — *М.К.*], Дмитрий, оставался в стороне при всех движениях и переворотках...» (*Соловьев С. М. Сочинения*: В 18 кн. Кн. III: История России с древнейших времен. Т. 5/6. М., 1989. С. 410). См. также: *Rüß H. Dmitrij F. Belskij*. S. 182.

¹³⁵ РК 1598. С. 96.

¹³⁶ Там же. С. 99.

¹³⁷ *Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного*. С. 257.

Из всех, кому боярский чин был пожалован в 1539 — первой половине 1540 г., лишь одного сановника можно с уверенностью причислить к сторонникам Шуйских. Но этот человек сам обладал столь большим влиянием при дворе, что едва ли нуждался в чьей-то протекции. Имеется в виду дворецкий кн. Иван Иванович Кубенский, который впервые назван боярином в жалованной грамоте от 23 мая 1540 г.¹³⁸ Возможно, князь Иван получил бы этот чин намного раньше, но по существовавшей тогда традиции члены одного рода попадали в Думу в порядке старшинства; поэтому дворецкому пришлось дожидаться, пока боярином станет его старший брат Михаил. Как только это случилось (к августу 1538 г.), последнее препятствие отпало, и менее чем два года спустя Иван Иванович также получил желанное думское звание.

В нашем распоряжении есть и другие свидетельства, которые заставляют усомниться во всемогуществе кн. И. В. Шуйского и более того — в наличии в конце 1530-х гг. при московском дворе какой-либо высшей инстанции, способной эффективно регулировать отношения внутри служилой аристократии. Речь идет о местных делах, которые появляются в 1539 г., а с 1540 г. идут сплошным потоком.

А. А. Зимину принадлежит важное наблюдение о том, что до 30-х гг. XVI в., пока местничество существовало только в среде старомосковского боярства, столкновения на этой почве были весьма редки, зато в эпоху «боярского правления», когда в эту систему отношений включились служилые князья, институт местничества вступил в пору своего расцвета¹³⁹. Действительно, согласно составленному Ю. М. Эскиным хронологическому перечню всех известных по источникам местнических дел XVI—XVII вв., за первую

¹³⁸ Помета на жалованной ружной грамоте переславским Данилову и Рождественскому монастырям, выданной 23 мая 1540 г., гласит: «Приказал боярин и дворецкой...» (ААЭ. Т. I. № 191. С. 168). Имя выдавшего грамоту сановника не названо, но боярином и дворецким в тот момент мог быть только кн. И. И. Кубенский. Следующее упоминание разрешает все возможные сомнения: жалованную данную грамоту суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю от 20 июня 1540 г. приказал выдать, как гласила надпись на обороте документа, боярин и дворецкий кн. И. И. Кубенский (АСЕМ. № 46. С. 106). Ранее считалось, что с боярским званием И. И. Кубенский впервые упоминается в марте 1541 г. (Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. С. 56; *Его же*. Формирование боярской аристократии. С. 95).

¹³⁹ Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. // АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 118. См. также: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 304.

треть XVI в. (с 1506 по 1530 г. включительно) есть данные о 13 таких случаях (из них 10 — сомнительны), за время правления Елены Глинской — два случая (причем один из них сомнителен), зато за период с июня 1539-го по декабрь 1547 г. — 42 случая!¹⁴⁰

Но дело не только в инкорпорации князей литовского происхождения в состав московской элиты: рост местничества в годы «боярского правления», как справедливо отмечает А. М. Клеймола, связан со «слабостью на верху» — отсутствием в этот период суверена, способного осуществлять высшую власть¹⁴¹.

По-видимому, неслучайно поток местнических дел возрос с 1539 г.: хотя первые вспышки местнической борьбы произошли сразу после смерти Василия III (ее проявления можно видеть и в расправе с кн. М. Л. Глинским и другими «чужаками» летом 1534 г., и в бегстве за рубеж ряда знатных лиц, о чем уже шла речь в предыдущих главах книги), но с приходом к власти Елены Глинской, заставившей считаться с собой придворную элиту, это соперничество было как бы «заморожено», и только после смерти «государыни великой княгини» бояре уже не чувствовали над собою «грозы».

В июньском коломенском разряде 1539 г. упомянуто сразу три случая местничества. Так, назначенный первым воеводой сторожевого полка кн. Федор Иванович Одоевский в полк не явился и прислал «бити челом» великому князю, «что ему у Микулинского [кн. Василий Андреевич Микулинский по росписи был первым воеводой большого полка. — *М. К.*] в сторожевом полку быти немочно»¹⁴². Челобитье было удовлетворено: кн. Ф. И. Одоевский был заменен Федором Семеновым сыном Колычева¹⁴³. Следом о своем отказе служить по росписи заявили кн. Федор Михайлович Мстиславский и кн. Михаил Михайлович Курбский: первый писал в Москву, что «ему в правой руке [т.е. в полку правой руки. — *М. К.*] у Микулинского быти непригоже»; а Курбский считал для себя невозможным служить вторым воеводой передового полка — «меньше» кн. Петра Ивановича Репнина, назначенного вторым

¹⁴⁰ Эскин Ю. М. Местничество в России XVI—XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 41—47. № 20—77 (в том числе: при Василии III: № 20—32, при Елене Глинской: № 34—35, «при боярах» с июня 1539 по декабрь 1547 г.: № 36—67, 69—77).

¹⁴¹ Kleimola A. M. Status, Place and Politics: The Rise of Mestnichestvo during the Bojarskoe Pravlenie // FOG. 1980. Bd. 27. P. 196.

¹⁴² РК 1598. С. 96.

¹⁴³ Там же.

воеводой в большой полк; при этом кн. М. М. Курбский ссылался на прецедент — прежнюю службу своего отца и отца П. И. Репнина¹⁴⁴.

В этом деле пришлось разбираться дьяку (очевидно, разрядному) Третьяку Ракову, который от имени великого князя объявил «местникам» решение: кн. Ф. М. Мстиславскому и кн. М. М. Курбскому было велено служить «по наказу», с обещанием впоследствии дать первому из них «счет» с кн. В. А. Микулинским, а второму — «про его дело» обыскать¹⁴⁵.

Характерно, что власти не пытались «приструнить» нарушителей воинского порядка, а терпеливо выслушали их жалобы. Один из местничавших воевод (кн. Ф. И. Одоевский) получил полное удовлетворение, а двум другим было обещано провести разбирательство по окончании летней кампании. Приведенный случай интересен также тем, что он высвечивает, так сказать, линии противостояния, разделявшие на рубеже 30—40-х гг. XVI в. русское придворное общество: недавние литовские выходцы, такие как кн. Ф. И. Одоевский и кн. Ф. М. Мстиславский, бросали вызов старинной знати Северо-Восточной Руси (кн. Василий Микулинский, с которым местничали оба князя Федора, был потомком тверских князей¹⁴⁶).

Аналогичная ситуация возникла в апреле 1540 г., когда кн. Юрий Михайлович Булгаков (потомок литовских князей), назначенный в полк правой руки, отказался подчиняться главному воеводе большого полка — все тому же кн. В. А. Микулинскому. Как и прежде, выход был найден в том, что эта служба для кн. Ю. М. Булгакова была объявлена «не в места» (т.е. не могла впредь служить прецедентом), а по ее окончании ему был обещан, если пожелает, суд «о местех» с князем Василием. Впрочем, терпеть неудобного начальника гордому потомку Гедимины пришлось недолго: в августе старый воевода кн. В. А. Микулинский, сославшись на болезнь, попросил об отпуске со службы¹⁴⁷. В сентябре 1540 г. он скончался¹⁴⁸.

¹⁴⁴ РК 1598. С. 96.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ О происхождении рода Микулинских и о самом кн. Василии Андреевиче см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 109—110.

¹⁴⁷ РК 1598. С. 99.

¹⁴⁸ Вклад по кн. В. А. Микулинском в Троицкий монастырь сделан 19 сентября 1540 г.: ВКТСМ. С. 83.

* * *

Слабость верховной власти отражалась и на положении служилого люда. Как мы помним, после смерти Василия III некоторые знатные лица, а также многие рядовые дети боярские решили попытать счастья в соседней Литве. По иронии судьбы там оказались близкие родственники обоих лидеров группировок, боровшихся друг с другом при московском дворе: в августе 1534 г. в Литву бежал кн. Семен Федорович Бельский, младший брат князей Дмитрия и Ивана Бельских, а с апреля 1536 г. на службе Сигизмунда I, короля польского и великого князя литовского, упоминается родной племянник князей Василия и Ивана Васильевичей Шуйских — князь Иван Дмитриевич Губка Шуйский¹⁴⁹. Но нас сейчас больше интересует судьба рядовых служилых людей, покинувших в годы Стародубской войны великокняжескую службу и поселившихся в Литве. Изменилось ли что-нибудь в их настроениях к концу 1530-х гг.?

Из послания Сигизмунда I виленскому воеводе Ольбрахту Гаштольду, написанного в марте 1539 г., выясняется, что к этому времени в Литве существовала целая «колония» «москвичей». И вот от господарских урядников, в чьем ведении находились дворы, на которых временно были размещены московские выходцы, стало известно об их «умысле»: они, оказывается, собирались «до Москвы за ся утекати»¹⁵⁰. После этого литовские власти собрали их всех в Вильне и провели расследование. Как выяснилось, причины проснувшейся у «москвичей» ностальгии были весьма прозаическими: согласно донесению О. Гаштольда, урядники вопреки данному им распоряжению не давали приезжим никакой «живности», т.е. провианта; тем временем «тыи москвичи, што колвек статку своего мели, то все пры оных врадниках проели»¹⁵¹. Литовские власти оказались перед дилеммой: «которые москвичи будут приеждчати, як бы мели быть захованы [т.е. где и как их размещать. — М. К.], и як бы живность [пропитание. — М. К.] им мела быть давана?» А с другой стороны, может быть, вообще «их не казати [не вельть. — М. К.]

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. I. Кн. 19. Л. 145 об. В Литовской метрике сохранились многочисленные упоминания о кн. И. Д. Шуйском, относящиеся к 1539—1542 гг. (Там же. Кн. 23. Л. 52; Кн. 228. Л. 159 об.; Кн. 225. Л. 179, 196 об., 207 об., 209, 215 об. — 216, 219, 227, 260, 272, 277, 296 и др.).

¹⁵⁰ *Малиновский И.* Сборник материалов, относящихся к истории пановрады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. Ч. II. № LII. С. 238.

¹⁵¹ Там же. С. 239.

пропускати, кгда они будут з Москвы втекати?» — задавался вопросом король¹⁵².

Как явствует из процитированного документа, прием и размещение московских беглецов по-прежнему оставались актуальной проблемой для литовских властей в конце 30-х гг. XVI в.

4. Возвышение князя И. Ф. Бельского

25 июля 1540 г. в придворной жизни произошло знаменательное событие: из заточения был освобожден боярин кн. И. Ф. Бельский. Вот как сообщает об этом Летописец начала царства: «...пожаловал князь великий Иван Васильевич всея Руси, по отца своего преосвященного Иосафа митрополита всея Руси печалованию, князя Ивана Федоровича Бельского из нятьства выпустил и опалу свою отдал, и гнев свой ему отложил, и очи свои ему дал видети. И о том вознегодовал по дияволи зависти князь Иван Васильевич Шуйской, на митрополита и на бояр учал гнев держати и к великому князю не ездити, ни з бояры советовати о государских делах и о земских, а на князя Ивана Бельского великое враждование имети и зло на него мыслити»¹⁵³.

Этот рассказ вызывает немало вопросов. Прежде всего неясно, где именно содержался под арестом кн. И. Ф. Бельский. Выше в той же летописи говорилось о том, что осенью 1538 г. он был посажен на дворе князя Федора Мстиславского «за сторожи»¹⁵⁴. Эту версию принимает Н. Ш. Коллманн; более того, исследовательница считает неслучайной близость двух дат: 30 июня умер кн. Ф. М. Мстиславский, «тюремщик» кн. И. Ф. Бельского, как его называет Н. Ш. Коллманн, а 25 июля князь Иван Федорович вышел на свободу¹⁵⁵. Однако это объяснение не кажется мне особенно убедительным, ведь между упомянутыми событиями прошел почти месяц: что мешало в таком случае освободить кн. И. Ф. Бельского на следующий же день после смерти его «тюремщика»? Главное же заключается в том, что, как можно понять из летописного текста, освобождение главного противника Шуйских потребовало принятия

¹⁵² Малиновский И. Сборник материалов. С. 239.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 29. С. 37. В более поздней редакции Летописца далее прибавлено: «и промеж бояр велик мятежь бысть» (ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 133).

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 34.

¹⁵⁵ Kollmann N. S. Kinship and Politics. P. 171.

специального решения Думы: очевидно, митрополиту Иоасафу, воспользовавшемуся старинным правом «печалования» за опальных, удалось убедить большинство бояр в правильности этого шага, кн. И. В. Шуйский же остался в меньшинстве и стал вынашивать планы мести.

По другой летописной версии, изложенной в Синодальном томе Лицевого свода, кн. И. Ф. Бельский осенью 1538 г. был взят под стражу на его собственном дворе¹⁵⁶. И. И. Смирнов, однако, полагает, что в заточении князь Иван Федорович находился не в Москве, а на Белоозере, куда был сослан со двора кн. Ф. М. Мстиславского¹⁵⁷. Правда, ни в одном источнике не говорится о ссылке И. Ф. Бельского на Белоозеро в 1538 г. (в отличие от 1542 г., когда после очередного дворцового переворота он действительно был туда отправлен в заточение¹⁵⁸). Но И. И. Смирнов в обоснование своей оригинальной гипотезы ссылается на недатированные письма крымских мурз князю Семену Федоровичу Бельскому, в которых сообщалось о посылке бояр на Белоозеро за князем Иваном Бельским (братом адресата письма) — «выпустить человека доброго, ижбы он тут до них приехал до Москвы»¹⁵⁹. Издатели «Актów Западнóй Россiи», на страницах которых эти документы впервые увидели свет, датировали их началом 1542 г. Однако, по мнению Смирнова, «характер сведений об обстановке в Москве, содержащихся в письмах крымцев Семену Бельскому, не дает возможности отнести эти сведения к началу 1542 г.»¹⁶⁰. К сожалению, исследователь не привел никаких аргументов в поддержку предлагаемой им датировки писем крымских мурз, за исключением указания на то, что некоторые подробности, содержащиеся в них, подразумевают «приближение зимы» и что, следовательно, речь должна идти о второй половине года, а не о его начале¹⁶¹. С последним замечанием вполне можно согласиться, но вопрос заключается в том, каким годом нужно датировать упомянутые письма.

Как заметил И. В. Зайцев, предположение И. И. Смирнова «наталкивается на единственную трудность»: во второй половине 1540 г., когда по выдвинутой им версии были написаны эти пись-

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 98, правый столбец, прим. 3.

¹⁵⁷ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 85, прим. 35.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 42.

¹⁵⁹ АЗР. СПб., 1848. Т. II. № 218/I. С. 383.

¹⁶⁰ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 83, прим. 31.

¹⁶¹ Там же.

ма, кн. С. Ф. Бельский находился в Крыму¹⁶². Действительно, сохранились послания Сигизмунда I и подскарбего Великого княжества Литовского Ивана Горноста, адресованные кн. Семену Бельскому и датированные соответственно 9 и 21 октября 1540 г., из которых явствует, что в указанное время князь Семен был при дворе крымского хана¹⁶³. Между тем мурзы в интересующих нас письмах прямо упоминают о том, что их корреспондент находится у короля Сигизмунда («...вы теперь там будучи у господаря короля его милости...»¹⁶⁴).

Но это — не единственная трудность, которая мешает принять предложенную Смирновым датировку писем крымцев. Дело в том, что мурзы упоминают недавний набег Ибрагим-паши на Рязанскую землю, совершенный по приказу хана Сахиб-Гирея¹⁶⁵, между тем русские летописи не зафиксировали ни одного набега крымцев после неудачного рейда Имин-царевича по Каширским местам и Ростовской волости в октябре 1539 г. и вплоть до похода самого Сахиб-Гирея на Русь в июле 1541 г.¹⁶⁶ Зато в летописи есть рассказ о приходе крымских мурз на Рязанские места в августе 1542 г.¹⁶⁷ Весьма вероятно, в письмах С. Бельскому имеется в виду именно этот набег. Осенью 1542 г. князь Семен, несомненно, находился уже в Литве¹⁶⁸, поэтому ничто не мешает отнести упомянутые выше документы к указанному времени. Естественно, новая датировка помещает письма в совершенно иной контекст, что в корне меняет интерпретацию содержащихся в них сведений. Мы вернемся к этим интересным документам ниже, при анализе событий 1542 г.

Итак, вероятнее всего, кн. И. Ф. Бельский не покидал столицы, и ему не пришлось после освобождения летом 1540 г. проделывать долгий путь от Белоозера до Москвы. Но в связи с процитирован-

¹⁶² Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI в.): Очерки. М., 2004. С. 145.

¹⁶³ АЗР. Т. II. № 206, 207. С. 372—373.

¹⁶⁴ Там же. № 218/I. С. 383.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 36, 40.

¹⁶⁷ Там же. С. 43—44.

¹⁶⁸ Вероятно, кн. С. Ф. Бельский вернулся туда вскоре после провала крымского похода на Русь, в котором он участвовал. Во всяком случае, в сентябре 1541 г. он находился в Киеве, откуда, по сохранившейся информации, должен был отправиться к Сигизмунду I в Вильну. Пребывание кн. С. Ф. Бельского в Литве в 1542 — начале 1544 г. засвидетельствовано многими документами. Подробнее см.: Кром М. М. Судьба авантюриста. С. 113—114.

ным выше летописным рассказом об обстоятельствах, при которых Иван Федорович был выпущен из заточения, возникает другой, более важный вопрос: почему новый митрополит Иоасаф, как и ранее Даниил, встал на сторону князя И. Ф. Бельского?

Прежде всего представляется далеко не случайным тот факт, что на рубеже 30—40-х гг. XVI в. митрополиты вмешиваются в придворную политику: в условиях вакуума верховной власти глава церкви нередко становился арбитром и в мирских делах. В этой связи В. В. Шапошник справедливо напоминает о роли Алексия при юном Дмитрии Ивановиче и Фотия в малолетство Василия II¹⁶⁹. Но вовлечение в придворные интриги было опасно для самих митрополитов: в феврале 1539 г., как мы уже знаем, был низложен Даниил; его преемник Иоасаф удержался на кафедре лишь три года — до январского переворота 1542 г.

Бряд ли можно считать случайным совпадением и то, что два столь несхожих между собой — и по характеру, и по жизненному опыту — предстоятеля церкви, как Даниил и Иоасаф, сделали выбор именно в пользу князя Ивана Бельского. В. В. Шапошник объясняет позицию митрополита тем, что Шуйские не допускали главу церкви к участию в политических делах; Иоасаф же стремился активно влиять на управление страной, что и привело его к поддержке И. Ф. Бельского¹⁷⁰. Однако при таком объяснении остается непонятным, почему Иоасаф почти полтора года выжидал, прежде чем решился «печаловаться» о заточенном князе Бельском: ведь отношение Шуйских к участию митрополита в придворной политике было абсолютно ясно уже в феврале 1539 г., когда был низложен Даниил.

Но главное возражение состоит в том, что предложенная Шапошником интерпретация событий сводит все дело к неким теоретическим разногласиям: Шуйские-де были принципиальными противниками идеи участия митрополитов в политике, И. Ф. Бельский вполне допускал такое участие, а сам Иоасаф, как пишет исследователь, «мог считать, что в период малолетства великого князя именно митрополит должен быть одним из руководителей правительства»¹⁷¹. Нельзя ли, однако, предположить наличие более прагматических оснований в действиях основных участников событий?

¹⁶⁹ Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения. С. 38.

¹⁷⁰ Там же. С. 41, 42.

¹⁷¹ Там же. С. 41.

Думается, что поведение всех упомянутых выше лиц диктовалось логикой момента и зависело от конкретной расстановки сил при дворе. Шуйские, по всей видимости, располагали гораздо большим числом сторонников, чем их противник кн. И. Ф. Бельский; поэтому они демонстрировали меньшую склонность к компромиссам и при первой же возможности прибегали к открытому насилию. В этой ситуации митрополит пытался выступать в естественной для его сана роли миротворца. Стремясь уравновесить влияние более многочисленной (и более агрессивно настроенной) придворной группировки, сначала Даниил, а потом Иоасаф поддерживали небольшую (и потому более миролюбивую) группу противников Шуйских, лидером которой был князь Иван Бельский. Таким образом, митрополит принимал на себя роль посредника в отношениях между боярами — функция, которую юный государь в силу своего возраста не мог в те годы выполнять.

* * *

Историки придают большое значение освобождению кн. И. Ф. Бельского из заточения в конце июля 1540 г., связывая с этим событием серьезные перемены в правящих кругах: «Освобождение Ивана Бельского означало конец правления Шуйских», — утверждает И. И. Смирнов¹⁷². С того же момента начинает исследователь отсчет времени правления Бельских, которым, по его словам, «удалось продержаться у власти полтора года»¹⁷³, т.е. до январского переворота 1542 г. А. А. Зимин пишет применительно к 1540—1541 гг. о «политике правительства Бельских», в которой ученый усматривает некоторые прогрессивные черты (по сравнению с политикой Шуйских)¹⁷⁴.

В литературе встречаются и другие датировки времени господства Бельских. Например, предложенные С. М. Каштановым хронологические рамки этого периода выглядят так: «С декабря 1540 по 2 января 1542 г. у власти стояло правительство князя И. Ф. Бельского»¹⁷⁵. К сожалению, исследователь не поясняет выбора начальной даты в предлагаемой им хронологии событий.

¹⁷² Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 83. Ниже исследователь даже называет это событие «июльским переворотом 1540 г.» (Там же. С. 91).

¹⁷³ Там же. С. 86.

¹⁷⁴ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 258, 260.

¹⁷⁵ Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 344.

Правомерно ли, однако, считать усиление влияния одного из временщиков признаком формирования нового «правительства»? Насколько вообще указанный термин, заимствованный из языка явно более близкого к нам времени, применим к реалиям второй четверти XVI в.? Вызывают сомнения и предложенные в литературе хронологические рамки «господства» Бельских при московском дворе.

Что касается терминологии, то слово «правительство» применительно к XVI в., на мой взгляд, не вызывает недоразумений только до тех пор, пока оно употребляется в самом общем смысле руководства страны по отношению к подданным, к соседним государствам или полуавтономным образованиям внутри России — удельным княжествам. Именно в этом смысле в предыдущих главах шла речь о «великокняжеском правительстве» или «правительстве Елены Глинской». Но как только исследователь задается вопросом о механизме принятия решений и о том, кто конкретно отвечал за выработку тех или иных мер, термин «правительство», ассоциируемый с чем-то вроде кабинета министров XIX—XX вв., становится серьезной помехой на пути понимания политических реалий Русского государства XVI в.

В самом деле, считали ли «правительством» конца 1530-х — начала 1540-х гг. только нескольких временщиков, пользовавшихся в тот момент наибольшим влиянием при дворе, или следует включать в это понятие всю государеву Думу, а также руководителей дворцового ведомства и виднейших дьяков?¹⁷⁶ Очевидно, в поддержку каждой из этих точек зрения можно привести свои аргументы, едва ли, однако, ученые когда-либо придут по данному вопросу к единому мнению: при подобной постановке проблемы она просто не имеет однозначного решения.

Структура центрального управления Русского государства 30—40-х гг. XVI в. будет подробно рассмотрена во второй части этой книги. Там же мы коснемся вопроса о гипотетической связи между проводимыми в стране мероприятиями и господством при дворе тех или иных боярских группировок. А сейчас основное внима-

¹⁷⁶ Второй точки зрения придерживался некоторое время назад автор этих строк, см.: *Кром М. М.* О некоторых спорных вопросах истории «боярского правления» (дворцовые перевороты и правительственный аппарат в 1538—1547 гг.) // *Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в.* Международная конференция — Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. М., 1994. Ч. I. С. 244—253, особенно с. 251.

ние будет сосредоточено на другом аспекте той же проблемы: попробуем выяснить, в какой мере соответствуют действительности утвердившиеся в науке представления о пребывании в 1540—1541 гг. у власти группировки, возглавлявшейся князем Иваном Бельским.

Изменения придворной конъюнктуры трудноуловимы для постороннего наблюдателя. Еще сложнее проследить их историку, которого отделяют от изучаемых событий почти пять столетий. Приходится опираться на лаконичные известия летописей, которые открывают перед исследователем лишь фрагменты целой картины. Тем не менее даже те отрывочные данные, которые имеются в нашем распоряжении, позволяют утверждать, что кн. И. Ф. Бельский отнюдь не сразу после освобождения «взял управление в свои руки», как пишут некоторые авторы¹⁷⁷.

В сообщении Летописца начала царства о поездке великого князя на богомолье в Троице-Сергиев монастырь 21 сентября 1540 г. обращает на себя внимание список лиц, сопровождавших юного государя: здесь вслед за братом Ивана IV Юрием Васильевичем названы бояре кн. Иван Федорович Бельский, кн. Иван Васильевич Шуйский и кн. Михаил Иванович Кубенский¹⁷⁸. Интересно сравнить этот перечень со свитой великого князя в аналогичной поездке к Троице, состоявшейся в сентябре 1538 г.: тогда список бояр включал в себя князей Василия и Ивана Васильевичей Шуйских и дворецкого кн. Ивана Кубенского¹⁷⁹. Порядок перечисления сановников, очевидно, не случаен: в обоих случаях он, по-видимому, отражал место данного лица в придворной иерархии.

Что же изменилось за прошедшие два года? Кн. В. В. Шуйский давно умер; первым среди бояр в сентябре 1540 г. летописец называет кн. И. Ф. Бельского, оттеснившего на второе место кн. И. В. Шуйского; а место кн. И. И. Кубенского теперь занял его старший брат Михаил. Но все же положение князей И. В. Шуйского и М. И. Кубенского можно назвать достаточно почетным: они по-прежнему входили в ближайшее окружение юного великого князя.

Поэтому слова летописца о том, что кн. И. В. Шуйский, разгневавшись на митрополита и на бояр по случаю освобождения его

¹⁷⁷ Бахрушин С. В. Иван Грозный // Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 264.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 38.

¹⁷⁹ Там же. С. 34.

соперника, «учал... к великому князю не ездити, ни з бояры советовати о государьских делах и о земских»¹⁸⁰, не следует понимать как добровольную «отставку» старого боярина¹⁸¹. Скорее это был тактический ход опытного царедворца, рассчитанный на то, что без его советов не смогут обойтись и позовут его обратно. Мы не знаем, когда И. В. Шуйский возобновил участие в заседаниях Думы, но в сентябре он, несомненно, снова входил в число «первосоветников» Ивана IV.

Таким образом, возвращение ко двору кн. И. Ф. Бельского вовсе не стало очередным дворцовым переворотом: к сентябрю 1540 г. он действительно занимал первое место в придворной иерархии, но никто из его противников не был подвергнут опале. Ничего не слышно и о пожаловании сторонников князя Ивана Федоровича¹⁸²: с лета 1540 по декабрь 1541 г., т.е. за время, которое принято считать периодом «правления Бельских», Дума не пополнилась ни одним боярином или окольничим. Правда, летом 1541 г. в летописи впервые с боярским чином упомянут конюший Иван Иванович Челяднин¹⁸³, но, как было показано выше, весьма вероятно, что этот чин он носил уже в феврале 1539 г. Во второй половине 1540-го и в 1541 г. состав Думы только сокращался: осенью 1540 г. (не позднее октября) умер боярин кн. И. Д. Пенков¹⁸⁴, а через год — И. И. Челяднин¹⁸⁵.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 37.

¹⁸¹ Между тем Г. В. Абрамович принимает слова летописца о том, что кн. И. В. Шуйский перестал являться ко двору, за чистую монету и считает самоустранение боярина от государственных дел его большой ошибкой (*Абрамович Г. В. Князья Шуйские и российский трон*. С. 85).

¹⁸² Не соответствует действительности утверждение Г. В. Абрамовича о том, будто Бельские, пользуясь отсутствием при дворе кн. И. В. Шуйского, «смогли, наконец, провести в Думу своих сторонников»: кн. Ю. М. Голицына — в бояре, а И. И. Хабарова — в окольничие (*Абрамович Г. В. Князья Шуйские и российский трон*. С. 85). На самом деле, как было показано выше, кн. Ю. М. Голицын стал боярином уже к апрелю 1540 г., когда И. Ф. Бельский еще находился под арестом. Об окольничестве И. И. Хабарова никаких сведений в источниках нет: вероятно, окольничим он так и не стал, а с боярским чином впервые упомянут в феврале 1546 г. (см. доложенный ему судный список по тяжбе старцев Печерского Вознесенского монастыря с нижегородскими посадскими людьми: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1914. Л. 19 об. и 31).

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 29. С. 41.

¹⁸⁴ 14 октября 1540 г. вклад по кн. И. Д. Пенкове сделал в Троицкий монастырь кн. И. М. Шуйский: ВКТСМ. С. 76.

¹⁸⁵ Вклад по И. И. Челяднину в Троицкий монастырь сделан его матерью 25 октября 1541 г.: ВКТСМ. С. 90.

Вообще, до весны 1541 г. в источниках нет никаких признаков какого-то особого влияния кн. И. Ф. Бельского. Показательно, в частности, что важное решение об освобождении семьи покойного старицкого князя в декабре 1540 г. было принято, согласно Летописцу начала царства, по инициативе митрополита и бояр; при этом никто из членов государевой Думы отдельно не упомянут: «...пожаловал, — говорит летописец, — князь великий Иван Васильевич всея Руси, по печалованию отца своего Иоасафа митрополита и бояр своих, князя Володимера Андреевича и мать его княгиню Ефросинию, княж Андреевскую жену Ивановича, из нятства выпустил и велел быти князю Володимеру на отца его дворе на княжь Андреевском Ивановича и с матерью...»¹⁸⁶

Ценные подробности содержит рассказ Постниковского летописца о том же событии: «Лета 7049-го [1540 г. — М. К.] декабря в 20 день, на память Петра чудотворца, князь великий Иван Васильевич всеа Руси, приговоря со отцом своим с митрополитом Иоасафом и з бояры, велел княж Андрееву Ивановича княгиню и сына ее Володимера Андреевича из нятства выпустити. <...> И перевел ее и сына ее князя Володимера на княж Андреевский двор и села ее дворцовые отдавал. А после того и весь ей княж Андреевской удел отдал и бояр и диаков у нее устроил. А по городом по ее и по волостем пожалованы дети боярские великого князя»¹⁸⁷.

В приведенном сообщении летописец объединил два эпизода, между которыми в реальности прошел год: освобождение княгини Евфросинии Старицкой с сыном Владимиром из заточения 20 декабря 1540 г. (по Летописцу начала царства, это случилось на день позже¹⁸⁸) и возвращение им удела, принадлежавшего князю Андрею Ивановичу: официальная летопись датирует последнее событие 25 декабря 1541 г.¹⁸⁹

Амнистия, объявленная семье князя Андрея, и восстановление Старицкого удела свидетельствовали о важных переменах в настроениях придворной элиты. С. Н. Богатырев справедливо видит в этих событиях «первые признаки политической стабилизации»¹⁹⁰.

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 39.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

¹⁸⁸ В Летописце начала царства не приводится точная дата освобождения старицкой княгини с сыном, сказано только: «того же месяца, во вторник» (ПСРЛ. Т. 29. С. 39). Но поскольку выше говорится о нападении казанского хана Сафа-Гирея на Муром 18 декабря, в субботу (Там же. С. 38), то можно заключить, что имелся в виду вторник 21 декабря.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 41.

¹⁹⁰ Bogatyrev S. Ivan IV (1533—1584). P. 243.

Милосердие было проявлено и к другому знатному узнику — сыну князя Андрея Углицкого Дмитрию, проведенному в заключении почти полвека, с семилетнего возраста¹⁹¹. Решение об его освобождении было принято в тот же день, когда были выпущены из заточения Владимир и Евфросиния Старицкие, т.е. 20 декабря 1540 г.: «Того же дни, — говорит Постниковский летописец, — велел князь великий в Переславле из тюрьмы ис тына выпустити княж Андреева сына углецкого князя Дмитрея. <...> А дети боярские у него на брежение и стряпчие всякие были ему даны, и ключники, и сытники, и повары, и конюхи великого князя. И платья ему посылал князь великий с Москвы, и запас всякой был у него сушильной и погребной сполна, чего бы похотел. И ездити было ему по посадом по церквам молитися вольно, куды хотел. И пожил немного и там преставися, а у великого князя на Москве не бывал»¹⁹².

Очевидно, старый и больной углицкий князь, равно как и малолетний Владимир Старицкий, уже не представлял опасности для великокняжеского престола. Династическая проблема, остро стоявшая еще в 1537 г., окончательно ушла в прошлое. Впрочем, принимая в декабре 1541 г. решение о возвращении князю Владимиру Андреевичу отцовского удела, бояре решили подстраховаться: по словам Летописца начала царства, великий князь «велел у него [Владимира Старицкого. — М. К.] быти бояром иным и дворецкому и детям боярским дворовым не отцовским»¹⁹³. А «по городам и по волостям» Старицкого удела были «пожалованы» (очевидно, кормлениями) великокняжеские дети боярские, о чем сообщает Постниковский летописец¹⁹⁴. Более того, как показал В. Б. Кобрин, вплоть до 1548 г. или даже 1554 г. на старицких землях распоряжался великий князь; лишь на территории Вереи князь Владимир уже с конца 1541 г. был полновластным хозяином¹⁹⁵.

Однако интерес вызывают не только сами решения об освобождении семьи вдовы и сына старицкого князя и о возвращении им наследственных владений, но и механизм их принятия. Постников-

¹⁹¹ Князь Дмитрий был арестован в 1491 г. вместе с отцом, углицким князем Андреем Васильевичем Горяем, и старшим братом Иваном. Об их судьбе см. подробнее: *Зимин А. А.* Удельные князья и их дворы. С. 163—164.

¹⁹² ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

¹⁹³ ПСРЛ. Т. 29. С. 41.

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

¹⁹⁵ *Кобрин В. Б.* Из истории Старицкого удела и двора // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. С. 109—111.

ский летописец говорит в данном случае о «приговоре» великого князя с митрополитом и боярами¹⁹⁶, а Летописец начала царства использует в декабрьских статьях 7049 (1540) и 7050 (1541) гг. иную формулу: великий князь «пожаловал» князя Владимира Старицкого и его мать Евфросинию «по печалованию отца своего Иоасафа митрополита и бояр своих»¹⁹⁷. Вероятно, форма принятого решения точнее передана в Постниковском летописце: по всей видимости, бояре «приговорили» освободить князя и княгиню Старицких на заседании Думы с участием митрополита и в присутствии юного великого князя.

«Приговор» великого князя с боярами упоминается и в Летописце начала царства в рассказе о поездке Ивана IV на богомолье в Троице-Сергиев монастырь в сентябре 1540 г. Здесь говорится о том, что великий князь слушал молебен и литургию, «и *приговорил* и пировал в трапезе *з братом и з бояры*»¹⁹⁸ (выделено мной. — М. К.).

Вообще, тема боярского совета, коллективных обсуждений и решений в Думе постоянно звучит в летописных статьях 1540—1541 гг. Припомним реакцию кн. И. В. Шуйского на освобождение его врага, кн. И. Ф. Бельского: по словам летописца, возмущенный князь «на митрополита и на бояр учал гнев держати и к великому князю не ездити, *ни з бояры советовати о государьских делех и о земскихх*»¹⁹⁹ (выделено мной. — М. К.). Однако, как уже говорилось, вскоре Иван Шуйский сменил гнев на милость и в сентябре 1540 г. заседал и пировал с другими боярами во время пребывания великого князя и его свиты в Троицком монастыре.

Можно предположить, что к описываемому времени в боярской среде возникла и получила признание идея о том, что легитимны только те решения, которые были одобрены всей Думой. Любопытно, что к этому принципу при случае охотно апеллировали даже князья Шуйские, которых летописцы порицают за «самовольство» во время драматических событий 1538 г. Как мы помним, причиной расправы с кн. Иваном Бельским и его сторонниками осенью указанного года было названо то, что они «советовали» великому князю пожаловать кн. Ю. М. Голицыну боярство, а И. И. Хабарову — окольничество. «А князя Василия да князя Ивана Шуйских, — говорит летописец, — *не баше их в совете том*»²⁰⁰ (выделено мной. —

¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 39, 41.

¹⁹⁸ Там же. С. 38.

¹⁹⁹ Там же. С. 37.

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 34.

М. К.). Пискаревский летописец по тому же поводу замечает, что «Шуйския за то стали гнев держати на митрапалита и на бояр, што без них совету»²⁰¹. Таким образом, то обстоятельство, что вопрос о пожаловании думных чинов обсуждался без их участия, стало для Шуйских предлогом для применения силы и расправы со своими противниками.

На рубеже 30—40-х гг. XVI в. в придворной среде сосуществовали две противоположные тенденции: попытки отдельных кланов добиться полного господства, сопровождавшиеся вспышками прямого насилия, сменялись поисками компромисса и коллективного согласия. Первая тенденция ярко проявилась в 1538—1539 гг. и затем снова дала о себе знать в начале 1542 г. В 1540—1541 гг., напротив, временно возобладала тенденция к поиску консенсуса; возросла роль митрополита и роль Думы в целом как легитимного органа принятия решений.

Усиление коллективного начала в деятельности Думы заметно не только в процитированных выше летописных текстах, но и в канцелярских документах. Так, на обороте жалованной данной и несудимой грамоты, выданной 27 мая 1540 г. Троицкому Данилову монастырю, сделана помета: «Приказали дати все бояре»²⁰². Примечательно, что этот документ появился на свет еще до освобождения кн. И. Ф. Бельского: очевидно, указанная выше тенденция пробивала себе дорогу независимо от того, какая именно группировка преобладала в данный момент при дворе.

Подробное описание заседания Думы с участием митрополита сохранилось в летописной повести «О приходе крымского царя Сафа Киреа на Русскую землю к Оке-реке на берег». Этой повестью, рассказывающей об отражении набега хана Сахиб-Гирея (в тексте ошибочно «Сафа» вместо «Сахиб») летом 1541 г., заканчивается Воскресенская летопись²⁰³. Отправив на берег Оки воевод во главе с кн. Дмитрием Федоровичем Бельским, великий князь, по рассказу летописца, молился в Успенском соборе у иконы Владимирской Богоматери и у гроба Петра-чудотворца об избавлении

²⁰¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 178.

²⁰² Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 109/8833. Опул. (по списку): *Добронравов В. Г.* История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. Прил. № 5. С. 21—22.

²⁰³ ПСРЛ. Т. 8. С. 295—301. Текст Повести вошел также в более поздние летописи: Царственную книгу (Т. 13, ч. 2. С. 433—438) и Пискаревский летописец (Т. 34. С. 173—177).

«всего рода христианского» «от безбожного царя Сафа Киреа». Затем, позвав с собой митрополита, государь пришел «в полату, идеже з бояры сидяше» и велел Иоасафу обсудить с боярами вопрос: оставаться ли великому князю в Москве или в связи с нависшей опасностью покинуть столицу? Разгорелись дебаты: одни бояре (летописец не называет никаких имен), ссылаясь на исторические примеры, высказались за отъезд Ивана IV из города; другие (их позиция изложена гораздо подробнее) настаивали на том, что государю и его брату, по их малолетству, лучше остаться в столице: «нынеча государь наш князь великий мал, — говорили они, — а брат его того менши, борзого ездю и истомы некоторые не могут подняти, а с малыми детьми как скоро ездити?»²⁰⁴

Конец прениям был положен большой речью митрополита, который привел ряд весомых аргументов в пользу второй точки зрения. Во-первых, Иоасаф указал на то, что «в которые города в приходы татарские государи наши отступали, на Кострому и в иные города, и те города по грехом нашим нынеча не мирны с Казанию», а Новгород и Псков для этой цели не подходят ввиду близости литовского и немецкого рубежей. Во-вторых, ссылаясь на прецедент — сожжение Москвы, оставленной в свое время великим князем Дмитрием (имеются в виду события 1382 г.), митрополит подчеркнул опасность и ненужность оставления столицы в создавшихся условиях: «...есть кем великого князя дело беречи и Москве пособляти». В итоге решение было принято: «И бояре сышли все на одну речь, — говорит летописец, — что с малыми государи вскоре лихо промышляти, быти великому князю в городе»²⁰⁵.

Под «всеми боярами», конечно, следует в данном случае понимать только тех думцев, кто в данный момент оставался в столице. По разрядам легко устанавливаются имена бояр, находившихся летом 1541 г. с полками на берегу Оки: князя Д. Ф. Бельский, И. М. Шуйский, М. И. Кубенский²⁰⁶. Летописи добавляют к этому списку кн. Ю. М. Булгакова и конюшего И. И. Челяднина²⁰⁷. Кн. И. В. Шуйский тогда же стоял с войском во Владимире²⁰⁸. В. Г. Морозов в описываемое время находился на наместничестве в Великом Новгороде, а кн. Н. В. Оболенский, вероятно, в Смоленске²⁰⁹. Неясным остается

²⁰⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 297.

²⁰⁵ Там же. С. 298.

²⁰⁶ РК 1598. С. 101.

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 296, 297, 299; Т. 29. С. 40, 41.

²⁰⁸ РК 1598. С. 102; ПСРЛ. Т. 8. С. 296, 298.

²⁰⁹ Зимин А. А. Наместническое управление. С. 282, 288.

местонахождение кн. А. М. Шуйского: А. А. Зимин считает, что зимой 1540/41 г. Андрей Михайлович был сведен с псковского наместничества²¹⁰, однако И. И. Смирнов, указывая на ненадежность хронологии псковских летописей — нашего основного источника по данному вопросу, высказывает обоснованное предположение о том, что кн. А. М. Шуйский оставался псковским наместником вплоть до 1542 г.²¹¹

Получается, что из 16 человек, носивших тогда думское звание (14 бояр и двое окольничих), в упомянутом выше совещании в кремлевских палатах летом 1541 г. могли принять участие только семеро: бояре кн. И. Ф. Бельский, кн. А. Д. Ростовский, кн. И. И. Кубенский, кн. П. И. Репнин-Оболенский и И. Г. Морозов, а также окольничие И. С. Воронцов и С. И. Злобин. Тем не менее принятое тогда решение считалось вполне легитимным.

* * *

До сих пор у нас было мало поводов упоминать о кн. И. Ф. Бельском, и это не случайно: в 1540—1541 гг., т.е. в период, который считается временем «правления Бельских», его имя встречается в источниках не чаще чем в 1538 г., когда у власти находились братья Василий и Иван Шуйские.

С лета 1540 до весны 1541 г. при дворе сохранялось своего рода равновесие сил: кн. И. В. Шуйский уступил лидерство кн. И. Ф. Бельскому, но не утратил еще полностью своего влияния. В марте 1541 г. появляются признаки усиления позиций кн. Д. Ф. Бельского: по сообщению Летописца начала царства, 23 числа указанного месяца «пришел на Москву к великого государя бояром, ко князю Дмитрею Федоровичю Бельскому и ко всем бояром от епископа от виленьского Павла да от пана от Юрья от Николаева [т.е. от гетмана Юрия Миколаевича Радзивилла. — М. К.] человек их Чясной з грамотою»²¹². Паны-рада напоминали боярам о приближении срока окончания перемирия между двумя государствами и о желательности сохранения мира и впредь. Ответ был дан опять-таки от имени кн. Д. Ф. Бельского и «иных боляр», которые обещали «великого государя на то умолити, чтобы государь вперед похотел с королем в миру быти», а Сигизмунду I предлагалось прислать в Москву своих «больших послов»²¹³. Таким образом, кн.

²¹⁰ Зимин А. А. Наместническое управление. С. 285.

²¹¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 87, 90—92.

²¹² ПСРЛ. Т. 29. С. 39.

²¹³ Там же.

Д. Ф. Бельский вернул себе контроль над дипломатическими сношениями с Литовской радой, которыми он ведал в далеком уже декабре 1533 г.

Не менее показательно следующее летописное известие, относящееся к маю 1541 г. и свидетельствующее о большом влиянии, которым пользовался на тот момент кн. И. Ф. Бельский: князь Иван Федорович, по словам летописца, «бил челом Иоасафу митрополиту, чтобы печаловался великому князю о брате его о князе Семене о Федоровиче о Бельском, чтобы великий государь пожаловал, гнев свой отложил и проступку его отдал, что он по грехом с своей молодости от великого князя дерзнул отъехать»²¹⁴. Прощение было, разумеется, получено, о чем кн. И. Ф. Бельский написал брату Семену в грамотах, посланных с великокняжеским гонцом Остафием Андреевым, отправленным с миссией к крымскому хану. Но Андреев ни хана, ни кн. С. Ф. Бельского в Крыму не застал: они уже вышли в поход на Русь²¹⁵, о котором шла речь выше.

Наконец, в мае 1541 г. произошло еще одно примечательное событие, о котором сообщает Воскресенская летопись: в Казани промосковские силы готовили переворот и прислали в Москву просьбу о направлении к ним великокняжеских воевод с ратью. И вот «казанского дела для» во Владимир был послан боярин кн. Иван Васильевич Шуйский с другими воеводами и большой воинской силой²¹⁶. О том, что это назначение расценивалось при дворе не иначе как опала, свидетельствуют слова Ивана Грозного из его первого послания Курбскому: «...и не восхотех под властию рабскою быти, — вспоминал царь, — и того для князя Ивана Васильевича Шуйского от себя отослал, а у себя есми велел быти боярину своему князю Ивану Федоровичю Бельскому»²¹⁷.

Задуманный было казанский поход не состоялся из-за начавшегося в июле нашествия крымского хана, однако кн. И. Ф. Шуйский до самого конца 1541 г. оставался во Владимире: разряды отмечают его присутствие в этом городе в июне, июле и декабре²¹⁸.

Таким образом, хрупкое равновесие было нарушено, один из амбициозных боярских лидеров был удален от двора. Ответная реакция не заставила себя долго ждать: в январе 1542 г. произошел очередной дворцовый переворот.

²¹⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 39.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 295.

²¹⁷ ПГК. С. 28 (текст 1-й редакции).

²¹⁸ РК 1598. С. 102, 103.

Что же касается кн. И. Ф. Бельского, то с устранением главного соперника он на короткое время стал самым могущественным человеком при дворе; возможно, даже пытался играть роль опекуна Ивана IV (если таким образом понимать слова царя о том, что он «у себя... велел быти боярину своему князю Ивану Федоровичю Бельскому»). Однако этого недостаточно для того, чтобы говорить о «правлении» (или тем более «правительстве») кн. И. Ф. Бельского и приписывать ему какой-то внутриполитический курс.

Во-первых, по авторитету и влиянию при дворе митрополит Иоасаф в 1540—1541 гг. нисколько не уступал князю Ивану Федоровичу. Во-вторых, в нашем распоряжении нет никаких данных, свидетельствующих об участии кн. И. Ф. Бельского в государственном управлении: он не выдавал жалованных грамот, не принимал и не отправлял посольств; нет и следов его судебной деятельности. Конечно, можно объяснить это неполнотой наших источников. Однако странно было бы предполагать, что кто-то специально уничтожал все документы, связанные с именем кн. И. Ф. Бельского. Дошли же до нас отдельные грамоты, выданные кн. И. В. Шуйским (надо полагать, в свое время их существовало гораздо больше), или судебный приговор, вынесенный кн. И. Ф. Овчиной Оболенским... Дело, вероятно, в другом: как будет показано во второй части этой книги, административная деятельность вообще не была характерна для всех бояр; ею занимались только так называемые бояре введенные. Одним из таких бояр введенных был, например, кн. Иван Васильевич Шуйский.

Наконец, в-третьих, заслуживает внимания тот факт, что и *после* усиления позиций братьев Бельских весной 1541 г. стиль принятия решений, судя по летописным сообщениям, не изменился: к лету 1541 г. относится проанализированный выше рассказ Воскресенской летописи об обсуждении в Думе вопроса о местонахождении великого князя в условиях вражеского нашествия. В отличие от митрополита Иоасафа, роль кн. И. Ф. Бельского в этом обсуждении никак не выделена. То же относится и к декабрьскому решению 1541 г. о возвращении кн. Владимиру Старицкому отцовского удела, принятому по «печалованию» митрополита и «бояр»²¹⁹.

Таким образом, для 1540—1541 гг., времени, которое в литературе считается эпохой «правления Бельских», характерно, как мы старались показать, не столько преобладание какого-то одного кла-

²¹⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 41.

на или группировки, сколько усиление роли Думы в целом и принятие важных коллективных решений.

5. ЯНВАРСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1542 г.

По числу участников январский переворот 1542 г. стал самым массовым из всех подобных событий конца 30-х и 40-х гг. XVI в., а по своей «драматургии» он более всего напоминает «классические» перевороты второй четверти XVIII в.

Летописец начала царства, составленный в первой половине 50-х гг. XVI в., т.е. примерно через десять лет после драматических событий 1542 г., объясняет случившееся «гневом» бояр на кн. И. Ф. Бельского и митрополита: «Тоя же зимы генваря 2 пойман бысть великого князя боярин князь Иван Федорович Бельской без великого князя ведома советом боярским того ради, что государь князь великий у собя в приближение держал и в перво-советниках да митрополита Иоасафа. И бояре о том вознегодоваша на князя Ивана и на митрополита и начаша злословити с своими советники, а со князем Иваном Васильевичем Шуйским обсылатися в Володимерь»²²⁰. Так возник заговор. Кн. И. В. Шуйский, стоявший с войсками во Владимире, как поясняет летописец, «бережения для от казанских людей», «многих детей боярских к целованию привел, что им быти в их совете». Заговорщики назначили срок, когда кн. И. В. Шуйский должен был прибыть в Москву: 2 января, в понедельник²²¹. В ночь с воскресенья на понедельник кн. И. Ф. Бельский был схвачен на своем дворе и до утра посажен на Казенном дворе. Той же ночью в Москву из Владимира «пригонил», как выражается летописец, князь Иван Шуйский, а на следующий день, в понедельник, кн. И. Ф. Бельский был отправлен в заточение на Белоозеро. Пострадали и его сторонники («советники»): кн. Петр Михайлович Щенятев был сослан в Ярославль, а Иван Хабаров — в Тверь²²².

Целый ряд подробностей описанных событий содержится в Лицевом своде (Синодальном томе и Царственной книге), состав-

²²⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 42.

²²¹ Во всех списках ранней и поздней редакций Летописца начала царства ошибочно стоит «генваря 3», но, как давно выяснили исследователи, понедельник в 7050 сентябрьском году приходился на 2 января (см.: ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 141, прим. 1).

²²² ПСРЛ. Т. 29. С. 42.

ленном, как считают современные исследователи, в 70-х — начале 80-х гг. XVI в.²²³ В Синодальном томе эти добавления имеют характер приписок к основному тексту; в Царственной книге они включены в сам текст. Цель редакторской работы явно состояла в том, чтобы наполнить рассказ конкретными именами; в результате вместо неких «бояр», составивших заговор против кн. И. Ф. Бельского и митрополита, в Лицевом своде представлена целая галерея действующих лиц.

Так, выясняется, что «наперед» кн. И. В. Шуйского в Москву прибыли «сын его, князь Петр, да Иван Большой Шереметев, а с ними человек с триста». Раскрываются и имена заговорщиков, находившихся в столице: «...в том совете быша бояре князь Михайло да князь Иван Кубенские, князь Дмитрий Палецкой, казначей Иван Третьяков, да княжата и дворяне и дети боярские многие, а ноугородцы Великого Новгорода все городом»²²⁴.

Возникает, однако, вопрос: можно ли доверять сведениям, содержащимся в столь позднем и, как подчеркивают исследователи, очень тенденциозном источнике, как Лицевой свод? Может быть, Иван Грозный или тот, кто по его заказу составлял эту летопись, хотел просто очернить таким способом бояр?

Заметим прежде всего, что и рассказ Летописца начала царства тоже тенденциозен, только тенденция эта противоположного свойства: составитель по каким-то причинам не называет ни одного из «советников» кн. И. В. Шуйского (возможно, потому, что в 50-е годы некоторые из них были еще живы и пользовались влиянием при дворе). Но одна деталь в сообщении летописца косвенно указывает на участие казначей И. И. Третьякова в заговоре: там сказано, что схваченного кн. И. Ф. Бельского посадили «на Казенном дворе»²²⁵. Еще несколько имен, названных в Лицевом своде, также находят подтверждение в другом источнике: в спис-

²²³ Б. М. Клосс датирует время составления Лицевого свода 1568—1576 гг., А. А. Амосов — периодом с 1569 г. по начало 1580-х гг.; по мнению В. В. Морозова, работа над сводом продолжалась по крайней мере до 1585 г. См.: *Клосс Б. М.* Летописный свод Лицевой // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2: Л—Я. Л., 1989. С. 30; *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 184—185, 188, 198; *Морозов В. В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. С. 80, 253—254.

²²⁴ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 141, прим. 1 (приписки на полях Синодального тома). То же в Царственной книге, в основном тексте: ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 439.

²²⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 42.

ке Оболенского Никоновской летописи, в начале уже известного нам рассказа о «поимании» кн. И. Ф. Бельского «без великого князя ведома советом боярским», к последним словам сделана приписка: «Кубенских да Палетцкого»²²⁶. Имеются в виду князья братья М. И. и И. И. Кубенские и Д. Ф. Палецкий, которые как раз и упомянуты в Лицевом своде. Таким образом, каковы бы ни были цели составителя этого летописного памятника конца правления Ивана Грозного, но содержащаяся в нем фактическая информация о событиях января 1542 г., насколько мы можем судить, вполне заслуживает доверия.

Новыми подробностями дополнен в Лицевом своде и рассказ о ссылке князя Петра Михайловича Щенятева (он приходился кн. И. Ф. Бельскому шурином: князь Иван Федорович был женат на его сестре²²⁷) и Ивана Ивановича Хабарова. Оказывается, кн. П. М. Щенятев был схвачен в великокняжеских покоях (где, возможно, пытался найти убежище): «...взяша князя Петра у государя ис комнаты задними дверми». «А Ивана Хабарова, — говорит летописец, — взяша на подворье и посадиша его на Фомине дворе Голвина в погреб под полату, а оттуду сослаша его во Тверь»²²⁸.

Не оставили бояре в покое и митрополита: по словам Летописца начала царства, «митрополиту Иоасафу начаша беззастенчиво чинити и срамоту великую»²²⁹. Иоасаф митрополит, не мога терпети, соиде со своего двора на Троицкое подворье. И бояре послаша детей боярских городовых на Троицкое подворье с неподобными речми. И с великим срамом поношаста его и мало его не убиша, и едва у них умоли игумен троецкой Алексей Сергием чудотворцем от убиения. И был мятеж велик в то время на Москве, и государя в страховании учиниша, митрополита сослаша в Кирилов монастырь»²³⁰.

В Лицевом своде в этот рассказ внесен ряд уточняющих деталей: так, выясняется, что на Троицкое подворье бояре посылали «ноугородцев Великого Новагорода» и что от «убиения» митрополита спас не только Троицкий игумен Алексей, но и «боярин князь Дмитрий Палецкий»²³¹ (на самом деле в 1542 г. кн. Д. Ф. Палецкий

²²⁶ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 140, прим. 4.

²²⁷ См.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 35.

²²⁸ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 141, прим. 4 (Синодальный том); Т. 13, ч. 2. С. 439 (Царственная книга).

²²⁹ В этом месте в Синодальном томе сделана приписка: «и камением по келье шибати» (ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 141, прим. 5).

²³⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 42.

²³¹ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 141, прим. 6 и 7 (Синодальный том); Т. 13, ч. 2. С. 439, 440 (Царственная книга).

еще не был боярином). Но наиболее выразительна следующая сцена, вставленная составителем свода, чтобы, вероятно, наглядно показать, как именно бояре «государя в страховании учиниша»: «А как князя Ивана Белского имали, — говорит летописец, — и бояре пришли к государю в постелные хоромы не по времени за три часа до света и петь у крестов заставили. А митрополит Иасаф в те поры пришел к государю в комнату, и бояре пришли за ним ко государю в комнату шумом и сослаша митрополита в Кирилов монастырь»²³².

Январские события 1542 г. свидетельствовали о продолжении острого политического кризиса, который переживало в ту пору Русское государство: династическая фаза кризиса была к тому времени уже позади, но отсутствие признанного главы у княжеско-боярской аристократии и, как следствие, шаткость и нестабильность всей придворной иерархии по-прежнему давали о себе знать. Попытка кн. И. Ф. Бельского закрепить за собой роль «перво-советника» при юном монархе, оттеснив на второй план кн. И. В. Шуйского, натолкнулась на сопротивление значительной части боярской элиты. Не располагая легитимными средствами для устранения неугодного временщика и поддерживавшего его митрополита, бояре прибегли к открытому насилию. Тем самым была прервана наметившаяся в 1540—1541 гг. тенденция к консолидации придворной среды.

Обращает на себя внимание активная роль, которую заговорщики отвели детям боярским, в первую очередь — новгородской служилой корпорации: «ноугородцы Великого Новагорода все городом» явились ударной силой переворота. Подчеркивая решающий вклад дворянской рати в свержение кн. И. Ф. Бельского и митрополита Иоасафа, И. И. Смирнов полагал даже, что участие помещиков придало движению 1542 г. «антибоярский характер»²³³. Однако, как справедливо отметил А. А. Зимин, дворянство было лишь использовано «для реализации планов заговорщиков»²³⁴. На мой взгляд, поддержку городовыми детьми боярскими группировки во главе с кн. И. В. Шуйским можно поставить в один ряд с рассмотренными ранее проявлениями кризиса великокняжеской службы — такими как массовое бегство детей боярских в Литву в

²³² ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 141, прим. 8 (Синодальный том). Так же в Царственной книге (с небольшими разночтениями): Т. 13, ч. 2. С. 440.

²³³ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 93, 95, 96.

²³⁴ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 263.

годы Стародубской войны или переход части новгородских помещиков на сторону кн. Андрея Старицкого в 1537 г. Как видно, после смерти последнего из братьев Василия III служилые люди, не считывая на милость и пожалование юного государя, стали ориентироваться на лидеров боярских группировок. Популярность Шуйских в среде новгородских детей боярских можно объяснить и давними связями этого княжеского клана с Новгородом, где много лет был наместником родной брат И. В. Шуйского, князь Василий Васильевич (в 1500—1506, 1510—1512 и 1514 гг.²³⁵), и опытом ратной службы под их началом в качестве воевод, ведь тот же кн. И. В. Шуйский, начиная с 1502 г., принял участие в целом ряде походов и кампаний²³⁶.

Политическая нестабильность после январского переворота усугублялась отсутствием главы церкви. В течение двух месяцев после свержения Иоасафа митрополичья кафедра пустовала²³⁷. Только в марте 1542 г. новым митрополитом был избран новгородский архиепископ Макарий²³⁸. Его принято считать ставленником Шуйских²³⁹, но в первую очередь, как справедливо подчеркивает В. В. Шапошник, избрание Макария митрополитом объясняется тем авторитетом, которым этот иерарх пользовался в церкви²⁴⁰.

Даже находясь в заточении, в далекой белозерской ссылке, кн. И. Ф. Бельский продолжал внушать опасения своим врагам. Как

²³⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 70—71.

²³⁶ РК 1598. С. 33, 42, 79, 102.

²³⁷ Источники не содержат точной даты ссылки Иоасафа в Кирилло-Белозерский монастырь. Из рассказа Летописца начала царства и дополнений к нему, сделанных в Лицевом своде, можно заключить, что арест кн. И. Ф. Бельского и низложение митрополита произошли одновременно. Правда, в Постниковском летописце ссылка Иоасафа на Белоозеро датирована мартом 1542 г.: «Лета 7050-го марта митрополита Иасафа сослал князь велики на Белоозеро в Кирилов, а на его место в митрополиты учинил нюгородцкого владыку Макария...» (ПСРЛ. Т. 34. С. 26). Возможно, до ссылки Иоасаф провел на Троицком подворье в Москве более продолжительное время, чем это изображается в официальных летописях. Но в любом случае с момента январского переворота он уже не мог исполнять свои обязанности: фактически кафедра пустовала.

²³⁸ Избран и наречен 16 марта, поставлен в митрополиты 19 марта: ПСРЛ. Т. 29. С. 42.

²³⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 264.

²⁴⁰ Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения. С. 45, 46. Исследователь допускает также возможность поддержки Макария новгородскими детьми боярскими — участниками свержения кн. И. Ф. Бельского (Там же. С. 46). Однако источники не упоминают о том, что после январского переворота новгородцы еще несколько месяцев оставались в Москве.

сообщает Летописец начала царства, «послаша бояре на Белоозере князя Ивана Бельского убити в тюрьме Петрока Ярцова сына Зайцова, да Митьку Иванова сына Клобукова, да Ивашка Елизарова сына Сергеева. Они, ехав тайно, без великого князя ведома боярским самовольством князя Ивана Бельского убили»²⁴¹. В Синодальном томе и Царственной книге этому сообщению предпослана датировка: «А на весну ту, майя месяца...»²⁴²

Постниковский летописец привел две версии гибели кн. И. Ф. Бельского: «В те же поры, — сообщает он под маем 7050 (1542) г., — на Белеозере в поиманье не стало князя Ивана Бельского, уморен бысть голодом, 11 ден не ел. Да на нем же чепей и желез, тягости, было пудов з десять. А иные люди говорили, что повелением князя Ивана Шуйского да князя Ондreja Шуйского князь Иван убьен бысть Гришею Ожеговым да Митькою Клобуковым, да Петроком Зайцовым. И положен бысть у Троицы в Сергиеве монастыре»²⁴³.

Очевидно, об обстоятельствах смерти князя Ивана Федоровича ходили разные слухи. Еще одно — совершенно невероятное — истолкование того, что произошло в мае 1542 г., мы приведем чуть ниже.

Князь Иван Васильевич Шуйский лишь на считанные дни пережил своего поверженного противника. Как сообщает Постниковский летописец, «майя же князя Ивана Шуйского в чернцах и в скиме [далее, видимо, пропущено: «не стало». — М. К.], положен бысть на Москве у Богоявления»²⁴⁴.

Отголоски майских событий 1542 г. доносят до нас письма крымских мурз князю Семену Бельскому, написанные, как было показано выше, осенью указанного года, вскоре после августовского набега крымцев на Рязанскую землю, в котором авторы этих посланий приняли участие.

Автор первого письма, Али-хаджи²⁴⁵, сообщил князю Семену о том, что во время упомянутого набега на Рязанскую землю в плен

²⁴¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 42.

²⁴² ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 141, прим. 8 (Синодальный том); Т. 13, ч. 2. С. 440 (Царственная книга).

²⁴³ ПСРЛ. Т. 34. С. 27.

²⁴⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 27.

²⁴⁵ Как отметил И. В. Зайцев, издатели документа в «Актах Западной России» неверно разделили текст на слова и исказили имя крымского мурзы в адресе письма: «Оталый Гаджи» вместо правильного: «от Алып Гаджи», т.е. Али-хаджи (см.: *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. Прим. 134. С. 157).

к крымцам попал «человек добрый... з Москвы». Пленник поведал о том, «ижь князя великого Московского в животе не стало, и Петра Карпова теж в животе не стало, а Кубенский Шуйского забил. Тот же Кубенский напотом, со всеми князи и паны и с духовными ур-а-дивши, послали до Белоозера по брата вашего князя Белского, выпустити человека доброго, ижбы он тут до них приехал до Мос-квы»²⁴⁶.

Несколько в иной редакции ту же новость, которая должна была обрадовать кн. С. Ф. Бельского, передал в своем письме дру-гой крымский сановник, Садык-Челебей: «Поведаю теж вашей милости о положеньи земли Московской, ижь князь великий умер и иншии князи вси померли, и послали по брата вашего выпустити, хотячи собе его великим князем мети»²⁴⁷.

Ранее исследователи принимали предложенную И. И. Смирновым датировку этих документов — осень 1540 г., что создавало неразрешимые трудности для их интерпретации. Как уже говорилось, так возникла версия о первой ссылке кн. И. Ф. Бельского на Белоозеро в 1538—1540 гг., ни одним источником не подтверждаемая. Более того, если исходить из того, что письма написаны осенью 1540 г., как полагал Смирнов, то как в таком случае понять загадочную фразу Али-хаджи о том, что «Кубенский Шуйского забил», а потом вместе с другими князьями и «панами» послал за князем Бельским на Белоозеро, чтобы его освободить? Между тем, как мы помним, в 1538 г. братья Михаил и Иван Кубенские держали сторону Шуйских, а в январе 1542 г. стали активными участниками заговора против князя И. Ф. Бельского, заговора, возглавленного кн. И. В. Шуйским! Чтобы как-то примирить возникающие противоречия, А. А. Зимин предположил, что дворецкий кн. И. И. Кубенский в 1540 г. «временно отошел от Шуйских»²⁴⁸.

Но подобные натяжки делаются совершенно излишними, если поместить процитированные выше документы в контекст, в котором они изначально появились, т.е. в контекст событий 1542 г. Тогда становится понятно, что посылка боярами на Белоозеро Петра Зайцева, Митьки Клобукова и других детей боярских с целью (как мы теперь знаем!) убить князя Ивана Бельского породила благоприятный для братьев и сторонников узника слух, будто его собирались освободить. Что же касается загадочной фразы о том, что

²⁴⁶ АЗР. Т. II. № 218/I. С. 383 (левый столбец).

²⁴⁷ Там же. № 218/II. С. 383 (правый столбец).

²⁴⁸ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 257.

«Кубенский Шуйского забил», то ее следует понимать не в каком-то фигуральном смысле (одержал победу над Шуйским), как предполагает И. И. Смирнов²⁴⁹, а в буквальном: речь идет об убийстве. По-видимому, смерть кн. И. В. Шуйского в мае 1542 г. вызвала появление в стане его недругов подобных фантастических слухов.

Впрочем, не стоит ждать особой достоверности от информации, полученной крымцами от пленного москвича, да еще, вероятно, и истолкованной ими в желательном для их корреспондента ключе. Другие известия, сообщаемые мурзами, тоже не соответствовали действительности, в том числе — слух о смерти великого князя. Напрасно И. И. Смирнов считает, что речь шла о Василии III²⁵⁰: как справедливо заметил П. Ниче, о смерти Василия III давно уже было известно в Крыму; знал о ней, разумеется, и кн. Семен Бельский, поэтому в таком сообщении не было бы для него никакой новости²⁵¹. Естественно, имелся в виду юный Иван IV, и, разумеется, слух оказался ложным.

Если, однако, не видеть в подобных «мутных» источниках некий кладезь надежных фактов, а рассматривать их как отражение настроений и ожиданий, существовавших в тогдашнем московском обществе, то, несмотря на всю фантастичность приведенных известий, ценность этих писем не так уж мала. В частности, выраженные в них надежды — впоследствии не оправдавшиеся — на освобождение кн. Ивана Федоровича Бельского косвенно свидетельствуют о симпатиях, которые этот князь вызывал у какой-то части московского служилого люда (если предположить, что захваченный крымцами в Рязанской земле «москвич» был сыном боярским).

Не менее интересны и толки о кончине юного великого князя. Как уже говорилось в предыдущих главах этой книги, смерть ребенка на троне считалась вполне вероятным событием, и слухи о ней возникали снова и снова. Как мы помним, первый подобный слух прошел еще летом 1534 г. Затем в 1538 г. в связи с кончиной великой княгини Елены ходили толки не только об ее отравлении, но и о какой-то напасти, постигшей ее державного сына (в Польше говорили, что его «ослепили»). И вот в 1542 г. опять возникли разговоры о смерти Ивана IV...

²⁴⁹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 84—85.

²⁵⁰ Там же. С. 84.

²⁵¹ Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. S. 255.

* * *

Исследователи считают январский переворот 1542 г. неким рубежом, отделяющим «правление Бельских» от нового прихода к власти Шуйских²⁵². Особенно четко этот взгляд выражен в работе С. М. Каштанова: «3 января 1542 г. пало правительство князя Бельского, — пишет историк. — Власть в стране вновь захватила группировка князей Шуйских»²⁵³. «Второй период правления Шуйских», как утверждается в литературе, продолжался с начала января 1542-го до 29 декабря 1543 г., когда по приказу Ивана IV был убит кн. Андрей Михайлович Шуйский²⁵⁴. Насколько, однако, эти, ставшие привычными, представления соответствуют свидетельствам источников?

Наглядное представление о придворной иерархии в том виде, в каком она существовала спустя два месяца после январского переворота, дает описание приема литовских послов Я. Ю. Глебовича, Н. Я. Техоновского и писаря Н. Андроновича, прибывших 1 марта 1542 г. в Москву для переговоров в связи с истекавшим сроком перемирия между двумя странами. 6 марта послы были приняты на великокняжеском дворе. Во время аудиенции, когда послы подходили «к руце» государя, стояли у великого князя «бережения для», как сказано в посольской книге, «на правой стороне боярин князь Михайло Иванович Кубенской, а на левой околничей Иван Семенович Воронцов. А сидели у великого князя, на правой стороне боярин князь Дмитрий Федорович Белской и иные бояре; а на левой стороне боярин князь Иван Васильевич Шуйской и иные бояре»²⁵⁵.

Получается, что глава недавнего заговора против кн. И. Ф. Бельского и митрополита Иоасафа, кн. Иван Васильевич Шуйский, занимал менее почетное место на этой церемонии (слева от великого князя), чем старший брат низвергнутого им временщика — кн. Дмитрий Федорович Бельский, сидевший по правую сторону от престола. Отметим также высокое положение боярина кн. М. И. Кубенского и окольничего И. С. Воронцова, «оберегавших» юного госуда-

²⁵² Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 93, 95; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 262.

²⁵³ Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 348.

²⁵⁴ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 95, 99; Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 348; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений. С. 190.

²⁵⁵ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 147.

ря во время посольского ритуала (для сравнения: в августе 1536-го и январе 1537 г. аналогичную роль на посольских приемах играли первые лица при дворе — бояре кн. В. В. Шуйский и кн. И. Ф. Овчина Телепнев Оболенский²⁵⁶).

В тот же день, 6 марта 1542 г., в Золотой палате в честь послов был устроен пир. И вновь первым из бояр, сидевших «в большом столе», назван кн. Д. Ф. Бельский; далее упомянуты бояре кн. А. М. Шуйский и кн. М. И. Кубенский и занимавший место напротив них («встречу им») окольничий И. С. Воронцов²⁵⁷.

Таким образом, первое место в придворной иерархии (по крайней мере, формально) занимал, как и год назад, кн. Д. Ф. Бельский. Он оставался старшим боярином Думы вплоть до своей смерти в январе 1551 г. Уже по этой причине некорректно говорить во множественном числе о «падении Бельских» в январе 1542 г.

Похоже, кн. Д. Ф. Бельский контролировал всю внешнеполитическую переписку. Так, в марте 1542 г., по сообщению Летописца начала царства, казанский князь Булат прислал с гонцом грамоту «к боярину ко князю Дмитрею Федоровичю Бельскому и ко всем бояром, чтобы великому князю говорили о миру с Казанию»²⁵⁸. Во время длительной поездки Ивана IV на богомолье осенью 1542 г. (продолжавшейся с 21 сентября по 17 октября²⁵⁹) князь Дмитрий Федорович оставался в столице и вместе с другими боярами занимался разбором текущих дел. 24 сентября в Москву была доставлена грамота боярина В. Г. Морозова с «товарищи», находившихся с посольством в Литве. В отсутствие государя, которому была адресована грамота и приложенный к ней список «о литовских вестех», с документами ознакомились бояре: «И боярин князь Дмитрий Федорович Белской и все бояре тою грамоту и список смотрив, послали к великому князю... к Троице»²⁶⁰.

Конечно, формальное первенство в Думе не может служить надежным показателем реальной власти и влияния кн. Д. Ф. Бельского при дворе. Было бы интересно узнать, например, кто сопровождал Ивана IV в упомянутой поездке к Троице в сентябре — октябре 1542 г., но, к сожалению, летописец называет вместе с государем только его брата, князя Юрия Васильевича²⁶¹.

²⁵⁶ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 43—44, 66.

²⁵⁷ Там же. С. 148.

²⁵⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 42.

²⁵⁹ Там же. С. 44.

²⁶⁰ Сб. РИО. Т. 59. С. 200.

²⁶¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 44.

Некоторые наблюдения над изменениями в придворной иерархии можно сделать, сравнивая приводимые в посольской книге списки бояр, принимавших участие в застольях по случаю приезда литовских послов и гонцов. Как уже говорилось, первые места на пиру 6 марта 1542 г. занимали бояре князя Д. Ф. Бельский, А. М. Шуйский и М. И. Кубенский, а также окольный И. С. Воронцов. Полтора года спустя, 8 сентября 1543 г., на приеме в честь литовского гонца Томаса «в большом столе сидели бояре: князь Дмитрий Федорович Белской, князь Иван Михайлович Шуйской, Иван да Федор Семеновичи Воронцовы»²⁶². Как видим, князь Андрей Шуйский уступил место брату Ивану, кн. М. И. Кубенский вообще не упомянут в этом застолье, но самая главная новость — возвышение братьев Воронцовых, которые к тому моменту уже стали боярами и заняли почетные третье и четвертое места за «большим столом».

Особый интерес приведенной записи из посольской книги придает тот факт, что упомянутое застолье состоялось накануне описанного в летописях очередного дворцового переворота, когда бояре, предводительствуемые князем Андреем Шуйским, попытались расправиться с Федором Воронцовым «за то, что его великий государь жалует и бережет»²⁶³.

Возвышение Ф. С. Воронцова произошло, по-видимому, после его возвращения (в октябре 1542 г.) из посольства в Литву, куда он ездил вместе с боярином В. Г. Морозовым и дьяком Постником Губиным Моклоковым²⁶⁴, и стало основной пружиной придворной борьбы, приведшей к открытому столкновению 9 сентября 1543 г.

Что же касается князей Шуйских, то имеющиеся в нашем распоряжении источники не подтверждают тезиса об их «господстве» в 1542—1543 гг. Как показывают приведенные выше записи посольской книги, уже в марте 1542 г. им пришлось довольствоваться вторыми ролями в придворной иерархии, уступив первенство в Думе кн. Д. Ф. Бельскому. Позиции клана еще более пошатнулись после смерти в мае 1542 г. признанного лидера Шуйских — князя Ивана Васильевича, а его двоюродные братья, Андрей и Иван Михайловичи, по-видимому, не обладали талантами этого искусного царедворца и опытного администратора. Ни в посольских книгах,

²⁶² Сб. РИО. Т. 59. С. 218.

²⁶³ ПСРЛ. Т. 29. С. 45.

²⁶⁴ О возвращении послов 15 октября 1542 г. см.: Сб. РИО. Т. 59. С. 203; ПСРЛ. Т. 29. С. 44.

ни в летописях, ни в актовом материале нет никаких следов участия князей А. М. и И. М. Шуйских в государственном управлении.

Показательно также, что к лету 1543 г. на свободе оказался противник Шуйских — И. И. Хабаров. Как мы помним, Иван Иванович, названный в летописях «советником» кн. И. Ф. Бельского, в январе 1542 г. был сослан в Тверь²⁶⁵. Точное время его освобождения неизвестно, но в июне 1543 г. И. И. Хабаров уже находился на службе в Нижнем Новгороде, где назван первым из трех упомянутых там воевод²⁶⁶.

Наконец, сам факт, что в сентябре 1543 г. князю Андрею Шуйскому и его сторонникам пришлось прибегнуть к насилию, чтобы устранить ненавистного временщика Ф. С. Воронцова, оказавшегося «в приближении» у государя, ясно свидетельствует о том, что к тому моменту они вовсе не находились у власти и, более того, не надеялись получить ее законным путем.

Справедливость этих наблюдений можно проверить еще одним способом: через изучение думских назначений в 1542—1543 гг. Если Шуйские действительно снова пришли к власти после январского переворота 1542 г., как утверждается в литературе, то они по логике вещей должны были вознаградить своих сторонников и, в частности, пожаловать им боярские чины.

По мнению А. А. Зимина, так оно и происходило: «Приход к власти Шуйских, — пишет историк, — сопровождался раздачей думных званий их сторонникам: в июне 1542 г. боярином уже был князь А. Д. Ростовский и, очевидно, тогда же Ф. И. Шуйский»²⁶⁷. Однако это утверждение не соответствует действительности. Что касается кн. А. Д. Ростовского, то боярином он стал еще в период правления Елены Глинской (впервые упомянут с боярским чином в июле 1536 г.²⁶⁸). К тому же непонятно, на каком основании исследователь отнес его к числу приверженцев Шуйских: дело в том, что князь Андрей Дмитриевич был женат на сестре Ивана Ивановича Хабарова²⁶⁹, который, как мы помним, был сослан в январе 1542 г. как «советник» низложенного князя И. Ф. Бельского.

²⁶⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 42.

²⁶⁶ РК 1598. С. 106.

²⁶⁷ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 264—265.

²⁶⁸ РК 1598. С. 89. В посмертно изданной книге А. А. Зимин отмечает этот факт (Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 81).

²⁶⁹ См. запись в Троицкой вкладной книге от 31 октября 1558 г.: «...по княгине Марине князя Ондreja Дмитриевича Ростовского дал вкладу брат ее

Кн. Федор Иванович Шуйский, вопреки мнению А. А. Зимина, в ноябре 1542 г. упоминается в разрядах без боярского звания²⁷⁰, а первые надежные сведения о нем как о боярине относятся к январю 1544 г.²⁷¹

На самом деле за весь 1542 год Дума пополнилась только двумя окольными: в марте впервые с этим чином упоминается Юрий Дмитриевич Шеин²⁷², а в ноябре — Иван Иванович Беззубцев²⁷³. Никакой связи между этими назначениями и январским переворотом не прослеживается; считать пожалованных в окольные лиц сторонниками Шуйских нет оснований.

В 1543 г. состав Думы заметно расширился: за восемь месяцев (до сентябрьского переворота) членами государева совета стали четверо бояр и один окольный. В феврале 1543 г. впервые с боярским чином упоминается псковский наместник кн. Данила Дмитриевич Пронский²⁷⁴. Поскольку князь Данила не участвовал в придворной борьбе, то о его политических симпатиях судить сложно, но, учитывая то, что в 1528 г. он был среди поручившихся за князей Андрея и Ивана Шуйских²⁷⁵, а также то, что в сентябре 1543 г., если верить Царственной книге, двое князей Пронских поддержали выступление Шуйских против Федора Воронцова²⁷⁶, можно гипотетически предположить, что кн. Д. Д. Пронский был сторонником этого клана.

Зато никак нельзя приписать протекции Шуйских пожалование боярством Ивана Семеновича Воронцова (из окольных): в июне 1543 г. он впервые упоминается с этим думским чином. Интересно, что в коломенской разрядной росписи, где в большом полку четвертым воеводой назван И. С. Воронцов, далее идет характер-

Иван Иванович Хабаров» (ВКТСМ. С. 55). (В тексте ошибочно «Харабаров», правильное написание фамилии — во вкладной книге 1693 г., см.: Там же, прим. 58.)

²⁷⁰ РК 1598. С. 104.

²⁷¹ Там же. С. 107. Ранее кн. Ф. И. Шуйский именуется боярином в сентябрьской статье 7052 (1543) г. Царственной книги, но на точность позднего летописца не приходится полагаться: в декабрьской статье того же года кн. Федор Шуйский упомянут в этой летописи без боярского звания (ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 443, 444).

²⁷² Сб. РИО. Т. 59. С. 146—148.

²⁷³ РК 1598. С. 104.

²⁷⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 211, 212.

²⁷⁵ Антонов А. В. Поручные записи 1527—1571 гг. // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 11. № 2.

²⁷⁶ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 443.

ная помета: «А боярину князю Дмитрею Федоровичю [Бельскому. — М. К.] и боярину Ивану Семеновичу [Воронцову. — М. К.] велено быти на Коломне по вестем, и оне того лета на Коломне не были»²⁷⁷. Приведенная фраза красноречиво свидетельствует о состоянии дисциплины среди высшего командного состава в описываемое время: первый и четвертый воеводы большого полка просто не явились к месту службы, а отчета о своих действиях влиятельнейшие бояре, как можно понять, никому давать не собирались.

В августе указанного года боярином уже был кн. Иван Андреевич Катырь Ростовский²⁷⁸. Наконец, в начале сентября в посольской книге упоминаются еще два недавно пожалованных сановника: 1 сентября — окольничий кн. Василий Васильевич Ушатый²⁷⁹, а 8 сентября — боярин Федор Семенович Воронцов²⁸⁰. Последнее пожалование вызвало такое негодование у братьев Андрея и Ивана Шуйских и их сторонников, что они, как мы уже знаем, вскоре попытались расправиться с новым фаворитом.

Таким образом, изучение думских назначений 1542—1543 гг. также не подтверждает широко распространенного мнения о некоем «господстве» Шуйских в указанный период. Вопреки утвердившимся в науке представлениям, январский переворот 1542 г. имел лишь кратковременный эффект: устранение кн. И. Ф. Бельского и возвращение ко двору кн. И. В. Шуйского, вскоре, впрочем, скончавшегося. Тезис же о «втором периоде правления» Шуйских в 1542—1543 гг. на поверку оказывается очередным историографическим мифом.

6. ВСПЫШКА НАСИЛИЯ ПРИ ДВОРЕ В КОНЦЕ 1543 г.

9 сентября 1543 г. в кремлевских палатах произошло драматическое событие, которое коротко уже упоминалось выше, но которое заслуживает более подробного анализа: во время заседания Думы на глазах юного Ивана IV боярин Федор Воронцов подвергся нападению своих противников и едва не погиб.

²⁷⁷ РК 1598. С. 104.

²⁷⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 214.

²⁷⁹ Там же. С. 215.

²⁸⁰ Там же. 218. В наказных «речах» Борису Сукину, отправленному с миссией в Литву во второй половине сентября, Ф. С. Воронцов также упомянут уже с боярским чином (Там же. С. 224, 225).

Рассказ Летописца начала царства об этом происшествии отличается лаконизмом и, как в других подобных случаях, стремлением назвать как можно меньше имен: «В лето 7052. Сентября 2 [в другом списке число указано правильно: «9». — М. К.] великого князя бояре взволновашеся между собою перед великим князем и перед митрополитом в Столовой избе у великого князя на совете. Князь Андрей Шуйской да Кубенские и иные их советницы изымаша Федора Семенова сына Воронцова за то, что его великий государь жялует и бережет, биша его по ланитам и платье на нем ободраша и хотеша его убить, и едва у них митрополит умоли от убивства. Они же сведоша его с великого князя сеней с великим срамом, бьюще и пхающе на площади, и отослаша его за Неглинну на Иванов двор Зайцова, и послаша его на службу на Кострому и с сыном его с Ываном»²⁸¹.

В Царственной книге этот рассказ подвергся многочисленным исправлениям и дополнениям, основная цель которых, по-видимому, состояла в том, чтобы показать неблагоприятное поведение осенью 1543 г. многих лиц, впоследствии занимавших высокое положение при дворе Ивана IV. Соответственно редактор внес в текст множество имен, отсутствовавших в сообщении Летописца начала царства. Главными действующими лицами сделаны «боляре князь Иван и князь Ондрей Михайловичи Шуйские да князь Федор Иванович Шуйской», а их «советниками» названы князья Дмитрий Курлятев, Иван Шемяка и Иван Турунтай Пронские, а также Алексей Басманов-Плещеев. Чуть ниже редактор добавил к этому списку еще несколько имен: «а Кубеньские и Палетцкой в том совете с ними были же»²⁸².

Другое дополнение в Царственной книге увеличивало число, так сказать, положительных героев этой истории. Если в Летописце начала царства заслуга спасения Ф. С. Воронцова от смерти приписывается исключительно митрополиту, то редактор Царственной книги вводит в рассказ братьев Ивана и Василия Морозовых: «И посла к ним [Шуйским. — М. К.] государь митрополита и бояр своих Ивана и Василия Григорьевичев Поплевиных Морозовых, чтобы Федора не убили, и для государева слова Шуйские Федора не убили»²⁸³.

²⁸¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 45.

²⁸² ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 443 (правый столбец).

²⁸³ Там же.

Наконец, в заключительной части рассказа редактор Царственной книги добавил совершенно новый эпизод, повествующий о том, как велись переговоры о месте будущей ссылки Федора Воронцова. Уже после того, как низложенный фаворит был отправлен на двор Ивана Зайцева, к Шуйским от великого князя вновь были посланы митрополит и не названные по имени «бояре»: «...коли Федору и сыну его Ивану на Москве быти нелзя, ино бы Федора и сына его Ивана послали на службу на Коломну. И Шуйские того не похотели, — говорит летописец, — да приговорили послати Федора и сына его Ивана на Кострому. И государь по Шуйских приговору велел Федора и сына его Ивана послати их на Кострому. А в кою пору от государя митрополит ходил к Шуйским, и в ту пору Фома Петров сын Головина у митрополита на манатью наступал и манатью на митрополите подрал»²⁸⁴.

Естественно возникает вопрос, как относиться к этим подробностям, сообщаемым в приписках к Царственной книге и отсутствующим в других источниках. Мнения исследователей по этому поводу разделились: Д. Н. Альшиц поставил под сомнение участие в событиях сентября 1543 г. князей Д. И. Курлятева, И. И. Турунтая Пронского, а также А. Д. Басманова²⁸⁵. А. А. Зимин, напротив, с полным доверием отнесся к этой информации, полагая, что для измышления сведений об участниках тогдашних событий «не было оснований»²⁸⁶.

Полагаю все же, что высказанные Д. Н. Альшицем сомнения отнюдь не беспочвенны. Удивляет прежде всего то обстоятельство, что к боярам, «взволновавшимся» у государя на совете, редактор Царственной книги причислил нескольких лиц, не имевших в описываемое время думских званий и не занимавших высокого положения при дворе. В первую очередь это замечание относится к князьям Ивану Ивановичу Турунтаю и Ивану Васильевичу Шемяке Пронским, а также к Алексею Даниловичу Басманову-Плещееву.

В описании приема литовских послов 6 марта 1542 г. помещен список князей и детей боярских, «которые в думе не живут, а при

²⁸⁴ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 444 (правый столбец).

²⁸⁵ По мнению Д. Н. Альшица, названные лица были тесно связаны с событиями 1560-х гг., когда, как полагал ученый, и появились знаменитые приписки к тексту Царственной книги, см.: *Альшиц Д. Н.* Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Труды Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Шchedрина. Л., 1957. Т. I (IV). С. 141.

²⁸⁶ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 266, прим. 6.

послех в избе были». В этом перечне, представлявшем собой своего рода «резерв» придворной элиты, находим нескольких лиц, упоминаемых в Царственной книге в связи с драматическими событиями сентября и декабря 1543 г., в частности кн. Дмитрия Ивановича Курлятева и кн. Юрия Ивановича Темкина Ростовского²⁸⁷. Некоторые дворяне, названные в данном реестре, к осени 1543 г. уже получили думские чины (например, кн. В. В. Чулок Ушатый и И. И. Беззубцев²⁸⁸). Но ни князя И. И. Турунтай и И. В. Шемяка Пронские, ни А. Д. Басманов в указанном списке не упоминаются. Более того, Алексей Басманов был тогда, видимо, еще совсем молодым человеком: в разрядах он появляется первый раз в январе 1544 г. в скромной воеводской должности в Елатье²⁸⁹.

Поэтому присутствие А. Д. Басманова и князей Пронских на заседании Думы 9 сентября вызывает большие сомнения. Но они могли присоединиться к мятежным боярам на площади, куда Шуйские и их сторонники вывели свою жертву — Федора Воронцова.

О расправе с Ф. С. Воронцовым упоминает и Иван Грозный в своем послании А. М. Курбскому, причем, как давно заметили исследователи, — почти в тех выражениях, что и Царственная книга. Д. Н. Альшиц предположил даже, что соответствующий пассаж из царского письма в дополненном виде лег в основу процитированных выше приписок к тексту Царственной книги²⁹⁰. Вот отрывок послания, о котором идет речь: «Тако же и князь Андрей Шуйской с своими единомысленники, — писал царь, — пришел к нам в ызбу в столовую, неистовым обычаем перед нами изымали боярина нашего Федора Семеновича Воронцова, ободрав его и позоровав, вынесли из ызбы да убить хотели. И мы посылали к ним митрополита Макария да бояр своих Ивана да Василья Григорьевичев Морозовых своим словом, чтоб его не убили, и оне едва по нашему слову послали его на Кострому, а митрополита затеснили и манатью на нем с ысточники изодрали, а бояр в хребет толкали»²⁹¹.

Обратим внимание на одно малозаметное отличие «воспоминаний» Грозного от летописного повествования о тех же событиях

²⁸⁷ Сб. РИО. Т. 59. С. 147.

²⁸⁸ Там же. С. 147, 148. О получении ими окольниковства см. выше.

²⁸⁹ РК 1598. С. 107.

²⁹⁰ *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // *ИЗ. М.*, 1947. Т. 23. С. 271.

²⁹¹ ПГК. С. 28—29 (1-я редакция первого послания). Тот же текст во 2-й ред.: Там же. С. 77.

сентября 1543 г.: согласно Летописцу начала царства и повторяющей его сюжетную канву Царственной книге, «волнение» бояр началось как бы внезапно во время заседания совета (Думы); в рассказе же царя о «совете» нет ни слова, и все произошедшее представлено как непрошеное вторжение бояр в покои государя с последующим «изыманием» Ф. С. Воронцова. Вторая версия предполагает заранее спланированный заговор, а не случайно возникший конфликт, и, кстати, в этом случае получает удовлетворительное объяснение участие в событиях 9 сентября упомянутых в Царственной книге лиц, не являвшихся членами государева синклита: в толпе мятежников, явившихся, если верить Грозному, в Столовую палату, вполне могли находиться и молодые дворяне, вроде А. Д. Басманова, «которые в думе не живут».

Все источники, имеющиеся в нашем распоряжении, подчеркивают позорящий характер расправы с Федором Воронцовым: по словам Летописца начала царства, нападавшие били его «по ланитам», т.е. по щекам, «и платье на нем ободраша», а затем «сведоша его с великого князя сеней с великим срамом, бьюще и пхающе на площади»²⁹². «Позорование» (как выразился по этому поводу Грозный) ближнего боярина напоминает расправу с дьяком Ф. Мишуриным осенью 1538 г. Думается, мотивы этих публичных действий имели в обоих случаях одну, местническую, природу: гордые аристократы князья Шуйские и их союзники тем самым, видимо, давали понять, что присвоенная себе сначала Мишуриным, а потом Воронцовым «честь» не соответствовала родовитости и заслугам того и другого.

Нельзя не заметить, что в то же самое время Воронцовы стали объектом местнических нападков и на ратной службе: так, в январе 1544 г., всего через четыре месяца после описанных событий, князья Иван Ногтев и Юрий Кашин (оба из рода князей Оболенских) пытались местничать (правда, безуспешно) с боярином Иваном Семеновичем Воронцовым²⁹³. Это означает, что к уже существовавшей линии противостояния в среде придворной аристократии — между князьями Рюриковичами и Гедиминовичами — добавилась еще одна: между князьями и нетитулованным старомосковским боярством.

²⁹² ПСРЛ. Т. 29. С. 45.

²⁹³ РК 1598. С. 107.

* * *

16 сентября 1543 г., спустя неделю после расправы с Ф. С. Воронцовым, великий князь отправился в традиционную поездку на богомолье в Троицкий монастырь. Его сопровождали брат Юрий Васильевич и бояре (к сожалению, летописцы не называют никого из государевой свиты по имени). Из Сергиевой обители Иван IV поехал на Волок и в Можайск, вернувшись в Москву только через полтора месяца — 1 ноября²⁹⁴.

Еще М. М. Щербатов предполагал, что бояре, сопровождавшие государя в осенней поездке, побудили его «к наказанию Шуйских за все их дерзкие поступки», и с подобным намерением великий князь вернулся в Москву²⁹⁵. Это предположение было полностью поддержано И. И. Смирновым, утверждавшим, что во время упомянутой поездки «было предreshено то, что произошло в декабре 1543 г.»²⁹⁶, имея в виду расправу с кн. А. М. Шуйским.

Не следует приписывать посещению Троицкого монастыря в сентябре указанного года особый «политический» характер²⁹⁷: как было показано выше, начиная с 1537 г. осенние поездки на богомолье к Троице стали для великого князя ежегодной традицией. За неимением прямых свидетельств источников, гипотезу Щербатова и Смирнова невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, но нуж-

²⁹⁴ В Летописце начала царства названа другая дата возвращения великого князя в столицу: «ноября 30 дня, во вторник» (ПСРЛ. Т. 29. С. 45). Редактор Царственной книги, заметив, вероятно, ошибку, внес исправление: в рукописи число «30» исправлено на «1», при этом день недели остался прежним — вторник (ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 444, прим. 2). Но, как замечено еще издателями Никоновской летописи, в 7052 сентябрьском году ни 1, ни 30 ноября не приходились на вторник; вторник тогда пришелся на 30 октября (Там же. Ч. 1. С. 145, прим. 3, и Ч. 2. С. 444, прим. 2). И. И. Смирнов осторожно предположил, что Иван IV вернулся «около 1 ноября» (Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 99, прим. 16). Между тем обращение к хронологическому перечню грамот, выданных от имени Ивана IV, показывает, что число выдаваемых грамот резко возросло со 2 ноября, т. е., видимо, на следующий день после возвращения великого князя в столицу (см. Прил. I к данной книге, № 295 и сл.). Поэтому можно считать, что дата «1 ноября», названная в Царственной книге, правильна, ошибка же допущена в дне недели.

²⁹⁵ Щербатов М. М. История Российская. СПб., 1786. Т. V, ч. I. С. 182.

²⁹⁶ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 99.

²⁹⁷ Щербатов утверждал даже, что Иван, не решаясь сразу проявить свою власть, «скрыв свое огорчение, якобы для моления поехал в Троицкий монастырь» и там в беседах с сопровождавшими его боярами укрепился в намерении «наказать» Шуйских (Щербатов М. М. История Российская. Т. V, ч. I. С. 182).

но учесть, что между возвращением Ивана IV в столицу 1 ноября и убийством князя Андрея Шуйского прошло еще почти два месяца.

Между тем в отсутствие великого князя государственные дела шли своим чередом: снаряжалось очередное посольство в Литву. 18 сентября посланнику Борису Сукину были вручены «литовские списки» и велено «с Покрова» (1 октября) отправиться в дорогу²⁹⁸. В тексте «речей», которые Б. И. Сукин должен был произнести перед королем Сигизмундом, упоминались среди прочего и прошлогодние «обиды», которые были причинены в Литве русским послам В. Г. Морозову, Ф. С. Воронцову и дьяку Постнику Губину²⁹⁹. Интересно, что в этом наказе Федор Воронцов назван «боярином», т.е. в соответствии с недавно полученным чином, и что его претензии излагались в тот момент, когда сам бывший посол был удален от двора и сослан в Кострому.

Понятно, что списки «обидных речей» готовились заранее, но в действиях русской дипломатической службы в данном случае не было никакой ошибки. Во-первых, на Ф. С. Воронцова не была наложена опала, он не был лишен боярского чина, а лишь отправлен на службу подальше от Москвы. Во-вторых, и это главное, в лице послов был нанесен ущерб и престижу государя, которого они представляли, отсюда и неизбежность протеста, невзирая ни на какие перемены в придворных кругах.

Вообще, листая страницы посольской книги за 1542—1544 гг., невозможно обнаружить никаких следов дворцовых переворотов: менялись первые лица при дворе, но на внешнеполитическом курсе это никак не отражалось. С одной стороны, это свидетельствует об определенной автономии текущего государственного управления и, в частности, дипломатической службы от взлетов и падений очередных временщиков (эта тема будет подробно рассмотрена во второй части книги). С другой же стороны, посольские документы — в гораздо большей степени, чем летописи, — отражают заботу о поддержании престижа государя и того, что можно назвать «фасадом монархии».

Задачи подобного рода были включены и в инструкцию посланнику Б. И. Сукину. В частности, посольский наказ предусматривал подробные ответы на возможные вопросы о возрасте и внешнем облике Ивана IV: «А нечто учнут говорити про великого князя: уж

²⁹⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 222.

²⁹⁹ Там же. С. 225.

ли государь помышляет жениться, и колко лет государю вашему, и сколь велик государь ваш? И Борису говорити: государь наш великий государь Иван, Божиею милостию, в мужеский возраст входит, а ростом совершенного человека ужь есть, а з Божьею волею помышляет ужь брачный закон принять. А и то есмя слышали, что государь наш и не в одно место послал себе невест пытати, и отколева к государю нашему будет присылка, и будет государева воля, и государь наш хочет по свое дело делати»³⁰⁰.

Заявляя о намерении 13-летнего подростка «брачный закон принять», русские дипломаты, по всей видимости, несколько опережали события. Но, подчеркивая столь серьезные намерения великого князя и то, что по росту он уже не отличается от взрослого мужчины, московские власти, очевидно, хотели дать понять правительству соседней державы, что государь уже вышел из детского возраста и приближается к совершеннолетию. Тем самым это заявление должно было положить конец толкам о малолетстве великого князя Московского — толкам, умалявшим его престиж.

Однако в связи с вышеприведенной характеристикой юного государя не может не возникнуть вопрос о том, в какой мере подраставший Иван был готов взять бразды правления в свои руки. Уместно напомнить, что князья Василий и Иван Шуйские были последними вельможами, о ком сам Грозный позднее вспоминал как о своих опекунах («самовольством у меня в бережении учинились»), а о последующих фаворитах (кн. И. Ф. Бельском и Ф. С. Воронцове) говорил только как об «угодных» себе боярах³⁰¹. В летописи об И. Ф. Бельском сказано, что его государь «у собя в приближение держал и в первосоветниках», а о Ф. С. Воронцове — что великий князь его «жалует и бережет»³⁰². Таким образом, в какой-то не поддающийся точному определению момент между 1538 и 1540 гг. опека ушла в прошлое. Однако, как показал январский переворот 1542 г., бояре по-прежнему не считались с юным великим князем. Изменилось ли что-нибудь в этом плане через два года? Некоторый материал для суждений по данному вопросу содержат летописные сообщения о событиях конца декабря 1543 г.

«Тоя же зимы декаврия 29, — повествует Летописец начала царства, — князь велики Иван Васильевич всея Руси не мога терпети, что бояре безсчиные и самовольство чинят без великого князя ве-

³⁰⁰ Сб. РИО. Т. 59. С. 228.

³⁰¹ ПГК. С. 27, 28, 29 (1-я ред.). Ср. в тексте 2-й ред.: Там же. С. 76—77.

³⁰² ПСРЛ. Т. 29. С. 42, 45.

ления, своим советом единомысленных своих советников, многие убийства сотвориша своим хотением, и многие неправды земле учиниша в государеве младости. И велики государь велел поимати первого советника их князя Ондreja Шуйского и велел его предати псарем. И псари взяша и убиша его, влекуще к тюрьмам, против ворот Ризположенских в городе»³⁰³.

Впоследствии этот текст неоднократно подвергался редактированию в более поздних летописных памятниках. Так, редактор второй половины 1550-х гг., помещая данный рассказ в продолжении Никоновской летописи, добавил к нему заключительную фразу: «...а советников его [Шуйского. — М. К.] розослал; и от тех мест начали бояре от государя страх имети»³⁰⁴. Составитель Царственной книги по своему обыкновению назвал имена сообщников кн. А. М. Шуйского: на полях против слов «а советников его розослал» появилась приписка: «князя Федора Шуйского, князя Юрия Темкина, Фому Головина и иных»; а к словам: «и от тех мест начали бояре от государя страх имети» редактор приписал: «и послушание»³⁰⁵.

Итак, в изображении официальных летописцев 50—70-х гг. XVI в. расправа с кн. А. М. Шуйским и его сообщниками выглядит как единоличное решение великого князя, положившего конец боярским бесчинствам и своеволию. Создается впечатление, что «боярское правление» осталось позади и началась новая эпоха: «...от тех мест начали бояре от государя страх имети и послушание».

Великокняжеской опалой назвал казнь Андрея Шуйского Постниковский летописец, который, правда, не придал этому событию значения некоего поворотного момента. Его рассказ звучит как-то буднично и оттого производит еще более жуткое впечатление: «Лета 7052-го декабря в 28 день положил князь великий опалу свою на боярина своего на князя на Ондreja на Михайловича на Шуйского. И убыен бысть на дворце ото псарей. И дневал в Куретных воротах. И оттоле послан в Суздаль, где их родители кладутца»³⁰⁶.

Всем процитированным выше источникам противостоит сообщение Продолжения Хронографа редакции 1512 г., ошибочно помещенное под 7051 г.: «Тое же зимы, генваря, убыен бысть боярин

³⁰³ ПСРЛ. Т. 29. С. 45.

³⁰⁴ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 145.

³⁰⁵ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 444.

³⁰⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 27.

князь Андрей Михайло[ви]чь Шуйской, а убили его псаря у Курятных ворот на дворе *повелением боярским*, а лежал наг в воротех два часа»³⁰⁷ (выделено мной. — М. К.).

Какой же из этих версий следует отдать предпочтение? Действительно ли расправа с кн. Андреем Шуйским стала первым актом самостоятельного правления Ивана IV или по-прежнему от его имени всем распоряжались бояре, и в таком случае в убийстве лидера одной из придворных группировок следует видеть месть со стороны его соперников?

С. М. Соловьев следовал версии официального летописания: по его наблюдениям, уже в эпизоде с «поиманием» Федора Воронцова в сентябре 1543 г. юный государь не остался безмолвным наблюдателем (как было в январе 1542 г.), а «уже ходатайствовал у Шуйских за своего любимца». Следующим его шагом стала расправа с кн. Андреем Шуйским: «...тринадцатилетний Иоанн, — пишет историк, — решился *напасть* на Шуйского — иначе нельзя выразить тогдашних отношений. Молодой великий князь должен был начать свою деятельность нападением на первого вельможу в государстве...»³⁰⁸

Аналогичную точку зрения уже в наши дни высказал Г. В. Абрамович: ссылаясь на известные нам слова из посольского наказа Б. И. Сукину о физических данных юного государя, историк утверждал, что Иван в этом возрасте был не по годам развитым юношей. Злоба и обида на кн. А. М. Шуйского, который вызывающе себя вел во время событий 9 сентября, закончившихся ссылкой Ф. С. Воронцова, побудили великого князя отдать приказ об убийстве дерзкого боярина³⁰⁹.

Однако большинство исследователей придерживаются противоположного мнения, отказываясь верить тенденциозному рассказу официальных летописцев и принимая версию, изложенную в Продолжении Хронографа редакции 1512 г., согласно которой А. М. Шуйский был убит по приказу бояр³¹⁰. И. И. Смирнов попытался даже точнее определить реальное содержание формулы о «повелении боярском»: исследователь обратил внимание на то, что среди «советников» кн. А. М. Шуйского, отправленных в ссылку после его убийства, назван и Фома Головин, который (если верить

³⁰⁷ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 289.

³⁰⁸ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. III: История России. Т. 6. С. 416.

³⁰⁹ Абрамович Г. В. Князя Шуйские и Российский трон. С. 88—89.

³¹⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 260; Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 100; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 267, прим. 3.

редактору Царственной книги) во время боярского «волнения» 9 сентября наступил на мантию митрополита и порвал ее. Эта деталь, по мнению Смирнова, указывает на роль Макария в свержении Шуйских³¹¹.

Думается, истина в этом споре, как нередко бывает, лежит где-то посередине между противоположными точками зрения. С одной стороны, более чем вероятно, что убийство кн. А. М. Шуйского было инспирировано кем-то из ближайшего окружения великого князя. Обращает на себя внимание сам способ расправы, носивший намеренно жестокий и позорящий характер. Трудно не увидеть в этом акте месть со стороны вельмож, ранее пострадавших от подобного же обращения со стороны князя Андрея и его сторонников. Вспоминается, в частности, сцена «поимания» Ф. С. Воронцова 9 сентября 1543 г., сопровождавшаяся побоями и издевательствами. Между тем родной брат сосланного боярина, Иван Семенович, оставался в столице и почти наверняка думал о возмездии...

Вообще, нельзя не заметить, как по мере разрастания политического кризиса 1530—1540-х гг. происходила эскалация насилия и участники придворной борьбы постепенно переходили все рамки приличий. До 1537 г. политические убийства совершались обычно тайно, в тиши кремлевских темниц и башен, где узники быстро или медленно угасали, страдая от голода и тяжких оков. Первой публичной казнью стала расправа с новгородскими помещиками, перешедшими было на сторону князя Андрея Старицкого. Тогда же подверглись торговой казни его бояре. Но ближайшее окружение Ивана IV до поры до времени было ограждено от подобных унижений даже в случае поражения того или иного временщика и его сторонников: еще действовали какие-то сдерживающие факторы.

Публичное унижение, которому перед казнью подвергся ближний дьяк Федор Мишурин, свидетельствовало о том, что ожесточение придворной борьбы достигло такой степени, что о соблюдении приличий уже перестали заботиться. И вот в сентябре 1543 г. на глазах у всех был «ободран» и избит потомок старинного московского боярского рода — Федор Семенович Воронцов. Стоит ли удивляться, что три с половиной месяца спустя от рук псарей погиб его обидчик, глава клана Шуйских и один из самых знатных вельмож при дворе — князь Андрей Михайлович Шуйский?

³¹¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 100.

С другой стороны, в отличие от многочисленных расправ 1538—1543 гг., совершенных боярским «самовольством», без всякого участия юного государя, убийство кн. А. М. Шуйского, по-видимому, было санкционировано великим князем. Не случайно Постниковский летописец употребил слово «опала»: как явствует из указной грамоты Ивана IV приказчику сел кн. А. М. Шуйского в Суздальском уезде Медведю Клементьеву от 23 марта 1544 г., владения казенного князя были конфискованы³¹². Между тем в минувшие годы ни о чем подобном не было слышно: в источниках нет упоминаний о переходе в казну вотчин погибших во время боярских распрей кн. И. Ф. Овчины Оболенского, дьяка Ф. Мишурина, кн. И. Ф. Бельского. Очевидно, все эти расправы не считались легитимными, а имущество жертв переходило к их ближайшим родственникам. Села же Андрея Шуйского было велено «ведать» на государя именно в связи с опалой их бывшего владельца. В последующие годы так поступали и с имуществом других опальных, казенных по приказу великого князя.

Кара, постигшая кн. А. М. Шуйского, была самой жестокой. С его сообщниками обошлись гораздо мягче. Царственная книга сообщает о ссылке кн. Ф. И. Шуйского, кн. Ю. И. Темкина-Ростовского и Фомы Головина³¹³, однако под «ссылкой» вовсе не обязательно понимать заточение. В частности, князь Федор Иванович Шуйский в январе 1544 г. упоминается на службе в Костроме, причем с боярским чином³¹⁴. Остается неясным, когда именно он получил это думское звание: еще до сентябрьских событий 1543 г. или в короткий период торжества Шуйских между сентябрем и концом декабря указанного года. Более вероятным представляется второй вариант.

Интересно, что там же, в Костроме, находился в то время и боярин Ф. С. Воронцов³¹⁵. Очевидно, январский разряд 1544 г. запечатлел переходный момент, когда недавний фаворит еще не был возвращен ко двору, а один из его обидчиков уже отправился на службу в Кострому, приравненную к месту ссылки.

За недостатком данных невозможно сказать, какого рода опала была наложена на кн. Юрия Ивановича Темкина-Ростовского и Ивана (Фому) Петровича Головина, но во всяком случае оба надол-

³¹² АСЕМ. № 53. С. 124.

³¹³ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 444.

³¹⁴ РК 1598. С. 107.

³¹⁵ Там же.

го исчезают из источников и снова появляются почти одновременно спустя почти шесть лет: кн. Ю. И. Темкин — в качестве воеводы в апрельской разрядной росписи 1549 г.³¹⁶, а И. П. Головин — уже в чине казначея в грамоте от 4 июня того же года³¹⁷.

А. А. Зимин предполагал, что по «делу» кн. А. М. Шуйского попал в опалу также кн. Иван Иванович Турунтай-Пронский; при этом ученый ссылаясь на указную грамоту приказчику Васюку Чижову, который отписывал на царя вотчину Пронского — село Кулибакино³¹⁸. Однако упомянутая грамота датируется 1 января не 1546 г. (как указано Зиминим), а 1548 г.³¹⁹, и поэтому, очевидно, имеется в виду опала, постигшая князя Ивана Ивановича Турунтая в связи с его неудачной попыткой побега в Литву (вместе с кн. М. В. Глинским) в ноябре 1547 г.³²⁰

Об опале же кн. И. И. Турунтай-Пронского в конце декабря 1543 г. не только нет никаких упоминаний в источниках, но даже предположению об этом противоречит тот факт, что в июле 1544 г. он возглавлял передовой полк стоявшей в Коломне рати³²¹. В той же разрядной росписи упомянут и другой гипотетический участник (если верить Царственной книге) сентябрьских волнений 1543 г. — кн. Иван Васильевич Шемяка Пронский³²², также не понесший, очевидно, никакого наказания.

* * *

Возвращаясь к оценке событий 29 декабря 1543 г., следует сказать, что боярское «самовольство», разумеется, вовсе не кончилось в этот день, как пытаются уверить нас официальные московские летописцы. Однако характер придворной борьбы отныне существенно изменился: если раньше соперничавшие между собой лидеры боярских группировок сводили друг с другом счеты напрямую, игнорируя малолетнего великого князя, то теперь они стремились завоевать расположение юного государя и с его помощью расправиться со своими противниками.

³¹⁶ РК 1598. С. 118.

³¹⁷ См.: Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века // История СССР. 1976. № 3. С. 93.

³¹⁸ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 267, прим. 3.

³¹⁹ Грамота опубликована: ССМ. № 17. С. 25.

³²⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 54.

³²¹ РК 1598. С. 108.

³²² Там же.

Глава 6

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ «БОЯРСКОГО ПРАВЛЕНИЯ»

1. ИВАН IV «СТРОИТ СВОЕ ЦАРСТВО»? ОПАЛЫ И КАЗНИ 1544—1546 гг.

В первом послании Курбскому Иван Грозный утверждал, что бедствия «боярского правления» продолжались шесть с половиной лет с момента кончины его матери: «От преставления матери нашия и до того времени шесть лет и пол не престаша сия злая»¹. Когда же ему минуло 15 лет, государь сам принялся «строить свое царство»; и «строение» это началось вполне благополучно, но затем по Божьему гневу за людские грехи случился в Москве пожар². Историку, однако, трудно согласиться с предложенной царем «периодизацией» событий. На самом деле период с 1544 по 1547 г. (до московского пожара), о котором говорит державный писатель, ознаменовался новыми опалами и казнями, причем сам Иван Васильевич выступал лишь орудием соперничавших друг с другом группировок. Что же касается «строительства царства», то юный великий князь, избавившись от опеки, государственным делам предпочитал долгие поездки по монастырям и охотничьим угодьям.

Начиная с 1537 г. Иван IV вместе с братом Юрием и боярами каждый год в сентябре ездил на богомолье в Троицкий монастырь — почтить память чудотворца Сергия; но в 1538—1541 гг. эти поездки были короткими, продолжительностью не более недели³. Осенью 1542 г. великий князь впервые покинул свою столицу почти на месяц, уехав 21 сентября и вернувшись 17 октября⁴. Спустя

¹ ПГК. С. 29 (Первое послание Грозного, 1-я пространная редакция).

² «Нам же пятагонадесять лета возраста преходяще, и тако сами яхомся строити свое царство, и по божие милости и благо было началось строити. И понеже грехом человеческим повсегда божию благодать раздражающим, и тако случися грех ради наших, божию гневу распростершуся, пламени огненному царствующий град Москву поपालившу...» (Там же).

³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 33—36, 38, 41.

⁴ Там же. С. 44.

год аналогичная поездка растянулась уже на полтора месяца: выехав из Москвы 16 сентября 1543 г., государь со свитой посетил Троице-Сергиев монастырь, а оттуда поехал на Волок и в Можайск⁵, вернувшись в столицу только 30 октября или 1 ноября⁶.

Одновременно с отъездом Ивана IV на богомолье в Москве было снаряжено посольство в Литву. Среди прочих инструкций дворянину Борису Сукину был дан наказ («память»), что отвечать на возможный вопрос о том, «колко лет государю вашему» и не собирается ли он жениться. Посланник должен был заявить: «Государь наш, великий государь Иван Божией милостью, в мужеский возраст входит, а ростом совершенного человека ужь есть, а з Божьею волею помышляет ужь брачный закон принять»⁷.

В предыдущей главе я рассматривал процитированные слова из наказа Б. Сукину, главным образом во внешнеполитическом контексте — как намерение московских властей подчеркнуть достижение государем совершеннолетнего возраста и тем самым укрепить его международный престиж. Но у приведенного заявления мог быть и внутренний подтекст: изменившиеся отношения юного Ивана IV со своим окружением. С опекой в любой форме было покончено, и практиковавшиеся с осени 1543 г. продолжительные поездки великого князя по стране наглядно демонстрировали его полную самостоятельность. Самовластие государя призвана была подчеркнуть и жестокая казнь по его приказу боярина кн. А. М. Шуйского 29 декабря 1543 г. Но официальной версии событий верили далеко не все: как мы знаем из Продолжения Хронографа редакции 1512 г., кое-кто объяснял произошедшее убийство «повелением боярским»⁸.

Прошло два месяца после расправы с кн. А. М. Шуйским, и великий князь вновь покинул Москву: 3 марта 1544 г. в сопровождении брата Юрия и многих бояр (их имена, к сожалению, летописец не называет) он отправился в Троицкий Калязин монастырь, а оттуда «поехал на свою государскую потеху в Заболотие на медведи»; поездка закончилась посещением Троице-Сергиева монастыря. 18 марта государь вернулся в столицу⁹.

⁵ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 45.

⁶ О дате возвращения Ивана IV в Москву, по-разному указанной в разных летописях, см. выше — гл. 5, прим. 294.

⁷ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 228.

⁸ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 289.

⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 46.

Летописец начала царства — наш основной источник для реконструкции событий изучаемого времени — не упоминает больше никаких поездок Ивана IV в 1544 г., а таковые, несомненно, были. В частности, как явствует из переписки великого князя с боярами, отложившейся в посольской книге, в мае он посетил Николо-Угрешский монастырь: 10 мая указанного года датирована грамота Ивана IV, написанная «у Николы на Угреше» и адресованная оставшимся в Москве боярам во главе с кн. Д. Ф. Бельским¹⁰.

В конце июля — начале августа великий князь находился в Троице-Сергиевом монастыре: это явствует из жалованной грамоты Ивана IV этой обители на Покровский Хотьков монастырь в Радонеже от 1 августа 1544 г. О месте выдачи грамоты в самом документе сказано так: «Писана у Троицы в Сергееве монастыре...»¹¹

Можно также предположить, что в сентябре 1544 г. государь по уже сложившейся традиции вновь приезжал на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, но летописи не сохранили упоминаний об этом. В Летописце начала царства вслед за сообщением о мартовской поездке Ивана IV по монастырям и на медвежью охоту помещена статья об опале, постигшей 16 декабря 1544 г. кн. И. И. Кубенского: «положил князь велики опалу свою на князя на Ивана Кубенского за то, что они [так! — М. К.] великому государю не доброхотствовали и его государству многие неправды чинили, и великое мздоимство учинили и многие мятежи, и бояр без великого государя веления многих побили»¹².

Приведенный летописный пассаж звучит как осуждение неких «недоброхотных» вельмож, правление которых, как утверждал позднее Иван Грозный в процитированном выше письме Андрею Курбскому, продолжалось шесть с половиной лет с момента кончины великой княгини Елены. Уж не считал ли царь декабрьскую опалу 1544 г. поворотным пунктом, с которого началось его собственное «благое» правление?¹³ Вот только непонятно, почему за

¹⁰ Сб. РИО. Т. 59. С. 239—241.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 289. Л. 253 об.

¹² ПСРЛ. Т. 29. С. 46.

¹³ В комментарии к соответствующему пассажиру из Первого послания Грозного Курбскому В. Б. Кобрин и Я. С. Лурье почему-то полагают, что период «боярского правления» в представлении царя продолжался с начала 1538-го до конца 1543 г., когда был казнен Андрей Шуйский (ПГК. С. 390. Прим. 76). Но простой арифметический расчет показывает, что шесть с половиной лет, которые Иван IV отсчитывал от кончины своей матери (апрель 1538 г.), должны были закончиться осенью 1544 г. Поэтому опала кн. И. И. Кубенского в де-

грехи нескольких «неправых» сановников, повинных в «мздоимстве», «мятежах» и самовольных расправах с боярами, наказан был один кн. И. И. Кубенский? По словам летописца, князь Иван с женой были сосланы в Переславль, где их посадили «за сторожи» на дворе, в котором ранее держали в заточении детей удельного князя Андрея Углицкого. Впрочем, полгода спустя, в мае 1545 г., «пожаловал князь великий князя Ивана, из нятства выпустил»¹⁴.

Многое в этой истории остается неясным: кто стоял за спиной юного государя, когда он отдавал приказ об аресте кн. И. И. Кубенского? И благодаря чьему заступничеству боярин был освобожден после полугодового заточения? Другие летописи не помогают понять суть дела: так, Царственная книга почти слово в слово повторяет уже известный нам рассказ Летописца начала царства¹⁵.

Недавно В. Д. Назаров попытался раскрыть тайну загадочной опалы кн. И. И. Кубенского. Ученый обратил внимание на жалованную тарханно-несудимую грамоту Ивана IV игумену Новоспасского монастыря Нифонту на село Семеновское Бартенево в Можайском уезде от 22 сентября 1549 г.: как явствует из текста грамоты, это село представляло собой бывшую вотчину кн. Ивана Ивановича Кубенского, и оно было дано в монастырь по душе («в вечный поминок») кн. Михаила Богданова сына Трубецкого¹⁶. В комментарии к этому документу В. Д. Назаров высказал гипотезу о наличии взаимосвязи между гибелью кн. М. Б. Трубецкого (который, согласно родовому преданию семейства Трубецких и результатам обследования его надгробия, погиб насильственной смертью в 12—13-летнем возрасте) и опалой, постигшей боярина кн. И. И. Кубенского. По предположению исследователя, юный княжич был убит 15 декабря 1544 г. (именно эта дата читалась на его надгробии) по приказу Кубенского. За это на следующий день на боярина была наложена опала, а впоследствии, когда после казни кн. И. И. Кубенского (в июле 1546 г.) вотчины последнего были конфискованы, упомянутое выше село было дано в Новоспасский монастырь в качестве поминального вклада по убиенном княжиче Михаиле Трубецком¹⁷.

кабре 1544 г. гораздо больше подходит, на мой взгляд, на роль подобного хронологического рубежа.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 46.

¹⁵ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13, ч. 2. С. 445.

¹⁶ АРГ/АММС. № 106. С. 242.

¹⁷ Там же. С. 480—482. Комментар. 106.

Предложенная В. Д. Назаровым версия событий возможна, но, поскольку выдвинутая им гипотеза основывается на целом ряде допущений и предположений, ее нельзя считать полностью доказанной. Следует учесть прежде всего, что ни один источник не говорит о причастности кн. И. И. Кубенского к убийству юного княжича. Более того, Андрей Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» прямо приписывает расправу с кн. М. Б. Трубецким самому государю: «...удавлен от него [Ивана. — М. К.] князя Богдана сын Трубецкого, в пятнадцать летех младенец, Михаил именем, с роду княжат литовских»¹⁸. Впрочем, время, когда было совершено это злодеяние, определяется Курбским довольно противоречиво: сначала он говорит, что княжич погиб года за два («аки за два лета») до казни бояр И. И. Кубенского и Воронцовых, что вроде бы указывает на 1544 г., но ниже автор «Истории» замечает, что, как ему помнится, в один год с М. Б. Трубецким («того же лета») были убиты «благородные княжата»: Иван Дорогобужский и Федор, сын Ивана Овчины¹⁹; однако эти двое молодых князей были казнены, как будет показано ниже, в январе 1547 г.

Но даже если гипотеза В. Д. Назарова верна, она мало проясняет смысл происшедших в декабре 1544 г. событий. Кто были те сановники, кому адресованы пересказанные летописцем обвинения в мздоимстве и насилии? Их имена исчезли из летописи, вероятно, после неудачно проведенной редактуры. И остается только догадываться, какие могущественные силы добились ареста влиятельного боярина (в недавнем прошлом — дворецкого) кн. И. И. Кубенского.

Ранней весной 1545 г. Иван IV вновь посетил Троице-Сергиев монастырь: здесь 15 марта он выдал игумену Никандру тарханно-проезжую грамоту на провоз монастырских продуктов²⁰. В летописях эта поездка не отмечена. Зато о следующем путешествии государя по святым местам подробно рассказывает Летописец начала царства в статье, озаглавленной «О поезде великого князя по монастырем»: 21 мая Иван IV с братом Юрием и двоюродным братом

¹⁸ Андрей Курбский. История о великом князе Московском. С. 224.

¹⁹ Там же. Версии о гибели М. Б. Трубецкого вместе с кн. И. И. Дорогобужским и Ф. И. Овчининим-Оболенским придерживался и В. К. Трутовский, летописец рода Трубецких, но он ошибочно относил это событие к 15 декабря 1535 г., см.: /Трутовский В. К./ Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891. С. 66.

²⁰ ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 203. С. 181—182.

князем Владимиром Андреевичем Старицким отправился в Сергиев монастырь, где и отпраздновал Троицын день; отсюда он поехал «чудотворцем молиться» в Переславль, а затем, отпустив братьев в Москву, посетил Ростов, Ярославль, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Вологодский Спасо-Прилуцкий, Корнильев Комельский, Павлов Обнорский и Борисоглебский монастыри. Полуторамесячное паломничество завершилось лишь 7 июля, когда великий князь вернулся в столицу²¹.

Наступление нового, 7054 года юный государь отметил весьма своеобразно: 3 сентября, как рассказывает летописец, «князь великий Иван Васильевич казнити Офанасия Бутурлина, урезати языка ему у тюрем за его вину, за невежливое слово»²². Очевидно, 15-летний великий князь уже вполне вошел в роль «государя всея Руси» и не терпел ни малейшего прекословия. Но вникать в детали государственного управления ему по-прежнему не хотелось. 15 сентября 1545 г. Иван по традиции отправился в Троице-Сергиев монастырь «к чудотворцевой памети помолиться». Оттуда он с братом Юрием поехал «на свою царскую потеху» в Александрову слободу. Из Слободы государь велел брату ехать в Можайск, а сам вернулся на несколько дней в Москву. Прибыв 5 октября в столицу, великий князь, по словам летописца, «положил опалу на бояр своих за их неправду»: на кн. Ивана Кубенского, кн. Петра Шуйского, кн. Александра Горбатого, Федора Воронцова и кн. Дмитрия Палецкого. «И устроив свое дело, — продолжает летописец, — поехал с Москвы в Можаетск того же месяца октября 9, а на Москву приехал князь великий ноября 14»²³.

Приведенный текст не оставляет сомнений в том, что Иван IV прервал на короткое время свое путешествие только для того, чтобы наложить опалу на бояр, после чего, «устроив свое дело», как бесстрастно замечает летописец, он вернулся к прерванным развлечениям, отправившись в Можайск, где его уже ждал брат Юрий. Причина постигшей бояр опалы в летописной статье, относящейся к осени 7054 г. (1545 г.), указана в самой общей и неопределенной форме («за их неправду»), но если сравнить этот текст с рассмотренной выше декабрьской статьей 7053 г. (1544) об опале кн. И.И. Кубенского, то невольно возникает предположение, что помещенные там обвинения неких не названных по имени лиц в том,

²¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 47.

²² Там же.

²³ Там же.

что «они великому государю не доброхотствовали и его государству многие неправды чинили, и великое мздоимство учинили и многие мятежи, и бояр без великого государя веления многих побили»²⁴, — возможно, были адресованы как раз пострадавшим в октябре 1545 г. вместе с кн. И. И. Кубенским сановникам: князьям П. И. Шуйскому, А. Б. Горбатову, Д. Ф. Палецкому, а также Ф. С. Воронцову. Не исключено, что процитированная фраза о «неправдах», «мздоимстве» и «мятежах» была ошибочно перенесена из статьи 7054 г. об опале бояр в декабрьскую статью 7053 г. о «поимании» кн. И. И. Кубенского, а то обстоятельство, что в обоих эпизодах на первом плане оказался именно Иван Кубенский, делает подобную механическую ошибку еще более вероятной.

В декабре 1545 г. опальные были прощены: «...пожаловал князь великий бояр своих князя Ивана Кубенского и князя Петра Шуйского, и князя Александра Горбатого, и князя Дмитрея Палецкого, и Федора Воронцова»²⁵. В более поздней редакции второй половины 50-х гг. XVI в. к этому краткому сообщению Летописца начала царства было сделано добавление о том, что «пожаловал» великий князь опальных бояр «для отца своего Макарья митрополита»²⁶, т.е., надо понимать, по «печалованию» владыки.

Историки уже давно ставила в тупик упомянутая череда необъяснимых опал и прощений. «Этих колебаний, опал, налагаемых на одни и те же лица, прощений их в продолжение 13, 15 и 16 года Иоанновой жизни нельзя оставить без внимания, — писал С. М. Соловьев, — странно было бы предположить, что молодой Иоанн только по старой неприязни к родственникам и друзьям Шуйских, безо всякого повода бросался на них и потом прощал; трудно предположить, чтобы могущественная сторона Шуйских так была поражена казнию князя Андрея, что отказалась совершенно от борьбы; но кто боролся с нею именем Иоанна — летописи молчат»²⁷.

Действительно, «летописи молчат», и исследователям остается только догадываться о том, какова была расстановка сил при великокняжеском дворе в 1544 — начале 1546 г. С. Ф. Платонов пола-

²⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 46.

²⁵ Там же. С. 47.

²⁶ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. СПб., 1904. С. 147. Та же версия повторена в Царственной книге: Т. 13, ч. 2. С. 447.

²⁷ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 книгах. Кн. III: История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 5/6. С. 417.

гал, что «годы 1544—1546 были временем Глинских»: дяди Ивана IV Юрий и Михаил Глинские и их мать, княгиня Анна, приобрели решающее влияние на юного великого князя. «Скрываясь за подраставшим государем и не выступая официально, Глинские совершили много жестокостей и насилий...»²⁸

Мнение С. Ф. Платонова о господстве Глинских в 1544—1546 гг. убедительно оспорил И. И. Смирнов²⁹, указав, в частности, на скромное положение братьев Юрия и Михаила Васильевичей в первой половине 40-х гг.: так, в июле 1544 г. они, согласно разрядам, несли ратную службу в Туле³⁰. Однако, проявляя странную непоследовательность, ученый утверждал при этом, что группировкой, боровшейся за отстранение от власти кн. И. И. Кубенского и Ф. С. Воронцова, были именно Глинские³¹. Но если положение Глинских при дворе в указанные годы оставалось весьма скромным, то на каком основании историк приписывает их проискам опалы кн. И. И. Кубенского, Ф. С. Воронцова и других бояр в 1544—1545 гг.? Самые ранние свидетельства о влиянии Глинских на юного государя, как мы увидим, относятся к декабрю 1546 — январю 1547 г., и попытки трактовать эти упоминания ретроспективно и распространять их на более ранние годы являются, на мой взгляд, бездоказательными.

Таким образом, версии о господстве Глинских в 1544—1546 гг. (С. Ф. Платонов) или об инспирированных ими интригах, приведших к упомянутым выше боярским опалам (И. И. Смирнов), не имеют опоры в источниках. Не менее уязвима и прочно утвердившаяся в историографии точка зрения о правлении в указанные годы группировки кн. И. И. Кубенского и Воронцовых.

Родоначальником упомянутой концепции можно, по-видимому, считать И. И. Смирнова. Ученый полагал, что в 1544—1545 гг. произошло «политическое сближение» кн. Ивана Кубенского с Федором Воронцовым³²; так возникла группировка, остававшаяся у власти (несмотря на атаки враждебных ей сил) вплоть до казни ее лидеров летом 1546 г.³³ Заметим, что гипотеза о «сближении» кн. И. И. Кубенского и Ф. С. Воронцова основана на том единствен-

²⁸ Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923. С. 41.

²⁹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 102 (прим. 2), 106—107.

³⁰ РК 1598. С. 108.

³¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 105.

³² Там же. С. 104.

³³ Там же. С. 107—108, 111.

ном факте, что в октябре 1545 г. оба боярина оказались в опале. Но, как мы помним, вместе с ними в опалу попали еще несколько знатных лиц: князя П. И. Шуйский, А. Б. Горбатый и Д. Ф. Палецкий³⁴. Значит ли это, что их всех следует считать единомышленниками и членами одной группировки?

Еще раз трагическая судьба свела вместе кн. И. И. Кубенского и Ф. С. Воронцова летом 1546 г., когда они оба погибли во время июльских казней в коломенском лагере Ивана IV (об этом драматическом событии пойдет речь ниже). Но, за исключением упомянутых эпизодов 1545 и 1546 гг., в которых Кубенский и Воронцов оказались товарищами по несчастью, в нашем распоряжении нет никаких фактов, свидетельствующих об их совместной деятельности на правительственном поприще или о солидарности в борьбе с соперниками при великокняжеском дворе.

Несмотря на то что гипотеза И. И. Смирнова о возникновении в середине 1540-х гг. «союза» между кн. И. И. Кубенским и Ф. С. Воронцовым не получила убедительного обоснования, тезис о правлении в те годы группировки, которую они якобы возглавляли, был без возражений принят в дальнейших исследованиях по истории указанной эпохи. Так, А. А. Зимин писал о том, что после казни кн. А. М. Шуйского в конце декабря 1543 г. «у власти утвердилась группа старомосковского боярства во главе с Воронцовыми и некоторые другие сторонники разбитой оппозиции Шуйских (Кубенские)»³⁵.

Дальнейшее развитие упомянутая концепция получила в книге С. М. Каштанова. По словам ученого, после произошедшего 29 декабря 1543 г. переворота «к власти пришло боярское правительство, возглавлявшееся Воронцовыми»³⁶. Ключевая роль в этом «правительстве» принадлежала Ф. С. Воронцову³⁷, но и Ивану Кубенскому там тоже нашлось место: последний упоминается С. М. Каштановым среди сторонников Ф. С. Воронцова, с которыми тот делил власть³⁸.

³⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 47.

³⁵ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 267. Ниже историк говорит даже о «владычестве Воронцовых и Кубенских», оказавшемся, впрочем, недолговечным (Там же. С. 268).

³⁶ Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 352.

³⁷ С. М. Каштанов даже говорит о «правительстве Ф. С. Воронцова» и анализирует его имунитетную политику в отношении монастырей (Там же. С. 356).

³⁸ Там же. С. 359.

Наибольшие сомнения вызывает как раз причисление к правившей в 1544 — первой половине 1546 г. группировке князя Ивана Ивановича Кубенского. Пик его карьеры пришелся, по-видимому, на начало 40-х гг.: к весне 1540 г., как было показано в предыдущей главе, он получил боярский чин и при этом продолжал активную деятельность в качестве дворецкого Большого дворца. Но к 1544 г. его положение при дворе пошатнулось: он потерял чин дворецкого (последний раз упомянут с этим чином летом 1543 г.³⁹), а в декабре 1544 г., как мы уже знаем, был отправлен в заточение в Переславль, где провел под стражей полгода. В мае 1545 г. Иван Иванович был освобожден, но спустя пять месяцев снова попал в опалу — на этот раз «компанию» ему составили Ф. С. Воронцов и князья П. И. Шуйский, А. Б. Горбатый и Д. Ф. Палецкий; в декабре того же года, как уже говорилось, все опальные были прощены по ходатайству митрополита⁴⁰. Как видим, в 1544—1545 гг. кн. И. И. Кубенский не находился на вершине могущества, а, наоборот, все больше терял почву под ногами.

Несколько больше оснований есть для того, чтобы говорить о возвышении клана Воронцовых в первой половине 40-х гг. XVI в., но и здесь все не столь однозначно, как это представляется в существующей литературе.

Как мы помним, в сентябре 1543 г. боярин Федор Семенович Воронцов, любимец государя, был схвачен соперниками и сослан на службу в Кострому. Там он находился еще в январе 1544 г.⁴¹, т.е. уже после казни его главного противника — князя Андрея Шуйского. Когда он был возвращен в Москву, мы точно не знаем. В приписке к статье Царственной книги о казни Федора Воронцова и других бояр летом 1546 г. неизвестный редактор счел необходимым напомнить, что «преже того государь Федора пожаловал после Шуйского князя Ондreja и опять ево в приближение у себя учинил; и кого государь пожалует без Федорова ведома, и Федору... досадно»⁴².

Приведенный отрывок можно понять в том смысле, что после возвращения ко двору Ф. С. Воронцов не пользовался единолич-

³⁹ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 190. Подробнее о смене дворецких Большого дворца в годы «боярского правления» см. ниже, гл. 9, § 1.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 47.

⁴¹ РК 1598. С. 107.

⁴² ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 449. Многоточием обозначен дефект текста; предположительно там могло читаться слово «то».

ным влиянием на юного государя; ему приходилось мириться с присутствием около великого князя иных «ближних» людей. Скрытое соперничество вылилось, в конце концов, в прямое столкновение, приведшее в октябре 1545 г. к опале Федора Воронцова и некоторых других царедворцев. Первая опала оказалась для Федора Семеновича недолгой: как уже говорилось, в декабре того же года он вместе с остальными опальными был прощен. Но положение недавнего государева любимца явно пошатнулось, и при первом же удобном случае, в июле 1546 г., противники добились его осуждения и казни.

Таким образом, положение Ф. С. Воронцова в описываемое время было весьма неустойчивым. Считать его главой «правительства», как это делает С. М. Каштанов, значит не только модернизировать средневековые властные отношения в духе более близкой к нам эпохи, но и явно преувеличивать реальное могущество упомянутого боярина. Свое влияние в 1544—1545 гг. Ф. С. Воронцов употребил, по-видимому, на поддержку членов своего клана: вероятно, не без его помощи получил чин тверского дворецкого брат Федора — боярин Иван Семенович⁴³, а их племянник Василий Михайлович Воронцов стал не позднее весны 1545 г. дмитровским дворецким⁴⁴. Но считать Ф. С. Воронцова фактическим правителем страны нет оснований.

Прежде всего следует учесть, что Федор Семенович и его родственники отнюдь не контролировали весь административный аппарат. В частности, важный пост «большого» дворецкого не позднее февраля 1546 г. занял боярин И. И. Хабаров⁴⁵, которого нет никаких оснований считать союзником или, тем более, «креатурой» Воронцовых. Кроме того, как будет показано во второй части книги

⁴³ Впервые И. С. Воронцов назван тверским дворецким 1 сентября 1544 г. в выданной по его приказу жалованной несудимой грамоте Ивана IV Троицкой Иониной пустыни: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 475—477 (список XVIII в.).

⁴⁴ Первое упоминание — 20 марта 1545 г., когда ему был доложен судный список по тяжбе Савина Сторожевского монастыря с соседними помещиками, — см.: ССМ. № 13. С. 20.

⁴⁵ Впервые упомянут с чином дворецкого 20 февраля 1546 г., когда ему был доложен судный список суда нижегородских тиунов Г. Брейцына и И. Жедринского по тяжбе старцев Печерского Вознесенского монастыря с нижегородскими посадскими людьми (текст дошел до нас в составе двух более поздних документов по тому же делу: судного списка от 22 мая 1547 г. и правой грамоты от 20 июля 1547 г. См.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1914. Л. 19 об. и 31).

(см. гл. 9), в середине — второй половине 40-х гг. XVI в. произошел заметный рост влияния Казны, которую в то время возглавлял Иван Иванович Третьяков⁴⁶. Наконец, внешнеполитические дела в середине 1540-х гг., судя по сохранившимся документам, находились в ведении боярской комиссии, которую возглавлял старший боярин Думы — кн. Дмитрий Федорович Бельский⁴⁷.

Тезис о господстве в 1544 — первой половине 1546 г. Воронцовых можно проверить также наблюдениями над изменениями в персональном составе государственной Думы тех лет: ведь если, как нас уверяют, эти сановники контролировали придворные назначения, то думные чины должны были распределяться между их сторонниками. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это было далеко не так.

По подсчетам А. А. Зимина, к концу 1543 г. (после казни кн. А. М. Шуйского) в Думе было 12 бояр: князя Д. Ф. Бельский, Михаил и Иван Ивановичи Кубенские, Ю. М. Булгаков, И. М. Шуйский, А. Д. Ростовский, П. И. Репнин Оболенский, Ф. И. Скопин-Шуйский, а также М. В. Тучков, Василий и Иван Григорьевичи Морозовы, И. С. Воронцов⁴⁸. Кроме того, в государев синклит входило трое окольничих: Ю. Д. Шеин, И. И. Беззубцев и кн. В. В. Ушатый⁴⁹. Однако реконструированный ученым список думцев требует некоторых коррективов.

Прежде всего вызывает сомнения включение в этот перечень имени боярина М. В. Тучкова. Дело в том, что после ссылки в свое село в результате очередного дворцового переворота осенью 1538 г. Михаил Васильевич исчезает из источников: в 40-е гг. он не упоминается ни в полковых разрядах, ни в приказной документации, ни в описаниях придворных событий. Вполне возможно, что в 1539-м или в начале 1540 г. он умер⁵⁰. Но, включив без достаточных на то оснований в список бояр М. В. Тучкова, Зимин неоправданно исключил из него Ф. С. Воронцова; между тем, хотя любимец юного государя был выслан из Москвы в сентябре 1543 г. на служ-

⁴⁶ Упоминается в качестве казначея с 1538 по начало 1549 г., см.: *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 191.

⁴⁷ См. относящуюся к маю 1544 г. переписку кн. Д. Ф. Бельского и «всех бояр» с великим князем, находившимся в отъезде, по поводу проведения переговоров с литовской стороной о размежевании пограничных земель в районе Себежа: Сб. РИО. Т. 59. С. 237—241.

⁴⁸ *Зимин А. А.* Состав Боярской думы. С. 57.

⁴⁹ Там же. С. 57—58.

⁵⁰ О дате смерти М. В. Тучкова см. выше — гл. 5, § 2.

бу в Кострому, боярский чин он сохранил: в разрядной росписи, датированной январем 1544 г., *боярин* Федор Семенович Воронцов упомянут «на Костроме» вместе с боярином кн. Федором Ивановичем Шуйским (для которого это самое раннее упоминание в разрядах с боярским чином)⁵¹.

В составленном Зиминым списке думцев есть еще две лакуны: с 1543 г. боярское звание носили князья Данила Дмитриевич Пронский и Иван Андреевич Ростовский (оба упомянуты с этим чином в посольской книге соответственно в феврале и августе 1543 г.)⁵². Таким образом, к концу 1543 г., по имеющимся сведениям, членами Думы были 14 бояр и трое окольничих.

В январской разрядной росписи 1544 г., наряду с кн. Ф. И. Скопиным-Шуйским, впервые упоминается в качестве боярина кн. Александр Борисович Горбатый⁵³. Поскольку лидер клана Воронцовых, боярин Федор Семенович, находился в тот момент в ссылке, было бы абсурдно приписывать оба эти думских назначения влиянию его группировки⁵⁴: скорее можно предположить, что и Ф. И. Скопин, и А. Б. Горбатый были пожалованы в бояре в пору кратковременного господства при дворе их родственника кн. А. М. Шуйского, т.е. в последние месяцы 1543 г.

В 1544 г. новых пожалований в Думу было очень мало, что, по-видимому, отражало общую картину взаимного недоверия и соперничества в боярской среде. В результате даже не восполнялась естественная убыль думцев вследствие старости и болезней, и численность бояр сокращалась. Так, после января 1544 г. исчезает из источников боярин кн. П. И. Репнин-Оболенский. 27 февраля того же года, согласно надписи на могильной плите, умер окольничий Юрий Дмитриевич Шеин⁵⁵. Поминальный вклад по его душе в Троицкий монастырь был сделан 18 мая 1544 г.⁵⁶ Вакантное место окольничего перешло к брату покойного, Василию Дмитриевичу Шеину: первое известное упоминание его с этим чином датирует-

⁵¹ РК 1598. С. 107.

⁵² Сб. РИО. Т. 59. С. 211, 212, 214.

⁵³ РК 1598. С. 107.

⁵⁴ Напомню также, что автор приписки к Царственной книге называет кн. Ф. И. Шуйского одним из зачинщиков покушения бояр на Ф. С. Воронцова в сентябре 1543 г.: ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 443 (правый столбец).

⁵⁵ См.: *Зимин А. А.* Состав Боярской думы. С. 57, прим. 200.

⁵⁶ ВКТСМ. С. 97.

ся апрелем 1544 г.⁵⁷ Весной того же года умер боярин Василий Григорьевич Морозов: его вдова Фетинья 1 мая 1544 г. внесла вклад по его душе в Троице-Сергиев монастырь⁵⁸.

Единственное пожалование в бояре, которое, по-видимому, произошло в 1544 г., относится к кн. Михаилу Михайловичу Курбскому (отцу известного писателя-эмигранта): в июле указанного года он впервые упоминается в разрядах с боярским чином⁵⁹. Но это упоминание стало и последним: затем кн. М. М. Курбский исчезает из источников; очевидно, болезнь или смерть положила предел его более чем 20-летней карьере⁶⁰. В итоге к концу 1544 г. количество бояр сократилось до 13 человек (окольных оставалось по-прежнему трое).

В 1545 г., судя по имеющимся у нас данным, никаких новых пожалований думных чинов не последовало. Зато весной 1546 г. Дума пополнилась сразу тремя боярами: 30 марта с боярским чином впервые упоминается дворецкий Иван Иванович Хабаров⁶¹; в апреле в разряде коломенского похода боярином назван кн. Василий Михайлович Щенятев⁶², и тогда же, если верить официальной летописи, с этим чином впервые выступает кн. Дмитрий Федорович Палецкий — один из руководителей Казанской экспедиции. По словам Летописца начала царства, 7 апреля 1546 г. Иван IV послал в Казань («сажать» Шигалея (Ших-Али) на царство) «боярина своего князя Дмитрея Федоровича Бельского да боярина князя *Дмитрея Федоровича Палецкого* да дьяка Посника Губина»⁶³ (выделено мной. — М. К.).

Летом 1546 г. ряды думцев снова пополнились: в статье Постниковского летописца об июльских событиях боярином и коню-

⁵⁷ 20 апреля 1544 г. по приказу окольного и дворецкого В. Д. Шеина была выдана уставная грамота дворцовому селу Андреевскому Звенигородского уезда: ААЭ. Т. I. № 201. С. 179—181.

⁵⁸ ВКТСМ. С. 53.

⁵⁹ РК 1598. С. 108.

⁶⁰ О карьере кн. М. М. Курбского см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 91.

⁶¹ По приказу боярина и дворецкого И. И. Хабарова 30 марта 1546 г. была выдана жалованная грамота бортникам Назару Прокофьеву с товарищами; грамота упомянута в переписной книге Покровского Суздальского монастыря 1651 г., см.: Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 5. Владимир, 1903. Материалы. С. 120. Датировку и др. упоминания грамоты см.: *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря XV — начала XVII века // РД. М., 2004. Вып. 10. № 29. С. 280.

⁶² РК 1598. С. 109.

⁶³ ПСРЛ. Т. 29. С. 48.

шим назван Иван Петрович Федоров⁶⁴, а в разряде коломенского похода, относящемся к тому же времени, впервые с чином окольничего упоминается Иван Дмитриевич Шеин⁶⁵.

Анализируя рассмотренные выше изменения в составе Думы на протяжении двух с половиной лет, можно заметить некоторые тенденции: в частности, сохранение места в государевом совете за членами одной семьи. Так, в роду Шеиных окольничество переходило от брата к брату (позднее, к декабрю 1546 г. В. Д. Шеин из окольничих стал боярином⁶⁶). Но что в думских назначениях 1544—1546 гг. не просматривается абсолютно, так это руководящая воля какого-либо временщика или правящей группировки. Получившие в начале 1546 г. боярство И. И. Хабаров, кн. В. М. Щенятев и кн. Д. Ф. Палецкий принадлежали к совершенно разным кланам, и нет никаких оснований считать, что своим пожалованием в Думу каждый из них был обязан Ф. С. Воронцову или, например, кн. И. И. Кубенскому.

Суммируя изложенные выше наблюдения, расстановку сил при великокняжеском дворе в 1544 — первой половине 1546 г. можно охарактеризовать как неустойчивое равновесие: ни одна из соперничавших друг с другом группировок не имела решающего перевеса, чем и объясняется упомянутая ранее череда опал и пожалований.

* * *

Тем временем юный государь все чаще надолго покидал свою столицу. По далеко не полным сведениям, в 1545 г. он находился за пределами Москвы в общей сложности 108 дней, т.е. три с половиной месяца⁶⁷. «Такое долгое отсутствие в Москве молодого великого князя, — как справедливо заметил Б. Н. Флоря, — говорит о том, что решение текущих государственных дел вполне осуществлялось без его участия»⁶⁸.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 27.

⁶⁵ РК 1598. С. 109.

⁶⁶ Впервые боярином В. Д. Шеин именуется в декабрьской (1546 г.) указной грамоте Ивана IV в Бежецкую пятину о проведении смотра невест для государя, см.: Назаров В. Д. Свадебные дела XVI в. // ВИ. 1976. № 10. С. 118. Док. № 5.

⁶⁷ Есть данные об отсутствии Ивана IV в столице 15 марта, 21 мая — 7 августа, 15 сентября — 5 октября и 9 октября — 14 ноября 1545 г. (см. выше). 27 декабря того же года он вновь почти на месяц уехал из Москвы (ПСРЛ. Т. 29. С. 47).

⁶⁸ Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 16. О текущем управлении страной во время отсутствия государя в столице подробнее см. ниже, гл. 8.

В 1546 г. Иван IV бывал в столице еще реже: за ее пределами он провел в общей сложности 215 дней, т.е. более семи месяцев. 27 декабря 1545 г., как рассказывает летопись, великий князь выехал из Москвы «на свою потеху царскую в Воры, а оттоле в Володимер». Известия о произошедшем в Казани перевороте (хан Сафа-Гирей был свергнут) и о прибытии казанского посланника побудили государя вернуться в столицу (23 января)⁶⁹.

В апреле 1546 г. по крымским вестям было принято решение о походе великого князя на Коломну. 6 мая он отправился из Москвы речным путем («в судех») в Николо-Угрешский монастырь, а оттуда прибыл в Коломну, где оставался до 18 августа⁷⁰. Лагерь государя находился в устье Москвы-реки, у Голутвина монастыря⁷¹. О времяпрепровождении Ивана IV красочно повествует Пискаревский летописец: «И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з бояры и сеял гречиху; и иныя потехи: на ходулах ходил и в саван наряжался»⁷². И вот посреди этих забав произошло одно из тех событий, которое придало мрачный колорит эпохе «боярского правления».

О том, что случилось в великокняжеском лагере под Коломной в июле 1546 г., сохранилось несколько летописных рассказов. Сообщение официального Летописца начала царства весьма лаконично: «...того же лета на Коломне по дияволю действу оклеветал ложными словесы великого князя бояр Василей Григорьев сын Захарова Гнильевский великому князю. И князь великий с великия ярости положил на них гнев свой и опалу по его словесем, что он бяше тогда у великого государя в приближение, Василей. И велел казнити князь великий князя Ивана Кубенского, Федора Воронцова, Василия Михайлова сына Воронцова же. Отсекоша им глав месяца июля 21, в субботу. А Ивана Петрова сына Федоровича велел поимати и сослати на Белоозеро и велел его посадити за сторожи, а Ивана Михайлова сына Воронцова же велел поимати же»⁷³.

Очевидно, работавший в начале 1550-х гг. придворный летописец стремился отвести от государя возможные обвинения в проли-

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 47.

⁷⁰ Там же. С. 48, 49.

⁷¹ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 289; РК 1598. С. 109.

⁷² ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 189. Саван служил атрибутом игры в «покойника», см. комментарий Б. Н. Флори: *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 19, прим.

⁷³ ПСРЛ. Т. 29. С. 48—49.

тии невинной крови. Поэтому вся ответственность за случившееся возлагается на «ближнего» дьяка В. Г. Захарова-Гнильевского, оклеветавшего бояр. Поведение же великого князя оправдывается тем, что он-де находился в «великой ярости», т.е., как сказали бы юристы нашего времени, «действовал в состоянии аффекта».

По-иному расставлены акценты в более раннем Постниковском летописце, рассказ которого содержит немало ценных подробностей: «Июля 21, назавтрее Ильина дни, велел князь велики на Коломне у *своего стану перед своими шатры* казнити бояр своих князя Ивана Ивановича Кубенского да Федора Демида Семеновича Воронцова, да Василья Михайловича Воронцова же, *что был по-преж того дмитровской дворецкой*, за некоторое их к государю не исправление. И казнили их — всем трем головы посекали, *а отцов духовных у них перед их концем не было*. И взяша их по повеленью по великого князя приятели их и положиша их, где же которой род кладетца. А боярина и конюшего Ивана Петровича Федоровича в те же поры ободрана нага дрѣжали, но Бог его помиловал, *государь его не велел казнити за то, что он против государя встречно не говорил, а во всем ся виноват чинил*. А сослал его на Белоозеро, а тягости на него не велел положить. А животы их и вотчины их всех велел князь велики поимать на себя. Тогда же после тое казни и неодинойды был на Коломне на пытке Иван Михайлович Воронцова»⁷⁴ (выделено мной. — М. К.).

Перед нами явно свидетельство современника, а возможно, и очевидца этих страшных событий, записанное всего лишь через несколько лет после коломенских казней⁷⁵. Он обозначил место действия — у стана великого князя, перед его шатрами — и, в отличие от всех последующих летописцев, точно указал придворные чины тех, кто подвергся пыткам и казням: бояр кн. И. И. Кубенского и Ф. С. Воронцова, дмитровского дворецкого В. М. Воронцова, боярина и конюшего И. П. Федорова. Только Постниковский летописец сохранил зловещую деталь, которая, надо полагать, произвела особенно сильное впечатление на современников: перед

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 27.

⁷⁵ По мнению С. А. Морозова, Постниковский летописец восходит к недошедшему до нас памятнику, который ученый условно называет Летописцем 1547 г. В статье о событиях, произошедших летом 1546 г. «на Коломне», как полагает тот же исследователь, отразились некоторые личные воспоминания составителя летописи. См.: Морозов С. А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники, 1984 г. М., 1984. С. 62, 67—68.

казнью жертвам не позволили исповедаться («...отцов духовных у них перед их концем не было»). Важна и другая подробность, помогающая понять мотивы жестокости юного государя: объясняя, почему И. П. Федоров избежал казни, летописец замечает: «...государь его не велел казнити за то, что он против государя встречно не говорил, а во всем ся виноват чинил». В этом эпизоде, как и в упомянутом выше «урезании» языка Афанасию Бутурлину в сентябре 1545 г., проявилась свойственная Ивану IV уже в молодом возрасте абсолютная нетерпимость к любому возражению, прекословию. Демонстрация покорности, наоборот, могла сохранить опальному жизнь.

Внезапная и жестокая казнь трех сановников стала, как легко можно предположить, шоком для их родных и близких. Сохранилось утешительное послание старца Иосифо-Волоколамского монастыря Фотия, адресованное вдове кн. И. И. Кубенского — старице Александре. Фотий убеждал ее не роптать и смириться перед Божьей волей: «А о том, государыни, не ропщи и не смущайся, еже государь князь Иван Иванович государя великаго князя опалою горкую и лютую смерть пострадал [...]. Занеже, государыни, возлюбил вас Господь Бог и устроил тому тако быти, яко без Божия промысла ничтоже не случается человеком...»⁷⁶ При этом для автора послания (как, очевидно, и для его корреспондентки) кн. И. И. Кубенский — невинная жертва, мученик: «Господь Бог благоволением своим и человеколюбием своим государя князя Ивана аще и горкою смертию скончал, но *кровию мученическою* вся грехи его омыл...»⁷⁷ (выделено мной. — М. К.).

Родным оставалось только молиться за упокой души казненных: 29 августа 1546 г., на сороковой день после гибели кн. И. И. Кубенского и Воронцовых, Авдотья, жена боярина И. С. Воронцова, дала вклад в Троицкий монастырь по своему деверю — Федоре Семеновиче Воронцове⁷⁸. В той же Троицкой книге записан и вклад старицы Александры по мужу, кн. И. И. Кубенском⁷⁹.

Подтверждаются и слова летописца о конфискации имущества («животов») и вотчин казненных бояр: в их числе, в частности, оказалось два села кн. И. И. Кубенского в Ярославском уезде, завещан-

⁷⁶ Послание к старице Александре волоколамского инокa Фотия // ЛЗАК. 1861 г. Вып. 1. СПб., 1862. Отд. II. Материалы. С. 32.

⁷⁷ Там же. С. 31.

⁷⁸ ВКТСМ. С. 52.

⁷⁹ Вклад был сделан 28 января 1548 г. (Там же. С. 69).

ные им Спасскому монастырю⁸⁰, и его же вотчина в Можайском уезде, которая позднее была дана в Московский Новоспасский монастырь по душе кн. М. Б. Трубецкого⁸¹. А из жалованной грамоты Ивана IV кн. И. Ф. Мстиславскому от 2 декабря 1550 г. выясняется, что государь пожаловал князю Ивану Федоровичу три села с деревнями в волости Черемхе Ярославского уезда, «что была вотчина и поместье Федора Воронцова»⁸².

Примечательно, что прекрасно осведомленный о событиях июля 1546 г. Постниковский летописец намеренно уклонился от обсуждения причин случившегося: о вине жертв государева гнева он высказался в самой уклончивой форме: они-де были казнены «за некоторое их к государю неисправление». Но в летописании второй половины царствования Ивана Грозного подобные недомолвки были уже недопустимы. Как уже говорилось, в Летописце начала царства — памятник начала 50-х гг. — расправа с боярами объясняется кознями дьяка Василия Гнильевского. В более поздней редакции этого текста (конца 50-х гг.), отразившейся в продолжении Никоновской летописи, часть вины была переложена на самих казненных бояр: оказывается, великий князь «положил на них гнев свой и опалу» по «словесам» дьяка Василия «и по прежнему их неудобству, что многие мзды в государстве его взимаху в многих государьских и земских делах»⁸³.

Эта эклектичная версия была повторена в летописном памятнике конца грозненской эпохи — так называемой Царственной книге. Но этого редактору показалось мало, и в приписках к соответствующей летописной статье появился следующий рассказ: «государю великому князю выехавшю на прохлад поездити потешиться, и как бысть государь за посадом, и начаша государю бити челом пищальники ноугородския, а их было человек с пятьдесят, и государь велел их отослати; они же начаша посланником государским сопротивитися, бити колпаки и грязью шибати, и государь велел дворяном своим, которые за ним ехали, их отослати; они же начаша болма съпротивитися, и дворяне на них напустили. И как примчали их

⁸⁰ См. жалованную грамоту Ивана IV архимандриту Спасского Ярославского монастыря Иосифу от 29 апреля 1550 г.: ИАЯСМ. М., 1896. № XV. С. 15—16.

⁸¹ См. жалованную грамоту Ивана IV архимандриту Новоспасского монастыря Нифонту от 22 сентября 1549 г.: АРГ/АММС. № 106. С. 242—243.

⁸² АФЗХ/АММС. № 100. С. 111.

⁸³ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 149.

к посаду, и пищальники все стали на бой и почяли битися ослопы и ис пищалей стреляти, а дворяне из луков и саблями, и бысть бой велик и мертвых по пяти, по шти на обе стороны; и государя не пропустили тем же местом к своему стану проехать, но объеха государь иным местом. И государь о сем бысть в сумнении и повеле о сем проведати, по чьему науку бысть сие съпротивство, а без науку сему быти не мощно; и повеле о сем проведати дияку своему Василию Захарову, понеже он у государя бысть в приближении. Он же, неведомо каким обычаем, извести государю сие дело на бояр его на князя Ивана Кубенского и на Федора и на Василия Воронцовых...»⁸⁴

Конец этой истории в ее официальной версии нам уже известен: великий князь, «поверя дияку своему, учял о том досадовати и [...] с великия ярости положил на них гнев свой и опалу по его словесем», а также «и по прежнему их неудобству, что многие мзды в государстве его взимаху во многих государьских и земьских делах, *да и за многие их сопротивства*»⁸⁵ (выделенные мною слова добавлены редактором Царственной книги: в продолжении Никоновской летописи второй половины 50-х гг. их еще не было. — М. К.).

Но можно ли доверять этой поздней и тенденциозной версии событий? Отметим прежде всего, что единственное, хотя и важное дополнение к сообщению Летописца начала царства о коломенских казнях, которое появляется в приписках к тексту Царственной книги, — это красочное повествование о выступлении новгородских пищальников. И хотя записан этот рассказ был спустя несколько десятилетий после событий 1546 г., есть основания полагать, что он не был просто плодом досуемого вымысла составителя⁸⁶.

И. И. Смирнов обратил внимание на следующий пассаж из Новгородского летописца по списку Н. К. Никольского, который,

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 448—449 (правый столбец).

⁸⁵ Там же. С. 449 (правый столбец).

⁸⁶ Д. Н. Альшиц поставил под сомнение реальную основу рассказа Царственной книги о выступлении новгородских пищальников в 1546 г.: ученый предположил, что этот рассказ — лишь тенденциозная переделка летописных известий о расправе царя с псковскими челобитчиками, приезжавшими к нему в 1547 г. (Альшиц Д. Н. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Труды Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. I (IV). Л., 1957. С. 133—135). И. И. Смирнов убедительно показал несостоятельность этой гипотезы и привел аргументы в пользу реальности выступления пищальников в 1546 г. (Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 108, прим. 25^а). Эти наблюдения исследователя приведены мною ниже в данной главе.

по мнению ученого, имеет отношение к выступлению пищальников летом 1546 г.⁸⁷: «...в том же году 54, перепустя зиму, в лете возиле к Москве опальных людей полутретьяцати человек новгородцов, што была опала от великого князя в том, што в спорех с сурожаны не доставили в пищальники сорока человек на службу; и животы у них отписали и к Москве свезли, а двory их, оценив, на старостах доправили»⁸⁸.

Как явствует из приведенного летописного отрывка, среди новгородских посадских людей возникли разногласия о норме раскладки пищальной повинности, и в результате 40 пищальников были недопоставлены на службу. Очевидно, как раз летом 1546 г. разбирательство по этому делу было в разгаре: опальных доставляли в Москву, а их имущество подвергалось конфискации. Поэтому весьма вероятным представляется предположение И. И. Смирнова о том, что челобитье, с которым, согласно тексту приписки к Царственной книге, обратились к Ивану IV новгородские пищальники, находилось в связи с упомянутым разбирательством о ненадлежащем исполнении новгородцами пищальной повинности⁸⁹.

Отметим также, что поведение великого князя, каким оно изображено в приписках к Царственной книге, полностью соответствует летописной традиции, сохраненной Пискаревским летописцем, упомянувшим о коломенских «потехах» государя (пахоте вместе с боярами, хождении на ходулях и т.д.): по словам автора приписок, Иван IV выехал из города на «прохлад поездити — потешитися»; он не захотел прервать это приятное времяпрепровождение ради челобитчиков-пищальников и велел их «отослати».

До этого момента все звучит более или менее правдоподобно; тенденциозность проявляется в рассказе Царственной книги тогда, когда дело доходит до кровавой развязки: дьяк Василий Захаров, которому великий князь приказал выяснить, «по чьему науку бысть сие сопротивление», «*неведомо каким обычаем* извести государю сие дело на бояр его» — Кубенского и Воронцовых. Выделенная мною оговорка летописца, казалось бы, свидетельствует о том, что бояре были непричастны к выступлению пищальников и что дьяк, следовательно, их оклеветал. Но далее выясняется, что великий князь велел их казнить не только «по словесам» коварного дьяка, но «и по

⁸⁷ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 109.

⁸⁸ ПСРЛ. Л., 1929. Т. IV, ч. 1. Вып. 3. С. 618.

⁸⁹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 109.

прежнему их неудобству»: за мздоимство и «за многие их сопротивления»⁹⁰.

Последняя формулировка, возможно, повторяет официальный приговор казненным боярам, но весь пассаж в целом явно содержит в себе противоречие, возникшее в результате соединения различных версий: слова дьяка оказались клеветой, но бояре тем не менее были наказаны за реальные вины: мздоимство и многие «сопротивства». Однако это противоречие вовсе не было плодом собственного творчества редактора Царственной книги: как уже говорилось, он просто заимствовал версию, содержащуюся в поздней редакции Летописца начала царства конца 50-х гг. Между тем неприглядная роль, которая отведена в этом рассказе дьяку Василию Захарову, вызывает немалое удивление: дело в том, что в 50-х гг. XVI в., когда составлялся Летописец, Василий Григорьевич Захаров-Гнильевский продолжал службу в качестве царского дьяка и до времени опричнины об его опале ничего не слышно⁹¹.

Стремясь выявить истинных виновников коломенской драмы, И. И. Смирнов выдвинул предположение о том, что в действительности «падение Кубенского и Воронцовых явилось делом рук... Глинских, воспользовавшихся выступлением пищальников для того, чтобы свалить своих противников»⁹². Отсутствие прямых указаний источников на сей счет исследователь попытался заменить цепочкой умозаключений: хотя в разрядной росписи коломенского похода 1546 г. Глинские не упоминаются, но в аналогичной записи, относящейся к июлю 1547 г., первым среди сопровождавших царя лиц назван кн. М. Глинский; исходя из этого, ученый утверждает, что «нет никаких оснований считать, что около Ивана IV в Коломне в 1546 г. не было Юрия и Михаила Глинских (или одного из них)»⁹³. Вот кто, стало быть, руководил тогда следствием по делу о возмущении пищальников и обратил гнев Ивана IV на Кубенского и Воронцовых! Однако логика в приведенном рассуждении явно нарушена: из того факта, что М. В. Глинский сопровождал царя в походе на Коломну в июле 1547 г., еще не следует, что он был там и пользовался таким же влиянием в предыдущем году,

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 449 (правый столбец).

⁹¹ О службе дьяка В. Г. Захарова-Гнильевского в 50-х — начале 60-х гг. и его предполагаемой казни во время опричнины см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 118—119.

⁹² *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. С. 112.

⁹³ Там же.

т.е. летом 1546 г. Верно только то, что Глинские сумели воспользоваться обстановкой, сложившейся при дворе *после* коломенских казней, и к началу 1547 г. выдвинулись на первые места в окружении юного государя; но какова была их истинная роль в июльских событиях 1546 г., за отсутствием свидетельств источников сказать невозможно⁹⁴.

* * *

18 августа великий князь вернулся в Москву, но не прошло и месяца, как он снова собрался в дорогу: 15 сентября 1546 г., как сообщает Летописец начала царства (а согласно Постниковскому летописцу — 16 сентября⁹⁵), государь отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Оттуда он заехал в свои села Воробьево⁹⁶, Денисьево и Починки, а затем продолжил объезд монастырей: съездил в Можайск — «к Николе помолитися», посетил Иосифову обитель на Волоке; его дальнейший маршрут пролегал через Ржев и Тверь и завершился в Великом Новгороде и Пскове. Посетив Печерский монастырь, великий князь 12 декабря вернулся в столицу⁹⁷. Очевидно, это было первое посещение Иваном IV крупнейших городов на северо-западе страны: в Летописце начала царства соответствующая статья озаглавлена «О поезде великого князя в Новгород»⁹⁸. Неудивительно, что приезд государя нашел отражение в новгородском и псковском летописании. Удивляет, однако, что в сообщениях местных летописцев об этом событии проскальзывает почти не скрываемое разочарование, если не сказать раздражение.

Так, краткий Новгородский летописец Никольского отметил под 7055 г.: «На Филипово заговено [т.е. начало Филиппова поста,

⁹⁴ Между тем С. М. Каштанов отнесся к гипотезе И. И. Смирнова как к твердо установленному факту и, не приводя никаких дополнительных аргументов, утверждал, будто дьяк Василий Григорьев (Гнильевский) «был, конечно, лишь орудием в руках могущественной боярской группировки, возглавлявшейся, по-видимому, Глинскими» (*Каштанов С. М.* Социально-политическая история. С. 359).

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 28.

⁹⁶ Постниковский летописец отмечает, что в Воробьеве государь провел два дня (см.: Там же).

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 49. Постниковский летописец в качестве даты его возвращения в столицу называет 10 декабря и даже указывает точное время суток: «в третьем часу ноши с субботы на неделю» (ПСРЛ. Т. 34. С. 28). Но воскресенье пришлось тогда на 12 декабря; следовательно, в числе месяца Постниковский летописец допустил ошибку, а правильная дата приведена в Летописце начала царства.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 49.

14 ноября. — М. К.] приехал князь великий Иван Васильевич всея Руси в Великий Новгород, смирно и тихо пожи в Новгороде три дни, а после трех день все его войско нача быти спесиво. А с ним был брат его родной князь Георгий, да князь Андреев сын Иванович князь Володимер, дяде его сын. А поклону велел доправить на старостах три тысячи золотых болших, опиришно сурожан; а псарей воротил к Москве от Твери; а с ним было людей немного: тысячи с три или с четыре. А ественная проторь не была, понеже ел у владыки и у наместников, и у дворецкого, а жил немного»⁹⁹.

Итак, пребывание государя в их родном городе запомнилось новгородцам «спесивым» поведением его воинства, а также взысканием с них особого побора («поклона») по случаю великокняжеского приезда. А вот отклик псковского летописца: «В лето 7055. Князь великий Иоанн Васильевич да брат его князь Георгий быша в Новгороде и в Пскове, месяца декабря 28, в неделю, одну ночь начевав и на другую ночь на Ворончи был, а третью ночь был у Пречистей у Печере, паки в Пск[о]ве в среду, и быв не много, и поеде к Москвы, с собою взем князя Володимера Андреевича, а князь Юрьи, брат его, оста, и той быв не много и поеде и той к Москвы, *а не управив своей отчины ничего. А князь великий все гонял на ямских*¹⁰⁰, *а христианом много протор и волокиды учиниве*»¹⁰¹ (выделено мной. — М. К.).

Интересно, что процитированные строки были написаны в том самом Псковско-Печерском монастыре, который поздней осенью 1546 г. посетил Иван IV и который он тогда, как отметил другой летописец (Постниковский), щедро пожаловал: «И даде к Пречистой в Печеры 90 деревень»¹⁰². Но этот факт, как видим, никак не повлиял на оценку псковским летописцем последствий пребывания государя и его свиты в Псковской земле.

За исключением ошибочной даты, которая корректируется показаниями других летописей, это свидетельство Псковской III летописи вполне созвучно приведенному выше сообщению Новгородского летописца по списку Никольского: великий князь ни в чем «не управил своей отчины»; его поездка в Новгород и Псков обернулась для жителей лишь «проторами» и волокитой.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. Вып. 3. С. 618—619.

¹⁰⁰ В Строевском списке, по которому издана Псковская III летопись, ошибочно «мсках»; исправлено по Эрмитажному списку.

¹⁰¹ ПЛ. М., 1955. Вып. 2. С. 230—231.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 34. С. 28.

Читая эти упреки, адресованные государю новгородцами и псковичами, как-то трудно поверить в образ юного самодержца — «строителя своего царства», нарисованный Иваном Грозным в послании Андрею Курбскому, цитатой из которого я начал данную главу.

Новое увлечение великого князя — ямской гоньбой — отмечено не только Псковским летописцем. О том же подробно повествует Постниковский летописец: проследив путь Ивана IV со свитой от Москвы до Твери, он далее отмечает: «А изо Тфери на *подводах* гонял, был в Новгороде в Великом да во Пскове, да во Псковском же уезде у Пречистые в Печерах. ... А от Пречистые ис Печер был во Псковском пригородке в Вороначе у Бориса у Сукина, что был Борис наместник на Вороначе. А из Воронача был во Пскове, а из Пскова в Русе, аз Русы в Новгороде в Великом, а из Новагорода у Пречистые на Тихвине. А от Пречистые от Тихвинские перенялся прямо на ям на Волочек. И *пригнал на Москву на подводах* декабря в 10 день в третьем часу нощи с субботы на неделю безвестно»¹⁰³ (выделено мной. — М. К.). Причину подобной спешки великого князя летописец объясняет полученными от бежавших из крымского плена людей известиями об ожидавшемся набеге хана: «От Пречистые от Тихвинские к Москве в пол—4 дни [т.е. за три с половиной] дня. — М. К.] перегнал для того, что чаяли по полоняниковым вестем крымского царя или царевичев к Москве»¹⁰⁴.

Но, возможно, стремительное возвращение Ивана IV в столицу имело и другие причины. Уже на следующий день после приезда в Москву, 13 декабря, великий князь объявил о своем намерении жениться и советовался о том с митрополитом Макарием. По этому случаю 14 декабря, во вторник, Макарий отслужил молебен в Успенском соборе. «Да во фторник же, — продолжает свой рассказ летописец, — у митрополита *все бояре были, и те, которые в опале были, по митрополиче по них посылке*. И с митрополитом все бояре у великого князя были и выидоша от великого князя радостны»¹⁰⁵ (выделено мной. — М. К.). Пр процитированные слова, возможно, свидетельствуют о том, что по случаю предстоящей государственной свадьбы опальные сановники получили прощение.

17 декабря великий князь заявил боярам и митрополиту о намерении не искать невесту за рубежом, а жениться «в своем госу-

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 34. С. 28.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 28.

¹⁰⁵ Там же.

дарстве». Вслед за тем по городам были посланы окольные и дьяки с грамотами о проведении смотрин невест для государя¹⁰⁶. До черей бояр и других придворных Иван Васильевич смотрел сам; его выбор пал на дочь Романа Юрьевича Захарьина Анастасию¹⁰⁷. Свадьбу сыграли 3 февраля 1547 г., а незадолго перед тем, 16 января, Иван Васильевич был торжественно венчан на царство. Стали ли, однако, эти события переломным моментом в жизни царя и возглавляемого им государства?

2. События 1547 г. и ВОПРОС О ВРЕМЕНИ ОКОНЧАНИЯ «БОЯРСКОГО ПРАВЛЕНИЯ»

В исторической литературе принято считать 1547 год последним годом «боярского правления». Некоторые авторы усматривали переломный момент в акте царского венчания. Так, Я. С. Лурье полагал, что принятием царского титула «еще раз подчеркивалось стремление Ивана IV “самому строити свое царство” и полностью покончить с “боярским правлением”»¹⁰⁸. Но большинство исследователей связывают окончание этой эпохи с июньским восстанием 1547 г. в Москве¹⁰⁹. Однако ни с одной из этих датировок невозможно согласиться. Если исходить из сущностных черт «боярского правления» — фактического неучастия Ивана IV в государственных делах и длительной политической нестабильности, проявлявшейся в череде «дворцовых бурь», — то в этом отношении никаких принципиальных изменений до конца 1547 г. обнаружить не удастся.

¹⁰⁶ Часть документации, относящейся к организации смотрин невест и подготовке к свадьбе Ивана IV, дошла до нашего времени, см.: *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI в. Док. № 3—19. С. 117—123.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 28.

¹⁰⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955. Гл. 1, § 8а (автор раздела — Я. С. Лурье). С. 115. В современной литературе о царском венчании как о переломном моменте, «исходной точке реформ» пишет А. И. Филюшкин, см.: *Филюшкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 35.

¹⁰⁹ *Бахрушин С. В.* Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 268; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. С. 135—136; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1983. С. 29—30; *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. М., 1988. С. 34; *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. 2-е изд. СПб., 2006. С. 51.

Венчание Ивана Васильевича на царство 16 января 1547 г., безусловно, имело серьезные последствия в идеологии и внешней политике¹¹⁰. Но каких-либо резких перемен в течение придворной жизни эта церемония не внесла: юный царь по-прежнему находился под влиянием временщиков (на этот раз — Глинских), которые использовали его в качестве орудия в сведении счетов со своими противниками.

За две недели до царского венчания произошло событие, о котором официальные летописи грозненской эпохи ни словом не упоминают. Зато в Постниковском летописце после сообщения о наречении Анастасии Романовны Захарьиной невестой государя помещено следующее известие: «Генваря в 3 день положил князь велики свою опалу на князя Ивана на княж Иванова сына Дорогобужского да на князя Федора на княж Иванова сына Овчинина Оболенского, велел их казнити смертною казнью: князю Ивану головы ссечи, а князя Федора велел на кол посадити; и животы их и вотчины велел на себя взяти»¹¹¹.

Некоторые подробности этой жуткой казни сообщает продолжатель Хронографа редакции 1512 г.: «Тое же зимы [7055/1547 г. — М. К.], генваря, велел князь велики казнити князя Ивана княж Иванова сына Дорогобужского да князя Феодора княж Иванова сына Овчинина Оболеньского, *повелением князя Михайла Глиньского и матери его княгини Анны*. И князя Феодора посадили на кол на лугу за Москвою рекою против города, а князю Ивану головы ссекли на леду»¹¹² (выделено мной. — М. К.).

В своем «мартирологе» погубленных царем жертв Андрей Курбский упомянул и этих двух «благородных княжат»: «...князь Иоанн Дорогобужский, с роду великих княжат тверских, и Феодор, единственный сын князя Иоанна, глаголемаго Овчины, с роду княжат торуских и оболенских, — яко агнцы неповинно заколены еще в самом наусии»¹¹³. Курбский имел в виду, что погибшие княжичи

¹¹⁰ О символике царского венчания см.: Miller D. The Coronation of Ivan IV of Moscow // JGO. 1967. Bd. 15. S. 559—574; Шапов Я. Н. К изучению «Чина венчания на царство» Ивана IV // Римско-константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 213—225; Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 109—113. О борьбе за признание царского титула Ивана IV на международной арене см.: Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.: СПб., 2006. Гл. VI. С. 124—151.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 29.

¹¹² Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 291.

¹¹³ Андрей Курбский. История о великом князе Московском. С. 224.

были еще детьми, у которых только-только начали пробиваться усы. Вероятно, ради достижения желаемого эмоционального эффекта он несколько преуменьшил возраст казненных: у нас есть определенные данные о том, что князь Иван Иванович Дорогобужский был уже женат. В Дозорной книге Тверского уезда 1551—1554 гг. упомянуто принадлежавшее ему село Ивановское, которое после смерти князя перешло к его вдове Марье¹¹⁴. В той же книге фигурирует еще одно село (Бели) и ряд деревень, в свое время принадлежавших кн. И. И. Дорогобужскому, а к началу 1550-х гг. оказавшихся в руках новых владельцев, в том числе — князя Ивана Федоровича Мстиславского и его слуг¹¹⁵.

Указанный факт косвенно подтверждает справедливость приведенного выше свидетельства Постниковского летописца о том, что вотчины казненных в январе 1547 г. князей были отписаны на государя. Как видим, они были пушены в раздачу. В этой связи можно высказать предположение о том, что и село Ивановское перешло к вдове кн. И. И. Дорогобужского Марье отнюдь не сразу после гибели ее супруга. Вероятно, село было возвращено княгине Марье по особому распоряжению царя в конце 40-х — начале 50-х гг.¹¹⁶, когда проводилась кампания по амнистированию жертв репрессий периода «боярского правления» (подробнее об этой кампании пойдет речь ниже).

Но хотя Андрей Курбский явно преуменьшил возраст убитых в январе 1547 г. князей, остается несомненным тот факт, что погибшие были еще слишком молоды, чтобы успеть принять какое-либо личное участие в придворной борьбе. Очевидно, расправа с ними была со стороны Глинских актом родовой мести. Князь Федор Овчинин Оболенский был единственным сыном фаворита Елены Глинской кн. Ивана Федоровича Овчины Оболенского, который, как мы помним, принял непосредственное участие в «поимании» дяди великой княгини — кн. Михаила Львовича Глинского.

Расправа с князем И. И. Дорогобужским явилась ударом по клану Челядних, с которыми, вероятно, у Глинских имелись

¹¹⁴ ПМТУ. С. 260.

¹¹⁵ Там же. С. 309, 310.

¹¹⁶ Возможно, часть вотчины покойного мужа была возвращена княгине Марье одновременно с пожалованием ей села Городище и деревень, принадлежавших ранее бабушке кн. И. И. Дорогобужского — княгине Орине (вдове кн. Иосифа Андреевича Дорогобужского). Об этом владении в Дозорной книге сказано прямо: «А тем селом и деревнями пожаловал царь и великий князь княгину Марью» (ПМТУ. С. 260).

счета еще со времени правления великой княгини Елены. Дело в том, что князь Иван Иванович был сыном Марии Васильевны Челядниной от первого брака с кн. Иваном Иосифовичем Дорогобужским (по прозвищу Пороша). В 1530 г. в бою под Казанью князь Иван Пороша погиб, и Мария Васильевна вышла замуж второй раз — за Ивана Петровича Федорова¹¹⁷. Сохранилась ее данная 1566/67 г. Новоспасскому монастырю на два села с деревнями в Бежецком Верхе — вклад по душе родителей (отца — В. А. Челяднина и матери — старицы Настасьи), первого мужа, кн. Ивана Иосифовича Дорогобужского, и сыновей Ивана и Дмитрия. На обороте грамоты стоит подпись И. П. Федорова: «К сей данной яз, Иван Петрович, в жены сво[ей] Марьино место руку приложил»¹¹⁸.

Вражда между кланами подогревалась соперничеством за обладание высшими придворными чинами. Со времени правления Василия III должность конюшего была наследственной в роду Челядних. В годы правления Елены Глинской ее занимал фаворит великой княгини кн. И. Ф. Овчина Оболенский, сестра которого, Аграфена, была замужем за дворецким Василия III В. А. Челядним. В 1539—1541 гг. с чином конюшего упоминается Иван Иванович Челяднин¹¹⁹ — последний мужской представитель этого рода; а к лету 1546 г. указанный чин перешел к Ивану Петровичу Федорову, женатому, как уже говорилось, на дочери Василия Андреевича Челяднина Марии. Боярином и конюшим И. П. Федоров впервые именуется в сообщении Постниковского летописца о коломенских казнях в июле 1546 г. Топор навис тогда и над его головой, но правильно выбранная тактика поведения («...против государя встречно не говорил, а во всем ся виноват чинил») помогла Ивану Петровичу избежать казни; он отделался лишь ссылкой на Белоозеро¹²⁰. Исследователи видят за расправой с боярами руку Глинских, но, как уже говорилось, прямых доказательств этого предположения нет.

Как бы то ни было, но к середине января 1547 г. именно князь Михаил Васильевич Глинский, дядя Ивана IV, занял ставшую вакантной после опалы И. П. Федорова должность конюшего. Вероятно, этим чином (вместе с боярством) кн. М. В. Глинский был пожалован по случаю царского венчания: во время самой церемо-

¹¹⁷ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 109.

¹¹⁸ АРГ/АММС. № 119. С. 257, 258.

¹¹⁹ ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 184 / I. С. 160 (февраль 1539 г.); РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашира. № 4/5766 (январь 1541 г.); ПСРЛ. Т. 29. С. 41 (лето 1541 г.).

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 27.

нии 16 января он, названный «боярином великого царя и конюшим», нес сосуд с золотыми монетами, которыми осыпали венчанного государя¹²¹.

Вообще, кн. М. В. Глинский и его мать, государева бабка, княгиня Анна Глинская, были, по-видимому, самыми влиятельными лицами при дворе в последние месяцы 1546-го и в начале 1547 г. Согласно разрядной книге частной редакции, кн. Михаил Глинский сопровождал великого князя в упомянутой выше поездке в Псков поздней осенью 1546 г.¹²² Вместе со своей матерью, княгиней Анной, он принял самое деятельное участие в подготовке царской свадьбы. На обороте указной грамоты Ивана IV псковскому наместнику кн. И. И. Пронскому о срочном приезде вместе с женой в Москву, датированном 18 декабря 1546 г., есть характерная помета: «Сякову грамоту взял князь Михайло Васильевич Глинской, а послал ее, сказывал, с своим человеком с Неверком декабря 18 же»¹²³. После того как Анастасия Романовна была наречена невестой великого князя и взята во дворец, в ее свиту, наряду с матерью невесты Ульяной (вдовой Романа Юрьевича Захарьина) и вдовой кн. В. В. Шуйского Анастасией, была назначена и бабка государя — княгиня Анна, вдова кн. Василия Львовича Глинского¹²⁴.

Именно Михаил и Анна Глинские, как мы уже знаем, отдали приказ о казни в начале января 1547 г. князей Федора Овчинина Оболенского и Ивана Ивановича Дорогобужского.

Разряд царской свадьбы 3 февраля 1547 г. дает представление о придворной иерархии того времени. Первые места во время свадебных торжеств, согласно протоколу, занимали члены государевой семьи: «в большом месте» за столом сидел в первый день родной брат царя князь Юрий Васильевич; «в материно место» была вдова удельного князя Андрея Ивановича Старицкого Евфросинья, а обязанности тысяцкого исполнял ее сын — двоюродный брат Ивана IV — князь Владимир Андреевич. Дружками жениха были старший боярин Думы кн. Дмитрий Федорович Бельский и боярин Иван Михайлович Юрьев Большой (оба с женами). Сторону невесты представляли дружки боярин кн. Иван Иванович Пронский с

¹²¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 50.

¹²² РК 1605. М., 1977. Т. I, ч. 2. С. 320.

¹²³ Назаров В. Д. Свадебные дела XVI в. № 3. С. 117. Черновик этой грамоты сохранился среди приказной документации, связанной с подготовкой свадьбы Ивана IV.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 29.

супругой (по-видимому, ради исполнения этой важной роли в свадебной церемонии кн. И. И. Пронский, как уже говорилось, был вызван 18 декабря 1546 г. кн. М. В. Глинским в Москву. — *М. К.*), а также жена Василия Михайловича Тучкова (сам Василий не смог присутствовать, так как накануне «убился с лошади») и Михаил Яковлевич Морозов¹²⁵.

Почетное место на свадебном пиру было отведено царской бабке Анне Глинской: в списке боярынь, сидевших за столом, она названа первой (за нею в перечне упомянуты еще две Анны — жены соответственно Петра Яковлевича и Василия Яковлевича Захарьиных)¹²⁶.

В целом свадебный разряд зафиксировал своего рода равновесие сил между родственниками царя по материнской линии, Глинскими, и его новыми свойственниками — Захарьиными — Юрьевыми. Так, «у постели» новобрачных сидели боярин кн. Юрий Васильевич Глинский (очевидно, пожалованный боярским чином по случаю царской свадьбы) и казначей Федор Иванович Сукин. Среди боярынь «у постели» на первом месте разряд называет вдову кн. В. В. Шуйского княгиню Анастасию, а следом за ней упомянуты жены князей Юрия Васильевича и Михаила Васильевича Глинских¹²⁷. Кроме того, из летописи и частной редакции разряда известно об участии в свадебной церемонии и самого боярина и конящего кн. М. В. Глинского¹²⁸.

С другой стороны, внушительным было и представительство на свадьбе клана Захарьиных — Юрьевых. Боярин И. М. Юрьев Большой, как уже говорилось, был одним из друзей жениха. Перед государем во время церемонии шел окольный Данило Романович Юрьев (родной брат невесты) вместе с А. А. Квашниным. Свадебную свечу к церкви несли Иван Михайлов Меньшой сын Юрьева и кн. П. И. Горенский. А брат Ивана, Василий Михайлович Юрьев, нес в процессии «зголовье» (подушку) государя¹²⁹.

Но отмеченное равновесие оказалось очень хрупким и недолговечным. Придворная среда, как и в начале 30-х гг., оставалась враж-

¹²⁵ РК 1598. С. 10. То же в пространной редакции свадебного разряда: ДРВ. Изд. 2-е. М., 1790. Ч. XIII. С. 30.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ РК 1598. С. 10. В частной редакции разряда «у постели» упомянута вместе с княгиней Анастасией Шуйской только жена кн. Ю. В. Глинского княгиня Ксения: ДРВ. Ч. XIII. С. 32.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 29; ДРВ. Ч. XIII. С. 34.

¹²⁹ РК 1598. С. 10, 11.

дебной к «чужакам» Глинским, что ярко проявилось в событиях июня 1547 г.

Весной 1547 г. Иван IV с молодой женой жил за городом, в подмосковных селах¹³⁰: оставаться в столице было небезопасно из-за частых пожаров. 12 апреля выгорели торговые ряды в Китай-городе; 20 апреля пожар уничтожил чуть ли не все дворы за р. Яузой¹³¹. Погорельцы искали виновников своего бедствия: поползли слухи о поджогах. По словам Постниковского летописца, «говорили про оба пожара, что зажигали зажигальники. И зажигальников многих имали и пытали их. И на пытке они сами на себя говорили, что они зажигали. И тех зажигальников казнили смертною казнью, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали»¹³².

В такой обстановке к Ивану IV, находившемуся тогда в селе Остров, явилась с челобитной делегация псковичей. По рассказу Псковской III летописи, в Петров пост «псковичи послаша 70 человек на Москву жаловатися на наместника на Турунтая, и оны, жалобшики, били челом осподарю великому князю на селце на Островке. И князь великий осподарь, — продолжает летописец, — ополелся на пскович сих: бесчествовал, обливаючи вином горячим, палил бороды и волосы да свечью зажигал, и повелел их покласти нагих по земли; и в ты поры на Москве колокол-благовестник напрасно отпаде, и осподарь поезде к Москви, а жалобьшиков не истеря»¹³³.

Об этом эпизоде упоминает и краткий Новгородский летописец по списку Никольского: «Того же лета [7055. — М. К.] велел князь великий у пскович бороды палить, вином обливаа, на Москви, жалобщиков в своей области в...» (окончание текста утрачено: последняя строка срезана при переплете рукописи)¹³⁴.

Как явствует из этих красноречивых свидетельств, молодой царь незадолго до своего 17-летия по-прежнему не желал вникать

¹³⁰ Согласно Постниковскому летописцу, царь с царицей во время апрельских пожаров жили в селе Воробьево (ПСРЛ. Т. 34. С. 29). Продолжатель Хронографа редакции 1512 г. уточняет, что Иван IV с женой жил «того лета» в Острове, а «после пожару [большого июньского. — М. К.] жил в Воробьево» (Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 292). Последняя версия подтверждается и сообщением Псковской III летописи, согласно которому псковские челобитчики в начале июня явились к царю в село Остров (Пл. Вып. 2. С. 232).

¹³¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 51; Т. 34. С. 29.

¹³² ПСРЛ. Т. 34. С. 29.

¹³³ Пл. Вып. 2. С. 232.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. IV, ч. I. Вып. 3. С. 620 и прим. 7.

в управленческие дела. Он не стал разбирать конфликт псковичей с их наместником кн. И. И. Турунтаем Пронским (тем самым, который на свадьбе Ивана IV с Анастасией 3 февраля 1547 г. был дружкой невесты) и подверг челобитчиков жестоким издевательствам.

Упоминание о падении в Москве колокола-благовестника — события, которое отвлекло внимание царя и спасло жизнь несчастным, — помогает уточнить датировку этого эпизода. Согласно Летописцу начала царства, колокол упал с деревянной колокольни Благовещенского собора в Кремле 3 июня¹³⁵. Следовательно, псковский летописец допустил небольшую хронологическую неточность, приурочив посылку псковичами делегации к царю ко времени Петрова поста, который в 1547 г. начался 6 июня¹³⁶.

Прошло всего несколько недель, и царь увидел перед собой не смиренных челобитчиков, а грозную толпу, требовавшую выдачи ненавистных временщиков. Эти события навсегда врезались в память Ивана Васильевича.

21 июня в Москве вспыхнул очередной пожар — самый разрушительный за всю ее предшествующую историю: «Прежде убо сих времен памятные книзи временныйи пишут, таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала имноватися...» — отметил Летописец начала царства¹³⁷. Тот же Летописец называет страшную цифру: 1700 сгоревших мужчин, женщин и детей¹³⁸. По свидетельству других летописей, число жертв было еще больше: так, согласно Новгородскому летописцу по списку Никольского, в общей сложности в Кремле и на посаде сгорело 25 тысяч дворов и 250 деревянных церквей, погибло 2700 человек¹³⁹. А продолжатель Хронографа редакции 1512 г. сообщил о том, что «после пожару собрано людей горелых за Неглинною 3700 человек, и похорониша их у церквей христолюбцы...»¹⁴⁰.

Страшное бедствие вызвало стихийное возмущение москвичей. Июньское восстание 1547 г. в столице, самое крупное за весь

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 51.

¹³⁶ Петров пост начинается в понедельник через неделю после Троицы, которая в 1547 г. праздновалась 29 мая (см.: *Grottefend H. Taschenbuch der Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit*. 13. Aufl. Hannover, 1991. S. 182).

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 54.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. IV, ч. I. Вып. 3. С. 620.

¹⁴⁰ *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 292.

XVI век, не раз становилось объектом изучения исследователей¹⁴¹. Я остановлюсь подробнее на тех аспектах июньских событий, которые характеризуют переживаемый тогда страной политический кризис.

По сообщению Летописца начала царства, «на пятый день после великого пожара», 26 июня, «черные людие града Москвы от великие скорби пожарные восколебашеся, яко юроди, и пришедше во град [в Кремль. — М. К.] и на площади убиша камением царева и великого князя боярина князя Юрия Васильевича Глинского и детей боярских многих побиша, а людей князь Юрьевых безчислено побиша и живот княжой розбиша, ркуше безумием своим, яко нашим зажиганием дворы наши и животы погореша»¹⁴².

Ценные подробности произошедшего приводит продолжатель Хронографа редакции 1512 г.: «...после того пожару москвичи черные люди взволновались, что будтося Москву зажигали Глинских люди, и от тое коромолы князь Михайло Глинской с жалования со Ржовы хоронился по монастырем, а москвичи черные люди, собрався вechем, убили боярина князя Юрья Васильевича Глинского в Пречистой в соборной церкви на обедне на иже-херувимской песни»¹⁴³.

Из сопоставления этих двух летописных известий вырисовывается следующая картина: среди московских посадских людей прошел слух, будто город подожгли слуги князей Глинских; кн. Михаил Глинский, находившийся на «жаловании» (т.е., очевидно, на кормлении) во Ржеве, искал убежище в монастырях, а его брат Юрий, остававшийся в столице, был убит пришедшими в Кремль «черными людьми», устроившими некое подобие вechевого схода. Единственное противоречие между процитированными сообщениями касается места гибели кн. Ю. В. Глинского: согласно Летописцу начала царства, это произошло на площади, а по версии Продолжения Хронографа редакции 1512 г., боярин был убит в Успенском соборе во время обедни, в момент исполнения «иже-херувимской песни».

¹⁴¹ См.: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. Гл. 8. С. 121—136; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 296—308; *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 13—119. Переизд.: *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 21—143.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 29. С. 54.

¹⁴³ *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 292.

Иван Грозный был также убежден, что его дядю убили в соборе: позднее в послании Курбскому он вспоминал, как после пожара «наши же изменные бояре... аки время благополучно своей изменной злобе улущиша, научиша народ скудожайших умов, будто матери нашей мать, княгини Анна Глинская, с своими детьми и людьми сердца человеческия выимали и таким чародейством Москву попалили; да будто и мы тот их совет ведали. И тако тех изменников научением боярина нашего, князя Юрья Васильевича Глинского, воскричав, народ иудейским обычаем изымав его в приделе великомученика Христова Димитрия Селунского, выволокли его в соборную и апостольскую церковь Пречистыя Богородицы против митрополича места, без милости его убиша и кровию церковь наполниша и выволокли его мертва в передние двери церковныя и положиша его на торжищи яко осужденника»¹⁴⁴.

Уточнить ход событий помогает рассказ краткого Новгородского летописца по списку Никольского: по его словам, «чорные люди изымаша князя Юрья Михайловича [так! должно быть: «Васильевича». — М. К.] Глинского, дядю великого князя по матери, в церкви в Пречистой у митрополита въ время обедне, извлекше из церкви едва жива и скончаша злою смертию, извлекоша из града привязана ужем...»¹⁴⁵ Выясняется, таким образом, что Юрий Глинский был схвачен в Успенском соборе и, вероятно, избит до полу-смерти; еле живого, его вынесли на площадь и там убили, после чего труп, обвязав веревкой, вытащили волоком из Кремля. Заметим, что способ расправы с ненавистным боярином, упомянутый Летописцем начала царства, — публичное побивание камнями на площади — вполне соответствует вечевой организации восставших, о которой говорит Продолжение Хронографа редакции 1512 г.

Летописец Никольского передает также еще одно обвинение по адресу Глинских, которое звучало во время мятежа: оказывается, их обвиняли не только в поджоге столицы, но и в измене: «...на них зговор приишол, буттось они велели зажигати Москву, норовя приходу иноплеменных; бе же тогда приишол с многою силою царь Крымской и стоял в полях»¹⁴⁶. Позднее над строкой со словами «буттось они велели зажигати Москву» была написана загадочная фраза: «и сердечники о них же»¹⁴⁷. Что имелось в виду, можно по-

¹⁴⁴ ПГК. С. 29 (Первое послание Грозного Курбскому, 1-я пространная редакция).

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. Вып. 3. С. 620—621.

¹⁴⁶ Там же. С. 621.

¹⁴⁷ Там же и прим. 4.

нять из сообщения Постниковского летописца о том, что после апрельских пожаров «того же лета явились на Москве по улицам и по иным городом, и по селом, и по деревням многие сердечники, выимали из людей сердца»¹⁴⁸. Очевидно, пойманные «сердечники» на допросах утверждали, что действовали по велению Глинских: так проясняется смысл слов, вписанных над строкой в Летописце Никольского («и сердечники о них же»).

Итак, поджигательство, сговор с неприятелем, чародейство — таков типичный набор обвинений, рождавшихся в атмосфере средневекового города в периоды стихийных бедствий. «Обвинение в ведовстве именно бабки царя, — справедливо замечает С. О. Шмидт, — видимо, тянет еще к давним традициям, когда “лучшие жены” считались виновницами неурожая, голода и других несчастий»¹⁴⁹.

В нашем распоряжении есть еще один рассказ о гибели кн. Юрия Глинского, записанный примерно лет через сорок после самих событий. Редактор Царственной книги внес в первоначальный текст, повторявший соответствующую статью Летописца начала царства, многочисленные исправления и приписки. Так возникла новая версия случившегося.

По словам анонимного автора приписок, 23 июня (на второй день после пожара), когда государь с боярами приехал к митрополиту Макарию в Новинский монастырь, духовник царя благовещенский протопоп Федор, боярин кн. Федор Скопин-Шуйский и Иван Петрович Федоров «вражиим наветом начаша глаголати, яко вълхованием сердца человеческия вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша, и оттого вся Москва погоре». Тогда царь «велел того бояром сыскати». Спустя три дня, 26 июня, в воскресенье, бояре приехали на Соборную площадь Кремля и, собрав «черных людей», «начаша выпрашати: хто зажигал Москву?». Те стали говорить, «яко княгини Анна Глинская з своими детми и с людьми вълховала: вымала сердца человеческия да клала в воду, да тою водою ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела». «А сие глаголаху чернии людие того ради, — поясняет далее автор приписок, — что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование, а от людей их черным людем насилство и грабеж, они же их от того не унимаху». Князь Юрий Глинский, который, как

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 29.

¹⁴⁹ Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. С. 90.

утверждает редактор Царственной книги, также приехал на Соборную площадь, «услыша про мать и про себя такие неподобные речи, и пошел в церковь в Пречистую. Бояре же по своей к Глинским недружбе наустиша черни; они же взяша князя Юрия в церкви и убиша его в церкви, извлекоша передними дверми на площадь и за город и положиша перед торгом, идеже казнят»¹⁵⁰.

Далее автор приводит список бояр, бывших «в совете сем», т.е. настроивших «чернь» против своих недругов-Глинских: благовещенский протопоп Федор Бармин, князья Федор Шуйский и Юрий Темкин, И. П. Федоров, Г. Ю. Захарьин, Федор Нагой «и инии мнози». Он сообщает также (вслед за Летописцем начала царства) о «бесчисленном» множестве «людей» Ю. В. Глинского, убитых тогда москвичами, добавляя важную деталь, не известную из других источников: «Много же и детей боярских незнакомых побиша из Северы [т.е. Северщины. — М. К.], называючи их Глинского людьми»¹⁵¹.

Историки уже давно обратили внимание на существенные различия в трактовке июньского восстания 1547 г. в летописях, близких по времени составления к описываемым событиям (Летописце начала царства, Летописце Никольского, Продолжении Хронографа редакции 1512 г.), с одной стороны, и в более поздних источниках 60—70-х гг. (Первом послании Грозного и Царственной книге) — с другой. Если в упомянутых летописных памятниках середины XVI в. восставшие изображены действующими по собственной инициативе, без какого-либо вмешательства приближенных Ивана IV, то в послании царя Андрею Курбскому и в приписках к Царственной книге вся вина за случившееся возлагается на бояр, которые «наустиша чернь» против Глинских.

Исследователи справедливо подчеркивают тенденциозность приписок к Царственной книге и отдают предпочтение версии, отразившейся в более ранних летописных памятниках: Летописце начала царства, Новгородской летописи по списку Никольского, Продолжении Хронографа редакции 1512 г.¹⁵² Действительно,

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 456 (правый столбец).

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // *ИЗ. М.*, 1947. Т. 23. С. 271—272; *Его же.* Источники и характер редакционной работы. С. 136—137; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. С. 130, 134; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 305; *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма. С. 94, 97, 104.

вставка в текст Царственной книги содержит явные неувязки: в частности, как отметил И. И. Смирнов, бояре едва ли могли собрать черных людей на площади во время церковной службы, а ведь Юрий Глинский, согласно сообщениям нескольких летописей, был убит именно «на обедне» в Успенском соборе¹⁵³. К этому можно добавить, что слухи о колдовстве Глинских носили явно фольклорный характер¹⁵⁴, хотя некоторые вельможи из числа их недоброжелателей, возможно, охотно распространяли подобные слухи, надеясь свести счеты с временщиками. Наконец, указанные выше черты самоорганизации восставших, отмеченные в летописании 1550-х гг. («собравшись вечем» и т.п.), полностью исключают возможность какого-либо руководства их действиями со стороны бояр.

Таким образом, акцент на придворных интригах и происках врагов Глинских, характерный для приписок к Царственной книге (а ранее — для рассказа Ивана Грозного о тех же событиях), серьезно искажает картину восстания. Но при этом ряд деталей, прямо не связанных с основной тенденцией рассказа, могут быть вполне достоверными: это относится, в частности, к хронологии событий, к упоминанию о расправе с северскими детьми боярскими и другим подробностям.

По весьма вероятному предположению И. И. Смирнова, в течение нескольких дней Москва находилась в руках восставших¹⁵⁵. Кульминацией июньских событий стал поход мятежных посадских людей в село Воробьево, где находился тогда царь. Об этом эпизоде сохранилось несколько свидетельств. Летописец Никольского описывает дальнейшее «смятение людем московским» после убийства кн. Ю. В. Глинского: «...поидоша многие люди черные к Воробьеву и с щиты и з сулицы, яко же к боеви обычаи имяху, по кличю палача, князь же великий, того не ведая, узрев множество людей, удивися и ужасеся, и обыскав, яко по повелению приидоша, и не учини им в том опалы, и положи ту опалу на повелевших кликати»¹⁵⁶.

¹⁵³ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 129.

¹⁵⁴ Особенно колоритно звучит обвинение, записанное, а затем зачеркнутое редактором Царственной книги: черные люди во время расправы с Юрием Глинским будто бы говорили: «...а мати твоя княгиня Анна сорокою летала да зажигала, да из люде[й]...» (далее, видимо, не дописано: «сердца вынимала»); ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 456 (правый столбец).

¹⁵⁵ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 131.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. Вып. 3. С. 621.

Летописец подчеркнул воинственные намерения черных людей, которые вооружились, как на битву, и растерянность и даже страх государя при виде многочисленной толпы. Можно понять также, что большинство участников этого непрошеного визита остались безнаказанными; опала была объявлена только зачинщикам (и то неизвестно, в какой форме). Но каковы были цели похода в Воробьево, летописец не поясняет.

Иван Грозный вспоминал впоследствии в письме Курбскому: «Нам же тогда живущим в своем селе Воробьево, и те изменники научили были народ и нас убить за то, что будто мы княж Юрьеву мать, княгиню Анну, и брата его князя Михаила у себя хороним от них»¹⁵⁷. Таким образом, восставшие явились в царскую резиденцию с требованием выдачи Анны и Михаила Глинских. Об этом прямо говорится в более позднем источнике — приписках к тексту Царственной книги о событиях лета 1547 г.: «А после того убийства [Юрия Глинского. — М. К.] на третей день приходиша многия люди чернь скопом ко государю в Воробьево, глаголюще нелепая, что будто государь хоронит у себя княгини Анну и князя Михаила, и он бы их выдал им»¹⁵⁸.

Процитированная фраза позволяет датировать поход москвичей к царю в Воробьево 29 июня. Заметим также, что этот текст не содержит каких-либо намеков на то, что жизни самого государя угрожала опасность. Как именно проходили переговоры, за неимением свидетелей сказать трудно. Ясно только, что восставшие ушли ни с чем, поскольку лиц, которых они искали, в Воробьево не было: выше в Царственной книге отмечено, что «князь Михайло Глинской тогда бяше и с материю на огосударском жалование на Ржеве»¹⁵⁹.

* * *

Восстание посадских людей, убийство царского дяди, беспомощность властей, проявленная во время июньских событий, — все это приметы острого политического кризиса, в очередной раз заявившего о себе летом 1547 г.

Принято считать, что основным результатом восстания 26 июня явилось «падение Глинских»¹⁶⁰. С. М. Каштанов говорит даже о

¹⁵⁷ ПГК. С. 29 (Первое послание Грозного Курбскому, 1-я пространная редакция).

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 456—457 (правый столбец).

¹⁵⁹ Там же. С. 456 (правый столбец).

¹⁶⁰ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. С. 135; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 312; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 29.

падении в этот день «правительства Глинских»¹⁶¹. С подобными утверждениями, однако, трудно согласиться.

Начну с того, что большое влияние, которым в конце 1546 — первой половине 1547 г. пользовались Глинские при московском дворе, еще не дает оснований считать их правительством страны. Это влияние они употребили на то, чтобы упрочить положение своего клана и свести счеты с соперниками (вспомним казнь двух юных князей в январе 1547 г.). Но полным контролем над внешней и внутренней политикой государства они явно не обладали, да и, похоже, не стремились к нему.

Единственный пример административной активности кн. М. В. Глинского, на который ссылается С. М. Каштанов, — выдача по приказу этого боярина и конюшего указной грамоты на Вологду 20 января 1547 г.¹⁶² — еще недостаточен для утверждения учебного, будто выдача жалованных и указных грамот сосредоточилась в руках Глинских¹⁶³. Можно указать, в частности, на несколько грамот января—марта 1547 г., выданных казначеями И. И. Третьяковым и Ф. И. Сукиным, а также «большим» дворецким Д. Р. Юрьевым¹⁶⁴. Этим администраторам, как будет показано ниже в девятой главе книги, принадлежала ключевая роль в центральном управлении страны в конце 40-х гг.

Но даже если не говорить о «правительстве» Глинских, а рассматривать их господство при дворе в указанный короткий период лишь как возвышение очередных временщиков, то и в этом случае устоявшаяся в литературе точка зрения нуждается в коррективах. «Падение Глинских» не было таким мгновенным, как это принято считать, и когда С. О. Шмидт утверждает, например, что после июньского восстания «Михаил Глинский был отстранен от власти» и что его постигла опала¹⁶⁵, ученый несколько опережает события.

Тревожные июньские дни, когда погиб его брат, кн. Михаил Васильевич Глинский предпочел переждать вдали от Москвы: как

¹⁶¹ Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 361, 366.

¹⁶² РИБ. Т. 32. № 165. Стб. 287—288.

¹⁶³ Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 364.

¹⁶⁴ См. жалованную грамоту от 30 января 1547 г., выданную Вассиановой Строкинской пустыни по приказу казначеев И. И. Третьякова и Ф. И. Сукина (АИ. СПб., 1841. Т. I. № 147. С. 212—215); жалованную грамоту Троицкому Белопесоцкому монастырю, которую 26 марта 1547 г. приказал выдать казначей Ф. И. Сукин (РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашира. № 7/5769), и жалованную грамоту Спасскому Ярославскому монастырю от 27 марта того же года, выданную по приказу дворецкого Д. Р. Юрьева (ИАЯСМ. № XIV. С. 14).

¹⁶⁵ Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. С. 109, 110.

мы уже знаем, он вместе с матерью находился в Ржеве, где у него были земельные владения. Но место в придворной иерархии князь Михаил не потерял. Показательно, что в датированной июлем 1547 г. разрядной росписи похода Ивана IV на Коломну кн. М. В. Глинский назван первым среди бояр, сопровождавших царя «с Москвы»¹⁶⁶. Правда, С. О. Шмидт попытался дезавуировать это свидетельство, предположив, что упомянутый коломенский поход на самом деле не состоялся (поскольку в официальной летописи нет о нем упоминаний) и что в разрядную книгу была включена роспись лишь планировавшегося похода, составленная тогда, когда М. В. Глинский был еще у власти¹⁶⁷.

Однако приведенные аргументы не кажутся мне убедительными. Во-первых, в официальной летописи — Летописце начала царства — вообще отсутствуют какие-либо сообщения с конца июня до начала ноября 1547 г., за исключением лапидарного известия о сильном граде, выпавшем в Москве 30 июля¹⁶⁸. Особенно удивляет отсутствие упоминания о традиционной сентябрьской поездке Ивана IV на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, хотя такие поездки, как мы знаем, государь совершал в сентябре ежегодно. Поэтому молчание летописи, как и во многих других подобных случаях, не является аргументом и, возможно, объясняется просто отсутствием материала у составителя Летописца начала царства, работавшего в начале 50-х гг.

Во-вторых, в разряде 7055 г. помещена роспись князей и бояр, оставшихся в Москве во время упомянутого коломенского похода, причем эта роспись открывается следующей фразой: «*А как царь и великий князь был на Коломне 55-го лета*, и тогда был на Москве брат его князь Юрьи Васильевич да князь Володимер Андреевич»¹⁶⁹ (выделено мной. — М. К.). Следовательно, коломенский поход все-таки состоялся, и, поскольку в разрядной росписи нет никаких помет о произведенных заменах, можно предполагать, что боярин кн. М. В. Глинский принял в этом походе участие.

Мы располагаем еще одним доказательством того, что и после июньских событий дядя царя сохранил боярский чин: в опубликованном В. Д. Назаровым подлинном «боярском списке», который исследователь датировал осенью (сентябрем—октябрем) 1547 г.,

¹⁶⁶ РК 1598. С. 110.

¹⁶⁷ Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. С. 109.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 54.

¹⁶⁹ РК 1598. С. 112.

среди бояр фигурирует и князь Михайло Васильевич Глинский¹⁷⁰; причем отсутствие помет около его имени свидетельствует о том, что он не получил в тот период никаких назначений (например, «к Казани», как ряд других бояр), не был болен и не находился в опале. Но бывшее влияние при дворе Глинские к тому времени, несомненно, утратили: об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что на свадьбе царского брата князя Юрия Васильевича с княжной Ульяной Дмитриевной Палецкой 3 ноября 1547 г. (разряд свадьбы помечен сентябрем) не было ни одного представителя их княжеского клана¹⁷¹. Более того, выясняется, что во время свадебных торжеств кн. Михаил Глинский с матерью, княгиней Анной, а также кн. И. И. Турунтай Пронский находились в бегах.

Об этом неудавшемся побеге сохранилось два летописных рассказа. Наиболее подробные сведения приводит Летописец начала царства, в котором данному событию посвящена большая статья, озаглавленная «О побеге князя Михаила Глинского да Турунтая». По словам летописца, 5 ноября, спустя два дня после свадьбы царского брата Юрия Васильевича, «пришла весть царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Руси, что побежали в Литву бояре князь Михайло Васильевич Глинской да князь Иван Турунтай Пронской из своих сел изо ржевских». Царь послал за ними в погоню князя Петра Ивановича Шуйского «и с ним дворян своих». Они настигли беглецов «во Ржевских местех в великих тесных и в непроходных теснотах». Услышав за собой погоню и видя, что им «уйти невозможно ис тех теснот», князья решили вернуться и хотели было «въехать в город тайно на Москву и бити челом великому князю, что они не бегали, а поехали были молиться к Пречистой в Ковець»¹⁷². Но беглецам не удалось проникнуть незамеченными в столицу: кн. И. И. Турунтай Пронский был схвачен у Неглименских ворот Китай-города, а кн. М. В. Глинского «изымал» князь Петр Шуйский «на посаде», на Никитской улице. 11 ноября они были доставлены в Кремль; царь велел их взять под стражу и «вспросити о их побеге». Неудачливые беглецы оправдывались тем, что «от страху княж Юрьева Глинского убийства поехали были молиться в Ковець к Пречистой и съехали в сторону, не зная дороги». Не-

¹⁷⁰ Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России: Сборник статей, посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 52 (прил. № 2). О датировке этого документа см.: Там же. С. 45.

¹⁷¹ РК 1598. С. 11—12.

смотря на такое не очень правдоподобное объяснение, беглецов простили: царь «для отца своего Макария митрополита их пожаловал, вину им отдал и велел их подавати на поруки, занеже от неразумия тот бег учинили были, обложая страхом князь Юрьева убийства Глинского»¹⁷³.

Краткое сообщение Продолжения Хронографа редакции 1512 г., которое датирует побег М. Глинского и Турунта 5 ноября (т.е., очевидно, тем днем, когда известие об этом событии было получено в Москве), существенно дополняет рассказ Летописца начала царства. Выясняется прежде всего, что кн. Иван Иванович Турунтай Пронский бежал «со княгинею», т.е. с женой, а кн. Михайло Васильевич Глинский — «с матерью и со княгинею». Кроме того, здесь названы трое участников погони, посланной за беглецами: князья Петр Иванович Шуйский, Василий Семенович Серебряный и Дмитрий Иванович Немой Оболенский. Концовка рассказа в Хронографе несколько отличается от сообщения Летописца начала царства: об аресте беглецов ничего не говорится; получается, что, услышав за собой погоню, они сами «воротились» к государю. Прибыв в столицу, М. Глинский и Турунтай «били челом митрополиту Макарью, чтобы митрополит пожаловал о них, царю и великому князю печаловался. И митрополит о них царю и великому князю поминал, чтобы их государь пожаловал, казнь им отдал. И царь великий князь для отца своего Макарья митрополита их пожаловал, казнь им отдал, *а живот их вотчину велел взяти на себя, царя и великого князя*»¹⁷⁴.

Выделенное мною в приведенном тексте упоминание о конфискации имущества беглецов (отсутствующее в Летописце начала царства) находит подтверждение в актовом материале: сохранилась указная грамота Ивана IV от 1 января 1548 г. приказчику села Кулебакина Василию Чижову. Как явствует из грамоты, этому приказчику было велено «ведати на меня царя и великого князя княж Иванову Турунтаева вотчина село Кулебакино з деревнями». «Отписывать» село на царское имя ездил подьячий Онисимко Левин¹⁷⁵.

С другой стороны, подтверждается и свидетельство Летописца начала царства о том, что беглецы были отданы на поруки: до нас

¹⁷² Имеется в виду Оковецкий храм во имя Богоматери Одигитрии, где находилась почитаемая икона.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 29. С. 54—55.

¹⁷⁴ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 293.

¹⁷⁵ ССМ. № 17. С. 25.

дошла поручная запись по князе Иване Ивановиче Пронском, датированная 9 декабря 1547 г. Боярин кн. Ф. И. Шуйский, дворецкие Д. Р. Юрьев и Д. Ф. Карпов, окольный Ф. М. Нагой и еще более 30 дворян и детей боярских поручились в его верности в 10 тысячах рублей¹⁷⁶.

Как уже давно замечено исследователями, кн. М. В. Глинский и кн. И. И. Турунтай Пронский отнюдь не случайно оказались товарищами в этой неудачной попытке бежать за рубеж¹⁷⁷. Они не только были соседями-землевладельцами Ржевского уезда: их явно связывали приятельские отношения. Вспомним, как Глинский вызвал 18 декабря 1546 г. Пронского в Москву в период подготовки царской свадьбы, в церемонии которой оба князя сыграли заметную роль. Известно также, что в декабре 1559 г. Турунтай был одним из душеприказчиков кн. М. В. Глинского¹⁷⁸.

Однако мотивы для бегства у князей-приятелей были разные, и если Глинский действительно мог ссылаться на страх, вызванный убийством брата, то Пронского, вероятно, подтолкнули к отъезду за рубеж обстоятельства иного рода. В начале июня 1547 г. псковичи, у которых был конфликт с государевым наместником, прислали к царю делегацию — «бить челом» на Турунтая. И хотя тогда Иван IV, как мы помним, жестоко обошелся с челобитчиками, но к осени того же года наместник в Пскове был сменен: в составленном в сентябре—октябре 1547 г. «боярском списке» против имени кн. Юрия Ивановича Темкина-Ростовского сделана помета: «на Пскове»¹⁷⁹. Возможно, потеря псковского наместничества и связанные с этим разоблачения и навели Турунтая Пронского на мысль о бегстве в Литву.

Среди документов бывшего Кенигсбергского архива сохранилось одно письмо, которое, возможно, проливает новый свет на историю неудавшегося отъезда князей Глинского и Пронского к королю. 24 октября 1547 г. Габриель Тарло, виленский корреспондент Альбрехта, герцога Прусского, сообщил последнему о полученных им «заслуживающих доверия сведениях» (glawbwirdige

¹⁷⁶ Антонов А. В. Поручные записи 1527—1571 годов // РД. М., 2004. Вып. 10. № 3. С. 13—14.

¹⁷⁷ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 270, прим. 1; Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. С. 112 и прим.

¹⁷⁸ ВКТСМ. С. 50. На этот факт впервые обратил внимание А. А. Зимин (Реформы Ивана Грозного. С. 270, прим. 1).

¹⁷⁹ Назаров В. Д. О структуре «государева двора». С. 52.

erfahrungen), согласно которым «некоторые из высших московских господ (etzliche von den obristen moschkowiterschen herren) несколько дней назад (in kortzen tagen) тайно предложили свои услуги его величеству молодому королю [Сигизмунду Августу. — М. К.] и пожелали, чтобы, пока великий князь Московский упражняется и усердствует во всяческой тирании (uff allerley tirannee geübt und ganz geflyssen), его королевское величество милостиво принял их под свою опеку и покровительство... и тогда они и вся Московия (die ganze Moschow) добровольно бы стали подданными его королевского величества (under ire ko. mt. gudtwillig als underthane unthergeben). Что из этого далее воспоследует, покажет время», — этими словами польский сановник закончил свое сообщение¹⁸⁰.

Дата письма Тарло совпадает по времени с последними приготовлениями Михаила Глинского и Ивана Турунта к отъезду за рубеж. Оба князя полностью подходят под определение «некоторые из высших московских господ». Вероятно, процитированное известие отразило предварительные тайные контакты знатных «москвитов» с наследником польского и литовского престолов Сигизмундом Августом, которые должны были обеспечить им радушный прием в Литве.

Итак, цепь событий 1547 г.: январская казнь двух юных князей, «великие пожары» в апреле и июне, за которыми последовало восстание московских посадских людей, сопровождавшееся убийством кн. Ю. В. Глинского, его слуг и даже неизвестных детей боярских с Северщины; поход «черни» в село Воробьево, сильно напугавший находившегося там царя; наконец, неудачная попытка князей М. В. Глинского и И. И. Турунта Пронского бежать в Литву — все это не позволяет считать 1547 год временем выхода из кризиса. По-видимому, период «успокоения» оказался более длительным и продолжался по крайней мере до начала 1549 г.

В конце 1547 г. заметны только первые шаги в этом направлении. Отметим, в частности, что с неудачливыми беглецами обошлись сравнительно мягко: они избежали казни или длительного тюремного заключения; опала выразилась в лишении думных чинов, конфискации части вотчин и посылке на дальнюю и непрестижную службу. Так, с Петрова дня (29 июня) 1548 г. кн. Михайло Васильевич Глинский (названный без боярского чина!), согласно записи в разрядной книге, «годовал» в Василегороде¹⁸¹. Но уже ле-

¹⁸⁰ EFE. Romae, 1978. Vol. XLIII. № 53. P. 45.

¹⁸¹ РК 1598. С. 116.

том 1550 г. и он, и кн. И.И. Турунтай Пронский снова упоминаются с боярским чином¹⁸²; очевидно, к тому времени опала с них обоих была снята.

Интересно также, что упомянутая выше поручная запись по кн. И. И. Пронскому от 9 декабря 1547 г. — это первый документ такого рода, известный нам после почти двадцатилетнего перерыва: предыдущая поручная грамота была взята еще в правление Василия III в июне 1528 г. по князьям Иване и Андрее Михайловичам Шуйским¹⁸³. Восстановление института поруки, фактически бездействовавшего в годы «боярского правления», можно рассматривать как одну из мер, направленных на стабилизацию ситуации в придворной среде и укрепление лояльности знати.

3. КОНСОЛИДАЦИЯ ПРИДВОРНОЙ ЭЛИТЫ И «СОБОР ПРИМИРЕНИЯ» ФЕВРАЛЯ 1549 г.

Кризис, из которого правящая верхушка не смогла выйти и в 1547 г., проявлялся не только в бессудных опалах и казнях, когда юный государь становился орудием соперничавших друг с другом кланов, и не только в атмосфере всеобщей подозрительности и недоверия, но и в катастрофическом падении авторитета боярской олигархии. Страшные пожары жители Русского государства однозначно расценивали как проявление Божьего гнева за грехи нечестивых правителей.

Так, Летописец Никольского об июньском пожаре 1547 г. сообщает как о «Божьем гневе и наказании за умножение грехов наших»; «наипаче же, — продолжал он, — в царствующем граде Москве умножившись неправде, и по всей России, от велмож, насилствующих к всему миру и неправу судящих, но по мзде, и дани тяжкие, и за неисправление правды веры пред Богом всего православного христианства, понеже в то время царю великому князю Ивану Васильевичу уну сущу, князем же и бояром и всем властелем в бесстрашии живущим...»¹⁸⁴.

Автор повести «О великом пожаре» из сборника Рогожского собрания, опубликованной А. А. Зиминим, также не жалел эпита-

¹⁸² РК 1598. С. 127, 128.

¹⁸³ Антонов А. В. Поручные записи. № 2. С. 11—13.

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. Вып. 3. С. 620.

тов, обличая боярские «крамолы», «властолюбие», «похищение чужого имени» и прочие «нестроения» в годы малолетства («до самого возраста царьского») Ивана IV. И все это «неправедное богатство» «огнем потребися, вкупе же с неправедным имением и праведного стяжания множества огонь пояде, сие попустившу Богу, — поясняет автор, — востязая нас от всякаго греха, да быхом престали и на покаяние обратилися»¹⁸⁵. Апрельский и июньский пожары, сопровождаемые видениями и чудесами, которые подробно описываются в повести, побудили людей встать на путь исправления: «Все же людие умилишася и на покаяния уклонишася от главы до ногу, яко же и сам благочестивый царь, тако же и велможи его, и до прастых людей, — вси сокрушенным сердцем первая скверная дела возненавидевше, и вси тшахуся и обетсвахуся богоугодная дела творити, елико комуждо возможно ко противу силе его»¹⁸⁶.

Справедливость этих слов подтверждается свидетельством самого Ивана Грозного, который, обращаясь к Стоглавому собору, так описал пережитое им в связи с «великими пожарами» душевное потрясение: «И посла Господь на ны тяжкия и великия пожары, вся наша злая собраниа потреби и прародительское благословение огонь пояде, паче же всего святых Божия церкви и многиа великия и неизреченныа святыни, и святыха мощи, и многое безчисленное народа людска. И от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя»¹⁸⁷. И смирился дух мой и умилихся, и познах своя съгрешения, и прибегах к святей соборной апостольстей Церкви, и припадох к Божию великому человеколюбию и к Пречистой Богородицы, и к всем святым, и к твоему первосвятительству [обращение к митрополиту Макарию. — М. К.], и всем, иже с тобою, святителем, умильно припадаа, с истинным покаанием прося прощения, еже зле съдеах»¹⁸⁸.

Осенью 1547 г. молодой царь стал на путь покаяния. 30 сентября по его приказу Алексей Федоров сын Адашев привез в Троице-

¹⁸⁵ Зимин А. А. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания // ЗОР ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 199.

¹⁸⁶ Там же. С. 202.

¹⁸⁷ А. А. Зимин цитирует эти слова царя в связи с июньским восстанием, как реакцию на приход мятежной толпы в село Воробьево (Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 307). Но в царской «речи» на Стоглавом соборе московское восстание ни словом не упомянуто. Для Ивана IV, как и для его современников, Божий гнев, несомненным проявлением которого считались «великие пожары», был гораздо страшнее любых людских мятежей и волнений.

¹⁸⁸ Емченко Е. Б. Стоглав. С. 247.

Сергиев монастырь 7000 рублей¹⁸⁹. По весьма вероятному предположению Б. Н. Флори, столь щедрым пожалованием государь желал умилостивить Бога¹⁹⁰.

Заслужить милость Божию можно было и прощением опальных, как не раз напоминал царю митрополит Макарий. Некое подобие амнистии было предпринято еще в середине декабря 1546 г. — после того как Иван Васильевич объявил владыке Макарию о своем намерении жениться. По такому важному случаю на «думу» к государю пригласили всех, даже опальных бояр: «Да во фторник же [14 декабря 1546 г. — М. К.] у митрополита все бояре были, и те, которые в опале были, по митрополиче по них присылке. И с митрополитом все бояре у великого князя были, и выидоша от великого князя радостны»¹⁹¹, — повествует Постниковский летописец (выделено мной. — М. К.). Однако жестокая казнь двух молодых князей в январе 1547 г., совершенная, как мы знаем, по приказу Глинских, перечеркнула эту первую попытку общего примирения в среде придворной элиты.

После великого июньского пожара царь стал больше прислушиваться к увещаниям митрополита. В летописной статье из сборника XVII в., опубликованной И. А. Жарковым, говорится о посещении Иваном митрополита в Новинском монастыре: «И много и словесы духовными митрополит тешаше царя государя и великого князя, поучая его на всякую добродетель, елико подобает царем православным быти»¹⁹². Во время этой нравоучительной беседы зашла речь и о прощении опальных: «Царь же и государь, слушая его [митрополита. — М. К.] словеса и наказание, поминаше же великому князю о опальных и повинных людех. Царь же и государь, слушая митрополита во всем, опальных и повинных пожаловал»¹⁹³.

Действительно, по источникам подтверждается снятие опалы с Ивана Петровича Федорова (в июле 1546 г., как мы помним, он был сослан на Белоозеро): в разряде царского похода на Коломну в июле 1547 г. он назван в числе трех бояр (вместе с кн. М. В. Глинским и кн. Д. Ф. Палецким), сопровождавших государя по пути из Москвы¹⁹⁴. Если верить Царственной книге, то И. П. Федоров уже во

¹⁸⁹ ВКТСМ. С. 26.

¹⁹⁰ Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 24.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 28.

¹⁹² Жарков И. А. К истории московских пожаров 1547 г. // ИА. 1962. № 3. С. 226.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ РК 1598. С. 110.

время июньских событий находился в столице и вместе с другими царедворцами, враждебными Глинским, обвинял последних в «волховании», ставшем причиной пожара, и натравливал на них «чернь»¹⁹⁵.

Казни прекратились. Участники неудавшегося побега в Литву, князья М. В. Глинский и И. И. Турунтай Пронский, понесли, как уже говорилось, сравнительно мягкое наказание. В 1548 г., судя по имеющимся у нас данным, не было объявлено ни одной опалы.

Одним из факторов, способствовавших консолидации придворной элиты, явилась женитьба царя на Анастасии Захарьиной и последовавшая за этим событием щедрая раздача думских чинов.

По случаю венчания Ивана IV на царство и государевой свадьбы в январе — начале февраля 1547 г. боярство было пожаловано четверым знатным лицам: кн. Михаилу Васильевичу Глинскому¹⁹⁶, его брату князю Юрию, кн. И. И. Турунтаю Пронскому и двоюродному брату царицы — Ивану Михайловичу Юрьеву Большому¹⁹⁷. Тогда же родной брат Анастасии Данила Романович Юрьев стал окольничим¹⁹⁸.

А. А. Зимин полагал, что в феврале 1547 г. боярским чином был пожалован также кн. Данило Дмитриевич Пронский¹⁹⁹, и это мнение утвердилось в научной литературе: в таблицах, составленных Г. Алефом и А. И. Филюшкиным, боярский «стаж» кн. Д. Д. Пронского отсчитывается именно от 1547 г.²⁰⁰ Но, хотя князь Данило действительно фигурирует с этим думным чином в февральском свадебном разряде 1547 г.²⁰¹, боярином он стал гораздо раньше: впервые с боярским званием кн. Д. Д. Пронский упоминается в феврале 1543 г., когда он занимал должность псковского наместника²⁰².

¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 456 (правый столбец). Показательно, что в свадебной церемонии Ивана IV 3 февраля 1547 г. И. П. Федоров, судя по разрядной росписи, не участвовал, что позволяет предполагать, что он тогда еще находился в опале, см.: РК 1598. С. 10—11; ДРВ. Ч. XIII. С. 29—35.

¹⁹⁶ Именуется боярином и конюшим уже во время царского венчания 16 января 1547 г.: ПСРЛ. Т. 29. С. 50.

¹⁹⁷ См. разряд царской свадьбы, сыгранной 3 февраля 1547 г.: РК 1598. С. 10 (краткая ред.); ДРВ. Ч. XIII. С. 30, 32, 34 (частная ред.).

¹⁹⁸ РК 1598. С. 10; ДРВ. Ч. XIII. С. 31.

¹⁹⁹ Зимин А. А. Состав Боярской думы. С. 59

²⁰⁰ Alef G. Aristocratic Politics and Royal Policy in Muscovy in the Late Fifteenth and Early Sixteenth Centuries // FOG. 1980. Bd. 27. P. 109. Append. III; Филюшкин А. И. История одной мистификации. С. 42. Табл. 2.

²⁰¹ ДРВ. Ч. XIII. С. 31.

²⁰² Сб. РИО. Т. 59. С. 211, 212. На этот факт впервые обратила внимание А. М. Клеймола: Kleimola A. M. Patterns of Duma Recruitment, 1505—1550 //

К середине 1547 г. из Думы выбыли два человека: в мае — начале июня умер окольный Иван Иванович Беззубцев²⁰³, а 26 июня, как мы уже знаем, от рук восставших москвичей погиб боярин кн. Юрий Васильевич Глинский. Но эти потери были вскоре компенсированы новыми пожалованиями: в июльском разряде 1547 г. упомянуты с боярским чином Иван Петрович Федоров (очевидно, возвращенный из ссылки) и дядя царицы — Григорий Юрьевич Захарьин, а Федор Михайлович Нагой впервые назван окольным²⁰⁴.

Состав государственной Думы продолжал изменяться и во второй половине 1547 г. В опубликованном В. Д. Назаровым отрывке подлинного «боярского списка», датируемого сентябрем—октябрем, упомянуто несколько новых думцев: боярин кн. Юрий Иванович Темкин-Ростовский и окольные Иван Иванович Рудак Колычев и Григорий Васильевич Морозов²⁰⁵. В общей сложности в списке перечислено 18 бояр²⁰⁶ и пятеро окольных²⁰⁷. В этом перечне, однако, имеются явные лакуны, которые нуждаются в объяснении.

Так, бросается в глаза отсутствие в списке боярина И. М. Юрьева Большого, который только в начале 1547 г. получил думный чин. По весьма вероятному предположению В. Д. Назарова, И. М. Юрьев умер вскоре после царской свадьбы, и именно этим объясняется его исчезновение из источников и, в частности, отсутствие его имени в свадебном разряде брата Ивана IV Юрия Васильевича в ноябре 1547 г.²⁰⁸

Essays in Honor of A. A. Zimin / Ed. by D. C. Waugh. Columbus (Ohio), 1985. P. 254 (append. I C).

²⁰³ Вклад по душе И. И. Беззубцева в Троицкий монастырь дала 8 июня 1547 г. его вдова Федосья: ВКТСМ. С. 67.

²⁰⁴ РК 1598. С. 110—112. В той же разрядной росписи фигурируют также бояре кн. Д. Ф. Палецкий и И. И. Хабаров (Там же. С. 110, 112), что дало повод А. А. Зимину полагать, будто оба думца получили боярское звание летом 1547 г. (Зимин А. А. Состав Боярской думы. С. 60). Эти данные некритически воспринял и включил в свою таблицу А. И. Филюшкин, см.: Филюшкин А. И. История одной мистификации. С. 42. Табл. 2. На самом деле, как было показано выше, И. И. Хабаров и кн. Д. Ф. Палецкий упоминаются с боярским чином еще весной 1546 г.

²⁰⁵ Назаров В. Д. О структуре «государева двора». С. 52.

²⁰⁶ Кн. Д. Ф. Бельский, кн. И. М. Шуйский, кн. Ю. М. Булгаков, И. Г. Морозов, кн. Ф. И. Шуйский (Скопин), И. П. Федоров, кн. Ю. И. Темкин (Ростовский), кн. А. Д. Ростовский, кн. М. В. Глинский, кн. М. И. Кубенский, кн. Д. Ф. Палецкий, кн. Д. Д. Пронский, кн. И. И. Пронский (Турунтай), И. И. Хабаров, кн. В. М. Щенятев; Г. Ю. Захарьин, В. Д. Шеин, И. А. Катырь Ростовский.

²⁰⁷ Д. Р. Юрьев, И. Д. Шеин, Г. В. Морозов, И. И. Колычев и Ф. М. Нагой.

²⁰⁸ Назаров В. Д. О структуре «государева двора». С. 48.

Отсутствие в изучаемом списке еще одного боярина, И. С. Воронцова, Назаров связывает с опалами, постигшими клан Воронцовых летом 1546 г.²⁰⁹ Это объяснение, однако, нуждается в некоторых коррективах. Дело в том, что, как было показано выше, официально Иван Семенович Воронцов не попал в опалу после того, как его родичи подверглись казни на Коломне в июле 1546 г.: он сохранил за собой боярский чин и продолжил службу. Но бывшее влияние при дворе было утрачено, и новые назначения были не слишком почетными: в июле 1547 г., например, боярин И. С. Воронцов вместе с юным племянником Ю. М. Воронцовым (сыном покойного боярина Михаила Семеновича) оказался на службе в Костроме²¹⁰. Как тут не вспомнить, что осенью 1543 г. брат Ивана Семеновича Федор Воронцов был сослан противниками именно в Кострому! Возможно, что к моменту составления интересующего нас «боярского списка» (сентябрь 1547 г.) И. С. Воронцов оставался в этой почетной ссылке (с июля), чем объясняется пропуск его имени в указанном перечне.

По признанию В. Д. Назарова, неясным остается лишь отсутствие в списке имени боярина кн. А. Б. Горбатого²¹¹. Как бы то ни было, с учетом этих двух пропущенных имен государева Дума осенью 1547 г. насчитывала уже 20 бояр и пять окольничих²¹² — наибольший показатель не только за годы «боярского правления», но и за всю первую половину XVI в.

В 1548 г. состав Думы стабилизировался. Бояре кн. М. В. Глинский и И. И. Пронский, попавшие в опалу за неудачный побег, лишились своих думных чинов. Кроме того, к началу 1548 г. из источников исчезает имя боярина В. М. Щенятева, а в июне того же года умер боярин кн. М. И. Кубенский²¹³. Однако эти потери восполнялись за счет новых пожалований.

²⁰⁹ Назаров В. Д. О структуре «государева двора». С. 48.

²¹⁰ РК 1598. С. 112.

²¹¹ Назаров В. Д. О структуре «государева двора». С. 48.

²¹² Неясно, на каком основании А. И. Филюшкин относит к 1547 г. получение окольничества И. В. Шереметевым Большим (исследователь не дает ссылки на источник информации): *Филюшкин А. И.* История одной мистификации. Табл. 2. С. 42. Между тем впервые с чином окольничего И. В. Шереметев упоминается только в декабре 1549 г. — в разряде царского похода на Казань (РК 1598. С. 121).

²¹³ Вклад по душе кн. М. И. Кубенского в Троицкий монастырь сделан 20 июня 1548 г.: ВКТСМ. С. 69.

Так, в декабре 1547 г. впервые с чином окольничего упоминается Федор Григорьевич Адашев²¹⁴. К началу мая 1548 г. боярином (из окольничих) стал Д. Р. Юрьев, брат царицы²¹⁵. В том же месяце в коломенском разряде впервые назван боярином кн. Федор Андреевич Булгаков²¹⁶, а в декабре 1548 г. среди воевод, стоявших «на Коломне», упоминается боярин Г. В. Морозов²¹⁷. Как мы помним, еще год назад, осенью 1547 г., он был окольничим: действительно, пример быстрого карьерного роста!

К концу 1548 г., по имеющимся у нас данным, в Думе было 19 бояр и пятеро окольничих. Но, наряду с динамикой численного состава царского синклита, серьезного внимания заслуживает также изменение представительства тех или иных фамилий в Думе.

Понятно стремление новых царских родственников упрочить свое положение в государевом совете: в течение 1547—1548 гг. думные чины получили трое представителей клана Захарьиных—Юрьевых (И. М. Юрьев Большой, Д. Р. Юрьев и Г. Ю. Захарьин). Но со второй половины 1547 г. можно заметить и иную тенденцию: чины бояр и окольничих даются представителям нескольких титулованных (кн. Ю. И. Темкину-Ростовскому, кн. Ф. А. Булгакову) и нетитулованных семейств (Ф. М. Нагому, И. И. Колычеву, Г. В. Морозову, Ф. Г. Адашеву). В итоге к концу 1548 г. в Думе установился своего рода баланс между старинной ростово-суздальской знатью (трое князей Ростовских, двое Шуйских и кн. А. Б. Горбатый), потомками литовских княжат (кн. Д. Ф. Бельский, Ю. М. и Ф. А. Булгаковы) и старомосковским боярством (двое Захарьиных—Юрьевых, двое Морозовых, И. П. Федоров, И. И. Хабаров и др.). Так создавалась основа для консолидации придворной элиты.

* * *

За полтора десятка лет междоусобной борьбы боярские кланы накопили немало взаимных обид и претензий: трудно назвать хотя бы одно знатное семейство, в котором никто хотя бы раз не побывал в опале или ссылке, не говоря уже о казненных и уморенных в тюрьме... Поэтому путь к примирению оказался долгим и трудным.

²¹⁴ РК 1598. С. 112.

²¹⁵ Боярином дворецкий Д. Р. Юрьев назван в изданной им указной грамоте приказчику села Кулебакина В. Чижову от 3 мая 1548 г.: ССМ. № 18. С. 25.

²¹⁶ РК 1598. С. 116.

²¹⁷ Там же. С. 117.

Важной вехой на этом пути стало совместное заседание Думы и Освященного собора, состоявшееся 27 февраля 1549 г. в кремлевских палатах. Подробный рассказ об этом собрании, за которым в литературе закрепилось название «собор примирения», сохранился в Продолжении Хронографа редакции 1512 г.

По словам летописца, царь в присутствии митрополита Макария и других церковных иерархов «говорил боярам своим» кн. Д. Ф. Бельскому, кн. Ю. М. Булгакову, кн. Ф. А. Булгакову, кн. П. М. Щенятеву, кн. Д. Ф. Палецкому, В. Д. Шеину, кн. Д. Д. Пронскому, кн. А. Б. Горбату «и иным своим бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, что до его царьского возраста от них и от их людей детем боярским и христьяном чинилися силы и продажи и обиды великия в землях и в холопах и в ыных во многих делех», потребовав, чтоб они «вперед так не чинили» — под страхом «опалы и казни»²¹⁸. Бояре тут же «все били челом государю царю и великому князю, чтобы государь их в том пожаловал, сердца на них не дерьжал и опалы им не учинил никоторые»; они обещали ему служить «и добра хотети ему и его людем во всем вправду, безо всякия хитрости» — так же, как раньше служили отцу государя, великому князю Василию Ивановичу всяя Руси, и деду, великому князю Ивану Васильевичу всяя Руси. Бояре просили также царя дать им суд с теми жалобщиками из числа детей боярских и «христьян», которые на них и на их людей «учнут бити челом». Умилившись, царь «перед отцом своим митрополитом и перед всем Освященным собором бояр своих всех пожаловал с великим благочестием и усердием». Согласно летописцу, государь заявил вельможам: «По се время сердца на вас в тех делех не держу и опалы на вас ни на кого не положу, а вы бы вперед так не чинили»²¹⁹. Затем аналогичную речь он произнес перед воеводами, княжатами, детьми боярскими и «большими дворянами»²²⁰.

О примирении своем с боярами царь вспоминал позднее в «речи» к Стоглавому собору: «Тогда же убо и аз всем своим князем и бояром, по вашему благословению [Иван обращается к присутствовавшим на соборе иерархам. — М. К.], а по их обещанию на благотворение подах прощение в их к себе прегрешениих»²²¹. Не

²¹⁸ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 295.

²¹⁹ Там же. С. 296.

²²⁰ Летописец передает содержание этой речи одной фразой: «Да и воеводам и княжатам, и боярским детем, и дворяном болшим то же говорил; и пожаловал их, наказал всех с благочестием умилине» (Там же).

²²¹ Емченко Е. Б. Стоглав. С. 247.

входя в обсуждение дискуссионного вопроса о том, сколько «примирительных» собраний (или соборов) состоялось в 1547—1550 гг. и какое из них имел в виду царь в выступлении на Стоглавом соборе²²², подчеркну главное: ритуал покаяния и примирения призван был идеологически оформить произошедшую к концу 1540-х гг. консолидацию правящей элиты и Государева двора в целом; основой для этого послужило коллективное осуждение всего того, что творилось до «царьского возраста». Тем самым достигался эффект «обновления и очищения»: все обиды и насилия остались в недавнем прошлом, впредь все должно было происходить праведно и благочестиво.

Но помимо морально-психологического эффекта, «собор примирения» имел и вполне практические последствия, которые пока не привлекли к себе внимание исследователей.

Прежде всего все опальные получили полную амнистию. В июле 1550 г., как уже говорилось, вновь упоминаются с боярским чином князья М. В. Глинский и И. И. Турунтай Пронский²²³: очевидно, к этому времени их неудачный побег в Литву был окончательно предан забвению, и обоим князьям были возвращены места в государевой Думе.

Но прощение получили и мертвые: власти сочли необходимым позаботиться о душах убитых бояр и князей. В 1549 г. по князе Михаиле Богдановиче Трубецком, одной из жертв боярских междоусобиц, в Новоспасский монастырь «в вечный поминок» было дано село Семеновское Бартенево в Можайском уезде, ранее принадлежавшее кн. И. И. Кубенскому: жалованная грамота архимандриту Нифонту «з братьею» на это владение 22 сентября была выдана Иваном IV²²⁴.

²²² С. О. Шмидт считает возможным говорить о нескольких «примирительных» собраниях между 1547 и 1550 гг., но большинство исследователей полагает, что «примирение» было одно — на соборе в феврале 1549 г. Обстоятельный разбор существующих точек зрения по данному вопросу см.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений. С. 14—53; *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма. С. 156—205; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 68—78. В новейшей литературе точку зрения С. О. Шмидта о нескольких собраниях с примирительными речами в 1547—1550 гг. поддержал В. В. Шапошник, см.: *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения. С. 86—89.

²²³ РК 1598. С. 127, 128.

²²⁴ АРГ/АММС. № 106. С. 242—243. О возможной причастности кн. И. И. Кубенского к гибели юного княжича М. Б. Трубецкого см. выше.

Не был забыт и сам князь Иван Иванович Кубенский: 29 апреля 1550 г. царь выдал архимандриту Ярославского Спасского монастыря Иосифу жалованную грамоту на села Балакирево и Михайловское в Ярославском уезде, «что написал в духовной грамоте боярин наш князь Иван Иванович Кубенской в дом всемилостивого Спаса и к чудотворцам Феодору и Давиду и Константину вотчину свою... по отце своем и по матерее и по себе и по своих родителей в вечной поминок»²²⁵. Вотчина казенного боярина ранее была отписана на государя, теперь же села передавались монастырю в соответствии с завещанием покойного.

Аналогичная царская грамота была дана 8 сентября того же года игумену Иосифо-Волоколамского монастыря Гурию на сельцо Круглое Звенигородского уезда и сельцо Сергеевское Рузского уезда, «что написал в своей духовной грамоте боярин наш князь Иван Иванович Кубенской в дом Пречистые Осифова монастыря по своей душе и по своих родителей в вечный поминок...»²²⁶. Так спустя четыре года после гибели кн. И. И. Кубенского были выполнены некоторые распоряжения, содержащиеся в его духовной.

Вероятно, к тому же времени, рубежу 1540-х и 1550-х гг., относится упомянутое в Дозорной книге 1551—1554 гг. царское «пожалование» вдовы кн. Ивана Ивановича Дорогобужского — княгини Марьи, которое позволило ей вернуть себе часть вотчины казенного в январе 1547 г. мужа²²⁷.

* * *

Итак, к началу 1549 г. политический кризис был преодолен, но остались его последствия. Самым тяжелым из них была гибель многих людей: за 1533—1547 гг. погибло примерно полтора десятка самых знатных лиц, включая обоих удельных князей — дядей Ивана IV, а также несколько десятков детей боярских. Дворцовые перевороты и расправы не могли не произвести шокирующего впечатления на современников. Неудивительно, что в памяти потомков годы «боярского правления» запечатлелись как одна из самых мрачных эпох российской истории.

Однако обвинения боярских правителей во всевозможных злоупотреблениях и насилиях, ставшие «общим местом» в публицис-

²²⁵ ИАЯСМ. № XV. С. 15.

²²⁶ АФЗХ. М., 1956. Ч. II. № 221. С. 223.

²²⁷ ПМТУ. С. 260. Обоснование такой трактовки свидетельства писцовой книги см. выше.

тике и летописании 50—70-х гг. XVI в., нуждаются в серьезной критической проверке. Верно ли, что в годы «боярского правления», как утверждал один из исследователей, «несколько замедлился темп централизации», а правительственная деятельность была надолго дезорганизована «беспринципной борьбой за власть»?²²⁸ Есть ли основания считать, что «княжеско-боярские междоусобицы», как полагает другой современный исследователь, «расшатывали не только сложившуюся систему единовластия, но и элементарный порядок в стране»?²²⁹

Для обоснованного ответа на подобные вопросы необходимо обстоятельно изучить, как функционировало центральное управление «при боярах», в 30—40-х гг. XVI в. Эта проблема станет предметом рассмотрения во второй части книги.

²²⁸ Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 214, 215.

²²⁹ Панях В. М. Русь в XV—XVII вв. С. 55.

Часть II

МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ И УПРАВЛЕНИЕ СТРАНОЙ «ПРИ БОЯРАХ»

Глава 7

БУДНИ ВЛАСТИ: «БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ» В ЗЕРКАЛЕ КАНЦЕЛЯРСКИХ ДОКУМЕНТОВ

1. Жалованные и указные грамоты как источник по истории центрального управления 30—40-х гг. XVI в. (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Хотя актовый материал неоднократно привлекался исследователями при рассмотрении тех или иных аспектов внутренней политики 30—40-х гг. XVI в.¹, систематическое изучение всего комплекса дошедших до нас жалованных и указных грамот времени малолетства Ивана IV впервые было предпринято в работах С. М. Каштанова. Ученый составил хронологический перечень актов XVI в., отнесенных им к категории иммунитетных, т.е. таких, которые предоставляли грамотчикам податные или судебные привилегии. Вместе с опубликованными впоследствии дополнениями, подготовленными С. М. Каштановым, В. Д. Назаровым и Б. Н. Флорей, в этом перечне было учтено 400 великокняжеских и царских грамот 1534—1548 гг.² Данный каталог не давал полного

¹ Так, П. П. Смирнов привлек большой актовый материал, характеризующий политику правительства по отношению к монастырским дворам и слободам в городах. Н. Е. Носов проанализировал грамоты первой половины XVI в., освещающие деятельность городских приказчиков, а также губные грамоты 1539—1541 гг. А. А. Зимин использовал отдельные документы из монастырских архивов для изучения эпохи «боярского правления». См.: *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. I. С. 20—24, 32—41, 54—61, 82, 100, 106; *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 76—88, 99, 119—138, 141—147, 151—194, 236—288; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 232, 234, 239—241, 253, 256, 267—270.

² ХП. Ч. I. С. 341—376. № 298—302, 304—368, 370, 371, 373—467, 469—511, 513—520, 523—547, 549—552, 554—566, 569—584, 586—595; Ч. III. С. 211—212, 216—228. № I—113 — I—129, I—176 — I—225, I—227, I—229 — I—261, I—267 — I—281. Приведенная цифра — 400 грамот — относится только к грамотам Ива-

представления обо всех официальных актах того времени, так как в нем не были отражены жалованные и указные грамоты, не имевшие иммунитета характера (в частности, уставные, кормленные, а также указные грамоты по вопросам земельного межевания и суда), но начало систематизации канцелярских документов XVI в. было положено.

Работа по выявлению и публикации грамот XVI в. шла в течение всей второй половины XX в. и продолжается по сей день. К настоящему времени опубликованы акты ряда монастырей (Иосифо-Волоколамского, московских Симонова и Новодевичьего, Соловецкого, Суздальского Спасо-Евфимьева, Троицкого Калязина и др.) за интересующий нас период³. Усилиями А. В. Антонова подготовлен и издан корпус актов светских землевладельцев XVI в.⁴ В выходящем под его редакцией серийном издании «Русский дипломатарий» опубликован ряд каталогов монастырских архивов, а также десятки грамот, в том числе и относящихся к 30—40-м гг. XVI в.⁵ В целом, благодаря усилиям нескольких поколений ученых, мы сегодня имеем гораздо более полное представление об актовом материале изучаемой эпохи, чем полвека назад, когда впервые появился опубликованный С. М. Каштановым хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Однако источниковедческое изучение выявленных грамот еще далеко не закончено, и в самой методике их анализа есть немало спорных и нерешенных вопросов.

В этой связи вновь нужно упомянуть работы С. М. Каштанова, который впервые попытался сделать актовый материал основным источником для изучения внутренней политики конца XV — первой половины XVI в., включая и эпоху «боярского правления». Проследив эволюцию правительственного курса по отношению к монастырским иммунитетам на протяжении нескольких десятилетий, ученый пришел к важному выводу о существенном расширении владельческих и иммунитетных прав крупных монастырей в 1538—1548 гг., что было связано с непрочным положением бояр-

на IV. При подсчете я не учитывал включенные в «Хронологический перечень» жалованные грамоты старицких князей Андрея Ивановича и Владимира Андреевича, а также кн. Ф. М. Мстиславского и кн. А. И. Воротынского.

³ АФЗХ. М., 1956. Ч. 2; АФЗХ/АМСМ; АСЭИ/АСМ; АРГ/АММС; АСЕМ; АТКМ и др.

⁴ АСЗ. М., 1997—2008. Т. I—IV.

⁵ РД. М., 1997—2004. Вып. 1—10.

ских временщиков, оказавшихся в те годы у власти⁶. Серьезным вкладом в актовое источниковедение стал проведенный С. М. Каштановым дипломатический анализ формуляров тарханских грамот 30—40-х гг. XVI в.⁷ Особый интерес представляют выводы автора о разнообразии типов формуляров и о сохранении в них ряда архаичных элементов, что, по справедливому предположению исследователя, объяснялось «устойчивостью местных традиций отдельных земель Русского государства», с которыми вынуждено было считаться центральное правительство⁸.

Существенное значение для нашей темы имеет и замечание С. М. Каштанова об отсутствии в России XVI в. централизованной государственной канцелярии: акты выдавались различными ведомствами (Казной, Большим дворцом, областными дворцами)⁹. К этому важному наблюдению мы вернемся чуть ниже.

Вместе с тем некоторые методические приемы, применяемые Каштановым к анализу актового материала, и полученные с их помощью выводы еще в 60-х гг. XX в. вызвали ряд серьезных возражений со стороны ряда исследователей. Прежде всего критики подняли вопрос о репрезентативности источниковой базы, на которую опирался в своей работе Каштанов: поскольку до нас дошла только часть актов XVI в., причем почти исключительно монастырских, это налагает определенные ограничения на исследовательские выводы¹⁰. Кроме того, была оспорена предпринятая Каштановым попытка объяснить выдачу чуть ли не каждой жалованной грамоты политическими мотивами¹¹. Ввиду важности этого вопроса для нашего исследования, остановимся на нем подробнее.

По предположению Н. Е. Носова, отстаиваемый С. М. Каштановым тезис о политической направленности каждого официаль-

⁶ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967. С. 329—331, 337, 339, 372—374.

⁷ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 53—149.

⁸ Там же. С. 60, 67, 85, 149.

⁹ Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 167—168.

¹⁰ См.: Носов Н. Е. «Новое» направление в актовом источниковедении // Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1962. С. 263—279; Флоря Б. Н. [Рец. на кн.:] С. М. Каштанов. Социально-политическая история России // История СССР. 1969. № 1. С. 183.

¹¹ Носов Н. Е. «Новое» направление. С. 279—284; Его же. Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 178—180; Флоря Б. Н. [Рец. на кн.:] С. М. Каштанов. Социально-политическая история России. С. 184.

ного документа, выданного великокняжеской властью, представляет собой развитие принципа «классового подхода» к актовому материалу, сформулированного Л. В. Черепниным в его классическом труде «Русские феодальные архивы» (1948 г.)¹².

Мысль о политической обусловленности всех официальных актов, высказанная впервые Каштановым еще в статье 1957 г.¹³, была повторена в изданной им спустя десять лет монографии: «В каждом конкретном случае, — утверждал исследователь, — выдача жалованной грамоты феодалу диктовалась определенными политическими соображениями»¹⁴. Проблема, однако, заключается в том, что в самих грамотах нет и намека на какие-либо политические мотивы их выдачи. Более того, в очень многих дошедших до нас документах такого рода сам акт пожалования изображается как ответ на челобитье властей соответствующего монастыря («бил нам челом игумен такой-то...»).

Отсутствие прямых свидетельств источников, подтверждающих справедливость высказанной им точки зрения, Каштанов пытается заменить цепочкой предположений, основанных на одновременности выдачи тех или иных грамот с событиями внутривнутриполитической борьбы, при этом особое значение придается географическому распределению известных нам грамот (хотя, как уже говорилось, до нас дошла только часть актов XVI в.). Так, по мнению ученого, целью выдачи январских и февральских грамот 1534 г. являлось укрепление власти правительства на территории только что ликвидированного Дмитровского удела, а также на землях, которые «сохраняли несколько менее свежие, но еще чрезвычайно заметные следы прежней автономии»¹⁵. О степени «свежести» этих «следов прежней автономии» можно судить хотя бы по тому, что в общий перечень попала и одна вологодская грамота, хотя, как отмечает сам Каштанов, Вологодский уезд находился в уделе князя Андрея Васильевича Меньшого до 1481 г.¹⁶, т.е. с того времени до 1534 г. про-

¹² Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений. С. 179, прим. 193.

¹³ «...выдача каждой иммунитетной грамоты обуславливалась прежде всего конъюнктурными соображениями (направлением политики и земельными интересами)...» (Каштанов С. М. Из истории последних уделов // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1957. Т. 10. С. 301).

¹⁴ Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 252.

¹⁵ Там же. С. 277 (цитата), 278.

¹⁶ Там же. С. 277.

шло уже более полувека! Но главное даже не в этом: остается неясным механизм «нейтрализации удельно-княжеских притязаний и сепаратизма влиятельных княжат» (по выражению Каштанова¹⁷) при помощи жалованных грамот, выданных монастырям. Каким образом церковные корпорации, получившие грамоты, могли повлиять в нужном правительству духе на князей, чьи владения находились в том же уезде, ученый не объясняет. Подобное предположение столь же не убедительно, как и утверждение автора о том, что великокняжеские пожалования в мае 1534 г. Вологодскому Глушицкому и Иосифо-Волоколамскому монастырям были связаны с новым обострением отношений правительства с князем Андреем Старицким¹⁸. На самом деле, как было показано выше (см. гл. 4), к маю 1534 г. отношения опекунов юного Ивана IV со старицким князем были урегулированы, следствием чего явился приход Андрея Ивановича на великокняжескую службу в Боровск.

Таких примеров в первой монографии С. М. Каштанова можно найти немало, причем ни в одном из этих случаев ученый не сумел убедительно обосновать свою гипотезу о том, что за выдачей каждой великокняжеской грамоты скрывалась некая политическая конъюнктура. Гораздо более реалистичным представляется иной взгляд на природу жалованных грамот, которого в свое время придерживался С. Б. Веселовский; тот же подход в полемике с Каштановым отстаивал Н. Е. Носов: согласно этой точке зрения, выдача подобных грамот не являлась каким-то политическим событием, а была вполне обычной, заурядной процедурой и диктовалась потребностями феодального землевладения и хозяйства¹⁹.

Сказанное, разумеется, не означает, что жалованные и указные грамоты, будучи по преимуществу хозяйственно-распорядительными документами, не представляют никакой ценности для политической истории. Они действительно мало что могут прибавить к нашим знаниям о придворной борьбе или о противостоянии опекунов Ивана IV и удельного князя Андрея Старицкого, но для изучения функционирования центрального управления «при боярах»

¹⁷ Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 283.

¹⁸ Там же. С. 311.

¹⁹ Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 59; Носов Н. Е. «Новое» направление. С. 280; *Его же*. Становление сословно-представительных учреждений. С. 180. См. также аналогичное суждение Б. Н. Флори по поводу выдачи кормленных грамот: Флоря Б. Н. [Рец. на кн.:] С. М. Каштанов. Социально-политическая история России. С. 182.

и выяснения персонального состава дворцовых ведомств и дьяческого аппарата эти документы имеют первостепенное значение.

Ценность жалованных, указных, правых грамот и других подобных документов состоит в том, что они дают нам возможность как бы заглянуть за идеологический фасад и «увидеть» будни власти, повседневную административную и судебную деятельность правительства. Решить эту задачу помогают приемы актового источниковедения, с успехом применявшиеся Л. В. Черепнинным, С. М. Каштановым и другими исследователями: палеографический и дипломатический анализ документов, внимание к особенностям формуляра, пометам на обороте грамот и видам печатей, которыми они были скреплены. Но начнем мы с рассмотрения вопроса о том, сколько всего официальных актов было издано в 30—40-х гг. XVI в. от имени юного Ивана IV и какая часть их дошла до нашего времени.

2. ОБЩАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКИХ КАНЦЕЛЯРИЙ

Вопрос о соотношении всей совокупности реально существовавших в свое время документов и тех из них, которые известны нам сейчас, важен прежде всего в источниковедческом плане: от его решения зависит оценка репрезентативности имеющегося в нашем распоряжении актового материала. Но у этой проблемы есть и другой аспект: производительность государственной канцелярии характеризует состояние управления в той или иной стране в определенную эпоху и, в частности, степень бюрократизации, ведь между количеством разного рода бумаг, производимых канцелярией, и штатом чиновников существует прямая взаимосвязь.

Даже приблизительный подсчет всех официальных актов, изданных в 1530—1540-х гг. от имени великого князя Ивана Васильевича, сильно затруднен по той причине, что централизованный учет исходящих документов в то время, по всей видимости, не велся. Как уже говорилось, в России XVI в., в отличие от стран Западной и Центральной Европы и даже соседнего Великого княжества Литовского, не существовало ни единой государственной канцелярии, ни должности канцлера. Документы составлялись разными ведомствами (прежде всего казначеями и дворецкими), и, по-видимому, там же велся их учет. Такая ситуация нередко приводила к

немалым затруднениям при необходимости оперативно найти нужную информацию.

Припомним эпизод, о котором шла речь в третьей главе этой книги: когда великой княгине Елене в 1534 г. потребовались сведения о размере пошрины с продажи ногайских лошадей, которая прежде взималась в пользу Троице-Сергиева монастыря, пришлось опрашивать бояр; в итоге нужную информацию сообщил боярин М. В. Тучков. Характерно, что рассказ об этом эпизоде дошел до нас в виде выписи из книг дьяка Тимофея Казакова²⁰. Понятно, что такое рассредоточение информации по книгам отдельных дьяков замедляло работу государственного аппарата. Показательны также встречающиеся в посольской книге ссылки вроде следующих: «...а писан корм [провиант, который давали литовскому посланнику летом 1536 г. — М. К.] у диаков, которые ямы ведают»²¹; «...а писаны те дети боярские [присутствовавшие на приеме литовских послов у великого князя 14 января 1537 г. — М. К.] у наряду, у дьяков у Елизара Цыплятева с товарищи»²²; «...а записано то [дело о конфискации товаров у литовского купца, март 1542 г. — М. К.] у казначея у Ивана у Третьякова»²³.

Потребность в централизованном учете официальных документов в средневековой Европе привела к созданию регистров: папская канцелярия вела их с начала XII в., в Англии они известны с 1199 г., а во Франции — с начала XIV в.²⁴ В Великом княжестве Литовском роль регистра, куда заносились в виде копий разные виды документов, выполняла Литовская метрика (со второй половины XV в.). Именно регистры в странах, где они велись, позволяют с относительной точностью определить производительность королевской канцелярии в тот или иной период.

В России XVI в. копиянные книги велись в ряде крупных монастырей, и именно из монастырских архивов происходит большая часть дошедших до нас великокняжеских грамот того времени. Но нет никаких следов существования общегосударственного регист-

²⁰ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 437.

²¹ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 43.

²² Там же. С. 65.

²³ Там же. С. 169. Казначей также вели учет подарков, которые подносили государю иностранные посольства (Там же. С. 215).

²⁴ См. предисловие Р. Фавтье к изд.: *Registres du Trésor des Chartes. Tome I. Règne de Philippe le Bel. Inventaire analytique établi par les archivistes aux Archives nationales / Sous la direction de M. Robert Fawtier.* Paris, 1958. P. X.

ра, в котором копировались бы жалованные и указные грамоты. Поэтому ситуация, в которой находятся исследователи русского XVI века, напоминает в этом отношении западноевропейское раннее Средневековье: великокняжеские акты приходится искать в архивах их получателей, в первую очередь — монастырских корпораций.

Всего на сегодняшний день нам известна 571 жалованная и указная грамота, выданная с 1534 по 1548 г., включая подлинники, списки или только упоминания в более поздних документах (см. Приложение I). Подчеркну, что речь идет только о документах внутреннего управления, причем акты судебного делопроизводства (судные списки и правые грамоты) в указанное число не входят, так как они часто составлялись на местах, в процессе первичного судебного разбирательства, а в Москве после вынесения приговора судом высшей инстанции лишь скреплялись подписями и печатями должностных лиц²⁵. Впрочем, судебных документов от изучаемой эпохи до нас дошло совсем немного (чуть более двух десятков за 1534—1548 гг.), и на оценку производительности московских канцелярий того времени они существенно повлиять не могут.

Итак, за интересующий нас 15-летний период (1534—1548) мы располагаем сведениями о 571 грамоте, выданной от имени Ивана IV. Много это или мало? Если сравнивать с Западной Европой, то сопоставимое количество сохранившихся документов характеризует деятельность имперской и некоторых королевских канцелярий в XII — начале XIII в. Так, от времени правления французского короля Людовика VI (1108—1137) до нас дошло 359 актов или их упоминаний, от его преемника Людовика VII (1137—1180) — 798, от Филиппа-Августа (1180—1223) — 2500 и от Людовика VIII (1223—1226) — 463 акта или упоминания²⁶.

Но насколько корректны такие сопоставления? Ведь, как известно, до нас дошла лишь какая-то часть некогда существовавших великокняжеских и царских грамот XVI в., а остальные, по-видимому, погибли в огне многочисленных пожаров. Однако нет оснований полагать, будто время так безжалостно обошлось только с

²⁵ Характерный пример такого внеканцелярского происхождения правой грамоты, выданной в 1536 г. Троице-Сергиеву монастырю и составленной в самом монастыре, приводит Каштанов (*Каштанов С. М.* Русская дипломатика. С. 157—158).

²⁶ *Фавье Р.* Капетинги и Франция. СПб., 2001. С. 20—21.

русскими архивами. Робер Фавтье, у которого я заимствовал приведенные выше данные о документальном наследии французских королей XII—XIII вв., подчеркивал, что число сохранившихся актов той эпохи ничтожно по сравнению с утраченными²⁷.

Можно ли, однако, хотя бы приблизительно оценить общее количество грамот, выданных великокняжескими дьяками в 30—40-е гг. XVI в. от имени государя? Ведь именно эта, не известная нам пока величина характеризует производительность казенной и дворцовой канцелярий в эпоху «боярского правления».

С. М. Каштанов высказал предположение о том, что в России XVI в. выдавалось не более 50 жалованных и указных грамот в год, а с учетом других разновидностей актов и всех несохранившихся документов их общее число, по мнению ученого, не превышало 100 грамот в год²⁸. Однако подобный расчет, основанный на составленном исследователем хронологическом перечне иммунитетных грамот XVI в., представляется не вполне корректным. Дело в том, что упомянутый перечень содержит почти исключительно документы монастырских архивов, но без учета грамот, выданных светским землевладельцам, невозможно составить общее представление об объеме канцелярской продукции в изучаемое время. Между тем степень сохранности названных категорий документов совершенно различна: мы располагаем целыми комплексами актов крупных духовных корпораций (Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского и других монастырей), в то время как от существовавших когда-то семейных архивов служилых людей XVI в. до нас дошли только крупинцы. Очевидно, что примерный расчет численности актов, выданных в интересующий нас период, должен вестись отдельно для монастырских грамот и для актов светских землевладельцев, причем методика такой оценки в одном и другом случае будет различной.

Применительно к монастырским актам эта задача существенно облегчается благодаря наличию копийных книг. В. Б. Кобрин, посвятивший специальное исследование проблеме репрезентативности сохранившегося актового материала XV—XVI вв., пришел к выводу, что «архивы монастырей и кафедр, копийные книги которых дошли до нас, составляют не менее 40% всей совокупности

²⁷ Фавтье Р. Капетинги и Франция. СПб., 2001. С. 22.

²⁸ Каштанов С. М. Русская дипломатика. С. 168.

актов землевладения и хозяйства духовных феодалов»²⁹. Степень сохранности документов духовных корпораций, от которых не осталось копийных книг, ученый оценил в 20—25% и предположил, что в общей сложности до нас дошло не менее половины актов из всех монастырских архивов XVI в.³⁰

Из известной на сегодняшний день 571 жалованной и указной грамоты 1534—1548 гг. 399 (т.е. более 2/3) составляют акты, выданные церковным корпорациям: монастырям, церквам и соборам, владычным кафедрам; еще 25 актов, хотя и были адресованы светским лицам, дошли до нас в составе монастырских архивов³¹. Если исходить из проведенных Кобриним расчетов, то общее количество грамот, полученных монастырями, церквами и владычными кафедрами в 30—40-е гг. XVI в., можно оценить примерно в 800 единиц. Но как подсчитать остальную массу грамот, выданных от имени юного Ивана IV помещикам, посадским людям, сельским общинам?

От 1534—1548 гг. сохранилось 9 губных грамот (см. Прил. I, № 193, 199, 200, 211, 216, 227, 251, 254, 264), 6 жалованных уставных грамот селам и волостям (там же. № 70, 72, 98, 195, 318, 389), одна таможенная грамота (там же. № 275). Шесть грамот адресованы посадским людям (там же. № 92, 95, 122, 191, 242, 408). Можно предположить, что еще несколько десятков подобных документов не дошло до нашего времени. Однако эта поправка существенно не влияет на общую оценку объема канцелярской продукции 30—40-х гг. XVI в. Другое дело — служилые люди, которых в описываемую эпоху насчитывалось несколько десятков тысяч и

²⁹ Кобрин В. Б. К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV—XVI вв. // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. Вып. I. М., 1973. С. 181.

³⁰ Там же. С. 183. Приведенную оценку сам В. Б. Кобрин считал минимальной, допуская, что в действительности до нас дошло больше — до двух третей реально существовавших монастырских актов. См.: Там же. А. А. Амосов, изучавший архивы северных монастырей, поставил под сомнение утверждение В. Б. Кобрин о том, что сохранность копийных книг отражает сохранность основной массы документов монастырского архива. Однако собственные наблюдения Амосова вполне согласуются с итоговыми выводами Кобрин: так, копия книга Антониева Сийского монастыря, по подсчетам ученого, на 66% отражает фонд царских грамот, хранившихся в этом монастыре (Амосов А. А. Архивная опись как источник информации об утраченных актах // Советские архивы. 1975. № 1. С. 61).

³¹ См.: Прил. I, № 70, 88, 98, 102, 138, 139, 192, 227, 232, 262, 263, 273, 290, 304, 318, 321, 330, 335, 383, 390, 392, 425, 467, 490, 511.

которые должны были иметь документы на право владения землей. Если бы удалось показать, что значительная их часть получила великокняжеские грамоты в годы «боярского правления», то представления о работе московских канцелярий, сложившиеся главным образом под влиянием лучше сохранившихся монастырских актов, пришлось бы полностью пересматривать. Существуют, однако, серьезные сомнения в том, что именно рядовые помещики в изучаемое время были главными получателями великокняжеских грамот.

Численность служилого люда к середине XVI в. точно не известна: из-за отсутствия статистических данных возможны лишь приблизительные оценки. С. Б. Веселовский полагал, например, что Государев двор — элита служилого сословия — насчитывал в то время около 2600 чел., а слой городских детей боярских был раз в 15 больше: до 35 тыс. чел., годных к полковой службе в дальних походах, и еще 10 тыс. — годных к осадной службе³². К сожалению, ученый не привел подробного обоснования своих расчетов. Надежные данные имеются только по Новгороду: изучив сохранившиеся писцовые книги, Г. В. Абрамович пришел к выводу, что в 40-х гг. XVI в. новгородские помещики насчитывали 5—6 тыс. чел.³³ Применительно ко всей стране единственным ориентиром в описываемое время может служить разряд Полоцкого похода 1562—1563 гг., в котором перечислено более 18 тыс. дворян и детей боярских³⁴. Вероятно, для второй четверти XVI в. будет правильным остановиться на этой минимальной цифре: около 20 тыс. чел.

И вот от этой многотысячной армии служилых людей до нас дошло лишь 54 грамоты (не считая кормленных), пожалованных им в 1530—1540-х гг. от имени юного Ивана IV³⁵; еще 30 жалованных грамот помещикам известны только по упоминаниям³⁶. Зато в нашем распоряжении имеется уникальный источник, который позво-

³² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 87.

³³ Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Л., 1975. С. 21.

³⁴ Подсчет: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 174.

³⁵ См.: Прил. I. № 76, 77, 83, 93, 137—139, 148, 159, 179, 181, 184, 194, 202, 217, 218, 222, 239, 273, 314, 317, 319, 321, 331, 336, 352, 353, 364, 369, 371, 372, 375, 383, 385, 391, 393—395, 407, 409, 423, 424, 431, 434, 438, 439, 442, 449, 467, 468, 471, 484, 504.

³⁶ См.: Там же. № 108, 212, 231, 247, 260, 300, 322, 370, 452, 458, 474, 476, 498, 506, 511, 520, 521—533, 553.

ляет судить о том, какие документы имелись на руках у помещиков к началу 1550-х гг. в одном из центральных уездов страны. Речь пойдет о Дозорной книге Тверского уезда 1551—1554 гг.: ее полный текст был впервые опубликован несколько лет назад А. В. Антоновым³⁷.

Особая ценность Дозорной книги 1551—1554 гг. для исследователей заключается в том, что в ней перечислены документы («крепости»), которые тверские помещики предъявили писцам в обоснование своих прав на находившиеся в их владении земли. Строки описания красноречиво свидетельствуют о превратностях судьбы, которым подвергались архивы светских землевладельцев: грамоты горели во время многочисленных пожаров (особенно часто встречаются ссылки на «большой московский пожар» 1547 г. и на пожар в Твери, когда сгорел Спасский собор, в котором, по-видимому, хранились многие владельческие документы)³⁸, их похищали разбойники³⁹, а иногда и холопы, бежавшие от своих господ⁴⁰. Но еще интереснее — состав документов, которые предъявляли или (при их отсутствии на руках в момент описания) называли помещики в подтверждение своих владельческих прав (см. табл. 1). Чаще всего (314 случаев) в качестве «крепостей» фигурируют частные акты: купчие, меновные, духовные грамоты и т.д. Великокняжеские или царские грамоты упоминаются значительно реже (165), причем треть из них (53) — «безымянные», т.е. имя выдавшего их государя не называется. Остальные жалованные грамоты (112) наглядно представляют целое столетие истории Твери: от великого князя Бориса Александровича Тверского до московских государей Василия III и Ивана IV.

Главный вывод, который следует из изучения Дозорной книги, заключается в том, что к началу 1550-х гг. документальным подтверждением прав на землю в Тверском уезде в первую очередь служили частные акты, а не государевы жалованные грамоты. Что касается последних, то из 1173 землевладельцев, упомянутых в этом описании⁴¹, лишь 165 (т.е. 14%) ссылались на великокняжеские

³⁷ ПМТУ. М., 2005. С. 144—310.

³⁸ Там же. С. 145, 184—186, 200, 208, 254, 287, 297—300 (московский пожар); 157—159, 169, 171, 172, 174, 178, 197, 201, 212 и др. (тверской пожар).

³⁹ Там же. С. 196, 221, 236, 240, 262.

⁴⁰ Там же. С. 195.

⁴¹ Цифра не является абсолютно точной, так как подсчеты затруднены некоторыми особенностями анализируемого источника. Во-первых, в ряде

Таблица 1

**Виды документов, предъявленных тверскими землевладельцами
в ходе описания 1551—1554 гг.⁴²**

Виды документов		Количество упоминаний
Частные акты (купчие, меновные, духовные)		314
«Крепости» (без указания разновидности акта)		83
Жалованные грамоты государей (всего)		165
в том числе:	великого князя Бориса Александровича Тверского	2
	великого князя Михаила Борисовича Тверского	6
	князя Михаила Федоровича	1
	великого князя Ивана Ивановича (Молодого)	5
	Ивана III (латированные)	2
	«великого князя Ивана Васильевича всея Руси» (недатированные)	17
	Василия III (датированные и недатированные)	49
	Ивана IV (датированные, а также недатированные, в которых он назван царем)	29
	князя Владимира Андреевича Старицкого	1
	«безымянные» (поместные, ввозные, жалованные грамоты без указания имени государя, выдавшего грамоту)	53

⁴² Сост. по: ПМТУ. С. 144—310. Приведенные в таблице данные заметно отличаются от аналогичных подсчетов, сделанных в свое время В. Б. Кобриным (см.: Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 117). Отчасти эти различия можно объяснить тем, что в распоряжении В. Б. Кобринина имелось только старое сокращенное издание Тверской писцовой книги, которую принято было тогда датировать примерно 1548 г. Мною использована публикация полного текста Дозорной книги, подготовленная А. В. Антоновым, который обособил и новую датировку этого источника (см. предисловие составителя: ПМТУ. С. 6—7). Кроме того, различия и методики подсчетов: В. Б. Кобрин в соответствии с целями своего исследования ограничился упоминаниями грамот московских государей, я же учитывал сведения обо всех грамотах, включая и пожалования тверских великих князей, и «безымянные» поместные и ввозные грамоты, упоминаемые без указания имени выдавшего их государя.

грамоты разного времени. Заслуживает внимания также тот факт, что ссылок на грамоты Ивана IV в Дозорной книге содержится значительно меньше (29), чем на грамоты его отца — Василия III (49). И даже если приписать Ивану IV все акты, обозначенные в источнике как «грамоты великого князя Ивана Васильевича всея Руси» (17), — ведь в принципе мог иметься в виду и Иван III, — то и в этом случае получится, что за первые двадцать лет правления Ивана IV тверские помещики получили менее 50 жалованных грамот.

Конечно, Тверская земля имела свои особенности: здесь и в середине XVI в., как показывает Дозорная книга 1551—1554 гг., сохранялись старинные родовые «гнезда» (например, вотчины князей Микулинских), а у местных детей боярских был выбор кому служить — великому князю всея Руси или иным «государям» (тверскому епископу, тем же князьям Микулинским, крупным вотчинникам Заборовским и т.д.⁴³). Вероятно, в краю сплошного поместного землевладения, каким была Новгородская земля, картина была несколько иной. К сожалению, новгородские писцовые книги изучаемого времени не содержат сведений о грамотах, которыми располагали местные землевладельцы.

Но тот факт, что московские власти в начале 1550-х гг. признавали в качестве документов на право владения землей частные акты, а также княжеские грамоты столетней давности, не имеет прямого отношения к тверской специфике. У нас нет оснований полагать, будто в других уездах ситуация в этом отношении была существенно иной. Вполне вероятно, что в целом лишь небольшая часть городских детей боярских успела получить в 30—40-е гг. XVI в. поместные, ввозные или несудимые грамоты от имени юного Ивана IV. Если условно считать эту долю равной 3—4%, как было в Тверском уезде, то, исходя из численности служилого сословия примерно в 20 тыс. чел., можно предположить, что всего в годы «боярского правления» помещикам было выдано порядка 800 грамот, т.е. столько же, сколько монастырям.

случаев смена владельцев поместья описана недостаточно четко, так что не всегда ясно, кому оно принадлежало на момент описания. Во-вторых, применительно к семейным владениям писцы ограничивались порой упоминанием только старшего в роду, а его младшие братья скрывались за формулой «такой-то с братией». Но возможная погрешность в полтора-два десятка человек не влияет существенно на выводы данной главы.

⁴³ См., например: ПМТУ. С. 285 (служат кн. С. И. Микулинскому), 288 (служат кн. И. Ф. Мстиславскому), 290, 305 (служат тверскому владыке) и т.д.

Разумеется, приведенная оценка очень приблизительна: о сколько-нибудь точных расчетах при том состоянии источниковой базы, которой мы сейчас располагаем, не может быть и речи. Но поскольку нас интересует порядок числа, которое может характеризовать объем канцелярской продукции в описываемое время, то даже такие грубые оценки вполне пригодны для целей данного исследования.

До сих пор мы говорили о рядовой массе детей боярских и их владельческих документах. Но не стоит забывать и о привилегированной верхушке — членах Государева двора, имевших право на получение кормления; эти пожалования оформлялись соответствующими, так называемыми кормленными, грамотами. До нашего времени дошло лишь 20 кормленных грамот 1534—1548 гг. (Прил. I, № 16, 117, 295, 343, 518, 519, 551, 556—562, 564, 565, 567—570), еще три грамоты известны только по упоминаниям в более поздних документах (там же. № 106, 547, 548), но существовало их, несомненно, во много раз больше.

По оценке А. П. Павлова, Государев двор в середине XVI в. «едва ли мог насчитывать больше 1500 человек»⁴⁴. Думается, применительно к изучаемой здесь эпохе 1530—1540-х гг. это число следует еще уменьшить (показательно, что даже полвека спустя, в 1588/89 г., от которого до нас дошел полный поименный список дворян, членами этой привилегированной корпорации были всего 1162 чел.⁴⁵).

Но и 1100—1200 человек обеспечить кормлениями было непросто: дворяне должны были дожидаться своей очереди по несколько лет: это явствует из дошедших до нас кормленных грамот⁴⁶, а также из записок С. Герберштейна, австрийского дипломата, дважды побывавшего в Москве в годы правления Василия III. По поводу

⁴⁴ Павлов А. П. Государев двор и формирование русской правящей элиты во второй половине XVI века // *Modernizacja struktur władzy w warunkach opóźnienia. Europa Środkowa i Wschodnia na przełomie średniowiecza i czasów nowożytnych* / Red. M. Dyga, S. Gawlas, H. Grala. Warszawa, 1999. S. 96.

⁴⁵ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 54.

⁴⁶ Так, в жалованной кормленной грамоте Ивана IV Матвеем Брехову сыну Вышеславцева (май 1538 г.) сказано, что великий князь пожаловал ему Усть-янские волости «под Вендритом Вороновым в кормление с правдой» (АСЗ. Т. I. № 48. С. 43). Аналогичным образом, Андрей Тимофеев сын Окунева получил в марте 1545 г. в кормление половину писчего (вид пошлыны) в Старой Руссе «под Михаилом Ступишиным» (Там же. № 201. С. 169).

кормлений он пишет, что великий князь дает детям боярским владения «в пользование лишь на полтора года; если же кто-нибудь находится у него в особой милости и пользуется его расположением, то тому прибавляется несколько месяцев; по истечении же этого срока всякая милость прекращается, и тебе целых шесть лет приходится служить даром»⁴⁷.

Если верить Герберштейну (а по наблюдениям Б. Н. Флори, приведенное свидетельство дипломата в основном подтверждается русскими источниками⁴⁸), то выходит, что рядовые кормленщики за изучаемый нами 15-летний период (1534—1548) вряд ли могли получить кормление больше двух раз. В таком случае общее число кормленных грамот, выданных за эти годы, предположительно составляло порядка 2 тыс. (лишь 1% из них дошел до нашего времени!). Если к этой расчетной величине прибавить предполагаемую сумму грамот, выданных монастырям и помещикам (около 1600), и учесть другие виды грамот (указные и т.п.), то общее количество актов, выданных от имени Ивана IV в 1534—1548 гг., можно ориентировочно оценить в 3600—4000 единиц.

По западноевропейским меркам такой объем канцелярской продукции соответствует примерно XIII в. Французское королевство превзошло этот уровень уже при преемниках Людовика IX Святого (1226—1270). Филипп IV Красивый (1285—1314), согласно подсчетам Р. Фавтье, оставил «в наследство» потомкам не менее 50 тыс. документов⁴⁹. В первой половине XIV в., по оценке другого исследователя, Р.-А. Ботье, из французской королевской канцелярии ежедневно исходило до 150 актов, а в год — до 60 тыс.⁵⁰ Такие масштабы производства официальных бумаг дьякам Ивана IV даже не снились...

Не стоит думать, будто указанные различия носили только количественный характер: если в одном случае речь идет (в среднем) о 250 исходящих документах в год, а в другом — о тысячах или десятках тысяч, то за этими цифрами скрываются различия в структуре управления и в степени управляемости территорий, подвластных центральному правительству. «Мощностей» приказного аппа-

⁴⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 73.

⁴⁸ Флоря Б. Н. Кормленные грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 119.

⁴⁹ Фавтье Р. Капетинги и Франция. С. 22. Прим. 1.

⁵⁰ Цит. по: Каштанов С. М. Русская дипломатика. С. 169.

рата в Москве второй четверти XVI в. явно не хватало для того, чтобы выдать государеву грамоту каждому помещику. Да такая цель, похоже, и не стояла. Более того, использовались различные способы для облегчения нагрузки, лежавшей на центральном аппарате власти, и перенесения части функций на местные структуры управления.

В этой связи уместно упомянуть о судебных документах, которые, как уже говорилось выше, составлялись, как правило, на местах, в суде первой инстанции, а в Москве в них только вносился приговор великокняжеского судьи (боярина, назначая или дворецкого) и ставилась его печать и подпись дьяка⁵¹.

Наглядным примером «разгрузки» центрального аппарата от части управленческих функций и связанной с ними канцелярской работы может служить деятельность великокняжеских писцов, подолгу находившихся в тех или иных уездах страны и занимавшихся не только описанием земель, но и осуществлявших судебные функции, а также выдававших различные документы. Сохранился целый ряд данных, оброчных, льготных и иных грамот, выданных «по слову» великого князя белозерскими, владимирскими, вологодскими, костромскими, новгородскими, рязанскими писцами (см.: Прил. I, № 57, 68, 80, 182, 250, 253, 271, 272, 310).

Наконец, нужно сказать об особых канцелярских приемах, позволявших экономить время, силы и бумагу. Так, при подтверждении грамот от имени нового государя, вступившего на престол, вместо выдачи грамотчику нового документа (как это было принято, например, в соседнем Великом княжестве Литовском) дьяком просто делалась подтверждательная надпись на обороте старой грамоты.

Впрочем, канцелярские пометы на грамотах содержат настолько важный и информативный материал по истории внутреннего управления изучаемой эпохи, что вполне заслуживают отдельного и подробного рассмотрения.

⁵¹ Так, запись о приговоре великокняжеского судьи (дворецкого Ф. С. Воронцова) от 17 марта 1540 г. в докладном судном списке суда В. К. Мальцева, выданном поселскому Симонова монастыря Федору Бекету и монастырским слугам в их тяжбе из-за спорных пожен с великокняжескими крестьянами села Шипинского (в Бежецком Верхе), — подлинник этого документа дошел до нашего времени — сделана на обороте листов дела; по ставам грамоту скрепил своей подписью дьяк Тимофей Горышкин (см.: АФЗХ/АМСМ. № 63. С. 74, 75).

3. МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПОМЕТЫ НА ГРАМОТАХ

Источники XVI в. очень скупо освещают повседневную административно-распорядительную деятельность властей: требуются большие усилия для того, чтобы понять, каков был механизм принятия решений, кто конкретно руководил теми или иными правительственными мероприятиями⁵². Важную информацию для поиска ответа на эти вопросы содержат канцелярские пометы на великокняжеских грамотах, сделанные в момент составления соответствующего документа⁵³. Еще в 1958 г. С. М. Каштанов включил в составленный им «Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.» сведения о десятках помет, содержавших указания на имя должностного лица, приказавшего выдать тот или иной документ⁵⁴. Однако до сих пор эти сведения не были подвергнуты систематическому изучению. Несколько больше внимания уделили историки подтвердительным записям на обороте грамот: в частности, Н. Е. Носов использовал тексты подтверждений на грамотах Троице-Сергиева монастыря для исследования майской ревизии тарханов 1551 г.⁵⁵

В этом параграфе мы проанализируем пометы на жалованных и указных грамотах 1534—1548 гг. с точки зрения информации, которую они могут дать о процедуре принятия решений и о лицах, в чьих руках находились распорядительные функции. Объектом изучения станут два вида помет: во-первых, немногочисленные пометы на лицевой стороне грамот и, во-вторых, часто встречающиеся надписи на обороте о том, кто приказал выдать данный документ.

⁵² См. подробнее: *Кром М. М.* К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // *Одиссей. Человек в истории*. 2005. М., 2005. С. 283—303.

⁵³ В современной актовоя археографии принято отличать пометы, сделанные в ходе выдачи или подтверждения документа, от позднейших пометок и надписей (архивных, научных и т.д.), не связанных с его функционированием как действующего юридического акта и отражающих историю его хранения и изучения (см.: *Каштанов С. М.* Актовая археография. М., 1998. С. 185—187, 208).

⁵⁴ ХП. Ч. I. С. 311—376. № 44, 63, 91, 96, 98, 99, 116, 120, 122, 123, 125—127; и др.

⁵⁵ *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. Гл. 2. С. 122 и сл.

Пометы на лицевой стороне грамот делались обычно на нижнем поле, у места прикрепления печати. Здесь, в частности, делались отметки о взятии печатных пошлин. Так, на уставной грамоте крестьянам волости Высокое Коломенского уезда от 26 января 1536 г. возле печати помечено: «Взато два рубля»⁵⁶. А на жалованной великокняжеской грамоте протопопу Вознесенского собора г. Балахны Федору, выданной 29 июня 1541 г., у места прикрепления шнура для печати сделана помета: «Пол—30 ал(тын)», т.е. 25 алтын — размер печатной пошлины⁵⁷.

Пометы могли делаться также для памяти: так, на жалованной тарханно-проезжей грамоте, выданной игумену Троице-Сергиева монастыря Иоасафу 9 февраля 1534 г., на нижнем поле слева, возле печати, можно прочитать сделанную мелкими буквами надпись: «подпись диака Офонася Курицына подписати»⁵⁸. Эта помета характеризует технический процесс выдачи грамот. Дело в том, что в указанный день, 9 февраля 1534 г., дьяк Афанасий Курицын подписал на имя нового государя, Ивана IV, 69 грамот, ранее полученных Троицким монастырем⁵⁹; кроме того, тем же числом датированы 17 новых грамот, пожалованных этой обители⁶⁰. На вновь выдаваемых грамотах (в отличие от текста подтверждений) имя дьяка обычно не ставилось, однако приведенная выше помета красноречиво свидетельствует о том, что и старые, и новые грамоты Троицкого монастыря прошли через руки дьяка Афанасия Курицына. Едва ли, однако, весь объем этой канцелярской работы (в общей сложности получается 86 грамот!) был проделан в один день. Вероятно, приготовленные подьячими тексты грамот ждали очереди, пока дьяк их подпишет: так и появилась «для памяти» интересующая нас помета.

Но наиболее ценными для исследователя следует признать лицевые пометы, представляющие собой своего рода «резюмации», т.е. краткие записи решений о выдаче грамот. За рассматриваемый период удалось обнаружить только две подобные пометы: одна из

⁵⁶ Грамота опубл. (по подл.): АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 137. С. 198—200; Кустерев С. Н. Акты московского Чудова монастыря 1507—1606 годов // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 84—86. № 20.

⁵⁷ Каштанов С. М. ИРСИ. Прил. V. № 1. С. 210 (по подл.).

⁵⁸ РГАДА. Ф. 281. Бежецк. № 69/1173. Подл.

⁵⁹ См.: Прил. II. № 34—102. Подробнее о процедуре подтверждения см. ниже гл. 10.

⁶⁰ Прил. I. № 21—37.

них современна грамоте, на которой читается; другая относится к процедуре последующего подтверждения.

Жалованной грамотой от 24 декабря 1547 г. Иван IV, находившийся тогда во Владимире, предоставил Троице-Сергиеву монастырю (по челобитью игумена Ионы) место на посаде г. Владимира для устройства двора. У нижнего края листа слева читается надпись (сделанная беглой скорописью): «дати один двор, а жити одному человеку»⁶¹. Вероятно, помета сделана подьячим или дьяком во время доклада у государя. Затем в соответствии с полученными указаниями была составлена сама грамота.

«Резолюция», читающаяся в левом нижнем углу жалованной грамоты, выданной 24 июня 1546 г. тому же троицкому игумену Ионе на двор в Коломне, явно относится к процедуре подтверждения 1551 г.: «...а будет один двор, а не слобода, — подписати» — гласит помета⁶². В соответствии с этой «резолюцией» был составлен и текст подтверждения в мае 1551 г.: «А хто у них в том их дворе оприч одного человека дворника учнет жити, и тем людем всякие подати давати с черными людьми ровно, а наместницы коломенские и их тиуни судят их, как иных черных посадцких людей»⁶³.

Пометы на обороте грамот не так разнообразны по содержанию, как лицевые, зато они встречаются гораздо чаще. Вверху на обороте листа помещалась обязательная надпись с обозначением титула и имени государя, а ниже нередко указывалось, кто приказал выдать эту грамоту. Наконец, на обороте делались подтверждающие надписи от имени последующих государей. Подтверждения станут предметом рассмотрения в одной из следующих глав, а здесь мы сосредоточим внимание на пометах, обозначавших имена и должности лиц, приказавших выдать ту или иную грамоту.

В «Хронологическом перечне иммунитетных грамот» С. М. Каштанова учтено (вместе с дополнениями, опубликованными в 1968 г.) 44 таких пометы за 1535—1548 гг.⁶⁴ На сегодняш-

⁶¹ РГАДА. Ф. 281. Владимир. № 24/1801. Подл.

⁶² Опул. (по подл.): РПП. Вып. IV. С. 114—116 (текст пометы — на с. 116).

⁶³ Там же. С. 116.

⁶⁴ ХП. Ч. I. № 343, 345, 375, 379, 402, 410, 415, 419, 426, 427, 433, 440, 441, 449, 461, 464, 478, 481, 482, 490, 494, 502, 513, 514, 519, 541, 549, 556, 559, 563, 578, 582—584, 590; ХП. Ч. III. № I—192, I—195, I—219, I—220, I—222, I—236, I—240, I—269, I—277. Некоторые пометы, как выясняется при обращении к рукописям грамот, были внесены в «Перечень» ошибочно (см.: ХП. Ч. I. № 530) или относятся не к моменту выдачи грамоты, а ко времени ее подтверждения в 1550-х гг. (Там же. № 491, 498). В одном случае помета, отнесенная

ний день удалось выявить в общей сложности 65 дорсальных надписей подобного содержания, относящихся к рассматриваемому периоду (см. табл. 2).

Прежде всего обращает на себя внимание хронология появления этих помет: ко времени правления Елены Глинской (1534 — апрель 1538 г.) относятся только две из них; все остальные (63) были сделаны «при боярах». Интересно, что за 28 лет великого княжения Василия III известно (по данным «Хронологического перечня имунитетных грамот XVI в.») лишь 22 пометы с указанием лиц, приказавших выдать ту или иную грамоту⁶⁵. Даже с учетом явной неполноты имеющихся в нашем распоряжении данных нельзя не заметить, что именно на 1538—1548 гг. приходится наибольшее за всю первую половину XVI в. количество зафиксированных в источниках случаев выдачи грамот по приказу дворецких, казначеев и бояр. Развитие этой практики в конце 30-х — 40-е гг. XVI в. можно связать с фактической недееспособностью монарха и отсутствием в эти годы легитимного регента, способного сосредоточить в своих руках всю полноту власти. Распорядительными функциями при дворе обладали одновременно несколько влиятельных администраторов, и поэтому было важно знать (как приказным дельцам, так и самим грамотчикам), кто именно из них приказал выдать грамоту.

Показательно, что, хотя все официальные документы выдавались от имени великого князя (в ту пору несовершеннолетнего), для нормального функционирования бюрократической системы вовсе не требовалось его фактического участия в ведении дел. Из 65 случаев, когда нам известно, кто именно распорядился выдать грамоту, лишь в двух зафиксировано приказание самого государя (табл. 2, строки 38 и 42). На жалованной грамоте Антониеву-Сийскому монастырю от 6 февраля 1545 г. (дошедшей до нас в копии конца XVI — начала XVII в.) была сделана помета: «А приказа ся нову грамоту дати сам князь великий»⁶⁶. Можно предполагать, правда, что и в этом случае решение было подсказано 14-летнему государю присутствовавшими при этом опытными администраторами — дьяком Истомой Ноугородовым (его имя также значилось на обороте грамоты) и, вероятно, казначеем (И. И. Третьяковым?): в тексте

С. М. Каштановым ко времени подтверждения грамоты в 1556 г., на самом деле относится к моменту ее выдачи в 1542 г. (ХП. Ч. I. № 440).

⁶⁵ См.: ХП. Ч. I. № 44, 63, 91, 96, 98, 99, 116, 120, 122, 123, 125—127, 131, 172, 207, 212, 222, 225; ХП. Ч. III. № I—39, I—46, I—61.

⁶⁶ Сб. ГКЭ. Пб., 1922. Т. I. № 109. Стб. 112.

Таблица 2

**Канцелярские пометы на обороте грамот:
по чьему приказу выдана грамота**

№ п/п	Дата	Вид грамоты	Кто приказал	Грамотчик	Источник
1	янв. 1535	жалованная, обельно-несудимая и заповедная	боярин кн. И. В. Шуйский	Троицкий Махрицкий м-рь	ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. № 113. Подл.
2	4.11.1535	жалованная, обельно-несудимая и заповедная	Приказал дворяцкий кн. И. И. Кубенский. Дьяк Федор Мишури	Симонов м-рь	АФЗХ/АМСМ. Л., 1983. № 51. С. 55—56 (по подл.)
3	18.06.1538	указная	дворяцкий кн. И. И. Кубенский [в изд. Вахрамеева: «Иван Вас. Кубенский»]	Ярославский Спасский м-рь	ИАЯСМ. М., 1896. № X. С. 10—11 (дата исправлена по списку XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 125)
4	6.07.1538	жалованная льготная	казначей И. И. Третьяков	Симонов м-рь	АФЗХ/АМСМ. № 57. С. 62—63 (по подл.)
5	13.08.1538	жалованная несудимая	боярин кн. И. В. Шуйский	введенный дьяк Иван Шамский	ОАСУ. Отд. 1. № 25. С. 32 (по подл.)
6	15.08.1538	заповедная на рыбные ловли	боярин кн. И. В. Шуйский	Успенский Стромынский м-рь	ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 536. Л. 432—432об.
7	13.07.1539	жалованная несудимая и заповедная	дворяцкий Иван Михайлович [Юрьев]	Вологодский Комельский м-рь	Список XVII в. <i>Амвросий</i> . История ... ч. III. М., 1811. С. 283—286 (по подл.)

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата	Вид грамоты	Кто приказал	Грамотчик	Источник
8	11.09.1539	установная	казначей И.И. Третьяков и М.П. Головин	Устьянские волости	ЧОИДР. 1907. Кн. 1. Отд. IV. С. 47–51
9	20.12.1539	жалованная ружная	казначей И.И. Третьяков	Александров Ошевенский м-рь	Архив СПб.ИИ. Кол. 115. Ед. хр. 41. Л. 1–1об. Список XVIII (?) в.
10	2.02.1540	жалованная оброчная	казначей И.И. Третьяков	Никольский Корельский м-рь	Сб. ГКЭ. Т. II. Л., 1929. Прил. № 86. Стб. 825–826 (по подл.)
11	8.02.1540	губная	«А приказал боярин и наместник московской князь Иван Васильевич Шуйской»	Верхний Слободской городок на Вятке	НГЗУГ. М., 1909. С. 55–58. № 3
12	15.05.1540	жалованная полетная	«Приказали дати казначей Иван Иванович Третьяков да Михайло Петрович Головин»	Авдотья, вдова Бориса Алаалыкина, с детьми	АСЗ. Т. I. М., 1997. № 3. С. 10–11 (по списку XVIII в.)
13	23.05.1540	жалованная ружная	«Приказал боярин и дворянкой...» (И.И. Кубенский?)	Данилов и Рождественский переславские м-ри	ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 191. С. 168 (по подл.)
14	27.05.1540	жалованная данная и несудимая	«Приказали дати все бояре»	Троицкий Данилов м-рь	Подл.: РГАДА. Ф. 281. Переславль-Залесский.

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата	Вид грамоты	Кто приказал	Грамотчик	Источник
					№ 109/8833. Опубл. (по списку): <i>Доброура-вов В. Г.</i> История Троицкого Данилова монастыря. Прил. № 5. С. 21—22
15	20.06.1540	жалованная данная	боярин и дворецкий кн. И. И. Кубенский	Суздальский Спасо-Евфимьев м-рь	АСЕМ. № 46. С. 106
16	янв. 1541	жалованная данная	конюший И. И. Челяднин	Троицкий Белопесоцкий м-рь	РГАДА. Ф. 281. Кашира. № 4/5766
17	2.02.1541	жалованная ружная	боярин и дворецкий кн. И. И. Кубенский	Ярославский Толгский м-рь	Ярославские Ев. 1897. № 10. Часть неофиц. С. 150 (по списку XVIII в.)
18	2.02.1541	жалованная тарханно- несудимая, односрочная	казначей И. И. Третьяков	Соловецкий м-рь	АСЭИ/АСМ. М., 1988. № 85. С. 54—56 (по подл.)
19	4.03.1541	жалованная несудимая	казначей И. И. Третьяков	Никольский Двинский м-рь	Архив СПб. ИИ. Кол. 47. Оп. 2. Ед. хр. 4 (по списку XVII в.)
20	21.03.1541	жалованная подтвердительная,	боярин и дворецкий кн. И. И. Кубенский	Евфимьева пустынь	РГАДА. Ф. 281. Вологод. № 11/ 2582. Подл.

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата	Вид грамоты	Кто приказал	Грамотчик	Источник
		оборочная, тарханно-несудимая, срочная, заповедная			
21	21.04.1541	жалованная льготная, срочная и заповедная	казначей И.И. Третьяков	Муромский Борисоглебский м-рь	Маштафаров А. В. Муромские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века // РД. Вып. 6. М., 2000. С. 53—54. № 2 (по подл.)
22	29.06.1541	жалованная	боярин и дворецкий кн. И.И. Кубенский	Вознесенский собор г. Балахны	Кашианов С.М. ИРСИ. Прил. V. № 1. С. 210—211 (по подл.)
23	январь 1542	жалованная обильно-несудимая, заповедная, проsezжая и срочная	боярин и дворецкий кн. И.И. Кубенский	Серпуховский Высоцкий м-рь	Тренев Д.К. Серпуховской Высоцкий монастырь. М., 1902. С. 102—105 (по списку XVIII в.)
24	16.02.1542	указная	казначей И.И. Третьяков	керегчане и ковлане	АСЭИ/АСМ. № 89. С. 58—59 (по подл.)
25	20.02.1542	жалованная	казначей И.И. Третьяков	керегчане и ковлане	АСЭИ/АСМ. № 90. С. 59—60 (по подл.)

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата	Вид грамоты	Кто приказал	Грамотчик	Источник
26	окт. 1542	указная	казначей И.И. Третьяков	двиняне Истома и Нечай Петутины	Сб. ГКЭ. Т. I. Пб., 1922. № 96. Стб. 97—98 (по подл.)
27	окт. 1542	жалованная несудимая, заповедная и тарханно-проезжая	казначей И.И. Третьяков	Николаевский Корельский м-рь	АИ. Т. I. СПб., 1841. № 141. С. 204—206 (по подл.)
28	28.01.1543	указная	казначей И.И. Третьяков	Антониев Сийский м-рь	Сб. ГКЭ. Т. I. № 97. Стб. 98—100 (по подл.)
29	16.03.1543	жалованная тарханно-несудимая и заповедная	боярин князь П.И. Репнин-Оболенский	Троицкий Махришский м-рь	РНБ. ОСАГ. Оп. I. № 124. Подл.
30	2.11.1543	жалованная льготная оброчная	«Приказал казначей И.И. Третьяков да Иван Петрович Головин»	солевары Унской вол.	АСЭИ/АСМ. № 98. С. 63—64 (по подл.)
31	12.11.1543	жалованная	казначей И.И. Третьяков и И.П. Головин	Симонов м-рь	АФЗХ/АМСМ. № 74. С. 87—88 (по списку XVII в.)
32	янв. 1544	жалованная льготная	дворецкий В.М. Морозов	Рязанский Солотчинский м-рь	Филиппова И.С. Московские грамоты XVI в. из Гос. архива Рязанской области // Исто-

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата	Вид грамоты	Кто приказал	Грамотчик	Источник
					рия русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. № 3. С. 275—278 (по подл.)
33	март 1544	жалованная несудимая, заповедная, проезжая и ружная жалованная уставная	«Приписал» казначей И.И. Третьяков	Каргопольский Челменский м-рь	Архив СПб. ИИ, кол. 174. Оп. 1. Карт. I, № 156. Список XVII в.
34	20.04.1544	жалованная уставная	окольничий и дворецкий Дмитровский В.Д. Шеин	крестьяне дворцового с. Андреевского	ААЭ. Т. 1. № 201. С. 179—181 (по подл.)
35	1.09.1544	жалованная несудимая и односрочная	боярин и тверской дворецкий И.С. Воронцов	Троицкая Ионина пустынь	РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 475—477. Список XVIII в.
36	6.01.1545	жалованная данная оброчная	казначей И.И. Третьяков	Семен Федотов с. [Грижнев]	АСЭИ/АСМ. № 110. С. 69 (по подл.)
37	февр. 1545(?)	жалованная несудимая, заповедная и тарханно-проезжая	казначей И.И. Третьяков	Двинский Михаило-Архангельский м-рь	РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 1911. Л. 38—42 об. Список XVII в.
38	6.02.1545	жалованная несудимая	«А приказа ся нову грамоту дати сам князь великий. Истома Ноугородов».	Антониев Сийский м-рь	Сб. ГКЭ. Т. 1. № 109. Стб. 110—112 (по списку конца XVI — начала XVII в.: РГАДА. ГКЭ. Двина. № 27/4109)

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата	Вид грамоты	Кто приказал	Грамотчик	Источник
39	март 1545	жалованная	боярин и дворецкий тверской И.С. Воронцов	Иосифо-Волоколамский м-рь	АФЗХ. Ч. II. М., 1956. № 184. С. 186—187 (по списку XVI в.)
40	авг. 1545	жалованная проезжая	дворецкий В.М. Тучков Морозов	Спасо-Каменный м-рь	Архив СПб. ИИ. Кол. 238. Оп. 2. Карт. 102. № 1. Л. 9—10. Список XVIII в.
41	20.11.1545	указная (о невзимании «ямских денег и всяких податей»)	«приказщик казначей Иван Иванович Третьяков»	Суздальский Покровский м-рь	Упом. в переписной книге Покровского м-ря 1767 г., см.: Антонов А.В., Маштафиров А.В. Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря XV — начала XVII века // РД. Вып. 10. М., 2004. С. 280. № 28
42	20.12.1545	жалованная обельно-несудимая, односрочная и заповедная	«приказал князь великий»	Троице-Сергиев м-рь	В списке XVI в. нет записи о приказе великого князя (см.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519.

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата	Вид грамоты	Кто приказал	Грамотчик	Источник
					Л. 26—29). Запись о приказе великого князя читается в списках XVII в.: Там же. Кн. 527. № 294. Л. 259—260 об.; кн. 528. № 294. Л. 421об.—424об.; Кн. 529. № 294. Л. 320—322
43	15.02.1546	жалованная льготная	казначей И.И. Третьяков	Антоньев Сийский м-рь	<i>Макарий.</i> Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // ЧОИДР. 1878. Кн. 3. С. 28—29 (по подл.)
44	30.03.1546	жалованная данная	«приказал боярин и дво-рецкой Иван Иванович Хабаров»	бортники Назар Прокофьев «с товарищи»	Упом. в переписной книге Покровского Суздальского м-ря 1651 г., см.: Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 5. Владимир, 1903.

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата	Вид грамоты	Кто приказал	Грамотчик	Источник
					Материалы. С. 120. Датировку и др. упоминания грамоты см.: Антонов А. В., Маштафиров А. В. Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря. С. 280. № 29
45	6.04.1546	жалованная полетняя	казначей И.И. Третьяков	Семен Федотов с. [Грижнев]	АСЭИ/АСМ. № 116. С. 72 (по подл.)
46	6.07.1546	жалованная данная, тарханно-несудимая, односрочная и проезжая	казначей И.И. Третьяков	Вологодская Глубокоозерская пустынь	РИБ. Т. 32. Архив П. М. Строева. Пг., 1915. № 160. Стб. 278—280 (по списку начала XVII в.)
47	6.08.1546	жалованная	казначей И.И. Третьяков	Симонов м-рь	АФЗХ /АМСМ. № 82. С. 95 (по подл.)
48	5.10.1546	жалованная тарханно-несудимая, заповедная	казначей И.И. Третьяков и Ф.И. Сукин	Симонов м-рь	АФЗХ /АМСМ. № 83. С. 95—97 (по подл.)
49	18.12.1546	указная	казначей И.И. Третьяков и Ф.И. Сукин	белозерцы Олферко Анисимов «с товарищи»	РИБ. Т. 32. № 163. Стб. 284—286 (по списку XVI в.)

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата	Вид грамоты	Кто приказал	Грамотчик	Источник
50	30.01.1547	жалованная данная, обельно-несудимая, заповедная и проезжая	казначей И. И. Третьяков и Ф. И. Сукин	Вассианова Строкинская лустынь	АИ. Т. I. № 147. С. 212—215 (по подл.)
51	26.03.1547	жалованная тарханно-проезжая	казначей Ф. И. Сукин	Троицкий Белопесоцкий м-рь	РГАДА. Ф. 281. Кашира. № 7/5769. Подл.
52	27.03.1547	жалованная	дворецкий Д. Р. Юрьев	Спасский Ярославский м-рь	ИАЯСМ. № XIV. С. 14 (по списку XVIII в.)
53	28.06.1547	жалованная заповедная	дворецкий Данило Романович [Юрьев]	Троице-Сергиев м-рь	ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 295. Л. 260 об. — 261 (список XVII в.)
54	2.09.1547	жалованная тарханно-оборочная, несудимая и заповедная	«Приказал Долмат Федорович Карпов» (возможно, относится к подтверждению 1548 г.)	Никольский Песношский м-рь	Каляидович К. Ф. Историческое и топографическое описание... монастыря св. чуд. Николая, что на Пешноше. М., 1837. С. 116—122. № IV (по подл.)
55	15.10.1547	жалованная несудимая	дворецкий Данило Романович [Юрьев]	попы и дьяконы дворцовых сел	АИ. Т. I. № 149. С. 216—217 (по подл.)

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата	Вид грамоты	Кто приказал	Грамотчик	Источник
56	28.10.1547	жалованная несудимая	«приказал Андрей (!) Иванович Третьяков да Федор Иванович Сукин»	Торопецкий Троицкий м-рь	РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 1919. Л. 20—20 об. Список XVIII в.
57	20.11.1547	жалованная заповедная	дворецкий Данило Романович [Юрьев]	Саввин-Сторожевский м-рь	ССМ. М., 1992. № 14. С. 21—22 (по подл.)
58	11.12.1547	указная	дворецкий В.М. Юрьев	Симонов м-рь	АФЗХ /АМСМ. № 86. С. 99 (по списку XVII в.)
59	6.04.1548	жалованная данная, тарханно-несудимая, односторонняя и заповедная	казначей И.И. Третьяков и Ф.И. Сукин	Троице-Сергиев м-рь	Сб. ГКЭ. Т. II. Прил. № 118 ^а . Стб. 827—829 (по подл.)
60	3.07.1548	жалованная, данная, обельно-несудимая и заповедная	казначей Ф.И. Сукин	Кирилло-Белозерский м-рь	Архив СПб. ИИ. Кол. 41. Оп. 1. Д. 64. Подл.
61	5.07.1548	жалованная тарханно-несудимая и заповедная	рязанский дворецкий П.В. Морозов	Глушицкий м-рь	Амурской. История... ч. III. С. 714—723. № VIII (по подл.)
62	15.07.1548	жалованная подтвердительная	боярин и дворецкий Д.Р. Юрьев	Корнильев Спасо-Преображенский м-рь	Ярославские Ев. 1894. Часть неофиц. № 52.

Продолжение табл. 2

№ п/п	Дата	Вид грамоты	Кто приказал	Грамотчик	Источник
		данная, тарханно-несудимая, заповедная и тарханно-проезжая			Стб. 817—822 (по списку?)
63	27.08.1548	жалованная несудимая и односрочная	казначей И.И. Третьяков и Ф.И. Сукин	Важский Богословский м-рь	ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 44. С. 60—62 (по подл.)
64	4.11.1548	указная	окольничий и дворецкий Ф.Г. Адашев. Скрепа: «диак Постник Путятин»	Троице-Сергиев м-рь	АГР. Т. I. № 62. С. 114—115 (по подл.)
65	30.11.1548	жалованная подтверждательная тарханно-проезжая и ружная	боярин и дворецкий Д.Р. Юрьев	Троицкий Данилов Переславский м-рь	ААЭ. Т. I. № 222. С. 211—212 (по подл.)

грамоты пункт о подсудности грамотчика сформулирован так: «...а кому будет чего искати на игумена Онтония з братьею и на их слугах и на христианех... он бы[е]ть челом мне, великому князю, на них или нашему казначию», и далее: «...а сужу их яз, княз великий, или нашъ казначей»⁶⁷. Тем не менее факт участия «самого» юного государя в процедуре выдачи жалованной грамоты показался дьякам достойным особого упоминания.

Второй подобный случай относится к 20 декабря 1545 г.: на выданной в этот день жалованной обельно-несудимой грамоте Троице-Сергиеву монастырю имелась помета, воспроизведенная в списках XVII в. (подлинник грамоты не сохранился): «приказал князь великий»⁶⁸.

Еще более редкая помета читается на обороте жалованной грамоты переславскому Троицкому Данилову монастырю от 27 мая 1540 г., сохранившейся в подлиннике: «приказали дати все бояре»⁶⁹. Эта надпись отражает отмеченную в предыдущих главах общую тенденцию к принятию коллегиальных решений в форме «приговора всех бояр», получившую развитие с начала 1540-х гг. в обстановке яростной борьбы при дворе между представителями различных княжеских и боярских кланов: никто из них не мог добиться подавляющего перевеса над соперниками, что подталкивало придворную верхушку к поиску компромисса. В административно-хозяйственной сфере, к которой относилась выдача грамот, указанная тенденция проявилась в незначительной мере — помета на грамоте 1540 г. остается единственной в своем роде, — однако в сфере суда и во внешней политике коллегиальные решения получили значительное распространение (подробнее о генезисе и развитии формулы «приговор всех бояр» пойдет речь в следующей главе).

Несколько грамот было выдано по приказу одного из бояр (кн. И. В. Шуйского, кн. П. И. Репнина-Оболенского: см. строки 1, 5, 6, 11, 29 в табл. 2), но, судя по имеющимся данным, обычный порядок был иным: в абсолютном большинстве известных нам случаев (56 из 65) грамоты были выданы по распоряжению дворецких или казначеев. Именно дворцовое ведомство и Казна были тем

⁶⁷ Сб. ГКЭ. Т. I. Стб. 111.

⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 294. Л. 260 об. (та же запись читается в списках кн. 528 и 529). В списке второй половины XVI в. записи о приказании великого князя нет (ср.: Там же. Кн. 519. Л. 29).

⁶⁹ РГАДА. Ф. 281. Переславль-Залесский. № 109/8833. Опубл. (по списку): *Добноровов В. Г.* История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. Прил. № 5. С. 21—22.

местом, куда сходились нити судебного и административно-хозяйственного управления страной. Отдельные территории находились в ведении областных дворцов (тверского, дмитровского, углицкого, рязанского, новгородского). Пометы на жалованных и указных грамотах 30—40-х гг. XVI в. служат прекрасным источником для изучения персонального состава дворецких и казначеев, дополняя сведения по этой проблеме, имеющиеся в научной литературе⁷⁰. Так, выясняется, например, что в ноябре 1543 г. обязанности казначеев исполняли совместно И. И. Третьяков и И. П. Головин (табл. 2, строки 30, 31). Новым является и упоминание в сентябре 1544 г. И. С. Воронцова в качестве тверского дворецкого (там же, строка 35) — ранее имевшиеся сведения о его пребывании в этой должности относились только к 1545 г.⁷¹ Важно и ранее не известное указание на дворячество И. И. Хабарова (уже с боярским чином!) в марте 1546 г. (там же, строка 44).

Приведенными фактическими данными отнюдь не ограничивается значение анализируемых помет как источника по истории центрального управления 30—40-х гг. XVI в. Их информативная ценность существенно повышается при сопоставлении со статьями формуляра грамот, на обороте которых они были сделаны. Особенно интересные результаты дает изучение несудимых грамот с дорсальными надписями указанного типа. Формуляр несудимых грамот обычно содержал статью о подсудности грамотчика только суду великого князя (царя) или — далее возможны варианты — боярина введенного, дворецкого, казначея или иного высокого должностного лица. Логично предположить, что между формулировкой этой статьи в грамоте и содержанием сделанной на ее обороте пометы о том, кто именно приказал ее выдать, должна была существовать взаимосвязь. Для проверки этого предположения выберем из табл. 2 информацию, относящуюся к несудимым грамотам, и сопоставим ее с формулировками статьи о подсудности грамотчика в тексте этих грамот. Результаты этого сопоставления отражены в табл. 3.

⁷⁰ См.: *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // *ИЗ. М.*, 1958. Т. 63. С. 180—205; *Леонтьев А. Л.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI в. М., 1961. С. 59—63; *Стрельникова С. В.* К вопросу о дворцовой подведомственности Ростова Великого в конце XV — XVI в. // *ОФР. М.*, 2002. Вып. 6. С. 97—101.

⁷¹ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 192.

Таблица 3

Юрисдикция дворцовых чинов
(по жалованным несудимым грамотам 30—40-х гг. XVI в.)⁷²

№ п/п	Дата	Грамотчик	Кому подсушен грамотчик (статья формуляра)	Кто приказал выдать грамоту (помета на обороте)	№ строки в табл. 2
1	янв. 1535	Троицкий Махрицкий м-рь	«сужу яз сам, князь великий, или мой боярин введенной»	боярин кн. И.В. Шуйский	1
2	4.11.1535	Симонов м-рь	«сужу яз, князь великий, или мой дворянцкой»	дворянский кн. И.И. Кубенский	2
3	13.08.1538	введенный дьяк Иван Шамский	«сужу яз, князь великий, или мой боярин введенной»	боярин кн. И.В. Шуйский	5
4	13.07.1539	Вологодский Комель- ский м-рь	«сужу яз, князь великий, или наш дворянцкой»	дворянский Иван Михайлович [Юрьев]	7
5	27.05.1540	Троицкий Данилов м-рь	— ⁷³	«приказали дати все бояре»	14
6	2.02.1541	Соловецкий м-рь	«сужу яз, князь великий, или мой боярин введенный»	казначей И.И. Третьяков	18
7	4.03.1541	Никольский Двинский м-рь	«сужу яз, князь великий, или наш казначей»	казначей И.И. Третьяков	19
8	21.03.1541	Евфимьева пустынь	«сужу яз, князь великий, или мой дворянцкой»	боярин и дворянский кн. И.И. Ку- бенский	20

⁷² В таблице учтены также одна указная и одна уставная грамоты, в которых имеются пункты о подсушенности грамот-
чиков.

⁷³ Здесь и далее прочерк означает отсутствие соответствующего пункта в тексте грамоты.

Продолжение табл. 3

№ п/п	Дата	Грамотчик	Кому подписан грамотчик (статья формуляра)	Кто приказал выдать грамоту (помета на обороте)	№ строки в табл. 2
9	янв. 1542	Серпуховский Высоцкий м-рь	«сужу яз, князь великий, или мой дворецкой»	боярин и дворецкий кн. И.И. Курбенский	23
10	16.02.1542	жители вол. Кереть и Ковла	суд «на Москве перед нашим казначеем»	казначей И.И. Третьяков	24
11	окт. 1542	Николаевский Корельский м-рь	«сужу яз, князь великий, или наш казначей»	казначей И.И. Третьяков	27
12	16.03.1543	Троицкий Махришский	«сужу яз, князь великий, или мой боярин введенной, у которого будет матери моей великой княгини дворец в приказе»	боярин князь П.И. Репнин-Оболенский	29
13	март 1544	Каргопольский Челменский м-рь	«сужу аз, князь великий, или наш казначей»	казначей И.И. Третьяков	33
14	20.04.1544	крестьяне дворцового с. Андреевского	попрошатаев велено ставить перед «дворецким дмитровским, у кого будет Дмитров в приказе»	окольный и дворецкий дмитровский В.Д. Шейн	34
15	1.09. 1544	Троицкая Ионина пустынь	«сужу яз, князь великий, или мой дворецкой тферской, у кого будет Романов и Пошехонье в приказе»	боярин и тверской дворецкий И.С. Воронцов	35
16	февр. 1545(?)	Двинский Михаило-Архангельский м-рь	«сужу яз, князь великий, или наш казначей»	казначей И.И. Третьяков	37

Продолжение табл. 3

№ п/п	Дата	Грамотчик	Кому подписан грамотчик (статья формулы)	Кто приказал выдать грамоту (посмета на обороте)	№ строки в табл. 2
17	6.02.1545	Антониев Сийский м-рь	«сужу их яз, княз великий, или наш казначей»	«А приказа ся нову грамоту дати сам князь велики»	38
18	6.07.1546	Вологодская Глубоко- зерская пустынь	«сужу яз, князь великий, или мой дворецкой»	казначей И.И. Третьяков	46
19	5.10.1546	Симонов м-рь	«сужу яз, князь велики, или наш дворецкой»	казначей И.И. Третьяков и Ф.И. Сукин	48
20	30.01.1547	Вассианова Строкин- ская пустынь	«сужу яз, великий царь и госу- дарь, или наши казначей»	казначей И.И. Третьяков и Ф.И. Сукин	50
21	15.10.1547	попы и дьяконы двор- цовых сел	«сужу яз, царь и великий князь, или мой дворецкой Болшого дворца»	дворецкий Данило Романович [Юрьев]	55
22	28.10.1547	Торопецкий Троицкий м-рь	—	«приказал Андрей (?) Ивановичь Третьяков да Федор Ивановичь Сукин»	56
23	6.04.1548	Троице-Сергиев м-рь	«сужу яз сам, царь и государь и великий князь, или мои казначей»	казначей И.И. Третьяков и Ф.И. Сукин	59
24	3.07.1548	Кирилло-Белозерский м-рь	—	казначей Ф.И. Сукин	60
25	5.07.1548	Глушицкий м-рь	«сужу яз сам, царь и великий князь, или мой дворецкой ря-	рязанский дворецкий П.В. Мо- розов	61

Продолжение табл. 3

№ п/п	Дата	Грамотчик	Кому подсуден грамотчик (статья формуляра)	Кто приказал выдать грамоту (помета на обороте)	№ строки в табл. 2
			занской, у кого будет Вологда в приказе»		
26	15.07.1548	Корнильев Спасо-Пре- ображенский м-рь	«сужу их яз, царь и великий князь, или мой дворецкий»	боярин и дворецкий Д.Р. Юрьев	62
27	25.08.1548	Важский Богословский м-рь	«их судят на Москве наши казначей»	казначей И.И. Третьяков и Ф.И. Сукин	63

Как видим, между пунктом о подсудности грамотчика и статусом должностного лица, приказавшего выдать грамоту, действительно существовала взаимосвязь. В грамотах, выданных по распоряжению боярина кн. И. В. Шуйского, судьей высшей инстанции именуется, наряду с самим великим князем, боярин введенный. Если же грамота выдана по приказу дворецкого кн. И. И. Кубенского, то в той же формуле вместо боярина введенного фигурирует дворецкий. Аналогичные изменения претерпевает эта клаузула в случае, если грамоту выдал казначей; причем если в выдаче грамоты участвовали два казначея (И. И. Третьяков и Ф. И. Сукин), то и в самой грамоте в соответствующем месте употребляется множественное число: «сую яз сам, царь и государь, и великий князь, или мои казначеи».

Так же чутко реагирует формуляр на появление в качестве «приказчиков» грамоты дворецких областных дворцов (тверского, дмитровского, рязанского). Например, в тарханно-несудимой грамоте, выданной 5 июля 1548 г. Глушицкому Вологодскому монастырю по приказу рязанского дворецкого П. В. Морозова, в пункте о подсудности грамотчика говорится: «А кому будет чего искати на игумене с братиею и на их приказших и на крестьянх, ино их сую яз сам, царь и великий князь, или мой дворецкой рязанской, у кого будет Вологда в приказе»⁷⁴. (Действительно, как уже давно установлено исследователями, Вологда находилась в ведении дворецкого Рязанского дворца⁷⁵.) А в жалованной несудимой грамоте Троицкой Иониной пустыни на земли в Романовском и Пошехонском уездах, выданной 1 сентября 1544 г. по распоряжению тверского дворецкого И. С. Воронцова, та же статья звучала следующим образом: «А кому будет чего искати на строителе Ионе з братьею и на их слугах и на крестьянх, ино их сую яз, князь великий, или мой дворецкой тферской, у кого будет Романов и Пошехонье в приказе. А кому будет до строителя и до старцов и до слуг и до крестьян монастырских каково дело, те люди по них посылают моих приставов дворцовых недельщиков Тферскаго дворца...»⁷⁶

Обращение к формуляру грамоты позволяет в ряде случаев уточнить статус лица, приказавшего ее выдать. А. А. Зимин полагал, что в 1535—1538 гг. углицким и калужским дворецким был боярин кн. И. В. Шуйский: основанием для этого вывода ученому

⁷⁴ *Аверосий*. История. М., 1811. Т. III. С. 716.

⁷⁵ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 190 (прим. 82), 193.

⁷⁶ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 475 об. (список XVIII в.).

послужил факт выдачи Шуйским грамот на территории, входившие в Углицкий дворец⁷⁷. Между тем, как уже говорилось выше, в грамотах, выданных по его приказу в январе 1535 г. и августе 1538 г., судьей высшей инстанции назван боярин введенный, а не дворецкий (см. строки 1 и 3 в табл. 3). Таким образом, нет никаких оснований считать, что кн. И. В. Шуйский исполнял обязанности углицкого дворецкого; к тому же этот чин явно был слишком низким для боярина и представителя знатнейшего княжеского рода, каким был князь Иван Васильевич.

Итак, можно утверждать, что по общему правилу некоторые пункты формуляра (в частности, пункт о подсудности грамотчика) видоизменялись в зависимости от того, в чьей юрисдикции находился грамотчик; эту ведомственную принадлежность и фиксировали известные нам пометы на оборотах грамот. Встречаются, однако, и исключения из этого «правила», впрочем, немногочисленные (см. строки 6, 18 и 19 в табл. 3). Например, согласно помете на обороте тарханно-несудимой грамоты Соловецкому монастырю от 2 февраля 1541 г., грамоту приказал выдать казначей И. И. Третьяков, а в самом документе пункт о подсудности грамотчика изложен без учета этого обстоятельства: «...а кому будет чего искати на игумене з братьею, ино их сужю яз, князь великий, или мой боярин введенной»⁷⁸. Однако это видимое противоречие объясняется просто: грамота 1541 г., как явствует из ее текста, была дана от имени Ивана IV по челобитью игумена Алексея с братией «по тому ж, какова у них была грамота жаловалная отца нашего великого князя Василья Ивановича всеа Руси». Эта последняя подробно пересказывается в тексте нового документа, включая и пункт о суде: «...а кому будет чего искати на соловецком игумене з братьею, ино их судил отец наш князь великий Василей Иванович всеа Руси или его боярин введенной»⁷⁹. Таким образом, вероятнее всего, новая грамота была механически переписана со старой, и пункт о подсудности грамотчика остался без изменений.

Сложнее объяснить, почему грамоты, выданные в 1546 г. казначеем И. И. Третьяковым вологодской Глубокоезерской пустыни, а также им и Ф. И. Сукиным — Симонову монастырю, содержат указание на суд дворецкого (стр. 18, 19 в табл. 3). Были ли и эти два случая следствием ошибки подьячих, механически переписавших

⁷⁷ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 193 и прим. 114.

⁷⁸ АСЭИ/АСМ. № 85. С. 55.

⁷⁹ Там же.

соответствующие пункты формуляра с прежних грамот, или имело место вмешательство казначеев в юрисдикцию дворецкого, — неясно (к этому вопросу мы вернемся в 9-й главе).

Несмотря на иногда встречающиеся отдельные нестыковки между текстом документов и содержанием дорсальных надписей, сам принцип выдачи грамот по ведомственной принадлежности (территориальной, служебной и т.п.) сомнений не вызывает. А то обстоятельство, что, как было показано выше, ведомственная принадлежность отражалась в формуляре грамот, дает исследователям ключ к определению «авторства» даже тех документов, которые не имеют помет на обороте. Ведь выявленные нами 65 грамот с дорсальными надписями «приказного» типа — это лишь небольшая часть из 571 известной ныне жалованной и указной грамоты 30—40-х гг. XVI в. Если же удастся обнаружить в формуляре грамоты следы ее ведомственной принадлежности, то можно попытаться установить, по чьему приказу она была выдана, даже не имея «подсказок» в виде соответствующих дорсальных надписей.

Так, например, в жалованной грамоте Троицкому Усть-Шехонскому монастырю от 3 февраля 1539 г. в обычной клаузуле о подсудности грамотчика говорится: «А кому будет на том игумене и на старцех и на их приказчикех чего искати, и в том их сужю яз, князь велики, или наш дворецкой Большаго дворца»⁸⁰. На этом основании можно с большой долей уверенности утверждать, что грамоту приказал выдать дворецкий Большого дворца кн. И. И. Кубенский, занимавший тогда эту должность. Аналогично решается вопрос о том, кем была выдана жалованная грамота Соловецкому монастырю от 24 ноября 1547 г.: поскольку в тексте употреблена формула «сужю яз, царь и государь и великий князь, или наши казначеи»⁸¹, то, вероятнее всего, грамота была выдана по распоряжению казначеев И. И. Третьякова и Ф. И. Сукина (их имена значатся на обороте нескольких других грамот 1547 г., см. строки 20, 22 в табл. 3).

Суммируя сделанные выше наблюдения, следует подчеркнуть исключительную ценность лицевых и дорсальных помет на грамотах 30—40-х гг. XVI в. В сочетании с формулярным анализом изучение этих надписей дает исследователям очень важную информацию по истории внутреннего управления Русского государства. В перспективе было бы полезно составить общий каталог помет на

⁸⁰ ОР РГБ. Ф. 256. Кн. 53. Л. 11об. (список XIX в.).

⁸¹ АСЭИ/АСМ. № 130. С. 81.

великокняжеских и царских грамотах, выдававшихся на протяжении всего XVI столетия.

4. Путная печать Ивана IV

Наряду с формуляром и сохранившимися на грамотах канцелярскими пометами ценную информацию по интересующей нас теме содержат печати. Возможности их использования при изучении внутреннего управления эпохи «боярского правления» хорошо видны на примере одного малоизвестного эпизода из истории русской дипломатики и сфрагистики: речь пойдет о так называемых «путных» печатях 40-х гг. XVI в.⁸²

Изучая официальные акты 1534—1548 гг., я обратил внимание на необычную фразу в конце некоторых грамот. Так, в жалованной грамоте Ивана IV игумену Троице-Сергиева монастыря Никандру на безмытную торговлю в г. Переславле крестьян монастырского села Нового (Ростовского уезда) от 5 октября 1543 г. сказано: «К сей грамоте яз, князь великий, велел и печать свою путную приложить»⁸³. В известных мне более ранних документах выражение «путная печать» не встречается. Необычно и то, что упомянутая жалованная грамота скреплена не красновосковой печатью, как это было принято в XVI в. для этого типа документов, а желтовосковой. Вот как издатели «Актов исторических» описали эту печать: «...приложена небольшая желтовосковая печать, на которой приметен стоящий человек с простертой рукою; надпись кругообразная стерлась, и печати уцелел только отрывок»⁸⁴. Обращение к подлиннику⁸⁵ ничего не прибавляет к этому описанию: за прошедшие с момента издания грамоты сто шестьдесят с лишним лет сохранность печати только ухудшилась.

Следующее по времени упоминание путной печати относится к марту 1544 г., когда троицкому игумену Никандру была выдана великокняжеская жалованная льготная грамота по случаю построй-

⁸² Имеющаяся в научной литературе информация о путных печатях ограничивается кратким упоминанием в подстрочном примечании к заключительной главе книги Каштанова (*Каштанов С. М.* Социально-политическая история. С. 363, прим. 188).

⁸³ АИ. СПб., 1841. Т. I. № 143. С. 209.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Ростов. № 21/10558.

ки вокруг монастыря каменной ограды. Поскольку грамота сохранилась только в списках XVII в., каким было изображение на печати, мы не знаем; известно только, что печать была «на черном воску»⁸⁶. Путная печать была приложена также к жалованной несудимой грамоте Ивана IV от 1 августа 1544 г., и вновь ее получателем был Троице-Сергиев монастырь. Как и в предыдущем случае, судить о внешнем виде печати мы не можем: грамота сохранилась только в списках⁸⁷.

Путной печатью была скреплена и грамота на беспошлинный провоз монастырских запасов, которой Иван IV пожаловал 15 марта 1545 г. троицкого игумена Никандра⁸⁸. Хотя эта грамота дошла до нас в подлиннике, но печать не сохранилась: остался только след черного воска⁸⁹.

Зато на основании упомянутых четырех грамот можно предложить правдоподобное объяснение самому термину «путная печать»: для этого нужно обратить внимание на место издания документов. Первая из интересующих нас грамот — от 5 октября 1543 г. — «писана на Волоце»⁹⁰; вторая (от 17 марта 1544 г.) «писана у Троицы в Сергиеве монастыре»⁹¹; там же, «у Троицы в Сергееве монастыре», написаны третья (от 1 августа 1544 г.)⁹² и четвертая (от 15 марта 1545 г.)⁹³ грамоты. Важно, что все эти документы были выданы не в Москве. Таким образом, можно предположить, что путная печать была атрибутом походной канцелярии Ивана IV: в частности, она сопровождала государя во время поездок на богомолье, в данном случае — в Троице-Сергиев монастырь.

Это предположение подтверждается при обращении к следующему документу — жалованной обельно-несудимой и заповедной грамоте, которую Иван IV, находясь «у Троицы в Сергиевом монастыре», выдал 3 октября 1546 г. игумену Ионе. Печать, названная «путной», на подлиннике грамоты не сохранилась: остался только ее след, позволяющий судить о том, что печать, видимо, была черновосковой⁹⁴. В данном случае известно и имя дьяка, выдавшего

⁸⁶ ОР РГБ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 527. № 288. Л. 253.

⁸⁷ Там же. № 289. Л. 253—254; Кн. 528. № 289. Л. 411—412 об.; Кн. 529. № 289. Л. 312—313.

⁸⁸ Опул. (по списку XVII в.): ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 203. С. 181—182.

⁸⁹ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. № 128.

⁹⁰ АИ. Т. I. С. 209.

⁹¹ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. Л. 253.

⁹² Там же. Л. 253 об.

⁹³ ААЭ. Т. I. С. 182.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 140/8864.

грамоту: на склейке имеется надпись: «дьяк Василей Григорьев», — речь идет о Василии Григорьевиче Захарове Гнильевском⁹⁵.

19 ноября 1546 г., во время пребывания государя в Великом Новгороде, была выдана еще одна льготная грамота игумену Троице-Сергиева монастыря Ионе. В конце документа сообщается о его скреплении путной печатью; остатки этой черновосковской печати сохранились до нашего времени, но изображение уже невозможно различить⁹⁶.

В декабре 1547 г., когда царь находился во Владимире, он выдал две жалованных тарханно-несудимых грамоты игумену Троице-Сергиева монастыря Ионе; обе были запечатаны путной печатью (в настоящее время сохранились только обломки черновосковских печатей)⁹⁷.

29 января 1548 г. Иван IV, находившийся тогда в Нижнем Новгороде, вновь пожаловал троицкого игумена Иону «з братьею», выдав им тарханно-несудимую грамоту на монастырские дворы с варницами в г. Балахне. Грамота была скреплена путной печатью, которая, в отличие от всех упомянутых ранее, дошла до нас в хорошем состоянии⁹⁸. На прикладной овальной черновосковской печати (2,2 x 2,8 см) изображен в профиль, вправо, обнаженный мужчина, который держит левую руку на бедре, а правой опирается на некий предмет, похожий на дерево (этот предмет виден нечетко, так как правый край печати обкрошился). Очевидно, при изготовлении матрицы этой печати была использована вправленная в перстень античная гемма: подобные печати были широко распространены в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. и в Московском государстве XVI—XVII вв.⁹⁹

Нельзя не заметить особого благоволения юного Ивана IV и его советников к обители святого Сергия в 1540-х гг.: монастырские власти неоднократно пользовались пребыванием государя «у Троицы» для получения жалованных грамот (17 марта и 1 августа 1544 г., 15 марта 1545 г., 3 октября 1546 г.); они же подавали челобитья Ивану IV во время его поездок в другие места: на Волок (5 октября

⁹⁵ См. о нем: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 118—119.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль Залесский. № 141/8865.

⁹⁷ Там же. ГКЭ. Торжок. № 4/12046; Владимир. № 24/1801.

⁹⁸ Архив СПб. ИИ. Кол. 41 (собр. Головина). Оп. 1. Д. 63.

⁹⁹ См.: *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. Изд. 2-е. М., 1974. С. 87—89, 120—121; *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 133, 138—140, 225.

1543 г.), в Великий Новгород (19 ноября 1546 г.), Владимир (24 декабря 1547 г.), Нижний Новгород (29 января 1548 г.) — и сразу получали просимое, не дожидаясь возвращения государя в столицу.

Впрочем, еще один имеющийся в нашем распоряжении документ показывает, что иногда и другие челобитчики в подобной ситуации добивались немедленного удовлетворения своих просьб. Так, 18 февраля 1548 г. во Владимире Иван IV выдал льготную грамоту с освобождением от всех пошлин на три года архимандриту Муромского Борисоглебского монастыря Семиону «з братьею», жаловавшимся на разорение от казанских татар и царских сборщиков податей. К грамоте была приложена путная печать, до нашего времени не сохранившаяся¹⁰⁰.

Всего за 1543—1548 гг. удалось выявить десять жалованных грамот, скрепленных путной печатью. Не исключено, что в результате дальнейших архивных поисков число известных нам подобных документов возрастет, однако уже сейчас можно утверждать, что путная печать характерна именно для 40-х гг. XVI в.; в последующую эпоху распространения она не получила.

Размышляя о причинах этого феномена периода «боярского правления», можно указать на участвовавшие с 1543 г. поездки юного государя по стране, что давало челобитчикам шанс добиться быстрого решения своего дела путем личного обращения к монарху, избегнув тем самым уже получившей печальную известность московской волокиты¹⁰¹.

Приведенный материал позволяет сделать ряд наблюдений о канцелярской практике описываемого времени. Прежде всего можно прийти к выводу о том, что хранившаяся в казне государственная печать, которой скреплялись наиболее важные документы, включая жалованные грамоты, по-видимому, из Москвы не вывозилась¹⁰². Именно поэтому дьяки, сопровождавшие великого кня-

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Муром. № 9/7741. Оpubл.: *Маштафаров А. В.* Муромские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 54—56.

¹⁰¹ Одно из самых ранних упоминаний «московской волокиты» содержится в указной грамоте, посланной в марте 1546 г. на Вятку, см.: *Труды Вятской УАК 1905 года. Вятка, 1905. Вып. 3. Отд. 3. С. 88.*

¹⁰² О том, как выглядела в 40-е гг. XVI в. государственная печать, можно судить по хорошо сохранившейся красновосковой печати (с изображением всадника, поражающего копьем дракона, на одной стороне и двуглавого орла — на другой), привешенной к жалованной грамоте Симонову монастырю от 6 августа 1546 г. См.: АФЗХ/АМСМ. № 82. С. 95 (легенда). В научной

зя (а с 1547 г. — царя) в поездках, попытались найти ей замену в виде «путной», т.е. походной печати.

В этой связи следует отметить, что, по наблюдениям западных медиевистов, пребывание монарха в том самом месте и в тот самый день, которые обозначены в дате изданной от его имени грамоты, — это архаическая черта средневековой администрации, связанная с личным характером королевской власти. Людовик Святой (1226—1270) действительно находился там и тогда, где и когда издавались его эдикты и другие акты; при Филиппе Красивом (1285—1314) это уже не было правилом¹⁰³.

Было бы интересно провести аналогичное исследование на русском материале и выяснить, когда фактическое местонахождение государя перестало строго соответствовать месту выдачи его грамот. Можно заметить, например, что уже с начала XVI в., когда установился обычай указывать в дате грамоты не только год, но и место ее выдачи, в качестве такового, как правило, называется Москва. Достаточно сказать, что все жалованные грамоты, полученные Троице-Сергиевым монастырем от великого князя Василия III (1506—1533), были выданы в Москве¹⁰⁴. На этом фоне девять троицких грамот, которые в 1540-е гг. были пожалованы монастырю Иваном IV во время его пребывания в этой обители, а также в Великом Новгороде, Владимире и Нижнем Новгороде, выглядят явной аномалией.

Есть, однако, основания утверждать, что и в 40-е гг. XVI в. выдача грамот государем во время его поездок по стране являлась исключением из правила — исключением, которое делалось для тех или иных челобитчиков. Нормальный же порядок заключался в том, что жалованные грамоты, скрепленные, как полагалось, красновосковой печатью, выдавались в Москве — даже в тех случаях, когда великого князя в столице не было.

Так, 4 октября 1543 г., т.е. накануне появления первой известной нам жалованной грамоты за путной печатью, выданной игумену Троице-Сергиева монастыря Никандру, троицкие власти полу-

литературе печать этого типа именуется малой государственной, или кормленной, печатью (см.: *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. С. 128—129).

¹⁰³ См.: *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001. С. 245, 404.

¹⁰⁴ См.: АРГ. М., 1975. № 23, 32, 34, 88, 89, 98, 99, 135—137, 146, 147, 175, 185 (место выдачи не указано), 193, 205, 206, 211 (место выдачи не указано), 220, 250, 280; АИ. Т. I. № 132; ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. № 100; АТН. Вып. II. Юрьев, 1897. № 7; и др.

чили другую жалованную грамоту (на соляные варницы): она была выдана в Москве (в отсутствие великого князя, находившегося тогда на Волоке) и скреплена красновосковской печатью¹⁰⁵. Три года спустя, 3 октября 1546 г., Иван IV, находясь «у Троицы», пожаловал игумена Иону, который получил грамоту за путной печатью, а накануне, 2 октября, в Москве была выдана жалованная грамота Л. П. Поликарпову: подлинник ее дошел до нашего времени, и на нем можно видеть красновосковскую печать¹⁰⁶. 5 октября того же года получил жалованную грамоту московский Симонов монастырь. Место ее выдачи в самом документе (мы располагаем его подлинником) не указано, но сохранился обломок красновосковской печати¹⁰⁷, а на обороте читаются имена казначеев И. И. Третьякова и Ф. И. Сукина (см. выше табл. 2, строку 48): очевидно, как справедливо предположил С. М. Каштанов, грамота была выдана казначеями в столице, в отсутствие Ивана IV¹⁰⁸. Тот же исследователь обратил внимание на то, что в июне — августе 1546 г., когда великий князь находился в Коломне, грамоты от его имени выдавались в Москве¹⁰⁹.

Использование путных печатей так и осталось кратковременным «экспериментом»; дальнейшего распространения эта практика не получила. Во второй половине XVI в., судя по опубликованным документам, грамоты выдавались только в столице, хотя цари (как, например, Иван Грозный в годы опричнины) не раз на длительный срок покидали ее пределы. В самом конце XVI столетия в заключительной части некоторых грамот появляется указание на их выдачу «в царствующем граде Москве»¹¹⁰: тем самым за столицей окончательно был закреплен статус средоточия власти и единственного места, откуда могли исходить законные акты.

Так история о путных печатях, которая на первый взгляд может показаться лишь любопытным, но малозначительным казусом, в более широком контексте предстает весьма важным и показательным эпизодом в длительном процессе централизации и деперсонализации власти, ее отделения от личности государя.

¹⁰⁵ ААЭ. Т. I. № 200. С. 179.

¹⁰⁶ АСЗ. Т. III. № 331. С. 272.

¹⁰⁷ АФЗХ/АМСМ. № 83. С. 97.

¹⁰⁸ Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 363.

¹⁰⁹ Там же. С. 360.

¹¹⁰ См., например, жалованную грамоту царя Бориса Федоровича Новодевичьему монастырю от 30 января 1599 г.: АРГ/АММС. № 141. С. 344.

Глава 8

ФУНКЦИИ ГОСУДАРЯ И ЕГО СОВЕТНИКОВ В УПРАВЛЕНИИ СТРАНОЙ

1. ПРЕРОГАТИВЫ МОНАРХА

Политический кризис 30—40-х гг. XVI в., ключевые события которого были рассмотрены в первой части книги, высветил некоторые характерные черты русской монархии того времени и, в частности, показал действительную роль государя в функционировании политической системы страны. Выяснилось, что некоторые функции являлись неотъемлемыми прерогативами великого князя и, в случае его малолетства и фактической недееспособности, не могли быть переданы даже матери государя, не говоря уже о других лицах, претендовавших на регентство. К числу таких прерогатив в первую очередь относилось представительство страны во внешнеполитической сфере, ведь по понятиям той эпохи государь олицетворял собой государство.

Как было показано выше, Иван IV уже с трехлетнего возраста был вынужден участвовать в утомительных для маленького ребенка посольских приемах¹. Его мать, великая княгиня Елена Васильевна, на подобных придворных церемониях, как правило, не присутствовала (во всяком случае, ее присутствие не зафиксировано в посольских книгах 1530-х гг.). Единственное исключение — устроенный Еленой на своем дворе прием в январе 1536 г. бывшего казанского хана Ших-Али (Шигалея) — только подтверждает это правило².

После смерти матери роль юного государя во внешнеполитических делах принципиально не изменилась: она по-прежнему сводилась к участию в посольских приемах, но по мере того, как царственный отрок вырос, его общение с иностранными послами

¹ См. гл. 3.

² Поскольку бывший казанский хан был вассалом Москвы, а сама Казань с конца XV в. считалась «вотчиной» великого князя, отношения с Шигалеем в значительной мере являлись внутренним делом русского правительства, не выходя на уровень внешнеполитических контактов с соседними державами.

становилось более продолжительным, а формы этого общения — более разнообразными. В начале сентября 1538 г. крымский посол Дивей-мурза «с товарищи» во время аудиенции у Ивана IV был пожалован дорогой тканью («платном»), но «ести их князь велики не звал — того деля, что еще у него стол не живет»³. А чуть более полугода спустя, 4 мая 1539 г., встречаем едва ли не первую запись в посольской книге о данном государем обеде («столе») в честь ханского посла Сулеша: во время пира «князь велики к бояром колача послал с кравчим, а Сулешу в ту же пору подал из своих рук...»⁴.

Переговоры с посланцем хана Сахиб-Гирея Сулеш-мурзой в мае 1539 г. примечательны еще и тем, что тогда же, по-видимому, впервые послы услышали довольно продолжительные речи самого государя (разумеется, не приходится сомневаться в том, что их содержание было продиктовано Ивану его взрослыми и искушенными в дипломатии советниками). Так, 16 мая во время аудиенции в кремлевских палатах великий князь «сам говорил» послу: «Сулеш-мурза! Посылали есмь с тобою говорити бояр своих, которые слова в шертной грамоте непригожие были, а иные многие убавлены слова; и ты те слова из шертной грамоты выставил и грамоту еси шертную велел переписать цареву бакшею слово в слово, какова грамота шертная Менли-Гиреева царева у отца нашего, у великого князя Василья; и правду еси нам учинил. Ино то делаешь гораздо, что брату нашему и нам служишь прямо»⁵.

Два дня спустя великий князь в присутствии крымского посла «учинил правду», т.е. скрепил крестоцелованием договор (шертную грамоту) с ханом. Церемония сопровождалась краткой речью государя: «Целую яз крест к брату своему к Саиб-Гирею царю на сей шертной грамоте, на том, как в сей шертной грамоте писано — по тому ему хотим и правити, и в дружбе и в братстве в крепком хотим с ним быти»⁶. В тот же день состоялся пир, после которого Иван IV, встав из-за стола, вновь произнес речь: «Сулеш-мурза! Межи нас з братом нашим с Саиб-Гиреем царем доброе дело, дал Бог, поделалось. Дай Бог, брат наш здоров был, а мы здес(ь) на своем государстве здоровы были. Хотим брата своего чашу пода-ти»⁷. «И подавал князь велики цареву чашу, — говорится далее в

³ РГАДА. Ф. 123 (Крымские дела). Кн. 8. Л. 530.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 589 об.

⁵ Там же. Л. 604—604 об.

⁶ Там же. Л. 605 об. — 606.

⁷ Там же. Л. 606—606 об.

посольской книге, — да сам, выпив чашу, да подал Сулешу; а после того бояром подавал чашу». Пожаловав посла серебряным ковшем с медом, государь отпустил его на подворье: на этом церемония закончилась⁸.

Читая приведенные строки, можно невольно забыть о том, что юному Ивану IV, произносившему положенные по протоколу речи и поднимавшему задравную чашу в честь своего «брата» — крымского хана, еще не было в ту пору и девяти лет. Все ритуалы, предусмотренные русским посольским обычаем, он исполнял уже в полном объеме, без какой-либо скидки на возраст. Но современники прекрасно понимали разницу между представительскими функциями и реальным принятием важных решений. Когда тот же Сулешмурза во время своей очередной миссии в Москве добивался отпуски в Крым, он попросил встречи с кн. И. В. Шуйским и 20 октября 1539 г. был принят могущественным боярином на его дворе⁹.

В 40-е гг. XVI в., когда великий князь надолго оставлял свою столицу, оперативное руководство внешнеполитическими делами, как явствует из сохранившихся посольских книг, находилось в руках бояр. Они получали все донесения, приходившие на имя Ивана IV, и принимали прибывавших иностранных гонцов; после ознакомления с корреспонденцией копии грамот посылались великому князю¹⁰. Но бояре не только информировали государя о происходивших событиях: они самостоятельно принимали необходимые меры, не дожидаясь указаний от великого князя и будучи, очевидно, уверены, что все предпринятые ими шаги будут одобрены Иваном IV.

Так, весной 1544 г., когда великий князь находился на богомолье в Никольском монастыре на Угреше, бояре занимались подготовкой пограничного съезда русских и литовских представителей («судей») для размежевания спорных земель в районе Себе-

⁸ РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 606 об. — 607.

⁹ Там же. Л. 664 об. — 665.

¹⁰ Так, в январе 1546 г. казаки привезли в Москву грамоту от русского посла в Крым В. П. Борисова, а Иван IV находился тогда «в отъезде в Ворех». Бояре доставленную грамоту «вычили и послали к великому князю с Ыгнатьем з Голохвастовым» (РГАДА. Ф. 123. Кн. 9. Л. 15—15 об.). Следом в Москву прибыл крымский гонец Утеш с ханскими грамотами, «и бояре те грамоты все велели отдать Василию Федорову сыну Карпова, а велели их перевести. И генваря 12, — говорится далее в посольской книге, — Василей Федоров сын Карпова перевел царевы 2 грамоты и к бояром принес. И бояре, выслушав грамоты, велели, списав списки, послати к великому князю» (Там же. Л. 29 об. — 30).

жа: «И мы, государь, — докладывали они Ивану IV, — судьям твоим Михайлу Карамышеву да Ширию Грибакину велели ехать на Себеж, а к твоим есмь, государь, воеводам на Себеж *послали от тебя, государя, грамоту*, а велели им себежских старожилцов и тех людей, которым твоим государевым людем учинились обиды от литовских людей, и от которых от твоих государевых людей учинились обиды литовским людем, держати их всех готовых»¹¹ (выделено мной. — М. К.).

В цитируемой грамоте бояре почтительно испрашивали у своего государя дальнейших указаний по поводу проведения пограничного съезда, но при этом, что характерно, сами «подсказывали» нужное решение, подробно пересказывая ранее состоявшийся «приговор», в котором детально регламентировался порядок межевания спорных земель и удовлетворения накопившихся с обеих сторон «обид». По сути, от великого князя ожидалось лишь подтверждение заранее согласованного и подробно описанного плана действий, что и нашло отражение в вопросе: «И ныне, государь, как укажешь: по тому ли твоему государеву указу на Себеж послати твой государев наказ?»¹² Едва ли на этот вопрос предполагался какой-то иной ответ, кроме утвердительного. Зато на волю Ивана IV (или, что более вероятно, сопровождавших его доверенных лиц) полностью отдавалось решение второстепенных проблем: «Да о том бы еси, государь, указал: где съезду быти, блиско ли Себежа, или где подале Себежа, где будет пригоже, и колким [скольким. — М. К.] детем боарским быти на съезде с твоими государевыми судиями...»¹³

Пройдут годы, и личность грозного царя наложит явственный отпечаток на внешнюю политику России второй половины XVI в., но в период «боярского правления» влияние самого монарха на выработку дипломатических и военных решений было совершенно незаметно. Постепенно освоив к восьмилетнему возрасту условности придворного этикета и посольских обычаев, юный государь ими и ограничивался.

* * *

Другой прерогативой монарха, которую особенно четко высветил политический кризис 30—40-х гг. XVI в., была его роль верховного арбитра по отношению к придворной элите. Именно от госу-

¹¹ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 237.

¹² Там же. С. 238.

¹³ Сб. РИО. Т. 59. С. 238.

даря зависело сохранение или изменение сложившейся при дворе иерархии, возвышение одних семейств и опала других, а также урегулирование местнических конфликтов. Но, в отличие от внешне-политического представительства, функция контроля за элитой требовала не ритуального присутствия монарха, а проявления его воли: следовательно, ее мог осуществлять только дееспособный государь. Именно потребность в верховном арбитре заставила бояр вручить бразды правления Елене Глинской, отстранив от власти назначенных Василием III душеприказчиков-опекунов.

Хотя полномочия «государыни великой княгини», как я старался показать, не были безграничны, но все же придворной аристократии пришлось, стиснув зубы, ей подчиниться. После смерти Елены (возможно, насильственной) никакой общепризнанной верховной инстанции при дворе не осталось: «...бояре живут по своей воле, а от них великое насилие, а управы в земле никому нет, а промеж бояр великая рознь...»¹⁴ — так оценил ситуацию придворный архитектор Петр Фрязин, бежавший осенью 1538 г. в Ливонию. Попытки митрополитов Даниила и Иоасафа заполнить вакуум верховной власти и взять под свой контроль не только духовные, но и светские дела, были, как мы помним, решительно отвергнуты боярской верхушкой во главе с князьями Василием и Иваном Шуйскими, которые прибегли к насилию для низложения обоих церковных иерархов.

Фактическая недееспособность юного государя и невозможность найти ему какую-либо легитимную замену на роль верховного арбитра в придворной среде привели к резкому росту местнических дел начиная с 1539 г. Теми же причинами, что и расцвет местничества, объясняется, по-видимому, еще одно примечательное явление эпохи «боярского правления» — отсутствие крестоцеловальных и поручных записей, с помощью которых великие князья и цари гарантировали верность своих подданных. За период с декабря 1533 до декабря 1547 г. мы имеем только один документ такого рода: это уже известная нам крестоцеловальная запись кн. Андрея Старицкого на верность Ивану IV и его матери великой княгине Елене¹⁵.

¹⁴ АИ. СПб., 1841. Т. I. № 140. С. 203.

¹⁵ СГГД. М., 1813. № 163. Ч. I. С. 451—452. См. также опись фонда 135 РГАДА, где хранятся все дошедшие до нас крестоцеловальные и поручные записи: Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135 / Сост. В. Н. Шумилов. М., 1971. С. 95, 100.

9 декабря 1547 г. датирована поручная запись по кн. И. И. Пронскому, взятая в связи с его неудавшейся попыткой побега¹⁶. Характерно, что предыдущая дошедшая до нас поручная запись (по князьям И. М. и А. М. Шуйским) относится к июню 1528 г.¹⁷ Вполне понятно, что при боярах-правителях этот механизм контроля над лояльностью знати оставался без употребления.

Таким образом, внешнеполитическое представительство (и шире — олицетворение верховной власти как внутри страны, так и по отношению к соседним державам) и контроль над придворной элитой являлись двумя неотъемлемыми прерогативами государя, которые не могли быть переданы никому из его подданных. Что же касается других управленческих функций, то они, как будет показано далее в этой главе, вполне могли осуществляться и без личного участия великого князя.

2. ДЕЛЕГИРОВАНИЕ СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРЯ ЕГО СОВЕТНИКАМ

Признаки делегирования судебной власти государя его советникам заметны еще в эпоху Ивана III. Первая статья Судебника 1497 г. начинается словами: «Судити суд бояром и околничим»¹⁸. В первой половине XVI в. состав великокняжеского суда расширился за счет дворецких и казначеев. Эти изменения нашли отражение в формуляре несудимых грамот, предоставлявших грамотчикам иммунитет от наместничьего суда и переносивших рассмотрение их дел сразу в суд высшей инстанции, в Москву. Как было показано в предыдущей главе, формулировка пункта о том, кому, помимо самого великого князя, подсуден грамотчик (введенному боярину, дворецкому или иному должностному лицу), зависела от того, кто приказал выдать эту грамоту.

Из известных на сегодняшний день 189 жалованных несудимых грамот 1534—1548 гг. в 83 грамотах судьей высшей инстанции наряду с великим князем (с 1547 г. — царем) назван его боярин введен-

¹⁶ См.: Антонов А. В. Поручные записи 1527—1571 годов // РД. М., 2004. Вып. 10. Док. № 3. С. 13—14.

¹⁷ Там же. Док. № 2. С. 11—13.

¹⁸ Судебники XV—XVI веков. М., 1952. С. 19.

ный¹⁹, в 61 грамоте — дворецкий (Большого дворца или областных дворцов), в 14 грамотах — казначей; другие варианты единичны²⁰ (см.: Прил. III). О каких-либо статистических выводах при заведомой неполноте наших данных говорить, конечно, не приходится, но одна тенденция прослеживается достаточно отчетливо: десятки упоминаний дворецких и казначеев в формуляре несудимых грамот свидетельствуют о проникновении ведомственного начала в суд высшей инстанции.

Что касается судебной практики изучаемого времени, то имеющиеся в нашем распоряжении сведения очень немногочисленны, но некоторые наблюдения сделать все же позволяют (см. табл. 4).

Как видим, на практике суд высшей инстанции порой действительно вершил боярин (кн. И. В. Шуйский в 1534 г., кн. И. Ф. Овчина в 1537 г.: строки 3, 11 в табл. 4), но в большинстве известных нам случаев приговоры от имени великого князя были вынесены дворецкими или казначеями (Там же. Строки 1, 2, 4, 10, 14—23, 25, 26, 28—31). К сожалению, из-за неполноты и отрывочности сохранившихся данных мы не можем сказать, насколько отраженное в таблице частотное соотношение между судом бояр и судом дворецких и казначеев соответствовало реальному положению дел.

Но особый интерес представляют те случаи, когда в качестве судьи выступил сам великий князь (строки 5—9, 12, 13, 27), причем не может не вызвать удивления тот факт, что целый ряд подобных казусов пришелся на 1535—1536 гг.: неужели пяти- или шестилетний ребенок мог лично вершить правосудие? Остается предположить, что дело ограничивалось присутствием юного государя на слушании судебных дел: в этом случае его роль была столь же протоколно-ритуальной, как и во время посольских приемов.

Действительно, как выясняется при обращении к тексту сохранившихся документов, участие маленького великого князя в судопроизводстве ограничивалось произнесением нескольких коротких стандартных фраз, полагавшихся по протоколу. Заслушав судный список, судья (в данном случае — «сам» Иван IV) задавал истцу и ответчику обязательный вопрос: «Был ли вам таков суд, как в сем списке писано». Получив утвердительный ответ, он выносил приго-

¹⁹ В эту рубрику включены и редко встречающиеся выражения: «мой боярин» (3 случая) и «мои бояре» (1 случай).

²⁰ В трех случаях упомянут сокольничий, по одному разу встретились варианты «сужу яз, князь великий, или мои бояре» и «...или кому прикажу».

Таблица 4

**Суд высшей инстанции по сохранившимся документам
30—40-х гг. XVI в.**

№ п/п	Дата приговора московского судьи	Московский судья, которому было доложено дело	Дата выдачи грамоты	Заголовки грамоты	Архивный шифр документа или публикация
1	11.02.1534	Дворецкий кн. И.И. Ку-бенский(доклад). Под-пись дьяка Ф. Мишурина	1534 [после11.02]	Правая и разезжая грамота суда Ф.Г. Стогини-на Ферапонтову м-рю по тяжбе с крестьянами Есоянинской вол.	РИБ. Т. 32. № 131. Стб. 226—239
2	15.04.1534	Дворецкий кн. И.И. Ку-бенский. Подпись дьяка Ф. Мишурина	1534 [после15.04]	Правая грамота суда писца С.Г. Соловцова симоновскому приказчику Андрею по тяжбе Симоновского м-ря с великокняжескими кре-стьянами д. Великий Починок из-за спорных сенокосных лугов по р. Вексе	АФЗХ/ АМСМ№ 46. С. 48—52
3	4.05.1534	Боярин кн. И.В. Шуй-ский. Подпись дьяка Ти-мофея Федорова сына Михайлова	4.05.1534	Правая грамота суда боярина кн. И. В. Шуй-ского игумену Троицкого Махришского м-ря Ионе по тяжбе с Шарпом Семеновым сыном Баскакова и его сыновьями о сд. Полосине и д. Глинкове	АЮБ. Т. I. СПб., 1857. № 52/IV. Стб. 172—192
4	[Ранее 10.07.1534]	Дворецкий кн. И.И. Ку-бенский (упоминание о вынесенном им при-говоре)	10.07.1534	Указная грамота Ивана IV в Галич С.Г. Солов-цову об организации судебного поединка меж-ду людьми Т. Котенина и крестьянами Забо-лошской вол.	АСЗ. Т. I. № 122. С. 96—97

Продолжение табл. 4

№ п/п	Дата приговора московского судьи	Московский судья, которому было доложено дело	Дата выдачи грамоты	Заголовок грамоты	Архивный шифр документа или публикация
5	[1534, сентябрь — 1535, август]	Великий князь Иван Васильевич «всёя Руси»	1534, сентябрь — 1535, август	Разъезжая судей А.С. Караулова и подьячего Я.С. Шелкалова земле Новодевичьего м-ря с. Бельского с дд. с землей Троице-Сергиева м-ря с. Сукромского с дд.	АРГ/АММС. № 125. С. 294—298
6	26.02.1535	Великий князь Иван Васильевич «всёя Руси». — Подпись дьяка Дурака Мишурина	26.02.1535	Докладной судный список, с доклада великому князю Ивану Васильевичу, суда данных судей Д.П. Бакина и З. А. Рутотина о спорной земле между поместьем толмача Григория Михайлова и селом Иевлевским Троице-Сергиева м-ря	ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 164—165 об., 339—339 об., 341—341 об. Списание 30-х гг. XVI в.
7	1535, [апрель ²¹]	Великий князь Иван Васильевич «всёя Руси». — Подпись дьяка Дурака Мишурина	1535, [апрель — август]	Правая грамота по докладному судному списку (с доклада великому князю Ивану Васильевичу) суда Григория Беберина, тиуна каширского наместника кн. И.Д. Пенкова, слуге	АГР. Т. I. № 45. С. 47—52

²¹ В источнике указана 8-я неделя после Соборного воскресенья, которое в 1535 г. пришлось на 14 февраля (Соборное воскресенье отмечается за 42 дня до Пасхи, а она в 1535 г. праздновалась 28 марта, см.: *Пронштейн А. П., Кишко В. Я. Хронология. М., 1981. Прил. За. С. 173*). Речь идет, таким образом, о второй неделе апреля 1535 г.

Продолжение табл. 4

№ п/п	Дата приговора московского судьи	Московский судья, которому было доложено дело	Дата выдачи грамоты	Заголовок грамоты	Архивный шифр документа или публикация
				Троицкого Белопесоцкого м-ря Софону Кириллову сыну по его тяжбе с людьми кн. И.А. Лапина о бое и грабеже	
8	23.06.1535	Великий князь Иван Васильевич «всеа Русии». — Подпись дьяка Григория Дмитриева [Загряжского]	23.06.1535	Докладной судный список, с доклада великому князю Ивану Васильевичу, суда К.Л. Копытова и З.А. Руготина о спорной земле между поместьем В.Ф. Мансурова и троицким селом Присеки ²²	АГР. Т. I. № 44. С. 45—47
9	7.06.1536	Великий князь Иван Васильевич «всеа Русии». — Подпись дьяка Дурака Мишурина	7.06.1536	Докладной судной список, с доклада великому князю Ивану Васильевичу, суда подьячего Михаила Иванова сына и Р.Г. Кроткого по тяжбе Салтыка Исакова сына, приказчика села Скорынова, поместья Ф.И. и Н.И. Чулковых, со старцем Троице-Сергиева м-ря Дамьяном о спорных лугах и лесе между чулковским селом Скорыновым и троицким селом Присеки	АГР. Т. I. № 46. С. 52—55

²² Этот докладной судный список сохранился также в составе разьежей грамоты судей З. А. Руготина и К. Л. Копытова, размежевавших земли поместья В. Ф. Мансурова с троицким селом Присеки, от 2 августа 1537 г. (АГР. Т. I. № 47. С. 55—57).

Продолжение табл. 4

№ п/п	Дата приговора московского суда	Московский судья, которому было доложено дело	Дата выдачи грамоты	Заголовок грамоты	Архивный шифр документа или публикация
10	25.12.1536	Дворецкий кн. И.И. Курбский		Правая грамота суда З.А. Руготина и И.С. Тенева галицким посадским людям по их тяжбе с В.М. Череповым о земле горы Подшибель близ Галича	АСЗ. Т. I. № 314. С. 304—312
11	январь 1537	Боярин кн. И.Ф. Овчина Оболенский		Правая грамота суда Н.Я. Борисова и Ф.З. Федорова старосте и крестьянам с. Куликова Дмитровского у. по их тяжбе со старостой и крестьянами Голедицкого села из-за спорных сенных покосов	ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А 1/17. Л. 806—812 об.
12	19.09.1538 (1-й приговор)	Великий князь Иван Васильевич «всеа Руси». — Подпись дьяка Дурака Мишурина		Докладной судный список, с доклада великому князю Ивану Васильевичу, суда мелынского наместника Н.И. Арсеньева Екатерине Яковлевой дочери, вдове С.И. Пронякина, и ее деверям И.И. Пронякину и Б.В. Сибекину на Марию, жену Ф.С. Неелова, ее мужа Федора, сына Жлана и холопа Фельку по делу об убийстве С.И. Пронякина	АСЗ. Т. IV. М., 2008. № 503. С. 388—397
13	28.02.1539 (2-й приговор)	Великий князь Иван Васильевич «всеа Руси». — Подпись дьяка Дурака Мишурина			
14	4.03.1539	Тверской дворецкий И.Ю. Шигона Подже-		Правая грамота, с доклада тверскому дворецкому И.Ю. Поджетину, суда Г.Ф. Заболотского и	Антонов А. В. Клинские акты

Продолжение табл. 4

№ п/п	Дата приговора московского судьи	Московский судья, которому было доложено дело	Дата выдачи грамоты	Заголовок грамоты	Архивный шифр документа или публикация
		гин. Подпись дьяка Да- нилы Выродкова		Р.В. Унковского казначею Успенской Изо- симиной пустыни Феогносту с братией по их тяжке со вдовой сытника Курбата Ариной и ее сыном Постником о «спорных починках Пону- рине, Илейкине и Митькине в Клинском у.	XV—XVI века // РД. М., 1998. Вып. 4. № 6. С. 65—75
15	[Ранее 21.03.1539]	Дмитровский дворянский кн. Д.Ф. Палецкий	21.03.1539	Межевая выпись («память») по докладному судному списку, с доклада дмитровскому дво- рецкому кн. Д.Ф. Палецкому, суда дьяка И.А. Шацкого игумену Троицкого Калызина м-ря Тихону с братией и игумену Троицкого Рябьевского м-ря Васьяну с братией по их тяж- бе с крестьянами Жабенской вол. о спорном лесе и починках	АТКМ. № 85. С. 86—88
16	3.02.1540	Боярин и дворецкий кн. И.И. Кубенский. Под- пись дьяка Меньшого Путятина	9.02.1542	Разъезжая грамота, по докладному судному списку (с доклада боярину и дворецкому кн. И.И. Кубенскому) суда владимирских писцов Р.И. Образцова и С.Д. Батюшкова строителю Суздальского Спасо-Евфимьева м-ря Савве по тяжке с крестьянами с. Борисовского из-за спорного луга	АССЕМ. № 51. С. 112—122

Продолжение табл. 4

№ п/п	Дата приговора московского судьи	Московский судья, которому было доложено дело	Дата выдачи грамоты	Заголовок грамоты	Архивный шифр документа или публикация
17	17.03.1540	Дворецкий Ф. С. Воронцов. Подпись дьяка Тимофея Горышкина	17.03.1540	Докладной судный список суда В. К. Мальцева и др. поселскому Симонову м-ря с. Веси Егонской Федору Бекету со слугами по их тяжбе с крестьянами с. Шпинского о спорных пожнях	АФЗХ/АМСМ. № 63. С. 68—75
18	24.05.1540	Боярин и дворецкий кн. И. И. Кубенский. Подпись дьяка Меньшого Путятина (1-й приговор — по докладному судному списку)	20.07.1541	Правая грамота по докладным судному и опросному спискам (с доклада боярину и дворецкому кн. И. И. Кубенскому) суда белозерских писцов Ф. Ф. Хидырщикова и Г. Л. Клементьева старцу Ворониной пустыни Герману с братьями по их тяжбе с Третьяком Гневашевым о спорных починках	АГР. Т. I. № 55. С. 76—86
19	18.02.1541	Боярин и дворецкий кн. И. И. Кубенский. Подпись дьяка Меньшого Путятина (2-й приговор — по докладному опросному списку).			
20	[6 марта 1541] ²³ (доло-	Казначей И. И. Третьяков и М. П. Головин	29 марта 1541	Мировая Алексея Яковлева сына Кологривова с игуменом Ефремом, старцем Ефимом и братьями	Архив СПб. ИИ. Кол. 174.

²³ Суд перед казначеями был назначен «в тож день по зборе», т. е. в Соборное воскресенье, которое в 1541 г. пришлось на 6 марта.

№ п/п	Дата приговора московского судьи	Московский судья, которому было доложено дело	Дата выдачи грамоты	Заголовки грамоты	Архивный шифр документа или публикация
	жен суд- ный список)			тий Никольского Корельского м-ря по делу о Кудмозерской пашне и озере	Оп. I. Д. 140
21	27.06.1541	Боярин и дворецкий кн. И.И. Кубенский. Под- пись дьяка Меньшого Путятина	Декабрь 1541	Правая грамота суда московского тиуна Г.А. Тыртова Михаилу и Петру Колупаевым детям Приклонского на Никитку повара, цело- века Т.И. Вольнского, женившегося на беглой «робе» Приклонских	АСЗ. Т. I. № 228. С. 200— 203
22	14.02.1542	Боярин и дворецкий кн. И.И. Кубенский. Под- пись дьяка Шершина Би- либина	27.02.1542	Правая грамота по докладному судному спис- ку (с доклада боярину и дворецкому кн. И.И. Кубенскому) суда каширских писцов В.И. Брехова и И.Г. Головинина игумену Троиц- кого Белопесоцкого м-ря Сергею по тяжбе с ка- ширскими посадскими людьми о с. Воргасове и д. Крутовражье с угольями. [Включенный акт в составе правой грамоты от 25.09.1542 г., см. следующую строку]	АГР. Т. I. № 57. С. 95—105
23	19.09.1542	Боярин и дворецкий кн. И.И. Кубенский, казна-	25.09.1542	Правая грамота по докладному судному спис- ку (с доклада боярину и дворецкому кн.	АГР. Т. I. № 57. С. 92—110

Продолжение табл. 4

№ п/п	Дата приговора московского судьи	Московский судья, которому было доложено дело	Дата выдачи грамоты	Заголовок грамоты	Архивный шифр документа или публикация
		чей И.И. Третьяков. Подпись дьяка Постника Путятина		И.И. Кубенскому и казначею И.И. Третьякову) суда тиуна каширского наместника кн. А.И. Воротынского, Я.Г. Жемчужникова, слуге Троицкого Белопесоцкого м-ря Софону Кириллову сыну в тяжбе с каширскими посадскими людьми по делу о разрушении монастырской мельницы	
24	[Ранее 18.01.1543]	[Ярославские писцы], «доложа государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и з боярского приговору»		Правая грамота суда ярославских писцов С.А. Плещеева и В.И. Беречинского приказчику Спасо-Преображенского м-ря с. Кормы Шестаку Артемьеву и м-рским крестьянам по тяжбе с людьми кн. И.Ф. Мстиславского И.Г. Толочановым и Б. Кубасовым о спорной земле в Юхотской вол. Ярославского у.	Антонов А. В. Ярославские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 1999. Вып. 5. № 4. С. 16—26
25	17.07.1543	Казначей И.И. Третьяков, «доложа великого		Правая грамота, по докладному судному списку (с доклада казначею И.И. Третьякову), суда	АФ3Х/АМСМ.

Продолжение табл. 4

№ п/п	Дата приговора московского судьи	Московский судья, которому было доложено дело	Дата выдачи грамоты	Заголовок грамоты	Архивный шифр документа или публикация
		князя Ивана Васильевича всеа Руси и притовора со всеми бояры». Подписи дьяков Семена Григорье- ва и Григория За- харьина		московских писцов кн. Р.Д. Дашкова, Ф.Г. Адашева Ольгова и дьяка Третьяка Дубро- вина приказчику сц. Коробовского Ивану Ку- бышке по тяжбе архимандрита Симоновского м-ря Филофея с игуменом Николаевского Уг- решского м-ря Зиновием о земле у сц. Сироти- на [в Терентьеве ст. Московского у.]	№ 72. С. 82—86
26	20.03.1545	Дмитровский дворецкий В.М. Воронцов. Подпись дьяка Чудина Митрофа- нова	20.03.1545	Докладной судный список дмитровского дво- рецкого В.М. Воронцова суда И.Ф. Шедыева слуге Саввина Сторожевского м-ря Третьяку Федорову на спорные земли д. Орешниковой по тяжбе с А.Б. Холевой и И.Д. Стоговым	ССМ. № 13. С. 18—20
27	19.03.1546	Великий князь Иван Ва- сильевич «притоворил со всеми бояры»	11.08.1546	Правая грамота «по великого князя слову» суда вологодских писцов Т.А. Карамышева «с това- рищи» слуге Кирилло-Белозерского м-ря Рома- ну Никифорову по тяжбе с крестьянником Сям- ской вол. Лыком Ивановым из-за спорной Самсоновской пустоши	ОР РНБ. Ф. 573 (СПб. ДА). А. 1/16. Л. 471—481. Список XVII в.

Продолжение табл. 4

№ п/п	Дата приговора московского судьи	Московский судья, которому было доложено дело	Дата выдачи грамоты	Заголовок грамоты	Архивный шифр документа или публикация
28	20.02.1546	Боярин и дворецкий И. И. Хабаров (1-й доклад)	22.05.1547	Докладной судный список, с доклада боярину и дворецкому И. И. Хабарову, и докладной обыскной список, с доклада дворецкому Д. Р. Юрьеву, суда нижегородских тиунов Гордея Брейцына и Ивана Жедринского старцам Вознесенского Печерского м-ря Антонию и Саватию в их тяжбе с нижегородскими посадскими людьми о спорных водах	РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1914. Л. 31—38 об.
29	24.03.1547	Дворецкий Д. Р. Юрьев (2-й доклад)			
30	22.05.1547	Дворецкий Д. Р. Юрьев (приговор). Подпись дьяка Василия Григорьева			
31	1547[после 14.04 — ранее 16.06 ²⁴]	Казначей И. И. Третьяков и Ф. И. Суккин. Подпись дьяка Василия Григорьева	16.06.1547	Правая грамота суда московского тиуна Якова Губина сына Моклокова Михаилу Колупаеву (Васильеву сыну Приклонского) на беглых холопов Аннисима Аникеева сына Новикова с братьем Кузьмой Андреевым сыном	АСЗ. Т. I. № 229. С. 203—207

²⁴ Крайние даты определяются упоминаемой в тексте датой суда тиуна Я. Г. Моклокова (14 апреля), с одной стороны, и датой выдачи правой грамоты (16 июня) — с другой.

вор в пользу одной из сторон и отдавал соответствующие распоряжения местным судьям, проводившим первоначальное рассмотрение дела. После этого к списку прикладывалась великокняжеская печать, а дьяк ставил свою подпись²⁵.

Разумеется, нет никакой уверенности в том, что юный государь в самом деле произносил слова, которые теперь мы читаем на обороте дошедших до нас в подлиннике судебных списков. Вполне вероятно, что дьяк (а им чаще всего в 1535—1539 гг. на суде великого князя был Дурак Мишурин: см. строки 6, 7, 9, 12, 13 в табл. 4) просто записывал привычные формулы, которые положено было произносить в подобных случаях по устоявшемуся судебному обычаю. Именно так, по всей видимости, происходило разбирательство судебного дела о бое и грабеже, учиненном князем И. А. Лапиным-Оболенским и его людьми в вотчине Троице-Сергиева монастыря, деревне Наумкове, осенью 1534 г. Дело тянулось несколько месяцев, до апреля 1535 г., и на всех этапах слушаний великий князь (которому не исполнилось еще и пяти лет!) якобы сам проводил допрос свидетелей, потерпевших и ответчиков, а также назначал следующие сроки судебных заседаний²⁶. Понятно, что все эти слова, приписанные в тексте правой грамоты юному государю, в действительности произносил за него кто-то другой.

Ситуация едва ли принципиально изменилась и к сентябрю 1538 г., когда Ивану IV, которому только что исполнилось восемь лет, пришлось слушать запутанное дело об убийстве в Медынском уезде помещика Степана Иванова сына Пронякина. Обвиненный в убийстве Федор Степанов сын Неелов с сыном Жданом пустился в бег, и ответ пришлось держать его жене Марии и холопу Федьке. Точка в этом деле была поставлена только 28 февраля 1539 г., когда Мария Неелова и ее холоп были выданы головой вдове убитого Степана Пронякина — Екатерине²⁷. Интересно, что и на этот раз судебный список, согласно которому юный государь якобы руководил следствием и выносил приговор, подписал уже упоминавшийся выше дьяк — Дурак Мишурин²⁸.

²⁵ Так оформлен, например, список суда К. Л. Копытова и З. А. Руготина о спорной земле между поместьем В. Ф. Мансурова и троицким селом Присеки, доложенный 23 июня 1535 г. Ивану IV (АГР. Т. I. № 44. С. 46, 47). Те же фразы звучали и 7 июня 1536 г. на слушании великим князем дела о размежевании спорных земель между поместьем Чулковых и тем же монастырским селом Присеки (Там же. № 46. С. 55).

²⁶ АГР. Т. I. № 45. С. 47—52.

²⁷ АСЗ. Т. IV. № 503. С. 388—396.

²⁸ Там же. С. 395, 396.

Неясно, однако, зачем вообще понадобилась эта фикция суда малолетнего великого князя. Ведь от того же времени, 1534—1539 гг., до нас дошли судебные документы, выданные по приговору бояр кн. И. В. Шуйского и кн. И. Ф. Овчины Оболенского, дворецких кн. И. И. Кубенского, И. Ю. Шигоны Поджогина и кн. Д. Ф. Палецкого (табл. 4, строки 1—4, 10, 14, 15). Более того, после 1539 г. в течение 7 лет великий князь в качестве судьи в дошедших до нас документах ни разу не упоминается: все приговоры от его имени выносились в те годы боярами, дворецкими или казначеями (там же, строки 14—26). При этом с 1543 г. в правых грамотах встречается указание на то, что судный список докладывался государю, а приговор выносился боярами или иными должностными лицами (табл. 4, строки 24, 25).

И вот, наконец, 19 марта 1546 г., согласно сохранившейся правой грамоте вологодских писцов Тимофея Андреевича Карамышева «с товарищи», выданной слуге Кирилло-Белозерского монастыря Роману Никифорову, государь снова предстал перед подданными в роли судьи: великий князь, выслушав судный список тяжбы монастыря с крестьянином Сямской волости Лыком Ивановым из-за Самсоновской пустоши, «приговорил со всеми бояры» и присудил спорную пустошь Кириллову монастырю²⁹.

В данном случае реальность участия повзрослевшего Ивана IV в судебном заседании сомнений не вызывает. Тем не менее более двух десятков сохранившихся дел, по которым приговор был вынесен от имени («по слову») великого князя его ближайшими советниками (боярами, дворецкими, казначеями), позволяют утверждать, что для нормального функционирования суда высшей инстанции личное присутствие великого князя отнюдь не было обязательным — в отличие от посольских приемов и иных подобных церемоний, где никто не мог заменить особу монарха.

Сказанное о суде с еще большим основанием может быть повторено в отношении другой управленческой функции — выдачи жалованных грамот. Хотя все официальные акты издавались от имени государя, но, как было показано в предыдущей главе, в годы «боярского правления» случаи выдачи грамот по прямому распоряжению Ивана IV были очень редки. До 1543 г. такие случаи совсем неизвестны, что и понятно: пока ребенок на троне был мал и над ним существовала опека, челобитчикам не было смысла (да и, по

²⁹ ОР РНБ. Ф. 573 (СПб. ДА). А. 1/16. Л. 478 об. — 479 об. (текст приговора великого князя с боярами).

всей видимости, возможности) обращаться со своими просьбами к государю напрямую. Как только подросший Иван освободился от опеки и стал совершать длительные поездки по стране, игумены некоторых влиятельных монастырей воспользовались этой возможностью, чтобы похлопотать перед юным государем о своих нуждах. Так появились рассмотренные выше грамоты с путной печатью, известные с осени 1543 г. К 1545 г. относятся уникальные пометы на обороте жалованных грамот соответственно Антонию Сийскому и Троице-Сергиеву монастырям, гласящие, что эти две грамоты были выданы по приказу самого великого князя (см. выше гл. 7, табл. 2, строки 38 и 42).

К десяти известным на сегодняшний день грамотам за путной печатью 1543—1548 гг. и двум упомянутым выше грамотам 1545 г., имеющим характерные пометы на обороте, следует добавить еще два документа 1546 г., из содержания которых явствует, что они были выданы после прямого обращения челобитчиков к Ивану IV. Прежде всего обращает на себя внимание жалованная грамота, выданная 24 июня 1546 г. троицкому игумену Ионе «с братией» на двор в г. Коломне. Эта грамота, судя по заключительной фразе, была «писана на Коломне», где тогда находился великий князь, но запечатана не путной (черновосковской), а обычной красновосковской печатью³⁰. Очевидно, игумен, узнав о пребывании Ивана IV в Коломне, бил челом государю о том, что у Троице-Сергиева монастыря нет там своего двора и что когда «приезжают их слуги и крестьяня манаытрьские на Коломну за манаытрьскими делы», то в городе из-за отсутствия троицкого двора «ставитись им негде»³¹. Челобитье троицкого игумена о пожаловании двора в Коломне было сразу же удовлетворено.

Старцы Кирилло-Белозерского монастыря также воспользовались случаем, чтобы похлопотать о своем деле, как явствует из великокняжеской указной грамоты угличским таможенникам Семenu Сыроеже и Ивану Боche, написанной в Коломне 28 июня 1546 г.: «Зде нам били челом, — гласит документ, — Кирилова монастыря старцы Васьян да Никодим в ыгуменово место Афонасьево и во всей братии место Кирилова монастыря»; они жаловались на то, что угличские таможенники, в нарушение ранее данной монастырю жалованной грамоты, взяли с одного из монастырских судов, на-

³⁰ ПРП. Вып. IV. С. 114—116 (дата и описание печати: с. 116).

³¹ Там же. С. 115.

груженных солью, пошлину (весчье). Указная грамота, выдачи которой добились челобитчики, призвана была восстановить нарушенную справедливость: таможенникам было велено вернуть взятое, а впредь «ходить о всем по тому», как написано в монастырской жалованной грамоте³².

В общей сложности от эпохи «боярского правления» (а точнее, от 1543—1548 гг.) до нас дошло 14 грамот, о которых можно определенно сказать, что они были выданы по прямому указанию юного государя в ответ на обращенные к нему челобитья. Конечно, наши данные не полны, и на самом деле, вероятно, таких грамот было больше. Но по тем же, заведомо неполным, данным, в более чем 60 случаях грамоты от имени государя были выданы боярами, дворецкими и казначеями (см. гл. 7, табл. 2). Если к тому же учесть, что, по приведенным в предыдущей главе расчетам и оценкам, всего в 1534—1548 гг. было издано несколько тысяч грамот, то становится понятно, что каждая из них просто физически не могла быть актом личной воли монарха. Процесс бюрократизации управления уже начался, и, как и в других странах, он вел к формированию ведомственных интересов (отражением чего были упомянутые выше дорсальные пометы на грамотах) и постепенному обособлению государственного аппарата от верховной власти и ее носителей.

Наглядным проявлением этой относительной автономии формирующегося приказного аппарата может служить тот факт, что грамоты продолжали выдаваться в Москве и тогда, когда государь надолго покидал свою столицу. В этом отношении особенно показательны 1545—1546 годы, в течение которых Иван IV провел в общей сложности более десяти с половиной месяцев за пределами Москвы³³. В отсутствие великого князя остававшиеся в столице администраторы по-прежнему выдавали жалованные и указные грамоты от его имени. Так, от мая—июня 1545 г., когда Иван IV находился в длительной поездке по монастырям, до нас дошло три подобных грамоты, выданных в Москве³⁴; от октября—ноября того

³² Зимин А. А. Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 347—348. Док. № 5.

³³ С 21 мая по 7 июля 1545 г., с 15 сентября по 5 октября, с 9 октября по 14 ноября, с 27 декабря 1545 г. по 23 января 1546 г., с 6 мая по 18 августа и с 15 сентября по 12 декабря 1546 г. (ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 47, 48, 49).

³⁴ См. Прил. I, № 352 (24.05.1545), 353 (25.05.1545), 354 (15.06.1545).

же года, когда государя снова долго не было в столице, — две³⁵; от января 1546 г. — одна³⁶; от мая — начала августа 1546 г., когда Иван IV стоял в Коломне, — четыре³⁷ и т.д.

Некоторая автономия приказного аппарата по отношению к личности государя и к придворной политике (при всех оговорках, которые необходимо сделать) позволяет понять, почему малолетство Ивана IV, сопровождавшееся ожесточенной борьбой за власть, не привело к коллапсу управления в стране. Выдача грамот, составление разрядов и другие подобные рутинные процедуры шли своим чередом, хотя порой придворные интриги вырывали из среды нарождающейся бюрократии отдельных опытных администраторов, как это случилось с дьяком Федором Мишуриным осенью 1538 г.

3. ГОСУДАРЕВА ДУМА И ПОЯВЛЕНИЕ ФОРМУЛЫ «ПРИГОВОР ВСЕХ БОЯР»

Говоря о функциях великого князя и его советников в управлении страной, нельзя не затронуть вопрос о роли бояр и Думы, которую в научной литературе — не вполне корректно, на мой взгляд, — принято называть «боярской»³⁸. Существует богатая историографическая традиция изучения Думы, основы которой были заложены в трудах корифеев так называемой государственной (или юридической) школы: Н. П. Загоскина, В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова и др.³⁹

³⁵ Там же. № 364 (16.10.1545), 365 (9.11.1545). Во второй из этих грамот, ноябрьской жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю, дошедшей до нас в списках XVII в., место выдачи не указано, но упоминание о красновосковой печати, приложенной к документу, позволяет предположить, что и эта грамота была выдана в Москве, см.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. Л. 257 об.

³⁶ Прил. I, № 369 (12.01.1546).

³⁷ Там же. № 397 (14.05.1546), 398 (22.06.1546), 401 (6.07.1546), 402 (6.08.1546). Помимо этих четырех грамот, выданных в Москве, известны две другие грамоты (жалованная и указная), выданные соответственно 24 и 28 июня по приказу Ивана IV в Коломне, где он тогда находился: см. о них выше.

³⁸ О том, что в источниках Дума никогда не именовалась «боярской», писал еще Н. П. Загоскин, см.: *Загоскин Н. П.* История права Московского государства. Казань, 1879. Т. II. Вып. 1. С. 40. В современной литературе по этому вопросу недавно высказался С. О. Шмидт, по мнению которого Дума была не боярской, а царской (*Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 220).

³⁹ Подробный очерк историографии Боярской думы см.: *Bogatyrev S.* The Sovereign and His Counsellors. Ritualised Consultations in Muscovite Political

В центре развернувшейся на рубеже XIX—XX вв. оживленной дискуссии (отзвуки которой слышны и до сих пор) стоял вопрос о том, была ли Дума постоянным государственным учреждением, как полагали В. О. Ключевский и (несмотря на разногласия по частным вопросам) М. Ф. Владимирский-Буданов⁴⁰, или, как выразился их главный оппонент по данной проблеме, В. И. Сергеевич, московские государи совещались «не с учреждением, а с такими думцами, которых пожелают привлечь в свою думу»⁴¹.

В XX в., однако, дальнейшее изучение Думы осуществлялось не столько в рамках институционального подхода, сколько в русле просопографических штудий, вдохновленных работами С. Б. Веселовского⁴². Благодаря исследованиям А. А. Зимина, Г. Алефа, А. М. Клеймола, Н. Ш. Коллманн, С. Н. Богатырева и ряда других ученых, мы теперь гораздо лучше, чем прежде, представляем себе персональный состав и принципы комплектования великокняжеской (а затем царской) Думы в XIV—XVI вв.⁴³ Однако изучение

Culture, 1350s—1570s. Helsinki, 2000. Append. I: The Muscovite Council in Historiography. P. 223—260.

⁴⁰ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Изд. 5-е. Пб., 1919. С. 325—327, 448—450, 464, 486; 499—502; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Переизд.: Ростов-на-Дону, 1995. С. 183—188.

⁴¹ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. II: Вече и князь. Советники князя. Изд. 3-е. СПб., 1908. С. 395. Дальнейшие попытки определить место Думы в политической системе России XVI в. оставались, по сути, в рамках той же парадигмы, заданной корифеями государственной школы, см.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 262; Гальперин Г. Б. Форма правления Русского централизованного государства XV—XVI вв. Л., 1964. С. 40—49; Панеях В. М. Русь в XV—XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 62—63; Филюшкин А. И. Законодательная деятельность Боярской думы в конце XV — середине XVI в. (к вопросу о процедуре законотворчества) // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI—XIX вв.: Сб. статей. М., 2000. С. 200—210.

⁴² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

⁴³ Alef G. Reflections on the Boyar Duma in the Reign of Ivan III // The Slavonic and East European Review. Vol. 45. 1967. P. 76—123; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988; Kleimola A. M. Patterns of Duma Recruitment, 1505—1550 // Essays in Honor of A. A. Zimin / Ed. by D. C. Waugh. Columbus (Ohio), 1985. P. 232—258; Camphausen H.-W. Die Bojarenduma unter Ivan IV.: Studien zur altmoskauer Herrschaftsordnung. Frankfurt am Main; Berlin; New York, 1985; Kollmann N. S. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345 — 1547.

таких вопросов, как эволюция статуса и функций Думы, по существу, мало продвинулось со времен трудов В. О. Ключевского и В. И. Сергеевича.

Представляется, что дальнейший прирост нового знания по упомянутой проблеме возможен при отказе от некоторых не оправдавших себя общих схем, рожденных юридической наукой XIX в., и при тщательном изучении деятельности Думы в отдельные периоды своей многовековой истории. Удачный пример такого детального, почти исчерпывающего исследования применительно к первой трети XVI в. являются собою труды А. А. Зимина. Ученый показал, что в правление Василия III не известно ни одного заседания Думы, на котором бы присутствовали бояре в полном составе; обычно все дела решались комиссиями разного состава во главе с одним или двумя боярами; а за стандартной формулой приговора великого князя «з бояры» следует видеть совещание государя с несколькими доверенными лицами⁴⁴. Заслуживает также внимания мысль, высказанная историком в завершающих строках большого исследования о боярстве XV — первой трети XVI в.: «Только в годы малолетства Ивана Грозного, когда воля самого монарха практически сводилась к нулю, Боярская дума стала приобретать более широкие полномочия»⁴⁵.

Нижеследующие наблюдения во многом подтверждают приведенное суждение известного исследователя. Необходимо, однако, делать различие между судебно-административными функциями, которые бояре исполняли наравне с руководителями дворцового ведомства (дворецкими и казначеями), и их коллективной ролью в качестве советников великого князя, членов его Думы.

Что касается деятельности бояр как судей и администраторов, то в этой сфере в изучаемую эпоху каких-либо изменений по сравнению со временем правления Василия III не произошло. Прежде всего нужно подчеркнуть, что далеко не все носители думского звания осуществляли судебно-административные функции, а лишь так называемые «бояре введенные», т.е. те, кому, по верному замеча-

Stanford, 1987; *Богатырев С. Н.* Ближняя Дума в третьей четверти XVI в. // АЕ за 1992 г. М., 1994. С. 119—133; АЕ за 1993 г. М., 1995. С. 94—112; АЕ за 1994 г. М., 1996. С. 64—81.

⁴⁴ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 410; *Его же.* Формирование боярской аристократии. С. 307, 309.

⁴⁵ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии. С. 309.

нию Зими́на, великий князь доверил исполнение какой-либо должности или поручения⁴⁶.

В 30-х — начале 40-х гг. XVI в. введенным боярином был кн. Иван Васильевич Шуйский. В этом качестве он выдал несколько грамот (см. выше, гл. 7, табл. 2, строки 1, 5), а в феврале 1540 г., будучи «наместником московским», — губную грамоту Верхнему Слободскому городку на Вятке (Там же. С. 11). Известна также правая грамота, выданная им в мае 1534 г. Троицкому Махрищскому монастырю в качестве великокняжеского судьи (табл. 4, с. 3).

В начале 40-х гг. XVI в. введенным боярином был, по-видимому, кн. П. И. Репнин-Оболенский, в ведении которого находился дворец великой княгини Елены, матери государя: в выданной по его приказу 16 марта 1543 г. жалованной несудимой грамоте Троицкому Махрищскому монастырю пункт о подсудности грамотчика сформулирован так: кому будет до игумена с братией и до их крестьян какое дело, их «сужу яз, князь великий, или мой боярин введенной, у которого будет матери моей великой княгини дворец в приказе»⁴⁷.

Помощником боярина введенного был введенный дьяк. Имеющийся в нашем распоряжении документ показывает, как боярин кн. И. В. Шуйский отблагодарил своего сотрудника: сохранилась жалованная несудимая грамота Ивана IV введенному дьяку Ивану Алексееву сыну Шамского на купленные им деревни и починки в Переславском уезде, выданная 13 августа 1538 г. по приказу боярина кн. И. В. Шуйского⁴⁸.

Но в целом в дошедших до нашего времени документах 30—40-х гг. XVI в. введенные бояре упоминаются гораздо реже, чем дворецкие и казначеи. Это и понятно: на смену временному поручению, которое по сути своей представляло собой звание «введенного боярина», известное с 1430-х гг.⁴⁹, шли постоянные и более специализированные административные должности.

Существовала, однако, хозяйственно-правовая сфера, в которой бояре в описываемую эпоху по-прежнему играли заметную роль: речь идет о контроле над земельными сделками. Купля или мена земли между вотчинниками (светскими или духовными) нередко совершалась «с доклада» тому или иному боярину.

⁴⁶ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 308.

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. № 124. Подл.

⁴⁸ ОАСУ. Отд. I. № 25. С. 32.

⁴⁹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 308.

Так, в переписной книге Владимирского Рождественского монастыря 1721 г. упоминается меновная грамота на деревню Пестенкино в Муромском уезде от 9 августа 1538 г., доложенная боярину Михаилу Юрьевичу Захарьину⁵⁰. Этот документ до нашего времени не дошел, зато сохранилась докладная купчая архимандрита Спасо-Евфимьева монастыря Германа с братией на половины нескольких деревень в Суздальском уезде, приобретенные в 1541 г. у Ефимии Ивановой дочери Зеленого, вдовы Романа Нороватого (другие половины тех же деревень уже принадлежали к тому моменту монастырю, чем и объясняется смысл этой сделки). Текст купчей, дошедшей до нас в подлиннике, дает ясное представление о процедуре боярского доклада.

3 ноября 1541 г. купчая была доложена боярину Ивану Григорьевичу Морозову; на докладе присутствовали продавцы — Ефимия «Романовская жена» с детьми Замятней и Сенькой, — а также свидетели: великокняжеский кормовой ключник Василий Гаврилов сын Бобков и каширский сын боярский Немир Мукин. Боярин И. Г. Морозов спросил у Ефимии и ее детей, действительно ли они продали свою вотчину — половину тех деревень и починков — и получили ли за нее деньги. Продавцы подтвердили факт продажи вотчины и получения ими денег, после чего Иван Григорьевич велел приложить к купчей свою печать, а дьяк Дурак Мишурун написал грамоту⁵¹.

Сходным образом оформлялись сделки и между светскими землевладельцами. Так, в марте 1542 г. боярину кн. Ю. М. Булгакову была доложена купчая Андакана Федорова сына Тушина-Квашнина на полсельца Коробовского Тушина в Московском уезде, приобретенного им у своего дяди — Семена Михайловича Тушина. Как и в предыдущем случае, боярин, удостоверявший сделку, действовал не один, а во главе своего рода «коллегии», в которую на этот раз входили Ф. Г. Адашев и И. Д. Кузьмин, присутствовавшие на докладе, а также дьяк Третьяк Михайлов сын Ракова, скрепивший докладную купчую своей подписью. Эта грамота примечательна еще и тем, что ее писал подьячий Иван Михайлов сын Висковатого — знаменитый в будущем дьяк, глава Посольского приказа⁵².

Так же оформлена купчая М. М. Тучкова (его интересы представлял «человек» — Дрозд Федоров сын Кулинова) на половину

⁵⁰ РГАДА. Ф. 248 (Канцелярия Сената). Кн. 126. Л. 388.

⁵¹ АСЕМ. № 49. С. 109—110.

⁵² ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 530. Л. 97 об. — 99.

сельца Ефимьева в Костромском уезде, приобретенную у Г. И. Елизарова. Сделка была доложена окольничему Ивану Ивановичу Беззубцеву 15 апреля 1545 г.; на докладе присутствовали дети боярские Я. Ю. Федцов и В. И. Беречинский, а подписал купчую грамоту дьяк Иван Курицын⁵³.

Описанные выше сделки не вызвали протеста с чьей-либо стороны, и для их оформления было достаточно доклада одному боярину или окольничему. Но в случае, например, семейного раздела или конфликта дело слушалось боярской коллегией, состав которой обычно скрыт в наших источниках за общим обозначением «бояре». Так, в 1537/38 г. Семен Дмитриевич Пешков подал «жалобницу» боярам на своего племянника Ивана Юрьева сына Пешкова, опротестовав обмен вотчинами, который тот совершил с братаничем Семена — Дмитрием Ивановым сыном Пешковым. И. Ю. Пешков «отвечал перед бояры», что в придачу к своим деревням он дал за выменянную им вотчину Дмитрия еще и 130 рублей денег, но бояре велели участникам родственного обмена вернуть друг другу полученные земельные владения⁵⁴.

Осенью 1538 г. подьячий Третьяк Офромеев по великокняжеской грамоте произвел раздел вотчины князей Мезецких на четыре части: между тремя братьями-князьями Иваном, Петром и Семеном Михайловыми детьми и их племянницей Авдотьей Ивановой дочерью Мезецкого. Закончив раздел и проведя межи, подьячий «учинил им срок стати на Москве перед бояры у доклада на Рождество Христово лета 7040 семаго [т.е. 25 декабря 1538 г. — М. К.]. И на срок во князей места стали приказшики их да били челом бояром, чтоб государем их велели им житии по старым их усадищем»⁵⁵ (усадебам. — М. К.). Именно «с боярского доклада» каждому из князей Мезецких была определена соответствующая часть родовой вотчины.

Мы не знаем, сколько бояр принимало участие в подобных заседаниях, созывавшихся, очевидно, *ad hoc* для рассмотрения того или иного спорного дела. Но существовали и постоянные боярские комиссии, вроде «коллегии» по разбойным делам («бояре, которым разбойные дела приказаны»), упоминаемой в источниках с начала 1530-х гг. (подробнее о деятельности этой комиссии пойдет речь в 11-й главе).

⁵³ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кострома. № 39/5006. Подл.

⁵⁴ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 530. Л. 411 об. — 412 об.

⁵⁵ АСЕМ. № 37. С. 95.

Однако подобная административная рутина не была основной функцией бояр, ведь в первую очередь они по традиции являлись советниками великого князя⁵⁶. Между тем практика коллективных решений государева совета (Думы) претерпела существенные изменения в изучаемую эпоху. Прежде всего бросаются в глаза частые упоминания в летописях о совещаниях великого князя с боярами (как правило, с участием митрополита). На подобном заседании осенью 1534 г. было принято решение о начале войны с Литвой⁵⁷, а в июле 1541 г. обсуждался вопрос о том, где лучше находиться юному государю и его брату в момент нашествия крымского хана⁵⁸. Следующее упоминание относится к сентябрю 1543 г., когда «бояре взволновашеся между собою перед великим князем и перед митрополитом в Столовой избе у великого князя на совете»⁵⁹ (напомню, что речь в процитированном летописном отрывке идет о попытке покушения на Ф. С. Воронцова, предпринятой кн. А. М. Шуйским и его сторонниками).

О совещаниях великого князя с боярами говорится также в посольских книгах 1530—1540-х гг.; они описываются стереотипной формулой: «говорил князь великий с бояры»⁶⁰, а принятые решения излагаются как «приговор» государя с боярами⁶¹. Здесь же дважды (в январе 1537 г. и марте 1542 г.) при описании приема государем литовских послов изображено заседание Думы, причем употреблено и само слово «дума»: «...князь великий сидел в брусной избе в выходной, а у него бояре, и околничие, и дворетцкие, которые живут в думе, и дети боярские прибыльные, которые в думе не живут...»⁶²

⁵⁶ Категория «совета» играла очень важную роль и в западноевропейской, и в русской средневековой политической культуре, см.: *Малинин Ю. П.* Средневековый «дух совета» // *Одиссей. Человек в истории.* 1992. М., 1994. С. 176—192; *Bogatyrev S.* The Sovereign and His Counsellors. P. 37—91.

⁵⁷ Наиболее подробный рассказ об этом заседании сохранился в Воскресенской летописи: ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 288.

⁵⁸ Там же. С. 297—298.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 45.

⁶⁰ Сб. РИО. Т. 59. С. 46 (1536 г.), 81, 88, 92, 96, 101, 103, 105 (1537 г.), 158, 160 (1542 г.).

⁶¹ Там же. С. 50 (1536 г.), 101 (1537 г.), 158, 166, 169 (1542 г.), 218, 234 (1543 г.), 244, 254, 255 (1544 г.).

⁶² Там же. С. 65 (январь 1537 г.). Ср. описание приема послов в марте 1542 г., состоявшегося в той же «брусной избе» в присутствии бояр, а также князей и детей боярских, «которые в думе живут и которые в думе не живут» (Там же. С. 147—148).

Важно, однако, отличать ритуал от действительности. «Приговор» великого князя с боярами постоянно упоминается и в посольских книгах времени правления Василия III⁶³, однако нельзя не заметить, что реальное содержание, скрытое за этикетной формулой, при великом князе Василии Ивановиче и при его малолетнем наследнике было далеко не одинаковым. Осведомленный современник, сын боярский И. Н. Берсень Беклемишев, казенный за свои крамольные речи, сетовал на «несоветие и високоумие» Василия III, говоря, что «ныне государь наш, запершыся, сам третьей у постели всякие дела делает»⁶⁴. Исследователь той эпохи, А. А. Зимин, полностью подтверждает правоту этих слов опального сына боярского⁶⁵.

Таким образом, действительная роль бояр в «думе» Василия III была, по-видимому, невелика, по сравнению с некоторыми его любимцами (вроде И. Ю. Шигоны Поджегина). Зато в годы малолетства Ивана IV, наоборот, участие государя в подобном «совете» не могло не быть чисто формальным, ритуальным. Так иная политическая практика (фактическое правление бояр) облекалась в ту же привычную форму.

Кроме того, приведенные выше свидетельства источников о заседаниях Думы при юном Иване IV позволяют лишь сделать вывод о том, что эти заседания проводились в 30—40-е гг. XVI в. довольно часто, но механизм принятия решений остается совершенно неясным. Летописные сообщения слишком лапидарны (за исключением рассказа Воскресенской летописи об июльском совещании в Кремле в 1541 г., к которому мы еще обратимся ниже), а описания расширенных заседаний Думы в 1537 и 1542 гг. по случаю приема литовских послов содержат только информацию, важную в служебно-местническом отношении⁶⁶.

Решающее значение при определении времени и характера перемен, происходивших тогда в практике думских заседаний, имеют данные, содержащиеся в актовом материале. В первую очередь

⁶³ См., например: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Т. 1. СПб., 1851. Стб. 315, 201, 232 (1517 г.); Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 630 (1522 г.); и др.

⁶⁴ ААЭ. Т. 1. № 172. С. 142.

⁶⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 309.

⁶⁶ Не случайно в описании январского посольского приема 1537 г. после упоминания о детях боярских «прибыльных», «которые в думе не живут», сказано, что «писаны те дети боярские у наряду, у дьяков у Елизара Цыплятева с товарищи» (Сб. РИО. Т. 59. С. 65).

нужно назвать уже упоминавшуюся ранее помету на обороте жалованной грамоты Переславскому Троицкому Данилов монастырю от 27 мая 1540 г.: «приказали дати все бояре»⁶⁷. Это — самое раннее из известных нам на сегодняшний день упоминаний «приговора всех бояр». Но как следует понимать выражение «все бояре»? Несет ли в данном случае местоимение «все» какой-то новый, дополнительный смысл по сравнению с традиционной формулой боярского приговора (или приговора великого князя «з бояры»)?

Истолкованию интересующего нас выражения помогут некоторые летописные тексты, близкие по времени к упомянутой грамоте 1540 г.

Припомним эпизод, который содержится в летописной Повести о нашествии хана Сахиб-Гирея на Русь летом 1541 г.: митрополит и бояре долго совещались в кремлевских палатах по вопросу о том, где безопаснее всего находиться юному государю с братом в сложившейся опасной обстановке. Поскольку этот эпизод был подробно проанализирован выше (см. гл. 5) в связи с изучением расстановки сил при дворе в то время, я ограничусь здесь только одной цитатой: конец прениям был положен пространным выступлением митрополита Иоасафа, которому удалось убедить присутствующих: «И бояре съшли все на одну речь, — говорит летописец, — что с малыми государи вскоре лихо промышляти, быти великому князю в городе»⁶⁸.

Как удалось установить, из 16 человек, носивших в июле 1541 г. думское звание (14 бояр и двое окольничих), в столице тогда находились только семеро⁶⁹. Следовательно, «все бояре», о которых говорит летописец, это лишь те немногие, кто смог принять участие в заседании. Но, очевидно, правомочность принятого решения отнюдь не зависела от количества собравшихся бояр (как сказали бы сейчас, от «кворума»): акцент в летописном рассказе явно сделан на том, что в итоге бояре пришли к единому мнению («бояре сошли все на одну речь») и что решение было единодушным.

Сказанное проливает свет на процедуру принятия решений в государственной Думе: никакого «голосования» (в привычном для нас

⁶⁷ Грамота дошла до нас в подлиннике: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 109/8833. Опубл. по списку: *Добронравов В. Г.* История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. Прил. № 5. С. 21—22.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 298.

⁶⁹ См. выше, гл. 5.

смысле слова) не существовало, решение могло быть принято только единогласно. Если кто-либо из влиятельных бояр был «против» или по каким-то причинам не участвовал в заседании, это могло стать поводом к серьезному конфликту. Достаточно вспомнить, что толчком к дворцовому перевороту осенью 1538 г. стала попытка кн. И. Ф. Бельского (видимо, при участии дьяка Федора Мишурина и митрополита Даниила) выхлопотать думные чины для своих сторонников — без согласия другой группировки: «А князя Василия да князя Ивана Шуйских не бяше их в совете том, — говорит летописец, — и они начаша о том вражду велику держати и гнев на Данила на митрополита и на князя Ивана на Бельского и на Федора на Мишурина»⁷⁰.

Но, несмотря на периодические вспышки насилия, тенденция к поиску компромисса и согласия все-таки постепенно укоренялась в придворной среде. Представляется, что именно в таком политическом контексте и родилась формула «со всех бояр приговору»: в отсутствие верховного арбитра, каковым не мог быть малолетний государь, единственным способом принятия легитимного решения становилось одобрение его всеми членами Думы, находившимися в данный момент в Москве. Однажды возникнув, формула согласия членов боярского синклита перешла затем из «высокой» сферы придворной политики в сферу повседневного управления, судебно-административной практики и приняла известный нам теперь вид.

На протяжении 40-х гг. XVI в. выражения «боярский приговор» и «приговор всех бояр» неоднократно встречаются в сохранившихся судебных документах. Так, ярославские писцы Семен Александрович Плещеев и Василий Иванов сын Беречинский 18 января 1543 г., «доложа государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и з боярского приговору», вынесли решение о спорных землях в пользу Спасо-Преображенского Ярославского монастыря⁷¹. 17 июля того же года в Москве слушалось дело о земельной тяжбе между Симоновым и Никольским Угрешским монастырями. Решение по делу (в пользу первого из упомянутых монастырей) принял казначей Иван Иванович Третьяков, «доложа великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и *приговора со всеми бояры*»⁷² (выделено

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 34.

⁷¹ Антонов А. В. Ярославские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 1999. Вып. 5. С. 25.

⁷² АФЗХ (АМСМ). № 72. С. 86.

мной. — М. К.). Наконец, 19 марта 1546 г. Ивану IV был доложен судный список вологодских писцов Тимофея Андреевича Карамышева с товарищами, судивших тяжбу слуги Кирилло-Белозерского монастыря Романа Никифорова с крестьянином Сямской волости Лыком Ивановым о спорной пустоши. Как сказано в уже цитированной выше правой грамоте, выданной Кириллову монастырю, «князь великий, выслушав список, *приговорил со всеми бояры*: велел писцу по сему списку ищю, слугу Кирилова монастыря Рамашка Микифорова сына, — оправити, а ответчика, Сямские волости крестьянина Лыка Иванова сына, — велел писцу обвинити...»⁷³ (выделено мной. — М. К.).

Важно отметить, что формула приговора «всех бояр» не осталась кратковременным эпизодом судебной-административной практики 40-х гг. XVI в. Она благополучно пережила эпоху «боярского правления» и, перейдя в сферу законодательства, нашла отражение в царском Судебнике 1550 г. В статье 98-й, в которой определяется порядок записи в Судебник новых дел, говорится: «...как те дела с государева доклада и со всех боар приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати»⁷⁴.

Эта статья, как известно, вызвала большую полемику в научной литературе. В. О. Ключевский, ссылаясь на нее, считал Думу обязательной инстанцией для принятия новых законов, а В. И. Сергеевич усматривал в ст. 98 ограничение царской власти; М. Ф. Владимирский-Буданов и М. А. Дьяконов приводили аргументы против подобной точки зрения⁷⁵. Версия об ограничении Боярской думой царской власти была обстоятельно проанализирована И. И. Смирновым и признана им несостоятельной⁷⁶. Соглашаясь с этим последним выводом, следует, однако, заметить, что сам вопрос, рожденный в недрах науки государственного права XIX в., был поставлен некорректно. Какое-либо умаление власти монарха противоречило политической культуре России XVI столетия. Период «боярского правления» как раз очень показателен в этом плане: сосредоточив в своих руках реальную власть, бояре, как было показано в предыдущих главах данной книги, отнюдь не покушались

⁷³ ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. 1/16. Л. 478 об. — 479. Список XVII в.

⁷⁴ Судебники XV—XVI веков. С. 176.

⁷⁵ Обзор мнений ученых по поводу ст. 98 см. в комментарии Б. А. Романова к тексту Судебника 1550 г.: Судебники XV—XVI веков. С. 335—337.

⁷⁶ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 385—398.

на прерогативы монарха. Декорум тщательно соблюдался: от имени юного великого князя выдавались грамоты, велись переговоры с иностранными послами, отправлялись в поход воеводы и т.д. Таким образом, мысль об ограничении государственной власти даже не возникала.

Но та же статья Судебника предстанет совершенно в ином свете, если на нее взглянуть с точки зрения истории ее происхождения, изложенной на предыдущих страницах. К 1550 г. формула приговора «всех бояр», как мы уже знаем, применялась в судебно-административной практике не менее 10 лет и успела приобрести значение окончательного и абсолютно легитимного решения, сила которого проистекала из того обстоятельства, что решение принималось коллективно и единодушно, а следовательно, оно мыслилось как справедливое и беспристрастное.

Предложенная трактовка приговора «всех бояр» находит подтверждение еще в одной статье Судебника, которая пока мало привлекала внимание исследователей. В ст. 75 упоминается «запись» (вызов в суд), «которую запись велют дати бояре, *приговора вместе*»; причем такое коллективное решение противопоставляется воле одного боярина и дьяка: «а *одному боярину и дьяку* пристава з записью не дати»⁷⁷ (выделено мной. — М. К.).

Формула боярского приговора (и ее разновидность — приговор «всех бояр») получила дальнейшее развитие в законодательстве второй половины XVI в.⁷⁸ За этими терминологическими изменениями, на мой взгляд, стоял реальный процесс возрастания значения Думы как коллективного органа принятия решений как в политической, так и в судебно-административной сфере. Начало этого процесса, как было показано выше, относится к эпохе «боярского правления», к рубежу 30—40-х гг. XVI в.

⁷⁷ Судебники XV—XVI веков. С. 167.

⁷⁸ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века / Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. № 43, 45, 47, 48, 80.

Глава 9

НАРОЖДАЮЩАЯСЯ БЮРОКРАТИЯ: ДВОРЕЦКИЕ, КАЗНАЧЕИ И ДЬЯКИ

1. ДВОРЦОВОЕ ВЕДОМСТВО

Как отмечал Норберт Элиас, «в абсолютных монархиях, где роль сословно-представительных учреждений в управлении была сведена к минимуму, двор монарха соединял в себе, как и на более ранних этапах развития государства, когда централизация еще не достигла такой степени, функцию домохозяйства всей августейшей семьи с функцией центрального органа государственной администрации, с функцией правительства»¹. Это наблюдение известного немецкого социолога полностью приложимо и к Русскому государству описываемого времени. Становление центральной администрации страны на базе структур, первоначально созданных для управления великокняжеским хозяйством, наглядно видно на примере дворцового ведомства.

Должность дворецкого, в ведении которого находились земли, население которых обслуживало нужды великокняжеского двора, известна с 60-х гг. XV в.² Поначалу его полномочия ограничивались хозяйственными функциями; как отмечают исследователи, в системе управления при Иване III дворецкие не играли заметной роли³. Значение дворца возросло в первой трети XVI в., в правление Василия III⁴.

Переход к великокняжеским дворецким некоторых функций общегосударственного управления выразился прежде всего в расширении их судебных полномочий. Если раньше юрисдикция

¹ Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / Пер. с нем. М., 2002. С. 10.

² Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 180—181.

³ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 276.

⁴ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 409.

дворецкого распространялась исключительно на персонал, обслуживавший вотчину великого князя: бобровников, бортников, рыболовов, сокольников, конюхов и т.п. (все они в старину именовались «слугами под дворским»), то с начала XVI в. дворецкий стал выполнять роль судьи высшей инстанции для крупных иммунитетов (в первую очередь монастырей), освобожденных от подсудности местным властям (наместникам и волостелям). Более того, с этого времени, как указал А. К. Леонтьев, церковное землевладение оказалось под особым наблюдением дворецкого, который выдавал монастырям от имени государя жалованные грамоты на различные льготы и привилегии, а также защищал от возможных посягательств⁵.

Самая ранняя известная нам грамота с упоминанием суда дворецкого датирована 5 февраля 1507 г. и адресована Троицкому Белопесоцкому монастырю: «А кому будет чего искати на самом на игумене, или на братье, или на их приказшике, — гласила грамота, — ино их сужу яз князь великий или мой дворетцкой»⁶. Помета на обороте: «Приказал Василей Андреевич»⁷ — свидетельствует о том, что документ был выдан по распоряжению дворецкого В. А. Челяднина.

Другая важная перемена коснулась структуры дворцового управления, в котором выделились областные дворцы и центральный («Большой») дворец. Тверской и новгородский дворецкие упоминаются уже в завещании Ивана III (1504 г.)⁸. Те же областные дворцы упоминаются и в последние годы правления Василия III⁹. К февралю 1524 г. относится первое упоминание Большого дворца¹⁰; впрочем, до конца 30-х гг. оно остается единственным.

В интересующий нас период 30—40-х гг. XVI в. происходит дальнейшее развитие структуры и функций дворцового управления. Прежде всего более четко выделяются центральный и областные дворцы. В январе 1537 г. в посольской книге впервые упоминается

⁵ Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления. С. 36—37.

⁶ АРГ. № 28. С. 35.

⁷ Там же. С. 36.

⁸ ДДГ. № 89. С. 363.

⁹ См.: Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 189.

¹⁰ В жалованной ружной грамоте Василия III протопопу Владимирского Успенского собора от 2 февраля 1524 г. говорилось, что ругу протопоп с братией должны получать «у нашего дворецкого Болшого дворца у князя Ивана Ивановича Кубенского» (Сборник Муханова. Изд. 2-е. СПб., 1866. № 319. С. 599).

«большой дворецкий» (им был в это время кн. И. И. Кубенский)¹¹; ссылки на «большой дворец» регулярно встречаются в грамотах начиная с февраля 1539 г.¹² Примечательно, что чаще всего в названии Дворца употреблялась сравнительная степень прилагательного «большой» — «большый», что явно указывало на стремление отличить это ведомство от областных дворцов, считавшихся, следовательно, «меньшими». Само количество областных дворцов в те годы резко выросло — с двух до пяти: к Тверскому и Новгородскому дворцам, существовавшим на момент смерти Василия III, добавились Рязанский, Дмитровский и Угличский.

В литературе утвердилось мнение, будто Рязанский дворец был образован вскоре после окончательной ликвидации Рязанского великого княжества в начале 1520-х гг.¹³ В обоснование этой точки зрения А. А. Зимин ссылаясь на жалованную грамоту Василия III игумену Спасо-Прилуцкого монастыря Мисаилу на деревни и починки в Вологодском уезде, выданную 14 марта 1525 г. по приказу дворецкого кн. Ивана Федоровича Палецкого¹⁴. При этом ученый полагал — по аналогии с более поздним временем (началом

¹¹ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 67.

¹² См. жалованную грамоту Троицкому Усть-Шехонскому монастырю от 3 февраля 1539 г.: ОР РГБ. Ф. 256. Кн. 53. Л. 10—13 («наш дворецкой большаго дворца» — л. 10об.). В дальнейшем Большой дворец упоминается в жалованных грамотах: Спасскому Златовратскому монастырю от 1 марта 1539 г. (Архив СПб. ИИ. Ф. 41. № 58); Суздальскому монастырю Василия Кесарийского 1539/40 г. (сохранилась в составе грамоты Лжедмитрия I 1605 г.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 1920. Л. 43—44); бортникам волости Талши от 1 декабря 1540 г. (*Каширанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты XV—XVI вв. М., 1996. Прил. IV. № 4. С. 169); Московскому Богоявленскому монастырю от 3 марта 1543 г. (АРГ/АММС. № 49. С. 137); Троицкому Белопесоцкому монастырю от 21 февраля 1546 г. (РГАДА. Ф. 281. Кашира. № 6/5768); Троице-Сергиеву монастырю от 24 июня и 23 декабря 1546 г. (ПРП. М., 1956. Вып. IV. С. 115; Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3 / Под ред. А. К. Кабанова. Нижний Новгород, 1913. № 12. С. 16); попам и дьяконам дворцовых сел от 15 октября 1547 г. (АИ. Т. I. СПб., 1841. № 149. С. 216); Богоявленскому монастырю от 24 января 1548 г. (АРГ/АММС. № 53. С. 142); Кирилло-Белозерскому монастырю от 19 марта 1548 г. (*Козлов С. А., Дмитриева З. В.* Налоги в России до XIX в. СПб., 1999. С. 222); Новолещинскому монастырю от 22 ноября 1548 г. (сохранилась в составе грамоты 1573 г.: АРГ/АММС. № 130. С. 314).

¹³ *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I. С. 138; *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 190; *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления. С. 41.

¹⁴ Нынешний архивный шифр грамоты: ОПИ ГИМ. Ф. 450 (Е. В. Барсов). Оп. I. Д. 897.

1550-х гг.), — что Вологда находилась в ведении Рязанского дворца: отсюда и вывод о том, что кн. И. Ф. Палецкий был в 1525 г. рязанским дворецким¹⁵. Однако суждение по аналогии весьма ненадежно, ведь ведомственная принадлежность тех или иных земель в течение нескольких десятилетий неоднократно менялась. Главное же затруднение, мешающее принять гипотезу Зимина, состоит в том, что у нас нет никаких документальных подтверждений деятельности дворецкого кн. И. Ф. Палецкого на территории Рязани. Зато хорошо известно (и на этот факт обратил внимание сам Зимин¹⁶), что в феврале 1533 г. Рязань была подведомственна «большому» дворецкому кн. И. И. Кубенскому¹⁷. Поэтому то обстоятельство, что в 1525 г. в Вологодском уезде распоряжался дворецкий кн. И. Ф. Палецкий, можно расценить как кратковременную попытку создать особый дворец для управления вологодскими землями (подобно эпизодическим упоминаниям нижегородского дворецкого в годы правления Василия III¹⁸) — попытку, от которой впоследствии центральная власть отказалась, подчинив Вологду рязанскому дворецкому. Но оснований полагать, что Рязанский дворец был создан при Василии III, у нас нет.

Первое известное нам упоминание дворецкого, в ведении которого находилась Рязань, относится к 30 августа 1539 г. Речь идет о грамоте, которую дворецкий Иван Михайлович (Юрьев) адресовал рязанскому городовому приказчику Васюку Конаплину¹⁹. Строго говоря, в тексте документа дворецкий не назван «рязанским», но то, что тогда именно он, а не дворецкий Большого дворца (кн. И. И. Кубенский) отдавал распоряжения на территории Рязани, свидетельствует о том, что Рязань была «приказана» дворецкому И. М. Юрьеву.

Можно попытаться определить примерный отрезок времени, когда был образован Рязанский дворец. Поскольку в феврале 1533 г., как уже говорилось, Рязань находилась в юрисдикции «большого» дворецкого кн. И. И. Кубенского, а в августе 1539 г. там распоряжался дворецкий И. М. Юрьев, то, следовательно, выделе-

¹⁵ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 190 и прим. 82.

¹⁶ Там же. Прим. 81.

¹⁷ См. указную грамоту Василия III И. Ромоданову от 5 февраля 1533 г. (АИ. Т. I. № 134. С. 195), из которой явствует, что тяжбы рязанских землевладельцев судил в то время дворецкий кн. И. И. Кубенский.

¹⁸ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 190.

¹⁹ Каштанов С. М. ИРСИ. Прил. VI. № 1. С. 224—225.

ние особого Рязанского дворца произошло между этими датами: вероятно, уже после смерти Василия III.

По-видимому, с этого же времени в ведении рязанского дворецкого находилась также Вологда: жалованная грамота Ивана IV Вологодскому Комельскому монастырю от 13 июля 1539 г., согласно надписи на обороте, была выдана по приказу дворецкого Ивана Михайловича (Юрьева)²⁰, который, как мы уже знаем, был тогда рязанским дворецким.

Должность рязанского дворецкого впервые прямо упоминается в разрядной книге в декабре 1539 г.²¹, а в сохранившемся актовом материале — в июне 1541 г.²² Примечательно, что почти все упоминания рязанского дворецкого в 1540-х гг. относятся к его деятельности на территории Вологодской земли²³, что объясняется, по-видимому, лучшей сохранностью архивов северных монастырей по сравнению с монастырями Рязанской епархии. К концу 40-х гг. Вологда настолько прочно вошла в юрисдикцию рязанского дворецкого, что в жалованной несудимой грамоте Ивана IV игумену Глушицкого монастыря Арсению, выданной 5 июля 1548 г. по приказу рязанского дворецкого П. В. Морозова, появился пункт о том, что, в случае каких-либо исков к игумену с братией, их дол-

²⁰ *Амвросий*. ИРИ. М., 1811. Ч. III. С. 283—286 (помета — с. 286).

²¹ РК 1598. С. 100.

²² См. меновную тверского дворецкого И. И. Хабарова и рязанского дворецкого В. М. Тучкова старцам Павлова Обнорского монастыря от 5 июня 1541 г.: *Каштанов С. М.* ИРСИ. Прил. III. № 10. С. 152. (В сохранившемся списке грамоты дата — 7040 (1532) г. — явно ошибочна; С. М. Каштанов предположил 7050 (1542) г., но С. В. Стрельников на основе монастырских описей установил настоящую дату — 7049 (1541) г. См.: *Стрельников С. В.* К вопросу о дворцовой подведомственности Ростова Великого в конце XV — XVI вв. // ОФР. М., 2002. Вып. 6. С. 99, прим. 12).

²³ Помимо документа, указанного в предыдущей сноске, см. оброчную грамоту, выданную 29 декабря 1541 г. рязанским дворецким В. М. Тучковым игумену Спасо-Прилуцкого монастыря Афанасию (Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1908. Вып. I. С. 85—86), его же указную грамоту поселскому дворцовых сел на Сяме в Вологодском уезде от 1 февраля 1545 г. (Архив СПб. ИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 681) и выданную в августе 1545 г. по его приказу жалованную проезжую грамоту Ивана IV Спасо-Каменному монастырю (Там же. Кол. 238. Оп. 2. Карт. 102. № 1. Л. 9—10). К территории Рязанской земли относится только жалованная льготная грамота, выданная по приказу того же дворецкого В. М. Тучкова-Морозова в январе 1544 г. Рязанскому Солотчинскому монастырю, см.: *Филиппова И. С.* Московские грамоты XVI в. из Государственного архива Рязанской области // История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 275—278. Док. № 3.

жен был судить сам царь или его «дворецкой рязанской, у кого будет Вологда в приказе»²⁴.

Если между ликвидацией Рязанского великого княжества и формированием Рязанского дворца прошло почти двадцать лет, то Дмитровский дворец был образован почти сразу же после упразднения одноименного удела. Как мы помним, 3 августа 1536 г. умер в тюрьме князь Юрий Иванович Дмитровский, а спустя два года, в августе 1538 г., в разрядной книге упоминается первый дмитровский дворецкий — кн. Дмитрий Федорович Палецкий²⁵. А. А. Зимин, ссылаясь на запись в сборнике из Щукинского собрания ГИМ, датировал это назначение 1537 г.²⁶ Исходя из хронологии служебных поручений кн. Д. Ф. Палецкого в указанном году, время получения им чина дмитровского дворецкого (а следовательно, и время образования соответствующего дворца) можно уточнить.

22 апреля 1537 г. кн. Д. Ф. Палецкий был отправлен в Литву в составе посольства боярина В. Г. Морозова и дьяка Г. Д. Загряжского, причем ему был дан почетный титул нижегородского дворецкого: «...а дворотцкой князь Дмитрей приписан в грамоте имяни для, а он был не дворотцкой», — разъясняет дело посольская книга²⁷. Ясно, что и чина дмитровского дворецкого Палецкий на тот момент не имел: иначе незачем было бы приписывать ему фиктивную должность.

Выполнив свою миссию, посольство вернулось в августе 1537 г. в Москву²⁸, а в сентябре того же года кн. Д. Ф. Палецкий упомянут в разряде несостоявшегося похода на Казань, причем — без чина дворецкого²⁹. Таким образом, дмитровским дворецким он мог быть назначен не ранее конца 1537 г., а первое надежное известие, упоминающее его в этом качестве, относится, как уже говорилось, к августу 1538 г.

В декабре 1537 г. писцы А. С. Слизнев-Упин «с товарищи» проводили описание земель Дмитровского уезда³⁰: вполне вероятно,

²⁴ *Амвросий*. ИРИ. Ч. III. С. 716.

²⁵ РК 1598. М., 1966. С. 94.

²⁶ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 192.

²⁷ Сб. РИО. Т. 59. С. 109.

²⁸ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 30.

²⁹ РК 1598. С. 94.

³⁰ См. сотные с дмитровских книг на владения соответственно Троице-Сергиева (5 декабря) и Кирилло-Белозерского монастырей (декабрь 1537 г.): *Шумаков С. А.* Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1696 гг.). М., 1902. Вып. I. № XLIV. С. 122—124; ОР РНБ. Ф. 573 (СПб. Духовная академия). А. 1/17. Л. 898—898 об.

что это мероприятие находилось в связи с формированием нового областного дворца. С учетом всего вышесказанного представляется, что Палецкий мог получить чин дмитровского дворецкого в конце 1537 г. в качестве вознаграждения за заслуги на государственной службе (включая участие в недавнем посольстве в Литву).

В ведении Дмитровского дворца, помимо самого г. Дмитрова с уездом, находился также Звенигород, входивший ранее в удел князя Юрия Ивановича: так, уставная грамота дворцовому селу Андреевскому в Звенигородском уезде была выдана 20 апреля 1544 г. по приказу дмитровского дворецкого окольничего В. Д. Шеина, а в самой грамоте содержался пункт, согласно которому скоморохов, попрошатаев и иных нежеланных гостей надлежало давать на поруки и ставить перед «дворецким дмитровским, у кого будет Дмитров в приказе»³¹.

К концу 1530-х гг. относится образование еще одного областного дворца — Угличского. Выморочный Угличский удел был завещан Василием III своему младшему сыну Юрию, но распоряжалась там в 30—40-х гг. по-прежнему великокняжеская администрация. А. А. Зимин предполагал, что в 1535—1538 гг. угличским дворецким был боярин кн. И. В. Шуйский — на том основании, что он выдавал грамоты на территории, входившей в Угличский дворец³². Однако, как было показано выше (см. гл. 7), пометы на обороте этих грамот не оставляют сомнений в том, что Шуйский действовал в данных случаях не как дворецкий, а как боярин введенный.

Первое надежное известие об угличском дворецком относится к августу 1538 г., когда в разрядной книге с этим чином упомянут Федор Семенович Воронцов³³. В ведении Угличского дворца, помимо Углича, находились Калуга³⁴, Зубцов³⁵ и, вероятно, Бежецкий Верх³⁶.

³¹ ААЭ. СПб., 1836. № 201. Т. I. С. 179—181.

³² Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 193 и прим. 114.

³³ РК 1598. С. 95.

³⁴ В марте 1542 г. в посольской книге Ф. С. Воронцов назван дворецким угличским и калужским: Сб. РИО. Т. 59. С. 152.

³⁵ Согласно жалованной грамоте, выданной 21 сентября 1539 г. от имени Ивана IV Иосифо-Волоколамскому монастырю на село Фаустову Гору в Зубцовском уезде, монастырского приказчика, в случае каких-либо исков к нему, должен был судить сам великий князь или его дворецкий Угличского дворца: АФЗХ. Ч. II. № 149. С. 144.

³⁶ В марте 1540 г. дворецкий Ф. С. Воронцов судил тяжбу слуг Симонова монастыря с крестьянами села Шипинского в Бежецком Верхе о спорных

В годы правления Елены Глинской и, по-видимому, в первое время после ее смерти существовал еще один областной дворец, который до сих пор оставался вне поля зрения исследователей. Речь идет о дворце великой княгини, который, возможно, был образован еще при жизни Василия III, но упоминается в первый и единственный раз только в 1543 г. В жалованной тарханно-несудимой грамоте Ивана IV Троицкому Махрищскому монастырю на село Зеленцыно с деревнями в Переславском уезде, выданной 16 марта 1543 г. по приказу боярина кн. Петра Ивановича Репнина Оболенского, говорилось, что, в случае каких-либо исков к игумену, монастырской братии и крестьянам, их судит великий князь «или мой боярин введенной, у которого будет матери моей великие княгини дворец в приказе»³⁷.

Как можно понять из процитированного документа, к моменту выдачи этой грамоты дворец великой княгини продолжал существовать, но находился во временном управлении («в приказе») боярина введенного, каковым был в данном случае кн. П. И. Репнин-Оболенский. Подведомственная ему территория располагалась в Переславском уезде.

Наряду с новыми областными дворцами, впервые упоминаемыми в 30-х — начале 40-х гг., в описываемое время продолжали действовать давно существовавшие Тверской и Новгородский дворцы. Первому из них, помимо Твери, были подведомственны территории Волоцкого, Клинского и Ржевского уездов³⁸, а также, как недавно установил С. В. Стрельников, — Ростовская земля³⁹. К этому перечню следует также добавить Романов и Пошехонье, которые, согласно жалованной грамоте Ивана IV Троицкой Иониной пустыни от 1 сентября 1544 г. на владения в Романовском и Пошехонском уездах, выданной по приказу тверского дворецкого И. С. Воронцова, находились в ведении именно Тверского дворца⁴⁰.

пожнях: АФЗХ/АМСМ. № 63. С. 74. А. А. Зимин полагает, что Угличскому дворцу была подведомственна также территория Галича (*Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 193), но не приводит какого-либо подтверждения своего предположения.

³⁷ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 124. Подлинник.

³⁸ См. жалованную грамоту Ивана IV Иосифо-Волоколамскому монастырю на владения в Волоцком, Клинском и Ржевском уездах, выданную в марте 1545 г. по приказу тверского дворецкого И. С. Воронцова: АФЗХ. Ч. II. № 184. С. 186—187.

³⁹ *Стрельников С. В.* К вопросу о дворцовой подведомственности Ростова Великого. С. 97—101.

⁴⁰ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 475—477 (список XVIII в.).

Важно отметить, что местом пребывания всех дворецких, за исключением новгородского, была Москва. Именно поэтому рязанский дворецкий мог, не покидая столицы, ведать не только Рязанью, но и Вологдой, а тверской дворецкий — помимо Твери, еще и Ростовом, Волоколамском, Клином и другими перечисленными выше территориями. Однако самый обширный круг земель находился под управлением дворецкого Большого дворца: его юрисдикция распространялась на Белозерский, Владимирский, Каширский, Коломенский, Московский, Нижегородский, Переславский, Суздальский, Серпуховской, Тульский и Ярославский уезды (см. выше гл. 7, табл. 2, строки 3, 13, 15, 17, 22, 52, 62, 65; а также Прил. III, № 59, 63, 68, 76, 83, 91, 126, 133, 140, 173, 178, 184).

«Большой» дворецкий мог также отдавать распоряжения на территории уездов, находившихся «в приказе» у областных дворецких. Так, 21 марта 1541 г. боярин и дворецкий кн. И. И. Кубенский приказал выдать государеву жалованную несудимую грамоту Вологодской Евфимьевой пустыни⁴¹, хотя Вологда в то время, как мы знаем, входила в юрисдикцию рязанского дворецкого. 20 ноября 1547 г. «большой» дворецкий Д. Р. Юрьев приказал выдать заповедную грамоту на рощи Саввина Сторожевского монастыря⁴²; между тем Звенигородский уезд, в котором располагался сам монастырь и основная часть его вотчины, был «приказан» (согласно приведенной выше грамоте 1544 г.) дмитровскому дворецкому, а эту должность в 1547 г. занимал Д. Ф. Карпов⁴³.

Комментируя подобные случаи, А. К. Леонтьев писал, что они предполагали «известный контакт между великокняжеским Дворцом и областными дворцами» и что это «позволяет рассматривать их как единую систему органов, получивших в начальный период существования централизованного государства значение органов государственных»⁴⁴. Проблема, однако, заключается в том, что никакие «контакты» между «большим» и областными дворецкими нам не известны: мы ничего не знаем об их соподчинении, взаимодействии, распределении полномочий и т.п. А ту сеть параллельно существовавших дворцовых учреждений, которая отразилась в сохранившихся документах 30—40-х гг. XVI в., трудно назвать единой и слаженной системой.

⁴¹ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Вологда. № 11/2582.

⁴² ССМ. М., 1992. № 14. С. 21—22.

⁴³ РК 1598. С. 113.

⁴⁴ Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления. С. 43.

Более того, некоторые формулировки, содержащиеся в дошедших до нас несудимых грамотах, наводят на мысль, что «приказание» какой-либо территории тому или иному дворецкому носило еще характер временного поручения и что дворцовая принадлежность ряда земель не была окончательно определена и могла в дальнейшем измениться. Вот, например, как звучит известный пункт о подсудности грамотчика только великому князю или его дворецкому в жалованной грамоте Ивана IV Кирилло-Белозерскому монастырю от 1 мая 1546 г.: «...а кому будет искати на самом игумене и на братье, ино сужу яз князь великий или наш дворцкой, кому Белоозеро приказано»⁴⁵. Формуляр этой грамоты оставляет открытым вопрос о том, в юрисдикции какого дворецкого находилось тогда Белоозеро; между тем в других грамотах конца 30-х и 40-х гг. XVI в., касавшихся этого региона, соответствующая статья говорила о суде именно дворецкого Большого дворца (см. Прил. III, № 59, 178).

На основе правой грамоты 1540 г., выданной угличским дворецким Ф. С. Воронцовым, выше было высказано предположение о том, что Бежецкий Верх относился к ведению Угличского дворца. Но в жалованной грамоте Ивана IV Троице-Сергиеву монастырю от 1 мая 1543 г. на данного пристава для монастырских владений в Бежецком Верху дворцовая подведомственность этой территории указана в самой общей, неопределенной форме: данный пристав должен был ставить истцов и ответчиков перед великим князем или перед его «дворецким, у которого будет Бежецкой Верх в приказе»⁴⁶. Такой же неопределенностью при указании на суд дворецкого отличаются грамоты, относящиеся к Можайску и Мещере (см. Прил. III, № 37, 159): в ведении каких дворцов находились эти территории, остается совершенно неизвестным.

Эта неопределенность формулировок в процитированных грамотах отражала, на мой взгляд, изменчивость статуса земель, еще не имевших «собственных» областных дворцов. Они могли управляться дворецким Большого дворца или временно передаваться в ведение того или иного областного дворца. Так, на территории Галичского уезда в 1534—1536 гг. распоряжался дворецкий Большого дворца⁴⁷, а с образованием Угличского дворца (предположи-

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 573 (СПб. Духовная академия). А. I/16. Л. 1087 об.

⁴⁶ ААЭ. Т. I. № 198. С. 177.

⁴⁷ В 1534—1536 гг. дворецкий кн. И. И. Кубенский вынес несколько приговоров по тяжбам на территории Галичского уезда (АСЗ. Т. I. № 122. С. 96; № 314. С. 305—306, 310—311). По его же приказу 4 ноября 1535 г. была выда-

тельно в конце 1537 г.) Галич, по-видимому, был передан в его ведение.

Причудливо сложилась судьба Нижнего Новгорода: в отдельные годы правления Василия III город с уездом, как уже говорилось выше, подчинялись особому нижегородскому дворецкому. В годы «боярского правления» Нижний Новгород находился в ведении дворецкого Большого дворца⁴⁸, но мысль о его особом статусе не была, видимо, совсем забыта, раз в 1537 г. титул «нижегородского дворецкого» был пожалован (на время исполнения посольства) кн. Д. Ф. Палецкому. Впоследствии, в 50-х гг., Нижегородский дворец был воссоздан, вобрав в себя территорию новоприсоединенного Казанского ханства⁴⁹.

Что касается служебной иерархии дворцовых чинов, то и здесь четкой системы не наблюдается. Выше были приведены примеры вмешательства (говоря нашим современным языком) «больших» дворецких в юрисдикцию областных дворцов. Но известны и примеры противоположного рода, когда действия какого-нибудь областного дворецкого нарушали (по видимости!) прерогативы дворецкого Большого дворца. Так, 11 декабря 1547 г. по приказу тверского дворецкого В. М. Юрьева была выдана указная грамота Ивана IV приказчику села Воробьева Московского уезда Васюку Введенскому о запрете дворцовым крестьянам сечь рощи Симонова монастыря⁵⁰. Между тем Московский уезд традиционно находился в ведении московского («большого») дворецкого, каковым в описываемое время был Д. Р. Юрьев⁵¹. Почему власти Симонова монастыря обратились за защитой не к нему, а к его родственнику В. М. Юрьеву, тверскому дворецкому, остается неизвестным. Вероятно, на практике

на жалованная грамота Ивана IV Симонову монастырю на владения в Галичском уезде (АФЗХ/АМСМ. № 51. С. 55—56).

⁴⁸ Определенные сведения о судебно-административной деятельности дворецких Большого дворца на территории Нижегородского уезда относятся к 1540-м гг., см. жалованную грамоту Вознесенскому собору г. Балахны, выданную 29 июня 1541 г. по приказу дворецкого кн. И. И. Кубенского (*Кашинов* С. М. ИРСИ. Прил. V. № 1. С. 210—211), жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на нижегородские владения от 23 декабря 1546 г. (Материалы по истории Нижегородского края. Вып. 3. № 12. С. 15—16), а также судный список нижегородских тиунов от 22 мая 1547 г., доложенный дворецким И. И. Хабарову и Д. Р. Юрьеву (РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1914. Л. 31—38 об.).

⁴⁹ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 198.

⁵⁰ АФЗХ/АМСМ. № 86. С. 99.

⁵¹ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 194 и прим. 131.

значение имел не только и не столько чин дворецкого, сколько его реальное влияние при дворе, а также связи грамотчика (в данном случае — монастыря) с тем или иным сановником.

Подобная «взаимозаменяемость» дворецкого Большого дворца и областных дворецких была возможна еще и потому, что их функции, как давно отмечено в литературе, были, по существу, одинаковы⁵².

В первую очередь по традиции дворецкие заведовали великокняжеским хозяйством, но об этой стороне их деятельности — в силу особенностей имеющихся в нашем распоряжении источников, происходящих большей частью из монастырских архивов, — мы знаем очень мало. Они также служили высшей судебно-административной инстанцией для населения дворцовых сел и промысловых слуг (бортников, бобровников, рыбников и т.д.), поставивших свою продукцию во дворец. Известны две жалованные грамоты бортникам Талшинской волости Владимирского уезда 1540 и 1546 гг., вышедшие из ведомства Большого дворца⁵³. Дмитровский дворецкий окольничий В. Д. Шеин санкционировал выдачу 20 апреля 1544 г. уставной грамоты крестьянам дворцового села Андреевского в Звенигородском уезде⁵⁴.

Поскольку дворецкие контролировали фонд дворцовых земель, они осуществляли обмен (от имени великого князя) государевых вотчин на села и деревни других землевладельцев. Сохранились две меновные грамоты начала 1540-х гг., оформившие такого рода сделки⁵⁵.

⁵² См.: Там же. С. 185; *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления. С. 40—41.

⁵³ Жалованная тарханно-оборочная и несудимая грамота Ивана IV бортникам Талшинской волости Владимирского уезда от 1 декабря 1540 г., устанавливавшая их подсудность дворецкому Большого дворца, дошла до нас в списках XVIII в., опубл.: *Каиштанов С. М.* ИРСИ. Прил. IV. № 4. С. 168—170. Жалованная грамота бортникам той же волости Назару Прокофьеву «с товарищи», выданная 30 марта 1546 г. по приказу боярина и дворецкого И. И. Хабарова, известна только по упоминаниям в переписных книгах Суздальского Покровского монастыря, см.: *Антонов А. В., Маишафаров А. В.* Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря XV — начала XVII века // РД. М., 2004. Вып. 10. № 29. С. 280.

⁵⁴ ААЭ. Т. I. № 201. С. 179—181.

⁵⁵ Так, 5 июня 1541 г. тверской дворецкий И. И. Хабаров и рязанский дворецкий В. М. Тучков променяли Троицкому Павлову Обнорскому монастырю несколько черных деревень в Вологодском уезде на монастырское сельцо в Ростовском уезде (меновную см.: *Каиштанов С. М.* ИРСИ. Прил. III. № 10. С. 151—153, о датировке этого документа см. выше сноску 22). 9 апреля 1543 г.

Но деятельность дворецких задолго до описываемого нами времени вышла за рамки управления великокняжеским хозяйством. В частности, как уже говорилось в начале этой главы, монастыри находились под особым попечением дворецких. От 30—40-х гг. XVI в. до нас дошло более двух десятков жалованных грамот Ивана IV монастырям, выданных — как об этом свидетельствуют надписи на обороте — по приказу «больших» и областных дворецких (см. выше гл. 7, табл. 2). Если прохулилась монастырская богодельная изба, об этом следовало писать дворецкому⁵⁶. Из дворцовой Казны и запасов выдавалось денежное и продуктовое жалованье (руга) монастырской братии⁵⁷.

У дворецкого можно было также найти судебную защиту — в случае какого-либо покушения на монастырские земли и угодья. Судебные функции дворецких в описываемое время существенно расширились. По существу, дворецкий (Большого дворца или областной) стал ключевой фигурой при рассмотрении земельных тяжб в суде высшей инстанции (см. гл. 8, табл. 4, строки 1, 2, 4, 10, 14—19, 22, 23, 26, 28—30). Ему докладывались также и спорные дела о холопстве (там же, строка 21). Не осталось дворцовое ведомство в стороне и от борьбы с разбоями: как показал Н. Е. Носов, дошедшие до нас уставные губные грамоты происходят из дворцовых канцелярий⁵⁸. А из текста Вятской губной грамоты от 2 марта

от имени («по слову») великого князя тот же рязанский дворецкий В. М. Тучков совершил обмен деревнями в Вологодском уезде с Кирилло-Белозерским монастырем. Эта меновная сохранилась в подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Вологда. № 12/2583.

⁵⁶ «...а будет у тех нищих изба или кровля худа, или что иное починити, — гласила указная грамота Ивана IV игумену Кирилло-Белозерского монастыря Досифею от 22 декабря 1535 г. — и вы б о том отписывали к дворецкому нашему ко князю Ивану Ивановичу Кубенскому» (РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 30. Стб. 31).

⁵⁷ Жалованная ружная грамота Ивана IV Никольскому Песношскому монастырю от 6 февраля 1539 г., устанавливая два срока в году, когда братия должна была получать денежное жалованье, специально оговаривала: «А имати им те денги на оба срока у дворецкого дмитровского, у кого будет Дмитров в приказе» (*Калайдович К. Ф.* Историческое и топографическое описание мужеского общежительного монастыря св. чудотворца Николая, что на Пешноше. М., 1837. С. 109). См. также ружную грамоту Данилову и Рождественскому переславским монастырям, выданную 23 мая 1540 г. по приказу боярина и дворецкого И. И. Кубенского (ААЭ. Т. I. № 191. С. 168), и тарханно-проезжую и ружную грамоту тому же Данилову монастырю, выданную 30 ноября 1548 г. по приказу боярина и дворецкого Д. Р. Юрьева (Там же. № 222. С. 211—212).

⁵⁸ *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления. С. 315—320.

1542 (или 1541) г.⁵⁹ следует, что губное дело находилось в тот момент под контролем «большого» дворецкого кн. И. И. Кубенского: именно ему вместе с дьяком Меньшим Путятиным надлежало присылать списки конфискованного у казенных разбойников имущества, а также перечни избранных по волостям для сыска преступников «голов», старост и «лучших людей»⁶⁰.

Повышение роли дворецких в судебной сфере нашло отражение и в формуляре жалованных несудимых грамот 1530—1540-х гг.: хотя чаще всего в статье о суде грамотчика по-прежнему в качестве судьи высшей инстанции рядом с великим князем (с 1547 г. — царем) называется боярин введенный (в 83-х⁶¹ из 189 известных грамот этого рода за 1534—1548 гг.), но на втором месте по частоте упоминаний оказывается именно дворецкий (61 случай, см. Прил. III). Безусловно, нужно сделать поправку на известный консерватизм формуляра, но если рассматривать дошедший до нас актовый материал в динамике, то можно заметить вполне определенную тенденцию. В начале изучаемого нами периода, с января 1534 по август 1538 г., боярин введенный в качестве судьи упоминается в три раза чаще, чем дворецкий (соответственно 33 и 10 упоминаний), но с осени 1538 до конца 1548 г. это соотношение меняется в пользу дворецких и становится примерно 1:1 (соответственно 50 и 51 упоминание: см. Прил. III).

Естественно предположить, что наблюдаемое в данный период повышение роли дворецких в судопроизводстве (на что указывает, в частности, отмеченное изменение формуляра несудимых грамот) было связано с реорганизацией дворцового ведомства и увеличением его штата. Как мы помним, к 1538—1539 гг. относятся первые достоверные сведения о новых областных дворцах — Рязанском, Дмитровском и Угличском. Но расширение судебных функций дворецких требовало выделения им специальных помощников — судебных приставов, и такие помощники были им даны: начиная с 30-х гг. в источниках начинают упоминаться особые дворцовые недельщики. На сам факт существования в XVI в. различных категорий недельщиков (площадных и дворцовых) уже обращали

⁵⁹ Датировка этой грамоты остается спорной, подробнее см. ниже гл. 11.

⁶⁰ Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 г. Вып. 3. Вятка, 1905. Отд. III. С. 84.

⁶¹ Помимо устойчивой формулы «боярин введенный» (79 упоминаний) здесь учтены и редко встречающиеся выражения «мой боярин» (три упоминания) и «мои бояре» (одно упоминание).

внимание исследователи⁶², но время появления подобной «специализации» судебных приставов до сих пор не установлено. Поскольку этот вопрос непосредственно связан с историей дворцового управления, остановимся на нем подробнее.

Вообще недельщики — судебные приставы, в функции которых входил вызов в суд тяжущихся сторон, содержание под стражей преступников, исполнение судебных решений и т.п.⁶³, — упоминаются с 60-х гг. XV в.⁶⁴ Известны они и Судебнику 1497 г. (ст. 4—7, 26, 28, 29, 31, 33—37)⁶⁵, но в актовом материале конца XV — первой трети XVI в. эти приставы фигурируют под общим названием «недельщиков», без подразделения на «площадных» и «дворцовых»⁶⁶. Правда, Л. В. Черепнин на основании ст. 29 Судебника Ивана III, в которой употреблено неясное слово «площеднаа» («А хоженного на Москве площаднаа неделщику десеть денег...»), осторожно предположил, что «если это слово относится к недельщику, то в таком случае оно должно указывать на постоянный штат московских площадных недельщиков, подобных позднейшим подьячим Ивановской площади». Впрочем, ученый допускал, что упомянутое слово может относиться к «хоженому», и в таком случае этот термин означает «плату недельщику за вызов в суд ответчика в пределах Москвы»⁶⁷.

С. В. Стрельников поддержал предположение Л. В. Черепнина о существовании площадных недельщиков и в качестве доказательства сослался на жалованную грамоту Ивана IV Троице-Сергиеву монастырю от 29 октября 1537 г.⁶⁸ Действительно, в упомянутой грамоте, выданной на всю монастырскую вотчину, в частности, говорилось: «...а кому будет каково дело до них [монастырских старцев, попов, дьяконов, слуг и крестьян. — М. К.], и в том по ним ез-

⁶² Стрельников С. В. К изучению юридической терминологии в средневековой Руси X—XVII вв. («правда», «праведчик» и «недельщик») // ОФР. М., 2004. Вып. 8. С. 71; Кистерев С. Н. Недельщик XV—XVI вв.: происхождение термина // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 137.

⁶³ Подробнее о функциях недельщиков см.: Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 264—291. О происхождении термина «недельщик» см.: Стрельников С. В. К изучению юридической терминологии. С. 68—74; Кистерев С. Н. Недельщик XV—XVI вв. С. 127—139.

⁶⁴ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 280—281.

⁶⁵ См.: Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 19, 20, 22—24.

⁶⁶ См. терминологические указатели к изданиям актов: АСЭИ. Т. I—III; АРГ.

⁶⁷ Судебники XV—XVI веков. С. 72.

⁶⁸ Стрельников С. В. К изучению юридической терминологии. С. 71.

дят наши *недельщики площадные* с приставными грамотами и пишут им 2 срока в году...»⁶⁹ (выделено мной. — М. К.).

Однако Стрельников не заметил, что указанная им грамота — это самый ранний документ, в котором содержится упоминание площадных недельщиков. Поэтому приведенная цитата никак не может служить доказательством высказанного Черепнинным предположения о существовании этой категории недельщиков уже в эпоху Судебника 1497 г.

В той же грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1537 г. упоминаются и дворцовые недельщики: «А дворцовые наши неделщики и с приставными грамотами в их монастыри и в села и в деревни не ездят...»⁷⁰ Но это — не самое раннее их упоминание: первый раз в известном мне актовом материале дворцовые недельщики встречаются в жалованных несудимых грамотах Василия III Кирилло-Белозерскому монастырю на дворы в Каргополе и Белоозере, выданных 28 июля 1533 г. Обе грамоты содержали следующий пункт: «А кому будет до того их дворника какое дело, и в том по нем ездят наши неделщики дворцовые и срок ему чинят один в году по их грамоте жаловальной Кирилова монастыря»⁷¹.

Появившись в самом конце правления Василия III, новая категория судебных приставов получила широкое распространение в годы «боярского правления»: дворцовые недельщики упоминаются в жалованной обельно-несудимой грамоте Ивана IV Никольскому Можайскому собору от 16 декабря 1536 г.⁷²; в процитированной выше Троицкой грамоте 1537 г.; в жалованной грамоте Ивана IV протопопу Успенского собора Гурию от 25 июля 1539 г. на данного пристава⁷³; указной грамоте Ивана IV игумену Кирилло-Белозерского монастыря Афанасию от 18 сентября 1541 г.⁷⁴ и целом ряде других актов 40-х гг. XVI в.⁷⁵

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 262. Л. 229. Список XVII в. (В статье С. В. Стрельникова грамота цитируется по копии из фонда С. Б. Веселовского в Архиве СПб. ИИ РАН).

⁷⁰ Там же. Л. 229 об.

⁷¹ ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^a. Л. 483—483 об.: грамота на двор в Каргополе (список XVII в.). Ср. аналогичную формулировку в грамоте на двор в Белоозере: Там же. Л. 111—111 об. (список XVII в.).

⁷² Молчанова Н. К. Жалованная грамота Никольскому Можайскому собору 1536 г. // РД. Вып. 4. М., 1998. С. 127.

⁷³ АРГ/АММС. № 2. С. 18.

⁷⁴ ОР РНБ. Ф. 573 (СПб. Духовная академия). А. II/47. Л. 439—439 об. Список XVII в.

⁷⁵ См. приведенные ниже жалованную грамоту талшинским бортникам от 1 декабря 1540 г. и уставную грамоту дворцовому селу Андреевскому от 20 ап-

Очевидно, что до тех пор, пока ключевой фигурой в московском суде оставался боярин введенный, никакой надобности как-то различать великокняжеских неделщиков не возникало. Но с образованием новых областных дворцов и расширением судебных полномочий дворецких появилась необходимость отличать подчиненных им неделщиков от остальных приставов, выполнявших распоряжения других московских судей. Вот тогда-то и входят в употребление — причем практически одновременно — обозначения двух категорий неделщиков, различавшихся только подчиненностью, но не функциями: неделщики площадные и дворцовые.

Таким образом, начиная с 30-х гг. штат дворцовых учреждений расширился за счет «приписанных» к ним неделщиков, а для промысловых слуг и населения черных волостей это означало появление новой привилегии. Так, жалованная грамота Ивана IV талшинским бортникам (во Владимирском уезде) от 1 декабря 1540 г. предусматривала, что если возникнет «каково дело» (т.е. иск к грамотчикам. — *М. К.*), то «в том по них ездят наши неделщики дворцовые». Далее следовала специальная оговорка: «А опричь дворцовых неделщиков, площадным есми неделщиком по них ездить не велел»⁷⁶. А крестьяне дворцового села Андреевского в Звенигородском уезде, согласно пожалованной им 20 апреля 1544 г. уставной грамоте, были ограждены от появления не только площадных неделщиков, но и «чужих» дворцовых — за исключением только неделщиков Дмитровского дворца⁷⁷.

* * *

При чтении хозяйственных и судебных документов, отразивших деятельность дворцовых чинов, возникает впечатление, что она протекала в каком-то особом пространстве, изолированном от той ожесточенной борьбы за власть, которой печально памятна эпоха

реля 1544 г., а также жалованную полетную грамоту Авдотье Алалыкиной от 15 мая 1540 г. (АСЗ. Т. I. № 3. С. 11), февральскую жалованную грамоту 1547 г. Спасо-Евфимьеву монастырю (АСЕМ. № 64. С. 135) и жалованную несудимую грамоту попам и дьяконам нескольких дворцовых сел от 15 октября 1547 г. (АИ. Т. I. № 149. С. 216).

⁷⁶ *Кашианов С. М.* ИРСИ. Прил. IV. № 4. С. 169.

⁷⁷ «Також есми тех своих дворцовых крестьян пожаловал, — гласила уставная грамота, — велел у них ездити, от них и по них, своим дворцовым неделщиком Дмитровского дворца <...> а иным есми площадным неделщиком и дворцовым, опричь Дмитровского дворца неделщиком, к ним ездити не велел...» (ААЭ. Т. I. № 201. С. 180).

«боярского правления». Но насколько это впечатление верно? Оказывала ли придворная борьба какое-либо влияние на работу дворцового ведомства?

В статье, опубликованной более полувека назад, А. А. Зимин дал утвердительный ответ на этот вопрос. По его мнению, «думские звания и дворцовые должности в “несовершенные лета” Ивана IV были разменной монетой, которой расплачивались побеждавшие боярские временщики со своими сторонниками»⁷⁸. Таким образом, с точки зрения Зимина, история дворцового аппарата в 30—40-е гг. XVI в. наглядно отражает взлеты и падения тех или иных боярских группировок.

Попробуем проверить это утверждение, проследив изменения персонального состава дворцовых чинов в годы «боярского правления». Начнем с должности «большого» дворецкого, которую с 1532 по 1543 г. занимал кн. Иван Иванович Кубенский⁷⁹. Прежде всего можно заметить, что сама продолжительность его пребывания на этом посту противоречит исходному тезису А. А. Зимина: за это время при дворе не раз менялись фавориты (кн. Иван Федорович Овчина Телепнев Оболенский, князья Василий и Иван Васильевичи Шуйские, кн. Иван Федорович Бельский и др.), но кн. И. И. Кубенский по-прежнему оставался главой дворцового ведомства. Последний раз с чином дворецкого он упомянут в июне 1543 г.⁸⁰ По предположению Зимина, отставка Кубенского была связана «с тем, что в конце 1543 г. пало правительство Шуйских, к которым И. И. Кубенский был близок»⁸¹. Как было показано выше (см. гл. 5), утвердившееся в историографии представление о существовании в 1542—1543 гг. пресловутого «правительства Шуйских» не имеет под собой серьезных оснований. Но главное возражение против гипотезы Зимина состоит в том, что в источниках нет никаких указаний на то, что расправа с кн. А. М. Шуйским 29 декабря 1543 г. сразу как-то отразилась на карьере боярина кн. И. И. Кубенского. Последний действительно оказался в опале, но случилось это год спустя (16 декабря 1544 г.) и уже при других обстоятельствах⁸². Когда именно Кубенский потерял звание дворецкого — в момент этой опалы или раньше, — остается неясным.

⁷⁸ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 190.

⁷⁹ Сводку данных о карьере кн. И. И. Кубенского см.: Там же. С. 187, прим. 43.

⁸⁰ РК 1598. С. 105.

⁸¹ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 190.

⁸² ПСРЛ. Т. 29. С. 46.

Интересно, что в монографии, изданной вскоре после публикации процитированной выше статьи, А. А. Зимин писал, что вслед за убийством кн. А. М. Шуйского «у власти утвердилась» группировка во главе с Воронцовыми и Кубенскими⁸³. Получается, что первым шагом нового «правительства» явилось отстранение от должности дворецкого одного из своих лидеров — кн. И. И. Кубенского! Этот «парадокс» лишь подчеркивает шаткость построений исследователя.

Согласно составленной во второй половине XVII в. Рописи дворцовых чинов, преемником кн. И. И. Кубенского на посту дворецкого был Иван Иванович Хабаров, занимавший эту должность в течение трех лет⁸⁴. Но определенные известия о его дворечестве (оставшиеся неизвестными А. А. Зимину) относятся только к февралю — марту 1546 г.⁸⁵ Назначение Хабарова Зимин также пытается объяснить политическими мотивами, напоминая, что тот был близок к «группировке князей Бельских»⁸⁶. Действительно, во время январского переворота 1542 г., когда был арестован кн. Иван Федорович Бельский, летопись называет И. И. Хабарова одним из его «советников»⁸⁷. Но к 1544 г., о котором идет сейчас речь, эти события уже ушли в прошлое; кн. И. Ф. Бельский давно находился в могиле, а у тех, кто, подобно Воронцовым, был тогда «в силе», не было видимых причин поддерживать Хабарова.

Таким образом, ни отставку кн. И. И. Кубенского, ни назначение «большим» дворецким И. И. Хабарова не удастся синхронизировать с поражением одной придворной группировки и торжеством другой.

⁸³ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 267.

⁸⁴ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. Прил. С. 203.

⁸⁵ 20 февраля 1546 г. боярину и дворецкому И. И. Хабарову был доложен судный список суда нижегородских тиунов Г. Брейцына и И. Ждринского по тяжбе старцев Печерского Вознесенского монастыря с нижегородскими посадскими людьми (текст дошел до нас в составе двух более поздних документов по тому же делу: судного списка от 22 мая 1547 г. и правой грамоты от 20 июля 1547 г. См.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1914. Л. 19 об. и 31). 30 марта 1546 г. по приказу боярина и дворецкого И. И. Хабарова выдана жалованная грамота бортникам Назару Прокофьеву с товарищами на лесные угодья в Талшинской волости Владимирского уезда (упом. в переписной книге Покровского Суздальского монастыря 1651 г., см.: Труды Владимирской УАК. Кн. 5. Владимир, 1903. Материалы. С. 120).

⁸⁶ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 190.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 42.

Хабарова сменил на посту дворецкого Большого дворца Данила Романович Юрьев: самые ранние упоминания о нем в этом качестве относятся к марту 1547 г.⁸⁸ Это назначение естественно связать с женитьбой царя на сестре Даниила Романовича Анастасии и с общим усилением позиций клана Захарыных—Юрьевых при дворе. Д. Р. Юрьев возглавлял Большой дворец более семи лет: он упоминается с чином дворецкого до осени 1555 г., но фактически исполнял эти обязанности, как показал В. Д. Назаров, до конца апреля 1554 г.⁸⁹

В иерархии областных дворецких первое место принадлежало главе одного из старейших дворцов — Тверского⁹⁰. При Василии III эту должность занимали близкие к великому князю лица, в том числе с 1532 г. — Иван Юрьевич Шигона Поджогин⁹¹. Последний раз в качестве тверского дворецкого он упомянут в марте 1539 г.⁹²

А. А. Зимин так объяснил уход Шигоны с политической сцены: «Поджогин по смерти Глинской, очевидно, попал в опалу и вскоре умер»⁹³. Все, однако, далеко не так уж «очевидно»: Елена Глин-

⁸⁸ 24 марта 1547 г. ему был доложен обыскной список по тяжбе старцев Вознесенского Печерского монастыря с нижегородскими посадскими людьми (текст сохранился в двух списках, см.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1914. Л. 20 об., 32). А три дня спустя, 27 марта того же года, по его приказу была выдана жалованная грамота Ивана IV Ярославскому Спасскому монастырю (ИАЯСМ. М., 1896. № XIV. С. 14). Первое из приведенных здесь упоминаний о дворечестве Д. Р. Юрьева осталось неизвестным А. А. Зимину (*Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 194, прим. 131) и В. Д. Назарову (см. следующую сноску).

⁸⁹ Подробнее о карьере Д. Р. Юрьева см.: *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века. (К методике изучения вопроса) // *История СССР*. 1976. № 3. С. 78—84.

⁹⁰ Эта иерархия зафиксирована, в частности, в разрядах царских походов в июле и декабре 1547 г.: список дворецких начинается с главы Большого дворца, затем названы тверской и дмитровский дворецкие (РК 1598. С. 111, 113). В том же порядке чины областных дворецких перечислены в отрывке подлинного боярского списка, опубликованного В. Д. Назаровым и датированного им осенью 1547 г., но с одним дополнением: вслед за тверским и дмитровским здесь упомянут рязанский дворецкий, который замыкает список, см.: *Назаров В. Д.* О структуре «государева двора» в середине XVI в. // *Общество и государство феодальной России*. М., 1975. С. 53 (прил. № 2).

⁹¹ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 192.

⁹² 4 марта 1539 г. тверскому дворецкому И. Ю. Шигоне Поджегину был доложен судный список суда Г. Ф. Заболоцкого и Р. В. Унковского по тяжбе казначея Успенской Изосимной пустыни Феогноста и братии со вдовой сытника Курбата Ариной и ее сыном Постником о спорных починках в Клиньском уезде (*Антонов А. В.* Клиньские акты XV—XVI веков // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 73—74).

⁹³ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 192.

ская скончалась 3 апреля 1538 г., а Иван Юрьевич еще в марте следующего года продолжал исполнять обязанности тверского дворянина. Следовательно, он держался на своем посту не только благодаря расположению правительницы. Между тем в нашем распоряжении есть уникальный документ, который позволяет судить о положении Шигоны Поджогина на закате карьеры. Речь идет о его завещании, написанном в 1541/42 г.⁹⁴

Духовная Шигоны проливает свет на причины его «непотопляемости» в течение многих лет: он обладал очень прочными связями в придворной среде. Так, денежные расчеты связывали его с дьяками Третьяком Раковым и Фуником Курцевым, князьями М. В. Глинским и В. А. Микулинским, а в душеприказчики он выбрал боярина кн. А. В. Ростовского, казначея И. И. Третьякова и дьяка И. Н. Одица Дубенского⁹⁵. Эти трое душеприказчиков после смерти Ивана Юрьевича дали 15 июня 1542 г. земельный вклад по его душе в Иосифо-Волоколамский монастырь⁹⁶.

Примечателен также следующий пассаж в духовной грамоте Шигоны, в котором он дарит государю, юному Ивану IV, икону Богородицы в драгоценном окладе, серебряный кубок, 600 золотых «угорских» монет и в придачу множество сел и деревень в разных уездах⁹⁷. Понятно, что опальный сановник не стал бы делать таких подарков великому князю, от имени которого ему была бы объявлена немилость. Но в том-то и дело, что для версии об опале Шигоны в конце 1530-х гг., выдвинутой в свое время А. А. Зиминим, нет решительно никаких оснований.

Вероятно, бывший ближайший советник Василия III отошел от дел по старости или болезни. Кроме того, заметно, что в конце своей отнюдь не безгрешной жизни Шигона стал усердно заботиться о душе. Так, 1 января 1540 г. он дал денежный вклад (50 рублей) в Троице-Сергиев монастырь⁹⁸. А в своем завещании Иван Юрьевич распорядился дать денежные и земельные вклады по своей душе и по своим родителям в более чем 20 монастырей, соборов и церквей⁹⁹.

⁹⁴ Публикатор документа А. В. Маштафаров предложил более узкую датировку: сентябрь—ноябрь 1541 г.: *Маштафаров А. В.* Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1541 года // РД. М., 1997. Вып. 1. С. 32.

⁹⁵ Там же. С. 34, 37.

⁹⁶ АФЗХ. Ч. II. № 169. С. 161.

⁹⁷ *Маштафаров А. В.* Духовная Ивана Юрьевича Поджогина. С. 35.

⁹⁸ ВКТСМ. С. 81.

⁹⁹ *Маштафаров А. В.* Духовная Ивана Юрьевича Поджогина. С. 35—37.

Мы не знаем точной даты, когда И. Ю. Шигона Поджогин оставил службу: это произошло между мартом 1539 г. и июнем 1541 г., когда в качестве тверского дворецкого упоминается уже другое лицо.

Преемником Шигоны на посту тверского дворецкого стал, по-видимому, И. И. Хабаров: впервые с этим чином он упоминается 5 июня 1541 г. в меновой грамоте, выданной им вместе с рязанским дворецким В. М. Тучковым старцам Троицкого Павлова Обнорского монастыря¹⁰⁰. Поскольку с лета 1540 до конца 1541 г. «в силе» находился боярин кн. И. Ф. Бельский, явно покровительствовавший И. И. Хабарову (вспомним, как осенью 1538 г. он хлопотал о пожаловании своему протеже чина окольничего¹⁰¹), то это назначение на должность тверского дворецкого можно с определенной долей уверенности приписать его влиянию. Впрочем, занимал ее И. И. Хабаров недолго: в результате январского переворота 1542 г. его благодетель кн. И. Ф. Бельский был свергнут и заточен, а он сам сослан в Тверь¹⁰². (Нельзя не оценить своеобразный юмор их противников: город, еще недавно находившийся под управлением Хабарова, стал теперь местом, где он содержался под стражей.) Впоследствии, когда придворная конъюнктура снова изменилась, И. И. Хабаров, как мы уже знаем, стал боярином и «большим» дворецким.

Недолгое пребывание Хабарова на посту тверского дворецкого кажется идеальным подтверждением выдвинутого А. А. Зиминным тезиса о прямом влиянии придворной борьбы на дворцовые назначения, — подтверждением тем более убедительным, что самому ученому описанный выше случай остался неизвестным. Но главный вопрос заключается в том, в какой мере этот случай (так сказать, «казус Хабарова») можно считать типичным: все ли дворцовые чины распределялись в соответствии с постоянно менявшейся придворной конъюнктурой, или перед нами скорее исключение, а обычная практика была все-таки иной. Поэтому не будем спешить с выводами и продолжим наблюдения за сменой руководства Тверского двора.

¹⁰⁰ *Каштанов С. М.* ИРСИ. Прил. III. № 10. С. 151—152. Дата документа уточнена С. В. Стрельниковым (см. выше сноску 22). Эта грамота осталась неизвестной А. А. Зимину; соответственно в составленном им перечне тверских дворецких И. И. Хабарова нет.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 34.

¹⁰² Там же. С. 42. Подробнее о названных событиях см. выше, гл. 5.

Преемником Хабарова на посту тверского дворецкого стал, по-видимому, окольный Юрий Дмитриевич Шеин: первое (и единственное) упоминание его в этом качестве, которым мы располагаем, относится к сентябрю 1542 г., когда он подписал как свидетель данную грамоту вдовы И. А. Челяднина Елены Троице-Сергиевому монастырю на ее вотчину, село Новое, в Ростовском уезде¹⁰³. За назначением Шеина (в отличие от Хабарова в 1541 г.) не видно чьей-то «сильной руки» при дворе. Других известий о его дворечестве нет, но можно предположить, что он оставался на своем посту до смерти, наступившей весной 1544 г. (не позднее мая)¹⁰⁴.

Затем Тверской дворец возглавлял боярин Иван Семенович Воронцов (первое упоминание о нем как о дворецком относится к 1 сентября 1544 г.)¹⁰⁵. А. А. Зимин связывает это назначение с повышением Воронцовых¹⁰⁶. Действительно, братья Иван и Федор Воронцовы пользовались в то время большим влиянием при дворе, были членами государевой Думы. Но должность тверского дворецкого досталась Ивану Семеновичу не в качестве «приза» в результате очередного дворцового переворота: по всей видимости, он просто занял место, освободившееся после болезни и смерти Ю. Д. Шеина. А по своему высокому местническому статусу (боярин!) он, безусловно, имел больше прав на вакантную должность, чем многие другие претенденты.

Заметим также, что среди старомосковской знати дворцовая служба была своего рода семейной традицией. В 1538—1542 гг. угличским дворецким был Федор Семенович Воронцов (см. ниже), и это облегчало доступ к дворцовым должностям его брату Ивану и другим родственникам.

Последний раз в известных нам источниках И. С. Воронцов упоминается в качестве тверского дворецкого в марте 1545 г., когда по его приказу была выдана жалованная грамота Иосифо-Волоколамскому монастырю¹⁰⁷. А. А. Зимин полагал, что «опала Воронцовых привела к смене дворецких в Твери»¹⁰⁸. Но о какой опале

¹⁰³ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Ростов. № 20/10557.

¹⁰⁴ 18 мая 1544 г. вдова Ю. Д. Шеина дала по его душе вклад в Троице-Сергиев монастырь (ВКТСМ. С. 97).

¹⁰⁵ Этим числом датирована выданная по его приказу жалованная несудимая грамота Ивана IV Троицкой Иониной пустыни (РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 475—477. Список XVIII в.).

¹⁰⁶ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 192.

¹⁰⁷ АФЗХ. Ч. II. № 184. С. 186—187.

¹⁰⁸ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 192.

идет речь? 5 октября 1545 г. в опалу вместе с четырьмя другими влиятельными лицами попал боярин Ф. С. Воронцов, а уже в декабре того же года все опальные были прощены¹⁰⁹. Нет сведений о том, что эта опала сказалась на ком-то еще из клана Воронцовых: во всяком случае, как будет показано ниже, В. М. Воронцов тогда точно сохранил за собой должность дмитровского дворецкого.

Полгода спустя Ф. С. Воронцов снова попал в опалу, на этот раз — вместе с племянником В. М. Воронцовым: они, как и их товарищ по несчастью — кн. И. И. Кубенский, стали жертвой придворной интриги и были казнены 21 июля 1546 г.¹¹⁰ В. Д. Назаров считал, что опала коснулась и боярина И. С. Воронцова, который потерял тогда пост тверского дворецкого¹¹¹. Однако об опале Ивана Семеновича в связи с казнью его брата и племянника в источниках никаких упоминаний нет: согласно разряду летнего (коломенского) похода Ивана IV, И. С. Воронцов после описанных трагических событий остался первым воеводой полка левой руки, в то время как на места его казненных сородичей были назначены другие лица¹¹². Более того, неизвестно, сохранял ли он к тому времени за собой должность тверского дворецкого: в разрядной записи от апреля 1546 г. он упомянут без нее¹¹³, но это еще ни о чем не свидетельствует: как показал В. Д. Назаров, особенностью разрядов как источника было то, что при упоминании там лиц, имевших думное звание и дворцовую должность, последняя зачастую опускалась¹¹⁴.

Приходится признать, что точная дата отставки И. С. Воронцова с поста тверского дворецкого нам не известна: это могло произойти в любой момент между мартом 1545 г., когда он последний раз упоминается в этой должности в сохранившемся актово-материале, и летом 1547 г., когда в качестве тверского дворецкого фигурирует уже другое лицо.

Следующий известный нам по имени тверской дворецкий — Василий Михайлович Юрьев — впервые упоминается в разряде

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 47.

¹¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹¹ Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений. С. 86.

¹¹² РК 1598. С. 109—110.

¹¹³ Там же. С. 109.

¹¹⁴ Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений. С. 90.

царского похода на Коломну в июле 1547 г.¹¹⁵ С этим же чином он фигурирует в свадебном разряде царского брата — князя Юрия Васильевича, датированном сентябрем 1547 г., и в декабрьском (того же года) разряде Казанского похода¹¹⁶. 11 декабря 1547 г., как уже говорилось выше, В. М. Юрьев распорядился выдать указную грамоту приказчику подмосковного дворцового села Воробьева о запрете крестьянам сечь рощи Симонова монастыря¹¹⁷, что выглядело как вмешательство в компетенцию дворецкого Большого дворца. По-видимому, Юрьев активно занимался судебной деятельностью: в дозорной писцовой книге Тверского уезда начала 50-х гг. сохранились упоминания грамот, которые, по словам помещиков, «залегли в суде» у Василия Михайловича Юрьева¹¹⁸. Должность тверского дворецкого он сохранял по крайней мере до мая 1554 г. (дата последнего упоминания)¹¹⁹.

В общей сложности за 30—40-е гг. XVI в. сменилось пять дворецких Тверского дворца — больше, чем в каком-либо другом дворцовом учреждении. Объясняется это, по-видимому, особым престижем должности тверского дворецкого, со времен Василия III тесно связанной с великокняжеским двором и, следовательно, весьма зависимой от изменений придворной конъюнктуры.

Полной противоположностью Тверскому дворцу в этом отношении был другой старейший дворец — Новгородский. Как уже говорилось, он был единственным областным дворцом, находившимся за пределами столицы, и (возможно, как раз по этой причине) не являлся объектом местнических притязаний и соперничества. Сведения о новгородских дворецких изучаемого времени фрагментарны, но то, что нам известно, позволяет считать, что эту должность, за редкими исключениями, занимали лица незнатные, не входившие в состав придворной элиты.

¹¹⁵ РК 1598. С. 111. А. А. Зимин приводит более раннюю дату первого упоминания В. М. Юрьева в качестве тверского дворецкого — февраль 1546 г. (Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 192), однако в источниках, на которые ссылается ученый (Там же. Прим. 107), соответствующих сведений обнаружить не удалось, а один из документов (СГГД. Ч. II. № 16) указан явно по ошибке.

¹¹⁶ РК 1598. С. 11, 113. Свадьба царского брата состоялась 3 ноября 1547 г. (ПСРЛ. Т. 29. С. 54), а указание в Государевом разряде на сентябрь, возможно, относится ко времени составления свадебной росписи.

¹¹⁷ АФЗХ/АМСМ. № 86. С. 99.

¹¹⁸ ПМТУ. С. 248, 251, 282.

¹¹⁹ Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений. С. 90.

В апреле 1536 г. в разрядной книге упоминается новгородский дворецкий Иван Никитич Бутурлин¹²⁰. Он же, как сообщают летописи, активно участвовал в обороне Новгорода во время мятежа князя Андрея Старицкого весной 1537 г.¹²¹ Кто был новгородским дворецким следующие два с половиной года, неизвестно: в сохранившихся источниках сведений об этом нет. В 1539/40 г. в этой должности упоминается Дмитрий Федорович Ласкирев¹²², в июне 1541 г. и в 1542/43 г. — Иван Дмитриевич Володимиров¹²³, а в сентябре 1545 г. — некий Дмитрий Юрьевич¹²⁴. В последние годы «боярского правления» новгородским дворецким был Семен Александрович Упин¹²⁵.

Все упомянутые лица находились — в прямом и переносном смысле — вдали от государева двора, и какая-либо связь между их назначениями в Новгородский дворец и перипетиями придворной борьбы не прослеживается.

Новые областные дворцы, впервые упоминаемые в конце 30-х гг. (Дмитровский, Рязанский, Угличский), в местническом отношении занимали промежуточное положение между Тверским и Новгородским дворцами. Дмитровский дворец, подобно Тверскому, испытывал заметное влияние придворной конъюнктуры, в то время как на персональном составе угличских и рязанских дворецких перипетии борьбы за власть в кремлевских палатах почти не отражались.

¹²⁰ РК 1598. С. 90.

¹²¹ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 302; М., 1965. Т. 30. С. 182.

¹²² Упоминается в оброчных книгах пригородных пожен Великого Новгорода 1539/40 г.: ПKNЗ. М., 1999. Т. 1. С. 351, 357, 358. А. А. Зимину этот источник остался неизвестен.

¹²³ ПСРЛ. Т. 30. С. 147 (20 июня 1541 г.); ОР ГИМ. Ф. 304. Разд. II. Ед. хр. 15. Л. 62 (1542/43 г.: сборник, содержащий различные списки чинов XVI—XVII вв.). Сохранились также недатированные «речи» новгородского архиепископа Феодосия к новгородским наместникам, дворецкому и дьякам. Дворецким назван И. Д. Володимиров (ОР ГИМ. Синод. собр. № 791. Л. 9 об. — 10). И. Д. Володимиров упомянут также в декабре 1547 г. в расходных книгах Софийского дома: архиепископ Феодосий послал ему и его жене (по-видимому, в Москву) по иконе, см.: Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год // Известия Имп. Археологического общества. СПб., 1861. Т. III. Стб. 35.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 30. С. 149.

¹²⁵ Упоминается в Новгородской летописи в октябре и ноябре 1546 г. (ПСРЛ. Т. 30. С. 149), ноябре 1547 г. (Там же. С. 151). Весной следующего года (25 марта, 1 и 12 апреля 1548 г.) дворецкий С. А. Упин вместе с новгородскими наместниками пировал у архиепископа Феодосия (Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 48, 50, 52).

Первым дмитровским дворецким, как уже говорилось, был кн. Дмитрий Федорович Палецкий. Он упоминается в этой должности с августа 1538 г.¹²⁶, но, согласно сделанному выше предположению, мог занять ее еще в конце 1537 г. Последний раз в известных нам источниках кн. Д. Ф. Палецкий назван дмитровским дворецким в июне 1542 г.¹²⁷ А. А. Зимин относил его к числу сторонников Шуйских и считал, что «поражение Шуйских привело к опале Палецкого»¹²⁸. Однако этот тезис плохо согласуется с хронологией дворцовых переворотов: в период, когда при дворе наибольшим влиянием пользовался главный противник Шуйских — кн. И. Ф. Бельский (с лета 1540 по декабрь 1541 г.), кн. Д. Ф. Палецкий продолжал оставаться на своем посту, а январские события 1542 г. привели к временному торжеству князей Шуйских над своими соперниками. Поэтому возможную отставку Палецкого (не говоря уже об «опале», о которой в источниках нет никаких упоминаний) никак нельзя объяснить «поражением Шуйских».

Возможно, несколько лет должность дмитровского дворецкого оставалась вакантной. Сведения о новом дворецком появляются только в 1543/44 г.: им стал окольничий Василий Дмитриевич Шеин¹²⁹. Это назначение так же трудно связать с победой или поражением какой-либо придворной группировки, как и уход из Дмитровского дворца кн. Д. Ф. Палецкого.

В. Д. Шеин недолго исполнял обязанности дмитровского дворецкого: последний раз в этом качестве он упоминается 20 апреля 1544 г.¹³⁰, а менее года спустя в источниках встречается имя нового главы Дмитровского дворца — Василия Михайловича Воронцова. 20 марта 1545 г. ему был доложен судный список по тяжбе слуги Саввина Сторожевского монастыря Третьяка Федорова с помещиками А. Б. Холевой и И. Д. Стоговым из-за спорных земель¹³¹.

А. А. Зимин так прокомментировал назначение В. М. Воронцова дмитровским дворецким: «Временное укрепление у власти

¹²⁶ РК 1598. С. 94.

¹²⁷ Там же. С. 103.

¹²⁸ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 192.

¹²⁹ В 1543/44 г. ему была доложена меновная Д. И. Спешнева, менявшиеся землями с Дмитриевским монастырем, см.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашин. № 39/6734.

¹³⁰ Этим числом датирована выданная по его приказу жалованная уставная грамота дворцовому селу Андреевскому (ААЭ. Т. I. № 201. С. 179—181).

¹³¹ ССМ. № 13. С. 18—20 (приговор, вынесенный по делу дворецким В. М. Воронцовым: с. 20).

Воронцовых сопровождалось раздачей должностей отдельным представителям этой фамилии»¹³². Поскольку два дяди Василия Михайловича, бояре Иван и Федор Семеновичи Воронцовы, пользовались в то время большим влиянием при дворе (а первый из них, как мы уже знаем, с 1544 г. был еще и тверским дворецким), то, действительно, можно предположить, что дмитровское дворячество досталось В. М. Воронцову при их содействии. Но все же утверждение о «раздаче должностей» представителям этой фамилии выглядит явным преувеличением: Воронцовы возглавляли лишь два дворцовых учреждения (из шести существовавших на тот момент). К тому же их положение при дворе в описываемое время не было таким уж прочным: 5 октября 1545 г. лидер клана, боярин Ф. С. Воронцов, попал вместе с несколькими другими царедворцами в опалу, которая была снята в декабре того же года¹³³. Показательно, что кратковременная опала дяди не отразилась на положении его племянника: В. М. Воронцов сохранил должность дмитровского дворецкого, с которой он упоминается в разрядах в апреле 1546 г.¹³⁴ Следовательно, не каждая «дворцовая буря» приводила к кадровым перестановкам в административном аппарате.

И все-таки Василию Михайловичу было суждено разделить роковую судьбу своего дяди: 21 июля 1546 г. по доносу дьяка В. Г. Захарова-Гнильевского он был казнен вместе с боярами кн. И. И. Кубенским и Ф. С. Воронцовым¹³⁵. Это единственный известный нам случай за все время «боярского правления», когда действующий глава одного из дворцов стал жертвой придворной борьбы. При этом важно подчеркнуть, что сама по себе должность дворецкого не была в данном случае объектом какого-либо соперничества: это, в частности, явствует из того факта, что после гибели В. М. Воронцова место главы Дмитровского дворца около года оставалось вакантным. Иными словами, В. М. Воронцов погиб не потому, что занимал ответственный административный пост, служивший предметом зависти соперников, а потому, что, будучи племянником еще недавно могущественного временщика, оказался вовлечен в смертельно опасные придворные интриги.

В июльской разрядной росписи 1547 г. впервые упомянут новый дмитровский дворецкий — Далмат Федорович Карпов¹³⁶. Он же

¹³² Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 192.

¹³³ ПСРЛ. Т. 29. С. 47.

¹³⁴ РК 1598. С. 109.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 48.

¹³⁶ РК 1598. С. 111.

фигурирует с этим чином в свадебном разряде кн. Юрия Васильевича (царского брата) и в декабрьском разряде 1547 г. Казанского похода¹³⁷. Дмитровским дворецким Д. Ф. Карпов был до июля 1550 г.¹³⁸

Первым известным нам рязанским дворецким был Иван Михайлович Юрьев: самые ранние упоминания о его деятельности на этом посту относятся, как было показано выше, к лету 1539 г., когда по его приказу была выдана жалованная грамота Ивана IV Вологодскому Комельскому монастырю (13 июля) и послана указная грамота в Рязань городовому приказчику В. Конаплину (30 августа)¹³⁹. В декабре 1539 г. И. М. Юрьев назван рязанским дворецким в разрядной книге, причем это последнее его упоминание в указанной должности¹⁴⁰. Затем в течение полутора лет в сохранившихся источниках нет сведений о Рязанском дворце. В июне 1541 г. главой этого областного дворца впервые именуется Василий Михайлович Тучков-Морозов¹⁴¹. Рязанским дворецким он оставался более шести лет: последний раз в этом качестве В. М. Тучков упомянут в отрывке подлинного «боярского списка», который его публикатор, В. Д. Назаров, датирует осенью 1547 г.¹⁴² Возможно, он покинул свой пост незадолго до смерти, которая, согласно приведенным С. Б. Веселовским данным, наступила 13 февраля 1548 г.¹⁴³

Показательно, что вспышки придворной борьбы, пришедшиеся на годы дворчества В. М. Тучкова (январский дворцовый переворот 1542 г., ссылка Ф. С. Воронцова в сентябре 1543 г., опалы на бояр в декабре 1544-го и октябре 1545 г., казни на Коломне в июле 1546 г.), никак не отразились на его карьере.

Преемником Тучкова на посту рязанского дворецкого стал Петр Васильевич Морозов: 5 июля 1548 г. по его приказу была выдана

¹³⁷ РК 1598. С. 11, 113.

¹³⁸ Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений. С. 87.

¹³⁹ *Амаросий*. ИРИ. Ч. III. С. 283—286; *Каштанов С. М.* ИРСИ. Прил. VI. № 1. С. 224—225.

¹⁴⁰ РК 1598. С. 100.

¹⁴¹ Меновная тверского дворецкого И. И. Хабарова и рязанского дворецкого В. М. Тучкова старцам Павлова Обнорского монастыря от 5 июня 1541 г. (*Каштанов С. М.* ИРСИ. Прил. III. № 10. С. 152). О дате этого документа см. выше сноску 22.

¹⁴² Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. Прил. № 2. С. 53. О датировке списка см.: Там же. С. 45.

¹⁴³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 207 (со ссылкой на синодик Горицкого монастыря).

царская жалованная грамота Покровскому Глушицкому монастырю¹⁴⁴.

Таким образом, рязанские дворецкие, которые в местническом отношении стояли ниже своих «коллег» из Тверского и Дмитровского областных дворцов¹⁴⁵, в годы «боярского правления» находились в стороне от придворной борьбы.

Не затронули «дворцовые бури» и другое областное ведомство — Угличский дворец, деятельность которого оставила мало следов в источниках конца 30-х и 40-х гг. XVI в. Как мы помним, первым угличским дворецким был Федор Семенович Воронцов, ставший впоследствии одним из самых влиятельных царедворцев. Но когда он в августе 1538 г. впервые упоминается с этим чином в разрядной росписи воевод, стоявших на Угре¹⁴⁶, его положение при великокняжеском дворе было еще весьма скромным. Федор Семенович исполнял обязанности угличского дворецкого около четырех лет: последний раз как дворецкий угличский и калужский он упомянут 25 июня 1542 г., когда вместе с боярином В. Г. Морозовым был отправлен с посольством в Литву¹⁴⁷. По-видимому, с этой ответственной миссии началось быстрое возвышение Ф. С. Воронцова: спустя год, к сентябрю 1543 г., он получил боярский чин¹⁴⁸. Став одним из ближайших советников юного государя, влиятельный вельможа, по всей вероятности, оставил скромную должность угличского дворецкого. Кто занимал этот пост в 1543—1545 гг., остается неизвестным¹⁴⁹. В феврале 1546 г. угличским дворецким

¹⁴⁴ *Амвросий*. ИРИ. Ч. III. С. 714—723. О его дальнейшей карьере см.: *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений. С. 89.

¹⁴⁵ Именно в таком порядке перечислены дворецкие в соответствующей рубрике «боярского списка» осенью 1547 г.: сначала назван тверской дворецкий В. М. Юрьев, затем дмитровский — Д. Ф. Карпов и только потом рязанский дворецкий В. М. Тучков (*Назаров В. Д.* О структуре «государева двора». Прил. № 2. С. 53).

¹⁴⁶ РК 1598. С. 95.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 43.

¹⁴⁸ Подробнее см. выше, гл. 5.

¹⁴⁹ А. А. Зимин высказал предположение о том, что в марте 1543 г. должность угличского дворецкого исполнял боярин кн. П. И. Репнин-Оболенский (*Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 193). Однако в выданной по приказу кн. П. И. Репнина жалованной грамоте Троицкому Махришскому монастырю от 16 марта 1543 г., на которую ссылается исследователь, статья о подсудности грамотчика упоминает в качестве судьи не дворецкого, а боярина введенного (ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. № 124). Следовательно, кн. П. И. Репнин выдал эту грамоту в качестве боярина введенного; угличским дворецким он не был.

был окольничий Иван Иванович Беззубцев: им была выдана сотная грамота Иосифо-Волоколамскому монастырю на село Фаустова Гора в Зубцовском уезде¹⁵⁰.

И. И. Беззубцев умер не позднее начала июня 1547 г.¹⁵¹, а к осени того же года (не позднее октября), как показал В. Д. Назаров, Угличский дворец как общегосударственное ведомство был расформирован в связи с предоставлением Углича в удел младшему брату Ивана IV — князю Юрию Васильевичу¹⁵². Но удел просуществовал не более года: к осени 1548 г. Угличский дворец был восстановлен, и его возглавил окольничий Ф. Г. Адашев¹⁵³. Поскольку возвышение сына последнего, знаменитого впоследствии Алексея Адашева, началось, по наблюдениям А. И. Филюшкина, только с «Казанского взятия» 1552 г.¹⁵⁴, то в назначении Ф. Г. Адашева главой Угличского дворца трудно усмотреть влияние какой-либо придворной конъюнктуры. К тому же сама эта должность не считалась особо престижной: в Дворовой тетради 1550-х гг. угличский дворецкий назван последним в списке областных дворецких¹⁵⁵.

В общей сложности за изучаемый период (1534—1548) на постах руководителей Большого и областных дворцов, по имеющимся (конечно, неполным) данным, сменился 21 человек (один из них, И. И. Хабаров, фигурирует в этом перечне дважды: как тверской и впоследствии — как «большой» дворецкий). Для наглядности вся сохранившаяся информация о хронологии смены руководителей дворцовых учреждений в 30—40-х гг. сведена в таблицу 5.

¹⁵⁰ АФЗХ. Ч. II. № 189. С. 190—191.

¹⁵¹ 8 июня 1547 г. жена И. И. Беззубцева Федосья дала вклад по его душе в Троице-Сергиев монастырь: ВКТСМ. С. 67.

¹⁵² Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений. С. 89.

¹⁵³ Там же. С. 90. 4 ноября 1548 г. по приказу окольничего и дворецкого Ф. Г. Адашева была послана указная грамота на Углич о производстве обыска и межевания спорных земель Троице-Сергиева монастыря с помещиками Дементьевыми (АГР. Киев, 1860. № 62. Т. I. С. 114—115).

¹⁵⁴ Филюшкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 286 и сл.

¹⁵⁵ ТКДТ. С. 114. (В процитированном выше «боярском списке» осени 1547 г. угличский дворецкий не упомянут по понятной причине: как раз в это время этот Дворец был упразднен в связи с созданием Угличского удела.) В 50-е гг. иерархия областных дворецких претерпела некоторые изменения по сравнению с предыдущим десятилетием: в частности, на первом месте фигурирует рязанский дворецкий окольничий кн. В. А. Сицкий, а тверской дворецкий Н. А. Курцев, с пометой «в опале», оказался на предпоследнем месте (см.: Там же). Но статус угличского дворецкого, по-видимому, не изменился, и он оставался внизу упомянутой иерархии.

Таблица 5

**Хронология смены руководства дворцовых учреждений
в 30—40-х гг. XVI в.**

Дворцы и дворецкие		Дата первого упоминания в должности	Дата последнего упоминания в должности, опалы или смерти
Большой дворец	Кн. И. И. Кубенский	февраль 1524 (затем перерыв до 1532)	июнь 1543
	И. И. Хабаров	20 февраля 1546	3 февраля 1547
	Д. Р. Юрьев	27 марта 1547	осень 1555 (фактически — по апрель 1554)
Тверской дворец	И. И. Шигона Поджогин	март 1532	март 1539
	И. И. Хабаров	5 июня 1541	3 января 1542 (опала)
	Ю. Д. Шеин	сентябрь 1542	умер не позднее мая 1544
	И. С. Воронцов	1 сентября 1544	март 1545
	В. М. Юрьев	июль 1547	май 1554
Дмитровский дворец	Д. Ф. Палецкий	август 1538	июнь 1542
	В. Д. Шеин	1543/44	20 апреля 1544
	В. М. Воронцов	20 марта 1545	казнен 21 июля 1546
	Д. Ф. Карпов	июль 1547	июль 1550
Рязанский дворец	И. М. Юрьев	13 июля 1539	декабрь 1539
	В. М. Тучков-Морозов	5 июня 1541	осень 1547 (умер 13 февраля 1548)
	П. В. Морозов	5 июля 1548	май 1550
Угличский дворец	Ф. С. Воронцов	август 1538	июнь 1542
	И. И. Беззубцев	28 февраля 1546	умер до 8 июня 1547
	Ф. Г. Адашев	4 ноября 1548	(сменен до июля 1549)
Новгородский дворец	И. Н. Бутурлин	апрель 1536	весна 1537
	Д. Ф. Ласкирев	1539/40 (единственное упоминание)	
	И. Д. Володимиров	июнь 1541	1542/43
	Дмитрий Юрьевич	сентябрь 1545 (единственное упоминание)	
	С. А. Упин	октябрь 1546	12 апреля 1548

При изучении таблицы можно заметить, что одновременная смена глав двух и более дворцов была скорее исключением, чем правилом. Встречающиеся порой совпадения дат не должны вводить нас в заблуждение, поскольку они всего лишь отражают состояние имеющейся источниковой базы — весьма фрагментарной — и сами по себе, без привлечения дополнительных наблюдений, не могут служить индикатором изменения придворной конъюнктуры. Напомню, что нам известно лишь время первого и последнего упоминания того или иного администратора в должности, но не точной даты его назначения и отставки. Поэтому из того факта, что дмитровский дворецкий кн. Д. Ф. Палецкий и его угличский «коллега» Ф. С. Воронцов впервые упомянуты с этими чинами в августовском разряде 1538 г., еще не следует, что они их получили одновременно и что между этими назначениями имелаась какая-то политическая связь. То же относится и к упоминанию тверского дворецкого И. И. Хабарова и рязанского дворецкого В. М. Тучкова-Морозова в меновой грамоте от 5 июня 1541 г., которую они совместно выдали; время назначения того и другого на указанные посты нам не известно, поскольку в сохранившейся документации о деятельности Тверского и Рязанского дворцов упомянутой грамоте предшествуют лакуны соответственно в два и полтора года. Столь же случайный, по существу, характер носит одновременное упоминание в июльской разрядной записи 1547 г. новых руководителей Тверского (В. М. Юрьев) и Дмитровского (Д. Ф. Карпов) дворцов: ни о времени их назначения (с учетом лакун в наших источниках), ни о какой-то политической общности названных администраторов эта запись свидетельствовать не может.

Следовательно, не получает подтверждения приведенный выше тезис А. А. Зимина о том, что дворцовые должности были «разменной монетой» в руках боярских временщиков, расплачивавшихся таким образом со своими сторонниками¹⁵⁶. Дворцовые перевороты

¹⁵⁶ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 190. Основываясь на приводимых Зиминим данных, А. И. Филюшкин пришел к выводу о «достаточно масштабной и синхронной» смене руководства дворцовых ведомств в 1546 г., затронувшей будто бы Тверской, Дмитровский и Новгородский дворцы (*Филюшкин А. И.* История одной мистификации. С. 36). Однако эти данные далеко не точны: как было показано выше, первые упоминания о В. М. Юрьеве как о тверском и Д. Ф. Карпове как о дмитровском дворецком относятся только к июлю 1547 г. (см. табл. 5). Новгородский дворецкий С. А. Упин действительно упоминается с 1546 г., но точное время его назначения нам не известно. Таким образом, ни о «масштабности», ни о «синхронности» перемен в дворцовом ведомстве в 1546 г. говорить нет оснований.

не сопровождалась массовыми кадровыми перестановками в административном аппарате: в отличие от логики политической борьбы Нового времени, участники придворной борьбы 30—40-х гг. XVI в. явно не стремились к полному контролю над структурами государственного управления. Дворцовые должности интересовали их главным образом как источник престижа и материального дохода (своего рода кормление). Соответственно придворная конъюнктура заметнее всего отражалась в 40-е гг. на руководящем составе тех учреждений, которые обладали более высоким местническим статусом (в первую очередь это относится к Большому и Тверскому дворцам). Зато такие областные дворцы, как Угличский, Рязанский и особенно Новгородский, насколько мы можем судить, вообще не являлись объектом местнических притязаний столичных аристократов.

2. КАЗНА И КАЗНАЧЕИ

Выделение Казны из дворцового хозяйства великого князя, по мнению исследователей, заметно уже с середины XV в., но непрерывные сведения о деятельности казначеев появляются с начала 1490-х гг. С тех пор в течение более полувека эту должность занимали представители рода Ховриных—Головиных¹⁵⁷. В 20-х — начале 30-х гг. XVI в. казначеем был Петр Иванович Головин. Последний раз в известных нам источниках он упоминается с этим чином в ноябре — начале декабря 1533 г. в летописной Повести о смерти Василия III¹⁵⁸.

Кто исполнял обязанности казначея в годы правления Елены Глинской, остается неизвестным. Новый казначей, Иван Иванович Третьяков (двоюродный брат П. И. Головина), впервые упоминается в этой должности 6 июля 1538 г.: по его приказу была выдана жалованная льготная грамота Ивана IV Симонову монастырю на варничные места у Соли Переславской¹⁵⁹. Ранее он служил печатником, т.е. помощником казначея: печатником его называет Василий III в своей духовной записи, датированной июнем 1523 г.¹⁶⁰

¹⁵⁷ См.: *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления. С. 44—46, 59; *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. С. 182, 187; *Его же.* Формирование боярской аристократии. С. 271—273.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 6. С. 269—270.

¹⁵⁹ АФЗХ/АМСМ. № 57. С. 62—63.

¹⁶⁰ АРГ/АММС. № 124. С. 293.

К сожалению, в дошедших до нас источниках И. И. Третьяков между 1523 и 1538 гг. не упоминается, поэтому уточнить дату его вступления в должность казначея не представляется возможным¹⁶¹.

И. И. Третьяков оставался на своем посту до начала весны 1549 г. (последнее упоминание в актовом материале относится к 20 февраля 1549 г.¹⁶²); вскоре он отошел от дел и постригся в монахи. Некоторое время к службе в казенном ведомстве Иван Иванович привлекал своих родственников — сыновей казначея П. И. Головина: в 1539—1541 гг. в качестве второго казначея в источниках упоминается Михаил Петрович Головин¹⁶³; позднее (в ноябре 1543 г.) — его брат Иван Петрович¹⁶⁴, который впоследствии (в 1549 г.) сменил И. И. Третьякова на посту первого казначея¹⁶⁵. К началу октября 1546 г. вторым казначеем стал Федор Иванович Су-

¹⁶¹ В составленной в конце 1670-х гг. Росписи дворцовых чинов И. И. Третьяков числится после П. И. Головина с пометой «19 лет» (*Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений. Прил. С. 204). Поскольку известно, что на своем посту он оставался до начала 1549 г. (см. ниже), то дата его вступления в должность приходится в таком случае на конец 1529-го или на 1530 г. Но хронология этой поздней росписи очень ненадежна, а проверить ее из-за скудости имеющихся данных нет возможности. А. К. Леонтьев в качестве конечных дат казначейства И. И. Третьякова указывает 1526—1548 гг., но, к сожалению, без ссылки на источник этой информации (*Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления. С. 59. Прим. 127).

¹⁶² *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений. С. 93.

¹⁶³ 11 сентября 1539 г. казначей И. И. Третьяков и М. П. Головин приказали выдать уставную грамоту Устьянским волостям (ЧОИДР. 1907. Кн. 1. Отд. IV. С. 47—51); 15 мая 1540 г. они же (оба названы казначеями!) выдали жалованную полетную грамоту вдове Бориса Алалыкина Авдотье с детьми (АСЗ. Т. I. № 3. С. 10—11). Эти упоминания о деятельности М. П. Головина в качестве второго казначея в 1539—1540 гг. в литературе не отмечены. Последний раз М. П. Головин именуется казначеем (вместе с И. И. Третьяковым) в мировой А. Я. Кологривова с игуменом Ефремом и братией Никольского Корельского монастыря (по делу о пашне и угодьях около Кудмо-озера), датированной 29 марта 1541 г., см.: Архив СПб. ИИ. Кол. 174. Оп. 1. Д. 140 (подл.).

¹⁶⁴ 2 ноября 1543 г. по приказу казначея И. И. Третьякова и И. П. Головина выдана льготная оброчная грамота солеварам Унской волости (АСЭИ/АСМ. № 98. С. 63—64); 12 ноября того же года они же (оба названы казначеями!) приказали выдать жалованную грамоту Симонову монастырю, регламентировавшую исполнение ямской повинности крестьянами нескольких монастырских сел: АФЗХ/АМСМ. № 74. С. 87—88. Эти упоминания о казначейской службе И. П. Головина в 1543 г. в литературе не отмечены.

¹⁶⁵ *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений. С. 93.

кин¹⁶⁶. Он прослужил в Казне до августа 1560 г.: сначала — в качестве второго казначея, а затем (с 1554 г.) — главы этого ведомства¹⁶⁷.

По мнению В. Д. Назарова, «приход Ф. И. Сукина к руководству в Казне [...] следует поставить в связь с теми переменами в правящей верхушке, которые произошли после летних казней 1546 г.»¹⁶⁸. Историк, однако, не пояснил, с какими именно деятелями в правящих кругах был связан Сукин и кому, следовательно, он был обязан своим возвышением: в источниках на сей счет нет никаких указаний. Тот же исследователь склонен также объяснять влиянием придворной конъюнктуры назначение казначеем в 1549 г. Ивана Петровича Головина вместо удалившегося от дел И. И. Третьякова. Назаров подчеркивает, что И. П. Головин был связан родственными узами с Юрьевыми, и полагает, что успехом своей карьеры он был обязан этому клану¹⁶⁹. Не ставя под сомнение возможное расположение царской родни к И. П. Головину, хотел бы заметить, что двери Казны открылись для него гораздо раньше, чем началось возвышение Юрьевых.

Напомню прежде всего, что Иван Петрович был сыном казначея Василия III — П. И. Головина, а сама эта должность была наследственной в семье Ховриных—Головиных на протяжении нескольких поколений. Кроме того, однажды (в 1543 г.) он уже выполнял обязанности второго казначея, помогая своему родственнику И. И. Третьякову (этот факт остался неизвестен В. Д. Назарову). Наконец, хотя после женитьбы Ивана IV на Анастасии Романовне Захарьины—Юрьевы находились на вершине могущества, они почему-то терпеливо ждали два года, пока И. И. Третьяков уйдет на покой, и только тогда И. П. Головин занял его место первого казначея.

Вообще сам факт длительного казначейства И. И. Третьякова (1538 — начало 1549 г.) и затем Ф. И. Сукина (1546—1560) показывает, что придворная борьба не оказывала определяющего влияния на персональный состав руководства Казны. При этом тот же

¹⁶⁶ Впервые Ф. И. Сукин назван казначеем 5 октября 1546 г., когда он вместе с И. И. Третьяковым приказал выдать жалованную тарханно-несудимую грамоту Симонову монастырю на слободки в городах Любиме и Буге: АФЗХ/АМСМ. № 83. С. 95—97.

¹⁶⁷ Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений. С. 93.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений. С. 93.

Третьяков не стоял в стороне от дворцовых интриг: он принял, например, активное участие в январском перевороте 1542 г., примкнув к заговору князей Шуйских¹⁷⁰. Тем не менее казначей сохранил свой пост и после того, как его союзники Шуйские утратили влияние при дворе. Ссылка на уже упомянутую семейную традицию Ховриных—Головиных—Третьяковых, сменявших друг друга в руководстве Казны, в данном случае мало что объясняет. Скорее нуждается в объяснении сама долговечность этой традиции.

На мой взгляд, прочность позиций казначеев в эпоху «дворцовых бурь» объяснялась тем, что их должность не была объектом притязаний со стороны придворных аристократов. Отметим прежде всего, что никто из казначеев в 30—40-е гг. не имел думского звания, не был боярином или окольничим. Местнический статус этой должности был сравнительно невысок: в разрядах царских походов в июле и декабре 1547 г. казначей (Ф. И. Сукин) упомянут после областных дворецких и непосредственно перед дьяками¹⁷¹. То же место казначеям И. И. Третьякову и Ф. И. Сукину отведено и в «боярском списке», датированном осенью 1547 г.¹⁷²

Кроме того, должность казначея отнюдь не была некоей синекурой: она требовала опыта и деловых навыков в сфере управления финансами (вот здесь-то и проявлялась важность семейной традиции, восполнявшей отсутствие в России официальных школ, где готовили бы будущих администраторов). Необходимость специальных знаний и непрестижный — в глазах аристократии — характер службы казначеев сближали их с дьяками, которых первые опережали лишь на одну ступень в придворной иерархии. Казначеев и дьяков, несомненно, с большим основанием, чем дворецких (не говоря уже о боярах!), можно назвать нарождающейся бюрократией.

* * *

Подобно другим учреждениям дворцового типа, Казна, с одной стороны, обеспечивала хозяйственные нужды великокняжеского двора, а с другой — выполняла ряд важных общегосударственных функций.

¹⁷⁰ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, ч. 1. С. 141, прим. 1; СПб., 1906. Ч. 2. С. 439. Подробнее об этих событиях см. выше, гл. 5.

¹⁷¹ РК 1598. С. 111, 113. В этих походах царя сопровождал второй казначей (Ф. И. Сукин), в то время как первый казначей (И. И. Третьяков) оставался в Москве.

¹⁷² Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. Прил. № 2. С. 53.

Как и в минувшие столетия, в описываемое время Казна оставалась сокровищницей, хранилищем ценностей великокняжеской семьи. По случаю торжественных церемоний меха и другие ценные вещи извлекались из сундуков. Так, накануне царской свадьбы, 29 января 1547 г., казначеям был дан наказ («память») о том, какое количество соборей и собольих шуб они должны были приготовить к предстоящей церемонии¹⁷³.

В обязанности казначеев входило также материальное обеспечение приема иностранных посольств, включая встречу, размещение послов на отведенном им подворье и выдачу продовольствия («корма»). Вероятно, перед встречей очередного посла или гонца подьячий или иное должностное лицо, которому это было поручено, получал соответствующие инструкции от казначея. Порой в этом деле возникали накладки: упоминание об одной из них попало в посольскую книгу.

Когда 18 января 1543 г. в Москву прибыл литовский посланник Станислав Петрашкевич, подьячему Никите Берлядинову было велено его встретить за городом, на Дорогомилове. Но подьячий, как сказано в посольской книге, «литовсково посланника встрети́ти не успел — *затем, что Иван Третьяков отпустил его поздно*, а съехался с литовским посланником у подворья, на котором дворе ему стоя́ти» (выделено мной. — М. К.). Произнеся по инструкции («по записи») заранее заготовленную речь, Никита поставил посланника на подворье «и корм ему дал по записи»¹⁷⁴.

Более расторопным оказался подьячий Митка Ковезин, встречавший 28 августа того же года литовского гонца Томаса Моисеевича: встретив его, как было положено, на Дорогомилове, он проводил гонца до подворья и поместил его там. Затем подьячий доложил об успешном выполнении дела казначеям — «и, приехав, Митка *явился казначеям Ивану Ивановичу Третьякову с товарищи*»¹⁷⁵ (выделено мной. — М. К.).

По-видимому, подобными организационными мерами и ограничивалось в описываемое время участие Казны во внешнеполитической деятельности. За весь изучаемый период (1534—1548) казначеи ни разу не включались в состав боярских комиссий, ведших переговоры с иностранными послами; не упоминаются они и

¹⁷³ Назаров В. Д. Свадебные дела XVI в. // ВИ. 1976. № 10. С. 121. Док. № 13.

¹⁷⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 206.

¹⁷⁵ Там же. С. 214.

в числе лиц, присутствовавших на дипломатических приемах в Кремле¹⁷⁶.

Следует подчеркнуть, что в предшествующую эпоху ситуация была совершенно иной: казначей Д. В. Овца Ховрин в 1490—1500-х гг. активно участвовал в переговорах с послами европейских и восточных стран; в правление Василия III подобные сведения есть и в отношении племянника Д. В. Ховрина — казначея П. И. Головина¹⁷⁷. То обстоятельство, что в 30—40-х гг. XVI в. казначеи, по-видимому, находились в стороне от руководства внешней политикой, снижало престиж их ведомства в глазах княжеско-боярской знати. С другой стороны, как я старался показать выше, невысокий местнический статус казначеев «защищал» их от притязаний придворных аристократов и косвенно способствовал стабильной работе Казны в условиях политического кризиса.

Основной функцией Казны как главного финансового органа страны был сбор налогов и пошлин, а также надзор за выполнением натуральных повинностей. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники содержат лишь отрывочные данные об этой важнейшей стороне деятельности казенного ведомства. Специфика сохранившегося актового материала такова, что о системе сбора налогов мы узнаем, как правило, в связи с пожалованием или нарушением иммунитетных прав тех или иных привилегированных землевладельцев. Так, в жалованной тарханно-несудимой грамоте Ивана IV Симонову монастырю от 20 октября 1536 г. на два села в Дмитровском уезде говорится: «И даньщики мои дмитровские тех монастырских сел в данские книги не пишут, ни дани, никаких своих пошлин не емлют»¹⁷⁸.

Как явствует из процитированного документа, сборщики налогов — даньщики — вели учет податного населения с помощью особых «данских» книг. Но они не находились на вверенной им территории постоянно, а объезжали ее время от времени, отвозя затем собранную дань в Казну. Это видно из другого документа — указной грамоты даньщикам далекой северной волости Кереть и Ковда, выданной от имени Ивана IV 16 февраля 1542 г. по приказу казначея И. И. Третьякова. В грамоте прямо предусмотрена ситуация,

¹⁷⁶ См. сохранившиеся посольские книги сношений с Крымом 1533—1539, 1545—1548 гг. (РГАДА. Ф. 123. Кн. 8, 9) и Литвой 1533—1537, 1542—1544 гг. (Сб. РИО. Т. 59. С. 1—263).

¹⁷⁷ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 272—273.

¹⁷⁸ АФЗХ/АМСМ. № 54. С. 58.

«коли будут даншики наши в отъезде, а к тому сроку [имеется в виду назначенный пятинедельный срок судебного разбирательства. — М. К.] в Керети и в Ковду не успеют»¹⁷⁹.

Наряду с даньщиками сбором налогов во второй четверти XVI в. активно занимались городовые приказчики. Н. Е. Носов, посвятивший этому институту местного управления обстоятельное исследование, пришел к выводу, что центральное правительство передало функции данщиков городовым приказчикам, которые таким образом заменили собой данщиков в финансовой сфере¹⁸⁰. Вполне возможно, что городовые приказчики, постоянно находившиеся на местах, оказались более эффективными сборщиками налогов, чем присылаемые из Москвы даньщики, но прямыми свидетельствами на сей счет мы не располагаем, и, на мой взгляд, этот вывод исследователя несколько опережает события.

Во-первых, как отметил сам Носов, чаще всего в источниках упоминается участие городских приказчиков в сборе ямских денег и примета, а об их участии в сборе дани говорится значительно реже¹⁸¹. Поэтому говорить о полной замене данщиков городовыми приказчиками применительно к 30—40-м гг. XVI в. явно преждевременно. Показательно, что написанные в январе 1547 г. по челобитью игуменьи Покровского монастыря Василисы и старицы той же обители Еуфимьи Шемячевой указные грамоты Ивана IV, подтверждавшие освобождение их сел от ямских денег и посошной службы, были адресованы владимирским и суздальским городовым приказчикам, а также суздальскому даньщику и «иным нашим великого князя присылщиком»¹⁸².

Во-вторых, следует учесть территориальную ограниченность фискальной деятельности городских приказчиков: все уезды, из которых, по приведенным Носовым данным, происходят сведения о сборе городовыми приказчиками ямских денег, находились в центре страны¹⁸³. Понятно, что на севере, где сеть городов была очень редкой, упомянутый институт местного управления не получил распространения и не мог использоваться для сбора налогов. Неудивительно поэтому, что и в 1540-х гг. в северных уездах ключе-

¹⁷⁹ АСЭИ/АСМ. № 89. С. 58.

¹⁸⁰ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления. С. 167—182, особенно с. 168, 182.

¹⁸¹ Там же. С. 169.

¹⁸² ОАСУ. Отд. I. № 28, 29. С. 34—35; АИ. Т. I. № 145. С. 210.

¹⁸³ См. перечень уездов: Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления. С. 170.

вой фигурой в податной системе остается данщик, а городской приказчик там даже не упоминается¹⁸⁴.

Крупные монастыри добивались права вносить налоги в казну самостоятельно. Так, указной грамотой от 9 мая 1538 г. такая привилегия была предоставлена Троице-Сергиеву монастырю в отношении принадлежащих ему сел и деревень в Тверском и Новоторжском уездах: «...присылают с тех с своих с монастырских сел и з деревень ямские денги и примет и вытные денги игумен Иасаф з братьею на Москву к нашей казне сами»¹⁸⁵. Месяц спустя такое же право — «ямские деньги и примет платить на Москве у книг» — получили крестыане троицких сел и деревень в Дмитровском уезде¹⁸⁶.

Привилегией была и замена всех налогов денежным оброком фиксированного размера. Особенно часто тарханно-оброчные грамоты выдавались монастырям в начале великого княжения Ивана IV, в январе—феврале 1534 г.¹⁸⁷

Существовала также практика сдачи на оброк монастырям и частным лицам государственных («черных») земель и угодий. Сохранилась расписка казенного дьяка Юрия Сидорова, датированная 1546/47 г., о приеме у игумена Спасо-Прилуцкого Вологодского монастыря Калистрата оброчных денег с мельничного места на р. Вологде и еза на р. Сухоне; деньги в Казну были доставлены монастырским слугой Гаврилом Суботиным¹⁸⁸.

Известно несколько жалованных оброчных грамот, выданных по приказу казначеев¹⁸⁹ и казенных дьяков¹⁹⁰. Но вообще подобные распоряжения не были исключительной прерогативой руководителей Казны: правом выдачи оброчных грамот обладали администра-

¹⁸⁴ Помимо процитированной выше февральской грамоты 1542 г., адресованной керетским данщикам (см. сноску 178), см. также указную грамоту от 2 февраля 1543 г. на Вагу тамошнему данщику и ключникам по поводу выдачи руги Богословскому монастырю: ДАИ. СПб., 1846. Т. I. № 33. С. 34—35.

¹⁸⁵ *Шумаков С. А.* Тверские акты. Тверь, 1896. Вып. I. № IV. С. 23.

¹⁸⁶ См. указную грамоту дмитровскому приказчику Мите Яковлеву от 22 июня 1538 г.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 54/3766.

¹⁸⁷ См. тарханно-оброчные грамоты Иосифо-Волоколамскому, Кирилло-Белозерскому и Ферапонтову монастырям от конца января — начала февраля 1534 г.: Прил. I, № 4—5, 7—9, 11, 14.

¹⁸⁸ АЮ. СПб., 1838. № 208/I. С. 218.

¹⁸⁹ См. льготную оброчную грамоту Симонову монастырю, выданную 6 июля 1538 г. по приказу казначея И. И. Третьякова (первое известное нам упоминание его в этой должности!): АФЗХ/АМСМ. № 57. С. 62—63. Он же выдал 2 февраля 1540 г. жалованную оброчную грамоту Никольскому Корельскому монастырю (Сб. ГКЭ. Л., 1929. Т. II. Прил. № 86^а. Стб. 825—826), а

торы различного ранга, включая писцов¹⁹¹, ключников¹⁹², а также дворецких¹⁹³. Примечательно, что адресат выплаты оброка при этом мог оказаться различным. Так, костромские писцы С. В. Собакин и А. И. Писемский в выданной ими льготной оброчной грамоте приказчику троицкого села Федоровского, старцу Иосии, на соляную варницу в Нерехте особо оговорили: «И как отойдет льгота пять лет, и Федоровского села приказщику с тое варницы давати великому князю оброку денгами з году на год по полтине денег на год да по шти пуд соли московских на год и за ошитки. А дати им тот оброк впервые на Москве на великие князю дворец великого князя дьяком на Крещение Христово лета 7000 пятьдесятю»¹⁹⁴ (выделено мной. — М. К.). К моменту окончания указанного льготного срока, т.е. к 25 декабря 1541 г., великой княгини Елены уже несколько лет как не было в живых, но ее Дворец, как мы знаем, продолжал еще какое-то время существовать¹⁹⁵, и, вполне возможно, туда по-прежнему поступали некоторые доходы.

В жалованной поместной и несудимой грамоте Ивана IV Семenu и Григорию Ивановым детям Голостенова от 9 февраля 1546 г.,

2 ноября 1543 г. вместе с И. П. Головиным — льготную оброчную грамоту солевикам Унской волости: АСЭИ/АСМ. № 98. С. 63—64.

¹⁹⁰ См. оброчную грамоту дьяков Постника Губина и Одина Никифорова игумену Троицкого Павлова Обнорского монастыря Протасию от 29 января 1546 г.: *Кашинов С. М.* ИРСИ. Прил. III. № 11. С. 153—154.

¹⁹¹ См. льготную оброчную грамоту костромских писцов С. В. Собакина и А. И. Писемского от 13 октября 1536 г. троицкому старцу Иосии на новую соляную варницу в Нерехте: РИБ. Пг., 1915. Т. 32. № 135. Стб. 244—245. Сохранилась также оброчная грамота вологодских писцов Т. А. Карамышева и Н. К. Милославского Кирилло-Белозерскому монастырю на пустоши в Вологодском уезде, выданная в декабре 1543 г.: Там же. № 151. Стб. 264—265.

¹⁹² Оброчная грамота нижегородским посадским людям, выданная 11 апреля 1541 г. нижегородскими ключниками Г. П. Брейшыным и И. С. Осорьбиным, сохранилась в составе правой грамоты 1547 г.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1914. Л. 18—18 об.

¹⁹³ По приказу «большого» дворецкого кн. И. И. Кубенского 21 марта 1541 г. была выдана оброчная и тарханно-несудимая грамота Вологодской Евфимьевой пустыни: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Вологда. № 11/2582. Рязанский дворецкий В. М. Тучков-Морозов 29 декабря того же года выдал оброчную грамоту игумену Спасо-Прилуцкого монастыря Афанасию на мельничное место на р. Вологде: Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1908. Вып. I. С. 85—86.

¹⁹⁴ РИБ. Т. 32. № 135. Стб. 245.

¹⁹⁵ Дворец великой княгини упоминается еще 16 марта 1543 г. в жалованной грамоте Троицкому Махришскому монастырю: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. I. Д. 124. См. также выше гл. 7, табл. 3, № 12.

вышедшей, по-видимому, из дворцового ведомства (так как в качестве судьи высшей инстанции наряду с великим князем указан дворецкий), на помещиков возлагалась обязанность по уплате оброка: «А оброк им с тех деревень и починков платить по книгам на мой Дворец»¹⁹⁶.

Но ведомственная принадлежность администратора, выдавшего оброчную грамоту, не всегда совпадала с местом, куда платился оброк. Так, оброчная грамота Спасо-Прилуцкому монастырю на мельничное место на р. Вологде была выдана 29 декабря 1541 г. рязанским дворецким В. М. Тучковым-Морозовым¹⁹⁷, однако оброк, как это явствует из процитированной выше платежной расписки казенного дьяка Ю. Сидорова 1546/47 г., вносился монастырем в Казну¹⁹⁸.

Приведенные примеры свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что в описываемое время управление финансами страны еще не было полностью централизовано. Решения о предоставлении тому или иному землевладельцу налоговых льгот, выделении ему земель или угодий в оброчное пользование принимались администраторами различного уровня и разной ведомственной принадлежности без какого-либо согласования друг с другом. Доходы также не собирались все в одном месте, а распылялись по нескольким ведомствам.

Одним из важных источников доходов казны были торговые пошлины. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют создать сколько-нибудь полного впечатления о функционировании таможенной системы в описываемый период. От изучаемого времени до нас дошла (в списке 1620-х гг.) только одна уставная таможенная грамота — Устюжне Железопольской, датированная 7051 (1542/43) г.¹⁹⁹ В ней подробно регламентируются виды и размеры пошлин с различных товаров, привозимых в Устюжну, причем «иногородцы» и «иноземцы», т.е. торговые люди из других городов и уездов Московского государства, должны были

¹⁹⁶ АСЗ. Т. I. № 54. С. 48.

¹⁹⁷ Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. I. С. 85—86.

¹⁹⁸ АЮ. № 208/1. С. 218.

¹⁹⁹ Грамота дошла до нас в виде выписки в составе уставной таможенной грамоты царя Бориса Годунова тому же городу от 25 января 1599 г., см.: РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Устюг Великий. Кн. I. Л. 55—65 об. (текст таможенной грамоты Ивана IV 1542/43 г. — на л. 55 об. — 64). Благодаря О. Е. Кошелеву, предоставившую в мое распоряжение фотокопию этого документа.

платить в несколько раз больше за те же товары, чем жители Устюжского уезда. Помимо этого документа, мы располагаем еще источниками двух видов: во-первых, тарханно-проезжими грамотами, которые выдавались крупным монастырям (см.: Прил. 1, № 15, 17, 27, 46, 99, 144, 180, 185, 306, 379, 516), и, во-вторых, указными грамотами таможенникам и другим местным властям о беспошлинном проезде или провозе товаров слугами той или иной обители (Там же. № 133, 400, 460).

Эти документы дают некоторое представление о номенклатуре торговых и проездных пошлин. Так, жалованная тарханно-несудимая грамота Ивана IV Ферапонтову монастырю на беспошлинный провоз товара в Дмитров и Москву, выданная 1 февраля 1534 г., содержит длинный перечень пошлин, от которых освобождалась монастырская торговая экспедиция, включая тамгу, мыт, явку, побережное, амбарное, привоз, отвоз, весчее и т.д.²⁰⁰ Грамоты знакомят нас также с целой армией таможенников, мытчиков, перевозчиков, мостовщиков, собиравших пошлины на великого князя²⁰¹, но каково было соотношение между этими сборами и аналогичными пошлинами, которые взимали в свою пользу наместники и другие кормленщики²⁰², остается неизвестным. За недостатком данных трудно сказать что-либо определенное о таможенной политике 30—40-х гг., как и о роли казначеев в ее выработке и осуществлении.

Наряду со сбором налогов, торговых пошлин и оброчных платежей, в ведении Казны находился контроль над исполнением натуральных повинностей податного населения. Казначей мог «обелить» городской двор, т.е. освободить его обитателей от несения посадского тягла, как это сделал, например, в июле 1548 г. Ф. И. Сукин по челобитью игумена Кирилло-Белозерского мона-

²⁰⁰ Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Ед. хр. 444. Л. 12—12 об. Список XIX в.

²⁰¹ Чаще всего в актовом материале упоминаются сборщики тамги (таможенники), см., например, адресованные им указные грамоты 1538 и 1546 гг. о беспошлинном провозе товаров Кирилло-Белозерского монастыря: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^a. Л. 710—711 об.; *Зимин А. А.* Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 347—348. № 5. В жалованной проезжей грамоте игумену святогорского Пантелеймонова монастыря Геннадию от 3 ноября 1543 г. фигурируют также «по мытом мытчики и по рекам перевозчики и мостовщики, и все пошленники», см.: *Россия и греческий мир в XVI веке.* М., 2004. Т. 1. № 6. С. 350—351.

²⁰² См., например, указную грамоту Ивана IV 1545/46 г. в Руссу о неукоснительной уплате торговыми людьми мыта курскому наместнику Н. Ф. Карамышеву: АСЗ. М., 2008. Т. IV. № 167. С. 128.

стыря Афонасия в отношении двора на посаде города Белоозера²⁰³. Явно из казенного ведомства вышла и указная грамота от 14 марта 1547 г. суздальским городовым приказчикам об исключении из посадского тягла слободки Спасо-Евфимьева монастыря: на склейке грамоты читается имя казенного дьяка Одинца Никифорова²⁰⁴.

В ведении казначеев находилась также ямская служба, в связи с чем им приходилось разбирать жалобы привилегированных монастырских корпораций, чьи крестьяне привлекались к несению ямской повинности. Так, в ответ на челобитье архимандрита Симонова монастыря Саввы казначеи И. И. Третьяков и И. П. Головин выдали ему 12 ноября 1543 г. жалованную грамоту, ограничившую стояние монастырских крестьян на яму с подводами двумя неделями в год²⁰⁵. 23 декабря 1545 г. была послана великокняжеская указная грамота подьячему В. Константинову в Переславль с запретом привлекать к ямской повинности крестьян Данилова монастыря: такова была реакция центральных властей на жалобу архимандрита Кирилла, который, прибыв в столицу, «бил челом» казначею И. И. Третьякову, сетуя на то, что крестьян монастырских сел и деревень «наряжают» — в нарушение имеющейся у монастыря жалованной грамоты — стоять с подводами на Переславском яму²⁰⁶.

В компетенцию казначеев входило также общее регулирование торговли в стране и, в частности, надзор за качеством продаваемых товаров. Сохранилась указная грамота Ивана IV каргопольскому наместнику кн. П. М. Щенятеву от 18 декабря 1546 г., выданная по приказу казначеев И. И. Третьякова и Ф. И. Сукина в ответ на челобитие белозерцев, жаловавшихся на качество продаваемой в Каргополе соли: впредь под угрозой штрафа запрещалось продавать соль с подмесом и кардехой²⁰⁷.

Товары, конфискованные у иностранных купцов, поступали в государеву Казну: подобные случаи, как явствует из эпизода, упомянутого в посольской книге в марте 1542 г., тщательно протоколировались, а сами «дела» такого рода хранились у казначеев²⁰⁸.

²⁰³ См. обельно-несудимую грамоту Ивана IV Кирилло-Белозерскому монастырю, выданную 3 июля 1548 г. по приказу казначея Ф. И. Сукина: Архив СПб. ИИ. Кол. 41 (собрание Головина). Оп. 1. № 64.

²⁰⁴ АСЕМ. № 65. С. 136—137.

²⁰⁵ АФЗХ/АМСМ. № 74. С. 87—88.

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 136/8860.

²⁰⁷ РИБ. Т. 32. № 163. Стб. 284—286.

²⁰⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 168—169.

Как высшая инстанция в финансовых делах, казначеи обладали властью предоставлять отсрочку должникам по уплате долгов. Подобные отсрочки оформлялись специальными полетными грамотами. Семь таких грамот дошло до нас от 30—40-х гг. XVI в. (см. Прил. I, № 116, 217, 244, 371, 392, 408, 486), еще одна известна только по упоминанию (Там же. № 541). Четыре названных документа содержат явные признаки, свидетельствующие об их происхождении из ведомства казначеев. Так, жалованная льготная и полетная грамота Ивана IV игумену Павлова Обнорского монастыря Протасию от 25 апреля 1538 г. была продлена 5 января 1546 г., причем подписал ее казенный дьяк Макарий Федоров сын Рязанов²⁰⁹. Три грамоты, как об этом свидетельствуют пометы на оборотах, были выданы по приказу казначеев: 15 мая 1540 г. казначеи И. И. Третьяков и М. П. Головин распорядились дать жалованную полетную грамоту Авдотье, вдове Бориса Алалыкина с детьми²¹⁰; 21 апреля 1541 г. по приказу И. И. Третьякова была выдана льготная и полетная грамота архимандриту Муромского Борисоглебского монастыря Семиону²¹¹; наконец, 6 апреля 1546 г. тот же казначей И. И. Третьяков велел выдать полетную грамоту двинянину Семену Федотову (Грижневу)²¹².

Есть основания полагать, что и остальные известные нам полетные грамоты 40-х гг. также были составлены в Казне. В частности, это весьма вероятно в отношении полетной грамоты жителем Шестаковского городка на Вятке (октябрь 1546 г.)²¹³, поскольку, как будет показано ниже, Вятская земля находилась под управлением («в приказе») казначеев. Аналогичное предположение можно сделать относительно льготной и полетной грамоты архимандриту Муромского Борисоглебского монастыря Семиону от 18 февраля 1548 г.²¹⁴ — тем более что предыдущий подобный документ той же обители был выдан в 1541 г., как уже говорилось, по приказу казначея И. И. Третьякова.

²⁰⁹ *Кашианов С. М.* ИРСИ. Прил. III. № 8. С. 148—149. О М. Ф. Рязанове как казенном дьяке см. ниже, § 3.

²¹⁰ АСЗ. Т. I. № 3. С. 10—11.

²¹¹ *Маштафаров А. В.* Муромские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века // РД. Вып. 6. М., 2000. С. 53—54. № 2.

²¹² АСЭИ/АСМ. № 116. С. 72.

²¹³ ААЭ. Т. I. № 210. С. 199—200.

²¹⁴ *Маштафаров А. В.* Муромские монастыри и церкви. С. 54—55. № 3.

* * *

Любая административная должность в средневековом обществе предполагала осуществление судебных функций, и казначеи описываемого времени не были исключением из этого общего правила. Прежде всего в их юрисдикции находились лица, подчиненные им по роду своей деятельности: сборщики налогов и пошлин²¹⁵, а также, вероятно (хотя прямых свидетельств на этот счет у нас нет), ямщики. Из случайного упоминания в правой грамоте 1542 г. мы узнаем, что казначею были подсудны пищальники и воротники: изложив приговор дворецкого кн. И. И. Кубенского и казначея И. И. Третьякова по делу слуги Троицкого Белопесоцкого монастыря Софона Кирилова с каширскими попами и посадскими людьми, писец отметил, что дворецкий к судному списку свою печать приложил, «а козначеевы Ивана Ивановичя печати нет потому, что одни писчальники да воротники суд его, и тем присуждено поле здесь на Москве»²¹⁶.

Но помимо ведомственной юрисдикции, существовала еще и территориальная. Еще П. А. Садиков показал, что в середине XVI в. северные уезды страны (Двинский, Важский и Каргопольский) находились в ведении Казны²¹⁷. Затем В. Д. Назаров добавил к этому перечню Устюжско-Вычегодский край, Пермскую и Вятскую земли, а также Торопецкий и Муромский уезды²¹⁸. Однако судебно-административная подчиненность тех или иных земель могла меняться со временем, и поэтому данные 50-х гг. XVI в., на которые в основном опираются названные исследователи, рискованно переносить на предыдущие десятилетия. Поскольку нас интересует ситуация эпохи «боярского правления», попробуем определить состав территорий, находившихся «в приказе» у казначеев, по источникам 1530—1540-х гг.

²¹⁵ Сохранилась великокняжеская указная грамота в Рузу от 22 апреля 1535 г. о вызове в суд таможенника Сеньки по иску слуги Симоновского монастыря Илейки Иевлева: АФЗХ/АМСМ. № 50. С. 54. Но поскольку на грамоте нет пометы о том, по чьему приказу она была выдана, подсудность таможенника остается в данном случае неясной. То, что даньщики, по крайней мере на Русском Севере, подчинялись в судебном отношении казначеям, прямо следует из февральских грамот 1542 г., адресованных местным властям и жителям волости Кереть и Ковда: АСЭИ/АСМ. № 89, 90. С. 58—60.

²¹⁶ АГР. Т. I. № 57. С. 110.

²¹⁷ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 227—228, 234.

²¹⁸ Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений. С. 94.

Надежнее всего документирована подконтрольность казначеям северных уездов: из 31 грамоты, которые были выданы по приказу казначеев, 20, т.е. две трети, относятся к Двинскому, Каргопольскому и Важскому уездам (см. выше, гл. 7, табл. 2, строки 8—10, 18, 19, 24—28, 30, 33, 36, 37, 43, 45, 49, 50, 59, 63).

Интересные результаты дает также анализ статей о суде высшей инстанции в жалованных несудимых грамотах 30—40-х гг.: указание на суд казначея начинает встречаться с июля 1539 г.; всего известно на сегодняшний день 14 таких грамот; они относятся к территории Устюжского (две), Вычегодского (две), Двинского (пять), Важского (одна), Каргопольского (две) и Кольского (одна) уездов; действие одной грамоты (тарханно-проезжей, выданной Соловецкому монастырю) распространяется на два уезда, Новгородский и Двинский (см.: Прил. III, № 64, 78, 85, 89, 97, 109, 110, 116, 143, 144, 167, 177, 179, 185).

Юрисдикцию казначеев в отношении других земель подтвердить значительно труднее. Прежде всего из рассмотрения должны быть исключены грамоты, хотя и выданные по приказу казначеев, но прямо связанные с выполнением ими своих основных, т.е. контрольно-финансовых, функций²¹⁹. Поэтому льготно-оборочная грамота Симонову монастырю на варничные места у Соли Переславской (1538 г.), жалованные грамоты той же обители о порядке несения ямской повинности крестьянами нескольких монастырских сел в Коломенском и Московском уездах (1543 г.) и на право мостовщины и перевоза через р. Кострому (1546 г.)²²⁰, а также тарханно-проезжие грамоты Вологодской Глубокоезерской пустыни (1546 г.)²²¹ и Каширскому Троицкому Белопесоцкому монастырю (1547 г.)²²², выданные по распоряжению казначея, никак не свидетельствуют об особых судебно-административных полномочиях руководителей Казны на территории именно этих уездов.

Сказанное относится и к жалованной льготной, полетной, заповедной и односрочной грамоте Муромскому Борисоглебскому монастырю, выданной 21 апреля 1541 г. по приказу казначея

²¹⁹ Назаров справедливо указывает на то, что по тарханым, тарханно-оборочным и тарханно-проезжим грамотам судить о территориальной сфере деятельности Казны нельзя, поскольку она была центральным финансовым ведомством страны (Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений. С. 94).

²²⁰ АФЗХ/АМСМ. № 57, 74, 82. С. 62—63, 87—88, 95.

²²¹ РИБ. Т. 32. № 160. Стб. 278—280.

²²² РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашира. № 7/5769.

И. И. Третьякова: поводом к пожалованию этой грамоты послужило челобитие архимандрита Семиона с братией, жаловавшихся великому князю на сожжение монастырской деревни, дворов и церквей казанскими татарами; а основным содержанием документа является освобождение монастырских крестьян на пять лет от всех податей и отсрочка (на тот же срок) уплаты долгов обители²²³. Запомним, что упомянутая грамота — единственное известное нам на сегодняшний день свидетельство распорядительной деятельности казначеев на территории Муромского уезда в годы «боярского правления», причем о подсудности грамотчика казначею в документе не сказано ни слова. Между тем на подобном шатком основании В. Д. Назаров строит предположение о том, что Муромский уезд в описываемое время находился в ведении казначеев²²⁴.

На мой взгляд, решающее значение при выяснении вопроса о том, в чьем ведении находилась та или иная территория, имеют статьи несудимых грамот о подсудности грамотчика определенному московскому администратору (в данном случае — казначею). Показательно в этой связи, что от 30—40-х гг. XVI в. до нас дошло всего лишь четыре несудимые грамоты, выданные казначеями и не относящиеся к территории упомянутых выше северных уездов. Но самое интересное состоит в том, что *ни одна* из этих грамот не содержит указания на суд казначеев: согласно жалованной тарханно-несудимой грамоте Вологодской Глубокоозерской пустыни от 6 июля 1546 г. и аналогичной грамоте Симонову монастырю на слободки в городках Любиме и Буге Костромского уезда от 5 октября 1546 г. (первую выдал казначей И. И. Третьяков, а вторую — он же совместно с Ф. И. Сукиным), грамотчик подлежал в случае иска суду великого князя или *дворецкого*²²⁵. Две другие несудимые грамоты: Торопецкому Троицкому монастырю от 28 октября 1547 г.²²⁶ и Кирилло-Белозерскому монастырю от 3 июля 1548 г.²²⁷ (первую приказали выдать И. И. Третьяков и Ф. И. Сукин, вторую — один казначей Ф. И. Сукин) — вообще не содержат статьи о подсудности грамотчика московскому судье.

Таким образом, не получает подтверждения гипотеза В. Д. Назарова о том, что Муромский и Торопецкий уезды управлялись

²²³ *Маштафаров А. В.* Муромские монастыри и церкви. № 2. С. 53.

²²⁴ *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений. С. 94.

²²⁵ РИБ. Т. 32. № 160. Стб. 279; АФЗХ/АМСМ. № 83. С. 96.

²²⁶ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1919. Л. 20—20 об. Список XVIII в.

²²⁷ Архив СПб. ИИ. Кол. 41. Оп. 1. Д. 64. Подл.

казначейми уже в 40-е гг. XVI в. Надежные данные об областных функциях Казны для этого периода у нас имеются только в отношении северных земель: Двинского, Каргопольского, Важского, Вычегодского, Устюжского и Кольского уездов.

Не вполне ясна ведомственная подчиненность Вятки в описываемое время. В. Д. Назаров ссылается на указную грамоту от марта 1546 г., подписанную казенным дьяком Макарием Федоровым²²⁸; последующие сведения, приводимые исследователем, относятся уже к 1549—1551 гг.²²⁹ Уместно напомнить, однако, что губную грамоту жителям Верхнего Слободского городка на Вятке 8 февраля 1540 г. приказал выдать боярин и наместник московский кн. И. В. Шуйский²³⁰, а в марте 1542 г. (или 1541-го) губные учреждения на Вятке подчинялись дворецкому кн. И. И. Кубенскому²³¹. Следовательно, можно предположить, что Вятская земля перешла в ведение казначеев не ранее середины 40-х гг. XVI в. Естественно связать этот переход с тенденцией к расширению областных функций Казны, отмеченной Назаровым применительно к концу 1540-х — середине 1550-х гг.²³²

Указанная тенденция была частью общего процесса перераспределения судебно-административных функций между дворцовым ведомством и казначеями, первые признаки которого можно заметить еще в первой половине 1540-х гг.

Документов судебных процессов с участием казначеев сохранилось от изучаемого периода совсем немного (см. выше гл. 8, табл. 4, строки 20, 23, 25, 31), и самый ранний из них относится к марту 1541 г.: казначеи И. И. Третьяков и М. П. Головин разбирали тяжбу А. Я. Кологривова с игуменом и старцем Никольского Корельского монастыря из-за спорных угодий у Кудмо-озера; дело закончилось тогда примирением сторон²³³. Поскольку истцы и ответчик происходили из Двинского уезда, то подсудность этого дела казначеям не вызывает никакого удивления. В сентябре 1542 г.

²²⁸ Речь идет об указной грамоте Ивана IV в Верхний Слободской городок на Вятке, выданной в марте 1546 г. за подписью дьяка Макария Федорова: Труды Вятской УАК 1905 г. Вып. 3. Отд. III. С. 87—89.

²²⁹ Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений. С. 94.

²³⁰ НГЗУГ. С. 55—58. № 3.

²³¹ Труды Вятской УАК 1905 г. Вып. 3. Отд. III. С. 82—84.

²³² Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений. С. 95—96.

²³³ Архив СПб. ИИ. Кол. 174 (Акты до 1613 г.). Оп. 1. Д. 140.

И. И. Третьяков вместе с дворецким кн. И. И. Кубенским слушал дело о земельном споре в Каширском уезде: на этот раз участие казначей в суде объяснялось тем, что среди ответчиков были каширские пищальники и воротники, а эта категория служилых людей, как уже говорилось, была подсудна именно казначеям²³⁴.

Но вот в июле 1543 г. казначей И. И. Третьяков вынес приговор по тяжбе между Симоновым и Николаевским Угрешским монастырями о спорной земле в Московском уезде²³⁵. Почему же московские писцы кн. Р. Д. Дашков «с товарищи», разбиравшие это дело в суде первой инстанции, доложили его казначею, а не «большому» дворецкому, в юрисдикции которого, насколько нам известно, находился Московский уезд?

Пытаясь объяснить этот казус, уместно обратить внимание на тот факт, что Ховрины—Головины, к роду которых принадлежал Иван Иванович Третьяков, из поколения в поколение поддерживали теснейшую связь с Московским Симоновым монастырем, оказывали покровительство этой обители²³⁶. С учетом этого обстоятельства нетрудно догадаться, в чью пользу было вынесено судебное решение в июле 1543 г.: дело выиграл Симонов монастырь²³⁷.

Но помимо фамильных симпатий к названной обители, которые, возможно, сделали И. И. Третьякова небеспристрастным судьей в упомянутой земельной тяжбе, в этом деле проглядывает и некая ведомственная коллизия: не нарушил ли казначей в данном случае судебных prerogativ дворецкого кн. И. И. Кубенского? Сопоставим две даты: Третьяков вынес свой приговор 17 июля 1543 г., а за несколько недель до того, в июне указанного года, боярин и дворецкий кн. Иван Иванович Кубенский упоминается в разрядной росписи в качестве первого воеводы большого полка, стоявшего во Владимире²³⁸. Напомню также, что это — последнее нам упоминание кн. И. И. Кубенского с чином дворецкого: в течение последующих двух с половиной лет никаких сведений о руководителях Большого дворца в сохранившихся источниках нет (см. выше табл. 5).

Таким образом, наиболее правдоподобное объяснение описанного выше казуса состоит в том, что в июле 1543 г. «большого» дво-

²³⁴ АГР. Т. I. № 57. С. 106—110.

²³⁵ АФЗХ/АМСМ. № 72. С. 85—86.

²³⁶ См.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 443—447.

²³⁷ АФЗХ/АМСМ. № 72. С. 86.

²³⁸ РК 1598. С. 105.

рецкого просто не было в столице, так как он находился на военной службе во Владимире, и тогда писцы доложили дело казначею, который заполнил возникший в судебной системе вакуум. Произошла ли замена судьи по подсказке самих властей Симонова монастыря, заинтересованных в том, чтобы их дело разбирал близкий к обители человек, — об этом можно только догадываться...

Поскольку должности дворецких в 40-е годы подолгу оставались вакантными, казначеи все чаще выполняли их функции. Однако на первых порах эти перемены не были институционализированы: судебные решения выносились, а грамоты выдавались *ad hoc*, без внесения изменений в формуляры соответствующих документов. В этом отношении весьма характерны рассмотренные выше тарханно-несудимые грамоты 1546 г. Вологодской Глубокоозерской пустыни и Московскому Симонову монастырю: хотя обе грамоты были выданы, судя по пометам на обороте, казначеями (в первом случае — И. И. Третьяковым, во втором — им же и Ф. И. Сукиным), но в их тексте сохранено указание на суд дворецкого²³⁹.

Во второй половине 1540-х гг. выполнение казначеями функций областных дворецких, т.е. судей и администраторов, по отношению к населению некоторых территорий из временной меры превращается в постоянную практику. Тогда, по-видимому, в ведение Казны перешла Вятская земля. С начала 1549 г., как показал В. Д. Назаров, расширились и полномочия казначеев в центральных уездах страны²⁴⁰.

3. Дьяки и подьячие

Самую многочисленную группу служащих административного аппарата составляли дьяки и подьячие: по источникам 1534—1548 гг. нам известно 157 лиц, имевших чин дьяка или подьячего²⁴¹, что более чем на четверть превышает аналогичные данные за 28 лет

²³⁹ РИБ. Т. 32. № 160. Стб. 279; АФЗХ/АМСМ. № 83. С. 96.

²⁴⁰ Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений. С. 95.

²⁴¹ Просопографические данные о всех упоминаемых в 1534—1548 гг. дьяках и подьячих великого князя (с 1547 г. — царя) приведены в Прил. IV. Сведения о дьяках и подьячих, служивших удельным князьям, монастырям и церковным иерархам, здесь не учитываются.

правления Василия III (по подсчетам А. А. Зимина, 121 чел.)²⁴². Конечно, наши наблюдения о росте численности приказного люда опосредованы сохранившимся документальным материалом, который также возрастает в описываемое время по сравнению с первой третью XVI в., но поскольку увеличение массы документов происходило при непосредственном участии дьяков и подьячих, то, очевидно, перед нами — две стороны единого процесса бюрократизации управления, проявлявшегося как в росте административного аппарата, так и в увеличении объема канцелярской продукции.

Но хотя сама тенденция к бюрократизации управления не вызывает сомнения, численность правительственного аппарата по европейским меркам оставалась невысокой. Нужно учесть, что названная выше величина — 157 чел. — не дает представления о количестве *одновременно* действовавших приказных дельцов, а только суммирует данные о дьяках и подьячих, которые хотя бы раз упоминаются в документах 1534—1548 гг. Между тем число дьяков и особенно подьячих, лишь однажды упомянутых в сохранившихся источниках, достигает более одной трети (55 чел.) от указанной выше суммы²⁴³.

Более показательны в этом отношении списки государевых дьяков, составленные на определенную дату. К сожалению, подобные реестры дошли до нас только от конца изучаемого периода. В январе 1547 г. в связи с предстоящей свадьбой Ивана IV был составлен список дьяков, насчитывающий 33 человека²⁴⁴. Сохранился также перечень дьяков, которым новгородский архиепископ Феофан послал 26 марта 1548 г. гостинцы — «угорские» золотые, но по понятным причинам (учитывая цели составления документа) этот перечень явно неполон: в нем названо всего 14 имен²⁴⁵.

Между тем монархи тогдашней Западной Европы располагали гораздо более многочисленным бюрократическим аппаратом. Так, во французской королевской Большой канцелярии (Grande Chancellerie) в первой половине XVI в. по штату числилось 59 нотариусов и секретарей, но фактически эти должности были разделены меж-

²⁴² Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1971. Т. 87. С. 282.

²⁴³ См.: Прил. IV, № 1, 3, 8—11, 16, 33—36, 38, 41—43, 45, 46, 48—53, 55, 63, 66—69, 72, 79, 81, 86, 87, 90, 92, 101, 103, 104, 110, 112, 113, 115, 123, 128, 129, 132, 136, 137, 141, 153—155.

²⁴⁴ Назаров В. Д. Свадебные дела XVI в. № 15. С. 121—122.

²⁴⁵ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

ду 119 лицами; а в 1554 г. Генрих II учредил еще 80 секретарских должностей²⁴⁶.

Контраст между французской бюрократией XVI в. и ее бедной московской «родственницей» будет еще разительнее, если учесть, что приведенные выше цифры относятся только к королевской канцелярии и не дают представления даже обо всем парижском чиновничестве (парламент располагал собственным штатом секретарей), не говоря уже о провинции. Если же иметь в виду государственный аппарат Французского королевства в целом, то его численность еще более впечатляет: по подсчетам французских историков, Франциск I при своем восшествии на престол (1515 г.) располагал целой армией чиновников (*officiers*), насчитывавшей 4 тыс. чел.²⁴⁷ Между тем подсчет всех великокняжеских дьяков и подьячих, упоминаемых в источниках с 1534 по 1548 г., дал в итоге 157 чел., включая и столичных приказных дельцов, и их собратьев в Новгороде и Пскове. Вот чем могла располагать московская монархия в указанное время.

* * *

В иерархическом отношении приказные дельцы составляли что-то вроде пирамиды, на вершине которой находились влиятельные дьяки, облеченные доверием государя, а внизу располагались многочисленные подьячие, писавшие грамоты и выполнявшие разнообразные поручения вышестоящих начальников.

К верхушке придворной бюрократии принадлежали дьяки, именуемые в источниках «великими», «ближними» или «большими»²⁴⁸. Имена самых влиятельных дьяков начала великого княжения Ивана IV содержатся в показаниях псковских беглецов, записанных 12 сентября 1534 г. в Полоцке. Среди лиц, которые «на Москве... всякии дела справуютъ», перебежчики назвали — наряду с боярами кн. И. В. Шуйским и М. В. Тучковым, дворецкими И. Ю. Шигоной Поджогиным и кн. И. И. Кубенским — дьяков

²⁴⁶ Michaud H. La Grande Chancellerie et les écritures royales au seizième siècle (1515 — 1589). Paris, 1967. P. 93, 100.

²⁴⁷ Подсчеты Р. Мунье, цит. по: Cosandey F., Descimon R. L'absolutisme en France. Paris, 2002. P. 110 et note 9.

²⁴⁸ «Великими дьяками» названы в апреле 1532 г. в посольской книге Г. Н. Меньшой Путятин и Е. И. Цыплятев, см.: Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 858. Федора Мишурина как «отца нашего и нашего дьяка ближнего» вспоминает в письме А. Курбскому Иван Грозный: ПГК. С. 28. Список «больших дьяков» (64 чел.) помещен в Дворовой тетради 50-х гг.: ТКДТ. С. 115—117.

великого князя Елизара Цыплятева, Афанасия Курицына (в тексте ошибочно: «Курин»), Третьяка Ракова, Федора Мишурина и Григория Загрязского. Особо было отмечено, что, хотя боярин М. Ю. Захарьин и дьяк Меньшой Путятин отданы на поруки (в связи с известными августовскими событиями 1534 г.²⁴⁹), однако и они «с теми справцы всякое дело справуют»²⁵⁰.

Все упомянутые выше дьяки служили еще при Василии III²⁵¹; четверо из них (Елизар Цыплятев, Афанасий Курицын, Меньшой Путятин и Третьяк Раков) участвовали в совещании государя с боярами на Волоке во время предсмертной болезни великого князя осенью 1533 г.²⁵² Позднее, когда умирающего перевезли в Москву, у постели Василия III находились дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин: им и было приказано писать духовную государя²⁵³.

Близость ко двору способствовала вовлечению некоторых дьяков в придворные интриги. При жизни Василия III наибольшим доверием великого князя пользовался Григорий Никитич Меньшой Путятин, но после смерти государя он обрел соперника в лице другого дьяка — Федора Мишурина. Отголоски этого соперничества, как было показано в первой главе этой книги, отразились в одной из редакций летописной Повести о смерти Василия III²⁵⁴. Во время августовских событий 1534 г. (бегства в Литву кн. С. Ф. Бельского и И. В. Ляцкого и последовавших затем арестов в Москве) какие-то подозрения пали и на Меньшого Путьятина: как явствует из процитированных выше показаний псковских перебежчиков, он был отдан на поруки, но сумел сохранить влияние при дворе.

Своего рода привилегией «ближних» государевых дьяков, отличавшей их от приказных дельцов более низкого ранга, была причастность к делам внешней политики. Так, Меньшой Путятин был непременным участником всех переговоров с литовскими представителями в декабре 1533 — феврале 1537 г.; компанию ему составляли Елизар Цыплятев или Федор Мишурин, а наиболее ответственные переговоры все три дьяка вели вместе²⁵⁵. Меньшой Путятин и Федор Мишурин в 1530-х гг. активно участвовали также в

²⁴⁹ См. выше гл. 2.

²⁵⁰ РА. № 46. С. 116—117.

²⁵¹ См.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. № 63, 92, 115, 152, 155, 198. С. 237, 245, 253—254, 263—266, 277—278.

²⁵² ПСРЛ. Т. 6. С. 268.

²⁵³ ПСРЛ. Т. 6. С. 270.

²⁵⁴ См. выше, гл. 1.

²⁵⁵ Сб. РИО. Т. 59. С. 2, 17, 31, 46, 70—72, 76, 105.

приеме крымских и ногайских послов²⁵⁶. Григорий Загрязский в составе посольства, возглавляемого боярином В. Г. Морозовым, ездил в апреле—августе 1537 г. в Литву²⁵⁷. В марте 1542 г. в боярскую комиссию для переговоров с очередным литовским посольством были включены дьяки Елизар Цыплятев, Третьяк Раков и Григорий Захарьин (Гнилевский), а в состав ответной миссии, отправившейся в июне того же года к польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду, входил дьяк Федор Никитич Губин Моклоков²⁵⁸.

Представляет интерес *порядок* упоминания дьяков на дипломатических приемах. Так, в посольской книге 1533—1538 гг. Ф. Мишуриной неизменно упоминается *после* Г. Н. Меньшого Путятин; если же на церемонии присутствовал или в переговорах участвовал «старый» дьяк Е. И. Цыплятев, то именно его имя называется первым, а далее следуют Путятин и Мишурина²⁵⁹. Та же дьяческая иерархия отразилась и в процитированном выше отрывке Повести о смерти Василия III, где описывается «дума» больного государя с боярами на Волоке: список дьяков и здесь открывается Елизаром Цыплятевым, вслед за которым идут Афанасий Курицын, Меньшой Путятин и Третьяк Раков²⁶⁰. Наконец выясняется, что уже неоднократно упоминавшиеся псковские перебежчики на допросе у полоцкого воеводы в сентябре 1534 г. отнюдь не в произвольном порядке перечислили дьяков, которые вместе с боярами и дворецкими «всякий дела справуютъ»: и здесь первым оказался Е. Цыплятев, а вторым — А. Курицын. Третьим в списке дьяков фигурирует Третьяк Раков — возможно, потому, что Меньшой Путятин, чье место он, по-видимому, занял, был в тот момент отдан на поруки и упоминается отдельно. Федор Мишурина в этом перечне оказался пятым, перед замыкающим список дьяком Григорием Загрязским²⁶¹.

Можно заметить, что эта местническая иерархия дьяков более или менее точно соответствовала служебному стажу каждого из них и, в особенности, времени получения дьяческого чина: по данным,

²⁵⁶ См. подробнее: Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. Справочник / Сост. В. И. Савва. М., 1983. С. 74—80, 84—88.

²⁵⁷ Сб. РИО. Т. 59. С. 109 и сл. Дата возвращения посольства указана в летописи: ПСРЛ. Т. 29. С. 30.

²⁵⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 152—154, 171.

²⁵⁹ Там же. С. 2, 17, 31, 46, 66, 70.

²⁶⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 268.

²⁶¹ РА. № 46. С. 116—117.

собранным А. А. Зиминим, Е. И. Цыплатев, чья карьера началась еще при Иване III, упоминается с дьяческим чином с 1510 г., Меньшой Путятин — с 1514—1515 гг., Афанасий Курицын — с 1520 г., Третьяк Раков — с 1522 г., Федор Мишурин — с 1525 г., а о дьячестве Г. Загрязского ранее 30-х гг. сведений нет²⁶². Единственное видимое исключение — более высокий местнический статус А. Курицына по сравнению с Меньшим Путятиным при меньшем чиновном стаже первого из них — возможно, просто объясняется неполнотой данных, имеющихся в нашем распоряжении.

Но местнический статус не всегда соответствовал реальному влиянию того или иного дьяка при дворе. Как мы видели, Федор Мишурин по стажу службы считался «молодым» дьяком и на официальных приемах должен был занимать место «ниже» ряда других дьяков. (Точно так же князь Иван Федорович Овчина Оболенский, как было показано выше в третьей главе, даже став фаворитом правительницы, вынужден был довольствоваться вторыми ролями во время публичных церемоний.) В действительности, однако, Мишурин был, пожалуй, самым могущественным дьяком периода правления Елены Глинской. В частности, именно в его руках находился контроль над поземельными отношениями в стране.

Федор Мишурин был основным исполнителем масштабной канцелярской операции по подтверждению прежних жалованных грамот от имени нового государя, Ивана Васильевича «всея Руси». По имеющимся у нас, заведомо неполным данным, с января 1534 по июль 1538 г. Ф. Мишурин скрепил своей подписью около 100 грамот (см. Прил. II). Чтобы крупнейшей корпорации — Троице-Сергиеву монастырю — не пришлось долго ждать своей очереди, десятки грамот этой обители в один день, 9 февраля 1534 г., подтвердил другой дьяк — Афанасий Курицын (см. там же).

Исполнение последней воли Василия III, завещавшего нескольким обителям села на помин своей души, также было поручено Федору Мишурину. 24 мая 1535 г. подьячему Давиду Зазиркину была послана указная грамота от имени Ивана IV с распоряжением: описать в Радонежском уезде село Тураково с деревнями, а в Суздальском уезде — село Романчуково, которые были завещаны покойным Василием III соответственно Троице-Сергиеву и Покровскому девичьему монастырям. Измеренные и описанные земли и угодья следовало занести в «список», который подьячий должен

²⁶² Зимин А. А. Дьяческий аппарат. С. 237, 245, 253, 263, 265, 277.

был привезти в Москву и отдать «дьяку нашему Федору Мишури-ну»²⁶³. Грамотой от 22 сентября 1535 г. игумен Троице-Сергиева монастыря Иоасаф был извещен, что жалованную грамоту на село Тураково нужно взять у дьяка Ф. Мишурина²⁶⁴.

В сохранившихся документах имя Федора Мишурина нередко встречается рядом с именем «большого» дворецкого кн. И. И. Кубенского. Так, 11 февраля 1534 г. дворецкий вынес приговор по тяжбе между слугами Ферапонтова монастыря и крестьянами Есюнинской волости, а судный список подписал дьяк Ф. Мишурин²⁶⁵. Два месяца спустя кн. И. И. Кубенскому было доложено аналогичное судебное дело по тяжбе приказчика Симонова монастыря Андрея с крестьянами деревни Великий Починок; 15 апреля дворецкий, огласив свое решение, приложил к судному списку печать, а Федор Мишурин скрепил его своей подписью²⁶⁶. Сохранился также подлинник жалованной грамоты тому же Симонову монастырю от 4 ноября 1535 г., на обороте которой есть помета о том, что этот документ приказал выдать дворецкий И. И. Кубенский, а ниже стоит подпись дьяка Ф. Мишурина²⁶⁷.

Основываясь на подобных фактах, С. Б. Веселовский пришел к выводу, что Ф. Мишурин был дворцовым дьяком²⁶⁸. С этим утверждением, однако, трудно согласиться. Во-первых, в источниках 30—40-х гг. XVI в. дворцовые дьяки никогда не смешиваются с великокняжескими дьяками, а к Федору Мишурину наименование «дворцовый» ни разу не прилагалось. Во-вторых, компетенция дворцовых дьяков, как мы вскоре убедимся, была значительно уже, а статус — ниже, чем у «ближних» государевых дьяков. Последние действовали вполне самостоятельно, зачастую не спрашивая указаний у дворецких или бояр. В частности, сохранились прямые свидетельства самоуправства Федора Мишурина. В жалованной грамоте Ивана IV В. Ф. Лелечину на село Дубовичи и деревню Маньясово от 28 января 1539 г. говорится, что упомянутые владения «отписал на меня, на великого князя, дияк наш Федор Мишурин в Резанском уезде, а сказал мне, великому князю, Василий Лелечин то село и деревню купил на Резани». На самом же деле, как выяснилось

²⁶³ ОАСУ. № 23. С. 29—30.

²⁶⁴ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 18 об.

²⁶⁵ РИБ. Т. 32. № 131. Стб. 236.

²⁶⁶ АФЗХ/АМСМ. № 46. С. 51.

²⁶⁷ Там же. № 51. С. 56.

²⁶⁸ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 344.

впоследствии, «Василей того села и деревни на Резани не купил»: они достались ему как приданое его жены Богданы, дочери Хера Зеновьева²⁶⁹. Столь же решительно вмешивался Ф. Мишурин и в церковное землевладение, и, по-видимому, с его инициативой следует связать предпринятую в середине 30-х гг. попытку ограничения покупки монастырями земель у служилых людей, о которой пойдет речь в следующей главе.

Самоуправство влиятельного дьяка сходило ему с рук, пока оно оставалось в привычных рамках административно-хозяйственной деятельности, но первая же попытка Федора Мишурина вмешаться в борьбу придворных группировок и повлиять на раздачу думных чинов стоила ему головы: 21 октября 1538 г. он был казнен по приказу князей Шуйских и их сторонников²⁷⁰.

Как показывает приведенный выше материал, государевы «большие» дьяки не имели какой-то определенной специализации. Тот же Федор Мишурин участвовал в дипломатических переговорах, подписывал жалованные грамоты и судные списки, контролировал земельные сделки. Сказанное относится и к другим дьякам, о которых псковские перебежчики говорили в сентябре 1534 г., что они «на Москве... всякии дела справуютъ». Так, Елизар Цыплятев, помимо активного участия в переговорах с приезжавшими в Москву литовскими посольствами, ведал разрядными делами, т.е. учетом ратной и придворной службы детей боярских и дворян. В посольской книге отмечено, что во время приема литовских послов 14 января 1537 г. у государя «в избе» находились бояре, окольничие и дворецкие, «которые живут в думе, и дети боярские прибыльные, которые в думе не живут; а писаны те дети боярские у *наряду, у дьяков, у Елизара Цыплятева с товарищы*»²⁷¹ (выделено мной. — М. К.).

Н. П. Лихачев опубликовал отрывок из разрядных книг частной редакции, в котором упоминается о службе «в разрядах» дьяков Е. Цыплятева, А. Курицына и Г. Загрязского: «Того ж 7043 лета и 7044 и 7045 годов на Москве в разрядах Елизарей Цыплетев да Афонасей Курицын да Григорей Загрязской, да у них в розрядах подъячей Леонтей да Иван Вырубовы»²⁷². Исследователи по-разному оценивали достоверность и информативность приведенной записи.

²⁶⁹ АСЗ. М., 2002. Т. III. № 490. С. 408.

²⁷⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 34. Подробнее см. выше, гл. 5.

²⁷¹ Сб. РИО. Т. 59. С. 65.

²⁷² Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 80 (правый столбец).

Сам Н. П. Лихачев считал ее вполне заслуживающей доверия и видел в ней отражение полного состава Разрядного приказа²⁷³. А. К. Леонтьев также отнесся с доверием к этой записи, назвав ее «ценным свидетельством» произошедшего к 30-м гг. XVI в. перехода «от системы кратковременных поручений дьякам в области разрядного делопроизводства к их ведомственной специализации, завершившейся образованием особого разрядного ведомства (Разряд), во главе которого встал думный дьяк Е. Цыплятев “с товарищи”...»²⁷⁴. А. А. Зимин, напротив, считал сведения частной редакции разрядных книг о «сидении» в разрядах в 1534—1537 гг. трех упомянутых дьяков сомнительными и не вполне достоверными²⁷⁵.

На мой взгляд, информативная ценность опубликованной Н. П. Лихачевым поздней разрядной записи весьма невысока. Подтверждается только факт выполнения в 30-е гг. разрядных функций Е. И. Цыплятевым (см. приведенную выше цитату из посольской книги от 14 января 1537 г.) и Афанасием Курицыным: в разрядной книге упомянут «наказ», с которым осенью 1534 г., перед началом похода в Литву, был послан к стоявшим в Можайске воеводам дьяк Афанасий Федоров сын Курицына²⁷⁶. О разрядной деятельности Г. Д. Загрязского никаких данных нет. Более того, хронология разрядной службы трех названных дьяков в процитированной выше поздней «памяти», попавшей в частную редакцию разрядных книг, столь же ненадежна, как и даты пожалования дворцовых чинов XVI в. в составленных в следующем столетии росписях. Е. Цыплятев и А. Ф. Курицын еще при Василии III ведали службой детей боярских и выдавали кормленные грамоты²⁷⁷; они продолжали исполнять эти функции и при юном Иване IV, по крайней мере до конца 30-х гг.²⁷⁸

Что же касается приведенного выше утверждения А. К. Леонтьева о том, что якобы уже к 1530-м гг. произошел переход к ведомственной специализации разрядных дьяков и появилось само

²⁷³ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 80, 123.

²⁷⁴ Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления. С. 95.

²⁷⁵ Зимин А. А. Дьяческий аппарат. С. 237, 246, 278.

²⁷⁶ РК 1598. С. 86.

²⁷⁷ См.: Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления. С. 87—88.

²⁷⁸ См. кормленную грамоту кн. И. Ф. Горчакову Перемышльскому, которая была подписана около 1539 г. дьяком Цыплятевым (очевидно, Елизаром) с продлением на год, от 9 марта 1539-го до 28 февраля 1540 г.: АСЗ. Т. I. № 63. С. 53.

учреждение (Разряд), то, по-видимому, здесь мы имеем дело с крайностями институционального подхода, господствовавшего до недавнего времени в отечественной историографии. На самом деле все, что мы знаем о деятельности Цыплятева и Курицына, не позволяет говорить об исключительно «ведомственной» специализации обоих дьяков: как было показано выше, первый из них совмещал исполнение разрядных функций с активным участием в дипломатических переговорах, а второй в начале 1534 г. занимался подтверждением монастырских жалованных грамот (вместе с Ф. Мишуриным). К этому следует добавить, что выражение «разрядные дьяки», как отмечает сам Леонтьев, впервые появляются в источниках только в 1563 г., а «Разрядная изба» — в 1566 г.²⁷⁹

Таким образом, в эпоху «боярского правления» особых «разрядных дьяков» (равно как и особых посольских дьяков) еще не было. В 1539 г. разрядные функции временно исполнял дьяк Третьяк Раков: в июне указанного года он посылался от имени великого князя к местничавшим воеводам в полки с увещеванием — отложить счета до окончания службы²⁸⁰. По-видимому, это поручение осталось кратким эпизодом в карьере Матвея Третьяка Михайлова сына Ракова: в 1537—1542 гг. он в основном упоминается в связи с участием в приемах литовских послов²⁸¹.

В 40-е гг. XVI в., согласно собранным А. К. Леонтьевым данным, разрядные функции выполняли дьяки Иван Курицын, Иван Цыплятев (сын упомянутого выше Елизара) и Иван Бакака Карачаров²⁸². Но, помимо разрядной деятельности, они занимались и другого рода делами. Так, подпись Ивана Курицына сохранилась на докладной купчей (сделка была доложена окольным И. И. Беззубцеву) М. М. Тучкова на половину сельца Ефимьева в Костромском уезде²⁸³. Следовательно, этот дьяк участвовал в контроле над поземельными сделками. Иван Елизаров сын Цыплятев не только подтвердил в 1546/47—1547/48 гг. несколько кормленных грамот²⁸⁴, что входило в обязанности разрядных дьяков, но и скрепил своей подписью в апреле 1547 г. (вместе с дьяками Борисом Ивановым и Семеном Мишуриным) жалованную грамоту Ивана IV

²⁷⁹ Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления. С. 87.

²⁸⁰ РК 1598. С. 96.

²⁸¹ Сб. РИО. Т. 59. С. 65, 67, 102, 146, 166, 194.

²⁸² Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления. С. 95—97.

²⁸³ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кострома. № 39/5006.

²⁸⁴ АСЗ. Т. IV. № 166, 454, 456. С. 128, 335, 336.

Александро-Свирской пустыни²⁸⁵. Наконец, Иван Бакака Карачаров совмещал выполнение разрядных функций с активной дипломатической деятельностью: в 1542 и 1549 гг. он участвовал в приеме литовских послов, а затем в составе посольства М. Я. Морозова ездил в Литву²⁸⁶.

* * *

Наряду с великокняжескими дьяками источники 30—40-х гг. XVI в. знают еще одну категорию приказных людей — *дворцовых* дьяков. Последние не обладали авторитетом и самостоятельностью государевых «ближних» дьяков; в своей деятельности они непосредственно подчинялись дворецким, о чем сохранилось прямое свидетельство. На обороте духовной памяти П. М. Молечкина (1523/24 г.) сделана характерная помета: «Лета 7042-го, марта 20 второй день сю духовную грамоту Петра Мотфеева сына Молечкина по дворецкого приказу Ивана Юрьевича Поджогина дворцовый дьяк Поспел Неклюдов Лебедева выдал Петровой жене Алене и руку свою к сей духовной грамоте приложил»²⁸⁷ (выделено мной. — М. К.).

Круг обязанностей дворцовых дьяков ограничивался рамками дворцового ведомства. Показательно, что никто из них не участвовал в переговорах с иностранными представителями, хотя они нередко назначались приставами, которые должны были «беречь» послов и снабжать их продовольствием («кормом») ²⁸⁸. Угощение, которое от государева имени доставляли послам, также подлежало учету в дворцовом ведомстве²⁸⁹.

²⁸⁵ Архив СПб. ИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 36 об. — 42 об. (дьячие подписи на ставах: л. 42 об.). Грамота опубли.: Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941. № 62. С. 151—154.

²⁸⁶ Сб. РИО. Т. 59. С. 148, 269, 287, 309, 331.

²⁸⁷ АФЗХ. Ч. II. № 91. С. 88. Духовная покойного мужа была возвращена Алене вместе с его вотчиной, отписанной после смерти П. М. Молечкина (1531/32 г.) на государя. Дело было пересмотрено тверским дворецким И. Ю. Шигоней Поджогинным в пользу вдовы уже при новом великом князе, Иване IV, в марте 1534 г. (см.: Там же).

²⁸⁸ В январе 1537 г. одним из приставов у литовских послов был дворцовый дьяк Темир Мишурин; в марте 1542 г. аналогичное поручение выполнял дворцовый дьяк Юрий Данилов сын Звягин (Сб. РИО. Т. 59. С. 64, 145).

²⁸⁹ См., например, запись в посольской книге (январь 1537 г.): «А что Иван [Тучков. — М. К.] возил от великого князя послом ествы и питья, и то писано у дворетцкого болшего у князя Ивана у Кубенского и у дьяков, у Бакаки Карачарова и у Обрюты Мишурина» (Там же. С. 67).

Дворцовый дьяк Гаврила Щенок Васильев сын Белого принимал участие в декабре 1546 — январе 1547 г. в организации смотра невест для Ивана IV²⁹⁰. Дьяки дворцового ведомства сопровождали царя в походах²⁹¹. Но все же чаще они упоминаются в источниках в связи с поземельными делами. Так, дворцовый дьяк Иван Третьяк Михайлов сын Дубровин в 1541/42 г. описывал вместе с писцами кн. Р. Д. Дашковым и Ф. Г. Адашевым Московский уезд²⁹². В июне 1536 г. дьяк Новгородского дворца Никита Великий вместе с великокняжеским дьяком Фуником Курцевым и конюхом Бундом Быкасовым отписывали на государя у монастырей и церковей пожни, на которые у владельцев не было жалованных грамот и которые не были записаны в писцовых книгах²⁹³. Другой новгородский дворцовый дьяк, Дмитрий Тимофеев сын Скрипицын, распоряжался в начале 40-х гг. предоставлением земель и угодий на оброк²⁹⁴.

Еще один пример специализации на определенных видах административной деятельности являли собой *ямские* дьяки: они ведали дорогами и ямщиками и, помимо этих прямых обязанностей, выдавали полные и докладные грамоты на холопов²⁹⁵. Ямские дьяки подчинялись казначеям, но вот собственно *казенные* дьяки почти до самого конца изучаемой эпохи в источниках практически не встречаются. Это обстоятельство дало повод к недоразумениям. А. А. Зимин, по сути, отождествлял казенных дьяков с великокняжескими, противопоставляя им дворцовых дьяков²⁹⁶. Но с такой интерпретацией трудно согласиться. Как было показано выше, Федор Мишурин, самый влиятельный дьяк периода правления Елены Глинской, нередко выдавал грамоты вместе с дворецким кн.

²⁹⁰ Назаров В. Д. Свадебные дела XVI в. № 7, 8, 11. С. 119, 120.

²⁹¹ Так, в Казанском походе зимой 1547/48 г. царя сопровождали дворцовые дьяки Шестак Воронин и Гаврило Северицын: РК 1598. С. 115.

²⁹² См. выданную ими Троицкому слуге З. Руготину правую грамоту: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 531. Л. 100—102 об.

²⁹³ ПКНЗ. Т. I. С. 309, 328. Несколько лет эти пожни находились в ведении Новгородского дворца, а в 1539/40 г. по великокняжеской грамоте были переданы конюшему В. И. Шадрину (Там же. С. 351).

²⁹⁴ ПКНЗ. М., 2004. Т. 4. С. 483; Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. II. С. 383.

²⁹⁵ Сведения о ямских дьяках XVI в. собраны и обстоятельно проанализированы: Колычева Е. И. Полные и докладные грамоты XV—XVI веков // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 72—81.

²⁹⁶ Зимин А. А. Дьяческий аппарат. С. 284—285.

И. И. Кубенским, а к Казне он никакого отношения не имел. Нет оснований считать казенными дьяками и других крупных приказных дельцов 30-х — начала 40-х гг.: Е. И. Цыплетева, А. Ф. Курицына, Т. М. Ракова.

Определенные указания на дьяков казенного ведомства появляются только во второй половине 40-х гг. XVI в. В оброчной грамоте игумену Павлова Обнорского монастыря Протасию на починки и займища в Комельской волости Вологодского уезда, выданной 29 января 1546 г. дьяками Постником Губиным и Одинцом Никифоровым, говорилось, что оброк надлежало «давати *великого князя в казну диаком Поснику Губину да Одинцу Никифорову...*»²⁹⁷ (выделено мной. — М. К.). 1546/47 годом датирована уже рассмотренная выше расписка дьяка Юрия Сидорова о приеме у игумена Спасо-Прилуцкого Вологодского монастыря Калистрата оброчных денег с мельничного места на р. Вологде и еза на р. Сухоне²⁹⁸. Очевидно, Юрий Сидоров выполнял функции казенного дьяка, но подписался он в этом документе просто как «дьяк», без определения «казенный».

Самое раннее известное мне упоминание «казенных дьяков» в источниках изучаемого времени относится к весне 1548 г.: 26 марта указанного года новгородский архиепископ Феодосий послал гостинцы («угорские» золотые) высокопоставленным лицам в Москве, в том числе семи дьякам и семи «*казенным дьякам*». В числе последних встречаем знакомые уже нам имена: Одица Никифорова и Постника Губина; здесь же упомянуты Макар (очевидно, Макарий Федоров сын Рязанов, о принадлежности которого к казенному ведомству уже шла речь выше), Никита Фуников (Курцев), Юрий Башенин, Дмитрий Горин²⁹⁹. Некоторое удивление вызывает появление в этом списке имени «Шонок»³⁰⁰: как мы помним, Гаврила Щенок Васильев сын Белого в начале января 1547 г. участвовал в организации смотрин невест для Ивана IV и в соответствующих документах именовался дворцовым дьяком³⁰¹. Возможно, за год, прошедший с момента царской свадьбы до марта 1548 г., когда архиепископ Феодосий отправлял в столицу свои дары, дьяк Гаврила Белый перешел на службу в казенное ведомство (если толь-

²⁹⁷ Каштанов С. М. ИРСИ. Прил. III. № 11. С. 154.

²⁹⁸ АЮ. № 208/1. С. 218.

²⁹⁹ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Назаров В. Д. Свадебные дела XVI в. № 8, 10, 11. С. 119, 120.

ко при составлении списка дьяков в архиепископской канцелярии в данном случае не была допущена ошибка).

Выделение во второй половине 1540-х гг. особой группы казенных дьяков нельзя не поставить в связь с отмеченным выше ростом значения Казны и расширением ее компетенции в указанный период. Если за время правления Елены Глинской казначеи вообще ни разу не упоминаются в сохранившихся источниках, то в 40-е гг. наблюдается неуклонная «экспансия» Казны в судебной и административной сфере. Соответственно должен был увеличиться и штат этого ведомства. Показательно, в частности, что дьяк Федор Никитич Губин Моклоков (по прозвищу Постник), который в начале 40-х гг. не исполнял никаких финансовых функций и подвизался главным образом на дипломатическом поприще, во второй половине 40-х перешел в штат Казны и стал одним из виднейших казенных дьяков.

* * *

Один из вопросов, доставшихся нынешним исследователям в «наследство» от предшествующей историографии, — это вопрос о возможной связи изменений в составе дьяческой верхушки изучаемого времени с перипетиями придворной борьбы. Трагический финал карьеры Ф. М. Мишурина осенью 1538 г. навел историков на мысль о том, что смерть Елены Глинской повлекла за собой радикальные перемены в составе столичного дьячества. Так, по словам А. К. Леонтьева, «реакционные бояре, совершившие в 1538 г. государственный переворот, поспешили расправиться с особо ненавистными им лицами из прежнего правительства»: дьяк Федор Мишури́н был казнен, а «дьяки, сидевшие до переворота в Разряде, были отстранены от активной политической деятельности»³⁰². Правда, в примечании к этому пассажиру исследователь, ссылаясь на сохранившиеся документы, сделал оговорку о том, что А. Курицын «еще некоторое время продолжал работать в штате Дворца», а Е. Цыплятев в 1542 г. на какой-то момент вернулся к политической деятельности³⁰³. Но уже на следующей странице Леонтьев, не замечая противоречия в своих построениях, продолжил рассуждение о возможных политических причинах «опалы», постигших дьяков

³⁰² Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления. С. 92.

³⁰³ Там же, прим. 64.

Е. Цыпляева, А. Курицына и Г. Загрязского в 1538 г. после прихода к власти боярских группировок Бельских и Шуйских³⁰⁴.

Политическую подоплеку в смене дьяческой верхушки склонен был усматривать и А. А. Зимин. По его мнению, исчезновение сведений об А. Курицыне после 1537 г., «очевидно», было связано «с торжеством Бельских и Шуйских после смерти Елены Глинской в 1538 г.»³⁰⁵. Подводя итог своим наблюдениям над эволюцией дьяческого аппарата в конце XV — первой трети XVI в., исследователь писал: «Изменения в составе ведущей части дьяков отражают перемены в политической линии правительства»³⁰⁶. Конкретизируя этот вывод применительно к периоду «боярского правления», Зимин отметил, что в те годы были отстранены от власти все дьяки, занимавшие ключевые позиции при великокняжеском дворе в конце правления Василия III: Ф. Мишури казнен в 1538 г.; сведения об А. Курицыне обрываются на 1537 г., о М. Путятине — на 1541 г., Е. Цыпляеве и Т. Ракове — на 1542 г.³⁰⁷

Однако эта устоявшаяся историографическая схема основывается на ряде произвольных допущений и не соответствует известным в настоящее время фактам. Начнем с того, что при заведомой неполноте нашей источниковой базы отсутствие сведений о том или ином дьяке за определенные годы никак не может свидетельствовать о его опале. Кроме того, необходимо сделать фактическое уточнение: сведения об Афанасии Курицыне вовсе не обрываются на 1537 г., как утверждал Зимин: последнее упоминание об этом дьяке относится к 12 января 1541 г., когда он подписал старую (1430-х гг.) жалованную грамоту Василия II Троице-Сергиеву монастырю на право рыбной ловли в озерах Переславском и Соминском³⁰⁸. Таким образом, все «ближние» дьяки Василия III, за исключением Федора Мишурина, благополучно пережили дворцовый переворот осени 1538 г. Об опале кого-либо из них (с тем же единственным исключением) в источниках не говорится ни слова.

Не соответствует действительности и утверждение А. К. Леонтьева об «отстранении» Е. Цыпляева от службы в Разряде в 1538 г.

³⁰⁴ Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления. С. 93.

³⁰⁵ Зимин А. А. Дьяческий аппарат. С. 246.

³⁰⁶ Зимин А. А. Там же. С. 286.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 92. С. 76. На этот факт впервые обратил внимание Леонтьев (Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления. С. 92, прим. 64).

и временном его возвращении к активной деятельности в 1542 г.: на самом деле Елизар Иванович продолжал какое-то время выполнять разрядные функции и после 1538 г., о чем свидетельствует его подпись на кормленной грамоте кн. И. Ф. Горчакову Перемышльскому с продлением ее на год от 9 марта 1539-го до 28 февраля 1540 г.³⁰⁹

Впрочем, одно изменение в дьяческой верхушке после октябрьского переворота 1538 г. все-таки можно заметить, но оно носило совершенно другой характер, чем предполагали сторонники приведенной выше версии о «политических чистках» в правительственном аппарате в годы «боярского правления». Дело в том, что подтверждение прежних жалованных грамот монастырям, которое в 1534—1538 гг. находилось в руках Федора Мишурина, после его казни перешло к Меньшому Путятину: уже в декабре 1538 г. этот дьяк скрепил своей подписью подтверждение жалованной грамоты Василия III Спасскому Ярославскому монастырю от 1511 г.³¹⁰ В январе 1539 — марте 1540 г. Меньшой Путятин подтвердил еще ряд жалованных грамот (см.: Прил. II). Таким образом, он вернул себе эту важную административную функцию, от которой его временно оттеснил в 1534 г. Федор Мишурин: факт, косвенно подтверждающий наличие скрытого соперничества между этими дьяками. Но Меньшой Путятин в конце правления Василия III пользовался наибольшим доверием государя, поэтому его возвращение к активной делопроизводственной деятельности на рубеже 30—40-х гг. лишь подчеркивает несостоятельность версии о якобы произошедшем после смерти Елены Глинской отстранении от кормила власти помощников ее покойного мужа. Сама эта версия является отголоском мифа о борьбе в правящих верхах между «сторонниками централизации» и «силами реакции» — мифа, который уже можно считать перевернутой страницей отечественной историографии.

Нет ничего удивительного в том, что старое поколение дьяков сходит со сцены в начале 1540-х гг., ведь за плечами каждого из них было по несколько десятков лет службы. Так, Афанасий Федоров сын Курицын к моменту его последнего упоминания в источниках (январь 1541 г.) отслужил в дьяках уже более 20 лет³¹¹. Чиновный стаж любимца Василия III — дьяка Григория Меньшого Никити-

³⁰⁹ АСЗ. Т. I. № 63. С. 53.

³¹⁰ ИАЯСМ. № IV. С. 5—6.

³¹¹ Впервые упомянут в 1520 г. и сразу — с дьяческим чином (*Зимин А. А. Дьяческий аппарат. С. 245*). Начальный этап карьеры А. Ф. Курицына по источникам не прослеживается.

на сына Путятина ко времени окончания его карьеры составлял не менее 30 лет³¹². Он отошел от дел незадолго до смерти: 27 июня 1541 г. Меньшой Путятин подписал судный список по делу о беглой «робе» Михаила и Петра Приклонских, по которому вынес приговор боярин и дворецкий кн. И. И. Кубенский³¹³, а 7 декабря того же года дьяк сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь³¹⁴. Эта запись в монастырской вкладной книге — последнее прижизненное упоминание Г. Н. Меньшого Путятина; вскоре его не стало: 12 февраля 1542 г. племянник дьяка внес вклад в ту же обитель по его душе³¹⁵.

Не стоит искать политическую подоплеку и в отставке старейшего дьяка Е. И. Цыплатева: к моменту, когда он последний раз упоминается на службе (во время приема литовских послов в марте 1542 г.³¹⁶), ему должно было быть никак не меньше 70 лет от роду!³¹⁷ Удалившись от дел, несколько лет старый дьяк провел на покое. Около 1546 г. он умер: 1546/47 годом датирована данная (вкладная) на вотчину Е. И. Цыплатева, которую его сын Иван Елизаров вместе с другими душеприказчиками (кн. К. И. Курлятевым, А. А. Квашниным и дьяком Постником Губиным) отдал по завещанию отца в Кирилло-Белозерский монастырь³¹⁸.

В марте 1542 г. во время переговоров с литовскими послами вместе с Е. И. Цыплатевым последний раз в известных нам источниках упоминается и дьяк Третьяк (Матвей) Раков, причем в этих переговорах он сыграл одну из главных ролей³¹⁹. После этого Т. Раков исчезает из источников: была ли тому причиной болезнь или какие-то иные обстоятельства, за неимением данных судить сложно. К указанному моменту стаж его службы в дьяках, по имеющимся сведениям, составлял 20 лет³²⁰.

На смену старым дьякам, служившим еще Василию III, шло новое поколение приказных дельцов. На том же приеме литовского

³¹² Впервые упомянут (с чином подьячего) в 1510 г.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 263.

³¹³ АСЗ. Т. I. № 228. С. 202.

³¹⁴ ВКТСМ. С. 82.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Сб. РИО. Т. 59. С. 146, 152—153, 163.

³¹⁷ Е. И. Цыплатев начал служить еще при Иване III в 1480-х гг.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 277.

³¹⁸ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Белоозеро. № 93/794.

³¹⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 146—148, 151—154, 166—167.

³²⁰ Впервые упомянут в 1522 г., уже с дьяческим чином: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 265. Начальный этап его карьеры в источниках не отражен.

посольства в марте 1542 г., в котором последний раз в своей карьере участвовали Е. И. Цыпляев и Т. Раков, впервые с дьяческим чином упоминается Постник (Федор) Никитин сын Губин Моклоков³²¹: вскоре, в июне того же года, он вместе с боярином В. Г. Морозовым и дворецким Ф. С. Воронцовым был отправлен с дипломатической миссией в Литву³²², а во второй половине 40-х гг. служил в казенном ведомстве. Перемирную грамоту с Литвой по итогам мартовских переговоров 1542 г. писал подьячий Иван Михайлов сын Висковатого³²³ — будущий глава Посольского приказа³²⁴.

В середине 40-х гг. большое влияние на юного государя приобрел дьяк Василий Григорьев сын Захаров-Гнильевский. Именно он во время пребывания Ивана IV летом 1546 г. в Коломне «оклеветал ложными словесы», как говорит летописец, бояр кн. И. И. Кубенского, Ф. С. Воронцова и дмитровского дворецкого В. М. Воронцова: 21 июля 1546 г. они были казнены³²⁵.

Упомянутый эпизод был уже не первым случаем участия великокняжеских дьяков в придворных интригах (можно вспомнить и выдачу на поруки Меньшого Путятина в августе 1534 г., и расправу с Федором Мишуриным в октябре 1538 г.). Но только один дьяк — все тот же Ф. Мишурин — пал жертвой дворцового переворота. Как было показано выше, никакие массовые чистки дьяческого аппарата за все беспокойные годы «боярского правления» ни разу не предпринимались. Одно из возможных объяснений этого кажущегося парадокса было предложено в свое время Н. П. Лихачевым: «От соперничества с классом коренных думцев (боярство) дьяки были спасены своей неродословностью»³²⁶. По-видимому, дьяки, как и казначеи, не рассматривались придворной знатью в качестве опасных соперников в местнической борьбе, и им была предоставлена определенная свобода действий, но только до той поры, пока они не переходили грани дозволенного. Эту грань как раз и перешел Федор Мишурин, когда он взялся советовать, кому следует дать чины боярина и окольничего. Подобная дерзость стоила ему головы.

К сказанному следует добавить, что дьяческая верхушка многими узами была связана с придворной аристократией и руковод-

³²¹ Сб. РИО. Т. 59. С. 146.

³²² Там же. С. 171 и сл.

³²³ Там же. С. 166.

³²⁴ Его биографию см.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.

³²⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 48.

³²⁶ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 549.

ством дворцового ведомства. Ценную информацию на сей счет содержат частные акты — духовные и данные (вкладные) грамоты 30—40-х гг. XVI в. Так, в завещании кн. М. В. Горбатого (1535 г.) упомянуто пятеро дьяков и двое подьячих: дьяк Никифор Казаков и подьячий Алексей Ефимов одолжили боярину в свое время соответственно 5 и 10 рублей; дьяк Колтыря Раков преподнес ему опашень с драгоценными пуговицами, а дьяки Темир Мишурин и Поспел Лебедев предоставили коней для боярской конюшни. Дьяка Третьяка Ракова кн. М. В. Горбатый назначил одним из своих душеприказчиков и завещал ему песцовую шубу, крытую желтым бархатом. А саму духовную грамоту писал подьячий Алексей Семенов сын Яковля³²⁷.

Двух дьяков находим и среди кредиторов могущественного дворецкого И. Ю. Шигоны Поджогина (1541 г.): Третьяку Ракову Шигона был должен 4 рубля, а Фунику Курцеву — 5 рублей; своими душеприказчиками Иван Юрьевич назначил кн. А. Д. Ростовского, казначея И. И. Третьякова и дьяка Ивана Никифоровича Одина (Дубенского)³²⁸.

Не менее показателен и следующий пример: в 1544/45 г. Иван Иванович Хабаров, в недавнем прошлом — тверской дворецкий, вскоре ставший боярином и дворецким Большого дворца, дал в Троице-Сергиев монастырь в качестве вклада свою вотчину — село Образцово Боровского уезда. На данной (вкладной) грамоте, оформившей этот акт, подписались послухи — великокняжеские дьяки В. И. Рахманинов, Н. Фуников Курцев, В. Б. Колзаков и Д. Ф. Горин³²⁹. Саму грамоту писал Иван Кожух Григорьев сын Кроткого, который в начале 50-х гг. стал видным казенным дьяком.

Как видим, дьяки и подьячие сумели найти свою нишу в придворном обществе: в их услугах нуждались, их помощь ценили. В целом положение дьячества в 30—40-е гг. было гораздо устойчивее, чем у бояр-аристократов, вовлеченных в непримиримую местническую борьбу. Сравнительная автономия делопроизводственной сферы, естественная смена поколений приказных дельцов, среди которых было немало семейных династий (Курицыны, Курцевы, Мишурины, Путятины, Цыплятевы и др.), — все это способствовало стабильной работе правительственного аппарата даже в эпоху дворцовых переворотов.

³²⁷ АСЕМ. № 35. С. 90—91, 93.

³²⁸ *Маштафаров А. В.* Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1541 года. С. 34, 37.

³²⁹ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Боровск. № 6/604. Подл.

Глава 10

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ В 30—40-Е ГГ. XVI В.

Под социальной политикой (применительно к изучаемому времени термин, конечно, условный) я понимаю политику властей по отношению к различным слоям населения (или, как говорили в Московской Руси, «чинам»): духовенству, дворянам и детям боярским, посадским людям.

В первую очередь нас будет интересовать логика и последовательность предпринятых в годы «боярского правления» мер: можно ли говорить о некоем целенаправленном курсе властей в отношении, например, монастырского землевладения, и если да, то как менялся этот курс на протяжении изучаемого времени? Какие цели преследовали власти при проведении поместного верстания конца 30-х — начала 40-х гг. XVI в. или интенсивного городского строительства в годы правления Елены Глинской? Подобные вопросы как раз и помогают понять, в какой мере лица, принимавшие решения, осознавали интересы тех или иных формирующихся социальных групп и руководствовались ими в своей политике.

Особое внимание в данной главе будет уделено возможной связи проводимого курса с перипетиями придворной борьбы, взлетами и падениями тех или иных группировок: подобная связь нередко постулировалась исследователями, а между тем ее наличие нуждается в тщательной проверке.

1. ПРАВИТЕЛЬСТВО И МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Одной из первых акций новой великокняжеской власти после смерти Василия III стало подписание прежних жалованных грамот на имя юного Ивана IV. Самые ранние подтверждения датированы 20 января 1534 г. и относятся к грамотам Иосифо-Волоколамского монастыря (см.: Прил. II, № 7—9). С. М. Каштанов высказал предположение о том, что порядок подписания старых грамот на имя

нового государя в начале 1534 г. «определялся размерами землевладения и объемом иммунитета монастырей». В 20-х числах января, по наблюдениям ученого, «утверждались грамоты наиболее привилегированного духовного вотчинника» — Иосифо-Волоколамского монастыря, в феврале — грамоты трех других крупнейших монастырей — Кирилло-Белозерского, Троице-Сергиева, Московского Симонова. В марте 1534 г., как отмечает Каштанов, состоялось подтверждение жалованных грамот более скромных обитателей: Троицкого Белопесоцкого, Печерского Воздвиженского, Московского Чудова, Рязанского Покровского и Спасского Ярославского монастырей. «В этой очередности подписания иммунитетных актов, — по мнению историка, — отразился характер феодального общества XVI в., в котором политическое значение непосредственно базировалось на размерах земельной собственности»¹.

Правда, от внимания С. М. Каштанова не укрылся тот факт, что целый ряд подтверждений начала 1534 г. не вписывается в предложенную им схему. Так, 1 февраля 1534 г., т.е. в один день с грамотами могущественного Кирилло-Белозерского монастыря, на имя Ивана IV было подписано несколько грамот небольших вологодских монастырей — Спасо-Каменного и Комельского (см.: Прил. II, № 19—22). 5 февраля — на несколько дней раньше, чем началось подтверждение многочисленных актов Троице-Сергиева монастыря, — получил подтверждение трех своих грамот Спасо-Прилуцкий Вологодский монастырь (Там же. № 30—32).

Комментируя подобные факты, Каштанов объяснял «внеочередное», по его выражению, подтверждение жалованных грамот сравнительно мелким корпорациям «беспокойством» правительства по поводу следов «прежней автономии», сохранившихся в «ликвидированных удельнокняжеских гнездах» в Вологодском, Углицком и Ржевском уездах — именно там располагались монастырские вотчины, владение которыми было подтверждено в начале 1534 г. «В центре внимания внеочередных подтверждений, — утверждал ученый, — оказались грамоты главным образом на земли, являвшиеся объектом притязаний Андрея Старицкого»².

В одной из предыдущих глав книги (см. гл. 7) уже отмечалась недостаточная обоснованность столь прямолинейной политизации поземельных отношений в России описываемого времени. Детальное рассмотрение процедуры подтверждения грамот в начале 1534 г.

¹ Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 304.

² Там же. С. 305.

дает еще один наглядный пример уязвимости гипотезы, выдвинутой Каштановым.

Начну с информации, которая осталась неизвестной Каштанову: уже 20 января 1534 г., в один день с Иосифо-Волоколамским монастырем, получил подтверждение прежней жалованной грамоты (выданной в 1511 г. Василием III) Федоровский Переславский монастырь (Прил. II, № 10)³. Таким образом, «вне очереди», если использовать термин Каштанова, жалованные грамоты подписывались и тем небольшим обителям, которые находились за пределами названных ученым трех уездов. Между тем Переславский уезд, в котором располагался Федоровский монастырь, вовсе не являлся объектом притязаний Андрея Старицкого, и упомянутое подтверждение монастырской грамоты никак не удастся связать с пресловутой «ликвидацией удельно-княжеских гнезд».

Но и те грамоты, на которые ссылается Каштанов, на проверку отнюдь не свидетельствуют в пользу его гипотезы. В частности, обращают на себя внимание две жалованные грамоты Василия III соответственно Спасо-Каменному и Корнильеvu Комельскому монастырям, подтвержденные в один день — 1 февраля 1534 г. Первая из них, проезжая грамота от 1 февраля 1530 г., предоставляла братии право на беспошлинный проезд монастырского судна с товаром (см.: Прил. II, № 20). Вторая грамота — ружная от января 1529 г. — жаловала Корнильеvu монастырю ежегодно 5 рублей на покупку рыбы (Там же. № 21). Как видим, обе упомянутые грамоты небольшим вологодским монастырям не содержали какой-либо четкой территориальной привязки, и их подтверждение 1 февраля 1534 г. никак нельзя без явной натяжки считать инструментом правительственной борьбы с удельной стариной.

При ближайшем рассмотрении оказывается, таким образом, что никакой установленной правительством «очереди» на подтверждение грамот не существовало⁴. Во всяком случае, из сохранившегося актового материала никак не следует, будто крупные монастырские

³ В подлиннике грамоты Федоровскому монастырю дата подтверждения стерлась, но в 2001 г. ее удалось прочитать в Кодикологической лаборатории РНБ. Благодарю за помощь в этой работе сотрудника лаборатории Д. О. Цыпкина.

⁴ Этот вывод необходимо подчеркнуть, поскольку в литературе получил распространение тезис С. М. Каштанова о существовании в 1534 г. среди монастырей-грамотчиков некой «очереди» на получение подтверждения. Так, Л. И. Ивина утверждает, что ранее Симонова монастыря (землевладение которого исследовательница изучала) были рассмотрены грамоты только «трех крупнейших монастырей: Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского и

корпорации обладали в этом отношении каким-либо преимуществом перед небольшими обителями. Как мы могли убедиться, и такие большие и влиятельные монастыри, как Иосифо-Волоколамский или Кирилло-Белозерский, и небольшие монастыри, вроде Федоровского Переславского или Вологодского Спасо-Каменного, получали подтверждения своих грамот в одни и те же дни.

Очевидно, что в этом вопросе инициатива принадлежала не правительству, а самим монастырским корпорациям: как только грамоты прежних государей доставлялись в Москву, начиналась процедура их рассмотрения и подписания на имя нового великого князя — Ивана IV.

Настоящее различие между монастырями — крупными и мелкими вотчинниками заключалось не в очередности рассмотрения их грамот, а в самом количестве оных: если небольшие монастыри или пустыни представляли на утверждение одну-две грамоты, то крупные корпорации извлекали из своих архивов и везли в Москву по десяти и более актов. В этом отношении вне конкуренции оказался Троице-Сергиев монастырь: только в один день, 9 февраля 1534 г., на имя Ивана IV было подписано 69 троицких актов (Прил. II, № 34—102)⁵. Чтобы ускорить обработку такой массы документов, рассмотрение троицких грамот было поручено особому дьяку — Афанасию Курицыну: именно его подпись стоит на всех 69 актах Сергиева монастыря, получивших подтверждение 9 февраля. Все остальные грамоты, прошедшие утверждение в 1534 г., скреплены подписью дьяка Федора Мишурина⁶.

Троице-Сергиева. Подтверждение грамот других более мелких монастырей произошло в марте—мае 1534 г.» (*Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979. С. 149). Последнее утверждение, сделанное со ссылкой на работу Каштанова, фактически неверно: как было показано выше, в самые первые дни подтверждения своих грамот получили наряду с крупными и несколько небольших монастырей.

⁵ М. С. Черкасова, исследовавшая землевладение Троицкого монастыря, почему-то насчитала всего 46 троицких актов, прошедших утверждение 9 февраля 1534 г., а ссылки дала на 45 грамот, из которых три (АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 322, 562; АРГ. М., 1975. № 85) указаны явно по ошибке, а одна (*Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. Ч. V. № 22. С. 383) получила подтверждение не 9 февраля, а 28-го, см.: *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996. С. 126 и прим. 130. В то же время исследовательница не учла более двух десятков троицких грамот, подписанных на имя Ивана IV 9 февраля 1534 г.

⁶ За одним исключением: на докладной купчей Троицкого Калязина монастыря на деревню Куничниково Дмитровского уезда от 1531/32 г., получи-

Но даже такая экстраординарная мера, как выделение троицким старцам особого дьяка для разбора их грамот, вряд ли позволила закончить эту кропотливую работу за один день: в 7-й главе я приводил аргументы в пользу предположения о том, что подготовленные подьячими документы какое-то время лежали, дожидаясь, пока дьяк их подпишет. Само подписание Афанасием Курицыным троицких жалованных грамот действительно могло состояться 9 февраля, но этой процедуре предшествовало их рассмотрение (слушание), которое, предположительно, заняло не меньше недели.

На этом, однако, подтверждение троицких актов не закончилось. 27—28 февраля на имя Ивана IV было подписано еще 7 жалованных грамот Сергиевой обители, в том числе шесть — выданных удельным дмитровским князем Юрием Ивановичем (арестованным 11 декабря 1533 г. опекунами юного государя) и одна — выданная Иваном III. На этот раз подтвержденные грамоты скрепил своей подписью дьяк Федор Мишурин (Прил. II, № 116—120, 123, 124).

С. М. Каштанов усмотрел в состоявшемся в конце февраля подтверждении грамот бывшего дмитровского князя некую политическую подоплеку. По предположению ученого, «в первое время после ликвидации Дмитровского удела правительство княгини решило не подтверждать жалованные грамоты Юрия». Об этом, по мнению Каштанова, свидетельствует тот факт, что в моменты подписания старых грамот монастырям Иосифо-Волоколамскому (конец января 1534 г.) и Троице-Сергиеву (9 февраля) акты, выданные Юрием, не подписывались. Интересы Иосифова монастыря были затем вполне удовлетворены за счет новых великокняжеских пожалований, зато Троицкий монастырь, по словам историка, «несомненно, употребил весь свой политический вес и все свое влияние, чтобы добиться подтверждения ряда жалованных грамот Юрия»⁷.

Думается, однако, что троицкому игумену и старцам вовсе не пришлось употреблять «все свое влияние», чтобы добиться подтверждения грамот дмитровского князя. Некоторые подробности, относящиеся к подписанию троицких актов в феврале 1534 г. и оказавшиеся вне поля зрения Каштанова, позволяют дать упомянутой задержке с подтверждением грамот князя Юрия Дмитровского бо-

вшей подтверждение от имени Ивана IV в марте 1534 г., стоит подпись дьяка Меньшого Путятина (см.: Прил. II, № 130).

⁷ Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 305.

лее прозаическое объяснение, не прибегая к поиску политических мотивов.

Прежде всего нужно отметить, что среди троицких актов, поданных дьяком Афанасием Курицыным 9 февраля 1534 г., была и указная грамота князя Юрия Ивановича Дмитровского от 9 января 1520 г. о невзимании явки за пользование лесом с крестьян принадлежавших Троице-Сергиеву монастырю прилуцких деревень и починков (см.: Прил. II, № 88). Таким образом, уже исходная посылка, на которой строится приведенная выше гипотеза Каштанова, содержит в себе фактическую неточность.

Кроме того, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в числе троицких актов, подписанных (уже дьяком Федором Мишуриным) в конце февраля 1534 г., была, наряду с грамотами бывшего дмитровского князя, и одна жалованная грамота Ивана III Троице-Сергиеву монастырю: проезжая грамота, датируемая 1462—1466 гг. (Прил. II, № 123). В этой связи возникает предположение, что в конце февраля прошли утверждение те троицкие акты, которые по каким-то причинам не были разысканы в монастырском архиве и не были доставлены в Москву к моменту первого подтверждения в начале того же месяца. Подобные случаи происходили и позднее: так, 12 января 1541 г. престарелый дьяк Афанасий Курицын подписал на имя Ивана IV жалованную грамоту Троицкому монастырю на право рыбной ловли в озерах Переславском и Соминском, выданную еще Василием II в 1430-х гг.! (Прил. II, № 191).

Вообще поэтапное, в несколько приемов, подтверждение грамот было характерно для всех крупных монастырей. Так, в архиве Иосифо-Волоколамского монастыря сохранилось всего 5 грамот, подтвержденных в 1534 г., но их подписание на имя Ивана IV растянулось на неделю, с 20 по 26 января (Прил. II, № 7—9, 11, 12). Подтверждение грамот Кирилло-Белозерского монастыря началось 28 января, когда было подписано три акта, и завершилось 1 февраля подписанием еще шести грамот (Там же. № 13—15, 24—29). Девять прежних жалованных грамот Симонова монастыря были подписаны на имя Ивана IV 25 февраля 1534 г., но спустя три месяца, 29 июня, была подтверждена еще одна грамота, выданная монастырю в 1462/63 г. Иваном III (Там же. № 107—115, 155).

Итак, как мы могли убедиться, искать политическую интригу в начавшемся в январе 1534 г. подтверждении жалованных грамот — дело бесперспективное. Конечно, в этой юридической операции принимали участие две стороны, но активность заметна

только со стороны монастырских властей, стремившихся получить от имени нового великого князя подтверждение своих вотчинных прав и привилегий. Со стороны же великокняжеского правительства эта деятельность предстает лишь в виде рутинной канцелярской работы, отличавшейся от подобных акций Ивана III и Василия III лишь своим масштабом: с января по октябрь 1534 г., по имеющимся у нас (вероятно, неполным) данным, было подтверждено 163 грамоты (см.: Прил. II). Эта работа продолжалась и в последующие годы, хотя и не столь активными темпами: к концу 1547 г. на имя Ивана IV было подписано еще не менее трех десятков грамот прежних государей (см.: Там же).

Приведенные цифры отражают возросший учет и контроль центральной власти за земельной собственностью (в данном случае — монастырской), что, в свою очередь, свидетельствует о дальнейшей бюрократизации управления страной. Но в содержательном плане то, что мы знаем о подтверждении жалованных грамот монастырям в 1534 г., не позволяет говорить о каком-то определенном правительственном курсе в отношении монастырского землевладения.

Как давно отмечено в литературе, грамоты прежних государей, подписанные на имя Ивана IV в 1534 г., подтверждались в полном объеме, без каких-либо ограничений или изъятий⁸. Дьяки Федор Мишури и Афанасий Курицын использовали краткую стандартную формулу подтверждения: «Князь великий Иван Васильевич всеа Руси по сей грамоте пожаловал... [далее следовало название монастыря и имя игумена или архимандрита] со всем по тому, как в сей грамоте написано [вариант: «...о всем по тому ж ходити, как в сей грамоте написано»], сее грамоты у них рушити не велел никому ничем...» [далее ставилась дата и подпись дьяка].

Но если из самой подтверждающей записи никакой позитивной информации о правительственном курсе в отношении монастырского землевладения извлечь не удастся, то, может быть, этот курс можно понять, идя, так сказать, от обратного — анализируя грамоты, которые *не получили* подтверждения в 1534 г.?

В Троицкой копийной книге 1530-х гг. (№ 518) сохранился перечень «старых» «неподписных» жалованных грамот. В этом перечне, опубликованном С. М. Каштановым, перечислено 68 актов⁹.

⁸ *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси. С. 149; *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря. С. 126.

⁹ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. Прил. № 3. С. 441—447.

Значительную часть упомянутых там документов исследователю удалось идентифицировать, причем многие из них дошли до нашего времени в составе Троицкой копийной книги XVI в. из Погодинского собрания РНБ (Погод. № 1905). Эту копийную книгу Каштанов обстоятельно изучил, а ряд помещенных там троицких грамот опубликовал в своем исследовании¹⁰. Таким образом, у нас есть возможность судить о содержании не подписанных в 1534 г. троицких грамот.

Среди них выделяется группа актов, некогда пожалованных великими князьями прежним светским владельцам сел и деревень, позднее ставших частью вотчины Троицкого монастыря. К их числу относятся жалованная обельная и несудимая грамота Василия II Ивану Петелину от августа 1443 г. на село Скнятиново в волости Кинеле Переславского уезда; аналогичная грамота Ивана III Г. В. Заболоцкому на несколько деревень в той же Кинельской волости, датируемая 1462—1478 гг.; а также жалованная подтверждающая и несудимая грамота Василия III М. И. Тормосову на часть («жеребей») деревни Енинской в Корзенева стане Московского уезда¹¹.

Возможно, к той же категории актов светских землевладельцев относились упомянутые в начале Перечня 1534 г. и не поддающиеся точной идентификации жалованные грамоты некоего великого князя (имя не указано) «на Мариины села Ивановы жены в Кинельском и в Городском» [станах] и «на Михайловы села Яковлича в Кинеле и в Городиком» [стане]¹².

Троицкие старцы заботливо хранили подобные документы в монастырском архиве на случай возможных судебных исков, но понятно, что при подтверждении прежних жалованных грамот Сергиевой обители на имя нового государя такие акты на подпись великокняжеским дьякам не предъявлялись.

Другую группу актов в упомянутом перечне составляют жалованные и указные грамоты великих и удельных князей, в свое время выданные игуменам Троицкого монастыря, но к 1534 г. уже давно утратившие свою актуальность. Такова, например, указная

¹⁰ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. Ч. V. С. 342—347, 351—354, 361—370, 375—387, 390—409, 414—420.

¹¹ Там же. Док. № 10. С. 361—362; № 25. С. 385—386; № 44. С. 416, 418. Ср.: Там же. Прил. № 3. С. 443, 446 (Перечень «неподписных» грамот, № 15, 24, 59).

¹² Там же. Прил. № 3. С. 441—442 (Перечень, № 1 и 2).

грамота Ивана III в Переславль-Залесский, датируемая 1462—1466 гг., о неперекладывании расходов на татарские проезды с черных волостей на села Троице-Сергиева монастыря¹³. С ликвидацией ордынской зависимости эта грамота утратила свое значение, и, разумеется, в 1534 г. она не была предъявлена вместе с другими троицкими актами для подписания на имя Ивана IV.

В том же ряду можно назвать и написанную между 1450 и 1473 гг. указную грамоту великой княгини Марии Ярославны посельскому села Никитского Кузьме Зубову о беспрепятственном пропуске старцев и слуг Троицкого монастыря, едущих через это село к Соли Переславской¹⁴. Прошло более полувека, монастырская вотчина значительно расширилась, и подтверждать эту привилегию, имевшую столь ограниченно локальный характер, уже не имело смысла.

Немало документов, хранившихся в монастырском архиве, представляли собой распоряжения *ad hoc*, на данный конкретный случай, и по этой причине они уже спустя несколько лет утрачивали свою силу. В 1496/97 г. князь Василий Иванович (будущий Василий III или, возможно, кн. В. И. Патрикеев) послал указную грамоту Ф. М. Афанасьеву о расследовании тяжбы между Троице-Сергиевым монастырем и вотчинником М. Захаровым по поводу спорной земли между деревнями Пошляковой и Брюховой Переславского уезда¹⁵. Естественно, в 1534 г. этот документ оказался в перечне «неподписных» грамот.

В том же перечне упомянуты и две грамоты дмитровского удельного князя Юрия Ивановича. Одна из них — указная грамота княжеским пошлинникам Дмитровского и Кашинского уездов о беспошлинном пропуске двух троицких судов с хлебом, вышедших из монастырского села Прилука и направлявшихся в г. Дмитров¹⁶. Из контекста грамоты видно, что она касалась только данной конкретной поездки и не имела долговременного действия. Второй документ — жалованная льготная грамота князя Юрия Дмитровского троицкому игумену Иакову на село Мисиново в Каменском

¹³ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. Ч. V. Док. № 23. С. 384. Ср.: Там же. Прил. № 3. С. 446 (Перечень, № 58).

¹⁴ Там же. Док. № 13. С. 365. Ср.: Там же. Прил. № 3. С. 446 (Перечень, № 53).

¹⁵ Там же. Док. № 38. С. 406, 408. Ср.: Там же. Прил. № 3. С. 443 (Перечень, № 23).

¹⁶ Там же. Док. № 42. С. 415. Ср.: Там же. Прил. № 3. С. 444 (Перечень, № 37).

стану Дмитровского уезда, выданная 18 апреля 1515 г. Грамота освобождала монастырь на три года от всех податей с этого села, в связи со случившимся там недавно пожаром¹⁷. Очевидно, уже весной 1518 г., по истечении срока льготы, документ утратил свою силу.

Наконец, самая многочисленная категория актов, содержащихся в перечне 1534 г., это владельческие документы, которые впоследствии были заменены новыми жалованными грамотами на те же объекты. Так, жалованная двусрочная грамота Василия II троицкому игумену Мартиниану на село Хупанское Переславского уезда, два двора в г. Переславле и другие владения, выданная между 1447 и 1454 гг., не получила подтверждения в 1534 г.¹⁸ Но зато в декабре 1517 г. на то же село и дворы в Переславле монастырь получил новую жалованную обельно-несудимую грамоту Василия III, и эта грамота была подписана 9 февраля 1534 г. на имя Ивана IV (см.: Прил. II, № 86).

По аналогичной причине в перечне «неподписных» грамот 1534 г. оказалась и указная грамота великого князя Ивана Ивановича (Молодого) от марта 1487 г., временно подтверждавшая («до описи», т.е. до земельного описания) действие старой жалованной грамоты на монастырский двор в Кашине¹⁹. Ее заменила жалованная грамота на тот же двор, выданная 1 августа 1501 г. уже другим сыном и наследником Ивана III — Василием Ивановичем; именно она и получила подтверждение 9 февраля 1534 г. (Прил. II, № 73).

Кроме того, нужно учесть, что одновременно с подтверждением старых грамот в феврале 1534 г. Троице-Сергиев монастырь получил новые жалованные грамоты от имени Ивана IV, и в ряде случаев они заменили собой прежние владельческие документы, хранившиеся в монастырской казне. Именно так произошло переоформление прав монастыря на Поповские земли в Пошехонском уезде: в Троицком архиве имелось несколько грамот на эти владения, в том числе жалованная грамота Василия II от 22 сентября 1454 г. и аналогичная грамота великой княгини-иноки Марфы от 19 января 1479 г.²⁰ Оба документа упомянуты в перечне «неподпис-

¹⁷ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. Ч. V. Док. № 43. С. 415—416. Ср.: Там же. Прил. № 3. С. 444 (Перечень, № 38).

¹⁸ Там же. Док. № 11. С. 363—364. Ср.: Там же. Прил. № 3. С. 446 (Перечень, № 51).

¹⁹ Там же. Док. № 35. С. 402. Ср.: Там же. Прил. № 3. С. 445 (Перечень, № 45).

²⁰ Там же. V. Док. № 15. С. 368—369; № 30. С. 394—395.

ных» грамот 1534 г.²¹, т.е. они не были подтверждены; но в день, когда проходила ревизия старых троицких актов, 9 февраля 1534 г., монастырь получил новую грамоту — уже от имени Ивана IV — на те же земли (см.: Прил. I, № 37).

Параллельная работа по утверждению старых и выдаче новых грамот порой приводила к путанице, к дублированию владельческих документов. Так, С. М. Каштанов отметил факт одновременного подтверждения 27 февраля 1534 г. двух жалованных грамот Троицкому монастырю на село Новое Поречье в Дмитровском уезде, выданных удельным князем Юрием Ивановичем в 1516 и 1532 гг. и содержавших разный объем податных льгот²². В том же ряду следует назвать еще два дублировавших друг друга документа, выданные в один день: 9 февраля 1534 г., как уже говорилось, на имя Ивана IV была подписана жалованная грамота Василия Ивановича Троицкому монастырю от 1 августа 1501 г. на двор в Кашине (Прил. II, № 73); и в тот же день обители была выдана новая грамота на этот двор, уже от имени великого князя Ивана Васильевича (Прил. I, № 30).

В целом, как показала выборочная проверка грамот, упомянутых в перечне 1534 г., неподписанными оказались те акты из монастырского архива, которые или уже утратили к тому моменту свое значение, или были заменены более «свежими» жалованными грамотами, в том числе выданными от имени Ивана IV в начале 1534 г. По всей видимости, они и не были предъявлены великокняжеским дьякам для подписания, т.е. опять-таки это был выбор троицкого игумена и старцев, а не московских властей.

* * *

Одновременно с подписанием старых жалованных грамот началась выдача новых: уже 4 января 1534 г., ровно месяц спустя после смерти Василия III, троицкий игумен Иоасаф получил от имени нового великого князя, Ивана Васильевича всея Руси, жалованную заповедную грамоту на монастырские леса и рощи в нескольких уездах (Прил. I, № 2). За первый год великого княжения Ивана IV, с января 1534 по январь 1535 г., монастырям было выдано, по имеющимся у нас сведениям, 47 жалованных грамот (см.: Там же. № 1—15, 17—38, 40—43, 45, 46, 50, 51, 53, 55). Однако обращает на

²¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. Ч. V. Прил. № 3. С. 443 (Перечень, № 19—20).

²² Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 306.

себя внимание тот факт, что среди них очень мало данных грамот, т.е. таких, по которым передавалось право владения на определенные земли и угодья. Абсолютное большинство жалованных грамот указанного периода закрепляли за монастырскими корпорациями судебные и податные привилегии в отношении владений, уже принадлежавших той или иной обители. Новые же земельные пожалования были единичны. Самыми крупными из них были села, переданные по завещанию Василия III нескольким обителям, которые покойный государь особенно почитал.

11 мая 1534 г. Иосифо-Волоколамский монастырь получил жалованную тарханно-несудимую грамоту Ивана IV на село Турово и два десятка деревень и починков в Тверском и Клинском уездах, завещанные Василием III этой обители «в вечное поминание» по своим родителям, по себе и по всему роду московских великих князей²³. Как выясняется из позднейшей жалованной грамоты Ивана IV 1550/51 г., в духовной грамоте его отца Иосифову монастырю было отписано также село Хотьково в Волоцком уезде с «тянувшими» к нему деревнями и починками; грамота обители на эти владения, за подписью дьяка Федора Мишурина, была выдана в 1537/38 г.²⁴

Не был забыт в завещании Василия III и Троице-Сергиев монастырь: ему достались село Дерябино с деревнями в Переславском уезде и село Тураково, также с деревнями, в Радонежском уезде. Правда, выполнение этого посмертного распоряжения великого князя растянулось на долгий срок. Только 15 октября 1534 г. троицкому игумену Иоасафу была отправлена известительная грамота Ивана IV о передаче в ведение монастыря, по завещанию покойного государя, села Дерябина с деревнями (Прил. I, № 52). Еще дольше троицким старцам пришлось дожидаться передачи села Туракова: этому предшествовали землемерные работы и выделение равноценных земель прежнему владельцу села, помещику Митке Бакину. Для выполнения указанных работ в Радонежский и Суздальский уезды был послан подьячий Давыд Зазиркин: ему было велено описать село Тураково, а Митке Бакину отделить из черных деревень в Горенове стане Суздальского уезда пашню и угодья. Из той же указной грамоты подьячему Д. Зазиркину от 24 мая 1535 г. узнаем, что Суздальскому Покровскому монастырю Василий III завещал село Романчуково: подьячий должен был отдать его игуменье этой обители²⁵.

²³ АФЗХ. М., 1956. Ч. II. № 137. С. 134. См. также: Прил. I, № 45.

²⁴ Там же. № 226. С. 227—228.

²⁵ ОАСУ. Отд. I. № 23. С. 29.

Прошло еще четыре месяца, и 22 сентября 1535 г. троицкому игумену Иоасафу была послана великокняжеская известительная грамота, в которой сообщалось о том, что покойный государь Василий Иванович «всёя Руси» написал в своей духовной село Тураково с деревнями «к Троице в Сергиев монастырь»; игумену с братией предлагалось принять село в свое ведение, но прежнего владельца, Митку Бакина, до зимы оттуда не высылать. «А грамоту б естя нашу жаловальную на те села, — гласила последняя фраза документа, — взяли у дьяка нашего, у Федора у Мишурина»²⁶.

И вот, наконец, 4 октября 1536 г. Сергиева обитель получила жалованную несудимую грамоту на оба завещанных ей покойным великим князем села — Дерябино и Тураково (Прил. I, № 79). К тому времени, надо полагать, выполнение завещания Василия III было полностью завершено.

Все вышеперечисленные пожалования явились лишь осуществлением последней воли покойного государя, поэтому курс правительства юного Ивана IV по отношению к монастырскому землевладению они никак не характеризуют. Для оценки этого курса более показателен тот факт, что в первый год великого княжения Ивана Васильевича новые правители по собственной инициативе пожаловали лишь Иосифо-Волоколамскому монастырю двор на посаде г. Дмитрова (Прил. I, № 6) да Ферапонтову монастырю — пять деревень в Каменском стане Дмитровского уезда (Там же. № 12, 13). Остальные же многочисленные жалованные грамоты, выданные в первые месяцы 1534 г., по сути, являлись, как было показано выше на примере Троице-Сергиева монастыря, частью операции по подтверждению земельных актов, хранившихся в монастырских архивах.

* * *

Ревизия монастырских актов 1534 г., как мы могли убедиться, была вполне благоприятной для церковных корпораций. Вообще в первый год великого княжения Ивана IV правительство не демонстрировало намерения как-то ограничить рост монастырского землевладения, хотя новые земли жаловались очень скупо. Иная тенденция в этом вопросе проявилась в середине 1535 г.: ее отражение исследователи видят в указной грамоте Ивана IV игумену Вологодского Глушицкого монастыря Феодосию от 23 июня 1535 г.

²⁶ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 18 об.

Грамота начинается редкой в такого рода документах преамбулой, в которой характеризуется неблагоприятное положение, возникшее с вотчинами детей боярских, которые в той или иной форме отчуждаются в пользу монастырей: «...что в нашем государстве покупают к монастырем у детей у боярских вотчины — многие села и деревни, да и в заклад и в закуп монастыри вотчины емлют, а покупают-де и вотчины дорого, а вотчинники-де и которые тем землям вотчичи с опришными людьми перекупаются; и мимо монастырей вотчин никому ни у кого купити не мочно. А иные дети боярские вотчины свои в монастыри подавали по душе того для, чтобы их вотчины ближнему их роду не достались»²⁷.

Далее следует повеление великого князя: «И будете купили вотчины у детей у боярских или в заклад или в закуп взяли, или будут которые дети боярские вотчины свои подавали вам в монастырь по душе до сей нашей грамоты за год или за два, и ты б, богомолец наш игумен Феодосей с братиею прислали тому выпись к дяку нашему к Федору Мишуруну...»²⁸ «Выпись» должна была содержать конкретные имена детей боярских, у которых монастырь за указанный период (один или два года) приобрел вотчины, место их проживания («город»), количество сел и деревень, дворов и крестьян в каждой вотчине, размеры пашни, леса и других угодий. Впредь же любое приобретение вотчин без ведома властей запрещалось под страхом конфискации: «А вперед бы есте без нашего ведома однолично вотчин не купили и в заклад, и в закуп, и по душе не имели ни у кого. А учнете без нашего ведома у кого вотчины купити или в заклад или в закуп и по душе имати, и мне у вас те вотчины велити отписывати на себя»²⁹.

Одним из первых исследователей, обративших пристальное внимание на эту грамоту, был А. С. Павлов, который усмотрел в ней «результат общей законодательной меры, которая касалась всех монастырей»³⁰. Данная точка зрения была принята и в советской историографии 1950-х гг. И. И. Смирнов полагал, что правительством Елены Глинской был издан закон, установивший контроль над ростом монастырского землевладения и что, хотя текст этого

²⁷ *Амвросий*. ИРИ. М., 1811. Ч. III. С. 713. (Пунктуация документа изменена мною в соответствии с действующими ныне правилами. — М. К.).

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 714.

³⁰ *Павлов А.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. Ч. I. С. 102, прим. I.

закона не сохранился, его содержание «можно вполне точно выяснить» на основании грамоты Глушицкому монастырю³¹. А. А. Зимин также видел в этой грамоте отражение борьбы правительства «с ростом монастырского землевладения и привилегиями духовных феодалов»³².

Тезис об ограничительном курсе правительства Елены Глинской в отношении монастырского землевладения — тезис, основанный на одной-единственной грамоте! — устоял и после появления в конце 1970-х гг. специальных исследований А. А. Зимина и Л. И. Ивиной, посвященных истории вотчин двух крупных монастырей — Иосифо-Волоколамского и Симонова. Однако успешность правительственных мер 1530-х гг. обоими авторами была поставлена под сомнение. Так, А. А. Зимин в книге об Иосифо-Волоколамском монастыре писал (ссылаясь опять-таки только на грамоту Глушицкой обители!) о предпринятых в то время попытках «ограничить монастырское землевладение, что противоречило интересам иосифлян»: в итоге намеченные реформы не были осуществлены³³. А Л. И. Ивина, повторив утвердившийся в историографии тезис о «борьбе правительства с ростом монастырского землевладения», сопроводила его следующим замечанием, основанным на проанализированных ею актах Симонова монастыря: «Правительственные мероприятия, направленные на борьбу с ростом монастырских вотчин, видимо, все-таки не имели должного успеха, они полностью не прекратили роста владений духовных феодалов...»³⁴

Между тем неоднократно цитированная многими исследователями указная грамота игумену Глушицкого монастыря Феодосию по-прежнему вызывает немало вопросов. Ее текст недвусмысленно свидетельствует о намерении великокняжеского правительства ограничить и взять под контроль процесс отчуждения вотчин детей боярских в пользу монастырей. Однако, во-первых, неясно, был ли провозглашенный в грамоте запрет монастырям приобретать вотчины служилых людей реализован на практике или он остался только декларацией о намерениях? Во-вторых, если этот запрет применялся, то как долго он действовал? И, наконец, в-третьих, носила

³¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 45—46.

³² Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 232.

³³ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977. С. 291.

³⁴ Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси. С. 154.

ли упомянутая мера общероссийский характер или она относилась только к отдельным монастырям?

Прежде всего нужно отметить, что в описываемое время единственным законом, действовавшим на всей территории страны, был Судебник 1497 г. Все остальные меры, даже такие важные, как создание на местах специальных выборных органов для борьбы с разбоями (губная реформа), вводились в действие путем рассылки указных грамот по волостям и уездам. В этом отношении грамота игумену Глушицкого монастыря напоминает (по форме!) губные грамоты конца 1530-х — начала 1540-х гг., о которых пойдет речь в следующей главе. Но отсюда следует, что, имея в своем распоряжении только одну указную грамоту, мы никак не можем судить о территориальном охвате упомянутого выше запрета на приобретение монастырями вотчин служилых землевладельцев. Есть ли какие-либо следы этого постановления в сохранившихся архивах других монастырей?

К сожалению, исследователи, изучавшие землевладение Троицкого, Иосифо-Волоколамского, Симонова монастырей, не касались вопроса о том, сталкивались ли эти обители с указанным правительственным запретом. Нижеследующие наблюдения призваны хотя бы частично восполнить этот пробел; не претендуя на полноту, они все-таки могут пролить некоторый свет на интересующую нас проблему.

Сохранилось немало сведений о росте монастырских вотчин в 30-е гг. XVI в. за счет покупок и вкладов по душе. Так, Иосифо-Волоколамский монастырь приобрел в 1534/35 г. у братьев Василия, Григория и Федора Матвеевых детей Ржевского их вотчину — село Никольское и деревню Мелехово в Рузском уезде³⁵. В следующем году Дмитрий Данилов сын Розного, приняв в Иосифове монастыре постриг, передал обители в качестве вклада свою вотчину — пустошь Жеденево в Раховском стане Волоцкого уезда³⁶. Каких-либо санкций верховной власти на эти сделки не понадобилось.

Не действовал упомянутый запрет и в вотчине Троицкого Калязина монастыря. В 1534/35 г. игумен Тихон с братией купил у Федосьи Дмитриевой дочери Гавренева, вдовы Петра Лукшина, с детьми их вотчину — сельцо Голубово в Кашинском уезде³⁷. В 1535/36 г. Калязин монастырь получил два земельных вклада: де-

³⁵ АФЗХ. Ч. II. № 142. С. 139—140.

³⁶ Там же. № 143. С. 140—141.

³⁷ АТКМ. № 76. С. 78—79.

ревню Савино — от Семена Иванова сына Воронцова и шестую часть (жребий) сельца Маурина в том же Кашинском уезде — от князя Василия Федоровича Охлябинина³⁸.

Зато акты Троице-Сергиева монастыря сохранили прямые свидетельства вмешательства великокняжеской власти в отношения обители с ее вкладчиками — светскими землевладельцами. 10 июня 1534 г. кн. М. Л. Глинский дал по своей душе «в дом живоначальной Троицы и чудотворца Сергия» сельцо Звягино с деревнями в Московском уезде³⁹. Но вскоре, как мы знаем, князь Михайло Львович был арестован и умер в темнице, а его владения были конфискованы. Троицкий монастырь получил сельцо Звягино лишь четыре года спустя: 6 мая 1538 г. Некрасу Офонасьеву, который «ведал» на великого князя это бывшее владение кн. М. Л. Глинского, была послана указная грамота с распоряжением — отдать сельцо Звягино троицкому игумену Иоасафу с братией⁴⁰.

Но если в данном случае временную конфискацию сельца, переданного в монастырь, можно объяснить опалой его прежнего владельца, то в следующем эпизоде понять мотивы аналогичных действий властей значительно труднее. 5 апреля 1538 г. от имени Ивана IV была послана грамота Кузьме Всесвятскому, ранее ведавшему по великокняжескому приказу сельцом Куниловом в Дмитровском уезде — бывшей вотчиной Кувалды Семичова; теперь Кузьме было велено отдать то сельцо и деревни игумену Троице-Сергиева монастыря Иоасафу с братией⁴¹. Между тем, как выясняется, упомянутый Кувалда Семичов еще в 1532 г. завещал свое село Сергиевой обители⁴². Чем он провинился и почему завещанное им монастырю село несколько лет (до весны 1538 г.) находилось под арестом, остается неизвестным. Ясно только, что контроль (по крайней мере, выборочный) за отчуждением вотчин светских землевладельцев в пользу монастырей действительно существовал и что содержащаяся в грамоте Глушицкому монастырю угроза великокняжеских властей «отписывать на себя» вотчины, принятые в монастырь без ведома правительства, не была пустыми словами.

7 мая 1538 г., т.е. на следующий день после упомянутой выше грамоты Некрасу Офонасьеву с приказом отдать сельцо Звягино

³⁸ АТКМ. № 78, 79. С. 80—82.

³⁹ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 447 об. — 448.

⁴⁰ Там же. Кн. 527. Л. 230.

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 28 (Собр. актов И.Д. Беляева). Карт. I. № 60.

⁴² Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря. С. 127, прим. 132.

Троице-Сергиеву монастырю, троицкий игумен Иоасаф получил жалованную несудимую и заповедную грамоту Ивана IV на монастырские села, которые ранее были даны их владельцами к Троице как вклад по душе. Здесь наряду с уже известными нам селами Звягино (вклад кн. М. Л. Глинского) и Кунилово (вклад К. Семичова) упомянуты еще село Никоново и сельцо Назарьево: их дал в монастырь Данило Шукин сын Кутузова, а также село Подчертково в Повельском стану Дмитровского уезда — вклад князя Давыда Хромого (Ярославского)⁴³. Таким образом, эти приобретения Троицкого монастыря получили в 1538 г. санкцию верховной власти.

Вместе с тем нетрудно убедиться в том, что упомянутый контроль над земельными вкладами в Троице-Сергиев монастырь носил выборочный характер и не охватывал все подобные приобретения. Так, в 1536/37 г. Анна, вдова Фомы Александрова сына Скрипицына-Балуева, передала обители деревню Ельник в Переславском уезде, а Ульяна, вдова Селифонта Захарьина сына Печенегова, — несколько деревень в Бежецком Верхе, а также сельцо Пахирево и деревню Дракино в Костромском уезде⁴⁴.

Создается впечатление, что в поле зрения великокняжеских дьяков попадали главным образом крупные земельные вклады и вклады знатных лиц, в то время как мелкие пожертвования рядовых детей боярских или их вдов, представляя собой будничное явление, не привлекали к себе внимание верховной власти и ни в какой санкции не нуждались.

Это предположение подтверждается при обращении к актам Московского Симонова монастыря. В его архиве сохранилась, в частности, указная грамота Ивана IV Чететке Патокину от 25 апреля 1536 г. об отдаче симоновскому архимандриту Филофею села Дикого в Вышегородском уезде, «что была вотчина Ивана Рудного Кортмазова, а дал то село Иван Рудной в Симонов монастырь за долг и по душе»⁴⁵. До нас дошла также духовная память Ивана Андреева сына Рудного (Картмазова), которую ее публикатор, Л. И. Ивина, датирует 1531—1536 гг. Как явствует из этого документа, Иван Рудный действительно был должен крупную сумму (100 руб.), но не Симонову, а Пафнутьеву Боровскому монастырю, причем, согласно долговому обязательству (кабале), он не имел права «то село Дикое и з деревнями мимо Пафнотьев монастырь ни

⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Собр. Уварова). Оп. 2. Д. 23. Л. 2.

⁴⁴ Перечень актов АТСМ. № 490, 496. С. 428, 429.

⁴⁵ АФЗХ/АМСМ. № 53. С. 57.

продати, ни менити, ни по душе дати»⁴⁶. Однако в итоге, как мы уже знаем, упомянутое село досталось именно Симонову монастырю, а какое-то время перед тем его «ведал» на великого князя упомянутый выше Четекта Патокин. Многие в этой истории остаются неясным. Ивина обратила внимание на то, что, согласно вкладной и кормовой книге Симонова монастыря, село Дикое было дано обители не Иваном, а Кириллом Картмазовым, причем вклад явился, по сути, скрытой продажей: за половину вклада он получил 200 рублей, а вторая половина предназначалась на помин души⁴⁷. Как бы то ни было, интерес властей к судьбе этого села понятен: это было довольно крупное земельное владение, к тому же обремененное долгами и, как можно предположить, оказавшееся в сфере имущественных интересов двух монастырей — Пафнутьева Боровского и Симонова.

Тем временем, пока решалась непростая судьба села Дикого, Симонов монастырь покупал одну деревню за другой, и эти относительно мелкие сделки проходили без вмешательства великокняжеской власти. Так, в 1533/34 г. архимандрит Филофей с братией приобрели у Федора Михайлова сына Овцына с детьми их вотчину в Рузском уезде — деревни Бормино, Крушково, Нечесово и др.⁴⁸ В следующем 1534/35 г. они купили у Шарапа Яковлева сына Филимонова с сыном Григорием их деревню Ясенево в том же уезде⁴⁹. К 30-м гг. относится еще одно приобретение Симонова монастыря — село Демьяново с деревнями в Корежской волости Костромского уезда, купленное у Анфала Волоцкого: купчая на это село до нас не дошла, но оно упоминается в жалованной несудимой и заповедной грамоте Ивана IV, выданной симоновскому игумену Филофею с братиею в июне 1538 г. Там же перечислены и другие купли 30-х гг.: деревни, приобретенные у Ф. М. Овцына, и деревня Ясенево, принадлежавшая ранее Шарапу Филимонову⁵⁰. Тем самым права Симонова монастыря на эти новые владения были признаны верховной властью, а перечисленные в грамоте деревни получили судебный иммунитет.

Подводя итог сделанным выше наблюдениям, следует отметить, что принятое в советской историографии выражение «борьба с рос-

⁴⁶ ФЗХ/АМСМ. № 37. С. 40.

⁴⁷ Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси. С. 28.

⁴⁸ АФЗХ/АМСМ. № 40. С. 43—44.

⁴⁹ Там же. № 49. С. 53—54.

⁵⁰ Там же. № 56. С. 61.

том монастырского землевладения» мало подходит для описания соответствующей политики правительства 1530-х гг. Вопреки предположениям А. С. Павлова, И. И. Смирнова и некоторых других исследователей, приобретение монастырями вотчин служилых людей не было законодательно запрещено. Обитатели по-прежнему охотно скупали и принимали во вклад и в заклад села и деревни светских землевладельцев. Контроль властей за подобного рода сделками существовал, но носил выборочный характер и никак не мог остановить (да и вряд ли имел это своей целью) дальнейший рост монастырских вотчин, который, по единодушному мнению современных исследователей, активно продолжался и в 30-х и в 40-х гг. XVI в.⁵¹

Вместе с тем необходимо признать, что процитированная выше грамота Глушицкому монастырю 1535 г., несомненно, отразила озабоченность некоторых приказных дельцов сложившимся положением на рынке земли, где монастыри играли самую активную роль, а многие семьи служилых людей теряли родовую собственность. Действия властей в этой ситуации можно описать как попытку навести порядок в сфере поземельных отношений. Принятые тогда меры связаны с деятельностью влиятельного дьяка Федора Мишурина: ведь это ему старцы Глушицкого монастыря должны были присылать, в соответствии с той же указной грамотой, списки купленных ими вотчин. В годы правления Елены Глинской именно в его руках была сосредоточена, как мы уже знаем, выдача и подтверждение жалованных иммунитетных грамот.

Нужно подчеркнуть, что ужесточение правительственного контроля над сделками с землей в середине 1530-х гг. осуществлялось по всем направлениям и коснулось не только монастырей, но и светских землевладельцев. Вспомним эпизод, описанный в предыдущей главе книги: дьяк Федор Мишурин отписал на великого князя у рязанского сына боярского Василия Федорова сына Лелечина село Дубовичи и деревню Маньясово, «а сказал мне, великому князю, — гласила выхлопотанная позднее (28 января 1539 г.) пострадавшим владельцем жалованная грамота Ивана IV, — что Василей Лелечин то село и деревню купил на Резани»; впоследствии выяснилось, однако, что упомянутые село и деревня не были

⁵¹ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина. С. 175 (табл. 1), 177, 201; Изви-на Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси. С. 153—154, 161, 165; Чер-касова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря. С. 118—125.

куплены, а являлись приданым жены В. Ф. Лелечина; на этом основании конфискованные владения были ему возвращены⁵².

Приказная бюрократия придавала, таким образом, большое значение проверке легальных оснований владения землей тем или иным собственником, светским или церковным. Вот еще один пример. Как выясняется из указной грамоты Ивана IV от 18 июня 1538 г. Устину Недюреву, посельскому села Бурмасова в Ярославском уезде, тому было велено ведать на великого князя «деревни и починки новые в волости в Жарех, что их ставил спаской архимандрит Иона бывшей и нынешней архимандрит Иона же, после письма на лесе к Спаскому монастырю, что в Ярославле...»⁵³. Иными словами, власти Спасского Ярославского монастыря самовольно, после описания их владений писцами («после письма»), основали в лесу ряд новых деревень и починков, которые и были отписаны на государя как незаконно поставленные. Позднее, однако, по челобитью архимандрита с братией эти деревни и починки были возвращены (в июне 1538 г.) монастырю⁵⁴.

Но самая масштабная акция по проверке владельческих прав из тех, что нам известны, была проведена в 1536 г. в Великом Новгороде и закончилась массовым отписанием на великого князя пригородных пожн (т.е. сенокосных угодий). Новгородский летописец сообщает с явным неодобрением о том, как весной указанного года «прислал государь князь великий Иван Васильевич всеа Руси с Москвы в Великий Новгород своего сына боярского конюха Бунду да подьячего Ивана; а повеле пожни у всех монастырей отписати около всего града и у церковей Божиих во всем граде и давати их в бразгу [т.е. в пользование на условиях аренды. — М. К.], что которая пожня стоит, тем же монастырем и церковником; а се учинилося по оклеветанию некоего лукава и безумна человека»⁵⁵.

Сохранилась отписная книга 7044 (1535/36) г., в которой перечислены монастырские и церковные пригородные пожни Великого Новгорода, отписанные тогда на великого князя и данные на оброк. Вот как описывается сама процедура конфискации этих угодий во

⁵² АСЗ. Т. III. М., 2002. № 490. С. 408—409.

⁵³ ИАЯСМ. М., 1896. № X. С. 10.

⁵⁴ Там же. С. 11.

⁵⁵ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 299—300 (Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку). Тот же рассказ с незначительными отличиями помещен и в Новгородской летописи Дубровского: ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 238.

вступительной части книги: «Лета 7044 году, по великого князя Ивана Васильевича всеа Руси грамоте, великого князя дьяк Фуник Курцов да дворцовой дьяк Микита Великой, да великого князя конюх Бунд Быкасов, да прикащик лавочной Иван Иванов отписывали пожни у монастырей и у церквей, у *которых грамот великого князя жалованных нет и в писцовых книгах им не написаны*. А грамоты у них и духовные грамоты старые за свинчатými печатми, и те у них грамоты и духовные взяты, а иных грамот нет. И те пожни пооброчены на великого государя»⁵⁶ (выделено мной. — М. К.).

Таким образом, конфискации подлежали пожни, на которые у их владельцев не было великокняжеских грамот; акты же эпохи новгородской независимости за «свинчатыми», т.е. свинцовыми, печатями уже не признавались юридическим основанием для владения упомянутыми угодьями. В итоге пожни были отписаны у многих десятков новгородских церквей и монастырей, включая такие известные обители, как Антоньев монастырь, Валаамский, Никольский Вяжищский, Спасский на Нередице, Троицкий Клопский, Юрьев и др.⁵⁷

Негодование новгородских летописцев, принадлежавших к церковной среде, по поводу упомянутой акции вполне понятно. Но справедливости ради нужно сказать, что проверка владельческих прав на пригородные пожни и их последующая переоброчка на великого князя не имели специальной антицерковной, антимонастырской направленности: как явствует из другой сохранившейся отписной книги, датированной июнем 1536 г., те же двое дьяков, Фуник Курцов и Митя Великий, вместе с конюхом Бундом Быкасовым и лавочным приказчиком Иваном Ивановым описали и пооброчили на великого князя и те пожни, которые косили земцы, церковные и черные люди Великого Новгорода⁵⁸.

* * *

Возвращаясь к охарактеризованной выше правительственной политике в отношении монастырского землевладения, нужно заметить, что ее хронологические рамки поддаются довольно четкому определению. Если июньская грамота 1535 г. Глушицкому монастырю сигнализировала о начале нового курса, то уже вскоре после смерти Елены Глинской появляются признаки отказа правитель-

⁵⁶ ПКНЗ. М., 1999. Т. 1. С. 309.

⁵⁷ ПКНЗ. Т. 1. С. 317, 319, 326.

⁵⁸ Там же. С. 328 и сл.

ства от попыток жестко контролировать земельные сделки монастышеских корпораций.

5 апреля 1538 г., на второй день после кончины великой княгини, была послана указная грамота Кузьме Всесвятскому с распоряжением — отдать игумену и братии Троице-Сергиева монастыря селцо Кунилово, которое в свое время завещал обители Кувалда Семичов (Прил. I, № 115). Спустя месяц, 6 мая, Троицкому монастырю было возвращено селцо Звягино — вклад умершего в темнице кн. М. Л. Глинского (Там же. № 118), а на следующий день игумен Иоасаф получил иммунитетную (несудимую и заповедную) грамоту на села и деревни, приобретенные монастырем в 30-х гг. у князей и детей боярских (Там же. № 119). Прошло еще несколько месяцев, и 4 сентября 1538 г. Троицкой обители была выдана аналогичная грамота на селцо Егреур Муромского уезда — вклад Бориса Ильина сына Симонова-Лимонова (Там же. № 149)⁵⁹.

В течение лета и осени 1538 г. еще ряду монастырей были отданы их села и деревни, ранее отписанные по каким-либо причинам на государя. Как уже говорилось выше, 18 июня того же года властям Спасского Ярославского монастыря удалось добиться возвращения деревень и починков в волости Жары Ярославского уезда, поставленных в лесу после писцового описания (Прил. I, № 127). Полгода спустя, 22 декабря 1538 г., была послана указная грамота в Углич городовому приказчику Ивану Туру Константинову сыну, которой ему предписывалось отдать игумену Покровского Углицкого монастыря Мисаилу селцо Ермолово с деревнями. Из грамоты явствовало, что ранее «то селцо дал по душе к Покрову Святой Богородицы Василей Анъфимов⁶⁰, а ныне в поместье за Иваном Ивановым сыном Колачева...»⁶¹. Следовательно, селцо не только было отписано на государя, но его уже успели пустить в поместную раздачу. Теперь же оно было возвращено обители.

Почувствовав изменение обстановки, власти ряда монастырей спешили закрепить свои земельные приобретения, полученные у частных лиц, великокняжеским пожалованием. Выше уже упоминались иммунитетные грамоты, выданные от имени Ивана IV 7 мая и 4 сентября 1538 г. Троице-Сергиеву монастырю на его новые вла-

⁵⁹ Дата этого вклада неизвестна, см.: *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря. С. 125.

⁶⁰ Отчество или фамильное прозвание Василия, вероятно, испорчено в позднем списке грамоты и читается неуверенно.

⁶¹ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 384. Список XVIII в.

дения. Аналогичную грамоту на свои купли 30-х гг. получил в июне того же года Симонов монастырь (Прил. I, № 123). Для полноты картины следует назвать еще жалованную несудимую грамоту Спасо-Евфимьеву монастырю от 1 июня 1538 г. на деревни в Масловом углу Суздальского уезда (Там же. № 124), полученную в свое время по завещанию кн. А. В. Ногтева (1533/34 г.)⁶².

На протяжении следующего десятилетия, с конца 30-х до конца 40-х гг. XVI в., монастыри спокойно покупали и принимали в качестве вкладов по душе вотчины светских землевладельцев, без какого-либо вмешательства великокняжеской власти⁶³. Случаи конфискации сел или деревень, завещанных или проданных той или иной обители, более не встречаются⁶⁴.

Итак, перемена правительственного курса по отношению к монастырскому землевладению, его, так сказать, «либерализация» произошла весной 1538 г., сразу после смерти великой княгини. Дело здесь, по-видимому, не в личности Елены Глинской (едва ли она сама вникала в тонкости поземельных отношений), а в падении возглавлявшегося ею режима. Пока она была жива, дьяк Федор Мишурин мог твердо придерживаться избранной линии на уста-

⁶² См.: АСЕМ. № 34. С. 88. Ср.: Там же. № 36. С. 93—94.

⁶³ См. многочисленные данные (вкладные) грамоты светских лиц Иосифо-Волоколамскому монастырю в 1540-х гг. (АФЗХ. Ч. 2. № 154—156, 162, 165, 169, 173, 192, 199, 200), купчие Симонова монастыря 1538/39, 1543/44 и 1547/48 гг. (АФЗХ/АМСМ. № 60, 76, 87. С. 65—66, 89—90, 100), купчие Спасо-Евфимьева монастыря 1539, 1539/40, 1541, 1544/45, 1546/47 гг. (АСЕМ. № 38, 41, 49, 54, 56, 57, 59, 63) и Троицкого Калязина монастыря 1538/39, 1539/40, 1540/41, 1541/42, 1543/44 гг. (АТКМ. № 82, 84, 86, 87, 92, 95, 97, 99, 100). Подробнее о куплях Симонова монастыря конца 1530-х — 1540-х гг. см.: *Июна Л. И.* Крупная вотчина. С. 161. О приобретении земель властями Троице-Сергиева монастыря в 40-е гг. XVI в. см.: *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря. С. 118—123. Перечень приобретений Кирилло-Белозерского монастыря в конце 30-х — 40-х гг. XVI в. см.: *Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). СПб., 1910. Т. I. Вып. II. Прил. С. XXIX—XXXIV.

⁶⁴ Показательный случай произошел в конце 1547 г.: после ареста кн. И. И. Турунтая Пронского, пытавшегося бежать в Литву, его вотчина — село Кулебакино в Звенигородском уезде было описано на государя. Выполнявший это поручение подьячий Онисимко Левин приписал было к селу и соседнюю деревню Филимонову, но вскоре выяснилось, что упомянутую деревню князь Иван Турунтай дал в Саввин Сторожевский монастырь в память о своих родителях: у игумена Афанасия оказалась данная грамота за подписью князя на д. Филимонову. В итоге 1 января 1548 г. была послана царская грамота приказчику В. Чижову с распоряжением отдать деревню монастырю (ССМ. № 17. С. 25).

новление правительственного контроля над оборотом земли. Со смертью правительницы исчезло и единство политической воли; соответственно стало невозможно далее продолжать курс земельной политики, вызывавший, надо полагать, сильное неудовольствие в церковной среде.

Еще одна примета смены курса — возобновление с лета 1538 г. выдачи монастырям великокняжеских данных грамот, т.е. пожалования им новых земель и угодий от имени верховной власти. За год, прошедший со дня смерти Елены Глинской, было выдано больше таких жалованных грамот, чем за все время ее правления. 14 июля 1538 г. Троицкому Данилову монастырю были пожалованы села Воргуша и Троицкое в Переславском уезде (Прил. I, № 132). В ноябре того же года Троице-Сергиеву монастырю по челобитью игумена Иоасафа были даны во владение Хрецовская заводь на р. Волге, а также дворовое место и варницы в Нижнем Новгороде и Балахне (Там же. № 151). Благосклонно отнеслись власти и к просьбе игумена Леонтия из небольшого Тотемского Ефремова монастыря: в декабре 1538 г. он получил жалованную грамоту на пашню, находившуюся около обители, и Терентьевское озеро (Там же. № 155). А в марте 1539 г. по ходатайству новгородского архиепископа Макария земли в Спасском погосте Обонежской пятины были пожалованы Соловецкому монастырю, недавно пережившему пожар (Там же. № 165).

В дальнейшем жалованные данные грамоты регулярно выдавались различным обителям, причем особенно активно — в 1544 и 1546—1548 гг. (см.: Прил. I, № 323, 327, 361, 399, 401, 405, 417, 428, 430, 433, 477, 478, 485, 491, 499, 513).

Под влиянием работ С. М. Каштанова в литературе о монастырском землевладении в России описываемого времени возникла тенденция — объяснять каждую выдачу жалованной грамоты политической конъюнктурой, покровительством той или иной обители со стороны боярской группировки, господствовавшей в данный момент при дворе. Между тем внимательное изучение формуляра и других особенностей грамот конца 30-х — 40-х гг. XVI в. приводит совершенно к другим выводам.

Возьмем, к примеру, упомянутую выше ноябрьскую (1538 г.) жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на Хрецовскую заводь и другие угодья на р. Волге, дворы и варницы в Балахне. Вот как С. М. Каштанов объясняет происхождение этой грамоты: «В связи с предстоящим сведением с митрополичьей кафедры Да-

ниила правительство энергично добивалось содействия монастырей. [...] В конце 1538 г. установился тесный контакт между Шуйскими и Троице-Сергиевым монастырем, где игуменом был кандидат в митрополиты — Иоасаф⁶⁵. Обрисовав таким образом политический контекст, ученый сообщает затем о получении монастырем интересующей нас грамоты, которая в таком освещении выглядит как тонкий ход в затеянной Шуйскими интриге по свержению митрополита.

Эту версию безоговорочно приняла М. С. Черкасова, которая в своем исследовании о землевладении Троицкого монастыря назвала полученную обителью в ноябре 1538 г. грамоту «пожалованием правительства И. М. и А. М. Шуйских»⁶⁶. Это, конечно, недоумение: в ноябре 1538 г. у власти находился кн. Иван Васильевич Шуйский (его брат Василий умер как раз в это время), а возвышение братьев Ивана и Андрея Михайловичей произошло позже, в начале 40-х гг. Но проблема, безусловно, заключается в другом: гипотеза Каштанова, к которой с таким доверием отнеслась Черкасова, представляет собой, по сути, цепочку недоказанных предположений, ни одно из которых не имеет под собой фактической основы.

На самом деле с момента выдачи упомянутой грамоты Троицкому монастырю на Хрецовскую заводь до низложения митрополита Даниила прошло еще почти три месяца, и никто не мог заранее сказать, кто будет его преемником. (Напомню, что Иоасаф был избран на освободившуюся митрополию 5 февраля 1539 г. по жребию, причем из трех кандидатур.)⁶⁷ И если в ноябре 1538 г., выдавая грамоту троицкому игумену, власти якобы старались заручиться его поддержкой на предстоящих выборах главы церкви, то как, следуя той же логике, объяснить выдачу в декабре того же года жалованной грамоты игумену скромного Тотемского монастыря (Прил. I, № 155): какой политической услуги они ждали от него?

Но надобность в столь сложных гипотетических построениях отпадает, если учесть, что, как было показано выше, с весны 1538 г. правительственный курс в отношении монастырского землевладе-

⁶⁵ Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 334.

⁶⁶ Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря. С. 121. Ниже исследовательница еще раз говорит о «щедрых земельных пожалованиях», полученных «в период правления князей Ивана Михайловича и Андрея Михайловича Шуйских (1538—1540)» (с. 127).

⁶⁷ См. выше, гл. 5.

ния изменился, перейдя, так сказать, в режим наибольшего благоприятствования. В этих условиях какие-то скрытые мотивы следовало бы искать не в самом факте пожалования, которое стало обычным делом, а, наоборот, в случае отказа в просьбе какого-либо игумена. Более того: прежде чем строить предположения о политической подоплеке появления того или иного документа, стоило бы попытаться определить, кто конкретно его выдал. Как было показано в седьмой главе книги, эта задача вполне поддается решению путем анализа формуляра грамоты и помет на ее обороте.

Интересующая нас ноябрьская грамота Троице-Сергиеву монастырю 1538 г. принадлежит к типу несудимых грамот. Соответствующая статья о подсудности монастырского приказчика гласит: «А кому будет чего искати на манастирьском приказчике, ино его сужю яз, князь велики или мой дворецкой»⁶⁸. Следовательно, с большой долей вероятности можно предположить, что грамоту выдал дворецкий Большого дворца, каковым в описываемое время был кн. И. И. Кубенский. Та же формулировка дословно повторяется в жалованной несудимой грамоте Сергиевой обители на беспощинную ловлю рыбы в Переславском и Сомине озерах, также датированной ноябрем 1538 г.⁶⁹ По всей видимости, обе грамоты были выданы одновременно по приказу дворецкого кн. И. И. Кубенского.

Самые точные сведения о том, кто именно выдал ту или иную грамоту, содержат пометы на обороте: за период с июня 1538 по ноябрь 1548 г. нам известно 48 монастырских актов с подобными дорсальными надписями (см. гл. 7, табл. 2, № 3, 4, 6, 7, 8, 10, 13—21, 23, 27—29, 31—33, 35, 37—43, 46—48, 50—54, 56—65). Из них лишь об одной грамоте можно сказать, что ее выдал лидер придворной группировки: 15 августа 1538 г. по приказу боярина кн. И. В. Шуйского Успенскому Стромьинскому монастырю была дана жалованная заповедная грамота на рыбные ловли (Там же. № 6). Еще одна грамота была выдана боярином кн. П. И. Репниным Оболенским (Там же. № 29). Как уже говорилось, очень редко пометы, сообщающие о выдаче документа «самим» великим князем (Там же. № 38, 42). Чаше же всего дорсальные надписи указывают на то, что жалованная грамота той или иной обители была выдана дворецким

⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 12.

⁶⁹ Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 104/8828. Опубл. по списку XVII в. в составе правой грамоты 1628 г.: АГР. Киев, 1860. Т. I. № 97. С. 299—300.

или казначеем (таких 42 из 48 документов, имеющих подобные пометы; кроме того, один дошедший до нас монастырский акт был выдан по приказу конюшего, см.: Там же. № 16).

Таким образом, процесс выдачи жалованных грамот монастырям в конце 30-х — 40-х гг. XVI в. не был связан с господством при дворе той или иной боярской группировки. Скорее подобную деятельность можно считать частью повседневной практики дворецких и казначеев. Другое дело, что в некоторых случаях можно заподозрить личную заинтересованность того или иного администратора, выдавшего грамоту, в поддержке именно данного монастыря, если он был его вкладчиком. Так, казначей Иван Иванович Третьяков выдал 6 июля 1538 г. жалованную льготную грамоту Симонову монастырю на два варничных места у Соли в Переславском уезде (см. гл. 7, табл. 2, № 4). Он же вместе с И. П. Головиным выдал той же обители 12 ноября 1543 г. жалованную грамоту, ограничившую выполнение ямской повинности крестьянами симоновских сел Картмазовского и Коробовского двумя неделями в году (Там же. № 31). Имя казначея И. И. Третьякова указано и на обороте жалованной грамоты Симонову монастырю от 6 августа 1546 г. и еще раз — вместе с Ф. И. Сукиным — на грамоте от 5 октября того же года (Там же. № 47, 48). Между тем известно, что род Ховриных—Головиных, к которому принадлежал И. И. Третьяков, издавна оказывал покровительство Симонову монастырю⁷⁰, поэтому в перечисленных пожалованиях можно усмотреть примеры покровительства патрона почитаемой им обители.

По всей видимости, описанный случай не был уникальным, и сказанное о Третьякове может быть отнесено и к другим высокопоставленным лицам при московском дворе. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что, по существу, все бояре и многие другие дворцовые чины в описываемое время являлись вкладчиками Троице-Сергиева монастыря⁷¹. Так стоит ли удивляться тому, что вотчина св. Сергия продолжала активно расти в конце 30-х — 40-е гг. XVI в. — как за счет великокняжеских пожалований (сде-

⁷⁰ *Ивина Л. И.* Крупная вотчина. С. 28, 38, 75, 136, 146.

⁷¹ См. во Вкладной книге Троицкого монастыря записи 1530—1540-х гг. о вкладах князей Глинских, Ростовских, Оболенских, Палецких, Кубенских, Шуйских, Микулинских, Бельских, Горбатов (ВКТСМ. С. 49—50, 55, 57—59, 67, 69, 74, 75, 83, 90, 102—104), старомосковской знати: Воронцовых, Морозовых, Тучковых, Челядних, Шеиных, Юрьевых (Там же. С. 52, 53, 60, 90, 97—99), дьяков Курицыных, Мишуриных, Путятиных, Цыплевых, Губиных (Там же. С. 48, 65, 82, 85, 101) и т.д.

ланных от имени юного Ивана IV), так и за счет вкладов частных лиц!⁷²

Но те же влиятельные царедворцы входили в состав вкладчиков и других крупных и почитаемых монастырей: так, во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря мы встречаем имена дворцового кн. И. И. Кубенского, кн. И. В. Шуйского, кн. И. Ф. Бельского, кн. И. Д. Пенкова, братьев Михаила, Дмитрия и Федора Семеновичей Воронцовых, казначеев И. И. Третьякова, И. П. Головина и Ф. И. Сукина, дьяков Г. Н. Меньшого Путятина, Афанасия Курицына, Елизара Цыплетева и его сына Ивана, Василия и Игнатия Мишуриных⁷³.

Перед смертью знатные лица, как это видно по завещанию боярина кн. М. В. Горбатого, раздавали земли и деньги десяткам монастырей и церквей⁷⁴.

Щедрость по отношению к церквям и монастырям была нормальной, общепринятой практикой в средневековом христианском социуме. На этом фоне экстраординарной выглядит, скорее, описанная выше попытка приказных дельцов, предпринятая в середине 1530-х гг., ограничить или, по крайней мере, взять под контроль переход светских вотчин в руки монашеской братии. Эта попытка, как мы уже знаем, была непродолжительной и особого успеха не имела. Но проблема осталась. В начале 50-х гг. XVI в., после консолидации придворной элиты и получения согласия церковных иерархов, необходимого для проведения непопулярных мер, власти сделали новый и более решительный шаг в сторону ограничения монастырского землевладения.

2. Поместная политика властей

Как было показано в первой части этой книги, политический кризис, охвативший Русское государство в годы малолетства Ива-

⁷² Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря. С. 44, 118—123, 125, 127.

⁷³ ОР РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 78/1317. Л. 45, 67, 68, 73—74 об., 83 об. — 84, 86—86 об., 92 об. — 93, 204, 208 об., 223.

⁷⁴ Кн. М. В. Горбатый завещал в 1535 г. Троице-Сергиеву монастырю 50 руб., Московскому Чудову — 15 руб., Кирилло-Белозерскому, Ферапонтову, Спасо-Евфимьеву, Хутынскому, Никольскому Шартомскому и Суздальскому Покровскому монастырям — по 10 руб., Успенскому Горицкому (в Переславле) и Новодевичьему (в Москве) — по 3 руб. и т.д. (АСЕМ. № 35. С. 92).

на IV, затронул и провинциальное дворянство. Многие дети боярские, не надеясь на успешную карьеру, пока великокняжеский престол занимал ребенок, решили попытать счастья за рубежом: с весны 1534 г. в Великое княжество Литовское устремился поток беглецов — служилых людей, не ослабевавший до начала 1540-х гг.⁷⁵ Другие, оставшись на родине, ориентировались сначала на удельных князей, а затем — на лидеров боярских группировок. Как мы помним, несколько десятков новгородских помещиков весной 1537 г. по призыву мятежного князя Андрея Старицкого присоединились к его войску и после подавления мятежа были казнены. Наконец, дворяне и дети боярские сыграли не последнюю роль в январском дворцовом перевороте 1542 г., когда заговорщики во главе с кн. И. В. Шуйским свергли своего противника — кн. И. Ф. Бельского; активное участие в этих событиях приняли «ноугородцы Великого Новгорода все городом», т.е. члены новгородской служилой корпорации.

В обстановке непрекращающейся борьбы за власть поддержка служилого люда приобретала решающее значение, поэтому забота об интересах детей боярских (реальная или показная) должна была занять важное место в политике боярских правителей, к какому бы лагерю или группировке они ни принадлежали. Впоследствии Грозный в послании Курбскому, обвиняя князей Шуйских в расхищении государевой казны, писал: «Что же убо о казнах родительского ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детям боярским жалование, а все себе у них поймаша во мздоимание; а их не по делу жалуючи, верстая не по достоинству...»⁷⁶ Иными словами, царь утверждал, что под предлогом сбора средств на жалованье служилым людям бояре занимались личным обогащением, а облагодетельствованные ими дети боярские получали земли не по заслугам. Критика поместных раздач эпохи «боярского правления» звучала и на Стоглавом соборе: «А у которых отцов было

⁷⁵ См. выше, гл. 2; гл. 5. Еще в июне 1546 г. в Литовской метрике упоминаются четверо детей боярских (Григорий Иванович Солнцев, Федор Матвеевич, Микита Гаврилович и Зык Семенович), которые, как сказано в адресованном им привилее молодого короля Сигизмунда Августа, «первей сего на имя нашо господарское з Москвы приехали» (РГАДА. Ф. 389. Кн. 30. Л. 122—122 об.). Однако в 40-е гг., по сравнению с предшествующим десятилетием, такие упоминания сравнительно редки, и речь в них, как правило, идет не о новых отъездах московских служилых людей в Литву, а о тех, кто в прежние годы нашел пристанище во владениях короля.

⁷⁶ ПГК. С. 28 (Первое послание Грозного, 1-я пространная редакция).

поместья на сто четвертей, ино за детми ныне второе, а иной голоден; а в меру дано на только по книгам, а сметить, ино вдвое, а иньде больши...»⁷⁷

Насколько справедливы подобные обвинения? И. И. Смирнов отнесся к ним с полным доверием, видя в них подтверждение своего тезиса о торжестве «боярской реакции» в 30—40-е гг. XVI в.⁷⁸ Это мнение было оспорено Г. В. Абрамовичем — автором капитального исследования о развитии поместной системы в России конца XV—XVI в., затронувшим в своей работе и вопрос о поместной политике эпохи «боярского правления»⁷⁹. Тенденциозным публицистическим оценкам этой политики, вроде приведенной выше цитаты из послания Грозного Курбскому, ученый противопоставил данные писцовых книг конца 30-х — начала 40-х гг. XVI в. по Новгороду и Твери. Несомненной заслугой исследователя можно считать привлечение к изучению данной проблемы дворянских челобитных, дошедших до нас (в пересказе) в составе царских грамот середины 1550-х гг. и содержащих ценные свидетельства о поместном верстании 1538/39 г.

На основании анализа всех перечисленных выше материалов Г. В. Абрамович пришел к выводу о том, что поместная политика конца 30-х гг., когда у власти находились князья Шуйские, полностью отвечала интересам провинциального дворянства, чем и объясняется поддержка, оказанная кн. И. В. Шуйскому детьми боярскими (прежде всего новгородскими) во время дворцового переворота в январе 1542 г.⁸⁰ Другой важный вывод ученого заключается в том, что поместное верстание 1538/39 г., которое он связывает с деятельностью кн. И. В. Шуйского, являлось крупнейшим мероприятием по упорядочению поместной системы, заметным шагом на пути подготовки Уложения о службе 1556 г.: минимальная норма обеспечения земель служилого человека в 10 беж или 100 четвертей доброй земли, узаконенная в 1556 г. Уложением о

⁷⁷ ПРП. М., 1956. Вып. IV. С. 577.

⁷⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 76—78, 80.

⁷⁹ Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI вв. Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975 (машинописный экз. в Архиве СПб. ИИ РАН); *Его же*. Поместная политика в период боярского правления в России (1538—1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. С. 192—199.

⁸⁰ Абрамович Г. В. Поместная политика. С. 196, 198—199. См. также: *Его же*. Поместная система. С. 196—198.

службе, была, по мнению историка, в основном установлена в ходе верстания 1539 г.⁸¹

Последний вывод был оспорен Е. И. Колычевой, отметившей, что в Тверской писцовой книге 1539/40 г. упомянуты мелкопоместные дворцовые слуги, размер владений которых составлял около 50 четвертей, что в два раза меньше выведенной Г. В. Абрамовичем минимальной «нормы» поместного верстания⁸². В коррективах нуждаются и некоторые другие наблюдения ученого.

Поскольку важную роль в построениях Абрамовича играют свидетельства о верстании конца 30-х гг., содержащиеся в актовом материале 1550-х гг., остановимся на этих материалах подробнее. В опубликованных царских указных грамотах новгородским дьякам от 1555—1556 гг. историк насчитал 9 упоминаний о поместном верстании 1538/39 г., которое он, ссылаясь на текст источника, называет «большим»⁸³.

Здесь, однако, необходимо сделать ряд уточнений. Во-первых, в изданных в 1846 г. Археографической комиссией документах содержится всего 8 упоминаний об интересующем нас поместном верстании 1538/39 г., причем ни в одной из грамот оно не называется «большим». Во-вторых же — и это главное! — как показывает сравнение с оригиналами, хранящимися в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, в 1846 г. были опубликованы далеко не все грамоты: в неизданной части этих материалов удалось найти еще три документа с упоминаниями о поместном верстании 1538/39 г. Всего, таким образом, мы располагаем 11 свидетельствами об этой правительственной акции (см. табл. 6).

Г. В. Абрамович считал результаты верстания 1538/39 г. благоприятными для помещиков, поскольку в изученном им комплексе опубликованных грамот 1550-х гг. со ссылками на поместные раздачи 1538/39 г. лишь в одном случае помещику было отказано в прирезке земли и велено служить со старого поместья без придачи. В остальных случаях были даны прибавки, которые в общей сложности составили, по подсчетам исследователя, 97 беж, или 79% по отношению к прежнему размеру поместий⁸⁴.

Результаты выполненных Абрамовичем подсчетов обесцениваются, однако, тем обстоятельством, что несколько неопубликован-

⁸¹ Абрамович Г. В. Поместная политика. С. 196.

⁸² Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 17.

⁸³ Абрамович Г. В. Поместная политика. С. 194.

⁸⁴ Там же.

Таблица 6

**Упоминания о помещном верстании 1538/39 г.
в царских грамотах 1555—1556 гг.**

№ п/п	Помещики	Размер поместья до верстанья (обож)	Придача по верстанью (обож)	Реально дано (обож)	Кол-во земли на 1 чел. после верстанья (обож)	Источник
1	Иван Пятого с сыновьями Китаем и Мыслоком	12,5	10	10	7,5	ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 52/IV. С. 88
2	Гаврила, Потоя, Степан и Петр Нечаевы дети Чуркина	22,5	10	Придачу писпы не отделили	7,5 ⁸⁵	ДАИ. Т. I. № 52/VI. С. 90
3	Чмут Ачкасов с сыном Борисом	20	Велено «служить без придачи»	—	10	ДАИ. Т. I. № 52/ VII. С. 91
4	Юрий Пушкин с сыновьями Степаном и Тихомиром	22	17	17	13	ДАИ. Т. I. № 52/X. С. 94
5	Яков Суслов с сыновьями Степаном, Иваном и Третьяком	11	14	Придачу писпы и дьяки не отделили	2,75 (как и до верстанья)	ДАИ. Т. I. № 52/XVI. С. 99—100
6	Семен, Федор и Алексей Ивановы дети Гурьева	18	15	15	11	ДАИ. Т. I. № 52/XVII. С. 100

⁸⁵ После смерти Петра Чуркина поместье (22,5) написано писцами за остальными тремя братьями.

Продолжение табл. 6

№ п/п	Помещики	Размер поместья до верстанья (обож)	Придача по верстанью (обож)	Реально дано (обож)	Кол-во земли на 1 чел. после верстанья (обож)	Источник
7	Дмитрий, Андрей, Иван и Данила Яковлевы дети Елагина	20	26	2	5,5	ДАИ. Т. I. № 52/XVIII. С. 101
8	Кулаш Крекшин с сыном Иваном	16,5	5	5	10 $\frac{3}{4}$	ДАИ. Т. I. № 52/XX. С. 103
9	Семен Кадыев с сыновьями Фелором, Иваном и Дмитрием	10 $\frac{1}{4}$	18,5	Придачу писцы и дьяки не отделили	2,5 (как и до верстанья)	Архив СПб. ИИ. Ф. 2. Оп. I. Д. 23. Л. 146 об. — 147
10	Князь Иван Мещерский с сыновьями Андреем, Григорием и Дмитрием	23	29	22	11 $\frac{1}{4}$	Архив СПб. ИИ. Ф. 2. Оп. I. Д. 23. Л. 397— 397 об.
11	Данила Семенов сын Мокеева с сыновьями Григорием и Наумом	21	16	16	12 $\frac{1}{3}$	Архив СПб. ИИ. Ф. 2. Оп. I. Д. 23. Л. 410 об. — 411

ных грамот с упоминаниями о поместном верстании 1538/39 г. не были им учтены. Но главное возражение против применяемой им методики состоит в том, что число сохранившихся упоминаний слишком мало (вместе с неизданными грамотами — всего 11), чтобы их можно было считать репрезентативной выборкой. Вместе с тем, хотя основой для статистических выкладок эти данные служить не могут, их ценность как источника трудно переоценить, поскольку они представляют собой уникальные свидетельства, принадлежащие самим помещикам, участвовавшим в верстании 1538/39 г., или их детям. При обращении к этим свидетельствам, своего рода семейным историям, рассказанным помещиками, картина верстания предстает уже не в столь радужном свете, как ее изобразил Г. В. Абрамович.

Прежде всего выясняется, что в ряде случаев придача земли, полагавшаяся помещику по итогам верстания, в реальности так и не была выделена ему по вине писцов или дьяков (см. табл. 6, № 2, 5 и 9). Вот, например, история, поведенная Степаном Нечевым сыном Чуркина. Накануне верстания за ним и его тремя братьями (Гаврилой, Погоней и Степаном) было старое отцовское поместье в 22 с половиной обжа. Во время поместного верстания 7047 (1538/39) г., по словам Степана, «к тому к старому отца их поместью придано им десять обеж; и после деи того верстанья брата их Петрока не стало, и та деи брата их Петрокова выть придана им же трем к их вытем». Оставшиеся три брата рассчитывали, что вместе с придачей у них будет «по одиннадцати обеж без трети обжа человеку» (точнее, 10,83 обжа на человека). Но писцы Семен Клушин с товарищи лишь написали за тремя братьями старое их отцовское поместье в 22,5 обжа, «а придачи деи им десяти обеж писцы им не отделили»⁸⁶.

Впоследствии, по-видимому, братья Чуркины пытались добиться справедливости, и где-то в 40-х гг. дьяки Вязга Суков и Ишук Бухарин отделили им по государевой грамоте в счет положенной им придачи 9 обеж из «земецких поместий»; но затем по новой грамоте эти земли были у них отняты и отданы назад земцам. В итоге, как писал в 1555 г. в своей челобитной царю Степан Чуркин, «им деи после того придача их и по ся места не отделена»⁸⁷.

С аналогичной жалобой обратились в том же 1555 г. к государю Третьяк и Лев Яковлевы дети Суслова: в поместное верстание

⁸⁶ ДАИ. СПб., 1846. Т. I. № 52/VI. С. 90.

⁸⁷ Там же. С. 91.

7047 г. их отцу, Якову, и его сыновьям, их братьям, Степану и Ивану, а также самому Третьяку к старому их поместью в 11 беж было велено придать 14 беж; «и тое де их придачи, — гласила царская грамота, — писцы наши и дьяки наши и по ся места им не отделивали». Между тем отец челобитчиков Яков и брат Иван умерли, не дождавшись обещанной придачи, а Степан Суслов осенью 1555 г. был убит «немецкими людьми»⁸⁸ (речь идет о войне со Швецией).

Не повезло и помещикам Кадыевым: главе семейства Семену Кадыеву и трем его старшим сыновьям Федору, Ивану и Дмитрию во время поместного верстания 7047 г., по свидетельству младшего сына Сеньки, было велено придать к старому поместью в 10 с четвертью беж еще 18,5 беж, но «писцы деи наши и дьяки наши ноугородцкие, — как говорилось в царской грамоте от 21 декабря 1555 г., — тое им придачи и поместья не отделивали»⁸⁹. К моменту подачи челобитной младшего Семена Кадыева отец его Семен и старшие братья Иван и Дмитрий уже умерли, а брат Федор ушел в Никольский монастырь; службу служил средний брат Истома, причем дьяки оставили ему только половину отцовского поместья, отписав на царя 5 беж и пустив их в поместную раздачу⁹⁰.

Известны также случаи, когда реальная придача оказывалась гораздо меньше той, которая причиталась помещику по итогам поместного верстания. Так, братья Дмитрий, Андрей и Иван Яковлевы дети Елагина, вернувшись с казанской службы, подали в 1553/54 г. челобитную (повторенную затем в 1555 г. после шведской кампании), в которой напомнили о том, что в поместное верстание 7047 (1538/39) г. им троим и их младшему брату Даниле (впоследствии скончавшемуся) было велено придать к старому отцовскому поместью (в 20 беж) еще 26 беж, однако «тое деи их им придачи дошло две обжи, а двадцати деи четырех беж придачи их и по ся места им не отделивано»⁹¹.

Вот еще один подобный случай. Князя Афоня и Кудеяр Ивановы дети Мещерского писали в начале 1556 г. в челобитной царю, что в поместное верстание 7047 г. их отцу князю Ивану и старшим братьям Андрею, Григорию и Дмитрию было велено придать к старому поместью, насчитывавшему 23 обжи, 29 беж. Однако «писцы деи наши... и дьяки наши прежние ноугородцкие, — гласила

⁸⁸ ДАИ. СПб., 1846. Т. I. № 52/XVI. С. 99, 100.

⁸⁹ Архив СПб. ИИ. Ф. 2. Д. 23. Л. 147.

⁹⁰ Там же. Л. 147—147 об.

⁹¹ ДАИ. Т. I. № 52/XVIII. С. 101.

царская грамота, — тое придачи отделили дватцать две обжи, а не сошло деи их придачи сем обже...»⁹².

Таким образом, если оценивать размеры *фактически* выделенных помещикам земель, а не те придачи, что остались только на бумаге, то в свете проанализированных выше свидетельств 1550-х гг. результаты поместного верстания 1538/39 г. выглядят далеко не так благоприятно для помещиков, как это представлялось Г. В. Абрамовичу. Из 11 дошедших до нас упоминаний в одном случае в прирезке земли было отказано (табл. 6, № 3); в трех случаях назначенная придача так и не была фактически отделена помещикам (Там же. № 2, 5, 9), а еще в двух случаях придача на деле оказалась меньше назначенной (Там же. № 7, 10).

Разумеется, эти наблюдения, основанные на небольшом количестве свидетельств, невозможно экстраполировать на итоги поместного верстания конца 30-х гг. XVI в. в масштабе всей страны. Вместе с тем нельзя не принять во внимание процитированные выше рассказы помещиков о верстании 1538/39 г.: их истории, как никакой другой источник, помогают понять *механизм* этой правительственной акции. Выясняется, в частности, что процедура поместного верстания включала в себя смотр детей боярских, на который помещики являлись с годными к службе сыновьями. Так, торопецкий помещик Борис Чмутов сын Ачкасова в своей челобитной 1555 г. упомянул о том, что в поместное верстание 7047 г. «отец его и он у смотренья были, да велено деи отцу его да ему с отцем служити [со] старого поместья без придачи»; после этого торопецкие писцы Александр Ульянин «с товарищи» написали за ними старое поместье его отца — 22,5 обжи⁹³.

Приведенные выше примеры показывают также, сколь многое зависело от представителей центральной власти на местах — писцов и дьяков (в данном случае — новгородских): по их воле решение о придаче земли тому или иному помещику, принятое во время верстания, могло подвергнуться корректировке (в сторону уменьшения!), а то и вовсе остаться невыполненным. Так возникали известные нам из челобитий 1550-х гг. ситуации, когда дети боярские годами добивались прирезки земли, назначенной им или их отцам в ходе верстания 1538/39 г.

Насколько частыми были подобные случаи, мы можем только догадываться; но, по крайней мере, современникам они были хо-

⁹² Архив СПб. ИИ. Ф. 2. Д. 23. Л. 397, 397 об.

⁹³ ДАИ. Т. I. № 52/VII. С. 91.

рошо знакомы, коль скоро составитель так называемых «царских вопросов» Стоглавому собору особо подчеркнул, говоря об испомещениях эпохи «боярского правления», разницу между отводом земли в реальности и на бумаге: «...а в меру дано натолко по книгам...»⁹⁴

Возвращаясь к вопросу о том, насколько выгодным было верстание конца 30-х гг. для самих помещиков, следует признать, что фрагментарность имеющегося в нашем распоряжении материала не позволяет дать однозначный ответ на этот вопрос, тем более что структура землевладения и темпы испомещения сильно варьировали от уезда к уезду⁹⁵. Даже применительно к Новгородской земле, где сохранность писцовых книг XVI в. гораздо выше, чем в других регионах страны, мы не располагаем всей полнотой информации. Наиболее подробные данные содержит изученная Г. В. Абрамовичем писцовая книга Тверской половины Бежецкой пятины 1536—1545 гг. По подсчетам исследователя, основанным на этом источнике, из 360 помещиков прирезку земли получили 154 человека, или 43%⁹⁶. Но эти цифры не отражают ситуацию в других пятинах Новгородской земли. Так, в Деревской пятине, судя по книгам 1538/39 г. письма Г. Я. Морозова и И. А. Рябчикова, от которых до нашего времени дошло описание лишь 20 погостов (из 67 существовавших на тот момент), процент помещиков, получивших прибавку земли, был значительно ниже. В сохранившейся части книги Г. Я. Морозова на 49 описанных поместий приходится лишь 13 придач⁹⁷. В книге И. А. Рябчикова и В. Г. Захарьина, описывавших в 1538/39 г. другую половину той же Деревской пятины, упомянуто 108 поместий; придачи земли встречаются там еще реже — лишь в четверти случаев (25 упоминаний)⁹⁸. Примерно такая же картина вырисовывается и в Вотской пятине по книге 1539 г.: в сохранившейся части книги (содержащей описание 35 погостов из существовавших тогда 59) на 240 описанных поместий приходится

⁹⁴ ПРП. Вып. IV. С. 577.

⁹⁵ О становлении поместной системы в центральных уездах страны в конце XV — первой половине XVI в. см.: *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 90—135.

⁹⁶ *Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство. С. 196.

⁹⁷ Подсчет выполнен мною по кн.: ПКНЗ. М., 2004. Т. 4. С. 1—102. Описания еще 35 поместий сохранились в виде отрывков (выписей) из этой книги; придачи упомянуты в 10 из них (Там же. С. 105—140).

⁹⁸ Подсчет сделан по тому же изд.: Там же. С. 141—282. В позднейших выписях из книги сохранились описания еще 33 поместий, придачи упомянуты в 8 из них (Там же. С. 283—305).

54 придачи, т.е. и здесь прирезка земли наблюдается лишь в 22,5% случаев⁹⁹.

Единственная сохранившаяся писцовая книга изучаемого времени, происходящая не из северо-западного региона страны, — книга Тверского уезда 1539/40 г. письма И. П. Заболоцкого и М. И. Татищева, являет собой иную картину, мало сопоставимую с упомянутыми выше новгородскими материалами. Придачи земли прежним помещикам здесь не отмечены, зато наблюдается массовая раздача дворцовых земель в поместья. В книге 1539/40 г. различаются две категории поместных земель: одна обозначена словами «великого князя села и деревни за помещики», а другая — «великого князя села и деревни дворцовые, а розданы помещиком». Г. В. Абрамович установил (и это наблюдение утвердилось в научной литературе), что первая рубрика относилась к уже ранее существовавшим поместным землям, а вторая — к бывшим дворцовым землям, розданным в поместья накануне или во время самого описания¹⁰⁰.

Но в поместную раздачу шли не только дворцовые земли: значительная часть вотчины умершего в 1540 г. князя Василия Андреевича Микулинского была отписана на государя и также роздана помещикам¹⁰¹: эти испомещения, отраженные в той же писцовой книге И. П. Заболоцкого и М. И. Татищева, были проведены, очевидно, не ранее 1541 г. Что касается даты 7048 (1539/40) г., указанной в заголовке книги, то она обозначает, по-видимому, только начало работы писцов в Тверской земле; сама же эта работа, как показал новейший публикатор писцовой книги А. В. Антонов, продолжалась еще несколько лет¹⁰². Это обстоятельство важно учитывать при интерпретации содержащихся в книге Заболоцкого и Татищева данных.

Все исследователи, изучавшие эту писцовую книгу, отмечали наличие значительной аристократической прослойки среди лиц, получивших поместья в Тверском уезде на рубеже 30—40-х гг. XVI в.

⁹⁹ Подсчет выполнен по изд.: Писцовая книга Вотской пятины 1539 г. / Под ред. А. М. Гневушева. Новгород, 1917. Вып. I.

¹⁰⁰ Абрамович Г. В. Поместная политика. С. 197; Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 116.

¹⁰¹ ПМТУ. М., 2005. С. 132—137.

¹⁰² Сохранились разьежие грамоты от 24 июля — 2 августа 1541 г., выданные тверскими писцами И. П. Заболоцким «с товарищи», см.: АФЗХ. Ч. II. № 159—161. С. 152—155. А. В. Антонов привел упоминания о книгах тех же писцов 1543/44 г. с описанием вотчинных земель Тверского уезда, см.: ПМТУ. С. 5 (предисловие А. В. Антонова).

Но критерии отнесения тех или иных помещиков к категории знати и, соответственно, персональный и численный состав аристократической верхушки разными авторами определяются по-разному. Так, Г. В. Абрамович выделил среди розданных тогда земель 14 поместий знати (7738 четвертей) и 114 поместий «рядовых детей боярских» (14 777 четвертей)¹⁰³. Следовательно, согласно этим подсчетам, одна треть поместных земель досталась тогда знатым лицам, а две трети — рядовым служилым людям.

Совершенно иная картина при анализе тех же данных получилась у В. Б. Кобрин, который подразделил социальный состав тверских помещиков конца 1530-х гг. на такие категории: «князья», «тверичи», «вотчинники других уездов», «мелкие слуги», «лица, стоящие вне групп» и, наконец, «лица неизвестного происхождения»¹⁰⁴. Последние три группы ученый объединил в категорию «служилой мелкоты» и противопоставил князьям и отпрыскам старинных вотчинных родов. По мнению исследователя, в ходе верстания 1539/40 г. «произошла аристократизация состава помещиков: люди невысокого ранга получили теперь не более 20% земли, зато в полтора с лишним раза возросла доля испомещенных князей; всего в руки старых вотчинников попало 80% всей розданной земли»¹⁰⁵.

Обе классификации, на мой взгляд, вызывают немало вопросов. В первой из них, предложенной Г. В. Абрамовичем, очень нечетко проведена грань между знатью и рядовыми детьми боярскими. В результате захудалые князья Василий и Андрей Мышецкие, получившие в поместья соответственно 82 и 25 четей земли¹⁰⁶, были отнесены историком к категории знати, а известный дьяк Постник Губин Моклоков, человек хотя и не знатный, но влиятельный, попал в группу рядовых детей боярских¹⁰⁷.

В более дробной схеме В. Б. Кобрин критерий знатности не играет определяющей роли: князей он объединяет в конечном счете со старинными вотчинниками в одну большую группу, а на другом полюсе возникает собирательное понятие «служилой мелкоты». Понятна логика исследователя, стремившегося выявить географическое происхождение старых и новых тверских помещиков, и, надо признать, это ему удалось: заслуживает внимания вывод уче-

¹⁰³ Абрамович Г. В. Поместная политика. С. 197.

¹⁰⁴ Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 119.

¹⁰⁵ Там же. С. 120.

¹⁰⁶ ПМТУ. С. 126—127.

¹⁰⁷ Абрамович Г. В. Поместная политика. С. 197.

ного о том, что свыше 41% поместных земель в Тверском уезде к моменту описания 1539/40 г. принадлежало вотчинникам из других уездов, и тот же процент характеризует долю «пришлых» землевладельцев в новых поместных раздачах, произведенных около 1539/40 г.¹⁰⁸ Для нашей темы особую ценность представляет наблюдение историка, согласно которому среди лиц, получивших поместья около 1539/40 г., было много бывших слуг дмитровского князя Юрия Ивановича — землевладельцев из входивших в его удел Дмитровского, Звенигородского, Кашинского и Рузского уездов¹⁰⁹. Это означает, что великокняжеское правительство в борьбе с удельными князьями не только прибегало к репрессиям, но и использовало более гибкую тактику, принимая на службу дворян и детей боярских из ликвидированных уделов и раздавая им поместья в центре страны.

Вместе с тем нужно отметить, что использованная Кобриным классификация, как и любая подобная схема, выявляя одни важные тенденции, затемняет другие. По сути, предложенный историком вариант рубрикации нивелирует социальный статус испомещенных в Твери лиц. В итоге, что характерно, дьяку Постнику Губину Моклокову не нашлось адекватного места и в этой схеме: вместе с братом Яковом он попал в рубрику «вне групп», объединенную затем исследователем с другими рубриками в общую категорию «служилой мелкоты»! А между тем перед нами весьма примечательный факт: Федор Никитич Постник Губин Моклоков, один из самых влиятельных дьяков 40-х гг. XVI в. (см. о нем: Прил. IV, № 98), при раздаче около 1539/40 г. дворцовых земель в волости Шестке Тверского уезда получил совместно с братом Яковом в поместье село Ярково с деревнями, всего 433 чети земли в одном поле¹¹⁰.

Очевидно, приказные дельцы не упускали случая поправить свое материальное положение. От Моклоковых не отставали братья Карачаровы — еще одна известная дьяческая фамилия. Старший из них, Иван Бакака Митрофанов сын Карачарова, упоминаемый в качестве дьяка на государственной службе с января 1537 г. (см.: Прил. IV, № 57), во время поместных раздач в Тверском уезде получил около 1539/40 г. село Харитоново с деревнями в волости Шейский уезд, всего 228 четей пашни¹¹¹. Его младший брат Треть-

¹⁰⁸ Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 119, табл. 1.

¹⁰⁹ Там же. С. 120, 121.

¹¹⁰ ПМТУ. С. 45—46.

¹¹¹ Там же. С. 64.

як, тоже дьяк (Прил. IV, № 59), стал обладателем 9 деревень по соседству, а еще одному брату, Василию, досталось там же 14 деревень¹¹². В общей сложности новые тверские помещики — братья Карачаровы получили 552 чети пахотной земли (в одном поле).

Но приобретения дьяков кажутся скромными по сравнению с тем, что могла себе позволить верхушка придворной знати. Самое большое поместье во время раздач 1539/40 г. получил кн. Петр Иванович Шуйский — сын наиболее могущественного тогда человека в Москве, боярина кн. Ивана Васильевича Шуйского: ему досталось село Вершинское и 71 деревня в Горицком стане Тверской волости Хорвач, всего 1306 четей в одном поле¹¹³. А когда после смерти кн. В. А. Микулинского была пущена в раздачу его обширная вотчина, ее фактически поделили между собой представители нескольких самых знатных фамилий: кн. Александр Борисович Горбатый получил в Микулине 54 деревни, 1072 чети в одном поле; кн. Семену Васильевичу Ростовскому досталось в поместье сельцо Борки и 28 деревень (588 четей), а Григорию Васильевичу Морозову — село Рождественное с 40 деревнями (791 четь)¹¹⁴.

Всего, по моим подсчетам, около 1539/40 г. в Тверском уезде в поместную раздачу было пущено 22 514 четей пахотной земли из дворцового фонда¹¹⁵. Более трети этих земельных богатств (8000 четей) досталось представителям титулованной знати: князьям С. И. Глинскому, П. И. Шуйскому, Ю. М. Булгакову, Микулинским, Щепиным, Гундоровым и др.¹¹⁶, а также влиятельным дьяческим фамилиям (Моклоковым и Карачаровым). А если учесть произведенный около 1541 г. раздел выморочной вотчины кн. В. А. Микулинского (его вдове, княгине Анне, оставили 1887 четей, а 2451 четь поделили между кн. А. Б. Горбатым, кн. С. В. Ростовским и Г. В. Морозовым), то получается, что на долю придворной верхушки пришлось не менее 10,5 тыс. четей поместной земли, розданной в 1539—1541 гг. в Тверском уезде.

¹¹² ПМТУ. С. 64—65.

¹¹³ Там же. С. 90—93.

¹¹⁴ Там же. С. 132—137.

¹¹⁵ По сути, то же число (22 515 четей) называет Г. В. Абрамович (Поместная политика. С. 197); у В. Б. Кобрин итоговые цифры получились на 100 четей больше: 22 665 (*Кобрин В. Б.* Власть и собственность. С. 119, табл. 1).

¹¹⁶ Я не включаю в это число обедневших мелкопоместных князей вроде Елецких или Мышецких: у них не было высоких покровителей при дворе, и их испомещение ничем, по сути, не отличалось от земельных пожалований остальной массы детей боярских, не имевших княжеского титула.

1930 четей получили тогда мелкие дворцовые слуги (сытники, ключники, псары, трубники и др.)¹¹⁷. Хотя запросы придворной знати и потребности дворцового хозяйства удовлетворялись, очевидно, в первую очередь, все же бо́льшая часть розданных около 1539/40 г. земель (12 584 чети) досталась служилым людям — тем, кого Г. В. Абрамович называет «рядовыми детьми боярскими»¹¹⁸.

Нужно подчеркнуть, что поместные раздачи конца 30-х — начала 40-х гг. XVI в. носили массовый характер: только в одном Тверском уезде, по имеющимся у нас данным, земли получили более сотни детей боярских¹¹⁹. Верстание того же времени в Великом Новгороде затронуло многие сотни помещиков: местная служилая корпорация была самой большой в стране¹²⁰. Кроме того, поскольку испомещения шли рука об руку с писцовыми описаниями, можно предположить, что поместные раздачи имели место и в тех уездах, кадастровые описания которых до нас не дошли, но о которых известно, что в конце 30-х и первой половине 40-х гг. XVI в. там работали писцы: это, в частности, Владимирский, Вологодский, Кашинский, Каширский, Коломенский, Костромской, Можайский, Московский, Муромский, Нижегородский, Переславский, Пошехонский, Серпуховской, Суздальский и иные уезды¹²¹. Следовательно, поместная политика эпохи «боярского правления» затронула, вероятно, более широкие круги провинциального служилого люда, чем можно судить по немногим сохранившимся писцовым книгам.

Массовые раздачи земель рубежа 30—40-х гг. неизбежно меняли сам механизм испомещения. Как справедливо отметил Г. В. Абрамович, «с этого времени испомещение окончательно перерастает из практики личных пожалований великим князем более или менее близких к нему людей в своего рода разверстку государ-

¹¹⁷ ПМТУ. С. 20—23, 66—67, 69, 126, 129—132.

¹¹⁸ Г. В. Абрамович называет даже большую сумму: 14 777 четей, доставшихся рядовым детям боярским (*Абрамович Г. В.* Поместная политика. С. 197), но это число получилось в результате необоснованного, на мой взгляд, объединения исследователем в одну категорию поместий мелких дворцовых слуг, с одной стороны, и детей боярских, несших обычную ратную службу, — с другой.

¹¹⁹ ПМТУ. С. 17—22, 27, 30—33, 38—41, 55, 66—69, 82, 102—103, 112—131.

¹²⁰ По подсчетам Абрамовича, общее количество новгородских помещиков в середине XVI в. достигало 5,5—6 тыс. чел., см.: *Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство. С. 211.

¹²¹ *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 16.

ственного земельного фонда между служилыми людьми, производимую соответствующими великокняжескими чиновниками»¹²².

Однако этот вывод ученого о бюрократизации процесса испомещения в описываемую эпоху явно противоречит его же попыткам связать поместную политику тех лет с деятельностью боярских группировок, сменявших друг друга при дворе. Так, поместное верстание 1538/39 г., которое Г. В. Абрамович считает благоприятным для рядовых детей боярских, он ставит в заслугу лично кн. Ивану Васильевичу Шуйскому и противопоставляет эту мудрую политику поместным раздачам, проводившимся в начале 1540-х гг., «при Бельских», якобы только в интересах знати¹²³.

Между тем именно большой размах землеустроительных работ 30—40-х гг. XVI в. делает крайне сомнительным тезис о том, будто поместная политика той поры повторяла все колебания придворной конъюнктуры. Конечно, упомянутый выше факт пожалования кн. П. И. Шуйскому огромного поместья в Твери в 1539/40 г. проще всего объяснить влиянием его отца, боярина кн. И. В. Шуйского. Но сколь бы могущественным ни был тогда глава клана Шуйских, он никак не мог, находясь в столице, лично решать, кто из сотен новгородских помещиков, проходивших смотр в 1538/39 г., больше достоин придачи земли, или — годом позже — кому из тверских псарей, сытников или ключников следует дать поместье и какого размера. Подобные решения уже становились в то время частью бюрократической процедуры, в которой важную роль играли воеводы, определявшие служебную годность детей боярских, а также писцы и дьяки, от которых в конечном счете зависело (как показывают проанализированные выше челобитья новгородских помещиков 1550-х гг.), кто и сколько земли получит.

Еще менее убедительна попытка Г. В. Абрамовича приписать поместную политику начала 1540-х гг. влиянию лидера другой боярской группировки — кн. И. Ф. Бельского, который на короткое время стал тогда «первосоветником» Ивана IV. Непонятно, на каком основании ученый считает князей Бельских инициаторами раздела выморочной вотчины кн. В. А. Микулинского: никто из знатных лиц, получивших обширные поместья на ее территории, — ни кн. А. Б. Горбатый, ни кн. С. В. Ростовский, ни Г. В. Морозов — никогда не был сторонником кн. И. Ф. Бельского.

¹²² Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство. С. 202.

¹²³ Абрамович Г. В. Поместная политика. С. 196—199.

Несоответствие устоявшихся в науке представлений реальной практике испомещений изучаемого времени наглядно демонстрирует следующий эпизод. В ноябре 1540 г. вологодские писцы Т. А. Карамышев и Н. К. Милославский отмерили поместье в волости Тошне Вологодского уезда Якову Сидорову сыну Колотиловского. Отвод земли, согласно сохранившейся отдельной выписи, был произведен «по великого князя Ивана Васильевича всеа Руси наказному списку и *по окладу боярина князя Ивана Михайловича Шуйского*»¹²⁴ (подчеркнуто мной. — М. К.). Приведенный случай интересен тем, что осень 1540 г. считается в литературе временем усиления влияния при дворе кн. И. Ф. Бельского, но, как мы видим, к назначению поместных окладов был причастен тогда представитель враждебного этому временщику клана, боярин кн. И. М. Шуйский. Таким образом, поместная политика не может быть синхронизирована с известными нам по летописям взлетами и падениями лидеров придворных группировок. Уместно также напомнить о том, что описание того или иного уезда, сопровождавшееся выделением земли помещикам, как явствует из дошедших до нашего времени писцовых книг по Новгороду и Твери 30—40-х гг. XVI в., нередко растягивалось на несколько лет: за это время в Москве мог смениться не один фаворит. Иными словами, процесс испомещения следовал ритму и логике приказного управления, а не перипетиям борьбы придворных группировок за власть.

3. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И ПОСАДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Как показало изучение земельной политики 1530—1540-х гг., власти, несомненно, понимали особые интересы монастырей и служилых людей в сфере землевладения, хотя правительственные меры в этой области не были ни последовательными, ни особенно эффективными. Но существовала еще одна большая группа населения — посадские люди: были ли они объектом такого же внимания со стороны властей в 30—40-е гг. XVI в., как и помещики? Можно ли говорить о какой-то целенаправленной политике по отношению к городским посадкам в описываемое время?

¹²⁴ АСЗ. М., 2008. Т. IV. № 4. С. 7.

* * *

Первые годы великого княжения Ивана IV ознаменовались активным строительством городских укреплений. 20 мая 1534 г. был заложен земляной «град» в Москве: с этого началось возведение будущего Китай-города. По словам Летописца начала царства, «велел князь великий делати град и ров копати *митрополичим и боярским и княжим и всем людем без выбора*, и зделаша его того же лета месяца июня»¹²⁵ (выделено мной. — М. К.). Составитель Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского также отметил, что строительные расходы были возложены на все слои населения Москвы: «...и совершиша град того же лета, *казною великого князя, и митрополичею, и князей, и бояр, и гостей, прочих граждан*»¹²⁶ (выделено мной. — М. К.). Через год, в мае 1535 г., на месте земляных укреплений были сооружены каменные стены и башни с воротами; работами руководил итальянский архитектор Петрок Малый Фрязин¹²⁷ (Пьетро Аннибале), о котором уже не раз шла речь в этой книге.

Одновременно с возведением Китай-города в Москве строительные работы начались и в Великом Новгороде, причем инициатива в этом случае также исходила от великокняжеской власти: весной 1534 г., как рассказывает летопись по списку Дубровского, «прислал государь князь велики Иван Васильевич всяя Руси своего дьяка Григорья Загряского к своему богомолцу в Великий Новгород архиепископу Макарию, и к¹²⁸ наместником и дьяком, и повеле поставити град древян на Софейской стороне»¹²⁹. Летописец особо отмечает роль дьяков Якова Шишкина и Фуника Курцова, служивших тогда в Новгороде. Очевидно, именно к ним относится летописная фраза: «И повелеша град ставити всем градом, опрично волостей [...] и роскинуша примет городской денежной, что город ставили, на весь град: на гости на московские и на новгородские, на старосты и на черные люди, и на архиепископа, и на священники, и на весь причет церковный; а доселя того не бывало при

¹²⁵ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 12. Воскресенская летопись добавляет к этому рассказу, что земляной «град» был построен «по тому месту, где же мыслил отец его [Ивана IV. — М. К.] князь велики Василей ставити» (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 287).

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 43. С. 234.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 17; т. 8. С. 289.

¹²⁸ В тексте ошибочно вместо предлога «к» стоит предлог «с». Исправлено мною по смыслу.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 43. С. 234.

старых великих князях, — летописец подчеркивает новизну и непривычность принятых мер, — ставили город доселе всеми новгородскими волостями, а городовые люди нарядчики были»¹³⁰.

Каков был размер этого «денежного примета», разложенного (как и в Москве) на все городские слои, явствует из сообщения летописи по списку Н. К. Никольского: «И уставиша урок на архиепископа, и на гостей, и на черных людей, и на священников, и на весь Новгород, *з двора по 20 денег*; и свершиша того же лета, месяца июля»¹³¹ (выделено мной. — М. К.). Из другой новгородской летописи, Большаковской, узнаём еще одну интересную деталь: оказывается, строительными работами руководил присланный из Москвы итальянский архитектор — «мастер фрязин Иван Петров»; он, в частности, стал «у всех стрельниц старого города делати верхи острые»¹³².

В 1535—1536 гг. география городского строительства заметно расширилась: были построены новые крепости на западных, южных и восточных рубежах страны; но сама организация фортификационных работ следовала той же централизованной схеме, которая впервые была применена при сооружении Китай-города в Москве и восстановлении стены на Софийской стороне Новгорода. Решение о строительстве принималось в столице, откуда на место посылался воевода или дьяк с соответствующими полномочиями, а порой и мастер, руководивший работами. Строительство велось ускоренными темпами, что достигалось за счет мер мобилизационного характера. Так, крепость Ивангород на озере Себеж (на литовской территории) была возведена в рекордный срок, за три недели (с 29 июня по 20 июля 1535 г.), силами детей боярских Деревской пятины и черных людей, которых привел на место новгородский дворецкий И. Н. Бутурлин, руководивший этой операцией¹³³. А фортификационные работы на Себеже велись под наблюдением Петра Фрязина¹³⁴, который месяцем ранее строил каменные стены Китай-города в Москве.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 43. С. 234.

¹³¹ ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 615.

¹³² *Коняевская Е. Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 378.

¹³³ ПСРЛ. Т. 29. С. 18; РК 1605. М., 1977. Т. I, ч. II. С. 253—254.

¹³⁴ По словам Вологодско-Пермской летописи, «а мастер был городской Петр Малой Фрязин архитектон» (ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 316).

15 июля 1535 г. в Пермь по великокняжескому приказу был послан Семен Давыдов сын Курчов — «города ставити, а старой згорел», как поясняет летописец¹³⁵.

В 1536 г. строительная активность властей достигла апогея. 26 января в Ржевском уезде на литовском рубеже была построена крепость Заволочье¹³⁶. «Того же месяца, — говорится в Воскресенской летописи, — повелением великого князя поставлен городок в Костромском уезде — Буй-городок на Кореге»¹³⁷. 29 марта начались работы по переносу на новое место г. Темникова (Мещерского городка) на р. Мокше; Летописец начала царства, который называет точные даты начала и конца строительства, так объясняет решение о переносе города: «... того ради, что был старой город мал и некрепок; и великая княгини велела его прибавити и срубити новой город, а доделан того же лета, августа 2»¹³⁸. 10 апреля началось восстановление Стародуба на Севершине, сожженного литовско-польской армией осенью 1535 г.; работы по возведению земляных укреплений были завершены 20 июля¹³⁹. В те же месяцы велось строительство г. Велижа в Торопецком уезде¹⁴⁰. Кроме того, летом были восстановлены пострадавшие от пожаров деревянные стены Владимира, Торжка и Ярославля¹⁴¹.

Наконец, осенью 1536 г. были возведены еще два новых города: Балахна и Пронск. Начавшееся в июле и завершившееся в октябре строительство земляных укреплений на Балахне летописец объясняет тем, что «посад велик, а людей много»; поэтому «князь великий и его мати, берегучи, велели град зделати Балахну землян»¹⁴².

Тогда же новый великокняжеский заказ получил Петр Фрязин: как сообщает продолжатель Хронографа редакции 1512 г., 8 октября 1536 г. «повелением государя нашего великого князя Ивана Васильевича всея Руси и матери его великие княгини Елены поставлен город на Проньску, а мастер был Петр Фрязин Малой»¹⁴³.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 289.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 24.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 291.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 25.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. С. 26.

¹⁴¹ Там же. С. 26, 27. По сообщению Воскресенской летописи, деревянные стены были возведены также в Устюге: «Тоя же весны зделан град Устюг древян» (ПСРЛ. Т. 8. С. 291).

¹⁴² ПСРЛ. Т. 29. С. 27.

¹⁴³ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // ИА. М., 1951. Т. VII. С. 287—288.

По мнению И. И. Смирнова, такой размах городского строительства свидетельствовал о том, что «правительство Елены Глинской придавало проблеме города особо важное значение»¹⁴⁴. Ученый характеризовал принятые центральными властями меры как «политику усиленного внимания к интересам посада»¹⁴⁵. Однако с этой точкой зрения трудно согласиться.

Прежде всего нужно отметить, что в 30-е гг. XVI в. строились исключительно крепостные сооружения: земляные насыпи, деревянные и каменные стены и башни. Конечно, укрепление оборонных городов отвечало интересам их жителей, но говорить о каком-то «усиленном внимании» к нуждам именно посадских людей нет оснований. Скорее наоборот: интенсивное строительство означало для последних рост денежных поборов и городской повинности. Уместно напомнить, что во время строительства стены в Великом Новгороде в 1534 г. «урок», установленный для всех слоев населения, составил 20 денег с каждого двора, но черным людям выплатить эту сумму было тяжелее, чем духовенству или зажиточным купцам (гостям).

Показательно также, что нам не известно ни одного случая, когда инициатива городского строительства исходила бы от посадских людей. И. И. Смирнов в обоснование своего тезиса об особом внимании правительства к интересам посада ссылается на летописный рассказ о постройке Буй-городка:¹⁴⁶ в январе 1536 г., по словам Летописца начала царства, «били челом великому князю и его матери из Костромского уезда волость Корега, Ликурга, Залесие, Борок Железной, чтобы государь пожаловал, велел поставить город того ради, что тамо волости многие, а от городов далече. И князь великий и мати его великая княгини велели поставить на Кореге Буй-город»¹⁴⁷. Но, как явствует из приведенного текста, челобитье о постройке города исходило не от посадских людей (посадов и не было в этой сельской местности), а от жителей волостей. Очевидно, суть прошения заключалась в том, чтобы возвести крепость, в которой население окрестных сел и деревень могло бы укрыться в случае нападения неприятеля. О том, что подобные опасения имели под собой реальную почву, свидетельствует упоминаемый Вос-

¹⁴⁴ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 47—48.

¹⁴⁵ Там же. С. 48.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 24.

кресенской летописью под 1536 г. набег казанских татар на Костромские «места»¹⁴⁸.

Поэтому гораздо убедительнее выглядит точка зрения тех ученых, которые связывают активную градостроительную политику 1530-х гг. с задачами обороны от внешних врагов: Великого княжества Литовского — на западе, крымцев — на юге и казанцев — на востоке¹⁴⁹. Действительно, строительство крепости Ивангород (на Себеже) в 1535 г., Заволочья и Велижа в 1536 г., а также восстановление летом того же года укреплений Стародуба являлись составной частью военных действий против Литвы (так называемой Стародубской войны 1534—1537 гг.)¹⁵⁰. Возведенный летом—осенью 1536 г. на р. Проне в Рязанской земле г. Пронск вскоре стал одним из форпостов обороны на юге от набегов крымцев. А построенные в том же году Буй-городок, Темников (Мешерский городок) и Балахна призваны были защитить местное население от постоянных нападений казанских татар.

Но помимо внешних опасностей, в период политического кризиса возникали и внутренние угрозы, когда власти возлагали надежды, среди прочего, и на крепость городских стен. Так, в мае 1537 г., как только стало известно о походе мятежного князя Андрея Старицкого на Новгород, великокняжеские наместники и дьяки «повелеша город поставити на Торговой стороне», поскольку там после большого пожара 1508 г. не было стены. Укрепления были возведены в кратчайший срок: «...и поставиша город всем градом, — говорит новгородский летописец, — опрично волостей, в пять дней, в человек стояшь в высоту, около всея стороны»¹⁵¹.

Как видим, организация работ при строительстве стены вокруг Торговой стороны в 1537 г. была той же самой, что и тремя годами ранее при возведении укреплений на Софийской стороне. Но именно мобилизационный характер строительства, в которое были принудительно вовлечены все слои городского населения, помогает понять, почему после смерти Елены Глинской крупные градостроительные работы сразу прекратились. Для их продолжения требо-

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 291—292.

¹⁴⁹ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления. С. 70, 73—74; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 235—239.

¹⁵⁰ См. подробнее: Кром М. М. Стародубская война. С. 65—66, 86.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 302 (Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку). Тот же рассказ помещен и в Новгородской летописи Дубровского: ПСРЛ. Т. 43. С. 240.

валась единая политическая воля, способная мобилизовать в короткий срок значительные силы и средства для решения поставленных задач. По-видимому, временщики, занявшие после смерти правительницы ее место у трона малолетнего государя, такой волей не обладали. Их положение было непрочным, и они не могли проводить непопулярные меры, вызывавшие недовольство духовенства и других влиятельных сил в стране. Таким образом, прекращение городского строительства объясняется, вероятно, теми же причинами, что и произошедший весной 1538 г. отказ правительства от попыток как-то контролировать рост монастырского землевладения (об этих попытках шла речь в начале этой главы).

С конца 30-х гг. городское строительство почти полностью замирает. Едва ли не единственной крепостью, сооруженной в 1538—1548 гг., стал городок Любим на р. Обноре. Сохранилась указная грамота Ивана IV от 6 августа 1538 г. детям боярским и крестьянам нескольких станов Костромского и Вологодского уездов, которая стала ответом на челобитье тамошних жителей, просивших разрешения на постройку города в связи с казанской опасностью: «...те волости и станы [...] от городов отошли далече, верст по сту, по девяносту, и мест-де осадных у вас в городах от казанских людей вам убежешей нет, и коли-де прииде от казанских людей всполошное время, и вам-де и в город на Кострому бежати далече, и без города-де вам впредь немочно быть»¹⁵². Разрешение от имени великого князя было дано — с условием, чтобы выбранное место подходило для сооружения крепости, в которой «от казанских людей отседетися мочно»¹⁵³. В итоге город на р. Обноре в устье речки Учи был построен и получил впоследствии имя Любим.

* * *

У рассматриваемой проблемы есть еще один аспект — отношение центральной власти к белым слободам в городах, т.е. частновладельческим дворам, жители которых были освобождены от налогов и повинностей, возложенных на посадское население.

Исследователь русского средневекового города П. П. Смирнов назвал время, наступившее после смерти Василия III, «пятнадцатилетней раннефеодальной реакцией»: по мнению ученого, щедрая раздача в этот период иммунитетных грамот «возвращала» в горо-

¹⁵² АСЗ. Т. III. № 514. С. 427.

¹⁵³ Там же. С. 428.

да и села порядка XIV—XV вв.¹⁵⁴ С. М. Каштанов привел многочисленные случаи пожалования монастырям городских дворов, а также финансовых и судебных привилегий на них в годы «боярского правления»; впоследствии он опубликовал подборку грамот, относящихся к истории беломестного землевладения в городах в 1539—1547 гг.¹⁵⁵

Справедливости ради нужно отметить, что в нашем распоряжении есть и документы иного рода. В частности, С. Н. Кистерев опубликовал недавно две указные грамоты Ивана IV в Галич, датированные соответственно 8 июня 1537 г. и 20 мая 1538 г. и свидетельствующие о том, что борьба посадских людей против неплательщиков городского тягла находила порой поддержку у центральных властей. Первая указная грамота была послана в ответ на челобитье черных людей-галичан, жаловавшихся на попов, пищальников, воротников и иных городских людей, живших в «тяглых» (т.е. подлежащих налогообложению) дворах, но уклонявшихся от уплаты тягла с остальным населением посада. Для взыскания недоимок с неплательщиков галичскому сотскому и целовальникам был дан пристав, Федька Григорьев сын Шадрин¹⁵⁶. Но, очевидно, принятые меры не возымели действия, коль скоро менее года спустя, в мае 1538 г., в Галич была послана указная грамота аналогичного содержания, с той только разницей, что теперь приставом, которому поручалось «доправливати» на неплательщиках тягла деньги за прошлые годы, назначен был Степан Анфимов¹⁵⁷. Более того, по всей видимости, проблема неплатежей с тяглых дворов, занимаемых людьми, не принадлежавшими к посаду и не желавшими нести тягло, оставалась актуальной в Галиче и в последующее десятилетие, как об этом свидетельствует царская указная грамота от 20 марта 1549 г., адресованная на этот раз галичскому наместнику кн. И. И. Пронскому, которому предписывалось дать пристава

¹⁵⁴ *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. I. С. 104. Исследователь составил также перечень жалованных грамот XV — первой половины XVI в. на городские дворы, дворовые места и т.п. объекты; значительное место в перечне занимают грамоты 1530—1540-х гг. (Там же. С. 32 — 55).

¹⁵⁵ *Каштанов С. М.* Социально-политическая история. С. 336—340, 350; *Каштанов С. М.* ИРСИ. С. 218—237.

¹⁵⁶ *Кистерев С. Н.* Документы о посадских людях Галича XVI — начала XVII века // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 236. Док. № 1.

¹⁵⁷ Там же. С. 237. Док. № 2.

для взыскания тягла с «ослушников» — пищальников и крестьян, живущих в тяглых дворах и не платящих налоги¹⁵⁸.

Известны также единичные случаи, когда писцы приписывали монастырские или владычные слободы к посадам, но происходило это, вероятно, без санкции центральных властей, поскольку, как правило, через некоторое время такие решения опротестовывались и отменялись. Так, в 1535/36 г. коломенский писец В. П. Бороздин с товарищами записал в тягло вместе с черными дворами и две слободки (30 дворов), принадлежавшие коломенскому владыке. Но 3 августа 1538 г. по челобитью епископа Коломенского и Каширского Вассиана последнему была выдана государева жалованная грамота, освобождавшая владычные дворы от несения тягла¹⁵⁹.

Аналогичный случай произошел в середине 1540-х гг. со слободкой Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. В 1544 г. писцы С. Т. Отяев «с товарищи» приписали монастырскую слободку (26 дворов) к суздальскому посаду. Затем по жалобе архимандрита с братией городовым приказчикам была послана великокняжеская грамота с распоряжением, чтобы они «тое монастырские слободки [...] к посаду к черным людям не тянули ни в которые розметы и в подати», но это требование не было выполнено. Тогда 14 марта 1547 г. в Суздаль была отправлена новая царская указная грамота с выговором заслушание и предписанием: монастырскую слободку, 26 дворов, к посаду не «тянуть» ничем¹⁶⁰.

Вероятно, подобных случаи происходили по инициативе писцов и местных властей (в частности, городских приказчиков), которые были ближе к посадскому населению и, возможно, больше учитывали его интересы. Но позиция центрального правительства по данному вопросу была совершенно иной: в 30—40-е гг. XVI в. не заметно никаких признаков, которые свидетельствовали бы о намерении правящей верхушки как-то ограничить распространение привилегированного (беломестного) землевладения в городах. Напротив: с самого начала великого княжения Ивана IV мы видим непрекраща-

¹⁵⁸ Кистерев С. Н. Документы о посадских людях Галича XVI — начала XVII века // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 238. Док. № 3.

¹⁵⁹ Кучкин В. А. Жалованная грамота 1538 г. на две слободки в Коломне // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 342—343 (о дате описания Коломны В. П. Бороздиным «с товарищи» см.: Там же. С. 341).

¹⁶⁰ АСЕМ. № 65. С. 136—137. О дате работы в Суздале писцов С. Т. Отяева с «товарищи», приписавших монастырскую слободку к посаду, см.: Смирнов П. П. Посадские люди. Т. I. С. 106.

ющийся поток жалований городских дворов и дворовых мест монастырям¹⁶¹. С конца 1530-х гг. возрастает и количество иммунитетных грамот на монастырские и владычные слободки¹⁶².

Таким образом, обобщая имеющийся в нашем распоряжении материал, можно сделать вывод о том, что не только какая-то особая забота об интересах посадского населения, но и вообще сколько-нибудь последовательная городская политика в 30—40-х гг. XVI в. не прослеживается. Вряд ли стоит объяснять этот факт в терминах «феодальной реакции», как это делали советские историки середины XX в. Скорее можно говорить о том, что к описываемому времени посадские люди не сумели стать значимой социальной группой в общегосударственном масштабе. Если материальная поддержка монастырей и церквей была неременной частью традиционного благочестия, а многочисленные дети боярские составляли реальную военную силу, с которой в эпоху мятежей и дворцовых переворотов нельзя было не считаться, то основная масса горожан (черные люди) не представляла большого интереса для власти имущих. Показательно, что во время московского восстания 1547 г., которое, как мы помним, некоторые придворные группировки использовали для сведения счетов со своими противниками, не прозвучало ни одного собственно «городского» лозунга. Иными словами, слабость русского города описываемой эпохи объясняет и отсутствие ясной городской политики со стороны центральной власти.

¹⁶¹ См. Прил.: I, № 6, 30, 31, 35, 109, 151, 153, 160, 163, 166, 189, 209, 253, 268, 269, 293, 297, 301, 325, 338, 342, 399, 432, 444, 454, 457, 465, 478, 479, 483, 489, 491, 499.

¹⁶² Там же. № 135, 325, 257, 342, 411, 428, 432, 436, 453, 455.

Глава 11

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ 30—40-Х ГГ. XVI В.

Междоусобная борьба, дворцовые перевороты, опалы и казни, с которыми обычно ассоциируется «боярское правление», нередко скрывают от взора историков те перемены, которые происходили в хозяйственно-административной сфере. А сделано было немало. О большом поместном верстании конца 1530-х гг. уже шла речь в предыдущей главе. Оно было связано с еще более масштабным мероприятием — второй генеральной переписью всех земель в стране. Г. В. Абрамович датировал эту перепись 1536—1545 гг.¹ По наблюдениям Е. И. Колычевой, основная волна переписи пришлось на 1540—1544 гг.²

К числу наиболее заметных преобразований 30—40-х гг. XVI в. принадлежат, бесспорно, монетная и губная реформы. Каждой из них посвящена обширная литература. В этой главе, не затрагивая всех аспектов упомянутых преобразований, мы сосредоточим внимание на соотношении старого и нового в правительственной политике периода «боярского правления», на ее связи с мероприятиями предшествующей и последующей эпох. В конечном счете нас будет интересовать логика и последовательность изменений, осуществленных властями в годы малолетства Грозного.

1. МОНЕТНАЯ РЕФОРМА

Историки и нумизматы проделали большую работу, анализируя летописные известия о введении новых денег и сопоставляя их с материалами монетных кладов. При этом разноречивые в летописных датах вызвал продолжительную дискуссию о хронологии реформы. Так, автор первой специальной статьи на эту тему, Г. Б. Федоров,

¹ Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство. С. 22.

² Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 16—21.

основываясь на сообщении Новгородской IV летописи (по списку Дубровского), датировал реформу 1535 годом, когда, по мнению ученого, был издан специальный великокняжеский указ, изложение которого сохранилось во многих летописях³. Однако И. Г. Спасский, ссылаясь на текст Сокращенного новгородского летописца (по списку Никольского), в котором указана более ранняя дата — апрель 1534 г., — относил начало реформы именно к этому времени⁴.

С подобной датировкой не согласился А. А. Зимин: он справедливо указал на сбивчивость и ненадежность хронологии в Летописце Никольского; по мнению ученого, первые известия о монетной реформе относятся к февралю—марту 1535 г., а ее завершение — к апрелю 1538 г.⁵

Впоследствии новые аргументы в пользу датировки реформы 1535—1538 гг. привели А. С. Мельникова⁶ и В. Л. Янин⁷. Однако достигнутый, наконец, консенсус по поводу хронологических рамок денежной реформы вовсе не означает согласия ученых относительно ее целей и основного содержания. Как заметил недавно С. Н. Кистерев, «исследователи мало занимались вопросом о смысле производимых правительством в ходе реформирования денежного хозяйства страны действий»⁸. Ранее предложенные учеными объяснения: попытка выхода «из тяжелого финансового положения» (А. А. Зимин) или стремление уберечь новые монеты от порчи (И. Г. Спасский) — не кажутся С. Н. Кистереву убедительными. Сам он видит ответ на свой вопрос в изменении «метрологических оснований русской монетной системы» (увеличении веса гривенки, из которой чеканились монеты, с 195,84 до 204 г)⁹. Заслуживает

³ Федоров Г. Б. Унификация русской монетной системы и указ 1535 года // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1950. Т. VII. № 6. С. 548.

⁴ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 44. М., 1955. С. 277—279.

⁵ Зимин А. А. О монетной реформе правительства Елены Глинской // Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Т. IV. С. 245—250.

⁶ Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIII. М., 1980. С. 83, 88; *Ее же*. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. С. 16—20, 28.

⁷ Янин В. Л. Хронология монетной реформы правительства Елены Глинской // Россия на путях централизации: Сборник статей. М., 1982. С. 66—76.

⁸ Кистерев С. Н. Метрологические особенности денежной реформы правительства Елены Глинской // ОФР. М., 2001. Вып. 5. С. 22.

⁹ Там же. С. 23.

также внимания предположение исследователя о том, что, «в то время как сама реформа была осуществлена в соответствии со стремлением правительства улучшить качество обращающихся монет, а идея понижения весовой нормы монет принадлежала правительнице государства или кому-то из ее ближайшего окружения и обязана их благим устремлениям, метрологическое обоснование реформы явилось результатом деятельности представителей иного социального слоя, а именно — высшего купечества» (управление новгородским денежным двором было поручено «московскому гостю» Богдану Корюкову)¹⁰.

Мне представляется весьма плодотворной мысль о различии между инициаторами реформы, которые могли руководствоваться «благими устремлениями», и ее техническими исполнителями. Присмотримся к тому, как излагали цели преобразований летописцы эпохи «боярского правления». Помещенная под 7043 г. краткая статья Воскресенской летописи, написанная непосредственно в период проведения монетной реформы, гласила: «Того же месяца марта князь велики Иван Васильевич всеа Руси и его мати великаа княгини Елена велели переделывати старые денги на новой чекан того деля, что было в старых денгах много обрезанных денег и подмесу, *и в том было христианству великаа тягость*; в старой гривенке было полтретиа рубля, а в новых гривенках велели делати по три рубля; а подделщиков, которые люди денги подделывали и обрезывали, тех велели обыскивати, и иные, обыскав, казнили; а старым денгам впрок ходити не велели»¹¹ (выделено мной. — М. К.).

Как видим, летописец объяснял введение новых денег заботой правителей о благе подданных, стремлением облегчить вызванную порчей монеты «тягость христианству». Более подробное религиозно-нравственное обоснование денежной реформы содержится в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского — памятнике, который его новейший публикатор, О. Л. Новикова, датирует концом 40-х гг. XVI в.¹²

«Того же лета 7043 государь князь велики Иван Васильевич всеа Руси, — сообщает летописец, — в третье лето государства своего,

¹⁰ Кистерев С. Н. Метрологические особенности денежной реформы правительницы Елены Глинской // ОФР. М., 2001. Вып. 5. С. 23—24.

¹¹ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 289. Подробный метрологический комментарий к этому рассказу Воскресенской летописи дан в процитированной выше статье С. Н. Кистерева (с. 16, 18—22, 24).

¹² Новикова О. Л. Предисловие // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 5, 6.

по преставлении отца своего великого князя Василья Ивановича всея Руси, повеле делати денги серебряные новые на свое имя, без всякого примеса из гривенки и[з] скаловые триста денег новгородских, а в московское число три рубля московская ровно». Пояснив, что при Василии III из той же гривенки чеканили 260 новгородских денег, и рассказав об отличиях изображения на новой монете (копейке) от старой, летописец говорит далее: «Понеже при державе великого князя Василья Ивановича начаша безумнии человери *научением дияволим* те прежние деньги резати и злый примес в серебро класти, и того много лет творяху...» Казни не помогли: «...они же безумнии друг от друга *вражым навожением* сему злomu обычаю учахуся...»¹³ (выделено мной. — М. К.).

Порча монеты, таким образом, в изображении летописца предстает как следствие порчи нравов под действием дьявольского соблазна. На той же почве распространился еще один грех — клятвопреступления: «...тем злым обычаем клятвы злых словес... всю землю наполниша, понеже сие худые денги ови хвалят, а инии хулят, и того ради в людях клятвы и злых словес без числа наполнися. А прелсти бо их враг, — летописец вновь указывает коренную (метафизическую) причину всех людских несчастий, — яко от того безумия инии в мале обогатеша, а вскоре погибоша, мнози напрасными и безгодными смертми изомроша». Вот в такой обстановке и было принято решение о чеканке новой монеты: «И государь князь велики Иван Васильевич и мати его благочестивая великая княгиня Елена, помысля с своими бояры, повелеша те резаные денги заповедати и не торговати ими, и сливати их в серебро, и делати новые денги без всякого примеса». А своему богомолцу архиепископу Макарию Великого Новагорода и Пскова и своим наместником и дьяком повелеша те новые денги накрепко беречи, чтоб безумнии человери нимало не исказили, и стары бы злы обычаи оставили, и на покаяние пришли; и начаша делати новые денги месяца июня 20 день»¹⁴.

От этого рассказа веет глубоким средневековым: на память приходит, например, борьба за «хорошие» деньги во Франции при Людовике Святом (в 1262—1270 гг.), включавшая в себя и запрет подделки королевских монет, и чеканку новых денежных знаков¹⁵.

¹³ ПСРЛ. Т. 43. С. 236.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 43. С. 236.

¹⁵ См.: *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. с франц. В. И. Матузовой. М., 2001. С. 191—194.

Разумеется, сказанное не означает, что мероприятия, проведенные в сфере денежного обращения правительством Елены Глинской, не содержали в себе никакого практического расчета. Расчет, несомненно, был: как указывают нумизматы, реформа 1530-х гг. сопровождалась понижением стопы, т.е. новые монеты были легче по весу, чем старые (из гривенки серебра теперь чеканили «новгородок» не на 2,6, а на 3 рубля¹⁶). Однако технические средства не должны заслонять собой целей или мотивов принятых мер, а они, судя по приведенным летописным рассказам, целиком находились в рамках средневековой христианской морали: долг благочестивого государя заключался, среди прочего, и в защите «добрых» денег¹⁷.

Ясно, что *так* понимаемая задача монетного регулирования была вполне консервативна, и поэтому не удивительно, что летописцы никак не подчеркивают (в отличие от ряда историков XX в.!) радикализм упомянутого нововведения. Более того, в процитированном выше рассказе Новгородской летописи по списку Дубровского заметно стремление связать шаги, предпринятые правительством юного Ивана IV и его матери по оздоровлению денежной системы, с мерами прежнего великого князя, Василия III, жестоко преследовавшего фальшивомонетчиков¹⁸. В этом контексте денежная реформа предстает как прямое продолжение политики покойного государя и как бы освящается его авторитетом.

Но дело заключается не только в консервативном восприятии современниками происходивших на их глазах преобразований: сами нововведения не отличались такой стремительностью и радикализмом, как порой утверждается в литературе. Показательно, что современные исследователи гораздо сдержаннее, чем их предшественники, оценивают эффект реформы 1530-х гг. в плане унификации денежной системы в стране: «...не было ни единого руководства денежными дворами, — пишет А. С. Мельникова, — ни

¹⁶ Спасский И. Г. Русская монетная система. 4-е изд. Л., 1970. С. 111.

¹⁷ Само выражение «добрые деньги» также содержится в летописном повествовании: «...в старых деньгах в добрых, — говорит Летописец начала царства, — в новгородках и в московках, в гривенке полтретья рубля з гривною...» (ПСРЛ. Т. 29. С. 17).

¹⁸ Вологодско-Пермская летопись сообщает, что в сентябре 1533 г. в Москве были казнены фальшивомонетчики из многих городов: москвичи, смоляне, костромичи, вологжане, ярославцы: ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 315. Ранее Холмогорская летопись упоминала под 1530 г., что «посылал князь великий по городом сыскивать, хто деньги подделывает и обрезывает» (ПСРЛ. М., 1977. Т. 33. С. 136).

единого денежного обращения, хотя, разумеется, черты централизации в денежном деле уже давали о себе знать»¹⁹. Как отмечает исследовательница, проведение денежной реформы «имело свои особенности и свой темп в каждом из центров чеканки — в Москве, Новгороде, Пскове и Твери»²⁰.

Новое не спешило на смену старому и в сфере терминологии: напрасно Г. Б. Федоров утверждал (абсолютно голословно!), будто термин «копейка» получил «широкое распространение» сразу после 1535 г., заменив собой прежнее «архаическое название» — «новгородку»²¹. На самом деле, как заметил еще И. Г. Спасский, название «копейка», упомянутое в летописях в связи реформой 1530-х гг., после этого надолго исчезает из письменных источников; официальным в XVI в. был термин «новгородка»²². Справедливость этого наблюдения подтверждена и в недавнем исследовании А. С. Мельниковой²³. Исследовательница отметила также, что иностранные словари свидетельствуют о сохранении следов разделения русского денежного обращения на новгородское и московское вплоть до начала XVII в.²⁴

Судьба монетной реформы показывает, на мой взгляд, как важно при оценке преобразований XVI в. отличать конкретные мотивы, которыми руководствовались власти, предпринимая те или иные шаги, от отдаленных последствий этих мер, которые проводившие их лица не предвидели и не ставили своей целью. Начальная история губных учреждений в России дает еще одно подтверждение этой мысли.

2. ГУБНАЯ РЕФОРМА

Хотя традиция изучения губных учреждений в допетровской Руси насчитывает уже полтора столетия (если брать за точку отсчета

¹⁹ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. С. 16.

²⁰ Там же. Подводя итоги реформы 30-х гг. XVI в., А. С. Мельникова подчеркивает, что она осуществлялась «крайне осторожно и продуманно, новые номиналы вводились постепенно и последовательно» (Там же. С. 28).

²¹ Федоров Г. Б. Унификация русской монетной системы. С. 550, 551.

²² Спасский И. Г. Денежное обращение. С. 288.

²³ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. С. 29.

²⁴ Там же. С. 30.

публикацию знаменитого труда Б. Н. Чичерина об областном управлении XVII в.²⁵), но время и обстоятельства их появления в XVI в. — так называемая губная реформа — по-прежнему вызывают споры среди исследователей. По сути, нет такого вопроса в истории этой реформы, который бы не был дискуссионным. Исследователи продолжают спорить о ее целях и результатах, хронологических рамках и этапах проведения, о масштабе изменений и логике, которой руководствовались лица, осуществлявшие преобразования. Неясна, таким образом, даже фактическая канва событий.

Отчасти такая ситуация объясняется скудостью имеющихся в нашем распоряжении источников. Не сохранилось специального законодательного акта, вводившего губные органы управления по всей стране (вопрос о том, существовал ли когда-либо в принципе такой акт, сам является предметом дискуссии). В настоящее время известно около 20 губных грамот и наказов XVI в., регламентировавших деятельность выборных должностных лиц (губных старост, целовальников и т.п.) в отдельных местностях страны. Их изучение тормозится отсутствием критического издания сохранившихся текстов на современном археографическом уровне. В изданном А. И. Яковлевым в 1909 г. сборнике были помещены 11 из 12 известных к тому времени губных грамот XVI в.; при этом тексты просто перепечатывались с различных изданий XIX в., сверка с оригиналами не проводилась, археографическое описание рукописей отсутствовало²⁶. В результате текст некоторых опубликованных А. И. Яковлевым грамот содержит грубые искажения²⁷, что делает невозможным использование его хрестоматии в научных целях.

В дальнейшем в 1950-х гг. было выявлено и опубликовано еще несколько губных грамот и наказов XVI в., а также текст Уставной книги Разбойного приказа 1555/56 г.²⁸ Недавняя находка Ю. С. Ва-

²⁵ Чичерин Б. [Н]. Областные учреждения России в XVII-м веке. М., 1856.

²⁶ НГЗУГ. С. 50—92.

²⁷ Так, текст Каргопольской губной грамоты 1539 г., впервые опубликованный в 1846 г. в «Дополнениях к актам историческим» (СПб., 1846. Т. I. № 31. С. 32—33) и затем перепечатанный в хрестоматии А. И. Яковлева, содержит, как показывает сравнение с единственным списком XVI в., хранящимся в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПб. ИИ. Кол. 174. Акты до 1613 г. Оп. 1. Д. 133), неоговоренные дополнения и исправления, внесенные издателями из взятой ими за образец Белозерской грамоты 1539 г.

²⁸ Зимин А. А. Губные грамоты XVI века из Музейного собрания // ЗОР ГБЛ. М., 1956. Вып. 18. С. 210—229; ПРП. Вып. IV. М., 1956. С. 179—185, 356—370; Носов Н. Е. Губной наказ Новгородской земле 1559 г. // ИА. 1959. № 4. С. 212—217; Леонтьев А. К. Устюжская губная грамота 1540 г. // Там же. 1960. № 4. С. 218—222.

сильевым в Вологодском архиве не известной ранее губной грамоты, выданной в 1539/40 г. Вельскому стану Важского уезда,²⁹ позволяет надеяться, что фонд известных науке губных грамот XVI в. будет еще пополнен. В настоящее время их число достигло 19.

Важную информацию о губной реформе можно почерпнуть из жалованных и указных грамот XVI в. (на что в свое время справедливо обращали внимание С. М. Каштанов и А. А. Зимин³⁰). Эта категория документов также пополнилась недавно ценными находками. Особо нужно отметить опубликованную К. В. Барановым указную грамоту Ивана IV начала 1540-х гг. о выборе голов для сыска разбойников в Рузском уезде, содержащую упоминания о не дошедшей до нашего времени губной Рузской грамоте³¹.

Ввод в научный оборот ранее не известных источников служит одним из стимулов для нового обращения к, казалось бы, хорошо изученной теме. Другим подобным стимулом является происходящий в последние десятилетия в отечественной и зарубежной историографии пересмотр сложившихся в свое время стереотипов в оценке губной реформы.

Уместно напомнить, что ученые XIX в. (преимущественно историки права), говоря о введении губных учреждений в эпоху Ивана Грозного, не пользовались термином «реформа». Ввиду недостатка источников они излагали начальную историю губного управления очень сжато и схематично, уделяя основное внимание губным старостам XVII в.³² Длительную дискуссию вызвал вопрос о природе

²⁹ ГАВО. Ф. 1260 (Коллекция столбцов). Оп. 51. Д. 1. Список XVI в. За информацию о местонахождении этой грамоты я выражаю искреннюю признательность Ю. С. Васильеву и М. С. Черкасовой. Грамота пока остается неопубликованной. Исследователям доступно лишь фототипическое воспроизведение лицевой стороны этого документа, см.: Государственный архив Вологодской области / Сост. Л. Н. Мясникова, Ю. А. Смирнов. Вологда, 2001. С. 2.

³⁰ Каштанов С. М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // История СССР. 1959. № 6. С. 142—147; Зимин А. А. О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в. // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 34—35, 39.

³¹ Баранов К. В. Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV — начала XVII века // РД. Вып. 4. М., 1998. С. 30—31. № 5.

³² Чичерин Б. Н. Областные учреждения. С. 449—504; Курдиновский В. Губные учреждения Московского государства // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. № 10. С. 280—318; № 12. С. 309—342; Ретвих Н. П. Органы губного управления в XVI и XVII вв. // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1896. Т. 6. С. 259—298.

губных учреждений: были ли они для местного населения правом или обязанностью³³; но само их появление описывалось большинством исследователей одинаково: поскольку кормленщики (наместники и волостели) не справлялись с задачей борьбы с «лихими людьми», это дело стало поручаться правительством, по просьбе местного населения, выборным губным властям в волостях и уездах; с этой целью на места посылались специальные губные грамоты. Лишь постепенно губные учреждения получили распространение по всей стране.

Именно так, как уже устоявшееся в науке мнение, излагают ход введения губных учреждений В. О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» и М. Ф. Владимирский-Буданов в «Обзоре истории русского права», при этом ни тот ни другой ученый не называют этот длительный процесс распространения губного управления «реформой»³⁴.

Что касается хронологических рамок этого процесса, то они определялись различными исследователями по-разному. Так, С. А. Шумаков, автор первой монографии о губных и земских грамотах, полагал, что выборные губные власти появились сначала, еще в конце XV — начале XVI в., на землях Новгорода и Пскова, а затем приобрели общерусский характер. К 1539 г., т.е. ко времени выдачи первой известной нам губной грамоты (Белозерской), они встречались, по словам Шумакова, «почти повсеместно». При этом, по мнению исследователя, правительство, по существу, не вводило новых учреждений, а лишь санкционировало издавна существовавшие в народе обычаи, возложив на местные выборные органы новые обязанности. С изданием в 1555 г. Уставной книги Разбойного приказа создание общегосударственной системы губных учреждений было завершено, и выдача новых губных грамот прекратилась³⁵.

³³ Чичерин Б. Н. Областные учреждения. С. 450—451; Градовский А. Д. История местного управления в России. СПб., 1868. Т. I. С. 102—109; Ретвих Н. П. Термин «губа», определение «губной грамоты», причины возникновения «губного института» и передачи высшей уголовной юрисдикции в руки народа // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. СПб., 1892. Вып. IX. С. 188; Курдиновский В. Губные учреждения. С. 290—291.

³⁴ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 2: Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987. С. 333—338; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 6-е. СПб.; Киев, 1909. С. 195—196.

³⁵ Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. С. 15—17, 40—41.

Большинство исследователей, однако, связывало начало введения губных учреждений с выдачей первых известных нам губных грамот в конце 1530-х гг.³⁶ В. О. Ключевский проследил постепенное развитие губного ведомства с 1539 до 1586 г.³⁷, тем самым расширив хронологические рамки изучаемого явления до конца XVI в.

Впервые в историографии целостная концепция губной *реформы* как целенаправленного мероприятия правительства конца 30—40-х гг. XVI в., проведенного в общероссийском масштабе, была представлена в монографии и серии статей Н. Е. Носова, вышедших во второй половине 1950-х гг.³⁸

Основные причины губной реформы, по мнению Н. Е. Носова, заключались в резком обострении в 30—40-х гг. XVI в. классовой борьбы в стране (принимавшей, в том числе, и форму массовых разбоев) и в глубоком кризисе старой наместничьей системы местного управления, не способной противостоять росту народных волнений. Суть реформы, проведенной в интересах «широких слоев уездного дворянства» и верхушки посадского населения, состояла в изъятии дел о «ведомых лихих людях» из рук наместников и волостелей и передаче их в руки выборных лиц из числа детей боярских или (в черносошных волостях и на посадах) «лучших людей»³⁹.

Эта часть концепции Носова была безоговорочно принята последующей советской историографией. С тех пор в науке прочно утвердился тезис о преобразованиях 1530—1540-х гг. как о «первой общегосударственной реформе местного управления» и «генеральной репетиции» земской реформы 50-х гг. XVI в.⁴⁰ Не могло тогда вызвать возражений и положение о классовом, продворянском характере губной реформы: в соответствии с марксистско-ленинским учением, советские историки считали, что в конечном счете все государственные преобразования являются следствием классовой

³⁶ См., например: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 195.

³⁷ *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 2. С. 334—335.

³⁸ Подробный анализ работ Н. Е. Носова, посвященных губной реформе, а также дискуссии по поводу выдвинутой им концепции см.: *Кром М. М.* Творческое наследие Н. Е. Носова и проблемы изучения губной реформы XVI в. // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 45—57.

³⁹ *Носов Н. Е.* Губная реформа и центральное правительство конца 30-х — начала 40-х годов XVI в. // Изз. Т. 56. М., 1956. С. 207—208; *Его же.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 227—234, 243—245, 256—264, 339.

⁴⁰ *Носов Н. Е.* Губная реформа и центральное правительство. С. 206.

борьбы. О связи губной реформы с подавлением антифеодальных выступлений шла речь во многих работах 1950-х гг.⁴¹ Что касается мысли об «антинаместничьей направленности» реформы (термин Н. Е. Носова), то она восходила еще к дореволюционной историографии (в частности, С. А. Шумаков связывал введение губных учреждений с неспособностью наместников бороться с разгулом преступности в стране⁴²) и в советской исторической литературе 1950-х гг. приобрела характер аксиомы⁴³.

Между тем другие положения концепции Носова встретили серьезные возражения со стороны ряда историков. В центре развернувшейся дискуссии оказались вопросы о хронологических рамках и территориальном охвате губной реформы, о возможном влиянии на ее ход тогдашней политической конъюнктуры, а также о самой методике исследования⁴⁴.

Проанализировав текст ранних губных грамот 1539—1541 гг. и статьи Псковской летописи под 1540/41 годом, Н. Е. Носов пришел к выводу, что реформа, т.е. повсеместное учреждение губных органов, осуществлялась на основе не дошедшей до нас единой уставной грамоты или великокняжеского уложения, а сохранившиеся губные грамоты представляют собой лишь списки с этого документа. В этой связи историк высказал предположение, что под упомянутым в писцовых наказах 1646 г. Судебником царя Ивана Васильевича 7047 г. (=1538/39 г.) следует понимать как раз это, не сохранившееся до наших дней, уложение о суде над ведомыми лихими людьми-разбойниками⁴⁵. Он также предположил, что замысел губной реформы, — а возможно, и начало ее осуществления — следует отнести ко времени правления Елены Глинской; во всяком

⁴¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 138; *Каштанов С. М.* К проблеме местного управления. С. 146—147; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 255, 285—288, 291.

⁴² *Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты. С. 40.

⁴³ Характерно, что С. М. Каштанов, далеко не во всем согласный с концепцией Н. Е. Носова, также понимал губную реформу как «борьбу за ограничение наместничьего управления» (*Каштанов С. М.* К проблеме местного управления. С. 142, 143).

⁴⁴ Здесь я не касаюсь всех аспектов этой важной дискуссии конца 50-х — начала 60-х гг., в которой приняли участие Н. Е. Носов, С. М. Каштанов, А. А. Зимин; подробнее о ней см.: *Кром М. М.* Творческое наследие Н. Е. Носова. С. 49—51.

⁴⁵ *Носов Н. Е.* Губная реформа и центральное правительство. С. 213—218; *Его же.* Очерки по истории местного управления. С. 246, 248, 250—251, 299—304.

случае, выдача губных грамот была сосредоточена в руках бояр, дворецких и дьяков, возвысившихся при Василии III и сохранивших свое влияние после его смерти⁴⁶.

Гипотеза о существовании некоего Судебника или «уложения» 1538/39 г. была убедительно оспорена А. А. Зиминым и И. И. Смирновым: оба ученых сошлись во мнении, что речь в данном случае могла идти лишь об описке или ошибке приказных дельцов середины XVII в.⁴⁷

В развернутой рецензии на книгу Н. Е. Носова С. М. Каштанов подверг критике тезис автора о повсеместном проведении губной реформы в 1539—1541 гг. По мнению рецензента, источники тех лет сохранили сведения о введении губных органов лишь в северных и северо-западных уездах страны; значительное расширение сферы действия реформы произошло только в 1547—1548 гг.⁴⁸ Каштанов также счел неубедительной попытку Носова связать начало губной реформы с правлением Елены Глинской; по его наблюдениям, дьяки, подписавшие губные грамоты, были возвышены боярскими правителями конца 1538 — 1541 гг., а не великой княгиней. Что же касается аргумента Носова о том, что главой боярской комиссии по «разбойным делам» был в октябре 1539 г. кн. И. Д. Пеньков — видный деятель правительства Елены Глинской, женатый на ее младшей сестре, то Каштанов отверг его на следующем основании: «Если связывать губную реформу лишь с центральным органом, т.е. с коллегией “бояр, которым разбойные дела приказаны”, то ее можно отнести не только к правлению Елены Глинской, но и к времени Василия III»⁴⁹. Это утверждение ученый подкрепил ссылкой на жалованную грамоту Василия III Корнильеvu Комельскому монастырю 1531 г., содержащую упоминание о боярах, которым великий князь приказал «обыскивать» лихих людей — татей и разбойников.

В данном эпизоде дискуссии о времени проведения губной реформы наглядно видно, как при недостатке прямых свидетельств источников ее хронологические рамки определялись учеными на

⁴⁶ Носов Н. Е. Губная реформа и центральное правительство. С. 210, 215, 233; *Его же*. Очерки по истории местного управления. С. 292—301, 326.

⁴⁷ Зимин А. А. Историко-правовой обзор к «Сводному судебнику» // ПРП. Вып. IV. С. 556; Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 317—318, прим. 15.

⁴⁸ Каштанов С. М. К проблеме местного управления. С. 141—146.

⁴⁹ Там же. С. 148.

основании общих представлений о сути проводимых преобразований. Поскольку суть реформы в понимании С. М. Каштанова заключалась в создании губных органов и ограничении власти наместников, а обнаруженный им документ 1531 г. *об этом* новой информации не содержал, то исследователь не посчитал его достаточным основанием для отнесения начала реформы к более раннему времени. Более того, впоследствии ни сам Каштанов, ни другие историки не проявили интереса к процитированному им документу, и он до сих пор остается неопубликованным. Между тем, как я постараюсь показать ниже, при рассмотрении под другим углом зрения грамота 1531 г. может дать очень интересную и важную информацию.

Отвечая на критику, Н. Е. Носов подчеркнул, что несколько случайно дошедших до нас губных грамот 1539—1541 гг. не являются достаточным основанием для вывода об ограниченном территориальном охвате реформы, что же касается используемых Каштановым иммунитетных грамот, то они, в силу архаичности формуляра, не отразили хода преобразований в том или ином уезде⁵⁰.

Архивные находки последних лет и, в частности, упомянутая выше указная грамота в Рузу начала 1540-х гг., найденная К. В. Барановым, подтверждают справедливость замечаний Н. Е. Носова о невозможности судить о географии губной реформы по сохранившимся губным грамотам, а тем более утверждать (как это сделал С. М. Каштанов), что преобразования первоначально охватили только северные районы страны. Но данных для вывода о всероссийском масштабе реформы, на чем настаивал Носов, по-прежнему недостаточно.

В итоге в литературе утвердилось точка зрения А. А. Зимина и С. М. Каштанова (поддержанная также А. К. Леонтьевым⁵¹) о постепенном распространении губной реформы по территории страны. Зимин считал, что реформа осуществлялась не путем издания общего Уложения, а путем посылки губных грамот в отдельные районы (на первом этапе — преимущественно в северные); ее завершение ученый отнес к середине 1550-х гг.⁵²

Тезис о поэтапном проведении губной реформы в 30—50-х гг. XVI в. прочно вошел в отечественную историографию; его можно

⁵⁰ Носов Н. Е. «Новое» направление в актовом источниковедении // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. X. С. 311—328.

⁵¹ Леонтьев А. К. Устюжская губная грамота 1540 г. С. 220.

⁵² Зимин А. А. Губные грамоты XVI века. С. 210—212; *Его же*. Реформы Ивана Грозного. С. 254—255, 418—421, 432.

встретить как в обобщающих трудах и учебных пособиях по истории России, так и в специальных исследованиях по данной теме⁵³.

Начиная с 1960-х гг. происходила постепенная ревизия концепции губной реформы, утвердившейся в научной литературе после выхода монографии Н. Е. Носова. В первую очередь пересмотру подвергся тезис о классовом характере реформы, причем сам Носов в работах, опубликованных в 60—80-х гг., постепенно отказался от него. Уже в статье 1962 г. он оспорил правомерность трактовки любых упоминаний в источниках о «лихих людях» как свидетельств о классовой борьбе⁵⁴; в последующих работах государственные преобразования 30—50-х гг. XVI в. интересовали ученого не с точки зрения отражения в них классовой борьбы, а в связи с проблемой становления в России сословного представительства⁵⁵. Наконец, в посмертно опубликованной статье о «земском устройении» 1530—1540-х гг. Носов считал возможным написать об «общеземском характере» губной реформы, при особой роли дворянства в ее проведении⁵⁶. Эта характеристика была вполне созвучна оценкам реформы, высказывавшимся в дореволюционной научной литературе (ср. мнение С. А. Шумакова о «всесословности» губных учреждений⁵⁷).

Заметный вклад в преодоление некоторых стереотипов, сложившихся в изучении губной реформы, внес американский историк Х. Дьюи. В работе, опубликованной в 1966 г., он подверг аргументированной критике утвердившийся в советской научной литературе тезис о «протестном» характере разбоев XVI в. и о нацеленности губной реформы на подавление этой формы классовой борьбы. Дьюи привел свидетельства источников об участии дворян-

⁵³ Власть и реформы: от самодержавной к советской России. С. 56, 67 (автор раздела — В. М. Панеях); История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 1996. С. 415 (автор главы — В. Д. Назаров); Баранов К. В. Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря. С. 23—24.

⁵⁴ Носов Н. Е. «Новое» направление. С. 337—338.

⁵⁵ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.

⁵⁶ Носов Н. Е. Социальная борьба и «земское устройство» в России в 30—40-х годах XVI в. // Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 9) / Межвузовский сборник под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1985. С. 137. Подробнее об эволюции взглядов ученого на характер губной реформы см.: Крам М. М. Творческое наследие Н. Е. Носова и проблемы изучения губной реформы XVI в.

⁵⁷ Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. С. 41.

ства (детей боярских) в разбоях, а также резонно указал на то обстоятельство, что сама процедура сыска «лихих людей» подразумевала активное содействие населения губным органам, которые, при малочисленности их штата, никак не могли бы справиться с массовыми волнениями⁵⁸.

В другой статье Х. Дьюи оспорил широко распространенное в дореволюционной и советской историографии мнение о направленности губной реформы против системы кормлений: анализируя Судебник 1550 г., ученый показал, сколь большой объем власти сохранялся на тот момент в руках наместников; по его мнению, законодатель стремился к «очищению» системы управления (как в центре, так и на местах) от присущих ей пороков, но не ставил целью полную ликвидацию института наместников⁵⁹.

В 80-е гг. XX в. точка зрения Х. Дьюи была развита представителем нового поколения американских русистов — Брайаном Дэвисом, который пересмотрел традиционную схему прогрессивной эволюции форм местного управления в России XVI в.: от системы кормлений — к губному и земскому самоуправлению, а далее — к воеводскому управлению. По мнению Дэвиса, ни губная, ни земская реформа не были направлены против системы кормлений; во второй половине XVI столетия в местном управлении сосуществовали и переплетались различные органы власти: наместники, губные старосты, городовые приказчики и воеводы⁶⁰.

⁵⁸ Dewey H. W. Muscovite Guba Charters and the Concept of Brigandage (*Razboj*) // Papers of the Michigan Academy of Science, Arts, and Letters. Vol. LI (1966). P. 277—288, о разбойниках: с. 284—288. Ранее о разбоях и о попытках властей бороться с ними при помощи губных учреждений писал Джон Кип: *Keep J. Bandits and the Law in Muscovy* // The Slavonic and east European Review. Vol. 35. № 84 (December 1956). P. 201—222.

⁵⁹ Dewey H. W. The Decline of the Muscovite Namestnik // Oxford Slavonic Papers. Vol. XII (1965). P. 21—39, особенно — с. 29—36. Здесь уместно напомнить, что еще в 1906 г. о том же писал В. О. Ключевский: «При введении губного управления, по-видимому, еще не предполагалось ни отменять кормления, ни даже ограничивать права кормленщиков. Законодательство старалось точно разграничить оба ведомства, губное и кормовое, и безобидно определить их взаимные отношения. Судебник 1550 г. заботливо ограждает компетенцию кормленщиков от вмешательства губных старост...» (*Ключевский В. О. Сочинения*. Т. 2, ч. 2. С. 338). Так сначала на Западе, а в конце XX века и в России историки вернулись к оценкам губной реформы, выработанным в дореволюционной историографии.

⁶⁰ Davies B. L. The Town Governors in the Reign of Ivan IV // Russian History. 1987. Vol. 14. № 1—4. P. 77—143, особенно — p. 77—95.

На пороге нового, XXI в. ревизия устоявшихся взглядов на губную реформу произошла и в отечественной историографии. Так, Т. И. Пашкова видит причину введения губных учреждений не в пресловутом росте «классовой борьбы» и не в намерении правительства ограничить власть кормленщиков, а в стремлении создать на местах эффективные органы борьбы с разбоями, которые бы координировали свои действия между собой, не замыкаясь в пределах своих уездов и волостей (что было характерно для наместников и волостелей), и подчинялись единому руководству в Москве. При этом, подчеркивает исследовательница, новые структуры местного управления создавались не вместо, а наряду со старыми институтами⁶¹.

Точку зрения Т. И. Пашковой полностью поддержал В. Н. Глазьев, отметивший, что изученное ею применительно к первой половине XVI в. переплетение функций старых и новых органов власти оставалось характерной чертой системы местного управления и в последующий период, во второй половине XVI — XVII в.⁶²

Если Н. Е. Носов характеризовал преобразования 30—40-х гг. XVI в. как радикальную реформу, то современные исследователи склонны, наоборот, подчеркивать традиционализм действий властей. Так, Т. И. Пашкова напоминает о том, что, хотя губные органы создавались впервые, но сам обычай участия местного населения в сыске разбойников существовал уже давно (он отразился, в частности, в статьях Белозерской уставной грамоты 1488 г. и Судебника 1497 г.). Речь, таким образом, шла о возведении в закон норм обычного права⁶³.

В том же духе высказался недавно С. Н. Богатырев в исследовании о губных старостах 50-х гг. XVI в.: «Губная администрация не была ни новшеством “боярского правления” конца 1530-х гг., ни кратковременным заигрыванием с “демократическим” самоуправлением на местном уровне. Развитие губных учреждений пред-

⁶¹ Пашкова Т. И. К вопросу о причинах губной реформы 30—40-х гг. XVI в. // Феодальная Россия. Новые исследования. Сборник научных статей под ред. М. Б. Свердлова. СПб., 1993. С. 30—34; *Ее же*. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000. С. 110—118.

⁶² Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 23—25, 40—41.

⁶³ Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве. С. 115—116.

ставляется скорее эволюционным процессом, шедшим в течение всей первой половины XVI в., чем радикальной реформой»⁶⁴.

* * *

Знакомясь с литературой последних лет, посвященной истории губной реформы, невольно приходишь к мысли о цикличности развития историографии: многие наблюдения и выводы в исследованиях Б. Дэвиса, Т. И. Пашковой, В. Н. Глазьева, С. Н. Богатырева напоминают оценки, высказанные сто и более лет назад в работах Б. Н. Чичерина, В. О. Ключевского, С. А. Шумакова и других ученых XIX — начала XX в. Кроме того, можно заметить, что хронологические рамки губной реформы становятся все более расплывчатыми по мере того, как уходят в прошлое попытки историков увидеть за строками губных грамот некий тайный замысел правительства: подавление антифеодалных выступлений, ограничение власти наместников, укрепление позиций Москвы на территории бывших уделов⁶⁵ или создание на местах органов сословного представительства⁶⁶.

В этом плане очень характерны попытки Т. И. Пашковой и С. Н. Богатырева (как в свое время С. А. Шумакова) удревнить историю губной реформы, обнаружить давние истоки губных учреждений. По словам Богатырева, «идея о том, что губная реформа началась в конце 1530-х годов, основана на изучении сохранившихся губных грамот. Вместе с тем эти источники слишком немногочисленны, чтобы представить всю историю губного управления. С начала XVI столетия, по крайней мере, и вплоть до начала XVIII в. центральные власти экспериментировали с различными методами вовлечения разных групп местного населения в деятельность по поддержанию законности и порядка в провинции»⁶⁷.

⁶⁴ Bogatyrev S. Localism and Integration in Muscovy // *Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present* / Ed. by S. Bogatyrev. Helsinki, 2004. P. 59—127, цитата — с. 84.

⁶⁵ С. М. Каштанов полагал, что губная реформа проводилась в первую очередь на территории бывших уделов и полуавтономных образований (*Каштанов С. М. К проблеме местного управления*. С. 143—146).

⁶⁶ В посмертно опубликованных работах, отразивших замысел неосуществленного монографического исследования, Н. Е. Носов рассматривал губную реформу 30—40-х гг. XVI в. как шаг на пути к созданию сословно-представительных учреждений на местах (*Носов Н. Е. Социальная борьба и «земское устройство»*. С. 137—140, 144; *Его же. Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в.* // ИЗ. М., 1986. Т. 114. С. 160—162).

⁶⁷ Bogatyrev S. Localism and Integration in Muscovy. P. 84.

В самом деле, если рассматривать создание губных учреждений лишь как один из экспериментов по наведению порядка на местах и искоренению преступности, то грань 1530-х гг. становится относительной: ясно ведь, что центральная власть озаботилась проблемой разбоев гораздо раньше, что и отразили, в частности, статьи Судебника 1497 г. Столь же условной является и другая закрепившаяся в научной литературе хронологическая грань — середина 1550-х гг., поскольку упомянутые «эксперименты» властей по созданию эффективной системы борьбы с «лихими людьми» продолжались и после упомянутой даты.

Итак, предположим, что правительство, отдавая распоряжения о создании на местах выборных органов для преследования «лихих людей», не преследовало никаких иных целей, кроме той, которая прямо подразумевается в самих дошедших до нас ранних губных грамотах, а именно — решительной и бескомпромиссной борьбы с разбойниками. Попробуем взглянуть на нововведение 1530-х гг. под более широким углом зрения — как на одну из мер, которые практиковала великокняжеская власть с конца XV в., пытаясь обуздать разгул преступности в стране.

* * *

Впервые в общегосударственном масштабе меры по борьбе с «лихими людьми» были регламентированы в Судебнике 1497 г. В этом памятнике в качестве родового понятия для наиболее тяжких преступлений используется термин «татьба»; причем суд по такого рода делам был предусмотрен на двух уровнях: центральном (суд великого князя или боярина) и местном (суд наместника). Статья «О татбе» (ст. 8 по традиционной нумерации) из раздела о боярском суде гласила: «А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью...»⁶⁸ Поимкой, доставкой в суд, охраной и пыткой татей занимались специальные судебные агенты — неделщики, функции которых описывались особым разделом Судебника («О неделщиках указ», ст. 31 и сл.). «А пошлют которого неделщика по татей, — говорилось в ст. 34, — и ему татей имати безхитростно, а не норовити ему никому»⁶⁹.

⁶⁸ Судебники XV—XVI веков. С. 20.

⁶⁹ Там же. С. 24.

Процедуру наместничьего суда по делам о «лихих людях» определяла ст. 39 Судебника («О татех указ»): «А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой, и ему [наместнику. — М. К.] того велети казнити смертною казнью...»⁷⁰

В случае приезда московского недельщика в какой-либо город или волость (т.е. на территорию, находившуюся в юрисдикции соответственно наместника или волостеля), для подтверждения своих полномочий он должен был предъявить особую «приставную» грамоту: «А в которой город или в волость в которую приедет недельщик или его человек с приставною, и ему приставная явити наместнику или волостелю, или их тиуну» (ст. 37)⁷¹.

Все эти законодательные нормы давно известны в науке и неоднократно комментировались исследователями⁷², но почему-то до сих пор не предпринималось попыток изучить встречающиеся в актовом материале первой половины XVI в. ссылки на деятельность упомянутых в Судебнике великокняжеских недельщиков, посылаемых для поимки «лихих людей». Впервые на эти документы обратил внимание С. М. Каштанов почти полвека назад в рецензии на книгу Н. Е. Носова по истории местного управления, однако до сих пор они не были подвергнуты систематическому изучению⁷³.

Речь идет о жалованных несудимых грамотах 20—40-х гг. XVI в., предоставлявших их владельцам иммунитет от судебной власти наместников и волостелей. Обычно это пожалование сопровождалось установлением ежегодных сроков (от одного до трех), когда грамотчик или его люди могли быть вызваны в великокняжеский

⁷⁰ Судебники XV—XVI веков. С. 25.

⁷¹ Там же. С. 24.

⁷² См.: *Черепнин Л. В.* Комментарий к Судебнику 1497 г. // Судебники XV—XVI веков. С. 52—57, 74—77, 80; *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления. С. 228—229; *Его же.* «Новое» направление. С. 335; *Пашкова Т. И.* Местное управление. С. 106, 113, 116; *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 202—203, 206—208, 223, 228, 284—286, 294, 307, 308.

⁷³ Каштанов ссылался на эти документы с целью обоснования своей концепции об особом усилении классовой борьбы (отождествляемой им с «разбоями») на севере страны (*Каштанов С. М.* К проблеме местного управления. С. 144—146). Носов процитировал некоторые из упомянутых грамот с тем, чтобы продемонстрировать несостоятельность гипотезы Каштанова (*Носов Н. Е.* «Новое» направление. С. 331—337). Однако к изучению интересующего нас вопроса о централизованном сыске «лихих людей» в первой половине XVI в. эти документы ни разу не привлекались.

суд по искам других лиц. Начиная с 1522 г., как установил С. М. Каштанов, в некоторых из этих грамот встречается важная оговорка о возможности бессрочного вызова грамотчика в суд в случае присылки из Москвы недельщика «с записью». Так, в жалованной несудимой грамоте Василия III игумену Кассиано-Учешского монастыря на вотчины в Углицком уезде, выданной 1 июня 1522 г., устанавливались два срока для явки монастырской братии или крестьян по иску в великокняжеский суд (Крещение и Петров пост), а далее говорилось: «...а коли мой, великого князя, боярин или дьяк по игумену Пахомья и его братью и по их крестьян пошлет недельщика с записью, опричь тех двух сроков, и им на те сроки ставитись...»⁷⁴

Жалованная грамота Василия III Симонову монастырю от 3 января 1524 г. на владения в Бежецком Верхе и Углицком уезде проясняет обстоятельства, при которых в монастырской вотчине мог появиться недельщик «с записью». Монастырские крестьяне могли быть вызваны в великокняжеский суд по искам других лиц только два раза в году (на Рождество Христово и Петров пост), но с оговоркой: «...опричь лихих людей, татей и розбойников». «А в лихих делех в татьбах и в розбоях, — гласила далее грамота, — по их крестьян ездят наши недельщики з записями и на поруку их дают безсрочно»⁷⁵.

Такой же порядок в подобных случаях устанавливался в жалованной несудимой грамоте Василия III митрополиту Даниилу на суздальское село Быково с деревнями, выданной 22 сентября 1526 г.: «А учинится у них душегубство, и розбой, и татьба с поличным в году меж тех сроков [Рождество Христово и Петров день. — М. К.] в том его селе, — говорилось в документе, — и наши бояре пришлют наших неделщиков с записью по его людей и по христиан, да тех его людей и христиан дают на поруки на крепкие да за порукою их приводят с собою вместе к мне, к великому князю»⁷⁶.

Недельщики «с записями» упоминаются и в некоторых правых грамотах 20-х гг. XVI в. Обращение к одной из них, выданной по приговору судьи, боярина М. Ю. Захарьина, митрополичьему сыну

⁷⁴ ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 171. С. 140. В публикации ошибочно напечатано: «...и им на те сроки не ставитись»; в подлиннике грамоты, как указал С. М. Каштанов, стоит: «...и им на те сроки ставитись» (*Каштанов С. М.* К проблеме местного управления. С. 144, прим. 62).

⁷⁵ АФЗХ/АМСМ. № 18. С. 25—26.

⁷⁶ АФЗХ. М., 1951. Ч. I. № 162. С. 144.

боярскому Басалаю Рагозину 2 июня 1528 г., поможет нам нагляднее представить характер деятельности этих судебных приставов.

Басалай Рагозин «с товарищи» судился с Андреем Лапиным, «человеком» Василия Бундова, обвиняя того в разбойном нападении на митрополичий рыбный двор в Сенежской волости. На суде в Москве, помимо истца и ответчика, присутствовал и недельщик Данилко Трофимов. Судья задал ему вопрос: почему он доставил на суд одного А. Лапина и не привез других участников того нападения? «И недельщик Данилко Трофимов так рек: яз, господине, по них ездил и изъехал, есми, господине, с понятыми того Андрейка Лапина, а товарищи его, господине... *которые у меня в записи*, Истомка Быков с товарищи, поуतेкали в очех...»⁷⁷ (выделено мной. — М. К.). Как явствует из приведенного текста, «запись», с которой ездил недельщик, содержала список лиц, которых ему поручалось задержать и доставить в Москву на суд.

В недельщиках «с записями» можно без труда узнать недельщиков с приставными грамотами, о которых говорит Судебник 1497 г. Грамоты 1520-х гг., отражая применение его норм на практике, в то же время, по-видимому, свидетельствуют о некоторых изменениях делопроизводственной терминологии по сравнению с концом XV в. Примечательно, что в грамоте 1522 г. Кассиано-Учешскому монастырю говорится о посылке недельщика боярином или дьяком, а в документе 1526 г. употреблено множественное число («наши бояре пришлют наших недельщиков»). Имеем ли мы здесь дело просто с вариантами словоупотребления или указанное различие отражает некую тенденцию в развитии практики управления? Следующий документ, к анализу которого мы обратимся, дает, на мой взгляд, некоторые основания для суждений по этому поводу.

Выше уже упоминалась жалованная несудимая грамота Василия III Корнильеvu Комельскому монастырю на земли в Вологодском уезде, выданная 18 сентября 1531 г. В 50-е гг. XX в. эта грамота привлекла к себе внимание С. М. Каштанова⁷⁸, но до сих пор этот документ остается неопубликованным.

Ограничивая одним сроком в году возможность подачи исков в великокняжеский суд против монастырских людей и крестьян, грамота Корнильеvu монастырю содержала уже знакомую нам оговорку, но совершенно в иной редакции: «...опричь тех людей, что

⁷⁷ АФЗХ. М., 1951. Ч. I. № 222. С. 195.

⁷⁸ Каштанов С. М. К проблеме местного управления. С. 145, 148.

есми своим боярам приказал обыскивати лихих людей, татей и розбойников, и на которых будет слово лихое взмолвят в татьбе и в розбое, ино яз сам, князь велики, по тех людей пошлю, или мой дворецкой. А сужю их яз, князь велики, или мой дворецкой»⁷⁹.

Этот документ заслуживает пространного комментария. Как уже говорилось, исследователи губной реформы ни разу не обращались к этому источнику после того, как С. М. Каштанов процитировал его в своей статье 1959 г. Между тем грамота Корнильеву монастырю 1531 г. заставляет нас по-новому посмотреть на организацию централизованного сыска «лихих людей» в первой трети XVI в.

Во-первых, в ней содержится самое раннее упоминание боярской комиссии «по разбойным делам» — за восемь лет до первых известных нам губных грамот. Поручение великого князя своим боярам «обыскивати лихих людей, татей и розбойников» явилось развитием на практике норм Судебника 1497 г. о боярском суде над татями (ст. 8) и посылке за ними недельщиков (ст. 34). Характерно, что уже в самых ранних известных нам губных грамотах (Белозерской и Каргопольской, от 23 октября 1539 г.) фигурирует устойчивая формула: «наши [т.е. великокняжеские. — М. К.] бояре, которым разбойные дела приказаны»⁸⁰; она не меняется и в последующих грамотах 1540—1541 гг.⁸¹ Для того чтобы этот канцелярский оборот приобрел неизменный вид, он, очевидно, должен был

⁷⁹ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 102. Подлинник.

⁸⁰ Здесь и далее Белозерская губная грамота цитируется по первому изданию (ААЭ. Т. I. № 187. С. 163—165, цитируемая формула — на с. 165), выполненному с подлинника (Архив СПб. ИИ. Кол. 12. Археографическая экспедиция. Оп. 1. Д. 71). В XX столетии грамота неоднократно переиздавалась, но последние по времени публикации (ПРП. Вып. IV. С. 176—179; Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. М., 1985. Т. 2. С. 213—215) представляют собой перепечатки, без сверки с рукописью, и из-за наличия грубых опечаток не могут использоваться в научном исследовании. Каргопольская грамота цитируется по первому изданию, выполненному со списка XVI в. (ДАИ. Т. I. № 31. С. 32—33, цитируемая формула — на с. 33), но из-за упомянутых выше произвольных искажений текста издателями (см. сноску 27) в некоторых случаях приходится обращаться к рукописи (Архив СПб. ИИ. Кол. 174. Акты до 1613 г. Оп. 1. Д. 133).

⁸¹ См. Устюжскую грамоту от 4 апреля 1540 г. (публ. по единственному списку конца XVI в.: *Леонтьев А. К.* Устюжская губная грамота 1540 г. // ИА. 1960. № 4. С. 222), Солигалицкую 31 августа 1540 г. (новейшая публ. по подл.: АФЗХ/АМСМ. № 64. С. 76), грамоты селам Троице-Сергиева монастыря от 23 октября и 25 ноября 1541 г. (публ. по спискам XVII в. из Троицкой копийной кн. № 527: ААЭ. Т. I. № 194. С. 171, 173).

постоянно употребляться в течение относительно длительного периода. Грамота 1531 г. дает некоторый хронологический ориентир для суждений о времени возникновения как интересующей нас формулы, так и самой боярской комиссии. С учетом процитированной выше грамоты 1526 г., в которой уже фигурируют «наши бояре», это время можно осторожно обозначить в широких пределах как вторую половину 20-х — начало 30-х гг. XVI в.

Во-вторых, анализируемая грамота Корнильеву Комельскому монастырю интересна тем, что правом посылки недельщиков за обвиненными в татьбе и разбое людьми, согласно этому документу, обладал наряду с великим князем его дворецкий; он же упоминается рядом с государем в качестве судьи высшей инстанции. О причастности дворцового ведомства к сыску «лихих людей» в первой половине 1530-х гг. свидетельствует и жалованная несудимая грамота Ивана IV Симонову монастырю на варницы у Соли Галицкой и деревни в Галицком и Костромском уездах, датированная 4 ноября 1535 г.

При составлении этого документа, вероятно, были использованы прежние великокняжеские грамоты Симонову монастырю, поэтому по формуляру грамота 1535 г. очень близка к процитированной выше грамоте, выданной той же обители Василием III в 1524 г. В частности, уже известная нам клаузула о том, что установленный срок подачи судебных исков (в данном случае — один раз в году) не распространяется на «лихих людей — татей и разбойников», слово в слово повторяет аналогичную статью из грамоты 1524 г.: «А в лихих делах в татьбах и в разбоях по их крестьян ездят наши недельщики з записьми и на поруку их дают безсрочно»⁸². Но особый интерес представляет помета на обороте грамоты 1535 г.: «Приказал дваретцкой Иван Иванович Кубинской. Дьяк Федор Мишурин»⁸³. Эта помета красноречиво свидетельствует о том, из недр какого ведомства вышла грамота.

Мы проследили в самых общих чертах, насколько позволили имеющиеся в нашем распоряжении источники, эволюцию системы централизованного сыска «лихих людей» от Судебника 1497 г. до времени появления первых известных нам губных грамот в 1530-х гг. Вехами этой эволюции стали: создание во второй половине 20-х или начале 1530-х гг. боярской комиссии «по раз-

⁸² АФЗХ/АМСМ . № 51. С. 55—56.

⁸³ Там же. С. 56.

бойным делам» (возможно, существовавшей на первых порах по принципу временного поручения) и (по крайней мере, с начала 1530-х гг.) подчинение недельщиков, занимавшихся сыском «лихих людей», великокняжескому дворецкому. Но те же самые структуры — боярская комиссия «по разбойным делам» и дворцовый аппарат — занимались, как известно, и созданием губных органов на местах. Таким образом, проанализированные выше жалованные грамоты 20-х — первой половины 30-х гг. позволяют понять контекст правительственной политики, в котором появились губные учреждения, и хотя бы частично заполнить лакуну, существовавшую в научной литературе между нормами Судебника 1497 г. и постановлениями ранних губных грамот.

* * *

Переходя к вопросу о времени введения на местах выборных органов сыска «лихих людей», следует отметить, что, несмотря на все усилия, ученым вряд ли когда-либо удастся установить точную дату этого события. И дело здесь не только в недостатке источников: сам по себе этот «недостаток» является частью изучаемой проблемы и нуждается в объяснении.

Почему, например, ни одна из московских летописей 40—50-х гг. (Воскресенская, Постниковский летописец, Летописец начала царства и т.д.) не упоминает о начале столь важной (по мнению историков) реформы? Этот факт трудно объяснить, если принять гипотезу Н. Е. Носова об издании в конце 30-х гг. XVI в. особого указа (или уложения) о введении губных учреждений по всей стране. Напротив, если считать, как полагает большинство исследователей, что такого указа не было и выборные судебные органы вводились постепенно путем рассылки губных грамот в отдельные волости и уезды, то молчание официальных московских летописей о реформе вполне понятно: указанная канцелярская процедура, растянувшаяся к тому же не на один год, не являлась для летописцев целостным и значимым событием, а потому и не была «замечена» ими.

Лишь псковский летописец сообщил под 1540/41 г. о пожаловании великим князем грамот «по всем градом большим и по пригородом и волостем» — «лихих людей обыскивати самым крестьяном межь собя по крестному целованию и их казнити смертною казнию, а не водя к наместником и к их тивуном»⁸⁴. На это у ле-

⁸⁴ ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 110.

тописца были свои, местные причины, а именно длительный конфликт псковичей с наместником — князем А. М. Шуйским. Но, как показал И. И. Смирнов, хронология псковских летописей очень ненадежна, и приведенное известие может быть использовано только для датировки учреждения губных органов в самом Пскове, но не в стране в целом⁸⁵.

Выше уже приводились наблюдения И. И. Смирнова и А. А. Зимина, ставящие под серьезное сомнение гипотезу Н. Е. Носова об издании в 1538/39 г. великокняжеского указа (или уложения) о проведении губной реформы. К этим аргументам можно добавить еще один. Дело в том, что в изучаемую эпоху существовал лишь один вид документации, который использовался для обнародования судебно-процессуальных норм в масштабе всей страны, это — Судебник. Но поскольку в период между 1497 и 1550 гг., как это убедительно показано И. И. Смирновым, никакого неизвестного нам Судебника издано не было⁸⁶, то у центральной власти не было иного способа доведения своих распоряжений до населения, кроме посылки грамот. Из двух основных типов распорядительных документов, применявшихся в то время, — жалованных грамот и указных, — для оформления губных грамот был выбран второй тип: подобно указным грамотам, они начинались словами «От великого князя Ивана Васильевича всея Руси» (вместо характерного для жалованных грамот начала «Се яз, князь великий») и скреплялись не красновосковой, а черновосковой печатью⁸⁷.

Но скорость распространения губных грамот зависела не только от расторопности подьячих дворцового ведомства: несколько ранних грамот 1539—1540 гг. (Белозерская, Каргопольская, Устюжская) заканчиваются характерным распоряжением: «...а с сее бы есте грамоты списав списки, розсылали меж себя по волостем, не издержав ни часу»⁸⁸. Но даже если считать, что достаточно было

⁸⁵ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 87—91.

⁸⁶ Там же. С. 313—318.

⁸⁷ См. сохранившиеся в подлиннике грамоты: Белозерскую 1539 г. (ААЭ. Т. I. № 187. С. 163, описание печати: с. 165) и Солигалицкую 1540 г. (АФЗХ/АМСМ. № 64. С. 75, описание печати: с. 76).

⁸⁸ ААЭ. Т. I. С. 165 (Белозерская); ДАИ. Т. I. № 31. С. 33 (Каргопольская); Леонтьев А. К. Устюжская губная грамота. С. 222. Возможно, что Устюжская грамота, сохранившаяся в списке конца XVI в., дошла до нас в результате подобного многократного переписывания: на обороте столбца по склейкам разными почерками написано: «Списано з грамоты. Съем слово в слово»; «Список з грамоты»; «Списал з грамоты, съем слово в слово» (Там же).

прислать грамоту в уезд, а дальше местные грамотеи рассылали списки по всем волостям, все равно, учитывая масштабы страны, такой способ коммуникации налагал серьезные ограничения на скорость проведения преобразований и их территориальный охват. Никакая административная реформа в тогдашних условиях не могла быть осуществлена одновременно и повсеместно. По той же причине, даже если будут найдены еще несколько ранних грамот (вроде упомянутой выше Вельской (Важской) грамоты 1539/40 г., обнаруженной Ю. С. Васильевым), мы все равно не сможем определить точную дату выдачи самых первых подобных документов. Можно, однако, попытаться определить примерный отрезок времени, когда они могли появиться. Некоторые хронологические ориентиры для этого имеются в тексте самых ранних губных грамот.

Н. Е. Носов справедливо писал о том, что Белозерская и Каргопольская грамоты «не дают никаких оснований считать их первыми учредительными губными грамотами только потому, что они наиболее ранние из дошедших до нас губных грамот»⁸⁹. Поэтому встречающаяся иногда в литературе упрощенная датировка начала реформы 1539 г.⁹⁰ не может быть принята. Но и тезис Носова о широком распространении губных учреждений уже к октябрю 1539 г. вызывает серьезные сомнения в свете критических замечаний, сделанных в свое время С. М. Каштановым, А. А. Зиминым, А. К. Леонтьевым.

Особого внимания заслуживают наблюдения А. К. Леонтьева относительно содержащегося в ряде ранних грамот 1539—1541 гг. (теперь к этому перечню можно добавить и новонайденную Вельскую грамоту 1539/40 г.⁹¹) требования к выбранным для сыска разбойников «головам», старостам и «лучшим людям» о преследовании обнаруженных преступников и за пределами их уездов. По мнению А. К. Леонтьева, это распоряжение свидетельствует о том, что в тех городах и волостях, куда могли убежать от преследования разбойники, в тот момент еще не было губных учреждений — обстоятельство, указывающее на территориально ограниченный характер реформы на ее первом этапе. Показательно, что в более поздних

⁸⁹ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления. С. 299.

⁹⁰ См., например: «В 1539 г. в Русском государстве началась так называемая губная реформа...» (Аракчеев В. А. Псковский край в XV—XVII веках: Общество и государство. СПб., 2003. С. 134).

⁹¹ Фототипическое воспроизведение грамоты см.: Государственный архив Вологодской области. С. 2.

грамотах конца 40-х — 50-х гг. подобного требования к губным старостам уже не предъявлялось⁹².

Вместе с тем предположение Носова о том, что выдача губных грамот не началась в октябре 1539 г. «с чистого листа», а явилась продолжением прежней политики правительства, представляется мне вполне плодотворным. Оно, в частности, подтверждается приведенной выше грамотой 1531 г. Корнильеву Комельскому монастырю, свидетельствующей о существовании боярской комиссии «по разбойным делам» по крайней мере уже в начале 30-х гг.

Что касается возможных хронологических рамок периода, когда могли быть выданы самые первые губные грамоты, то для их определения важно обратить внимание на одну особенность статей, которыми открываются наиболее ранние из дошедших до нас подобных документов: Белозерская и Каргопольская (обе от 23 октября 1539 г.), Вельская (1539/40 г.), Слободская (февраль 1540 г.) и Устюжская (4 апреля 1540 г.) грамоты. Все они начинаются с изложения челобитья местных жителей, жаловавшихся на действия разбойников (причем в Вельской и Слободской грамотах челобитчики названы по именам⁹³), и с упоминания о посылке великим князем по этим жалобам «обыщиков» для сыска разбойников. Примечательно, что во всех этих случаях речь ведется от имени находившегося тогда на престоле государя, т.е. Ивана IV, в ту пору малолетнего («били есте нам челом», «и мы к вам посылали... обыщиков своих»⁹⁴). Имя предыдущего государя, Василия III, ни разу не упоминается. Исходя из этого, можно высказать предположение, что произошедшая в декабре 1533 г. смена на престоле послужила толчком к подаче челобитных на имя юного Ивана IV выборными от разных уездов и волостей, а составление первых губных грамот велось в период между 1534 и 1539 гг.

Следует подчеркнуть новизну тех мер, которые вводились губными грамотами: создание на местах специальных судебно-ад-

⁹² Леонтьев А. К. Устюжская губная грамота. С. 222, прим. 2.

⁹³ Вельская грамота: «Присылали есте к нам бити челом из Вельского стану Ондрейка Васильева сына Тошебалова да Сенку Иванова сына Пинягина...» (Государственный архив Вологодской области. С. 2). Слободская грамота: «Били ми челом Вятчане Слободскаго городка верхнева Федко Бабайлов Максимов сын да Ондрейко Семенов сын Витязев, и во всех крестьян место...» (Наместничьи, губные и земские уставные грамоты. С. 55).

⁹⁴ ААЭ. Т. I. С. 164; ДАИ. Т. I. С. 32; Леонтьев А. К. Устюжская губная грамота. С. 220. Ссылки на Вельскую и Слободскую грамоты приведены в предыдущей сноске.

министративных органов, выбираемых населением и подчинявшихся боярской комиссии в Москве, осуществлялось впервые. Попытки некоторых исследователей приуменьшить степень новизны этих структур, найти истоки губных учреждений в древнем праве участия представителей населения в суде⁹⁵ не выглядят особенно убедительными.

* * *

Насколько введение губных учреждений изменило систему местного управления в целом? Как уже говорилось, современные исследователи придерживаются мнения, что первоначально в замыслы правительства не входила ликвидация кормлений. Новые структуры создавались рядом со старыми — наместничествами и волостельствами⁹⁶. Это не могло не приводить к противоречиям и конфликтам. Хрестоматийный пример — жалоба выгоозерского волостеля Федора Тимофеева сына Зезевитова на местных губных старост, «вступавшихся» в дела, подсудные кормленщикам. В ответ последовала указная грамота из Москвы (18 октября 1543 г.), предписывавшая губным старостам «обыскивать» только «прямых розбойников чеклых по нашей губной грамоте», не вмешиваясь в иные судебные дела, «чтоб у наших волостелей суд не терялся»⁹⁷.

Согласно указной грамоте в Рузу начала 1540-х гг., недавно опубликованной К. В. Барановым, рузские губные старосты должны были отдавать наместникам и волостелям «лихих людей», которых не удалось уличить в совершенных ими преступлениях⁹⁸.

Налицо, таким образом, попытки центральной власти урегулировать взаимоотношения старых и новых структур в местном управлении. Но, как уже говорилось, со времен Судебника 1497 г. существовал еще один способ борьбы с уголовными преступлениями — путем посылки из Москвы недельщиков «с записью». Сохранился ли он после появления на местах губных учреждений?

Излагая причины губной реформы, многие исследователи цитировали слова Белоозерской грамоты: «...мы к вам посылали на Белоозеро обыщиков своих, и от наших-де обыщиков и от не-

⁹⁵ См.: *Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты Московского государства. С. 40—41; *Пашкова Т. И.* Местное управление. С. 115—116.

⁹⁶ См.: *Пашкова Т. И.* Местное управление. С. 117—118.

⁹⁷ АСЗ. М., 2008. № 141. Т. IV. С. 103—104 (цитата — на с. 104).

⁹⁸ *Баранов К. В.* Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря. № 5. С. 30—31.

дельщиков чинятся вам [жителям Белозерского уезда. — *М. К.*] великие убытки, а вы деи с нашими обыщики лихих людей розбойников не имаете для того, что вам волокита велика...»⁹⁹ Историки не пытались выяснить дальнейшую судьбу этих «обыщиков и недельщиков», полагая, видимо, что из-за их полной неэффективности (столь красноречиво засвидетельствованной губными грамотами) они сразу же были заменены вновь создаваемыми выборными органами. Между тем из иных источников, современных губным грамотам, вырисовывается совсем другая картина.

Думаю, не нужно специально доказывать тождество пресловутых «обыщиков» и недельщиков с упоминаемыми жалованными грамотами 20—30-х гг. недельщиками «с записью», которых посылали за «лихими людьми» бояре или дворецкий. Однако они известны и более поздним источникам: по наблюдениям С. М. Каштанова, статья жалованных несудимых грамот, предусматривающая посылку недельщиков за «лихими людьми» независимо от установленных для грамотчика исковых сроков, встречается и в ряде актов конца 40-х — начала 50-х гг. XVI в.¹⁰⁰, т.е. в эпоху, когда, как принято считать, губная реформа шла уже полным ходом.

Важно, однако, понять, отражают ли упомянутые статьи грамот конца 40-х — начала 50-х гг. реальную ситуацию или они свидетельствуют лишь о косности и архаичности формуляра иммунитетных грамот, как в свое время считал Н. Е. Носов¹⁰¹. Для начала рассмотрим жалованную грамоту 1540 г., в которой прямо не упоминаются «лихие люди», но по своему формуляру она близка к тому типу грамот, о которых шла речь выше. Я имею в виду опубликованную С. М. Каштановым жалованную несудимую грамоту Ивана IV бортникам волости Талши Владимирского уезда от 1 декабря 1540 г. В ней сказано: «А кому будет до тех моих бортников каково дело, и в том по них ездят наши неделщики дворцовые...» Далее устанавливается срок (зима), когда иные лица могли предъявить иск бортникам в великокняжеский суд; и тут же следует оговорка — «опричь того, в какове деле пошлю по них яз, князь великий, или наши бояре з записью»¹⁰².

О каком «деле» идет речь, прямо в грамоте не сказано. Но упоминание о посылке (великим князем или боярами) кого-то (очевидно,

⁹⁹ ААЭ. Т. I. № 187. С. 164.

¹⁰⁰ Каштанов С. М. К проблеме местного управления. С. 145—146.

¹⁰¹ Носов Н. Е. «Новое» направление. С. 318—320, 326.

¹⁰² Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника (Акты X—XVI вв.). М., 1996. Прил. IV. Док. № 4. С. 169.

недельщиков) «с записью» заставляет вспомнить аналогичные статьи в проанализированных выше грамотах 1524, 1526, 1535 гг., в которых имеются в виду именно «лихие дела». Формуляр грамоты 1540 г., конечно, архаичен, но нельзя не заметить проникновения в него новых элементов. В частности, в документе упоминаются дворцовые недельщики, не известные ранним грамотам; их появление — «примета» 1530-х гг.¹⁰³ Кроме того, бортники, по грамоте 1540 г., подлежали суду великого князя или дворецкого Большого дворца¹⁰⁴; эта должность впервые упоминается в актовом материале в 1524 г., а с конца 1530-х гг. ссылки на суд дворецкого Большого дворца в текстах грамот становятся постоянными¹⁰⁵.

Тот же формуляр использован в жалованной несудимой грамоте Ивана IV попам и церковному причту царских сел Любанова, Кляпова и др., датированной 15 октября 1547 г. Здесь также упоминаются дворцовые недельщики и дворецкий Большого дворца, суду которого подлежали грамотчики. Единственное отличие от приведенной выше грамоты бортникам 1540 г. состоит в том, что правом посылки недельщиков «с записью» наряду с царем обладал, согласно грамоте 1547 г., дворецкий, а не бояре: «...кому будет до тех попов и диаконов, и до их детей и людей, и до всего причету церковного каково дело, и в том по них ездят наши неделщики дворцовые, а чинят им один срок в году, Рождество Христово... опричь того, в какове деле пошло по них яз, царь и великий князь, или мой дворецкий с записью...»¹⁰⁶

Однако в нашем распоряжении есть и грамоты того же времени с прямым упоминанием «ликих людей». Так, в жалованной несудимой грамоте Ивана IV Никольскому Коряжемскому монастырю от 28 января 1547 г. интересующая нас статья изложена следующим образом: «А опричь тех дел, что есми приказал бояром своим обыскивати ликих людей, татей и розбойников, а каково будет слово лихое взговорят в татбе и в розбое, и яз, царь и великий князь, по

¹⁰³ Самое раннее известное мне упоминание дворцовых недельщиков содержится в жалованных грамотах Василия III Кирилло-Белозерскому монастырю от 28 июля 1533 г. на дворы в Белоозере и Каргополе: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113а. Л. 111—111 об., 483—483 об. (список XVII в.). Подробнее см. выше, гл. 9.

¹⁰⁴ *Кашианов С. М.* ИРСИ. Прил. IV. Док. № 4. С. 169.

¹⁰⁵ Подробнее см. выше, гл. 9.

¹⁰⁶ АИ. СПб., 1841. Т. I. № 149. С. 216. Согласно подписи на обороте документа, грамоту приказал выдать дворецкий Д. Р. Юрьев (Там же. С. 217).

тех людей пошлю пристава з записью...»¹⁰⁷ Статья почти слово в слово повторяет известную нам формулу из грамоты Василия III Корнильеvu Комельскому монастырю 1531 г.; отличие, помимо употребления царского титула в грамоте 1547 г., состоит в замене «недельщиков с записью», упоминаемых в грамоте 1531 г., на «пристава с записью», право посылки которого за «лихими людьми» является здесь прерогативой только самого государя.

Та же формула с небольшими изменениями употреблена в жалованной грамоте Ивана IV Новодевичьему монастырю от 22 ноября 1548 г. (сама грамота сгорела в московском пожаре 1571 г., но ее содержание известно нам по подтвердительной грамоте 1573 г.). Установление одного срока в году для подачи исков и присылки пристава в монастырскую вотчину сопровождалось обычной для подобных грамот оговоркой: «...опричь тех людей, что есми своим бояром приказал на Москве обыскивати лихих людей, татей, розбойников. И на которых будеть слово лихое възмолвят в татбе и в розбое, ино яз сам, царь и велики князь, по тех людей пошлю, а сужу яз, царь и великий князь, или мой дворетцкой Большого дворца»¹⁰⁸.

Упоминание дворецкого Большого дворца позволяет предполагать, что интересующая нас формула в какой-то степени соответствовала реалиям 40-х гг. XVI в. Однако решающим аргументом в пользу предположения о том, что с введением губных учреждений центральные власти не отказались от прежнего способа сыска «лихих людей» с помощью посылаемых из Москвы недельщиков, служит статья 53 Судебника 1550 г. В ее основу была положена соответствующая статья Судебника 1497 г. (ст. 34), дополненная указанием на розыск не только татей, но и разбойников: «А пошлют котораго неделщика имати татей или розбойников, и ему имати татей и розбойников безхитростно, а не норовити ему никому...»¹⁰⁹ В новом Судебнике, по сравнению с предыдущим, была усилена ответственность недельщиков за вверенных их охране татей и разбойников (ст. 53, 54).

Если попытаться на основании текста Судебника 1550 г. представить общую ситуацию в сфере борьбы с «лихими людьми», то

¹⁰⁷ Включенный акт в составе жалованной грамоты Ивана IV тому же монастырю от 19 апреля 1583 г.: Архив СПб. ИИ. Ф. 72 (Коряжемский монастырь). Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

¹⁰⁸ АРГ/АММС. № 130. С. 314—315 (изложение в составе подтвердительной грамоты Ивана IV тому же монастырю от 30 июля 1573 г.).

¹⁰⁹ Судебники XV—XVI веков. С. 157.

картина получится очень пестрой. С одной стороны, эта категория дел была оставлена в компетенции центрального, боярского суда (ст. 59), которому подчинялись недельщики, как и прежде посылавшиеся для поимки татей и разбойников. С другой стороны, в статье 60-й упомянуты новые судебно-административные органы — губные старосты и сделана попытка разграничить их полномочия с наместниками и волостелями. Решение было найдено явно компромиссное: все категории «лихих дел», за исключением разбоя, оставались в юрисдикции кормленщиков (наместников и волостелей); они же должны были казнить «ведомых лихих людей». Разбойники же передавались в ведение губных старост. Характерна фраза Судебника, с помощью которой законодатель пытался предотвратить неизбежные конфликты между двумя параллельными структурами местного управления: «А старостам губным, опричь ведомых розбойников, у наместников не вступатись ни во что»¹¹⁰.

Суммируя, можно сделать вывод о том, что вплоть до середины XVI в. губные учреждения оставались в глазах центральных властей лишь одним из органов борьбы с преступностью, и было еще неясно в момент издания Судебника, какой из существующих параллельно структур в дальнейшем будет отдано предпочтение. Уместно напомнить, однако, что новые структуры в системе местного управления создавались и раньше. В качестве примера можно привести институт городских приказчиков, относительно времени появления которого исследователи также не смогли прийти к единому мнению. Н. Е. Носов, посвятивший городovým приказчикам первый раздел своей известной монографии, датировал образование этого института концом XV — началом XVI в.¹¹¹; С. М. Каштанов не согласился с такой датировкой и утверждал, что первые сведения о городских приказчиках относятся только к 1515 г.¹¹²; позднее Б. Н. Флоря обнаружил более ранний документ с упоминанием городских приказчиков — 1511 г.¹¹³ Эти споры напоминают полемику о времени создания губных учреждений — с той разницей, что введение института городских приказчиков никто из ученых никогда не считал «реформой».

Этот пример ясно показывает, сколь многое в наших представлениях о преобразованиях XVI в. диктуется историографической

¹¹⁰ Судебники XV—XVI веков. С. 160.

¹¹¹ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления. С. 59.

¹¹² Каштанов С. М. К проблеме местного управления. С. 136.

¹¹³ Флоря Б. Н. О некоторых источниках по истории местного управления в России XVI века // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 96, прим. 21.

традицией. Контуры реформ определяются ретроспективно, исходя из того значения, которое данный институт получил впоследствии. Поскольку губным старостам суждено было «большое будущее», поскольку они сыграли важную роль и в местном управлении во второй половине XVI и в XVII в., и в формировании провинциальных дворянских корпораций¹¹⁴, то их появление в 1530-х гг. историки окрестили «реформой», в то время как более «скромные» городовые приказчики не удостоились такой чести.

3. Судебник 1550 г. и СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА 30—40-х гг. XVI в.

Судебник 1550 г. — памятник многослойный: как давно установлено исследователями, часть его норм восходит (в переработанном и дополненном виде) к статьям Судебника 1497 г.¹¹⁵; другая часть представляет собой новеллы 1549—1550 гг.¹¹⁶ Однако до сих пор не обращалось внимания на возможную связь ряда статей царского Судебника с судебно-административной практикой 1530—1540-х гг., эпохи «боярского правления». По-видимому, это объясняется стойкой историографической традицией, восходящей к сочинениям публицистов XVI в. и противопоставляющей «нестроения» периода малолетства Грозного блестящей эпохе реформ 1550-х гг.

Между тем, хотя обличение несправедного суда было одним из самых расхожих обвинений по адресу бояр-правителей, новый Судебник в статье 97 недвусмысленно оставил в силе все прежние судебные решения, запретив их пересмотр: «А которые дела преж

¹¹⁴ См. об этом в новейшем исследовании С. Н. Богатырева: *Bogatyrev S. Localism and Integration in Muscovy*. P. 74—86, 106—127.

¹¹⁵ Из 100 статей Судебника 1550 г. новыми были только 36, т.е. чуть больше одной трети; остальные статьи повторяли или дополняли соответствующие нормы Судебника 1497 г. (подсчет основан на наблюдениях Б. А. Романова, изложенных в его комментарии к Судебнику 1550 г., см.: Судебники XV—XVI веков. С. 179—340).

¹¹⁶ В качестве примера новеллы 1549 г. можно привести ст. 64 Судебника (о суде наместников над детьми боярскими по царским жалованным «вопчим» грамотам), появление которой исследователи связывают с «уложением» от 28 февраля 1549 г., ограничившим наместничий суд над детьми боярскими только делами о душегубстве, татьбе и разбое с поличным. См.: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. С. 311—312.

сего Судебника вершены, или которые не вершены в прежних во всех делах, суженых и несуженых, и тех дел всех не посуживати, быти тем делом всем в землях, и в холопстве, и в кабалах, и во всяких делах и в тиунстве судити по тому, как те дела преж сего сужены, вершены»¹¹⁷. Таким образом, законность судебной практики предшествующего периода под сомнение не ставилась. Более того, и сам порядок судопроизводства, описанный в новом законе (ст. 1, 28, 29, 34), полностью соответствовал практике, сложившейся в десятилетия, предшествовавшие принятию Судебника 1550 г.

Новацией ст. 1, по сравнению с соответствующей статьей Судебника 1497 г., стало добавление к боярам и окольничим в качестве судей высшей инстанции дворецких, казначеев и дьяков: «Суд царя и великаго князя судити боаром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком»¹¹⁸. В заголовке царского Судебника перечень столичных судей дополнен еще и указанием на «всяких приказных людей»¹¹⁹.

Б. А. Романов не придавал большого значения этому расширению состава судей в тексте Судебника 1550 г. По его мнению, составитель царского Судебника просто со свойственным ему педантизмом привел «исчерпывающую формулировку» там, где прежний законодатель ограничился неполным перечислением. Поэтому появление дворецких и казначеев в перечне судей (дьяки же упоминаются еще в статьях первого Судебника) ученый склонен был считать «*новостью текста*» царского Судебника, а не «*новостью жизни*», новостью, явившейся в промежутке между двумя судебниками»¹²⁰. И. И. Смирнов, напротив, усматривал за изменением юридических формул перемены в управлении страной, особо подчеркивая «возросшее значение приказов и дьяков», отразившееся в тексте царского Судебника¹²¹.

В этом споре я скорее склонен поддержать мнение Смирнова, чем Романова: на протяжении первой половины XVI в. шел неуклонный процесс бюрократизации центрального управления; один из этапов этого процесса, как было показано выше в девятой главе книги, пришелся на 1530—1540-е гг., эпоху «боярского правления». За время, прошедшее между двумя Судебниками, численность

¹¹⁷ Судебники XV—XVI веков. С. 175.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 194 (комментарий Б. А. Романова к Судебнику 1550 г.).

¹²¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 320, 321.

«приказных людей» выросла в несколько раз, и поэтому то внимание, которое уделено им в царском Судебнике, следует объяснять не педантизмом составителя, а возросшим влиянием дьячества на государственные дела.

Особо нужно сказать о дворецких и казначеях, роль которых в судопроизводстве не оставалась неизменной на протяжении первой половины XVI столетия. Как показывают наблюдения над формуляром несудимых грамот и сохранившимися судебными документами 30—40-х гг., заметное расширение судебной деятельности дворецких и казначеев произошло в конце 1530-х и в 1540-х гг.¹²² Таким образом, если упоминание бояр и окольничих в перечне столичных судей в заголовке и первых статьях (ст. 1—3) царского Судебника было, скорее, данью традиции, то включение в этот перечень дворецких и казначеев отражало реальную практику 40-х гг., т.е. десятилетия, непосредственно предшествовавшего принятию нового свода законов.

Несомненная новация 1530—1540-х гг., отразившаяся в Судебнике 1550 г., — губные учреждения: в ст. 60 упоминаются «губные старосты» и «губные грамоты». По существу, именно царский Судебник узаконил губные учреждения в общероссийском масштабе: до того в течение десятилетия они вводились в отдельных волостях и городах как локальная мера, мотивированная просьбами местного населения. В той же статье законодатель попытался предупредить возможные конфликты между старыми (наместники) и новыми (губные старосты) органами местного управления: «А приведут кого в розбое или [на] кого в суде доведут, что он ведомой лихой человек розбойник, и наместником тех отдавати губным старостам. А старостам губным, опричь ведомых розбойников, у наместников не вступатись ни во что»¹²³.

Еще одно новшество периода «боярского правления» — формула коллегиального решения, известная как «всех бояр приговор». Эта формула появилась в начале 1540-х гг. в обстановке яростной борьбы придворных кланов как своего рода отражения необходимости компромисса. История возникновения данной формулы была подробно рассмотрена в предыдущих главах книги¹²⁴, поэтому здесь я лишь напомним о том, что в 40-е гг. XVI в. она применялась не только при принятии решений по важным политическим

¹²² См. Прил. III и гл. 9.

¹²³ Судебники XV—XVI веков. С. 160.

¹²⁴ Подробнее см. выше, гл. 5; гл. 8.

вопросам, но и порой при вынесении обычных судебных приговоров.

Новая формула приговора «всех бояр» отразилась в двух статьях Судебника 1550 г. В ст. 75 упоминается запись (вызов в суд), «которую запись велят дати бояре, приговоря вместе»; причем такое коллективное решение противопоставляется воле одного боярина и дьяка: «а одному боярину и дьяку пристава з записью не дати»¹²⁵. Наконец, в вызвавшей большую научную полемику статье 98, в которой определен порядок записи в Судебник новых дел, говорится: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех боар приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати»¹²⁶.

Выявление в Судебнике 1550 г. «пласта», относящегося к 40-м гг. XVI в., эпохе «боярского правления», позволяет сделать вывод о том, что его составители руководствовались не морализаторскими, а прагматическими соображениями. Поэтому в этом памятнике нет противопоставления одних периодов другим, и, таким образом, обнаруживается несомненная преемственность в развитии судебно-административной системы страны на протяжении полувека.

Но отмеченная преемственность характеризует и рассмотренные нами ранее в этой главе меры по оздоровлению денежной системы (монетная реформа) и противодействию преступности (губная реформа). В обоих случаях сами проблемы были осознаны еще в предшествующую эпоху, а действия, предпринятые для их решения в 30—40-х гг. XVI в., не были радикальным разрывом с прошлым, а, скорее, сочетанием старых и новых подходов. Таким образом, в истории центрального управления декабрь 1533 г. (смерть Василия III) и февраль 1549 г. («собор примирения») вовсе не являются гранями, разделяющими различные эпохи: административные преобразования имели свой ритм, независимый от смены лиц на престоле, и свою логику, отличную от логики придворной борьбы. Нарождающаяся бюрократия обеспечивала относительную автономию административной сферы и преемственность в осуществлении намеченных мер. Именно поэтому история 1530—1540-х гг., эпохи «боярского правления», не может быть сведена только к столкновениям придворных группировок, опалам и бессудным казням.

¹²⁵ Судебники XV—XVI веков. С. 167.

¹²⁶ Там же. С. 176. О полемике по поводу этой статьи см. выше, гл. 8.

РОССИЙСКАЯ МОНАРХИЯ
В ЗЕРКАЛЕ КРИЗИСА
30—40-Х ГГ. XVI В.
(вместо заключения)

В заключение, не повторяя выводов, сделанных в ходе данного исследования, я бы хотел взглянуть на поставленные здесь проблемы в более длительной перспективе: ведь только так можно попытаться понять, что в ситуации 1530—1540-х гг. было уникально, а что — вполне характерно для российской монархии XVI, XVII и даже XVIII века.

Начнем с центральной для нашей темы проблемы регентства: как было показано в этом исследовании, к 30-м гг. XVI в. в традиции российской государственности не было ни самого понятия регентства, ни соответствующего правового института, что наложило определенные ограничения на власть Елены Глинской, не говоря уже о пришедших ей на смену боярах-временщиках. Получила ли эта коллизия разрешение в дальнейшем, ведь, как известно, в конце XVI и в XVII в. не раз возникали ситуации, когда на троне оказывался юный и/или неспособный к самостоятельному правлению государь? Иными словами, эту проблему можно сформулировать так:

Сложился ли в средневековой России институт регентства?

Уместен и другой вопрос: всегда ли недееспособность монарха приводила к острому политическому кризису, как это было в 1530—1540-х гг.?

Подобного развития событий можно было ожидать в марте 1584 г., когда после смерти Ивана Грозного царем стал его слабомысленный сын Федор. В некотором отношении обстоятельства его восшествия на престол напоминают тревожную обстановку декабря 1533 г., когда скоропостижно скончавшемуся Василию III наследовал трехлетний княжич Иван. Характерно, что современные исследователи, полагая, что грозный царь перед смертью поручил Федора

заботам опекунского, или регентского, совета, не могут прийти к единому мнению о персональном составе этого совета. Эти разногласия очень похожи на споры об опекунах юного Ивана IV, рассмотренные нами в первой главе данной книги; в их основе лежат те же затруднения как источниковедческого, так и концептуального характера¹.

Борьба между придворными группировками, вспыхнувшая вскоре после воцарения Федора, также напоминает события 1530-х гг. Р. Г. Скрынников считает возможным даже говорить о «кризисе власти» применительно к 1585—1586 гг.² Однако нужно отметить, что этот кризис не был продолжительным и не сопровождался таким количеством жертв и такими потрясениями, как период «боярского правления», которому посвящена данная книга. Умело лавируя между придворными группировками, заключив союз с одними могущественными кланами (прежде всего Романовыми) и удалив из столицы других (в частности, князей Шуйских), Борис Годунов довольно быстро добился признания своей единоличной власти³. В борьбе с соперниками он охотно прибегал к опалам, ссылкам и тайным расправам, но никто из представителей знати не сложил голову на плахе. Не было во второй половине 80-х и в 90-х гг. XVI в. и дворцовых переворотов, а также грозных мятежей, подобных походу Андрея Старицкого на Новгород в 1537 г.

Размышляя о причинах относительной стабильности, которую Б. Ф. Годунову, в отличие от правителей 30—40-х гг. XVI в., удавалось поддерживать, можно указать на существенные перемены,

¹ С. Ф. Платонов считал, что Иван Грозный «и не думал устраивать формальную опеку над своим сыном Федором» и что «не было ни малейшей нужды в экстренном государственном учреждении», поскольку достаточно было и «ближней думы», в которую входили все родственники молодого царя (*Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.* 5-е изд. М., 1994. С. 126). Однако историки конца XX в. в духе институционального подхода склонны и в данном случае видеть создание «экстренного государственного учреждения» — регентского совета, хотя источники и не позволяют однозначно определить его состав и функции, см.: *Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени»*. М., 1980. С. 10—11; *Зимин А. А. В канун грозных потрясений*. М., 1986. С. 104—108; *Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.)*. СПб., 1992. С. 30.

² *Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени»*. С. 30—39.

³ О пути Б. Ф. Годунова к единоличной власти см.: *Скрынников Р. Г.*: 1) *Россия накануне «смутного времени»*. С. 30—39, 55—64, 108—119; 2) *Борис Годунов*. М., 1983. Гл. 2, 3, 7.

произошедшие за полвека. Прежде всего следует отметить упадок удельной системы: Угличский удел, выделенный младшему сыну Ивана Грозного, царевичу Дмитрию, в 1584 г., был бледной тенью прежних уделов Московского дома, существовавших еще в 30-е гг. XVI в.

Дяди Ивана IV, Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий, располагали реальной военной силой — отрядами детей боярских, чьи поместья и вотчины находились в их княжествах; кроме того, они могли рассчитывать на поддержку части московской знати и служилых людей (вспомним контакты кн. А. М. Шуйского с окружением Юрия Дмитровского в декабре 1533 г. и переход нескольких десятков новгородских помещиков на сторону старицкого князя в мае 1537 г.). Поэтому у опекунов юного государя были серьезные основания опасаться притязаний обоих «принцев крови» на великокняжеский престол.

Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий закончили свои дни в темнице, трагически оборвалась и жизнь последнего удельного князя: 15 мая 1591 г. царевич Дмитрий погиб в Угличе при загадочных обстоятельствах. Но если принять версию о его насильственной смерти по приказу Бориса Годунова (этой версии придерживались многие современники и часть последующих историков)⁴, то тогда нужно признать, что жестокое убийство восьмилетнего мальчика было своего рода превентивной мерой: Дмитрий и его мать, вдовствующая царица Мария Нагая, жившие в Угличе под надзором дьяка Михаила Битяговского, не представляли в тот момент реальной опасности для царя Федора и правившего от его имени Бориса Годунова. Если конфликт между Старицким удельным двором и правительством Елены Глинской был в середине 1530-х гг. источником постоянной напряженности в государстве, перешедшей весной 1537 г. в открытое вооруженное противостояние, то очаг «оппозиции» Годунову при дворе царевича Дмитрия в Угличе во второй половине 1580-х гг. ввиду явного неравенства сил не мог серьезно дестабилизировать обстановку в стране.

Судьба престола в незначительной степени зависела от позиции служилых людей. «Шатость» детей боярских, как было показано в первой части книги, придавала особую остроту политическому кризису 30-х — начала 40-х гг. XVI в. Но в конце указанного столетия не за-

⁴ Современное состояние дискуссии и аргументы сторон см.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 153—182; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 75—84.

метно никаких признаков вовлеченности служилой массы в борьбу придворных группировок. Похоже, тот факт, что на престоле в 1584—1598 гг. находился неспособный к самостоятельному правлению царь, не смущал присягнувших ему на верность дворян и детей боярских. По мере того как учет земли и службы приобретал все более централизованный характер и сосредотачивался в руках приказной бюрократии, утрачивалась личная связь между рядовыми помещиками и государем, важная еще в начале великого княжения Ивана IV. Разумеется, до тех пор пока существовала монархия, символическим адресатом службы оставался царь. Но на практике карьера и вознаграждение за службу какого-нибудь сына боярского зависели не от государственной милости, а от расположения воевод и исправной работы приказного аппарата. Поместная армия повиновалась тому, кто отдавал ей приказы от царского имени.

Одним из факторов, обусловивших длительную политическую нестабильность в 30—40-е гг. XVI в., как я старался показать, была местническая по своей природе борьба придворных группировок, ни одна из которых не могла добиться решающего перевеса. К тому моменту придворная иерархия еще не вполне сложилась, институт местничества находился в процессе становления. Группировки знати различного происхождения (князья Северо-Восточной Руси, старомосковское боярство, недавние выходцы из Литвы вроде князей Бельских или Глинских) оспаривали друг у друга право на первые места в Думе, в армии и за государевым столом. В отсутствие верховного арбитра, которым не мог быть малолетний Иван IV, местнические споры часто не получали разрешения, и стороны, не имея других аргументов, прибегали к насилию.

За последующие 50 лет титулованная и нетитулованная знать пережила немало испытаний. Старые счета ушли в прошлое; к концу царствования Ивана Грозного возникла новая линия противостояния — между старинной аристократией и худородными опричными и «дворовыми» выдвиженцами⁵. Сама аристократия также изменилась: она стала служилой, более зависимой от Короны, чем раньше⁶. Как показал А. П. Павлов, Борис Годунов, руководствуясь интересами знати в целом, провел реорганизацию государственного двора, чиновная структура которого была приведена в соответствие с родовитостью служилых людей. Восстановление местнической традиции, поколебленной было опричными «экспери-

⁵ См.: Павлов А. П. Государев двор. С. 28—29.

⁶ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 394.

ментами» Ивана Грозного, в сочетании с политической стабильностью обеспечили Годунову поддержку основной части придворной аристократии⁷.

Как видим, политический кризис вовсе не был обязательным следствием восшествия на престол недееспособного монарха. Если правитель пользовался неограниченным доверием царя и мог привлечь на свою сторону, как удалось Борису Годунову, лидеров влиятельных придворных кланов, ему было по силам поддерживать в стране относительную стабильность и порядок. Возросшая мощь государственного аппарата и отлаженная система служебно-местнических отношений облегчали царскому шурина решение этой непростой задачи. Таким образом, своим успехом Борис Годунов в немалой степени был обязан централизации управления и усилению роли Государева двора в жизни страны — процессам, происходившим в течение многих предшествующих десятилетий. Указанные перемены в структуре общества и государства объясняют, на мой взгляд, контраст между бурной эпохой малолетства Ивана Грозного и относительно спокойно прошедшим царствованием Федора Ивановича, от имени которого правил Борис Годунов. При этом, разумеется, не стоит сбрасывать со счетов и личные таланты царского шурина, который проявил себя как выдающийся политик.

Не будучи членом правящей династии, Годунов не мог, как когда-то сделала Елена Глинская, официально стать соправителем царствующего монарха, приняв титул второго «государя». Но услужливые придворные нашли способ потешить честолюбие всемогущего правителя, присвоив ему множество звучных титулов. В феврале 1595 г. глава Посольского приказа Василий Щелкалов на приеме в Кремле в честь персидских послов перечислил все должности и звания Годунова, заявив, что Бог дал царю Федору Ивановичу «такова ж дородна и разумна шюрина и правителя, слугу и конюшего боярина, и дворового воеводу, и содержателя великих государств, царства Казанского и Астраханского, Бориса Федоровича»⁸.

Титул правителя, который официально носил Годунов, по существу, означал то же самое, что и латинский термин «регент». Из всех государственных деятелей допетровской Руси этот титул, пожалуй, более всего подходил именно Борису Годунову. По объему властных полномочий он намного превосходил «государыню великую княгиню Елену», правившую в 1530-х гг. за своего малолетне-

⁷ Павлов А. П. Государев двор. С. 37—43.

⁸ Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 111.

го сына Ивана. Власть Елены Глинской, как мы помним, была существенно ограничена. В частности, ее родным братьям был закрыт доступ к придворным чинам и к должностям полковых воевод. Между тем Б. Ф. Годунов быстро обеспечил блестящую карьеру своим родственникам: уже к лету 1584 г. в Думе, помимо самого Бориса Федоровича, было еще четверо Годуновых⁹.

Другой, еще более важный показатель могущества правителя — полученное им право самостоятельных сношений с иностранными державами. Елена Глинская таким правом не обладала. А Борис Годунов на основании особых «приговоров» царя с боярами получил в 1588—1589 гг. привилегию писать от своего имени крымскому хану, императору Священной Римской империи, английской королеве и иным государям¹⁰.

Означают ли все эти успехи Годунова, что в России 80—90-х гг. XVI в. сложился, наконец, институт регентства? Думаю, на этот вопрос следует ответить отрицательно. Дело в том, что, по существу, неограниченные полномочия были даны лично Борису Годунову; исключительность его положения специально подчеркивали русские посланники за рубежом: так, в 1594 г. посол к персидскому шаху кн. А. Д. Звенигородский при случае должен был объяснить, что «Борис Федорович *не образец никому*», так как «он государю нашему... шурин, а великой государыне нашей... брат родной и потому в такой чести у государя живет»¹¹ (выделено мной. — М. К.). Правление Годунова при царе Федоре Ивановиче не стало впоследствии прецедентом; должность регента так и не появилась в номенклатуре московских придворных чинов. И когда в дальнейшем на троне вновь оказывались монархи, которые по молодости или по состоянию здоровья не могли заниматься государственными делами, тому, кто претендовал на роль правителя, приходилось заново выстраивать отношения с придворной элитой и договариваться с ней о пределах своих полномочий.

Как отметил недавно П. В. Седов, на протяжении значительной части XVII столетия «Россией правили юные и несамостоятельные государи»¹². Действительно, основатель династии Ро-

⁹ Павлов А. П. Государев двор. С. 33.

¹⁰ Подробнее см.: Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». С. 110.

¹¹ Цит. по: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты. С. 134—135.

¹² Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 6.

мановых Михаил Федорович был избран на царство (21 февраля 1613 г.) в 16-летнем возрасте; столько же лет было его сыну и наследнику Алексею, когда тот в июле 1645 г. занял опустевший после смерти отца трон¹³. Старшему сыну Алексея Михайловича, болезненному Федору, к моменту вступления на престол (30 января 1676 г.) не исполнилось еще и 15 лет¹⁴. После его преждевременной смерти (27 апреля 1682 г.) царем сначала был провозглашен Петр, которому не исполнилось еще и десяти лет, а месяц спустя мальчиков на троне стало двое: в «соправители» Петру по требованию восставших стрельцов был дан его 15-летний брат Иван¹⁵. За братьев правила их сестра Софья, но и в упомянутых выше случаях, когда вопрос о формальной опеке не возникал, никто из названных государей не стремился с первых же дней царствования взять всю власть в свои руки.

Так, царь Михаил Федорович сначала вверил управление родственникам матери — боярам Салтыковым, а с 1619 г., с момента возвращения из польского плена его отца, митрополита Филарета (тогда же поставленного в патриархи), он добровольно делил с ним верховную власть. Соправительство было оформлено так же, как в 1530-х гг. это сделала Елена Глинская: в течение 14 лет (до смерти Филарета в 1633 г.) в стране было два «великих государя»: царь и патриарх¹⁶.

В первые годы царствования Алексея Михайловича всю полноту власти сосредоточил в своих руках его «дядька» (воспитатель) боярин Борис Иванович Морозов. Финансовые эксперименты правителя и его помощников (в частности, введение налога на соль), произвол и мздоимство морозовских креатур привели к июньскому восстанию 1648 г. в Москве. Биограф царя Алексея Михайловича, И. Л. Андреев, проводит параллели между этим бунтом и восстанием москвичей в 1547 г., на исходе эпохи «боярского правления»¹⁷. Действительно, черты сходства налицо: всеобщее возмущение про-

¹³ Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 23, 34; Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 25, 59—60.

¹⁴ Царевич Федор Алексеевич родился 30 мая 1661 г., см.: Седов П. В. Закат Московского царства. С. 174.

¹⁵ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008. С. 131, 135.

¹⁶ Подробнее см.: Козляков В. Н. Михаил Федорович. С. 120—122, 159—163, 234—237.

¹⁷ Андреев И. Л. Алексей Михайлович. С. 105—106.

тив временщиков (в 1547 г. в этой роли, как мы помним, выступали Глинские, а в 1648 г. — Б. И. Морозов и его сообщники), страх и растерянность молодого государя, восприятие происходящего как Божьего гнева за прегрешения правителей и т.д.

Впоследствии, достигнув зрелого возраста, Алексей Михайлович стал много времени уделять государственным делам; он лично руководил Тайным приказом, работал с бумагами и нередко собственноручно писал грамоты-распоряжения¹⁸. Но его сын Федор, заняв отцовский престол в 1676 г., вновь передоверил важнейшие дела своим советникам. Как показал в своем исследовании П. В. Седов, реформаторская деятельность начала 1680-х гг. проходила, по существу, без личного участия царя¹⁹.

Упомянутые выше эпизоды конца XVI — XVII в. возвращают нас к одной из ключевых тем этой книги — к проблеме делегирования власти царя его советникам и к вопросу о месте и функциях государя в российской монархии допетровского времени. Один из выводов данного исследования состоит в том, что повседневное управление страной вполне могло осуществляться и без прямого участия великого князя или царя. Опыт XVII столетия подтверждает это наблюдение: дела шли своим чередом и при юном, и при взрослом государе, даже если последний по каким-то причинам самоустранялся от управленческих забот.

Вообще пора уже отрешиться от мысли, будто при самодержавном строе любой правительственный шаг предпринимался по воле царствующего монарха. Верно то, что все делалось от его имени, но степень реального участия самодержца в государственных делах варьировала в очень широких пределах. С одной стороны, государь мог, подобно Алексею Михайловичу во второй половине 1650-х — первой половине 1670-х гг., вникать в мельчайшие детали административного и военного управления²⁰, а с другой — в периоды ма-

¹⁸ Там же. С. 394—396, 414—415.

¹⁹ Седов П. В. Закат Московского царства. С. 384—385. Некоторые рецензенты книги П. В. Седова попытались оспорить тезис автора о несамостоятельности царя Федора как правителя, но каких-либо фактов, свидетельствующих об активном участии молодого государя в подготовке и принятии важных решений, они не привели, ср.: Шамин С. М. [Рец.] // Отечественная история. 2008. № 1. С. 189—190; Новохатко О. В. Как закатывают царства // ОФР. М., 2009. Вып. 13. С. 398—412.

²⁰ И. Л. Андреев привел многочисленные примеры занятий Алексея Михайловича бумажной рутинной, включая собственноручную правку сотенных списков, распределение дворян и детей боярских по полкам, назначение караулов и т.п. (Андреев И. Л. Алексей Михайлович. С. 404).

лолетства или недееспособности царя, нередкие в XVI—XVII вв., его роль сводилась к представительским функциям: присутствию на посольских приемах, участию в церковных церемониях и процессиях. Но значит ли это, что в подобные периоды ослабевала сама самодержавная власть, как порой утверждается в литературе?²¹

Полагаю, что если под самодержавием понимать не просто неограниченную личную власть царя, а определенный тип государственного устройства, политическую систему, то едва ли можно говорить о каких-то принципиальных изменениях этой системы в зависимости от возраста или умственных способностей лиц, занимавших в XVI—XVII вв. русский престол. Вряд ли, например, есть основания сомневаться в том, что Борис Годунов с конца 1580-х гг. правил вполне самодержавно — от имени и вместо царя Федора Ивановича, который, по иронии судьбы, стал первым в истории России государем, официально принявшим титул «самодержца».

Но обстоятельства могли сложиться и по-другому, если правитель был не в состоянии консолидировать и взять под контроль придворную элиту, расколотую на соперничающие группировки, и если в борьбу «верхов» вмешивалась «третья сила» (будь то провинциальные дети боярские в 30—40-е гг. XVI в. или стрельцы в конце XVII в.). Власть такого правителя оказывалась непрочной и недолгой, а страна оказывалась в состоянии политического кризиса. Первый подобный кризис разразился в эпоху «боярского правления», которой посвящена эта книга. Нечто похожее происходило и в 80-е гг. XVII в., когда на престоле оказались два мальчика — братья Иван и Петр Алексеевичи, от имени которых правила их сестра царевна Софья. Обстоятельства ее прихода к власти вызывают в памяти эпизоды придворной борьбы, предшествовавшие началу правления Елены Глинской. Сравнение двух эпох царского малолетства, разделенных полутора веками, позволяет сделать некоторые наблюдения относительно интересующей нас здесь проблемы регентства.

Сходство между двумя правительницами заметно уже в том, что они обе пришли к власти в кризисной обстановке, используя с выгодой для себя политическую конъюнктуру. Елена Глинская, как мы помним, стала «государыней», т.е. соправительницей своего сына-государя, после августовских арестов 1534 г. и устранения опекунов-душеприказчиков, назначенных ее покойным мужем

²¹ См.: *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 6, 551, 552.

Василием III. Царевна Софья в своих политических притязаниях также не могла опереться ни на традицию, ни на завешание прежнего монарха (царя Федора Алексеевича), ни на какой-либо другой правовой акт. Дорогу к власти ей открыло кровавое восстание стрельцов 15—17 мая 1682 г. и последовавшее затем по их требованию провозглашение царями юных Ивана и Петра Алексеевичей (вместо одного Петра, избранного царем еще в конце апреля, сразу после смерти Федора Алексеевича). Но упрочить свое положение правительница смогла только осенью того же года — после казни кн. И. А. Хованского, главы Стрелецкого приказа, с сыном Андреем и после приведения к покорности стрельцов²².

Характерны также попытки легитимизировать задним числом власть царевны Софьи — подобно тому, как это делалось в летописании XVI в. в отношении великой княгини Елены. В известном сочинении Сильвестра Медведева, «Созерцании кратком лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве», принятие Софьей на себя бремени власти приурочено к 29 мая 1682 г. и представлено как удовлетворение ею прошения малолетних братьев-царей Ивана и Петра Алексеевичей, патриарха Иоакима и челобитья «всего Московского государства всяких чинов всенародного множества людей». Цари якобы «изволили великого своего и преславнаго Российского царства всяких государственных дел правление вруčiti сестре своей, благородней государыне царевне и великой княгине Софии Алексеевне, со многим прошением — для того, что они, великие государи, в юных летех, а в великом их государстве долженствует ко всякому устроению многое правление»²³. Этот выбор мотивируется в сочинении С. Медведева великой мудростью царевны (при этом обыгрывается значение греческого имени «София»), так что, кроме нее, дескать, «правити Российское царствие никому невозможно». В конце концов Софья милостиво снизошла к прошению царственных братьев и патриарха и к челобитью бояр и «всяких чинов» людей и «той превеликий труд восприяти изволила». Она «указала» боярам, окольным и всем думным людям «видати всегда свои государские пресветлые очи, и о всяких государственных делах докладывать себе, государыню, и за теми делами изволила она, государыня, сидети з бояры в полате», — пишет С. Медведев²⁴.

²² Подробнее см.: *Хьюз Л.* Царевна Софья. СПб., 2001. С. 91—99, 110—122; *Бушкович П.* Петр Великий. С. 131—139.

²³ Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост. А. П. Богданов. М., 1990. С. 94.

²⁴ Там же. С. 95.

Однако этот рассказ представляет собой такую же фикцию, как и утверждение официальной московской летописи середины XVI в., будто Василий III перед смертью приказал своей супруге, великой княгине Елене, держать «скипетр великия Руси до возмужения сына своего» и возложил на нее «все правление великого государства»²⁵. На самом деле, как мы уже знаем, Елена Глинская стала единоличной правительницей вопреки воле покойного мужа, и произошло это после многомесячной придворной борьбы. Что же касается Софьи, то, как показал А. С. Лавров, запись в записной книге Разрядного приказа, оформившая передачу власти царевне, — а именно на этот источник ссылается С. Медведев в своем рассказе²⁶, — была сделана никак не раньше осени 1682 г., уже после казни князей Хованских²⁷. С октября 1682 г., по наблюдениям того же исследователя, в царских указах наряду с именами «великих государей» Ивана и Петра Алексеевичей появляется и имя их сестры — «великой государыни, царевны и великой княжны Софии Алексеевны»²⁸.

Мы видим здесь ту же формулу соправительства, которую в свое время использовала великая княгиня Елена, а впоследствии — патриарх Филарет: как и в предыдущих случаях, реальная правительница, царевна Софья, приняла титул «государыни», как бы сравнившись по статусу с братьями-царями. Уникальность ситуации заключалась лишь в том, что в течение почти семи лет в стране номинально было три «великих государя»!

Но соправительство и регентство — это не одно и то же: Софья Алексеевна носила титул государыни и, судя по всему, хотела быть ею на деле, т.е. хотела царствовать²⁹. Между тем ни объем, ни срок ее полномочий не были регламентированы каким-либо правовым актом. После того как молодые цари женились (Иван — в январе 1684 г., Петр — в январе 1689 г.), правление Софьи стало все больше походить на узурпацию власти ставших уже взрослыми ее братьев. Дальнейший ход событий хорошо известен: августовский

²⁵ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 9, 10.

²⁶ Россия при царевне Софье и Петре I. С. 93.

²⁷ Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682—1689 гг. М., 1999. С. 73—77.

²⁸ Там же. С. 76.

²⁹ О подобных амбициях правительницы и, в частности, о гравюрах, на которых Софья изображена с короной на голове, см.: Хьюз Л. Царевна Софья. С. 281.

переворот 1689 г. положил конец правлению царевны; одни ее советники (в частности, кн. В. В. Голицын) были отправлены в ссылку, другие (как Ф. Л. Шакловитый) казнены, а сама она вскоре вынуждена была уйти в монастырь³⁰.

Таким образом, приходится констатировать, что проблема регентства, а точнее говоря, проблема отсутствия этого института, впервые остро проявившаяся в эпоху политического кризиса 30—40-х гг. XVI в., не была решена и в последующие полтора столетия. Очевидно, формирующееся самодержавие было несовместимо даже с временным ограничением полномочий государя, независимо от его возраста и состояния здоровья. Вакуум власти, возникавший в периоды малолетства или недееспособности царя, заполнялся *ad hoc*, каждый раз по-новому, исходя из соотношения сил между придворными группировками. Тем самым, по существу, консервировался средневековый порядок, существовавший во многих королевствах Европы, но уже в XIV в. уступивший там место законодательной регламентации регентства.

Отсутствие регентства было проявлением институциональной слабости московской монархии, особенно заметной в моменты смены лиц на престоле. Как показывает опыт XVI—XVII столетий, государь оставался единственным источником легитимной власти, и от его способности контролировать придворную элиту зависела стабильность этой политической системы. Попытки кого-либо из его окружения хотя бы временно присвоить себе указанную prerogative монарха в случае его малолетства или недееспособности зачастую приводили к вспышкам насилия и другим кризисным явлениям.

Проблема регентства и ее грозный спутник — дворцовые перевороты, впервые заявившие о себе в годы малолетства Ивана Грозного, оставались ахиллесовой пятой самодержавия и в XVI столетии, и в «просвещенном» XVIII веке. Уместно напомнить, в частности, о том, что официальная опека Верховного Тайного совета (а фактически — князя А. С. Меншикова) над юным императором Петром II просуществовала всего четыре месяца — с начала мая до начала сентября 1727 г., а регентство герцога Э.-И. Бирона при малолетнем Иоанне Антоновиче продлилось еще меньше — лишь три недели (с 18 октября по 8 ноября 1740 г.)³¹. В обоих случаях

³⁰ Подробнее о перевороте 1689 г. см.: Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. С. 157—190.

³¹ См.: Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725—1762 гг. Рязань, 2003. С. 125—135, 281—287.

хрупкая политическая конструкция была разрушена очередными дворцовыми переворотами...

Но не только перевороты и отсутствие института регентства сближают эпохи, разделенные двумя столетиями, и выявляют их внутреннее родство: в том же ряду следует назвать и феномен фаворитизма. Именно в связи с периодом «боярского правления» 30—40-х гг. XVI в. впервые появилось понятие «временщик»³², которое в исторической памяти прочно ассоциируется теперь с XVIII — началом XIX в.

Если уж проследить связь времен в терминологии, то нельзя не упомянуть еще одно слово, ставшее впоследствии самой распространенной характеристикой московской приказной бюрократии XVII столетия: речь идет о «волоките». Впервые в известных мне источниках это знаменитое словечко встречается опять-таки в эпоху «боярского правления», а точнее — в указной грамоте Ивана IV на Вятку, посланной в марте 1546 г.³³ Без приказных дельцов с их любовью к «волоките» и «посулам» (т.е. взяткам) невозможно себе представить российскую монархию ни в XVI—XVII, ни в XVIII столетии, и поэтому будет справедливо уделить им несколько строк в этих завершающих книгу заметках.

³² Впервые это слово в форме «в(е)ременник» встречается в материалах Стоглавого собора, причем со ссылкой на недавнюю эпоху «боярского правления». Так, в одном из царских вопросов к собору («О ружных попех») говорилось: «...да в нынешняя лета *веременики* причли к соборам своих попов и ругу, и милостыню из наши казны устроили» (здесь и далее выделено мной. — М. К.). Соборный ответ на этот вопрос гласил: «А которая ружная попы и диаконы *веременики* в нынешние лета причли к соборам своих попов и диаконов, да и ругу им, и милостыню из царьския твоєї казны устроили без твоего царьского ведома — и тех всех попов и диаконов отстави и руги им царьския не давати...» (Емченко Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 263, 408). Кто имелся в виду под этими «временниками», ясно видно из речи царя на том же соборе; вспоминая свое детство, он говорил: «И тако бояре наши *улучиша себе время* — сами владеша всем царством самовластно, никому же *вызбраниюще* им от всякого неудобнаго начинания...» (Там же. С. 246).

³³ В мартовской 1546 г. грамоте, адресованной наместнику Верхнего Слободского на Вятке кн. Д. Д. Ухтомскому, упоминается, в частности, тяжба слобожан с жителями соседнего Шестаковского городка: «...всего деи тем слобожаном городцим и волостным людем от тех шестаковцов в наместничем корму и в земских розрубех и в сторожах в три года доспелося убытка и с *московскою волокитою* сорок рублей»; далее наместнику предлагалось судить слобожан с шестаковцами и «управу» им учинить «безволокитно» (Труды Вятской УАК 1905 г. Вятка, 1905. Вып. 3. Отд. III. С. 88; выделено мной. — М. К.).

Будни власти, или к вопросу о специфике СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Сам термин «бюрократия» применительно к эпохе Московского царства носит дискуссионный характер: некоторые современные историки оспаривают его уместность в этом контексте. Так, П. В. Седов в изданном недавно капитальном труде отрицает бюрократизацию управления в России XVII в. По его мнению, исполнение государственных обязанностей в ту эпоху сохраняло характер личных поручений, что отличало московские приказы от учреждений Нового времени; перестановки в приказах были продиктованы не стремлением более четко разграничить их функции, а являлись следствием борьбы придворных группировок, отражением возвышения или падения влиятельных бояр³⁴.

Безусловно, приказная система XVI—XVII вв. была очень далека от идеальной бюрократии (в том смысле, как ее понимал Макс Вебер)³⁵, но то же самое можно сказать в отношении любого европейского государства того времени: Московия вовсе не являлась в этом плане исключением. Министры французского или английского короля в XVII в. были не просто чиновниками высокого ранга, они были в первую очередь придворными, облеченными доверием своего монарха. Как показано в работах Ш. Кеттеринг, У. Бейка и других исследователей, управление Францией времен Людовика XIV во многом опиралось на небюрократические методы, включая неформальное покровительство, использование сетей клиентелы и т.п.³⁶

Но бюрократизация управления — это не состояние, а процесс. Отрицать наличие этого процесса в России в длительной временной перспективе (с конца XV до Петровской эпохи и далее — по XIX в. включительно) невозможно. Велико различие между боярами XVI в. — аристократами и воинами, с одной стороны, и боярами XVII в. — приказными судьями, с другой. Несомненен и количественный рост «крапивного семени» — дьяков и подьячих: так,

³⁴ Седов П. В. Закат Московского царства. С. 31, 42—45, 345—346, 551.

³⁵ Weber M. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1978. P. 956—958.

³⁶ Kettering S. *Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1986; Beik W. *Absolutism and Society in Seventeenth-Century France: State Power and Provincial Aristocracy in Languedoc*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

по подсчетам А. А. Зимина, за первую треть XVI в. известен 121 чел., носивший чин дьяка или подьячего³⁷; в 1534—1548 гг., как показано в данной книге, это число достигает 157 чел., но лишь 33 из них упоминаются одновременно (в январском списке 1547 г.). Зато в 1588/89 г., как установил А. П. Павлов, дьяков было уже около 70 чел., а в 1604 г. — свыше 80 чел.³⁸ В 90-е гг. XVII в., согласно приведенным Н. Ф. Демидовой данным, в стране насчитывалось 4 657 приказных людей — дьяков и подьячих³⁹.

Главное в процессе бюрократизации — формирование профессиональной группы управленцев, сосредотачивающей в своих руках административно-распорядительные функции. В изучаемую в данной книге эпоху это определение в первую очередь относится к дьякам и казначеям, в меньшей степени — к дворецким, которые, как правило, продолжали нести ратную службу и для которых дворецество было лишь этапом в карьере, ступенькой на пути к желанному думному чину.

Как показало проведенное исследование, административно-хозяйственная сфера обладала определенной долей автономии по отношению к носителю верховной власти и придворной элите. Этим обстоятельством, на мой взгляд, объясняется тот факт, что «корабль» государственного управления не пошел ко дну во время «дворцовых бурь», бушевавших в 30—40-е гг. XVI в. Полагаю, что данное наблюдение с определенными коррективами может быть распространено и на другие эпохи дворцовых переворотов, будь то 80-е гг. XVII в. или вторая четверть XVIII в.

Одним из следствий этой относительной самостоятельности приказного аппарата было то, что логика и последовательность административных преобразований, проводимых в стране в XVI в., мало зависели и от личности монарха, и от того, какая именно группировка знати господствовала в тот или иной момент при дворе. Как я старался показать в заключительной главе этой книги, введение губных старост и иных выборных органов для сыска разбойников в конце 1530-х гг. было лишь одной из мер — зачастую непоследовательных и плохо согласованных друг с дру-

³⁷ Зимин А. А. Дьяческий аппарат. С. 282.

³⁸ Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. (Очерки истории). СПб., 2006. С. 261 (автор раздела — А. П. Павлов).

³⁹ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 37, табл. 7.

гом, — предпринимавшихся центральной властью на протяжении конца XV — первой половины XVI в. и направленных на обуздание преступности. В итоге хронологические рамки так называемой губной реформы остаются размытыми, а ее изначальные цели и масштабы проведения дают простор для самых различных предположений.

Но сказанное о губной реформе в значительной мере справедливо и в отношении ряда других преобразований в России XVI в.⁴⁰ Так, не утихают споры о земской реформе: этапах ее проведения, степени завершенности, специфике осуществления в разных регионах страны⁴¹. И вот уже более двухсот лет продолжается дискуссия о дате царского указа, положившего, по мнению многих ученых, начало крепостному праву в России⁴².

Очевидно, нам предстоит переосмыслить логику и ход преобразований XVI—XVII вв. Как были возможны перемены в позднесредневековом обществе, сознательно ориентированном на сохранение «старины» и настороженно относившемся к любым нововведениям? И подходит ли для описания преобразований той эпохи термин «реформы», взятый из лексикона XIX—XX вв.?⁴³

Подобные вопросы предполагают особое внимание к политической культуре изучаемой эпохи, т.е. к принятым тогда неписаным нормам поведения, категориям и ценностям.

Дальнейший прогресс в исследовании политической истории России возможен также, на мой взгляд, на путях исследования раз-

⁴⁰ См. подробнее: *Кром М. М.* Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований в России XVI века // *ИЗ. М.*, 2007. Вып. 10 (128). С. 373—397, особенно с. 390—392.

⁴¹ См., например: *Аракчеев В. А.* Земская реформа XVI века: общероссийские тенденции и региональные особенности // *Отечественная история*. 2006. № 4. С. 3—11.

⁴² Обзор дискуссии см.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Комментарии / Под ред. Н. Е. Носова и В. М. Панеяха. Л., 1987. С. 66—76 (коммент. Р. Б. Мюллер и Ю. Г. Алексеева). Из новейших работ см.: *Флоря Б. Н.* Об установлении «заповедных лет» в России // *Отечественная история*. 1999. № 5. С. 121—124; *Аракчеев В. А.* «Заповедные годы» на Северо-Западе России: историография, источники, методы исследования // *Отечественная история*. 2004. № 3. С. 128—140.

⁴³ Размышления на эту тему изложены в статье: *Кром М.* Les réformes russes du XVIe siècle: un mythe historiographique? // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 64e année, n° 3 (mai—juin 2009). P. 561—578.

нообразных *практик* властвования, административных будней, о которых немало говорилось в этой книге.

Наконец, большие перспективы открывает изучение символики власти — области исследований, в которой специалисты по истории западноевропейского Средневековья достигли к настоящему времени впечатляющих успехов⁴⁴.

⁴⁴ См. только что вышедший капитальный труд М. А. Бойцова: *Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе*. М., 2009.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В приложениях приняты следующие сокращения (в дополнение к тем, что указаны в списке в конце книги):

ТЕРМИНЫ

арх. — архимандрит
гр. — грамота
д. — деревня
дд. — деревни
жал. — жалованная
зап. — заповедная
иг. — игумен
кормл. — кормленная
м-рь — монастырь
м-рский (-ое) — монастырский (монастырское)
нес. — несудимая
обр. — оброчная
поч. — починок
почч. — починки
с. — село
сс. — села
сц. — сельцо
тарх. — тарханная
тарх.-обр. — тарханно-оброчная
у. — уезд
уу. — уезды

ИЗДАНИЯ

АММС — Акты московских монастырей и соборов 1509—1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984;

Антонов А.В. Вотчинные архивы (1). — *Антонов А.В.* Вотчинные архивы московских монастырей и соборов XIV—XVII веков // РД. М., 1997. Вып. 2. С. 73—225;

Антонов А.В. Вотчинные архивы (2). — *Антонов А.В.* Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церквей XV — начала XVII века // РД. М., 1998. Вып. 3. С. 159—217;

Антонов А.В. Вотчинные архивы (3). — *Антонов А.В.* Вотчинные архивы владимирских монастырей и соборов XIV — начала XVII века // РД. М., 1998 Вып. 4.. С. 181—217;

Антонов А.В. Кормленные грамоты. — *Антонов А.В.* Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV — середины XVI века // РД. М., 1998. Вып. 3. С. 91—155;

Антонов А.В. Перечни актов. — *Антонов А.В.* Перечни актов переславских, ярославских, костромских и галичских монастырей и церквей XIV — начала XVII в. // РД. М., 1997. Вып. 1. С. 43—165;

Антонов А.В. Частные архивы. — *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // РД. М., 2002. Вып. 8.;

Антонов А.В., Маштафаров А.В. Вотчинные архивы. — *Антонов А.В., Маштафаров А.В.* Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV — начала XVII века // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 415—474;

Антонов А.В., Маштафаров А.В. Об архиве Покровского м-ря. — *Антонов А.В., Маштафаров А.В.* Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря XV — начала XVII века // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 272—334;

Добронравов В.Г. История Тр. Данилова м-ря. — *Добронравов В.Г.* История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908.

Досифей. Описание. — Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря... составленное трудами Соловецкого монастыря архимандрита Досифея. М., 1836;

Енин Г.П. Описание. — *Енин Г.П.* Описание документов XIV—XVII вв. в копиях книг Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 1994;

Зимин А.А. Новые документы. — *Зимин А.А.* Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 342—353;

Зимин А.А. Хронологический перечень. — *Зимин А.А.* Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря (1506—1612 гг.) // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 366—396;

Кабанов А.К. Материалы. — Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Грамоты Коллегии экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам. Ч. 1 (1498—1613 годы) / Под ред. А. К. Кабанова. (Действия Нижегородской губернской УАК. Т. XIV. Сборник. Отдел III. Исторические материалы и документы). Нижний Новгород, 1913. С. 1—124;

Попов Н. Собрание рукописей. — *Попов Н.* Собрание рукописей Московского Симонова монастыря // ЧОИДР. 1910 г. Кн. II. М., 1910. Отд. II. С. 1—214;

Сборник документов по истории СССР. Ч. III. — Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период феодализма). Ч. III: XVI век / Под ред. А. М. Сахарова. М., 1972;

Сметанина С.И. Вотчинные архивы. — *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 247—290;

Смирнов А.В. Материалы. — Материалы для истории Владимирской губернии. Собрал А. В. Смирнов. Владимир, 1901—1906. Вып. 1—4;

Смирнов М.И. Указатель. — *Смирнов М.И.* Указатель рукописных и изданных документов Переславль-Залесского края (Доклады Переславль-Залесского научно-просветительского общества. Вып. 12). Переславль-Залесский, 1924;

Юшков. Акты. — Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал Александр Юшков. Ч. I. М., 1898.

I

Каталог жалованных и указных грамот 1534—1548 гг., выданных от имени или «по слову» Ивана IV

В каталог включены все известные на данный момент жалованные и указные грамоты 1534—1548 гг., дошедшие до нас в подлинниках, списках или только в виде позднейших упоминаний. За исключением специально оговоренных случаев, все рукописи изучены составителем лично. Тексты грамот, выявленные при составлении настоящего каталога и не учтенные в опубликованных перечнях и описаниях документов XVI в., отмечены звездочкой (*). В тех случаях, когда сведения о рукописной традиции грамоты заимствованы из ее публикации, это обозначено заглавной буквой «П» в круглых скобках (П); если эти сведения взяты из печатного каталога, то на это указывает заглавная буква «К» в скобках (К). Если грамота издавалась несколько раз или упоминается в нескольких каталогах, то в ссылках на источник информации к буквам «П» или «К» добавляется цифра, обозначающая порядковый номер публикации или каталога в легенде к данному документу (например: П₁, К₃ и т.д.).

1. 1534 г. января — августа. Жал. гр. Ивана IV Вологодскому Спасо-Прилуцкому м-рю на данного пристава.
Упом. в описи Спасо-Прилуцкого м-ря 1638 г.: РИБ. Пг., 1917. Т. 35. № 470. Стб. 965.
Кат.: ХП. Ч. III. № I—113.
2. 1534 г. января 4. Жал. зап. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на леса и рощи в Дмитровском, Кашинском, Рузском и Звенигородском уу.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 45/3757.
Списки¹: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 225. Л. 198 об. — 199 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 225. Л. 315 об. — 317; 3) 80-х гг. XVII в.: Там

¹ Здесь и далее датировки списков троицких грамот даются в соответствии с наблюдениями С. М. Каштанова и Л. И. Ивиной, см.: *Каштанов С. М.* Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. // Перечень актов АТСМ. С. 12—54; *Ивина Л. И.* Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. // Там же. С. 248—284.

же. Кн. 529. № 225. Л. 243—244; 4) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 537. Звенигород. № 3. Л. 18 об. — 20 (К₃); 5) 1683—1685 гг.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашин. № 184/6879. Гр. 16. Л. 27 об. — 28 об. (К₃); 6) XVIII в.: Там же. Ф. 248 (Сенат). Д. 763/1. № 3. Л. 16—17 (К₃).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. III. № 273. С. 85—86; 2) ХП. Ч. I. № 302; 3) Перечень актов АТСМ. М., 2007. С. 408—409. № 420 (в обозначении номеров листов списка из кн. 527 допущена опечатка).

3. 1534 г. января 25. Жал. обел.-нес., на данного пристава, двусрочная, зап. (от ездовых, незваных гостей, скоморохов и попрошатаев) и проезжая гр. Ивана IV иг. Покровского Углицкого м-ря Герману на сс. и дд. в Углицком у., Бежецком Верхе, Ярославском у. и слободы в Угличе.

Списки: 1) 1629 г.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 73. № 1584/18819. Б/п (на 9 л.) (П₂); 2) 1740-х гг.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Кн. 1916. Л. 382—383 об.

Публ.: 1) Ярославские ГВ. 1855. Часть неофиц. № 48. С. 435—436; 2) Антонов А. В., Баранов К. В. Акты XV—XVI веков из архивов русских монастырей и церквей // РД. М., 1998. Вып. 3. С. 24—27. № 17 (по списку 1629 г.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 304; 2) Антонов А. В. Вотчинные архивы (2). С. 207—208. № 22.

4. 1534 г. января 26. Жал. тарх.-обр., нес. и зап. (от ездовых) гр. Ивана IV иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту на с. Бужарово Дмитровского у.

Список XVI в.: РГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский м-рь). Оп. 2. Д. 519. № 17. Л. 25—27 об. (П).

Публ.: АФЗХ. Ч. II. № 130. С. 122—124 (по списку XVI в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 305.

5. 1534 г. января 27. Жал. тарх.-обр., нес. и зап. (от ездовых) гр. Ивана IV иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту на дд. Чеклево, Мамоново и Татариново в Сестринском ст. Рузского у.

Списки XVI в.: 1) РГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский м-рь). Оп. 1. № 339/XIII (П); 2) РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 519. № 27. Л. 37—39 об. (П).

Публ.: АФЗХ. Ч. II. № 131. С. 124—126 (по списку XVI в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 306.

6. 1534 г. января 28. Жал. данная, тарх.-нес. и зап. (от ездовых) гр. Ивана IV иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту на дворовое место в г. Дмитрове.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 46/3758.

Публ.: АФЗХ. Ч. II. № 132. С. 126 (по подл.).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. III. № 238. С. 75; 2) ХП. Ч. I. № 310.

7. 1534 г. января 28. Жал. тарх.-обр., нес., зап. (от ездоков) и на м-рское пятно гр. Ивана IV иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту на сс. Покровское и Болобоново Рузского у. и с. Богородицкое Дмитровского у.
Списки XVI в.: 1) РГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский м-рь). Оп. 1. № 357 (П); 2) Там же. № 360 (П); 3) РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 519. № 41. Л. 53—56 об. (П).
Публ.: АФЗХ. Ч. II. № 133. С. 127—129 (по списку № 357).
Кат.: ХП. Ч. I. № 307.
8. 1534 г. января 28. Жал. тарх.-обр., нес. и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту на с. Ивановское Рузского у.
Список XVI в.: РГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский м-рь). Оп. 2. Д. 519. № 63. Л. 84 об. — 87 об.
Публ.: АФЗХ. Ч. II. № 134. С. 129—131 (по списку XVI в.).
Кат.: ХП. Ч. I. № 309.
9. 1534 г. января 28. Жал. тарх.-обр., нес., зап. (от ездоков) и на м-рское пятно гр. Ивана IV иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту на сс. Спасское, Успенское и др. в Рузском у.
Списки XVI в.: 1) 1-я половина текста: ОР ГИМ. Патр. № 1730 (П); 2) 2-я половина текста: РГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский м-рь). Оп. 1. № 366 (П); 3) РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 519. № 59. Л. 78—82 (П).
Публ.: АФЗХ. Ч. II. № 135. С. 131—133 (по списку XVI в.).
Кат.: ХП. Ч. I. № 308.
10. 1534 г. февраля 1. Жал. гр. Ивана IV иг. Кирилло-Белозерского м-ря Досифею на данного пристава Михаила («Михаля») Афанасьева сына для сс. Куралгина, Григорова и сс. Семешкова с дд. в Дмитровском у. и для двора на посаде в г. Дмитрове.
Списки XVII в.: 1) ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^б. Л. 366 об. — 368; 2) Там же. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. 1/17. Л. 954 об. — 955.
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 311; 2) *Енин Г.П.* Описание. № 1095.
11. 1534 г. февраля 1. Жал. тарх.-обр. гр. Ивана IV иг. Кирилло-Белозерского м-ря Досифею на с. Куралгино и сс. Григоровское в Каменском ст. Дмитровского у.
Список XVII в. (1630-х гг.): ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. 1/17. Л. 907 об.
Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—177; 2) *Енин Г.П.* Описание. № 1073.
12. 1534 г. февраля 1. Жал. данная гр. Ивана IV иг. Ферапонтова м-ря Ферапонту на дд. Дурнево и Жылкино в Каменском ст. Дмитровского у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 47/3759 (*).

13. 1534 г. февраля 1. Жал. данная и нес. гр. Ивана IV иг. Ферапонтова м-ря Ферапонту на дд. Оксеново (ошиб. «Окимово»), Купреево и Пятачево в Каменском ст. Дмитровского у.
Публ.: АГР. Т. I. № 42. С. 44 (по невявл. подл.).
Кат.: ХП. Ч. I. № 312.
14. 1534 г. февраля 1. Жал. тарх.-оброch. и двусрочная гр. Ивана IV иг. Ферапонтова м-ря Ферапонту на дд. Оксеново, Купреево и Пятачево в Каменском ст. Дмитровского у.
Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археогр. экспедиция). Оп. 1. Д. 135 (*).
Список 1830 г. (с подл.): Архив СПб. ИИ. Кол. 115 (Собр. рукоп. книг). Д. 444. Л. 9—11.
Публ.: РИБ. Т. 32. № 129. Стб. 220—224 (по подл.).
Кат.: ХП. Ч. I. № 313.
15. 1534 г. февраля 1. Жал. тарх.— проезжая гр. Ивана IV иг. Ферапонтова м-ря Ферапонту на беспoшлинный провоз товара в Дмитров, Москву, в монастырские села и обратно.
Список 1830 г. (со списка XVI в.): Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Д. 444. Л. 12—12 об.²
Кат.: ХП. Ч. III. № 1—176.
16. 1534 г. февраля 4. Жал. кормл. гр. Ивана IV Митьке Иванову сыну Буковского на ржевский мех на два года (1532/33 и 1533/34 гг.).
Списки: 1) 1686 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 47. Л. 2 (П₂ К₂); 2) 1850-х гг.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 164. Л. 81—81 об. (П₂ К₂).
Публ.: 1) Юшков. Акты. № 135. С. 117 (по списку 1686 г.); 2) АСЗ. М., 2008. Т. IV. № 62. С. 47 (по списку 1686 г.).
Кат.: 1) Антонов А. В. Кормленные грамоты. С. 145. № 99; 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 435. С. 61.
17. 1534 г. февраля 5. Жал. тарх.-нес. гр. Ивана IV иг. Спасо-Прилуцкого м-ря Мисаилу на беспoшлинный проезд раз в год одного насада с монастырским товаром по рекам на территории Двинского у.
Список начала XX в.: ОР РГБ. Ф. 711 (Собр. А. П. Гранкова). № 246. Л. 8³.
Упом.: Кашианов С. М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 193.
18. 1534 г. февраля 6. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Ферапонтова м-ря Ферапонту на дд. Дурнево и Жылкино в Каменском ст. Дмитровского у.

² Подл. грамоты упом. в описной книге Ферапонтова м-ря 1696 г.: ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 1911. Л. 99.

³ Заголовок этой грамоты и ее архивный шифр указаны мне Ю. Д. Рыковым, которому я выражаю искреннюю признательность за эти сведения.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археогр. экспедиция). Оп. 1. Д. 136 (*).
Список 1830 г. (с подл.): Архив СПб. ИИ. Кол. 115 (Собр. рукоп. книг).
Д. 444. Л. 13—14 об. (*).

Публ.: РИБ. Т. 32. № 130. Стб. 224—226 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 314.

19. 1534 г. февраля 7. Жал. зап. гр. Ивана IV строителю Саввина Сторожевского м-ря Марку на монастырский лес в Звенигородском у.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 174 (Акты до 1613 г.). Оп. 1. Д. 93.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 315; 2) Антонов А. В. Вотчинный архив Саввина Сторожевского монастыря конца XIV — начала XVII века // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 430. № 34.

20. 1534 г. февраля 8. Жал. подтверд. данная и зап. гр. Ивана IV иг. Глушицкого м-ря Антонию на тони в р. Сухоне.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Вологда. № 10/2581.

Список XVIII в.: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 1668. Л. 143—145⁴.

Кат.: ХП. Ч. I. № 316.

21. 1534 г. февраля 9. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на с. Старобиславле с дд. в Дмитровском у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 49/3761.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 38. Л. 42 об. — 43 об.; XVII в.: 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 226. Л. 199 об. — 200; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 226. Л. 317—318; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 226. Л. 244—245.

Публ.: Журнал 103-го заседания Тверской УАК. Тверь, 1911. С. 69—70. № 2 (по невыявл. списку).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. III. С. 86. № 275; 2) ХП. Ч. I. № 317⁵; 3) Перечень актов АТСМ. С. 410. № 425.

22. 1534 г. февраля 9. Жал. тарх.-нес., на м-рское пятно и зап. (от ездовых и скоморохов) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сс. Петровское и Федоровское Дмитровского у.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР Р

НБ. Ф. 588 (Собр. М. П. Погодина). Оп. 2. Д. 1905. № 17. Л. 27 об. — 29 об. (К₂); XVII в.: 2) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 240. Л. 210—211 об.; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 240. Л. 334 об. — 336 об.; 4) 80-х гг. XVII в.:

⁴ Шифр рукописи указан мне Н. В. Башниным, которому выражаю искреннюю признательность.

⁵ С. М. Каштанов допускает вариант датировки: «или января 9» (ХП. Ч. I. № 317. С. 344. Прим. 39). Однако в подл. (ГКЭ. Дмитров. № 49/3761) четко читается: «февраля 9 д(ень)».

Там же. Кн. 529. № 240. Л. 258—259 об.; 5) XVIII в.: РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 763/1. № 87. Л. 89—90 (К₂).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 318; 2) Перечень актов АТСМ. С. 411. № 427.

23. 1534 г. февраля 9. Жал. обел.-нес., на м-рское пятно и зап. (от ездоков и скоморохов) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на с. Ондреевское, 13 дд. и 2 почт. Рузского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Руза. № 28/10259.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. Л. 49 об. — 52; XVII в.: 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 233. Л. 204 об. — 205 об.; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 233. Л. 325—327; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 233. Л. 250 об. — 252; 5) XVIII в.: РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 763/1. № 49 (61). Л. 83—84 (К₂).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 319; 2) Перечень актов АТСМ. С. 411. № 428.

24. 1534 г. февраля 9. Жал. тарх.-нес. и зап. (от ездоков и скоморохов) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на дд. Михалково и Кишино в Инобожском ст. Дмитровского у.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. Л. 86—88; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 230. Л. 201 об. — 203; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 230. Л. 320 об. — 322 об.; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 230. Л. 247—248 об.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 320; 2) Перечень актов АТСМ. С. 411. № 426.

25. 1534 г. февраля 9. Жал. зап. (от ездоков и скоморохов) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сс. Озерецкое, Желтиково и Аврамовское с дд. Дмитровского у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. I. Д. 105.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. Л. 49—49 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 229. Л. 201 об.; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 229. Л. 320—320 об.; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 229. Л. 246 об. — 247.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 321; 2) Перечень актов АТСМ. С. 409. № 421.

26. 1534 г. февраля 9. Жал. тарх.-проезжая гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на проезд в Дмитров и обратно по рр. Яхроме, Сестре, Дубне, Волге и Шексне.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 51/3763.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 228. Л. 200 об. — 201; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 228. Л. 319—320; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 228. Л. 245 об. — 246.

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. III. № 277. С. 86; 2) ХП. Ч. I. № 322; 3) Перечень актов АТСМ. С. 410. № 423.

27. 1534 г. февраля 9. Жал. тарх.-проезжая гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на беспошлинный проезд монастырских людей один раз в год по Дмитровскому и Кашинскому уу.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Бежецк. № 69/1173.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 227. Л. 200—200 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 227. Л. 318—319; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 227. Л. 245—245 об.; 4) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 541. Бежецкий Верх. № 32. Л. 68—68 об. (К₂).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 323; 2) Перечень актов АТСМ. С. 412—413. № 433.

28. 1534 г. февраля 9. Жал. трехсрочная гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сс. и дд. в Жабенском ст. Кашинского у.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 235. Л. 206 об. — 207; 2) 1614—1641 гг.: Там же. Кн. 528. № 235. Л. 328 об. — 329 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 235. Л. 253 об. — 254; 4) 1683—1685 гг.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашин. № 184/6879. Гр. 17. Л. 29—29 об. (К₂).

Публ.: ААЭ. Т. I. № 178. С. 150 (по списку кн. 527).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 324; 2) Перечень актов АТСМ. С. 412. № 430.

29. 1534 г. февраля 9. Жал. двусрочная гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сс. Озерецкое, Бебяково, Синково, Петровское Дмитровского у., с. Ондреевское Рузского у., сс. Пестово и Михайло-Святый Кашинского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 50/3762.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 237. Л. 208—208 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 237. Л. 330 об. — 331 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 237. Л. 255—256; 4) 1683—1685 гг.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашин. № 184/6879. Гр. 19. Л. 31—32 (К₃); 5) XVIII в.: Там же. Ф. 248 (Сенат). Д. 763/1. № 36. Л. 87—88 (К₃).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. III. С. 86. № 276; 2) ХП. Ч. I. № 325; 3) Перечень актов АТСМ. С. 409. № 422 (в обозначении нумерации листов списка из кн. 527 допущена опечатка).

30. 1534 г. февраля 9. Жал. тарх.-нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на двор в Кашине.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 106.

Списки: 1) 1586—1587 гг.: ОР РГБ. Кн. 525. Л. 27 об. — 29 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 236. Л. 207—208; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 236. Л. 329 об. — 330 об.; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 236. Л. 254—255; 5) 1683—1685 гг.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашин. № 184/6879. Гр. 18. Л. 29 об. — 30 об. (К₂).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 326; 2) Перечень актов АТСМ. С. 413. № 434.

31. 1534 г. февраля 9. Жал. тарх.-нес. и зап. (от ездовых) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на два двора в г. Дмитрове.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 48/3760.

Списки: 1) 1586—1587 гг.: ОР РНБ. Ф. 588 (Собр. М. П. Погодина). Оп. 2. Д. 1905. № 27. Л. 44 об. — 46 (К₃); 2) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 238. Л. 208 об. — 209; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 238. Л. 331 об. — 332 об.; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 238. Л. 256—257.

Публ.: АГР. Т. I. № 43. С. 44—45 (по подл.).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. III. С. 86. № 274; 2) ХП. Ч. I. № 327; 3) Перечень актов АТСМ. С. 410. № 424 (в обозначении нумерации листов списка из кн. 527 допущена опечатка).

32. 1534 г. февраля 9. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на с. Иевлево с дд. в волостях Корзенева и Шерне Московского у.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 242. Л. 212 об. — 213 об.; 2) 1614—1641 гг.: Там же. Кн. 528. № 242. Л. 338 об. — 340; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 242. Л. 260 об. — 261 об.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 328; 2) Перечень актов АТСМ. С. 412. № 432.

33. 1534 г. февраля 9. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сщ. Караулово и Нахабинское в Горетове ст. Московского у.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 95. Л. 151—153; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 246. Л. 217—218; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 246. Л. 345 об. — 347; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 246. Л. 266—267.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 329; 2) Перечень актов АТСМ. С. 412. № 431.

34. 1534 г. февраля 9. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на Филисову слободку в вол. Медушах Владимирского у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. I. Д. 104.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 100. Л. 165—166; XVII в.: 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 232. Л. 203 об. — 204 об.; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 232. Л. 323 об. — 325; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 232. Л. 249 об. — 250 об.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 330; 2) Перечень актов АТСМ. С. 411—412. № 429.

35. 1534 г. февраля 9. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на осадные дворы в Суздале и Костроме.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 62. Л. 89 об. — 91; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 243. Л. 214—214 об.; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 243. Л. 340—341 об.; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 243. Л. 262—263; 5) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 556. Кострома. № 22. Л. 49—50 об. (К₂); 6) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 557. Кострома. № 10. Л. 32—33 (К₂).

Публ.: ААЭ. Т. I. № 179. С. 150—151 (по списку кн. 527).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 331; 2) Перечень актов АТСМ. С. 413. № 435.

36. 1534 г. февраля 9. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на с. Маслово в Шуткином ст. Юрьева-Польского у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 108.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 239. Л. 209—210; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 239. Л. 333—334 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 239. Л. 257—258.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 332; 2) Перечень актов АТСМ. С. 414. № 437.

37. 1534 г. февраля 9. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сщ. Поповское, Лаврентьевское с дд. и приписной м-рь Егория Великого с д. в Пошехонском у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 107 (без начала).

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 90. Л. 144 об. — 146; 2) 1586—1587 гг.: ОР РНБ. Ф. 588 (Собр. М. П. Погодина). Оп. 2. Д. 1905. № 114. Л. 143 об. — 147 (К₂); 3) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 234. Л. 205 об. — 206 об.; 4) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 234. Л. 327—328 об.; 5) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 234. Л. 252—253 об.; 6) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 552. Ярославль и Пошехонье. № 4. Л. 24—25 об. (К₂); 7) XVIII в.: РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 763/1. № 50. Л. 85—86 (К₂).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 333; 2) Перечень актов АТСМ. С. 413—414. № 436 (номера листов списка из кн. 527 указаны неверно).

38. 1534 г. февраля 25. Жал. зап. гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря Филофею на монастырские леса и рощи сс. Верзнева, Татишева и Лопотова в Берендеев ст. Дмитровского у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 109.

Списки: 1) XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58, Дмитровский у., № 11. Л. 485—485 об. (П); 2) XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). Кн. 52. Л. 46—46 об. (П).

Публ.: 1) *Леонид*. Упраздненный Пятницкий Берендеев монастырь и акты, относящиеся до различных мест в бывшей «Берендеевой волости» // ЧОИДР. 1871. Кн. IV. С. 21; 2) АФЗХ/АМСМ. № 44. С. 46—47 (по подл.). Кат.: 1) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 111; 2) ХП. Ч. I. № 334; 3) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 150. № 491.

39. 1534 г. марта 12. Ук. гр. Ивана IV сытнику Федору Пашкову в Переславский у. об освобождении крестьян Троице-Сергиева м-ря от рубки и вывозки леса для Новой (Александровой) слободы.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 94/8818.

Списки 1641 г.: 1) ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 530. Л. 677—677 об.; 2) Там же. Кн. 531. Переславль-Залесский. № 144. Л. 622 (К₄).

Публ.: АТН. Вып. II. № 8. С. 7 (по списку из кн. 530).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 503. № 1386; 2) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 20. № 160; 3) ХП. Ч. I. № 335 (подл. из ГКЭ ошибочно назван «списком»); 4) Перечень актов АТСМ. С. 414. № 438.

40. 1534 г. апреля. Жал. нес. и зап. (от незванных гостей и ездовых) гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря Филофею на с. Оленино с дд. в Стародубе Вотцком Муромского у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 111.

Списки: 1) XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58, Муромский у., № 1. Л. 587—588 об. (П); 2) XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). Кн. 53. Л. 8—9 об. (П).

Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 45. С. 47—48 (по подл.).

Кат.: 1) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 118; 2) ХП. Ч. I. № 336; 3) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 150. № 492.

41. 1534 г. апреля 12. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сц. Старое, дд. Югово, Харланка, Сутоки, Горка Лисья и Поляна в Городецком ст. Бежецкого у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Бежецк. № 70/1174.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 244. Л. 215—216; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 244. Л. 341 об. — 343; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 244. Л. 263—264; 4) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 541. Бежецкий Верх. № 33. Л. 69—70 об. (К₃); 5) XVIII в.: РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 763/1. № 33 (53). Л. 91—92 (К₃).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. 1. С. 53. № 14; 2) ХП. Ч. I. № 337; 3) Перечень актов АТСМ. С. 415. № 440.

42. 1534 г. апреля 12. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сц. Недюрево, дд., сщц. и пустт. в Переславском у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 110.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 98. Л. 159 об. — 162; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 241. Л. 211 об. — 212 об.; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 241. Л. 336 об. — 338 об.; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 241. Л. 259 об. — 260 об.; 5) 1683—1685 гг.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 646/9370. Гр. 60. Л. 130—133 (К₄); 6) XVIII в.: РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 763/1. № 60. Л. 93—94 об. (К₄).

Публ.: *Токмаков.* Киржач. С. 90—92 (по списку XVIII в. из кн. 763).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 503. № 1387; 2) *Смирнов И. И.* Указатель. С. 20. № 161; 3) ХП. Ч. I. № 338; 4) Перечень актов АТСМ. С. 415. № 441.

43. 1534 г. апреля 12. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сщ. Гусарниково, Новое, Губино и др. с дд. в Ростовском у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Ростов. № 12/10549.
Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 43. Л. 52—55; 2) 1621 г.: Там же. Кн. 637. Л. 416—419; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 245. Л. 216—217; 4) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 245. Л. 343—345 об.; 5) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 245. Л. 264—266; 6) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 553. Ростов. № 22. Л. 51 об. — 53 об. (К₂); 7) XVIII в.: РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 763/1. № 22. Л. 95—96 об. (К₂).
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 339; 2) Перечень актов АТСМ. С. 415—416. № 442.
44. 1534 г. мая 5. Ук. гр. Ивана IV в станы и волости по Переславской дороге старостам, десятским и всем крестьянам об отводе на Городенский ям подвод Троице-Сергиева м-ря после их сменны великокняжескими гонцами, о запрещении ямщикам держать троицкие подводы в своих деревнях и о назначении пристава Семена Желтухина для пресечения нарушений и вызова в суд нарушителей.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 95/8819.
Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 530. Переславль-Залесский. № 143. Л. 676 об. — 677 об. (К₄); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 531. Переславль-Залесский. № 143. Л. 473 об. (только заголовок) (К₄); 3) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 534. Переславль-Залесский. № 143. Л. 83—84 (К₄).
Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 180. С. 151—152 (по подл.); 2) *Смирнов А. В.* Материалы. Вып. 3. № 369. С. 113—115 (по ААЭ).
Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 503. № 1388; 2) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 20. № 163; 3) ХП. Ч. I. № 340; 4) Перечень актов АТСМ. С. 416. № 444.
45. 1534 г. мая 11. Жал. данная, тарх.-нес. и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту на с. Турово с дд. в Тверском и Клинском уу.
Список XVI в.: ОР РГБ. Ф. 191 (Собр. Муханова). № 78 (*).
Публ.: 1) Сборник Муханова. Изд. 2. № 309. С. 591—593 (по списку XVI в.); 2) АФЗХ. Ч. II. № 137. С. 134—136 (по сборнику Муханова).
Кат.: ХП. Ч. I. № 341.
46. 1534 г. мая 17. Жал. проезжая гр. Ивана IV иг. Глушицкого м-ря Антонию на беспошлинный проезд в Москву и обратно игумена, братии и монастырских людей без товара.
Список XVI в.: ГАВО. Ф. 1260. № 3⁶.

⁶ Шифр рукописи указан мне Н. В. Башниным, которому выражаю искреннюю признательность.

Публ.: 1) *Амвросий*. ИРИ. Ч. III. С. 710—712. № VI (по невыявл. подл.); 2) Прибавления к Вологодским ЕВ. 1876. № 21. С. 338—339. № XII (по публ. Амвросия); 3) *Суворов Н.И.* Глушицкий монастырь Вологодской епархии. Вологда, 1876. С. 67—68. № 12 (по публ. Амвросия).

Кат.: ХП. Ч. I. № 342.

47. 1534 г. июля [1—31]. Ук. гр. Ивана IV Андрею Семенову сыну Караулова и подьячему Якову Щелкалову о межевании земли и угодий Новодевичьего м-ря сс. Подгорного и Алабужского землями и угодьями Троице-Сергиева м-ря сс. Сукромского и Присеки в Городецком ст. Бежецкого Верха.

Список 30-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 63—64 об.

Кат.: Перечень актов АТСМ. С. 417. № 447.

48. 1534 г. июля 6. Ук. гр. Ивана IV в Белозерский у. посельскому с. Напорожского Облязу Иванову сыну Жеребцова об обыске и суде по тяжбе Кирилло-Белозерского м-ря с крестьянами Карачевских деревень Андреем и Никитой из-за спорной земли у д. Пантелеевской.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 41 (Головин). Оп. 1. Д. 56 (*).

Списки: 1) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. 1/16. Л. 495—496 об.; 2) Там же. Ф. 550. Q. IV. 113⁶. Л. 660—660 об.; 3) XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 32. Л. 128—128 об. (*).

Кат.: *Енин Г.П.* Описание. № 177 (указаны только списки XVII в.).

49. 1534 г. июля 10. Ук. гр. Ивана IV в Галич Семену Григорьеву сыну Соловцова об организации судебного поединка между людьми Третьяка Котенина и крестьянами Заболоцкой вол.

Списки: 1) 1796 г.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 7838. Л. 6—6 об.; 2) 1780—1790-х гг.: Гос. архив Костромской обл. Ф. 620. Оп. 1. Д. 6. № 5 (ныне ркп. находится в РГБ) (П).

Публ.: АСЗ. Т. I. № 122. С. 96—97 (по списку РГИА 1796 г.).

Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1471. С. 188.

50. 1534 г. сентября — 1535 г. августа. Жал. тарх. (?) — нес. и двусрочная гр. Ивана IV попу церкви Николы чудотворца в Ростове на д. Микулицыно в Якимовском ст. Ростовского у. и полови-ну сц. Спасское с дворischem и пожнями в г. Ростове.

Изложение в составе указной грамоты царя Алексея Михайловича от 20 октября 1672 г. (список 1690-х гг.): РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Ростову. № 257/30087. Л. 191—192.

Публ.: *Антонов А. В., Баранов К. В.* Акты XV—XVI веков из архивов русских монастырей и церквей // РД. М., 1998. Вып. 3. № 34. С. 42—43.

51. 1534 г. сентября — 1535 г. августа. Жал. нес. и на данного пристава гр. Ивана IV иг. Федосеевой Благовещенской пустыни Иннокентию.

Упом. в жалованной гр. царя Михаила Федоровича от 5 мая 1624 г.: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 1016/41388. Л. 102 (К₃).

Кат.: 1) *Добролюбов И.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии... Рязань, 1891. Т. IV. С. 296 (с датой «1534 г.»); 2) ХП. Ч. III. № 1—117 (с датировкой «1534 г. января — августа»); 3) *Сметанина С. И.* Вотчинные архивы. С. 283. № 195 (с датой «1534/35 г.»).

52. 1534 г. октября 15. Ук. (известительная) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу о передаче в ведение м-ря, по завещанию Василия III, с. Дерябина с дд. в Переславском у.

Список 30-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 18.

Кат.: Перечень актов АТСМ. С. 420. № 461.

53. 1535 г. января. Жал. обел.-нес. и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV иг. Троицкого Махришского м-ря Ионе на сс. Зеленцыно и Юрцово с дд. и почч. в вол. Великой Слободе, д. Заполье в Кинеле, сщц. Неглово и Полосино с дд. в Марининской вол. Переславского у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 113 (без начала).

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 530. Переславль-Залесский. Махра. № 12. Л. 805 об. — 807 об. (К₄); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 531. Переславль-Залесский. Махра. № 12. Л. 759 об. — 761 об. (К₄); 3) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 534. Переславль-Залесский. Махра. № 12. Л. 94—95 об. (К₄); 4) 1683—1685 гг.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 646/9370. Гр. 298. Л. 709—711 (К₄); 5) ОР РНБ. Ф. 588 (Собр. М. П. Погодина). Оп. 2. Д. 1907. № 12. Л. 32 об. — 36 об. (К₄); 6) XVIII в.: РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 763/1. № 298. Л. 97—98 об. (К₄).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 481. № 1328; 2) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 20. № 165; 3) ХП. Ч. I. № 343; 4) Перечень актов АТСМ. С. 420—421. № 463.

54. 1535 г. января 24. Ук. гр. Ивана IV в Белозерский у. посельскому Облязу Иванову сыну Жеребцова об обыске и суде крестьян Галкиной слободки Сямской вол. с Кирилло-Белозерским м-рем о спорной земле.

Списки: 1) XVI в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 41 (Головин). Оп. 1. Д. 57 (*); 2) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. 1/16. Л. 495—495 об.; 3) XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 32. Л. 128 об. — 129 (*).

Кат.: *Енин Г. П.* Описание. № 176.

55. 1535 г. января 30. Жал. нес., односрочная и зап. (от ездовых) гр. Ивана IV иг. Новоторжского Борисоглебского м-ря Тихону на дд. в Новоторжском у. и слободку в Торжке на посаде.
Публ. (в составе жал. гр. царя Василия Шуйского тому же м-рю от 24 июня 1610 г.): 1) *Илиодор*. Историко-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1861. С. 85—87; 2) Грамоты Новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1903. С. 9—11.
Кат.: ХП. Ч. III. № 1—179.
56. 1535 г. марта 8. Ук. гр. Ивана IV в Нижний Новгород городовым приказчиком Андрею и Василию Жедринским о расследовании тяжбы между арх. Вознесенского Печерского м-ря Константином и Михаилом и Петром Колупаевыми детьми Приклонского о земле с. Кадницы в Закудемском ст. Нижегородского у.
Список XVII в.: Гос. архив Нижегородской обл. Ф. 579. Оп. 589. Д. 604 (К).
Публ.: Нижегородские ГВ. 1848. № 5. С. 19 (без конца).
Кат.: *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Вотчинные архивы. С. 425. № 35.
57. 1535 г. марта 15. Данная (восстановительная) гр., «по слову» Ивана IV, писцов Ивана Дмитриевича Боброва и Ярца Андрея сына Нарманского арх. Спасского Переславль-Рязанского м-ря Касьяну на бортный ухажай с. Гавриловского в Рязанском у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Рязанский. № 2/9822.
Публ.: Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1900. Т. I. С. 419—420 (по подл.). В публ. гр. названа «сотной».
Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—180; 2) *Сметанина С. И.* Вотчинные архивы. С. 284. № 202.
58. 1535 г. апреля 22. Ук. гр. Ивана IV в Рузу наместнику о явке в Москву на великокняжеский суд тиуна Фомы, таможенника Семена и подьячего Мити по искам слуги Симонова м-ря Илейки Иевлева и Ивана Койгонева.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Руза. № 31/10262.
Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. Рузский у. № 2. Л. 536 об. (П).
Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 50. С. 54 (по подл.).
Кат.: 1) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 115; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 151. № 498.
59. 1535 г. мая 24. Ук. гр. Ивана IV подьячему Давыду Зазиркину об описании с. Туракова с дд. в Радонежском у., завещанных Василием III Троицкому Сергиеву м-рю, и об отделе Суздальскому Покровскому м-рю, Митке Бакину и вдове Михаила Алексан-

дрова сына Гнездова новых владений из черных дд. в Горенове ст. Суздальского у.

Список XVI в.: ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Уваров). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 9—10.

Список XIX в.: Там же. Ед. хр. 21. Л. 11—12 об.

Публ.: 1) ОАСУ. М., 1905. Отд. I. № 23. С. 29—30 (по списку XVI в.); 2) Владимирские ГВ. 1909 г. Часть неофиц. № 6. 6 февраля. С. 4. Док. 703 (по ОАСУ).

Кат.: Антонов А. В., Маштафаров А. В. Об архиве Покровского м-ря. С. 277. № 14 (ошибочно названа подл.)⁷.

60. 1535 г. июня 7. Ук. гр. Ивана IV Филиппу Леонтьеву сыну Брюхатого о назначении его судьей в споре иг. Успенской Изосиминой пустыни Иова с Тимофеем Константиновым сыном Хлуденева, Иваном Чибикой Федоровым сыном Змеева, конюхом Кочураном Тупицыным, вдовой сытника Курбата (Третьякова) Ариной и ее сыном Постником, Злобой Дмитриевым сыном Грибанова, Нечаем Семеновым сыном и Юрманом Прокофьевым сыном Бодронскими, Митей и Васюком Костиными детьми Коромолина и егорьевским попом Михаилом о землях по рр. Сестрице, Ламе, рчч. Городенке и Черной в Клинском у. Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Клин. № 2/5633.

Списки: 1) 1539 г.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Клин. № 4/5635. Л. 2—3 (в составе правой грамоты от 15 мая 1539 г.); 2) 80-х гг. XVII в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 538. Л. 54—55 (К); 3) Начала XVIII в.: Там же. Ф. 178/1 (Музейное собрание). Картон 10974. № 1. Л. 4—4 об. (К). Списки 2 и 3 — в составе списков правой грамоты от 15 мая 1539 г.

Публ.: 1) АГР. Т. I. № 49. С. 59 (по списку 1539 г.); 2) Леонид. Правая грамота Клинской Изосиминой пустыни 7047 (1539) года // ЧОИДР. 1876. Кн. IV. Смесь. С. 5 (по невыявл. списку); 3) Антонов А. В. Клинские акты XV—XVI веков // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 63—64. № 4 (по подл.).

Кат.: Перечень актов АТСМ. С. 422—423. № 470.

61. 1535 г. июня 23. Ук. гр. Ивана IV иг. Глушицкого м-ря Феодосию о присылке дьяку Федору Мишуруну выписи о купленных монастырем у детей боярских или взятых у них в заклад, закуп или по душе вотчинах за последние 1 — 2 года и о запрете впредь без ведома великого князя покупать у кого-либо вотчины, принимать их в заклад, закуп или по душе.

⁷ А. В. Антонов и А. В. Маштафаров называют эту грамоту подлинником, но в рукописи нет ни печати, ни следов ее прикрепления, поэтому следует, по-видимому, считать ее списком XVI в.

Подл.: ГАВО. Ф. 1260. № 4⁸.

Публ.: *Амвросий*. ИРИ. Ч. III. С. 712—714. № VII (по подл.).

62. 1535 г. июля 20. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Переславль городовым приказчикам Ивашке Мякинину и Третьяку Раткову о запрете увеличивать норму городской повинности крестьянам сел Троице-Сергиева м-ря Сваткова, Семеновского, Выпукова, Куярова и Дерябина в Верх-Дубенском ст. Переславского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 96/8820.

Списки: 1) 1614—1615 гг., 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 247. Л. 347—348; 2) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 247. Л. 218—218 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 247. Л. 267—267 об.

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 504. № 1389; 2) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 20. № 166; 3) ХП. Ч. I. № 344; 4) Перечень актов АТСМ. С. 423. № 473.

63. 1535 г. сентября — 1536 г. августа. Ук. (?) гр. Ивана IV об уплате перевозной пошлыны в пользу Спасского Ярославского м-ря («что не дают перевозу боярские люди и городовые и слободские»).

Упом. в описной книге Спасо-Ярославского м-ря 1735 г.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2428. Л. 164 об. — 165.

Кат.: *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 90. № 56.

64. 1535 г. сентября — 1536 г. августа. Жал. тарх. (?) — нес. гр. Ивана IV темниковским служилым мурзам.

Публ.: *Сафаргалиев М. Г.* Присоединение мордвы к Русскому централизованному государству // Труды научно-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР. Вып. XXVII. Сер. историческая. Саранск, 1964. С. 11 (выдержки).

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—181.

65. 1535 г. сентября — 1536 г. августа. Жал. тарх. — нес. (?) гр. Ивана IV Савину Сторожевскому м-рю на м-рские вотчины.

Упом. в описи Савина Сторожевского м-ря 1681 г.: РГАДА. Ф. 1199. Д. 51. Л. 17 об. (К).

Кат.: *Антонов А. В.* Вотчинный архив Саввина Сторожевского монастыря конца XIV — начала XVII века // РД. М., 2003. Вып. 9. № 35. С. 430.

66. 1535 г. сентября 22. Ук. (известительная) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу о передаче в ведение м-ря, по заветанию Василия III, с. Туракова с дд. в Радонеже, ранее бывшего в поместье за Митькой Бакиным.

⁸ Шифр рукописи указан мне Н. В. Башниным, которому выражаю искреннюю признательность.

Список 30-х гг. XVI в.: РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 18 об.

Кат.: Перечень актов АТСМ. С. 425. № 481.

67. 1535 г. ноября 4. Жал. обел.-нес., односрочная, на данного пристава и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря Филофею на половину торгового колодезя, две варницы, сц. Борисовское с дд. в Усольской вол. Галичского у., дд. и почч. в Верхнем Березовце в Ликуржской вол. Костромского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Галич. № 19/3349.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря, Кн. 58, Галичский у., № 2. Л. 664—668 (П).

Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 51. С. 55—56 (по подл.).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 176—177. № 579; 2) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 122 (с ошибочной датой 9 ноября); 3) ХП. Ч. I. № 345 (с ошибочной датой 9 ноября); 4) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 151—152. № 500.

68. 1535 г. ноября 14. Льготная гр., «по слову» Ивана IV, писцов Степана Васильевича Собакина и Андрея Ивановича Писемского приказчику с. Федоровского старцу Троице-Сергиева м-ря Исихее на пустую варницу Лошак в Нерехте Костромского у.

Список 30-х гг. XVI в.: ОР РНБ. Ф. 588 (Собр. М. П. Погодина). Оп. 2. Д. 1846. Л. 16.

Публ.: *Каштанов С. М.* По следам троичских копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря). Ч. II // ЗОР [ГБЛ]. М., 1979. Вып. 40. С. 42—43. № 2 (по списку из собр. Погодина).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—182; 2) Перечень актов АТСМ. С. 426. № 482.

69. 1535 г. декабря 22. Ук. гр. Ивана IV иг. Кирилло-Белозерского м-ря Досифею о бережении и обеспечении нищих монастырской богадельной избы.

Списки: 1) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^a. Л. 727—727 об.; 2) XIX в.: Архив СПб. ИИ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 112. С. 211.

Публ.: РИБ. Т. 2. № 30. Стб. 31 (по списку XIX в., сделанному с подлинника).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—183; 2) *Енин Г. П.* Описание. № 1923.

70. 1536 г. января 26. Жал. уставная гр. Ивана IV крестьянам вол. Высокое Коломенского у.

Подл.: ОР РГБ. Ф. 28 (Собр. актов Беляева). Карт. 1. № 58.

Публ.: 1) АИ. Т. I. № 137. С. 198—200 (по подл.); 2) НГЗУГ. С. 19—22. № 8 (по АИ); 3) *Кистерев С. Н.* Акты Московского Чудова монастыря 1507—1606 годов // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 84—86. № 20 (по подл.).

Кат.: *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 95. № 113.

71. 1536 г. апреля 25. Ук. гр. Ивана IV Ивану Чететке Патокину об отдаче арх. Симонова м-ря Филофею с. Дикого с дд. Вышегородского у., ранее заложенного в м-рь Иваном Большим Андреевым сыном Картмазова, и выплате за него долга.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря, Кн. 58. Московский у., № 51. Л. 205 об. (П).

Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 53. С. 57 (по списку XVII в.).

Кат.: 1) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 98; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 152. № 501.

72. 1536 г. июня 4. Жал. уставная гр. Ивана IV населению Онежской земли.

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 181. С. 152—154 (по невыявл. подл.); 2) НГЗУГ. С. 16—19. № 7 (по ААЭ).

73. 1536 г. июня 29. Ук. гр. на Белоозеро городовым приказчикам Офоне Сапогову и Мясоеду Вислому об отводе Кирилло-Белозерскому м-рю осадного места в г. Белоозере.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Белоозеро. № 71/772.

Списки: 1) XVII в.: ОР РНБ. Q. IV. 113^a. Л. 112 об.; 2) Там же. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. I/16. Л. 1236 об.; 3) XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 32. Л. 129 об. (*); 4) XIX в.: Там же. Кол. 11. Оп. 1. Д. 112. С. 212 (*).

Публ.: 1) РИБ. Т. 2. № 31. Стб. 32 (по списку XIX в., сделанному с подл.); 2) Сборник документов по истории СССР. Ч. III. С. 143. № 8 (по РИБ. Т. 2).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. II. С. 65. № 2; 2) *Енин Г.П.* Описание. № 573.

74. 1536 г. июля 14. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Переславль городовым приказчикам Третьяку Раткову и Дичку Ярцову о заперещении увеличивать норму городской повинности крестьянам принадлежащих Троице-Сергиеву м-рю сс. Скнятинова, Едигеева и др. с дд. в Кинельской вол. Переславского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 97/8821.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 248. Л. 218 об. — 219; 2) 1614—1641 г.: Там же. Кн. 528. № 248. Л. 348—349; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 248. Л. 268—268 об.

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 347. С. 154—155 (по списку кн. 527); 2) *Смирнов А. В.* Материалы. Вып. 3. № 370. С. 115—116 (по ААЭ); 3) Сборник документов по истории СССР. Ч. III. С. 18. № 8 (по ААЭ).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 504. № 1390; 2) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 20. № 168; 3) ХП. Ч. I. № 347; 4) Перечень актов АТСМ. С. 427. № 486.

75. 1536 г. сентября — 1537 г. августа. Жал. (обел. или тарх.) гр. Ивана IV Новоторжскому Семионовскому м-рю на монастырскую вотчину.

Упом. в записной тетради выдачи грамот 7131 г. (в записи о грамоте от 29 февраля 1623 г.): РГАДА. Ф. 125 (Монастырский приказ). 7131 г. (1623). Д. 4. Л. 69.

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—186.

76. 1536 г. сентября — 1537 г. августа. Жал. (нес.?) гр. Ивана IV Макаровым на их вотчинное сц. Макарово Ближнее на р. Тумне в Куземском ст. Муромского у.

Упом.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 704. Л. 630 об. (К).

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 1739. С. 222.

77. 1536 г. сентября — 1537 г. августа. Жал. поместная гр. Ивана IV Василию, Петру и Андрею Васильевым детям Жукова на с. Молотеино с дд. Сауровым, Сергеевым, Озябликовым и др. в вол. Суземье Тверского у.

Упом. в дозорной кн. Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 166.

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 1015. С. 132.

78. 1536 г. сентября — 1537 г. августа. Жал. гр. Ивана IV [Благовещенской Федосеевой пустыни] на данного пристава.

Упом. в описи казны Рязанского архиерейского дома 1749 г.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2408. Л. 143 об. («на данного певчего дьяка»).

Кат.: Сметанина С. И. Вотчинные архивы. С. 283. № 196.

79. 1536 г. октября 4. Жал. нес. и двусрочная гр. Ивана IV иг Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на с. Дерябино с дд. Переславского у. и с. Тураково с дд. Радонежского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 154 (Жалованные грамоты). Оп. 1. Д. 2

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. Л. 32—34; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 250. Л. 219 об. — 221; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 250. Л. 350—352; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 250. Л. 269 об. — 271.

Кат.: 1) Смирнов М. И. Указатель. С. 38. № 436; 2) ХП. Ч. I. № 348; 3) Перечень актов АТСМ. С. 430. № 500.

80. 1536 г. октября 13. Льгот. гр., «по слову» Ивана IV, писцов Степана Васильевича Собакина и Андрея Ивановича Писемского приказчику с. Федоровского старцу Троице-Сергиева м-ря Иеесе на новый Борисоглебский соляной колодец и варничное место Псковитин в Нерехте на посаде.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археогр. экспедиция). Оп. 1. Д. 230.

Списки: 1) 30-х гг. XVI в.: ОР РНБ. Ф. 588 (Собр. М. П. Погодина). Оп. 2. Д. 1846. Л. 16 об.; 2) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 532. Кострома. № 81. Л. 923 об. — 924 (К₂); 3) 1641 г.: Там же. Кн. 533. Кострома. № 81. Л. 895—895 об. (К₂); 4) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 556. Кострома. № 26. Л. 57 об. — 58 об. (К₂); 5) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 557. Кострома. № 12. Л. 34—34 об. (К₂).

Публ.: РИБ. Т. 32. № 135. Стб. 244—245 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 349; 2) Перечень актов АТСМ. С. 430. № 501.

81. 1536 г. октября 20. Жал. тарх.-нес. на конское пятно и зап. (от незваных гостей и ездоков) гр. Ивана IV Симонову м-рю на сс. Васильевское Татищево и Верзневское с дд. в Берендеевской вол. Дмитровского у.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря, Кн. 58, Дмитровский у., № 7. Л. 479—482 (П).

Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 54. С. 58—59 (по списку XVII в.).

Кат.: 1) Попов Н. Собрание рукописей. С. 111; 2) ХП. Ч. I. № 351; 3) Антонов А. В. Вотчинные архивы (1). С. 152. № 502.

82. 1536 г. октября 20. Жал. тарх.—оброч., нес., на конское пятно и зап. (от ездоков, незваных гостей, скоморохов и смычников) гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря Филофею на сс. Коринское, Кусакино, Васильевское Неверово с дд. в Вышковском ст. Рузского у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 117.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря, Кн. 58, Рузский у., № 1. Л. 534—536 (П).

Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 55. С. 59—60 (по подл.).

Кат.: 1) Попов Н. Собрание рукописей.. С. 114—115; 2) ХП. Ч. I. № 350; 3) Антонов А. В. Вотчинные архивы (1). С. 152. № 503.

83. 1536 г. ноября 28. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Ивану Иванову сыну Шадрина с племянниками Булгаком, Павлом, Семеном и Афанасием Константиновыми детьми Иванова сына Шадрина, с Родионом, Якушем и Иваном Бреховыми детьми и Иваном, Лукьяном и Никитой Прокофьевыми детьми Куроедова на сс. Селиваново с дд. в Куземском ст. Муромского у.

Список 1757 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 472. Л. 136 (П).

Публ.: АСЗ. Т. I. № 134. С. 105—106 (по списку 1757 г.).

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. С. 199. № 1555.

84. 1536 г. декабря 16. Жал. тарх.-нес., односторонняя и зап. (от ездоков и незваных гостей) гр. Ивана IV протопопу можайского Никольского собора Афанасию, попу Воздвиженской церкви Дмитрию Иванову сыну Трубицыну и попу Егорьевского придела Никольского собора Власию.

Список 1645 г.: РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1644 г. № 77. Ч. I. Л. 187—190 (П).

Публ.: Молчанова Н. К. Жалованная грамота Никольскому Можайскому собору 1536 г. // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 127—128 (по списку 1645 г.).

Кат.: ХП. Ч. III. № I—185.

85. 1537 г. января 4. Жал. нес., на данного пристава, односрочная и зап. (от ездовых и незваных гостей) гр. Ивана IV арх. рязанского Солотчинского м-ря Феодосию на сс. и дд. в двух третях Рязанских, в Перевицком у. и в трети Рязанской.
Список 1740-х гг.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1917. Л. 22—24 об.
Публ. (в сокращ. изложении): 1) *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение рязанской иерархии... М., 1820. С. 308—309 (по неизвестной ркп. из Рязанской духовной консистории, с датой «январь 1537 г.», без числа); 2) Рязанские достопамятности, собранные арх. Иеронимом, с примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889. С. 40, § 114.
Кат.: 1) *Добролюбов И.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии... Зарайск, 1884. Т. I. С. 127—128 (упом. как хранящаяся в монастырской библиотеке); 2) ХП. Ч. I. № 352; 3) *Сметанина С. И.* Вотчинные архивы. С. 270. № 121.
86. 1537 г. января 25. Ук. гр. Ивана IV в Кострому еззовому приказчику Грише Щетеву о производстве обыска и суда по тяжбе иг. Ипатьевского м-ря Паисия с детьми боярскими и крестьянами о спорных землях в Костромском у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кострома. № 36/5003.
Публ.: *Антонов А. В.* Костромские монастыри в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 54—56. № 2 (по подл.).
Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 161. № 478; 2) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 117. № 25.
87. 1537 г. февраля 10. Ук. гр. Ивана IV в Дмитров городовому приказчику Никите Яковлевичу о производстве обыска и суда по тяжбе слуги Кирилло-Белозерского м-ря Оники Омельянова со старцем Борисоглебского м-ря Иосифом и м-рскими крестьянами о пожнях на р. Яхроме.
Список XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. 1/17. Л. 906 об. — 907.
Кат.: *Енин Г. П.* Описание. № 1071.
88. 1537 г. марта 11. Ук. гр. Ивана IV в Переславль Залесский городовым приказчикам Третьяку Раткову и Дичку Ярцову о равномерном раскладе податей между всеми владельцами сс. Михова с дд. и почч. в Рождественской вол. Переславского у. — Иваном Алексеевым сыном Шамского, Юрием и Иваном Ширяевыми, дочерью Степана Ширяева, Вантеем и Сенкой Третьяковыми, подьячим Стародубом.
Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Уваров). Оп. 2. Д. 1. Л. 11.
Список XIX в.: Там же. Д. 21. Л. 13—14.
Публ.: 1) ОАСУ. Отд. I. № 24. С. 30—31 (по подл.).

Кат.: 1) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 20. № 170; 2) ХП. Ч. I. № 353; 3) *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Покровского м-ря. С. 278. № 15.

89. 1537 г. апреля 14. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на д. Окулин(ин)скую с тремя почч. в Ростунове [ст.] Боровского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Боровск. № 5/603.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 58. Л. 83 об. — 84 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. Л. 221—221 об.; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 251. Л. 352—353; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 251. Л. 271—271 об.; 5) XVIII в.: РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 763/1. № 57. Л. 99—99 об. (К₂).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 354; 2) Перечень актов АТСМ. С. 431. № 503.

90. 1537 г. апреля 17. Жал. обел. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сс. и дд. в Переславском, Суздальском, Юрьевском, Боровском, Дмитровском, Рузском, Кашинском и Звенигородском уу.

Подл. (или список XVI в.)⁹: ОПИ ГИМ. Ф. 450 (Барсов). Д. 899.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 88. Л. 140 об. — 142; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 253. Л. 222—222 об.; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 253. Л. 354—355; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 253. Л. 272 об. — 273.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 355; 2) Перечень актов АТСМ. С. 431. № 504.

91. 1537 г. мая 14. Ук. с прочетом гр. Ивана IV переславским городовым приказчикам Третьяку Раткову и Дичку Ярцову о запрещении приписывать сц. Гусарникова Троице-Сергиева м-ря к пустым выгям в Ростовском у. и об исполнения городского дела крестьянами этого сельца в Переславле вместе с митрополичьей Карашской вол. Ростовского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Ростов. № 16/10553.

Списки: 1) 1614—1615 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 528. № 254. Л. 356—356 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 254. Л. 222 об. — 223; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 254. Л. 273 об.; 4) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 553. Ростов. № 24. Л. 55 об. — 56 (К₂).

Публ.: 1) АТН. Вып. II. № 9. С. 8 (по подл.); 2) *Каштанов С. М., Кириченко Л. А.* К истории феодального землевладения в Ростовском уезде в XVI веке (Две указные грамоты 1537 г. о городской повинности крестьян сельца Гусарникова) // История и культура Ростовской земли 1992. Ростов, 1993. С. 139—143 (по подл.).

⁹ Печати в настоящее время нет (возможно, оторвана вместе с нижней частью листа).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 356; 2) Перечень актов АТСМ. С. 431—432. № 505 (в обозначении номера листа списка из кн. 529 допущена опечатка: «373 об.» вместо правильного «273 об.»).

92. 1537 г. мая 18. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Переславль-Залесский на посад и во все станы и волости Переславского у. посадским людям и крестьянам о ликвидации торгова и запрещении торговли около Киржацкого м-ря.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 99/8823.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 249. Л. 219—219 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 249. Л. 349—350; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 249. Л. 268 об. — 269 об.

Публ.: 1) АИ. Т. I. № 138. С. 200—201 (по подл.); 2) *Токмаков*. С. 92—93 (по подл.); 3) *Смирнов А. В.* Материалы. Вып. II. № 226. С. 110—112 (по публ. в АИ).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 483. № 1280; 2) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 21. № 171; 3) ХП. Ч. I. № 357; 4) Перечень актов АТСМ. С. 432. № 506.

93. 1537 г. мая 22. Данная, «по слову» Ивана IV, нижегородского дворовского Ивана Семенова сына Аристова Немиру Васильеву сыну Доскина на черный лес по р. Елховке в Нижегородском у. Список 1694 г.: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Нижнему Новгороду. № 587/20954. Л. 32. (П).

Публ.: АСЗ. Т. II. № 133. С. 132 (по списку 1694 г.).

Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 885. С. 116.

94. 1537 г. июня 4. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Боровск городо-вым приказчикам Васюку Рязанову и Тимохе Чаплину о не-привлечении крестьян сс. Троице-Сергиева м-ря Передола и Почапа Малоярославецкого у. к возке земли и дров в Боровск, так как отныне они будут выполнять эту повинность в ближе к тем селам расположенном [Малом] Ярославце.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Малый Ярославец. № 7/7697.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 435. Л. 462—462 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 435. Л. 746 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 435. Л. 555—555 об.

Публ.: АТН. Вып. II. № 10. С. 8—9 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 358; 2) Перечень актов АТСМ. С. 433. № 510.

95. 1537 г. июня 8. Ук. гр. Ивана IV в Галич попам, городским лю-дям, пишалникам и воротникам о назначении Федора Григо-рьева сына Шадрина приставом по делу о неплатеже тягла с за-нимаемых ими дворов.

Список 1649 г.: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Галичу. № 357/20280. Б/п. (П).

Публ.: Кистерев С. Н. Документы о посадских людях Галича XVI — начала XVII века // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 236—237. № 1 (по списку 1649 г.).

96. 1537 г. июня 20. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Переславль-Залесский городовым приказчикам Третьяку Раткову и Дичку Ярцову о непривлечении крестьян сщ. Троице-Сергиева м-ря Гусарникова Ростовского у. к исполнению городского дела в Переславле вместе с боярскими пустыми сохами и о соблюдении прежней нормы исполнения ими этой повинности (полго-родни).

Подл.: Сергиево-Посадский гос. историко-художественный музей-заповедник. Инв. № 108 рук. (П, К).

Список середины XIX в.: Там же. Инв. № 179 рук. Л. 22 об. — 23. Док. № 6/6 (П, К).

Публ.: Каишанов С. М., Кириченко Л. А. К истории феодального землевладения в Ростовском уезде в XVI веке (Две указные грамоты 1537 г. о городской повинности крестьян сельца Гусарникова) // История и культура Ростовской земли 1992. Ростов, 1993. С. 143—147 (по подл.)

Кат.: Перечень актов АТСМ. С. 434. № 511.

97. 1537 г. июля 1. Ук. гр. Ивана IV на Белоозеро [городовым] приказчикам Михайлову сыну Розварина и Колупаю Панкратьеву о производстве обыска и суда по тяжбе иг. Кирилло-Белозерского м-ря Досифея с крестьянином Нефедом Заниным сыном о земле в Чуровской вол. Белозерского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Белоозеро. № 72/773.

Публ.: АГР. Т. I. № 48. С. 57 (по подл.).

Кат.: Обзор ГКЭ. Вып. II. С. 65. № 3.

98. 1537 г. июля 16. Жал. уставная обел.-оборочная, нес., двусрочная, зап. (от ездоков и незваных гостей) гр. Ивана IV бобровникам Ильмехотского ст. Владимирского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Владимир. № 15/1792.

Списки: 1) 1614—1615 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 528. № 101. Л. 175—180; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 101. Л. 111 об. — 114 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 101. Л. 131—134 об.; 4) 1683—1685 гг.: ОР РНБ. Ф. 588 (Собр. М. П. Погодина). Оп. 2. Д. 1848. № 4. Л. 9—13 об. (К).

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 183. С. 155—157 (по списку кн. 527); 2) Смирнов А. В. Материалы. Вып. 3. № 371. С. 116—122 (по ААЭ); 3) НГЗУГ. С. 22—25. № 9 (по ААЭ).

Кат.: Перечень актов АТСМ. С. 434—435. № 514.

99. 1537 г. июля 18. Жал. тарх.-проезжая гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на беспошлинный проезд в г. Старицу

монастырских посельских, ключников и крестьян из Новоторжского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Новый Торжок. № 4/8332.

Списки: 1) 1614—1615 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 528. № 252. Л. 353—353 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 252. Л. 221 об. — 222; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 252. Л. 272.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 359; 2) Перечень актов АТСМ. С. 435. № 515 (номер листа в списке из кн. 529 указан неверно: «270» вместо правильного «272»).

100. 1537 г. июля 26. Жал. обел.-нес., зап. (от ездоков, попрошатаев, скоморохов и незваных гостей) и двусрочная гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сщ. Станишино и Савастьяново с дд. в Старицком у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Старица. № 6/11646.

Списки: 1) 1614—1615 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 528. № 255. Л. 356 об. — 358 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 255. Л. 223—224; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 255. Л. 274—275; 4) XVIII в.: РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 763/1. № 58. Л. 100—101 об. (К₂).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 360; 2) Перечень актов АТСМ. С. 435. № 516.

101. 1537 г. августа 8. Жал. тарх.-оброц., нес., двусрочная, зап. (от незваных гостей) и с правом м-ского пятна гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на с. Илемну с дд. в Верейском у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Верея. № 7/2334.

Списки: 1) 1615—1641 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 528. № 256. Л. 358 об. — 360; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 256. Л. 224—225; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 256. Л. 275—276 об.

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. III. С. 136. № 545; 2) ХП. Ч. I. № 361; 3) Перечень актов АТСМ. С. 436. № 518.

102. 1537 г. сентября 1. Жал. срочная гр. Ивана IV бортникам вол. Тальша Владимирского у.

Упом. в описях Суздальского Покровского м-ря: 1) 1597 г.: ГАВЛО. Ф. 575. Оп. 1. № 349. Л. 65 об. (К); 2) 1767 гг.: Там же. № 421. Л. 19—19 об. (К).

Кат.: Антонов А. В., Маштафаров А. В. Об архиве Покровского м-ря. С. 278. № 16.

103. 1537 г. сентября — 1538 г. августа. Жал. обел. гр. Ивана IV новгородскому архиепископу Макарию на Чудинцову улицу и Заполье Чудинцово.

Упом. в новгородской писцовой книге 1583/1584 г.: Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 105.

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—188.

104. 1537 г. сентября — 1538 г. августа. Жал. нес. гр. Ивана IV Кирилло-Белозерскому м-рю на сс. Однолетково и Григорчиково Звенигородского у., данные в м-рь князем Давыдом Хромым.
Упом. в копийной книге Кирилло-Белозерского м-ря XVII в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^a. Л. 673 об.
Кат.: ХП. Ч. III. № 1—189.
105. 1537 г. сентября — 1538 г. августа. Жал. тарх.-оброоч., обел.-нес. и зап. (от ездоков, попрошатаев и скоморохов) гр. Ивана IV Чудову м-рю на с. Марьино Вышгородского у. и с. Власьево Селенской вол. Московского у.
Изложение в составе жалованной гр. Ивана IV Чудову м-рю от 13 сентября 1564 г.
Публ.: 1) Калужские ГВ. 1846. № 38 — 41. Часть неофиц. С. 247—248, 251—252, 256—257, 260—261; 2) *Кобрин В. Б.* Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // ЗОР ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 318—319 (по подл. гр. 1564 г.).
Кат.: ХП. Ч. III. № 1—190.
106. 1537 г. сентября — 1538 г. августа. Жал. кормл. гр. Ивана IV Луке и Семену Васильевым детям Корсакова на г. Устюг.
Упом. в родословной росписи Корсаковых 1685 г., см.: *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 208.
Кат.: 1) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 152. № 148; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1445. С. 185.
107. 1537 г. сентября — 1538 г. августа. Жал. тарх. или обел. («не платить пошлин») гр. Ивана IV Успенскому Горицкому м-рю на монастырские вотчины.
Упом. в описной книге Успенского Горицкого м-ря 29 ноября 1686 г.: РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 149. Л. 24 об.
Публ. (выдержка из описной книги): *Антонов А. В.* Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV — XVI веков // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 25.
Кат.: *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 53. № 46.
108. 1537 г. сентября — 1538 г. августа. Жал. данная (поместная?) гр. Ивана IV Семену Иванову сыну Дурасова на бывшее поместье Михаила Ильина сына Бокеева — сс. Микулино и Неклюдово с дд., почч. и пуст. в Муромском у.
Упом. как утраченная в родословной росписи Дурасовых 1686 г. (К).
Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 899. С. 118.
109. 1537 г. октября 29. Жал. двусрочная гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сс. и дд. в 27 уу., в том числе на вотчины Благовещенского Киржачского м-ря в Переславском и

Дмитровском уу., а также на дворы в городах, на посадах и у солей.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 262. Л. 228 об. — 229 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 262. Л. 366 об. — 368 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 262. Л. 280 об. — 282.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 362; 2) Перечень актов АТСМ. С. 440. № 532.

110. 1537 г. ноября 3. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Муром городо-
вому приказчику Ивашке Алексею Муромцеву о назначении
его приставом для «бережения» крестьян сц. Троице-Сергие-
ва м-ря Чегодаева от детей боярских, пищальников и посош-
ных людей, беруших у них насильно корм и иной запас.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Муром. № 3/7735.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 259. Л. 227—227 об.;
2) 1614—1641 гг.: Там же. Кн. 528. № 259. Л. 364—364 об.; 3) 80-х гг.
XVII в.: Там же. Кн. 529. № 259. Л. 278 об. — 279 об.

Публ.: АТН. Вып. II. № 11. С. 9 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 363 (с ошибочной датой 2 ноября); 2) Перечень ак-
тов АТСМ. С. 440. № 533.

111. 1537 г. ноября 9. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева
м-ря Иоасафу на сц. Введенское с дд. в Чудском-х. Кашин-
ского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашин. № 30/6725.

Списки: 1) 1614—1615 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 528. № 260. Л. 364 об. —
365 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 260. Л. 227 об. — 228; 3) 80-х гг.
XVII в.: Там же. Кн. 529. № 260. Л. 279 об. — 280; 4) 1683—1685 гг.:
РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашин. № 184/6879. Гр. 21. Л. 33 об. — 34 об. (К₂).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 364; 2) Перечень актов АТСМ. С. 441. № 535.

112. 1537 г. декабря 30. Жал. тарх.-проезжая гр. Ивана IV Николо-
Угрешскому м-рю на право беспошлинного провоза и прода-
жи товаров во всех городах, кроме Нижнего Новгорода.

Упом. в описи документов Николо-Угрешского м-ря 1763 г.: РГАДА.
Ф. 280. Оп. 3. Д. 313. Л. 2 (К).

Кат.: Антонов А. В. Вотчинные архивы (1). С. 210—211. № 869.

113. 1538 г. января 25. Жал. обел. (или тарх.) - нес., проезжая («о
всяком суде и о дани, и о всяких проездах») гр. Ивана IV
иг. Покровского Углицкого м-ря Герману на всю монастыр-
скую вотчину.

Упом. в описи монастырских архивов 1721 г.: РГАДА. Ф. 248 (Канцеля-
рия Сената). Д. 192. Л. 252 об.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 365; 2) Антонов А. В. Вотчинные архивы (2). С. 208.
№ 23.

114. 1538 г. марта 2. Жал. нес. гр. Ивана IV Спасо-Преображенской Александровой пустыни на вотчины в Усольской вол. Галичского у.
Упом.: 1) РГАДА. Ф. 237. Д. 23. Л. 541 об. (К); 2) в жал. подтверд. гр. 1614 г.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Галич. № 88/3418 (К).
Кат.: Антонов А. В. Перечни актов. С. 163. № 74.
115. 1538 г. апреля 5. Ук. гр. Ивана IV Кузьме Всесвятцкому об отдаче иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу сщ. Кунилова с дд. в Дмитровском у., бывшей вотчины Кувалды Семичова.
Подл.: ОР РГБ. Ф. 28 (Собр. актов Беляева). Карт. I. № 60.
116. 1538 г. апреля 25. Жал. льгот. и полетная гр. Ивана IV иг. Павлова Обнорского м-ря Протасию на дд. и почч. в Костромском и Вологодском уу.
Список конца XVII в.: Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник. № Р-169. Л. 39 об. — 42 об. (П).
Публ.: Каишанов С. М. ИРСИ. Прил. III. С. 148—149. № 8 (по списку конца XVII в.).
Кат.: ХП. Ч. III. № I—191.
117. 1538 г. мая. Жал. кормл. гр. Ивана IV Василию Брехову (Матвееву) сыну Вышеславцева на волл. Усть-река и Заячья Река в Устюге с правдой под Фендриком Вороновым.
Список 1776 г.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Кн. 1551. Л. 286—286 об. (П).
Публ.: АСЗ. Т. I. № 48. С. 43 (по списку 1776 г.).
Кат.: 1) Антонов А. В. Кормленные грамоты. С. 139. № 59; 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 631. С. 86.
118. 1538 г. мая 6. Ук. гр. Ивана IV Некрасу Офонасьеву об отдаче иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу сщ. Звягино с дд. в Московском у., ранее принадлежавшего кн. Михаилу Глинскому.
Списки: 1) 60-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 637. Л. 425 об. (*); 2) 1614—1615 гг.: Там же. Кн. 528. № 263. Л. 368 об. — 369 (*); 3) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 263. Л. 230 (*); 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 263. Л. 282—282 об. (*).
119. 1538 г. мая 7. Жал. нес., двусрочная и зап. (от ездоков, незванных гостей, попрошатаев и скоморохов) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сс. Звягино, Никоново, сщ. Назарьево с дд. Московского у., с. Подчертково и сщ. Кунилово с дд. Дмитровского у.
Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Уваров). Оп. 2. Д. 23. Л. 2.
Списки: 1) 1614—1641 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 528. № 257. Л. 360 об. — 363 (с датой 17 мая); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 257. Л. 225—226 об.;

3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 257. Л. 276 об. — 278 (с датой 17 мая).

Кат.: ХП. Ч. I. № 368.

120. 1538 г. мая 9. Ук. с прочетом гр. Ивана IV тверским городовым приказчикам Григорию Шишкову и Гаврилу Ростопчину, новоторжским городовым приказчикам Мите Тепринскому и Кайдашу Глухову о запрещении «прикладывать» в посошную службу, городовое дело, повозный хлеб и мелкую тягль к пустым и освобожденным от повинностей сохам крестьян сщ. Троице-Сергиева м-ря Кумганова и Медны Новоторжского у., 10 дд. Тверского у. и о невзимании с них ямских денег, примета и вытных денег.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Тверь. № 8/12501.

Списки: 1) 1614—1641 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 528. № 264. Л. 369—370; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 264. Л. 230—230 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 264. Л. 282 об. — 283 об.

Публ.: *Шумаков С.* Тверские акты. Тверь, 1896. Вып. I. № IV. С. 22—23 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 366.

121. 1538 г. мая 11. Ук. с прочетом гр. Ивана IV муромскому наместнику кн. Федору Ивановичу Одоевскому о запрете брать наместничий корм с крестьян разоренного казанскими татарами сщ. Троице-Сергиева м-ря Чагадаева Муромского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Муром. № 4/7736.

Списки: 1) 1614—1615 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 528. № 258. Л. 363 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 258. Л. 226 об. — 227; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 258. Л. 278 об.

Кат.: ХП. Ч. I. № 367.

122. 1538 г. мая 20. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Галич, попам, городским людям, пишальникам и воротникам о назначении Степана Анфимова приставом по делу о неплатеже тягла с занимаемых ими дворов.

Список 1749 г.: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Галичу. № 357/20280. Б/п. (П).

Публ.: *Кистерев С. Н.* Документы о посадских людях Галича XVI — начала XVII века. С. 237. № 2 (по списку 1749 г.).

123. 1538 г. июня. Жал. нес., односторонняя и зап. (от незванных гостей и ездоков) гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря на с. Демьяново с дд. в Корежской вол. Костромского у., дд. Барьино, Крушково, Нетесово, Тес и Холмец в Хованском ст. и д. Ясе-нево в Бортном ст. Рузского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Галич. № 21/3351.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. Галичский у., № 26. Л. 698—700 (П).

Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 56. С. 61—62 (по подл.).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 177. № 580 (с ошибочной датой 2 июня); 2) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 124; 3) ХП. Ч. I. № 371 (с ошибочной датой 2 июня); 4) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (I). С. 152. № 504.

124. 1538 г. июня 1. Жал. нес. гр. Ивана IV арх. Спасо-Евфимьева м-ря Герману на дд. Маслово, Резвеево и др., почч. и селища в Суздальском у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281. Суздаль. № 20/11799.

Списки: 1) конца XVII в.: РГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев м-рь). Оп. 1. Кн. 205. Л. 447—449 об. (П); 2) XVIII в.: Там же. Кн. 1. Л. 305—306 (П); 3) XVIII в.: Там же. Л. 493—493 об., 497 (П); 4) XVIII в.: Там же. Л. 494—494 об. (с датой: 1 июля) (П).

Публ.: АСЕМ. № 36. С. 93—95 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 370; 2) *Зимин А. А.* Хронологический перечень. С. 372. № 48.

125. 1538 г. июня 12. Ук. гр. Ивана IV дмитровскому городовому приказчику Никите Яковлеву и Петруше Всесвятскому о проведении межевания между сс. Троице-Сергиева м-ря Подчертковым и Куниловым с дд. и соседними поместными, вотчинными, монастырскими, черными и городскими землями, а в случае возникновения споров — также и суда.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 300. Л. 265 об. — 266 (*); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 300. Л. 432 об. — 433 об. (*); 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 300. Л. 328—329 (*).

126. 1538 г. июня 17. Жал. льгот. гр. Ивана IV иг. Корнильева Комельского м-ря Лаврентию на дд. Ерзово, Добродеево и др. (всего 12 дд.) и почч. в Вологодском у. и на сд. Погорельское с дд. и почч. в Белозерском у.

Список начала XIX в.: РГАДА. Ф. 197 (А. Ф. Малиновский). Портф. III. № 5 (К).

Публ.: *Амвросий*. ИРИ. Ч. IV. С. 706—711. № II (по подл.)¹⁰.

Кат.: ХП. Ч. I. № 373.

127. 1538 г. июня 18. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в с. Бурмасово посельскому Устину Недюреву о возвращении Ярославскому

¹⁰ Подлинник этой грамоты еще в 1855 г., согласно описи церковного имущества, хранился в Корнильевом Комельском м-ре Вологодской епархии (подробное описание грамоты см.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2538. Л. 40 об. — 41).

- Спасскому м-рю дд. и почч. в вол. Жары, ранее отписанных на великого князя.
- Список XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 125.
Публ.: ИАЯСМ. М., 1896. С. 10—11. № X (по другому списку XVIII в.).
Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—192; 2) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 91. № 59.
128. 1538 г. июня 22. Ук. с прочетом гр. Ивана IV дмитровскому городовому приказчику Мите Яковлеву о порядке уплаты ямских денег и примета крестьянами сс. Троице-Сергиева м-ря Подчерткова и Кунилова Повельского ст. Дмитровского у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 54/3766.
Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 261. Л. 228—228 об. (дата: 22 июля); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 261. Л. 365 об. — 366; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 261. Л. 280—280 об.
Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. III. С. 87. № 280; 2) ХП. Ч. I. № 374.
129. 1538 г. июля 6. Жал. льгот. гр. Ивана IV Симонову м-рю на два варничных места у Соли в Переславском у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 101/8825.
Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. Переславль-Залесский у., № 11. Л. 460 об. — 461 (П).
Публ.: 1) *Смирнов М. И.* Соль Переславская // Труды Владимирской УАК. 1917. Кн. XVII. Прил. № 12. С. 68; 2) АФЗХ/АМСМ. № 57. С. 62—63 (по подл.).
Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 491—492. № 1354; 2) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 110; 3) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 21. № 172; 4) ХП. Ч. I. № 375; 5) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 152. № 505.
130. 1538 г. июля 9. Жал. гр. Ивана IV Успенскому Горицкому Переславскому м-рю («о изделье и о пошлинах»).
- Упом.: 1) в описной книге Горицкого м-ря от 29 ноября 1686 г.: РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 149. Л. 5 (выдержка опубл.: *Антонов А. В.* Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV—XVI веков // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 19); 2) в переписной книге переславских м-рей и церквей 1701 г.: РГАДА. Ф. 237. Д. 60. Л. 88 об. (выдержка опубл.: *Шереметев С.* Два упраздненных монастыря над Переяславским озером. М., 1901. С. 17).
Кат.: 1) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 4; 2) ХП. Ч. I. № 376; 3) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 53. № 48.
131. 1538 г. июля 9. Жал. нес. односрочная и зап. (от незванных гостей и ездоков) гр. Ивана IV иг. Кирилло-Белозерского м-ря Досифею на сц. Бабинское с дд. в Арбужевской вол. Романовского у.
- Списки: 1) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб.ДА). А. 1/17. Л. 338—339; 2) XVII в.: Там же. А. II/47. Л. 340 об. — 343 об.; 3) XVIII в.: Архив СПб.

ИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 32. Л. 130—131 об. (*); 4) XIX в.: Там же. Кол. 11. Оп. 1. Д. 112. С. 212—217.

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—193; 2) *Енин Г.П.* Описание. № 831.

132. 1538 г. июля 14. Жал. данная и нес. гр. Ивана IV иг. Троицкого Данилова м-ря Даниилу на сс. Воргушу и Троицкое Переславского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 102/8826.

Список XVII в.: Архив СПб.ИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 45. Л. 186—187.

Публ.: 1) Прибавления к Владимирским ГВ. 1844 г. № 28 (8 июля). С. 117 (по невыявл. списку); 2) *Добронравов В.Г.* История Тр. Данилова м-ря. Прил. Отд. II. № 2. С. 18—19 (по невыявл. списку конца XVII — начала XVIII в.).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 473. № 1301; 2) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 21. № 173; 3) ХП. Ч. I. № 377; 4) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 61—62. № 114.

133. 1538 г. июля 16. Ук. с прочетом гр. Ивана IV холопенским таможникам Семену Никитину сыну Романова и Бажену Пантелееву о невзимании пошлин с судна Кирилло-Белозерского м-ря при покупке в Холопьем городке товара на 20 рублей.

Списки: 1) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^a. Л. 710—711 об.; 2) XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 32. Л. 131 об. — 132 (*).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 378; 2) *Енин Г.П.* Описание. № 1912.

134. 1538 г. июля 29. Жал. нес. гр. Ивана IV Владимирскому Рождественскому м-рю на дд., почч. и пустт. в Высокорецкой вол. Владимирского у.

Упом.: 1) в переписной книге Владимирского Рождественского м-ря 1721 г.: РГАДА. Ф. 248 (Канцелярия Сената). Кн. 126. Л. 390 (с ошибочной датой 7056, т.е. 1548 г.); 2) в описи архивов монастырей и церквей Владимирской епархии 1764 г.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 5. Д. 406. Л. 1 об. № 2 (с датой 7046, т.е. 1538 г.) (К).

Кат.: *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (3). С. 189. № 63.

135. 1538 г. августа 3. Жал. тарх.-нес. гр. Ивана IV епископу Коломенскому и Каширскому Вассиану на две слободки (30 дворов) в Коломне на посаде.

Подл.: Гос. архив Тульской обл. Ф. 2202. Оп. 1. Св. 1. Д. 1—2 (П).

Публ.: *Кучкин В. А.* Жалованная грамота 1538 г. на две слободки в Коломне // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 342—343 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—194.

136. 1538 г. августа 6. Ук. гр. Ивана IV населению Костромского и Вологодского уу. с разрешением поставить новый город (Любим) на р. Обноре в устье рч. Учи в Костромском у.

- Список XVIII в.: РГАДА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 603. Л. 1—2 (П_{2,3}).
 Публ.: 1) Ярославские Ев. Часть неофиц. 1880. № 21. С. 162—163 (по невыявл. списку); 2) *Зимин А. А.* Новые документы. С. 345—346. № 2 (по списку XVIII в.); 3) АСЗ. Т. III. № 514. С. 427—428 (по тому же списку).
137. 1538 г. августа 13. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Борису и Юрию Ивановым детям Немцова на сц. Поповское с дд. и пустт. в Рождественском ст. Ростовского у.
 Список 1790-х гг.: РГИА. Ф. 1343 (Деп. герольдии Сената). Оп. 26. Ч. 1. Д. 1213. Л. 56—57.
 Публ.: АСЗ. Т. I. № 195. С. 164—165 (по списку 1790-х гг.).
 Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 2210. С. 278.
138. 1538 г. августа 13. Жал. нес. гр. Ивана IV введенному дьяку Ивану Шамскому на его куплю дд. Михово, Дубакино, Фоминское Жерлово и два почч. в Рождественской вол. Переславского у.
 Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Уваров). Оп. 2. Д. 1. Л. 4.
 Списки: 1) XVI—XVII вв.: ГАВЛО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 17. Л. 48 (К₁); 2) XIX в.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 21. Л. 3—3 об. (К₁).
 Публ.: 1) ОАСУ. Отд. I. № 25. С. 32 (по подл.); 2) Владимирские ГВ. 1909 г. № 23. 5 июня. Часть неофиц. С. 10—11. Док. № 705 (по ОАСУ).
 Кат.: 1) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 21. № 174; 2) ХП. Ч. I. № 379; 3) *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Покровского м-ря. С. 278. № 17.
139. 1538 г. августа 14. Жал. нес. гр. Ивана IV Тимофею Замятне Александрову сыну Руготина на дд. Петровскую, Колединскую и Федоровскую в Замосковной вол. Воре и Корзенева.
 Списки 1683—1685 гг.: 1) ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 534, по Москве № 43. Л. 14; 2) Там же. Кн. 536. Москва. № 190. Л. 274 об. — 275 (*).
 Публ.: ПРП. Вып. IV. М., 1956. С. 121—122 (по списку кн. 534).
 Кат.: ХП. Ч. I. № 380.
140. 1538 г. августа 15. Ук. гр. Ивана IV иг. Стромьинского м-ря Пафнутию о запрете крестьянам Куневской вол. Московского у. ловить рыбу в монастырских водах в р. Шерне.
 Список 1683—1685 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 536. № 312. Л. 432—432 об.
 Кат.: ХП. Ч. III. № 1—195.
141. 1538 г. августа 19. Жал. льгот. и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря Филофею на половину торгового колодезя, две варницы, сц. Борисовское с дд. у Соли Галицкой в Галичском у., сц. Дятлово, дд., почч. и пустт. в Верхнем Березовце Ликуржской вол., сц. Демьяново с дд. и почч. в Корежской вол. Костромского у., с. Оленино в Стародубе Вотцком Муромского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Галич. № 22/3352.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. Галичский у. № 5. Л. 671—673 (П).

Публ.: АФЗХ /АМСМ. № 58. С. 63—64 (по подл.).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 177. № 581; 2) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 122; 3) ХП. Ч. I. № 381; 4) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 153. № 507.

142. 1538 г. августа 27. Ук. гр. Ивана IV Гаврилу Федорову сыну Заболоцкого и Ртищу Васильеву сыну Унковского о проведении обыска и суда по тяжбе иг. Успенской Изосиминой пустыни Иова с кн. Андреем Михайловичем Шуйским, Тимофеем Константиновым сыном Хлуденева, Михаилом и Иваном Петровыми детьми Головина, Кочурой Тупицыным сыном Конюховым, женой сытника Курбата Ариной и ее сыном Постником, Злобой Дмитриевым сыном Грибанова, женой Семена Бородинского Анной, Юрманом Прокофьевым сыном, Василием и Никитой Константиновыми детьми Коромолина и егорьевским попом Михаилом о землях по рчч. Городенке, Дубовой, Сестрице, Черной, Сестре и р. Ламе в Клинском у.

Список 1683—1685 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 539. Л. 270—273 (*).

143. 1538 г. сентября — 1539 г. августа. Жал. гр. Ивана IV Ферапонтову м-рю на всю монастырскую вотчину.

Упом. в описных книгах Ферапонтова м-ря: 1) 1665 г.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 398. Л. 50; 2) 1696 г.: Там же. Ф. 588 (Собр. М. П. Погодина). Оп. 2. Д. 1911. Л. 96 об.; 3) 1751 г.: Там же. Ф. 550 (ОСРК). F. IV. 752. Л. 59. № 2.

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—196.

144. 1538 г. сентября — 1539 г. августа. Жал. (тарх.-проезжая?) гр. Ивана IV Ферапонтову м-рю на покупку соли в Каргополе на м-рский обиход.

Упом. в описных книгах Ферапонтова м-ря: 1) 1696 г.: ОР РНБ. Ф. 588 (Собр. М. П. Погодина). Оп. 2. Д. 1911. Л. 98 об.; 2) Там же. Ф. 550 (ОСРК). F. IV. 752. Л. 59. № 4.

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—197.

145. 1538 г. сентября — 1539 г. августа. Жал. нес. гр. Ивана IV кадомским мордовцам Малемасовым о неподсудности князю Янглычу.

Публ.: ДРВ. Изд. 2. Ч. XV. М., 1790. С. 14—15 (по невыявл. подл.).

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—198.

146. 1538 г. сентября — 1539 г. августа. Жал. (названа «правой») обел.-нес. и зап. (от незваных гостей) гр. Ивана IV м-рю Иоанна Предтечи в Куземском ст. Муромского у.
Упом. в жал. подтвердительной гр. царя Михаила Федоровича попу Терентию м-ря Иоанна Предтечи от 14 февраля 1623 г.: РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Б/г. Д. 1. Л. 179 (изложение)¹¹. Жал. гр. 1623 г. (изложение) опубл.: *Токмаков И.* Муром, уездный город Владимирской губернии. Владимир, 1887. Прил. С. 27.
Кат.: ХП. Ч. III. № 1—199.
147. 1538 г. сентября — 1539 г. августа. Жал. гр. Ивана IV Кирилло-Белозерскому м-рю на рыбную ловлю на Белоозере.
Упом. в описи 1601 г.: Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шарамазов. СПб., 1998. С. 200.
148. [1538 г. сентября — 1539 г. августа]¹². Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Тимофею Никитину сыну Хметевского с сыновьями Владимиром, Иваном и Василием на дд. Жолтиково, Саманово, Понкратово и др. с почч. в вол. Тейкове Суздальского у.
Список 1816 г.: РГИА. Ф. 1343 (Деп. герольдии). Оп. 31. Д. 2545. Л. 59—59 об.
Публ.: АСЗ. Т. I. № 286. С. 274 (по списку 1816 г.).
Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 3363. С. 420.
149. 1538 г. сентября 4. Жал. нес., двусрочная и зап. (от ездовых, незваных гостей, попрошатаев и скоморохов) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на сц. Егреур, д. Кулижинскую и половину бортного урожая в Муромском у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Муром. № 5/7737.
Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 41. Л. 60—62 об. (*); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 267. Л. 232—233; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 267. Л. 372—374; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 267. Л. 285—286 об.
Кат.: ХП. Ч. I. № 382.
150. 1538 г. ноября. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на право беспошлинной ловли рыбы в Переславском и Сомине озерах.

¹¹ Дата подтвердительной грамоты и ее архивный шифр приведены в статье: *Маистафаров А. В.* Муромские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 46 и прим. 25.

¹² Список грамоты не имеет даты; датируется по упоминанию в деле: «...дана была грамота в 7047 году» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 2545. Л. 56).

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 104/8828.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 30. Л. 29—31 об. (*); 2) 1586—1587 гг.: Там же. Кн. 523. Л. 3—8; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 269. Л. 233 об. — 235 об.; 4) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 269. Л. 375—378 об.; 5) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 269. Л. 286 об. — 288 об.; 6) XVII в.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 62/93707 (К); 7) XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Кн. 45. Л. 22 об. — 24 об. (в составе правой грамоты 1628 г.) (*).

Кат.: ХП. Ч. I. № 383.

151. 1538 г. ноября (не позднее 7). Жал. данная, тарх.-проезжая и нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на Хрецовскую заводь в р. Волге, озера, пески и пожни в Нижегородском у., дворы и варницы в г. Балахне.

Списки: 1) 50-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 10—12 об.; 2) 80-х гг. XVI в.: Там же. Кн. 519. № 78. Л. 114 об. — 118 об. (*).

Кат.: ХП. Ч. I. № 384.

152. 1538 г. ноября 7. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Балахну волостлю Гаврилу Доможирову об отводе Троице-Сергиеву м-рю мест под дворы, дровяной склад и соляные трубы и о невзимании с них пошлин.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Балахна. № 1/368.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 268. Л. 233—233 об.; 2) 1641 г.: Там же. № 441. Л. 467 (*); 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 268. Л. 374—374 об.; 4) 1641 г.: Там же. № 441. Л. 755—755 об. (*); 5) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 441. Л. 560 об. — 561 (*)¹³.

Публ.: Кабанов А. К. Материалы. № 7. С. 12 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 385.

153. 1538 г. ноября 8. Ук. с прочетом гр. Ивана IV нижегородским ключникам Микуле Бровкину и Борису Маслову, дворскому Матвею Протопопову и приказчикам об отдаче Троице-Сергиеву м-рю Хрецовской заводи на р. Волге, озер, песков, пожен и места под осадный двор в Нижнем Новгороде и о невзимании с них оброков и пошлин.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Нижний Новгород. № 6/7947.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 270. Л. 235 об. — 236; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 270. Л. 379—379 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 270. Л. 288 об. — 289 об.

¹³ В троицких книгах 527 и 528 грамота записана дважды (под № 268 и 441), в кн. 529 — один раз (под № 441).

Публ.: *Кабанов А. К.* Материалы. № 6. С. 11—12 (по подл., с ошибочной датировкой 2 ноября).

Кат.: ХП. Ч. I. № 386.

154. 1538 г. ноября 21. Ук. гр. Ивана IV в Коломну Льву Иванову сыну Семенова Писарева о прибытии на службу во Владимир к наместнику боярину кн. Дмитрию Федоровичу Бельскому.
Публ.: 1) *Иванчин-Писарев Н.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1844. С. 130—131 (по невявл. списку XVII в.); 2) АСЗ. Т. I. № 213. С. 181 (по публ. Н. Иванчина-Писарева).

Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 2470. С. 311.

155. 1538 г. декабря. Жал. данная, тарх.-нес., проезжая, зап. (от незваных гостей и ездоков), односрочная и на данного пристава гр. Ивана IV иг. Тотемского Ефремова м-ря Леонтию на пашню около монастыря и озеро Терентьевское.
Публ.: 1) *Амвросий.* ИРИ. Ч. IV. С. 89—95 (по невявл. подл.); 2) *Савваитов П.* Описание Тотемского Спасо-Суморина м-ря. СПб., 1850. С. 47—49. № 1 (по публ. Амвросия; переизд.: Вологда, 1911. Прил. VII. С. 45—48. № 1).

Кат.: ХП. Ч. I. № 387.

156. 1538 г. декабря 22. Ук. гр. Ивана IV в Ярославль городовому приказчику Шемяке Сабурову и в села Бурмасово и Сеславино посельскому Устину Недюреву о размежевании земель Спасского Ярославского м-ря в вол. Жары Ярославского у.
Список XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 126—126 об.
Публ.: ИАЯСМ. № XII. С. 12—13 (по другому списку XVIII в.).
Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—200; 2) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 90—91. № 57 (с ошибочной датировкой 22 декабря 1537 г.).

157. 1538 г. декабря 22. Ук. гр. Ивана IV в Углич городовому приказчику Ивану Туру Константинову сыну об отдаче иг. Покровского Угличского м-ря Мисаилу с. Ермолова с дд. в Городском ст. Угличского у.
Список XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 384.
Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—201; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (2). С. 208. № 24.

158. 1539 г. января 3. Жал. гр. Ивана IV Успенскому Горицкому Переславскому м-рю («о пошлинах, и о проводниках, и о подводах»).

Упом.: 1) в описной книге Горицкого м-ря от 29 ноября 1686 г.: РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 149. Л. 5 (дата: 3 января). Выдержка опубл.: *Антонов А. В.* Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV—XVI веков // РД. Вып. 9. М., 2003. С. 19; 2) в переписной книге переславских м-рей и церк-

вей 1701 г.: РГАДА. Ф. 237. Д. 60. Л. 85 об. (дата: 5 января). Выдержка опубл.: *Шереметев С.* Два упраздненных монастыря. С. 15.

Кат.: 1) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 4; 2) ХП. Ч. I. № 388; 3) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 53. № 49.

159. 1539 г. января 28. Жал. гр. Ивана IV Василию Федорову сыну Лелечина на с. Дубовичи и д. Маньясово Рязанского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 135 (Гос. древлехранилище). Отд. 1. Рубр. IV. Д. 25. Л. 1. Публ. (по подл.): 1) ДРВ. М., 1788. Ч. 6. № 181. С. 25—27; 2) СГГД. М., 1813. Ч. I. № 164. С. 452—453; 3) АСЗ. Т. III. № 490. С. 408—409.

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—202; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 3546. С. 442.

160. 1539 г. февраля 3. Жал. меновная и обел.-нес. гр. Ивана IV иг. Троицкого Усть-Шехонского м-ря Мартемьяну на городской двор в Белоозере, тарх.-проезжая на провоз монастырских товаров по Новгородскому, Тверскому и Белозерскому уу.

Список XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). Кн. 53. Л. 10—13.

Кат.: ХП. Ч. I. № 389.

161. 1539 г. февраля 5. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. [Спасо-Прилуцкого] м-ря Афанасию на владения в Авнежской вол. Вологодского у.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Ф. 271 (Спасо-Прилуцкий м-рь). Оп. 1. Д. 7 (без начала).

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—203.

162. 1539 г. февраля 6. Жал. гр. Ивана IV Никольскому Песношскому м-рю на получение денежного жалованья у дмитровского дворецкого.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 56/3768 (пергамент).

Публ.: *Калайдович К. Ф.* Историческое и топографическое описание монастыря святого чудотворца Николая, что на Пешноше. М., 1837. С. 108—110. № II (по подл.).

Краткое изложение: [*Руднев В.*] Историческое описание мужского общежительного монастыря св. чудотворца Николая, что на Пешноше. 3-е изд. М., 1893. С. 131.

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. III. С. 76. № 244; 2) ХП. Ч. I. № 390 (с ошибочной датой «7 февраля»).

163. 1539 г. февраля 13. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV иг. Кирилло-Белозерского м-ря Досифею на дворовое место в Угличе.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Углич. № 18/12851.

Списки: 1) XVII в.: РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. 1/17. Л. 471—472 об.;

2) XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 32. Л. 132 об. — 133 об. (*).

- Публ.: 1) ЧОИДР. 1898. Кн. 1. С. 5—7. № VI (по подл.); 2) *Шумаков С.* Угличские акты. № VI. С. 5—7 (по подл.).
 Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 391; 2) *Енин Г. П.* Описание. № 897.
164. 1539 г. февраля 18. Ук. гр. Ивана IV суздальским городовым приказчикам Пятому Юрьеву сыну Владыкина и Нечаю Васильеву сыну Тумского о передаче иг. Покровского девичья м-ря Прасковье с. Шиповская слободка в Суздальском у.
 Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Суздаль. № 21/11800.
 Списки XVIII в.: 1) РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1920. Л. 64; 2) ГАВЛО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 (К₂); 3) РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 422. Л. 160 об. (К₂).
 Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 392; 2) *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Покровского м-ря. С. 278. № 18.
165. 1539 г. марта. Жал. данная и обел.-нес. гр. Ивана IV иг. Соловецкого м-ря Алексею на земли в Спасском погосте Выгозерской вол. Обонежской пятины.
 Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Новгород. № 2/8443.
 Списки XVII в.: 1) Архив СПб. ИИ. Кол. 2. Д. 136. Л. 25—26; 2) Там же. Кол. 2. Д. 150. Л. 19—19 об. (*).
 Публ.: 1) *Досифей.* Описание. М., 1836. Ч. III. Отд. I. № I. С. 1—3 (по неустановленному списку); 2) [*Иванов П.*] Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма разных периодов времени. М., 1844. С. 19—20; Л. 36 (по подл.); 3) Род Юреневых. Генеалогическая роспись с XIV по XX столетие. Историко-биографические сведения по архивным документам / Сост. Г. Н. и Н. А. Юреневы. СПб., 1903. С. 18—20 (перепечатка с публ. Досифея); 4) Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. № 54. С. 140—141 (по списку коп. кн. 136); 5) АСЭИ/АСМ. № 75. С. 50—51 (по подл.).
 Кат.: ХП. Ч. I. № 393.
166. 1539 г. марта. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Псковского Печерского м-ря Корнилию на двор в Пскове и дд.
 Упом. в реестре актов Псковского Печерского м-ря 1639 г.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). Оп. 1. Кн. 54. Л. 8 об.
 Кат.: ХП. Ч. I. № 394.
167. 1539 г. марта 1. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Спасского Златовратного м-ря Пафнутию на сц. Хотинское, дд. и пуст. во Владимирском у.
 Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 41 (Собр. Головина). Оп. 1. Д. 58 (пергамен).
 Список XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). Кн. 52. Л. 47—49 об.
 Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 395; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (3). С. 214. № 237.

168. 1539 г. марта 3. Жал. гр. Ивана IV Владимирскому Рождественскому м-рю на сц. Батюшково в Колпской вол. Владимирского у.
Упом. в описной книге Рождественского м-ря 1721 г.: РГАДА. Ф. 248 (Канцелярия Сената). Кн. 126. Л. 394.
Кат.: Антонов А. В. Вотчинные архивы (3). С. 190. № 65.
169. 1539 г. марта 4. Ук. (?) гр. Ивана IV иг. Покровского Углицкого м-ря Мисаилу на сц. Ермолowo с дд. в Городском ст. Угличского у.
Упом. в описи монастырских архивов 1721 г.: РГАДА. Ф. 248 (Канцелярия Сената). Кн. 192. Л. 252 об.
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 396; 2) Антонов А. В. Вотчинные архивы (2). С. 208. № 25.
170. 1539 г. марта 10. Жал. гр. Ивана IV старцу Кирилло-Белозерского м-ря Алексею Айгустову на беспощинную ловлю рыбы одним неводом в Белоозере.
Список XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А II/47. Л. 169—169 об. (без начала).
Кат.: ХП. Ч. III. № I—204.
171. 1539 г. марта 29. Жал. нес. гр. Ивана IV [Чудову м-рю?] ¹⁴ на с. Липитино Коломенского у.
Упом. в описи Чудова м-ря 1755 г.: ОР РГБ. Ф. 204 (ОИДР. Акты). Карт. 35. Д. 6. Л. 50. № 77.
Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—205; 2) Антонов А. В. Вотчинные архивы (1). С. 95. № 116.
172. 1539 г. марта 31. Ук. гр. Ивана IV Гаврилу Федорову сыну Заболоцкого и Ртищу Васильеву сыну Унковского о передаче Успенской Изосиминой пустыни по суду тверского дворецкого Ивана Юрьевича Поджегина почч. Понурина, Илейкина и Федоскова в Клинском у., высылке из починков Арины, вдовы сытника Курбата, с сыном Посником и выдаче пустыни правой грамоты.
Списки: 1) 1681 г.: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Клину. № 188/39630. Л. 1010 (П); 2) 1683—1685 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 539. Л. 273^a—274 (*).

¹⁴ А. В. Антонов предполагает, что эта жалованная грамота могла быть выдана Василию Ивановичу Волинскому (Антонов А. В. Вотчинные архивы московских монастырей. С. 95. № 116) — на том, вероятно, основании, что с. Липитино было в 1540/41 г. дано вкладом в Чудов монастырь вдовой В. И. Волинского Аграфеной, дочерью Григория Федоровича Липетина (см.: Там же. С. 96. № 124).

- Публ.: Антонов А. В. Клинические акты XV—XVI веков // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 64—65. № 5 (по списку РГАДА).
173. 1539 г. мая 15. Жал. зап. (?) гр. Ивана IV Ярославскому Богородицкому Толгскому м-рю: «в Ярославль к острогу лесу не имать».
- Упом. в переписной книге ярославских монастырей 1701 г.: РГАДА. Ф. 237. Д. 31. Л. 107 (К).
- Кат.: Антонов А. В. Перечни актов. С. 109. № 156.
174. 1539 г. июня 16. Жал. проезжая гр. Ивана IV Троицкому Селижарову м-рю.
- Упом. в описи Селижарова м-ря 1748 г., см.: Описание Троицкого Селижарова монастыря Тверской епархии. Тверь, 1900. С. 8. Прим. 2.
- Кат.: ХП. Ч. I. № 399.
175. 1539 г. июня 17. Ук. гр. Ивана IV в Переславль архимандриту, протопопу и игуменам переславских монастырей о поставлении в архимандриты Троицкого Данилова м-ря старца Иллариона.
- Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 186. С. 163 (по невыявл. подл.); 2) Смирнов А. В. Материалы. Вып. 3. № 372 (по ААЭ); 3) Добронравов В. Г. История Тр. Данилова м-ря. Прил. Отд. II. № 3 (по невыявл. списку конца XVII — XVIII в.); 4) Описание документов и дел Синода. СПб., 1914. Т. 50. С. 824.
- Кат.: Антонов А. В. Перечни актов. С. 62. № 116.
176. 1539 г. июля. Ук. с прочетом гр. Ивана IV устюжскому наместнику кн. Семену Александровичу Трубецкому и сольвычегодскому приказчику Федору Челищеву о соблюдении судебных привилегий Троицкого Гledenского и Устюжского Архангельского м-рей.
- Список XVI в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 174 (Акты до 1613 г.). Оп. 1. Д. 129.
- Кат.: ХП. Ч. I. № 400.
177. 1539 г. июля 4. Жал. нес. гр. Ивана IV арх. Спасского Ярославского м-ря Ионе на дд. Гридинское Прокопово и Обакумово Мити Вострого в Ярославском у.
- Подл.: ОР РГБ. Ф. 191 (Собр. Муханова). № 80.
- Список XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 125 об. — 126.
- Публ.: 1) Сб. Муханова. Изд. 2-е. № 285. С. 574—575 (по подл.); 2) ИАЯСМ. № XI. С. 11—12 (по невыявл. списку XVIII в.).
- Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 401; 2) Антонов А. В. Перечни актов. С. 91. № 60.
178. 1539 г. июля 8. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Дмитров городовым приказчикам Гриде Родионову и Никите Яковлю о даче Кирилло-Белозерскому м-рю места под соляной амбар в

г. Дмитрове и невзимании с него пошлин, если пошлины не брались со старого монастырского амбара.

Списки: 1) ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113⁶. Л. 359 об. — 360 об.; 2) XVII в.: Там же. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. 1/17. Л. 955—956; 3) XIX в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 11. Оп. 1. Д. 112. С. 219—221.

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—206; 2) *Енин Г.П.* Описание. № 1096.

179. 1539 г. июля 9. Жал. гр. Ивана IV кн. Еникею Тенишеву сыну Кугушеву на право суда в Темникове.

Списки XVIII в.: 1) 1744 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 40. Л. 2 об. — 3 (П₃); 2) Ок. 1785 г.: Там же. Ф. 453. Оп. 4. Д. 169. Л. 317 (П₃).

Публ.: 1) *Пискарев П. И.* Опись делам Шацкого архива // Известия Тамбовской УАК. Тамбов, 1889. Вып. 23. С. 30—31 (по невыявл. позднему списку); 2) *Антонов А. В.* Акты служилых татар 1525—1609 годов // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 222. № 3 (по списку 1744 г.); 3) АСЗ. Т. III. № 186. С. 156 (по списку 1744 г.).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—207; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1523. С. 194.

180. 1539 г. июля 13. Жал. нес. и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV иг. Вологодского Комельского м-ря Арсению на почт. в Вологодском у. с предоставлением права беспошлинного проезда в Москву без товаров.

Список начала XIX в.: РГАДА. Ф. 197 (А. Ф. Малиновский). Оп. 1. Портфель III. № 6.

Публ.: 1) *Амвросий.* ИРИ. Ч. III. С. 283—286 (по подл.); 2) Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1870. Часть неофиц. № 3. С. 103—104 (перепечатка из изд. Амвросия).

Кат.: ХП. Ч. I. № 402.

181. 1539 г. июля 18. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Ивану Васильеву сыну Иевлева с сыновьями Михаилом и Семеном на сц. Курдаки с дд. в Заупском ст. Тульского у.

Списки XVIII в.: 1) 1756 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 450. Л. 289—289 об. (П₂, К₂); 2) 1780-х гг.: Там же. Кн. 241. Л. 331—331 об. (П₂, К₂).

Публ.: 1) *Юшков.* Акты. № 136. С. 117—118 (по списку 1780-х гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 152. С. 119 (по списку 1756 г.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 403; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1094. С. 141—142.

182. 1539 г. июля 25. Данная гр., «по слову» Ивана IV, белозерских писцов Федора Федоровича Хидыршикова и Григория Лукина сына Клементьева иг. Успенской Ворониной пустыни Мисайлу на лесное Янговальское озеро.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 41 (Собр. Головина). Оп. 1. Д. 59 (*).

183. 1539 г. июля 25. Жал. на данного пристава и односрочная гр. Ивана IV протопопу Московского Успенского собора Гурию на сс. Васильевское, Константиновское с дд. и д. Севастьяновскую Тарбеева в Инобожском ст., с. Высокое с дд. в Каменском ст. Дмитровского у.
- Списки: 1) 1699 г.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Москва. № 396/7538 (П₃); 2) XVIII в.: Рукописный отдел Библиотеки Российской академии наук. Ф. Петровская галерея. Д. 70. Л. 3—3 об. (П₃).
- Публ.: 1) *Шмелев Г. Н.* Из истории Московского Успенского собора. М., 1908. Прил. С. 157—158 (по списку 1699 г.); 2) АММС. Ч. 1. С. 37—39. № 1 (по списку 1699 г.); 3) АРГ/АММС. С. 17—18. № 2 (по списку 1699 г.).
- Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—208; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 221. № 940.
184. 1539 г. июля 28. Жал. гр. Ивана IV Барыш-мурзе Мансыреву сыну на его куплю Маркунскую поляну с пашней и лесом в Темникове.
- Список около 1785 г.: РГАДА. Ф. 453. Оп. 4. Д. 169. Л. 311—311 об. (П₁, П₂).
- Публ.: 1) *Антонов А. В.* Акты служилых татар 1525—1609 годов // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 222—223. № 4; 2) АСЗ. Т. III. № 233. С. 190—191 (по списку).
- Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1778. С. 227.
185. 1539 г. августа 7. Жал. данная гр. Ивана IV иг. Устюжского Троицкого Гledenского м-ря Пимену на заводь в р. Сухоне и тарх.-проезжая на провоз продуктов, одежды и обуви на монастырский обиход.
- Список XVI в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 174 (Собр. актов до 1613 г.). Оп. 1. Д. 130.
- Кат.: ХП. Ч. I. № 405.
186. 1539 г. августа 30. Ук. гр. Ивана IV посельскому Андрею Поддольскому о передаче иг. Суздальского Покровского м-ря Прасковье части урожая из вновь пожалованного м-рю с. Слободка Суздальского у.
- Списки XVIII в.: 1) 1750-х гг.: ГАВЛО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 (П); 2) 1750-х гг.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1920. Л. 64—64 об.; 3) 1763 г.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 422. Л. 160 об. (К).
- Публ.: *Каштанов С. М.* ИРСИ. Прил. IV. С. 166—167. № 2 (по списку ГАВЛО).
- Кат.: *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Покровского м-ря. С. 278—279. № 20.
187. 1539 г. августа 30. Ук. гр., «по слову» Ивана IV, рязанского дво-рецкого Ивана Михайловича [Юрьева] в Рязань городовому

приказчику Василию Конаплину о сборе оброка за позем для Рязанского Спасского м-ря с расположенных на его земле дворов детей боярских и черных людей в Рязани на посаде за Глебовскими воротами.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Рязанский. № 4/9824.

Публ.: *Каштанов С.М.* ИРСИ. Прил. VI. С. 224—225. № 1 (по подл.).

Кат.: 1) *Шумаков С.* Материалы для истории Рязанского края. Рязань, 1898. Вып. 1. С. 11. № 2; 2) ХП. Ч. I. № 406; 3) *Сметанина С. И.* Вотчинные архивы. С. 284. № 203.

188. 1539 г. сентября — 1540 г. августа. Жал. тарх.-оброц., нес. и зап. (от незваных гостей и ездоков) гр. Ивана IV м-рю Василия Кесарийского в Суздале на сц. Васильевское в Опольском ст. Суздальского у.

Изложение в жал. гр. Лжедмитрия I иг. того же м-ря Ионе от ноября 1605 г.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1920. Л. 43—44 (список XVIII в.); дата «7048» г. приведена при упоминании грамоты Ивана IV в жал. гр. царя Михаила Федоровича иг. того же м-ря Исае от 31 августа 1621 г.: Там же. Л. 47—49 (список XVIII в.).

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—209.

189. 1539 г. сентября — 1540 г. августа. Жал. обел. (?)—нес. и зап. (от ездоков и незваных гостей) гр. Ивана IV Кашинскому Николаевскому Клобукову м-рю на приписной Введенский м-рь, дворы в Кашине, мельницу и сц. Пестриково в Нерехотском ст., д. Лисья Горка в Мерецком ст., д. Столыпа, почч. Гнездилово и Кирилловы Зады, пуст. Огородово и заполки в Кашинском у.

Упом. в жал. подтверд. гр. царя Михаила Федоровича иг. Клобукова м-ря Левкию от 31 марта 1623 г. (опубл.: 1) Памятная книга Тверской губернии на 1861 год. Тверь, 1861. Отд. IV. С. 9—12. № 5; 2) *Архангелов С.* Описание Кашинского Николаевского Клобукова монастыря. СПб., 1909. С. 72—75).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—210; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (2). С. 202. № 282.

190. 1539 г. сентября — 1540 г. августа. Жал. двусрочная гр. Ивана IV рязанскому епископу Ионе.

Упом. в описи казны Рязанского архиерейского дома 1749 г.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2408. Л. 75 об.

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—211; 2) *Сметанина С. И.* Вотчинные архивы. С. 258. № 34.

191. 1539 г. сентября — 1540 г. августа. Жал. гр. Ивана IV посадским и волостным людям г. Устюжны Железопольской о порядке

раскладки налогов и повинностей с черных дворов и земель. Изложение (выдержка) в ук. гр. царя Михаила Федоровича устюженскому воеводе М. О. Колычеву от 5 августа 1623 г.: РИБ. Т. 35. Стб. 568—569. Кат.: ХП. Ч. III. № 1—212.

192. 1539 г. сентября — 1540 г. августа. Жал. льгот. гр. Ивана IV вологжанам Григорию Юдину и Ивану Стефанову на постройку мельницы на р. Вологде.

Упом. в челобитной иг. Спасо-Прилуцкого м-ря Кирилла царю Михаилу Федоровичу 1613 г.: РИБ. Т. 35. Стб. 286.

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—213.

193. 1539 г. сентября — 1540 г. августа. Губная грамота Ивана IV в Вельский стан Важского у. об избрании старост и «лучших людей» для сыска «лихих людей», татей и разбойников, и расправы над ними.

Список XVI в.: ГАВО. Ф. 1260 (Кол. столбцов). Оп. 51. Д. 1.

Публ. (фото): Государственный архив Вологодской области / Сост. Л. Н. Мясникова, Ю. А. Смирнов. Вологда, 2001. С. 2.

194. 1539 г. сентября — 1540 г. августа. Ввозная гр. Ивана IV Ивану Федорову сыну Тихменева на дд. Рудкино, Петрово, Березниково, Леоново и Якушово в Микулинском ст. Тверского у. Упом. в дозорной кн. Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 185.

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 3213. С. 402.

195. 1539 г. сентября 11. Уставная грамота Ивана IV Устьянским волостям.

Список XVII в.: РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). 1647 г. Д. 30. Л. 25—37.

Публ.: 1) Уставная грамота Устьянским волостям 1539 г. / Сообщил М. М. Богословский // ЧОИДР. 1907. Кн. I. Отд. IV (Смесь). С. 47—51 (по списку XVII в.); 2) НГЗУГ. С. 25—30. № 10 (по публ. в ЧОИДР).

196. 1539 г. сентября 21. Жал. тарх.-нес., двусрочная, зап. (от ездовых) и проезжая гр. Ивана IV иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту на с. Фаустову гору Зубцовского у.

Список XVI в.: РГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский м-рь). Оп. 1. № 330 (П.).

Публ.: 1) ПРП. Вып. IV. С. 112—114 (по списку XVI в.); 2) АФЗХ. Ч. II. № 149. С. 144—145 (по списку XVI в.); 3) Сборник документов по истории СССР. Ч. III. С. 18—20. № 9 (по ПРП).

Кат.: ХП. Ч. I. № 407.

197. 1539 г. октября 12. Ук. гр. Ивана IV данным судьям Ивану Властьеву и Некрасу Неупокоеву о расследовании тяжбы между приказчиком Саввина Сторожевского м-ря Иваном Хлебнико-

вым и дворцовыми крестьянами о лесе около монастырского с. Шульгина и дворцового с. Луцкого Московского у.

Изложение в монастырской памяти конца XVII в.: ССМ. № 35. С. 63.

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—214; 2) Антонов А. В. Вотчинный архив Саввина Сторожевского монастыря конца XIV — начала XVII века // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 431. № 39.

198. 1539 г. октября 14. Жал. зап. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Перфирию на роши у с. Звягина с дд. в Бохове ст. Московского у. и роши у д. Ильинской в Повельском ст. Дмитровского у.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 272. Л. 237—237 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 272. Л. 382—383; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 272. Л. 290 об. — 291; 4) 1683—1685 гг.: Там же. Кн. 536. № 128. Л. 184 об. — 185; 5) 60-х гг. XVI в.: Там же. Кн. 637. Л. 419 (К).

Кат.: ХП. Ч. I. № 408.

199. 1539 г. октября 23. Губная гр. Ивана IV в Белозерский у. князьям, детям боярским и всем служилым людям, старостам, сотским, десятским и всем крестьянам об избрании «голов» из числа детей боярских, а также старост, десятских и «лучших людей» из крестьян для сыска «лихих людей» разбойников и расправы над ними и о составлении списков казенных разбойников и конфискованного у них имущества.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археограф. экспедиция). Оп. I. Д. 71. Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 187. С. 163—165 (по подл.); 2) НГЗУГ. С. 50—53. № 1 (по ААЭ); 3) РИБ. Т. 32. № 139. Стб. 248—252 (по подл.); 4) ПРП. Вып. IV. С. 176—179 (по РИБ); 5) Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. / Под ред. А. А. Зимина. М., 1962. № 13. С. 42—44 (по РИБ); 6) Сборник документов по истории СССР. Ч. III. С. 143—145. № 9 (по ПРП); 7) Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. М., 1985. Т. 2. С. 213—215 (по ПРП).

200. 1539 г. октября 23. Губная гр. Ивана IV в Каргопольский у. князьям, детям боярским и всем служилым людям, старостам, сотским и всем крестьянам об избрании «голов» из числа детей боярских, а также старост, десятских и «лучших людей» из крестьян для сыска «лихих людей» разбойников и расправы над ними и о составлении списков казенных разбойников и конфискованного у них имущества.

Список XVI в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 174 (Акты до 1613 г.). Оп. I. Д. 133. Публ.: 1) ДАИ. Т. I. № 31. С. 32—33 (по списку XVI в.); 2) НГЗУГ. С. 53—55. № 2 (по ДАИ).

201. 1539 г. ноября 26. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Суздаль городовым приказчикам Пятому Юрьеву сыну Владыкина и Нечаю Васильеву сыну Тумского об отводе иг. Суздальского Покровского м-ря Прасковье земли по 40 сажен вокруг м-ря.
Списки XVIII в.: 1) 1750-х гг.: ГАВЛО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 18—18 об. (П); 2) 1750-х гг.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1920. Л. 64 об.; 3) 1763 г.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 422. Л. 161 (К).
Публ.: *Кашианов С.М.* ИРСИ. Прил. IV. С. 167—168. № 3 (по списку ГАВЛО).
Кат.: *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Покровского м-ря. С. 279. № 21.
202. 1539 г. декабря 3. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Семену Александрову сыну Волжину с сыном Андросом на с. Ляминоги в Новгороде Северском.
Список 1782 г.: Личное собр. А. В. Маштафарова. Кол. И. М. Картавцева. Акты Волжиных. № 3 (П).
Публ.: АСЗ. Т. II. № 83. С. 89 (по списку 1782 г.).
Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 574. С. 78.
203. 1539 г. декабря 16. Ук. гр. Ивана IV в Торжок городовым приказчикам Дмитрию Тепринскому и Кайдашу Глухову о запрете торговли по всей территории Новоторжского у., кроме посада г. Торжка и с. Медны Троице-Сергиева м-ря.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Торжок. № 3/12045.
Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 274. Л. 238 об. — 239; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 274. Л. 384 об. — 385 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 274. Л. 293—294.
Публ.: ААЭ. Т. I. № 188. С. 165—166 (по списку кн. 527).
Кат.: ХП. Ч. I. № 409.
204. 1539 г. декабря 20. Жал. ружная гр. Ивана IV иг. Александрова Ошевенского м-ря Васьяну.
Список XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115 (Собр. рукоп. книг). Д. 41. Л. 1—1 об.
Кат.: ХП. Ч. I. № 410.
205. 1540 г. января. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Суздаль городовым приказчикам Пятому Юрьеву сыну Владыкина и Нечаю Васильеву сыну Тумского об отводе Спасо-Евфимьеву м-рю земли на Большой улице взамен земли, отведенной Суздальскому Покровскому м-рю.
Списки: 1) XVII в.: ГАВЛО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 56. Л. 21 (К₂); 2) конца XVII в.: РГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев м-рь). Оп. 1. Кн. 205. Л. 2 об. — 4 об.

(П); 3) XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1920. Л. 12—13; 4) XIX в.: ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Собр. Уварова). Оп. 2. Д. 258. Л. 2 об. — 3 об. (П); 5) XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцев). Д. 59. Л. 1—1 об. (П).
Публ.: АСЕМ. № 45. С. 104—105 (по списку конца XVII в.).

Кат.: 1) *Зимин А. А.* Хронологический перечень. С. 373. № 59; 2) *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Покровского м-ря. С. 279. № 22.

206. 1540 г. января 5. Жал. односрочная, на данного пристава и зап. (на лес) гр. Ивана IV иг. Успенской Изосиминой пустыни Иеву.

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 189. С. 166—167 (по невявл. подл.); 2) *Антонов А. В.* Клинические акты XV—XVI веков // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 75—76. № 7 (по публ. в ААЭ).

Кат.: ХП. Ч. I. № 411.

207. 1540 г. января 8. Жал. нес. и зап. (от незванных гостей и ездоков) гр. Ивана IV иг. Троицкого Усть-Шехонского м-ря Мартемьяну на с. Щепотовское с дд. в Надпорожском ст. Белозерского у. и иные сс. и дд. м-ря в Белозерском и других уу.

Список XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцев). Кн. 53. Л. 14—17 об.

Кат.: ХП. Ч. I. № 412.

208. 1540 г. января 15. Жал. льгот. гр. Ивана IV арх. Нижегородского Печерского м-ря Левкию на с. Высокое с дд. Нижегородского у. и с. Кидекшу с дд. Суздальского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Нижний Новгород. № 8/7949.

Списки: 1) XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1914. Л. 13—14; 2) начала XIX в.: РГАДА. Ф. 197 (А. Ф. Малиновский). Портф. III. № 8.

Публ.: *Кабанов А. К.* Материалы. С. 14—15. № 10 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 413; 2) *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Вотчинные архивы. С. 425. № 36.

209. 1540 г. января 16. Жал. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Перфирию об освобождении от тягла монастырского двора на Большой Дмитриевской ул. в Москве.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 520. Л. 19 об. — 22 (К); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 271. Л. 236—237; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 271. Л. 380—381; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 271. Л. 289 об. — 290 об.

Кат.: ХП. Ч. I. № 414.

210. 1540 г. февраля 2. Жал. оброч. гр. Ивана IV иг. Никольского Корельского м-ря Ефрему на две трети озера Кудмо с угодьями в Корельском у.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 20 (Беллюстина). Оп. I. Д. 7.

Публ.: 1) АЮБ. Т. II. № 173/V. Стб. 550 — 551 (по подл.); 2) Сб. ГКЭ. Т. II. Прил. № 86^а. Стб. 825 — 826 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 415.

211. 1540 г. февраля (8?). Губная гр. Ивана IV на Вятку в Верхний Слободской городок старостам, целовальникам, сотским, десятским и всем крестьянам об избрании целовальников и «лучших людей» для сыска «лихих людей», татей и разбойников, и расправы над ними и о составлении списков казенных разбойников и конфискованного у них имущества.

Публ.: 1) Вятские ГВ. 1845 г. № 44. Часть неофиц. С. 287 — 289 (по невыявл. списку, с датой «7040 и 8 февраля»); 2) Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Приложение к 2-му тому сборника «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881. № 16. С. 17 — 20 (по публ. в Вятских ГВ, но с исправлением даты на 8 февраля 7048 г.); 3) НГЗУГ. С. 55 — 58. № 3 (перепечатка из «Древних актов», с датой 8 февраля 1540 г.).

212. 1540 г. марта. Ввозная гр. Ивана IV Нечаю и Кобцу Васильевым детям Окоемова на сц. Шахово с дд. Кононовым и Починком в Микулинском ст. Тверского у.

Упом. в дозорной кн. Тверского у. 1551 — 1554 гг.: ПМТУ. С. 187.

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 2321. С. 292 (с датой 1539/40 г.).

213. 1540 г. марта 11. Жал. гр. Ивана IV строителю Валаамского м-ря Исاية о размерах и порядке сбора наместниками судебных пошлин с монастырских крестьян и старцев.

Список XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Ф. 183 (Новгородские акты). Оп. 1. Д. 895. Л. 1—1 об. (*).

Публ.: РИБ. Т. 2. № 256. Стб. 1097 — 1099 (по списку XVIII в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 416.

214. 1540 г. марта 12. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Переславль и другие города и уезды наместникам, волостелям, мытчикам, ямщикам и «всем людям без омены» о разрешении мастерам и крестьянам Троице-Сергиева м-ря добывать камень и извезть и о невзимании с них пошлин.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Москва. № 13/7155.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 273. Л. 237 об. — 238 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 273. Л. 383—384 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 273. Л. 291—293; 4) XVIII в.: Там же. № 13/517. Л. 3—3 об. (К₂).

Публ.: ААЭ. Т. I. № 190. С. 167 (по списку кн. 527).

Кат.: 1) Смирнов М. И. Указатель. С. 21. № 181; 2) ХП. Ч. I. № 417.

215. 1540 г. марта 17. Жал. нес. (?) гр. Ивана IV Успенской Александровой пустыни на м-рские вотчины в Ярославском у.
Упом. в переписной книге ярославских монастырей 1701 г.: РГАДА. Ф. 237. Д. 31. Л. 185 об. (К).
Кат.: Антонов А. В. Перечни актов. С. 112. № 179.
216. 1540 г. апреля 4. Губная гр. Ивана IV в Устюжский у. князьям, детям боярским и всем служилым людям, старостам, сотским, десятским и всем крестьянам об избрании «голов» из числа детей боярских, а также старост, десятских и «лучших людей» из крестьян для сыска «лихих людей» разбойников и расправы над ними и о составлении списков казенных разбойников и конфискованного у них имущества.
Список конца XVI в.: ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). Д. 10971. № 2. Л. 1—3 (П).
Публ.: Леонтьев А. К. Устюжская губная грамота 1540 г. // ИА. 1960. № 4. С. 220—222 (по списку конца XVI в.).
217. 1540 г. мая 15. Жал. полетная гр. Ивана IV вдове Бориса Алалыкина Авдотье с детьми на выплату долгов в течение пяти лет без роста.
Список 1775 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 30. Л. 15—15 об. (П).
Публ.: АСЗ. Т. 1. № 3. С. 10—11 (по списку 1775 г.).
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 16. С. 11.
218. 1540 г. мая 19. Ввозная гр. Ивана IV Василию Андрееву сыну Кутузова на сц. Воздвиженское с дд. в вол. Хорваче Тверского у.
Упом. в дозорной кн. Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 249.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 1558. С. 199.
219. 1540 г. мая 23. Жал. ружная гр. Ивана IV Троицкому Данилову и Рождественскому переславским м-рям.
Упом. в описи имущества Троицкого Данилова м-ря 1850-х гг.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2516. Л. 58 (*).
Публ.: 1) Амвросий. ИРИ. Ч. VI. С. 446—448 (по невыявл. подл.); 2) ААЭ. Т. 1. № 191. С. 168 (по подл.); 3) Смирнов А. В. Материалы. Вып. 3. №. 374 (по ААЭ); 4) Добронравов В. Г. История Тр. Данилова м-ря. Прил. Отд. II. № 4. С. 20 — 21 (по подл.).
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 418; 2) Антонов А. В. Перечни актов. С. 62. № 118.
220. 1540 г. мая 27. Жал. данная и нес. гр. Ивана IV арх. Троицкого Данилова м-ря Иллариону на мельницу на р. Трубеж в Переславском у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 109/8833.
Список XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115 (Кол. рукоп. книг). Кн. 45. Л. 191 об. — 192 об.

- Публ.: 1) Прибавления к Владимирским ГВ. 1845 г. № 4 (27 января). С. 14—15 (по невыявл. списку); 2) *Добронравов В. Г.* История Тр. Данилова м-ря. Прил. Отд. II. № 5. С. 21—22 (по невыявл. списку конца XVII — XVIII в.); 3) Обзор ГКЭ. Вып. IV. № 1302. С. 473—474 (по подл., частично). Кат.: 1) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 21. № 184; 2) ХП. Ч. I. № 419; 3) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 62. № 119.
221. 1540 г. июня. Ук. гр. Ивана IV писцам Андрею Семенову сыну Караулову «с товарищи» о возврате Кирилло-Белозерскому м-рю ранее отписанного «третьего поля» монастырского сщ. Бабинского и об отводе взамен к Арбужевской вол. [Романовского у.] иной монастырской земли того же размера. Список XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. I/17. Л. 342—342 об. Кат.: *Енин Г. Л.* Описание. № 833.
222. 1540 г. июня 14. Жал. данная и нес. гр. Ивана IV Темиру, Алексею и Ивану Борисовым детям Алалыкина на поместье их отца сщ. Чепочкино с дд. и почч. в вол. Матне и дд. Янину Гору и Усово в вол. Мытце Суздальского у. Список 1775 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 30. Л. 16 (П). Публ.: АСЗ. Т. I. № 4. С. 11—12 (по списку 1775 г.). Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 17. С. 11.
223. 1540 г. июня 20. Жал. данная гр. Ивана IV арх. Спасо-Евфимьева м-ря Герману на 10 десятин городской земли в Суздале взамен земли, отведенной к Покровскому м-рю. Спски: 1) конца XVII в.: РГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев м-рь). Оп. 1. Кн. 205. Л. 4 об. — 5 об. (П); 2) XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1920. Л. 13—13 об.; 3) XIX в.: ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Собр. Уварова). Оп. 2. Д. 258. Л. 3 об. — 4 об. (П); 4) XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). Д. 59. Л. 2—2 об. (П). Публ.: АСЕМ. № 46. С. 106 (по списку конца XVII в.). Кат.: *Зимин А. А.* Хронологический перечень. С. 373. № 60.
224. 1540 г. июня 23. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту на с. Черленково с дд. в Хованском ст. Волоцкого у. Подл.: РГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский м-рь). Оп. 1. № 371 (П). Список XVI в.: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 519. № 34. Л. 47—48 (П). Публ.: АФЗХ. Ч. II. № 153. С. 147—148 (по подл.). Кат.: ХП. Ч. I. № 420.
225. 1540 г. августа 9. Ввозная (послушная) гр. дяков Ивана Вязги Афанасьева сына Сукова и Ивана Ишука Иванова сына Бухарина, по грамоте Ивана IV, Никольскому Вяжищскому м-рю на три обжи в д. Некохове и две обжи в д. Липки Вотской пятины.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археогр. экспедиция). Оп. 1. Д. 34 (*).
Публ.: РИБ. Т. 32. № 142. Стб. 255 — 256 (по подл.).

226. 1540 г. августа 21. Ук. гр. Ивана IV в Суздаль писцам Степану Тимофеевичу Отяеву и Ташлыку Всеволожскому о производстве обыска и суда по тяжбе арх. Спасо-Евфимьева м-ря Германа с приказчиком княгини Анастасии, вдовы князя Василия Васильевича Шуйского, Старком о спорной земле у слободки Чапихинской.

Список конца XVII в.: РГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев м-рь). Оп. 1. Кн. 205. Л. 210—211 (П).

Публ.: АСЕМ. № 47. С. 107 (по списку конца XVII в.).

227. 1540 г. августа 31. Губная гр. Ивана IV в Соль Галицкую на посад всем городским людям и слобожанам о выборе десятских, пятидесятских и сотских для сыска «лихих людей» и расправы над ними и о составлении списков казенных разбойников и конфискованного у них имущества.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 41 (Собр. Головина). Оп. 1. Д. 60.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. Галицкий у. № 88. Л. 770—771 об. (П₄).

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 192. С. 168—170 (по списку XVII в.); 2) НГЗУГ. С. 58—60. № 4 (по ААЭ); 3) Сборник документов по истории СССР. Ч. III. С. 149. № 12 (выдержки, по ААЭ); 4) АФЭХ/АМСМ. № 64. С. 75—76 (по подл.).

Кат.: 1) Попов Н. Собрание рукописей. С. 129; 2) Антонов А. В. Вотчинные архивы (I). С. 154. № 512.

228. [1540 г. сентября — 1541 г. августа]¹⁵. Жал. льготно-оброц. и нес. гр. Ивана IV вологодским сокольникам Мите и Левке Артемовым и Сенке Ермолину сыну Блазнава на поч., займища и «дикий» лес.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 117 (Собр. Савваитова). Оп. 1. Д. 3 (с датой «7040») (*).

Публ.: АИ. Т. I. № 295. С. 538 — 539 (по подл., с исправлением даты на «7049»).

Кат.: ХП. Ч. I. № 421.

229. 1540 г. сентября — 1541 г. августа. Жал. гр. Ивана IV церкви Параскевы Пятницы в Касимове.

¹⁵ Дата в подлиннике («7040») ошибочна: очевидно, недописана последняя цифра. Поскольку льгота была дана на 10 лет и оброк впервые надлежало заплатить на Рождество Христово 7059 г., то, вероятно, грамота была выдана в 7049 г. (т.е. недописана цифра «9»).

Упом. в жал. гр. царя Михаила Федоровича от 19 марта 1615 г. (выдержка опубл.: *Добролюбов И.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. IV. С. 48).

Кат.: ХП. Ч. III. № I—216.

230. 1540 г. сентября — 1541 г. августа. Жал. гр. Ивана IV Спасо-Прилуцкому м-рю на данного пристава.

Упом. в описи Спасо-Прилуцкого м-ря 1654 г.: ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 44. Л. 83 (*).

231. 1540 г. ноября 21. Жал. [поместная] гр. Ивана IV Суботе Константинову сыну Ожгибокова на дд. Ожарово, Кулеврино и Селиваново в вол. Воловичи Тверского у.

Упом. в дозорной кн. Тверского у. 1551 — 1554 гг.: ПМТУ. С. 209—210. Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 2310. С. 291.

232. 1540 г. декабря 1. Жал. тарх.-оброch., нес., зимнесрочная, на дворцовых недельщиков, зап. (от незваных гостей) и проезжая гр. Ивана IV бортникам Талшинской вол. Владимирского у. Списки 1750-х гг.: 1) ГВЛЮ. Ф. 575. Д. 1. Л. 19—20 об. (П); 2) РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1920. Л. 65—66.

Публ.: *Каиштанов С. М.* ИРСИ. Прил. IV. С. 168—170. № 4 (по списку ГВЛЮ).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 346 (с ошибочной датой «7 декабря 1535 г.»); 2) ХП. Ч. III. № I—217 (с верной датой); 2) *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Покровского м-ря. С. 279. № 23.

233. 1541 г. января. Жал. данная гр. Ивана IV иг. Троицкого Белопесоцкого м-ря Сергею на луга за р. Окой.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашира. № 4/5766 (*).

234. 1541 г. января 21. Ук. с прочетом гр. Ивана IV белозерскому наместнику Ивану Семеновичу Воронцову о ненарушении жалованной несудимой грамоты Ферапонтову м-рю.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археогр. экспедиция). Оп. 1. Д. 677 (*).

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 193. С. 170 (по подл.); 2) РИБ. Т. 32. № 145. Стб. 258 — 259 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 422.

235. 1541 г. января 22. Ук. с прочетом гр. Ивана IV вологодским наместникам Михаилу Дмитриевичу Бутурлину и Федору Васильевичу Киндыреву «з братьею» о ненарушении жалованной несудимой грамоты Ферапонтову м-рю.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археогр. экспедиция). Оп. 1. Д. 678 (*).

Список 1830 г. (с подл.): Архив СПб. ИИ. Кол. 115 (Собр. рук. книг). Д. 444. Л. 15—15 об. (*).

Публ.: РИБ. Т. 32. № 146. Стб. 259—260 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 423.

236. 1541 г. января 28. Ук. гр. Ивана IV всем должникам Рязанского Солотчинского м-ря о назначении данного пристава Поздняка Михайлова сына Бармина для правежа с них денег в пользу м-ря.

Подл.: РГАДА. Ф. 1202 (Солотчинский м-рь). Оп. 1. Д. 2. Л. 1—2.

Публ.: РИБ. Т. 2. № 214. Стб. 972 — 974 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 424; 2) *Сметанина С. И.* Вотчинные архивы. С. 270. № 122 (гр. названа «жалованной»).

237. 1541 г. февраля 2. Жал. нес. и проезжая (на монастырские торговые экспедиции) гр. Ивана IV иг. Соловецкого м-ря Алексею.

Подл.: ГММК. ОР. Кол. Ризницы Соловецкого м-ря. № 2 (П₃).

Списки XVII в.: 1) Архив СПб. ИИ. Кол. 2. Д. 136. № 15. Л. 80 об. — 86;

2) Там же. Кол. 2. Д. 150. Л. 42—44 (*).

Публ.: 1) *Досифей*. Описание. Ч. 3. Отд. I. № II. С. 3—7 (по подл.); 2) Род Юреневых. С. 20—23 (по публ. Досифея); 3) АСЭИ/АСМ. № 85. С. 54—56 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 425.

238. 1541 г. февраля 2. Жал. ружная гр. Ивана IV иг. Ярославского Толгского м-ря Касьяну.

Список XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 317 об. — 318.

Публ.: Ярославские Ев. 1897. № 10. Часть неофиц. С. 150 (по списку XVIII в.).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—219; 2) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 109. № 157.

239. 1541 г. февраля 14. Ввозная (послушная) гр. Ивана IV новокрещену Василию Баранчееву сыну Киятова на с. в Старицком у.

Списки: 1) 1686—1686 гг.: РГАДА. Ф. 210. Д. 130. Л. 5 (П₂, К); 2) 1850-х гг.: Там же. Д. 164. Л. 222 об. (П₂, К).

Публ.: 1) *Юшков*. Акты. № 138. С. 119 (по списку 1686 — 1688 гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 17. С. 15 (по списку 1686 — 1688 гг.).

Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 170. С. 29.

240. 1541 г. марта 4. Жал. гр. Ивана IV иг. Яренского Никольского м-ря Геннадию на половину варниц в устье р. Яренги и нес. на монастырскую вотчину.

Список XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 47 (Двинские акты). Оп. 2. Д. 4.

Кат.: ХП. Ч. III. № I—220.

241. 1541 г. марта 21. Жал. подтверд., оброч., тарх.-нес., на данного пристава, односрочная и зап. (от ездовых и незванных гостей) гр. Ивана IV иг. Евфимьевой пустыни Протасию на дд. Сянжемской трети Вологодского у., дд. и почч. в Мольской вол. Устюжского у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Вологда. № 11/2582.
Списки: 1) XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 238. Оп. 2. Карт. 78. № 1. Л. 2—5 (*); 2) XIX в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Ф. I. 788. Л. 256—260 об.
Кат.: ХП. Ч. I. № 426.
242. 1541 г. апреля 11. Оброч. гр., «по слову» Ивана IV, нижегородских ключников Гордея Павлова сына Брейцына и Ивана Степанова сына Осорьина нижегородским посадским Ивану Федотову сыну Маслухина, Якову Ермолину и другим на Толконцевскую заводь и другие рыбные угодья на р. Волге.
Включенный акт в составе правой грамоты 20 июля 1547 г. (список XVIII в.): РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1914. Л. 18—18 об.
Кат.: Антонов А. В., Маштафаров А. В. Вотчинные архивы. С. 426. № 38.
243. 1541 г. апреля 12. Ук. гр. Ивана IV в с. Серкизово с дд. Московского у. старостам, сотским и десятским о переносе перевоза через р. Клязьму с земли Троице-Сергиева м-ря на великокняжескую землю.
Список XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 637. Л. 468 об. — 470.
Кат.: ХП. Ч. III. № I—221.
244. 1541 г. апреля 21. Жал. льгот., полетная, односрочная и зап. (от ездовых) гр. Ивана IV арх. Муромского Борисоглебского м-ря Семиону на д. Бараново и дворы в Дубровском ст. Муромского у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Муром. № 6/7738.
Список XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1917. Л. 143—144.
Публ.: Маштафаров А. В. Муромские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века // РД. Вып. 6. М., 2000. С. 53—54. № 2 (по подл.).
Кат.: ХП. Ч. I. № 427.
245. [1541 г.]¹⁶ июня 5. Меновная, по приказу Ивана IV, тверского дворецкого Ивана Ивановича Хабарова и рязанского дворец-

¹⁶ В сохранившемся списке грамоты дата ошибочна («7040»): недописана последняя цифра года. Публикатор грамоты С. М. Каштанов предположил ошибку в числе десятков («м» вместо «н») и исправил дату с 1532 на 1542 г. (Каштанов С. М. ИРСИ. С. 153, прим. 1). С. В. Стрельников передатировал грамоту на 1541 г. на основе ее упоминаний в монастырских описях 1654, 1682 и 1743 гг., в которых она значится под 7049 годом (Стрельников С. В. К вопросу о дворцовой подведомственности Ростова Великого в конце XV — XVI в. // ОФР. М., 2002. Вып. 6. С. 99, прим. 12).

кого Василия Михайловича Тучкова старцам Троицкого Павлова Обнорского м-ря Филиппу, Елинаруху и келарю Филиппу на черные дд. Дор, Ермолино, Кокорево, Звягино и др. с пустт. в вол. Обноре Вологодского у. за монастырское сщ. Козлятево с дд. в Раменском ст. Ростовского у.

Список конца XVII в.: Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник. № Р-169. Л. 47—49 (с ошибочной датой «7040») (П).

Публ.: *Каштанов С.М.* ИРСИ. Прил. III. С. 151—153. № 10 (по списку конца XVII в.; датировка: 5 июня 1542 г.).

246. 1541 июня 29. Жал. гр. Ивана IV протопопу Вознесенского собора г. Балахны Федору на право самостоятельного отправления церковных служб (церковного освящения и венчания) и получения пошлин.

Подл.: ОР ГИМ. Кол. свитков Синодального собр. № 994 (П).

Список начала XIX в.: РГАДА. Ф. 197 (А. Ф. Малиновский). Портфель III, № 9.

Публ.: *Каштанов С.М.* ИРСИ. Прил. V. С. 210—211. № 1 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—222; 2) *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Вотчинные архивы. С. 471. № 301.

247. 1541 г. июня 29. Жал. поместная гр. Ивана IV Жине и Митке Дмитриевым детям Теприцкого на сщ. Ромашково и две пустт. в вол. Хорвач Тверского у.

Упом. в дозорной кн. Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 236—237.

Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 3189. С. 399.

248. 1541 г. сентября 18. Ук. гр. Ивана IV в Алексин Ивану Константинову (?) о проведении обыска и суда по тяжбе князя Ивана Дмитриева сына Волконского с княгиней Марьей, вдовой князя Потула Волконского о спорной земле у с. Павшина и д. Сементиной в Алексинском у.

Список 1770-х гг.: РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г. Ф. Миллера). Портф. 284. Ч. 2. Д. 7. Л. 41 (П₂).

Публ.: 1) *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 19—20 (по невяввл. дефектному списку XVIII в.); 2) АСЗ. Т. I. № 43. С. 39—40 (по списку 1770-х гг.).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—223; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 583. С. 79.

249. 1541 г. сентября 18. Ук. гр. Ивана IV в Кирилло-Белозерский м-рь иг. Афанасию о соблюдении недельщиками жалованной односрочной грамоты м-рю на данного пристава.

Список XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. II/47. Л. 438—440 об. (*).

250. 1541 г. октября 22. Лыгот. гр., «по слову» Ивана IV, владимирского писца Романа Игнатьевича Образцова арх. Владимирского Рождественского м-ря Евфросину на сщ. Батюшково в Колпской вол. Владимирского у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Владимир. № 17/1794.
Публ.: *Кистерев С. Н.* Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 98—99. № 6 (по подл.).
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 428; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (3). С. 190. № 69.
251. 1541 г. октября 23. Губная гр. Ивана IV в сс. Троице-Сергиева м-ря Медну Тверского у., Кунганово Новоторжского у., Станишино Старицкого у. приказчикам, сотским, десятским и всем крестьянам о выборе десятских, пятидесятских и сотских для сыска «лихих людей» и расправы над ними и о составлении списков казенных разбойников и конфискованного у них имущества.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Тверь. № 12/12505.
Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 275. Л. 239—241; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 275. Л. 385 об. — 388 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 275. Л. 294—296.
Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 194/I. С. 170—172 (по списку кн. 527); 2) *Шумаков С.* Тверские акты. № I. С. 13—16 (по подл.); 3) НГЗУГ. С. 60—62. № 5/I (по ААЭ).
252. 1541 г. ноября. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Алексею на сщ. Матфеицovo и Ростино с дд. Бежецкого у., сщ. Оносово и Михайловское с дд. Ростовского у.
Список 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. Л. 39—40.
Кат.: ХП. Ч. III. № I—225.
253. 1541 г. ноября 22. Ук. гр., «по слову» Ивана IV, костромских писцов Поярка Ильича Квашнина и Бориса Александровича Ступишина в Буй-город городовому приказчику Григорию Федорову сыну Григорьева об обеспечении владельческих прав иг. Предтеченского Железоборковского м-ря Нифонта на осадный двор в Буй-городе.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кострома. № 38/5005.
Публ.: 1) *Каштанов С. М.* ИРСИ. Прил. VI. С. 227—228. № 2 (по подл.); 2) *Антонов А. В.* Костромские монастыри в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 208—209. № 104 (по подл.).
Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 138. № 384; 2) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 148. № 267.

254. 1541 г. ноября 25. Губная гр. Ивана IV в Бежецкий Верх в сс. Троице-Сергиева м-ря Присеки, Сукромное, Люботицы, Княже, Руготино, Матфейцово, всем крестьянам, об избрании старост, сотских и десятских для сыска «лихих людей» и расправы над ними и о составлении списков казенных разбойников и конфискованного у них имущества.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Бежецк. № 97/1201.
Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 277. Л. 242—244; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 277. Л. 390—394; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 277. Л. 297—300.
Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 194/II. С. 172—174 (по списку кн. 527); 2) НГЗУГ. С. 62—65. № 5/II (по ААЭ).
Кат.: Обзор ГКЭ. Вып. I. С. 53. № 15.
255. 1541 г. декабря 12. Жал. нес. гр. Ивана IV арх. Данилова м-ря Лариону на д. Борисовское Переславского у.
Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 122.
Списки: 1) XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Кн. 45. Л. 140—141; 2) XIX в.: Там же. Л. 349—350.
Публ.: *Добронравов В.Г.* История Тр. Данилова м-ря. Прил. Отд. II. № 6. С. 22—23 (по невыявл. списку конца XVII — XVIII в.).
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 429; 2) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 63. № 122.
256. 1541 г. декабря 25. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Нижний Новгород Андрею Алексею сыну Жедринского, ключникам Гордею Брейцыну, Ивану Осорьину и на Балахну городовому приказчику Мите-дяку о запрете городским людям вступаться в рыбные ловли и дворы Троице-Сергиева м-ря.
Подл.: ОР РГБ. Ф. 191 (Собр. Муханова). № 81 (*).
Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 276. Л. 241—242; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 276. Л. 388 об. — 390; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 276. Л. 296 об. — 297.
Публ.: Сб. Муханова. Изд. 2. № 287. С. 576—577 (по подл.).
Кат.: ХП. Ч. I. № 430.
257. 1541 г. декабря 26. Жал. льгот. и нес. гр. Ивана IV иг. Вологодского Спасо-Прилуцкого м-ря Афанасию на с. Коровник, дл., поч. и слободку в Вологодском у.
Публ.: Прибавления к Вологодским ЕВ. 1895. № 19. С. 316—318 (по невыявл. подл.).
Кат.: ХП. Ч. I. № 431.
258. 1541 г. декабря 29. Оброч. гр., «по слову» Ивана IV, рязанского дворецкого Василия Михайловича Тучкова Морозова иг. Спасо-Прилуцкого м-ря Афанасию на мельницу на р. Вологде.

Публ.: Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. I. Новгород, 1908. С. 85 — 86 (по невыявл. подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 432.

259. 1542 г. января. Жал. обел.-нес., зап. (от ездовых и незваных гостей), проезжая и двухсрочная гр. Ивана IV арх. Серпуховского Высоцкого м-ря Киприану на сс., дд. и почч. в Хотунской вол. Серпуховского у.

Публ.: *Тренев Д. К.* Серпуховской Высоцкий монастырь, его иконы и достопамятности. М., 1902. С. 102 — 105 (по невыявл. списку XVIII в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 433.

260. 1542 г. февраля 1. Жал. поместная гр. Анне Измайловой жене Сахарова с детьми на дд. Шапкино и Ноздрино в вол. Хорваче Тверского у.

Упом. в дозорной кн. Тверского у. 1551 — 1554 гг.: ПМТУ. С. 234.

Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 2869. С. 360.

261. 1542 г. февраля 15. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Кириллова Ноеозерского м-ря Вассиану на почч. Кобылин и Алексин Бор и пуст. Ортюшино Белозерского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Белоозеро. № 81/782.

Список XVI в.: РГАДА. Ф. 1606. Оп. I. Д. 1 (*).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. II. С. 46. № 1; 2) ХП. Ч. I. № 434.

262. 1542 г. февраля 16. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Кереть и Ковду даныщикам Исаку Есипову и Андрею Лузюкину и слободчику Семену Ондронову об установлении единого срока разбирательства судебных дел керетчан и ковдян с «приезжими людьми».

Подл.: ГММК. ОР. Кол. Ризницы Соловецкого м-ря. № 3 (П.).

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 196/I. С. 174—175 (по подл.); 2) Род Юреневых. Прил. 3/I. С. 430—432 (по копии начала XX в. со списка, вероятно, XVIII в.); 3) Материалы по истории Карелии. № 56. С. 143—145 (по ААЭ); 4) АСЭИ/АСМ. № 89. С. 58—59 (по подл.; в заголовке гр. ошибочно названа «жалованной»).

263. 1542 г. февраля 20. Жал. гр. Ивана IV волости Кереть и Ковда на участие выборных целовальников в суде даныщиков и слободчиков.

Подл.: ГММК. ОР. Кол. Ризницы Соловецкого м-ря. № 4 (П.).

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 196/II. С. 175—176 (по подл.); 2) Род Юреневых. Прил. 3/II. С. 432—433 (по копии начала XX в. со списка, вероятно, XVIII в.); 3) Материалы по истории Карелии. № 57. С. 145—146 (по ААЭ); 4) АСЭИ/АСМ. № 90. С. 59—60 (по подл.).

264. 1542 г. марта 2. Губная гр. Ивана IV на Вятку князьям, детям боярским и всем служилым людям, старостам, сотским, десятским и всем крестьянам об избрании земских людей, старост, десятских и «лучших людей» для сыска «лихих людей» разбойников и расправы над ними и о составлении списков казненных разбойников и конфискованного у них имущества.
Опубл.: 1) Вятские ГВ. 1888. № 82 (по невыявл. списку); 2) Труды Вятской УАК 1905 г. Вып. III. Вятка, 1905. Отдел III. С. 82—84 (по публ. в Вятских ГВ).
265. 1542 г. мая 14. Данная гр. дворецкого Федора Семеновича Воронцова Покровскому Углицкому м-рю на пустошь, «что была деревня Поляны».
Упом. в описи монастырских архивов 1721 г.: РГАДА. Ф. 248 (Канцелярия Сената). Д. 192. Л. 252 об.
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 435; 2) Антонов А. В. Вотчинные архивы (2). С. 208. № 27.
266. 1542 г. июня 20. Ук. гр. Ивана IV во Владимир городовым приказчикам Василию Сушову и Пашлыку Всеволожскому о соблюдении жалованной грамоты Суздальского Покровского м-ря и невзимании ямских денег, посошной службы и иных пошлин с монастырского с. Дубенки Владимирского у.
Списки: 1) XVI в.: ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Собр. Уварова). Оп. 2. Д. 1. Л. 13; 2) XIX в.: Там же. Д. 21. Л. 16.
Публ.: 1) ОАСУ. Отд. I. № 26. С. 33 (по списку XVI в.); 2) Владимирские ГВ. 1909 г. № 23. 5 июня. Часть неофиц. С. 11. Док. 706 (по ОАСУ).
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 436; 2) Антонов А. В., Маштафаров А. В. Об архиве Покровского м-ря. С. 279. № 24 (рkp. названа «подлинником»).
267. 1542 г. июля. Жал. нес. гр. Ивана IV епископу Рязанскому Ионе на вотчины в Муромском у. и Мещере.
Публ. (в изложении): 1) Воздвиженский Т. Историческое обозрение Рязанской иерархии. С. 45 — 46 (по списку Рязанской духовной консистории); 2) Рязанские достопамятности, собранные арх. Иеронимом. С. 40. § 115.
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 437; 2) Сметанина С. И. Вотчинные архивы. С. 258. № 35.
268. 1542 г. августа 15. Ук. гр. Ивана IV во Владимир ключнику Устину Васильеву сыну Недерюву и в Муром городовым приказчикам Ивану Муромцову и Ивану Хавралеву о возврате арх. Владимирского Рождественского м-ря Ефросиму осадного двора в Муроме.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Муром. № 7/7739.

Публ.: *Кистерев С. Н.* Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 99. № 7 (по подл.).

Кат.: *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (3). С. 190. № 70.

269. 1542 г. сентября — 1543 г. августа. Жал. нес., односторонняя и зап. (от ездовых и незваных гостей) гр. Ивана IV иг. Вологодского Комельского м-ря Арсению на почч. Низовой, Видерково и др. и на двор в Вологде.

Список начала XIX в.: РГАДА. Ф. 197 (А. Ф. Малиновский). Портф. III, № 11.

Публ.: 1) *Амвросий*. ИРИ. Ч. III. С. 286—295 (по невявл. подл.); 2) Прибавления к Вологодским Ев. 1870. Часть неофиц. № 3. С. 104—109 (по публ. Амвросия).

Кат.: ХП. Ч. I. № 438.

270. 1542 г. сентября — 1543 г. августа. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV Саввину Сторожевскому м-рю на м-рские вотчины в Звенигородском у.

Упом. в описях Саввина Сторожевского м-ря: 1) 1661 г.: РГАДА. Ф. 1999. Д. 14. Л. 10 об. (К₂); 2) 1676 г.: Там же. Д. 32. Л. 13 об.; 3) 1681 г.: Там же. Д. 51. Л. 20 (К₂).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—229; 2) *Антонов А. В.* Вотчинный архив Саввина Сторожевского монастыря конца XIV — начала XVII века // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 431. № 42.

271. 1542 г. сентября — 1543 г. августа. Оброч. гр., «по слову» Ивана IV, писца Деревской пятины Новгородского у. Григория Яковлевича Морозова яжелбицким рядовичам Осташу Демидову сыну Кузнецу, Тимохе Лаврентьеву сыну «и всем рядовичем».

Подл. или список XVI в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 238 (Собр. Н.П. Лихачева). Оп. 2. Ч. 10. № 103/3 (без конца: нижний край листа оторван).

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—230.

272. 1542 г. сентября — 1543 г. августа. Оброч. гр. вологодского писца Тимофея Карамышева «с товарищи» Спасо-Каменному м-рю на мельничное место на р. Черной и озерко Токшу в Вологодском у.

Упом. в жал. гр. царя Федора Алексеевича от 12 сентября 1677 г. (публ.: ЛЗАК. 1864 г. Вып. 3. СПб., 1865. Материалы. С. 32—33).

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—231.

273. 1542 г. сентября — 1543 г. августа. Жал. (данная?) гр. Ивана IV князю Андрею Михайловичу Шуйскому на сс. Петровское и

Маслово в Опольском ст. Суздальского у., выкупленные им у Спасо-Евфимьева м-ря.

Упом.: Описная книга Суздальского Спасо-Еуфимьева монастыря 1660 года // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. II. Владимир, 1878. С. 58 (2-й паг.). № 196.

Кат.: *Зимин А. А.* Хронологический перечень. С. 373. № 66.

274. 1542 г. сентября — 1543 г. августа. Ук. (?) гр. Ивана IV Рождественскому Владимирскому м-рю («за печатью, писана на столбце»).

Упом. в переписной книге Рождественского м-ря 1721 г.: РГАДА. Ф. 248 (Канцелярия Сената). Кн. 126. Л. 388 об. (*).

275. 1542 г. сентября — 1543 г. августа. Уставная таможенная гр. Ивана IV Устюжне Железопольской.

Список 1620-х гг.: РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Устюг Великий. Кн. 1. Л. 55 об. — 64 (выписка в составе уставной таможенной гр. царя Бориса Федоровича Устюжне Железопольской от 25 января 1599 г.)¹⁷.

276. 1542 г. сентября 6. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Алексею на сс. Драчово и Протасово с дд. Московского у. и с. Ивановское с дд. Дмитровского у.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 94. Л. 150—151 (*); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 281. Л. 246—246 об.; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 281. Л. 397 об. — 398 об.; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 281. Л. 302 об. — 303 об.

Кат.: ХП. Ч. I. № 439.

277. 1542 г. октября. Ук. гр. Ивана IV на Двину Михалю Григорьеву сыну Косицына и Васюку Степанову сыну Высокого о защите от «сторонних людей» острова Солоткова на Двине, принадлежащего Нечаю и Истоме Петутиным.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Холмогоры. № 2/14386.

Список XVII в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 532. (?)¹⁸

Публ.: 1) АТН. Вып. II. № 12. С. 10 (по списку XVII в.); 2) Сб. ГКЭ. Т. I. № 96. Стб. 97 — 98 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 440.

¹⁷ Выражаю искреннюю признательность О. Е. Кошелевой за предоставление мне фотокопии данного документа.

¹⁸ Данные о списке XVII в., приведенные в публикации М. Дьяконова и повторенные в каталоге С. М. Каштанова (ХП. Ч. I. № 440), не верны: на указанных там листах (Л. 1128—1129) и вообще в рубрике «Холмогоры» Троицкой книги № 532 этой грамоты нет.

278. 1542 г. октября. Жал. нес., зап. (от ездоков) и тарх.-проезжая гр. Ивана IV иг. Николаевского Корельского м-ря Ефрему на дд. и дворы в Двинском у.
Публ.: АИ. Т. I. № 141. С. 204—206 (по невыявл. подл.).
Кат.: ХП. Ч. I. № 441.
279. 1542 г. ноября 9. Ук. гр. Ивана IV в Суздаль городовым приказчикам Нечаю Васильеву сыну Тумского и Пятому Юрьеву сыну Владыкина о ненарушении жал. гр. Суздальского Покровского м-ря и о непривлечении монастырских крестьян к зелейному делу.
Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 19 (Собр. Уварова). Оп. 2. Д. 1. Л. 14.
Список XIX в.: Там же. Д. 21. Л. 17—17 об. (К.).
Публ.: 1) ОАСУ. Отд. I. № 27. С. 33—34 (по подл.); 2) Владимирские ГВ. 1909 г. Часть неофиц. № 23. 5 июня. С. 11. Док. 707 (по ОАСУ).
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 442; 2) Антонов А. В., Маштафаров А. В. Об архиве Покровского м-ря. С. 279. № 25.
280. 1542 г. декабря 1. Жал. нес. и зап. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Алексею на с. Новое Ростовского у.
Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 123.
Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 283. Л. 247 об. — 248 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 283. Л. 400 об. — 402; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 283. Л. 304 об. — 305 об.
Кат.: ХП. Ч. I. № 443.
281. 1542 г. декабря 2. Жал. зап. (от ездоков) и на данного пристава гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Алексею на с. Шухобалово Суздальского у. и сс. Леднево и Кучки Юрьевского у.
Подл.: РГАДА. Ф. 135 (Гос. древлехранилище). Отд. I. Рубр. IV. № 26 (*).
Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 278. Л. 244—244 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 278. Л. 394—394 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 278. Л. 300—300 об.; 4) XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). Кн. 52. Л. 64—64 об. (по новой паг.).
Кат.: ХП. Ч. I. № 444.
282. 1543 г. января 3. Ук. («жалованная») гр. Ивана IV в Нерехотский ст. Костромского у. и в волости о запрете порубок леса в роще с. Тетеринского, принадлежащего Горицкому Переславскому м-рю.
Упом.: 1) в описной книге Успенского Горицкого м-ря 29 сентября 1686 г.: РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 149. Л. 6 (выдержка опубл.: Антонов А. В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV—XVI веков // РД. М.,

2003. Вып. 9. С. 19); 2) в переписной книге переславских м-рей 1701 г.: РГАДА. Ф. 237. Д. 60. Л. 86 (выдержка опубл.: *Шереметев С.* Два упраздненных монастыря. С. 16).

Кат.: 1) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 4; 2) ХП. Ч. I. № 445 (названа «жалованной»); 3) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 54. № 54 (названа «указной»).

283. 1543 г. января 13. Ук. с прочетом гр. рязанского дворецкого Василия Михайловича Тучкова Морозова, «по слову» Ивана IV, в Вологодский у., в дворцовые села на Сяму посельскому Ивану Дубневу о ежегодной даче в Кирилло-Белозерский м-рь 500 четвертей ржи.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археогр. экспедиция). Оп. 1. Д. 679 (*).

Публ.: РИБ. Т. 32. № 150. Стб. 263 — 264 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 446.

284. 1543 г. января 28. Ук. гр. Ивана IV на Двину сотскому Васюку Бачурину и Офоне Андрееву сыну Лукина об отводе леса иг. Антониева Сийского м-ря Антонию.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Двина. № 17/4099.

Публ.: Сб. ГКЭ. Т. I. № 97. Стб. 98 — 100 (по подл.).

285. 1543 г. февраля 2. Ук. с прочетом гр. Ивана IV на Вагу даньщику, в Ледский ст. ключнику Якушу Шарухе и в Ровдинский ст. ключнику Мишуку Трунину о ежегодной даче руги иг. Важского Богословского м-ря Герасиму с братией.

Публ.: ДАИ. Т. I. № 33. С. 34 — 35 (по невыявл. списку конца XVI — начала XVII в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 447.

286. 1543 г. марта 3. Жал. обел.-нес., зап. (от ездоков, незваных гостей и скоморохов) и на данного пристава гр. Ивана IV иг. Московского Богоявленского м-ря Киприану на сс. Княже и Онискино в волл. Раменке и Мешерке Коломенского у. и на д. Чюрилково в Каменском ст. Московского у.

Список 1680-х гг.: РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1517. Л. 16 об. — 19 об.

Публ.: 1) АММС. Ч. I. С. 96—98. № 14 (по списку); 2) АРГ/АММС. № 49. С. 137—138 (по списку).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 448; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 186. № 708.

287. 1543 г. марта 6. Ук. с прочетом гр. Ивана IV на Двину на Матигоры ключникам Онцифору Федорову сыну Либуеву и Ивану Захарову о выдаче милостинного хлеба иг. Феодосию и братии Двинского Михаило-Архангельского м-ря.

- Списки XVII в.: 1) ОР РНБ. Ф. 588 (Собр. Погодина). Оп. 2. Д. 1911. Л. 1—2 об.; 2) Гос. архив Архангельской обл. Ф. 57 (Архангельский м-рь). Оп. 2. Д. 16. Док. 1 (*).
- Кат.: ХП. Ч. III. № 1—232.
288. 1543 г. марта 16. Жал. тарх.-нес. и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV иг. Троицкого Махришского м-ря Ионе на с. Зеленицыно с дд. и почч. в Переславском у.
- Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 124.
- Список: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 300/9370 (К).
- Кат.: ХП. Ч. I. № 449.
289. 1543 г. марта 28. Жал. тарх. (или льгот.?) гр. Ивана IV Суздальскому Покровскому м-рю на монастырские дворы, сс. и дд.
- Упом. в жал. гр. царя Василия Шуйского Покровскому м-рю от 31 августа 1606 г., опубли.: АИ. СПб., 1841. Т. II. № 73. С. 94.
- Кат.: ХП. Ч. III. № 1—233.
290. 1543 г. апреля 1. Жал. данная льготно-оброch. гр. Ивана IV двинянину Федору Микулину сыну Рычкова на солеварные места и рыбные ловли на побережье Белого моря от р. Малой Куи до р. Большой Куи и до Низкого Мошка.
- Списки: 1) XVI в.: ГММК. ОР. Кол. Ризницы Соловецкого м-ря. № 5 (П₂); 2) XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 2. Д. 146. Ч. 2. Л. 743 об. — 745 об. (изложение в составе дозорного списка 1578 г.).
- Публ.: 1) Грамоты промысловым людям Поморья / Подг. Т. А. Тутова // СА. 1979. № 1. С. 45. Док. № 2 (по списку XVI в.); 2) АСЭИ/АСМ. № 94. С. 61—62 (по списку XVI в.).
291. 1543 г. апреля 9. Меновная, «по слову» Ивана IV, рязанского дворецкого Василия Михайловича Тучкова Морозова иг. Кирилло-Белозерского м-ря Афанасию на д. Шелавино в Городском ст. Вологодского у. за д. Оникеево того же у.
- Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Вологда. № 12/2583 (*).
- Списки XVII в.: 1) ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. 1/17. Л. 7; 2) Там же. А. II/47. Л. 336 об. — 337 (*).
- Кат.: Енин Г.П. Описание. № 673.
292. 1543 г. мая 1. Жал. односрочная и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Никандру на сс. Присеки, Сугромное, Люботицы, Никольский погост в Лютницах, с. Княже с дд., с. Матфейцово с дд., сц. Кожино с дд. в Городецком ст. Бежецкого у.
- Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Бежецк. № 98/1202.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 282. Л. 246 об. — 247 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 282. Л. 398 об. — 400; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 282. Л. 303 об. — 304 об.

Публ.: ААЭ. Т. I. № 198. С. 177—178 (по списку кн. 527).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. I. С. 53. № 16; 2) ХП. Ч. I. № 450.

293. 1543 г. мая 9. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Муром городовым приказчикам Ивану Муромцову и Небрату Языкову об отводе арх. Владимирского Рождественского м-ря Ефросину нетягло-го дворового места в Муроме на посаде.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Муром. № 8/7740.

Публ.: 1) *Каштанов С.М.* ИРСИ. Прил. VI. С. 228—229. № 3 (по подл.); 2) *Кистерев С. Н.* Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — начала XVII века // РД. Вып. 6. М., 2000. С. 99—100. № 8 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 451; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (3). С. 190. № 72.

294. 1543 г. мая 30. Жал. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Никандру на данного пристава для охраны монастырских лугов по рр. Костроме и Святице у с. Гнездникова Галицкого у. Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Галич. № 25/3355.

Списки: 1) 60-х гг. XVI в.: Там же. Кн. 637. Л. 419—420 об. (*); 2) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 279. Л. 244 об. — 245; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 279. Л. 394 об. — 396; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 279. Л. 300 об. — 301 об.

Публ. (выдержки): Обзор ГКЭ. Вып. IV. № 629. С. 186 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 452.

295. 1543 г. июня. Жал. кормл. гр. Ивана IV Григорию Петрову сыну Арцыбашева на половину ямского в Новгороде.

Подл.: РГАДА. Ф. 154. Оп. I. Д. 120 (П₂).

Список 1756 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. I. Кн. 450. Л. 722—722 об. (П₂).

Публ.: 1) Записки отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. Т. 7. Вып. 2. СПб., 1907. С. 258 (по подл.); 2) АСЗ. Т. I. № 16. С. 21 (по подл.).

Кат.: 1) *Флоря Б. Н.* Кормленные грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 126. № 15; 2) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 145. № 100; 3) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 118. С. 23.

296. 1543 г. июня 9. Жал. тарх.-нес. двусрочная и зап. (от ездовых) гр. Ивана IV иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Гурию на сс. и дд. Волоцкого, Тверского, Рузского и Дмитровского уу.

Списки XVI в.: 1) РГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский м-рь). Оп. 1. №. 331 (П); 2) Там же. № 332 (П); 3) ОР ГИМ. Кол. свитков Синодального собор. № 1730 (П).

Публ.: АФЗХ. Ч. II. № 171. С. 162—164 (по списку РГАДА № 331).

Кат.: ХП. Ч. I. № 453.

297. 1543 г. августа 29. Жал. тарх.-нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Никандру на дворы в Переславле-Залесском.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 119/8843.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 61. Л. 88—89 об. (*); 2) 1586—1587 гг.: Там же. Кн. 523. Л. 9—11 (*); 3) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 280. Л. 245—246; 4) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 280. Л. 396—397; 5) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 280. Л. 301 об. — 302 об.; 6) XVII в.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 646/9370. Л. 48—49. Гр. 2 (П).

Публ.: *Каштанов С. М.* ИРСИ. Прил. VI. С. 230—232. № 4 (по подл.).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 505. № 1392; 2) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 22. № 195; 3) ХП. Ч. I. № 455.

298. 1543 г. сентября — 1544 г. августа. Оброч. гр. Ивана IV (или писцов) арх. Можайского Лужецкого м-ря Ионе на оз. Топорковское в Можайском у.

Упом. в жал. оброчной гр. Ивана IV арх. Лужецкого м-ря Макарию 1566/67 г.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 160.

Кат.: ХП. Ч. III. № I—234.

299. 1543 г. сентября — 1544 г. августа. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV Галицкому Николаевскому м-рю на вотчины в Галичском у.

Упом. в жал. подтверд. гр. царя Михаила Федоровича от февраля 1622 г.:

РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Галич. № 135/3465 (K₂).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—235; 2) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 162. № 72.

300. 1543 г. сентября — 1544 г. августа. Жал. [поместная] гр. Ивана IV Дею Дмитриеву Гвоздеву сыну Заборовского «с братьею» на дд. Кокино и Лузино в вол. Шестке Тверского у.

Упом. в дозорной кн. Тверского у. 1551 — 1554 гг.: ПМТУ. С. 258.

301. 1543 г. октября 4. Жал. тарх.-нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Никандру на соляные варницы и дворы в Стародубе Рязоловском и Киржаче.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 126 (*).

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 287. Л. 250 об. — 251 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 287. Л. 405 об. — 407; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 287. Л. 308 об. — 309 об.; 4) XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). Кн. 53. Л. 18—19 об.

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 200. С. 178—179 (по списку кн. 527); 2) *Смирнов А. В.* Материалы. Вып. 3. № 375. С. 127—129 (по ААЭ).

Кат.: 1) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 22. № 196; 2) ХП. Ч. I. № 456.

302. 1543 г. октября 5. Жал. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Никандру на безмытную торговлю монастырских крестьян с Нового Ростовского у. в г. Переславле.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Ростов. № 21/10558.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 284. Л. 248 об. — 249;

2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 284. Л. 402—403; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 284. Л. 305 об. — 306 об.

Публ.: 1) АИ. Т. I. № 143. С. 208—209 (по подл.); 2) *Смирнов А. В.* Материалы. Вып. II. № 227. С. 112—113 (по АИ).

Кат.: 1) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 22. № 197; 2) ХП. Ч. I. № 457.

303. 1543 г. октября 18. Ук. гр. Ивана IV губным старостам волл. Выгоозеро, Сума и Нюхча Обонежской пятины с запретом вступаться в судебные дела выгоозерского волостеля Федора Тимофеева сына Зезевитова.

Список 1780-х гг.: РГАДА. Ф. 286. Оп. I. Кн. 241. Л. 230—230 об. (П₂, К).

Публ.: 1) *Юшков.* Акты. № 142. С. 121—122 (по списку 1780-х гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 141. С. 103—104 (по списку 1780-х гг.).

Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1050. С. 136.

304. 1543 г. ноября 2. Жал. льгот. гр. Ивана IV солеварам Семену Федотьеву сыну [Грижнева], Терентию Самойлову сыну и Даниле Кузьмину сыну на две варницы в Унской вол. Двинского у.

Подл.: ГММК. ОР. Кол. Ризницы Соловецкого м-ря. № 6 (П_{1,2}).

Публ.: 1) Род Юрениных. Прил. 3/III. С. 433—434 (по копии начала XX в. со списка, вероятно, XVIII в.); 2) Грамоты промысловым людям Поморья / Подг. Т. А. Тутова // СА. 1979. № 1. С. 46. Док. № 3 (по подл.); 3) АСЭИ/АСМ. № 98. С. 63—64 (по подл.).

305. 1543 г. ноября 2. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Малый Ярославец городовому приказчику Луке Иванову и подьячему Алексею Есипову о запрете привлекать крестьян сс. Троице-Сергиева м-ря Передол и Почап к строительству ямского двора и моста.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Малый Ярославец. № 8/7698.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 285. Л. 249—249 об.;

2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 285. Л. 403 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 285. Л. 306 об. — 307.

Публ.: АТН. Вып. II. № 13. С. 11 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 458.

306. 1543 г. ноября 3. Жал. проезжая с прочетом гр. Ивана IV иг. Святогорского Пантелеймонова м-ря Геннадию на беспрепятственный и беспошлинный проезд монастырских старцев и их людей по территории Русского государства.
Списки: 1) середины XVI в.: ОР РНБ. Q. XVII. № 50. Л. 352—353; 2) начала XIX в.: РГАДА. Ф. 197 (А. Ф. Малиновский). Портф. II. №. 33.
Публ.: 1) АИ. Т. I. № 296. С. 539 (по списку сер. XVI в.); 2) АЮБ. Т. I. № 40. Стб. 127—128 (по списку сер. XVI в.); 3) Россия и греческий мир в XVI веке / Отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2004. Т. I. Дополнения. № 6. С. 350—352 (по списку сер. XVI в.).
Кат.: ХП. Ч. I. № 459.
307. 1543 г. ноября 4. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Звенигород городовому приказчику Ивану Власьеву о запрете звенигородским ямщикам привлекать к ямской повинности, в нарушение жалованной грамоты Троице-Сергиеву м-рю, крестьян м-рского с. Дмитриевского.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Звенигород. № 14/4688.
Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 7. Л. 3—3 об. (*); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 33. Л. 68 об.; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 33. Л. 108; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 33. Л. 78.
Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. III. С. 124. № 479; 2) ХП. Ч. I. № 460.
308. 1543 г. ноября 4. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Кашин городовому приказчику Гриде Лукошкову о ненарушении кашинскими наместниками и их тиунами великокняжеской жалованной несудимой гр. Троице-Сергиеву м-рю на сц. Михайловское и д. Пестово Кашинского у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашин. № 36/6731.
Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 462. Л. 482 (*); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 462. Л. 780—780 об. (*); 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 462. Л. 576—576 об. (*).
Публ.: Сборник документов по истории СССР. Ч. III. С. 150. № 13 (по подл.).
309. 1543 г. ноября 12. Жал. гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря Савве об ограничении двумя неделями в год срока исполнения ямской повинности крестьянами монастырских сел: Картмазовского в Городском ст. Коломенского у., Жданского в Жданском ст. и Коробовского в Терентьеве ст. Московского у.
Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. Московский у. № 62. Л. 239 об. — 240 об. (П).
Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 74. С. 87—88 (по списку XVII в.).

Кат.: 1) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 99; 2) ХП. Ч. I. № 461; 3) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 156. № 525.

310. 1543 г. декабря. Оброч. гр., «по слову» Ивана IV, вологодских писцов Тимофея Андреевича Карамышева и Никиты Козлова сына Милославского иг. Кирилло-Белозерского м-ря Афанасию на черные пущт. Новинка и Колотиха в Городском ст. Вологодского у.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археогр. экспедиция). Оп. 1. Д. 295 (*).

Публ.: 1) АЮ. СПб., 1838. № 168. С. 190 (по подл.); 2) РИБ. Т. 32. № 151. Стб. 264 — 265 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 462.

311. 1543 г. декабря 21. Жал. льгот., на конское пятно и зап. (от гонцов и ямщиков) гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря Савве на владения в Московском, Владимирском, Галичском, Костромском, Переславском, Можайском, Дмитровском, Рузском, Бежецком, Угличском, Ржевском, Вышегородском, Белозерском и Коломенском уу.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. Московский у. № 38. Л. 181 об. — 183 об. (П).

Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 75. С. 88—89 (по списку XVII в.).

Кат.: 1) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 97; 2) ХП. Ч. I. № 463; 3) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 156. № 526.

312. 1544 г. января. Жал. льгот. гр. Ивана IV арх. Солотчинского м-ря Дионисию на запустевшую половину монастырской Григорьевской волости, зап. (от ездовых) и о порядке исполнения городского дела и ямской повинности крестьянами монастырских сс. Чешуева, Новоселок, Михайловой Горы, дд. Дубровок, Китаева, сс. Раменье, Заборье с дд. в Рязанском у.

Подл.: Гос. архив Рязанской обл. Грамоты. Кор. 18. № 2103. Л. 1—2 об. (П).

Список XIX в.: Там же. Ф. 869 (Рязанская ученая архивная комиссия). Оп. 1. Св. 18. № 237. Л. 1—2 об. (П).

Публ.: *Филиппова И. С.* Московские грамоты XVI в. из Государственного архива Рязанской области // История русского языка. Памятники XI — XVIII вв. М., 1982. С. 275 — 278. № 3 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—236; 2) *Сметанина С. И.* Вотчинные архивы. С. 270—271. № 123.

313. 1544 г. марта. Жал. нес., зап. («от проезжих людей») гр. Ивана IV иг. Каргопольского Челменского м-ря Ефрему на всю вотчину, проезжая и ружная.

Список XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 174 (Акты до 1613 г.). Оп. 1. Д. 156.

Кат.: ХП. Ч. I. № 464 (список ошибочно назван «подлинником»).

314. 1544 г. марта 2. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Ивану Васильеву сыну Иевлева с сыновьями Михаилом и Семеном на сц. Курдаки, дд. и почч. в Заупском ст. Тульского у. Списки: 1) 1756 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 450. Л. 289 об. — 290 (П₂, К₂); 2) 1780-х гг.: Там же. Кн. 241. Л. 331 об. — 332 об. (П₂, К₂). Публ.: 1) *Юшков*. Акты. № 143. С. 122—123 (по списку 1780-х гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 153. С. 119—120 (по списку 1756 г.). Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 465; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1095. С. 142.
315. 1544 г. марта 17. Ж. тарх. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Никандру на всю вотчину. Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 49. Л. 64—68 об. (в дате указан только 7052 г., без месяца и числа) (*); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 288. Л. 251 об. — 253; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 288. Л. 407 об. — 411; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 288. Л. 309 об. — 312. Кат.: ХП. Ч. I. № 466.
316. 1544 г. марта 23. Ук. гр. Ивана IV приказчику сел кн. Андрея Шуйского Медведю Клементьеву об отдаче арх. Спасо-Евфимьева м-ря Герману с. Петровского с дд. и почч. в Масловском конце Суздальского у. Список XVIII в.: РГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев м-рь). Оп. 1. Кн. 1. Л. 304—304 об. (П₂). Публ.: 1) ПРП. Вып. IV. С. 107 (по списку XVIII в.); 2) АСЕМ. № 53. С. 124 (по списку XVIII в.). Кат.: *Зимин А. А.* Хронологический перечень. С. 374. № 69.
317. 1544 г. апреля 11. Жал. подтверд. нес. гр. Ивана IV ИстOME Васильеву сыну Сухотина с сыновьями Гришей, Федосом-Сеситом, Третьяком и Миткой на сс. и дд. в Тульском, Боровском и Коломенском уу. Списки: 1) 1686—1688 гг.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 92. Л. 9 (П₂, К₂); 2) 1683 г.: Там же. Ф. 1209. Столбцы по Туле. № 249/37468. Л. 28, 29 (П₂, К₂); 3) 1773 г.: Там же. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 20. Л. 587 об. — 588 (П₂, К₂); 4) 1775 г.: Там же. Кн. 27. Л. 235 об. — 236 (П₂, К₂); 5) 1780-х гг.: Там же. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241. Л. 773—774 (П₂, К₂); 6) 1850-х гг.: Там же. Ф. 210. Оп. 18. Д. 165. Л. 772—774 (П₂, К₂). Публ.: 1) *Юшков*. Акты. № 144. С. 123—124 (по списку 1686—1688 гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 455. С. 335—336 (по списку 1686—1688 гг.). Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 467; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 3110. С. 389.
318. 1544 г. апреля 20. Жал. уставная гр. Ивана IV крестьянам дворового с. Андреевского Звенигородского у.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 102. Л. 114 об. — 116 об. (*); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 102. Л. 180—183 об. (*); 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 102. Л. 134 об. — 136 (*).

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 201. С. 179—181 (по списку кн. 527); 2) НГЗУГ. С. 30—32. № 11 (по ААЭ); 3) Сборник документов по истории СССР. Ч. III. С. 22—24. № 11 (по ААЭ).

319. 1544 г. апреля 27. Жал. подтверд. нес. гр. Ивана IV Михаилу и Суторме Даниловым детям Лаговчина на их поместье сц. Радущье с дд. и почч. в Колоденском ст. Тульского у.

Список 1791 г.: РГАДА. Ф. 394. Кн. 325. Ч. 2. Л. 524—524 об. (П_{1,2}).

Публ.: 1) Лукичев М. П., Назаров В. Д. Документы XVI в. из новых родовых росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования: Сб. статей. М., 1994. С. 109 — 110. № 7 (по списку 1791 г.); 2) АСЗ. Т. III. № 200. С. 166 (по списку 1791 г.).

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 1574. С. 201.

320. 1544 г. мая 15. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Никандру на с. Васильевское с дд. в Иворском ст. Старицкого у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Старица. № 11/11651.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 286. Л. 249 об. — 250 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 286. Л. 404—405 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 286. Л. 307—308.

Кат.: ХП. Ч. I. № 469.

321. 1544 г. июня 7. Жал. зап. гр. Ивана IV Тимофею Замятне Александрову сыну Руготина на роши дд. Петровской, Коледина, Федоровского, Назарьева в вол. Воре и Корзенева Московского у.

Список 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 530, по Москве № 44. Л. 68 об. — 69.

Кат.: ХП. Ч. I. № 470.

322. 1544 г. июня 9. Жал. поместная гр. Ивана IV Дею Дмитриеву сыну Заборовского на сц. Дьяконово с дд. Дубровой, Паймановым, Ушаковым и др. в вол. Шестка Тверского у.

Упом. в Дозорной кн. Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 257.

323. 1544 г. июня 16. Жал. данная и нес. гр. Ивана IV иг. Троицкого Калязина м-ря Ионе на с. Городище, 28 дд. и две пустт. в Нерехотском ст. Кашинского у.

Списки: 1) XVI в.: РГАДА. Ф. 1193 (Троицкий Калязин м-рь). Оп. I. Д. I. Л. 127¹⁹; 2) XVIII в.: Там же. Д. 4. Л. 162—162 об. (П₂).

¹⁹ А. В. Антонов (Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церковей. С. 185. № 168) называет рукопись «подлинником», не приводя для

Публ.: 1) Сборник Муханова. М., 1836 (2-е изд. — М., 1866). № 129. С. 200—201 (по подл. (?), с датой 10 июня); 2) АТКМ. М.; СПб., 2007. № 102. С. 102—103 (по списку XVI в.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 471; 2) Антонов А. В. Вотчинные архивы (2). С. 185. № 168.

324. 1544 г. июля 2. Жал. зап. гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря Трифону на рощи и поросняги в Московском, Коломенском, Рузском, Можайском, Дмитровском, Переславском и Владимирском уу.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. Московский у. № 37. Л. 180—181 (П).

Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 79. С. 92—93 (по списку XVII в.).

Кат.: 1) Попов Н. Собрание рукописей. С. 97; 2) ХП. Ч. I. № 472; 3) Антонов А. В. Вотчинные архивы (1). С. 156—157. № 527.

325. 1544 г. июля 8. Жал. льгот. и нес. гр. Ивана IV арх. Новоспаского м-ря Нифонту на сс., дл., слободку и дворы в Московском, Дмитровском, Переславском, Костромском, Бежецком и Владимирском уу.

Списки: 1) 1677 г.: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Москве. № 342/32785. Л. 6/н (П); 2) ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). Кн. 52. Л. 52—53 об. (П).

Публ.: АРГ/АММС. № 99. С. 235—236 (по списку 1677 г.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 473; 2) Антонов А. В. Вотчинные архивы (1). С. 202. № 819.

326. 1544 г. июля 14. Жал. нес. гр. Ивана IV арх. Великоустюжского Михаило-Архангельского м-ря.

Упом. в описи Великоустюжского Михаило-Архангельского м-ря 1750 г.: Шляпин В. П. Акты Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря. Ч. II. Великий Устюг, 1913. С. 286. № 18.

Кат.: ХП. Ч. III. № I—239.

327. 1544 г. августа 1. Жал. данная и нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Никандру на Хотьковский Покровский м-рь и его вотчины в Радонежском у.

Списки: 1) 1586—1587 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 520. Л. 15—17 (К);

2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 289. Л. 253—254; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528.

этого оснований. Того же мнения придерживаются новейшие издатели «Актов Троицкого Калязина монастыря» С. Н. Кистерев и Л. А. Тимошина (АТКМ. С. 103). В настоящее время печати на грамоте нет (отрезана вместе с нижней частью листа?). Оборот подклеен при реставрации бумагой, поэтому никаких помет на обороте не видно. С. М. Каштанов считает эту рукопись списком XVI в. (ХП. Ч. I. № 471. С. 362).

№ 289. Л. 411—412 об.; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 289. Л. 312—313.

Кат.: ХП. Ч. I. № 474.

328. 1544 г. сентября 1. Жал. нес. и односрочная гр. Ивана IV строителю Троицкой Иониной пустыни Ионе на земли в Романовском и Пошехонском уу.

Список XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 475—477.

Кат.: ХП. Ч. III. № I—240.

329. 1544 г. сентября — 1545 г. августа. Ук. (?) гр. Ивана IV о ненарушении жалованных грамот Чудова м-ря и невзимании кормов с крестьян монастырских вотчин.

Упом. в описи Чудова м-ря 1755 г.: ОР РГБ. Ф. 204 (ОИДР. Акты). Карт. 35. Д. 6. Л. 41. № 517 (названа «жалованной», но упоминание черной печати позволяет скорее определить гр. как указную).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—242; 2) Антонов А. В. Вотчинные архивы (I). С. 97. № 132.

330. 1544 г. сентября — 1545 г. августа. Жал. гр. Ивана IV бортникам на лесные угодья.

Упом.: Описная книга Спасо-Еуфимьева монастыря 1660 года // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. II. Владимир, 1878. С. 67 (2-й паг.). № 7.

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—243; 2) Зимин А. А. Хронологический перечень. С. 374. № 70.

331. 1544 г. сентября 5. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Ивану, Пешку и Ивану (Меньшому) Ивановым детям Матюшкина на дд. Терехово, Новую, Петрухово, Картому, Кузмицыно и пуст. Лисино в вол. Жары Ярославского у.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 136 (Собр. Уварова). Оп. 1. Д. 1.

Список 1799 г.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 2441. Л. 10 (П₂).

Публ.: 1) ДАИ. Т. I. № 36. С. 38 (по подл.); 2) АСЗ. Т. III. № 244. С. 199—200 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 475; 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 1939. С. 246.

332. 1544 г. октября 17. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Рузу Василию Григорьеву сыну Слизнева, в Звенигород подьячему Шишелку, в с. Веземы [Звенигородского у.] Семену Малому и Михаилу Григорьеву, на Озерецкий ям Ивану Черту и на Полгу подьячему Четвертаку о ненарушении жалованной грамоты Саввину Сторожевскому м-рю и непривлечении монастырских крестьян к «деланию» ямских дворов.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археогр. экспедиция). Оп. 1. Д. 680.

Публ.: РИБ. Т. 32. № 153. Стб. 268 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 476; 2) *Антонов А. В.* Вотчинный архив Саввина Сторожевского монастыря конца XIV — начала XVII века // РД. М., 2003. Вып. 9.. С. 432. № 44.

333. 1544 г. декабря. Жал. данная и нес. гр. Ивана IV протопопу [Московского Успенского собора] Михаилу на Федоровскую половину Ржевской десятины.

Упом. в жал. гр. Ивана IV от 30 сентября 1564 г. митрополиту Афанасию, содержание которой изложено в жал. подтверд. гр. царя Михаила Федоровича патриарху Филарету от декабря 1619 г., см.: АФЗХ. Ч. III. № 58. С. 98.

Кат.: ХП. Ч. III. № I—244.

334. 1544 г. декабря 29. Жал. подтверд. гр. Ивана IV иг. Спасской Леонидовой пустыни Леонтию на вотчины в Режской вол. Тотемского у.

Упом. в описи архива Николо-Угрешского м-ря 1763 г.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 313. Л. 17 об. (К).

Кат.: *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 212. № 876.

335. 1545 г. января 6. Жал. данная оброч. гр. Ивана IV Семену Федотову сыну [Грижнева] на запустевшую варницу Ивана Лентьева у Большого колодца в вол. Уне.

Подл.: ГММК. ОР. Кол. Ризницы Соловецкого м-ря. № 7 (П_{1,2}).

Публ.: 1) Род Юреневых. Прил. 3/IV. С. 434 — 435 (по копии начала XX в. со списка, вероятно, XVIII в.); 2) Грамоты промысловым людям Поморья / Подг. Т. А. Тутова // СА. 1979. № 1. С. 46—47. Док. № 4 (по подл.); 3) АСЭИ/АСМ. № 110. С. 69 (по подл.).

336. 1545 г. января 12. Жал. подтверд. нес. гр. Ивана IV Дмитрию Ивановичу Ярославову на половину сц. Нестерова с дд. и почч. в вол. Черемхе Ярославского у.

Список 1807 г. (со списка 1680-х гг.): Центр. гос. исторический архив г. Москвы. Ф. 4. Оп. 17. Д. 234. Л. 2 (П₂).

Публ.: 1) *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Вып. 8. Ч. I. Ярославль. Б. г. С. 100 (по невыявл. списку); 2) АСЗ. Т. I. № 313. С. 303—304 (по списку 1807 г.).

Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 3697. С. 462.

337. 1545 г. января 26. Жал. зап. и на данного пристава гр. Ивана IV иг. Никольского Угрешского м-ря Зиновию на рощи сс. и дд. в Московском, Коломенском, Переславском и Костромском уу.

Публ. (по невыявл. спискам XVIII в.): 1) *Горицкий Я.* Угреша. Воспоминания об Угрешской Николаевской пустыни. М., 1862. С. 50—52. № 1;

2) *Титов В.* Списки с жалованных грамот Николаевскому Угрешскому монастырю // ЛЗАК. Вып. 5. СПб., 1871. Отд. II. С. 1—3. № 1; 3) *[Благово Д. Д.]* Историческое описание Николо-Угрешского монастыря. М., 1872. С. 17—18.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 477; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 212. № 877.

338. 1545 (или 1542?) г.²⁰ февраля. Жал. нес., зап. (от «проезжих людей») и тарх.-проезжая гр. Ивана IV иг. Двинского Михайло-Архангельского м-ря Феодосию на дд. в Двинском у. и дворя в Холмогорах, Неноксе и Уне.

Списки: 1) конца XVI в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 174 (Акты до 1613 г.). Оп. 1. Д. 161; 2) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 588 (Собр. Погодина). Оп. 2. Д. 1911. Л. 38—42 об.; 3) XVIII в.: ОР ГИМ. Собр. Черткова. № 183. Л. 22 об. — 25 (К); 4) начала XIX в.: РГАДА. Ф. 197 (А. Ф. Малиновский). Портф. III. № 10 (К).

Кат.: ХП. Ч. I. № 478; ХП. Ч. III. № 1—245.

339. 1545 г. февраля. Жал. зап. гр. Ивана IV арх. Чудова м-ря Михайлу на монастырский лес.

Упом. в описи Чудова м-ря 1755 г.: ОР РГБ. Ф. 204 (ОИДР. Акты). Карт. 35. Д. 6. Л. 48 об., № 63.

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—246; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 97. № 135.

340. 1545 г. февраля 1. Ук. с прочетом гр. рязанского дворецкого Василия Михайловича Тучкова Морозова, «по слову» Ивана IV, посельскому Григорию Федотову в дворцовые села на Сяму (Вологодский у.) о ежегодной даче в Кирилло-Белозерский м-рь 500 четвертей ржи.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археогр. экспедиция). Оп. 1. Д. 681 (*). Список XVII в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^a. Л. 719—719 об. Упом.: РИБ. Т. 32. № 155. Стб. 269 (подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 479; 2) *Енин Г. П.* Описание. № 1917.

341. 1545 г. февраля 4. Ук. с прочетом гр. Ивана IV на Белоозеро городовым приказчиком Мясоеду Вислово и Тебенку Михайлову о месте выполнения ямской повинности крестьянами Кирилло-Белозерского м-ря.

Подл.: РГАДА. Ф. 1441 (Кирилло-Белозерский м-рь). Оп. 5. Д. 1 (*).

Список XVII в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^a. Л. 742—743 об.

²⁰ В самом раннем сохранившемся списке (конца XVI в.) грамота имеет дату «лета 7053 февраля»; в остальных списках (XVII — начала XIX в.) указан 7050 г.

Публ.: *Зимин А. А.* Новые документы. С. 346—347. № 3 (по списку XVII в.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 480; 2) *Енин Г. П.* Описание. № 1930.

342. 1545 г. февраля 6. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Антониева Сийского м-ря Антонию на дд., почч., слободки и дворы в Холмогорах, в волл. Уне и Неноксе Двинского у.

Списки: 1) конца XVI в.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Двина. № 27/4109; 2) XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Ф. 5 (Антониев Сийский м-рь). Оп. 1. Д. 227^a (*).

Публ.: Сб. ГКЭ. Т. I. № 109. Стб. 110—112 (по списку конца XVI в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 481 (с ошибочной датой «5 февраля», список XVI в. ошибочно назван подлинником).

343. 1545 г. марта. Жал. кормл. гр. Ивана IV Андрею Тимофееву сыну Окунева на половину писчего в Руссе под Михаилом Ступишиным.

Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 509. Д. 1 (П₂).

Список 1755 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 432. Л. 219 (П₂).

Публ.: 1) *Ласковский В. П., Лашков Н. А.* Краткое описание Новгородского музея. Новгород, 1893. С. 78—79 (по подл.); 2) АСЗ. Т. I. № 201. С. 169 (по подл.).

Кат.: 1) *Флоря Б. Н.* Кормленные грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 126. № 16; 2) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 146. № 101; 3) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 2330. С. 293.

344. 1545 г. марта. Жал. гр. Ивана IV иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Гурию с запретом городovým приказчикам и московским «присыльникам» въезжать в монастырские села в Волоцком, Клинском и Ржевском уу.

Список XVI в.: ОР ГИМ. Патр. собр. № 1731 (П).

Публ.: АФЗХ. Ч. II. № 184. С. 186—187 (по списку XVI в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 482.

345. 1545 г. марта. Ук. с прочетом гр. Ивана IV на Вокшерский ям ямщикам Корзле и Степану Андреевым об исполнении ямской повинности крестьянами принадлежащих Спасо-Ярославскому м-рю сщц. Борисоглебского и Ильинского с дд. (в Ильинском ст. и Малахове слободке Романовского у.) не на Вокшерском яму, а на более близком Романовском яму.

Список XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 127—127 об.

Публ.: ИАЯСМ. № XIII. С. 13—14 (по другому списку XVIII в.).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—247; 2) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 92. № 64.

346. 1545 г. марта 12. Жал. оброч., нес. и проезжая гр. Ивана IV слободчику Ивану Дмитриеву сыну Ноугородцева на пески, рыбные ловли, болота и соколиные садбища по рр. Печоре, Цильме, Ижме и Пижме.

Список XVII в.: РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). 1628 г. Д. 63. Л. 58—60.

Публ.: Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. СПб., 1853. Ч. II. С. 139—140 (по невыявл. списку XVIII в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 483 (с датой «1545 г. марта»: число месяца опущено).

347. 1545 г. марта 15. Жал. тарх.-проезжая гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Никандру на провоз по всем уездам монастырского запаса.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 128 (*).

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 290. Л. 254—254 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 290. Л. 412 об. — 414; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 290. Л. 313—314.

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 203. С. 181—182 (по списку троицкой кн. 527); 2) Сборник документов по истории СССР. Ч. III. С. 24—25. № 12 (по публ. в ААЭ).

Кат.: ХП. Ч. I. № 484.

348. 1545 г. апреля 15. Жал. нес. и оброч. гр. Ивана IV канинским и тиунским ненцам («самоедам») на рыбные ловли и звериные ухояи.

Публ.: ААЭ. Т. I. № 204. С. 182—184 (по невыявл. подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 485.

349. 1545 г. апреля 15. Жал. льгот. гр. Ивана IV иг. Спасо-Каменного м-ря Пимену на сс. Пучка, Борисово, Воскресенское, Лебзово и Криушево, сщц. Воздвиженское и Дуравино с дд. Вологодского у.

Списки: 1) XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 238. Карт. 102. № 1. Л. 7—8 (*); 2) XIX в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Ф. I. 788. Л. 129—129 об. (*); 3) XIX в.: Там же. Л. 135—136 (*).

Публ.: 1) ЛЗАК. Вып. III. СПб., 1865. Отд. II. Материалы. С. 23—24 (по невыявл. списку XVIII в.); 2) Прибавления к Вологодским Ев. 1871. Часть неофиц. № 3. С. 91—92 (по публ. в ЛЗАК).

Кат.: ХП. Ч. I. № 486.

350. 1545 г. мая. Жал. льгот. и нес. гр. Ивана IV иг. Корельского Никольского м-ря Ефрему на соляные варницы в Двинском присуде.

Публ.: АИ. Т. I. № 144. С. 209—210 (по невыявл. списку).

Кат.: ХП. Ч. I. № 487.

351. 1545 г. мая 1. Жал. льгот. и зап. (от ездовых) гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря Трифону на половину торгового колодезя, 2 варницы, сц. Борисовское с дд. Галицкого у., сц. Демьяново, дд. Попадьино, Красниково и др. Костромского у., с. Еленкино Муромского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Галич. № 26/3356.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. По Галичу. № 6. Л. 673—674 (П₁).

Публ.: 1) [Иванов П.] Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма разных периодов времени. М., 1844. С. 20—21; Л. 38 (по подл., без окончания); 2) АФЗХ/АМСМ. № 80. С. 93—94 (по подл.).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 177. № 582; 2) ХП. Ч. I. № 488; 3) Антонов А. В. Вотчинные архивы (1). С. 157. № 528.

352. 1545 г. мая 24. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Ивану Третьякову сыну Иванова Котенина на д. Литвиновское в Чухломской вол., дд. Желнинское, Ивашковское и 12 почч. в Заболоцкой вол. Галичского у.

Списки: 1) 1796 г.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 7838. Л. 7 об. — 8; 2) 1780—1790-х гг.: Гос. архив Костромской обл. Ф. 620. Оп. 1. Д. 6. № 6 (ныне ркл. находится в РГБ) (П).

Публ.: АСЗ. Т. I. № 125. С. 99 (по списку 1796 г.).

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 1474. С. 188.

353. 1545 г. мая 25. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Михаилу Васильевичу Вер(х)деревскому на с. Озерецкое в Перевицком ст. Рязанского у.

Списки: 1) 1686 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 160. Л. 12 (П₁, К₁); 2) 1850-х гг.: Там же. Д. 164. Л. 26 об. — 27 об. (П₂, К₂).

Публ.: 1) Юшков. Акты. № 145. С. 124—125 (по списку 1686 г.); 2) АСЗ. Т. IV. № 83. С. 64—65 (по списку 1686 г.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 489; 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 509. С. 70.

354. 1545 г. июня 15. Ук. гр. Ивана IV Ивану Тимофееву сыну Щелепину и подьячему Федору Фатьянову об обыске и суде по тяжбе слуги Троице-Сергиева м-ря Юшка Кочюрова и крестьянина Сенки Понарина с приказчиками и крестьянами помещиков Чулковых о спорной земле у с. Присеки в Бежецком у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Бежецк. № 104/1208.

Публ.: АГР. Т. I. № 58. С. 110—111 (по подл.).

Кат.: Обзор ГКЭ. Вып. I. С. 65—66. № 4.

355. 1545 г. августа. Жал. проезжая гр. Ивана IV иг. Спасо-Каменного м-ря Пимену на проезд монастырского судна до Двины и обратно.
Списки: 1) XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 238 (Н. П. Лихачева). Оп. 2. Карт. 102. № 1. Л. 9—10; 2) XIX в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Ф. I. 788. № 14. Л. 136—137.
Кат.: ХП. Ч. I. № 490.
356. 1545 г. августа 22. Ук. гр. Ивана IV в Нижний Новгород тиуну Гордею Брейцыну и городовому приказчику Василию Жедринскому о проведении обыска и суда по тяжбе арх. Нижегородского Печерского м-ря Тихона с арх. Симонова м-ря Трифоном о спорных водах.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Нижний Новгород. № 10/7951.
Публ.: 1) *Кабанов А. К.* Материалы. № 11. С. 15 (по подл.); 2) АФЗХ/АМСМ. № 81. С. 94 (по подл.).
Кат.: *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Вотчинные архивы. С. 426. № 42.
357. 1545 г. сентября — 1546 г. августа. Жал. нес. гр. Ивана IV Вологодскому Спасо-Прилуцкому м-рю на с. Глубокое.
Упом.: 1) в описи Спасо-Прилуцкого м-ря 1 сентября 1638 г.: РИБ. Т. 35. № 470. Стб. 965; 2) в описи того же м-ря октября 1654 г.: ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 44. Л. 82 (*).
358. 1545 г. сентября — 1546 г. августа. Жал. тарх.-нес., односрочная и тарх.-проезжая гр. Ивана IV Вычегодскому Спасо-Преображенскому м-рю на дикий лес по р. Сойге.
Список XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1923. Л. 65—67 об.
Кат.: ХП. Ч. III. № 1—249.
359. 1545 г. сентября — 1546 г. августа. Жал. (?) гр. Ивана IV Кирилло-Белозерскому м-рю на Шубацкие деревни за Белоозером.
Упом. в копийной книге Кирилло-Белозерского м-ря XVII в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^a. Л. 674.
Кат.: ХП. Ч. III. № 1—250.
360. 1545 г. сентября — 1546 г. августа. Жал. нес. гр. Ивана IV Кирилло-Белозерскому м-рю на Егорьевскую Надпорожскую пустынь.
Упом. в копийной книге Кирилло-Белозерского м-ря XVII в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^a. Л. 700.
Кат.: ХП. Ч. III. № 1—251.
361. 1545 г. сентября — 1546 г. августа. Жал. данная и обельная гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на 12 дд. и пуст. в Ортемьевском ст. Переславского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 137/8861.

Списки: 1) XVI в.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 139/8863; 2) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. Л. 73 об. — 76; 3) 1586—1587 гг.: Там же. Кн. 523. Л. 30—34 об.; 4) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 291. Л. 255—256; 5) 1641 г.: Там же. № 432. Л. 460—461 об.; 6) XVII в.: Там же. Кн. 528. № 291. Л. 414—416; 7) XVII в.: Там же. № 432. Л. 743—745; 8) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 291. Л. 314—316; 9) 80-х гг. XVII в.: Там же. № 432. Л. 552 об. — 554 об.; 10) XVII в.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 9370/88 (К₂); 11) XVIII в.: РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Кн. 763. Л. 113—114 (К₂).

Публ.: *Токмаков*. С. 95—97 (по списку XVIII в. из кн. 763).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 463. № 1281; 2) ХП. Ч. I. № 491.

362. 1545 г. сентября — 1546 г. августа. Ук. с прочетом (?) гр. Ивана IV кашинским белгородским ямщикам Карпу Тормосову и Ивану Позднякову об освобождении крестьян Троицкого Калязина м-ря от подводной повинности.

Упом. в описях Троицкого Калязина м-ря: 1) 1701 г.: РГАДА. Ф. 237. Д. 24. Л. 116 (К); 2) 1726 г.: Там же. Ф. 1193. Кн. 4. Л. 463 (К).

Кат.: *Антонов А.В.* Вотчинные архивы (2). С. 185. № 171.

363. 1545 г. сентября — 1546 г. августа. Ук. гр. Ивана IV в Руссу наместникам кн. Ивану Юрьевичу Ромодановскому и кн. Юрию Андреевичу Оболенскому о неукоснительной уплате мытных пошлин торговыми людьми курскому наместнику Никите Федорову сыну Карамышева.

Списки: 1) 1686—1688 гг.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 93. Л. 14, 15 (П₂); 2) 1850-х гг.: Там же. № 165. Л. 539 об. — 540 об. (П₂).

Публ.: 1) *Юшков*. Акты. № 148. С. 127 (по списку 1686 — 1688 гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 167. С. 128 (по списку 1686 — 1688 гг.).

Кат.: *Антонов*. Частные архивы. № 1178. С. 151—152.

364. 1545 г. октября 16. Жал. нес. гр. Ивана IV Василию и Ивану Ивановым детям Карандашева на дд. Ваганово, Круглышово, Вислоухово и Дор, почч. Косоногов, Подара и Лабос в Тушебине ст., волл. Каликинской, Бушневе и Глазунове Галичского у. Список 1780-х гг.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241. Л. 717 об. — 718 об. (П₂, К₂).

Публ.: 1) *Юшков*. Акты. № 146. С. 125—126 (по списку 1780-х гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 418. С. 309—310 (по списку 1780-х гг.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 492; 2) *Антонов А.В.* Частные архивы. № 2880. С. 361.

365. 1545 г. ноября 9. Жал. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе об освобождении монастырских вотчин от поставки запасов для казанского похода.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 292. Л. 256—257 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 292. Л. 416 об. — 419 об. (с датой 19 ноября); 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 292. Л. 316—318.

Кат.: ХП. Ч. I. № 493.

366. 1545 г. ноября 20. Ук. с прочетом (?) гр. Ивана IV во Владимир городовым приказчикам Василию Сушову и Роману Языкову о невзимании «ямских денег и всяких податей» с вотчин Суздальского Покровского м-ря во Владимирском у.

Упом. в описи Покровского м-ря 1767 г.: ГАВЛО. Ф. 575. Оп. 1. № 421. Л. 19 об. (К)

Кат.: Антонов А. В., Маштафаров А. В. Об архиве Покровского м-ря. С. 280. № 28.

367. 1545 г. декабря 20. Жал. обел.-нес., односрочная и зап. (от незванных гостей и ездоков) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на два села Давыдовских Московского у., с. Тиманово Дмитровского у. и с. Никитское Клинского у.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. Л. 26—29; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 294. Л. 259—260 об.; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 294. Л. 421 об. — 424 об.; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 294. Л. 320—322.

Кат.: ХП. Ч. I. № 494.

368. 1545 г. декабря 23. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Переславль-Залесский подьячему Васюку Константинову о запрете, в нарушение жал. грамоты Данилову м-рю, наряжать монастырских крестьян сс. Борисовского, Будовского, Воргуши и Троицкого стоять с подводами на Переславском яму.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 136/8860.

Список XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Д. 45. Л. 141 об.

Публ. (выдержки): Обзор ГКЭ. Вып. IV. № 1303. С. 474 (по подл.).

Кат.: 1) Смирнов М. И. Указатель. С. 23. № 210; 2) ХП. Ч. I. № 495; 3) Антонов А. В. Перечни актов. С. 63. № 123.

369. 1546 г. января 12. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Григорию Иванову сыну Жедринского на одну треть сц. Фроловского и оброчную д. Кучино в вол. Стрелице Нижегородского у.

Публ.: 1) АЮБ. Т. I. № 44/I. Стб. 139—140 (по невыявл. подл.); 2) АСЗ. Т. III. № 122. С. 105 (по публ. в АЮБ).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 496; 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 994. С. 129.

370. 1546 г. января 21. Жал. поместная гр. Ивана IV кн. Андрею Иванову сыну Елецкого на сц. Хриповское с дд. на рч. Жабне в вол. Хорвач Тверского у.

Упом. в дозорной кн. Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 248.

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 937. С. 122.

371. 1546 г. января 26. Жал. полетная гр. Ивана IV Пелагее Глебовой дочери, вдове Карпа Клишкова с сыновьями Степанком, Миткой и Ивашкой на выплату долгов в течение 5 лет без роста.

Список 1686 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 36. Л. 3 (П₂, К).

Публ.: 1) Юшков. Акты. № 149. С. 128 (по списку 1686 г.); 2) АСЗ. Т. IV. № 188. С. 143 (по списку 1686 г.).

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 1269. С. 163.

372. 1546 г. января 29. Жал. нес. гр. Ивана IV Михаилу Ильину сыну Гиневлева на сц. Дьяконово, 16 дд. и 8 почч. в Троицкой трети Костромского у.

Списки: 1) 1686 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 118. Л. 3 (П₂, К₂); 2) 1850-х гг.: Там же. Д. 165. Л. 108—110 об. (П₂, К₂).

Публ.: 1) Юшков. Акты. № 150. С. 129—130 (по списку 1686 г.); 2) АСЗ. Т. IV. № 98. С. 73—74 (по списку 1686 г.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 497; 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 648. С. 88.

373. 1546 г. января 29. Оброчная гр., «по слову» Ивана IV, дьяков Постника Губина и Одинца Никифорова иг. Павлова Обнорского м-ря Протасию на поч. и займища в Комельской вол. Вологодского у.

Список конца XVII в.: Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник. № Р-169. Л. 137—138 (П).

Публ.: Каштанов С. М. ИРСИ. Прил. III. С. 153—154. № 11 (по списку конца XVII в.).

Кат.: ХП. Ч. III. № I—253.

374. 1546 г. февраля. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Никольского Новгородского м-ря Васьяну на владения в Бежецкой пятине Новгородского у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. I. Д. 129.

Кат.: ХП. Ч. I. № 498.

375. 1546 г. февраля 9. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Семену и Григорию Ивановым детям Голостеновым на дд. Беклово и другое Беклово с почч. в вол. Рясне Ржевского у. Список XVIII в.: ОР РГБ. Ф. 218 (Собр. Отдела рукописей). Карт. 916. Д. 41. Л. 1. Док. № 2.

Публ.: АСЗ. Т. I. № 54. С. 47—48 (по списку XVIII в.).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—254 (с ошибочной датой 5 февраля); 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 720. С. 96.

376. 1546 г. февраля 10. Жал. обел.-нес. и зап. (от незваных гостей и ездоков) гр. Ивана IV иг. Ферапонтова м-ря Гурию на сц. Ефимьевское с дд. в Костромском у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кострома. № 42/5009.
Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 191—192. № 658; 2) ХП. Ч. I. № 499.
377. 1546 г. февраля 11. Жал. нес. и зап. (от незваных гостей и ездоков) гр. Ивана IV иг. Павлова Обнорского м-ря Протасию на дд. и почч. в Вологодском, Костромском и Белозерском уу.
Список конца XVII в.: Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник. № Р-169. Л. 34 об. — 39 об. (П).
Публ.: *Кашианов С. М.* ИРСИ. Прил. III. С. 154—157. № 12 (по списку конца XVII в.).
Кат.: ХП. Ч. III. № 1—255.
378. 1546 г. февраля 15. Жал. гр. Ивана IV Пречистенскому м-рю на оз. Вепре (Вепревой пустыни) на д. Дертники с пустт. в Ко-нюцком ст. Переславского у.
Упом. в переписной кн. переславских м-рей 1701 г.: РГАДА. Ф. 237. Д. 60. Л. 423 об. (К₃).
Кат.: 1) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 38. № 437 (со ссылкой на подл., хранившийся в Петроградском археологическом институте); 2) ХП. Ч. I. № 500; 3) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 63. № 124.
379. 1546 г. февраля 15. Жал. тарх.-проезжая гр. Ивана IV иг. Кирилло-Белозерского м-ря Афанасию на покупку, провоз и продажу беспошлинно 10 тыс. пудов соли (сверх ранее данного разрешения на 10 тыс. пудов).
Списки: 1) XVI в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 153 (Собр. Шегрена). Оп. 1. Д. 4; 2) XVI в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 174 (Акты до 1613 г.). Оп. 1. Д. 165 (*); 3) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (СПб. ДА). А. II/47. Л. 73—76 об. (*).
Кат.: ХП. Ч. I. № 501 (список из собр. Шегрена ошибочно назван подл.).
380. 1546 г. февраля 15. Жал. льгот. гр. Ивана IV иг. Антониева Сийского м-ря Антонию на соляные варницы на Лисе-острове [на Двине].
Подл.: Архив СПб. ИИ. Ф. 5 (Антониев Сийский м-рь). Оп. 1. Д. 236 (*).
Публ.: *Макарий.* Исторические сведения об Антониеве Сийском монастыре // ЧОИДР. 1878. Кн. 3. С. 28—29 (по подл., с пропусками).
Кат.: ХП. Ч. I. № 502.
381. 1546 г. февраля 21. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Троицкого Белопесоцкого м-ря Сергею на почч. Денисов и Софронов в Мстиславской вол. Каширского у. и почч. Горяинка Пономарева и Верешкин в Тульском у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашира. № 6/5768 (*).

Список 1683—1685 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 535. Л. 629 об. — 631.

Кат.: ХП. Ч. III. № I—256.

382. 1546 г. февраля 26. Ук. гр. Ивана IV на Тотьму ямщикам Истоме Федорову сыну Острякова и Остане Константинову сыну об освобождении крестьян Устьянской, Чадромской и Заячерецкой волл. от стояния с подводами на Тотемском яме.

Список 1640-х гг.: РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 2. 1649 г. № 31. Л. 67—69²¹.

383. 1546 г. февраля 27. Жал. нес. гр. Василию и Михаилу Григорьевым детям Слизнева на д. Белкино в Городском ст. Звенигородского у.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 292.

Публ.: РИБ. Т. 32. № 156. Стб. 269—271 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 503; 2) Антонов А. В. Вотчинный архив Саввина Сторожевского монастыря конца XIV — начала XVII века // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 432. № 46.

384. 1546 г. марта. Ук. гр. Ивана IV на Вятку наместнику Верхне-Слободского городка кн. Данилу Даниловичу Ухтомскому о взыскании убытков в пользу слобожан Слободского городка с крестьян Шестаковского городка, три года уклонявшихся от земских разрубов.

Публ.: 1) Вятские ГВ. 1895. № 87. Часть неофиц. С. 2 (по списку, с неверной датой 1542 г.);

2) Труды Вятской УАК 1905 г. Вып. III. Вятка, 1905. Отдел III. С. 87—89 (по публ. в Вятских ГВ, с исправлением даты на 1546 г.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 504.

385. 1546 г. марта 4. Жал. нес. гр. Ивана IV Нечаю Петрову сыну Бирилева на дд. Воронино и Высокое в Устюжне Железопольской Угличского у.

Список 1790-х гг.: Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 4. Оп. 17. Д. 197. Л. 29—30 (П).

Публ.: АСЗ. Т. I. № 26. С. 28 (по списку 1790-х гг.).

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 303. С. 46.

386. 1546 г. марта 20. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Елизару Третьякову сыну Котенина на сц. Титово Займище с почч. в Заболоцкой вол. и поч. Озерный в Глазуновской вол. Галичского у.

²¹ Фотокопия этого документа предоставлена мне О. Е. Кошелевой, которой я выражаю искреннюю признательность.

Список 1796 г.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 7838. Л. 9 об.

Публ.: АСЗ. Т. I. № 126. С. 100 (по списку 1796 г.).

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 1475. С. 188—189.

387. 1546 г. марта 20. Ук. с прочетом гр. Ивана IV на Углич ямщику Вопчему Иванову «с товарищи» о непринуждении крестьян с. Кабанова Кирилло-Белозерского м-ря к исполнению подводной повинности.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 682 (*).

Списки: 1) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (СПб. ДА). А. 1/17. Л. 457—457 об.;

2) XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 32. Л. 133 об. — 134 (*).

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 206/I. С. 195 (по подл.); 2) РИБ. Т. 32. № 157. Стб. 271—273 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 505; 2) Енин Г. П. Описание. № 891.

388. 1546 г. марта 22. Ук. с прочетом гр. Ивана IV белозерским и арбужевским ямщикам о непринуждении крестьян сс. Кирилло-Белозерского м-ря Кивуя, Вашкея и Бабинского к исполнению подводной повинности.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 683 (*).

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 206/II. С. 195—196 (по подл.); 2) РИБ. Т. 32. № 158. Стб. 273—274 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 506.

389. 1546 г. марта 26. Жал. уставная гр. Ивана IV крестьянам и присельчанам Антропьевской слободки на р. Лузе в Устюжском у. Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 117 (Кол. П. И. Савваитова). Оп. 1. Д. 4 (*).

Публ.: АИ. Т. I. № 299. С. 544—545 (по подл.).

390. 1546 г. марта 30. Жал. данная гр. Ивана IV бортникам Назару Прокофьеву «с товарищи» на лесное раменье Плоское у д. Яковлевского в вол. Тальше Владимирского у.

Упом. в описях Суздальского Покровского м-ря: 1) 1597 г.: ГАВЛО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 349. Л. 65 об. (К); 2) 1651 г.: Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале, 1651 года // Труды Владимирской УАК. Кн. V. Владимир, 1903. Материалы. С. 120; 3) 1682 г.: ОР РГБ. Ф. 218. Д. 841—2. Л. 244 об. (К); 4) 1701 г.: Там же. Д. 841—5. Л. 56 об. (К); 5) 1721 г.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 126. Л. 474 об. (К).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—248 (с датой 1545 г. сентября — 1546 г. августа); 2) Антонов А. В., Маштафаров А. В. Об архиве Покровского м-ря. С. 280. № 29 (с датой 30 марта 1546 г.).

391. 1546 г. апреля 1. Жал. данная (поместная) и нес гр. Ивана IV Василию Фуникову сыну Курцева на дд. и селища в Московском, Коломенском и Тульском уу.

Список 1805 г.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 59. Д. 172. Л. 15 об. — 16 об. (П₂, К₂).
Публ.: 1) Юшков. Акты. № 151. С. 130—131 (по списку 1805 г.); 2) АСЗ. Т. IV. № 472. С. 347 (по списку 1805 г.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 508; 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 3331. С. 416—417.

392. 1546 г. апреля 6. Жал. полетная гр. Ивана IV двинянину Унской вол. Семену Федотьеву сыну [Грижневу] на уплату долгов без процентов («без росту») в течение четырех лет.

Подл.: ГММК. ОР. Кол. Ризницы Соловецкого м-ря. № 8 (П_{1,2}).

Публ.: 1) Род Юреневых. Прил. 3/V. С. 435—436 (по копии начала XX в. со списка, вероятно, XVIII в.); 2) Грамоты промысловым людям Поморья / Подг. Т. А. Тутова // СА. 1979. № 1. С. 47. Док. № 5 (по подл.); 3) АСЭИ/АСМ. № 116. С. 72 (по подл.).

393. 1546 г. апреля 7. Жал. гр. Ивана IV кубенскому волостелю Рахманину Борисовичу Голохвастову на право независимого суда от вологодского наместника кн. В. И. Воротынского.

Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 404. Д. 103. № 2 (П₂).

Публ.: 1) ЧОИДР. 1847. № 4. Смесь. С. 102—103 (по подл.); 2) АСЗ. Т. I. № 57. С. 49—50 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—257 (с датой 6 апреля); 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 724. С. 96.

394. 1546 г. апреля 12. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Василию Федорову сыну Бедарева с сыном Иваном на дд. Подольное, Сидорово и др. с пустт. в Осецкой и Кулишской волл. Костромского у.

Список 1760-х гг.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 8. Л. 120—120 об. (П).

Публ.: АСЗ. Т. I. № 23. С. 25—26 (по списку 1760-х гг.).

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 204. С. 33.

395. 1546 г. мая. Жал. поместная гр. Ивана IV Владимиру Иванову сыну Фомина на сц. Кошево с тремя дд. и поч. в Микулинском ст. Тверского у.

Упом. в дозорной кн. Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 185—186.

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 3319. С. 415.

396. 1546 г. мая 1. Жал. тарх.-нес. и срочная гр. Ивана IV иг. Кирилло-Белозерского м-ря Афонасию на дд. Гришенскую и Малкинскую и две пустт. в Шубацком ст. Белозерского у.

Список XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. I/16. Л. 1087—1088.

Кат.: Енин Г. П. Описание. № 469.

397. 1546 г. мая 14. Ук. гр. Ивана IV в Суздаль городовым приказчикам Нечаю Тумскому и Андрею Перешевникову о совместном ведании по половинам боярином кн. Михаилом Иванови-

чем Кубенским и арх. Спасо-Евфимьева м-ря Германом спорных деревень в Суздальском у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Суздаль. № 27/11806.

Списки: 1) конца XVII в.: РГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев м-рь). Оп. 1. Кн. 205. Л. 439 об. — 440 об. (П₂); 2) XVIII в.: Там же. Кн. 1. Л. 520—520 об. (П₂).

Публ.: 1) *Зимин А. А.* Новые документы. С. 347. № 4 (по подл.); 2) АСЕМ. № 62. С. 131 (по подл.).

Кат.: *Зимин А. А.* Хронологический перечень. С. 374. № 77.

398. 1546 г. июня 22. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Переславль-Залесский городовому приказчику Ивану Артамонову и дьяку Якову о ненарушении тарх. гр. Данилову Переславскому м-рю. Публ.: *Добронравов В. Г.* История Тр. Данилова м-ря. Прил. Отд. II. № 7. С. 23—24 (по невыявл. списку конца XVII — XVIII в.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 509; 2) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 63. № 125.

399. 1546 г. июня 24. Жал. данная, тарх.-нес. и зап. (об ездовых) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на двор в Коломне.

Подл.: ОР РГБ. Ф. 28 (Собр. актов Беляева). Карт. 1. № 76.

Публ.: 1) ПРП. Вып. IV. С. 114—116 (по подл.); 2) Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. / Под ред. А. А. Зимина. М., 1962. № 3. С. 17—18 (по ПРП).

Кат.: ХП. Ч. I. № 510.

400. 1546 г. июня 28. Ук. гр. Ивана IV в Углич таможенникам Семену Сыроеже и Ивану Боте о соблюдении жал. гр. Кирилло-Белозерскому м-рю на право беспошлинной продажи 20 тыс. пудов соли.

Подл.: РГАДА. Ф. 1441 (Кирилло-Белозерский м-рь). Оп. 5. Д. 2 (*).

Списки: 1) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^а. Л. 704—705; 2) XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 32. Л. 134 об. — 135 (*).

Публ.: *Зимин А. А.* Новые документы. № 5. С. 347—348 (по списку XVII в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 511.

401. 1546 г. июля 6. Жал. данная, тарх.-нес., односрочная и проезжая гр. Ивана IV иг. Вологодской Глубокоозерской пустыни Федору на земли между Вологодским, Важским и Каргопольским уу.

Подл. не выявлен²².

²² По приведенному С. М. Каштановым (ХП. Ч. I. № 513) архивному шифру (ОР РГБ. Ф. Спасо-Прилуцкого м-ря. № 3/2) найти местонахождение подлинника не удалось: фонда Спасо-Прилуцкого м-ря в РГБ нет.

Список начала XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12. Оп. 2. Д. 1 (*).

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 208. С. 197—198 (по списку начала XVII в.); 2) РИБ. Т. 32. № 160. Стб. 278—280 (по списку начала XVII в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 513.

402. 1546 г. августа 6. Жал. гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря Трифону на право мостовщины и перевоза через р. Кострому напротив монастырской слободки в Буге-городе Костромского у. Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кострома. № 43/5010.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. По Галичу. № 65. Л. 737—737 об. (П).

Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 82. С. 95 (по подл.).

Кат.: 1) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 127; 2) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 177. № 583; 3) ХП. Ч. I. № 514; 4) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 157. № 529.

403. 1546 г. сентября — 1547 г. августа. Жал. проезжая гр. Ивана IV иг. Никольского Коряжемского м-ря Васьяну на проезд монастырских старцев в Москву и Вологду без товара.

Изложение в жал. гр. Бориса Годунова от 1 марта 1599 г.: Архив СПб. ИИ. Ф. 72 (Никольский Коряжемский м-рь). Оп. 1. Д. 110.

Кат.: ХП. Ч. I. № 515.

404. 1546 г. сентября — 1547 г. августа. Жал. гр. Тверскому Афанасьевскому девичью м-рю на сс. и дд. в Тверском, Кашинском, Зубцовском и Старицком уу.

Публ. (выдержки): Тверские ГВ. 1854. № 50. Часть неофиц. С. 153.

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—259.

405. 1546 г. сентября — 1547 г. августа. Жал. данная гр. Ивана IV Вяземскому Иоанно-Предтеченскому м-рю на место для постройки мельницы на р. Вязьме.

Упом. в приправочных книгах Вяземского у. 7102 и 7103 гг.: ПКМГ. Ч. I. Отд. II. СПб., 1877. С. 743.

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—261.

406. 1546 г. сентября 12. Ук. гр. Ивана IV Третьяку Гневашеву о проведении досмотра и межевания спорных земель и суда по тяжбе Ферапонтова м-ря с крестьянами Словенского Волочка, Цыпинской и Иткольской волостей.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 684 (*).

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 209. С. 198—199 (по подл.); 2) РИБ. Т. 32. № 161. Стб. 281—283 (по подл.).

407. 1546 г. сентября 20. Жал. подтв. нес. гр. Ивана IV Строю Лачинову на оброчную д. Выползово в Старорязанском ст. Рязанского у.

Списки: 1) 1757 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 472. Л. 559 об. — 560 (П₂);

2) 1801 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 76. Л. 42 об.

Публ.: 1) *Лукичев М. П., Назаров В. Д.* Документы XVI в. из новых родословных росписей конца XVII в. С. 108—109. № 6 (по списку 1801 г., с ошибочной датой 20 января 1547 г.); 2) АСЗ. Т. III. № 206. С. 169—170 (по списку 1757 г.).

Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1599. С. 204.

408. 1546 г. октября. Жал. льгот., полетная и нес. гр. Ивана IV вятчанам Шестаковского городка.

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 210. С. 199—200 (по невыявл. подл.); 2) Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881. № 17. С. 20—22 (по ААЭ).

Кат.: ХП. Ч. I. № 516.

409. 1546 г. октября 2. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Льву Петрову сыну Поликарпова на д. Фалинское в Городском ст. Коломенского у.

Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 389. Д. 2.

Публ.: 1) Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1898. Ч. IV. С. 90—91 (по подл.); 2) АСЗ. Т. III. № 331. С. 272 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 517; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 2550. С. 320 (архивный шифр подлинника указан неверно).

410. 1546 г. октября 3. Жал. обел.-нес., одностороч. и зап. (от незванных гостей и ездоков) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на с. Новленское Переславского у., дд. Федоровскую, Петровскую и др. Радонежского у., сщц. Спасское и Ермолино Дмитровского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 140/8864.

Списки: 1) ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 298. Л. 263—265; 2) Там же. Кн. 528. № 298. Л. 429—432; 3) Там же. Кн. 529. № 298. Л. 325 об. — 327 об.

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 505. № 1393; 2) ХП. Ч. I. № 518.

411. 1546 г. октября 5. Жал. тарх.-нес., на конское пятно и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря Трифону на слободки в г. Любиме и Буге Костромского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кострома. № 46/5013.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. По Галичу. № 64. Л. 735—736 об. (П).

Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 83. С. 95—97 (по подл.).

Кат.: 1) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 127; 2) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 178. № 584; 3) ХП. Ч. I. № 519; 4) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 157. № 530.

412. 1546 г. октября 8. Ук. гр. Ивана IV на Гводенский ям Боровского у. Ивану Иванову сыну Прохорову о ненарушении жал. грамот Московскому Архангельскому собору, освобождающих от ямской повинности архангельских крестьян.
Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 238. Оп. 2. Карт. 61. № 1.
Публ.: 1) *Кашианов С. М., Хоруженко О. И.* Грамоты из архива Московского Архангельского собора // АЕ за 1997 г. М., 1997. С. 406—407. № 1 (по подл.); 2) АРГ/АММС. № 19. С. 59—60 (по подл.).
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 520 (ркп. ошибочно названа списком XVIII в.); 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (I). С. 218. № 921 (ркп. ошибочно названа списком XVIII в.).
413. 1546 г. ноября 19. Жал. льготная гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на с. Бужениново в Верх-Дубенском ст. Переславского у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 141/8865.
Списки: 1) ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 299. Л. 265—265 об.; 2) Там же. Кн. 528. № 299. Л. 432—432 об.; 3) Там же. Кн. 529. № 299. Л. 327 об. — 328.
Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. С. 505. № 1394; 2) ХП. Ч. I. № 518.
414. [1546 г. декабря 12—18]. Ук. гр. Ивана IV князьям и детям боярским Бежецкой пятины с распоряжением об их приезде в Новгород с дочерьми для смотра невест
Приказной черновик.: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. № 5. Л. 1 (П).
Публ.: *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI века // ВИ. 1976. № 10. С. 118. Док. № 5.
415. 1546 г. декабря 18. Ук. гр. Ивана IV псковскому наместнику кн. И. И. Пронскому с вызовом в Москву
Приказной черновик.: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. № 5. Л. 2 (П).
Публ.: *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI века // ВИ. 1976. № 10. С. 117. Док. № 3.
416. 1546 г. декабря 18. Ук. гр. Ивана IV каргопольскому наместнику кн. Петру Михайловичу Щенятеву о запрете привозить на продажу (из варниц) соль с кардехой.
Список XVI в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археографическая экспедиция). Оп. 2. Д. 2.
Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 211. С. 200—201 (по списку XVI в.); 2) РИБ. Т. 32. № 163. Стб. 284—286 (по списку XVI в.).
417. 1546 г. декабря 23. Жал. данная и нес. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на дд. Лихорево, Марьино, Костянтиново и др. в вол. Стрелице Нижегородского у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Нижний Новгород. № 11/7952.

Списки: 1) 50-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 13—14 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 296. Л. 261—261 об.; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 296. Л. 425 об. — 426 об.; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 296. Л. 323—323 об.

Публ.: 1) АГР. Т. I. № 75. С. 208 (по списку в составе правой гр. 26 марта 1562 г.); 2) *Кабанов А. К.* Материалы. № 12. С. 15—16 (по подл.); С. 22—23 (по списку в составе правой гр.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 524.

418. 1547 г. января²³. Ук. с прочетом гр. Ивана IV во Владимир родовым приказчикам Василию Сушову, Роману и Афанасию Языковым о ненарушении жал. грамоты Суздальскому Покровскому м-рю и невзимании ямских денег и посошных людей с монастырских сс. и дд.

Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1. Л. 18.

Список XIX в.: Там же. Д. 21. Л. 21—21 об. (с ошибочной датой 2 января 1537 г.) (K₂).

Публ.: 1) Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Отд. I. № 29. С. 35 (по подл.); 2) Владимирские ГВ. 1909 г. Часть неофиц. № 23. 5 июня. С. 11—12. Док. 709 (по ОАСУ).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 525; 2) *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Покровского м-ря. С. 280. № 31.

419. 1547 г. января²⁴. Ук. с прочетом гр. Ивана IV во Владимир родовым приказчикам Нечаю [Васильеву сыну] Тумскому и Андрею [Климентьеву сыну] Перешевникову, данщику Нечаю Семенову сыну Тумского о ненарушении жал. грамоты Суздальскому Покровскому м-рю и невзимании ямских денег и посошных людей с монастырских сс. и дд.

Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1. Л. 12.

Список XIX в.: Там же. Д. 21. Л. 15—15 об. (с ошибочной датой 2 января 1537 г.) (K₂).

Публ.: 1) ОАСУ. Отд. I. № 28. С. 34 (по подл.); 2) Владимирские ГВ. Часть неофиц. № 23. 5 июня. С. 11. Док. 708 (по ОАСУ).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 526; 2) *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Покровского м-ря. С. 280. № 32.

420. 1547 г. января 3. Ук. гр. Ивана IV окольникову И. И. Беззубцеву о выполнении порученного дела им одним из-за болезни дьяка П. Путьятина.

²³ А. В. Антонов и А. В. Маштафаров датируют гр. 1—17 января 1547 г. (РД. Вып. 10. С. 280. № 31).

²⁴ А. В. Антонов и А. В. Маштафаров датируют гр. 1—17 января 1547 г. (см.: Там же. № 32).

Приказной черновик.: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. № 5. Л. 4 (П).
Публ.: *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI века // ВИ. 1976. № 10. С. 119—120. Док. № 9.

421. 1547 г. января 4. Ук. гр. Ивана IV в Вязьму и Дорогобуж князьям и детям боярским дворовым и городовым с повторным распоряжением об их приезде с дочерьми для смотра невест, под угрозой опалы

Приказной черновик.: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. № 5. Л. 5 (П).
Публ.: *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI века // ВИ. 1976. № 10. С. 120. Док. № 10.

422. 1547 г. января 4. Ук. гр. Ивана IV кн. И. С. Мезецкому и дьяку Г. Белому о рассылке грамот князьям и детям боярским с требованием их приезда с дочерьми для смотра невест, под угрозой опалы.

Приказной черновик.: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. № 5. Л. 6 (П).
Публ.: *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI века // ВИ. 1976. № 10. С. 120. Док. № 11.

423. 1547 г. января 11. Жал. нес. гр. Ивана IV Федору Мосолову и его детям на сц. Бектеево в Каменском ст. Рязанского у.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 174 (Акты до 1613 г.). Оп. 1. Д. 167.
Публ.: 1) *Пискарев П. И.* Опись делам исторического архива // Известия Тамбовской УАК. Вып. 27. Тамбов, 1890. С. 81 (с ошибочной датой 2 января); 2) АСЗ. Т. III. № 267. С. 219 (по подл.; с ошибочной датой в заголовке «2 января»).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—267 (с датой «2 января»); 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 2082. С. 262—263 (с датой «2 января»).

424. 1547 г. января 17. Жал. нес. гр. Ивана IV Ивану Иванову сыну Фомина на его поместье сц. Железниково и д. Мотовилово в Кобыльском ст. Рязанского у.

Список 1780-х гг.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241. Л. 918 об. — 919 (П₁, К₂).
Публ.: 1) *Юшков.* Акты. № 154. С. 132—133 (по списку 1780-х гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 470. С. 345 (по списку 1780-х гг.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 527; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 3320. С. 415.

425. 1547 г. января 17. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Суздаль городовым приказчикам Нечаю Васильеву сыну Тумского, Алексею Климентьеву сыну Перешевникова и данщику Нечаю Семенову сыну Тумского о ненарушении льготной гр. княгини Евфимии, вдовы кн. Василия Ивановича Шемячича, с дочерьми и невзимании податей с их вотчины с. Глядково в Суздальском у.
Списки: 1) 1750-х гг.: ГАВЛО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 21 (К₂); 2) 1763 г.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 422. Л. 161 об. (К₂); 3) XVIII в.: РГИА. Ф. 834.

Оп. 3. Д. 1920. Л. 66—66 об. (*); 4) XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 59. Л. 44 (К₂).

Публ.: АИ. Т. I. № 145. С. 210 (по списку XIX в.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 528; 2) Антонов А. В., Маштафаров А. В. Об архиве Покровского м-ря. С. 280—281. № 33.

426. 1547 г. января 20. Ук. с прочетом гр., «по слову» Ивана IV, боярина и конюшего кн. Михаила Васильевича Глинского в Вологду Дмитрию Трепизонову с товарищи о невзимании туковых денег с сс. и дд. Кирилло-Белозерского м-ря.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археогр. экспед.). Оп. 1. Д. 685 (*).

Публ.: РИБ. Т. 32. № 165. Стб. 287—288 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 529.

427. 1547 г. января 21. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Вологду подьячему Ишуте Оксентьеву о ненарушении владычных жал. грамот Кирилло-Белозерского м-ря на церкви в Вологодском у.

Подл.: РГАДА. Ф. 1441. Оп. 5. Д. 3 (*).

428. 1547 г. января 28. Жал. данная тарх.-оборочная и нес. гр. Ивана IV Никольскому Коряжемскому м-рю на пустые нетяглые места по р. Коряжме и слободки Юшкову и Софроникову.

Изложение в составе жал. гр. Ивана IV Коряжемскому м-рю 19 апреля 1583 г.: Архив СПб. ИИ. Ф. 72 (Никольский Коряжемский м-рь). Оп. 1. Д. 6. Л. 1 (*).

Кат.: ХП. Ч. I. № 530.

429. 1547 г. января 29. Жал. гр. Ивана IV иг. Рождественского Ферапонтова м-ря Гурию на данного пристава.

Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Уваров). Оп. 2. Д. 23. Л. 3.

Кат.: ХП. Ч. I. № 531.

430. 1547 г. января 30. Жал. данная, обел.-нес., зап. (от ездоков) и проезжая гр. Ивана IV иг. Вассиановой Строкинской пустыни Евфимию на земли по р. Онеге в Каргопольском у.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 172 (Кол. актов Новгородской казенной палаты). Оп. 1. Д. 5 (*).

Список XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 153 (Собр. Шегрена). Оп. 1. Д. 5.

Публ.: АИ. Т. I. № 147. С. 212—215 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 532 (список из собр. Шегрена ошибочно назван подл.).

431. 1547 г. января 31. Жал. нес. гр. Ивана IV Томе Зубову сыну Бузовлева и Миловану Григорьеву сыну Бузовлева с сыном Русином на д. Вострая Лука в Каменском ст. Рязанского у.

Списки: 1) 1686 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 81. Л. 5 (П₂, К₂); 2) 1850-х гг.:

Там же. Д. 164. Л. 132—133 (П₂, К₂).

- Публ.: 1) *Юшков*. Акты. № 155. С. 133—134 (по списку 1686 г.); 2) АСЗ. Т. IV. № 61. С. 46 (по списку 1686 г.).
 Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 533; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 433. С. 61.
432. 1547 г. февраля. Жал. тарх.-нес., односрочная, на конское пятно и зап. (от ездовых, попрощатаев и незваных гостей) гр. Ивана IV арх. Спасо-Евфимьева м-ря Герману на сс., дд. и слободки в Суздальском и Костромском уу. и на двор с варницей на Холуе в Стародубе Ряполовском.
 Список XVIII в.: РГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев м-рь). Кн. I. Л. 417—419 об. (П_{1,2}).
 Публ.: 1) *Каиштанов С.М.* ИРСИ. Прил. VI. С. 232—236. № 5 (по списку XVIII в.); 2) АСЕМ. № 64. С. 132—136 (по списку XVIII в.).
 Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 534; 2) *Зимин А. А.* Хронологический перечень. С. 374. № 79.
433. 1547 г. февраля. Жал. данная гр. Ивана IV иг. Псковского Печерского м-ря Корнилию на дд. взамен хлебной руги.
 Упом. в реестре актов Псковского Печерского м-ря 1639 г.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). Оп. I. Кн. 54. Л. 8 об.
 Кат.: ХП. Ч. I. № 535.
434. 1547 г. февраля 13. Жал. дан. (поместная) и нес. гр. Ивана IV Булгаку и Темешу Андреевым детям Каркадымова Таптыкова и племяннику их Петру Матвееву сыну Каркадымова Таптыкова на сс. Сысоевское в Окологородном ст. Рязанского у.
 Списки: 1) 1669 г.: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 1026/41393. Л. 40 (К₂); 2) 1795 г.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 163. Л. 6 об. — 7 (П₂, К₂).
 Публ.: 1) Известия Тамбовской УАК. Вып. 26. Тамбов, 1890. С. 71—72 (по невыявл. списку); 2) АСЗ. Т. I. № 276. С. 249 (по списку 1795 г.).
 Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—260 (с датой 1546/47 г.); 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 3134. С. 392.
435. 1547 г. марта. Жал. тарх.-нес. гр. Ивана IV иг. Кирилло-Белозерского м-ря Афанасию на с. Куралгино и сс. Семешково с дд. Дмитровского у.
 Списки XVII в.: 1) ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113⁶. Л. 364—366 об.; 2) ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. I/17. Л. 887—889 об.
 Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 536; 2) *Енин Г.П.* Описание. № 1047.
436. 1547 г. марта 14. Ук. гр. Ивана IV в Суздаль городовым приказчикам Нечаю Тумскому и Андрею Перешевникову о ненарушении гр. Спасо-Евфимьеву м-рю и об освобождении от тягла монастырской слободки в Суздале.
 Списки: 1) конца XVII в.: РГАДА. Ф. 1203. Оп. I. Кн. 205. Л. 5 об. — 7 (П₃); 2) XVII в.: ГАВЛО. Ф. 575. Оп. I. Д. 168. Л. 57 (К₃); 3) XIX в.: ОР РГБ.

Ф. 256 (Собр. Румянцева). Кн. 59. Л. 3—4 (К₃); 4) XIX в.: ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Собр. Уварова). Оп. 2. № 258. Л. 4 об. (К₃).

Публ.: 1) АИ. Т. I. № 148. С. 215—216 (по списку XIX в. из собр. Румянцева); 2) Владимирские ГВ. 1876. № 53 (31 декабря). Часть неофиц. С. 1—2 (по невыявл. списку с датой 17 марта); 3) АСЕМ. № 65. С. 136—137 (по списку конца XVII в.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 537; 2) *Зимин А. А.* Хронологический перечень. С. 375. № 80; 3) *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Покровского м-ря. С. 281. № 34.

437. 1547 г. марта 20. Жал. тарх.-нес. и односрочная гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на сщ. Рождественое с дд. в Берендеевском ст. Дмитровского у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 68/3780.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 54. Л. 72—73 об. (*); 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 297. Л. 262—263; 3) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 297. Л. 427—429; 4) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 297. Л. 323 об. — 325 об.

438. 1547 г. марта 20. Жал. нес. гр. Ивана IV Петру Иванову сыну Буковского с племянниками Гришкой Матвеевым сыном, Митей Ивановым сыном и Иваном Борисовым сыном на их поместье д. Буковая Поляна и сщ. Осташково в Перевицком ст. Рязанского у.

Списки: 1) 1686 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 47. Л. 3 (П₂, К₂); 2) 1850-х гг.: Там же. Д. 164. Л. 81 об. — 82 об. (П₂, К₂).

Публ.: 1) *Юшков.* Акты. № 156. С. 134 (по списку 1686 г.); 2) АСЗ. Т. IV. № 63. С. 47 (по списку 1686 г.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 539; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 436. С. 62.

439. 1547 г. марта 20. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Гавриле Федорову сыну Ворыпаева на д. Окулинскую в Окологородном ст., д. Петрищево и половину д. Скобелевской в Кобыльском ст. Рязанского у.

Списки: 1) 1686 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 73. Л. 5 (П₂, К₂); 2) 1850-х гг.: Там же. Д. 164. Л. 308—309 (П₂, К₂).

Публ.: 1) *Юшков.* Акты. № 157. С. 135 (по списку 1686 г.); 2) АСЗ. Т. IV. № 94. С. 71 (по списку 1686 г.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 540; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 613. С. 83.

440. 1547 г. марта 22. Ук. с прочетом гр., «по слову» Ивана IV, псковских дьяков Третьяка Михайлова сына Дубровина и Василия Григорьева сына Мартьянова иг. Псковского Снетогорского м-ря Ионе о запрете нарушать права других м-рей и оброчных ловцов на рыбную ловлю в Пещкой губе.

Списки: 1) конца XVI — начала XVII в.: ОР РНБ. Ф. 588 (Собр. Погодина). Оп. 2. Д. 1912. Л. 139—140; 2) XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). Оп. 1. Кн. 54. Л. 29—29 об.

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—268.

441. 1547 г. марта 26. Жал. тарх.-проезжая гр. Ивана IV иг. Троицкого Белопесочского м-ря Сергию на торговые поездки в Москву, Холопий Городок и в Нижний Новгород.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашира. № 7/5769.

Кат.: ХП. Ч. I. № 541.

442. 1547 г. марта 27. Жал. подтв. нес. гр. Ивана IV Федору, Истому и Якиму Фроловым детям Багреева на д. Душкино Фролово с почч. в Каменском ст. Рязанского у.

Списки: 1) 1642 г.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 74. № 2819/19656. Б/п (К); 2) 1742 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 40. Л. 362 (П, К).

Публ.: АСЗ. Т. I. № 19. С. 23 (по списку 1742 г.).

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 141. С. 26.

443. 1547 г. марта 27. Жал. гр. Ивана IV арх. Ярославского Спасского м-ря Васьяну о сложении оброка с мельницы в устье р. Пахмы и передаче ее м-рю в безоборочное пользование.

Список XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 127 об. — 128 об.

Публ.: ИАЯСМ. № XIV. С. 14 (по др., не выявл. списку XVIII в.).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1—269; 2) Антонов А. В. Перечни актов. С. 92. № 65.

444. 1547 г. апреля. Жал. тарх.-нес., зап. (от ездовых) и проезжая гр. Ивана IV иг. Александро-Свирского м-ря Родиону на дд. в Новгородском у., дворы в Новгороде на посаде и в пригороде.

Список XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 2 (Актовые книги Археогр. ком.). Оп. 1. Д. 27. Л. 36 об. — 42 об.

Публ.: Материалы по истории Карелии. № 62. С. 151 — 154 (по списку XVII в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 542.

445. 1547 г. апреля 28. Жал. тарх.-оборочная, нес. и зап. гр. Ивана IV иг. Никольского Песношского м-ря Варсонофию на сс. Ивановское, Бестужево, Новоселка, Поповское и др. Дмитровского у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 536 (ОЛДП). Ф. 173 (*).

Публ.: Калайдович К. Ф. Историческое и топографическое описание монастыря святого чудотворца Николая, что на Пешноше. С. 110—115. № III (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 543.

446. 1547 г. мая 2. Жал. тарх.-нес. гр. Ивана IV попам устюжских Рождественской и Никольской церковей Ивану и Ермолаю на д. Княгининскую и пуст. Прямыковскую.
Список XVII в.: РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). 1669 г. № 343. Л. 250—254.
Публ.: *Островская М. [А]*. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII веках. СПб., 1913. С. 315—316. Прим. 2 (по списку). Кат.: ХП. Ч. I. № 544.
447. 1547 г. мая 9. Жал. тарх.-нес. гр. Ивана IV иг. Троицкого Белопесочского м-ря Сергию на дд. Исаково, Сураево в Коломенском у., сц. Хотуши и дд. Бекино, Крутовражье в Каширском у., поч. Денисков и др. «во Мстисловле», почч. Пономаренки, Веришкин, Торсуков, Луневский в Тульском у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашира. № 8/5770 (*).
Список 1683—1685 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 535. Л. 628—629 об.
Кат.: ХП. Ч. III. № I—271.
448. 1547 г. мая 18. Жал. тарх.-нес. и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV иг. Троицкого Белопесочского м-ря Сергию на сс., дд. и почч. Каширского у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашира. № 9/5771.
Кат.: ХП. Ч. I. № 545.
449. 1547 г. июня 7. Жал. нес. гр. Ивана IV Михаилу и Дувану Семеновым детям Тимирязева на половину сц. Клыково и на их поместье д. Сеча в Каширском у.
Списки: 1) 1780-х гг.: РГАДА. Ф. 286. Оп. I. Кн. 241. Л. 861 об. — 862 (П₁, К₂); 2) 1790-х гг.: Там же. Л. 874—874 об. (П₁, К₂); 3) 1791 г.: РГАДА. Ф. 394. Кн. 325. Ч. I. Л. 175—175 об. и 185 об. (П₁, К₂).
Публ.: 1) *Юшков*. Акты. № 158. С. 135—136 (по списку 1791 г.); 2) АСЗ. Т. IV. № 462. С. 340 (по списку 1790-х гг.).
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 547; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 3207. С. 401.
450. 1547 г. июня 28. Жал. зап. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на монастырские роши у с. Дмитровского Звенигородского у., с. Давыдовского Московского у., с. Тиманова Дмитровского у. и др.
Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 295. Л. 260 об. — 261; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 295. Л. 424 об. — 425 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 295. Л. 322—322 об.
Кат.: ХП. Ч. I. № 549.
451. 1547 г. июля 15. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Переславль городовым приказчикам Давыду Макарову и Дичку Ярцову о

ненарушении тарх. (или льготной?) гр. Данилову Переславскому м-рю.

Публ.: *Добронравов В. Г.* История Тр. Данилова м-ря. Прил. Отд. II. № 8. С. 24—25 (по невыявл. списку).

Кат.: 1) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 23. № 214; 2) ХП. Ч. I. № 550; 3) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 63. № 126.

452. 1547 г. августа 30. Жал. поместная гр. Ивана IV Борису Петрову сыну Маркова на дд. Племянникову и Свинухово в вол. Воловичи Тверского у.

Упом. в Дозорной кн. Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 209.

Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1789. С. 228.

453. 1547 г. сентября — 1548 г. августа. Жал. тарх. (или обел.) гр. Ивана IV Спасо-Прилуцкому м-рю на сц. (слободу) Коровничье с освобождением от городского тягла.

Упом. в описной книге Спасо-Прилуцкого м-ря октября 1654 г.: ГАВО. Ф. 512 (Спасо-Прилуцкий м-рь). Оп. I. Д. 44. Л. 81 об. (*).

454. 1547 г. сентября — 1548 г. августа. Жал. гр. Ивана IV иг. Успенской Елатомской пустыни Андриану («Ондреяну») на почч. Глядковский и Васильевский, оброчную д. Шатиловскую и двор в г. Елатье.

Упом. в жал. гр. царя Михаила Федоровича Успенской Елатомской пустыни от 28 сентября 1624 г.: Известия Тамбовской губернской УАК. Вып. 11. Тамбов, 1886. С. 39—41.

Кат.: ХП. Ч. III. № I — 272.

455. 1547 г. сентября — 1548 г. августа. Жал. обел.-нес. гр. Ивана IV строителю Верховажской Воскресенской Уздренской пустыни Афанасию на слободы Никифорову и Лаврову, земли и угодья по озерам Туменскому, Яхренскому, по рр. Тюменке, Двинице, Ковде, Колую в Важском у.

Изложение в жал. гр. царя Михаила Федоровича от 23 марта 1616 г.: Сб. ГКЭ. Т. II. № 212. Стб. 675—676.

Кат.: ХП. Ч. III. № I — 274.

456. 1547 г. сентября — 1548 г. августа. Жал. гр. Ивана IV церкви Рождества Иоанна Предтечи Устюжского у.

Упом. в записной тетради выдачи грамот 7131 (1623) г.: РГАДА. Ф. 125 (Монастырский приказ). 7131 (1623) г. Оп. I. Д. 4. Л. 24.

Кат.: ХП. Ч. III. № I — 275.

457. 1547 г. сентября — 1548 г. августа. Жал. тарх. и зап. (от ездовых) гр. Ивана IV Успенскому Богородицкому Аркажскому м-рю на сс. и дд. в Деревской и Обонежской пятинах, двор и четыре лавки в Новгороде.

Упом. в составе жал. гр. царя Михаила Федоровича Успенскому Аркажскому м-рю от 23 апреля 1624 г.: ОР РГБ. Ф. 178 (Музейн. собр.). Карт. 10996. № 6.

Кат.: ХП. Ч. III. № I—276.

458. 1547 г. сентября. Жал. поместная гр. Ивана IV Anne, вдове кн. Андрея Ивановича Золотого Оболенского, и ее сыну кн. Ивану Андреевичу Золотому Оболенскому на с. Осиповское, сц. Старково с дд. и пустт. в вол. Хорваче Тверского у. Упом. в дозорной кн. Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 241—242. Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 2268. С. 286.

459. 1547 г. сентября 2. Жал. тарх.-оброоч., нес. и зап. (от незваных гостей) гр. Ивана IV иг. Никольского Песношского м-ря Варсонофию на сс., дд., пустт. и почч. в Дмитровском и Кашинском уу.

Подл.: ОР РГБ. Ф. 28 (Собр. актов Беляева). Карт. 1. № 78.

Публ.: *Калайдович К.Ф.* Историческое и топографическое описание монастыря святого чудотворца Николая, что на Пешноше. С. 116—122. № IV (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 551.

460. 1547 г. сентября 2. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в города от Нижнего Новгорода до Москвы наместникам, волостелям, мытчикам, перевозчикам о беспошлинном пропуске саней, телег и лодок с рыбой и др. запасом для митрополита Макария. Списки: 1) XVI в.: ОР ГИМ. Синод. собр. № 276. Л. 279 об. — 280 об. (П₁); 2) XVII в.: ОР РГБ. Ф. 29 (Собр. Беляева). № 127/1620. Л. 297—298 об. (К₂); 3) XVII в.: Там же. № 128/1621. Л. 242—244 (П₂).

Публ.: 1) АФЗХ. Ч. I. № 244. С. 209—210 (по списку XVI в.); 2) АФЗХ. Ч. III. № 5. С. 16—17 (по списку XVII в. из кн. 128/1621).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 552; 2) Антонов А. В., Маштафаров А. В. Вотчинные архивы. С. 459. № 234.

461. 1547 г. октября 10. Ук. гр. Ивана IV городовым приказчикам 28 городов о непривлечении пососшных людей с вотчин Троице-Сергиева м-ря.

Список 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. Л. 17 об. — 18 об.

Кат.: ХП. Ч. I. № 554.

462. 1547 г. октября 13. Жал. тарх.-нес. и односрочная гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на сц. Коприно Ярославского у., сц. Новоселки Переславского у., дд. Темирево, Пекишино и др. Дмитровского у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 130.

Списки: 1) 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 89. Л. 142—144 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 527. № 302. Л. 267 об. — 269; 3) 1641 г.: Кн. 528. № 302. Л. 436—437 об.; 4) 80-х гг. XVII в.: Кн. 529. № 302. Л. 330 об. — 332 об.; 5) конца XVII в.: Там же. № 13/829 (K₂).

Кат.: 1) *Смирнов М. И.* Указатель. С. 38. № 438; 2) ХП. Ч. I. № 555.

463. 1547 г. октября 15. Жал. нес. гр. Ивана IV попам и дьяконам дворцовых сел Любанова, Кляпова, Васильевского, Зверева, Денисьева.

Список XVI в.: ОПИ ГИМ. Ф. 450 (Е.В. Барсов). Оп. I. Д. 900.

Публ.: АИ. Т. I. № 149. С. 216—217 (по невыявл. подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 556 (указан еще список XIX в. с неясным шифром).

464. 1547 г. октября 16. Ук. с прочетом (?) гр. Ивана IV в Суздаль городовому приказчику Нечаю Васильеву сыну Тумского о невзимании посошных людей с вотчин Покровского м-ря в Суздальском у.

Упом. в описи Покровского м-ря 1767 г.: ГАВЛО. Ф. 575. Оп. I. № 421. Л. 19 об. (K).

Кат.: *Антонов А.В., Маштафаров А.В.* Об архиве Покровского м-ря. С. 281. № 35.

465. 1547 г. октября 26. Ук. с прочетом гр. Ивана IV новгородским дьякам Дмитрию Скрипицыну и Ишуку Бухарину об обелении двора Соловецкого м-ря в Новгороде.

Список XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 2. Д. 136. Л. 143 — 144.

Публ.: АСЭИ/АСМ. № 129. С. 79—80 (по списку XVII в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 557.

466. 1547 г. октября 28. Жал подтв. оброч., льгот. и нес. гр. Ивана IV строителю Торопецкого Троицкого м-ря Харитону на луст. Взглядово и др., д. Селку и др. в Торопецком у.

Список XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1919. Л. 20—20 об.

Кат.: ХП. Ч. III. № I—277.

467. 1547 г. ноября. Жал. подтв. меновная, тарх.-нес. и зап. гр. Ивана IV князю Михаилу Ивановичу Кубенскому на с. Куликово с дд. в Повельском ст. Дмитровского у., промененное ему на его с. Бобарыкино.

Списки: 1) XVI в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 12 (Археогр. экспед.). Оп. 2. Д. 3 (*); 2) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113⁶. Л. 356 об. — 359 об.; 3) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. 1/17. Л. 840 об. — 841 об.

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 215. С. 204—205 (по списку XVI в.); 2) РИБ. Т. 32. № 168. Стб. 290—293 (по списку XVI в.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 558; 2) *Енин Г.П.* Описание. № 1038 (с ошибочной датой 2 ноября).

468. 1547 г. ноября 1. Жал. подтв. нес. гр. Ивана IV Игнату Иванову сыну Жукова с детьми Здешним, Митькой, Третьяком и Максимом на их поместье почт. Антоновский Восманова, Богдановский Ушакова и др. в Кадомском у.

Список 1780-х гг.: Архив СПб. ИИ. Ф. 38 (А. А. Гераклитов). Оп. 2. Д. 1. Л. 1—1 об.

Публ.: 1) Известия Тамбовской УАК. Вып. 26. Тамбов, 1890. С. 72 (по невыявл. списку); 2) АСЗ. Т. III. № 125. С. 107 (по списку 1780-х гг.).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № 1 — 278; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1016. С. 132.

469. 1547 г. ноября 20. Жал. зап. гр. Ивана IV иг. Саввина Сторожевского м-ря Афанасию на монастырские роши и поросняги в Звенигородском, Рузском и Московском уу.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Звенигород. № 17/4691.

Публ.: ССМ. № 14. С. 21—22 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 559; 2) *Антонов А. В.* Вотчинный архив Саввина Сторожевского монастыря конца XIV — начала XVII века // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 433. № 52.

470. 1547 г. ноября 24. Жал. тарх.-проезжая гр. Ивана IV иг. Соловецкого м-ря Филиппу на беспошлинную продажу 10 тыс. пудов соли и провоз м-рских припасов, зап. (от гонцов и ямщиков), нес. и срочная на м-рские городские дворы и волости «на приезд».

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Новгород. № 3/8444.

Публ.: 1) *Досифей.* Описание. Ч. III. Отд. I. № III. С. 7—17 (по неустановленному списку, с датой 21 ноября); 2) АСЭИ/АСМ. № 130. С. 80—83 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 560 (с датой 21 ноября).

471. 1547 г. ноября 25. Жал. данная (поместная) и нес. гр. Ивана IV Ивану и Алексею Васильевым детям Рахманинова на 19 дд. и 1 пуст. в вол. Ижва Дмитровского у. взамен их поместья в Рязанском и Пронском уу.

Списки: 1) 1745 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 259. Ч. 3. Л. 912 об. — 913 и (П₂, К₂); 2) 1745 г.: Там же. Л. 931 об. — 932 (П₂, К₂); 3) 1780-х гг.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241. Л. 640—640 об.; 4) 1780-х гг.: Там же. Л. 643—645 (П₂, К₂).

Публ.: 1) *Юшков.* Акты. № 159. С. 136—138 (по 4-му списку 1780-х гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 396. С. 292—293 (по 1-му списку 1745 г.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 561; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 2726. С. 342.

472. 1547 г. декабря. Жал. [тарх.]—проезжая гр. Ивана IV Николаевскому Корельскому м-рю на провоз 4 тыс. пудов соли по рр. Двине и Сухоне до Вологды, а из Вологды к м-рю — монастырского запаса.
Изложение в жал. гр. Ивана IV Николаевскому Корельскому м-рю от 17 мая 1551 г.: АИ. Т. I. № 156. С. 281.
Кат.: ХП. Ч. III. № I—279.
473. 1547 г. декабря. Жал. тарх.-нес., зап. (от ездоков) и односрочная гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на с. Лавровское с дд. в Бернове ст. Новоторжского у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Торжок. № 4/12046.
Список 80-х гг. XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 87. Л. 138 об. — 140 об.
Кат.: ХП. Ч. I. № 562.
474. 1547 г. декабря 6. Жал. поместная гр. Ивана IV Ивану Жуку и Ивану Ишуте Ивановым детям на д. Суково в вол. Воловичи Тверского у.
Упом. в дозорной кн. Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 211.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 1088. С. 141.
475. 1547 г. декабря 11. Ук. с прочетом гр. Ивана IV приказчику с. Воробьева Московского у. о запрете дворцовым крестьянам сечь рощи и поросняги Симонова м-ря.
Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. По Москве. № 39. Л. 183—184 об. (П.).
Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 216. С. 205—206 (по списку XVII в.); 2) Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. / Под ред. А. А. Зимина. М., 1962. № 14. С. 45—46 (по публ. в ААЭ); 3) АФЗХ/АМСМ. № 86. С. 99 (по списку XVII в.).
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 563; 2) Антонов А. В. Вотчинные архивы (1). С. 158. № 534.
476. 1547 г. декабря 14. Жал. (поместная) гр. Ивана IV Максиму Митрофанову сыну Смыковского с племянниками Третьяком Григорьевым сыном с братиею и Андреем Матвеевым сыном Смыковскими на д. Смыково в вол. Воловичи Тверского у.
Упом. в Дозорной книге Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 231.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 2965. С. 372.
477. 1547 г. декабря 22. Жал. данная, обел.-нес. и зап. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на погост Никола-чудотворец на Бору, сц. Ортемьевское, дд. Петрилово, Скулачево, Максакково и др. (всего 40 дд.), 2 почч. и пуст. в Ортемьевском ст. Переславского у.

Список 1586—1587 гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 523. Л. 40 об. — 46.

Кат.: ХП. Ч. I. № 564.

478. 1547 г. декабря 24. Жал. данная тарх.-нес., односрочная и зап. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на место под двор в г. Владимире на посаде.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Владимир. № 24/1801.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 306. Л. 274—275; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 306. Л. 447 об. — 449 об.; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 306. Л. 339—340 об.

Кат.: ХП. Ч. I. № 565.

479. 1547 г. декабря 24. Ук. с прочетом гр. Ивана IV во Владимир городовым приказчикам Василию Сушеву, Роману и Офоне Языковым об отдаче иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе под двор места Паршутинского Хлебникова во Владимире.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 439. Л. 466—466 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 439. Л. 753 об. — 754; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 439. Л. 560—560 об.

Кат.: ХП. Ч. I. № 566.

480. 1548 г. января 1. Ук. гр. Ивана IV приказчику с. Кулибакина Васюку Чижову с запретом вступаться в д. Филимоново в Городском ст. Звенигородского у., данную кн. Иваном Ивановичем Турунтаем [Пронским] в Саввин Сторожевский м-рь.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Звенигород. № 15/4689.

Списки: 1) конца XVII в.: РГАДА. Ф. 1199. Кн. 76. Л. 37 об. — 38 об. (П); 2) конца XVII в.: Там же. Кн. 150. Л. 35^а об. (П); 3) конца XVII в.: ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1910. Л. 39 об. — 40; 4) 1699 г.: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Торжку. № 760/27329. Л. 493 (К); 5) 1776 г.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 16128. Л. 6 (К).

Публ.: ССМ. № 17. С. 25 (по подл.).

Кат.: Антонов А. В. Вотчинный архив Саввина Сторожевского монастыря конца XIV — начала XVII века // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 433. № 53.

481. 1548 г. января 3. Жал. льготная, нес., на данного пристава, односрочная и проезжая гр. Ивана IV оброчным сокольникам Митьке и Левке Ортемьевым [детям] и Сенке Ермолину сыну Блазновых на поч. Климовский и займища по рр. Юде, Большой и Малой Шохме, Леже в Вологодском у.

Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 117 (П. И. Савваитова). Оп. 1. Д. 5 (*).

Публ.: АИ. Т. I. № 301. С. 546—549 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 569.

482. 1548 г. января 24. Жал. обел.-нес., зап. (от незваных гостей, скоморохов и ездовых) и на данного пристава гр. Ивана IV иг. Богоявленского м-ря Исаку на черные дд. Ермаково, Мордвиново, Дубинскую, Леоново и Мяличише Мешерской вол. Коломенского у.
Список 1680-х гг.: РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1517. Л. 19 об. — 22 об.
Публ.: 1) АММС. Ч. I. № 18. С. 103—106 (по списку 1680-х гг.); 2) АРГ/АММС. № 53. С. 141—142 (по списку 1680х гг.).
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 570; 2) Антонов А. В. Вотчинные архивы (1). С. 187. № 712.
483. 1548 г. января 29. Жал. тарх.-нес., однострочная и зап. (от ездовых) иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на дворы с варницами в г. Балахне.
Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 41 (Собр. Головина). Оп. 1. Д. 63.
Списки: 1) второй половины XVI в.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 519. № 66. Л. 101 об. — 104 об.; 2) XVII в.: Там же. Кн. 527. № 301. Л. 266—267 об.; 3) XVII в.: Там же. Кн. 528. № 301. Л. 433 об. — 435 об.; 4) XVII в.: Там же. Кн. 529. № 301. Л. 329—330 об.
Кат.: ХП. Ч. I. № 571.
484. 1548 г. февраля 2. Жал. подтв. нес. гр. Ивана IV Степану Федорову сыну Сунбулова на его вотчину — половину сщ. Якимовского в Старорязанском ст. и сщ. Зимино в Кобыльем ст. Рязанского у.
Список 1780-х гг.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241. Л. 381 об. — 382 об. (П₂, К₂).
Публ.: 1) Юшков. Акты. № 160. С. 138—139 (по списку 1780-х гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 449. С. 331—332 (по списку 1780-х гг.).
Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 572; 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 3082. С. 386.
485. 1548 г. февраля 15. Жал. данная и тарх.-нес. гр. Ивана IV иг. Троицкого Белопесоцкого м-ря Сергию на сщ. Рождественое, два селища, две дд. и 6 почч. в Каширском у. и поч. Свиночесов в Тульском у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашира. № 10/5772.
Кат.: ХП. Ч. I. № 573.
486. 1548 г. февраля 18. Жал. подтв. льготная, полетная, зап. (от обыщиков, гонцов и ямщиков) и однострочная гр. Ивана IV арх. Борисоглебского м-ря Семиону на д. Бараново в Дубровском ст. Муромского у.
Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Муром. № 9/7741.
Список XVIII в.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1917. Л. 144 об. — 145 об.

Публ.: *Маштафаров А. В.* Муромские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 54—56. № 3 (по подл.). Кат.: ХП. Ч. I. № 574.

487. 1548 г. февраля 25. Ук. гр. Ивана IV о непривлечении к ямской повинности сщ. Батюшкова [в Колпской вол. Владимирского у.], принадлежащего Владимирскому Рождественскому м-рю.

Упом.: 1) в Переписной книге Владимирского Рождественского м-ря 1721 г.: РГАДА. Ф. 248 (Канц. Сената). Кн. 126. Л. 393 об.; 2) в Описи архивов монастырей и церквей Владимирской епархии 1764 г.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 5. Д. 406. Л. 14. № 31 (К).

Кат.: *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (3). С. 191. № 80.

488. 1548 г. марта 16. Жал. льготная, нес., односрочная и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV попу церкви Ивана Предтечи в Толшме Ивану Михееву сыну Попова на 6 почч. в Устюжском у.

Публ.: *Веселовский С. Б.* К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот // ЧОИДР. 1907. Кн. 3. Смесь. С. 30—32 (по невыявл. списку XVII в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 575.

489. 1548 г. марта 19. Жал. тарх.-нес. и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV иг. Кирилло-Белозерского м-ря Афанасию на сс., дд. и дворы на посадах в Белозерском, Вологодском, Угличском, Дмитровском уу. «и в иных городех».

Списки: 1) начала XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 153 (Собр. Шегрена). Оп. 1. Д. 6; 2) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. II/47. Л. 78—81 об. (*); 3) XIX в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 112. С. 242—250 (П).

Публ.: *Козлов С. А., Дмитриева З. В.* Налоги в России до XIX в. СПб., 1999. С. 218—224. № 2 (по списку начала XVII в.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 576 (список из собр. Шегрена ошибочно назван подл.).

490. 1548 г. марта 20. Жал. льготная гр. Ивана IV путному ключнику Василию Иванову сыну Дурова на сс. в Дмитровском, Переславском и Московском уу.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 70/3782.

Списки: 1) ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 108. Л. 121—122; 2) Там же. Кн. 528. № 108. Л. 191 об. — 192 об.; 3) Там же. Кн. 529. № 108. Л. 142 об. — 143.

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 218. С. 207—208 (по списку кн. 527); 2) ПРП. Вып. IV. С. 116—117 (по подл.).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Т. III. С. 92. № 309; 2) ХП. Ч. I. № 577.

491. 1548 г. апреля 6. Жал. данная, тарх.-нес., односрочная, зап. (от ездоков) гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря Ионе на место под двор на Двине на посаде и д. Горки Курецкой вол.

Двинского у., тарх.-проезжая на м-рскую торговую экспедицию от м-ря до Белого моря и обратно через Вологду.

Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Собр. Уварова). Оп. 2. Д. 23. Л. 4.

Списки: 1) 1641 г.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 303. Л. 269—270 об.; 2) 1641 г.: Там же. Кн. 528. № 303. Л. 438—441; 3) 80-х гг. XVII в.: Там же. Кн. 529. № 303. Л. 332 об. — 335.

Публ.: Сб. ГКЭ. Т. II. № 118^a. Стб. 827—829 (по подл.).

Кат.: ХП. Ч. I. № 578.

492. 1548 г. апреля 9. Ук. с прочетом гр. Ивана IV нижегородским воеводам и ключникам о запрещении царским рыболовам и поварам подолгу останавливаться в водах Симонова м-ря у Нижнего Новгорода.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Нижний Новгород. № 231/15159.

Списки: 1) XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. По Нижнему Новгороду № 3. Л. 812—813 (П₂); 2) XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256 (Румянц.). Кн. 52. Л. 62 (П₂).

Публ.: 1) *Зимин А. А.* Новые документы. С. 350. № 9 (по подл.); 2) АФЗХ/АМСМ. № 88. С. 100—101 (по подл.).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 579; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 158. № 535.

493. 1548 г. апреля 28. Жал. тарх.-оброц. и нес. гр. Ивана IV Тверскому Отмицкому м-рю на вотчины в Тверском и Старицком уу.

Публ. (выдержки): Тверские ГВ. 1854. № 50. Часть неофиц. С. 153—154 (по невыявл. ркп.).

Кат.: ХП. Ч. III. № I—270 (составители датируют гр. 28 апреля 1547 г. — по аналогии с гр. Песношскому м-рю).

494. 1548 г. мая 3. Ук. гр., «по слову» Ивана IV, боярина и дворецкого Данилы Романовича [Юрьева] посельскому с. Кулибакино Васюку Чижову об отдаче иг. Саввина Сторожевского м-ря Афанасию д. Филимоново в Городском ст. Звенигородского у. Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Звенигород. № 16/4690.

Списки: 1) конца XVII в.: РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Кн. 76. Л. 38 об. — 39 (П, К); 2) конца XVII в.: Там же. Кн. 150. Л. 35^a об. (П, К); 3) конца XVII в.: ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1910. Л. 40—40 об.

Публ.: ССМ. № 18. С. 25—26 (по подл.).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. III. № 417. С. 115; 2) *Антонов А. В.* Вотчинный архив Саввина Сторожевского монастыря конца XIV — начала XVII века // РД. М., 2003. Вып. 9. № 54. С. 433.

495. 1548 г. мая 18. Жал. тарх.-нес. и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV иг. Троицкого Белопесоцкого м-ря Сергию на сс., дд. и почч. в Каширском у.
Список XIX в.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). Кн. 52. Л. 69—70 об. Кат.: ХП. Ч. I. № 580.
496. 1548 г. июня 15. Жал. обел. гр. Ивана IV иг. Троице-Сергиева м-ря [Ионе] на дд. в Нижегородском у.
Список XVII в. (отрывок): ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 608. Л. 184—184 об. Кат.: ХП. Ч. III. № 1 — 280.
497. 1548 г. июня 20. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Можайск городовым приказчикам Чудину Болотникову, Нечаю Елизарчикову и «москвитину» Артему Захеевскому о ненарушении льготной грамоты Симонову м-рю и невзимании пошлин с м-рских вотчин в Можайском у.
Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. По Можайску № 5. Л. 523 об. — 524 (П₂).
Публ.: 1) *Зимин А.А.* Новые документы. С. 350—351. № 10 (по списку XVII в.); 2) АФЭХ/АМСМ. № 89. С. 101—102 (по списку XVII в.). Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 581; 2) *Антонов А.В.* Вотчинные архивы (1). С. 158. № 536.
498. 1548 г. июня 29. Жал. поместная гр. Ивана IV княгине Авдотье, вдове кн. Ивана Васильевича Чернятинского, на с. Бокшино с дд. в вол. Шестка Тверского у.
Упом. в Дозорной кн. Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 261. Кат: *Антонов А.В.* Частные архивы. № 3475. С. 434.
499. 1548 г. июля 3. Жал. данная, обел.-нес. и зап. (от постоя) гр. Ивана IV иг. Кирилло-Белозерского м-ря Афанасию на двор в Белоозере на посаде.
Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 41 (Собр. Головина). Оп. 1. Д. 64.
Списки: 1) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113*. Л. 113—114; 2) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. 1/16. Л. 1236 об. — 1237 об.; 3) XVIII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 32. Л. 142 об. — 143 (*). Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 582; 2) *Енин Г.П.* Описание. № 574.
500. 1548 г. июля 5. Жал. тарх.-нес., односрочная и зап. (от ездоков и незванных гостей) гр. Ивана IV иг. Глушицкого м-ря Арсению на дд. и почч. в Вологодском у. на Глушице и в Бохтыге.
Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 131.
Списки: 1) XVII в.: ГАВО. Ф. 1260. № 5; 2) XVIII в.: Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 1668. Л. 182—185 об.²⁵

²⁵ Шифры обоих списков указаны мне Н. В. Башниным, которому выражаю искреннюю признательность.

Публ.: 1) *Амвросий*. ИРИ. Ч. III. С. 714—723. № VIII (по подл.); 2) Прибавления к Вологодским ЕВ. 1876. № 21. С. 340—344. № XIII (по публ. Амвросия); 3) *Суворов Н.И.* Глушицкий монастырь Вологодской епархии. Вологда, 1876. С. 68—74. № 13 (по публ. Амвросия).

Кат.: ХП. Ч. I. № 583.

501. 1548 г. июля 6. Ук. с прочетом гр. Ивана IV Белоозеро городовым приказчикам Мясоеду Вислово и Пахому Есипову о даче ржи и овса из ближайшего дворцового села иг. Кирилло-Белозерского м-ря Афанасию для содержания нищих в монастырской богадельной избе.

Списки: 1) XVII в.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^a. Л. 725 об. — 727; 2) XIX в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 11. Д. 112. С. 253—255.

Публ.: РИБ. Т. II. № 32. Стб. 32—33 (по списку XIX в., с ошибочной датой 6 июля 1549 г.).

Кат.: 1) ХП. Ч. II. № 604 (под ошибочной датой 1549 г.); 2) ХП. Ч. III. № I—281 (с исправленной датой).

502. 1548 г. июля 6. Ук. с прочетом гр., «по цареву слову» Ивана IV, боярина и дворецкого Данилы Романовича Юрьева во Владимир посельскому дворцовых сел Федору Иванчину о запрете крестьянам с. Борисовского вступаться в луга Спасо-Евфимьева м-ря в Суздальском у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Суздаль. № 28/11807.

Списки: 1) конца XVII в.: РГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев м-рь). Оп. 1. Кн. 205. Л. 177 об. — 179 (П); 2) XVIII в.: Там же. Кн. 1. Л. 655—655 об. (П); 3) XIX в.: ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Собр. Уварова). Оп. 2. Д. 258. Л. 70 об. — 71 об. (П).

Публ.: АСЕМ. № 70. С. 141 — 142.

Кат.: *Зимин А. А.* Хронологический перечень. С. 375. № 85 (с датой 6 июня).

503. 1548 г. июля 15. Жал. подтв. данная, тарх.-нес., односторонняя, зап. (от незваных гостей и ездоков) и тарх.-проезжая гр. Ивана IV строителю Спасо-Преображенского м-ря (Новой Корнильевой пустыни) Геннадию на земли, дд., почч. и озеро с истоком между волл. Кулигой и Осекой в Костромском у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кострома. № 47/5014.

Списки (с неверной датой 1543/44 г.): 1) 1761 г.: ОР РНБ. Ф. 536. Д. F-60. А-2. Л. 3—5 (П₂); 2) 1850—1860-х гг.: ОР РГБ. Ф. 203. Картон 276. № 11. Л. 1—3 (П₂).

Публ.: 1) Ярославские ЕВ. 1894. Часть неофиц. № 52. С. 817—822 (по невыявл. списку; с ошибочной датой 7057 (1549) г.); 2) *Антонов А. В.*

Костромские монастыри в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 188—191. № 82 (по подл., с датой 1547/48 г.).

Кат.: 1) Обзор ГКЭ. Вып. IV. № 529. С. 167; 2) ХП. Ч. I. № 584; 3) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 143 (отмечена дважды: под № 237 с датой 1543/44 г. и № 240 с датой 15 июля 1548 г.).

504. 1548 г. июля 20. Жал. гр. Ивана IV арским князьям Шаисламу, Нурасламу, Дюняшу, Агишу и Муртозе Нурсеитовым детям на поместье в Вятском у.

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 220. С. 208—209 (по невыявл. подл.); 2) Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881. № 18. С. 22—23 (по ААЭ).

Кат.: ХП. Ч. I. № 586.

505. 1548 г. июля 23. Ук. гр. Ивана IV в Тотьму наместнику Назару Семеновичу Глебову о проверке отчетности Тотемского яма и передаче дел вновь избранным ямщикам.

Список 1786 г.: РГАДА. Ф. 394. Кн. 322. Л. 133 об. — 135 (П₂).

Публ.: 1) *Юшков.* Акты. № 163. С. 140—141 (по списку 1786 г.); 2) АСЗ. Т. IV. № 100. С. 75—76 (по списку 1786 г.).

Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 656. С. 88.

506. 1548 г. июля 26. Жал. поместная гр. Ивана IV Семену и Лобану Никитиным детям Кобелева на дд. в вол. Воловичи Тверского у.

Упом. в Дозорной кн. Тверского у. 1551—1554 гг.: ПМТУ. С. 210.

Кат.: *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1284. С. 165.

507. 1548 г. июля 29. Ук. с прочетом гр. Ивана IV в Дмитров Демиду Кислово сыну Дурова о ненарушении жал. проезжей грамоты Симонову м-рю и невзимании мыта с монастырских слуг и крестьян при проезде их через Дмитров, Рогачево и Бунятино. Подл.: ОР РГБ. Ф. 28 (Собр. актов Беляева). Карт. I. № 81.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. По Дмитрову № 8. Л. 482 об. — 483 (П₂).

Публ.: 1) *Зимин А. А.* Новые документы. С. 351. № 11 (по подл.); 2) АФЗХ/АМСМ. № 90. С. 102 (по подл.).

Кат.: 1) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 111; 2) ХП. Ч. I. № 587; 3) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (I). С. 158. № 537.

508. 1548 г. августа 10. Ук. гр. Ивана IV в Боровск городовым приказчикам Истоме Шадьеву и Дмитрию Шелонскому о ненарушении жал. тарх. грамоты Троице-Сергиеву м-рю, освобождении из тюрьмы трех монастырских крестьян сс. Передола и Почапа, посаженных за неуплату податей, и возвращении взятого у них посула.

Публ.: АТН. Вып. II. № 14. С. 11—12 (по списку XVII в.?)²⁶.

Кат.: ХП. Ч. I. № 588.

509. 1548 г. августа 27. Жал. нес., односрочная и на данного пристава гр. Ивана IV иг. Важского Богословского м-ря Геронтию. Подл.: Архив СПб. ИИ. Кол. 174 (Акты до 1613 г.). Оп. 1. Д. 172 (дата: 27 августа²⁷).

Список конца XVI в.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Важеск. № 3/1645 (дата: 25 августа).

Публ.: 1) ДАИ. Т. I. № 44. С. 60—62 (по подл., с датой 27 августа); 2) Сб. ГКЭ. Т. II. № 203. Стб. 651—653 (по подл., с датой 25 августа).

Кат.: ХП. Ч. I. № 590.

510. 1548 г. августа 27. Жал. нес., двусрочная, на конское пятно и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV арх. Симонова м-ря Трифону на с. Кузьминское в Шуткине ст. Юрьевского у.

Подл.: ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 132.

Список XVII в.: ОР ГИМ. Ф. Симонова м-ря. Кн. 58. По Юрьеву № 2. Л. 577—579 (П).

Публ.: АФЗХ/АМСМ. № 91. С. 102—103 (по подл.).

Кат.: 1) *Попов Н.* Собрание рукописей. С. 118; 2) ХП. Ч. I. № 589; 3) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 158—159. № 538.

511. 1548 г. августа 27. Жал. нес. гр. Ивана IV боярину князю Ивану Федоровичу Мстиславскому на сс. Никольское, Слободищу и др. в вол. Черемхе Ярославского у., сс. Кушалино, Погорелец Тверского у., с. Ильинское Кашинского у. и с. Козлово Суздальского у.

Упом. в грамоте ему же от 2 декабря 1550 г., опубл.: АФЗХ/АМСМ. № 100. С. 110—112 (упом. гр. 1548 г.: с. 111).

Кат.: ХП. Ч. I. № 591.

512. 1548 г. сентября 13. Жал. тарх.-нес. и зап. (от ездоков) гр. Ивана IV иг. Кирилло-Белозерского м-ря Афанасию на с. Куликово.

Списки XVII в.: 1) ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113^о. Л. 354—356 об.; 2) ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. I/17. Л. 838 об. — 840.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 592; 2) *Енин Г. П.* Описание. № 1037.

513. 1548 г. сентября 22. Жал. данная тарх.-нес., односрочная, зап. (от незваных гостей и ездоков) и тарх.-проезжая гр. Ивана IV

²⁶ М. А. Дьяконов приводит шифр хранения списка: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 530. Л. 336—337, повторенный в хронологическом перечне С. М. Каштанова (ХП. Ч. I. С. 375. № 588). Однако ни на указанных листах, ни вообще в Троицкой книге 530 данного документа обнаружить не удалось.

²⁷ Вторая цифра в дате читается неуверенно.

игумень Новодевичьего м-ря Евникее на рыбные ловли в Настасьинской вол. и 25 дд. с пустт. в Введенском на Ояти погосте в Обонежской пятине Новгородского у.

Изложение в составе жал. гр. Ивана IV Новодевичьему м-рю от 30 июля 1573 г., опубли.: АРГ/АММС. № 130. С. 312—315.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 593; 2) Антонов А. В. Вотчинные архивы (1). С. 194—195. № 764.

514. 1548 г. октября 11. Ук. гр. Ивана IV Дмитрию Козлову сыну Милославского и Шемету Александрову сыну Щелепина о производстве обыска и суда по тяжбе слуги Троице-Сергиева м-ря Митки Тененева с Семеном, Иваном, Федором и Горяином Прокофьевыми детьми Дементьева о спорных землях у монастырского села Присеки.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Бежецк. № 116/1220.

Кат.: Обзор ГКЭ. Вып. I. С. 66. № 7.

515. 1548 г. ноября 4. Ук. гр. Ивана IV на Углич Василию Васильеву сыну Рахманинову и Шемету Александрову сыну Щелепину о производстве обыска и межевания по тяжбе игумена Троице-Сергиева м-ря Ионы с Семеном, Иваном, Федором и Горяином Прокофьевыми детьми Дементьева о спорных землях между монастырским селом Присеки и поместными сс. Розморским, Гришкиным и Красным Раменьем Бежецкого у.

Подл.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Бежецк. № 117/1221.

Публ.: АГР. Т. I. № 62. С. 114—115 (по подл.).

Кат.: Обзор ГКЭ. Вып. I. С. 66. № 8.

516. 1548 г. ноября 30. Жал. подтв. ружная и тарх.-проезжая гр. Ивана IV иг. Переславского Троицкого Данилова м-ря Кириллу на беспошлинный провоз товара и проезд в Москву, Нижний Новгород, Балахну и другие города монастырского старца или слуги.

Списки: 1) XVII в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 102 (Переславские акты). Оп. 1. Д. 1; 2) XIX в.: Архив СПб. ИИ. Кол. 115. Кн. 45. Л. 350—351.

Публ.: 1) ААЭ. Т. I. № 222. С. 211—212 (по невыявл. подл.); 2) Прибавление к Владимирским ГВ. 1844. № 50 (9 декабря). С. 208 (по невыявл. списку); 3) Смирнов А. В. Материалы. Вып. 3. № 376. С. 129—131 (по ААЭ); 4) Добронравов В. Г. История Тр. Данилова м-ря. Прил. Отд. II. № 9. С. 25 (по невыявл. списку конца XVII — начала XVIII в.; с ошибочной датой 1 ноября).

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 594; 2) Смирнов М. И. Указатель. С. 24. № 219; 3) Антонов А. В. Перечни актов. С. 64. № 129.

517. 1548 г. декабря 15. Жал. подтв. гр. Ивана IV иг. Троицкого Калязина м-ря Иннокентию на сс. и дд. с угодьями в Кашинском и Дмитровском уу.

Упом. и частич. изложение в правой грамоте Ивана IV Троицкому Калязину м-рю от 4 июля 1551 г., опубл.: 1) *Лихачев Н.П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. 2. № XI. С. 212 — 213; 2) АТКМ. № 119. С. 119.

Кат.: 1) ХП. Ч. I. № 595; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (2). С. 186. № 177 (с ошибочной датой 16 декабря и неточным заголовком).

НЕДАТИРОВАННЫЕ ГРАМОТЫ, ВЫДАННЫЕ МЕЖДУ 1534 и 1548 гг.

518. [1534 г. января — 1538 г.]²⁸. Жал. кормл. гр. Ивана IV Михаилу Васильевичу Вер(х)деревскому на волл. Шепково и Войничи Рузского у. с правдой, мытом и тамгой под кн. Михаилом Троекуровым.

Списки: 1) 1686 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 160. Л. 12 (П₂); 2) 1850-х гг.: Там же. № 164. Л. 26—26 об. (П₂).

Публ.: 1) *Юшков.* Акты. № 133. С. 115—116 (по списку 1686 г.; с датировкой 1533—1545 гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 82. С. 64 (по списку 1686 г.; с датировкой 1533—1538 гг.).

Кат.: 1) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 138. № 51; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 508. С. 70.

519. [1534 г. января — 1538 г.]²⁹. Жал. кормл. гр. Ивана IV Истоме Васильеву сыну Сухотина на вол. Мышегу Тарусского у. с пятном, под Иваном Мясоедовым.

Списки: 1) 1686—1688 гг.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 92. Л. 10 (П₂); 2) 1773 г.: Там же. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 20. Л. 588—588 об. (П₂); 3) 1775 г.: Там же. Кн. 27. Л. 236—236 об. (П₂); 4) 1780-х гг.: Там же. Оп. I. Кн. 241. Л. 774—774 об. (П₂); 5) 1850-х гг.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 165. Л. 774—775 (П₂).

Публ.: 1) *Юшков.* Акты. № 153. С. 132 (по списку 1686—1688 гг., с датировкой 1547 г.); 2) АСЗ. Т. IV. № 454. С. 335 (по списку 1686—1688 гг., с датировкой 1533—1538 гг.).

²⁸ А. В. Антонов (АСЗ. Т. IV. № 82. С. 64) по формуляру датирует грамоту 1533—1538 гг. Поскольку ранее января 1534 г. не известно ни одной грамоты, выданной от имени Ивана IV, начальная дата скорректирована соответствующим образом.

²⁹ Основания для датировки те же, что в предыдущем документе. См. прим. 26.

Кат.: 1) Антонов А. В. Кормленные грамоты. С. 138. № 52; 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 3109. С. 389.

520. [1534 г. января — 1539/40 г.]³⁰ Жал. поместная гр. Ивана IV Борису и Андрею Яковлевым детям Бибикова на дд. Крылово, Деденево, Фефилово и др. в вол. Хорвач Тверского у.

Упом. в Дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 235.

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 297. С. 45.

521. [1534 г. января — 1539/40 г.]³¹ Жал. поместная гр. Ивана IV Федору Болашкову на д. Костково в вол. Воловичи Тверского у.

Упом. в дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 210.

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 344. С. 51.

522. [1534 г. января — 1539/40 г.]³² Ввозная гр. Ивана IV Михаилу Афанасьеву сыну Брудкова на сц. Спирково с дд. в Шейской вол. Тверского у.

Упом. в дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 277.

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 960. С. 125.

523. [1534 г. января — 1539/40 г.]³³ Жал. поместная гр. Ивана IV Китаю, Лученину и Киринбею Ивановым детям Епишева на сц. Петлино с дд. в Микулинском у. и дд. Восцыно, Мироново и др. в Шейской вол. Тверского у.

Упом. в дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 187, 276.

Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 973. С. 126 (с датировкой 1533—1547 гг.).

524. [1534 г. января — 1539/40 г.]³⁴ Жал. поместная гр. Ивана IV Ивану Григорьеву сыну Лазарева на дд. Хотмирово, Семенцово и др. с почч. в вол. Озера Спасские Тверского у.

³⁰ Начальная дата, январь 1534 г., определяется временем выдачи самых ранних известных нам грамот от имени Ивана IV; конечная дата (1539/40 г.) — временем составления писцовой книги Тверского уезда, в которой Б. Я. и А. Я. Бибиковы упомянуты в качестве владельцев упомянутых деревень (ПМТУ. С. 89).

³¹ Основания для датировки те же, что в предыдущем документе: Ф. Болашков владел упомянутой деревней уже к моменту описания 1539/40 г., см.: ПМТУ. С. 37. В 1540-х гг., после его смерти, поместье перешло к его вдове Софье и детям Ивану, Андрею и Дмитрию (Там же. С. 210).

³² Основания для датировки те же: М. А. Брудков упомянут в писцовой книге 1539/40 г. как владелец той же д. Спирково и др. деревень (ПМТУ. С. 77).

³³ Основания для датировки те же: Братья Епишевы владели указанным поместьем уже к моменту описания 1539/40 г., см.: ПМТУ. С. 78 — 79, 128.

³⁴ Основания для датировки те же: И. Г. Лазарев владел указанным поместьем к моменту описания 1539/40 г., см.: ПМТУ. С. 60.

- Упом. в Дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 297.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 1583. С. 202.
525. [1534 г. января — 1539/40 г.]³⁵ Жал. поместная гр. Ивана IV Жуку, Степану и Злобе Филипповым детям Малахова на дд. Городище и Губино в Юрьевском ст. (вол. Хорвач) Тверского у.
Упом. в дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 243.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 1751. С. 223.
526. [1534 г. января — 1539/40 г.]³⁶ Жал. поместная гр. Ивана IV Алексею Федорову сыну Ненастьева и Андрею Иванову сыну Осинского на д. Кудрино в вол. Шестке Тверского у.
Упом. в Дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 259.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 2219. С. 279.
527. [1534 г. января — 1539/40 г.]³⁷ Жал. (поместная?) гр. Ивана IV новокрещенному черемисину Григорию на д. Курбаково, поч. Рамень и др. в Шейской вол. Тверского у.
Упом. в Дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 277.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 2247. С. 283.
528. [1534 г. января — 1539/40 г.]³⁸ Жал. поместная гр. Ивана IV Шестому Иванову сыну Юрьина на дд. Малафеево и Ляпино в Воскресенском ст. (вол. Хорвач) Тверского у.
Упом. в Дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 235.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 2375. С. 299 (с датировкой 1540—1547 гг.; фамилия помещика прочитана как «Ошин (?)»).
529. [1534 г. января — 1539/40 г.]³⁹ Жал. (поместная?) гр. Ивана IV Григорию Данилову сыну Посевьева на дд. Пеструхино, Малахово и Староселье в вол. Чаглове Тверского у.
Упом. в Дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 269—270.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 2579. С. 324 (с датировкой 1533—1547 гг.).

³⁵ Основания для датировки те же: братья Малаховы владели этими деревнями уже к моменту описания 1539/40 г., см.: ПМТУ. С. 106.

³⁶ Основания для датировки те же: А. Ф. Ненастев и А. И. Осинский владели этой деревней уже к моменту описания 1539/40 г., см.: ПМТУ. С. 49.

³⁷ Основания для датировки те же: Григорий владел упомянутыми деревнями и починками к моменту описания 1539/40 г., см.: ПМТУ. С. 78.

³⁸ Основания для датировки те же, что в предшествующих документах: Ш. И. Юрьин уже владел этими деревнями к моменту описания 1539/40 г., см.: ПМТУ. С. 88.

³⁹ Основания для датировки те же: Г. Д. Посевьев уже владел этими деревнями к моменту описания 1539/40 г., см.: ПМТУ. С. 50.

530. [1534 г. января — 1539/40 г.]⁴⁰. Жал. поместная гр. Ивана IV Петру Васильеву сыну Рагозину на дд. Крекшино, Федунино и др. в Воскресенском ст. (вол. Хорвач) Тверского у.
Упом. в Дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 235.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 2702. С. 339.
531. [1534 г. января — 1539/40 г.]⁴¹. Жал. поместная гр. Ивана IV Дмитрию Федорову сыну Рыкунова⁴² на д. (позднее — сц.) Тродедово и др. дд. и почч. в Шейской вол. Тверского у.
Упом. в Дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 276.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 2816. С. 353 (с датировкой 1533—1547 гг. и неточным названием объекта пожалования).
532. [1534 г. января — 1539/40 г.]⁴³. Жал. поместная гр. Ивана IV Александру Иванову сыну Спячего на с. Чудово с дд. в Микулинском у., с подтверждением 28 февраля 1545 г. Василию Александрову сыну Спячего.
Упом. в Дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 185.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 3009. С. 377.
533. [1534 г. января — 1539/40 г.]⁴⁴. Жал. поместная гр. Ивана IV Василию Юрьеву с сыном Кузьмой на дд. Палкино, Нефедово и др. в Шейской вол. Тверского у.
Упом. в Дозорной книге 1551—1554 гг. Тверского у.: ПМТУ. С. 280.
Кат.: Антонов А. В. Частные архивы. № 3655. С. 457.
534. [1534 г. января — 1541 г. до марта 4]. Жал. гр. Ивана IV Яренскому Никольскому м-рю на заведение варниц и безоброчную варку соли.
Упом. в гр. тому же м-рю от 4 марта 1541 г. (см. выше № 240).
Кат.: ХП. Ч. III. № 1—118.

⁴⁰ Основания для датировки те же: П. В. Рагозин уже владел этими деревнями к моменту описания 1539/40 г., см.: ПМТУ. С. 89 (в писцовой книге 1539/40 г. он назван — возможно, по ошибке — «Петроком *Омельяновым* сыном Рагозина»).

⁴¹ Основания для датировки те же: Д. Ф. Рыкунов уже владел этими деревнями к моменту описания 1539/40 г., см.: ПМТУ. С. 75—76.

⁴² В издании Дозорной книги 1551—1554 гг. А. В. Антонов исправляет фамилию помещика на «Рыкунов», хотя в рукописи этой книги, как и в писцовой книге 1539/40 г., четко читается «Рыкунов» (ПМТУ. С. 276, прим. 310; ср.: Там же. С. 75).

⁴³ Основания для датировки те же, что и в предшествующих документах: А. И. Спячего уже владел этим селом к моменту описания 1539/40 г., см.: ПМТУ. С. 124.

⁴⁴ Основания для датировки те же: В. Юрьев с сыном Кузьмой уже владел этими деревнями к моменту описания 1539/40 г., см.: ПМТУ. С. 77.

535. [1534 г. января — 1542 г. июня]. Жал. тарх. (или льгот.) гр. Ивана IV Суздальскому Покровскому девичью м-рю («что им наших ямских денег, и посошные службы, и иных пошлин не давати»).
- Упом. в ук. гр. Ивана IV от 20 июня 1542 г. (см. выше № 266). Ссылка на ту же (или аналогичную) гр. тому же м-рю есть также в ук. гр. Ивана IV от 9 ноября 1542 г. (см. выше № 279).
- Кат.: ХП. Ч. III. № I—215 (с датировкой «около 1539 — 1540 гг.»).
536. [1534 г. января — 1542 г. сентября]. 1-я ук. гр. («посыльная») Ивана IV о неподсудности каширских пищальников и воротников каширскому наместнику.
- Пересказ в правой гр. от 25 сентября 1542 г.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашира. № 5/5767. Л. 24.
- Публ.: АГР. Т. I. С. 108 (по списку в составе правой гр.).
- Кат.: ХП. Ч. I. № 299.
537. [1534 г. января — 1542 г. сентября]. 2-я ук. гр. («посыльная») Ивана IV о неподсудности каширских пищальников и воротников каширскому наместнику.
- Пересказ в правой гр. от 25 сентября 1542 г.: РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кашира. № 5/5767. Л. 24.
- Публ.: АГР. Т. I. С. 108 (по списку в составе правой гр.).
- Кат.: ХП. Ч. I. № 300.
538. [1534 г. января — 1545 г. до февраля 6]. Жал. гр. Ивана IV Антониеву Сийскому м-рю на получение великокняжеского милостинного хлеба («грамота хлебная на сорок братьев»).
- Упом.: 1) в ж. гр. тому же м-рю от 6 февраля 1545 г. (см. выше № 342); 2) в монастырской описи 1556 г., см.: *Макарий*. Исторические сведения об Антониеве Сийском монастыре // ЧОИДР. 1878. Кн. 3. С. 9.
- Кат.: ХП. Ч. III. № I—119.
539. [1534 г. января — 1545 г. до февраля 6]. Жал. гр. Ивана IV Антониеву Сийскому м-рю на право сбора с монастырских крестьян пятна, новоженных убрусов и выводной куницы.
- Упом.: в ж. гр. тому же м-рю от 6 февраля 1545 г. (см. выше № 342).
- Кат.: ХП. Ч. III. № I—120.
540. [1534 г. января — 1546 г. до июня]. Жал. тарх. (или льгот.) гр. Ивана IV Переславскому Данилову м-рю.
- Упом. в ук. грамотах Ивана IV переславским городовым приказчиком от 22 июня 1546 г. и 15 июля 1547 г. (см. выше № 398, 451).
- Кат.: ХП. Ч. III. № I—227 (с датировкой «около 1542—1543 гг. или позже, но до июня 1546 г.»).

541. [1534 г. января — 1546 г. до октября]. Жал. льгот., проезжая и полетная гр. Ивана IV вятчанам Шестаковского городка.
Упом. в гр. им же от октября 1546 г. (см. выше № 408).
Кат.: ХП. Ч. III. № I—121.
542. [1534 г. января — 1547 г. января]. Жал. гр. (первая) Ивана IV Чухломскому Покровскому м-рю.
Упом. в ж. подтвердительной гр. царя Федора Ивановича тому же м-рю от 14 июня 1584 г., см.: *Прилуцкий Д.Ф.* Историческое описание Городецкого Аврамиева монастыря в Костромской губернии. СПб., 1861. С. 31.
Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—123; 2) *Антонов А.В.* Перечни актов. С. 157. № 36.
543. [1534 г. января — 1547 г. января]. Жал. гр. (вторая) Ивана IV Чухломскому Покровскому м-рю.
Упом.: *Прилуцкий Д.Ф.* Историческое описание Городецкого Аврамиева монастыря в Костромской губернии. СПб., 1861. С. 31.
Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—124; 2) *Антонов А.В.* Перечни актов. С. 157. № 37.
544. [1534 г. января — 1547 г. января]. Жал. нес. гр. Ивана IV иг. Лопотовой пустыни Геронтию на сщц. Никольское и Покровское с дд. и почч. в Замошской вол. Вологодского у.
Краткое изложение в правой гр. вологодских писцов слуге Лопотского м-ря Борису Иванову (не ранее 1550/51 г.): АГР. Т. I. № 64. С. 118.
Кат.: ХП. Ч. I. № 298.
545. [1534 г. января — 1547 г. до января 17]. Жал. льгот. гр. Ивана IV княгине Евфимии, вдове кн. В. И. Шемячича, с детьми на с. Глядково с дд. Суздальского у.
Упом. в ук. гр. Ивана IV от 17 января 1547 г. (см. выше № 425).
Кат.: ХП. Ч. III. № I—125.
546. [1534 г. января — 1547 г. января]⁴⁵. Жал. тарх.-проезжая гр. Ивана IV Никольскому Угрешскому м-рю.
Упом.: 1) в гр. Ивана IV от 20 июня 1567 г. (см.: ХП. Ч. II. № 906); 2) в ж. гр. царя Бориса Годунова тому же м-рю от 3 марта 1599 г. (ЛЗАК. Вып. V. СПб., 1871. Отд. II. С. 5).
Кат.: ХП. Ч. III. № I—126.
547. [1534 г. января — 1547 г. января]. Жал. кормл. гр. Ивана IV Григорию Судоку Васильеву сыну Мясного на вол. Ярополч Владимирского у.
Упом. в родословной росписи Мясных 1685/86 г., см.: *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 237.

⁴⁵ Основание для датировки этой и пяти последующих грамот — великокняжеский титул Ивана IV (не назван царем).

Кат.: 1) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 152. № 146; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 2130. С. 268.

548. [1534 г. января — 1547 г. января]. Жал. кормл. гр. Ивана IV Ураку Андрееву сыну Готовцева на г. Котельнич на Вятке.

Упом. в родословной росписи Готовцевых 1686—1688 гг., см.: *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 359.

Кат.: 1) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 152. № 147; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 757. С. 100.

549. [1534 г. января — 1547 г. января]. Жал. зап. (от ездоков) или ук. гр. Ивана IV Спасскому Ярославскому м-рю («в монастырских селех и в городех становщикам и никому не ставитца»).

Упом.: 1) в переписной книге Спасо-Ярославского м-ря 1701 г.: РГАДА. Ф. 237. Д. 13. Л. 190—190 об. (К); 2) в описной книге того же м-ря 1735 г.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2428. Л. 168 об.

Кат.: *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 90. № 55.

550. [1534 г. января — 1547 г. января]. Жал. нес. гр. Ивана IV Чудову м-рю (на всю м-рскую вотчину? («...Московского и протчих уездов о несуде крестьян, опричь душегубства»)).

Упом. в описи Чудова м-ря 1755 г.: ОР РГБ. Ф. 204 (ОИДР. Акты). Карт. 35. Д. 6. Л. 50. № 78.

Кат.: *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 94. № 110.

551. [1534 г. января — 1547 г. января]. Жал. кормл. гр. Ивана IV Александру Михайловичу Кобыкову на половину Большой Задубровской слободы в Кашинском у. с правдой, под кн. Андреем Засекиным.

Списки: 1) 1685—1686 гг.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 151. Л. 4 (П₂); 2) 1850-х гг.: Там же. № 165. Л. 628 об. — 629 (П₂).

Публ.: 1) *Юшков.* Акты. № 134. С. 116—117 (по списку 1685—1686 гг.; с датировкой 1533—1547 гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 213. С. 158—159 (по списку 1685—1686 гг.; с датировкой 1533—1547 гг.).

Кат.: 1) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 139. № 56; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1317. С. 170.

552. [1534 г. января — 1547 г. до мая 9]. Жал. тарх.-нес. гр. Ивана IV Троицкому Белопесоцкому м-рю на дд. Исаково и Сураево Коломенского у., сщ. Хотуши с дд. Каширского у.

Упом. (как сгоревшая) в гр. Ивана IV тому же м-рю от 9 мая 1547 г. (см. выше № 447).

Кат.: ХП. Ч. III. № 1—128.

553. [1534 г. января — 1547 г. ранее июня]. Жал. нес. гр. Ивана IV Андрею Александровичу Квашнину на вотчины в Московском и Бежецком уу.

Упом. (как сгоревшая «в московский пожар») в ж. гр. Ивана IV А. А. Квашнину от 27 мая 1549 г.: ОР РНБ. Ф. 573 (Собр. СПб. ДА). А. I/17. Л. 661 об. — 662 (список 1630-х гг.; сведения о гр. 1549 г. см.: *Енин Г.П.* Описание. № 964).

Кат.: ХП. Ч. III. № I—127.

554. [1534 г. января — 1548 г. до июля 15]. Жал. тарх.-нес., односроч., зап. и тарх.-проезжая гр. Ивана IV Костромскому Корнилеву Спасо-Преображенскому м-рю (Новой Корнилевой пустыни) на земли в Костромском у.

Упом. в гр. Ивана IV тому же м-рю от 15 июля 1548 г. (см. выше № 503).

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—129; 2) *Антонов А. В.* Перечни актов. С. 143. № 236 (с ошибочной датировкой 1533—1544 гг.).

555. [1535—1540 гг.]. Жал. гр. Ивана IV старцу Ошевнева м-ря Вассиану на земли вокруг м-ря (по три версты во все стороны от храма).

Упом. (как утерявшаяся) в гр. Ивана IV от 19 июля 1578 г., см.: ХП. Ч. II. № 1046.

Кат.: ХП. Ч. III. № I—184 (здесь же обоснование датировки грамоты временем игуменства Вассиана в Ошевневе м-ре).

556. [1537—1538 гг.]⁴⁶. Жал. кормл. гр. Ивана IV кн. Ивану Федоровичу Горчакову Перемышльскому на г. Карачев с корчмой, мытом и всеми пошлинами.

Публ.: 1) *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1, ч. 1. С. 500 (по невыявл. копии XVIII в., сделанной со списка 1686 г.); 2) АСЗ. Т. I. № 63. С. 53 (по публ. Власьева).

Кат.: 1) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 138—139. № 53; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 750. С. 99.

557. [1537—1538 гг.]. Жал. кормл. гр. Ивана IV Григорию Андрееву сыну Михайловича Лазарева на вол. Берендеево Дмитровского у. с правдой, мытом и тамгой под Злобой Осорьиным.

Список 1754 г.: РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 764. Л. 98—98 об. (П).

Публ.: АСЗ. Т. I. № 141. С. 109—110 (с датировкой 1533—1538 гг.).

Кат.: 1) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 139. № 54 (датировка: 1537—1538 гг.); 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1584. С. 202 (датировка: 1537—1538 гг.).

⁴⁶ Датировка А. В. Антонова и К. В. Баранова, см.: АСЗ. Т. I. № 63. С. 53, прим.

558. [1538—1545 гг.]⁴⁷. Жал. кормл. гр. Ивана IV Третьяку Иванову сыну Котенина на волл. Брюхово и Воларево Вологодского у. под Михаилом Викентьевым с братьями.
Список 1790-х гг.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 7838. Л. 9 (№ 8).
Публ.: АСЗ. Т. I. № 124. С. 98—99 (по списку 1790-х гг.).
Кат.: 1) Антонов А. В. Кормленные грамоты. С. 139. № 55; 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 1473. С. 188.
559. [1538—1547 гг.]⁴⁸. Жал. кормл. гр. Ивана IV Ивану Андрееву сыну Племянникова на волл. Орлову, Шульгу и Ивановский погост в Устюге с пятном.
Список 1780-х гг.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241. Л. 601 об. (П.).
Публ.: 1) Юшков. Акты. № 21. С. 21 (с датировкой 1462—1505 гг.); 2) АСЭИ. М., 1964. Т. III. № 286. С. 301 (с датировкой ок. 1485—1505 гг.); 3) АСЗ. Т. IV. № 352. С. 265—266 (с датировкой 1538—1547 гг.).
Кат.: 1) Антонов А. В. Кормленные грамоты. С. 139. № 57; 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 2477. С. 312.
560. [1538—1547 гг.]. Жал. кормл. гр. Ивана IV Ивану Андрееву сыну Племянникова на волл. Пушму и Осиновец в Устюге с правдой и пятном.
Список 1780-х гг.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241. Л. 601 об. — 602 (П.).
Публ.: 1) Юшков. Акты. № 19. С. 20 (с датировкой 1462—1505 гг.); 2) АСЭИ. Т. III. № 287. С. 301 (с датировкой ок. 1485—1505 гг.); 3) АСЗ. Т. IV. № 353. С. 266 (с датировкой 1538—1547 гг.).
Кат.: 1) Антонов А. В. Кормленные грамоты. С. 139. № 58; 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 2478. С. 312.
561. [1538—1547 гг.]⁴⁹. Жал. кормл. гр. Ивана IV Юмшану Андрееву сыну Лазарева на вол. Бускутово Переславского у. с правдой под Челядней Игнатьевым.
Список 1754 г.: РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 764. Л. 98 об. (П.).
Публ.: АСЗ. Т. I. № 142. С. 110—111 (по списку 1754 г.).
Кат.: 1) Антонов А. В. Кормленные грамоты. С. 140. № 60 (с датировкой 1539—1547 гг.); 2) Антонов А. В. Частные архивы. № 1585. С. 202 (с датировкой 1539—1547 гг.).

⁴⁷ Датировка А. В. Антонова и К. В. Баранова (см.: АСЗ. Т. I. № 124. С. 99, прим.) основана на формуляре этой грамоты и поместных грамотах сыновьям Третьяка Котенина от 24 мая 1545 г. и 20 марта 1546 г. (см. выше № 352, 386).

⁴⁸ Датировки этой и нижеследующей грамоты принадлежат А. В. Антонову и основаны на формуляре.

⁴⁹ Издатели грамоты в АСЗ датировали ее (по формуляру) 1538—1547 гг.; впоследствии А. В. Антонов в перечне кормленных грамот и каталоге актов из частных архивов предложил иную датировку: 1539—1545 гг., не приведя, однако, какого-либо обоснования.

562. [1538—1547 гг.]⁵⁰. Жал. кормл. гр. Ивана IV Михаилу Матвееву сыну Денисьевича на вол. Янгасарь Вологодского у. с правдой под Иваном Корсаковым Кобылиным.
Список 1670 г.: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязску. № 1335/42661. Без паг. (П).
Краткое изложение 1670 г.: Там же. Столбцы по Рязани. № 1607/41752. Л. 132 (П).
Публ.: 1) АСЗ. Т. II. № 123. С. 125 (по изложению, с датировкой 1533—1547 гг.); 2) Антонов А.В. Две кормленные грамоты Денисьевых // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 249. № 1 (по списку 1670 г., с датировкой 1538—1547 гг.); 3) АСЗ. Т. III. № 112. С. 98 (по списку 1670 г., с датировкой 1538—1547 гг.).
Кат.: Антонов А.В. Частные архивы. № 844. С. 111.
563. [1541—1542 гг.]⁵¹. Ук. гр. Ивана IV в Рузу на посад и в уезд о выборе голов для сыска разбойников.
Список 1540-х гг.: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 1. № 2948. Л. 1 (П).
Публ.: Баранов К.В. Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV — начала XVII века // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 30—31 (по списку 1540-х гг.).
564. [1543 г., ранее октября 18]⁵². Жал. кормл. гр. Ивана IV Федору Тимофееву сыну Зезевитова на вол. Выгоозеро Обонежской пятины с пятном и мытом под Ширяем Адодуровым.
Список 1780-х гг.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241. Л. 230 (П₂).
Публ.: 1) Юшков. Акты. № 141. С. 121 (по списку 1780-х гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 140. С. 103 (по списку 1780-х гг.).
Кат.: 1) Антонов А. В. Кормленные грамоты. С. 140. № 61; 2) Антонов А.В. Частные архивы. № 1049. С. 136.
565. [1544—1547 гг. января]⁵³. Жал. кормл. гр. Ивана IV Игнатию Борисовичу Голохвастову на г. Шую с правдой, пятном и корчмой.
Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 404. Д. 103. № 3 (П₂).
Публ.: 1) ЧОИДР. 1847. № 4. Смесь. С. 103 (по подл.); 2) АСЗ. Т. I. № 56. С. 49 (по подл.).

⁵⁰ Датирована А.В. Антоновым по формуляру.

⁵¹ Обоснование датировки см.: Баранов К.В. Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV — начала XVII века // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 24.

⁵² Датировается условно на основе указной гр. Ивана IV от 18 октября 1543 г. (см. выше № 295).

⁵³ Датировка издателей АСЗ, обоснование см.: АСЗ. Т. I. № 56. С. 49, прим.

Кат.: 1) *Флоря Б. Н.* Кормленные грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 126. № 18; 2) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 140. № 62; 3) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 723. С. 96.

566. [1544 г. февраля — 1548 г. апреля]⁵⁴. Жал. нес. гр. Ивана IV архимандриту Чудова м-ря Михаилу.

Упом. в описи Чудова м-ря 1755 г.: ОР РГБ. Ф. 204 (ОИДР. Акты). Карт. 35. Д. 6. Л. 49. № 71.

Кат.: 1) ХП. Ч. III. № I—237; 2) *Антонов А. В.* Вотчинные архивы (1). С. 97. № 133.

567. [1545 г. сентября — 1546 г. августа]⁵⁵. Жал. кормл. гр. Ивана IV Никите Федоровичу Карамышеву на г. Курск в Новгородской земле с мытом и пятном под его братом Михаилом Карамышевым.

Списки: 1) 1686—1688 гг.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 93. Л. 6 (П₂); 2) 1830 г.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. № 1278. Л. 4 (П₂); 3) 1850-х гг.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 165. Л. 532 об. — 533 об. (П₂).

Публ.: 1) *Юшков.* Акты. № 147. С. 126 (по списку 1686—1688 гг., с датой 1546 г.); 2) АСЗ. Т. IV. № 166. С. 127—128 (по списку 1686—1686 гг.; с датой «ок. 1545 г.»).

Кат.: 1) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 140. № 63; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 1177. С. 151.

568. [1545 г. сентября — 1546 г. августа]⁵⁶. Жал. кормл. гр. Ивана IV Федору Леонтьевичу Соловцову на г. Кобылье городище в Псковской земле с корчмой и пятном под Невежей Жеребцовым.

Список 1803 г.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 5370. Л. 69.

Публ.: АСЗ. Т. I. № 263. С. 236 (по списку 1803 г.; номер листа архивного дела в публ. указан неверно).

Кат.: 1) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 140. № 64; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 2981. С. 374.

⁵⁴ Датировка С. М. Каштанова (ХП. Ч. III. № I—237. С. 222), которая соответствует времени настоятельства архимандрита Михаила в Чудове монастыре. Другие датирующие признаки грамоты противоречивы: с одной стороны, Иван IV назван великим князем, а с другой — надпись на обороте грамоты передана так: «Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси».

⁵⁵ Датируется на основании имеющихся в грамоте двух последовательных продлений кормления до 6 декабря 1547 и 1548 гг., а также указной грамоты Ивана IV в Руссу 1545/46 г. о неукоснительной уплате торговых пошлин курскому наместнику Н. Ф. Карамышеву (см. выше № 363).

⁵⁶ Датировка А. В. Антонова и К. В. Баранова, см.: АСЗ. Т. I. № 263. С. 236, прим.

569. [1546 г. сентября — 1547 г. января]⁵⁷. Жал. кормл. гр. Ивана IV Григорию Истомину сыну Сухотина на вол. Мышегу Тарусского у. под Юшком Федоровым.

Списки: 1) 1686—1688 гг.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 92. Л. 11 (П₂); 2) 1773 г.: Там же. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 20. Л. 588 об. (П₂); 3) 1775 г.: Там же. Кн. 27. Л. 236 об. (П₂); 4) 1780-х гг.: Там же. Оп. 1. Кн. 241. Л. 774 об. — 775 (П₂); 5) 1850-х гг.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 165. Л. 775—775 об. (П₂). Публ.: 1) *Юшков*. Акты. № 152. С. 131 (по списку 1686—1688 гг., с датировкой 1546—1547 гг.); 2) АСЗ. Т. IV. № 456. С. 336 (по списку 1686—1688 гг.; с датировкой 1546/47 г.).

Кат.: 1) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 140. № 65; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 3111. С. 390.

570. [1547 г. сентября — 1548 г. августа]⁵⁸. Жал. кормл. гр. Ивана IV Андрею Ивановичу Соловцову на г. Кобылье городище в Псковской земле с корчмой и пятном под Федором Соловцовым.

Список 1803 г. (со списка 1759 г.): РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 5370. Л. 69 об. Публ.: АСЗ. Т. I. № 264. С. 236 (по списку 1803 г.; номер листа в публ. указан неверно).

Кат.: 1) *Антонов А. В.* Кормленные грамоты. С. 140. № 66; 2) *Антонов А. В.* Частные архивы. № 2982. С. 374.

Дополнение

571. 1538 г. ноября 22. Ук. гр. [Ивана IV на Волок Ламский приказчикам] о невзимании ямских денег и ненаряжении посошной службы и иных повиностей с бывших вотчин детей боярских, данных ими в Иосифо-Волоколамский м-рь.

Подл.: ОПИ ГИМ. Ф. 65. Д. 36. Л. 1.

Публ.: *Комочев Н. А.* Указанная грамота периода малолетства Ивана Грозного и Иосифо-Волоколамский монастырь // Исторический архив. 2009. № 6. С. 187—188 (по подл.).

⁵⁷ Основания для датировки: еще в 7055 (1546/47) г. кормление на вол. Мышегу было продлено отцу Г. И. Сухотина, Истоме Васильеву сыну Сухотина, о чем свидетельствует подпись дьяка И. Цыплятева (АСЗ. Т. IV. № 454. С. 335), а уже в 7056 (1547/48) г. тот же дьяк подписал кормленную грамоту, выданную Григорию Сухотину «под» Ю. Федоровым (Там же. № 456. С. 336). Очевидно, последний не мог получить это кормление ранее 1546/47 г., а учитывая, что Иван IV в этой кормленной грамоте назван великим князем (еще не царем), она могла быть выдана не позднее января 1547 г.

⁵⁸ Датировка издателей АСЗ.

II

Подтверждения иммунитета грамот в 1534—1547 гг.

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
1	Ж.	12.03.1507	Василий III	Валаамский м-рь	Освобождение м-рских крестьян от наместничьих поборов	[Янв. 1534 — октябрь 1538] ¹	Федор Мишурин	РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 255. Стб. 1095—1097
2	Ж. (или указаная)	1510/ 1511	Василий III	Суздальский Спасо-Евфимьев м-рь	На право свободного пользования лесом за м-ря р. Нерль для м-рских крестьян	[Янв. — август] 1534 ²	Имя дьяка не указано	Упом. в Описной книге Суздальского Спасо-Евфимьева 1660 г. // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета.

¹ Дата подтверждения в списке грамоты не указана. Датируется условно временем между началом подтверждения грамот на имя Ивана IV (январь 1534 г.) и казнью (21 октября 1538 г.) дьяка Федора Мишурина, подписавшего грамоту.

² Эта и последующие четыре грамоты сохранили только год подтверждения — 7042-й. Учитывая, что самые ранние известные нам подтверждения грамот на имя Ивана IV относятся к январю 1534, подтверждения этой и помещенных ниже в таблице грамот (№ 3—6) могут быть датированы временем между январем и концом августа 1534 г.

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
								Т. II. Владимир, 1878. С. 48. № 28
3	Ж. про- езжая	1511/1512	Василий III	Вологодская Успенская Александрова пустынь	На безмытный провоз товара на 10 возах	[Янв. — август] 1534	Имя дьяка не указано	Упом. в ж. гр. царя Михаила Федоровича той же пустыни от 2.10.1621 г.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. 1. 788. Л. 5 об. — 6
4	Ж. нес.	Авг. 1518	Василий III	Тверской Отроч м-рь	Сс. и дд. в Твер- ском и Кашин- ском уу., дворы и слободки гг. Твери и Ка- шине	[Янв. — август] 1534	Имя дьяка не указано	РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1921. Л. 9–9 об. Список в XVIII в. Подтверж- дение 7042 г. упом. в ж. гр. царя Федора Ивановича от 12.01.1584 г. (РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1921. Л. 7 об.)
5	Ж., тарх.- нес. и зап. (от ездо- ков)	Янв. 1522	Василий III	Троицкий Белопесо- цкий м-рь	Сщ., дд. и почч. в Каширском у.	[Янв. — август] 1534	Федор Мишурын	АРГ. М., 1975. № 207. С. 209–210

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
6	Ж. гр.	1524/ 1525	Василий III	Покровская пустынь	На торговые пошлины в Кузьминском торгу	[Янв. — август] 1534	Имя дьяка не указано	Упом. в ж. гр. царя Михаила Федоровича той же пустыни от 5 июля 1623 г.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1917. Л. 94 об. — 95
7	Ж. тарх.- проезжая	20.09 1515 / 1520	Василий III	Иосифо-Волоколамский м-рь	На беспопсл. проезд старцев и слуг, продаже 200 возов жита и т.д.	20. 01. 1534	Федор Мишурин	Баранов К.В. Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV — начала XVII века // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 28—29. № 3
8	Ж., тарх.- нес. и зап.	18. 12 1517	Василий III	Иосифо-Волоколамский м-рь	С. Болашковское, с. Мантурово с дд.	20. 01. 1534 ³	Федор Мишурин	АФЗХ. Ч. II. М., 1956. № 79. С. 76—78 (с ошибочной датой)

³ В подл. (ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. № 88) дата подтверждения заклеена, но ее удалось прочитать при сканировании документа в Кодикологической лаборатории РНБ (выражаю искреннюю признательность Д. О. Цыпкину за помощь в этой работе). Эта дата — 20 января 1535 г., а также тот факт, что подпись дьяка сделана тем же почерком, что и остальной текст подтверждения, вызывает большие сомнения в его подлинности. В списке XVI в. той же грамоты (РГАДА. Ф. 281. Тверь. № 6/12499) четко читается дата подтверждения «7042-г[о] гевнваря 20 дленъ». При публикации грамоты вместе с другими актами Иосифо-Волоколамского монастыря был также привлечен упомянутый список XVI в., но по непонятной причине дата подтверждения ошибочно прочитана как 7044, т.е. 1536 г. (АФЗХ. Ч. II. № 79. С. 78).

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
9	Ж., тарх. нес.	20.10 1527	Василий III	Иосифо-Во- локоламский м-рь	Сс. Отчищено, Спирово и др. Волоцкого у.	20. 01. 1534	Федор Мишури	подтверждения «20.01.1536» АФХ. Ч. II. № 103. С. 98—99
10	Ж. нес., зап. (от ездюков и незв. гос- тей) и на дан. при- става	20.08 1511	Василий III	Федоровский Переславский м-рь	С. Федоровское Переславского у.	20. 01. 1534 ⁴	Федор Мишури	РНБ. ОР. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. I. № 85. Подл.
11	Ж., дан., тарх. и нес.	Июнь 1522	Василий III	Иосифо-Во- локоламский м-рь	С. Фаустова гора Зубовского у.	21. 01. 1534	Федор Мишури	АФХ. Ч. II. № 87. С. 83—84
12	Ж. лытотная	20.10 1527	Василий III	Иосифо-Во- локоламский Волок. м-рь	Беспешинный проезд в Новго- род, Рузу и др.	26. 01. 1534	Федор Мишури	АФХ. Ч. II. № 102. С. 96—97

⁴ В подлиннике дата подтверждения стерлась, но ее удалось прочитать в люминесцентном освещении в Кодикологической лаборатории РНБ (октябрь 2001 г.). Выражаю искреннюю признательность за помощь сотруднику лаборатории Д. О. Цыпкину.

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
13	Ж., нес.	Сент. 1488	Иван III	Кирилло-Белозерский м-рь	Сс. и дд. на Белозере	28. 01. 1534	Фелор Мишурин	АСЭИ. М., 1958. Т. II. № 278. С. 186—187
14	Ж. дан., обел.-нес., двусроч. и зап.	Июнь 1522	Василий III	Кирилло-Белозерский м-рь	С. Кабаново с дд. в Угличском у.	28. 01. 1534	Фелор Мишурин	Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. СПб., 1999. С. 214—218. № 1
15	Ж. тарх.- проезжая	Февр. 1529	Василий III	Кирилло-Белозерский м-рь	Беспешинный провоз и купля продажа товаров	28. 01. 1534	Фелор Мишурин	ОР РНБ. Ф. 573 (ОСРК). № II/47. Л. 68 об. — 72 об.
16	Ж. дан., тарх. — нес. и зап. (от ездовых)	Окт. 1518	Василий III	Троицкий Селижаров м-рь	Дд. Хотошино, Опокинино и др., с угодьями в Ржевском у.	Февр. 1534	Фелор Мишурин	Описание Троицкого Селижарова монастыря. Тверь, 1900. Прил. I. С. 109—114
17	Ж. льготная	14.06 1531	Юрий Иванович Дмитровский	Троицкий Калязин м-рь	Сщ. Русиново, Собакино и дд. в Кашинском у.	Февр. 1534	Фелор Мишурин	АТКМ. М.; СПб., 2007. № 62. С. 63—64
18	Ж. льготная	28.07 1533	Юрий Иванович Дмитровский	Троицкий Калязин м-рь	Д. Тимирево и др. Дмитровского у., с. Коробово с дд. Кашинского у.	Февр. 1534	Фелор Мишурин	АТКМ. № 74. С. 76—77

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
19	Ж. нес., 1-сроч. и зап. (от незваных гостей и ездоков)	20.02.1506	Василий III	Спасо-Каменный м-рь	С. Пучка с дд. Вологодского у., с правом беспощадной ловли рыбы в р. Двине	1. 02. 1534	Федор Мишурин	Архив СПб. ИИ. Кол. 238. Оп. 2. Карт. 102. № 1. Л. 3–4
20	Ж., проезжая	1.02.1530	Василий III	Спасо-Каменный м-рь	На проезд монастырского судна	1. 02. 1534	Федор Мишурин	Архив СПб. ИИ. Кол. 238. Оп. 2. Карт. 102. № 1. Л. 5–6
21	Ж. ружная	Янв. 1529	Василий III	Вологодский Комельский (Корнильев) м-рь	На ежегодное получение 5 руб. для покупки рыбы	1. 02. 1534	Федор Мишурин	<i>Амвросий. ИРИ. М., 1812. Ч. IV. С. 704–705</i>
22	Ж. дан., тарх.-нес., 1-сроч. и зап. (от ездоков), тарх.-проезж.	18.09.1531	Василий III	Корнильев Комельский м-рь	Дд., почт. и займища в Комельской и Обнорской вол. Вологодского у.	1. 02. 1534	Федор Мишурин	ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. № 102

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
23	Ж. одно- срочная	2.02. 1508	Василий III	Вологодский Успенский (в Закоровье) м-рь	На данного пристава	1. 02. 1534	Федор Мишурин	ОР РНБ. Ф. 550. F.I.788. Л. 4—5 об.
24	Ж.	1485	Иван III	Кирилло-Бе- лозерский м-рь	На выдачу «жит- ного оброка»	1. 02. 1534	Федор Мишурин	Кашинов С.М. Очер- ки русской диплома- тики. М., 1970. С. 450—451. № 66
25	Ук. гр. с прочетом (вологод- скому правед- чику И. Кол- товскому)	24.04.1531	Василий III	Кирилло-Бе- лозерский м-рь	О нарушении жалованных гра- мот м-ря	1. 02. 1534	Федор Мишурин	ДАИ. СПб., 1846. Т. I. № 219. С. 365
26	Ук. гр. (на Бело- озеро)	22.01.1533	Василий III	Кирилло-Бе- лозерский м-рь	Запрет белозер- цам приезжать для торгов в Ки- риллов м-рь	1. 02. 1534	Федор Мишурин	РИБ. Пг., 1915. Т. 32. № 128. Стб. 219—220

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
27	Ж. нес., односроч. и зап.	28.07.1533	Василий III	Кирилло-Белозерский м-рь	Сщ. Ивановское и др. в Вологодском и Белозерском уу.	1. 02. 1534	Федор Мишурин	РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Вологда. № 9/2580
28	Ж. нес.	28.07.1533	Василий III	Кирилло-Белозерский м-рь	Двор в г. Белозере	1. 02. 1534	Федор Мишурин	ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. 113 ^а . Л. 111—112 об.
29	Ж. нес.	28.07.1533	Василий III	Кирилло-Белозерский м-рь	Двор в г. Кargopolе	1. 02. 1534	Федор Мишурин	ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 113 ^а . Л. 483—484 об.
30	Оброчная	31.08.1510	Дворецкий В.А. Челядинин «по слову» Василия III	Спасо-Прилуцкий м-рь	На ез на р. Сухоне в Волог. у.	5. 02. 1534	Федор Мишурин	Сб. Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1908. Вып. I. С. 85
31	Ук. с прочетом (вологодскому пригор. при- казчику)	18.02.1521	Василий III Приказ казначея Юрия Дмитриевича [Траханиота]	Спасо-Прилуцкий м-рь	Запрет брать оброк с крестьян на м-ских поках	5. 02. 1534	Федор Мишурин	Зимин А.А.. Новые документы по истории местного управления первой половины XVI в. // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 344—345. № 1

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
32	Ж. нес. и зап.	14.03.1525	Василий III	Спасо-При- лудский м-рь	Дл. Подсенье, Порецко и др. Вологодского у.	5. 02. 1534	Федор Мишурин	ОПИ ГИМ. Ф. 450 (Е.В. Барсов). Оп. I. Д. 897
33	Ук. гр. торопец- кому на- местнику кн. М. И. Ку- бенскому	31.07.1525	Василий III		О нарушении прав митропо- личья десятиль- ника на сбор пошлин	8. 02. 1534 ⁵	[Федор Мишурин]	АЮ. № 361 / II. С. 386 (без подтверждения)
34	Ж. гр.	27.10.1438	Софья Ви- товтовна	Троице-Сер- гиев м-рь	Исключительное право рыбной ловли в р. Кир- жаче	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 132. С. 101—102
35	Ж. тарх., нес.	7.10.1453	Мария Ярославна	Троице-Сер- гиев м-рь	Благовещенский м-рь на р. Кир- жаче	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 246. С. 174—175
36	Ж., тарх. и нес.	15.10.1453	Мария Ярославна	Благовещен- ский Киржач- ский м-рь	Михулинская и др.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 247. С. 176

⁵ В изд. АЮ подтверждение не приведено. Дату подтверждения и имя дьяка, скрепившего его своей подписью, указал С. М. Каштанов (ХП. № 226. С. 333, прим. 36) со ссылкой на подлинник грамоты. Но место хранения этого документа и его архивный шифр ученый не сообщил.

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
37	Ж., тарх. и нес.	17.05.1462	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	с. Присекое и др.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 304. С. 214–216
38	Ж., охр.-зап.	1462 / 1466	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	с. Петровское и др.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 307. С. 218–219
39	Ж., льгот. и нес.	1462 / 1466	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	На владения в Радонеже	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 309. С. 220
40	Ж., льгот. и нес. гр.	1462 / 1466	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	Сс. Сватково и Семеновское	9. 02. 1534	Афанасий Курицын ⁶	АСЭИ. Т. I. № 310. С. 221–222
41	Ж., двусроч.	1462 / 1466	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	с. Шухобал и др.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 316. С. 225–226
42	Ж. тарх.- проезжая	1462 / 1466	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	На торговую экспедицию на р. Углу, Белоозеро и Шексну	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 318. С. 227
43	Ж., нес.	1462 / 1466	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	с. Кунганово	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 319. С. 228–229
44	Ж., охр. (от незваных гостей)	1462 / 1478	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	Маринина слобода и др.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 327. С. 237

⁶ В сохранившемся списке грамоты дьяк Курицын ошибочно назван «Василием».

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
45	Указная с проче- том	1462 / 1485	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	Аргуново (осво- бождение от тягла троицких дере- вень)	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 332. С. 241
46	Ж., тарх. и нес.	3.10. 1467	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Скياتиново и др. Переясл. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 346. С. 252—254
47	Ж., тарх. нес.	1467 / 1474	Мария Ярославна	Троице-Сер- гиев м-рь	Двор в Ростове	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 349. С. 255—256
48	Ж. дан.	1467 / 1474	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	На пользование лесами в Ве- рейск. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 352. С. 258
49	Ж. зап. (от ездо- ков)	1467 / 1474	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	Никольский м-рь в с. Дерю- зино и д. Бобо- шино Переслав- ского у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 353. С. 259
50	Ж. зап. (от незв. гостей и ездоков)	1467 / 1474	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	Никольский м-рь в с. Дерюзино и Чечевкина сло- бока в Пере- славском у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 354. С. 260

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
51	Ж. охр. (от постоля, подвод и незван. гостей)	1467 / 1474	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	С. Скнятиново Переясл. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 356. С. 261–262
52	Ж. тарх.- проезжая	1467 / 1474	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	На проезд с товаром через Козловский мыт	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 358. С. 263
53	Ж., тарх. и нес.	31.07 1469	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	Сс. Шухобалово и Миккульское (Сузд. у.)	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 388. С. 282
54	Жал. гр.	11.03.1473	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	Запрет звать к суду монастырских крестьян без явки приставных грамот	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 417. С. 306–307
55	Ж., тарх. нес.	1472/73	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	Сс. Кучка и Деревенька Юрьевского у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 412. С. 301–302
56	Ж., зап. (от незв. гостей)	1472–1474	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	Сс. в Радонеже, Кинеле и др.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 414. С. 304

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
57	Ж., тарх. и нес.	19.04.1478	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	С. Воскресенское с.дд. Переславского у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 455. С. 341—342
58	Ж. зап. (от незв. гостей)	1478—1482	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	С. Перелод Мадоярославецкого у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 462. С. 348
59	Ж. тарх.	11.02.1481	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	Двор и 4 варнишы у Соли Переяславской	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 491. С. 369—370
60	Ж., тарх. и нес.	19.05.1481	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	С. Ростokino Московского у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 492. С. 371—372
61	Ук. гр. (зап. от ездоков)	6.06. 1481	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	Ворские села м-ря в Московском у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 493. С. 372—373
62	Ук. гр. (зап. от ездоков)	7.07. 1481	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	Радонезские села М-ря	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 494. С. 373—374
63	Ж. одно срочная	1481/1482	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	Сс. Медна и Кумганцево Новоторжского у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 495. С. 374—375
64	Ж. зап. (от ездоков)	8.01. 1482	Иван III	Троице-Сергиев м-рь	Дд. на Почапе	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 497. С. 375—376

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
65	Ж. зап. (от ездо- ков)	8.01. 1482	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Перелол	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 498. С. 376—377
66	Ж., тарх., нес.	Сент. 1485	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	Сс. Ивановское и Пестово (Ка- шин. у.)	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 519. С. 393—394
67	Ж. прозжая	17.08.1486	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	Беспощинный провоз рыбы с Белоозера	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 530. С. 407—408
68	Ж. дан. (на «пят- но»)	27.08.1486	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	Сс. Медна и Кун- ганцево (Ново- торж. у.)	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 531. С. 408—409
69	Ж., нес.	Янв. 1491	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Бестумицы (Муром. у.)	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 561. С. 438
70	Ж., нес.	Июль 1492	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	Сс. Присецкое и Сукромное	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 568. С. 446—447
71	Ук. (с прочетом) юрьев- скому на- местнику, тарх.- прозж.	6.12.1493	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Шухобал Суз- дальского у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 573. С. 453—454

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший	Источник
72	Ж., тарх., нес. и 2-срочная	1500/01	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	Сс. Передол и Почап (Мало- ярослав. у.)	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 631. С. 543—544
73	Ж., льгот., нес.	1.08.1501	В/к Васи- лий Ива- нович	Троице-Сер- гиев м-рь	Двор в Кашине	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 637. С. 549—550
74	Ж. нес. и зап. (от ездоков незв. гос- тей)	1506/1507	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	Дд. Попово, Стремянниково и др. Костром. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 23. С. 31—32
75	Ж. нес., зап. (от незв. гос- тей и ез- доков) и двусроч- ная	Март 1507	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Гнездники, поч. Новоселково, дд. и пуст. в Галич. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 32. С. 38
76	Ж. зап. (от ездо- ков и не- званных гостей)	Апр. 1507	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Кучки с дд. в Юрьевском у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 34. С. 40

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
77	Указная всем слу- жилым людям с запретом насиловать постоя	9.09.1509	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	Сс. Медна и Кумганово Ново- торжск. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 52. С. 55
78	Ж. обе- льно-нес.	16.07.1511	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Тума в Ополье Суздальск. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 83. С. 88–89
79	Ж. обе- льно-нес.	16.07.1511	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Хавкино в Су- рожике Моск. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 84. С. 89–90
80	Ж. обе- льно-нес.	19.12.1511	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	Сц. Марьинское в Емстне Кос- томского у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 89. С. 94–95
81	Ж. обе- льно-нес.	3.02.1512	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Романовское в Шитове Бо- ровск. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 99. С. 103–104
82	Ж. обе- льно-нес. и зап. (от ездоков)	22.04.1516	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	Сс. Перелод и Почап Малояро- славск. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 135. С. 131–132

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
83	Ж. нес. и на кон- ские пят- но	22.07.1516	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	Сл. Румянцево в вол. Тухачеве Бо- ровск. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 136. С. 133
84	Ж. нес. и на кон- ские пят- но	22.07.1516	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	Дд. и воды в Го- роховце и Яро- полче	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 137. С. 134
85	Ж. обе- льно-нес.	Дек. 1517	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Федоровское в Нерехотск. вол., три варницы и дворы в Нерехте	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 146. С. 142
86	Ж. обе- льно-нес.	Дек. 1517	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Хуланское, сц. Колпниское и дд. в Переясл. у., дворы в Пере- яславле и др.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 147. С. 143—144
87	Ж. нес.	Февр. 1519	Василий III	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Дубешня с дд. в Хотунской вол.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 175. С. 170—171
88	Указн. с проче- том (о не- взима-	9.01. 1520	Кн. Юрий Иванович Дмитров- ский	Троице-Сер- гиев м-рь	Прилуцкие дд. и почт. м-ря	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 183. С. 180

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
	нии явки за польз. лесом)							
89	Ж. нес.	12.03.1520	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	Дд. в вол. Корзене Моск. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 185. С. 183
90	Ж. нес.	27.04.1521	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	Сщ. Городище и Бочкино с дд. в Беж. Верхе	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 193. С. 192
91	Ж. обельно-нес.	15.01.1522	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	Сщ. Берликово с дд. Ростовск. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 205. С. 207–208
92	Ж. на данного пристава	28.01.1522	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	С. Прилук с дд. в Угличском у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 206. С. 208–209
93	Ж. нес.	21.12.1522	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	С. Выпуково, сщ. Коярово и дд. в Переясл. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 211. С. 213–214
94	Ук. гр.	21.06.1523	Василий III	Троице-Сергиев	Об охране м-рь м-рских сс. и дд. в Воре и Корзене Моск. у. от постоя и насилья ратных людей	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 218. С. 220

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
95	Ж. под-твердит. данная и нес.	11.11.1523	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	С. Леднево Юрьевск. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 220. С. 222
96	Указн. с проче-том (о не-взимании денег)	27.09.1525	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	Сц. Романовское в Щитове Боровского у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 253. С. 256—257
97	Ж. нес. и льгот	23.11.1526	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	С. Бороново-ково с дд. в Пereaслав. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АРГ. № 280. С. 282—283
98	Ж. (осв. от туко-вых де-нег)	27.01.1529	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	Дд. м-ря в Кор-зенева вол. Моск. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АИ. СПб., 1841. Т. I. № 132. С. 193
99	Ж. нес.	28.01.1529	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	С. Поникарово в Ростовском у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). № 100. Подл. (отрывок) ⁷

⁷ На обороте подлинной грамоты сохранилось лишь имя дьяка, подписавшего ее подтверждение (Афанасий Курицын). Дата подтверждения (9 февраля 1534 г.) читается только в списках, см. список 1530-х гг.: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 437 об. — 438 (текст подтверждения — л. 438).

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
100	Ж., зап.	20.11.1529	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	Леса и роши с. Шухобала Сузд. у., с. Леднева и др. Юрьевск. у., с. Румянцева Боровск. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	ААЭ. Т. I. № 174. С. 145–146
101	Ж. зап.	5.12.1529	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	Леса и роши приписного Киржачского м-ря в Переслав. у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание г. Киржача. М., 1884. Прил. С. 98–99
102	Ж., льгот., нес. и односторонняя	Март 1533	Василий III	Троице-Сергиев м-рь	Сд. Гнезиково Галицкого у. и дд. в Костромском у.	9. 02. 1534	Афанасий Курицын	АТН. Вып. II. Юрьев, 1897. № 7. С. 6–7
103	Ж. дан., льгот., нес. и зап.	20.06.1525	Василий III	Троицкий Данилов Пеславский м-рь	Сд. Старое Бурдовское Переславского у.	11. 02. 1534	Фелор Мишулин	РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 62/8786. (Подл.). Опубл. без текста подтверждения: Добронравов В.Г. История Троицкого Данилова монастыря

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
								в г. Переславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. Прил. Отд. 2. С. 16—17. № 1
104	Ж. льготная и нес- и зап.	11.07.1526	Василий III	Троицкий Данилов Переславский м-рь	Д. Новое Будовское Переславского у.	11. 02. 1534	Федор Мишурин	<i>Добронравов В.Г.</i> История Троицкого Данилова монастыря... Прил. Отд. 2. С. 17—18
105	Ж. нес. и зап. (от незв. гос-тей и ез-доков)	2.03. 1506	Василий III	Лужецкий м-рь	Слободки в г. Можайске, сс. Костентиновское, Мышкино и др. в Можайском у.	11. 02. 1534	Федор Мишурин	<i>Дионисий.</i> Можайские акты, СПб., 1892. № 1. С. 1—2
106	Ж. дан. и зап.	24.11.1518	Василий III	Клинская Изосиминская пустынь	Рыбная ловля на р. Сестрице и лес в Клинском у.	22. 02. 1534	Федор Мишурин	<i>Антонов А.В.</i> Клинские акты XV—XVI веков // РД. Вып. 4. С. 66—67 (в составе правой грамоты 1539 г.)
107	Ж. данная	7.03.1475	Иван III	Симонов м-рь	Рыбные ловли на р. Волге	25. 02. 1534	Федор Мишурин	АСЭИ. Т. II. № 389. С. 395—396

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
108	Ж. нес. и зап. (от ездоков, незв. гос-тей, ско-морохов)	27.04.1507	Василий III	Симонов м-рь	Сц. Коробово, (от с. Литвиновское и др.) (Моск. у.)	25. 02. 1534	Федор Мишурин	АФЗХ /АМСМ. Л., 1983. № 4. С. 11–12
109	Ж. нес. и зап. (от ездоков, незв. гос-тей, ско-морохов)	27.04.1507	Василий III	Симонов м-рь	С. Зиновьевское дд. в Рогу Малом Владимир. у.	25. 02. 1534	Федор Мишурин	АФЗХ /АМСМ. № 5. С. 13–14
110	Ж. нес. и зап. (от ездоков, незв. гос-тей, ско-морохов)	27.04.1507	Василий III	Симонов м-рь	Сс. Карказово, Подберезье в Коломен. у.	25. 02. 1534	Федор Мишурин	АФЗХ /АМСМ. № 6. С. 14–15
111	Ж. нес. и зап. (от ездоков, незв. гос-тей, ско-морохов)	Апр. 1507	Василий III	Симонов м-рь	Слободка и дд. в Череповеси на Белоозере	25. 02. 1534	Федор Мишурин	АФЗХ /АМСМ. № 7. С. 15–16

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
	тей, ско- морохов)							
112	Ж. нес. и зап. (от ездоков, незв. гос- тей, ско- морохов)	Апр. 1507	Василий III	Симонов м-рь	Сщ. Блудово, дд. Гавино и др. Пересл. у., двory у Соли Переслав- ской	25. 02. 1534	Фелор Мишурун	АФЗХ /АМСМ. № 8. С. 17—18
113	Ж. про- езжая	8.01.1510	Василий III	Симонов м-рь	На беспопшл. проезд 20 м-ских возов	25. 02. 1534	Фелор Мишурун	АФЗХ (АМСМ). № 11. С. 20
114	Ж. обель- но-нес., двусроч- ная, на конское пятно и зап. (от незв. гос- тей)	3.01. 1524	Василий III	Симонов м-рь	Сс. Вось Егон- ская и др. в Бе- жецком Верхе, дд. Волчино и др. в Велетове Углич. у.	25. 02. 1534	Фелор Мишурун	АФЗХ /АМСМ. № 18. С. 25—26
115	Ж. одно срочная и на дан-	28.06.1533	Василий III	Симонов м-рь	Сщ. Борисовское и дд. у Соли Га- лишкой, дд. и	25. 02. 1534	Фелор Мишурун	АФЗХ /АМСМ. № 39. С. 42—43

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
	ного пристава				почч. в Костром- ском у.			
116	Ж. тарх.- проезжая и нес.	25.04.1507	Кн. Юрий Иванович Дмитров- ский	Троице-Сер- гиев м-рь	На проезд м-р- ских купцов с то- варом в Дмитров- ском и Кашин- ском уу.	27. 02. 1534	Фелор Мишурин	АРГ. № 33. С. 39
117	Ж. тарх.- оброц. и нес.	15.04.1513	Кн. Юрий Иванович Дмитров- ский	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Петровское в Ижве Дмитров- ского у., с. Ан- дреевское Руз- ского у.	27. 02. 1534	Фелор Мишурин	АРГ. № 107. С. 108–109
118	Ж. тарх.- нес., зап. (от ездо- ков и охотни- ков) и двусороч.	9. 03. 1516	Кн. Юрий Иванович Дмитров- ский	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Новое Поречье Дмитровского у.	27. 02. 1534	Фелор Мишурин	АРГ. № 133. С. 130
119	Ж. льготная	18.04.1532	Кн. Юрий Иванович Дмитров- ский	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Новое Поречье с дд. Дмитров- ского у.	27. 02. 1534	Фелор Мишурин	АТН. Вып. II. № 6. С. 5

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
120	Ж. тарх.- оброоч., нес., зап. (от ездо- ников, псарей и скоморо- хов)	19.04.1532	Кн. Юрий Иванович Дмитров- ский	Троице-Сер- гиев м-рь	С. Дмитриевское в Городском ст. Звенигород- ского у.	27. 02. 1534	Федор Мишурын	РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Звенигород. № 9/4683. Подл.
121	Ж. дан., обел.- нес., зап. и дву- срочная	Июнь 1522	Василий III	Кассиано- Учემский м-рь	Дд. Туханово и др., поч. Голо- вин и др., пуст. Маслово в Углич- ском у.	27. 02. 1534	Федор Мишурын	ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 171. С. 139—141
122	Ж.	1521/ 1522	Василий III	Покровский Угличский м-рь	С. Архангельское с дл. в Углич- ском у.	27. 02. 1534	Имя дьяка не указано	Упом.: РГАДА. Ф. 248. Д. 192. Л. 251 об.
123	Ж. прозжая	1462 /1466	Иван III	Троице-Сер- гиев м-рь	Беспешлинный проезд от м-ря до Хресцовой за- води в Нижнего- родском у.	28. 02. 1534	Федор Мишурын	Кашинов С.М. Очерки. № 22. С. 381, 383

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
124	Ж., тарх., нес.	26.04.1504	Юрий Ив. Дмитров- ский	Троице-Сер- гиев м-рь	Сс. Михайлов- ское и Пестово Кашинск. у.	28. 02. 1534	Федор Мишурин	АСЭИ. Т. I. № 653. С. 577—578
125	Ж. ружная	1.03. 1506	Василий III	Ц. Покрова в м-ре на Хоть- кове в Радю- нежском у.		28. 02. 1534	Федор Мишурин	АРГ. № 15. С. 24
126	Ж. дан- ная и нес.	1488/ 1489	Иван III	Троицкая Павлова пустынь	Черный лес в Комельской вол., почч. и дд. в Об- норской вол. Во- логдского у.	Март 1534	Федор Мишурин	Кашанов С.М. Очер- ки. № 67. С. 452—453
127	Ж. нес., проезжая и зап.	31.10.1518	Василий III	Чухломской Покровский м-рь	Сс., дд. и дворы в Галицком у.	Март 1534	Федор Мишурин	АИ. Т. I. № 125. С. 183—185
128	Ж. дан. и нес.	5. 07. 1530	Юрий Ив. Дмитров- ский	Троицкий Калязин м-рь	Починок у д. Фомицыно в вол. Жабне Ка- шинского у.	Март 1534	Федор Мишурин	АТКМ. № 53. С. 52—53
129	Ж. нес.	28.07.1530	Юрий Ив. Дмитров- ский	Троицкий Калязин м-рь	Сд. Русиново, д. Молчаново и пустоши в Ка- шинском у.	Март 1534	Федор Мишурин	АТКМ. № 54. С. 53—54

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
130	Докладная купчая	1531/1532	Игумен Пимен с братьей, с доклада дмитровскому боярину М.Е.Гусеву	Троицкий Калязин м-рь	Д. Куничкино в Повельском ст. Дмитровского у.	Март 1534	Меньшой Путятин	АТКМ. № 68. С. 70—71
131	Ж. тарх.-обороч., нес., двусроч. и зап. (от незв. гос-тей и ез-доков)	5.02. 1507	Василий III	Троицкий Белопесочский м-рь	Почч. Ступинское и др., д. Мальцово Каширского у.	1. 03. 1534	Федор Мишурин	АРГ. № 29. С. 35—36
132	Ж. льгот., тарх.-обороч. и нес.	7.01. 1515	Василий III	Троицкий Белопесочский м-рь	Почч. в Ростиславне и Туровской вол. Каширского у.	1. 03. 1534	Федор Мишурин	АРГ. № 118. С. 118—119
133	Ж. нес.	11.02. 1506	Василий III	Владимирский Рож-	Сс. Вель, Улала, Василково и др.	1. 03. 1534	Федор Мишурин	Кистев С. Н. Владимирский Рождествен-

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
				дественский м-рь	в Сузд. у.			ский монастырь в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 91—92. № 1
134	Ж. дан. и нес.	5.07. 1518	Василий III	Владимир- ский Рож- дественский м-рь	С. Пересекينو Владимир. у.	1. 03. 1534	Фелор Мишурин	<i>Маштафаров А.В.</i> Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVII века // РД. Вып. 4. С. 39—40. № 1
135	Ж. ружная	2.02. 1524	Василий III	Владимир- ский Успен- ский собор		1. 03. 1534	Фелор Мишурин	Сб. Муханова. Изд. 2-е. СПб., 1866. № 319. С. 599—600
136	Ж. тарх- оборочная, нес. и зап.	23.07. 1508	Василий III	Церковь Рожде- ства Христо- ва в вотчи- не Солотчин- ского м-ря	С. Григорьевское в Перевицкой де- сятине Рязан- ского у.	2. 03. 1534	Имя дьяка не указано	<i>Филиппова И.С.</i> Мос- ковские грамоты XVI в. из гос. архива Рязанской области // История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 272—274. № 1

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
137	Ж. на данного пристава и зап. (от ездо- ков)	Июль 1511	Василий III	Троицкий Белопесо- цкий м-рь	Дд. в Туровской и Растовской вол. Каширского у.	3. 03. 1534	Федор Мишурин	АРГ. № 86. С. 91—92
138	Охр., односро- чная и на данного пристава	Апрель 1514	Василий III	Нижегород- ский Печер- ский Возне- сенский м-рь	Сс. Килекша и Плещо	3. 03. 1534	Федор Мишурин	АРГ. Т. I. Киев, 1860. № 52. С. 68—69
139	Ж. данная	15.06.1531	Юрий Иванович Дмитров- ский	Троицкий Калязин м-рь	С. Елпатьевское, дд. Поповкин- ская и Поддубная в Дмитровском у.	5. 03. 1534	Федор Мишурин	АТКМ. № 63. С. 64—66
140	Ж. обель- но-нес. и зап.	Июнь 1522	Василий III	Чудов м-рь	С. Дубки Зубцов- ского у.	9. 03. 1534	Федор Мишурин	ПРП. М., 1956. Т. IV. С. 118 (пересказ в гра- моте 1551 г.)
141	Ж. нес. и зап.	27.02.1524	Василий III	Покровский Рязанский м-рь	Д. Луковичино с покосами, борт- ным лесом и др. угодьями	9. 03. 1534	Федор Мишурин	ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Ол. 1. № 94

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
142	Ж. тарх. — проезжая и на дан- ного при- става	22.02.1514	Василий III	Суздальский Покровский м-рь		1) 10.03. 1534 2) 20.07.1539	1) Федор Мишурин 2) Меньшой Путятин	Каштанов С.М. ИРСИ. М., 1996. Прил. IV. № 1. С. 165
143	Ж. гр.	19.09.1526	Василий III	Старина Суз- дальского Покровского м-ря Софья	С. Вышеславское Суздальского у.	10. 03. 1534	Федор Мишурин	РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1920. Л. 63 об. — 64 (список XVIII в.)
144	Ж. нес.	16.03.1520	Василий III	Воскресен- ский Терехов м-рь	Сп. Тереховское, Селивановское и др.	16. 03. 1534	Федор Мишурин	АЮ. № 24. С. 59—60 (в составе правой гра- моты 1584 г.)
145	Ж. нес., на дан- ного при- става и зап. (от ездоков и незванных гостей)	Март 1523	Василий III	Покровский м-рь в Пере- славе Рязан- ском	Сс. и дл. в Рязан- ском у.	19. 03. 1534	Федор Мишурин	ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. № 201 (отры- вок). Полный текст: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1917. Л. 80—82 об. (список XVIII в.)
146	Ж. нес. и на дан-	4.03.1515	Василий III	Дмитриев- ский собор во	Право сбора руж- ных денег и кор-	23. [03]. 1534	Федор Мишурин	ААЭ. Т. I. № 159. С. 129—130

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
	ного при- става			Владимире	ма с дворцовых сел и рубить лес в незаповедных лесах			
147	Ж. обр.- нес.	30.01.1467	Иван III	Ярославский Спасский м-рь	На все монастыр- ские вотчины в Ярославском у.	28. 03. 1534	Федор Мишури	РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1916. Л. 160— 161 об. Список XVIII в.
148	Ук. гр.	22.01.1517	Василий III	Ярославский Спасский м-рь	Правж с пи- сальников пере- возных денег в пользу м-ря	28. 03. 1534	Федор Мишури	ИАЯСМ. М., 1896. № V. С. 6
149	Ж. тарх.- проезжая	Апр. 1519	Василий III	Ярославский Спасский м-рь		28. 03. 1534	Федор Мишури	ИАЯСМ. № VII. С. 8
150	Ук. с прочетом (ямщи- кам)	8.02. 1532	Василий III	Ярославский Спасский м-рь	Невзимание под- вод на ям с крестьян м-ря	28. 03. 1534	Федор Мишури	ИАЯСМ. № IX. С. 9—10
151	Ж. гр.	Между 1463 и 1478	Иван III	Ярославский Спасский м-рь	На взимание пла- ты за перевоз че- рез Волгу	29. 03. 1534	Федор Мишури	АСЭИ. М., 1964. Т. III. № 196. С. 208

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
152	Ж. нес. и зап.	6.04. 1527	Василий III	Рязанский Богословский м-рь	Сщ. Выползово и Пушово с дд.	22. 04. 1534	Федор Мишурин	РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1917. Л. 54–55. Список XVIII в.
153	Ж. обел.- нес. и зап.	13.08. 1532	Василий III	Новгородский Спасо-Ху- тынский м-рь	Вся монастыр- ская вотчина	12. 05. 1534	Федор Мишурин	Амвросий. ИРИ. М., 1815. Ч. VI. С. 627–634
154	Ж. нес.	20.01. 1529	Василий III	Успенская Воронина пустынь	Владения в Бело- зерском у.	18. 05. 1534	Федор Мишурин	Архив СПб. ИИ. Кол. 41. № 53. Список XVI в.
155	Ж. проезжая	1462/63	Иван III	Симонов м-рь	Беспошлинный проезд с товаром на Белоозеро, в Бежецкий Верх и на Шекену	29. 05. 1534	Федор Мишурин	АСЭИ. Т. II. № 366. С. 360–361
156	Ж. нес. и зап. (от ездоков.	19.04. 1506	Василий III	Спаский Золотоворот- ский м-рь во	Сс. Хотенское и Новоселка Поль- ского ст. и 7 дл.	29.05. 1534 ⁸	Федор [Мишурин] ⁹	Архив СПб. ИИ. Кол. 41. № 43. Полл.

⁸ В подлиннике часть текста подтверждения при реставрации заклеена бумагой; читаются только последние буквы слова: «[вот]раго», т.е. 7042, и дата: 29 мая.

⁹ В подл.: «А подписал дьяк Федор». Известен только один дьяк по имени Федор, занимавшийся подтверждением гра- мот весной 1534 г., — Мишурин.

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
	незв. гос- тей и по- проша- таев)			Владимире	Ильмехотского ст. Владимирского у.			
157	Ж. нес. и зап.	Янв. 1522	Василий III	Углицкий Афанасьев- ский м-рь		2. 06. 1534	Федор Мишурин	Упом.: РГАДА. Ф. 248. Д. 192. Л. 258 об.
158	Ук. гр. с прочетом на Вятку намест- нику Слобод- ского го- рода	29.06.1522	Василий III	Вятчане сло- божане	Принуждение во- тяков и чувашей к исполнению городовых по- винностей	18. 06. 1534	Имя дьяка не указано	Труды Вятской УАК 1905 г. Вятка, 1905. Вып. 3. Отд. III. С. 81
159	Ук. гр. с прочетом на Вятку намест- нику Верхнего	24.11.1528	Василий III	Вятчане сло- божане Верх- него Слобод- ского городка	Высылка из го- рода ликих лю- дей и скоморохов	18. 06. 1534	Федор Мишурин	АСЗ. Т. IV. № 172. С. 132—133

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
	Слободского городского							
160	Ж. тарх. - проезжая	11.09.1501	В. кн. Василий Иванович	Троицкий Усть-Шехонский м-рь	Беспощинный проезд м-рских людей с хлебом и др. товарами по Новгородской, Тверской и Белозерской землям	23. 06. 1534	Федор Мишурин	Кашианов С.М. ИРСИ. Прил. I. № 4. С. 130
161	Ж. нес. и зап. (от незваных гостей и ездоков)	2.02. 1506	Василий III	Переславский Николаевский на Болоте м-рь	С. Рождественное и д. Якимцово Переслав. у. и дворы в Переславле	27. 06. 1534	Федор Мишурин	Кашианов С.М. ИРСИ. Прил. II. № I. С. 134–135
162	Ж. нес.	27.12.1509	Юрий Иванович Дмитриевский	Переславский Никольский м-рь	С. Турбеево с дд. Дмитриевского у.	27. 06. 1534	Федор Мишурин	АСЭИ. Т. III. № 95. С. 131–132
163	Ж. ружная	1523/ 1524	Василий III	Спасский Нижегородский собор	На денежную и хлебную ругу	Сент. 1534 – авг. 1535	Имя дьяка не указано	Упом. в жал. гр. царя Михаила Федоровича тому же собору от 4 марта 1624 г.;

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
								ОР РГБ. Ф. 29 (Беляев). № 125. Л. 61 об.
164	Ж. зап. (от ездоков)	1523/1524	Василий III	Спаский Нижегородский собор		Сент. 1534 — авг. 1535	Имя дьяка не указано	Упом. в жал. гр. царя Михаила Федоровича тому же собору от 4 марта 1624 г.: ОР РГБ. Ф. 29 (Беляев). № 125. Л. 61 об.
165	Ж. зап.	Февр. 1530	Василий III	Вологодский Комельский м-рь	Монастырский лес	7. 10. 1534	Федор Мишурин	<i>Амвросий</i> . ИРИ. М., 1811. Ч. III. С. 280—283
166	Ж. нес. и зап. (от незв. гос-тей и ездовых)	25.03.1524	Василий III	Новгородский Антониев м-рь	Сс. и дл. в Обо-нежской, Бежецкой и Деревской пятинах, дворы на посаде	26. 01. 1535	Федор Мишурин	<i>Амвросий</i> . ИРИ. Ч. III. С. 136—144
167	Ж. льгот. и нес.	19.09.1531	Василий III	Печерский Вознесенский м-рь	Сс. и дл. в Нижегородском и Суздальском уу.	22.02. 1535	Федор Мишурин	Архив СПб. ИИ. Кол. 41. Ед. хр. 54
168	Ж. льгот. и нес.	24.04.1524	Василий III	Двиняне Наум Кобель Савин сын «с товарищи»	Соляные ключи на р. Юре	27.05. 1535	Федор Мишурин	РИБ. СПб., 1894. Т. XIV. № X. Стб. 10—14

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
169	Ж. нес.	19.07.1526	Василий III	Анна, вдова А.М. Лазарева с детьми	Сл. Новоселки в Юрьевском у.	24.06. 1535	Федор Мишурин	АСЗ. М., 1997. Т. I. № 140. С. 109
170	Ж.	1505/ 1533	Василий III	Троицкий Ростовский, что у варниц, м-рь	Дворы и деревни в Солигалицком ст. Ростовского у.	Сент. 1535 — авг. 1536	Имя дьяка не указано	Упом. в гр. ц. Михаила Федоровича от 9.01.1624; РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 1916. Л. 79. Список XVIII в.
171	Ж. нес., проезжая и зап. (от ездоков и незваных гостей)	8.09. 1510	Василий III	Михайловский Устюжский м-рь	Сс. и дл. в Устюжском у. и у Соли Вычегодской	15.03. 1536	Федор Мишурин	РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 1923. Л. 1—3 об. Список XVIII в. ¹⁰
172	Ж.	Янв. 1479	Иван III	Серпуховской Владычный м-рь		13.09. 1536	Федор Мишурин	Каишанов С.М. Очерки. № 68. С. 454—455 (включенный акт в составе жалованной грамоты 1556 г.)
173	Ж. нес.	4.02. 1515	Василий III	Иван и Алексеи Мешери-	Дл. Напрудное и Горохово в Ку-	17.11. 1536	Федор Мишурин	АСЗ. Т. I. № 171. С. 141—142

¹⁰ В списке XVI в. той же грамоты (ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. № 84) скопировано только подтверждение 1551 г.

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
				новы	земском ст. Му- ромского у.			
174	Ж. нес.	18.08.1524	Василий III	Василий, Не- чай, Михаил и Роман Бо- рисовы дети Матвеева	Сл. Юрьево и д. Витязево Му- ромского у.	18.11. 1536	Федор Мишурин	АСЗ. Т. IV. № 52. С. 40
175	Ж. нес., проезжая и ружная	4.10. 1514	Василий III	Волоколам- ский Воскре- сенский собор		11. [?] 1537 ¹¹	Федор Мишурин	Кузнецов И.И. Жало- ванная грамота вели- кого князя Василия Ивановича протопопу Волоколамского Вос- кресенского собора Антонию // Древно- сти. Труды имп. Мос- ковского археологи- ческого общества. М., 1909. Т. XXII. Вып. II. С. 278—280

¹¹ Месяц подтверждения не известен: утрата текста в оригинале.

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
176	Ж. дан. (поместная) и нес.	9.03. 1528	Василий III	Кн. Тениш Кутушев	Сл. Верхнее Пыжово и д. Козлово в Мещере	25.02. 1538	Федор Мишурин	АСЗ. М., 2002. Т. III. № 185. С. 155–156
177	Ук. гр. на Устюг наместнику вел. князя и тиуну вел. княгини	25.09.1516	Василий III	Великоустюжский Успенский собор	О нарушении жал. грамоты собору	2.07. 1538	Федор Мишурин	Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862. С. 66–67. № II
178	Ж. нес.	1.10. 1516	Юрий Иванович Дмитровский	Слуга Калязинского м-ря Астафьев с сыном	Дд. Буйносово, Олферово и половина д. Махонино в Жабенском ст. Кашинского у.	13.07. 1538	Федор Мишурин	АТКМ. № 20. С. 23–24
179	Ж. нес., одностор. и зап. (от ездоков)	11.08.1507	Василий III	Великоустюжский Успенский собор	Дд. в Устюжском у.	20.07. 1538	Федор Мишурин	Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. С. 63–65. № I

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
180	Ж. нес. и зап.	18.03.1506	Василий III	Никольский Шартомский м-рь	С. Окинфово, д. Оприкино и др. в Костромском у., д. Кошелево и др. в Суздальском у.	28.07. 1538	Фелор Мишурин	АСЭИ. Т. III. № 98. С. 135—136
181	Ж. гр. на данного пристава	1531/ 1532	Василий III	Спасо-Евфимьев м-рь		Сент. 1538 — авг. 1539	Меньшой Путятин	Упом. в Описной книге Суздальского Спасо-Евфимьева м-ря 1660 г. С. 48. № 20
182	Ж. дан. и тарх.-нес.	9.01. 1534	Андрей Иванович Старицкий	Иосифо-Волоколамский м-рь	Дворовое место в г. Старице	7.12. 1538	Иван Алексеев [Шамский]	АФЗХ. Ч. II. № 129. С. 122
183	Ж. дан. и обельная	9.08. 1511	Василий III	Ярославский Сласский м-рь	Место в г. Яро-славле и три дво-рища на посаде	Дек. 1538	Меньшой Путятин	ИАЯСМ. № IV. С. 5—6
184	Ж. уставная	7.04. 1506	Василий III	Переславские рыболовы		14.01. 1539	Меньшой Путятин	АСЭИ. Т. III. № 25. С. 44—46
185	Ж. тарх.-нес. и на конское	Март 1514	Юрий Ив. Дмитровский	Кашинский Сретенский м-рь	С. Волостка Быковская, сл. Со-логошь с дд., Ие-	29.01. 1539	Чудин Митрофанов	Маштафаров А.В. Ка-шинский Сретенский монастырь в докумен-

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
	пятно				русалимская слоб. в Кашинском у.			тах XV — начала XVII века // РД. Вып. 3. С. 51—52. № 3
186	Ж. нес.	Июль 1530	Василий III	Лопари Вотской пятины, у рр. Шуя и Кемь		Дек. 1539	Меньшой Путятин	СГГД. М., 1813. Ч. I. № 158. С. 436—439
187	Ук. гр. чулом-ским во-ским лостелям, чулом-скому и галич-ским то-родовым приказ-чикам	22.11.1522	Василий III	Третьяк Иванов сын Котенин с деть-ми	Д. Литвиновское и др. в Чулом-ской вол. Галич-ского у.	Ок. 1539 — 1542	Третьяк Раков	АСЗ. Т. I. № 120. С. 95—96
188	Ж. дан., льготная и нес.	19.03.1528	Василий III	Никольская церковь на р. Толшме	«Дикий лес» на р. Толшме в Ус-тюжском у.	20.02. 1540	Имя дьяка не указано	ЧОИДР. 1907. Кн. 3. Смес. С. 32—33. № IV

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
189	Ж. ручная	1.12. 1521	Василий III	Крестовоз- движенская церковь в Устюжне Же- лезопольской		Март 1540	Меньшой Путятин	АИ. Т. I. № 128. С. 190
190	Ж. нес. и зап. (от ездоков и незванных гостей)	31.01.1515	Василий III	Галичский Солдинский м-рь	Сс. и дд. Усоль- ской вол. Галич- ского у.	8.03. 1540	Меньшой Путятин	ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Собр. Уварова). Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 1
191	Ж. дан. и нес.	1432 / 1433	Василий II	Троице-Сер- гиев м-рь	Право рыбной ловли в озерах Переславском и Сомине	12.01. 1541	Афанасий Курицын	АСЭИ. Т. I. № 92. С. 75—76
192	Ж. под- верд. дан- ная и нес.	Март 1514	Василий III	Василий и Михаил Афо- насовы дети Елчанинова	Дд. Поддымни- ково, Сидориково и др. в Рахове ст. Волоцкого у.	15.01. 1542	Шемят Воробьев	АСЗ. Т. IV. № 128. С. 93—94
193	Ж. дан. и нес.	23.02.1515	Василий III	Павел Гри- горьев сын Марин	Дд. Зинкино, Де- ревягино, Луто- винино и др. в Передельской вол. Можайского у.	15.01. 1545	Третьяк Леонтьев	АСЗ. Т. I. № 152. С. 125—126

№ п/п	Тип грамоты	Дата выдачи	Кто выдал грамоту	Кому выдана (грамотчик)	Объект пожалования	Дата подтверждения	Дьяк, подписавший грамоту	Источник
194	Ж. льгот- ная и по- летняя	25.04.1538	Иван IV	Павлов Об- норский м-рь	Дд. и почч. в Костромском и Вологодском уу.	5.01. 1546	Макарий Федоров сын Резанов	<i>Кашианов С.М.</i> ИРСИ. Прил. III. № 8. С. 148—149
195	Ж. дан. и нес.	27.01.1530	Василий III	Помешики Ф.С. и И.С. Болот- никовы	Сц. Васильевское в Вяземском у.	20.09. 1547	Третьяк Леонтьев	АСЗ. Т. IV. № 50. С. 38—39

III

ЮРИСДИКЦИЯ ДВОРЦОВЫХ ЧИНОВ ПО НЕСУДИМЫМ ГРАМОТАМ¹

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находились объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
1	25.01.1534	Покровский Углицкий м-рь	к/в ² или дворецкий	— ³	Углицкий и Ярославский уу.	3
2	26.01.1534	Иосифо-Волоколамский м-рь	к/в или боярин введенный	—	Дмитровский у.	4
3	27.01.1534	Иосифо-Волоколамский м-рь	к/в или боярин введенный	—	Рузский у.	5
4	28.01.1534	Иосифо-Волоколамский м-рь	—	—	г. Дмитров	6
5	28.01.1534	Иосифо-Волоколамский м-рь	к/в или боярин введенный	—	Рузский и Дмитровский уу.	7
6	28.01.1534	Иосифо-Волоколамский м-рь	к/в или боярин введенный	—	Рузский у.	8

¹ В таблице учтены жалованные несудимые грамоты (а также несколько указных, в которых есть пункт о суде), тексты которых в подлиннике или списках дошли до нашего времени. Не учитывались грамоты, известные только по упоминаниям или в виде краткого изложения.

² Здесь и далее сокращение к/в означает «князь великий».

³ Здесь и далее прочерк означает отсутствие в грамоте соответствующего пункта.

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
7	28.01.1534	Иосифо-Волоколамский м-рь	к/в или боярин введенный	—	Рузский у.	9
8	1.02.1534	Ферапонтов м-рь	к/в или дворецкий	—	Дмитровский у.	13
9	5.02.1534	Спасо-Прилуцкий м-рь	94 к/в или дворецкий	—	Двинский у.	17
10	6.02.1534	Ферапонтов м-рь	к/в или боярин введенный	—	Дмитровский у.	18
11	9.02.1534	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Дмитровский у.	21
12	9.02.1534	Троице-Сергиев м-рь	—	—	Дмитровский у.	22
13	9.02.1534	Троице-Сергиев м-рь	—	—	Рузский у.	23
14	9.02.1534	Троице-Сергиев м-рь	—	—	Дмитровский у.	24
15	9.02.1534	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	г. Кашин	30
16	9.02.1534	Троице-Сергиев м-рь	—	—	г. Дмитров	31
17	9.02.1534	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Московский у.	32
18	9.02.1534	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Московский у.	33
19	9.02.1534	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Владимирский у.	34
20	9.02.1534	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	гг. Суздаль и Кострома	35
21	9.02.1534	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Юрьев-Польский у.	36
22	9.02.1534	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Пошехонский у.	37

⁴ Текст грамоты остался для меня недоступным, поэтому формулировка статьи о суде над грамотчиком мне неизвестна.

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
23	апрель 1534	Симонов м-рь	к/в или дворянский	—	Муромский у.	40
24	12.04.1534	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Бежецкий у.	41
25	12.04.1534	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Переславль-Залес- ский	42
26	12.04.1534	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Ростовский у.	43
27	11.05.1534	Иосифо-Волоколамский м-рь	к/в или «мои бояре вве- денные»	—	Тверской и Клин- ский уу.	45
28	сент. 1534 — август 1535	поп церкви Николы чудотвор- ца в Ростове	—	—	г. Ростов и Ростовский у.	50
29	январь. 1535	Троицкий Махришский м-рь	к/в или боярин введенный	боярин кн. И.В. Шуйский	Переславль-Залес- ский	53
30	30.01.1535	Новоторжский Борисоглебский м-рь	к/в или дворянский	—	Новоторжский у.	55
31	сент. 1535 —	Темниковские служилые мурзы	к/в или дворянский	—	Темников (мордва)	64

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находились объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
	август 1536					
32	4.11.1535	Симонов м-рь	к/в или дворецкий	дворецкий кн. И.И. Кубен- ский	Соль Галицкая	67
33	4.10.1536	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Переславль-Залес- ский и Радонеж- ский уу.	79
34	20.10.1536	Симонов м-рь	к/в или боярин введенный	—	Дмитровский у.	81
35	20.10.1536	Симонов м-рь	к/в или боярин введенный	—	Рузский у.	82
36	28.11.1536	И. И. Шадрин с племянниками	к/в или боярин введенный	—	Муромский у.	83
37	16.12.1536	Никольский Можайский собор	к/в или «мой дворецкой, у кого будет Можаяск в приказе»	—	Можайск	84
38	4.01.1537	Солотчинский м-рь	к/в или дворецкий	—	Рязанский у.	85
39	14.04.1537	Троице-Сергиев м-рь	—	—	Боровский у.	89
40	26.07.1537	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Старицкий у.	100
41	8.08.1537	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Вере́йский у.	101

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
42	сент. 1537 — авг. 1538	Чудов м-рь	к/в или боярин введенный	—	Вышгородский, Московский уу.	105
43	9.11 1537	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Кашинский у.	111
44	7.05 1538	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Московский и Дмитровский уу.	119
45	июнь 1538	Симонов м-рь	к/в или боярин введенный	—	Костромской и Рузский уу.	123
46	1.06 1538	Спасо-Евфимьев м-рь	к/в или дворецкий	—	Суздальский у.	124
47	9.07 1538	Кирилло-Белозерский м-рь	к/в или боярин введенный	—	Романовский у.	131
48	14.07 1538	Троицкий Данилов м-рь	к/в или боярин введенный	—	Переславский у.	132
49	3.08 1538	епископ Коломенский и Ка- ширский Вассиан	—	—	г. Коломна	135
50	13.08 1538	Б.И. и Ю.И. Немцовы	к/в или боярин введенный	—	Ростовский у.	137
51	13.08 1538	введенный дьяк Иван Шамский	к/в или боярин введенный	боярин кн. И.В. Шуйский	Переславский у.	138
52	14.08 1538	Тимофей Замятня Александров с. Ругатина	к/в или боярин введенный	—	Московский у.	139

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
53	сент. 1538 / август 1539	Кадомские мордовцы Мале- масовы	«кому будет до них какова дела... ино их судит наш дворецкой»	—	Кадом (?)	145
54	сент. 1538 / август 1539	Т. Н. Хмелевский с детьми	к/в или боярин введенный	—	Суздальский у.	148
55	4.09 1538	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Муромский у.	149
56	ноябрь 1538	Троице-Сергиев м-рь	к/в или дворецкий	—	Переславск. и Сомино озера	150
57	ноябрь 1538	Троице-Сергиев м-рь	к/в или дворецкий	—	Нижегородский у.; г. Балахна	151
58	декабрь 1538	Тотемский Ефремов м-рь	к/в или дворецкий	—	Вологодский у.	155
59	3.02 1539	Троицкий Усть-Шехон- ский м-рь	к/в или дворецкий Большо- го двorca	—	Белозерский у.	160
60	5.02 1539	Спасо-Прилуцкий м-рь	к/в или дворецкий	—	Вологодский у.	161
61	13.02 1539	Кирилло-Белозерский м-рь	к/в или дворецкий	—	г. Углич	163

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
62	март 1539	Соловецкий м-рь	к/в или боярин введенный	—	Выгозерский у. Обонежской пятины	165
63	1.03.1539	Спасский Златовратский м-рь	к/в или дворецкий Большого дворца	—	Владимирский у.	167
64	июль 1539	Троицкий Гledenский и Ус- тюжский Архангельский м-ри ⁵	к/в или казначей Большого дворца	—	Устюжский у.	176
65	4.07.1539	Спасский Ярославский м-рь	к/в или дворецкий	—	Ярославский у.	177
66	13.07.1539	Вологодский Комельский м-рь	к/в или дворецкий	дворецкий Иван Михай- лович [Юрьев]	Вологодский у.	180
67	18.07.1539	И. В. Иевлев с детьми	к/в или боярин введенный	—	Тульский у.	181
68	сент. 1539 — август 1540	Суздальский м-рь Василия Кесарийского	[к/в] или дворецкий Большого дворца	—	Суздальский у.	188
69	21.09.1539	Иосифо-Волоколамский м-рь	к/в или «мой дворецкой Углетцкого дворца»	—	Зубцовский у.	196

⁵ Указная грамота о соблюдении судебных привилегий этих монастырей.

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
70	3.12.1539	Семен Александров с. Волжин с сыном Андросом	к/в или боярин введенный	—	Новгород Север- ский	202
71	8.01.1540	Троицкий Усть-Шехонский м-рь	к/в или дворецкий	—	Белозерский у.	207
72	27.05.1540	Троицкий Данилов м-рь	—	«Приказали дати вс бояре»	Переславль-Залес- ский у.	220
73	14.06.1540	Т.Б., А.Б., И.Б. Апалыкины	к/в или боярин введенный	—	Суздальский у.	222
74	23.06.1540	Иосифо-Волоколамский м-рь	к/в или дворецкий	—	Волоцкий у.	224
75	сент. 1540 — август 1541	вологодские оброчные со- кольники	к/в или сокольничий	—	Вологодский у.	228
76	1.12.1540	бортники волости Талши	к/в или дворецкий Большого двorca	—	Владимирский у.	232
77	2.02.1541	Соловецкий м-рь	к/в или боярин введенный	казначей И.И. Третья- ков	Двинский, Новго- родский уу., Выго- озерская вол.	237

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
78	4.03.1541	Никольский Двинский м-рь	к/в или казначей	казначей И.И. Третьяков	Двинский у.	240
79	21.03.1541	Евфимьева пустынь	к/в или дворецкий	боярин и дво- рецкий кн. И.И. Кубен- ский	Вологодский, Ус- тюжский уу.	241
80	ноябрь 1541	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Бежецкий, Ростовский уу.	252
81	12.12.1541	Троицкий Данилов м-рь	к/в или боярин введенный	—	Переславский у.	255
82	26.12.1541	Спасо-Прилуцкий м-рь	—	—	Вологодский у.	257
83	январь 1542	Серпуховский Высоцкий м-рь	к/в или дворецкий	боярин и дво- рецкий кн. И.И. Кубен- ский	Серпуховский у.	259
84	15.02.1542	Кириллов Новозерский м-рь	—	—	Белозерский у.	261
85	16.02.1542	жители вол. Кереть и Ковда ⁶	казначей	казначей И.И. Третьяков	Кольский у.	262

⁶ Указная грамота о порядке суда с «приезжими людьми».

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
86	июль 1542	Епископ Рязанский Иона	—	—	Муромский у. и Мещера	267
87	сент. 1542 — авг. 1543	Вологодский Комельский м-рь	к/в или боярин введенный	—	Вологодский у., г. Вологда	269
88	6.09.1542	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Московский, Дмитровский уу.	276
89	окт. 1542	Николаевский Корельский м-рь	к/в или казначей	казначей И.И. Третья- ков	Двинский у.	278
90	1.12.1542	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Ростовский у.	280
91	3.03.1543	Московский Богоявленский м-рь	к/в или дворецкий Большого двorca	—	Коломенский, Московский уу.	286
92	16.03.1543	Троицкий Махришский м-рь	к/в или боярин введен- ный, «у которого будет ма- тери моей великие княпи- ни дворец в приказе»	боярин князь П.И. Репнин- Оболенский	Переславль-Залес- ский у.	288
93	1.05.1543	Троице-Сергиев м-рь	к/в или дворецкий, у кото- рого будет Бежецкий Верх в приказе	—	Бежецкий Верх	292

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
94	9.06.1543	Иосифо-Волоколамский м-рь	к/в или боярин введенный	—	Волоцкий, Твер- ской, Рузский, Дмитровский уу.	296
95	29.08.1543	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Переславский у.	297
96	4.10.1543	Троице-Сергиев м-рь	—	—	Стародуб, Киржач (?)	301
97	март 1544	Каргопольский Челменский м-рь	к/в или казначей	«Приписал» казначей И.И. Третья- ков	Каргопольский у.	313
98	2.03.1544	И. В. Иевлев с сыновьями	к/в или боярин введенный	—	Тульский у.	314
99	11.04.1544	И. В. Сухотин с сыновьями	к/в или боярин введенный	—	Тульский, Боров- ской, Коломен- ский уу.	317
100	20.04.1544	крестьяне дворцового села Андреевского ⁷	дмитровский дворянский, «у кого будет Дмитров в приказе»	окольный и дворянский дмитровский В. Д. Шейн	Звенигородский у.	318

⁷ Уставная грамота.

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
101	27.04.1544	М. Д. и С. Д. Лаговичны	к/в или боярин введенный	—	Тульский у.	319
102	15.05.1544	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Старицкий у.	320
103	16.06.1544	Троицкий Калязин м-рь	к/в или боярин введенный	—	Кашинский у.	323
104	8.07.1544	Новоспасский м-рь	—	—	Московский, Дмит- ровский, Переслав- ский, Ростовский, Костромской, Бе- жецкий и Влади- мирский уу.	325
105	1.08.1544	Троице-Сергиев м-рь	к/в или дворецкий	—	Радонеж	327
106	1.09.1544	Троицкая Ионина пустынь	к/в или дворецкий твер- ской, у кого будут Романов и Пошехонье в приказе	боярин и твер- ской дворец- ный И. С. Во- ронцов	Романовский и Пошехонский уу.	328
107	5.09.1544	Иван с братьями Ивановы дети Матюшкина	к/в или боярин введенный	—	Ярославский у.	331
108	12.01.1545	Д. И. Ярославов	к/в или боярин введенный	—	Ярославский у.	336
109	февр. 1545 (?) или 1542	Двинский Михаило-Архан- гельский м-рь	к/в или казначей	казначей И. И. Третья- ков	Двинский у.	338

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
110	6.02.1545	Антониев Сийский м-рь	к/в или казначей	«А приказа ся нову грамоту дати сам князь великий. Ис- тома Ноуго- родов»	Двинский у.	342
111	12.03.1545	Слободчик И.Д. Ноугородцев	к/в или сокольничий	—	рр. Печера, Цильма, Ижма	346
112	15.04.1545	канинские и тиунские ненцы («самоеды»)	великокняжеский дань- щик	—	Канин Нос	348
113	май 1545	Корельский Никольский м-рь	—	—	Двинский присуд	350
114	24.05.1545	И. Т. Котенин	к/в или боярин введенный	—	Галичский у.	352
115	25.05.1545	М. В. Вердеревский	к/в или боярин введенный	—	Рязанский у.	353
116	сент. 1545 — август 1546	Вычегодский Спасо-Преобра- женский м-рь	к/в или казначей	—	Вычегодский у.	358
117	сент. 1545 —	Троице-Сергиев м-рь	к/в или боярин введенный	—	Переславский у.	361

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
	август 1546					
118	16.10.1545	В. И. и И. И. Карандашевы	к/в или боярин введенный	—	Галичский у.	364
119	20.12.1545	Троице-Сергиев м-рь	к/в или «мой боярин»	«Приказал князь вели- кий» (?) ⁸	Московский, Дмит- ровский, Кли- нский уу.	367
120	12.01.1546	Г. И. Желринский	к/в или боярин введенный	—	Нижегородский у.	369
121	29.01.1546	М. И. Гиневлев	к/в или боярин введенный	—	Костромской у.	372
122	февраль 1546	Никольский Новгородский м-рь	к/в или «мой дворецкой ноугородской сам»	—	Бежская пятна Великого Новгорода	374
123	9.02.1546	С. И. и Г. И. Голостеновы	к/в или дворецкий	—	Ржевский у.	375
124	10.02.1546	Ферапонтов м-рь	к/в или дворецкий	—	Костромской у.	376
125	11.02.1546	Павлов Обнорский м-рь	к/в или дворецкий	—	Вологодский, Кос- тромской и Бело- зерский у.	377
126	21.02.1546	Троицкий Белопесоцкий м-рь	к/в или дворецкий Большого Дворца	—	Каширский и Тульский уу.	381

⁸ Приказ великого князя читается в списках XVII в: РГБ, Ф. 303. Кн. 527. Л. 260 об.; кн. 528. Л. 424 об.; кн. 529. Л. 322. В более раннем списке 80-х гг. XVI в. (там же. Кн. 519. Л. 26 — 29) он не отмечен.

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
127	27.02.1546	В.Г. и М.Г. Слизины	судят «мои бояря»	—	Звенигородский у.	383
128	4.03.1546	Н. П. Бирилев	к/в или боярин введенный	—	Угличский у.	385
129	20.03.1546	Е. Т. Котенин	к/в или боярин введенный	—	Галицкий у.	386
130	1.04.1546	В. Ф. Курцев	к/в или боярин введенный	—	Московский, Коло- менский и Туль- ский уу.	391
131	12.04.1546	В. Ф. Бедарев с сыном Иваном	к/в или боярин введенный	—	Костромской у.	394
132	1.05.1546	Кирилло-Белозерский м-рь	к/в или «наш дворешкой, кому Белоозеро прика- зано»	—	Белозерский у.	396
133	24.06.1546	Троице-Сергиев м-рь	к/в или дворешкий Большого двorca	—	г. Коломна	399
134	6.07.1546	Вологодская Глубокоозерская пустынь	к/в или дворешкий	казначей И.И. Третья- ков	Вологодский, Важский, Карго- польский уу.	401
135	20.09.1546	Строй Лачинов	к/в или дворешкий	—	Рязанский у.	407
136	окт. 1546	вятчане Шестаковского городка	— (о суде в/к не сказано; су- дит тех людей слободчик, кого они выберут)	—	Вятка	408

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
137	2.10.1546	Л. П. Поликарпов	к/в или боярин введенный	—	Коломенский у.	409
138	3.10.1546	Троице-Сергиев м-рь	к/в или «мой боярин»	—	Переславский, Радонежский, Дмитровский уу.	410
139	5.10.1546	Симонов м-рь	к/в или дворецкий	казначей И.И. Третья- ков и Ф.И. Сукин	Костромской у.	411
140	23.12.1546	Троице-Сергиев м-рь	к/в или «мой боярин и дворецкой Большого дворца»	—	Нижегородский у.	417
141	11.01.1547	Федор Мосолов с детьми	к/в или «мой боярин»	—	Рязанский у.	423
142	17.01.1547	И. И. Фомин	к/в (!) или боярин введенный	—	Рязанский у.	424
143	28.01.1547	Никольский Коряжемский	царь или «мои казначей» м-рь	—	Вычегодский у	428
144	30.01.1547	Вассианова Строкинская пустынь	царь или «наши казначей»	казначей И.И. Третья- ков и Ф.И. Сукин	Каргопольский у.	430

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
145	31.01.1547	Т. З. и М. Г. Бузовлевы	«Государь великий царь или мой веленой боярин»	—	Рязанский у.	431
146	февр. 1547	Спасо-Евфимиев м-рь	к/в (!) или дворецкий	—	Суздальский, Костромской уу., Старицкой Рязанский	432
147	13.02.1547	Б. А., Т. А., П. М. Каркадимовы Таптыковы	царь или боярин введен- ный	—	Рязанский у.	434
148	март 1547	Кирилло-Белозерский м-рь	к/в (!) «или мой дворец- кой»	—	Дмитровский у.	435
149	20.03.1547	Троице-Сергиев м-рь	царь или «мой дворец- кой»	—	Дмитровский у.	437
150	20.03.1547	П. И. Буковский	царь или боярин введен- ный	—	Рязанский у.	438
151	20.03.1547	Г. Ф. Ворыпаев	царь или боярин введен- ный	—	Рязанский у.	439
152	27.03.1547	Ф. Ф., И. Ф. и Я. Ф. Багряевы	царь или боярин введен- ный	—	Рязанский у.	442
153	апрель 1547	Александрова пустынь на р. Свири	царь «или кому приказу»	—	Новгородский у.	444

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
154	28.04.1547	Никольский Песношский м-рь	—	—	Дмитровский, Ка- шинский уу.	445
155	2.05.1547	попы устюжских церквей Иван и Ермолай	судит ростовский епископ	—	Устюг	446
156	9.05.1547	Троицкий Белопесоцкий м-рь	царь или дворецкий	—	Коломенский, Ка- ширский, Туль- ский уу.	447
157	18.05.1547	Троицкий Белопесоцкий м-рь	царь или дворецкий	—	Каширский у.	448
158	7.06.1547	М.С. и Д.С. Тимирязевы	царь или боярин введен- ный	—	Каширский у.	449
159	сент. 1547 — авг. 1548	Успенская Елатомская пустынь	царь или дворецкий, у кого Мешера в приказе	—	г. Елатьма и др.	454
160	сент. 1547 — авг. 1548	Верховажская Воскресенская Уздrenская пустынь	—	—	Важский у.	455
161	2.09.1547	Никольский Песношский м-рь	—	—	Дмитровский, Кашинский уу.	459

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
162	13.10.1547	Троице-Сергиев м-рь	царь или дворецкий	—	Ярославский, Переславский, Дмитровский уу.	462
163	15.10.1547	попы и дьяконы дворцовых сел	царь или дворецкий Большого двorca	дворецкий Данило Романович [Юрьев]	Села Любаново, Кляпово, Васильевское, Зверово, Денисьево	463
164	28.10.1547	Торопецкий Троицкий м-рь	—	«Приказал Андрей (!) Иванович Третьяков да Федор Иванович Сукин»	Торопецкий у.	466
165	ноябрь 1547	кн. М.И. Кубенский	царь или боярин введенный	—	Дмитровский у.	467
166	1.11.1547	И. И. Жуков с детьми	царь или «дворецкий нашего Дворца»	—	Кадомский у.	468
167	24.11.1547	Соловецкий м-рь	царь или «наши казначей»	—	Новгородский и Двинский уу.	470

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
168	25.11.1547	И. В. и А. В. Рахманиновы	царь или боярин введен- ный	—	Дмитровский у.	471
169	дек. 1547	Троице-Сергиев м-рь	царь или боярин введен- ный	—	Новоторжский у.	473
170	22.12.1547	Троице-Сергиев м-рь	царь или боярин введен- ный	—	Переславский у.	477
171	24.12.1547	Троице-Сергиев м-рь	—	—	г. Владимир	478
172	3.01.1548	вологодские сокольники	царь или сокольников	—	Вологодский у.	481
173	24.01.1548	Богоявленский м-рь	царь или дворецкий Большого дворца	—	Коломенский у.	482
174	29.01.1548	Троице-Сергиев м-рь	царь или дворецкий	—	г. Балахна	483
175	2.02.1548	С. Ф. Сунбулов	царь или боярин введен- ный	—	Рязанский у.	484
176	15.02.1548	Троицкий Белопесоцкий м-рь	царь или дворецкий	—	Тульский у.	485
177	16.03.1548	поп церкви Иоанна Предтечи в Толшме	царь или казначей	—	Устюжский у.	488
178	19.03.1548	Кирилло-Белозерский м-рь	царь или дворецкий Большого дворца	—	Белозерский, Воло- годский, Угличский, Дмитровский уу.	489

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
179	6.04.1548	Троице-Сергиев м-рь	царь или «мои казначей»	казначей И.И. Третьяков и Ф.И. Сукин	Двинский у.	491
180	28.04.1548	Тверской Отмицкий м-рь	—	—	Тверской у.	493
181	18.05.1548	Троицкий Белопесоцкий м-рь	царь или дворецкий	—	Каширский у.	495
182	3.07.1548	Кирилло-Белозерский м-рь	—	казначей Ф.И. Сукин	г. Белоозеро	499
183	5.07.1548	Глушицкий м-рь	царь или дворецкий рязанский, у кого будет Вологда в приказе	рязанский дворецкий П.В. Морозов	Вологодский у.	500
184	15.07.1548	Корнильев Спасо-Преображенский м-рь	«Сужу их яз, царь и великий князь, или мой дворецкий»	боярин и дворецкий Д. Р. Юрьев	Костромской у.	503
185	27.08.1548	Важский Богословский м-рь	«судят на Москве наши казначей»	казначей И.И. Третьяков и Ф.И. Сукин	Важский у.	509

№ п/п	Дата	Грамотчик (кому выдана несудимая грамота)	Кто судит грамотчика (суд высшей инстанции)	Кто приказал выдать грамоту	Уезд или город, в котором находился объект пожалования	Номер документа в каталоге грамот 1534—1548 гг. (Прил. I)
186	27.08.1548	Симонов м-рь	царь или боярин введен- ный	—	Юрьевский у.	510
187	27.08.1548	Кн. И. Ф. Метиславский	—	—	Ярославский, Твер- ской, Кашинский и Суздальский уу.	511
188	13.09.1548	Кирилло-Белозерский м-рь	царь или дворецкий	—	Дмитровский у.	512
189	22.11.1548	Новодевичий м-рь	царь или дворецкий мос- ковский Большого двorca	—	Обонежская пятина	513

Итого: боярин введенный — 79, дворецкие — 61, казначеи — 14, «мой боярин» — 3, сокольничий — 3, «мой боя-
ре» — 1, «кому приказу» — 1, данщик — 1, слободчик — 1; в остальных — нет соответствующего пункта.

IV

ДЯКИ И ПОДЬЯЧИЕ 1534—1548 ГГ.¹

1. **Иван Алексеев.** Подьячий. 19 февраля 1546 г. послан (вместе с Гаврилой Мурановым) описывать пустые дворы в Вотской и Обонежской пятинах².
2. **Григорий Петров сын Арцыбашев.** В феврале 1544 г. ямской дяк Великого Новгорода. Убит при взятии Казани в 1552 г.³
3. **Михаил Иванов сын Афанасов (Офонасов).** Подьячий. В сентябре 1541 г. — данный пристав Кирилло-Белозерского монастыря⁴.
4. **Григорий (Гридя) Белый Гаврилов сын Афанасьев.** Подьячий. Упом. с этим чином в 1533/34 г., когда он написал меновную грамоту келаря Троице-Сергиева монастыря Серапиона Курцева и старца Пафнутия Писемского у сыновей Григория Билибина на деревню Назарьево Московского уезда за троицкую деревню Окулининскую с починками в Боровском уезде⁵. В 1545/46 г. послух (без чина) у данной С. Н. Дурова Троице-Сергиеву монастырю на деревню Глухово в Дмитровском уезде⁶.

¹ В основу списка положены справочники С. Б. Веселовского и А. А. Зими́на (*Веселовский С. Б.* Дяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // *ИЗ. Т. 87.* М., 1971. С. 219—286). Учтены также исследование Н. П. Лихачева о разрядных дьяках XVI в., справочник В. И. Саввы о посольских дьяках и подьячих XVI в. и перечень ямских дьяков, составленный Е. И. Колычевой, см.: *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888; Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. Справочник / Сост. В. И. Савва. М., 1983; *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты XV—XVI веков // *АЕ* за 1961 г. М., 1962. С. 72—81. Эти сведения дополнены архивными данными и материалом, почерпнутым из документальных публикаций, появившихся в 1970—2000-х гг.

² ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 205. С. 185.

³ *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты. С. 74.

⁴ ОР РНБ. Ф. 573 (СПб. ДА). А. II/47. Л. 438—440 об. (указная грамота Ивана IV Кирилло-Белозерскому монастырю от 18 сентября 1541 г. Список XVII в.).

⁵ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 515 (список 1530-х гг.).

⁶ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 66/3778. Выдержки опубли.: Обзор ГКЭ. Вып. III. М., 1912. № 30. С. 9.

5. **Третьяк Гаврилов сын Афанасьев.** Подьячий, в 7055 (между январем и августом 1547) г. написал меновную грамоту Ф. А. Чулкова Троице-Сергиеву монастырю на село Новоселку с деревнями в Кодяеве стане Переславского уезда⁷. Упом. и в 1551/52 г.⁸
6. **Афанасий Бабкин.** Дьяк Новгородского дворца. Н. Е. Носов убедительно обосновал гипотезу о том, что «дьяком Афанасием», подписавшим губную грамоту 25 ноября 1541 г. селам Троице-Сергиева монастыря в Бежецком уезде⁹, был именно Афанасий Бабкин¹⁰. 19 февраля 1546 г. он, однако, упомянут без дьяческого чина, когда был послан (вместе с подьячим Нечаем Игнатьевым) описывать пустые дворы в Деревской и Бежецкой пятинах¹¹. О его карьере в 50—60-х гг. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 39.
7. **Федор Угримов сын Баграков.** Упом. в росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV (конец января 1547 г.), и в составленном тогда же списке дьяков¹². В декабре 1547 г. Федор Угримов сын Баграков упом. (без дьяческого чина) в поручной грамоте по кн. И. И. Пронском¹³. Дьяк: ранее марта 1548 г. провел досмотр и обмер земель Спасского Ярославского монастыря, расположенных чересполосно с черными и поместными землями¹⁴.
8. **Алексей Бадаков.** Подьячий, в 1546 г. вместе с Андреем Лихачевым собирал в Бежецкой пятине зеленые деньги¹⁵.
9. **Юрий Башенин.** Дьяк, единственное упоминание — в списке казенных дьяков, которым новгородский архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок¹⁶.
10. **Василий Белевский.** Дьяк, единственное упоминание (вместе с братом Яковом) — в списке дьяков, которым новгородский

⁷ РГАДА. ГКЭ. Переславль-Залесский. № 142/8866.

⁸ Обзор ГКЭ. М., 1917. Вып. 4. С. 57. № 59.

⁹ ААЭ. Т. I. № 194/II. С. 174.

¹⁰ *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 316—317.

¹¹ ААЭ. Т. I. № 205. С. 185.

¹² *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI века // ВИ. 1976. № 10. С. 122. Док. № 15 и 16.

¹³ *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 годов // РД. Вып. 10. М., 2004. С. 13, 14.

¹⁴ ИАЯСМ. М., 1896. Т. I. С. 19, 21.

¹⁵ ААЭ. Т. I. № 205. С. 192, 193.

¹⁶ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год // Известия Имп. Археологического общества. Т. III. СПб., 1861. Стб. 49.

архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок¹⁷.

11. **Яков Белевский**. Дьяк, единственное упоминание (вместе с братом Василием) — в списке дьяков, которым новгородский архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок¹⁸.
12. **Гаврила Щенок Васильев сын Белого**. В мае 1544 г. назван подьячим псковского дьяка Третьяка Дубровина «Гаврилком Васильевым»¹⁹. В декабре 1546 — январе 1547 г. участвовал в организации смотра невест для Ивана IV; причем в документах начала января 1547 г. назван дворцовым дьяком²⁰. Он же упомянут в списке дьяков и в росписи лиц, назначенных в дворцовые караулы в период организации свадебных торжеств (конец января 1547 г., по датировке В. Д. Назарова)²¹. Назван среди казенных дьяков, которым новгородский архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок²².
13. **Никита Берядинов**²³. Подьячий. В декабре 1538 г. вместе с Ф. Г. Адашевским отправлен с посольством в Турцию²⁴. В январе 1543 г. ему были поручены встреча и проводы литовского посланника²⁵. В середине XVI в. — большой дьяк²⁶.
14. **Шершень (Василий Григорьевич) Билибин**. Дьяк (вероятно, дворцовый) в феврале 1542 г.: его подпись 14 февраля 1542 г. стоит (вместе с печатью дворецкого кн. И. И. Кубенского) на судебном списке по тяжбе Троицкого Белопесоцкого монастыря с каширскими посадскими людьми²⁷. Подписал 10 марта 1542 г. под-

¹⁷ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год // Известия Имп. Археологического общества. Т. III. СПб., 1861. Стб. 49.

¹⁸ Там же. По мнению И. И. Смирнова, издатель отрывков из расходной книги Софийского дома И. К. Куприянов неверно прочел фамилию дьяков и вместо «Белевские» следует читать «Гнильевские» (*Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30 — 50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 178). О братьях Василии и Якове Гнильевских см. ниже, № 28 и 30.

¹⁹ Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 244.

²⁰ Назаров В. Д. Свадебные дела. Док. № 4, 7, 8, 11. С. 117, 119, 120.

²¹ Там же. Док. № 15, 16. С. 122.

²² Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

²³ Встречаются и другие варианты написания фамилии: Берлядинов, Берядинов.

²⁴ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 126.

²⁵ Сб. РИО. Т. 59. С. 206, 209.

²⁶ ТКДТ. С. 115.

²⁷ АГР. Т. I. Киев, 1860. № 57. С. 105.

тверждение жалованной грамоты Серпуховскому Высоцкому монастырю, выданной в январе 1542 г. по приказу дворецкого кн. И. И. Кубенского²⁸. Упом. в списке дьяков и в росписи лиц, назначенных в караулы на время предстоящей свадебной церемонии Ивана IV (оба документа относятся примерно к концу января 1547 г.)²⁹. Послух в 1546/47 г.³⁰ Подписал (как «царя и великого князя дьяк») сотную на дворцовое с. Буйгород от 25 марта 1547 г.³¹ Упомянут в списке дьяков, которым новгородский архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок³². Дворцовый дьяк на пиру в честь литовских послов в январе 1549 г.³³ Он же (царя и великого князя дьяк) подписал 20 ноября 1547 г. подтверждение жалованной грамоты Василия III Иосифо-Волоколамскому монастырю от 20 октября 1527 г.³⁴ О службе в 50-х гг. (до 1558/59 г.) см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 52.

15. **Изгорода Билибин.** Назначен в дворцовый караул во время предстоящей свадьбы Ивана IV (роспись конца января 1547 г.)³⁵. Тогда же упомянут в списке дьяков³⁶.
16. **Некрас Семенов сын Бронников.** Подьячий Елизара Цыплятева, 3 сентября 1536 г. послан вместе с Т.К. Хлуденевым в Литву³⁷.
17. **Лев Брянцев.** Дьяк (?) Упом. в росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV (конец января 1547 г.), и в составленном тогда же списке дьяков³⁸.
18. **Иван Бурцев.** Дьяк (?): упом. в росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV (конец января 1547 г.), и в составленном тогда же списке дьяков³⁹.
19. **Иван Ишук Иванович Наумов Бухарин.** Новгородский дьяк в 1539/40—1549/50 гг. Упомянут в оброчной книге пригородных пожен Новгородского дворца 1539/40 г.⁴⁰ В 1539/40 г. вместе с

²⁸ *Тренев Д. К.* Серпуховской Высоцкий монастырь. М., 1902. С. 102—105.

²⁹ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 121; Док. № 16. С. 122.

³⁰ Обзор ГКЭ. Вып. IV. № 984. С. 336.

³¹ АФЗХ. Ч. II. М., 1956. № 198. С. 200.

³² Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

³³ Сб. РИО. Т. 59. С. 266.

³⁴ АФЗХ. Ч. II. № 102. С. 97.

³⁵ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 16. С. 123.

³⁶ Там же. Док. № 15. С. 122.

³⁷ Сб. РИО. Т. 59. С. 50.

³⁸ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 123.

³⁹ Там же. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 123.

⁴⁰ ПКНЗ. Т. I. М., 1999. С. 351, 358.

другим дьяком, Вязгой Суковым, выделил вдове новгородского помещика Григория Картмазова, Офимье, часть поместья мужа «на прожиток»⁴¹. С ним же вместе выдал 9 августа 1540 г. ввозную (послушную) гр. Никольскому Вяжищскому монастырю⁴². В 1541/42 г. упоминается уже с другим новгородским дьяком — Дмитрием Скрипицыным⁴³. Им же адресована указная грамота от 26 октября 1547 г. об обелении двора на Новгородском посаде, купленного Соловецким монастырем⁴⁴. Назван новгородским дьяком вместе с Д. Скрипицыным в 7056 (1547/48) — 7058 (1549/50) гг.⁴⁵ Затем в 50—60-х гг. служил в Москве. Последнее упоминание — 5 июля 1566 г., вскоре казнен⁴⁶.

20. **Никита Великий.** Дворцовый дьяк в Великом Новгороде, упомянут в отписной книге пригородных пожен Великого Новгорода 1535/36 г. и июня 1536 г.⁴⁷
21. **Михайло Александров сын Вешняков.** Псковский дьяк, май 1544 г.⁴⁸
22. **Иван Михайлов Висковатый.** В марте 1542 г. подьячий Иванко Михайлов сын Висковатого писал докладную купчую А. Ф. Тушина-Квашнина⁴⁹. Тогда же (16 марта 1542 г.) он писал перемирную грамоту с Литвой⁵⁰ Припись дьяка Ивана Михайлова (он же?) на указной грамоте на Двину от 6 марта 1543 г.⁵¹ Дальнейшая карьера И. М. Висковатого с 1549 по 1570 г. хорошо изучена в литературе⁵².

⁴¹ НПК. Т. IV. СПб., 1886. Стб. 529—530.

⁴² РИБ. Т. 32. Пг., 1915. № 142. Стб. 255—256.

⁴³ См. запись в платежной книге Вотской пятины: *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. II. М., 1909. С. 383.

⁴⁴ АСЭИ/АСМ. Л., 1988. № 129. С. 79—80.

⁴⁵ ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 104. С. 152.

⁴⁶ *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 75.

⁴⁷ ПКНЗ. Т. I. С. 309, 328.

⁴⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 243, 246. С. Б. Веселовский указывает в качестве начальной даты службы М. А. Вешнякова в Пскове 1540 г., но не приводит какого-либо обоснования (*Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 91).

⁴⁹ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 530. Л. 97об.—99.

⁵⁰ Сб. РИО. Т. 59. С. 166.

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1911. Л. 1—2об.

⁵² См.: Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке / Сост. В. И. Савва. С. 98—137; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.

23. **Шемет Григорий Александров сын Воробьев (Мотякин).** В 1517 г. подьячий, в 1532 г. дьяк⁵³. Летом 1538 г. послан с грамотой к ногайскому мурзе Мамаю⁵⁴. 5 июня [1541] г. сделал припись на меновой тверского дворецкого И. И. Хабарова и рязанского дворецкого В. М. Тучкова⁵⁵. 15 января 1542 г. подписал подтверждение жалованной грамоты Елчаниновым (от марта 1514 г.)⁵⁶. В марте 1542 г. дьяк при встрече литовских послов⁵⁷. В 1543/44 г. душеприказчик Ирины Часовниковой⁵⁸.
24. **Шестак Иванов сын Воронин.** Дворцовый дьяк, сопровождал царя во время Казанского похода зимой 1548 г.⁵⁹ О его службе в 50-х — начале 60-х гг. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 108.
25. **Афанасий Полуехтов сын Вразский (Вражский).** Подьячий. С ноября 1540 г. по декабрь 1543 г. при вологодских писцах Т. Карамышеве с товарищами⁶⁰. Написал правую грамоту суда вологодских писцов Т. А. Карамышева и Н. Д. Милославского по тяжбе Я. И. Трусова с Кирилло-Белозерским монастырем в марте 1543 г. (назвался полным именем: «подьячей Офонасей Полиехтов сын Вразского»)⁶¹. Подписал оброчную грамоту вологодских писцов Кирилло-Белозерскому монастырю от декабря 1543 г.⁶² 23 июля 1548 г. подьячий при наместнике Н. С. Глебове на Тотьме⁶³. Упом. еще в 1551/52 г. (*Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 109).
26. **Данило Иванов Выродков.** 4 марта 1539 г. как дьяк (вероятно, дворцовый) подписал судный список (рядом с печатью тверского дворецкого И. Ю. Шигоны Поджогина)⁶⁴. 23 октября 1539 г. подписал Белозерскую губную грамоту⁶⁵. В 1540/41 г.

⁵³ См.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 230. № 42. С. Б. Веселовский ошибочно называет его дьяком уже в марте 1514 г., ссылаясь на жалованную грамоту Василия III Елчаниновым, датированную указанным временем (*Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 108). Но подпись дьяка Шемета Воробьева относится к подтверждению грамоты Иваном IV 15 января 1542 г. (см. ниже сноску 54).

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 33.

⁵⁵ *Кашианов С. М.* ИРСИ. М., 1996. Прил. III. С. 151—152. № 10.

⁵⁶ АСЗ. Т. IV. М., 2008. № 128. С. 94.

⁵⁷ Сб. РИО. Т. 59. С. 146.

⁵⁸ *Лихачев Н. П.* Сборник актов. Вып. I. № IV. С. 13.

⁵⁹ РК 1598. М., 1966. С. 115.

⁶⁰ АСЗ. Т. IV. № 4. С. 7 (ноябрь 1540 г.).

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. I. Д. 125.

⁶² РИБ. Т. 32. № 151. Стб. 264—265.

⁶³ АСЗ. Т. IV. № 100. С. 75.

⁶⁴ АГР. Т. I. № 49. С. 64.

⁶⁵ РИБ. Т. 32. № 139. Стб. 252.

выступил послухом (вместе с конюшим И. И. Челядниным) в купчей И. Г. Морозова⁶⁶. По обоснованному предположению Н. Е. Носова, «дьяк Данило», подписавший губную грамоту 23 октября 1541 г. селам Троице-Сергиева монастыря в Тверском, Новоторжском и Старицком уездах⁶⁷, — это дьяк Данило Выродков⁶⁸. 18 ноября 1542 г. он подписал подтверждение жалованной грамоты Успенской Изосиминой пустыни (от 5 января 1540)⁶⁹. Возможно, умер в 1545 г. (см. вклады его и его сына в Троице-Сергиев монастырь, соответственно, в июне и декабре 1545 г.⁷⁰).

27. **Иван Григорьев сын Выродков.** Летом 1538 г. послан с грамотой к ногайскому мурзе Кошуму⁷¹. Упом. в составленной примерно в конце января 1547 г. росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV, и в составленном тогда же списке дьяков⁷². 13 августа 1547 г. дьяк И. Г. Выродков подписал правую грамоту царского суда по тяжбе И. В. Шереметева с Ю.И. и В.И. Токмаковыми и А. П. Ноздроватого из-за села Граворонова⁷³. В 1548 г. дьяк у наряда в Казанском походе⁷⁴. В январе 1549 г. дьяк отправлен к литовским послам на подворье (их «потчевать»)⁷⁵. О его дальнейшей карьере в 50—60-х гг. и казни в опричнину см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 111—112.
28. **Василий Григорьев Захаров Гнильевский.** Дьяк Василий Григорьев Захарын подписал 25 сентября 1546 г. подтверждение льготной грамоты Троице-Сергиеву монастырю (от 17 марта 1544 г.)⁷⁶. Припись дьяка Василия Григорьева на жалованной льготной грамоте 9 ноября 1545 г. Троице-Сергиеву монастырю⁷⁷. Его же скрепа на сставах жалованной несудимой грамоты тому же монастырю от 3 октября 1546 г.⁷⁸ В июле 1546 г. окле-

⁶⁶ АФЗХ/АМСМ. Л., 1983. № 65. С. 77.

⁶⁷ ААЭ. Т. I. № 194/I. С. 172.

⁶⁸ Носов Н. Е. Очерки. С. 316.

⁶⁹ Антонов А. В. Клинические акты XV—XVI веков // РД. Вып. 4. М., 1998. С. 75—76. № 7.

⁷⁰ ВКТСМ. М., 1987. С. 75.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 33.

⁷² Назаров В. Д. Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 122.

⁷³ АЮБ. Т. I. № 52/V. Стб. 214.

⁷⁴ РК 1598. С. 114.

⁷⁵ Сб. РИО. Т. 59. С. 267.

⁷⁶ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 288. Л. 251об.—253.

⁷⁷ Там же. № 292. Л. 256—257об.

⁷⁸ РГАДА. ГКЭ. Переславль-Залесский. № 140/8864.

ветал кн. И. И. Кубенского, Ф. С. и В. М. Воронцовых, которые были казнены⁷⁹. Весной 1547 г. скрепил своей подписью (назван дьяком Василием Григорьевым) судный список по делу о беглых холопах Михаила Колупаева, доложенный казначеям И. И. Третьякову и Ф. И. Сукину⁸⁰. Его же подпись (как дьяка Василия Захарова) стоит на жалованной проезжей грамоте Николаевскому Корельскому монастырю от декабря 1547 г.⁸¹ Дьяк в походах с царем: на Коломну — в июле 1547 г., во Владимир — в декабре того же года⁸². О карьере в 50-х гг. (упоминается еще в 1562 г.) и записи в синодике опальных см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 118—119.

29. **Григорий Захаров (Захарьин) Никулин Гнильевский.** Дьяком был уже в 1521/22 г.⁸³ Подписал (как «Григорий Захарьин») 5 июня [1541] г. меновную тверского дворецкого И. И. Хабарова и рязанского дворецкого В. М. Тучкова⁸⁴. В марте 1542 г. дьяк при приеме литовских послов⁸⁵. 9 апреля 1543 г. подписал (как «Григорий Захарьин») меновную рязанского дворецкого В. М. Тучкова Морозова Кирилло-Белозерскому монастырю⁸⁶. В июле 1543 г. подписал (вместе с дьяком Семеном Григорьевым) судный список суда казначея И. И. Третьякова⁸⁷. Между 1542 и 1547 гг. подтвердил жалованную грамоту коломенскому епископу⁸⁸.
30. **Яков Григорьев Захаров Гнильевский.** Сын Григория (Захарова сына Микулина) Гнильевского. Зимой 1543 г. гонец в Польшу⁸⁹. 7 мая 1546 г. дьяк Яков Григорьев подписал продление льготной грамоты Симонову монастырю от 21 декабря 1543 г.⁹⁰ Дьяк в царских походах: на Коломну — в июле 1547 г., во Влади-

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 48; Временник ОИДР. Кн. V. М., 1850. Материалы. С. 50 (Летописец Норманского).

⁸⁰ АСЗ. Т. I. М., 1997. № 229. С. 206.

⁸¹ АИ. Т. I. СПб., 1841. № 156. С. 281, в составе жалованной грамоты 17 мая 1551 г.

⁸² РК 1598. С. 111, 113.

⁸³ *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 119; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 231—232. № 49.

⁸⁴ *Кашианов С. М.* ИРСИ. Прил. III. С. 151—152. № 10.

⁸⁵ Сб. РИО. Т. 59. С. 146.

⁸⁶ РГАДА. ГКЭ. Вологда. № 12/2583.

⁸⁷ АФЗХ/АМСМ. № 72. С. 86.

⁸⁸ *Кучкин В. А.* Жалованная грамота 1538 г. на две слободки в Коломне // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 342—343

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 45 (январь—февраль (?) 1543 г.).

⁹⁰ АФЗХ/АМСМ. № 75. С. 88—89.

мир — в декабре того же года⁹¹. В марте 1548 г. дьяк подписал (вместе с Третьяком Леонтьевым) грамоты об обмене земель Спасского Ярославского монастыря с черными и помещичьими землями⁹². Летом 1548 г. выдавал (в июле — вместе с Третьяком Леонтьевым, в августе — с Угримом Львовым) ввозные грамоты помещикам⁹³. О дальнейшей карьере вплоть до 1566 г. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 119.

31. **Дмитрий Фомин сын Горин.** Дьяк. Послух (без дьяческого чина) в меновной Троице-Сергиева монастыря 1533/34 г. на деревню Назарьево в Корзенева стане Московского уезда⁹⁴. Дьяк, послух в данной 1544/45 г. И. И. Хабарова Троице-Сергиеву монастырю⁹⁵. В декабре 1547 г. один из поручителей по кн. И. И. Пронском⁹⁶. В январе 1547 г. назван в списке дьяков и в росписи караулов во время свадебных торжеств Ивана IV⁹⁷. Упомянут среди казенных дьяков, которым новгородский архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок⁹⁸. В середине XVI в. большой дьяк⁹⁹. О дальнейшей карьере вплоть до 1558/59 г. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 125.
32. **Тимофей Яковлев сын Горышкин.** Дьяк. 17 марта 1540 г. скрепил по сствам докладной судный список (доложенный дворецкому Ф. С. Воронцову) посельскому Симонова монастыря Федору Бекету, судившемуся с крестьянами с. Шипинского из-за спорных пожен¹⁰⁰. Упом. в составленной примерно в конце января 1547 г. росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV¹⁰¹. О его деятельности в 1551—1570 гг. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 128.
33. **Антип Гридин.** Подьячий дьяка Д. Ф. Горина: в начале января 1547 г. послан гонцом в Переславль, Ростов и Ярославль к лицам, проводившим смотр невест для Ивана IV¹⁰².

⁹¹ РК 1598. С. 111, 113.

⁹² ИАЯСМ. Т. I. С. 21.

⁹³ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 183. Прим. 1.

⁹⁴ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 514, 515.

⁹⁵ РГАДА. ГКЭ. Боровск. № 6/604.

⁹⁶ *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 годов. № 3. С. 13, 14.

⁹⁷ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 121; Док. № 16. С. 122.

⁹⁸ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

⁹⁹ ТКДТ. С. 116.

¹⁰⁰ АФЗХ/АМСМ. № 63. С. 75.

¹⁰¹ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 16. С. 122.

¹⁰² Там же. Док. № 12. С. 121.

34. **Семен Григорьев.** Дьяк. В июле 1543 г. подписал (вместе с Григорием Захарьиным Гнилевским) судный список суда казначая И. И. Третьякова¹⁰³.
35. **Иван (Ивашко) Данилов.** Подьячий. В октябре 1543 г. писал выпись из переславских книг И. Ф. Хидыршикова Чудову монастырю¹⁰⁴.
36. **Иван (Иванец) Иванов сын Дмитриев.** Подьячий. Скрепил сотную с владимирских книг Р. И. Образцова Рождественскому Владимирскому монастырю 20 мая 1544 г.¹⁰⁵
37. **Иван Третьяк Михайлов сын Дубровин.** Дьяк. 5 декабря 1537 г. (без чина) вместе с А. С. Упиным-Слизневым описывал Дмитров и скрепил сотную грамоту Троице-Сергиеву монастырю¹⁰⁶. В начале 40-х гг. — дьяк, московский писец вместе с кн. Р. Д. Дашковым и Ф. Г. Адашевым: в 1541/42 г. они выдали правую грамоту троицкому слуге З. Руготину на спорный покос в Корзеневской волости Московского уезда (Т. М. Дубровин назван дворцовым дьяком)¹⁰⁷; в августе 1543 г. — разъезжую грамоту Симонову монастырю¹⁰⁸. В 1543/44 г. душеприказчик Ирины Часовниковой¹⁰⁹. В мае 1544 г. дьяк во Пскове¹¹⁰. Оставался там в дьяках и в последующие несколько лет: 22 марта 1547 г. вместе с другим псковским дьяком, В. Г. Мартьяновым, послал игумену Псковского Снетогорского монастыря грамоту о соблюдении прав других монастырей на рыбную ловлю в Пецкой губе¹¹¹. В январе 1548 г. упомянут на пирах по случаю приезда в Псков новгородского архиепископа Феодосия¹¹². О дальнейшей карьере до 1562 г. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 163.

¹⁰³ АФЗХ/АМСМ. № 72. С. 86.

¹⁰⁴ *Кистерев С. Н.* Акты Московского Чудова монастыря 1507—1606 годов // РД. Вып. 9. М., 2003. С. 93.

¹⁰⁵ *Кистерев С. Н.* Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — начала XVII века // РД. Вып. 6. М., 2000. С. 104 (док. № 9).

¹⁰⁶ *Шумаков С. А.* Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1696 гг.). М., 1902. Вып. I. № XLIV. С. 124.

¹⁰⁷ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 531. По Москве № 140. Л. 100—102об.

¹⁰⁸ АФЗХ/АМСМ. № 73. С. 87. Они же в 1542/43 г. выдали разъезжую грамоту Троице-Сергиеву монастырю: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 536. № 339. Л. 484.

¹⁰⁹ *Лихачев Н. П.* Сборник актов. Вып. 1. № IV. С. 13.

¹¹⁰ Сб. РИО. Т. 59. С. 243, 246.

¹¹¹ ОР РНБ. Ф. 588 (Собр. Погодина). Оп. 2. Д. 1912. Л. 139—140.

¹¹² Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 38, 39.

38. **Давыд Дуров.** Дьяк. Единственное упоминание — в списке дьяков, составленном накануне свадьбы Ивана IV, примерно в конце января 1547 г.¹¹³
39. **Игнатий Дюпин.** Дьяк. Упом. в росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV (конец января 1547 г.), и в составленном тогда же списке дьяков¹¹⁴. Большой дьяк в Дворовой тетради 50-х гг.¹¹⁵
40. **Иван Евтифьев (Евтихеев).** Подьячий. В ноябре 1540 г. подписал выпись вологодских писцов Т. А. Карамышева и Н. К. Милославского Якову Сидорову сыну Колотиловского (выпись сохранилась в списке 1680-х гг.; фамилия подьячего передана там как «Евтихеев»)¹¹⁶. Присутствовал на суде вологодских писцов Т. А. Карамышева и Н. Д. Милославского по тяжбе Я. И. Трусова с Кирилло-Белозерским монастырем в марте 1543 г. (в подлиннике правой грамоты назван Иваном Евтифьевым)¹¹⁷.
41. **Алексей Есипов.** Подьячий. Один из адресатов указной грамоты в Малый Ярославец от 2 ноября 1543 г.¹¹⁸ То же единств. упом. у Веселовского (с. 177).
42. **Алексей Ефимов.** Подьячий, единственное упоминание — в духовной кн. М. В. Горбатого 1534/35 г.¹¹⁹
43. **Иван Васильев сын Жуков.** Ямской дьяк в октябре 1547 г.¹²⁰
44. **Григорий Дмитриевич Загряжский (Загрязский).** Упом. в 1511, 1517, 1522, 1529, 1532 гг. (миссии в Литву и приемы послов¹²¹). Определенные сведения о его дьячестве относятся к 1534—1537 гг.: в сентябре 1534 г. назван одним из самых влиятельных дьяков¹²²; со званием дьяка участвовал в посольстве боярина В. Г. Морозова в Литву 1537 г.¹²³ Свидетельство поздней редакции разрядных книг о сидении в разрядах в 1534/35—1536/37 гг.

¹¹³ Назаров В. Д. Свадебные дела. Док. № 15. С. 122.

¹¹⁴ Там же. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 123.

¹¹⁵ ТКДТ. С. 116.

¹¹⁶ АСЗ. Т. IV. № 4. С. 7.

¹¹⁷ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. № 125.

¹¹⁸ АТН. Вып. II. № 13. С. 11.

¹¹⁹ АСЕМ. М., 1998. № 35. С. 90.

¹²⁰ Колычева Е. И. Полные и докладные грамоты. С. 80.

¹²¹ См.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки С. 90; Зимин А. А. Дьяческий аппарат. С. 237. № 63.

¹²² РА. М.; Варшава, 2002. № 46. С. 117.

¹²³ Сб. РИО. Т. 59. С. 107. См. также: Там же. С. 109.

- дьяков Е. Цыплетева, А. Курицына и Г. Загряжского¹²⁴ А. А. Зимин считает не вполне достоверным¹²⁵.
45. **Давид Заиркин**. Подьячий. Ему адресована указная грамота от 24 мая 1535 г. с распоряжением описать с. Тураково и доставить список в Москву дьяку Федору Мишуруну¹²⁶.
46. **Михаил Захарын**. Подьячий, 15 мая 1544 г. дал вклад в Троице-Сергиев монастырь¹²⁷.
47. **Юрий Данилов**¹²⁸ сын **Звягин**. Дворцовый дьяк, в марте 1542 г. был приставом у литовских послов¹²⁹.
48. **Петр Федоров сын Зубатого**. Дьяк, упом. в 1547/48 г. в качестве послуха в данной душеприказчиков Т. В. Бражникова Заболоцкого Троице-Сергиеву монастырю на сельцо Головково в Дмитровском уезде¹³⁰.
49. **Борис Иванов сын**. Дьяк. Его скрепа (вместе с И. Е. Цыплетевым и С. Мишуриным) на сставах жалованной грамоты Александровой пустыни на р. Свири, апрель 1547 г.¹³¹
50. **Микула Иванов**. Подьячий, в феврале 1537 г. писал великокняжескую перемирную грамоту с Литвой¹³².
51. **Михайло Иванов сын**. Подьячий, в июне 1536 г. судья (вместе с Русином Григорьевым сыном Кроткого) в земельной тяжбе между помещиками Федором и Никитой Чулковыми и Троице-Сергиевым монастырем¹³³.
52. **Постник Иванов**. Подьячий, в 1546 г. вместе с Иваном Пустошкиным послан в Шелонскую пятину «правити» зелейные деньги¹³⁴.
53. **Нечай Игнатъев**. Подьячий. 19 февраля 1546 г. был послан (вместе с Афанасием Бабкиным) описывать пустые двory в Деревской и Бежецкой пятинах¹³⁵.

¹²⁴ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки С. 80.

¹²⁵ Зимин А. А. Дьяческий аппарат. С. 237.

¹²⁶ ОАСУ. М., 1905. Отд. I. № 23. С. 29—30.

¹²⁷ ВКТСМ. С. 195.

¹²⁸ Отчество установлено С. Б. Веселовским (Дьяки. С. 193) на основе упоминания Ю. Д. Звягина в качестве послуха в купчей кн. И. И. Стригина-Оболонского 1524/25 г.

¹²⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 145.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Дмитров. № 73/3785.

¹³¹ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. № 62. С. 154.

¹³² Сб. РИО. Т. 59. С. 105.

¹³³ АГР. Т. I. № 46. С. 55.

¹³⁴ ААЭ. Т. I. № 205. С. 187, 188, 189.

¹³⁵ Там же. С. 185.

54. **Матфей Казаков.** Подьячий, летом 1536 и в январе 1537 г. давал кормы литовскому послу¹³⁶.
55. **Никифор Казаков.** Дьяк, единственное упоминание — в духовной кн. М. В. Горбатого 1534/35 г.¹³⁷.
56. **Тимофей Казаков.** Дьяк. В сентябре 1534 г. составлял книги, куда заносились записи об уплате торговых пошлин¹³⁸. В декабре 1536 г. Тимофей Казаков и Василий Рахманов названы дьяками, «которые дороги ямские ведают»¹³⁹.
57. **Иван Бакака Митрофанов сын Карачаров.** Впервые упомянут как дьяк (дворцовый) в январе 1537 г.¹⁴⁰ В марте 1542 и январе—феврале 1549 г. присутствовал при встрече литовских послов¹⁴¹. В декабре 1547 г. дьяк в Казанском походе¹⁴². В 1547 г. дьяк на суде у царя¹⁴³. В декабре 1547 г. в качестве царского дьяка подписал поручную грамоту по кн. И. И. Пронскому¹⁴⁴. Упомянут в списке дьяков, которым новгородский архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок¹⁴⁵. В 1549 г. в посольстве в Литву М. Я. Морозова¹⁴⁶. Участвовал также в посольствах 1552 и 1554 гг.¹⁴⁷ В царском архиве хранился ящик (№ 162) — «Бакакинской с приказными делы»¹⁴⁸.
58. **Иван Чудин Митрофанов Карачаров.** Брат предыдущего. Пристав на приемах литовских послов 1521 и 1524 гг., ямской дьяк в июле 1527 г.¹⁴⁹ (подробнее см.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 240. № 76). Дьяк Чудин Митрофанов 29 января 1539 г. подписал подтверждение жалованной грамоты кн. Юрия Ивановича (1514 г.) Кашинскому Сретенскому монастырю¹⁵⁰; 29 апреля 1542 г. — подтверждение жалованной грамоты московскому

¹³⁶ Сб. РИО. Т. 59. С. 43, 64.

¹³⁷ АСЕМ. № 35. С. 90.

¹³⁸ *Кашинов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 437.

¹³⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 64.

¹⁴⁰ Там же. С. 67.

¹⁴¹ Там же. С. 148, 269, 287.

¹⁴² РК 1598. С. 113.

¹⁴³ АЮБ. Т. I. № 52/V. Стб. 214.

¹⁴⁴ *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 годов. № 3. С. 14.

¹⁴⁵ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

¹⁴⁶ Сб. РИО. Т. 59. С. 309, 331.

¹⁴⁷ См.: *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. С. 140.

¹⁴⁸ Описи Царского архива. С. 33.

¹⁴⁹ *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты. С. 78.

¹⁵⁰ *Маштафаров А. В.* Кашинский Сретенский монастырь в документах

Успенскому собору (от 25 июля 1539 г.)¹⁵¹. 20 марта 1545 г. подписал судный список, доложенный дмитровскому дворецкому В. М. Воронцову¹⁵². Упом. в росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV (примерно конец января 1547 г.), и в составленном тогда же списке дьяков¹⁵³. Приводил к присяге тотемских ямщиков в 1548 г.¹⁵⁴ В январе—феврале 1549 г. дьяк при встрече литовских послов¹⁵⁵. В 1550/51 г. дьяк в Великом Новгороде¹⁵⁶. Не позднее осени 1554 г. дьячество оставил¹⁵⁷.

59. **Третьяк Митрофанов Карачаров.** Третий из братьев, известный дьяк середины XVI в.¹⁵⁸ Третьяк владел поместьем в Твери¹⁵⁹. В 1540/41 г. он вместе с кн. Дмитрием Дашковым — писцы в Кашине¹⁶⁰.
60. **Неклюд Каширский.** Дьяк (?); упом. в росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV (конец января 1547 г.), и в составленном тогда же списке дьяков¹⁶¹.
61. **Иван Тимофеев сын Клобуков.** Сын дьяка Т. Г. Клобукова. В феврале 1531 г. ямской дьяк¹⁶², в середине XVI в. — «большой дьяк»¹⁶³. Упом. в росписи дворцовых караулов, составленной в конце января 1547 г. накануне свадьбы Ивана IV¹⁶⁴. Дьяк в 1551—1566 гг., умер 2 января 1573 г.¹⁶⁵

¹⁵¹ АРГ/АММС. М., 1998. № 2. С. 17—18.

¹⁵² ССМ. М., 1992. № 13. С. 20.

¹⁵³ Назаров В. Д. Свадебные дела. Док. № 15. С. 121; Док. № 16. С. 122.

¹⁵⁴ АСЗ. Т. IV. № 100. С. 75.

¹⁵⁵ Сб. РИО. Т. 59. С. 269, 298.

¹⁵⁶ Веселовский С. Б. Дьяки. С. 227.

¹⁵⁷ Упоминание о том, что «Чюдин дьячество оставил», содержится в царской грамоте в Новгород от 4 марта 1556 г.: ДАИ. Т. I. № 104. С. 153. Это произошло не позднее октября 1554 г., поскольку царская грамота в Новгород от 8 ноября 1554 г. адресована уже дьякам Федору Сыркову и Казарину Дубровскому (см.: Там же. № 49. С. 70).

¹⁵⁸ См. о нем: Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 267—270.

¹⁵⁹ ПМТУ. М., 2005. С. 513.

¹⁶⁰ См.: Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. Прил. I. С. 161.

¹⁶¹ Назаров В. Д. Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 123.

¹⁶² Колычева Е. И. Полные и докладные грамоты. С. 79.

¹⁶³ ТКДТ. С. 115.

¹⁶⁴ Назаров В. Д. Свадебные дела. Док. № 16. С. 122.

¹⁶⁵ Веселовский С. Б. Дьяки. С. 239.

62. **Тимофей Григорьев сын Клобуков.** Дьяк¹⁶⁶. Впервые упом. в 1495 г. среди детей боярских в свите великой княжны Елены¹⁶⁷. В 1525/26 г. дьяк великого князя — послух в купчей И. Г. Морозова¹⁶⁸; в июле 1528 г. дьяк: подписал подтверждение жалованной грамоты Василия III Троицкому Махрищскому монастырю¹⁶⁹. Упом. в правой грамоте 4 мая 1534 г. суда боярина кн. И. В. Шуйского по тяжбе игумена Махрищского монастыря Ионы с Шарапом Семеновым сыном Баскакова и его детьми¹⁷⁰. Умер ранее 27 июня 1539 г. (этим днем датирован вклад его сына Ивана Клобукова в Троице-Сергиев монастырь по своему отцу — «иноке Тихоне»)¹⁷¹.
63. **Дмитрий (Митка) Ковезин**¹⁷². Подьячий, в конце августа — начале сентября 1543 г. был приставом при литовском гонце: встретил его, поставил на подворье и давал «корм»¹⁷³.
64. **Матвей Васильев сын Козодавлев.** Упом. в росписи лиц, назначенных в дворцовые караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV (примерно в конце января 1547 г.)¹⁷⁴. В декабре 1547 г. — один из поручителей по кн. И. И. Пронском¹⁷⁵. Дворцовый дьяк с нарядом в Казанском походе в начале 1548 г.¹⁷⁶
65. **Василий Борисов сын Колзаков.** Дьяк. Послух в данной 1544/45 г. И. И. Хабарова в Троице-Сергиев монастырь¹⁷⁷. Упом. в росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV (конец января 1547 г.), и в составленном тогда же списке дьяков¹⁷⁸. В декабре 1547 г. упом. (без дьяческого чина)

¹⁶⁶ Подробнее о нем см.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. № 80. С. 241—242.

¹⁶⁷ Сб. РИО. Т. 35. С. 164.

¹⁶⁸ АРГ. № 268. С. 271.

¹⁶⁹ Там же. № 43. С. 50.

¹⁷⁰ АЮБ. Т. I. № 52/IV. Стб. 176—178, 191.

¹⁷¹ ВКТСМ. С. 66. В Троицкой вкладной книге под 1538/39 г. записан и вклад вдовы Т. Клобукова — Акилины, вместе с сыновьями, по его душе (Там же).

¹⁷² С. Б. Веселовский (Дьяки. С. 245) приводит его отчество: Григорьев сын. Источник этих сведений неизвестен: в посольской книге отчество Митки Ковезина не указано.

¹⁷³ Сб. РИО. Т. 59. С. 214, 218.

¹⁷⁴ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 16. С. 122.

¹⁷⁵ *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 годов. № 3. С. 13.

¹⁷⁶ РК 1598. С. 114.

¹⁷⁷ РГАДА. ГКЭ. Боровск. № 6/604.

¹⁷⁸ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 121; Док. № 16. С. 122, 123.

¹⁷⁹ *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 годов. С. 13, 14.

- в поручной грамоте по кн. И. И. Пронском¹⁷⁹. В 1548 г. вместе с Чудином Митрофановым приводил к присяге тотемских ямщиков¹⁸⁰. В 1549 г. у наряда в Казанском походе¹⁸¹. О дальнейшей карьере до 1566 г. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 251.
66. **Василий (Васюк) Константинов.** Подьячий. Ведал организацией ямской службы в Переславле; ему адресована в этой связи указная грамота от 23 декабря 1545 г.¹⁸²
67. **Дмитрий (Митка) Константинов.** Подьячий. 18 января 1543 г. подписал (вместе с двумя другими подьячими) правую грамоту ярославских писцов С. А. Плещеева и В. И. Беречинского приказчику Спасо-Ярославского монастыря Шестаку Артемьеву, судившемуся с людьми князя И. Ф. Мстиславского¹⁸³.
68. **Невежа Копнин.** Дьяк. Единственное упоминание — в списке дьяков в январе 1547 г. (накануне свадьбы Ивана IV)¹⁸⁴.
69. **Якуш Еремеев Кудрявец.** Подьячий, в 1546 г. собирал в казну зеленые деньги с новгородских пятин¹⁸⁵.
70. **Афанасий Дмитриев сын Кузьмин.** Дьяк. Упом. (без чина) в качестве послуха в купчей троицкого келаря Нифонта на с. Маслово от 16 июня 1523 г.¹⁸⁶ В данной старца Иосифа Боброва на его вотчинные села Троице-Сергиеву монастырю 1545/46 г. среди послухов упом. дьяк великого князя Афанасий Дмитриев¹⁸⁷. Он же («Офонасей Дмитриевич Кузмина») назван первым среди «царя и государя великого князя дьяков», подписавшихся в качестве послухов на меновой грамоте Ф. А. Чулкова Троице-Сергиеву монастырю на с. Новоселку 7055 г. (с учетом царского титула Ивана IV грамота датируется 1547 г., между январем и августом)¹⁸⁸.
71. **Иван Кузьмин.** Дьяк (?): упом. в росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV (конец января 1547 г.), и в составленном тогда же списке дьяков¹⁸⁹.

¹⁸⁰ АСЗ. Т. IV. № 100. С. 75.

¹⁸¹ РК 1598. С. 121.

¹⁸² РГАДА. ГКЭ. Переславль Залесский. № 136/8860.

¹⁸³ Антонов А. В. Ярославские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века // РД. Вып. 5. М., 1999. С. 26.

¹⁸⁴ Назаров В. Д. Свадебные дела. С. 121. № 15.

¹⁸⁵ ААЭ. Т. I. № 205. С. 186—188, 192—195.

¹⁸⁶ АРГ. № 217. С. 219.

¹⁸⁷ Обзор ГКЭ. Вып. 3. М., 1912. С. 9. № 31.

¹⁸⁸ Там же. Вып. 4. С. 401—402. № 1116.

¹⁸⁹ Назаров В. Д. Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 122.

72. **Казарин Иванов сын Кумяндин.** Подьячий. В 1543/44 г. писал сотную Симонову монастырю с вышегородских книг С. Ф. Пильмова Сабурова¹⁹⁰.
73. **Афанасий Федорович Курицын.** Дьяк. Впервые упом. в 1520 г. (уже с дьяческим чином)¹⁹¹. Участник предсмертных совещаний Василия III¹⁹². В сентябре 1534 г. считался одним из шести виднейших дьяков¹⁹³. В феврале 1534 г. проводил подтверждение грамот Троице-Сергиева монастыря¹⁹⁴. В ноябре 1534 г. ему было поручено привезти наказ воеводам, находившимся в Можайске¹⁹⁵. Запись поздней редакции разрядных книг о деятельности А. Ф. Курицына в 1534/35—1536/37 гг. в качестве разрядного дьяка¹⁹⁶ А. А. Зимин считает сомнительной¹⁹⁷. В январе—феврале 1537 г. участвует в приеме литовских послов¹⁹⁸. 12 января 1541 г. подписал подтверждение жалованной грамоты Василия II (1432—1435 гг.) Троице-Сергиеву монастырю¹⁹⁹. Вскоре умер: 29 марта 1541 г. его вдова Мария дала вклад в Троице-Сергиев монастырь, и его написали в синодик (под именем инока Александра)²⁰⁰.
74. **Иван (Иванов сын?) Курицын**²⁰¹. В июле 1540 г. дьяк Иван Курицын (без отчества) послан с наказом на Коломну к кн. И. В. Шемяке Пронскому для предупреждения отказа от службы по местническим основаниям²⁰². 15 апреля 1545 г. тот же дьяк подписал докладную купчую (с доклада окольничему И. И. Беззубцеву) М. М. Тучкова на половину сельца Ефимьева в Костромском уезде²⁰³. Упомянут (также без отчества) в

¹⁹⁰ АФЗХ/АМСМ. № 78. С. 91—92.

¹⁹¹ О его деятельности в 20-х — начале 30-х гг. XVI в. см.: Зимин А. А. Дьяческий аппарат. С. 245. № 92.

¹⁹² ПСРЛ. Т. 6. С. 268.

¹⁹³ РА. № 46. С. 116.

¹⁹⁴ См. Прил. II. № 34—102.

¹⁹⁵ РК. С. 86.

¹⁹⁶ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки С. 80.

¹⁹⁷ Зимин А. А. Дьяческий аппарат. С. 246.

¹⁹⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 65, 102.

¹⁹⁹ АСЭИ. Т. I. М., 1952. № 92. С. 75—76.

²⁰⁰ ВКТСМ. С. 48.

²⁰¹ С. Б. Веселовский (Дьяки. С. 280) считает его сыном Ивана Волка Курицына, но в середине XVI в. известен и дьяк Иван Федорович Курицын.

²⁰² РК 1598. С. 97.

²⁰³ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Кострома. № 39/5006.

списке дьяков, которым новгородский архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок²⁰⁴.

75. **Афанасий Фуник Иванов сын Курцев.** Впервые упом. (без дьяче-го чина) в разъезжей грамоте 1518/19 г., которую он выдал (вместе с Ярцем Нарматцким) после межевания земель Троицкого монастыря и Московского Архангельского собора в Горетове стане Московского уезда²⁰⁵. В феврале 1526 г. ямской дьяк²⁰⁶. В июле 1531 г. вместе с двумя другими дьяками послан в Великий Новгород²⁰⁷; активно действовал там до конца 30-х гг. Упомянут в отписных книгах пригородных пожен Великого Новгорода 1535/36 и июня 1536 г.²⁰⁸ Выданные им совместно с другим новгородским дьяком, Яковом Шишкиным, грамоты 1536/37, 1538/39, 1539/40 гг. упоминаются в платежной книге погостов Вотской пятины²⁰⁹. Был жив еще в ноябре 1549 г.²¹⁰
76. **Константин Афанасьев Фуников сын Курцев.** Ямской дьяк в октябре 1547 г.²¹¹ Дьяк в 1554 г.²¹²
77. **Никита Афанасьев Фуников сын Курцев.** В 1538/39 г. послух (не дьяк) в данной Никиты Антонова сына Ногина с сыновьями Троице-Сергиеву монастырю на д. Антоновскую в Кинельском стане Переславского уезда²¹³. Дьяк, послух в данной 1544/45 г. И. И. Хабарова Троице-Сергиеву монастырю²¹⁴. В 1546/47 г. дьяк, послух в купчей Троице-Сергиева монастыря у боярина И. С. Воронцова на половину с. Буженинова в Переславском уезде²¹⁵. Упомянут среди казенных дьяков, которым новгородский архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок²¹⁶. О карьере в 50–60-е гг. (с 1562 г. казначей, казен в 1570 г.) см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 282.

²⁰⁴ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

²⁰⁵ АРГ. № 172. С. 166–167.

²⁰⁶ *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты. С. 77.

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 288.

²⁰⁸ ПКНЗ. Т. 1. С. 309, 328.

²⁰⁹ *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Т. II. С. 376, 383, 384, 386, 387.

²¹⁰ *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 281.

²¹¹ *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты. С. 80.

²¹² *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 281.

²¹³ РГАДА. ГКЭ. Переславль-Залесский. № 108/8832. Опул. (выдержки): Обзор ГКЭ. Т. IV. С. 270. № 858.

²¹⁴ РГАДА. ГКЭ. Боровск. № 6/604.

²¹⁵ Там же. Переславль-Залесский. № 145/8869.

²¹⁶ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

78. **Поспел Неклюдов сын Лебедев.** Дворцовый дьяк (видимо, Тверского дворца): 22 марта 1534 г. по приказу тверского дворецкого И. Ю. Поджегина выдал духовную П. М. Молечкина его вдове Алене (вместе с возвращенной ей вотчиной мужа)²¹⁷. Во время подготовки свадьбы Ивана IV назначен в караул (ропись конца января 1547 г.); тогда же упомянут в списке дьяков²¹⁸.
79. **Анисим (Онисимко) Левин.** Подьячий, в конце 1547 г. ездил отписывать на государя вотчину кн. И. И. Турунта Пронского²¹⁹.
80. **Иван (Ивашко) Леонтьев.** Подьячий. В ноябре 1540 г. подписал выпись вологодских писцов Т. А. Карамышева и Н. К. Милославского Якову Сидорову сыну Колотилового²²⁰. Присутствовал на суде вологодских писцов Т. А. Карамышева и Н. Д. Милославского по тяжбе Я. И. Трусова с Кирилло-Белозерским монастырем в марте 1543 г.²²¹ Его подпись на обороте оброчной грамоты вологодских писцов Кирилло-Белозерскому монастырю, декабрь 1543 г.²²²
81. **Степан Самойлов сын Леонтьев.** Подьячий. Писал поручную грамоту по кн. И. И. Пронском от 9 декабря 1547 г.²²³
82. **Третьяк Леонтьев.** Дьяк. Самое раннее надежное упоминание о его дьячестве относится к 15 января 1545 г.: в этот день Третьяк Леонтьев, названный дьяком великого князя, подписал подтверждение жалованной грамоты (от 23 февраля 1515 г.) на поместье П. Г. Марина сыну последнего — Петру²²⁴. Впоследствии он скрепил своей подписью еще целый ряд подтвержденных поместных грамот: 18 января 1547 г. — жалованную несудимую грамоту М. И. Гиневлеву (выданную 29 января 1546 г.)²²⁵; 12 марта того же года — поместную грамоту Кропотовым²²⁶; наконец, 20 сентября 1547 г. — жалованную грамоту (1530 г.) помещикам Болотниковым²²⁷. 23 марта 1548 г. дьяк подписал (вместе с Яковом Захаровым) грамоты об обмене земель Спасского Ярославского монастыря с черными и помещичьими земля-

²¹⁷ АФЗХ. Ч. II. № 91. С. 88.

²¹⁸ Назаров В. Д. Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 123.

²¹⁹ ССМ. № 17. С. 25.

²²⁰ АСЗ. Т. IV. № 4. С. 7.

²²¹ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. № 125.

²²² РИБ. Т. 32. № 151. Стб. 264—265.

²²³ Антонов А. В. Поручные записи 1527—1571 годов. № 3. С. 14.

²²⁴ АСЗ. Т. I. № 152. С. 125—126.

²²⁵ АСЗ. Т. IV. № 98. С. 73—74.

²²⁶ ПМТУ. С. 184.

²²⁷ АСЗ. Т. IV. № 50. С. 38—39.

ми²²⁸. Он упомянут в росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV (конец января 1547 г.), и в составленном тогда же списке дьяков²²⁹. По вероятному предположению А. А. Зимина, дьяк Третьяк Леонтьев — одно лицо с Третьяком Леонтьевым сыном Глебовым²³⁰ — землевладельцем Волоцкого уезда, упоминаемым в ряде актов 40-х — начала 50-х гг. из архива Иосифо-Волоколамского монастыря²³¹. К февралю 1554 г. его уже явно не было в живых²³².

83. **Василий Озаров сын Лошинский.** Подьячий. Впервые упом. в 1518/19 г., когда он (еще без чина) написал купчую Афанасия и Никиты Полозовых на д. Золотилово в Кашинском уезде²³³. В апреле 1538 г. назван подьячим в списке послухов в меновой келаря Троице-Сергиева монастыря Серапиона Курцева и старца Сильвестра на деревни Оленино и Лешутино в Ростовском уезде²³⁴.
84. **Угрим (Левкеин) Львов [Пивов²³⁵].** Дьяк. В марте 1542 г. назван дворцовым дьяком: присутствовал на пиру в честь литовских послов²³⁶. Упом. в составленной в конце января 1547 г. росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV, и в относящемся к тому времени списке дьяков²³⁷. О его дальнейшей службе в 50-х гг. (до 1561 г.) см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 308.
85. **Юрий (Юшко) Лукин.** Подьячий, присутствовал на разъезде земель Симонова монастыря в августе 1543 г.²³⁸ В том же чине упом. в марте 1548 г., когда вместе с Русином Окатовым произ-

²²⁸ Упом. в жалованной грамоте тому же монастырю от 24 декабря 1554 г.: ИАЯСМ. Т. I. С. 21.

²²⁹ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 122.

²³⁰ *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 249. Прим. 423.

²³¹ См.: АФЗХ. Ч. II. № 166, 194, 197, 234, 240. С. 159, 195, 197, 237, 243..

²³² См. царскую указную грамоту от 27 февраля 1554 г. о передаче Иосифо-Волоколамскому монастырю деревни Черной в Хованском стане, завещанной дьяком Третьяком Леонтьевым, согласно его духовной памяти, этой обители: Там же. № 249. С. 252–253.

²³³ АРГ. № 166. С. 159.

²³⁴ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 533. Л. 704.

²³⁵ В источниках обычно упоминается без фамильного прозвища. Тождество дьяка Угрима Левкеина (Львова) и опричного казначея Угрима Львова сына Пивова установлено П. А. Садиковым: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 308–310.

²³⁶ Сб. РИО. Т. 59. С. 149.

²³⁷ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 123.

²³⁸ АФЗХ/АМСМ. № 73. С. 87.

водил обмен деревень Спасского Ярославского монастыря на черные и помещичьи деревни²³⁹.

86. **Селянин Максимов.** Подьячий, в 1546 г. вместе с Федором Кулибакиным собирал в казну зелейные деньги с Вотской пятины²⁴⁰.
87. **Василий Григорьев сын Мартьянов.** Псковский дьяк, вместе с Третьяком Михайловым сыном Дубровина послал 22 марта 1547 г. указную грамоту игумену Псковского Снетогорского монастыря с запретом нарушать права других монастырей на рыбную ловлю в Пецкой губе²⁴¹. Снова упомянут в январе 1548 г. на пирах по случаю приезда в Псков новгородского архиепископа Феодосия²⁴².
88. **Василий Бык Мелентьев.** Дворцовый дьяк. Его подпись на жалованной грамоте Павлову Обнорскому монастырю от 11 февраля 1546 г.²⁴³ 24 мая 1539 г. он (вместе с Ю. Сидоровым) сделал вклад по отце, подьячем Мелентии Михайлове сыне (по прозвищу Постник), в Троице-Сергиев монастырь²⁴⁴. О его деятельности в качестве дьяка в 1556—1559 гг. см. *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 327.
89. **Григорий Мельников.** Дьяк (?): упом. в составленной примерно в конце января 1547 г. росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV, и в относящемся к тому же времени списке дьяков²⁴⁵.
90. **Мелентий Постник Михайлов сын.** Подьячий. Единственное упоминание — во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря: 24 мая 1539 г. его сын Василий Мелентьев и Юрий Сидоров дали по его душе 50 рублей²⁴⁶.
91. **Тимофей Федоров сын Михайлов**²⁴⁷. Дьяк. 4 мая 1534 г. подписал правую грамоту суда боярина кн. И. В. Шуйского по тяжбе

²³⁹ ИАЯСМ. Т. I. С. 19—21 (пересказ в жалованной грамоте тому же монастырю от 24 декабря 1554 г.).

²⁴⁰ ААЭ. Т. I. № 205. С. 190, 191.

²⁴¹ ОР РНБ. Ф. 588 (Собр. Погодина). Оп. 2. Д. 1912. Л. 139—140.

²⁴² Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 38, 39.

²⁴³ *Каштанов С. М.* ИРСИ. Прил. III. № 12. С. 156. Но, возможно, подпись дьяка относится к подтверждению 1550 г.

²⁴⁴ ВКТСМ. С. 219.

²⁴⁵ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 123.

²⁴⁶ ВКТСМ. С. 219.

²⁴⁷ С. Б. Веселовский (Дьяки. С. 343) отождествляет его с Тимофеем (Тишей) Федоровым сыном Михалкова, упомянутым — без дьяческого чина — в поручных грамотах по кн. М. Л. Глинском (февраль 1527 г.) и по князьям

игумена Троицкого Махришского монастыря Ионы с помещиком Шарапом Семеновым сыном Баскакова с сыновьями²⁴⁸. 17 марта 1540 г. подписал докладной судный список (доложенный дворецкому Ф. С. Воронцову) посельскому Симонова монастыря Федору Бекету, судившемуся с крестьянами с. Шипинского из-за спорных пожен²⁴⁹.

92. **Алексей Федоров Мишурин.** Сын дьяка Ф. М. Мишурина. В октябре 1537 г. был подьячим, повез великокняжескую грамоту с наказом посланнику в Литву С. М. Омелянову²⁵⁰.
93. **Василий Обрюта Михайлов сын Мишурин.** В 1524 г. посельский во Владимире, в феврале 1530 г. — дворцовый дьяк²⁵¹. В той же должности упом. в марте 1542 и в январе 1549 г.²⁵² 9 сентября 1549 г. с двумя другими царскими дьяками присутствовал на докладе у боярина и дворецкого Д. Р. Юрьева, которому тогда была доложена купчая Троице-Сергиева монастыря на село Бакино²⁵³. Сын Обрюты Семен в середине XVI в. дворовый сын боярский по Москве²⁵⁴.
94. **Игнатий Дурак Михайлов сын Мишурин.** Дьяк, в феврале и апреле 1535 г., июне 1536 г., сентябре 1538 и феврале 1539 г. присутствовал на суде великого князя, подписывал судные списки²⁵⁵. Впоследствии упом. в списке дьяков, составленном накануне свадьбы Ивана IV, в конце января 1547 г.²⁵⁶
95. **Семен Федоров сын Мишурин.** Сын дьяка Ф. М. Мишурина. Его подпись на сставах жалованной грамоты Александровой пустыни на р. Свири, апрель 1547 г.²⁵⁷ [вместе с И. Е. Цыплатевым и Б. Ивановым]. О дальнейшей карьере в 50—70-х гг. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 344.

Иване и Андрее Михайловичам Шуйским (июнь 1528 г.), см.: *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 годов. № 1. С. 9, 10; № 2. С. 13, 14.

²⁴⁸ АЮБ. Т. I. СПб., 1857. № 52/IV. Стб. 192.

²⁴⁹ АФЗХ/АМСМ. № 63. С. 75.

²⁵⁰ Сб. РИО. Т. 59. С. 139.

²⁵¹ РИБ. Т. II. № 35. Стб. 39. О карьере до 1533 г. см.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 253. № 112.

²⁵² Сб. РИО. Т. 59. С. 149, 266.

²⁵³ Обзор ГКЭ. Вып. 4. М., 1917. С. 337. № 985.

²⁵⁴ ТКДТ. С. 128.

²⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 341об.; АГР. Т. I. С. № 45, 46. С. 52, 55; АСЗ. Т. IV. № 503. С. 395, 396. См. также в этой книге гл. 8, табл. 4.

²⁵⁶ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 121.

²⁵⁷ Материалы по истории Карелии. № 62. С. 154.

96. **Темир Мишурин**²⁵⁸. Упом. (без дьяческого чина) в духовной кн. М. В. Горбатого 1534/35 г.²⁵⁹ Назван дворцовым дьяком в январе 1537 г., когда он был приставлен к литовским послам²⁶⁰.
97. **Федор Михайлов сын Мишурин**. Брат Василия и Игната. С дьяческим чином впервые упомянут на приеме литовских послов весной 1525 г.²⁶¹ Но и до того имел стаж приказной работы: в правой грамоте 1542 г. упомянуты «отписи» о платежах с Каширы 1516/17—1520/21 гг., подписанные Федором Мишуриным²⁶². Участник предсмертных совещаний Василия III²⁶³. В сентябре 1534 г. назван в числе шести виднейших дьяков²⁶⁴. С января 1534 до осени 1538 г. контролировал выдачу жалованных грамот землевладельцам и подтверждение грамот, выданных прежними государями (за упомянутые три с половиной года подписал на имя Ивана IV около ста грамот, см. Прил. II). В указной грамоте игумену Глушицкого монастыря Феодосию 23 июня 1535 г. было велено выписать вотчин, купленных монастырем у детей боярских за последние два года, прислать дьяку Ф. Мишури-ну²⁶⁵. Участвовал в переговорах с литовскими послами в декабре 1533, феврале—марте 1536, январе—феврале 1537 г.²⁶⁶ В 1534—1538 гг. он включался также в состав комиссий для переговоров с крымскими и ногайскими послами²⁶⁷. Убит по приказу Шуйских 21 октября 1538 г.²⁶⁸ Иван IV в послании Курбскому вспоминает об этом убийстве Федора Мишурина — «отца нашего и нашего дьяка ближнего»²⁶⁹. Иван, Семен и Иван Меньшой Фе-

²⁵⁸ Н. П. Лихачев отождествляет его с Василием Обрютой или Федором (Разрядные дьяки. С. 163), что, по справедливому мнению А. А. Зимина, ошибочно, см.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 253. № 114 и прим. 490.

²⁵⁹ АСЕМ. № 35. С. 91.

²⁶⁰ Сб. РИО. Т. 59. С. 64.

²⁶¹ Сб. РИО. Т. 35. С. 700.

²⁶² АГР. Т. I. № 57. С. 100. С. Б. Веселовский, ссылаясь на эти упоминания, считает Ф. Мишурина дьяком уже в 1516/17—1520/21 гг. (*Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 344). Данное предположение не лишено вероятности, но сомнения все-таки остаются, поскольку в цитируемом документе Ф. Мишурин ни разу прямо не назван дьяком применительно к 1516—1521 гг.

²⁶³ ПСРЛ. Т. 6. С. 270, 272

²⁶⁴ РА. № 46. С. 116.

²⁶⁵ *Амвросий*. ИРИ. Ч. III. С. 712—714. № VII.

²⁶⁶ Сб. РИО. Т. 59. С. 2, 31, 66, 76, 105.

²⁶⁷ См.: Дьяки и подьячие Посольского приказа. С. 84—85.

²⁶⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 34.

²⁶⁹ ПГК. Л., 1979. С. 28 (1-я пространная редакция Первого послания Грозного).

доровы дети Мишурина в середине XVI в. — дети боярские по Коломне²⁷⁰.

98. **Федор Постник Никитич Губин Моклоков.** Сын дьяка Никиты Губы Семенова Моклокова²⁷¹. Около 1539/40 г. вместе с братом Яковом получил в поместье село Ярково с деревнями в волости Шестке Тверского уезда²⁷². Дьяк, в марте 1542 г. при встрече литовских послов; в июне 1542 г. с В. Г. Морозовым и Ф. С. Воронцовым в посольстве в Литву²⁷³. Упомянут в оброчной грамоте игумену Павлову Обнорскому монастыря 29 января 1546 г.: деньги велено давать в великокняжескую казну дьякам Постнику Губину и Одинцу Никифорову²⁷⁴. Согласно указной грамоте Ивана IV тотемским ямщикам от 26 февраля 1546 г., те же дьяки принимали в казну ямские деньги с Устьянской, Чадромской и Заечерецкой волостей²⁷⁵. В 1546/47 г. вместе с кн. К. И. Курлятевым, А. А. Квашниным и И. Е. Цыплятевым он дал (и подписал) данную по Е. И. Цыплятеву в Кирилло-Белозерский монастырь²⁷⁶. Упомянут (как «Постник Губан») среди казенных дьяков, которым новгородский архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок²⁷⁷. В Дворовой тетради 50-х гг. большой дьяк²⁷⁸. О карьере в 1549—1557/58 гг. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 346.
99. **Афанасий Морин.** Дьяк во Пскове в сентябре 1534 г.²⁷⁹ Впоследствии упом. в составленной примерно в конце января 1547 г. росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV, а также в относящемся к тому же времени списке дьяков²⁸⁰.
100. **Никита Дятел Григорьев сын Мошков.** Дворцовый дьяк в Великом Новгороде: упомянут в оброчной книге пригородных по-

²⁷⁰ ТКДТ. С. 161.

²⁷¹ О Никите Губе Моклокове см.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 254—255. № 118.

²⁷² ПМТУ. С. 45—46. Брат Яков и дети Постника Губина Богдан и Алешка в середине XVI в. — дворовые дети боярские по Юрьеву (ТКДТ. С. 152).

²⁷³ Сб. РИО. Т. 59. С. 146, 171.

²⁷⁴ *Каштанов С. М.* ИРСИ. Прил. III. № 11. С. 154.

²⁷⁵ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 2. 1649 г. № 31. Л. 68.

²⁷⁶ РГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 93/794.

²⁷⁷ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

²⁷⁸ ТКДТ. С. 115.

²⁷⁹ РА. № 46. С. 115.

²⁸⁰ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 121; Док. № 16. С. 122.

жен Новгородского дворца 1539/40 г.²⁸¹ Согласно Платежной книге 1542/43 г., за ним, дворцовым дьяком, числилось несколько деревень в Деревской пятине²⁸². В 1545 г. дьяк великого князя: 21 августа 1545 г. сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь²⁸³. В 1549/50 г. дьяк, дал в Новоспасский монастырь свое вотчинное село Бездедово Федоровское²⁸⁴. Умер в начале 60-х гг., приняв перед смертью монашеский постриг под именем Никандра²⁸⁵.

101. **Бессон (Безсонко) Данилов сын Мякишев.** Подьячий, его подпись стоит на обороте написанной между 1533 и 1538 гг. духовной грамоты Василия Иванова сына Ларионова²⁸⁶.
102. **Ярец Андреев сын Нармацкий.** В декабре 1517 г. ямской дьяк²⁸⁷; в 1518/19 г. проводил разъезд земель Московского уезда²⁸⁸. В 1535 г. описывал г. Переславль Рязанский²⁸⁹. Его сын Семен — дворовый сын боярский по Владимиру²⁹⁰.
103. **Афанасий Невзоров.** Подьячий. 18 января 1543 г. подписал (вместе с двумя другими подьячими) правую грамоту ярославских писцов С. А. Плещеева и В. И. Беречинского приказчику Спасо-Ярославского монастыря Шестаку Артемьеву, судившемуся с людьми кн. И. Ф. Мстиславского²⁹¹.
104. **Василий Нечаев.** Подьячий дьяка Гаврила Шенка Белого: в начале января 1547 г. послан гонцом во Владимир, Суздаль и Юрьев к лицам, проводившим смотр невест для Ивана IV²⁹².
105. **Иван Одинец Дубенской Никифоров (Микифоров).** 27 марта 1539 г. дьяк Одинец Никифоров сделал вклад в Троице-Сер-

²⁸¹ ПКНЗ. Т. 1. С. 351, 357, 358.

²⁸² Там же. Т. 4. Писцовые книги Деревской пятины 1530—1540-х гг. / Сост. к. В. Баранов. М., 2004. С. 461, 465.

²⁸³ ВКТСМ. С. 101.

²⁸⁴ АРГ/АММС. № 105. С. 241—242.

²⁸⁵ Там же. С. 480 (комментарий К. В. Баранова к № 105).

²⁸⁶ *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. I. № II. С. 10.

²⁸⁷ *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты. С. 77.

²⁸⁸ *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 257. № 126.

²⁸⁹ Писцовые книги Рязанского края. Т. I. Вып. 2. Рязань, 1900. С. 419.

²⁹⁰ ТКДТ. С. 155. А. А. Зимин (Дьяческий аппарат. С. 257, прим. 554) предполагает, что сыном Я. Нармацкого, возможно, был Петрок Ярецев, посланный в 1542 г. убить И. Ф. Бельского (ПСРЛ. Т. 13. С. 237).

²⁹¹ *Антонов А. В.* Ярославские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века // РД. Вып. 5. М., 1999. С. 26.

²⁹² *Назаров В. Д.* Свадебные дела. С. 121. № 12.

гиев монастырь²⁹³. В качестве дьяка скрепил указную грамоту Троице-Сергиеву монастырю от 12 марта 1540 г.²⁹⁴ Упом. в оборочной грамоте игумену Павлова Обнорского монастыря 29 января 1546 г.: деньги давать в великокняжескую казну дьякам Постнику Губину и Одинцу Никифорову²⁹⁵. Согласно указной грамоте Ивана IV тотемским ямщикам от 26 февраля 1546 г., те же дьяки принимали в казну ямские деньги с Устьянской, Чадромской и Заечерецкой волостей²⁹⁶. Упом. в списке дьяков в январе 1547 г., накануне свадьбы Ивана IV²⁹⁷. Скрепа дьяка Одинца Никифорова на склейке указной грамоты в Суздаль от 14 марта 1547 г.²⁹⁸ Упомянут среди казенных дьяков, которым новгородский архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок²⁹⁹. О карьере в 1556/57—1564 гг. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 372.

106. **Павел Никифоров**. Подьячий, 1 января 1547 г. сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь³⁰⁰. В 1553 г. дьяк³⁰¹.

107. **Истома Кондратьев сын Ноугородов**. Время его пожалования из подьячих в дьяки остается неясным: он назван дьяком в помете на обороте жалованной грамоты Николаевскому Корельскому монастырю от октября 1542 г.³⁰² Однако в данной 1546/47 г. Троице-Сергиеву монастырю душеприказчиков Е. И. Цыплятева сказано, что грамоту писал «подиачей Истомка Кондратьев сын Ноугородов»³⁰³. Припись Истомы Ноугородова (без чина!) имеется на жалованной грамоте Антониеву Сийскому монастырю от 6 февраля 1545 г.³⁰⁴ В мае 1552 г., несомненно, был уже дьяком: его подпись стоит на царском подтверждении жалованной грамоты канинским ненцам («самоедам») от 15 апреля 1545 г.³⁰⁵.

²⁹³ ВКТСМ. С. 169.

²⁹⁴ ААЭ. Т. I. № 190. С. 167.

²⁹⁵ *Каштанов С. М.* ИРСИ. Прил. III. № 11. С. 154.

²⁹⁶ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 2. 1649 г. № 31. Л. 68.

²⁹⁷ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 121.

²⁹⁸ АССЕМ. № 65. С. 136—137

²⁹⁹ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

³⁰⁰ ВКТСМ. С. 219.

³⁰¹ *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 373.

³⁰² АИ. Т. I. № 141. С. 206.

³⁰³ РГАДА. ГКЭ. Белоозеро. № 93/794.

³⁰⁴ Сб. ГКЭ. Т. I. № 109. Стб. 110—112.

³⁰⁵ ААЭ. Т. I. № 204. С. 184. С. Б. Веселовский, основываясь на позднейшем упоминании этой грамоты «за приписью дьяка Истомы Ноугородова» в

108. **Федор Васильев сын Огарев.** 5 июля 1541 г. послух (без дьяческого чина) у купчей Никиты Фуникова Курцева³⁰⁶. 28 февраля и 1 марта 1545 г. (упом. без чина) сделал вклады в Троице-Сергиев монастырь³⁰⁷. В 1547 г. дьяк царя и великого князя: упом. в качестве послуха в купчей Троице-Сергиева монастыря на половину села Мячкова в Кодяеве стане Переславского уезда³⁰⁸. В конце января 1547 г. упом. в росписи кремлевских караулов, назначенных по случаю предстоящих свадебных торжеств Ивана IV, и в составленном тогда же списке дьяков³⁰⁹. 3 августа 1550 г. и 13 января 1551 г. дьяк с боярином и дмитровским дворецким В. Ю. Траханиотом³¹⁰. В середине XVI в. большой дьяк³¹¹.
109. **Лев (Левка) Михайлов сын Борисова Офутин.** Подьячий. Писал данную (вкладную) И. Ф. Ларина в Троице-Сергиев монастырь 1544/45 г.³¹² В Дворовой тетради 50-х гг. упом. большой дьяк Леонтий Офутин³¹³.
110. **Третьяк Усатый Охромев (Офромеев).** Подьячий, в 1538/39 г. делил вотчину кн. Мезецких в Стародубе Ряполовском³¹⁴.
111. **Захарий Иванов Панфилов.** Дьяк. Его подпись на жалованной грамоте Павлову Обнорскому монастырю от 11 февраля 1546 г.³¹⁵ Дворцовый дьяк 15 февраля 1549 г.³¹⁶ и в 1550—1554 (*Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 397).

указной грамоте царя Михаила Федоровича 1631 г. (ААЭ. Т. III. СПб., 1836. № 194. С. 280), полагал, что И. Ноугородов был дьяком уже в 1544/45 г. (*Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 375). Но обращение к самой грамоте ненцам от 15 апреля 1545 г. делает безосновательным это предположение: подпись дьяка читается только на подтверждении грамоты, сделанном 24 мая 1552 г.

³⁰⁶ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 522. Л. 124.

³⁰⁷ ВКТСМ. С. 99.

³⁰⁸ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 144/8868.

³⁰⁹ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 121—122; Док. № 16. С. 122.

³¹⁰ *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 381.

³¹¹ ТКДТ. С. 115.

³¹² РГАДА. ГКЭ. Веря. № 10/2337.

³¹³ ТКДТ. С. 115. Сведения о его службе в 1556—1562 гг. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 387.

³¹⁴ АСЕМ. № 37. С. 64—67. В троицком списке деловой грамоты подьячий назван Третьяком Усатым Офромеевым: ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 531. Л. 1061об.

³¹⁵ *Кашианов С. М.* ИРСИ. Прил. III. № 12. С. 156. Но, возможно, подпись дьяка относится к подтверждению 1550 г.

³¹⁶ АГР. Т. I. С. 117.

112. **Иван Захарын сын Панфилов.** Подьячий, 3 августа 1539 г. сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь³¹⁷
113. **Юрий (Юшко) Петров.** Подьячий. Присутствовал на разъезде земель Симонова монастыря в августе 1543 г.³¹⁸
114. **Владимир Семенов сын Племянников.** Упом. как дворцовый дьяк в 1511 г.³¹⁹, с марта 1528 г. — псковский дьяк³²⁰. Как долго он оставался на службе в Пскове, остается неясным³²¹. Умер в начале 40-х гг.: в 1541/42 г. его вдова Фетинья по приказу мужа наделила сыновей его вотчиной — сельцом Лариным в Кинельском стану Московского уезда³²².
115. **Верещага Подосенов.** Подьячий. 18 января 1543 г. подписал (вместе с двумя другими подьячими) правую грамоту ярославских писцов С. А. Плещеева и В. И. Беречинского приказчику Спасо-Ярославского монастыря Шестаку Артемьеву, судившемуся с людьми кн. И. Ф. Мстиславского³²³.
116. **Григорий Меньшой Никитин сын Путятин.** Первое упоминание — 1510 г. (в чине подьячего), в мае 1514 — феврале 1515 г. — уже дьяк³²⁴. В апреле 1532 г. именовался «великим дьяком»³²⁵. В 1531—1533 гг. сопровождал Василия III в поездках, написал от имени великого князя четыре послания Елене Глинской³²⁶. Участник совещаний у постели умирающего государя осенью 1533 г.; писал (вместе с Ф. Мишуриным) духовную грамоту Василия III³²⁷. В сентябре 1534 г. считался одним

³¹⁷ ВКТСМ. С. 195.

³¹⁸ АФЗХ/АМСМ. № 73. С. 87.

³¹⁹ О его карьере при Василии III см.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 261. № 145.

³²⁰ ПЛ. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 105.

³²¹ А. А. Зимин утверждает (не приводя источник своей информации), что В. С. Племянников оставался в Пскове «во всяком случае до ноября 1538 г.» (*Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 261), но, возможно, здесь в текст статьи вкралась опечатка, поскольку чуть ниже ученый отмечает, что последний раз этот дьяк упоминается в 1533/34 г., когда он вместе с детьми сделал вклад в Троицкий монастырь (см.: Там же). Как бы то ни было, но в 1532 г., согласно Псковской летописи, дьяками в Пскове были уже другие лица (ПЛ. Вып. I. С. 105).

³²² *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 414.

³²³ *Антонов А. В.* Ярославские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века. С. 26.

³²⁴ *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 263—264. № 152.

³²⁵ Сб. РИО. Т. 35. С. 858.

³²⁶ Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографическою комиссиею. Т. I. 1526—1658. М., 1848. № 2—5. С. 3—5.

³²⁷ ПСРЛ. Т. 6. С. 268, 270, 272.

из шести виднейших дьяков³²⁸. В декабре 1533, феврале, марте, августе 1536 и январе—феврале 1537 г. участвовал в приеме литовских послов³²⁹. В те же годы был непременным участником переговоров с ногайскими и крымскими послами³³⁰. В 1534 г. (не позднее августа) подписал подтверждение купчей боярина кн. Юрия Ивановича Дмитровского Михаила Елизаровича (1531/32 г.) Троицкому Калязину монастырю³³¹. В 1535 или 1536 г. дьяк вместе с боярином кн. И. В. Шуйским был послан правительницей Еленой Глинской к Андрею Старицкому, чтобы развеять опасения удельного князя и нормализовать отношения с ним³³². В декабре 1538 г. подписал подтверждение жалованной грамоты Василия III (1511 г.) Ярославскому Спаскому монастырю³³³. 14 января 1539 г. подписал подтверждение жалованной уставной грамоты Василия III (1506 г.) переславским рыболовам³³⁴. 20 июля 1539 г. подписал подтверждение жалованной проезжей гр. Василия III (1514 г.) Суздальскому Покровскому монастырю³³⁵. В декабре 1539 г. подписал подтверждение жалованной грамоты Василия III лопарям (1530 г.)³³⁶. В январе 1540 г. скрепил указную грамоту о межевании земель Спасо-Евфимьева монастыря³³⁷. В марте 1540 г. подписал подтверждение жалованной грамоты Василия III Крестовоздвиженской церкви в Устюжне Железопольской³³⁸. 3 февраля 1540 г. и 18 февраля 1541 г. скрепил своей подписью судные списки за печатью дворецкого кн. И. И. Кубенского³³⁹. Последний раз упомянут в источниках 27 июня 1541 г. (подпись под приговором дворецкого И. И. Кубенского на судебном списке)³⁴⁰. Умер в начале 1542 г. (7 декабря 1541 г. датирован

³²⁸ РА. № 46. С. 117.

³²⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 2, 17, 31, 46, 66, 76, 105.

³³⁰ См.: Дьяки и подьячие Посольского приказа. С. 74—80, 87—88.

³³¹ РГАДА. Ф. 1193. Кн. 4. № 100. Л. 87—88.

³³² СГГД. Ч. 2. М., 1819. № 31. С. 39. О датировке посольства кн. И. В. Шуйского и дьяка Меньшого Путятина к старицкому князю см. в этой книге гл. 4.

³³³ ИАЯСМ. М., 1896. № IV. С. 5—6.

³³⁴ АСЭИ. Т. III. № 25. С. 46.

³³⁵ Кашианов С. М. ИРСИ. Прил. IV. № 1. С. 165.

³³⁶ СГГД. Ч. I. М., 1813. № 158. С. 438.

³³⁷ АСЕМ. № 45. С. 104—105.

³³⁸ АИ. Т. I. № 128. С. 190.

³³⁹ АГР. Т. I. С. 85, 92.

³⁴⁰ АСЗ. Т. I. № 228. С. 202.

его вклад в Троице-Сергиев монастырь, а 12 февраля 1542 г. его племянник дал туда вклад по его душе)³⁴¹.

117. **Постник Игнатъев сын Путятин.** Между 1533 и 1538 г. написал (еще без чина) духовную Василия Беззубого Иванова сына Ларионова³⁴², 19 сентября 1542 г. дворцовый дьяк: его подпись на судном списке вместе с печатью дворецкого кн. И. И. Кубенского³⁴³; в 1546/47 г. дьяк, послух в купчих Троице-Сергиева монастыря на половину села Буженинова и половину села Мячкова в Переславском уезде³⁴⁴. В конце января 1547 г. (накануне свадьбы Ивана IV) упомянут в списке дьяков и в росписи дворцовых караулов³⁴⁵. В начале 1548 г. дьяк с царем во Владимире (во время Казанского похода)³⁴⁶. 4 ноября 1548 г. дворцовый дьяк: скрепил указную грамоту, выданную по приказу окольничего и дворецкого Ф. Г. Адашева³⁴⁷. В середине века большой дьяк³⁴⁸. О карьере в 50-х гг. (до 1558 г.) см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 442.
118. **Иван Колтыря Михайлов сын Раков.** В 1526/27 г. без дьяческого звания в качестве писца составил купчую М. Л. Глинского³⁴⁹. В ноябре 1532 г. был дьяком в Пскове³⁵⁰. В 1537 г. производил развод и описание земель в Звенигороде³⁵¹.
119. **Матвей Третьяк Михайлов сын Раков.** Будучи великокняжеским дьяком, в марте 1522 г. подписал межевую грамоту³⁵². В 1533 г. находился около умирающего Василия III вместе с другими близкими к нему дьяками³⁵³. В январе 1536 г. как один из душеприказчиков кн. М. В. Горбатого подписал данную грамоту Никольскому Шартомскому монастырю на завешанное обители князем сельцо Чернцы с деревнями³⁵⁴. В январе 1537 г. дьяк послан угощать медом литовских послов. Летом 1539 г.

³⁴¹ ВКТСМ. С. 82.

³⁴² *Лихачев Н. П.* Сборник актов. Вып. I. № II. С. 9.

³⁴³ АГР. Т. I. С. 110.

³⁴⁴ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Переславль-Залесский. № 144/8868, 145/8869.

³⁴⁵ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 121; № 16. С. 123.

³⁴⁶ РК 1598. С. 115.

³⁴⁷ АГР. Т. I. № 62. С. 115.

³⁴⁸ ТКДТ. С. 115; АФЗХ. Ч. II. № 244. С. 247.

³⁴⁹ АРГ. № 286. С. 287.

³⁵⁰ ПЛ. Вып. I. С. 165.

³⁵¹ АФЗХ. Ч. I. № 13—17. С. 34—37.

³⁵² *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 265—266. № 155.

³⁵³ ПСРЛ. Т. 6. С. 268.

³⁵⁴ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № I. С. I

дьяк Третьяк Раков послан с наказом к местничавшим воеводам³⁵⁵. 13 ноября 1539 г. сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь³⁵⁶. В январе—феврале 1537 г. и марте 1542 г. дьяк при встрече литовских послов³⁵⁷. В марте 1542 г. подписал докладную купчую А. Ф. Тушина-Квашнина, доложенную боярину кн. Ю. М. Булгакову³⁵⁸. Сведения о нем обрываются на 1542 г.³⁵⁹ Его вдова Авдотья в начале 50-х гг. владела несколькими селами в Тверском уезде³⁶⁰. Дети его Борис и Лука — дворовые дети боярские по Москве³⁶¹.

120. **Василий Васильев сын Рахманов (Рахманинов)**. В феврале 1531 г. был ямским дьяком³⁶². Ведал ямскими дорогами (вместе с Тимофеем Казаковым) в 1536 г.³⁶³ В 1543/44 г. В. В. Рахманинов написал закладную кабалу и очищальную запись кн. А. П. Ноздроватого на половину села Граворонова³⁶⁴; свое авторство («руку») дьяк В. Рахманинов признал перед царем на судебном процессе, который шел в 1547 г. из-за этого села между И. В. Шереметевым, с одной стороны, и братьями кн. Юрием и Василием Токмаковыми и кн. Андреем Ноздроватого — с другой³⁶⁵.
121. **Василий Иванов сын Рахманинов**. Дьяк великого князя, послух в данной 1544/45 г. И. И. Хабарова Троице-Сергиеву монастырю на село Образцово в Боровском уезде³⁶⁶. С. Б. Веселовский смешивает двух дьяков Василов, соединяя сведения об одном и о другом под рубрикой «Рахманов Василий Иванович»³⁶⁷.

³⁵⁵ РК 1598. С. 96.

³⁵⁶ ВКТСМ. С. 169.

³⁵⁷ Сб. РИО. Т. 59. С. 65, 67, 102, 146, 166, 194.

³⁵⁸ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 530. Л. 97об.—99.

³⁵⁹ И. И. Смирнов отождествляет Третьяка Ракова с дворцовым дьяком Третьяком Михайловым сыном Дубровина (*Смирнов И. И.* Очерки. С. 215), но А. А. Зимин (Дьяческий аппарат. С. 266, прим. 688) справедливо это оспаривает, т.к. этот дьяк упом. в 1559 г. (РК. С. 182), что для Ракова поздно; кроме того, по наблюдениям А. А. Зимина, дети обоих Третьяков в Тысячной книге различаются.

³⁶⁰ ПМТУ. С. 170, 238.

³⁶¹ ТКДТ. С. 127.

³⁶² *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты. С. 79.

³⁶³ Сб. РИО. Т. 59. С. 64.

³⁶⁴ АЮБ. Т. I. № 52/V. Стб. 201—203.

³⁶⁵ Там же. Стб. 210.

³⁶⁶ РГАДА. ГКЭ. Боровск. № 6/604.

³⁶⁷ *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 447.

- А. А. Зимин знает только одного дьяка Рахманинова — Василия Васильева сына³⁶⁸.
122. **Чура Астафьев Руделев.** Упом. в списке дьяков и в росписи кремлевских караулов в связи с подготовкой бракосочетания Ивана IV (конец января 1547 г.)³⁶⁹. Как царя и великого князя дьяк упомянут в списке послухов данной душеприказчиков Т. В. Бражникова Заболоцкого Троице-Сергиеву монастырю, 1547/48 г.³⁷⁰
123. **Богдан Рукавов.** Подьячий. 19 февраля 1546 г. послан (вместе с Никитой (Владыкиным)) описывать пустые дворы в Шелонскую пятину³⁷¹.
124. **Гаврило Северицын.** Дьяк. Упом. в росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV (конец января 1547 г.), и в составленном тогда же списке дьяков³⁷². Дворцовый дьяк, сопровождал царя в Казанском походе зимой 1548 г.³⁷³
125. **Юрий Сидоров.** В марте 1506 г. подьячий — послух у купчей Д. В. Ховрина³⁷⁴. В 1546/47 г. казенный дьяк: сохранилась платежная ведомость с подписью Ю. Сидорова о приеме в казну оброчных денег и пошлин с Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря³⁷⁵. Упом. в списке дьяков и в росписи кремлевских караулов в связи с подготовкой бракосочетания Ивана IV (конец января 1547 г.)³⁷⁶. Видный кормленный дьяк середины XVI в.³⁷⁷ О карьере в 1549—1569 гг. и казни в опричнину см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 475.
126. **Дмитрий Тимофеев сын Скрипицын.** Дворцовый дьяк в Великом Новгороде. Упомянут в оброчной книге пригородных пожен Новгородского дворца 1539/40 г.³⁷⁸, в платежной книге Вотс-

³⁶⁸ *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 266. № 156.

³⁶⁹ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 123.

³⁷⁰ РГАДА. ГКЭ. Дмитров. № 73/3785.

³⁷¹ ААЭ. Т. I. № 205. С. 185.

³⁷² Там же. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 122, 123.

³⁷³ РК 1598. С. 115.

³⁷⁴ АРГ. М., 1975. № 17. С. 26.

³⁷⁵ РИБ. Т. 32. С. 293.

³⁷⁶ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 123.

³⁷⁷ По Дворовой тетради — большой дьяк: ТКДТ. С. 115. Подробнее о деятельности Ю. Сидорова в качестве «кормленного дьяка» см.: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 224—226.

³⁷⁸ ПКНЗ. Т. I. С. 351, 357, 358.

кой пятины (под 1541/42 г.)³⁷⁹, в платежной книге Деревской пятины 1542/43 г.³⁸⁰ Ему и И. И. Бухарину адресована указная грамота Ивана IV от 26 октября 1547 г. об обелении двора на Новгородском посаде, купленного Соловецким монастырем³⁸¹. Оставался в Новгороде еще в 1549/50 г., а в 1556/57 г. уже дьяк в Москве³⁸².

127. **Степан Скрыпов.** Дьяк во Пскове в сентябре 1534 г.³⁸³; оставался там еще осенью 1538 г.³⁸⁴ Впоследствии упом. в росписи лиц, назначенных в караулы по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV (конец января 1547 г.), и в составленном тогда же списке дьяков³⁸⁵.
128. **Иван Степанов.** Подьячий, перед 1539/40 г. вместе с Нечаем Девочкиным занимался межеванием в Нижегородском уезде³⁸⁶.
129. **Истома Стоянов.** Подьячий: в сентябре 1543 г. вместе с «ближним дворянином» Б. И. Сукиным послан в Литву³⁸⁷.
130. **Богдан Иванов сын Судомоин.** Подьячий, упомянут как присутствовавший на суде московских писцов кн. Р. Д. Дашкова, Ф. Г. Адашева и дьяка Третьяка Дубровина в августе 1543 г.³⁸⁸
131. **Борис Иванов сын Сукин.** Брат казначея Ф. И. Сукина. Пристав у литовских послов (март 1542 г.); в сентябре 1543 — июне 1544 г. с титулом ближнего дворянина ездил с посольством в Литву³⁸⁹. Дьяк в Казанском походе (декабрь 1547 г.)³⁹⁰. Упомянут в списке дьяков, которым новгородский архиепископ Федосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок³⁹¹. О дальнейшей службе в 50—60-х гг. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 499—500.

³⁷⁹ *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Т. II. С. 383.

³⁸⁰ ПКНЗ. Т. 4. М., 2004. С. 483, 484.

³⁸¹ АСЭИСП/АСМ. № 129. С. 79—80.

³⁸² См.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 478.

³⁸³ РА. № 46. С. 115.

³⁸⁴ Упом. в следственном деле о побеге в Ливонию архитектора Петра Фрязина, см.: АИ. Т. I. № 140. С. 202.

³⁸⁵ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 123.

³⁸⁶ В поступной записи 1539/40 г., отложившейся в архиве Троице-Сергиева монастыря, упоминается разъезжая «Нечая Девочкина да подьячево Ивана Степанова» (ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 530. Л. 1253 об.).

³⁸⁷ Сб. РИО. Т. 59. С. 222.

³⁸⁸ АФЗХ/АМСМ. № 72. С. 86.

³⁸⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 145, 222, 228.

³⁹⁰ РК 1598. С. 113.

³⁹¹ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

132. **Иван Вязга Афанасьев сын Суков.** Новгородский дьяк. В 1524/25 и 1530 гг. давал земли на оброк³⁹². Служил в Новгороде по крайней мере до 1540 г. В 1539/40 г. он вместе с Ишуком Бухариным выделил вдове новгородского помещика Григория Картмазова, Офимье, часть его поместья «на прожиток»³⁹³. Упомянут также в оброчной книге пригородных поженов Новгородского дворца 1539/40 г.³⁹⁴ Вместе с Ишуком Бухариным выдал 9 августа 1540 г. ввозную (послушную) гр. Никольскому Вяжишскому монастырю³⁹⁵. В Устьянском погосте Деревской пятины Вязге Сукову принадлежало несколько деревень, но уже к 1542/43 г. (вероятно, после его смерти) они перешли к другому новгородскому дьяку — Дмитрию Скрипицыну³⁹⁶.
133. **Ушак Сумороков.** Подьячий, в 1543/44 г. находился при верейских писцах С. Ф. Сабурове с товарищами³⁹⁷.
134. **Федор (Федко) Суханов.** Подьячий. В сентябре 1544 г. вместе с дворянином В. И. Беречинским отправлен с посольством в Литву³⁹⁸.
135. **Иван Пух Васильев сын Тетерин.** Сын дьяка Василия Борисова сына Тетерина³⁹⁹. В июне 1536 г. служил ямским дьяком⁴⁰⁰. Осенью 1538 г. вместе с И. И. Яхонтовым правил посольство в Казань⁴⁰¹. В 1546/47 г. послух, в декабре 1547 г. поручитель по кн. И. И. Пронском⁴⁰². Упом. в составленной в конце января 1547 г. росписи караулов по случаю предстоящей свадебной церемонии Ивана IV, а также в списке дьяков того же времени⁴⁰³.
136. **Ушак Тухинский.** Подьячий. Впервые назван подьячим в ввозной грамоте новгородских дьяков И. А. Сукова и И. И. Бухарина Никольскому Вяжишскому монастырю от 9 апреля 1540 г.⁴⁰⁴ 19 февраля 1546 г. послан (вместе с Бурундаем Васи-

³⁹² См.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 271. № 173.

³⁹³ НПК. Т. IV. Стб. 529—530.

³⁹⁴ ПКНЗ. Т. 1. С. 351, 358.

³⁹⁵ РИБ. Т. 32. № 142. Стб. 255—256.

³⁹⁶ ПКНЗ. Т. 4. С. 484.

³⁹⁷ *Шумаков С. А.* Сотницы. Вып. I. Отд. II. № V. С. 55.

³⁹⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 256.

³⁹⁹ О дьяке В. Б. Тетерине см.: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 273. № 180.

⁴⁰⁰ *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты. С. 80.

⁴⁰¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 33, 34.

⁴⁰² *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 годов. № 3. С. 13.

⁴⁰³ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 122.

⁴⁰⁴ РИБ. Т. 32. Стб. 255.

- львым сыном Харламовым) описывать пустые дворы в Яме, Копорье, Орешке, Кореле⁴⁰⁵.
137. **Гаврила Андреевич Тыртов.** В декабре 1541 г. тиун московский⁴⁰⁶, в сентябре 1542 — марте 1543 г. ездил с посольством в Крым (с Федором Вокшеринным)⁴⁰⁷. Упом. в составленной в конце января 1547 г. росписи караулов по случаю предстоящей свадебной церемонии Ивана IV, а также в списке дьяков того же времени⁴⁰⁸.
138. **Архип Устюг.** Подьячий дьяка Гаврилы Щенка Белого. Упом. в начале января 1547 г. в переписке по поводу смотра невест для Ивана IV⁴⁰⁹.
139. **Андрей Иванов сын Фатов.** Подьячий. Подписал сотную гр. Симонову монастырю 1543/44 г.⁴¹⁰.
140. **Федор (Федко) Фатьянов.** Подьячий. 25 октября 1540 г. подписал разъезжую грамоту переславских писцов И. Ф. Хидыршикова и В. Ю. Безобразова Троицкому Данилову монастырю⁴¹¹. В марте 1542 г. приставлен кормить литовских послов⁴¹². Его подпись и скрепа на выписи Чудову монастырю из переславских книг И. Ф. Хидыршикова (октябрь 1543 г.)⁴¹³. Ему и И. Т. Щелепину адресована указная грамота 15 июня 1545 г.⁴¹⁴ Его же (подьячего) подпись 2 декабря 1545 г. на разъезжей⁴¹⁵. В 1545/46 г. послух (без чина) у данной С. Н. Дурова Троице-Сергиеву монастырю на деревню Глухово в Дмитровском уезде⁴¹⁶. В 1553/54 г. дьяк, о дальнейшей карьере до 1574/75 г. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 537—538.
141. **Макар(ий) Федоров.** По данным С. Б. Веселовского, в 1530/31 г. был подьячим⁴¹⁷. 16 июля 1537 г. уже дьяк, подписал уставную

⁴⁰⁵ ААЭ. Т. I. № 205. С. 185.

⁴⁰⁶ АСЗ. Т. I. № 228. С. 200—202.

⁴⁰⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 44—45.

⁴⁰⁸ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 122.

⁴⁰⁹ Там же. Док. № 7. С. 119; Док. № 11. С. 120.

⁴¹⁰ АФЗХ/АМСМ. № 78. С. 91—92.

⁴¹¹ РГАДА. ГКЭ. Переславль-Залесский. № 112/8836.

⁴¹² Сб. РИО. Т. 59. С. 145.

⁴¹³ *Кистерев С. Н.* Акты Московского Чудова монастыря. С. 93.

⁴¹⁴ АГР. Т. I. № 58. С. 110—111.

⁴¹⁵ Там же. № 59. С. 113.

⁴¹⁶ РГАДА. ГКЭ. Дмитров. № 66/3778. Выдержки опубл.: Обзор ГКЭ. Вып. III. № 30. С. 9.

⁴¹⁷ *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 542 (в тексте справочника опечатка: «1630/31» вместо «1530/31» г.); ученый не указал источник приведенных им данных.

грамоту бобровникам Ильмехотского стана Владимирского у.⁴¹⁸ В 1540 г. подписал губную грамоту Слободскому верхнему городку на Вятке⁴¹⁹. Подпись дьяка Макария Федорова стоит на обороте указной грамоты на Вятку наместнику Верхне-Слободского городка кн. Д. Д. Ухтомскому от марта 1546 г.⁴²⁰ Назван первым среди казенных дьяков, которым новгородский архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок⁴²¹. Возможно, полное имя дьяка было Макарий Федоров сын Рязанов: именно такая подпись читается на подтверждении 5 января 1546 г. жалованной грамоты Павлову Обнорскому монастырю (от 25 апреля 1538 г.)⁴²².

142. **Стефан (Степан) Федотьев (Федотов)**. 21 декабря 1532 г. подьячий⁴²³. Конюшенный дьяк: участвовал в разезде земель Симона монастыря в августе 1538 г.⁴²⁴; в сентябре 1542 г. написал данную Елены Челядниной⁴²⁵. Он же среди послухов «отписи» троицкого игумена Алексея от 9 сентября 1542 г. о даче Елене Челядниной сельца до ее живота⁴²⁶. В 1553/54 г. дьяк⁴²⁷.
143. **Пятунька Фофанов**. Подьячий, 25 июня 1545 г. сделал запись на духовной грамоте Василия Федоровича Сурмина (1541/42 г.) об уплате долгов покойного⁴²⁸.
144. **Илья Антонов Царегородцев**. Подьячий. Скрепил своею подписью (по сствам) правую грамоту от 20 июля 1541 г. белозерских писцов Ф. Ф. Хидыршикова и Г. Л. Клементьева старцу Ворониной пустыни Герману⁴²⁹. Он же скрепил сотную тех же белозерских писцов от января 1544 г.⁴³⁰ О его карьере в 50—60-х гг. XVI в. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 558.

⁴¹⁸ ААЭ. Т. I. № 183. С. 157.

⁴¹⁹ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881. № 16. С. 20.

⁴²⁰ Труды Вятской УАК 1905 г. Вып. III. Вятка, 1905. Отд. III. С. 87—89.

⁴²¹ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

⁴²² *Кашианов С. М.* ИРСИ. Прил. III. С. 148—149. № 8.

⁴²³ *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 546.

⁴²⁴ АФЗХ/АМСМ. № 59. С. 64—65.

⁴²⁵ РГАДА. ГКЭ. Ростов. № 20/10557.

⁴²⁶ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 532. Л. 720—720об.

⁴²⁷ *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 546.

⁴²⁸ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 530. Л. 66. Другой список: Там же. Кн. 536. Л. 18.

⁴²⁹ АГР. Т. I. № 55. С. 86.

⁴³⁰ Упом. в правой грамоте пошехонских писцов Ф. И. Чулкова и дьяка Ф. Фатьянова крестьянам Ворбозомской волости (около 1554 г.): Там же. № 65. С. 122.

145. **Елизар Иванов Цыплятев.** Сын дьяка Ивана Дмитриевича Цыпли⁴³¹. Начал карьеру при Иване III: впервые упом. в качестве послуха и белозерского землевладельца в 1486—1489, 1492 гг. В 1510 г. уже дьяк⁴³². В апреле 1532 г. назван «великим дьяком»⁴³³. Участник предсмертных совещаний Василия III⁴³⁴. В сентябре 1534 г. назван в числе шести влиятельнейших дьяков⁴³⁵. Сведение о том, что в 1534/35—1536/37 гг. он сидел в разрядах с двумя другими дьяками⁴³⁶, А. А. Зимин считает сомнительным⁴³⁷. В январе 1537 г. присутствует на приеме литовских послов, а в августе 1536 и марте 1542 г. участвует в переговорах с ними⁴³⁸. Подпись дьяка Е. Цыплятева на продлении кормленной гр. кн. И. Ф. Горчакову в 1538/39 г.⁴³⁹ Исчезает с политической арены около 1542 г. Умер около 1546 г.: его душеприказчики кн. Константин Иванович Курлятев, Андрей Александрович Квашнин, дьяк Федор Постник Губин Моклоков и его сын Иван дали в 1546/47 г. его вотчину в Кирилло-Белозерский монастырь⁴⁴⁰.
146. **Иван Елизаров сын Цыплятев.** Сын дьяка Е. И. Цыплятева. Вместе с кн. К. И. Курлятевым, А. А. Квашниным и дьяком Постником Губиным дал данную по отцу в Кирилло-Белозерский монастырь в 1546/47 г. (см. выше). Скрепя Ивана Елизарова (вместе с Б. Ивановым и С. Мишуриным) стоит на сставах жалованной грамоты Александровой пустыни на р. Свири, апрель 1547 г.⁴⁴¹ Дьяк, 1546/47—1547/48 гг.⁴⁴²; в июле и декабре 1547 г. дьяк в походах с царем⁴⁴³. Упомянут в списке дьяков, которым новгородский архиепископ Феодосий послал 26 марта 1548 г. «угорские» золотые в подарок⁴⁴⁴. О карьере до 1558 г. и смерти (16 ноября 1567 г.) см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 560.

⁴³¹ См. о нем: *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 277. № 197.

⁴³² Подробнее см.: Там же. С. 277—278. № 198.

⁴³³ Сб. РИО. Т. 35. С. 858.

⁴³⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 268, 270, 272.

⁴³⁵ РА. № 46. С. 116.

⁴³⁶ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. С. 80.

⁴³⁷ *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 278.

⁴³⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 46 и сл., 66, 152—153.

⁴³⁹ АСЗ. Т. I. № 63. С. 53.

⁴⁴⁰ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Белоозеро. № 93/794.

⁴⁴¹ Архив СПб. ИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 36об.—42об.

⁴⁴² АСЗ. Т. IV. № 454, 456. С. 335, 336.

⁴⁴³ РК 1598. С. 111, 113.

⁴⁴⁴ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548-й год. Стб. 49.

147. **Василий Исаков сын Чекменев.** Подьячий. В ноябре 1540 г. подписал (как «Васюк Исаков») выпись вологодских писцов Т. А. Карамышева и Н. К. Милославского Якову Сидорову сыну Колотилового⁴⁴⁵. Присутствовал на суде вологодских писцов Т. А. Карамышева и Н. Д. Милославского по тяжбе Я. И. Трусова с Кирилло-Белозерским монастырем в марте 1543 г. (назван полным именем: Василий Исаков сын Чекменева)⁴⁴⁶. В декабре 1543 г. подписал (как подьячий Васюк Исаков) оброчную грамоту вологодских писцов Кирилло-Белозерскому монастырю⁴⁴⁷.
148. **Черныш.** Дьяк (?): упом. в составленной примерно в конце января 1547 г. росписи караулов по случаю предстоящей свадебной церемонии Ивана IV, а также в списке дьяков того же времени⁴⁴⁸.
149. **Истома Чертовский.** Дьяк (?): упомянут в списке дьяков и росписи дворцовых караулов, составленных в период подготовки к свадьбе Ивана IV (около конца января 1547 г.)⁴⁴⁹.
150. **Иван Алексеев⁴⁵⁰ сын Шамский.** В ноябре 1532 г. псковский дьяк⁴⁵¹. В 1538 г. введенный дьяк: ему по приказу боярина кн. И. В. Шуйского выдана жалованная несудимая грамота от 13 августа 1538 г.⁴⁵² В начале 1539 г. судил тяжбу между игуменом Троицкого Калязина монастыря Тихоном и игуменом Троицкого Рябьевского монастыря Вассианом, с одной стороны, и крестьянами Жабенской волости: после доклада дмитровскому дворецкому кн. Д. Ф. Палецкому дьяк И. А. Шамский 21 марта 1539 г. подписал межевую выпись и приложил к ней свою печать⁴⁵³.
151. **Яков Васильев сын Шишкин.** В июле 1531 г. прислан вместе с другими дьяками (Афанасием Фуником Курцевым и Митей

⁴⁴⁵ АСЗ. Т. IV. № 4. С. 7.

⁴⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). Оп. 1. Д. 125. Подл.

⁴⁴⁷ РИБ. Т. 32. № 151. Стб. 265.

⁴⁴⁸ Назаров В. Д. Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 122.

⁴⁴⁹ Там же. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 122.

⁴⁵⁰ А. А. Зимин (Дьяческий аппарат. С. 279. № 200) допустил ошибку в отчестве дьяка Ивана Шамского: «Александров» (сын) вместо правильного «Алексеев».

⁴⁵¹ ПЛ. Вып. I. С. 105.

⁴⁵² ОАСУ. № 25. С. 32.

⁴⁵³ РГАДА. Ф. 1193. Кн. 1. Л. 104.

Великим) в Новгород⁴⁵⁴. В 30-е годы вел в Новгороде энергичную деятельность. Выданные им совместно с другим новгородским дьяком, Фуником Курцевым, грамоты 1536/37, 1538/39, 1539/40 гг. упоминаются в платежной книге погостов Вотской пятины⁴⁵⁵. Адресат известного послания Зиновия Отенского, которое публикаторы датируют 1534—1536 гг.⁴⁵⁶ Последний раз упом. в 1552 г.⁴⁵⁷

152. **Борис Алексеев сын Щекин.** Сын дьяка Алексея Малого Щекина (см. о нем: *Зимин*. Дьяческий аппарат. С. 279—280. № 205). Упом. в составленной примерно в конце января 1547 г. росписи караулов по случаю предстоящей свадебной церемонии Ивана IV, а также в списке дьяков того же времени⁴⁵⁸. Припись дьяка Бориса Щекина на сставе ук. гр. на Белоозеро от 6 июля 1549 г.⁴⁵⁹ 27 сентября 1549 г. он подписал губной наказ селам Кирилло-Белозерского монастыря⁴⁶⁰. В середине XVI в. известен как «большой дьяк»⁴⁶¹. О карьере в 50-х гг. и до 1563 г. см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 586.
153. **Русин Щекин.** В феврале 1525, декабре 1526, 1530 гг. упоминается (в крымских делах) с чином подьячего⁴⁶². В июне 1536 г. был ямским дьяком в Москве⁴⁶³.
154. **Яков Семенов сын Шелкалов.** Подьячий: в июле 1534 г. ему и А. С. Караулову адресована указная грамота о межевании земель Новодевичьего и Троице-Сергиева монастырей в Городецком стане Бежецкого уезда⁴⁶⁴. Межевание было проведено, о чем свидетельствует разъезжая грамота 1534/35 г., выданная

⁴⁵⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 288. В Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского фамилия дьяка искажена: он назван «Яковом Тишкиным» (ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 222).

⁴⁵⁵ *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Т. II. С. 376, 383, 384, 386, 387.

⁴⁵⁶ См.: *Клибанов А. И., Корецкий В. И.* Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 206. Текст послания см.: Там же. С. 219—224.

⁴⁵⁷ Эту дату приводит А. А. Зимин (Дьяческий аппарат. С. 279. № 204), но, правда, без ссылки на источник.

⁴⁵⁸ *Назаров В. Д.* Свадебные дела. Док. № 15. С. 122; Док. № 16. С. 123.

⁴⁵⁹ РИБ. Т. II. № 32. Стб. 33.

⁴⁶⁰ РИБ. Т. 32. № 173. Стб. 304.

⁴⁶¹ ТКДТ. С. 116.

⁴⁶² *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 280. № 206.

⁴⁶³ *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты. С. 80.

⁴⁶⁴ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 63.

властям обоих монастырей (до нас дошел троицкий противень) А. С. Карауловым и подьячим Я. С. Щелкаловым⁴⁶⁵. Упом. (без чина) в составленной примерно в конце января 1547 г. росписи караулов по случаю предстоящей свадьбы Ивана IV⁴⁶⁶. В феврале 1549 г. дьяк⁴⁶⁷.

155. **Василий Иванов сын Юрасов**. Подьячий, упомянут в качестве послуха в купчей 1542/43 г.⁴⁶⁸

156. **Алексей Семенов сын Яковлев (Яковля)**. Подьячий, в 1534/35 г. написал духовную кн. М. В. Горбатого⁴⁶⁹.

157. **Федор Ястребов**. Подьячий, в 1546 г. собирал в казну зелейные деньги в г. Яме⁴⁷⁰.

DUBIA

Андрей Иванов Басаргин, дьяк: вклад по его душе 1548/49 г.⁴⁷¹

Нечай Александров, подьячий, доставил 19 февраля 1546 г. из Москвы в Новгород писцовые книги⁴⁷². Но, возможно, это — одно лицо с подьячим Нечай Игнатьевым (см. выше, № 53).

Василий Ильин, дьяк в 1532/33 и 1555 г.⁴⁷³

Никита Казаринов — упом. в караулах на свадьбе Ивана IV⁴⁷⁴, но был ли дьяком?

Василий Чеглоков Федоров Карачаров. По данным С. Б. Веселовского (Дьяки. С. 226), писец в 1541 г., дьяк — в 1549/50 г.

Иван Кожух Григорьев сын Кроткого. Писал (еще без дьяческого чина) в 1538/39 г. меновную на земли М. Коротнева и Бутенева⁴⁷⁵, в 1544/45 г. — данную И. И. Хабарова Троице-Сергиеву монастырю⁴⁷⁶. В мае 1551 г. дьяк⁴⁷⁷, но более ранние упоминания с дьяческим чином пока обнаружить не удалось.

⁴⁶⁵ АРГ/АММС. № 125. С. 294–297.

⁴⁶⁶ Назаров В. Д. Свадебные дела. Док. № 16. С. 123.

⁴⁶⁷ Веселовский С. Б. Дьяки. С. 588.

⁴⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 531. Л. 10б.

⁴⁶⁹ АСЕМ. № 35. С. 93.

⁴⁷⁰ ААЭ. Т. I. № 205. С. 189.

⁴⁷¹ Веселовский С. Б. Дьяки. С. 42.

⁴⁷² См.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки. С. 248, прим.

⁴⁷³ Веселовский С. Б. Дьяки. С. 217.

⁴⁷⁴ Назаров В. Д. Свадебные дела. Док. 16. С. 122.

⁴⁷⁵ См.: Веселовский С. Б. Дьяки. С. 268.

⁴⁷⁶ РГАДА. ГКЭ. Боровск. № 6/604.

⁴⁷⁷ Веселовский С. Б. Дьяки. С. 268. См. там же о последующей службе (до осени 1556 г.).

Русин Григорьев сын Кроткого: С. Б. Веселовский (Дьяки. С. 269) называет его подьячим, но 7 июня 1536 г. (единственная ссылка) он судья в земельной тяжбе, причем упомянут без чина⁴⁷⁸.

Козел Милославский. Дьяк, умер перед февралем 1534 г.⁴⁷⁹

Иван Кушник Петров сын Курцев. В феврале 1527 г. ямской дьяк Великого Новгорода⁴⁸⁰. Дожил до начала 70-х гг.⁴⁸¹, но упоминаний в 30—40-е гг. нет.

⁴⁷⁸ АГР. Т. I. № 45. С. 55.

⁴⁷⁹ *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 332.

⁴⁸⁰ *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты. С. 74.

⁴⁸¹ *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 281.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. АРХИВНЫЕ ФОНДЫ¹

Государственный архив Вологодской области

Ф. 512. Спасо-Прилуцкий монастырь

Государственный исторический музей. Отдел письменных источников

Ф. 17. Собрание Уварова

Ф. 389. Собрание жалованных грамот из фонда Щукиных

Ф. 450. Е. В. Барсов

Отдел рукописей

Синодальное собрание

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН

Ф. 5. Антониев Сийский монастырь

Ф. 38. А. А. Гераклитов

Ф. 72. Никольский Коряжемский монастырь

Ф. 183. Новгородские акты

Ф. 271. Спасо-Прилуцкий монастырь

Кол. 2. Актовые книги Археографической комиссии

Кол. 11. Рукописи Археографической комиссии

Кол. 12. Археографическая экспедиция

Кол. 20. Собрание Беллюстина

Кол. 41. Собрание Головина

Кол. 47. Двинские акты

Кол. 102. Переславские акты

Кол. 115. Собрание рукописных книг

Кол. 117. Собрание П. И. Савваитова

Кол. 136. Собрание Уварова

¹ В перечень включены только те архивные фонды, документы которых были изучены автором *de visu* при подготовке данной книги. Некоторые фонды, упомянутые в Прил. 1 (каталоге грамот 1534—1548 гг.), сюда не вошли, если хранящиеся в них документы были описаны мной по имеющимся публикациям, без обращения к оригиналам.

- Кол. 153. Собрание Шегрена
Кол. 172. Коллекция актов Новгородской казенной палаты
Кол. 174. Акты до 1613 г.
Кол. 238. Собрание Н. П. Лихачева

*Российская государственная библиотека
Научно-исследовательский отдел рукописей*

- Ф. 28. Собрание актов И. Д. Беляева
Ф. 191. Собрание П. Муханова
Ф. 204. Общество истории и древностей российских. Акты
Ф. 256. Собрание Н. П. Румянцева
Ф. 303. Архив Троице-Сергиевой лавры

*Российская национальная библиотека
Отдел рукописей*

- Ф. 293. Западнорусские акты
Ф. 532. Основное собрание актов и грамот (ОСАГ)
Ф. 536. Общество любителей древней письменности (ОЛДП)
Ф. 550. Основное собрание рукописной книги (ОСРК)
Ф. 573. Собрание Санкт-Петербургской Духовной академии
Ф. 588. Собрание М. П. Погодина

Российский государственный архив древних актов

- Ф. 123. Сношения России с Крымом
Ф. 125. Монастырский приказ
Ф. 135. Государственное древлехранилище
Ф. 141. Приказные дела старых лет
Ф. 154. Жалованные грамоты на вотчины, чины и дворянство
Ф. 197. А. Ф. Малиновский
Ф. 235. Патриарший Казенный приказ
Ф. 237. Монастырский приказ
Ф. 248. Сенат и его учреждения
Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии (ГКЭ)
Ф. 375. Исторические сочинения
Ф. 389. Литовская метрика
Ф. 1193. Троицкий Макарьев Калязин монастырь
Ф. 1202. Солотчинский монастырь
Ф. 1441. Кирилло-Белозерский монастырь
Ф. 1606. Кирилло-Новоезерский монастырь

Российский государственный исторический архив

- Ф. 834. Синод. (Оп. 3: Рукописи Синода)
Ф. 1343. Департамент герольдии

Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz (Берлин-Далем)
Herzogliches Briefarchiv, B (Polen), D (Livland)

2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

2.1. Каталоги и описания грамот XVI в.

Антонов А. В. Вотчинные архивы московских монастырей и соборов XIV—XVII веков // РД. М., 1997. Вып. 2. С. 73—225².

Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века. М., 2002 (РД. Вып. 8).

Енин Г. П. Описание документов XIV—XVII вв. в копиях книг Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 1994.

Зимин А. А. Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря (1506—1612 гг.) // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 366—396.

Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. [Ч. I] // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 302—376.

Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. II // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 129—200.

Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. III // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 197—253.

Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505—1537 / Отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2007.

Шумаков С. А. Обзор «Грамот Коллегии экономии». М., 1899—1917. Вып. I—IV; М., 2002. Вып. 5.

2.2. Сборники документов

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I.

Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. I.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. II.

Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. / Отв. ред. В. Д. Назаров. М., 1998.

Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975.

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. / Сост. А. В. Антонов. М., 1997—2008. Т. I—IV.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. I.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952—1964. Т. I—III.

² Более полный список каталогов монастырских актов XVI в. дан в Прил. I к этой книге.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. / Сост. И. З. Либержон. Л., 1988.

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 1998.

Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М.; СПб., 2007.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951—1961. Ч. I—III.

Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983.

Архив П. М. Строева. Пг., 1915. (РИБ. Т. 32).

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. I.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подг. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.

Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. II: Грамоты и записи. Юрьев, 1897.

Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изданы И.А. Вахрамеевым. М., 1896. Т. I.

Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909.

Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым. М., 1905.

Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. / Сост. М. М. Кром. М.; Варшава, 2002 (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. VI).

Саввин-Сторожевский монастырь в документах XVI века (из собраний ЦГАДА) / Сост. С.Н. Кистерев и Л. А. Тимошина. М., 1992.

Сборник грамот Коллегии экономии. Пг.; Л., 1922—1929. Т. I—II.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. I; М., 1819. Ч. II.

2.3. Законодательные памятники

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века / Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986.

Памятники русского права. Вып. IV: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV—XVII вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956.

Судебники XV—XVI веков / Под общей ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952.

2.4. Летописи

Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.

Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8.

Дополнения к летописному своду 1518 г. по Синодальному списку № 645 // ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 356—357.

Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // ИА. М.; Л., 1950. Т. V. С. 9—39.

Коняевская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 322—383.

Летописец начала царства // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 9—116.

Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, ч. 1.

Новгородская II летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 30.

Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43.

Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Л., 1929. Т. IV, ч. I. Вып. 3.

Постниковский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 8—30.

Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1941—1955. Вып. 1—2.

Софийские летописи // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6.

Царственная книга // ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13, ч. 2.

Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // ИА. М., 1951 Т. VII. С. 254—299.

2.5. Посольские книги

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (1533—1560 гг.) / Под ред. Г. Ф. Карпова. СПб., 1887 (Сб. РИО. Т. 59).

2.6. Писцовые книги

Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. IV: Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886. Писцовая книга Вотской пятины 1539 г. / Под ред. А. М. Гневушева. Новгород, 1917. Вып. I.

Писцовые книги Новгородской земли / Сост. к. В. Баранов. М., 1999—2009. Т. 1—6.

Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005.

2.7. Разрядные книги. Служебно-учетная документация

Назаров В. Д. Свадебные дела XVI века // ВИ. 1976. № 10. С. 110—123.

Разрядная книга 1475—1598 гг. / Подг. В. И. Буганов. М., 1966.

Разрядная книга 1475—1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич. М., 1977. Т. I, ч. II.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950.

2.8. Родословные книги и «памяти»

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. I—II.

Бычкова М. Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. С. 104—125.

2.9. Монастырские вкладные книги

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подг. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987.

Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. Вып. 5: Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906.

2.10. Эпистолярные и публицистические произведения

Андрей Курбский. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 218—399.

Жарков И. А. К истории московских пожаров 1547 г. // ИА. 1962. № 3. С. 223—226.

Зимин А. А. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания // ЗОР ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 186—204.

Клибанов А. И., Корецкий В. И. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. М.; Л., 1961. [Т.] XVII. С. 201—224.

[Максим Грек]. Инок Максима Грека слово, пространнее излагающее, с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последнего жития // Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Казань, 1860. Ч. 2. С. 319—337.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. Ю. Д. Рыков и Я. С. Лурье. Л., 1979.

Послание к старице Александре волоколамского инок Фотия // ЛЗАК. 1861 г. СПб., 1862. Вып. 1. Отд. II. Материалы. С. 28—33.

2.11. Записки иностранцев о России, польские хроники, переписка литовских и польских сановников с герцогом Пруссии

Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с лат. и нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. Под ред. В. Л. Янина. М., 1988.

Acta Tomiciana: epistole, legationes, responsa, actiones, res geste Sigismundi Regis Poloniae. Poznań, 1852—1999. 18 vols. Т. XV—XVII.

Albrecht von Preussen und Livland (1534 — 1540): Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreussischen Folianten / Bearbeitet von St. Hartmann. Köln u.a., 1999.

Bielski M. Kronika wssytkyego świata. Kraków, 1554.

Elementa ad fontium editiones. Vol. XLIII. Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam spectantia. XIII pars / Ed. C. Lanckrońska. Romae, 1978.

Elementa ad fontium editiones. Vol. XLVII. Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam spectantia. XVII pars / Ed. C. Lanckrońska. Romae, 1979.

Herberstein S. Rerum Moscovitarum Commentarii. Viennae, 1549.

Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochonic, kantora katedr. krakowskiego, część ostatnia czasy podiugoszowskie obejmująca (1480—1535). Wyd. J. Szujski. Kraków, 1874.

3. ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Труды по источниковедению

Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // ИЗ. М., 1947. Т. 23. С. 251—289.

Альшиц Д. Н. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Труды Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Шедрина. Л., 1957. Т. I (IV). С. 119—146.

Белоброва О. А. Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Л., 1989. Ч. 2. С. 261—263.

Емченко Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000.

Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI века // ИЗ. М., 1948. Т. 27. С. 266—290.

Зимин А. А. О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в. // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 33—45.

Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Каиштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988.

Каиштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X—XVI вв. М., 1996.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.

Клосс Б. М. Летописец начала царства // СККДР. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2. С. 20—21.

Кром М. М. «Записки» С. Герберштейна и польские известия о регентстве Елены Глинской // ВИД. СПб., 1994. [Т.] XXV. С. 77—86.

Левина С. А. Летопись Воскресенская // СККДР. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2. С. 39—42.

Морозов В. В. Об источниках Царственной книги (Летописец начала царства) // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984.

Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005.

Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1978. (РГБ. Отдел диссертаций).

Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории: Сб. статей. М., 1978. С. 61—77.

Морозов С. А. Опыт литературоведческого анализа «Повести о болезни и смерти Василия III» // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода: Сб. статей. М., 1979. С. 88—98.

Морозов С. А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники, 1984 г. М., 1984. С. 59—74.

Носов Н. Е. «Новое» направление в активном источниковедении // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. X. С. 261—348.

Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 71—80.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984.

Rüß H. Der Bojar M. Ju. Zachar'in im Chronikbericht über die letzten Tage Vasilij's III // FOG. Berlin, 1980. Bd. 27. S. 168—176.

3.2. «Боярское правление» в контексте политической истории XVI в.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. Т. 2. М., 1966.

Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. 5-е. СПб., 1842. Кн. II. Т. VIII.

Кашианов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967.

Корзинин А. Л. Регентский совет при малолетнем Иване Грозном // Клио. Журнал для ученых. 1999. № 3 (9). С. 105—107.

Кром М. М. О некоторых спорных вопросах истории «боярского правления» (дворцовые перевороты и правительственный аппарат в 1538—1547 гг.) // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Международная конференция — Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. М., 1994. Ч. I. С. 244—253.

Кром М. М. Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV. Новые данные о внутривластной борьбе конца 1533—1534 года // Отечественная история. 1996. № 5. С. 34—49.

Кром М. М. «Мне сиротствующу, а царству вдовствующу»: кризис власти и механизм принятия решений в период «боярского правления» (30—40-е годы XVI в.) // Российская монархия: вопросы истории и теории. Межвузовский сборник статей, посвященный 450-летию учреждения царства в России (1547—1997 гг.). Воронеж, 1998. С. 40—49.

Кром М. М. Политический кризис 30—40-х годов XVI века. (Постановка проблемы) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 3—19.

Назаров В. Д. Боярское правление // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. М., 1994. Т. I. С. 282—283.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.

Носов Н. Е. Социальная борьба и «земское устройство» в России в 30—40-х годах XVI в. // Генезис и развитие феодализма в России. (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 9). Л., 1985. С. 131—145.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955.

Панях В. М. Русь в XV—XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // *Власть и реформы: От самодержавной к советской России.* СПб., 1996 (о периоде «боярского правления» — с. 55—57).

Скрынников Р. Г. Московская семибоярщина // *Вопросы истории.* 1973. № 2. С. 209—213.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 6 // *Сочинения.* М., 1989. Кн. III.

Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.

Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1966. Т. VI.

Филошкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998.

Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. Изд. 2-е. СПб., 2006.

Шатагин Н. И. Русское государство в первой половине XVI века. Свердловск, 1940.

Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973.

Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1786. Т. V, ч. 1.

Юрганов А. Л. Старицкий мятеж // *ВИ.* 1985. № 2. С. 100—110.

Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538 гг.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

Юрганов А. Л. Политическая борьба в 30-е годы XVI века // *История СССР.* 1988. № 2. С. 102—105.

Halperin C. The Minority of Ivan IV // *Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey / Ed. by Chester S. L. Dunning, Russell E. Martin, and Daniel Rowland.* Bloomington (Indiana), 2008. P. 41—52.

Kollmann N. S. The Grand Prince in Muscovite Politics: The Problem of Genre in Sources on Ivan's Minority // *Russian History.* 1987. Vol. 14. Fasc. 1—4. P. 293—313.

Krom M. La monarchie russe à la lumière de la crise politique des années 1530—1540 // *Cahiers du Monde russe.* 2005. Vol. 46. № 1/2. Janvier—juin. P. 211—218.

Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. Die Nachfolgepolitik der Moskauer Herrscher bis zum Ende des Rjurikidenhauses. Köln; Wien, 1972.

Rüß H. Elena Vasil'evna Glinskaja // *JGO.* N. F. 1971. Bd. 19. Hf. 4. S. 481—498.

Rüß H. Machtkampf oder «feudale Reaktion»? // *JGO.* 1970. Bd. 18. Hf. 4. S. 496—502.

3.3. Биографии Ивана Грозного

Бахрушин С. В. Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 256—328.

Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999.

Bogatyrev S. Ivan IV (1533—1584) // The Cambridge History of Russia Vol. I: From Early Rus' to 1689 / Ed. by Maureen Perrie. Cambridge, 2006. P. 240—263.

Pavlov A., Perrie M. Ivan the Terrible. Harlow, 2003.

3.4. Проблема регентства

в сравнительно-исторической перспективе

Carpenter D. A. The Minority of Henry III. London, 1990.

Corvisier A. Les régences en Europe: Essai sur les délégations de pouvoirs souverains. Paris, 2002.

Offergeld Th. Reges pueri: Das Königtum Minderjähriger im frühen Mittelalter. Hannover, 2001.

Puppel P. Die Regentin. Vormundschaftliche Herrschaft in Hessen 1500—1700. Frankfurt am Main; New York, 2004.

Wolf A. Königtum Minderjähriger und das Institut der Regentschaft // Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions. T. XXXVI: L'Enfant. 2ème partie: Europe médiévale et moderne. Bruxelles, 1976. P. 97—106.

3.5. Политическая культура Московии и средневековой Европы

Кром М. М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей. Человек в истории. 2005. М., 2005. С. 283—303.

Малинин Ю. П. Средневековый «дух совета» // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 176—192.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

Althoff G. Spielregeln der Politik im Mittelalter. Darmstadt, 1997.

Bogatyrev S. The Sovereign and His Counsellors. Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s—1570s. Helsinki, 2000.

3.6. Княжеско-боярская аристократия, местничество

Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 41—87.

Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 56—71.

Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. // АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 109—118.

Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 161—188.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995.

Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России: Сборник статей, посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 40—54.

Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. (Очерки истории) / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006.

Эскин Ю. М. Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994.

Alef G. Aristocratic Politics and Royal Policy in Muscovy in the Late Fifteenth and Early Sixteenth Centuries // FOG. 1980. Bd. 27. P. 77—109.

Alef G. Bel'skies and Shuiskies in the XVI Century // FOG. Berlin, 1986. Bd. 38. S. 221—240.

Kleimola A. M. Status, Place and Politics: The Rise of Mestnichestvo during the Boiarskoe Pravlenie // FOG. 1980. Bd. 27. P. 195—214.

Kleimola A. M. Patterns of Duma Recruitment, 1505—1550 // Essays in Honor of A. A. Zimin / Ed. by D. C. Waugh. Columbus (Ohio), 1985. P. 232—258.

Kollmann N. S. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345—1547. Stanford, 1987.

Rüß H. Dmitrij F. Belskij // FOG. Berlin, 1986. Bd. 38. S. 168—184.

3.7. Центральное и местное управление

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 6-е. СПб.; Киев, 1909.

Градовский А. Д. История местного управления в России. СПб., 1868. Т. I.

Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. М., 1958. Т. 63. С. 180—205.

Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1971. Т. 87. С. 219—286.

Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1974. Т. 94. С. 271—301.

Каштанов С. М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // История СССР. 1959. № 6. С. 134—148.

Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Изд. 5-е. Пб., 1919.

Кром М. М. Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований в России XVI века // ИЗ. М., 2007. Вып. 10 (128). С. 373—397.

Курдиновский В. Губные учреждения Московского государства // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. № 10. С. 280—318; № 12. С. 309—342.

Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI в. М., 1961.

Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века. (К методике изучения вопроса) // История СССР. 1976. № 3. С. 76—96.

Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957.

Пашкова Т. И. К вопросу о причинах губной реформы 30—40-х гг. XVI в. // Феодальная Россия. Новые исследования: Сборник научных статей / Под ред. М. Б. Свердлова. СПб., 1993. С. 30—34.

Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000.

Ретвих Н. П. Органы губного управления в XVI и XVII вв. // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1896. Т. 6. С. 259—298.

Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. II: Вече и князь. Советники князя. Изд. 3-е. СПб., 1908.

Стрельников С. В. К вопросу о дворцовой подведомственности Ростова Великого в конце XV — XVI в. // ОФР. М., 2002. Вып. 6. С. 97—101.

Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895.

Bogatyrev S. Localism and Integration in Muscovy // Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present / Ed. by S. Bogatyrev. Helsinki, 2004. P. 59—127.

Davies B. L. The Town Governors in the Reign of Ivan IV // Russian History. 1987. Vol. 14. № 1—4. P. 77—143.

Dewey H. W. The Decline of the Muscovite Namestnik // Oxford Slavonic Papers. 1965. Vol. XII. P. 21—39.

Dewey H. W. Muscovite Guba Charters and the Concept of Brigandage (Razboj) // Papers of the Michigan Academy of Science, Arts, and Letters. 1966. Vol. LI. P. 277—288.

Rüß H. Einige Bemerkungen zum Namestničestvo-Problem in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts // JGO. N.F. 1972. Bd. 20. Hf. 3. S. 403—411.

3.8 Монетная реформа 30-х гг. XVI в.

Зимин А. А. О монетной реформе правительства Елены Глинской // Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Т. IV. С. 245—250.

Кистерев С. Н. Метрологические особенности денежной реформы правительства Елены Глинской // ОФР. М., 2001. Вып. 5. С. 15—24.

Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989 (см. гл. I: Денежная реформа Елены Глинской. С. 14—28).

Спаский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955. № 44. С. 214—354.

Федоров Г. Б. Унификация русской монетной системы и указ 1535 года // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1950. Т. VII. № 6. С. 547—558.

Янин В. Л. Хронология монетной реформы правительства Елены Глинской // Россия на путях централизации: Сборник статей. М., 1982. С. 66—76.

3.9. Поместное и монастырское землевладение

Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1975. (Архив СПб. ИИ РАН).

Абрамович Г. В. Поместная политика в период боярского правления в России (1538—1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. С. 192—199.

Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977.

Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985.

Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987.

Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). СПб., 1910. Т. I. Вып. II.

Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. Ч. I.

Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009.

Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Абрамович Г.В.* 16, 246, 248, 369, 540, 541, 544, 546, 548, 549, 552, 553, 564
Авраамий (Оболенский), инок 169
Агапит, византийский писатель 131
Агарков Каша Васильев с. 203
Адашев Алексей Федорович 347
Адашев Федор Григорьевич 352, 391, 422, 432, 470, 471, 502
Алексий, протопоп 43,
Алексий, митрополит 262
Александр, вел. кн. лит. 67
Алеф Г. (Alef G.) 349, 429
Али-хаджи, мурза 280, 281
Альбрехт, прусский герцог 26, 72—75, 94, 101, 102, 118, 157, 208, 222, 227, 344
Альшиц Д.Н. 290, 291
Андрей Дмитриевич, кн. 66
Андрей Иванович, кн. старицкий 25, 40, 47, 51, 58, 61—63, 82—84, 97, 101—104, 109, 110, 112, 113, 126, 127, 142, 146, 154, 155, 168—222, 227, 233, 234, 242, 267, 274, 298, 330, 363, 371, 465, 511, 512, 539, 604, 605
Анна Васильевна, кнг. рязанская 49
Аннибале П. — см. Фрязин П.
Антонов А.В. 360, 548
Арсеньев Назар Иванов сын, медынский наместник 417
Артемьев Шестак, приказчик 421
Ачкасовы, новг. помещики:
 Чмут 542
 Борис Чмутов с. 542, 546

Баим, крымский гонец 160
Бакин Дмитрий Павлов с., судья 415

¹ Составитель — А. А. Вовин. Указатель составлен на основной текст книги (без приложений). Принятые сокращения: вел. — великий (великая); кн. — князь, князя; кнг. — княгиня; лит. — литовский; м-рь — монастырь; м-рский — монастырский; новг. — новгородский; с. — сын. Фамилии исследователей выделены курсивом.

Баранов К.В. 571, 591

Басманов-Плещеев Алексей Данилович 289—292

Батюшков Семен Данилов с., писец 418

Башнин Н.В. 5

Беберин Григорий, тиун, судья 415

Беззубцев Иван Иванович 85, 287, 291, 312, 350, 470, 471, 500

Бекет Федор, посельский 419

Беклемишев Иван (Берсень) Никитич 80, 217, 435

Белый Гаврила (Щенок) Васильев с., дьяк 502, 503

Бельские (Гедиминовичи), кн.:

Марфа 147, 150

Дмитрий Федорович 37, 42, 44, 46, 48—51, 55, 58, 60, 74, 75, 77—79, 99, 104, 107, 129, 138, 143, 144, 147, 150, 154, 159, 252, 253, 270—273, 283—285, 288, 303, 312, 314, 330, 352, 353

Иван Федорович 11, 14, 51, 106, 107, 113, 138, 151, 154, 231, 233, 235, 236, 239—241, 243, 244, 251, 254, 258, 259, 260, 262—267, 269, 270—283, 285, 286, 288, 295, 437, 457, 458, 461, 466, 553, 554

Семен Федорович 78, 105—108, 115, 118, 137, 138, 154, 260, 261, 273, 280—282

Бельский Марцин, польский хронист 79

Беречинский Василий Иванов с., писец 421, 433, 437,

Билибин Шершень, дьяк 420,

Блем Колар де, франц. дворянин 165

Бланка Кастильская, франц. королева 166

Бобков Василий Гаврилов с., ключник 432

Богатырев С.Н. 229, 267, 429, 579, 580

Борис Владимирович, кн. 202

Ботье Р.-А. (Bautier R.-A.) 374

Бражников Тимофей Васильевич, посол в Литву 88, 117

Брейцын Гордей, тиун 423

Брехов Василий Иванович, писец 420

Брюхов-Морозов И.С. см. Морозовы

Буганов В.И. 15

Будалый, мурза 132

Булгаков Федор Андреевич, кн. 352, 353

Булгаков Ю.М., кн. см. Голицын Ю.М., кн.

Бутурлин Афанасий 306, 318

Бутурлин Иван Никитич, новг. дворецкий 203, 465, 471, 556

Быкасов Бунд, конюх 502, 531

Валуевы, дети боярские:

Андрей 203

Василий 203

Ваповский Б., польский хронист 76, 77, 97, 103, 110

Васильев Ю.С. 5

Василий I, вел. кн. 8, 60, 66, 74

- Василий II, вел. кн. 8, 38—40, 42, 59, 66, 68
Василий III, вел. кн. 9, 17, 19, 21, 25, 31—85, 87—89, 91, 94—101, 104, 109—112, 117, 118, 121, 122, 127, 128, 131, 134, 135, 138, 140, 141, 144—149, 152, 153, 157, 159, 225, 282, 443, 459, 494, 499, 521, 567, 575, 603, 612, 613
Василий Иванович Шемячич, кн. 96, 154, 217
Василий Кузьмич, протопоп 69, 79
Васьян, старец 418, 426
Вебер М. (Weber M.) 616
Вебер У. (Weber U.) 5
Веригин Яков 192—194, 205
Веселовский С.Б. 206, 363, 369, 468, 497
Вильгельм, маркграф 208, 222
Витовт, вел. кн. литовский 66
Владимир Андреевич, кн. старицкий 171, 232, 267—269, 274, 306, 371
Владимирский-Буданов М.Ф. 428, 429, 438, 572
Вовина-Лебедева В.Г. 5
Войтех, жолнер 103, 104, 141, 153
Володимеров Иван Дмитриевич, новг. дворецкий 465, 471
Волынская Аграфена 148, 150
Волынский Иван 150, 420
Вольф А. (Wolf A.) 21
Воронцовы, боярский род:
 Василий Михайлович 317, 422, 463, 466, 467, 471
 Дмитрий 106
 Иван Семенович 235, 272, 283—285, 287, 288, 292, 298, 312, 315, 316, 318, 351, 385, 386, 393, 395, 398, 447, 462, 463, 467, 471
 Михаил Семенович 45, 46, 51, 54, 56, 57, 61, 68, 81, 105, 140, 143, 146, 149, 164,
 Федор Семенович 239, 285—289, 291, 292, 294, 295, 297—299, 306—313, 316—319, 351, 434, 449, 462, 463, 467—469, 471, 472, 508, 538
 Юрий Михайлович 351
Воротынские, кн.:
 Александр Иванович 420
 Иван Михайлович 106, 107, 113, 138
 Владимир Иванович 106, 107, 138
 Михаил Иванович 107, 138
Всесвятский Кузьма 526, 532
Выродков Данило Иванов с., дьяк 418
Вырубов Иван, подьячий 498
Вырубов, Леонтий, подьячий 498

Гаврила, шут 204, 206
Гальперин Ч. 19
Ганнибал П. см. Фрязин П.
Гаштольд Ольбрахт, лит. канцлер 74, 118, 258

- Генрих II, франц. король 493
 Георгий (брат Ивана IV) *см.* Юрий Васильевич, кн.
 Герберштейн Сигизмунд фон, австрийский посол 60, 72, 76, 77, 106, 107, 157, 225—227, 229, 373, 374
 Герман, старец Ворониной пустыни 419
 Герман, архимандрит Спасо-Евфимьева м-ря 432
Глазьев В. Н. 580
 Глеб Владимирович, кн. 202
 Глебович Ян Юрьевич, лит. посол 160
 Глинские, кн.:
 Анастасия (жена Глинского И.Л.) 148
 Анна (жена Глинского В.Л.) 108, 146, 148—150, 330, 331, 335, 336, 339
 Василий Львович 223, 330
 Елена Васильевна *см.* Елена Васильевна (Глинская), вел. кнг.
 Иван Львович (Мамай) 148
 Мария Васильевна *см.* Пенкова М.В.
 Михаил Васильевич 137, 164, 300, 308, 322, 329—331, 334, 339—349, 354, 460
 Михаил Львович 33, 42, 44, 46—52, 54, 56—58, 60—63, 68—71, 76—82, 98—101, 103—108, 110, 111, 113, 121, 136, 148, 149, 152, 155, 157, 225, 227, 230, 231, 256, 328, 526, 527, 532,
 Юрий Васильевич 137, 164, 235, 308, 322, 331, 334—338, 342—345, 350
 Годунов Борис Федорович, правитель 159, 604 — 607, 611
 Голицын Василий Васильевич, кн. 614
 Голицын (Булгаков) Юрий Михайлович, кн. 236, 240, 241, 269
 Головины (Ховрины):
 Иван Петрович 300, 384, 393, 474, 475, 537
 Михаил Петрович 381, 419, 474, 485, 489
 Петр Иванович 45, 46, 51, 56, 61, 63, 68, 81, 250, 473, 478
 Фома Петрович 290, 296, 297, 299
 Дмитрий Владимирович Ховрин (Овца) 69
Третьяковы:
 Авдотья, жена Ивана Ивановича 148
 Иван Иванович, казначей 250, 253, 276, 312, 340, 365, 379—391, 393—400, 406, 419, 421, 423, 437, 460, 473—478, 480, 484—486, 488—491, 509, 537, 538
 Голубой-Ростовский В.Ф., кн. *см.* Ростовские
 Горбатые, кн.:
 Александр Борисович 125, 306, 307, 309, 310, 313, 351—353, 551, 553
 Борис Иванович 57, 86, 87, 91, 95, 114, 139, 140, 143, 145, 146, 155
 Михаил Васильевич 146, 509, 538
 Горенский П. И., кн. *см.* Оболенские, кн. → Петр Иванович Горенский
 Горышкин Тимофей, дьяк 419
Граля И. 109
 Грибакин Ширяй, межевой судья 410
 Григорьев Варган, дьяк 127

Грызла, чародей 112

Гурский Станислав 226, 227

Давыдов Григорий Федорович, боярин 148, 159

Давыдова Марья, вдова Г. Ф. Давыдова 148

Дамьян, старец 416

Даниил, митрополит 25, 31, 45, 47, 59, 63, 64, 67, 71, 82—84, 93, 120, 179, 188, 195—197, 240, 241, 244, 245, 254, 262, 263, 411, 437, 535, 583

Дантышек Ян (Иоанн), кульмский епископ 156, 157

Дашков Роман Данилович, кн., писец 422, 490, 502

Дедевшин Проня Бекетов с. 203

Демкова Н.С. 38, 42,

Дивей-мурза 408

Дмитриева З.В. 5

Дмитрий Иванович (Донской), вел. кн. 8

Дмитрий Иванович, царевич 605

Дмитрий Юрьевич (Шемяка), кн. 202

Домнин Иван 107

Дорогобужский Иван Иванович, кн. 305, 327—330, 355

Дубровин Иван (Третьяк) Михайлов с., дьяк 502

Дубровский П.П. 202, 209, 213, 555, 566

Дьюи Х. (Dewey H. W.) 577, 578

Дэвис Б.Л. (Davies B. L.) 578, 580

Екатерина II, императрица 13

Елена Васильевна (Глинская), вел. кн. 11, 12, 25, 31—34, 47, 49, 52, 55, 57—59, 63, 64, 72, 79, 80, 83—90, 92—97, 99, 104, 106, 108—111, 116, 119—131, 133—138, 141—144, 146—158, 160—164, 166—168, 170, 172, 174, 178—180, 187, 188, 191, 192, 196, 215, 220, 221, 223—235, 237, 243, 247—249, 251, 253, 256, 264, 282, 286, 303, 328, 329, 365, 379, 411, 431, 447, 459, 460, 462, 473, 481, 496, 504—506, 510, 523, 524, 529, 531—534, 557—559, 566—568, 574, 575, 603—609, 611—613

Елагины, новг. помещики:

Андрей Яковлев с. 543

Данила Яковлев с. 543

Дмитрий Яковлев с. 543

Иван Яковлев с. 543

Емельянов Савин Михайлов сын, посланник в Литву 209

Ефрем, игумен Никольского Корельского м-ря 419

Жанна Бурбон, франц. королева 165

Жедринский Иван, тиун 423

Жемчужников Яков Григорьев сын, тиун 421

Заболоцкий Гаврила Федоров с., судья 417

Заболоцкий Григорий Васильевич 517

- Заболоцкий Иван Петрович, писец 548
Загрязский Григорий Дмитриевич, дьяк 109, 494 —496, 498, 499, 505
Загоскин Н. П. 428
Заиркин Давыд, подьячий 59, 496, 521
Зайцев Петр Ярцев с. 280
Зайцев И. В. 260, 280
Захарыны (Юрьевы), боярский род:
Анастасия Романовна, царица 17, 326, 327, 331, 349, 475,
Анна (жена Василия Яковлевича) 331
Анна (жена Петра Яковлевича) 146, 331
Василий Яковлевич 331,
Григорий Юрьевич 337, 350, 352, 495,
Дмитрий Романович 352, 459
Иван Михайлович (Большой) 350, 352
Михаил Юрьевич 33, 43—46, 51—53, 55—57, 61, 62, 68—71, 74—76, 79,
80, 82, 91, 99, 103, 104, 106, 109, 129, 141—143, 146, 149, 163, 252, 432,
494, 583
Орина 146—148
Петр Яковлевич 140, 146, 331,
Роман Юрьевич 326, 330
Ульяна (жена Романа Юрьевича) 330
Феодосия 146, 149
Зборовский Марцин, староста одолановский 73, 74, 94, 101
Зеновьевич Юрий Юрьевич, мстиславский державца 105
Зимин А. А. 15, 16, 34, 36, 40, 49, 57—60, 71, 78, 82, 90, 105, 106, 109, 114,
151—153, 162, 170, 171, 212, 213, 217, 246, 254, 255, 263, 278, 281, 286,
290, 300, 309, 312, 313, 346, 349, 398, 429—431, 442, 443, 446, 457—462,
466, 472, 492, 496, 499, 502, 505, 524, 565, 571, 575, 576, 589
Зиновий, игумен 422
Злобин Степан Иванович 235, 272

Ибрагим-паша 261
Иван II Иванович (Красный), вел. кн. 8
Иван III Васильевич, вел. кн. 38—41, 47, 53, 67, 68, 177, 178, 196, 224, 238,
371, 412, 440, 441, 454, 496
Иван IV Васильевич (Грозный), вел. кн., царь 7—19, 21—23, 25, 27, 31—35,
45, 47—49, 51, 57—66, 70, 71, 75, 76, 78, 79, 81—89, 92—98, 100—105,
109—111, 113, 114, 116, 117, 120, 121, 123—136, 139, 141, 147—153, 157,
158, 160, 163, 166, 167, 169, 170, 174, 175, 209, 222, 225, 227, 228, 230—
235, 239, 242, 243, 265, 266, 269, 271, 273, 274, 282—284, 288, 289, 291,
293, 294, 297—299, 301—306, 308, 309, 314, 316, 318, 319, 321, 323—327,
329, 330, 332, 333, 335—338, 341—343, 344, 347—350, 353—355, 359, 363,
364, 368—372, 374, 377, 378, 399, 401—411, 413, 414, 424—428, 431, 435,
438, 444, 445, 447, 449, 450, 454—456, 460, 463, 468, 470, 473, 475, 478—
481, 483—485, 492, 493, 496, 497, 499, 500, 502, 503, 508, 5100, 511, 513—
522, 526—530, 532, 538, 553, 555, 560—562, 568, 571, 586, 590, 592—594,
603—606, 615

- Иван (V) Алексеевич, царь, соправитель Петра I 611—613
Иван (Тур) Константинов с., городской приказчик 532
Ивашко (Черный) 98, 112, 123
Иоганн V Бей, дерптский епископ 100, 101
Иоасаф, игумен Троицкого м-ря, затем митрополит 9, 123, 124, 245, 253, 260, 262, 263, 267, 269, 271, 273—275, 277—279, 283, 377, 411, 436, 497, 520—522, 526, 527, 532, 534, 535
Иосия, старец 481
Иосиф (Волоцкий), игумен 131
Ислам-Гирей, крымский царевич 132, 142
- Кадыевы, новг. помещики:
Иван Семенов с. 543, 545
Истома Семенов с. 545
Дмитрий Семенов с. 543, 545
Федор Семенов с. 543, 545
Семен 543, 545
Семен Семенов с. 545
- Казакевич А.Н.* 9
Казаков Тимофей, дьяк 123, 142, 365, 509
Казимир, король польский и вел. кн. лит. 67
Карамзин Н.М. 13, 89, 128, 169, 170
Карамышев Михаил, межевой судья 410
Карамышев Тимофей Андреевич, писец 422, 425, 554
Караулов Андрей Семенов с., межевой судья 415
Карачаров Иван (Бакака) Митрофанов с., дьяк 500, 501, 550
Карачаров Иван (Чудин) Митрофанов с., дьяк 422
Карл IV, император 165
Карл V, император 156, 165
Карл VI, император 165
Карпов Далмат Федорович, дворецкий 344, 389, 390, 448, 467, 468, 471, 472
Карпов Иван Федорович 185, 186
Карпов Петр 281
Карпов Федор Иванович 131, 134, 186, 218
Кашин Ю. И., кн. см. Оболенские, кн. → Юрий Иванович Кашин
Каштанов С.М. 16, 26, 263, 283, 309, 311, 339, 340, 359—363, 367, 376, 378, 406, 510—512, 514, 516, 520, 234, 235, 261, 571, 575, 576, 582, 583—585, 589, 592
Квашнин Андрей Александрович 331, 507
Квашнин Василий Прокофьев с. 211
Кивимяэ Ю. (Kivimäe J.) 100, 236
Кинан Э. (Keenan E.) 17
Кистерев С.Н. 561, 565
Клеймола А.М. (Kleimola A. M.) 256, 429
Клементьев Григорий Лукин с., писец 419
Клементьев Медведь, приказчик 299

- Клеменция, франц. королева 166
Клинский Юрий (Юшко), лит. посол 74, 75, 100, 129
Клобуков Дмитрий (Митька) Иванов с. 280, 281
Клосс Б.М. 9
Ключевский В.О. 14, 428—430, 438, 572, 573, 580
Кобрин В.Б. 15—17, 69, 268, 367, 368, 549, 550
Коверзины, смоленские помещики:
 Василий Иванович 105, 115
 Иван Семенович 105, 115
Козлов Ивашка, слуга кн. М. И. Воротынского 107
Коллманн Н.Ш. (Kollmann N. S.) 17—19, 259, 429
Кологривов Алексей Яковлев с. 419, 489
Колычевы:
 Андрей Владимиров с. 206
 Иван Борисович 211
 Иван Иванович (Умный) 218,
 Иван Иванович (Рудак) 350, 352
 Федор Семенович 256
Пупковы:
 Василий Иванов с. 206
 Гаврила Иванов с. 206
Колычева Е.И. 541, 564
Конаплин Василий, городской приказчик 443, 468
Корвизье А. (Corvisier A.) 21
Корзинин А.Л. 64, 65, 104
Корюков Богдан, московский гость 566
Котенин Третьяк 414
Кошелева О.Е. 5
Краснодубский Яков, пристав 91
Кроткого Иван (Кожух) Григорьев с. 509
Кроткого Русин Григорьев с. 416
Кубасов Богдан 421
Кубенские, кн. см. Ярославские, кн.
Кузьмин Иван Дмитриев с. 432
Кузьмин Сидор, слободчик 110
Курицын Афанасий, дьяк 44, 109, 377, 494—496, 498—500, 504—506, 513—516, 538
Курицын Иван, дьяк 433, 500
Курукин И.В. 231, 232
Курцев Афанасий (Фуник) Иванов с., дьяк 460, 502, 509
Курцев Никита Афанасьев (Фуников) с., дьяк 503, 509
Кутузов Данило Шукин с. 527

Ласкирев Дмитрий Федорович, новг. дворецкий 465, 471
Лебедев Поспел Неклюдов с., дьяк 501, 509
Левин Анисим, подьячий 343

Левина С.А. 9

Левинсон К.А. 5

Левкеинский Марк, летописец 97, 103, 108, 136, 153, 154

Лелечин Василий Федоров с. 497, 529, 530

Леонтьев А.К. 441, 448, 499, 500, 504, 576, 589

Лихачев Н.П. 498, 499, 508

Лурье Я.С. 37

Людовик Анжуйский, герцог 165

Людовик Бурбон, герцог 165

Людовик VI, франц. король 366

Людовик VII, франц. король 366

Людовик VIII, франц. король 166, 366

Людовик IX Святой, франц. король 166, 167, 374, 405, 567

Людовик X Сварливый, франц. король 165

Людовик XIV, франц. король 613

Ляцкий Иван Васильевич 105, 107—109, 115, 118, 143, 145, 163, 494

Мажуга В.И. 5

Мазарини, кардинал 67

Макарий, новг. архиепископ, затем митрополит 42, 85, 92, 93, 120, 124, 202, 279, 291, 298, 307, 325, 336, 343, 347, 348, 534, 555, 567

Максим (Грек), инок, писатель 7

Мальцев Владимир (Володя) Клементьев с., межевой судья 419

Мамаева Настасья см. Глинская Анастасия

Мансуров Владимир Федоров с., помещик 416

Мансуров Яков, стряпчий 38, 39, 41

Маштафаров А.В. 59

Мезецкие, кн.:

Авдотья Ивановна 433

Иван Михайлович 433

Петр Михайлович 433

Семен Михайлович 433

Мельникова А.С. 556, 568

Менгли-Гирей, крымский хан 408

Мешеринов Яков 98

Мешерские, кн.:

Андрей Иванов сын 543

Григорий Иванов сын 543

Дмитрий Иванов сын 543

Иван 543

Микулинский Василий Андреевич, кн. 155, 256, 257, 460, 548, 551, 553

Митрофанов Иван (Бакака) см. Карачаров Иван (Бакака) Митрофанов сын

Митрофанов Чудин см. Карачаров Иван (Чудин) Митрофанов сын

Михаил (Клопский), святой 202

Мишуригн Игнатий (Дурак) Михайлов с., дьяк 415—417, 424, 432, 538

Мишуригн Темир, дьяк 509

Мишурин Федор Михайлович, дьяк 45, 46, 51, 55, 56, 61, 63, 68, 75, 81, 109, 129, 134, 150, 158, 159, 193, 239—243, 254, 292, 298, 299, 380, 414, 428, 437, 494—498, 500, 502, 504—506, 508, 509, 513, 514, 516, 521—523, 529, 533

Моклоков Федор (Постник Губин) Никитич, дьяк 37, 38, 285, 423, 495, 504, 508, 549—551

Морозовы, боярский род:

Борис Иванович 609, 610

Василий Григорьевич. 144, 163, 252, 284, 285, 289, 294, 312, 314, 445, 469, 495, 508

Григорий Васильевич 350, 352, 551, 553

Григорий Яковлевич 547,

Иван Григорьевич 144, 163, 252, 272, 289, 291, 312, 432,

Иван Семенович Брюхов 163,

Михаил Яковлевич 331, 501

Петр Васильевич 398, 444, 468, 471

Яков Григорьевич 145, 146, 163

Тучковы:

Василий Михайлович 202, 242, 331, 384, 386, 461, 471, 482,

Михаил Васильевич 46, 51, 55, 56, 61, 68, 81, 103, 109, 124, 141, 142, 163, 227, 233, 240, 241, 251, 312, 365, 493

Михаил Михайлович 241, 432, 500

Морозов С.А. 34—38, 40—42, 44, 50, 60, 61, 64

Мстиславские, кн.:

Анастасия 54, 149, 150

Федор Михайлович 54, 113, 149, 150, 240, 241, 251, 257, 259

Иван Федорович 319, 328, 421

Мукин Немир 432

Нагой Федор Михайлович 337, 344, 350

Назаров В.Д. 5, 20, 304, 305, 341, 350, 351, 359, 459, 463, 468, 470, 475, 486, 488, 489, 491

Неелова Мария 417, 424

Неелов Федор Степанов с. 417, 424

Никифоров Иван (Одинец), дьяк 238, 484, 503, 509

Никифоров Роман, м-рский слуга 422, 425, 438

Никитка, повар 420

Никольский Н.К. 10, 320, 323, 324, 332, 333, 335, 337, 338, 346, 565

Нипшиц Николай, секретарь Сигизмунда I 72, 74, 75, 102, 118, 156, 157

Ниче П. (Nitsche P.) 17, 34, 64, 130, 134, 171, 266, 282

Нифонт, игумен Новоспасского м-ря 304, 354

Новиков Анисим Аникеев сын, холоп 423

Новикова О.Л. 566

Ногтевы, кн. см. Оболенские, кн.

Нороватая Ефимия 432

Нороватый Роман 432

Носов Н.Е. 16, 361, 363, 376, 452, 479, 573—577, 579, 582, 587—590, 592, 595

Оболенские, кн.:

Борис Дмитриевич Щепин 183, 184, 210, 551

Дмитрий Иванович Курлятев 210, 343

Иван Андреевич Лапин 424,

Никита Васильевич (Хромой) 161—163, 192, 194, 200—203, 210, 252, 254, 271,

Петр Иванович Горенский 331

Петр Иванович Репнин 254, 272, 312, 313, 384, 392, 431, 447

Юрий Иванович Кашин 292

Ногтевы:

Андрей Васильевич 533

Иван Семенович 292

Пенинские:

Иван Андреевич 218

Юрий Андреевич (Большой) 169, 183, 205, 210, 218

Юрий Андреевич (Меньшой) 203, 211, 218

Телепневы:

Василий Федорович Лопатин 182, 184, 210, 214

Дмитрий Федорович (Овчина) 125

Иван Федорович (Овчина) 26, 54, 79, 108, 109, 124, 125, 130, 131, 134, 141, 147, 149—164, 171, 185, 192—194, 200—201, 209—212, 214—216, 223, 228, 230, 247, 252—254, 284, 299, 328, 329, 417, 425, 457, 496

Федор Васильевич (Овчина) 124, 125, 156, 158

Федор Иванович (Овчинин) 327, 328, 330

Овцын Федор Михайлов с. 528

Одоевский Федор Иванович, кн. 210, 256, 257

Ожегов Григорий (Гриша) 280

Ольга, кнг. киевская 31, 32

Опалиньский Петр, каштелян 72

Офромеев Третьяк, подьячий 433

Охлябинин Василий Федорович, кн. 526

Палещкие, кн.:

Борис Иванович 218,

Иван Федорович 147, 442, 443,

Дмитрий Федорович 276, 277, 306, 307, 310, 314, 315, 348, 353, 418, 425, 445, 446, 450, 466, 471, 472

Ульяна Дмитриевна (жена кн. Юрия Васильевича) 342

Панова Т.Д. 229*Панеях В.М.* 20

Патокин Чечотка 527, 528

Пенковы, кн. см. Ярославские, кн.

Петр I, император 609, 611—613

Петр Дмитриевич, кн. 66

Пешковы, вотчинники:

Дмитрий Иванов сын 433

- Иван Юрьев сын 433
 Семен Дмитриевич 433
 Писемский Андрей Иванович, писец 481
Платонов С.Ф. 14, 15, 17, 57, 307, 308
 Плещеев Семен Александрович, писец 421, 437
 Поджогин Иван Юрьевич (Шигона), тверской дворецкий 33, 39, 40, 42, 44, 45, 51, 52, 55—57, 59, 61—63, 68—71, 75, 77, 79—82, 98—100, 103, 109, 112, 122, 123, 129, 158, 247, 250, 417, 425, 435, 459, 459 — 461, 471, 493, 501, 509
 Поликарпов Лев Петров с. 406
 Поросукон Иван Степанович 114
Пресняков А.Е. 34, 36, 39, 42, 44, 49, 56—58, 68, 71, 82
 Пронька (Курица), чародей 112
 Пронские, кн.:
 Данила Дмитриевич 287, 349, 350
 Иван Васильевич (Шемяка) 289—291, 300
 Иван Иванович (Турунтай) 242, 289—291, 300, 330, 331, 333, 342—346, 349, 351, 354, 361
 Константин Федорович 204
 Федор Дмитриевич 126, 127, 180—195, 204—206, 218
 Пронякин Иван Иванов с. 417
 Пронякин Степан Иванов с. 417, 424
 Протасий, игумен 503
 Пушкины, новг. помещики:
 Степан Юрьев с. 542
 Тихомир Юрьев с. 542
 Юрий 542
 Пупковы см. Колычевы
 Путятин Григорий Никитич (Меньшой), дьяк 38—42, 44—46, 51, 55, 56, 61, 63, 68—70, 75, 80, 81, 107, 129, 134, 142, 150, 158, 159, 179—181, 190—191, 215, 391, 418—420, 453, 494—496, 505—509, 538
 Пятого, новг. помещики:
 Иван 542
 Китай Иванов сын 542
 Мыслок Иванов сын 542
 Радивон, псковский дьяк 106
 Радзивилл Юрий Николаевич, лит. гетман 26, 118, 125, 130, 131, 152, 158, 159, 272
 Раков Третьяк, дьяк 44, 109, 257, 432, 460, 494—496, 500, 503, 505, 507—509
 Ришелье, кардинал 67
 Ростовские, кн.:
 Александр Андреевич Хохолков 143, 146, 161, 163
 Александр Владимирович 460
 Андрей Дмитриевич 161, 163, 252, 272, 286, 312
 Василий Федорович (Голубой) 185, 193, 197, 203, 206

- Иван Андреевич (Катырь) 288, 313
Семен Васильевич 551, 553
Юрий Иванович Темкин 291, 299, 344, 350, 352
Руготин Захарий Александров с., судья 415—417
Рыков Ю.Д. 5
Рюс Х. (Rüz Н.) 17, 34, 37, 38, 50, 64, 71, 90, 106, 130, 139, 141, 170, 171, 199
Рябчиков И.Я. 547
Рязанцев Ивашка 107
- Садык-Челебей, мурза 281
Сатин Судок Дмитриев с. 192—194
Сахиб-Гирей, крымский хан 160, 261, 270, 408, 436
Сафа-Гирей, казанский хан 168, 270, 271, 316
Селев Федор 114
Семен Владимирович, кн. 66
Семен Иванович, кн. 41
Семенов Русин Иванович, постельничий Василия III 53, 69, 70
Семион, архимандрит Муромского Борисоглебского м-ря 404, 485, 488
Семичев Кувалда 532
Сербина К.Н. 169
Сергеев Иван (Ивашка) Елизаров с. 280
Сергеевич В.И. 33, 56—58, 61, 65, 68, 71, 79, 80, 421, 428, 430, 438
Сергей, игумен Троицкого Белопесоцкого м-ря 420
Серебряный Василий Семенович, кн. 183, 184, 210, 343
Сибекин Борис Васильев с. 417
Сигизмунд I, король польский и вел. кн. лит. 72—74, 76, 101, 102, 105, 106, 114, 116—118, 130, 135, 144, 156, 168, 226, 258, 261, 272, 294, 495
Сигизмунд Август, король польский и вел. кн. лит. 107, 345
Симонов-Лимонов Борис Ильин с. 532
Скопин-Шуйский Ф.И. см. Шуйские → Федор Иванович
Скрипицын Дмитрий Тимофеев с., дьяк 502
Скрипицын-Балуев Фома Александров с. 527
Скрипицына-Балуева Анна 527
Скрынников Р.Г. 20, 34, 37, 38, 50, 61, 63, 64, 79, 91, 104, 224, 226, 604
Слизнев-Упин Александр Семенович, писец 445
Смирнов И.И. 15, 20, 34, 57, 59, 60, 90, 103—106, 170, 171, 174, 177, 178, 182, 183, 186, 187, 205, 232, 260, 261, 263, 272, 278, 281, 282, 293, 297, 298, 308, 309, 320—322, 338, 438, 523, 529, 540, 558, 588, 597
Смирнов П.П. 560
Собакин Степан Васильевич, писец 481
Соловьев С.М. 14, 20, 33, 34, 89, 92, 98, 128, 169, 170, 297, 307
Софон Кирил(л)ов сын, м-рский слуга 416, 486
Софья Витовтовна, вел. кнг. 66
Софья Палеолог, вел. кнг. 67, 224
Софья Алексеевна, царевна 609, 611—613
Спасский И.Г. 565, 569

- Степан, слуга кн. М. Л. Глинского 101
Стогов Истома Дмитриев с. 422, 466
Суботин Гаврила, м-рский слуга 480
Сукин Борис Иванович 294, 297, 302, 325
Сукин Мисаил, старец 43, 47, 55
Сукин Федор Иванович, казначей 331, 340, 388—391, 396—400, 406, 423, 475, 476, 483, 484, 488, 491, 537, 538
Сулеш-мурза 408, 409
Сусловы, новг. помещики:
 Иван Яковлев с. 542
 Лев Яковлев с. 544
 Степан Яковлев с. 542, 545
 Третьяк Яковлев с. 542, 544
 Яков 542
- Тарло Габриель 344, 345
Татищев В. Н. 32, 548
Техоновский Никодим Янович, лит. посол 132, 159, 283
Тихомиров М. Н. 10, 99, 169
Тихон, игумен Троицкого Калязина м-ря 418, 525
Тишков Третьяк, дьяк 86, 89, 92, 94
Толочанов Иван Гаврилов с. 421
Третьяковы см. Головины (Ховрины)
Троекуровы, кн. см. Ярославские, кн.
Трубецкие, кн.:
 Богдан Александрович 106, 108, 137, 138, 305
 Михаил Богданович 304, 305, 319, 354
Турунтай см. Пронские → Иван Иванович (Турунтай)
Тучковы см. Морозовы
Тушин Семен Михайлович 432
Тушин-Квашнин Андакан Федоров с. 432
Тыртов Гаврило Андреев с., тиун 420
- Ульянин Александр, писец 546
Унковский Ртище Васильев с., судья 418
Упин Семен Александрович, новг. дворецкий 465, 471
Ушаков Волк, ключник 204, 206
Ушатый Василий Васильевич (Чулук), кн. 289, 291, 312
- Фатъма, жена хана Шигалея 134, 135, 150
Фавтье Р. (Fawtier R.) 374
Федор Даирович, татарский кн. 155
Федоров Иван Петрович 348, 350, 352
Федцов Яков Юрьев с. 433
Феогност, инок 418
Феодосий, игумен Хутынского м-ря, затем новг. архиепископ 100, 122, 503, 522, 524

- Филипп II Август, франц. король 366
Филипп Бургундский, герцог 165
Филипп IV (Красивый), франц. король 366, 374, 405
Филипп V, франц. король 165
Филюшкин А.И. 326, 349—351, 470
Флоря Б.Н. 314, 595
Фляйшхакер Г. (Fleischhacker Н.) 129, 130
Фотий, старец 318
Франциск I, франц. король 493
Фрязин Петр, архитектор 9, 236—239, 411, 555—557
- Хабаров Иван Иванович 236, 240—242, 244, 254, 275, 277, 286, 311, 314, 315, 352, 387, 393, 423, 458, 459, 461, 462, 470—472, 509
Харламов Вешняк (Дурной) Ефимов с. 203
Хартман Ш. 5
Хирдыршиков Федор Федорович, писец 419
Ховрины см. Головины
Хоенский Ян, перемышльский епископ 77—79, 102
Холева Андрей Борисов с. 422, 466
Холмские, кн.:
 Василий Данилович 68
 Мария 146
 Семен Данилович 146,
Хохолов-Ростовский А.А., кн. см. Ростовские
- Цыплятев Елизар Иванович, дьяк 44, 109, 228, 364, 494—496, 498—500, 503—505, 507—509, 538
- Челишев Иван, посланник в Крым 88
Челяднины, боярский род:
 Аграфена 147—151, 154, 158, 230, 329
 Василий Андреевич 147, 149, 150, 329, 441
 Елена 147—151, 462
 Иван Андреевич 147, 149, 150, 158, 160, 462
 Иван Иванович 253, 254, 266, 271, 329, 382,
 Мария Васильевна 154, 329
Чередов Василий Матвеев с. 417
Черепнин Л.В. 5, 362, 364, 454, 455
Черкасова М.С. 5, 535
Чернятинский Иван Васильевич (Шах), кн. 216
Чижов Василий (Васюк), приказчик 300, 343
Чичерин Б.Н. 570, 580
Чулковы, помещики:
 Никита Иванов с. 416
 Федор Иванов с. 416

Чуркины, новг. помещики:

Гаврила Нечаев сын 542

Петр Нечаев сын 542

Погоня Нечаев сын 542

Степан Нечаев сын 542

Шамский Иван, дьяк 380, 394

Шапошник В.В. 245, 262, 279

Шахматов А.А. 36, 37, 39—41

Шейн Василий Дмитриевич 315, 353, 385, 395, 446, 451, 466, 471

Шейн Юрий Дмитриевич 287, 312, 313, 462, 471

Шеппер К.Д. 156

Шигалей, казанский хан 133—135, 137, 150, 159, 314, 407

Шигона см. Поджогин Иван Юрьевич

Ширшедт М.фон 208, 209

Штайндорф Л. 6

Шуйские, кн.:

Андрей Михайлович 86—95, 113, 114, 124, 139, 140, 231, 235, 239, 249, 252, 272, 280, 283, 285—289, 291, 293, 294, 296—300, 302, 309, 310, 312, 313, 412, 434, 457, 458, 535, 588, 602

Василий Васильевич 45, 46, 51, 54—56, 61, 68, 81, 103, 104, 132, 134, 141, 142, 149, 150, 154, 159, 160, 174, 230, 233—236, 238—240, 243, 246, 248, 251, 258, 265, 272, 284, 295, 330, 331, 457

Иван Васильевич 42, 44—47, 51, 54—56, 61, 68, 81, 109, 141, 142, 163, 179—181, 189—191, 215, 230, 233—236, 239, 240, 244—260, 265, 266, 269, 271—276, 278—283, 285, 288, 295, 380, 381, 392, 394, 398, 399, 409, 413, 425, 431, 437, 446, 457, 489, 493, 535, 536, 538—540, 551, 553

Иван Дмитриевич (Губка) 258

Иван Михайлович 91, 92, 139, 140, 236, 248, 252, 271, 286—289, 535, 554

Иван Федорович 273

Петр Иванович 307, 309, 310, 342, 343, 551, 553

Федор Иванович Скопин 248, 286, 287, 289, 299, 312, 313, 336, 337, 344

Шекин Матфей, приказчик 161

Шелкалов Василий Яковлевич, дьяк 607

Шелкалов Яков Семенов сын, подьячий 414

Шенятев Василий Михайлович, кн. 314, 315, 351

Шенятев Петр Михайлович, кн. 275, 277, 535, 484

Шепин-Оболенский Б.Д., кн. см. Оболенские → Борис Дмитриевич Шепин

Шербатов М.М. 13, 293

Шмидт С.О. 241, 336, 340, 341

Шумаков С.А. 572, 574, 577, 580

Юрганов А.Л. 17, 34, 63, 64, 91, 106, 120, 121, 152, 153, 186, 187, 198, 199

Юрий Васильевич, кн. — 31, 47, 49, 58, 76, 85, 105, 284, 293, 324, 330, 342, 350, 464

Юрий Иванович (Дмитровский), кн. 41, 47, 48, 51, 62, 63, 72, 74, 76, 82—92, 94—104, 110, 112—114, 139, 140, 166, 168, 169, 178, 217, 220, 227, 231, 445, 446, 514, 515, 518, 520, 550, 605

Юрьевы см. Захарьины

Эскин Ю.М. 5, 109, 255

Яганов Иван 25, 95, 98—100, 111, 112, 122, 123

Яков Захарьич (свидетель в завещании Ивана III) 69

Ян, кн., виленский епископ 74

Янин В.Л. 565

Яницкий Климент, падуанский студент 226, 227

Ярослав Владимирович, кн. 66

Ярославские, кн.:

Кубенские:

Иван Иванович, дворецкий 42, 44, 46, 109, 235, 250, 265, 272, 276, 277, 281, 303—310, 312, 315—318, 320, 322, 354, 355, 380—383, 394, 400, 418—421, 425, 442, 443, 448, 453, 457, 458, 463, 467, 486, 489, 490, 493, 497, 503, 507, 536, 538

Михаил Иванович 235, 250, 252, 265, 276, 277, 281—285, 312, 351

Курбские:

Андрей Михайлович 11, 95, 207, 227, 233, 234, 239, 242, 245, 246, 273, 291, 301, 303, 305, 325, 327, 328, 335, 337, 339, 539, 540

Михаил Михайлович 256, 257, 314

Пенковы:

Иван Данилович 54, 149, 151, 154, 155, 163, 249, 250, 252, 253, 415, 538

Мария Васильевна (урожд. Глинская), жена Ивана Даниловича 54, 149, 151, 154, 249

Троекуровы:

Иван Семенович 206, 207

Семен Петрович 206

Петр (Голова) Романович 207

Ярцов Наум Константинович 115

Ярцов Протас Константинович 115

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Введение	7
1. «Боярское правление» перед судом современников и потомков	7
2. Замысел исследования	21
3. Источники	24
 Часть I. Кризис власти и борьба за власть в 1530—1540-х гг.	
Глава 1. Завещание Василия III и учреждение опеки над малолетним Иваном IV	31
1. Повесть о смерти Василия III: вопрос о первоначальной редакции	34
2. Состав опекунского совета: летописные свидетельства и гипотезы историков	56
3. Духовная грамота Василия III и завещательная традиция XV — первой трети XVI в.	66
4. Иностранные свидетельства об опекунском совете при малолетнем Иване IV	71
Глава 2. Династический кризис и борьба за власть при московском дворе в конце 1533 и в 1534 г.	83
1. Арест князя Юрия Дмитровского	83
2. От «триумvirата» — к единоличному правлению Елены Глинской (декабрь 1533 — август 1534 г.)	99
3. Симптомы политического кризиса	111
Глава 3. Правление Елены Глинской	120
1. Политический статус правительницы и ее титул	120
2. Пределы легитимности власти великой княгини	128
3. Великокняжеский двор в годы правления Елены	136
4. Проблема регентства в сравнительно-исторической перспективе	164
Глава 4. Обострение кризиса в 1537 г. Мятеж Андрея Старицкого	168
1. Хронология конфликта	172
2. От Старицы до Новгорода	198
3. От Новгорода до Москвы. Эпилог старицкой драмы	216

Глава 5. Дворцовые перевороты 1538—1543 гг.	222
1. Смерть Елены Глинской	222
2. Апрельский переворот 1538 г. и недолгое «регентство» князя В. В. Шуйского	230
3. Князь И. В. Шуйский, «наместник московский»	244
4. Возвышение князя И. Ф. Бельского	259
5. Январский переворот 1542 г.	275
6. Вспышка насилия при дворе в конце 1543 г.	288
Глава 6. Последние годы «боярского правления»	301
1. Иван IV «строит свое царство»? Опалы и казни 1544—1546 гг.	301
2. События 1547 г. и вопрос о времени окончания «боярского правления»	326
3. Консолидация придворной элиты и «собор примирения» февраля 1549 г.	346
 Часть II. Механизм принятия решений и управление страной «при боярах»	
Глава 7. Будни власти: «Боярское правление» в зеркале канцелярских документов .	359
1. Жалованные и указные грамоты как источник по истории центрального управления 30—40-х гг. XVI в. (историографические заметки)	359
2. Общая производительность московских канцелярий	364
3. Механизм принятия решений: канцелярские пометы на грамотах	376
4. Путная печать Ивана IV	401
Глава 8. Функции государя и его советников в управлении страной	407
1. Прерогативы монарха	407
2. Делегирование судебно-административных функций государя его советникам	412
3. Государева Дума и появление формулы «приговор всех бояр»	428
Глава 9. Нарождающаяся бюрократия: дворецкие, казначеи, дяки	440
1. Дворцовое ведомство	440
2. Казна и казначеи	473
3. Дяки и подьячие	491
Глава 10. К вопросу о социальной политике центральных властей в 30—40-е гг. XVI в.	510
1. Правительство и монастырское землевладение	510
2. Поместная политика властей	538
3. Центральная власть и посадское население	554

Глава 11. Традиции и новации в административной практике 1530—1540-х гг.	564
1. Монетная реформа	564
2. Губная реформа	569
3. Судебник 1550 г. и судебно-административная практика 30—40-х гг. XVI в.	596

Российская монархия в зеркале кризиса 30—40-х гг. XVI в.

(вместо заключения)

Сложился ли в средневековой России институт регентства	603
Будни власти, или к вопросу о специфике средневековых преобразований	616

Приложения

I. Каталог жалованных и указных грамот 1534—1548 гг.	626
II. Подтверждения иммунитетных грамот в 1534—1547 гг.	750
III. Юрисдикция дворцовых чинов по несудимым грамотам	792
IV. Дьяки и подьячие 1534—1548 гг.	814
Источники и литература	855
Именной указатель	868

Михаил Маркович Кром
«ВДОВСТВУЮЩЕЕ ЦАРСТВО»

Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века

Редактор *И. Жданова*
Художник *Д. Черногаев*
Корректор *Л. Морозова*
Верстка *С. Пчелинцев*

В оформлении переплета использован фрагмент миниатюры Лицевого свода XVI в.: Князь Андрей Старицкий «припрашивает» городов к своей вотчине у великого князя Ивана и его матери Елены, январь 1534 г. (Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI века в 10 книгах. Кн. 9. Синодальный том. М., 2006. С. 43).

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО Редакция журнала
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
Тел.: (495) 976-47-88
факс: (495) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 55,5. Тираж 1000. Заказ № 2403
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

HISTORIA ROSSICA

“ВДОВСТВУЮЩЕЕ ЦАРСТВО”:

Политический кризис
в России 30–40-х годов XVI века

Что происходит со страной, когда во главе государства оказывается трехлетний ребенок? Таков исходный вопрос, с которого начинается данное исследование. Книга задумана как своего рода эксперимент: изучая перипетии политического кризиса, который пережила Россия в годы малолетства Ивана Грозного, автор стремился понять, как была устроена русская монархия XVI века, какая роль была отведена в ней самому государю, а какая — его советникам: боярам, дворецким, казначеям, дьякам. На переднем плане повествования — вспышки придворной борьбы, столкновения честолюбивых аристократов, дворцовые перевороты, опалы, казни и мятежи; но за этим событийным рядом проступают контуры долговременных структур, вырисовывается архаичная природа российской верховной власти (особенно в сравнении с европейскими королевствами начала Нового времени) и вместе с тем — растущая роль нарождающейся бюрократии в делах повседневного управления.

ISBN 978-5-86793-782-9

9 785867 937829